etanforb university Libraries

AUG 1 5 1994

годъ первый.

Наука и Жизнь,

иллюстрированный журналъ

НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

подъ редакшей

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

Томъ II.

(Май—Августъ)

1904 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Ф. Вайськега и П. Гершунина, Ккатерининскій кан., № 71—6. 1904.

Digitized by Google

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 24 Августа 1904 года.

Содержаніе II тома.

(Май—Августъ).

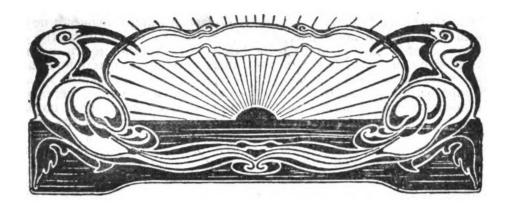
отд. 1. научно-популярный.	crp.
Вудущее человъчества. Вильгельма Бельше	
Старыя и новыя школы живописи. Д. Пахомова	125
Страна Восходящаго Солнца. Очерки Японіи. Д-ра Лаутерера 161, 477, 857,	1313
Современная критика дарвинизма. Проф. біологіи θ . Г. Моргана	239
Съ какого времени слъдуетъ начинать воспитаніе ребенка. Проф. В. С. Груздева.	273
Біологическіе законы развитія культуры. Людвига Вольтмана	673
О ново-открытыхъ N-лучахъ и ихъ выдъленіи изътъла человъка. Вл. Тюрина.	511
Крахъ пъгаго полубога. П. Пильскаго	527
Происхождение современной Россіи. Пванъ Грозный. Истор. очеркъ К. Вали- шевскаго	1359
Литераторъ и обыватель (изъ записной книжки провинціала). Смарагда Гор-	735
Изъ общественной жизни. С. Илевако. І. Законодательство о крестьянахъ. II. Народъ и право	1329
Наканунъ исхода. (По поводу Сборника разсказовъ С. Юшкевича). И. Гоф- штеттера	875
А. П. Чеховъ и его послъднее произведение. И. Пильскаго	941
Йаъ современной жизни. Писатели и читатели. П. П	
Газеты о Чеховъ	
Задачи нашей интеплигенціи. (Современная мораль). Б. В. Добрышина	
Пъвецъ сумеречныхъ дней. (Памяти А. П. Чехова). Николая Васильева	1417
Астрономическія явленія въ іюнъ, іюлъ и августъ. Н. Двигубскаго	1073
Отд. II. Очерки, разсказы, повъсти и пр.	
Младотурки. (По поводу современнаго положенія Турціи). Б. Шперна	91
На полъ брани. Истор. повъсть Г. Сенкевича	791
Болеславъ Храбрый. Истор. повъсть. Л. Стасяка	
Кошмаръ. Этюдъ. Николая Васильева	185
Хименесъ. Истор. романъ. Ж. Бертерой	819
У парома. Разсказъ. Г. Сурина	24 9
Повадка въ имъніе Сенкевича Обленгорекъ. Н. Ефимова	261
Весь въ папу. (Будничная картинка). Очеркъ Владиміра Сысоева	391
Поцълуй сказки. М. Олениной	3 99
Tonne onone Paserast M Henerman	697

			CTP.
Пъсня. Изъ воспоминаній Е. Кривцова			725
Съ невъстами это бываетъ. Разсказъ М. Джіанелли.			777
Горе побъжденнымъ. Этюдъ Н. Васильева			1109
Этюды. К. Пшерва-Тетмайера			1121
Екатеринославскіе золотонскатели. Очеркъ Евгенія Дорошенко			1125
Старый Гейдельбергъ. Романъ Рудольфа Штраца.		• •	1141
Crupan I ongonoopi b. I onunb I goodopt Interpreta.		• •	
Отд. III. Стихотворенія.			
"Мессія". Стихотвореніе С. Поварнина		•	43
"Кто этотъ, сердцу тихо говорящій" Стихотвореніе			90
"Осенью". Стихотвореніе С. Поварнина			121
"Вскипъло вновь море грозою" Стихотвореніе А. Мартынова			183
			236
"Война". Стихотвореніе К. Калачева	٠.		
"Мысли". Стихотворенів С. Өедоренко			389
"Близкая осень". Стихотвореніе С. Өедоренко			407
"Мой путь". Стихотвореніе C . Θ едоренко			475
"Плачъ ночи". О. Сытгиной			723
"Вступая въ жизнь, съ душою, полной упованій" Стих. $H.\ Bacu.uesa$.			855
"Послъдняя майская ночь". Стихотвореніе Мечтателя			900
"Памяти Чехова". Стихотвореніе С. Өедоренко			939
"Я жить хочу". Стихотвореніе E , $\Phi y c c z$			1120
"Слезы". Стихотвореніе Мечтателя.			1139
"На войнъ". Стихотвореніе И. Мордвинова			1211
"Искры" стихотвореніе Мечтателя			1283
"Дружба". Стихотвореніе С. Поварнина			1316
° Отд. IV.			
11		1067	1945
Новости науки	11,	1007,	1347
Отд. У.			
Критика и библіографія	35,	1050,	1360
Oтд. VI.			
Вопросы и отвъты	317,	667,	1381
Oтд. VII.			
Обзоръ журналовъ			617

Объявленія.

Три ватьс: рость Час вогда поте: по

Будущее человъчества.

Вильгельма Бёльше.

Три звъзды. Этимъ должна начинаться и кончаться всякая наша мудрость.

Часто тихимъ вечеромъ, въ горахъ, когда мой взоръ отыскиваетъ на потемнъвшемъ небосводъ млечный путь, и вдругъ, изъ сумеречно-серебрянаго сіянія заискрятся въ созвъздіи Орла съ яркимъ Атаиромъ эти три, тъсно расположенныя въ рядъ звъздочки, такъ похожія на наше многоточіе, —мнъ онъ кажутся тогда символомъ нашего существованія. Невидимыя нити связываютъ насъ. А онъ стоятъ незамътно надъ каждымъ человъческимъ лбомъ, за которымъ идетъ работа сознанія, —эти три звъздочки ***.

что это?

Всюду отрывочность; — позади насъ пестрая картина исторіи, первобытный міръ, вихрь первобытной туманности, а тамъ, въ синей глубинъ одиноко эти три звъзды; какъ будто клубы бълаго тумана черезъ горную расщелину низвергаются въ невъдомую долину и въ просвъть облаковъ эти три звъзды ***.

Есть, правда, и другой, лучшій

способъ толкованія. Три звѣздочки это математическій символъ развитія.

Когда я погружаюсь взоромъ въ млечный путь, и въ умъ возникаетъ представление о безконечномъ пространствъ, отдъляющемъ эти свътила, огромномъ пространствъ, черезъ которое свътъ ползетъ еле еле. какъ улитка, которой нужны годы, чтобы пересъчь лугъ, я говорю себъ: въдь вся эта лента свътилъ, и солнце, и земля, и человъчество, и я самъ вмъстъ съ нимъ, -- все это тихо течетъ въ пространствъ въ безымянныя долины, какъ неумолчный потокъ. Когда въ этой священной тишинъ ночи мнъ начинаетъ казаться, что отъ этихъ тысячъ и тысячъ звъздъ исходитъ неустанное журчаніе, журчанье свътового потока, катящаго міры, какъ ручей катитъ по дну мелкіе камешки, — у меня возникаетъ мысль: мы-это маленькія волны въ океанъ движенія.

Если бы мнѣ нужно было однимъ словомъ выразить сущность того, что проникаетъ и наполняетъ жизнъю наше міросозерцаніе, наше воззрѣніе на человѣчество и человѣка—то это слово было бы—движеніе. Простой

Digitized by Google

опытъ Коперника, заставившій двигаться подъ нами нашу землю, долженъ считаться днемъ зарожденія такого міро-пониманія. Дарвинъ потому и оказалъ такое вліяніе на все міросозерцаніе нашего времени, что показалъ намъ человъка въ развитіи, въ цъпи другихъ животныхъ существъ.

И если въ такую ночь, глядя въ бездонную синеву, гдѣ шевелятся милліоны сіяющихъ точекъ, мы спросимъ себя: что станется съ человѣчествомъ, то первая, самая твердая и вѣрная мысль будетъ: оно проходитъ, оно протекаетъ, какъ потокъ. Да, и это стало основой всякаго современнаго взгляда на вещи: покоя не существуетъ.

И изъ нѣдръ человѣчества, пріютившагося на этой маленькой планетѣ, затерянной среди звѣздъ, до чуткаго уха доносится то-же тихое журчанье, журчанье ручья черезъ величивую тишину ночи вѣчности. А въ серебряныхъ волнахъ этого ручья дрожатъ, на минуту остановившись въ этомъ потокѣ волнъ, наши три звѣзды ***.

*

Докторъ Фаустъ, человъкъ (такъ слъдуетъ начинаться современной сказкъ) сидълъ въ своей лабораторіи и думалъ. Онъ думалъ цълую ночь напролетъ, ночь долгую, какъ въка. И онъ дъйствительно продумалъ міръ до самыхъ его сокровенныхъ основъ. Что же случилось? Произошло то, чего самая смълая фантазія поэта не могла ожидать отъ своихъ титановъ, Прометеевъ и Агасферовъ. Вмъсто того, чтобы этого дерзкаго мыслителя унесъ чортъ, старые троны боговъ заколебались надъ нимъ и обрушились, растаявъ подъ невъроятнымъ зноемъ мысли.

Въ это мгновеніе потухли всъ огни, исчезли всъ милые образы, улыбавшіеся до сихъ поръ со стънъ. "Въ развалинахъ жалкихъ лежитъ "Прекрасное зданье..."

Ледяной вътеръ пронесся по комнатъ. Черезъ широко открытыя окна смотритъ черный мракъ ночи. И лишь тамъ, вдали, далеко въ вышинъ искрятся три серебряныя точки и показываютъ, что тамъ несется потокъ, въчный, неустанный потокъ.

Но когда Фаустъ пришелъ въ себя, онъ замътилъ у себя въ рукахъ новый, незнакомый ему до сихъ поръ предметъ: это были часы, и часы, которые впервые шли правильно.

Впервые открылъ Фаустъ, что можетъ теперь нъчто подвергнуть счету.

Этотъ опустошенный міръ, выгоръвшій, казалось, до оголенныхъ пней-эта природа имъла нъчто новое въ себъ, а именно: надежность. Если вотъ эти колесики правильно установлены, то стрълка каждый разъ, точно черезъ опредъленные промежутки времени возратится на свое мъсто. И эту постоянную связь между равными причинами и равными дъйствіями не могла поколебать вся невъроятная мощь сотенъ тысячъ билліоновъ свѣтилъ. Огромный міръ, вся вселенная не могла нарушить логики этого маленькаго тикающаго предмета.

Но пока стрълка часовъ передвигалась здъсь по циферблату, звъзда на верху тоже подвинулась на опредъленное разстояніе со своего мъста. И при равныхъ условіяхъ такъ должно совершаться въчно. И Фаустъ поставилъ въ связь это передвижение стрълки своихъ часовъ съ движеніемъ свѣтилъ, которыя двигались теперь въ пространствъ болъе надежно, чъмъ когда либо прежде, когда ихъ направляла рука божества. Онъ исчислилъ пути планетъ, кометъ и двойныхъ звъздъ. Онъ указалъ имъ мъсто на небесной тверди, на которомъ онъ будутъ находиться черезъ тысячелътія послъ насъ, когда прахъ тысячъ человъческихъ поколъній будетъ покоиться въчнымъ сномъ въ могилахъ. Онъ видълъ, какъ измънялась полярная звъзда вмъстъ съ перемъщеніемъ

земной оси, онъ видълъ какъ запылала на небесномъ полюсъ Вега и закатилась снова черезъ тысячелътній періодъ.

Стрълка небеснаго указателя двидальше, какъ маленькая стрълка земныхъ секундныхъ часовъ. Однако, не безпорядочное движение существуетъ въ міръ. Въ этомъ движеніи скрытъ таинственный законъ, который даетъ возможность учесть его. Въ мірѣ оказался великій законъ. Въ шумъ однообразнаго журчанья потока, доносившемся черезъ пространство ночи, чуткое ухо разслышало раздъльные звуки черезъ равные промежутки времени; это біеніе часовъ природы, тонкій ритмъ міровой законом врности.

И когда Фаустъ—человъкъ теперь поставилъ себъ вопросъ: что будетъ съ человъчествомъ?-то онъ увидълъ, что оно не только лишь "потокомъ пронесется", по словамъ поэта, въ потокъ поступательнаго движенія. Нътъ, теперь ему послышалось изъ нъдръ человъчества то же таинственное біеніе, тотъ-же ритмъ періодичности. Мы видъли лишь пять секундъ бытія человъчества. Но развъ путь человъчества не можетъ быть вычисленъ, какъ путь той планеты, которая возникла однажды и снова потонула въ ночи вселенной, оставивъ однако слъдъ на нашемъ счисленіи и продолжая двигаться дальше, какъ стрълка нашихъ часовъ? Можно ли вычислить элементы человъческаго пути маленькому кусочку данной кривой?..

* *

Сто лѣтъ тому назадъ не стало Гердера. Гердеръ обладалъ яснымъ сознаніемъ того, что первые элементы человѣческаго пути заложены въ звѣздахъ, въ элементахъ небесныхъ орбитъ.

Въ грубой формъ эта мысль заключаетъ въ себъ нъчто тривіальное. Въ самомъ дълъ, человъчество обитаетъ на землъ; вмъстъ съ землею несется оно вокругъ солнца, и вся

его исторія расцвътаетъ въ этомъ неутомимомъ полетъ. Со времени третичнаго періода ихъ было, можетъ быть, съ полъ-милліона и будетъ совершаться это еще много милліоновъ разъ. Эти часы человъчества постукиваютъ періодически, отмъчая его путь въ будущее. Но что же еще?

Есть и еще нѣчто. Путь земли вокругъ солнца представляетъ эллиптически вытянутый, замкнутый кругъ, такъ учимъ мы въ школѣ. Такимъ образомъ первый элементъ, который возникаетъ здѣсь для опредѣленія пути человѣчества,—это кругъ: змѣя, кусающая собственный хвостъ. Съ этимъ образомъ связана огромная масса размышленій о судьбѣ человѣчества.

Всь явленія человъческой исторіи, согласно этому воззрѣнію, суть круговыя движенія. Смѣняются культуры, созданія искусства, этическій прогрессъ: они описываютъ круговой путь, доходять до высшаго своего пункта, падаютъ и возвращаются къ исходной точкъ. Истиннаго прогресса не существуетъ. Всякое развитіе есть лишь относительное движеніе впередъ, которое непремѣнно вернется къ своему исходному пункту. Это представленіе, распространенное на всъ явленія, наложило свой отпечатокъ на космологическія теоріи. Міръ возникаетъ, совершаетъ свой полный путь и снова разрушается. Отъ солнца, при его вращеніи, отрывались кольца; кольца становились планетами. Планеты, задерживаемыя въ своемъ движеніи тонкою средой въ концъ концовъ теряли свою первоначальную скорость и падали на солнце. Отъ страшнаго толчка солнце невъроятно нагръвалось, превращалось въ туманность, --- и вся игра начиналась снова. Выводомъ изъ этой теоріи круговорота стала для Ницше новая "философія въчнаго возвращенія". Такъ какъ мысль, что мы въчныя времена будемъ находиться въ этомъ круговоротъ явленій, и наша однородная судьба ни на волосъ не будетъ отличаться отъ прежней, такъ какъ эта мысль для насъ невъроятно отталкивающая, то здъсь пессимизмъ черпалъ свою силу.

Нъкоторымъ варіантомъ возэрвнія была матеріалистическая доктрина оттънка: все видимое есть индифферентная "матерія"; всякая форма, всякое явленіе, всякое событіе, весь видимый міръ со всѣмъ его пестрымъ разнообразіемъ красокъ, — все это только короткіе круговороты, короткія волны этой первоначальной матеріи, въ которую все снова погружается. Это представленіе изъ космологіи переносилось въ свою очередь на заключеніе о судьбахъ человъка и его исторіи. Все уже случалось прежде. Собственно, вообще развитія не существуетъ. Никакая этическая, эстетическая, техническая "форма" не можетъ надолго дъйствительно стать первоначальной "матеріи": послъ короткаго существованія она возвращается къ прежнему виду, потому что всякое движеніе есть круговое движеніе, и все безъ остатка возвращается снова къ своему исходному пункту.

Взглядъ на будущее съ точки зрънія этой теоріи столь же ясенъ, сколько неутъшителенъ. Человъчество въ конечномъ счетъ способно производить лишь одно и то же. Оно живетъ въ увъренности постояннаго прогресса, но стоитъ бросить взглядъ на движеніе человъчества въ теченіе нъсколькихъ тысячельтій, и мы увидимъ, что оно не шло безконечно впередъ, а двигалось все по той же кривой. Наши завоеванія науки и искусства воздвигнуты на которыя были прахъ прежнихъ, такъ же хороши, какъ и эти. Даже если земля никогда не упадетъ на солнце, а въчныя времена будетъ носиться вокругъ него, и солнце вслъдствіе какого либо процесса саморегулированія никогда не потухнетъ, тогда и эта убійственная скука сизифовой игры станетъ въч-

Послѣднее утѣшеніе отнимаетъ

теорія эквивалентовъ, которая тоже примыкаетъ къ идеѣ круговорота. Если что либо возвысилось, то должно существовать мъсто, гдъ будетъ соотвътственное понижение; если процвътаетъ искусство, то должны отставать наука и этика; если люди свободны, то они заурядны; если они, наоборотъ, возвышенны духомъ, то физически пребываютъ въ состояніи убожества; если имъ удалось уничтожить одинъ источникъ страданій, то, съ другой стороны, чувствительность къ страданію возросла на одинъ градусъ, и гдъ прежде мученіе причиняла пытка раскаленнымъ желъзомъ, тамъ теперь такія же мученія причиняетъ мозоль.

Всъ эти представленія, которыя на двъ трети составляютъ питательный матеріалъ всего современнаго скептицизма и пессимизма, поддерживая разочарованность тъхъ людей, у которыхъ вопросъ о будущемъ человъчества не вызываетъ ничего кромъ снисходительно презрительной улыбки, всъ они дъйствительно являются таневой стороной коперниковскаго міровоззр'внія. Существуетъ неподвижный центръ, всъ остальныя точки кружатся вокругъ него, не совершая въ дъйствительности никогда поступательнаго движеніе впередъ.

Изреченіе, что основные элементы пути человъчества заключаются въ пути земли, какъ оно ни кажется тривіальнымъ, могло, при неправильномъ примъненіи, привести и въ дъйствительности привело къ самымъ ошибочнымъ умозаключеніямъ, потому что примъненіе этой мысли было неправильно.

Дъло въ томъ, что земная орбита въ дъйствительности вовсе не есть замкнутый кругъ. Такъ какъ центръ земной орбиты—солнце само находится въ движеніи, то земля при своемъ движеніи вокругъ солнца никогда не проходитъ черезъ однъ и точки пространства. Если принять во вниманіе движеніе солнца, то земная орбита окажется въ дъй-

ствительности спиральной линіей. Во всей солнечной системъ не существуетъ ни одного движенія по замкнутому кругу, потому что всюду средній пунктъ каждаго такого кругового движенія самъ совершаетъ движение въ пространствъ, по меньшей мъръ вмъстъ со своимъ центральнымъ солнцемъ. Мы не знаемъ ничего о томъ, какой видъ имветъ само по себъ движение солнца въ пространствъ, которое съ точки зрънія земного наблюдателя представляется прямолинейнымъ движеніемъ по направленію къ одной изъ звъздъ созвъздія Геркулеса. Но аналогія говорить за то, что и здѣсь мы имѣемъ дъло съ линіей, приближающейся къ круговой, конечно, только приближающейся къ кругу, потому что, по аналогіи же, мы должны допустить, что, центръ этой высшей звъздной системы, въ которой наше солнце само является планетой, —движется въ пространствъ. Во всей системъ неподвижных звъздъ, всюду, куда только проникаетъ нашъ глазъ, царитъ непрерывное, своеобразное движеніе всъхъ солнцъ и между ними такихъ гигантовъ, передъ которыми наше солнце является лишь ничтожнымъ карликомъ. И такъ безъ конца. И всякое такое движеніе центральныхъ солнцъ высшихъ системъ все болъе удаляетъ движеніе нашей земли отъ круга, все болъе усложняетъ и закутываетъ эту спиральную линію.

Итакъ, если первый элементъ пути человъчества дъйствительно долженъ соотвътствовать пути земли, то оказывается, что это будетъ: въчное движеніе впередъ, движеніе, которое съ точки зрънія объективнаго наблюдателя является своеобразной, запутанной арабесками спиральной линіей, которую только ошибочно можно было принять за замкнутый кругъ.

Теперь очевидно: это звучить нѣ сколько иначе, чѣмъ то, что мы слышали прежде! Тамъ абсолютнымъ былъ кругъ, движеніе же впередъ

являлось оптическимъ обманомъ. Здѣсь же эта сложная незамкнутая линія является истинной, а представленіе о ней, какъ о замкнутомъ кругѣ, является результатомъ близорукой ошибки! Цѣлая пирамида аналогій, прямо противоположныхъ прежнимъ, возникаетъ при этомъ. Это уже само по себѣ есть нѣкоторое пріобрѣтеніе.

Прямая очевидность (если конечно считать аналогію Гердера удачною) говоритъ за то, что въ развитіи человъчества всъ кажущіеся есть въ дъйствительности спиральныя линіи въчно уходящаго впередъ пути; такимъ образомъ никогда культурное развитіе не можетъ упасть до точно того же уровня, на которомъ оно находилось когда-то; нътъ абсолютныхъ эквивалентовъ; никакая "форма" не возвращается цъликомъ въ материнское лоно, -и такъ далъе, все въ противоположность прежнимъ выводамъ, впередъ, въ будущее!

* *

Тихо свътится и величественно течетъ надо мною млечный путь. Онъ самъ похожъ на двъ спирали въ пространствъ, нъсколько перспективно сдвинутыя. Мнъ приходятъ на умъ безчисленныя туманныя пятна, основная форма которыхъ постоянно спираль. Можетъ быть, въ этомъ совпаденіи не простая случайность. Можетъ ли быть случайностью то, что проникаетъ всю міровую систему?

Но моя мысль отъ невъдомыхъ высей снова возвращается къ земной орбитъ. Какъ она мала! Только годъ—такой ничтожный промежутокъ времени! Тутъ вся планетная система вращается передо мной, какъ маленькая изящная игрушка со всъми своими большими, малыми и совсъмъ крошечными шарами и шариками, со своими планетами, планетоидами и лунами. На одной изъ такихъ планетъ, на землъ могла возникнуть жизнь. Она мог-

ла развиться изъ ничтожнаго бациллоподобнаго комочка матеріи до безконечнаго разнообразія формъ, изъ одноклъточнаго существа до гигантскаго клъточнаго общества; здъсь возникъ человъкъ, здъсь слочеловъчество со своимъ сложнымъ культурнымъ единствомъ. Для всего этого потребовались по меньшей мъръ тысячи милліоновъ лътъ. Тысячи милліоновъ разъ пришлось землъ объжать вокругъ солнца и за все это время не было ни одного случая, когда она испыталабы серьезное, угрожающее развившейся на ней жизни столкновеніе съ какимъ либо другимъ міровымъ тъломъ.

Для этого дъйствительно кажется необходимымъ необычайно точное механическое устройство. Всъ эти нъсколько сотенъ свътилъ системы должны были быть такъ расположены, чтобы въ теченіе милліарда лътъ не сталкивались другъ съ другомъ и не упали на солнце. И для метеоритной пыли и неръзвой ожиданно появляющихся пространство между этими нъсколькими сотнями твердыхъ шаровъ должно было такъ расчищено, чтобы не могло произойтиничего серьезнаго. Должно было существовать разобщеніе между всей системой и тъми далекими солнцами, которыя горятъ тамъ въ ночномъ небъ. Они должны лежать на опредъленномъ разстояніи, ближайшіе изъ этихъ солнцъ, отдъленные отъ нашей системы безграничнымъ пустымъ пространствомъ. И между этими солнцами и отдаленнъйшими туманностями должно существовать строгое равновъсіе, которое исключало-бы возможность мірового крушенія, иначе наше солнце сорвалось бы со своего пути и исчезло-бы, какъ оно все время спокойно совершаетъ свой путь, не сталкиваясь ни съ одною изъ неподвижныхъ звъздъ. Только этимъ взаимнымъ равновъсіемъ при движеніи обезпечивается земль безпрепятственный путь на такое колоссальное протяжение времени.

Не буть полной безопасности для планеты на такое протяжение времени, на ней не могла такъ пышно распуститься жизнь, не было бы человъка, не было бы культуры.

И новый элементъ, уподобляющій путь человъчества пути земли, возникаетъ передъ моимъ взоромъ.

Это-элементъ гармоніи.

Тѣмъ, что земля обернулась вокругъ солнца не одинъ только, а тысячи милліоновъ разъ, такъ долго, что на ней могло возникнуть человъчество, — земля обязана тому элементу гармоніи, который проникаетъ и ее, и солнечную систему, и всъ доступные намъ небесные міры. Земля несетъ на своемъ хребтъ человъчество. движется вокругъ солнца и несется по спиральной линіи въ пространствѣ; она движется въ царствъ гармоніи, которая, какъ крылья могучаго добраго ангела, охраняла ее въ теченіе милліардовъ лътъ и бережно донесла до нашего времени.

* *

Какою огромною силою въетъ отъ этой картины! Мы живемъ въ міръ гармоніи. Только благодаря ей стало возможнымъ самое наше существованіе. Можетъ ли путь человъчества быть чемъ либо инымъ, какъ не прекрасно устроеннымъ гармоническимъ развитіемъ? Журчаніе ручья превратилось въ тиканіе часовъ, а послъднее стало мелодіей: — путь человъчества это хороводъ въ огромномъ хороводъ свътилъ, мелодія же на этой маленькой нъжной землъ это слабый, нъжный и живой отвеличественной сферъ, которая звучитъ намъ изъ отдаленнъйшихъ міровъ...

И эти представленія легли въ основу цълаго міросозерцанія. Человъчество покоится въ объятіяхъ матери природы. Звъзды охраняютъ его счастье. Какое изящное художественное произведеніе—исторія че-

ловъчества! Конечно, въ будущемъ его ожидаетъ такое же блестящее существованіе. Гармонія усиливается и охватываетъ все.

Да, все это такъ,—но тутъ, изъ нѣдръ человѣчества, наперекоръ всѣмъ гармоніямъ, раздается крикъ, потрясающій вопль Прометея, прикованнаго къ скалѣ, вопль, отъ котораго улыбка застывала на губахъ олимпійцевъ.

Нътъ, такою дешевою цъною человъчеству не отдълаться. Для такой картины непрерывныхъ пъснопъній нашъ міръ слишкомъ тяжелъ, слишкомъ грязенъ, слишкомъ низокъ и въ тоже время слишкомъ высокъ.

Я вижу передъ собою этого сына человѣческое человъческаго, это дитя, "человъчество", вижу, какъ оно пробуждается изъ своего бездонно глубокаго животнаго сна. пробуждается къ сознанію и впервые начинаетъ мыслить. Я вижу его безпредъльномъ одиночествъ, заброшеннымъ на этой планетъ, на которой воды бушуютъ въ бездонныхъ пропастяхъ, гдъ трясется земля, а надъ землею "мчатся цъпью вихри", вижу его въ этой страшной необезпеченности его жизни.

Всюду угрожающіе удары и столкновенія. Въчно вы сидите въ поъздъ жельзной дороги и съ минуты на минуту ожидаете столкновенія, схода съ рельсовъ, крушенія, съ переломами и кровью. Напрасны всъ вопросы, всъ мольбы.

Путь человъчества — это дисгармонія, разладъ, столкновенія, не только такія, при которыхъ можно любоваться появленіемъ новой сіяющей звъзды, какъ это бываетъ при столкновеніи двухъ міровыхъ тълъ. Эта дисгармонія лежитъ какъ разъ въ міръ субъективнаго, въ области личныхъ чувствъ; разрывъ нерва вызываетъ цълую бурю боли и страданія. Въ этотъ міръ непрерывныхъ ударовъ и толчковъ брошена нъжная съть тончайшихъ нервовъ; этотъ чувствительнъйшій аппаратъ,

растянутый подобно паутинъ всюду, гдъ есть люди, конечно продыравленъ и разорванъ въ разныхъ мѣстахъ жизненною грозою. Видъли ли вы когда-нибудь человѣка, котораго переъхалъ поъздъ? Жалкій кусокъ нъжнъйшихъ тканей; клунервовъ, который прежде былъ источникомъ силы, достаточной, чтобы сломать подкову. А теперь? Отъ ничтожнаго толчка онъ разбитъ, и воя, и дрожа каждымъ извивается въ волокномъ. предсмертной агоніи. Загляни теперь въ философію этого въчно раздавленнаго колесомъ судьбы; не въ ту философію. которая звучитъ рѣчахъ застольнаго оратора съ полнымъ бокаломъ въ поднятой рукъ, нътъ, а въ ту глубокую, истинную, народную философію, изъ которой слышится голосъ страданія, Эта философія не нуждается въ хитроумныхъ соображеніяхъ, это простой, незамысловатый выводъ житейскаго опыта: земля—юдоль скорби; лучше было бы никогда не родиться; кого боги дарятъ своими милостями, того они хотятъ въ конецъ испортить; всякому свой чередъ; все суета и такъ или иначе ты станешь концъ концовъ достояніемъ ночи, духа зла—Аримана. Если Богъ и провозгласилъ въчное милосердіе, за то человъкъ придумалъ тысячи злыхъ духовъ. О богъ онъ грезитъ, какъ о далекой свътлой звъздъ.

Да, такъ легко намъ не дается жизнь. Фаустъ вь тв ночные часы холоднаго одинокого раздумья не слышалъ, чтобы часы выстукивали, мелодію: "Какъ безгранична благость Всемогущаго... "Они стучали ровно и просто, закономърно. И онъ думалъ о безымянномъ страданіи земли, скрытомъ покровомъ ночи. Закономърность, ритмъ совъ-но къ чему все это! И тутъ облачный покровъ разрывается, и звъзды свътятся съ вышины, а въ небесахъ звучитъ ритмъ міровыхъ часовъ и въетъ гармоніей. Какъ примирить это?

Здѣсь является совершенно простая мысль. Впервые она была ясно формулирована Дарвиномъ.

Если продолжительно, непрерывно трясти вмъстъ какіе либо предметы, то сначала они испытываютъ безчисленное количество ударовъ и столкновеній. Но, наконецъ, послъ нъкотораго времени толчки становятся менъе значительны, и наступаетъ нъкоторый порядокъ. Безъ внъшняго вмъшательства какой-либо мистической силы возникаетъ извъстная гармонія, исключительно на основъ весьма простого закона, приводящаго въ систему безпорядочные толчки.

Среди тысячи возможностей, положеній, движеній, смъшеній существуетъ одно самое простое, наиболъе способное къ сопротивленію, наиболъе гармоническое состояніе. Разъ такое состояніе возникло, оно имъетъ перевъсъ надъ всъми остальпреимущество въ устойчивости. И въ то время, какъ такія состоянія постепенно накопляются, наступаетъ "естественный отборъ" наиболъе "приспособленныхъ" другъ къ другу; тогда въ цълой системъ тълъ наступаетъ наивозможнъйшее приближение къ гармоническому состоянію.

Такъ происходитъ всюду, начиная отъ корзины съ картофелемъ вплоть до планетной системы или системы неподвижныхъ звъздъ, которая, наконецъ, пришла въ настолько устойчивое гармоническое движеніе, что равновъсіе въ ней сохраняется въ теченіе милліардовъ лътъ безъ столкновеній внутри системы; равновъсіе сохраняется все время, пока не измънятся внъшнія условія.

Можно совершенно справедливо сказать: въ логикъ этого отбора, въ той логикъ, по которой гармоническое сохраняется, а дисгармоническое также послъдовательно исчезаетъ, въ этомъ положеніи вещей коренится міровая тенденція къ гармоніи. Міровые часы закономърно отбиваютъ тактъ и со всею

неумолимостью законом фрности отм ф чаютъ ростъ м іровой гармоніи. Однако, зд ф сь есть еще и другая сторона.

Эта гармонія, возникающая пуестественнаго отбора, всегда лишь мало по малу наступающее состояніе. Оно становится возможнымъ лишь послъ и именно вслъдствіе болье или менье продолжительнаго періода крайнихъ дисгармоническихъ состояній. Оно возникаетъ изъ дисгармоніи и предполагаетъ длинное, въ зависимости отъ условій, переходное время приближенія къ гармоніи. Однимъ словомъ, послъдняя является весьма сложнымъ продуктомъ развитія. Этой урегулированной прекрасно планетной системъ должно было предшествовать невъроятно долгое время страшной борьбы. Масса отдъльныхъ особенностей нашей системы свидътельствуетъ объ этомъ времени. Лишь послъ этой борьбы, этихъ пробъ, неустойчивыхъ распредъленій массъ и всъхъ возможныхъ системъ движеній, — только послъ всего этого наступилъ тотъ періодъ устойчивой гармоніи, который, какъ упоминалось, тянется милліарды лѣтъ.

Такимъ образомъ гармонія не есть даръ божества, который изначала исключалъ бы всякую дисгармонію. Міръ гармоній могъ наступить лишь послѣ періода страшныхъ столкновеній или, говоря съточки зрѣнія чувствующаго субъекта, счастье всегда есть результатъ и вѣнецъ борьбы и страданій.

Но далъе. Если принять гармоническое состояние за результатъ развитія, то остаются еще условія, открываются новыя перспективы въ будущемъ, когда мы должны будемъ считаться съ новою возможностью страданій. Во всякомъ случаъ само по себъ высшее гармоническое состояніе (примъромъ котораго мы брали солнечную систему) не можетъ измъниться и разру-

шиться, потому что такая система представляетъ сама максимумъ **УСТОЙЧИВОСТИ.** Ho гармоническая система, вслъдствіе простого теченія вещей, можетъ натолкнуться на чуждую ей силу, которая окажется могущественнъе ея. Эта сила, означая измъненіе основныхъ условій, можетъ поколебать, разрушить гармонію, привести ее снова въ дисгармоническое состояніе. Тогда, конечно, прежній процессъ приспособленія начнется снова. Части разбитой, разрушенной гармоніи войдутъ въ новую систему, станутъ къ ней въ опредъленныя гармоническія отношенія, онъ приспособятся къ новымъ условіямъ, при чемъ опять возможны различные случаи.

Поглотившая гармоническую систему могущественная сила сама можетъ находиться на стадіи хаотической борьбы; тогда меньшая система (гармоническая) падаетъ до этой ступени первобытнаго хаоса, а изъ всей массы черезъ ръшето отбора начнетъ возрастать мало по малу гармоническое состояніе. Но съ другой стороны можетъ случиться, что большая, уже гармоническая система поглотитъ меньшую и быстро спаяетъ ее со своими частями; при этомъ, разумъется, въ объихъ системахъ наступятъ нъкоторые дисгармоническія состоянія переходнаго времени, но гармоническій результатъ наступитъ значительно быстръе, чъмъ въ первомъ случаъ. Оба явленія отличаются существенно лишь временемъ, которое необходимо, чтобы всякій хаосъ въ концъ концовъ превратился въ порядокъ, въ космосъ, въ гармонію.

Получается такой чрезвычайной важности выводъ: во всякомъ случаю конечнымъ результатомъ будетъ прогрессъ, высшее развитіе въ болье сильную, устойчивую гармонію. Предъломъ является истинное "развитіе". Гармонія можетъ быть "поглощена" только высшей гармоніей, но не слабъйшей, потому что даже

если гармонія поглощена хаосомъ, послѣдній обладаетъ большей массой, а большая масса въ конечномъ результать означаетъ и высшую гармонію. Никогда высшая гармонія не можетъ уступить слабѣйшей: она образуетъ по отношенію къ ней центръ поглощенія. всасыванія, какъ обладающая большей массой. Возьмемъ для примѣра солнечную систему. Она послѣ безконечной борьбы установилась какъ шедевръ гармоніи.

Но она мчится въ пространствъ въ теченіе въковъ и, наконецъ, наталкивается на большую систему.

Наступаетъ кризисъ, эпоха безпорядка, когда планеты переживаютъ ужасное время, пока, наконецъ, меньшая система не войдетъ гармонически въ большую и "приспособится" къ ней. Теперь опять возникло новое цълое, какъ большая, болъе устойчивая гармонія: системы пережили *развитіе*. Или маленькая солнечная система повстръчается на своемъ пути съ огромнымъ хаосомъ борьбы, большей массы, скажемъ, съ туманностью. Или же хаосъ можетъ возникнуть отъ столкновенія двухъ солнцъ, причемъ всѣ планеты упадутъ на нихъ и превратятся отъ развившагося при толчкъ огромнаго количества тепла въ газы и пары. Но часы закономърности стучатъ не переставая, --и черезъ билліоны лътъ изъ этого хаоса возникаетъ стройная солнечная система, большихъ размъровъ и болъе устойчивая, чъмъ прежняя.

Въ этой необходимости развитія лежитъ по истинъ нъчто не преодолимое, если не принимать во вниманіе времени. Гармонія завоевываетъ міръ. Линія движенія вселенной есть неизмънно возростающая линія гармоніи.

Но также неизбъжны петли и другой съти: новыя дисгармоническія состоянія сопровождаютъ каждый переходъ отъ одной ступени гармоніи къ другой, высшей. Если

вообще всякая гармонія возникаєть только изъ вихрей дисгармоніи, то и переходъ отъ низшей къ высшей гармоніи также всегда происходитъ черезъ промежуточныя дисгармоніи; даже время отъ времени между этими двумя ступенями можетъ являться стадія полнаго первобытнаго хаоса.

* *

Единственный путь при такомъ ходъ мыслей представляется мнъ возможнымъ, чтобы выйти изъ противоръчія между существующимъ великолъпіемъ міровой гармоніи и въ то же время страшной остротой нашихъ страданій.

Гдъ много страданія, тамъ многое зачинается, многое развивается. Мы можемъ высоко цънить или умалять судьбу человъка на землъ,можемъ смотръть на скептически или съ радостными надеждами, но не можемъ допустить, чтобы человъчество только теперь начинало свой путь, открывало новое поле бытія. Стоитъ вспомнить только о той огромной работъ, которая была произведена между обработкой перваго грубаго огнива третичной эпохи и твореніями Гёте, и мы почувствуемъ, капо истинъ бъщенымъ темпомъ шло развитіе человъческой За это время строеніе культуры. человъческаго измънилось тъла лишь въ ничтожныхъ размърахъ. животныхъ растеній И остались почти всъ тъ же. За это время въ солнечной системъ не произошло BO всякомъ случаъ крупныхъ измъненій, какъ будто вся природа застыла въ изумленіи передъ культурнымъ человѣкомъ: онъ одинъ стремится впередъ въ неистовомъ бъгъ. И это-боль его движенія, страданіе, которое онъ испытываетъ!

Когда взоръ погружается въ тихую звъздную гармонію, тогда кажется, что ея первобытная исторія, эпоха ея образованія отдълена

отъ насъ непостижимо большимъ періодомъ времени. Въ звѣздной системѣ все устроилось, пришло къ такому устойчивому состоянію, которое существуетъ билліоны лѣтъ. Бури и борьба давно промчались. Мы видимъ теперь только конечный продуктъ. Въ этомъ продуктъ, въ этой высшей космической гармоніи теперь, въ силу болѣе узкой дифференцировки, очистилось мѣсто для новыхъ образованій, новыхъ твореній, новой борьбы и побѣды, новаго развитія.

Такъ, старое дерево, пережившее тысячельтіе, стало теперь полемъ новой сложной жизни; подъ охраною и въ тъни его могучихъ вътвей птицы настроили свои гнъзда, стволъ обвили ползучія растенія, всюду копошатся живыя существа, а подъ его зеленой кровлей творятъ и любятъ люди.

Такую же новую ступень въ развитіи природы представляетъ возникшая на планетъ жизнь. Подъ покровомъ звъзднаго неба, какъ въ тъни дерева, она совершаетъ весь свой путь отъ хаотической живой матеріи до первыхъ гармоническихъ существъ. Растенія и животныя это и есть такія живыя гармоническія системы. Воспроизведение и размноженіе есть тоже стремленіе устойчивости на основъ нъкотораго рода періодическаго кругового движенія жизни, движенія индивидуумовъ около центральнаго пункта, около устойчиваго рода. Вся чудесная игра "приспособленій" растеній и животныхъ, которыя изу-Дарвинъ и назвалъ этимъ именемъ, лежитъ на пути къ гармоническому устройству развивающейся, организующейся жизни. Наше собственное человъческое тъло есть прекрасная гармоническая система. Наше сердце бьется неустанно той же дивной мелодіей, которая царитъ въ звъздной системъ, только созкороткое давшейся ВЪ болъе время.

Все это достигнуто огромной

борьбой и все еще способно къ дальнъйшему развитію, хотя въ цъломъ жизнь является уже отвоеванной, твердой основой, гармонической почвой новаго развитія.

Но теперь подъ защитой этой живой оболочки загорается бурный огонь человъческой духовной жизни, огромный хаотическій водоворотъ новыхъ явленій, непрерывная цъпь нагромождающихся эволюцій. — и все это включено въ обширную, старъйшую гармонію міровой системы, земли, животнаго міра и собственнаго человъческаго тъла. Эти болъе старыя гармоніи, являясь основными условіями духовнаго бытія человъка, часто кажутся ему окоченъвшими досадными, препятствіями его развитія. Человъку часто хотълось бы унестись прочь отъ земли, разлучиться со своимъ тъломъ, освободиться отъ всего этого наслъдства своего животнаго существованія. Онъ рвется вдаль и пытается умчать все съ собой, сдълать свои желанія закономъ явленій. Но тутъ, наталкиваясь неодолимыя препятствія, онъ начинаетъ чувствовать "необезпеченность" жизни. Смерть, болъзнь, внезапныя столкновенія съ существующими, непоколебимыми, старъйшими гармоническими системами естественныхъ силъ, -- все это кажется грубымъ нарушеніемъ правъ. Отсюда и возникаютъ ужасстраданія его внутренняго процесса развитія. Высокая ствительность къ боли сама по себъ стала средствомъ для развитія, она выработалась какъ необыкновенно чувствительный приборъ, необыкнотонко регистрирующій всъ венно дисгармоническія вторженія въ гармоническую систему, и при этомъ приборъ, который производитъ отборъ и приспособляетъ все къ этой системъ. Весь человѣкъ — это тріумфъ непрерывнаго гармоническаго приспособленія тончайшихъ, дифференцированныхъ и глубокихъ процессовъ его бытія. Но за этотъ

даръ онъ долженъ заплатить дорогою цѣной. Онъ чувствуетъ всѣ толчки и разрывы, всю эту тонкую работу приспособленія дисгармоній, но за то чувствуетъ это съ мучительной болью, которая по временамъ вырываетъ у него отчаянный вопль страданія, крикъ Прометея среди этого олимпійскаго міра созвѣздій, среди святой небесной гармоніи, гдѣ "тихо плаваютъ въ туманѣ хоры стройные свѣтилъ".

Тотъ, кто склоненъ видъть всюду во вселенной одухотворенную жизнь, кто въ паденіи камня и движеніи звъзды хочетъ видъть какой то душевный процессъ, тотъ можетъ сказать: цъною этихъ ужасныхъ страданій человъкъ выкупаетъ свою сознательность, онъ платитъ за то, что онъ помъщается въ томъ полъ вселенной, гдъ кипитъ борьба, жизнь, развитіе. Каждому его успъху, всякой долъ завоеванной гармоніи долженъ соотвътствовать лъе или менъе продолжительный періодъ духовнаго покоя. Всъ явленія, протекающія безъ боли, совершаются автоматически. Тутъ новаго приспособленія уже не происходитъ. Состояніе полнаго благополучія привело бы мало по малу къ покою сознанія, покою воли и, наконецъ, ничъмъ бы не стало отличаться отъ глубокаго, безъ сновидъній, Можно думать, что наша звъздная система духовно находится въ такомъ состояніи. Это состояніе духовнаго сна можно видъть всюду на землъ, гдъ явленія протекаютъ автоматически: въ инстинктахъ животныхъ, въ жизненныхъ процессахъ, совершающихся автоматически, въ развитіи зародыша въ тълъ матери и такъ далъе. Мы знаемъ, что и наша собственная интенсивная душевная жизнь прерывается періодически сномъ. Въ отличіе всего другого, наша душевная жизнь это единственное мъсто въ природъ, гдъ бодрствуетъ сознаніе. И это сознаніе свидътельствуетъ, что здъсь

идетъ развитіе, борьба за новыя гармоніи. Этотъ ходъ мыслей намъченъ здъсь вскользь, чтобы показать, какое широкое поле построеній открывается здъсь, при такомъ пониманіи человъческаго бытія.

Что во всякомъ случав остается установленнымъ, это — согласованность пути человвчества, несмотря на всв страданія его, съ небесной гермоніей мірового движенія. Страданія человвка указываютъ лишь на низшую ступень этой системы, включенной въ болве обширную гармоническую систему.

При этомъ, конечно, мы не должны забывать, какая полнота гармоническихъ моментовъ уже существуетъ ВЪ человъческой жизни. наряду страданіями. Пессиco мисты отмъчають лишь "мгновенный характеръ", переходность такихъ моментовъ. Но это именно и есть симптомъ интенсивной жизни. необыкновенной активности всъхъ процессовъ, это печать Каина нашего центральнаго положенія въ полъ развитія, во вселенной. Но цълая масса гармоническихъ системъ получила продолжительную уже

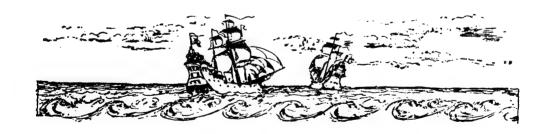
устойчивость въ культурной жизни. Стоитъ вспомнить только о произведеніяхъ искусства, о философскихъ мысляхъ, переживающихъ тысячелътіе, о безостановочномъ распространеніи этическихъ идей и о всемъ духовномъ достояніи культурнаго человъчества...

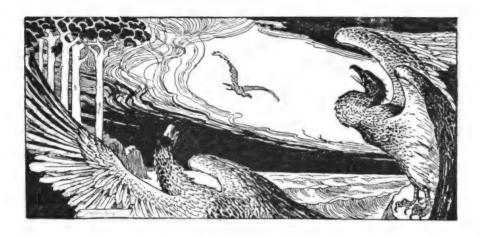
Тихо и величественно течетъ надо мною млечный путь. Полный тихаго примиренія слѣдитъ мой взоръ за нимъ. Да, вся эта боль, всѣ мученія, все страданіе сердца,—все это за то, что мы—новая страница, раскрытая въ старой, предвѣчной книгѣ бытія! Это расплата за наше стремленіе къ тому, что вселенная отвоевала себѣ еще въ первобытныя времена,—къ міру гармоніи.

Сверкнула свътлой полосой и прокатилась по небу падучая звъзда...

Но если тамъ, наверху снова зародятся процессы развитія? Если невъдомая сила налетитъ изъ ночи пространства, разрушитъ небеса гармоній и пробудитъ ихъ къ новой борьбъ? Что будетъ тогда съ нами?..

Въ сумеркахъ забрезжили новые вопросы.

На полѣ брани.

Историческая повъсть изъ временъ Яна Собъсскаго.

Г. Сехкевича.

(Продолженіе).

глава III.

Стрый полумракъ окутывалъ еще землю, когда ксендзъ Воиновскій. шагая по высокимъ сугробамъ снъга съ фонарикомъ въ рукахъ, спѣшилъ къ своимъ утреннимъ занятіямъ -задавать кормъ голубямъ и куропаткамъ, которыхъ держалъ за особенной загородкой въ небольшомъ амбарикъ. Ручная лисица со звонкомъ на шев шла вследъ за нимъ, а рядомъ съ ней шпицъ и ежъ, который въ теплой комнатъ ксендза подвергался обычной спячкъ. Вся эта разнородная четверка прошла спокойно весь дворъ остановилась подъ соломенной крышей амбара, съ которой свъшивались длинныя ледяныя сосульки. Фонарикъ заколыхался, заскрипълъ ключъ, повернутый въ замкѣ, щелкнула скобка, еще громче и ръзче ключа заскрипъла дверь, и старый ксендзъ вмъстъ со своими звъриными спутниками вошелъ въ амбаръ. Онъ сълъ на обрубокъ пня, поставилъ на другой фонарикъ, взялъ висъвшую у него за плечами полотняную торбу съ зернами и пахнущими погребомъ капустными листьями и, громко зъвая, началъ разбрасывать ихъ передъ собой.

Изъ темнаго угла амбара тотчасъ же появились три зайца, заблестъли и заискрились, точно бисеринки, при свътъ фонарика глаза голубей и рыжеватыхъ куропатокъ, которыя подошли, сбившись вмъстъ въ тъсную кучку и покачивая маленькими головками на выгнутыхъ шейкахъ. Голуби, какъ болъе смълые, сейчасъ принялись клевать зерна, тогда какъ куропатки, болъе пугливыя, осторожно посматривали то на падающія зерна, то на ксендза, то на лисицу, къ которой, впрочемъ, уже нѣсколько привыкли, такъ, какъ пойманныя еще лътомъ едва оперившимися птенчиками, видъли ее тъхъ поръ ежедневно.

Ксендэъ продолжалъ разбрасывать зерна, шепча утреннія молитвы.

Pater noster, qui es in coelis, sanctificetur nomen...

Тутъ онъ прервалъ чтеніе молитвы и обратился къ лисицѣ, которая, прислонясь къ его ногамъ, дрожала, какъ будто ее трясла злѣйшая лихорадка.

— И вся то твоя шкура дрожитъ, какъ только ты ихъ видишь! Каждый день тоже самое... Научись же, наконецъ, обуздывать свою врожденную страсть; въдь, кормъ у тебя обильный никогда не терпишь ты голода... На чемъ это я остановился?

И онъ зажмурилъ глаза, какъ бы ожидая отвъта, но, не получивъ его, началъ читать молитву сначала.

Pater noster, qui es in coelis, sanctificetur nomen tuum, adveniat regnum tuum...

И вновь прервалъ ее.

- Вся то ты извиваешься и вертишься, -- сказалъ онъ, положивъ руку на хребетъ лисицы.—Ужъ та- · кая паскудная твоя природа, что тебъ не только ъсть надо, но непремънно и убивать. Схвати-ка ты ее, Филюсь, за хвостъ, ну, а если она выкинетъ тебъ подъ носъ канеблаговоспитанную нибудь штуку, то ты ее кусни хорошенько... Adveniat regnum tuum... Ахъ, ты такая-сякая дочь, знаю, знаю, что ты возразила бы, еслибъ могла говорить: что человъкъ libenter perdices mandicat, но знай, что человъкъ хоть постомъ оставляетъ ихъ въ покоъ, а въ тебъ, должно быть, си: дитъ душа еретика Лютера, потому что ты готова даже въ Страстную Пятницу жрать мясо... Fiat voluntas tua... Трусь, трусь, трусь, на-те вамъ всъмъ по кочню. Sicut in coelo, et in terra.

И онъ продолжалъ кидать листья и зерна вперемежку, ворча на голубей за то, что весна еще далека, а они почему-то увиваются вокругъ самокъ и воркуютъ. Наконецъ, торба его совсъмъ опустъла; онъ всталъ, и собирался уже уйти, какъ вдругъ на порогъ показался Тачевскій.

—А, Яцусь!—воскликнулъксендзъ.— Ты тутъ что дълаешь такъ рано?

Тачевскій поцъловалъ его въ плечо и отвътилъ.

- Исповъдаться пріъхаль я, добродзію, а за ранней объдней хотъль бы пріобщиться св. Таинъ.
- Исповъдаться?—Хорошо.. Но почему это тебъ такъ вдругъ приспичило? Ну, говори же прямо, потому что тутъ есть какая-то загвоздка.
- Скажу правду: я долженъ сегодня драться, а такъ какъ поединокъ съ пятью противниками представляетъ больше опасности и случайностей, чъмъ съ однимъ, то я хотълъ бы очистить свою гръшную душу.
- Съ пятью! О, Іисусе Христе, что же ты имъ сдълалъ такого?
- Въ томъ-то и дѣло, что ничего.
   Сами искали ссоры, сами и вызвали.

— Кто же это такіе?

— Букоемскіе лѣсничіе да Ципріановичъ изъ Едлинки.

— Я ихъ всъхъ знаю. Но пойдемъ-ка сперва ко мнъ въ домъ и разскажи, какъ было дъло.

Они оба вышли, но у самаго входа ксендзъ Воиновскій вдругъ остановился и, зорко поглядъвъ въ глаза Тачевскому сказалъ:

 Послушай-ка, Яцекъ, тутъ замъшана женщина!

Тачевскій грустно усмѣхнулся.

- И да, и нътъ, отвътилъ онъ— въ дъйствительности все вышло изъ за нея, но она совершенно невинна въ этомъ.
- Ага, невинна... Всъ-то онъ невинныя. А знаешь ли, что говоритъ Екклезіастъ о женщинахъ?

— Не помню, добродзѣю!

— И я хорошенько не помню, но что не припомню, то тебѣ дома прочту. Inveni (говоритъ) amariorem morte mulierem, quae laqueus (говоритъ) venatorum est et sagena cor ејиs. И что-то еще тамъ говоритъ, не помню, но въ заключеніе прибавляетъ: "qui placet Deo, effugiet illam, qui autem peccator est, capietur (го-

воритъ) ab illa". *) Остерегалъ я тебя не разъ и не десять разъ, чтобы ты не сидълъ постоянно въ этомъ домъ. Ну, вотъ теперь и расхлебывай.

- О, куда легче предостерегать,— чъмъ тамъ не бывать!—отвътилъ со вздохомъ Тачевскій.
- Ничего хорошаго не ждетъ тебя тамъ!
- Это върно!—прошепталъ молодой человъкъ.

Оба замолчали и продолжали идти по направленію къ церковному дому. Старый ксендзъ шелъ опечаленный и встревоженный, потому что любилъ всей душой Яцека. Когда послъ смерти отца, умершаго отъ заразы, юноша остался совершенно одинокимъ на свътъ, безъ близкихъ родственниковъ, безъ состоянія, только съ нъсколькими хлопами и клочкомъ земли, ксендзъ отнесся къ нему съ нъжной заботливостью. Средствъ онъ не могъ ему дать, такъ какъ, благодаря своей чисто ангельской душъ, раздавалъ бъднякамъ все, что ему приносилъ его жалкій приходъ, но все же изръдка тайно помогалъ ему, слъдилъ, за нимъ училъ его и не только наукамъ, но и рыцарскому дълу и пріемамъ. Онъ былъ въ свое время славнымъ воиномъ, однимъ изъ друзей и товарищей по оружію знаменитаго Володіевскаго, участвоваль въ войнъ со шведами, по окончаніи которой, вслъдствіе одного извъстнаго уже страшнаго случая облачился въ свяодъяніе. щенническое Полюбивъ всъмъ сердцемъ Яцека, онъ цънилъ въ немъ не только потомка знатнаго рыцарскаго рода, но и душу его, благородную и печальную, такую, какой была и его собственная. Поэтому его мучила и заставляла страдать страшная бъдность юноши и его несчастная любовь, благодаря

которой Тачевскій не отправился искать по бълу свъту славы и денегъ, а губилъ свою молодость въ глухомъ захолустьъ, живя тамъ почти хлопской жизнью. Это была одна изъ причинъ, почему старый ксендзъ питалъ какую-то нелюбовь ко всъмъ обитателямъ дома въ Белчончкахъ, ставя пану Гедеону Понговскому въ виду и то, что онъ былъ очень суровымъ помъщикомъ для своихъ крестьянъ. Онъ же самъ заботился и берегъ этихъ "червяковъ земли", какъзвницу ока. Кромв того, онъ любилъ и все, что жило и дышало на Божьемъ свъть: и этихъ звърей, которыхъ журилъ, и этихъ птицъ, на которыхъ ворчалъ, и рыбъ, даже весь жабій родъ, который квакаетъ и плещется лътомъ въ нагрътыхъ солнцемъ водахъ.

Подъ этой священнической одеждой билось сердце не только ангела, воплотившагося въ человъка, а и сердце бывшаго солдата. Поэтому едва онъ узналъ, что Яцекъ долженъ драться съ пятью противниками, какъ сталъ думать только о томъ, какъ будетъ себя держать юноша во время поединка, выйдетъ ли онъ со славой изъ этого дъла и безъ ущерба для себя.

Онъ остановился еще разъ у входа въ церковный домъ и сказалъ:

- Но ты, въдь, не поддашься имъ? Все, что я самъ умълъ и что мнъ показалъ Володіевскій, все это передалъ я тебъ и всему научилъ тебя, ничего не утаивъ.
- Не хотълось бы мнъ, чтобы меня зарубили на смерть!—отвътилъ скромно Тачевскій, —потому что началась большая война съ Туретчиной.

При этихъ словахъ глаза старца загорълись, точно звъзды. Онъ поспъшно схватилъ Яцека за петлицу полушубка и сталъ разспрашивать.

— Да будетъ восхвалено имя Господне! Откуда ты знаешь. Кто тебъ говорилъ?

— Панъ староста Гротусъ!—отвѣтилъ молодой человѣкъ...

^{*)} Я нашелъ женщину горче смерти, которая что охотничьи тепета, а сердце ея— что съть рыболовная; кто Богу угоденъ, тотъ отъ нея спасется, а кто гръшникъ— тотъ будетъ ею пойманъ.

Долго продолжалась бесъда Яцека съ ксендзомъ, и длинна была исповъдь передъ объдней, а когда, наконецъ, оба послъ объдни вернулись въ церковный домъ и усълись за пивную похлебку, у ксендза все еще не выходило изъ головы извъстіе о войнъ съ нехристями. Онъ сталъ по этому поводу нападать на то, что всъ позабыли прежніе обычаи, и на недостатокъ религіозности во всей Ръчи Посполитой.

 Боже мой, -- говорилъ онъ, -вотъ теперь открылось передъ вами поле славы, а вы предпочитаете ссориться изъ-за частныхъ дълъ и калъчить другъ друга. Имъя возможность проливать вашу кровь за въру и святой крестъ, вы предпочитаете проливать кровь вашихъ братьевъ! И кого ради? И чего ради? Ради какихъ-то частныхъ обидъ или ради женщинъ и тому подобной суетности мірской. Знаю я прекрасно, что это во всей Ръчи Посполитой старая повадка и древній обычай—и mea culpa—потому что въ гръховные дни моей юности самъ платилъ дань этому обычаю. На зимнихъ стоянкахъ, когда войска заняты только пьянствомъ и ничегонедъланьемъ, не проходитъ дня безъ поединокъ, а въдь и церковь ихъ караетъ, и законъ ихъ запрещаетъ. Во всякое время это гръшно, а передъ турецкой войной еще гръшнъе. потому что тогда каждая сабля нужна и каждая сабля должна служить истинной въръ и праведному Богу. Вотъ поэтому-то нашъ король, который есть въ то же время defensour fidei, ненавидитъ поединки, а въ виду непріятеля, на войнъ, гдъ онъ соблюдаетъ и охраняетъ военное право, сурово караетъ за нихъ.

— Король въ молодости также не разъ и не два выходилъ на поединокъ, —отвътилъ Тачевскій, —да и, наконецъ, что было дълать, преподобный отецъ? Не я въдь вызвалъ, а меня вызвали. Развъ я могу отказаться?

 Правда твоя—не можешь, и вотъ почему душа моя болитъ. Ну, да Богъ будетъ на сторонъ невиннаго!

Тачевскій сталъ прощаться, такъ какъ до полудня оставалось всего какихъ нибудь два часа, а ему предстоялъ не близкій путь.

— Подожди - ка, — воскликнулъ ксендзъ Воиновскій, — я тебя такъ не пущу: прикажу челяднику выстлать соломой сани съ ръшеткой и подъъхать къ мъсту битвы, а то, если у Понговскаго ничего не знаютъ о поединкъ, то и помощи не пришлютъ. Что же будетъ, если кто нибудь изъ нихъ или ты самъ будешь тяжело раненъ? Подумалъ ли ты объ этомъ?

— Не подумалъ, навърно, и тъ не подумаютъ!

— Ну, вотъ видишь. Поѣду и я, но только не буду тамъ, на самомъ мѣстѣ, а останусь у тебя въ Выромбкахъ. Напутственные св. дары и мальчика со звонкомъ *) также возьму съ собой: кто знаетъ, что можетъ случиться. Непристойно духовной особѣ быть свидѣтелемъ подобныхъ вещей, а то охотно присутствовалъ бы тамъ, хотя бы для того, чтобы поддержать твой духъ.

Тачевскій взглянулъ на ксендза своими мягкими и нѣжными, какъ у дѣвушки глазами.

— Господь Богъ да заплатитъ вамъ за это, — отвътилъ онъ, — но я не теряю присутствія духа; еслибъ даже и пришлось сложить голову, то... — Лучше бы помолчалъ объ этомъ, — перебилъ его ксендзъ. — И что же, не жалко бы тебъ было не идти на турка и не умереть болъе славной смертью?

— Правда, жалко было бы, добродзью. Вотъ я и постараюсь, чтобы эти людовды меня не сразу прогло-

^{*)} Въ Польшъ и во всъхъ католическихъ странахъ къ трудно больнымъ или умирающимъ идетъ священнихъ со св. дарами въ сопровождени мальчика со звонкомъ.

Ксендзъ Воиновскій на минуту задумался, затъмъ спросилъ. Ну, а еслибы я поъхалъ туда и разсказалъ бы имъ, какая награда ожидаетъ ихъ на небъ, если они погибнутъ отъ руки нехристей?—можетъ быть, они отказались бы тогда отъ поединка съ тобой.

Оборони Боже! — крикнулъ Яцекъ, — они бы подумали, что это я послалъ васъ. Нътъ, сохрани Боже, лучше мнъ сейчасъ уъхать, чъмъ слушать подобныя ръчи!

"Ну, значитъ, ничего не подълаешь. Ъдемъ! — отвътилъ ксендзъ.

Онъ позвалъ челядника и приказалъ ему, что есть духу закладывать лошадь въ сани. Затъмъ оба они вышли изъ дому, чтобы лично помогать запрягать. На дворъксендзъ, при видъ лошади, на которой пріъхалъ Яцекъ, воскликнулъ, пораженный: "Во имя Отца и Сына, откуда это ты досталъ такого уродца?"

Дъйствительно, у плетня стояло съ низко опущенной головой шершавое и косматое подобіе лошаденки, величиной немного больше рослой козы.

—У хлопа занялъ!—отвътилъ Тачевскій. — Вотъ хорошо было бы отправиться на турецкую войну на такомъ конъ!—И онъ принужденно разсмъялся.

Но ксендзъ серьезно отвътилъ:

—Не важно, на какомъ поѣдешь, лишь бы вернулся на турецкомъ, чего дай тебѣ Боже. А пока что, Яцусь, переложи-ка ты свое сѣдло на моего клепера, а то нельзя же тебѣ въ такомъ видѣ явиться передъ этой шляхтой.

Затъмъ приладивъ все, что нужно было захватить съ собой, они тронулись: ксендзъ, мальчикъ-служка со звонкомъ и возница въ саняхъ, а Тачевскій верхомъ.

День былъ пасмурный, туманный, потому что на дворъ стояла оттепель. Снъгъ лежалъ еще повсюду на промерзлой землъ, но сверху ужъ такъ размякъ, что лошадиныя

копыта безшумно погружались него, а полозья тихо подвигались по ровной дорогъ. Сейчасъ же за Едлиной попалось имъ навстръчу съ десятокъ возовъ съ дровами; при нихъ шли пъшкомъ хлопы, которые становились на колфни при звукф колокольчиковъ, полагая, что ксендзъ ъдетъ со святыми Дарами къ умирающему. Затъмъ потянулись поля, окруженныя мглой, пустынныя, бълыя, а надъ ними проносились цѣлыми вереницами вороны. По мъръ приближенія къ лѣсу туманъ становился все гуще, расползался по низинамъ, заполнялъ все пространство и поднимался къ верху, такъ что по временамъ путники слышали надъ собой карканье, но не могли различить птицъ. Придорожные кусты казались какими-то привидъніями, весь міръ утратилъ свой обычный дъйствительный видъ, превратившись въ какую-то неизвъстную фантастическую страну съ туманнымъ, точно стертымъ первымъ планомъ и совершенно невъдомой лалью.

Яцекъ ъхалъ по безмолвнымъ снъжнымъ полямъ и думалъ о предстоящемъ поединкъ, но еще больше думалъ онъ о паннъ Сьенинской и мысленно велъ разговоръ на половину самъ съ собой, на половину съ ней. "Моя любовь къ тебъ все та же, неизмънная, только теперь не радуетъ она мое сердце. Эхъ, правда, и прежде мало было мнъ отъ нея радости. Ну, а теперь... если бъ я могъ хоть обнять твои ножки или доброе слово услыхать изъ твоихъ устъ, хотя бы только знать, пожалъешь ли, если со мной приключится бъда. Но все это также туманно, какъ вотъ эта мгла, разстилающаяся тамъ, и ты сама какъ бы скрылась за этой мглой, и я не знаю, что есть, и не знаю, что будетъ, ни что ждетъ меня, ни что станется -ничего не знаю".

И Яцекъ почувствовалъ, что грусть какъ бы охватила его душу и осъла на ней, какъ сырость этого туман-

Digitized by Google

наго утра осъла на его одеждъ. Онъ глубоко вздохнулъ и подумалъ про себя: "но все же я предпочитаю, чтобы этому разъ навсегда былъ положенъ конецъ".

А ксендза Воиновскаго тревожили также невеселыя думы. "Бъдняга, --говорилъ онъ про себя, — набъдствовался, не зналъ беззаботной молодости, настрадался изъ-за этихъ несчастныхъ амуровъ, а теперь что? Еще, чего добраго, эти забіяки Букоемскіе возьмутъ да зарубятъ его. Въдь недавно въ Козиницахъ искалъчили пана Кожибскаго... А если и не зарубятъ мнъ моего Яцка, то тоже ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого. Мой Боже, въдь этотъ молодецъ что твое чистъйшее золото-и знатнаго рыцарскаго рода последній онъ отпрыскъ, последняя живая капля знаменитой крови... Хоть бы теперь уберегъ себя... Только одна надежда на Бога, что не позабудетъ онъ двухъ ударовъ: первый—неожиданный, сбивающій съ толку, съ уклоненіемъ въ сторону, а второй... Яцекъ!"

Но Яцекъ не слыхалъ зова, потому что уъхалъ впередъ, и старый ксендзъ не ръшился еще разъ позвать его. Напротивъ, онъ пришелъ въ ужасъ при одной мысли, что отецъ духовный, и ъдущій со св. дарами, думаетъ о подобныхъ вещахъ. И онъ сталъ мысленно каяться и молить Бога о прощеніи.

Но на душъ его становилось все грустнъе и мрачнъе. Его охватило какое-то предчувствіе, перешедшее почти въ увъренность, что этотъ странный поединокъ плохо кончится для Яцека.

Тъмъ временемъ они доъхали до поперечной дороги, которая вела вправо въ Выромбки, а влъво — въ Белчончку. Возница, которому былъ заранъе отданъ приказъ, остановился. Тачевскій подъъхалъ къ санямъ и сошелъ съ лошади. "Пройду ка я къ Распятію пъшкомъ, — сказалъ онъ, — а то, пока сани отвезутъ вашу милость и пріъдутъ обратно, я не

буду знать, что мнъ дълать съ лошадью. А быть можеть они уже тамъ!

— Еще нътъ полудня, но уже не долго до него, — отвътилъ ксендзъ слегка измънившимся голосомъ. – А какая мгла, придется вамъ на ощупь драться!

Нѣтъ, видно достаточно.

Карканье невидимых ъворонъопять раздалось надъ ихъ головами.

- Яцекъ! заговорилъ опять ксендзъ.
  - --- Слушаю!
- Когда приступишь къ дѣлу, то помни о рыцаряхъ изъ Тачева.

— Не придется имъ стыдиться за меня, преподобный отецъ, нътъ, не придется!

Истарый ксендзъзамътилъ, что черты юноши какъ бы окаменъли а въглазахъ, хотя ихъ не покинуло обычное выраженіе грусти, уже не было той, присущей имъ, нъжности и мягкости.

— Это хорошо, — сказалъ онъ, — но стань теперь на колъни, я перекрещу тебя, а передъ началомъ поединка самъ перекрестись.

Говоря это, онъ осънилъ крестнымъ знаменіемъ голову Яцека, стоявшаго на колъняхъ на снъгу.

Тачевскій привязаль клепера позади саней, поцъловаль руку ксендза и пошель по направленію къ Белчончкъ.

Вернись ко мнѣ цѣлымъ и невредимымъ! — крикнулъ ему вслѣдъ старикъ.

У Распятія еще никого не было. Тачевскій нъсколько разъ обошель его, затъмъ сълъ на камень, лежащій у подножія креста, и принялся ждать.

Кругомъ царила глубокая тишина, только крупныя, похожія на слезы, капли, образовавшіяся изъ сырыхъ испареній, падая съ плечъ распятаго Христа, тихимъ однообразнымъ звукомъ ударялись о размякшій снопъ. Эта тишина, полная какой-то невыразимой печали, эта туманная пустыня, окружающая его, вновь на-

полнила сердце Яцека грустью. Онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какимъ еще никогда до того не чувствовалъ.

— Право, я точно вотъ этотъ, всъми позабытый и никому на свътъ ненужный колышекъ.—сказалъ онъ про себя,—и такова будетъ моя доля до самой моей смерти. И онъ махнулъ рукой,—Такъ ужъ лучше пусть сразу всему будетъ конецъ!—И съ все возрастающей горечью сталъ онъ думать о томъ, что его противники навърное не спъшатъ сюда, имъ тамъ весело, въдь они сидятъ теперь въ Белчончкъ и разговариваютъ съ "ней", могутъ вдоволь наглядъться на "нее".

Но онъ ошибался. Имъ также хотълось, какъ и ему, скоръй все покончить. Черезъ минуту до него долетълъ громкій говоръ нъсколькихъ голосовъ, и въ бълесоватомъ туманъ вырисовались четыре высокія фигуры Букоемскихъ и пятая, пониже, Ципріановича. Говорили такъ громко, потому что спорили, кому изъ нихъ первому драться съ Тачевскимъ. Букоемскіе впрочемъ всегда и о всемъ спорили между собой, но на этотъ разъ споръ завелъ Ципріановичъ, который доказывалъ, что будучи болъе всъхъ оскорбленнымъ, долженъ и драться первымъ. Они замолчали только при видъ Распятія и стоявшаго подъ нимъ пана Яцека и приподняли шапки, неизвъстно, изъ чувства ли почтенія передъ Распятіемъ, или же раскланиваясь съ противникомъ.

Тачевскій поклонился имъ молча и вытащилъ саблю изъ ноженъ. Но въ первую минуту сердце его сильнъе забилось въ груди: ихъ вѣдь было пять противъ одного, да при томъ же видъ Букоемскихъ былъ прямо таки страшный: всѣ четверо дюжіе молодцы-бородачи съ щетинистыми, точно метла, усами, на которыхъ сѣрая мгла осѣла какой то сѣдой росой, и съ грозно нахмуренными бровями. На лицахъ ихъ было выраженіе какой-то злобной радости,

какъ будто они заранъе радовались возможности пролить человъческую кровь.

— И зачъмъ это я добровольно и навърняка кладу свою здоровую голову въ гробъ!—подумалъ Яцекъ.

Но безпокойство скоро уступило мъсто злобъ и раздраженію противъ этихъ пропойцъ, которыхъ онъ совсъмъ не зналъ, которымъ не причинилъ никакой кривды, а между тъмъ они, Богъ знаетъ почему, привязались къ нему и вотъ теперь пришли посягать на его жизнь. И онъ, какъ бы обращаясь къ нимъ. мысленно сказалъ себъ: "подождите же вы, тунеядцы, въдь и вы не о двухъ головахъ!" И щеки его покрылись яркимъ румянцемъ, а зубы кръпко стиснулись отъ гнъва. Противники его тъмъ временемъ принялись сбрасывать плащи (опончи) и засучивать рукава жупановъ. Какъ то совсъмъ не кстати дълали они это всъ заразъ, точно собираясь сразу напасть, хотя дълали это потому только, что каждый думалъ, что именно онъ первый и начнетъ драться. Наконецъ, они всъ выстроились съ саблями наголо. Тачевскій, подойдя къ нимъ, тоже остановился, и они молча оглядывали другъ друга. Молчаніе прервалъ Ципріановичъ.

- Я первый къ услугамъ пана!
- Нътъ, я первый, я первый! закричали разомъ братья Бухоемскіе.

И едва Ципріановичъ двинулся впередъ, какъ всѣ остальные схватили его за локти. Началась опять ссора и перебранка. Ципріановичъ назвалъ ихъ гайдамаками, разбойничьимъ сбродомъ, они его—щеголемъ и волокитой, а самихъ себя обозвали собачьими братьями. Эта перебранка окончательно вывела изъ терпѣнія пана Яцека и онъ сказалъ.

— Такихъ кавалеровъ мнъ еще никогда не доводилось встръчать въ моей жизни!

И, вложивъ саблю въ ножны, добавилъ твердымъ и нъсколько презрительнымъ тономъ: Выбирайте, который же изъ васъ будетъ первымъ, а то я уйду!

Выбирай ты самъ! — крикнулъ
 Ципріановичъ въ надеждъ, что вы-

боръ падетъ на него.

Матвъй Букоемскій сталъ кричать, что онъ не позволитъ всякому голяку распоряжаться ими, и такъ кричалъ, что передніе зубы, которые у него были такіе длинные, какъ узайца, поминутно сверкали изъ-подъ его усовъ. Но онъ тотчасъ же замолчалъ, когда Тачевскій, вновь обнажившій саблю, указалъ на него ея концомъ и произнесъ:

- Выбираю пана!

Остальные братья вмъстъ съ Ципріановичемъ сейчасъ же отошли, понявъ, что иначе они ни до чего не договорятся. Только лица ихъ стали болъе пасмурными, такъ какъ, зная, какой силой обладаетъ Матвъй, они были увърены, что имъ то ужъ послъ него не останется никакой работы.

— Начинайте!—сказалъ Ципріановичъ.

Тачевскій сразу, при первой же сшибкѣ, почувствовалъ силу противника, такъ какъ сабля даже задрожала въ его рукѣ, но онъ ловко отпарировалъ одинъ ударъ, затѣмъ другой, а при третьемъ сказалъ самъ себѣ: "онъ не такъ ловокъ, какъ силенъ" и, присѣвъ немного для лучшаго прыжка, самъ напалъ на противника съ большой горячностью.

Остальные же братья, оперевъ концы сабель о землю, слъдили съ разинутыми ртами за поединкомъ. Они скоро поняли, что Тачевскій "знакомъ съ этимъ дъломъ" и что не такъ-то легко будетъ съ нимъ справиться. А еще черезъ минуту они нашли, что онъ даже слишкомъ хорошо знаетъ это дъло, и ихъ охватила тревога, потому что, несмотря на въчныя перебранки, они очень любили другъ друга. То у одного, то у другого вырывались восклицанія при каждомъ болъе ловкомъ ударъ, а тъмъ временемъ удары все

учащались, и лезвія сабель сверкали, точто молнія. Тачевскій видимо становился все увъреннъе въ себъ. Онъвнутренно былъ совершенно спокоенъ, но прыгалъ какъ дикая кошка, и въ глазахъ его поминутно загорались зловъщія искры.

— Плохо! — подумалъ Ципріано-

вичъ.

И какъ разъ въ это время раздался крикъ, сабля Матвъя упала, онъ поднесъ объ руки къ лицу, залитому кровью, и рухнулъ на землю.

При видъ этого младшіе братья зарычали, точно разъяренные звъри и въ мгновеніе ока кинулись на Яцека, не съ тъмъ, конечно, намъреніемъ, чтобы разомъ и втроемъ на него напасть, а потому что каждый изъ нихъ хотълъ первымъ отмстить за старшаго брата. Быть можетъ, они зарубили бы Тачевскаго, еслибъ не Ципріановичъ, который, кинувшись къ нему на помощь, крикнулъ, что было только силъ:

— Стыдъ, позоръ! Бросьте! Прочь! Убійцы, а не шляхтичи! Говорю вамъ, позоръ, оставьте! Разбойники, деритесь тогда и со мной! Прочь,

убійцы!

И онъ сталъ прямо таки рубиться съ ними, пока они не опомнились. Тъмъ временемъ Матвъй приподнялся на рукахъ и повернулся кровавой маской. Тогда Янъ быстро поднялъ его подъ мышки и посадилъ на снъгъ, а Лука также кинулся къ нему на помощь. Тачевскій же подошелъ къ скрежешущему отъ злости зубами Марку и, какъ бы опасаясь повторенія всеобщаго нападенія, быстро сказалъ:

— Прошу, начинайте!

И вновь послышался зловъщій лязгъ сабель. Съ Маркомъ, болье сильнымъ, чъмъ Матвъй, но и болье неловкимъ. Тачевскій живо покончилъ. Маркъ дъйствовалъ огромной саблей точно цъпомъ, а Яцекъ уже третьимъ ударомъ угодилъ ему въ правую ключицу, перерубилъ кость и обезоружилъ.

Теперь и Лука, и Янъ сознали, что

съ ними случился "казусъ весьма плохой", и что этотъ худой и такой на видъ плохенькій молодчикъ оказался въ дъйствительности злой осой, которую было бы лучше и благоразумнъе не дразнить. Но съ тъмъ большимъ задоромъ и запальчивостью приступиль каждый изъ нихъ къ поединку, который закончился для нихъ такъ же плачевно, какъ и для старшихъ, такъ какъ Лука, которому ударъ сабли раскроилъ щеку до самыхъ десенъ, къ довершенію всего, падая, пребольно расшибся о камни, скрытые подъ снъгомъ, а у Яна послъ минутной схватки сабля, вмъстъ съ отрубленнымъ пальцемъ, звеня упала на промерзлую землю.

Тачевскій, не получившій даже царапины, стоялъ и смотрълъ съ большимъ изумленіемъ на это дѣло своихъ рукъ, и зловѣщія искры, сверкавшія за минуту передъ тѣмъ въ его очахъ, теперь угасли. Лѣвой рукой поправилъ онъ свою шапченку, съѣхавшую на сторону во время боя, затѣмъ снялъ ее, глубоко вздохнулъ разъ и другой, повернулся къ Распятію и сказалъ, наполовину обращаясь къ Ципріановичу, наполовину къ самому себѣ: "Богъ мнѣ свидѣтель, что я невиненъ"

На это Ципріановичъ поспѣшно отвѣтилъ:

- Теперь моя очередь, но ты, твоя милость, усталь, такъ быть можеть отдохнешь, а я тымъ временемъ покрою плащемъ товарищей, чтобы они не замерзли, пока не явятся къ нимъ на помощь.
- Помощь тутъ недалеко, отвътилъ Тачевскій. Вонъ тамъ въ туманъ стоятъ сани, посланныя ксендзомъ Воиновскимъ, а онъ самъ дожидается меня въ Выромбкахъ. Позволь мнъ пойти за санями, твоимъ товарищамъ будетъ удобнъе лежать на соломъ, чъмъ здъсь, на снъгу.

И онъ отправился, а Ципріановичъ сталъ прикрывать плащами Букоемскихъ, которые сидъли плечомъ къ плечу на снъгу, за исклю-

ченіемъ Яна, менѣе всѣхъ пострадавшаго. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ Матвѣемъ и, держа правую руку кверху, чтобы кровь не такъ лилась изъ отрубленнаго пальца, лѣвой обмывалъ снѣгомъ лицо старшаго брата.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—

спросилъ Ципріановичъ.

— А покусалъ онъ насъ таки порядкомъ, такой-сякой сынъ, — отвътилъ Лука, выплевывая кровь. — Но мы ему еще отомстимъ!

— Совсъмъ не владъю рукой: перебилъ мнъ кость, — добавилъ Маркъ. — Ой, онъ, собака, ой, ой...

- А у Матвъя огромная рана надъ бровями, сказалъ Янъ, слъдовало бы приложить къ ней хлъба съ паутиной. Да я пока снъгомъ прикладываю.
- Эхъ, кабы не это, кабы не залила мнъ кровь глазъ, отозвался Матвъй ужъ я бы его...

Но онъ не могъ договорить, такъ какъ сильно ослабълъ отъ потери крови, а Лука, подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на него злобы, крикнулъ:

А хитрая онъ штучка, псякревъ;
 съ виду точно панна, а жалитъ какъ гадъ.

— Вотъ этой то его хитрости никогда не прощу ему!—проворчалъ Янъ.

Дальнъйшій разговоръ былъ прерванъ фырканьемъ лошадей. Изъ тумана выплыли сани и остановились передъ сидящими на снъгу Букоемскими. Изъ саней выскочилъ Тачевскій и приказалъ возницъ сойти Тотъ посмотрълъ на съ козелъ. Букоемскихъ, окинулъ быстрымъ взглядомъ Тачевскаго и Ципріановича, но не произнесъ ни слова, только на лицъ его промелькнуло какое-то смъшанное выражение горечи и жалости, затъмъ онъ отвернулся къ лошадямъ и поспъшно перекрестился.

Втроемъ стали они переносить раненыхъ въ сани, которыя выстлали предварительно плащами. Букоемскіе было запротестовали, не желая, чтобы Яцекъ принималъ участіе въ оказываемой имъ помощи, но тотъ спокойно возразилъ:

— А еслибъ вы, милости ваши, зарубили меня, неужели оставили бы безъ всякой помощи? Это просто шляхетская услуга, въ которой нельзя отказать и которую нельзя не принять.

Они замолчали, нъсколько задътые его словами, и черезъ минуту

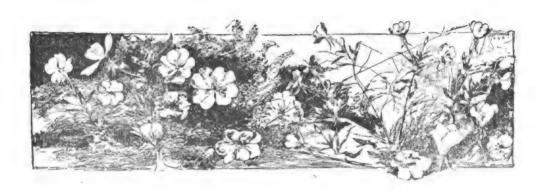
удобно лежали въ широкихъ саняхъ на соломъ, покрытые плащами, отчего имъ сразу стало теплъе.

Куда ѣхать? — спросилъ воз-

ница.

— Подожди, еще одного прихватишь! — отвътилъ Ципріановичъ и, повернувшись къ Яцеку, добавилъ:— Ну, милость ваша, теперь и намъ пора за дъло.

(До слюд. №-ра).

Мессія.

Подъ игомъ бѣдъ склоняя выю. Измучена, угнетена, Давно, давно ждала Мессію Обѣтованная страна.

И вотъ услышаны моленья:

Неся на землю жизнь и миръ,

Въ лучахъ любви и всепрощенья

Нисходитъ Богъ въ печальный міръ.

Но пусть звѣзда его сіяетъ, Пусть горній хоръ ему поетъ: Его распиетъ а не узнаетъ

Его распнетъ, а не узнаетъ Слѣпой, измученный народъ.

С. Ловарнинъ.

Болеславъ Храбрый.

Историческая повъсть Людвига Стасяка.

(Продолженіе).

VI.

Во времена Болеслава Вавель походилъ на поляну, раскинувшуюся среди дремучаго лѣса. Въ ясный сентябрскій день тысячи аистовъ слетаются на лугъ, и поляна вдругъ оживаетъ, наполнившись шумомъ и крикомъ птицъ. Но вотъ сорвался съ мѣста проводникъ, — и сотни аистовъ замахали крыльями, всѣ поднимаются вверхъ, еще разъ пролетѣли надъ лугомъ и, образуя въ воздухѣ огромный кругъ, устремились въ другіе края.

Когда король со своимъ войскомъ возвращался домой, то Вавель и Краковъ переполнялся толпами рыцарей; всюду виднѣлись тогда богатыя одежды, блестящее вооруженіе. Но вотъ король покинулъ Краковъ и отправился во Владиміръ, Познань или Вроцлавль, и пусто сдѣлалось въ окрестностяхъ Вавеля, нигдѣ не видно живой души, заперты дома, строенія; ворота закрыты наглухо.

Пусто и тихо было въ Вавелъ. Тишину прерывалъ только стукъ молотка, однообразно ударявшаго о бълый камень скалы: уъзжая, ко-

роль Болеславъ оставилъ на Вавелъ разныхъ работниковъ: одни изъ нихъ издалека привозили каменныя глыбы, другіе отесывали ихъ, придавая камнямъ правильную форму, и затъмъ на скалахъ Вавеля закладывали фундаменты обширнаго храма, на мъстъ разрушенной старой, деревянной церкви. Врылисъ каменьщики въ землю и, добравшись, наконецъ, до самой скалы, укладывали тамъ одинъ за другимъ камни основанія.

Между тъмъ король двинулся изъ Кракова на съверъ, но сначала побывалъ въ Гнъзнъ, а оттуда уже пошелъ въ городъ Щетинъ. Вмъстъ съ Болеславомъ двинулось и малопольское рыцарство.

Пусто стало въ Краковъ, пусто въ Тыньцъ, гдъ осталась жена Вальгира, Гелигунда. Одиноко бродитъ сна по угрюмымъ горницамъ замка, некому слова вымолвить; осталось съ нею только нъсколько прислужницъ и слугъ, съ которыми Гелигунда не можетъ разговориться, не зная польской ръчи. Гуляетъ молодая женщина по пустому замку; пугаютъ ее темныя, какъ ночь, съни,

съ покрытыми зеленою плъсенью стънами. Выйдетъ иногда на дворъ, окруженный каменною стъною, и, присъвъ на скамью, предается печальнымъ размышленіямъ.

Иную жизнь вела она при дворъ своего отца; замокъ тынецкій мало походилъ на дворцы и замки князей на западъ. Тамъ, у нъмецкихъ бароновъ и графовъ, замки полны народа: день за днемъ быстро летитъ время на охотахъ, празднествахъ и разныхъ другихъ развлеченіяхъ; пъвцы поютъ любовныя пъсни; играютъ гусляры.

Въ Польшъ же, во времена Болеслава господствовали суровые обычаи; все было посвящено войнъ, во всъхъ городахъ и селеніяхъ преобладало военное сословіе. Мало времени оставалось для забавы, для слушанія пъсенъ минестрелей; весь край представляль изъ себя огромный лагерь, въ которомъ забыли даже о существованіи женскихъ развлеченій. Болеславъ постоянно призывалъ къ себъ Вдалаго Вальгира и поручалъ снаряжать новонабранныя войска, или въ качествъ посла посылалъ его въ чужіе края. Послъ того, какъ Вальгиръ привезъ себъ изъ Франконіи жену, не успъло пройти и двухъ мъсяцевъ, какъ онъ принужденъ былъ ее покинуть; надо было ъхать въ Кросну, въ Силезіи забивать частоколы, чтобы превратить этотъ городъ въ крѣпость.

Цълые полъ года сидълъ тамъ Вальгиръ; полъ года не заглядывалъ домой. Сначала тосковала по немъ супруга, плакала съ горя въ пустынномъ замкъ тынецкомъ, наконецъ, послъ тоски, ею овладълъ гнъвъ...

Когда, наконецъ, Вальгиръ прибылъ домой, то въ глазахъ своей жены увидълъ не радость, а злость...

— Въ одиночествъ проходятъ мои дни!—встрътила она мужа.

— Не для забавы, а по обязанности я покидалъ домъ!— оправдывался тотъ.

-- Твоя первая обязанность заботиться о своемъ домъ и женъ. Ты

клялся мн въ любви! --- не унималась та.

- Но раньше я клялся въ върности своей родной землъ...
  - Останься со мной!
- Останусь, до тъхъ поръ, пока не позоветъ меня къ себъ Болеславъ.
  - И ты снова покинешь меня?!
- Если такова будетъ воля моего повелителя...

Гелигунда залилась слезами.

- Не любишь ты меня! А клялся...
- Кто тебъ сказалъ, дорогая моя, что я нарушилъ данную тебъ клятву? нъжно проговорилъ Вдалый Вальгиръ, обнявъ жену. Всею душою люблю я тебя и, послъ края родного, ты для меня дороже всъхъ на свътъ.

Гелигунда заглянула въ глаза мужу. Подкупала ее искренность его словъ.

— Такъ ты не покинешь меня больше?.

Рыцарь молчалъ: засмотрълся на чудные глаза своей жены, на ея цвътущее лицо, на вишневыя уста; все сіяло молодостью и красотою. И въдь это красавица ему принадлежитъ; она — его избранница, которую онъ любитъ такъ сильно...

— Какъ весна хороша ты...

— Не покинешь меня больше? Онъ прижалъ ее къ себъ, склоняясь къ ея бълому челу, къ ея устамъ...

Но та, заслоняя себя руками, поворачивая въ сторону свое улыбающееся уже теперь личико и какъ бы защищаясь, отталкивала отъ себя своего мужа...

- --- Нѣтъ, ты скажи раньше, покинешь меня?
  - Нътъ ужъ, нътъ...
  - -- Никогда?
  - Никогда...

Быстро летить время для молодыхъ супруговъ въ радости и весельи; цълый мъсяцъ прошелъ, какъ одинъ день, опять счастье посътило тынецкій замокъ, и угрюмыя его стъны казались влюбленнымъ какимъ-то очарованнымъ краемъ... Въ

горячихъ поцѣлуяхъ мужа жена забыла свои прошлыя горести, свое одиночество... Хотя никто не навѣщалъ ихъ и молодые супруги проводили все время только вдвоемъ, но общество и любовь мужа замѣняли Гелигундѣ цѣлый свѣтъ; ничего ей больше не надо, чтобы только постоянно смотрѣть въ любящіе глаза мужа, чтобы эта любовь никогда прерывалась...

Однажды Собъхъ сообщилъ Вальгиру, что настоятель тынецкой обители, Здъшко, пришелъ въ замокъ и хочетъ съ нимъ видъться. Вальгиръ поспъшилъ на встръчу дорогому гостю, котораго ввелъ затъмъ въ горницу, гдъ на сидънъъ изъмедвъжьихъ шкуръ расположилась Гелигунда, занимаясь пряжей.

Настоятель тынецкій, большой другъ короля Болеслава, былъ еще человъкъ полный силъ и здоровья. Высокій, статный: задумчивое лицо, умные глаза, тонкій, довольно длинный носъ, высокій лобъ: только тонкія его губы, иронически усмъхавшіяся подъ густыми усами, какъбы противоръчили его серіозному выраженію лица. Глаза его тоже обращали на себя вниманіе: быстрые, живые, постоянно переходящіе съ одного предмета на другой они сверкали подъ нависшими бровями какъ два драгоцънныхъ камня; казалось что эти глаза, этотъ мозгъ, скрытый подъ высокимъ челомъ. могутъ сразу думать о цълой сотнъ дълъ, и не удастся хитрымъ врагамъ провести этого человъка, близкаго друга и совътника короля Болеслава.

Посвященный во всѣ планы и мысли короля, ксендзъ Здѣшко являлся вмѣстѣ съ тѣмъ его сотрудникомъ и совѣтникомъ; довѣріе къ нему Болеслава было безгранично; всякая умная мысль, возникшая въ головѣ тынецкаго настоятеля, приводилось въ исполненіе желѣзною рукою Болеслава.

Вмъстъ съ другимъ любимцемъ короля, Стоигнъвомъ, Здъшко ъздилъ въ нъмецкую страну, также и въ Италію, Англію, Данію и Венгрію, чтобы заключать союзы, раскрывать козни враговъ, направленныя противъ Польши и Болеслава.

Гелигунда встала, чтобы принести гостю чашу меда. Когда она вышла, и гость остался наединъ съ хозяиномъ, то ксендзъ сказалъ Вальгиру:

— Мить надо переговорить съто-

бой съ глазу на глазъ.

- Съ новостями пришелъ?
- Да, и очень важными.
- Въ чемъ дѣло?
- Оба ѣдемъ въ Римъ.
- Какъ такъ?
- Ко двору императора Оттона, который теперь находится въ Италіи, насъ посылаетъ король.
  - Меня?!
  - Насъ обоихъ.
- Я не могу покинуть своего дома.
- Почему?—спросилъ съ удивленіемъ монахъ, смотря на Вальгира.

Рыцарь молчаль, не зная что сказать, такъ какъ не хотълъ ничего говорить про объщаніе, данное женъ...

- Я не могу ѣхать. И почему я долженъ ѣхать?! Я, а не кто либо другой?! Что мы тамъ будемъ дѣлать?
  - Предстоятъ очень важныя дѣла.
  - Какія же именно?..

Здъшко осмотрълся кругомъ.

- -- Теперь не буду говорить. Насъ можетъ кто нибудь услышать, твоя жена сейчасъ вернется...
  - Въ охотничьей нътъ никого.
  - Пойдемъ тогда туда...

Оба вошли въ сосъднюю горницу и, заперевъ за собою двери, задвинули желъзный засовъ; какъ разъ въ эту минуту вернулась Гелигунда со слугою, который несъ хлъбъ и кувшинъ, наполненный медомъ.

Жена Вальгира подошла къ закрытымъ дверямъ, хотъла открыть ихъ—напрасно. Удивленная встала она около, слушая неясно доносивщіеся къ ней голоса, и вмъстъ съ тъмъ пораженная какимъ то предчувствіемъ, что этотъ разговоръ дол-

женъ близко ее касаться. Женское любопытство овладъло ею, хочется знать, о чемъ они говорятъ, злость разбираетъ, что у мужа передъ нею есть тайны, и что, значитъ, не довъряетъ ей такъ, какъ долженъ былъ бы довърять любимой женъ. Долго ей пришлось ждать конца совъщанія, и когда, наконецъ, растворились двери, она быстро взглянула на ксендза и сказала:

- У васъ какія-то тайны?
- Да, графиня,—отвътилъ настоятель, дъла, которыя не должны интересовать женщинъ...
- Все, что интересуетъ мужа, и жена должна знать.
- Скоровсе узнаешь, Гелигунда!—произнесъ Вдалый Вальгиръ.
  - Какія же у васъ новости?
- Отнимаю у тебя мужа, графиня. Уъзжаемъ въ далекіе края.
- Развъ насильно повезете его, самъ онъ добровольно не поъдетъ...
- Поѣду!—рѣшительно проговорилъ Вальгиръ.

Не мирно разстался Вдалый Вальгиръ со своей женой. Она была увърена, что ея слезы повліяютъ на его ръшеніе; женская гордость была уязвлена мыслью, что у Вальгира существуетъ нъчто болье близкое и дорогое, чъмъ она. Она упрекала мужа въ томъ, что онъ увезъ ее со двора отца, изъ міра пъсенъ, турнировъ и развлеченій, и заперъ въ тынецкомъ замкъ, еще болье скучномъ, чъмъ монастырь.

Чувство дасады и гнѣва овладѣло Гелигундой. Пролитыя слезы вмѣсто того, чтобы ее успокоить, вызывали въ ней еще большую злость и упорство.

Она полюбила Вальгира за его неустрашимость, за силу. А теперь самая сила его была непріятна ей.

Во время ссоры, возникшей у нихъ при разставаньи, онъ смотрълъ на нее взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть, что воля его непремънно должна исполниться, что его желаніе равносильно приказу; горе

ей, если она осмълится противится ему, дълать вопреки его волъ...

Страхъ передъ Вальгиромъ прямо приводилъ ее въ отчаяніе. Другимъ онъ казался ей, когда у ея ногъ стоялъ на колъняхъ, смотрълъ ей въ глаза, просилъ ея любви.,. Чувство, не проникшее ни въ душу, ни въ сердце, охватило ее, какъ огонь охватываетъ высохшую степную траву; но скоро возникнувъ, скоро и гаснетъ, остается одинъ пепелъ...

Мрачный тынецкій замокъ, куда ее привезъ мужъ, одиночество, на которое она была обречена Вальгиромъ, вслъдствіе постоянныхъ его выъздовъ въ лагерь и ко двору короля, уже съ перваго дня начали вызывать въ ней чувство тоски, разочарованія, скуки. Теперь же, когда Вальгиръ уъхалъ, когда его уже не стало у ея ногъ, и онъ не смотрълъ ей нъжно въ глаза, всъ эти чувства недовольства и злобы всецъло овладъли ею.

Ея любовь превратилась въ ненависть; а въ душть возникло желаніе отомстить ему, и ттыть оно было сильнтье, чтыть болтье она сознавала всю невозможность этого, всю свою слабость...

Въ одной изъ залъ замка, украшенной разнымъ оружіемъ, черепами вепрей и рогами оленей и лосей, сидъла Гелигунда за пряжей. Лѣниво двигались ея руки, ежеминутно она прерывала работу, наконецъ, отбросила веретено въ уголъ и перешла въ другую горницу. Тамъ, посрединъ, стоялъ большой дубовый столъ; на стънахъ виднълись полки изъ чернаго дуба, на которыхъ разсталены серебрянная и цинковая посуда, украшенная искусной ръзьбой. Взявъ кувшинъ съвиномъ, Гелигунда налила себъ кубокъ, но едва дотронувшись до него устами, оттолкнула отъ себя напитокъ, направилась въ другую залу и тамъ стала блуждать по комнатамъ, слоняясь изъ угла въ уголъ...

— Мой мужъ развлекается себъ при дворъ, а я...

Вышла изъ замка и недалеко отъ него усълась на зеленомъ дернъ.

Была весна, деревья въ саду, осыпанныя цвътами, фіалки, скромно выглядывающія изъ зеленой травки, -издавало одуряющій запахъ. Солнышко уже успъло высоко подняться и слало землъ свои теплые лучи... Лучи солнца, запахъ цвътовъ, вызвали улыбку. невольно устахъ молодой женщины. Весеннее солнце, фіалки, весна, свъжая зелень, --- все призывало къ жизни, къ любви...

Гелигунда заплакала: все кругомъ смъялось говорило о веснъ, объ очарованіяхъ любви, -- а она--одна, покинута...

Въ тынецкой обители раздался звонъ. Зазвучалъ уныло, какъ бы призывая къ погребенію, какъ бы разсказывая о мрачныхъ могилахъ, смерти, мракъ... Изъ церкви доносится заунывное пъніе монаховъ; въроятно, молятся за умершихъ. Быть можетъ, это и не погребальное пъніе, но, во всякомъ случать, полное грусти, напоминаетъ о смерти. Монастырскіе псалмы всегда звучать, какъ похоронное пъніе.

Нътъ силъ больше слушать; Гелигунда сорвалась съ мъста. Тутъ кругомъ зелень, весна, тамъ-унылое

пъніе, кладбище, смерть!

. . . . Прошла мимо находящихся у самого замка помъщенія для слугъ, сходитъ съ горки, направляясь къ густому лѣсу.

Тутъ лучше и веселѣе, чѣмъ въ пустыхъ залахъ замка; повъваетъ

легкій, теплый вътерокъ.

На крутыхъ скалахъ Тыньца раскинулись группы золотистаго бълокопытника и нъжатся на солнышкъ; внизу голубая Висла, несущая свои воды въ море, подмываетъ каменные обрывы.

Гелигунда съла на бъломъ камиъ, любуется волнами Вислы, смотритъ въ воду, какъ на самомъ днъ

суетятся лещи, быстро мелькаютъ разныя мелкія рыбки. Иногда къ скалъ подплываетъ и большая рыба, засеребрится въ водъ окунь и снова скрывается въ глубину.

Солнце начинаетъ пригръвать все сильнъе и сильнъе; пора уже скрыться передъ зноемъ въ прохладный лѣсъ или пустыя залы замка.

Вотъ она пробирается черезъ чащу, съ трудомъ карабкаясь на бѣлую скалу, и когда, наконецъ, миновала лъсъ, и передъ нею открылся видъ на обширныя краковскія поля, то увидала какого то человѣка, приближавшагося къ стънамъ Тынца. Остановившись, она заслонила рукою отъ солнца глаза, стараясь узнать, кто это изъ домашнихъ возвращается въ замокъ. Быть можетъ, Собъхъ, слуга, воспитатель и старый другъ Вальгира; быть можетъ, кто нибудь другой...

Дорогой, понаправленію къ Тыньцу, шелъ какой - то чужой человъкъ, одътый въ длинное, запыленное платье, съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ; на голову накинутъ капюшонъ, такъ что чертъ лица нельзя разли-

— Быть можетъ, это Вальгиръ шлетъ извъстіе, или какой нибудь гонецъ отъ познанскаго двора...

Странно ведетъ себя путникъ. Хорошо протоптанная тропинка ведетъ къ замку, но тотъ не идетъ прямо, а почти что каждую минуту останавливается, прячась за стволами деревьевъ... Ясно видитъ Гелигунда, что прохожій прячется передъ людьми; всякій разъ какъ увидитъ, что близь дороги земледълецъ обрабатываетъ сохою землю, отходитъ въ сторону, скрываясь въ лъсную чащу; избъгая людей, ползкомъ крадется къ замку.

- Кто это такой?..

Спъшитъ жена Вальгира въ замокъ, въ помъщенія для службы, и, призвавъ къ себъ стараго Собъха, который стережетъ ворота замка, говоритъ:

- Это ты шелъ по краковской дорогѣ?
- Уже два дня какъ я не покидалъ замка.
- Былъ въ Тыньцѣ какой нибудь гость?
  - Живой души не было.
- Въдъ сюда шелъ какой то путникъ. Что онъ, сквозъ землю провалился что ли?
- Кто знаетъ? Если прячется, въроятно, воръ или разбойникъ.
- А можетъ быть это паломникъ, или другъ, можетъ быть посланный моимъ мужемъ...
- Если измученный дальней дорогой отдыхаетъ въ лѣсу, такъ скоро появится, и, значитъ, узнаемъ, кто онъ и чего ему надо.
- Дъйствительно, можетъ быть это такъ. Если только это гонецъ изъ Познани, сообщи мнъ объ его прибытіи.

Но въ продолженіе цълаго дня у воротъ никто не появлялся. Гелигунда уже забыла о прохожемъ, который сначала такъ сильно ее зачитересовалъ. День прошелъ скучно; въ окно врывались золотые и пурпуровые лучи заходящаго солнца. Вотъ оно зашло, наконецъ, звъзды засверкали на небъ; среди ольхъ защелкали соловьи чарующую пъснь весны, и пустынныя комнаты замка наполнились чудными звуками соловьиной пъсни...

Веселъе сдълалось Гелигундъ; рада щебету птичекъ, внимательно вслушивается... Вдругъ... Сорвалась внезапно съ мъста и подбъжала къ окну.

— Что это?!

Подъ окномъ, въ чащъ оръшника и зеленыхъ березъ, слышится тихая пъсня, сливается она съ трелями соловья; какъ бы соперничаютъ съ ними нъжные, полные любви, звуки... Слышатся звуки струнъ...

Всматривается она въ даль, ищетъ глазами въ зеленой чащъ слъдовъ человъка, но, хотя и выплылъ мъсяцъ на середину неба, и свътло, какъ бы днемъ, никого не видно... Какъ бы березы напъваютъ эту лю-

бовную пъсню, о веснъ, молодости, золотомъ солнышкъ...

Заснуло все въ замкъ, и водворилась полная тишина; тишина около замка, и кажется что можно услышать мерцаніе звъздъ...

А изълъсу доносится тоскующій

голосъ...

Обернуться цвъткомъ страстно я бы желалъ, Что у ногъ, у твоихъ разстилается; Эхомъ пъсни бы стать...

— Князь Вислицкій!

Отъ удивленія глаза Гелигунды широко раскрылись, поблъднъла отъ страха и неожиданности...

- Онъ!!
- Если это пъснь Вислава, если это онъ сюда прибылъ, чтобы принести съ собою несчастье, подвергая меня и себя ужасной мести Вальгира, быть можетъ, даже смерти отъ руки безжалостнаго мужа...

Надо предупредить несчастіе; надо удалить отъ себя это искушеніе...

Гелигунда покинула свою комнату, проходитъ черезъ темныя залы замка, вышла наконецъ на дворъ, прячась въ тѣни, спѣшитъ къ боковой калиткѣ, откуда можно пройти прямо къ лещинамъ откуда слышится пѣсня... Крадется она среди сучьевъ граба, пѣсенка указываетъ ей дорогу, вотъ уже совсѣмъ близко...

Раздвинула листья ольхи...

- Онъ! Виславъ!
- -- Это ты, моя дорогая!
- Я--жена Вальгира.
- Жена убійцы! Въ върности присягнула разбойнику!!
- Чего ты отъ меня хочешь? Что привело тебя сюда?
- Съ края свъта ведетъ меня сюда мое сердце!
  - Ты говоришь,—сердце?
  - Любовь!!
- Любовь эта для меня несчастье.
- Несчастье? А, ты думаешь, мнъ она даетъ счастье?! Мученія, мученія безъ конца...
  - Уходи отсюда, забудь меня!

— Забыть тѣ поцѣлуи, которыми ты меня награждала, слова любви и клятвы, что будешь меня любить?!

— Молчи! Забудь! Да будетъ про-

клята та минута!

Почему проклинаешь?!Вальгиръ убъетъ тебя!

И Гелигунда въ пылкихъ выраженіяхъ стала упрекать рыцаря за неумъстный прівздъ. Тщетно тотъ молилъ ее о сочувствіи, тщетно говорилъ о своей любви, — пораженная страхомъ при мысли о мужъ Гелигунда затыкала уши и, наконецъ, не дослушавъ Вислава, бросилась домой.

Однако, когда, поуспокоившись и пообдумавъ свое положеніе, она стала припоминать нѣжную страсть Вацлава, его пылкія рѣчи, его мольбы и сопоставила ихъ съ холодностью, какъ ей казалось, мужа, чувство раздраженія вызванное, приходомъ, Вацлава, стало проходить, уступая мѣсто нарождавшемуся въ ея сердцѣ болѣе нѣжному чувству.

Три дня она кръпилась, давая слово не уступать этому нъжному чувству, три дня сидъла взаперти въ замкъ,—на четвертый не выдержала.

Подозвалъ върнаго Собъха, стараго слугу, оставленнаго Вальгиромъ, она велъла ему приготовить коня, затъмъ перекинула черезъ плечи лукъ, взяла колчанъ, полный стрълъ, и отправилась въ привислянскіе лѣса. Осматривается кругомъ, нарочно избъгая берега Вислы, не выъзжаетъ на открытыя мъста; боится встрътить... Пробралась въ глубь лъса, живой души не видно; пустила поводья, вихремъ мчится по берегу потока сквозь поляны и лъсные луга. Когда же замокъ Тынецъ совсѣмъ скрылся съ глазъ, уменьшила бъгъ, слушаетъ пъніе птицъ, любуется роскошной зеленью лъса...

Остановилась, наконецъ, среди лъсной поляны, покрытой цвътущими лютиками; по краямъ растутъ груши, обсыпанныя какъ снъгомъ, цвътами, кусты боярышника... При-

вязала она къ березкъ лошадь, а сама съла на пнъ срубленнаго дуба. Вдругъ около нея очутился Вацлавъ.

Гелигунда хотъла было встать и бъжать, но сильныя руки рыцаря удержали ее на мъстъ. Онъ продолжалъ ее молить. Та не соглашалась, но сердце ея противъ воли

говорило другое...

Загорълась, наконецъ, горячая кровь молодой женщины; не могла совладать съ собой,—и уста ея невольно прильнули къ устамъ Вацлава... Но сейчасъ же Гелигунда опомнилась и стала просить рыцаря не губить ее, немедленно уъзжать отсюда. Какъ ни молилъ ее Вацлавъ, а принужденъ былъ согласиться на это условія...

VII.

Лодка со славянскими проповъдниками плыветъ по Вислъ, проходитъ мимо селеній, мимо избущекъ, расположенныхъ у самаго берега ръки, среди безлюдныхъ лъсовъ и болотъ. Послъ нъсколькихъ дней путешествія пловцы увидъли наконецъ, какой то городъ. Масса строеній и домовъ раскинулась по берегу притока Вислы.

 Это граница обширныхъ владъній Болеслава!

— Королевскій городъ Гданскъ. *)
Лодка пристала къ берегу. Едва жители узнали о прибытіи епископа Войтъха, какъ цълыя толпы народа вышли къ нему на встръчу, и тотъ вмъстъ съ ними вступилъ въ городъ, чтобы тамъ поучать жителей. Здъсь, какъ и въ Гнъзнъ, Войтъхъ крестилъ язычниковъ, утверждалъ въ въръ Христовой тъхъ, которые уже прежде, вмъстъ съ отцомъ Болеслава приняли христіанство, потомъ вернулся на свое судно и поплылъ дальше.

По мъръ удаленія, дома Гданска дълались все меньше и меньше, прячась за ольхи, и, наконецъ, совсъмъ скрывались съ глазъ. Прош-

^{*)} Гданскъ-теперь Данцигъ.

ло приблизительно около часа, какъ на противуположной сторонъ, съ съвера засъръло что-то вдали; иногда блеснетъ какая то яркая бълая полоса, то вдругъ снова принимаетъ цвътъ стали... Безграничная равнина, вода и вода, безъ конца; глаза не достигаютъ предъла. Не видно никакихъ признаковъ жизни, ни слъда живыхъ существъ, на огромной пустынной поверхности. Ничего нътъ; вода и только вода.

Это-море...

Выплыла барка на водяной просторъ Епископъ Войтъхъ приказалъ держать путь на востокъ. Всъ схватились за весла, и лодка, придерживаясь береговъ, направилась на востокъ. Пустой, безлюдный, какъ бы вымершій край! Изръдка зеленыя группы деревьевъ нарушаютъ однообразіе; все песчаные наносы, дикія возвышенности, обнаженныя скалы, о которыя ударяясь волны разбиваются на мелкіе брызги пъну. Солнце уже склонилось къ западу; устали гребцы, время отдохнуть и приготовить себъ ужинъ. Лодка пристала къ берегу, привязали ее веревками къ свалившемуся дереву, и всѣ вышли на сушу; рыбаки стали собирать вътви можжевельника, сухія морскія травы, и стали раскладывать костеръ. Запылалъ на бълой дюнъ огромный огонь, но ничтожнымъ казался его блескъ по сравненію со зрълищемъ, открывавшемся передъ ними.

На западъ простилается открытое море. Солнечный дискъ погружается въ его волны. Засіялъ въ водъ огромный золотой столбъ, море колеблется милліонами волнъ, и на верхушкъ каждой волны, точно въ драгоцънномъ камнъ, переливаютъ лучи солнца, милліоны золотыхъ огоньковъ сверкаютъ, мерцая. Дошло наконецъ солнце до самой воды, и кажется глазамъ, что пожаръ охватилъ все море, что только что синее море, превратившись въ золото и пурпуръ, горитъ и пылаетъ...

Епископъ Войтъхъ смотрълъ на

заходъ солнца, любуясь открывшимся передъ нимъ дивнымъ зрълищемъ; мысль его стремилась къ Тому, Кто сотворилъ всѣ эти чудеса, кто зажегъ на небѣ эту горящую лампаду, и уста его невольно шептали великій гимнъ въ честь Творца всего міра . . . .

Наступила ясная ночь; но всъ еще бодрствуютъ, одни сидятъ около костра, другіе разбрелись вокругъ, чтобы ознакомится съ мъстностью. Только что вернулись двое рыбаковъ, къ Войтъху, и съ большимъ удивленіемъ передаютъ ему.

— Черезъ тысячу шаговъ—другое

море...

— Что ты говоришь?!

- Мы прошли всю сушу поперекъ и увидъли другой ея берегъ. Видны тамъ огромныя озера, а на горизонтъ синъютъ какіе то острова или земля.
- Не къ материку пристала наша лодка, а къ узкой морской косъ, съ двухъ сторонъ омываемой моремъ.

— Дошли до конца ея?

Солнце уже было высоко, когда путешественники достигли конца полуострова, и нашли проливъ, ведущій въ заливъ и къ материку. Лодка выплыла на большое озеро; ксендзъ Радзимъ, припоминая себъ описанія, узналъ теперь, что это цъль ихъ путешествія, а именно прусская земля.

Весело гребутъ рыбаки, епископъ Войтъхъ приказалъ держать путь къ берегу; на лицахъ всъхъ видна радость, что разстилающаяся передъ ними земля — та нива, на которой они будутъ работать, исполняя завътъ Христа.

Берегъ увеличивается по мъръ приближенія; видны растущія на

немъ ели, какія то большія болота; поросшія аиромъ, задумчивыя вербы, расположившіяся надъ водой

Лодка пристала къ берегу; три священника вышли на сушу, послъ чего Войтъхъ приказалъ рыбакамъ немедленно возвращаться въ Польшу. Спутники со сдезами умоляли Войтъха позволить имъ остаться для защиты, но тотъ былъ непоколебимъ. Поцъловали рыбаки руки его, съли въ лодку и поплыли обратно. Качается судно на волнахъ, дълается все меньше и меньше... и исчезло наконецъ за проливомъ.

На Прусской землъ осталось трое людей...

Нъсколько дней отдыхали священики на берегу морскаго залива. Потомъ всъ они облачились въ священныя одежды; на епископъ Войтъхъ сіяло украшенное, золотомъ и драгоцънными камнями облаченіе, вышитое руками королевы Эмнильды.

Палъ на колъни славянскій апостоль, громко читаеть псалмы Давида, а два священника повторяють за нимъ святую пъснь....

Услышалъ пруссакъ эхо пѣсни; изъ-за густыхъ лощинъ выглянули головы. . . . .

Какой-то мальчуганъ, съ длинными свътлыми волосами, раскрывъ широко глаза, съ удивленіемъ смотрить на необычныхъ гостей, прислушиваясь къ пънію священныхъ псалмовъ. Выступилъ подростокъ изъ зарослей, отступилъ затъмъ назадъ; и исчезъ въ лъсной чащъ.

Вскоръ онъ привелъ съ собою массу людей. Окружили они молящихся священниковъ; изъ среды пришедшихъ выступилъ старецъ и спросилъ Радзима:

- Кто вы такіе?
- Это епископъ Войтъхъ Славникъ! отвътилъ священникъ Богушъ, который умълъ говорить по-прусски и по-литовски.
  - Зачѣмъ вы прибыли сюда?
  - Пришли мы поучать васъ.

- Чего-же вамъ нужно?
- -- Чтобы вы познали единаго и великаго Бога, увъровали въ Него и приняли крещеніе.
- Xa! ха! засмъялся какойто вожль.
  - Чего-жь вы смѣетесь?
- Вы христіане? Знаемъ мы васъ, знаемъ!
- Что? Знаешь ихъ? спросила смъющагося человъка окружавшая его толпа.
- Знаю. Это—нѣмцы. Они такъ окрестили славянъ надъ Мжою, что теперь ни одного изъ тѣхъ нѣтъ на свѣтѣ. Истребили, поубивали, вырѣзали всѣхъ... Жгли селенія, вѣшали старцевъ, распарывали животы...
- "Мы—не нъмцы!—воскликнулъ возмущенный Радзимъ.
  - Не лги. Ты нъмецъ!
  - Признайся!
- Крещеные славяне, живушіе надъ Рейномъ, Мжою и Западнымъ моремъ, уже не существуютъ на этомъ свътъ. Живой души не осталось. Что-жъ, и мы пойдемъ вслъдъ за ними?...
- Мы хотимъ жить! Жить!! Прочь! Уходите прочь!— кричала толпа.
  - Прочь уходите изъ нашей земли!
    - Убить насъ хотите?!
- У насъ нътъ оружія! воскликнулъ Радзимъ.

Какъ-то старый поселянинъ внимательно оглядълъ священниковъ и сказалъ:

- А въдь правда! Пришли къ намъ безъ оружія.
- Это не нъмцы! Въдь по-славянски съ нами говорятъ.
- Доброта виднъется въ ихъ глазахъ.
- Выслушаемъ, узнаемъ, какова ихъ въра.
- Вѣдь это гости! Принять ихъ радушно—наша обязанность.

Богушъ сталъ объяснять имъ основы святой Въры, когда къ берегу пристала лодка, изъ которой

вышло болъе десятка рыбаковъ. Побросали корзины наполненныя рыбами и бъгутъ къ толпъ.

- Что тутъ такое происходитъ?
   спросилъ рослый рыбакъ, держа въ рукъ весло.
  - Чужіе люди.
  - Кто такіе?
  - Христіане.

Широко раскрывъ глаза, взглянулъ рыбакъ на священниковъ; гнъвъ отпечатался на его лицъ.

- Христіане?!—воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.
- Отъ нъмцевъ пришли, чтобы крестить насъ!

Схватилъ великанъ весло въ свои желъзныя руки, бросается къ епископу Войтъху... Тщетно заслоняетъ народъ своего гостя,—нападающій поражаетъ въ голову молящагося священника...

Привели въ чувство благочестиваго епископа, перевязали раны, остановили кровь... Покинули проповъдники эти мъста, перешли черезъ протекающую вблизи ръку и направились въ глубь страны. Солнце уже заходило, когда имъ встрътился какой-то богатый вождь, пригласилъ ихъ къ себъ и радушно угостилъ ихъ въ своемъ домъ. Въсть о томъ, что въ странъ появились какіе-то чужіе люди распространилась по всъмъ селеніямъ далековокругъ; на утро огромныя толпы народа окружили жилище владыки, желая увидъть прибывшихъ незнакомцевъ.

Рано утромъ изъ дому вышелъ епископъ Войтъхъ, встръченный ропотомъ и свистками толпы,

- Чего теб'в отъ насъ надо?!-кричали они. — Кто ты такой?...
- Происхожу я изъ славянскаго народа, зовутъ меня Войтъхомъ, ямонахъ-епископъ, въ настоящее время— вашъепископъ. Прибылъя сюда, имъя въ виду ваше добро, изъ польской земли, которой правитъ Болес-

лавъ. Я слуга Того, Который сотворилъ небо и землю, море и все живущее. Приношу я вамъ спасеніе, чтобы вы возродились во Христъ, получили крещеніе гръховъ и заслужили себъвъчную жизнь.

Но толпа не хотъла ничего слушать. Подстрекаемая своими жрецами, она набросилась на проповъдниковъ. Войтъхъ получилъ ударъ по головъ, затъмъ опьянненые кровью пруссаки отсъкли ему голову.

Однако, нъкоторымъ, болъе благоразумнымъ удалось удержать убійцъ, — и спутниковъ Войтъха не тронули. Только ихъ насильно по садили въ лодку и велъли плыть обратно. За то разсерженные жрецы утолили свою злость, напустивъ народъ на тъхъ гостепріимныхъ пруссовъ, которые принимали Войтъха и его товарищей: ихъ убилм, жилища сожгли, а домашнихъ продали въ рабство.

Пришла къ Болеславу печальная въсть о смерти Войтъха. Не хотълъ, однако, благочестивый польскій король — рыцарь кровью и огнемъ мстить язычникамъ, а просто выкупилъ тъло мученика, затъмъ положилъ его въ церковь въ Тржемешнъ, на время, пока въ Гнъзнъ будетъ выстроена гробница. Много опытныхъ золотыхъдълъ мастеровъзанимались устройствомъ раки. Сдълали изъ золотыхъ пластинокъ; не жалълъ польскій король драгоцівннаго металла, чтобы только произведеніе было достойно своего назначенія. Когда, наконецъ, рака была готова, епископы польскіе положили тело апостола въ золотой гробъ.

По всему свъту стали скоро расходиться въсти, что въ церкви гнъзненской хромые начинаютъ ходить, слъпые видъть... До Рима дошла эта въсть, — и папа Сильвестръ II причислилъ къ лику святыхъ славянскаго апостола.

(До слъд. №-ра).

Писатели~индивидуалисты.

I.

(М. Горькій).

Т. Ганжулевичъ.

"Смогу-ли я преступить или не смогу? Тварь-ли я дрожащая или право имъю? (Достоевскій).

Самый бъглый обзоръ историческаго процесса нашего сознанія наталкиваетъ насъ на проблемы, которыя изъ въка въ въкъ возстаютъ предъ каждымъ поколъніемъ и каж-

дый разъ рѣшаются иначе. Такова и проблема отношеній личности и общества, этихъ двухъ "антиномій", какъ мѣтко называетъ ихъ г. Булгаковъ. Она, мнѣ кажется, является

Digitized by Google

тъмъ центромъ, вокругъ котораго всегда зараждаются новыя теченія. Въ разъясненіи нъкоторыхъ пунктовъ ея литературныя теченія получаютъ и свое развитіе, и свою оцънку. Нечего и говорить, что проблема эта очень широка, и что съ каждымъ въкомъ, при наплывъ новыхъ условій и понятій, она все болье и болье расширяется. Вся борьба литературныхъ партій вращается большей частью около нея: все дъло въ томъ, насколько признается зависимость личности отъ общества и какъ она понимается.

Съ этой точки зрънія и можно разсматривать наши литературныя эпохи, начиная съ того момента, когда проблема эта сознавалась еще слабо, когда личность и общество, слитыя въ одно гармоническое цълое, только что проникались началомъ раздвоенія, и кончая настоящимъ моментомъ, когда ницшеанство особенно рельефно выставило эту проблему и на ръшеніе ея сознательно принесло всъ свои силы. Мы остановимся на этомъ послъднемъ моментъ, какъ на наиболъе близкомъ намъ, стоящемъ на грани какого-то новаго міра ("намъ нужно что-то новое, ибо и мы въ жизни новость") говоритъ одинъ изъ "бывшихъ людей" М. Горькаго.

Новая задача обрисовывается намъ уже ясными штрихами, и къ ней направляемся мы, мятущіеся, ищущіе люди. Но раньше, чіть подойти къ ней ближе, мы должны изслъдовать свое "я", его глубины, его силы. Къ этому приводитъ насъ и опытъ прошлаго, неудавшееся въ своей реализаціи общественное теченіе 70-хъ годовъ, которое именно, быть можетъ, и произошло вслъдствіе несоразм'вримости своихъ чужихъ силъ. То разочарованіе, та скука жизни, которая послъдовала вслъдъ за этимъ, отразившись въ нашей литературъ въ чеховскомъ житьъ, не могли продолжаться долго, И вотъ, черезъ десятилътіе, раздается смѣлый голосъ, бодро зовущій на новый путь и, конечно. новую борьбу. Выступаеть въ литературъ человъкъ, самъ вышедшій изъ среды народа, несущій съ собой его зарождающіеся идеалы, но указывающій и на ту бользнь, которая возникла въ немъ, на босячество, съ его смъшеніемъ здороваго и упадочнаго, съ его въчной общественной борьбой и нравственной раздвоенностю въ самомъ себъ. Оно можетъ быть не только болъзненнымъ наростомъ, но и переходною ступенью въ нашемъ историческомъ развитіи, которую мы стремимся избъжать, но избъжимъ-ли, — вопросъ будущаго.

Съ этой точки зрънія произведенія М. Горькаго сыграли свою роль въразвитіи общественнаго самосознанія, давъ яркіе образы того, что незамътно начало назръвать въ русской жизни. Внъшняя, соціальная обособленность босяка вела за собою и нравственный разрывъ съ цълымъ, составною частью котораго она являлась. Его міръ мало-по-малу поневолъ ограничивается своимъ "я", и "сынъ орла" уже не могъ ужиться въ узкихъ рамкахъ общественности: какъ оковы, давили онъ его, заставляя бъжать на безконечный просторъ индивидуализма, гдъ личное "я" и судья, и властелинъ.

Это—та же ступень, которую переживала и наша интеллигенція, оторванная отъ народа, что она сознаетъ только теперь. Если Раскольниковъ задумывался надъ тъмъ, все ли позволено, если Иванъ Карамазовъ требовалъ отъ жизни уясненія значенія своей личности, помимо унавоживанія почвы для будущей гармоніи, то Сергъй Петровичъ Керженцевъ приходитъ уже къ горькому сознанію ничтожности своей личности, при существованіи "за дверью великаго коллективнаго "я", въ которомъ она теряется.

И пока не найденъ выходъ къ этому "я", величіемъ и силой котораго можно было бы скрасить собственное существованіе, до тъхъ поръ положение останется страшно мучительнымъ.

Интеллигенція такимъ образомъ пережила уже періодъ исканія своего "я"; она ищетъ ему только мъста въ жизни, въ то время, какъ народъ, идущій за нею, восходить на эту первую ступень. Оглянувшись на историческій путь своего развитія, интеллигенція должна столкнуться лицомъ кълицу съ народной массой и, кто знаетъ, не во взаимной ли помощи заключается вершина индивидуализма и его сліянія съ гармоніей народной жизни въ ея высшей формъ. А пока индивидуализмъ служитъ объединителемъ двухъ теченій, ндущихъ сверху и снизу, въ ихъ основной чертв -заботь о личномъ я. — выдвигаетъ своихъ работниковъ мысли, своихъ художниковъ.

Ими является у насъ въ настоящее время два писателя, имена которыхъ будугъ тъсно связаны съ этой ступенью общественнаго развитія, какъ бы кратковременна она ни была, — это М. Горькій и Л. Андреевъ. Изънихъ первый въ особенности является выразителемъ индивидуализма, зарождающагося въ народной массъ со всъми его особенностями и бользненными уклоненіями, второй, въ средъ интеллигенціи и того класса, который уже вышелъ изъ

народа. Ницшеанская философія, присутствующая въ произведеніяхъ обоихъ авторовъ въ обрывкахъ, ничто иное, какъ туманная декорація, на фонъ которой ярко обрисовывается художественный образъ, полный реальной правды. "Жизнь узка, а я широкъ" — такъ просто резюмируетъ новый человъкъ принципъ СВЭЙ ("Проходимецъ", 200). Онъ не желаетъ быть "пятачкомъ", "ходячей монетой", вся разница которой отъ другой такой же-въ годахъчеканки; онь всъ свои усилія употребляетъ на выработку своей особой физіономін, не замізчая, какъ, въ погоні за этимь, теряется высшая цъль, которая одна въ состояніи дать успокоеніе мятущейся душъ, — теряется "смыслъ жизни".

"Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей",—говоритъ "проходимецъ",— "отъ всякихъ мелочишекъ, до того облъпляющихъ твою жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучной ношей... тяжелымъ лукошкомъ обязанностей". (224).

Здъсь мы видимъ, какъ смыслъ жизни переходитъ въ чисто идейную борьбу съ мелочами, которая, очищая "я" отъ всего связывающаго. въ то же время ставитъ его слишкомъ высоко для того, чтобы оно не упало: оно является само цълью; человъкъ путается съ нимъ въ безграничномъ пространствъ разныхъ взаимоотношеній и понемногу начинаетъ ощущать ту пустоту душевную, которая такъ рельефно выставлена Горькимъ въ его Иванъ Ивановичъ. Какъ изъ сердца Ивана Ивановича вмъстъ съ чувствами, мъшающими его совершенствованію, извлеклось и все душевное содержаніе, —настолько все хорошее было здъсь перепутано съ дурнымъ, такъ и личность, освобождаясь отъ пугъ общественности съ ихъ мелочностью, мъщающей разумной, свободной жизни, -- освободилась и отъ того, что давало смыслъ и радость жизни, привязывало къ ней.

Очевидно, мы вмѣстѣ съ гими порвали запутавшуюся среди нихъ ту нить, которая одна прикрѣпляла личность къ жизни, и теперь мучимся въ поискахъ ея конца. Потерявъ связь съ цълымъ, личность уже не можетъ понять его; индивидуально она переросла уже его, но, связанная кровными узами родства съ нимъ, чувствуетъ озлобление за эту свою зависимость, смъшанную съ гордымъ презръніемъ и душевной болью; намъ тяжелъ разрывъ съ близкими, но вмъстъ съ тъмъ и страшно остаться однимъ въ безвоздушномъ пространствъ. ("Всъмъ

даже страшно стало, когда они поняли, на какое одиночество обрекаль онъ себя",—говоритъ старуха Изергиль о "сынъ орла, который захотълъ себя считать первымъ на землъ). "На время позабудешь, что ты ихъ собственность", — говоритъ "проходимецъ",—этотъ типичный представитель личности, стремящійся къ полному освобожденію отъ всякихъ путъ,—"потомъ вспомнишь это и за то, что тебъ было пріятно ихъ одобреніе,—чуть не бъешь себя по мордъ".

Въ этихъ словахъ уже слышится злоба человъка, изнемогающаго въ

неравной борьбъ.

Та же смъсь инстинктивной любви къ коллективному цълому и сознательнаго презрънія звучить и въ аллегорическомъ разсказъ о Данко ("Старуха Изергиль"), зажигающемъ свое сердце для того, чтобы заставить итти впередъ презираемую, но любимую имъ толпу. Родственная связь съ нею, столь позорная для великаго "я", ищущаго свободы въ полномъ одиночествъ, обособленности, предстоитъ на каждомъ шагу. Вотъ почему, быть можетъ, у этихъ одиночекъ сила облекается въ такой поэтическій образъ, возводится въ апоееозъ.

Это великое средство одиночекъ для достиженія великой цъли — борьбы съ коллективнымъ и побъды надъ нимъ. Но сила соединяется при этомъ и съ здоровьемъ душевнымъ: нравственная раздвоенность, столь присущая одиночкамъ изъ интеллигенціи, въ художественныхъ образахъ, взятыхъ непосредственно изъ народной среды, — отсутствуетъ, какъ отсутствуетъ и ея первая причина, рефлексія. Въ этомъ единственное спасеніе и возможность нъкоторой устойчивости одиночекъ изъ народа.

Таковъ, напр., Артемъ, съ своей необыкновенной красотой, силой и какой-то дътской безпечностью и непосредственностью; такова Мальва, ни минуты не задумывающаяся надъжизнью, вполнъ отдавшаяся стихій-

ной силъ своихъ страстей; таковъ Лайко Забырь и Радда, оба сильные и красивые, съ своимъ дикимъ культомъ свободы, который (какъ и у Мальвы капризъ) становится ихъ фетишемъ и незамътно порабощаетъ ихъ; таковъ и Челкашъ, окутанный въ поэтическій ореолъ свободы безкорыстія (хотя любовь къ свободъпутается еще съ привязанностью къ землъ). Весь этотъ аповеозъ силы и красоты заканчивается однимъ могучимъ и сильнымъ аккордомъ, одной, полной поэтической прелести картиной: сильный, красивый соколъ, высоко парящій надъ землею, разбитый падаетъ на скалу и съ нея, мечтая о небъ, низвергается въ бездну; рядомъ съ нимъ лежитъ зафилософствовавшаяся при этомъ змъя съ своей жалкой попыткой подняться также легко и свободно на воздухъ, тогда какъ ей суждено въчно ползать по землъ...

Но если красота и сила окружаются ореоломъ, то рабство труду съвыжимаемой имъ "каплей пота", о которой говоритъ Макаръ Чудра, предстаетъ, какъ что-то унижающее человъческую личностъ, какъ наиболъе тяжелыя оковы, которые именно и надо избъжатъ.

Въ этой ненависти къ труду, звучащей въ философіи босячества, мы, кромъ неосмысленности самаго труда, видимъ борьбу съ стихійной силой, которая подчиняетъ себъ человъка, затушевываетъ его обособленность и сливаеть съ великимъ цълымъ. Въ народъ это стремление имъетъ дъло съ одной крупной силой -"властью земли". Это вдвойнъ сильный врагъ не только по прочности въковой традиціи, вошедшей въ плоть и кровь народа, но и по тому элементу, который одинаково родствененъ и душъ одиночки, и великому цълому, объединяющему ихъ и мъшающему полному выдъленію "я": поэтическая прелесть, которой полна земледъльческая жизнь кресть. одинаково мила и затеянина, рявшейся въ толпъ личности съ ея

любовью къ уютной жизни, и босяку съ его родственной стихіи дуцой. Та ширь родныхъ полей и луговъ, среди которыхъ проходитъ большая часть жизни крестьянина, тотъ клочекъ независимости, который дается ему любимымъ свободнымъ трудомъ, не извнѣ навязаннымъ, невольно привлекаетъ симпатіи босяка.

Не то представляетъ всякій другой трудъ для крестьянина, вышедшаго изъ своей среды на такъ называемый заработокъ: тамъ трудъ переходитъ въ деньги; это трудъ, не дающій непосредственно удовлетворенія, трудъ, превращающій личность въ орудіе чего-то бездушнаго, безсмысленнаго, обезцънивающій ее домеханическихъ колесиковъ какой-то машины, вращающейся безъ участія воли и сознанія личности.

"Научился я мастерству... это вотъ зачъмъ?—говоритъ Григорій Орловъ, —или, кромъ меня, мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ я, а дальше что? «Какое въ этомъ для меня удовольствіе?.. Сижу въ ямъ и шью... потомъ помру" (267).

Вотъ почему у босяка изъ народа нътъ-нътъ да и проскользнетъ эта глубоко затаенная симпатія къ землъ.

"Главное въ крестьянской жизни, говоритъ Челкашъ, -- это, братъ, свобода: хозяинъ ты есть самъ себъ. У тебя твой домъ, - грошъ ему цъна, — да онъ твой. У тебя земля своя, всего ея горсть, — да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землв! И потомъ порядокъ: утромъ всталъработа... весной — одна, лътомъ другая; осенью, зимой-опять иная. Куда ни пойдешь, воротишься въ свой домъ. Тепло!.. Покой!.. "Онъ воодушевляется этими воспоминаніями, но какъ бы, прибавляетъ авторъ, "запамятовавъ объ обязанностяхъ",

Однако, кромъ естественной идеа-лизаціи покинутаго, но милаго прошлаго, здъсь сказывается чисто психологическая черта, объединяющая народъ съ выходцами изъ него

и не дающая порвать связь до конца.

Вспомнимъ разсказъ "Дружки", гдъ два пріятеля идуть въ деревню темной ночкой на добычу. Они встръчають по дорогь лошадь, которую думаютъ утилизировать для своихъ цълей, но тутъ-же вспоминается одному изъ нихъ трудовая крестьянская жизнь съ ея радостью горемъ; вспоминается "шабръ" Михайла, у котораго украли лошадь, его отчаяние при этомъ, все значеніе такой потери для бъдной крестьянской семьи, — и вотъ, голодный ниций, оторванный уже отъ всего строя крестьянской жизни, не ръшается поднять руку на это прошлое, не можетъ вырвать изъ сердца эту, все же ощущаемую имъ связь: онъ отказывается воспользоваться удобнымъ случаемъ, отпускаетъ на свободу пойманную уже лошадь и умираетъ тутъ-же одинокій, лишенный всякой связи съ крестьянскимъ міромъ, но съ глубокою внутреннею связью, которую не могуть уничтожить никакія "обязанности"; она проявляется также активно и у Челкаша въ его пониманіи Гаврилы и помощи ему.

Впрочемъ, въ словахъ Челкаша звучить уже и презръніе вольнаго человъка, порвавшаго ради свободы со всъмъ близкимъ, дорогимъ, презрвніе къ темъ, кто, связанный трудомъ, является его рабомъ (любовь къ труду, въдь, также порабощаетъ человъка, по мнънію босячества. хотя и не столь позорно, какъ погоня за матеріальной выгодой). "А жаденъ ты, -- говоритъ онъ Гаврилъ. мечтающему объ устройствъ своего крестьянскаго быта, — "это не хорошо... Впрочемъ, что же?.. Крестьянинъ".

Вмъстъ съ презръніемъ слышится здъсь снисхожденіе, и мы чувствуемъ, что это дълается въ силу милаго ему прошлаго, непорванной связи съ нимъ. Въ этомъ есть что то трогательное у людей, все забывшихъ, со всъмъ порвавшихъ, для которыхъ

въ своемъ "я" олецетворяется весь міръ, все его значеніе.

Также трогательно, напр., возвращеніе къ землѣ человѣка *), покинувшаго ее ради широкаго простора моря и заработка на немъ, (и все это для того, чтобы удержать эту землю за собою, всадить въ нее, какъ говоритъ Василій, "уйму денегъ"). А у сына его, который уходитъ отъ тяжелаго земледъльческаго труда при знакомствъ съ болъе легкой и веселой жизнью, все же при видъ моря невольно вырывается восклицаніе: "Кабы это все земля была! Да черноземъ! Да распахатьбы! (71). Слова эти отдаются въ сердцъ отца, будятъ уснувшую въ немъ "власть земли", которая и притягиваетъ его къ себъ.

Но вмъстъ съ тъмъ авторъ не забываетъ отмътить, что эта невольно остающаяся въ душъ связь съ цълымъ, изъ котораго личность стремится выйти, мучительно больно отзывается въ гордомъ сердцъ одиночки, какъ что-то все таки ее связывающее, и пробуждаетъ любовьненависть, такъ понятную психологически, въ указаніи которой опять таки сказался художественно праввдивый талантъ писателя. "Я, видишь-ли ты, всъхъ мужиковъ не люблю, -- говоритъ босякъ Сережка и далъе поясняетъ, — они ноютъ да притворяются, но жить могутъ: у нихъ есть зацъпка-земля, а я что противъ нихъ? **) (63).

Вмъстъ съ ненавистью здъсь звучитъ и сознаніе безсилія оторванной отъ всего личности, вышедшей изъ обычнаго строя жизни и потерявшей устойчивость.

Одинокая личность, гордая тъмъ, что сбросила съ себя оковы, всетаки чувствуетъ за собою силу, власть и значеніе которой признается ею по неволъ.

Это сплоченность коллективныхъ . "я" для одиночекъ вообще, это

крестьянскій міръ для босячества, котя-бы и вышедшаго изъ разныхъ слоевъ, но чаще всего сталкивающагося именно съ такой формой коллективизма. "Мужикъ есть для всъхъ людей матеріалъ питательный, сиръчь, съъдобное животное, напр., я: развъ возможно было бы мнъ пребываніе на землъ безъ мужика?—говоритъ проходимецъ, — "для существованія человъка", — продолжаетъ онъ. — необходимы: солнце. вода, воздухъ, мужикъ".

Пусть презрительный взглядъ паразита на свою добычу звучитъ въ этихъ словахъ, но тутъ же и сознаніе своей полной зависимости отъ презираемаго, и невольная дань уваженія къ нему, которое прямо уже проявляется въ дальнъйшихъ словахъ того-же проходимца.— "Встръчалъ я людей, и по самой натуръ своей хорошихъ, неръдко они встръчаются и почти только среди простыхълюдей, внъ стънъ города"... (226).

Характерно и проскальзывающее тутъ же отношение самого автора къ этому вопросу: "Когда мужику заплатятъ чъмъ-нибудь хорошимъ за то дурное, которымъ такъ щедро награждаютъ его?" — спрашиваетъ авторъ самого себя, слушая издъвательства "проходимца". Характерна и та путаница понятій, отмъченная М. Горькимъ, которая существуетъ среди людей, поднявшихся надъ народной массой и строящихъ свои теоріи для его жизни: "отъ насъ ускользалъ предметъ разговора мужикъ, - говоритъ авторъ въ разсказъ "Кирилка", передавая эту путаницу, — "онъ сидълъ на пескъ недалеко отъ насъ и молчалъ, и лицо его было безстрастно".

Не такое ли положеніе занималь онъ и во все время нашихъ продолжительныхъ и разноголосыхъ толковъ о немъ, нашего шатанія вокругъ да около переустройства его жизни? Не это-ли внушило намъ затаенное уваженіе къ нему и заставило считаться съ нимъ? Пусть онъ "жалокъ и низокъ", какъ гово-

^{*)} Мальва.

^{**)} Проходимецъ (206).

ритъ Челкашъ, но онъ—сила въ своей совокупности и устойчивости, та сила, которую боготворитъ босякъ, и, что самое главное, онъ—первообразъ той гармоніи, къ которой тянется дума одинокаго человъка и которую она и жаждетъ, повторяемъ, въ ея высшей формъ.

Въ этихъ маленькихъ разсказахъ и цитатахъ мы видимъ ту роль, которую играетъ крестьянское царство въ босячествъ, видимъ, какъ шатокъ здъсь въ своихъ основаніяхъ крайній индивидуализмъ. Въ единичной, самодовлъющей силъ, предстающей въ нихъ, есть уже и залогъ разложенія; сознаніе непрочности существованія единичнаго, помимо общаго. Но есть здъсь и много здороваго, хорошаго, что пріобръла и внесла личность въ долгой борьбъ за уясненіе своего "я", за его независимость. Не принесется-ли это въ даръ великому цълому?

Въ указаніи этой, ярко выступающей, хотя, быть можетъ, и скоро пробъгающей струи народной жизни—заслуга М. Горькаго. Она въ его произведеніяхъ слишкомъ блещетъ живостью и красками для того, чтобы пройти незамъченной, и намъважно было ее анализировать для общественнаго самосознанія.

Въ живой жизни мы теряемся среди массы впечатлъній, часто не можемъ осмыслить ихъ, и яркіе художественные образы помогаютъ намъ въ этомъ, сосредоточивая на себъ наше вниманіе и собирая въ себъ, какъ въ фокусъ, все существенное.

Въ этомъ заслуга беллетристики и вытекающая отсюда задача писателя: — уловить въ жизни то, что достойно вниманія, намѣтить тѣ явленія, въ которыхъ заложены живыя зерна, способныя къ дальнѣйшему развитію, могущія войти въ общій процессъ общественнаго самосознанія, какъ двигающій его элементъ.

Съ этой точки зрънія мы не можемъ согласиться съ англійскимъ

критикомъ Дилономъ, совътующимъ нашему писателю оставить свою демагогію ради тахъ широкихъ симпатій, деликатности и чувствительности къ человъческому горю, которыми онъ надъленъ, ради ръдкаго дара истолковывать невыразимыя душевныя состоянія, производящія острое страданіе или тупое отчаяніе. Нътъ, нашему художнику трудно согласиться съ этими предписаніями англійскаго критика, облатемперамендающаго холоднымъ томъ, лишеннаго чутья чуждой ему нашей исторической задачи, а она захватываетъ всв наши лучшія силы, которыхъ у насъ такъ немного и захватываетъ по праву, по своей интенсивности, которая должна замънить прежнюю медлительность, чтобы пополнить пробълы прош-

Много художественныхъ силъ у насъ ушло на борьбу за выясненіе жизненной идеи, жертвуя ей чистымъ искусствомъ, служить которому при ръшеніи великой исторической задачи для цълаго народа—становилось какъ-то совъстно.

Такъ погибъ художественный талантъ Салтыкова, Г. Успенскаго и др., въ самыхъ произведеніяхъ которыхъ мы можемъ замътить борьбу чистаго искусства съ такъ называемой тенденціей, т. е. служеніемъ жизни.

Въ произведеніяхъ М. Горькаго художникъ и человъкъ стоятъ на одной ступени, требованія жизни и требованія искусства сплетаются, и мы ръдко видимъ уступку первому. Дъло идетъ только въ сосредоточиваніи вниманія на одномъ классъ, на одномъ явленіи народной жизни. Но если отсутствіе широты взгляда можно было-бы, цожалуй, поставить въ упрекъ М. Горькому, то не надо забывать и того, что это отрицательное качество можетъ быть и положительнымъ: оно помогаетъ цъльности впечатлънія и усиливаетъ его интенсивность.

Что-же касается задачи, нам вчаемой

Дилономъ, то она была уже выполнена у насъ Достоевскимъ.

При этомъ нельзя не замътить, одной особенности нашей литературы, которая какъ-то особенно ярко бросается въ глаза. У насъ развитіе художественной всегда мысли идетъ отъ синтеза къ анализу. а не наоборотъ. Такъ, въ самомъ началъ нашей литературной эволюціи мы видимъ великій синтезъ въ лицъ нашей гордости и славы Пушкина; отъ него уже идутъ развътвлънія: глубина и богатство его поэтическаго дара являются тъмъ наслъдіемъ для русской литературы, которое она разрабатываетъ почти на протяженіи цълаго столътія. Гоголь, Тургеневъ, даже Л. Толстой, - всъ они исходятъ изъ него въ основъ своего творче. ства, пользуются уже добытыми имъ поэтическими дозами: чистотою слова, богатствомъ и звучностью ръчи; живостью, реальностью изображенія и даже тяготъніемъ къ народу, къ безыскусственности его творчества. (Вспомнимъ первыя произведенія "Парашу" Тургенева: забытую "Записки знаменитыя Охотника", вспомнимъ народныя сказки Л. Толстого и полные поэтической прелести "Вечера на хуторъ близь Диканьки" Гоголя).

Достоевскій ушель оть этого въ сторону психологическаго анализа, являясь самъ по себъ синтезомъ для современныхъ писателей. Онъ захватилъ широкую область общечелов в чсскаго чувствованія. (Вотъ почему, быть можетъ, онъ и нашелътакой глубокой отзывъ даже внъродной земли, унъмца — Ницше). Выступившіе за нимъмаленькіе работники мысли, уступающіе ему въ силъ таланта и въ глубинъ его, воспользовались добытымъ имъ для проведенія его въ маленькіе закоулки жизни. Иными словами, то, что Достоевскій даль въ общемъ, они разрабатываютъ въ частностяхъ. И напрасно, указывая на новую литературу, наши пессемисты пророчатъ ей печальное будущее — упадокъ. Правда, у насъ нътъ теперь великихъ силъ, но великія силы родятся въками, и для каждаго пророка нужны свои предтечи, чтобы онъ былъ принятъ. А кто знаетъ, не идетъ ли за нашими маленькими силами этотъ великій пророкъ, которому онъ только расчищаютъ дорогу?

Перейдя опять къ творчеству М. Горькаго въ его уже общемъ значеніи, мы должны остановиться на индивидуализмъ нашего писателя и основанномъ на немъ субъективизмъ.

Личность, выступающая здѣсь и старающаяся осмыслить себя, оказалась не въсилахъ осмыслить жизнь, въ которой только связь съ цѣльнымъ давала ей право и мѣсто; благодаря этому особенно рѣзко обозначались противорѣчія жизни.

Такъ, въ разсказъ "Осенью", носящемъ въ себъ, какъ поговаривали критики, автобіографическія черты, голодающій человъкъ съ горечью иронизируетъ надъ своимъ положеніемъ: онъ, мечтающій о реорганизаціи соціальнаго строя, о политипереворотахъ, читающій ческихъ разныя мудреныя книги, которыхъ, "навърное", какъ говоритъ онъ "недосягаема для самыхъ авторовъ", онъ долженъ заниматься тъмъ, что вмъстъ съ своей случайной подругой по несчастью вытаскиваетъ изъ амбара хлъбъ для утоленія голода. И потомъ мерзнетъ ночью подъ открытымъ небомъ. Въ этомъ много ироніи судьбы, и она становится все чаще, чъмъ дальше вглубь уходитъ единичное самосознаніе, чъмъ больше задумывается ность надъ вопросомъ о своемъ мѣстъ въ жизни, о своемъ значеніи, обособляясь отъ великаго цълаго, которое до тъхъ поръ поглощало Понятно теперь то озлобленіе противъ коллективнаго, которое могло зародиться на этой почвъ въ сердцв одинокой личности, "Нътъ законовъ иныхъ развѣ во мнѣ", --говоритъ она, но тутъ же съ горечью замъчаетъ — "Меня не жалъютъ... Азъ есмь перекати поле, и всякій,

кому вътеръ бросаетъ меня подъ ноги, —пинаетъ меня въ сторону"... (212*). Очевидно, собственные законы нисколько этому не мъшаютъ, а, наоборотъ, даже способствуютъ. Въ чемъ-же тогда сила и гордостъ личности, гдъ санкція ея правъ? Не на этой ли почвъ и зародилась нравственная раздвоенность личности, которая такъ часто встръчается въ жизни и имъетъ такое яркое отраженіе въ литературъ?

Возьмемъ для примъра самихъ героевъ Горькаго, ушедшихъ далеко отъ народной среды. Такъ, въ разсказъ "Тоска" прекрасно охарактеризованъ и самый процессъ раздвоенія. Тихонъ Павловичъ, богатый мельникъ, притесняющій мужичковъ, почувствовалъ вдругъ полосу раздумья, и "все перевернулось для него вверхъ тормашками*, и ему казалось, говоритъ авторъ, что онъ какъ бы раздвоился: одна его половина, незамътно для другой, старается куда-то столкнуть ее, какъ-бы онъ осторожно обходитъ самого себя, какъ обходилъ онъ разныхъ мужичковъ, вступавшихъ съ нимъ въ сдълки".

И дальше: "Во время разговора чувствуешь себя лучше, не замъчаешь ничего внутри себя, если говоришь о томъ, что внъ" (310).

Эту черту авторъ отмъчаетъ у всъхъ героевъ, способныхъ болъе или менъе къ рефлексіи, но особенно рельефно изображена она въ разсказъ "Ошибка", гдъ человъкъ (сельскій учитель "не у дълъ") постепенно доходитъ до сумасшествія на почвъ нравственной раздвоенности, попадая къ другому такому же сумасшедшему. Это -- бол взнь одиночества, стремящагося проникнуть вглубь самого себя, напряженіе, которое никогда не проходитъ даромъ. У Кирилла Ивановича ("Ошибка") это выражается въ борьбъ съ "нъчто", (отъ котораго онъ хочетъ "скрыть" самого себя), живущимъ внутри его.

Цъльныя натуры одиночки встръчаются ръдко; это, какъ мы уже говорили, большей частью дъти природы, выросшія и живущія на ея лонъ, на которыхъ она и накладываетъ отпечатокъ своей гармоніи.

Таковъ Забаръ Лойко, Радда, таковъ Артемъ, Мальва, "засыпка" Кузьма въ "Тоскъ".

При этомъ надо замътить, что авторъ пользуется пріемомъ пополнять впечатлъніе, усиливая впечатльніе отъ внутреннняго настроенія человъка параллелью ихъ съ природой, и тъмъ отзвукомъ, которое находитъ она въ его сердцъ. (Обращеніе къ природъ со стороны нравственно-раздвоенныхъ одиночекъ звучитъ уже стремленіемъ къ сліянію съ общимъ и частичной побъды его надъ единичнымъ).

Такъ, описывая состояніе Тихона Павловича, полное душевной борьбы, страха одиночества, потери устойчивости, которое авторъ характеризуетъ однимъ словомъ "тоска", онъ говоритъ: "кое-гдъ среди холмистой пустыни, ярко залитой солнцемъ, бросались въ глаза широкія черныя ленты вспаханной одинокія въ богатой нивъ, бъдныя, унылыя. Съ нихъ на душу мельника въяло чъмъ-то родственнымъ ей. А хлъбъ, волнуемый вътромъ, тихо шумълъ, шепча синему небу надъ нимъ" (296). Или описаніе грозы рядомъ съ описаніемъ состоянія мятущейся души старика Архипа, получившаго въ тайнъ ожидаемый, но незаслуженный ударъ отъ любимаго внука, который съ такою болью отзывается въ немъ, и безъ того уже измученномъ борьбою, кипъвшею внутри его... Но, можно замътить, что описанія моря авторъ больше любитъ, чъмъ описанія мирной стихіи, да оно и болъе близко душъ его героевъ, жаждущихъ простора и шири, полныхъ мятущейся тоски, прорывающейся вдругъ изъ подъ

^{•)} Проходимецъ.

спокойнаго покрова внѣшняго самолюбованія и эгоизма.

Эти описанія природы вносять нісколько примиряющій аккордь въ вічную борьбу страстей, развертывающихся передъ ними, крупицу объединенія въ одиночество, віющее на насъ такимъ страшнымъ холодомъ.

Здѣсь нельзя не замѣтить одной характерной черты въ произведеніяхъ М. Горькаго: останавливаясь на изображеніи одиночекъ, нашъ писатель никогда почти не берется за изображеніе толпы: ея психологія чужда и непонятна тому міру, который рисуется намъ подъ его перомъ. Въ этомъ проявляется и важное въ писателъ сознаніе своей силы, правильная оцѣнка ея.

Вообще, разсматривая отношеніе самого автора къ собственному творчеству, мы видимъ въ немъ такую сознательность, какую ръдко приходится встръчать даже у крупныхъ талантовъ; быть можетъ, это и уменьшило силу художественнаго таланта у М. Горькаго, такъ какъ мы знаемъ, что всякія рамки стъсняютъ творчество, дълая его болъе узкимъ, одностороннимъ, а при сознательномъ творчествъ онъ неизбъжны.

Но живость художественнаго изображенія и психологическій анализъ, тъсно сплетающіеся въ произведеніяхъ М. Горькаго, покрываютъ всегда ту тенденцію, которая часто незамътно въ нихъ присутствуетъ Его художественные образы какъ-бы выхвачены изъ жизни, и даже самая философія ихъ (философія дъйствительной жизни) не кажется намъ странной въ устахъ простыхъ, едва грамотныхъ людей: настолько она тъсно связана съ духовнымъ міромъ, настолько приспособлена къ нему; лишь порою поразитъ въ нихъ читателя слишкомъ литературное слово, слишкомъ ницшеанская мысль, -но это, послъднее, — надо прибавить, встръчается уже въ послъднхъ произведеніяхъ М. Горькаго.

Психологическая мотировка строго

обоснована во всѣхъ произведеніяхъ-Стремленіе къ свободѣ, гордостьнезависимости, сладкое чувство, испытываемое въ нахожденіи самогосебя и въ тоже время вся ненормальность подобнаго состоянія оторванности, стремленіе выйти изъ него, все здѣсь обрисовывается яркими, брызжущими красками; предъ нами предстаетъ цѣльная исторія одиночки въ художественныхъ образахъ-

Будущему историку нашего общественнаго самосознанія, несомнівно, придется считаться сь ней. Недаромь общество возвело М. Горькаго на такой пьедесталь: кумирътолпы есть въ тоже время и характеристика ея, такъ какъ толпа возводить въ кумиры только тізхъкто уміветь затронуть ея затаенныя струны: развитой индивидуализмъбользнь, разъвдающая ее.

Сознають это и сами одиночки, потерявшіе, какъ мы уже говорили, вмъсть съ связью съ толпой и смыслъ жизни. "Върю, что я для всъхъ васъ—пустое мъсто.. Есть я или нътъ меня, вамъ все равно—наплевать. Зачъмъ вамъ душа моя Живу я одинъ на свъть и всъмъ людямъ, меня знающимъ, очень надоълъ"—говоритъ Гвоздевъ въ разсказъ "Озорникъ".

Прекрасно изображено это и въразсказъ "Тоска", гдъ мельникъ Тихонъ Павловичъ, задумываясь вдругъ надъ жизнью, чувствуетъ себя выброшеннымъ за бортъ ея, одинокимъ, непонятнымъ и непонимающимъ самого себя.

Онъ вдетъ по своей наивности за разъясненіемъ этого къ учителю, своему врагу, написавшему на него "въ газету" и быть можетъ именно и давшему толчокъ этому раздумью. Но тотъ такой же одиночка, какъ и Т. П., не можетъ помочь ему, и только хуже подчеркиваетъ его отчужденность и нравственное одиночество, границу, стоящую между отдъльными индивидуумами. Эта "ствна", отдъляющая ихъ другъ отъ друга, начинаетъ уже мучить оди-

ночку. "И жаль тебъ людей,—говоритъ Коноваловъ, подъ впечатлъніемъ прочитанной книги,—хотя ты ихъ никогда не видишь, и они тебъ совсъмъ ничего. По улицъ они такіе можетъ десятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь про нихъ ничего. и тебъ нътъ до нихъ дъла... идутъ они и идутъ... А въ книгъ ихъ нътъ. Однако, тебъ ихъ жалко до того, что даже сердце щемитъ... Какъ это понимать"?—заканчиваетъ наивный философъ "(Коноваловъ)".

Не сквозитъ-ли и здѣсь тоска отъ своей оторванности? "Всѣмъ даже страшно стало, когда они поняли, на какое одиночество обрекаетъ онъ себя",—говоритъ старуха Изергиль о сынѣ орла, ставшемъ гордо и независимо отъ толпы, и тутъ же прибавляетъ, какое выбрали ему наказаніе: "оно въ немъ самомъ".

Очевидно, толпа, судившая "сына орла", обладала тонкимъ психологическимъ чутьемъ: худшее наказаніе трудно было придумать. И мы видимъ какъ выполняется оно надъ нашими одиночками: они или, какъ "сынъ орла", остаются "свободными и ищущими смерти", или, какъ Тихонъ Павловичъ, мучительно ищутъ сліянія съ общимъ и счастливы, если могутъ найти его.

При этомъ нельзя не отмътить одной особенности творчества М. Горькаго, сближающей его съ Достоевскимъ.

Одиночка въ самый большой моментъ своего развитія стремится уйти отъ самого себя въ толпу, которую раньше такъ гордо избъгалъ. Такъ, Раскольниковъ, ръшаясь на преступленіе, идетъ въ толпу, (въ трактиръ), какъ бы стараясь въ шумъ ея избъжать самого себя; такъ и Тихонъ П. въ "Тоскъ" идетъ туда же искать забвенія, или какъ сказали бы мы, связи съ толпой, въ потеръ которой заключается и потеря душевнаго равновъсія (замъчательно, что они подчиняются этому влеченію какъ бы невольно, въ мивето равново въ мивеченію какъ бы невольно, въ мивето равново правново правнов правново пра

нуты своей наибольшей пассивности). У Тихона П. это сближеніе съ общимъ происходитъ здѣсь подъ впечатлѣніемъ пѣсни, полной горечи, такихъ же выброшенныхъ за бортъ обычной жизни людей.

Авторъ такъ описываетъ переживаемое при этомъ: "было что-то жгучее и щиплющее во всъхъ этихъ впечатлъніяхъ; оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душъ мельника странную, сладкую боль, точно большая, давившая его сердце льдина таяла, распадалась на куски, коловшіе его тамъ внутри (318).

И этотъ человъкъ, не привыкшій къ рефлексіи, не умъющій овладъть ею, не можетъ объяснить себъ то странное чувство какой-то восторженности, которое овладъваетъ имъ при томъ: "чувствую себя теперь охъ какъ! Въ огонь бы полъзъ", "на ножъ пойду"!— восклицаетъ онъ, комментируя, какъ можетъ, свое состояніе экстаза.

Но гармонія душевнаго состоянія и на низшей своей ступени не можеть выноситься долго, какъ замѣтилъ это еще Достоевскій. Т. П. тоже недолго выносить ее, не смотря на свою загрубълость, и просить прекратить пъсню, произведшую также впечатлъніе: "Больше не могу"!—восклицаетъ онъ и затъмъ "возобновился человъкъ".

Вообще душевное состояніе Т. П. слишкомъ для него неожиданно, слишкомъ мучительно послѣ прежняго спокойнаго прозябанія; это душевный переломъ, который, къ сожалѣнію, авторъ захватываетъ въ самомъ его сильномъ проявленіи, не намѣчая развитія.

Быть можеть, въ этомъ сказалась опять-таки особенность таланта М. Горькаго, схватывающаго типъ въ наиболъе яркомъ, характерномъ его проявленіи, не прослъживая его развитія.

Въ этомъ сказывается интенсивность общаго процесса развитія нашей художественной мысли, отража-

ющей быстро бъгущія струи народной жизни, за которыми ей трудно угнаться иначе. "Жизнь... колебаніе только одно... рябь. Поймешь здъсь что, какъ же!" говоритъ Т. П. възаключеніе, уже почти примиренный съ собой.

Это стремленіе къ осмысливанію жизни, своего мъста въ ней, проходитъ во всъхъ произведеніяхъ М. Горькаго и особенно рельефно проявляется въ последнихъ вещахъ---"Мъщане" и "На днъ", гдъ проскальзываетъ и мученіе писателя, ищущаго свой идеалъ.

такому осмысливанію стремится Тетаревъ, Лука, и если первый не находитъ ничего, то второй несетъ уже съ собой надежду и имъетъ для нея основанія въ любви къ людямъ, которой большей частью

лишены одиночки.

Если-бы позволительно было дълать заключенія отъ характера произведеній, въ ихъ хронологическомъ порядкъ, къ характеру развитія художественной мысли ихъ творца, то мы могли-бы сказать, что М. Горькій стоитъ на порогѣ новой ступени въ своемъ творчествъ. Лука, Нилъ, -- все это уже намъчающіеся штрихи новой задачи и, какъ первые, не совсъмъ удачные. Нилъ, это копія Штольца; онъ чуждъ русской жизни, русской натуръ. Только уставши въ погонъ за положительнымъ типомъ, могъ создать его М. Горькій.

Въ нашей русской, разбросанной и безалаберной жизни, умъренность и аккуратность, Штольцовская увъренность въ себъ и, прибавимъ, мъшанское самодовольство не могутъ входить въ типъ русскаго человъка; въ немъ, какъ и въ И. И. * перепутано все хорошее съ дурнымъ, и воплощеннаго идеала или воплощеннаго злодъя у насъ труднъе найти,

чъмъ гдъ либо.

Всъ подобныя попытки у нашихъ художниковъ беллетристовъ создать что-либо въ этомъ родъ оканчивались неудачей и сводились въ результатъ или къ Гончаровскому Штольцу, или къ Гоголевской Улинькъ и благод втельному купцу. Но въ самыхъ этихъ типахъ, стремящихся къ чему-то положительному по са-MOMY характеру своего созданія, есть элементъ чего-то новаго, что до сихъ поръ, хотя и проскальзываловъпроизведеніяхъМ. Горькаго (въ творчествъ не бываетъ скачковъ), но проскальзывало довольно слабо. Мы замъчаемъ уже переходъ къ мягкимъ нотамъ послъ безпощадной реальной правды; вмъстъ съ тъмъ художественность дълается утонченнъе, анализъ глубже заглядываетъ въ душу, находя въ ней струны, не затронутыя при быстромъ вихръ, впервые вспыхнувшаго при столкновеніи съ правдою жизни, негодующаго чувства.

Это,--не примиреніе, а спокойный взглядъиспытаннаго бойца, эпическое спокойствіе, поддерживаемое требованіями драматическаго творчества, поддерживаетъ подобное настроеніе писателя. Такъ, много смягчающихъ нотокъ мы видимъ въ Лукъ, въ Санькъ, откликающихся на человъческое горе, цънящихъ, наконецъ, и чужую жизнь, уважающихъ и ея нравственный міръ до боязни затронуть въ немъ больныя струны (Вспомнимъ отношеніе Луки къ вымыслу Насти, боязнь его оскорбить въ ней, хотя созданное фантастически, но все же хорошее чувство). Въ этомъ уже звучитъ аккордъ примиренія одинокой личности съ великимъ общимъ. И не здъсь ли, въ безконечной любви и уваженіи къ человъчеству, въ его частичномъ проявлени, пополняющемъ прежнее самолюбіе и самоуваженіе, заключается примиряющій аккордъ не только творчества М. Горькаго, бросающагося въ глаза своимъ яркимъ проявленіемъ, но и другихъ современныхъ писателей индивидуалистовъ? "Жизнь хочетъ гармоничнаго человъка, въкоторомъ интеллектъ и инстинктъ сливались бы въ стройное цѣлое",-говоритъ М. Горькій устами одного

изъ своихъ героевъ, Шебуева. И не на созданіе ли, не на поиски ли его стремятся теперь наши лучшія силы и въ жизни, и въ литературѣ?

Но, пока продолжаются эти исканія, намъ необходимъ иногда бываетъ, какъ отдыхъ, "насъ возвышающій обманъ". Лука, какъ мы говорили раньше, признаетъ его во всей силъ, но подобный принципъ, конечно, не можетъ выдерживать долго. (Въ "На днъ", напр., по отношенію къ удавившемуся послъ временнаго самообмана актеру). Это только одна изъ неизбъжныхъ ошибокъ въ отысканіи правды, если не разумной и въчной, то, по крайней мъръ, дающей временное удовлетвореніе, необходимое спокойствіе на пути нашего стремленія къ въчному идеалу. Всю мучительность этихъ поисковъ въ состояніи сгладить только любовь къ людямъ и жизни, проходящая красной нитью въ произведеніяхъ нашего писателя, взявшаго на себя защиту людей, находящихся на дню нашей соціальной жизни, сброшенныхъ ею туда безъ сожалънія и часто превращающихся ихъ въ унижающихъ и оскорбляющихъ, съ глубокими затаенными душевными ранами, которыя большей частью могуть остаться въ жизни не замъченными, подъ грубой корой ихъ озлобленности.

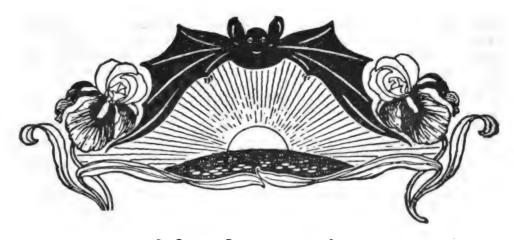
Заслуга М. Горькаго въ томъ, что, сохраняя правдивость внашняго изображенія, онъ съумъль открыть намъ и тѣ родники, которые ведутъ въ глубину души босяковъ и показываютъ хранящіяся тамъ золотыя песчинки, могущія послужить для созиданія новой жизни. Въ словахъ Шебуева *), этого неудавшагося за давившей его тенденціей типа, намъ слышится и собственный голосъ М. Горькаго со всъмъ, свойственнымъ ему жаромъ души: "Я есть правдивый голосъ жизни, грубый крикъ тъхъ, которые остались тамъ, внизу, отпустивъ меня къ вамъ для свидътельства о страданіяхъ ихъ. Они тоже хотятъ наверхъ: къ самосознанію, къ свъту, свободъ!"

И хочется върить, что свидътельство это долго еще будетъ звучать, что творчество М. Горькаго захватитъ еще шире этотъ "низъ" жизни.

^{*) &}quot;Мужикъ".

Кто этотъ, сердцу тихо говорящій, Безвѣстный другъ, безжалостный судья, Что будитъ духъ, зеленой жизнью спящій, И мысль зоветъ къ вершинамъ бытія? Съ какою скорбью къ сердцу онъ взываетъ, Когда, забывъ великія мечты, Духъ. какъ дитя безпечное, играетъ Надъ бездной житейской суеты?

Младотурки.

Б. ШТЕРНА.

(Окончаніе).

Эпоха Гамида.

Конституція 1876 г.

Наконецъ, Мидхатъ паша какъ будто оказался хозяиномъ положенія, но европейскія державы уже извърились въ объщанія Турціи и грозили созвать конференцію въстънахъ самого Константинополя для ръшенія турецкаго вопроса. Тогда Мидхатъ паша поторопилъ Абдулъ-Гамида, обязаннаго ему престоломъ, дать странъ конституцію.

Въ Болгаріи въ то время поднялось чуть не поголовное возстаніе, а Герцеговина уже многіе годы кишъла инсургентами. Словомъ, весь Балканскій полуостровъ стоялъ на краю гибели и разрушенія. Но Мидхатъ пуще всего не желалъ Европейскаго вмѣшательства; върный основному принципу младотурокъ, что реформы Турціи должны вводиться Турками же, онъ старался самъ предупредить Европу и рѣшился ошеломить ее, провозгласивъ конституцію.

Это, по его мнънію, должно было

успокоить Европу; такой фактъ являлся доказательствомъ жизнеспособности Турецкой націи и вмъстъ способности Турецкаго правительства самостоятельно справиться съ великимъ дъломъ реформы.

Комиссія изъ 16 человъкъ членовъ, подъ предсъдательствомъ. Сервера паши, приступила къ составленію новаго государственнаго статута. На первомъ планъ стояло, конечно, извъстное ограничение власти падишаха, низводившее абсолютнаго тирана на степень констуціоннаго монарха. Затъмъ слъдовало образование парламента выборныхъ представителей народа для обсужденія законовъ, установленія бюджета, податей и налоговь; наконецъ, учреждение особаго собранія (сената) изъ лицъ, избранныхъ правительствомъ и утвержденныхъ Султаномъ.

Однако, все это не удовлетворило державы,—и на 23 декабря была назначена международная Конференція представителей Европейскихь государствъ въ конакъ Адмиралтейства въ Константинополъ. Тогда Мидхатъ, не теряя ни минуты, 20-го декабря заставилъ назначить себя Великимъ Визиремъ, а чрезъ три дня, т. е. въ самый день открытія Европейской конференціи, провозгласилъ Конституцію.

Основные пункты ея были слъдующіе: 1) Нераздізльность Турецкаго Государства и, 2) Неприкосновенность и неотвътственность Султана. Особа Султана, какъ главы Ислама и Падишаха, по прежнему священной для всъхъ **•**Оставалась турецкихъ подданныхъ, безъ развъроисповъданія и народности. По прежнему Султанъ сохранялъ право назначать министровъ, распредълять должности, жаловать ордена и чины, чеканить монету, договоры съ другими заключать державами, объявлять войну и заключать миръ; попрежнему оставался главнымъ начальникомъ Арміи и Флота, сохранялъ право утверждать или отмънять приговоры суда, и созывать и распускать Парламентъ.

Но зато всѣмъ подданнымъ Султана обезпечивалась неприкосновенность ихъ личности и имущества; хотя Исламъ и оставался государственной религіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалась полная свобода для всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.

Провозглашалось равенство всъхъ передъ закономъ и равноправіе по отношенію къ занятію общественныхъ должностей. Объявлялась свобода печати, отвътственность только предъ судомъ, равное распредъленіе податей и налоговъ, сообразно состоянію каждаго; отмънялась конфискація имуществъ, запрещалось употребленіе пытокъ и всякихъ принудительныхъ мъръ при допросахъ.

Далъе, согласно конституціи, Султанъ назначалъ Великаго Визиря и Шейхъ-Уль-Ислама. Всъ министры считались отвътственными предъ Парламентомъ, т. е. представителями народа.

Парламентъ состоялъ изъ двухъ палатъ, Верхней, или Сената, и

Нижней, или палаты депутатовъ. Ежегодная сессія должна открываться тронною ръчью Султана, гдъ онъ излагаетъ положеніе дълъ Государства. Палата депутатовъ представляла всъ проекты законовъ и бюджета на разсмотръніе Сената, а послъдній на утвержденіе Султана.

Въ члены Нижней Палаты попадали выборные лица,—выбранныя закрытой баллотировкой, не моложе 30 лътъ.

Наконецъ, согласно Конституціи, ни одинъ изъ пунктовъ ея не могъ быть опущенъ или обойденъ, и даже измѣненіе его могло проходитъ не иначе, какъ съ согласія Палаты депутатовъ, а потомъ Сената.

Конституція эта не вполнъ соотвъствовала желаніямъ Мидхата паши, мечтавшаго о болъе широкомъ самоуправленіи: онъ думалъ совершенно отдълить Султана отъ Калифа, иначе говоря чтобы Султанъ быль только свътскимъ Государемъ, а не Калифомъ, и чтобы Турція не имъла никакой государственной религіи, а всъ религіи были бы равны. Этимъ реформаторъ мечталъ уничтожить власть улемовъ (богослововъ), сильную въ Турціи, но это не удалось.

Провозглашеніе Конституціи было встрѣчено народомъ съ большимъ энтузіазмомъ. Весь этотъ день и всю ночь народъ выражалъ радостными манифестаціями свое чувство благодарности и преданности Султану и свое довѣріе къ дѣлу близкаго возрожденія Турціи.

"Что на этотъ разъ осуществленіе будетъ слѣдовать за обѣщаніемъ, и дѣло—идти слѣдомъ за словомъ", —писалъ Савфетъ паша иностраннымъ уполномоченнымъ, —доказываетъ то, что, помимо торжественнаго обѣщанія Султана и помимо энергичной рѣшимости Великаго Визиря, весь народъ воодушевленъ тѣмъ же чувствомъ, а это можетъ служить наилучшей гарантіей".

Такъ писалъ Савфетъ Паша въ первые дни по провозглашении Кон-

ституціи и, въроятно, искренно върилъ самъ тому, что писалъ. Но, увы! Вскоръ все опять пошло постарому, а отъ прекраснаго, лучезарнаго, многообъщающаго новаго едва осталась блъдная тънь.

Статья 115-я Турецкой Конституціи, этой большой тетради въ зеленой обложкъ, содержащей 119 статей, отпечатанной 7-го Сильдхидже 1293 г. въ Константинополъ на французскомъ и турецкомъ языкахъ, украшенной собственноручной подписью Султана, гласитъ, что Султану, присвоена исключительная власть изгонять изъ предъловъ государства лицъ, признанныхъ вредными для государства, на основаніи "въскихъ доказательствъ департамента полиціи". На основаніи этой-то статьи иниціаторъ Конституціи и главный реформаторъ, Мидхатъ Паша, въ одинъ прекрасный день вскоръ же былъ высланъ за предълы государства, какъ человъкъ вредный и злонамъренный.

А когда въ Парламентъ какой-то депутатъ изъ Алеппо осмълился было поднять вопросъ о причинъ изгнанія Великаго Визиря, Предсѣдатель Парламента, не задумываясь, отвътилъ: "Молчи, дуракъ!!" Вслъдъ за тъмъ этотъ смъльчакъ былъ немедленно арестованъ, но ему удалось бъжать въ Европу, Вскоръ Палата Депутатовъ была распущена на томъ основаніи, что народъ будто бы еще не достаточно созрълъ, по выраженію Султана. Затъмъ Мидхатъ паша хитростію былъ вызванъ изъ Европы, преданъ суду секретной комиссіи и обвиненъ въ государственной измѣнѣ: за сверженіе съ престола Султана Абдулъ-Азиса. Какъ и слъдовало ожидать, судъ приговорилъ обвиняемаго къ смертной казни. Однако, Султанъ замфнилъ казнь пожизненною ссылкой въ Таифу, ужасное мъсто, расположенное не подалеку отъ Мекки и затерявшееся въ пустыни, словомъ, тотъ же Чертовъ Островъ, разобщенный съ цълымъ міромъ.

Вскоръ пришло извъстіе, что Мидхатъ Паша внезапно умеръ отъ какого-то мъстнаго заболъванія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1899 г. сынъ Мидхата паши бѣжалъ изъ Смирны, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи, сперва въ Авины, оттуда въ Каиръ и, наконецъ, въ Лондонъ, куда ему удалось увезти многія весьма важныя для исторіи его страны бумаги своего покойнаго отца.

Вслѣдъ за Мидхатомъ умерли одинъ за другимъ и остальные выдающіеся главари младотурецкой партіи, отъ той же "мѣстной болѣзни", которой нѣтъ точнаго названія.

Шейхъ-Уль Исламъ Хассанъ Каируллахъ Эфенди, способствовавшій своею фетвой воцаренію Султана Абдулъ-Гамида, также былъ обвиненъ въ государственной измънъ и сосланъ въ Таифу, но вскоръ распространился слухъ, будто онъ издалъ новую фетву, въ которой заявлялъ, что Абдулъ Гамидъ узурпаторъ и вслъдствіе этого не достоинъ быть Калифомъ, а потому, согласно турецкимъ законамъ, долженъ лишиться престола. На сколько въ этомъ слухъ было правды, трудно оказать, но только немного спустя было опубликовано оффиціальное извъстіе, что и Каируллахъ скончался отъ мъстной болъзни. Такая исторія и таковъ конецъ турецкой Конституціи.

Реформы Абдулъ Гамида.

"Спѣшить — значить черту служить, а медлить — Богу угождать!" — говорить одна турецкая пословица, сдѣлавшаяся руководящей нитью въ исторіи реформъ времени Абдула-Гамида. Прежде былъ удаленъ Мидхать, который былъ и слишкомъ смѣлъ, и слишкомъ уменъ, и слишкомъ скоръ, затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, былъ уничтоженъ и самый актъ Конституціи, вмѣстѣ со всѣмъ Парламентомъ Можно было думать, что благодаря

тъмъ условіямъ, при какихъ онъ престолъ. Султанъ вступилъ на пойметъ, что единственное спасеніе Турціи—вступить на путь прогресса и реформъ; самъ онъ при случаъ доказывалъ свое уважение къ наукамъ и любовь къ искуству; тъмъ не менъе онъ только по принужденію со стороны Европы д'влалъ кое какія уступки. Онъ заперся въ своемъ дворцъ, окруживъ себя фанатиками шейхами, въ которыхъ видитъ или надъется найти поддержку своей власти. Увлекшись анахронической идеей панисламизма, усилилъ значеніе евнуховъ и камарильи, которая ни въ чемъ не подчиняться волъ своего повелителя, и не противясь ей явно, фактически не придаетъ ей никакого значенія.

Такъ, желая поднять уровень образованія, Абдулъ Гамидъ основалъ болье тысячи школъ, но большинство его распоряженій остаются

только на бумагъ.

Послъ послъдней греко-турецкой войны всъ полагали, что Турція воспользуется своимъ внѣшнимъ успъхомъ для того, чтобы путемъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ упрочить положение государства, о чемъ заявилъ вслухъ и самъ Мемдухъ Паша, турецкій министръ внутреннихъ дълъ. Вскоръ появилась нота, заявлявшая, что въ шести анатолійскихъ вилайетахъ къ каждому магометанскому вали, или губернатору, приставлены по два муавина, или помощника, не магометанскаго чтобы въроисповъданія, интересы не магометанскаго ленія этихъ провинцій. Кромъ того, такой же муавинъ долженъ былъ приставленъ и къ каждому представителю правительственной власти въ каждомъ "санджакъ", или уъздъ и въ каждой "каза", или волости. Для исправленія правосудія, должны были быть назначены равное число мусульманскихъ и иновърческихъ судей и судебныхъ слѣдователей. Что же касалось организаціи полиціи, то таковая была уже вполнъ организована какъ въ главныхъ городахъ провинцій, такъ и всъхъ остальныхъ, при чемъ полицейскіе агенты избирались какъ изъ магометанскаго, такъ и изъ иновърческихъ въроисповъданій, на что Великій Визирь долженъ былъ немедленно доставить необходимыя Точно суммы. также покончено было и съ организаціей корпуса жандармовъ, содержаніе котораго почти вдвое превышало содержаніе линейныхъ войскъ. Жандармовъ въ Турціи въ настоящее время болѣе 7534, изъ нихъ 1457 челов, должны быть не магометанскаго въроисповъданія. Однако и по сіе время таковыхъ было зачислено только 711 человъкъ. Далъе, предполагалась перестройка и пересмотръ тюремъ. Но не такъ давно Султанъ принужденъ былъ самъ сознаться, что изъ всего, что должно было быть, почти ничего не сдълано.

Да такъ оно и будетъ до тъхъ поръ, пока, какъ выразился Гладстонъ, по отношенію къ Турціи не перемънятъ тонъ. А почти еженедъльныя аудіенціи посланниковъ и уполномоченныхъ иностранныхъ державъ у Султана ни къ чему не

приведутъ.

Турецкій народъ проснулся отъ своей долголътней спячки; только Султанъ все еще не хочетъ раскрыть глазъ. Несомнънное нервное возбужденіе овладѣло всѣмъ турецкимъ народомъ; онъ сбросилъ съ себя свой восточный кэйфъ, безсознательное прозябаніе, это лънивое отупъніе, въ какомъ жилъ до сихъ поръ. Вопреки болъе, чъмъ гдъ либо, распространенному въ Турціи шпіонству, все же находятся люди, которыя отваживаются время отъ времени открыто высказывать свои надежды, желанія и опасенія относительно своей родной страны.

Между тъмъ Турецкое Правительства, сознавая, что въ Европъ никто уже его объщаніямъ не въритъ, придумало истинно геніальный прі-

емъ; оно приказало Вали немедленно извъщать пребывающихъ въ данномъ вилайетъ иностранныхъ консуловъ о каждомъ осуществленіи хотя бы самый ничтожной реформы. Такимъ образомъ, ставя свои реформы подъ контроль Европейскихъ державъ, Турція положила конецъ въчно висъвшей надънею угрозъ насильственнаго Европейскаго вмъшательства въ дъло

турецкихъ реформъ.

"Относительно нашихъфинансовъ, – говоритъ одинъ турецкій дипломатъ, Европейскія державы больше безпокоятся, чъмъ мы. Мы не желаемъ и не нуждаемся въ займъ, а находимъ нужные намъ капиталы въ естественныхъ богатствахъ страны, Турція, ложно прослывшая раззоренной, быть можетъ, много богаче многихъ государствъ, гордящихся своими образцовыми финансовыми порядками. Въ Турціи именно бъдныхъ мало, здъсь всякій желающій работать находить себъ-заработокъ, въ Европъ же громадные фабричные центры скрываютъ страшную нищету; въ многихъ мъстахъ жалуются на безработицу, и страшный соціалистическій призракъ Европы съ своими уродливыми наростами совершенно не знакомъ туркамъ. (Армянскіе анархисты ничто иное, какъ европейская контрабанда). только насъ оставятъ въ Пусть поков и перестанутъ натравливать на насъ нашихъ же подданныхъ, --и мы собственными силами, хотя и медленно, но непремънно введемъ тъ здравыя и осмысленныя рефоркоторыхъ дъйствительно мы, въ нуждается Турція. Такихъ реформъ у насъ въ Турціи желаютъ всѣ; всѣ мы въ настоящее время сторонники реформъ въ хорошемъ значеніи этого слова, --- и осуществленіе ихъ теперь является лишь вопросомъ времени. Многое старое, что уже отжило свой въкъ, распадается само-собою; косные консерваторы многіе чинаютъ протирать глаза и не то боязливо, не то радостно смотрятъ впередъ на брежжущій вдали раз-

•Изъ всего этого видно одно, что народъ уже пробудился; только Сераль еще упорно держится за старыя гнилыя традиціи и предразсудки. но неумолимая рука времени уже начинаетъ потрясать Ильдизъ-Кіоскъ.

Абдулъ Гамидъ и современный либерализмъ.

Вотъ уже прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ все, что именовалось младотурками, истреблено въ Турціи. Но за эти 20 лѣтъ деспотическій образъ праявленія успѣлъ уже вызвать новое младотурецкое движеніе. Приближенные Султана обманываютъ его, побуждая къ ложнымъ мѣрамъ спасенія и самохраненія, которыя, обогащая камарилью, только вредятъ Султану въ глазахъ его подданныхъ.

По ихъ наущенію, Абдулъ Гамидъ раскинулъ цълую съть шпіоновъ на все свое государство; на обязанности ихъ лежитъ подавлять всякій свободолюбивый порывъ, всякое искреннее патріотическое движеніе.

Но это, конечно, не помъшаетъ въ концъ концовъ торжеству современной младотурецкой партіи. Именно въ эти двадцать лътъ усиленнаго гнета и порабощенія прогрессъ пріобрълъ въ Турціи наибольшее число горячихъ сторонниковъ. И хотя видимыя проявленія либерализма постоянно подавляются, самый духъ его продолжаетъ жить и кръпнуть.

Изъ желанія подавить всякое движеніе, Правительство постоянно преслъдовало и виновныхъ, и безвинныхъ; особенно обрушилось оно на военную и военно - медицинскую академію. Правда, первая изънихъ играла не маловажную роль въ низложеніи Абдулъ - Азиса, и на этомъ основаніи придворная камарилья увърила Абдулъ-Гамида, что ему слъдуетъ опасаться этого учрежденія. Вслъдъ за удаленіемъ Мид-

жата Паши, Султанъ приказалъ расформировать всю тогдашнюю военную академію, и весь цвътъ этой учащейся молодежи исчезъ безслѣдно въ пустыняхъ Анатоліи, Аравіи и Африки. Да и новое поколъніе, обучающееся въ настоящее время въ академіи, находится постоянно подъ строжайшимъ надзоромъ; подъ стражомъ смертной казни имъ воспрещено показываться вблизи Султанскаго дворца, а въ торжественный день Рамазана, когда Султанъ постѣны Ильдизъ - Кіоска, кидаетъ для торжественной церемоніи лобызанія плаща Пророка, воспитанники академіи подвергаются строжайшему аресту въ стънахъ самой академіи.

Въ іюлъ 1895 г. Начальникъ придворныхъ шпіоновъ Султана, Кадри Бей, довелъ до свъдънія Его Величества, что въ военной академіи имъ открыть заговорь. Въ сущности дъло обстояло такъ: возмущенные пренебрежительнымъ кънимъ отношеніемъ болъе богатыхъ товарищей и несправедливыми требованіями своего начальства, болъе бъдные слуакадеміи сплотились шатели одну общую группу и стали собирать свои сбереженія и то, что имъ жертвовали ихъ друзья и родственники, на побъгъ во Францію, эту страну свободы и равенства, о которой всв они мечтали, чтобы тамъ продолжать свое образование. Во всей этой затъъ не было ръшительно ничего анти-правительственнаго, или хоть сколько нибудь предосудительнаго, но открывшіе этотъ заговоръ умышленно раздули и исказили всю эту исторію, чтобы извлечь личныя выгоды изъ страха Султана.

Полъ года спустя произошло нъчто подобное и съвоенно-медицинской академіей. Здъсь было найдено весьма распространенное въ рукописи стихотвореніе на Султана съповторяющимся припъвомъ:

Ты тъло наше изъязвилъ, измучилъ, Ты горе и нужду навлекъ на насъ. Но смѣлый духъ въ насъ живъ И будетъ жить онъ вѣчно, И не страшитъ насъ мученическая смерть!

Въ другихъ, найденныхъ тутъ-же стихотвореніяхъ рѣзко порицалась система шпіоновъ. "Это такое зло,—говорилось тамъ,—которое хуже холеры: ее, приходящую къ намъ извнѣ, мы, какъ врачи, можемъ предотвратить, но подлое шпіонство—нашъ внутренній недугъ, и передънимъ мы всѣ безсильны"!

Большая часть студентовъ послъ того была сослана, и на полъ года водворилась тишина и порядокъ. Но въ концъ 1897 года между студентами и ихъ начальствомъ произошли недоразумънія, окончившіяся рукопашною схваткой. Академію оцъпили войсками; десятки студентовъ были арестованы, двое убиты. Директоръ Академіи Авни Паша получилъ отъ одного студента публично звонкую пощечину. Зачинщики были отведены въ тюрьму Султана Османа, гдъ оставались 24 часа безъ хлъба и воды, а раненные изъ нихъ оставлены безъ медицинской помощи. Затъмъ былъ созванъ судъ, --- и 47 человъкъ, признанныхъ виновными, сослали въ пожизненную ссылку въ Триполи, въ Африку.

Недавно одинъ изъ студентовъ военно - медицинской академіи писалъ своему родственнику въ Австрію: "За что насъ преслъдуютъ? За что окружили насъ явными и тайными шпіонами? Половина нашихъ товарищей — переодътые шпіоны; ихъ поселяютъ съ нами, чтобы они могли слъдить за каждымъ нашимъ словомъ и движеніемъ. Для чтобы быть подвергнутымъ суду, достаточно быть родственникомъ или даже знакомымъ кого либо изъ лицъ. находящихся подъ подозрѣніемъ. Нъсколько мъсяцевъ тому назадъ 40 человъкъ изънашихъ студентовъ были отправлены въссылку въ Феццанъ; ихъ отправили моремъ и, когда они высадились на берегу, то оказалось, что или правительство

пожелало расходоваться на дальнъйшую доставку ссыльныхъ мъсту ихъ ссылки или тъ добрые люди, которымъ было поручено доставить ихъ, безъ лишнихъ хлопотъ положили ассигнованныя на то суммы въ свои карманы, но только несчастнымъ пришлось сдълать пъшкомъ страшный переходъ по пустынъ, который даже верблюды съ трудомъ совершають въ 30 сутокъ. Теперь мы присмиръли, шпіоны уже ничего не могутъ заработать у насъ въ медицинской академіи; всѣ мы нѣмы, какъ рыбы; мы осторожны и благоразумны. Сознавая, что мы не въ силахъ спасти "Больного Человъка", какъ говорятъ въ Европъ, мы не хотимъ безполезно и напрасно жертвовать собой. Но наше начальство, получившее щедрое вознагражденіе за усмиреніе, разлакомилось на эти подачки, теперь прекратившіяся. Оно измыслило новый источникъ доходовъ, оно почти не кормитъ насъ, и даже въ самые холодные дни помъщенія наши не отопляются, деньги же, отпускаемыя на это, поступаютъ въ его карманы, въ ожиданіи, что эти новыя мъры вскоръ вызовутъ возмущеніе и безпорядки со стороны студентовъ".

Что движение въ Турецкомъ обществъ не ограничевается исключительно кругомъ студентовъ, видно изъ того, что въ послъднее время ссылаются сотнями адвокаты, врачи, софты и офицеры, считающіеся неблагонадежными и подозрительными; въ числъ ихънаходится и полковникъ Тефикъ Бей, адьютантъ и зять военнаго министра, бъжавшій однако въ Европу вмъстъ съ другими младотурками, а также Обершталмейстеръ Султана Иззетъ Паша, прозванный "Гюзелль", т. е. красавецъ, внукъ великаго реформатора Фуада Паши; онъ вскоръ получилъ помилованіе и былъ назначенъ посломъ въ Мадридъ, но, не получая денегъ, принужденъ былъ оставить свой постъ, въ которомъ онъ рисковалъ умереть съ голода.

Одному изъ выдающихся современныхъ младотурокъ, Ахмеду Риза, удалось бъжать въ Парижъ. — Это замъчательнъйшая честнъйшая И личность, искренно преданная своем у дълу. Между тъмъ, какъ весьма многіе изъ главарей младотурецкой арміи поддавались обольщенію "поимщика революціонеровъ", Ахмеда Джель-аль-Еддина, льстились на всевозможныя почести, Ахмедъ - Риза оставался въренъ себъ и продолжалъ утверждать, что при дворъ Абдулъ не можетъ быть Гамида мъста истинно либеральному человъку, пока Султанъ будетъ окруженъ людьми и той обстановкой, какіе окружаютъ его до сихъ поръ. Турецкое правительство заочно приговорило его къ смертной казни, какъ одного изъ главарей младотурецкой партіи.

Другимъ столпомъ либеральной партіи въ Турціи былъ адвокатъ Иззетъ Эфэнди, отличавшійся большимъ даромъ слова и даже въ Константинополѣ не скрывавшій своихъ либеральныхъ взглядовъ. Въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ безслѣдно, по увѣренію однихъ, былъ отправленъ въ ссылку въ Африку, по словамъ другихъ, просто утопленъ по пути въ Триполи.

Въ августъ 1897 г. одинъ просвъщенный Турокъ. занимавшій высокое положеніе, высказывалъ въ письмъ къ своему пріятелю слъдующіе взгляды:

"Вслъдствіе безконечныхъ арестовъ и ссылокъ, мы всъ находимся въ постоянной тревогъ и отчаяніи. Европа постоянно вмъшивается въ наши дъла, но она въ сущности не понимаетъ ихъ; она подымаетъ то Армянскій, то Критскій, то Македонскій вопросы, а нашихъ терзаній и мукъ, нашихъ стоновъ и вздоховъ не слышитъ и не видитъ, такъ какъ въ сущности каждая Европейская держава больше всего заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и выгодахъ. Это — ложь, что Исламъ препятствуетъ прогрессу; разумъю

чистый Исламъ, подлинный Коранъ, изъ котораго теперь умышленно вычеркнуты всъ мъста, гдъ трактуется объ обязанности Калифа по отношенію къ его народу. Самъ Абдулъ Гамидъ по природъ человъкъ не дурной; въ немъ есть, несомнънно, хорошія черты характера, не разъ проявлявшіяся въ его молодости и даже впослъдствіи сказывавшіяся во многихъ благородныхъ поступкахъ. Но воспитаніе его было шаблонное; объ его развитіи никто не заботился; это было бездушное, безсердечное воспитаніе прежнихъ софтъ (учениковъ духовныхъ школъ). Онъ окружилъ свой колеблющійся тронъ цѣлымъ сонмомъ шпіоновъ и интригановъ, лишившихъ Султана всякой популярности. Даже послъдняя побъдоносная война вызвала въ народъ только еще большее недовольпротивъ правительства. Она доказала намъ, что мы могли-бы сдълать многое, если бы у насъ были хорошіе руководители, а у насъ ихъ нътъ. Нашимъ шпіонамъ нужны деньги, нужна нажива,-и вотъ они измышляютъ какой нибудь младотурецкій или армянскій заговоръ, а потомъ хватаютъ десятки и сотни людей, ссылаютъ, мучатъ и, быть можетъ, топятъ и убиваютъ ихъ, такъ какъ никто изъ арестованныхъ не возвращается назадъ къ своей семьъ. Никогда ни Болгары, ни Греки, ни Армяне, ни Македонцы не страдали такъ, какъ молча и беззащитно страдаетъ турецкій народъ, этотъ народъ, способный къ цивилизаціи, подобно всякому другому Европейскому народу, народъ, трудящійся и свободолюбивый, но изнывающій подъ гнетомъ невыносимаго рабства. Хорошо живется только шпіонамъ и доносчикамъ, а потому даже высшіе чины государства не брезгаютъ здѣсь этимъ постыднымъ ремесломъ.

Въ числъ другихъ жертвъ шпіоновъ оказался и благородный Недшибъ Паша, лично извъстный султану и уважаемый имъ человъкъ, Когда его обвинили въ либерализмъ.

Султанъ приказалъ призвать его къ себъ и спросилъ: "Что ты имъешь противъ меня? Говори прямо, скажи мнъ всю правду, что обо мнъ ду-

маетъ и говоритъ народъ?

На это доблестный генералъ сказалъ: "Ты оказываешь мнъ великую честь, Государь, приказывая говорить правду, я всегда былъ добрымъ солдатомъ и потому не буду кривить душою! -- съ этими словами онъ вручилъ Султану записку, въ которой говорилось, что народъ страдаетъ отъ настоящаго образа правленія, что всъ стоящіе у власти не думаютъ о своемъ дълъ и обязанностяхъ, а только о доносахъ, клеветъ и предательствъ, зная, только этимъ путемъ они заслужатъ милость Султана. Народъ упрекаетъ Падишаха въ томъ, что онъ допустилъ своихъ шпіоновъ отнять отъ него его законную власть, допустилъ ихъ отдалить его отъ народа, голосъ котораго не достигаетъ слуха, народъ жалуется, что шпіоновъ и сыщиковъ тратится теперь больше денегъ, чъмъ при Абдулъ-Азисъ на его фаворитовъ, что на основаніи 63 статьи конституціи, Султанъ не имълъ права уничтожить Палату Депутатовъ, а поступивътакъ, нарушилъ свои обязательства по отношенію къ народу, который хочетъ и проситъ конституціи, видя въ ней единственное спасеніе и для страны и для себя, и для Государя. На основаніи этой записки, не Султаномъ, а его камарильей Недшибъ Паша былъ преданъ тайному суду и приговоренъ къ строжайшей каръ, причемъ Султана увърили, что онъ составилъ противъ него заговоръ. Однако, не смотря на то, Абдулъ Гамидъ замънилъ это наказаніе пожизненнымъ изгнаніемъ изъ предѣловъ Государства, назначивъ Недшиба посланникомъ въ Мадридъ, гдъ тотъ вскоръ и умеръ.

Лучше Недшибасъумълъ устроиться его единомышменникъ Аарифъ Бей, подобно ему обвиненный въ либерализмъ. Онъ заявилъ передъ судомъ, что онъ отнюдь не революціонеръ, и при этомъ подалъ записку весьма сходнаго съ запиской Недшиба содержанія, оканчивавшуюся словами, что при подобныхъ условіяхъ онъ легко можетъ стать революціонеромъ. Его сослали за это въ Ислагаръ, въ Малую Азію, но онъ бъжалъ обратно въ Константинополь, а оттуда въ Египетъ, гдъ сталъ издавать революціонную газету, получившую быстрое распро страненіе въ Турціи. Султанъ поспъшилъ послать ему полную амнистію и забвеніе всъхъ прежнихъ винъ, если только онъ вернется на родину. Тотъ послушался, но вскоръ долженъ былъ опять бъжать за границу и опять, по новому приглашенію Султана, вернулся. Теперь Аарифъ Бей состоитъ предсъдателемъ суда въ Пэръ.

Лихоимецъ и Революціонеръ.

Тяжелое положение страны взывало къ сильнымъ людямъ, которые возстали-бы на защиту правъ народа. Одно время казалось, будто именно такимъ человъкомъ являлся нъкій Мурадъ-Бей, второй Мидхатъ, какъ думали о немъ нъкоторое время. Много шуму надълало въ декабръ 1895 г. его бъгство изъ Константинополя. Въ то время въ Константинополъ онъ былъ лътъ десять извъстенъ и занималъ высокое положение въ финансовомъ въдомствъ СЪ содержаніемъ 20,000 франковъ въ годъ. На самомъ дълъ, это былъ просто мошенникъ, думавшій создать себъ благосостояніе, пользуясь обстоятельствами. И дъйствительно, онъ сошелся со многими младотурками и началъ издавать газету Мизанъ (Въсы), гдъ ежедневно обрушивался на правительство. Наконецъ, сталъ мечтать уже быть полнымъ владыкою Турціи, проектируя учредить, съ согласія султана, тріумвиратъ для управленія страной. Тріумвиратъ предполагался изъ него, Кіамиль-Паши и Кучукъ Саида-Паши. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, будущіе тріумвиры скоро принуждены были бѣжать изъ предѣловъ Турціи.

Мурадъ очутился въ Парижъ и здъсь быстро дошелъ до безвыход-

наго положенія.

Тогда мошенникъ написалъ Султану покаянное письмо, а къ списку приложилъ цѣлый списокъ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ и которыхъ выставлялъ теперь не благонадежными. Это подѣйствовало. Султанъ не только простилъ его, но и щедро наградилъ. Вскорѣ послѣ этого бывшій революціонеръ избралъприбыльную карьеру—сталъ придворнымъ шпіономъ.

Чтобы доказать свое усердіе въ новой должности, Мурадъ доставилъ султану списокъ тайныхъ подписчиковъ и сотрудниковъ одного революціоннаго органа, чѣмъ погубилъ десятки семействъ. Однако, даже оффиціальный органъ---Малюматъ-возмутился такою подлостью и назвалъ Мурада подлымъ льстецомъ. Когда по этому поводу редактора этой газеты, Тагиръ-бея, потребовали во дворецъ, онъ въ лицо Султану повторилъ ему свои обвиненія, убъждая Его Величество помиловать тахъ несчастныхъ, которые были увлечены, а затъмъ проданы Мурадомъ. И Султанъ доказалъ, что онъ не безпощадный деспотъ, какимъ его дълаютъ окружающіе, что и ему доступно чувство справедливости, разъ находятся люди, которые ръшаются сказать ему правду: онъ издалъ указъ о помилованіи всъхъ, кто былъ сосланъ или подвергнутъ наказанію на основаніи доноса Мурада.

Современная Либеральная Партія.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Султанскомъ дворцѣ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Среди непосредственныхъ приближенныхъ султана, среди людей, являющихся его бли-

жайшими совътниками, черезъ которыхъвсе доходитъ до свъдънія властелина и которые являются прямыми исполнителями его воли, царитъ невообразимый разладъ. Всъ воюютъ между собой, стараясь захватить въ свои руки власть.

Это не борьба двухъ фаворитовъ, а скоръе борьба двухъ партій, за и

противъ Султана.

Въ настоящее время въ Ильдизъ Кіоскъ царитъ такой содомъ, что никто не можетъ сказать, на чьей сторонъ теперь власть, и кто здъсь хозяинъ. Изъ людей, окружающихъ Султана, лишь очень немногіе искренно и безкорыстно преданы ему; это—преимуществено слуги низшаго разряда, люди неразвитые и необразованные, которые не въ состояніи понять тяжелаго положенія монарха, ни помочь ему дъльнымъ совътомъ. Тъ же, кто могъ бы это сдълать, не пользуются довъріемъ Султана.

Султанъ, не ръшающійся покидать своего дворца, очутился такимъ образомъ всецъло въ рукахъ камарильи которая сдълала его своимъ плънникомъ и надъ которою онъ не имъетъ никакой власти. Истинные патріоты сознаютъ всю опасность этого положенія и громко заявляютъ о ней

Этихъ людей отнюдь не слъдуетъ см вшивать съ мнимыми младотурками, которые, проживая за границей, обрушиваются на Султана и турецкое правительство, но при первыхъ звукахъ турецкихъ червонцевъ или объщаніи доходныхъ мъстъ возвращаются на родину — воспъвать раболъпные гимны тому-же Султану и тъмъ же существующимъ порядкамъ. Нътъ, истинные патріоты, не взирая ни на какую опасность, смѣло и громко говорятъ правду во всеуслышаніе, оставаясь въ Турціи или даже въ самой столицъ, за что большинство изъ нихъ платится свободой, а иногда и жизнью. Эти люди называютъ себя просто либералами; къ ихъ числу принадлежатъ лучшіе, честнъйшіе и образованнъйшіе люди Турціи. Большинство изъ нихъ не ожидаетъ ничего хорошаго отъ перемъны государя; они желаютъ только перемъны системы правленія, въря, что Абдулъ Гамидъ еще можетъсдълать многое для своего государства, если только ръшится разстаться съ деспотическимъ образомъ правленія и встать на сторону либераловъ. Они мечтаютъ, не устраняя Султана, водворить въ странъ свободу и равноправіе, правосудіе и безпристрастіе.

Въ мартъ мъсяцъ 1900 г. выдаюшіеся либералы и патріоты---Измаиль Кэмаль Бей и Вассилаки Бей, проживавшіе тогда въ Константинополъ подъ надзоромъ полиціи, были оба государственными статсъ-секретарями и единомышленниками. Они говорили, что единственное средство спасти государство и Султана—либерализмъ. Если Болгарія достаточно созрѣла для конституціи, то и Турція не менъе ея окажется созръвшей для новаго режима; деспотизмъже не можетъ существовать далѣе, такъ какъ съ нимъ связана безконтрольность дъйствій, губящая государство; онъ опирается только на такихъ людей, какіе окружаютъ въ настоящее время Султана и, преслъдуя своекорыстныя цъли, внушаютъ Султану страхъ передъ внъшнимъ міромъ, отъ котораго они совершенно отръзали его, увъривъ, что всъ, кромъ нихъ, революціонеры, посягающіе на священныя права государя.

На вопросъ, не грозитъ ли дъйствительно Турціи революція, Вассилаки Бей заявилъ: "Мы, либералы, отнюдь не революціонеры; мы согласны съзнаменитымъ Маккіавелли, что "Государь, котораго мы имъемъ. всегда бываетъ лучше того, котораго мы можемъ или могли бы имъть Кромъ того, революція можетъ навлечь иностранное вмъшательство, а это было-бы гибелью государства".

Кто же собственно можетъ считаться въ настоящее время вождемъ либераловъ?-Измаель Кэмаль Бей?

Нѣтъ, утверждаютъ либералы, у нихъ нѣтъ никакого вождя или главы; ихъ общее желаніе видѣть своимъ главою Султана. Всего лучше было бы, несомнѣнно, если бы Султанъ самъ сталъ во главѣ этого движенія и "сдѣлалъ это теперь же, такъ какъ иначе онъ будетъ вынужденъ къ тому силою обстоятельствъ; рано или поздно онъ увидитъ себя въ столь затруднительномъ положеніи, что уже волей-неволей долженъ будетъ обратиться къ нимъ за помощью и искать въ немъ спасенія".

Таковы были взгляды либераловъ въ 1900 году. Въ концъ же этого года Вассилаки Бей былъ арестованъ, а потомъ, хотя и выпущенъ на свободу, но подъ строгій полицейскій надзоръ.

Одновременно въ Измаэлъ-Кэмаль Бей и Вассилаки Бей, проживалъ въ Константинопол' другой выдающійся патріотъ. Мехмедъ Убейдуллахъ Бей. Уроженецъ Смирны, въ ранней молодости переселившійся въ Стамбулъ, онъ обучался въ коллегіи при мечети Баязета и достигъ званія улема, затъмъ посвятилъ три года изученію медицины и естественныхъ наукъ, послъ чего отправился путешествовать по чужимъ краямъ и въ теченіе десяти літь объівздиль столько странъ Новаго и Стараго Свъта, изучилъ столько языковъ, какъ ни одинъ турокъ до него. Обогащенный опытомъ и познаніями, вернулся онъ, наконецъ, на свою родину, но вскоръ былъ принужденъ покинуть столицу, гдъ его свободомысліе казалось крайне опаснымъ. Поселившись въ Филиппополъ, онъ сталъ оттуда работать на пользу своего народа. Въ качествъ выдающагося публициста, писавшаго на турецкомъ, персидскемъ, арабскомъ, французскомъ и англійскомъязыкахъ, онъ всячески старался убъдить Султана въ необходимости либеральныхъ реформъ. Онъ говорилъ смѣло и безбоязненно, ясно и убъдительно и вскоръ сталъ казаться опаснымъ

Султану, а еще болъе-его приближеннымъ. Подъ предлогомъ послъ довать его совътамъ, Султанъ вытребоваль его въ Стамбулъ. Мех-Убейдуллахъ прибылъ Ильдизъ-Кіоскъ и оказался плѣнникомъ дворцовой камарильи. Но это не смутило его: онъ ни отъ чего не отрекался и упорно стоялъ на своемъ. Султанъ приказалъ возвратить ему свободу, что и было сдълано, хотя и его взяли подъ стражайшій полицейскій надзоръ. Это, однако, не помъщало ему пріобръсти многочисленныхъ сторонниковъ и распространять свои взгляды на современное положеніе дѣлъ.

Что-же предлагалъ онъ для того, чтобы помочь горю? Революцію? Сверженіе султана?—Отнюдь нѣтъ! "Чтобы улучшить это невозможное положеніе, — говорилъ онъ, — есть только одно средство, а именно, чгобы всъ истинные патріоты коллективно обратились прямо къ султану и разъяснили ему положение страны и народа, предложивъ вмъстъ съ ними спасти государство. Кромъ тъхъ бандитовъ, которые находятъ свою выгоду въ настоящемъ положеніи вещей, нътъ ни одного человъка въ цъломъ государствъ, который не желалъ-бы перемъны существующаго режима. Но эти бандиты встали между Султаномъ и его народомъ и довели его до того, что Султанъ видитъ враговъ въ своемъ народъ, а народъ видитъ въ немъ только жалкаго труса, прячущагося въ стънахъ своего дворца, безсильнаго и безвольнаго, не могущаго ничего сдълать для блага своего народа. Поэтому необходимо уничтожить, стереть съ лица земли этихъ бандитовъ для того, чтобы возстановить личность Султана въ глазахъ его народа, спасти его и избавить народъ отъ этой страшной язвы, въ которой начало и конецъ всего зла".

На вопросъ, не разсчитываетъ-ли Убейдуллахъ Бей, что новый Султанъ могъ бы поставить все дъло иначе, ученый мужъ и истинный па-

тріотъ заявилъ, что никакой новый Султанъ не можетъ быть лучше настоящаго, что безумно мѣнять опредѣленную величину на неопредѣленную, тѣмъ болѣе, что дѣло вовсе не
въ личности монарха, а въ системѣ,
или образѣ правленія.

На вопросъ, настало ли время вновь потребовать отъ Султана Абулъ-Гамида нѣкогда данной имъ конституціи, онъ отвѣчалъ такъ:

"До послъдняго времени я смотрълъ на конституцію иначе, чъмъ теперь. Вначалъ я не признавалъ необходимости въ парламентъ, полагая, что можно будетъ удовольствоваться децентрализаціей правленія и сенатомъ, но теперь я убъдился, что парламентъ является для Турціи первымъ условіемъ благополучія. Безъ парламента наше иновърческое население никогда не убъдится въ своемъ равноправіи. Прежняя конституція Мидхата и сейчасъ какъ нельзя болъе пригодна, за исключеніемъ двухъ только пунктовъ, а именно: неотвътственности султана святости и неприкосновенности его личности. Напротивъ, монархъ всъхъ болъе долженъ быть отвътственъ передъ народомъ во всъхъ дъйствіяхъ и поступкахъ правительства, личность же султана должна неприкосновенна настолько же, какъ и личность каждаго изъ его подданныхъ, но не болъе. Парламентъ, кромъ того, необходимъ еще для того, чтобы мы могли судить, какіе люди могутъ быть пригодны для государственной дізтельности. Теперь люди возвышаются только по капризу Султана или благодаря протекціи фаворитовъ".

На вопросъ, какъ относитсяармія къ этому новому либерализму, Мехмедъ Убейдуллахъ высказался такъ: "Наши офицеры, всъ безъ исключенія, принадлежатъ къ образованному классу, а всъ интеллигентные и образованные люди стоятъ за новый режимъ свободы, равноправія и справедливости".

Однако, въ концѣ концовъ и Убейдуллаха постигла таже участь, какъ и большинство его единомышленниковъ; онъбылъ арестованъ и сосланъ въ Аравію, точно также, какъ и ученый Саидъ Бей, и двое другихъ его единомышленниковъ— Зіа Бей и Ферди Бей, которые были заключены въ крѣпость Синлія и тамъ умерли отъ плохого питанія.

Эти аресты нагнали такую панику на всъхъ мыслящихъ либерально или могущихъ быть заподозрънными въ либерализмъ, что всъ, кто только могъ, бъжали изъ Константинополя, изъ Смирны, изъ Андріанополя, словомъ, отовсюду. Много шуму надълало бъгство зятя Султана Махмудъ-Дамада Паши. Это являлось какъ бы доказательствомъ того, что даже семья Султана не считаетъ себя въ безопасности. Али Халдаръ Бей, сынъ великаго Мидхата, бъжалъ Смирны въ Египетъ, а оттуда въ Европу; Измаилъ Кэмаль Бей бѣжалъ въ Аоины и тамъ организовалъ революціонное движеніе въ Албаніи. Многія лица, считавшіяся върными преданными слугами Султана, также искали спасенія отъ шпіоновъ въ бъгствъ. Османъ Паша, личный адъютантъ Султана, вдругъ скрылся изъ Ильдизъ-Кіоска и съ техъ поръ странствуетъ по Европъ. Этотъ самый Османъ, бъжавъ изъ Константинополя, пытался вызвать возстаніе среди Курдовъ, въ Курдистанъ, но былъ уговоренъ Султаномъ вернуться въ Стамбулъ, гдъ ему предоставлено было высокое положение и большой почетъ. Какъ зять вліятельнаго Шейха Эбулъ - Худа, онъ могъ считать себя въ сравнительной безопасности, но, давъ волю гнъву своему противъ родного своего брата, котораго онъ подозръвалъ въ шпіонствъ и не безъ основанія, онъ, въ присутствіи самаго Султана, избилъ его, за что былъ арестованъ и сосланъ въ Монастырь, но въ сентябръ 1900 года бъжалъ Францію.

Либерализмъ въ арміи.

Однимъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и отважныхъ представителей либерализма въ турецкой арміи былъ несомнѣнно, покойный МаршалъФуадъ Паша, любимецъ войска и народа. Онъ не жилъ заграницей, вдали всякой опасности, а въ самомъ Константинополѣ и открыто высказывалъ свои убѣжденія. Его называли Дели Фуадъ, т.е. сумасшедшій Фуадъ, какъ нѣкогда называли Мидхата—"Дели Мидхатъ" Это былъ человѣкъ, безгранично преданный своей странѣ и своему Государю.

"Я никогда не скрывалъ и не скрываю, что я въ душъ либералъ, -говорилъ онъ, --- но я не желаю для насъ конституціи á la française или americain. Я убъжденъ, что и при самодержавномъ образъ правленія, Государство можетъ пользоваться полнымъ благополучіемъ и быть сильнымъ и могущественнымъ. Посмотрите на Россію!... Для Европейской конституціи, для парламента нашъ народъ еще не созрѣлъ: въ этомъ я убъжденъ. Представьте себъ, что нашъ парламентъ долженъ избираться изъ людей, едва грамотныхъ, имъющихъ лишь самое смутное представление о взаимныхъ правахъ. Намъ такая конституція будетъ годна, быть можетъ, лътъ черезъ 50, не раньше, и ни одинъ Государь не можетъ подарить ее, какъ красное яичко своему народу; конституцію народъ долженъ взять себъ самъ, женъ потребовать ее, какъ административную необходимость, и смъло взять ее силой, если нужно.

"Не Султанъ зло, а шпіонство и министерская система. Чтобы спасти страну, надо прежде всего уничтожить шпіонство и создать отвѣтственное министерство. До настоящаго времени наши министры были безвольные молюски, всѣ, начиная отъ великаго визиря и кончая послѣднимъ маленькимъ визиремъ, все это ничтожества... Я не политикъ, а солдатъ, вѣрный своей присягѣ и

своему Государю; я люблю свомородину и ради ея блага готовъ на все; я вижу и сознаю, что они въ ужасномъ положеніи, что должност ные воры грабятъ и раззоряютъ ее. Ихъ бездъятельность, ихъ трусость, ихъ подкупность и безстыдное лихоимство этихъ высшихъ чиновъ Государства развращаютъ и низшихъ чиновъ,

"Попробуйте спросить у кого нибудь изъ этихъ визирей, отчего Государство гибнетъ, откуда исходятъ эти чудовищные распоряженія и указы, и вы увидите, что каждый изъ нихъ подъ строжайшемъ секретомъ сообщитъ, что всему виной: Султанъ, что они ничего не могутъ, что Султанъ ни у кого совъта не спрашиваетъ. Но Султанъ далъ имъ должности, чтобы они исправляли ихъ по чести и совъсти. Почему-же онъ, этотъ Великій Визирь, не даетъ разумныхъ совътовъ Султану, не высказываетъ ему своего мнънія, наконецъ, почему онъ не подаетъ въ отставку, если Султанъ приказываетъ ему то, что противно законамъ и ведетъ не ко благу Государства?! На это визири отвътятъ, что они боятся гнъва Султана. Но это ложь! Никто изъ нихъ не опасается за свою жизнь, ни за свою свободу. Не было примъра, чтобы Султанъ казнилъ или лишалъ своей милости за то, чтоему сказали правду!—Нътъ, эти люди дрожатъ только за свои прибыльныя мъста и, чтобы сохранить свои доходы, умышленно скрываютъ отъ Султана настоящее положение дълъ, а сами потомъ взваливаютъ всю вину на Султана".

"Что всего подлѣе, эти негодяи распускаютъ слухи, что всему виной Султанъ, что онъ одинъ—причина всѣхъ несчастій, что онъ прислушивается только къ голосу Иззетъ Бея и Лутфи Аги, что онъ слабоуменъ, непослѣдователенъ, нелогиченъ, что онъ одержимъ маніей преслѣдованія и совершенно въ рукахъ своихъ двухъ любимцевъ. Все это ложы! Виноваты во всемъ одни эти мини-

СТРЫ; они должны противиться непоследовательнымъ и нелогичнымъ рѣшеніямъ Султана, если его рѣшенія дъйствительно таковы. — Великій Визирь утверждаетъ, что хочетъ смъстить грабителя префекта Редвана Пашу, но что Султанъ этого не хочетъ. Но почему же, если это такъ, самъ Визирь не подаетъ въ отставку?—Потому, что онъ не хочетъ лишиться своего содержанія и своихъ доходовъ! Во всемъ виноватъ Султанъ, — говорятъ они, а между тъмъ Султанъ поступаетъ во всемъ исключительно только по предложенію своего Великаго Визиря и министровъ, и если бы они были честными людьми и истинными патріотами, то Султанъ никогда ни въ чемъ не сталъ бы противодъйствовать имъ. Они обманываютъ его и затъмъ его же обвиняютъ во всемъ".

"Абдулъ Гамидъ Государь высоко интеллигентный, гуманный и благонамъренный, но онъ человъкъ, какъ и всъ мы; онъ не всевидящъ и не вездъсущъ, нуждается въ отдыхъ и снъ, а потому нуждается въ помощникахъ, которые помогли бы нести ему бремя государственныхъ заботъ. Но бездъйствіе, безнечность и праздность его мини-**◆стровъ** подавляють его непосильной работой. Единственными его помощниками поневолъ являются его приближенные, эти любимцы, безотвътственные передъ народомъ безсовъстные совътники, преслъдующіе во всемъ только свои цѣли и выгоды, эти Иззетъ Беи и Люфти Ага.

"Впрочемъ, какъ ни презрънны они, все же лучше министровъ, которые заискиваютъ предъ ними, кокетничаютъ.

"Сердце всякаго патріота разрывается на части, при видѣ, какъ его государство гибнетъ, какъ въ немъ недостаетъ всего, что необходимо для благополучія страны.

"Нътъ патріотизма въ правящихъ сферахъ, нътъ справедливости, нътъ безкорыстія; во всемъ полная безпринципность, отсутствіе предан-

ности Султану и странъ. Безъ сомнънія, въ Турціи могутъ найтись и честные, и способные люди, но пока еще не родился тотъ геній, который могъ-бы распознать ихъ и вручить въ ихъ руки власть.

"А султанъ не знаетъ, не можетъ разобраться въ томъ, что ему вредитъ и что могло-бы спасти его и Государство. Онъ не подозрѣваетъ, что вмъсто министровъ, заботящихся о благъ народа, у него толпа лихоимцевъ и тунеядцевъ; вмъсто преданныхъ сподвижниковъ- презрънные льстецы. Еще не было примъра, чтобы Великій Визирь въ чемъ нибудь возразилъ Султану или хотя бы подалъ ему разумный совътъ, чтобы турецкое министерство отстояло передъ Султаномъ какой нибудь вопросъ.

"Если-бы хоть два-три министра, одинъ за другимъ сами подали въ отставку изъ несогласія съ Султаномъ, послъдній сразу понялъ бы свое заблужденіе, понялъ-бы, чего отъ него ожидаетъ и требуетъ народъ. Понялъ-бы, какимъ благомъ должно явиться и для него, и для отвътственное мини-Государства стерство, состоящее изъ честныхъ, благонамъренныхъ людей, готовыхъ безкорыстно служить своему народу стоять за его интересы. только такое министерство могло-бы камарилью, реформироподавить вать управленіе государствомъ, упорядочить юстицію и возбудить довъріе Европы, извърившейся въ Турецкихъ объщаніяхъ, и, наконецъ, оградить Турцію отъ грозящей ей погибели".

Въ чемъ нуждается Турція.

"Для обсужденія вашихъ общественныхъ дѣлъ вы должны совѣщаться сообща"—гласитъ одинъ изъ стиховъ Корана. Не есть-ли это предписаніе контроля надъ дѣйствіями правительства, контроля народа? Контролированіе дѣйствій Султана, отвѣтственность министровъ передъ

народомъ было съ поконъ въковъ основною идеей всъхъ Турецкихъ патріотовъ, всъхъ магометанскихъ великихъ мыслителей и политиковъ, кончая Фуаданъ-Пашей.

Великій ученый Амру бенъ-аль Асъ высказывается такъ: "западные народы будутъ велики и могучи потому, что они обладаютъ четырьмя великими качествами: они великодушны въ бою, быстры въ возобновленіи боя послѣ отраженія, выносливы и настойчивы въ оборонѣ и сердобольны къ слабымъ, къ сиротамъ, старцамъ, вдовамъ и обиженнымъ".

"Но ихъ высшее и лучшее качество это то, что они ненавидятъ лиспотизмъ"!

Калифъ Али говоритъ: "Гдъ нътъ совъщанія, нътъ и мудрости."

А одинъ Арабскій ученный поясняеть это такъ. "Обязательство выслушивать и принимать совъты есть основа закона и является общимъ правиломъ для всъхъ безъ исключенія, начиная съ Пророка и кончая послъднимъ гражданиномъ".

"Самъ Пророкъ, дъйствовавшій по внушенію Всевышняго, не гнушался ничьимъ совътомъ, напротивъ, искалъ совъта у другихъ". Эти и подобныя цитаты собраны въ записсахъ знаменитаго Таиреддина Паши, который дълалъ изъ нихъ слъдующіе выводы: "Контроль общественной дъятельности правительства является законнымъ и необходимымъ.

"Магометанскій законъ строго воспрещаетъ каждому поступать по своему произволу и повелъваетъ уважать права каждаго человъка, магометанина или иновърца, и противодъйствовать всякому злу прежде, чъмъ оно успъетъ захватить доброе.

"Безъ контроля не можетъ быть разумнаго правительства. Существованіе правящей власти—безусловное условіе порядка въ человъческомъ

обществѣ, но если допустить, чтобы эта власть дѣйствовала по своем у произволу и повелѣвала согласно сво – ему капризу или прихоти, то оправ — дывающая существованіе этой вла—сти соціальная необходимость утра—тила бы свой смыслъ, и основнымъ принципомъ такого общества сдѣлался-бы всеобщій безпорядокъ, ведущій къ гибели и паденію государства.

"Поэтому необходимо, чтобы глава государства быль контролируемъ въ своихъ дъйствіяхъ законами, какъ политическами, такъ и церковными; заставлять же его уважать эти законы и во всемъ сообразоваться съ ними—лежитъ на обязанности всъхъ членовъ націи".

Во всемъ этомъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего новаго для Турціи. Это все старые законы и наставленія, которые слѣдуетъ только дополнить и вновь заставить дѣйствовать.

Сулейманъ Великій клятвенно объщалъ первый подать примъръ уваженія законовъ страны и подвергъ управленіе Государствомъ контролю улемовъ и министровъ, предоставивъ имъ право указывать Султану на каждое его уклоненіе отъ законнаго пути, а въ случаѣ, "если-бы монархъ не принялъ во вниманіес сдъланныя ему указанія, улемы, министры и предводители арміи, по общему согласію, должны были лишить его престола."

Такъ говорилъ Таиреддинъ въ 1864 г. въ царствованіе Абдулъ Азиса, преемникъ котораго, Мурадъ, торжественно заявилъ: "Когда я взойду на тронъ, то освобожу и себя, и страну отъ деспотизма"! Но, — увы! — Мурадъ унаслъдовалъ престолъ, уже будучи помъшаннымъ; и съ тъхъ поръ болъе 25-ти лътъ томится въ заключеніи, какъ умалишенный. Кто же и когда осуществитъ его слова, его торжественное объщаніе народу?..

Скучно и грустно!...

По небу скользятъ, торопясь, обгоняя другъ друга, Холодныя сърыя тучи. Куда-то далеко Несутся онъ въ безпокойномъ стремленьи, Бъгутъ отъ кого-то, къ чему-то стремятся. Шумятъ безпокойно и грустно Полуобнаженныя липы, Березы и клены. Вотъ вътеръ повъялъ,—и листья посыпались, Шурша и мелькая, Съ деревьевъ осеннихъ.

* *

Давно ль мы здѣсь, веселые, блуждали? Весенній лѣсъ шумѣлъ, и въ молодыхъ сердцахъ Любви и ревности, веселья и печали, Аккорды легкіе смѣнялись и звучали— На золотыхъ струнахъ.

Скучно и грустно!...

Гнѣвъ дѣтской ревности и милый взоръ прощенья. Полурасцвѣтшихъ чувствъ весенній ароматъ, Мелодіи любви, которымъ нѣтъ забвенья, Нѣтъ мѣры, нѣтъ границъ, названья, выраженья,—Съ небесъ онѣ звучатъ.

* *

Лъсъ шумълъ, и волны пъли
Подъ дыханіемъ весны.
Ръчи юностью звенъли,
Взоры счастіемъ горъли,
Свътомъ грезъ упоены.
Боже!—Нътъ, благоуханныхъ
Этихъ думъ мнъ не забыть.
Юныхъ чувствъ,—глубокихъ, странныхъ,
И прекрасныхъ, и туманныхъ,
Темной жизни не убить.
Этотъ лъсъ и берегъ дальный,
Эту юную весну,
Даже въ смерти часъ печальный
Съ благодарностью прощальной
Передъ Богомъ помяну.

С. Ловарнинъ.

Старыя и новыя школы въ живописи.

Д. Лахомова.

(Окончаніе).

IV.

Рядомъ съ развитіемъ выше названныхъ школъ явились другія, которыя по своимъ задачамъ, повидимому, не могли имъть ръшительно ничего общаго съ первыми. Это -школы прерафаэлистовъ, символистовъ и мистиковъ. Однако, вглядъвшись внимательнъе, мы увидимъ, что новыя направленія вытекли изъ старыхъ или непосредственно, или въ силу контраста. Когда реализмъ достигъ уже сильнаго развитія и порой сталъ впадать въ натурализмъ, никогда не прельщавшій истинныхъ художниковъ, тогда же, въ видъ реакціи, въ видъ противодъйствія побъдоносному шествію реализма, стали вспыхивать все ярче и ярче

таинственные огни мистицизма. Правда и нагая, и прикрытая далеко не всъхъ могла удовлетворить; многіе чувствовали, что за этой внъшней правдой есть еще другая, болъе глубокая, таинственная, какъ трепещущій мракъ ночи, полная новыхъ образовъ, сказочныхъ формъ, невъдомой прелести и гармоніи. Чудился совершенно новый міръ, который долженъ охватить всъхъ своимъ обаяніемъ, вызвать отзвуки во всъхъ сердцахъ, заставить вибрировать такія душевныя струны, которыя до сихъ поръ спали и безмолвствовали.

"Но это неправда, это ложь, это ошибки и обманъ разгоряченнаго воображенія"!—говорили реалисты восторженнымъ поклонникамъ мистическихъ школъ.

"Нѣтъ", —возражали тѣ, — "это не обманъ. Вы, писавшіе и передававшіе природу лишь въ ея наружныхъ проявленіяхъ, касаясь внутренней сущности лишь по стольку, по скольку послѣдняя выражается во внѣшнихъ чертахъ, —забыли душу, забыли громадную область жизни человѣка, область психики Мечты, грезы, сказочные образы, символы, наивность вѣры, это не обманъ, это такая же

тяне, а затъмъ христіанство особенно широко и богато разработало языкъ символовъ, чтобы проще, но вмъстъ съ тъмъ сильнъе и нагляднъе пояснять мистическую глубину того или другого догмата или преданія. Со временемъ христіанскій символизмъ выработалъ цълую, можно сказать, науку, отступать отъ которой было нельзя, такъ какъ она составляла часть религіи.

Уотсъ, - Умирающій воинъ.

реальная и важная часть человъческой жизни, какъ критическій разумъ и здоровые мускулы. Это столь важная часть, что отсутствіе ея у человъка свидътельствуетъ о ненормальности его".

Однако, легко все это сказать, но трудно сдълать. Символы древни, какъ міръ, символами выражали свои идеи и индусы, и ассиріяне, и егип-

Что же было дълать современнымъ художникамъ, если они хотъли работать въ этомъ направленіи? Они обратились къ древнимъ образцамъ, къ фрескамъ, сохранившимся въ нъкоторыхъ храмахъ и катакомбахъ Италіи, къ заставкамъ и иллюстраціямъ старинныхъ монастырскихъ рукописей и вообще къ тому наивному, младенческому искусству, ко-

торое сохранилось еще со временъ до-рафаэлевскихъ. Наивная, страстная въра, проглядывавшая всюду въ этихъ работахъ, дала пищу и новымъ художникамъ; они ръшили стръшиться отъ внъшняго міра и черпать свое вдохновеніе изъ внутренняго, который долженъ самъ вызвать въ нихъ и возбудить тъ или другіе образы. Но отръшиться совершенно отъ всего современнаго

современнаго творчества, богато вооруженнаго знаніями и опытомъ, дала основу оригинальному символизму и мистицизму. Въ работахъ современныхъ мистиковъ, не смотря на упрощеніе формъ, на обобщеніе тоновъ, на кажущуюся наивность композиціи, чувствуется мастеръ, художникъ, который пишетъ такъ, а не иначе, не потому, чтобы онъ не могъ бы иначе написать, а потому,

Беклинъ (автопортреть).

было нельзя. Рука, въ силу выучки, привычки вела правильную линію, глаза подыскивали совершенно невольно правдивыя комбинаціи тоновъ,—и въ результатъ въ работахъ прерафаэлистовъ очень мало похожаго на древнія фрески, взятыя ими за образцы, за то явилось нъчто свое, нъчто новое. Старая, неумълая наивность, пройдя черезъ горнило

что онъ хочето такъ писать, потому что эта техника наиболье отвъчаетъ его замысламъ и задачамъ. Знаменитый англійскій критикъ и художникъ Д. Рескинъ особенно дъятельно поддерживалъ эту школу въ Англіи; въ другихъ странахъ она также нашла себъ послъдователей, но каждая національность разработала ее довольно своеобразно, благодаря тому,

наука и жпзнь ки. .

что первоисточниками художники стали брать не старыхъ итальянцевъ, а своихъ собственныхъ, національныхъ, давно забытыхъ художниковъ—монаховъ.

Группа прерафаэлистовъ въ Англіи образовалась въ срединъ XIX стол., но еще задолго до этого явились художники, посвятившіе себя мистицизму. Таковымъ явился Блэкъ (1757) —1827). Нервный, странный, какъ въ своей частной жизни, такъ и въ произведеніяхъ художественныхъ и литературныхъ, онъ казалось на сто лътъ опередилъ свою эпоху. Это была натура съ тонкими, звенящими нервами; Блэкъ былъ духовидцемъ и образы, символы и аллегоріи черпалъ изъ своихъ виденій и галлюцинацій: передъ нимъ являлись Мильтонъ, Сократъ, Моисей, Христосъ, онъ съ ними говорилъ и затъмъ въ въ своихъ картинахъ создавалъ ихъ образы. За Блэкомъ ту же область грёзъ, сновидъній и символовъ сталъ разрабатывать Давидъ Скоттъ и подготовилъ почву для цълой новой школы, сплотившейся въ лицъ Россетти, Гента, Миллэза, Бернъ-Джонса и друг. въ прерафаэлитское братство въ 1848 г.

То, что Блэкъ дълалъ въ силу особенностей своей натуры, его послѣдователи возвели въ принципъ. Они сознательно и убъжденно отринули все искусство, начиная отъ Рафаэля, и отали изучать фрески Фра-Джовани-Анжелико, Чимбауэ, Джотто и друг. На этой почвъ Россетти создаль рядь воздушныхъ образовъ, проникнутыхъ мистическимъ настроеніемъ; его "Beata Beatrix", "Прозерпина", "Благовъщеніе" проч. всъ носятъ отпечатокъ мистицизма: въ позахъ, въ колоритъ, въ чувствуется какой-то отзвукъ наивной, дътской въры первыхъ временъ христіанства.

Бернъ-Джонсъ еще ръзче, чъмъ Россетти, показалъ свою связь съ старыми мастерами итальянскихъ монастырей. Въ его картинахъ является уже опредъленно выражен-

ная стилизація, упрощеніе формы и подражаніе наивнымъ примитивамъ. По характеру живописи и трактовкъсюжетовъ близко къ Бернъ-Джону подошелъ и Стедвикъ со своими "Вратами ада", "Десятью дъвами" и проч., а также знаменнтый Уотсъ, который, впрочемъ, ръдко прибъгалъкъ стилизаціямъ: простой и широкой техникой воплощалъ онъ образы и грезы, которые занимали его.

Начавшись на религіозной почвъ, мистицизмъ и символизмъ скоро перешли въ область обще-человъческую и стали выражать отвлеченныя идеи и представленія. Техника большинства этихъ произведеній напоминала примитивы, но масса символическихъ вещей была написана въ дух в всевозможных эдругих в школъ. И одновременно съ этимъ большинство прерафаэлистовъ, полюбивъ свою упрощенную, покойную технику, стало вносить ее не только въ картины мистическаго содержанія, но и въ картины съ обыденными мотивами. Мало по малу вводимая въ картины стилизація развилась до того, что образовалась масса художниковъ, занявшихся исключительно стилизаціей. Это нельзя назвать отдъльной школой, ибо далеко не всъ стилизаторы посвятили себя исключительно этой дъятельности: весьма многіе изъ нихъ обращаются и къ другимъ техническимъ пріемамъ.

Стилизація вызвала подробное изученіе орнаментаціи, древней утвари, мебели, архитектуры, — и художники неожиданно нашли громадныя сокровищницы національнаго искусства, откуда стали черпать полными горстями. Пышно распустилась современная орнаментація на старыхъосновахъ, и также пышно расцвъла новая орнаментація, потерявшая уже связь съ древними образцами и переработавшаяся сообразно съ настоящими требованіями.

Такъ, явился въ области прикладного искусства "декадентскій" стиль, правильнъе называемый "style moderne", но о немъ, какъ не входя-

Беклинъ. Тритонъ и Нереида.

Беклинъ. Островъ мертвыхъ.

щемъ въ нашу программу, мы подробно говорить не будемъ.

Во всъхъ государствахъ преемственность художественныхъ традицій шла въ томъ порядкъ, какъ мы указали выше. Въ однихъ дольше держалось одно направленіе, въ другихъ другое; случалось иногда, что изъ одной страны въ другую переносилось что нибудь, уже выработанное и приведенное въ систему у сосъдей и, если почва оказыва-

часто говорять, что такой-то художникъ создаль такую-то школу, то подъ этимъ надо понимать, что художникъ явился выразителемъ; создателями же являются сотни и тысячи мелкихъ, незамътныхъ художниковъ, въ которыхъ смутно бродятъ долгое время новыя идеи. Они-то и есть почва, на которой выростаютъ сначала скромные цвъты, разрастающіеся всё пышнъе и пышнъе. Выразитель школы, столпъ

Беклинъ. Лъсная тишь.

лась подходящей, то перенесенное прививалось; если же почва еще не годилась, то новшество глохло и оживало лишь тогда, когда искусство естественной эволюціей достигало необходимыхъ границъ.

Ни одинъ самый талантливый художникъ не можетъ внести въ общество новыхъ взглядовъ, если нътъ подходящей почвы и, если и гордость ея, обыкновенно является не въ началъ движенія, а въ концъ и знаменуетъ собой не жизнь, а смерть: какъ только принципъ школы воплотился въ комъ нибудь со всъми своими характернъйшими чертами—значитъ, скоро конецъ этому направленію. Далъе могучаго выразителя пойдутъ только болъе слабые подражатели, и враги какого

бы то ни было шаблона снова начнутъ искать что нибудь новое и неизвъстное.

V.

Необходимо еще замѣтить, что мы часто встрѣчаемъ отдѣльныхъ художниковъ, которые стоятъ какъ бы особнякомъ. Они, не смотря на свою талантливость, не являются ни выразителями, ни создателями школъ. Прослѣдить, на какой почвѣ зародилось ихъміросозерцаніе, не трудно,

Фр. Штуккъ (автопортретъ).

но все таки мы не найдемъ возможности причислить ихъ къ какой-нибудь опредъленной группъ. Вмъстъ съ тъмъ ихъ таланты такъ оригинальны, что у нихъ не можетъ быть учениковъ, а могутъ быть лишь подражатели. Творчество этихъ художниковъ бываетъ иногда странно, непонятно, но всегда интересно: мы сталкиваемся здъсь съ глубокими душевными порывами, передъ нами открывается глубина фантазіи художника, сказочные, неземные образы, родившіеся въ минуты экстаза и

больше прочувствованные, нежели обдуманные.

Впереди всъхъ такихъ художниковъ можно поставить могучую фигуру нъмца Беклина. Онъ оригиналенъ ужъ тъмъ, что, выражая свои фантастическіе образы, не пользуется, какъ другіе, упрощенной техникой, не вводитъ почти совсъмъ стилизаціи и вообще не даетъ своимъ вещамъ умышленно-сказочнаго стиля"; по рисунку и колориту Беклинъ чистъйшій реалистъ: его краски ярки, блестящи, солнечный свътъ переданъ такъ, какъ ръдко кому нибудь удавалось; богатство его палитры поражаетъ зрителя, нюансы его синихъ и зеленыхъ тоновъ, особенно въ картинахъ, гдъ фигурируетъ море, которое Беклинъ любилъ, такъ виртуозны, такъ разнообразны, что онъ не даромъ заслужилъ имя "царя синей краски". По выбору мотивовъ Беклинъ идеалистъ и отчасти символистъ. Своихъ центавровъ, фавновъ, наядъ и проч, онъ передаетъ такъ живо и реально, точно онъ видълъ ихъ въ натуръ. Его символическія картины поражаютъ глубиной настроенія. Идея смерти рисуется передъ нимъ въ видъ таинственнаго, сумрачнаго острова, гдъ все полно покоемъ и тишиной. Въчный мертвый сонъ охватилъ скалы, храмъ, темные кипарисы и гладкую какъ зеркало воду; лодка съ прозрачными тънями едва скользитъ, дополняя сумрачный покой мертваго царства. Въ тишинъ лъса Беклину чудятся фантастическія существа, живущія своеобразной жизнью; въ священной рощъ его охватываетъ религіозный порывъ, и ему чудится рядъ жрецовъ, поклоняющихся невидимому божеству. Въ "Искателъ приключеній онъ воплотиль идеалъ безпокойной души, ищущей постоянныхъ перемънъ; такой душъ невыносима тихая гладь житейскаго моря, --и ее тянетъ куда-то въ даль, неизвъстную, но чарующую именно этой неизвъстностью; тамъ, вдали, можетъ быть, ждутъ подвиги, слава, а можетъ

быть и безславная смерть, но рыцарь смъло вступаетъ на почву, покрытую костями своихъ своихъ предшественниковъ, и съ надеждой возноситъ тихую молитву.

Беклинъ—идеалистъ и реалистъ, подчинившій себѣ воздухъ и свѣтъ, но его задачи были не по плечу многимъ художникамъ. Многіе отдались болѣе чистому символизму, и среди этихъ послѣднихъ стоитъ знаменитый Францъ Штуккъ. Владѣя

болѣе общимъ образамъ и воплотить въ своихъ картинахъ идеи въ такихъ формахъ, въ которыхъ онѣ представляются всѣмъ людямъ вообще. Его "Война"—не сколокъ фантазіи художника,—не его личный образъ, явившійся ему при мысли о войнѣ, а—воплощенный, ужасный кошмаръ, который безформенно давитъ каждаго человѣка при мысли объ этомъ бичѣ человѣчества. Стихійность движенія, тысячи жертвъ, пав-

Фр. Штуккъ.-Сатиръ и Наяда.

рисункомъ и колоритомъ почти въ той же мъръ, какъ и Беклинъ, а иногда даже подражая ему, какъ, напр., въ "Сатиръ и Наядъ", онъ главнымъ образомъ старался въ своихъ вещахъ воплотить обще-человъческія идеи. Въ то же, время, когда Беклинъ передаетъ только то, что его интересуетъ лично, Штуккъ пытается подчинить свою фантазію шихъ подъ ударами, неотвратимость послѣднихъ, все это даетъ каждому настроеніе безъисходнаго отчаянія, ужаса и омерзенія. Штуккъ далъ этимъ чувствамъ, форму и форму такую сильную, что, при взглядѣ на этого мрачнаго, равнодушнаго всадника, давящаго груды извивающихся тѣлъ, каждый чувствуетъ, что кошмаръ при мысли о войнѣ долженъ

выразиться именно такъ, а не иначе.

Его "Гръхъ" воплощаетъ идею перваго земного соблазна; лукавый змъй блестящими кольцами обвилъ женщину и, положивъ голову на ея плечо, нашептываетъ ей о добръ и элъ, и у женщины невольно разго-

раются глаза, и гръхъ начинаетъ охватыватъ ее со всей своей силой и неудержимостью.

Символы Беклина, Штукка, Клингера, Шнейдера, Пювиса-де-Шаваня, Риш-Моро, Россетти, гросса, Бернъ-Джонса, Стедвика, Крэна, Уотса и другихъ художниковъ, вполнъ или частью посвятившихъ себя символизму, понятны и могуть быть объяснены, но въ послъднее время явилось много художниковъ, идеи которыхъ съ трудомъ можно понять, а иной разъ онъ совершенно непонятны и не только зрителямъ, но и самому художнику.

Бываютъ минуты творчества, когда художника охватываетъ какой-то экстазъ, внушение не отъ міра сего; идеи тянутся вереницей, перебивая другъ друга; контрасты, ассоціаціи, уподобленія свиваются фантастическимъ клубкомъ, не находя опредъленной формы для выраженія. Въ такія минуты изъ-подъ кисти художника выливаются образы странные, призрачные, больные. Иной разъ какъ будто въ основъ такого

произведенія лежитъ какая-то опредъленная идея, но она плохо сознается и выражена въ такихъ формахъ и аккордахъ, что сама по себъ не имъетъ значенія. Такія картины интересны, какъ результатъ какой-то глубокой, неизслъдованной еще ра-

боты человъческой души. Большую часть такихъ художниковъ окрестили декадентами, но какъ бы ихъ не называли, больные ли они люди или нътъ, ихъ работы интересны, онъ захватываютъ и заставляютъ вибрировать струны нашего сердца.

Изъ такихъ художниковъ можно

Фр. Штуккъ. Гръхъ.

указать, напримъръ, на Торопа съ его "Сфинксомъ", Леемпольса, картина котораго "Земной жребій и человъчество" объъхала всъ большіе города Европы, возбуждая сенсацію или негодованіе. Къ разряду такихъ же произведеній слъдуетъ отнести и картины Кубина, но надо ему отдать справедливость: не смотря на его болъе, чъмъ странныя формы, идея у него всегда понятна и порой даже слишкомъ, какъ напримъръ, въ картинахъ "Ужасъ" и "Сумасшествіе", что даетъ этимъ призведеніямъ характеръ подчеркнутости,

Бьегасъ. "Свято".

анекдота, карикатуры. Одной изъ лучшихъ его вещей является безспорно "Симфонія" гдѣ звуки символизируются фантастическимъ животнымъ допотопнаго вида, полу-плезіозавромъ, полу-человѣкомъ, плывущимъ по волнамъ.

Стремленія индивидуализма не

могли, конечно, не отразиться и въ скульптуръ, которая выдвинула въ недавнее время своеобразнаго и неподражаемаго скульптора Бьегаса. Его вещи стилизированы; въ нъкоторыхъ форма упрощена до того, что человъческая фигура обращается въ геометрически отесанный монолитъ какъ, напримъръ. "Свято". Но вивств съ твиъ передъ его скульптурами "Вселенная" и особенно "in hoc signo vinces" нельзя оставаться равнодушнымъ: онъ захватываютъ, увлекаютъ какимъ-то страннымъ обаяніемъ. Чѣмъ-то неземнымъ, мистическимъ въетъ отъ этихъ странныхъ образовъ, удивительныхъ еще тъмъ, что родились они въ головъ полуграмотнаго пастуха, хоть и отшлифовавшагося нъсколько въ Парижь, но оставшагося тьмъ же дикимъ сыномъ пустыни. Въроятно, еще съ дътства передъ нимъ витали тъ образы, которые онъ воплотилъ, наконецъ, въ настоящее время.

Петербуржцы. въроятно, хорошо помнятъ произведенія Бьегаса, такъ какъ они были выставлены въ прошломъ году весной въ Пассажъ, привлекая, впрочемъ, больше художниковъ, чъмъ обыкновенную публику.

VI

Въ исторіи русскаго искусства повторились почти тв же самые періоды, какъ и въ другихъ странахъ. Классицизмъ твердо еще держался на своемъ Олимпъ, и Брюлловъ канедостигаемымъ. Ho сощель въ могилу Государь Николай Павловичъ, при которомъ вся жизнь нашего общества носила офиціальный характеръ. Недовольство. глухо бродившее въ сумеркахъ этой жизни, всё росло и росло и, наконецъ, получивъ возможность высказаться, рванулось со всей неудержимостью, со всъмъ самоотверженіемъ и героизмомъ, свойственными славянской душѣ, и могучимъ потокомъ полилось, захватывая всъ слои общества.

Вьегасъ. In hoc vinces.

Въ шестидесятыхъ годахъ одна только Академія Художествъ сидъла неподвижно на своемъ Васильевскомъ островъ. Безучастно съ купола смотръла грозная и молчаливая Минерва на двухъ сфинксовъ, сидъвшихъ на набережной, съ загадочными лицами. Академическіе профессора, надъясь на щитъ своей хранительницы, мирно почивали на лаврахъ и сквозь сонъ авторитетно указывали перстами своимъ ученикамъ въ глубь въковъ: "О, Эллада! о, Римъ". Но тутъ же рядомъ тысфинксы насмъшливо сячелѣтніе предлагали старую, неразръшимую загадку: "въ чемъ истина"?

И какъ только молодежь, подъ вліяніемъ пробужденія, сознала, что нътъ истины въ изреченіяхъ старыхъ профессоровъ, тотчасъ началось броженіе. Удары чаще и чаще стали раздаваться, и скоро академическія стъны задрожали отъ молодыхъ, задорныхъ голосовъ. Жизнь съ ея треволненіями, съ ки-

пучей жаждой знанія и стремленіемъ принести и свою лепту на алтарь отечества, ворвалась тогда въ мастерскія молодыхъ художниковъ. Я не буду повторять здѣсь всѣмъ извѣстную исторію выхода Крамскаго съ товарищами изъ Академіи, эту прекрасную исторію, читая которую нельзя не удивляться и не восхищаться смѣлостью горсти юношей, поправшихъ отжившія традиціи, отвергнувшихъ признанные авторитеты въ силу внутренняго чувства, говорившаго имъ: "да, вы правы"!

Такъ родился русскій plein-air, русскій реализмъ. Онъ прошелъ всъ стадіи, но никогда не дохо дилъ до импрессіонизма въ такой формъ, какъ это было въ Европъ и особенно во Франціи. Явился на сцену идеализмъ и, наконецъ, индивидуализмъ.

Въ Россіи, собственно говоря, только и есть эти четыре школы, тен-

Бьегасъ. Смерть.

денціи которыхъ легко прослѣдить, потому что онѣ группируются въ четыре самостоятельныхъ общества, мало измѣнявшіяся въ послѣдніе годы и имѣющіе въ числѣ членовъ и экспонентовъ, изъ года въ годъ, почти однихъ и тѣхъ же художниковъ.

Катарбинскій. Поцілуй медузы.

Отдъльно отъ другихъ стоитъ одинъ только Катарбинскій, который живетъ въ фантастическомъ міръ, рожденномъ его неисчерпаемой фантазіей. Его можно считать, пожалуй, единственнымъ русскимъ символистомъ, всецъло посвятившимъ себя этой школъ.

Во главъ всъхъ русскихъ худож-

никовъ, какъ цари настоящаго, серьезно и чинно, съ сознаніемъ своего достоинства, правъ и обязанностей, съ полинявшимъ, за тридцать слишкомъ лътъ, знаменемъ, выдержавшимъ на своемъ въку не мало битвъ и перепалокъ, выступаетъ старая гвардія, передвижники — реалисты

всѣхъ разрядовъ.

Здѣсь и Рѣпинъ со своими "Бурлаками", "Запорожцами" и десятками мастерскихъ портретовъ, и вдумчивый Суриковъ съ громадными историческими полотнами и много другихъ реалистовъ, безхитростно изображавшихъ современную жизнь, Кившенко съ охотничьими и батальными сценами, Маковскій, Ярошенко, Прянишниковъ и др.

Когда-то буйные, нетерпъливые, стремившіеся перевернуть по своему весь міръ, завоевавшіе громадную область русскомъ искусствъ и еще большую въ русскомъ самосознаніи, они остепенились. Серьезно пріобрътенные лавры успокоили ихъ мятежныя души и, они изъ бывшихъ отщепенцевъ обратились въ академическихъ владыкъ, увы, давящихъ новъйшее покольніе. Они-власть, они-сила, и гордые клики молодежи, что и они уже отжили и пережили свое, вызываютъ лишь ироническія

улыбки. Нътъ, они еще очень сильны, ихъ вещи замътны, о нихъ всъ и постоянно говорятъ; въ собственномъ представленіи они всё, они соль земли. Ну, чтожъ, да здравствуетъ старая гвардія, съ ея вождемъ и выразителемъ Ръпинымъ!

За этой старой, но еще бодрой и полной жизни гвардіей, медленно, колеблясь, но стараясь удержаться

на дрожащихъ ногахъ, пытаясь высоко держать посъдъвшія, полныя грустными мыслями головы, идутъ "с.-петербургскіе художники". Какая иронія въ этомъ названіи: они по имени представители нашего художественнаго міра, но ихъ замъчаютъ меньше всего; это живые покойники, которые разъ въ годъ собираются подъ одной крышей и разсказываютъ другъ другу длинныя исторіи изъ далекаго прошлаго, давно забытаго современной молодежью. Здъсь среди собранія ви-

старую Академію и воскурявшихъ фиміамъ передъ ихъ былыми произведеніями. Да, они когда то царили; слова ихъ признавались авторитетными, ихъ картины идеальными, но грянулъ громъ, — и въ 1893 году новый уставъ Академіи вышибъ ихъ изъ обычной колеи, изъ насиженныхъ годами гнъздъ, выбросивъ въ бурныя волны житейскаго моря.

Грустно смотръть на эту группу академиковъ и профессоровъ: они сдълали свое, принесли посильную пользу,—и не ихъ вина, что теперь

Репинъ.--Письмо Султану.

таютъ тъни великихъ академическихъ профессоровъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, съ ихъ культомъ ложно-классическаго стиля; здъсь витаютъ старые, отжившіе идеалы академической красоты, здъсь чтутся еще библейскія и миоологическіе идеи, дававшія ратоборцамъ классицизма когда-то высокое наслажденіе. Каждая тънь разсказываетъ о своемъ быломъ величіи, о благоговъйныхъ и почтительныхъ поклонникахъ, стекавшихся толпами въ

не то время, что ихъ идеалы намъ кажутся наивными сказками, интересными лишь съ бытовой, исторической, а не съ чисто художественной точки зрвнія. Пройдеть еще нъсколько лътъ,—и отъ обломковъ классической Академіи окончательно ничего не останется, а салонныя, вылощенныя картинки Бакаловича, Бронникова и пр. и проч. сдълаются достояніемъ медленно прогрессирующей провинціи.

Вотъ передъ нами прошла старая

гвардія со знаменемъ "реализмъ, націонализъ и натурализмъ", прошла толпа петербуржцевъ съ "Римскими орлами"; теперь выростаетъ громадное полчище съ девизомъ "жизнь", а за нимъ виднъется отрядъ, надъ которымъ вьется блъдно болотнаго цвъта флагъ съ таинственной надписью "сверхъ-жизнь".

Первое полчище дъйствительно олицетвореніе жизни: шумъ, гвалтъ, пъсни, пляски, смъхъ, смезы, горе, радость, отчаяніе, мечты,—всё, чъмъ богата наша жизнь, всё находитъ

дые, полные надеждъ на будущее: они недавно покинули школьную скамью и недавно выступили на художественную арену. Они любятъ свое искусство, любятъ жизнъ во всъхъ ея проявленіяхъ, чутко относятся къ каждому явленію, каждому факту, проходящему мимо. Въ ихъ произведеніяхъ отражается вся жизнь съ хорошими и дурными сторонами. Не задаваясь никакими тенденціями, не собираясь никого ни учить, ни исправлять своими картинами, отдаваясь искуству со всъмъ пыломъ

Суриковъ. - Меньшиковъ въ ссылкъ.

откликъ въ этой толпѣ. Въ ней нѣтъ системы, нѣтъ традицій, нѣтъ авторитетовъ, а есть молодость, талантъ и сила. Куда, къ какой школѣ ихъ отнести? Частью они идеалисты, частью индивидуалисты; они находятся въ послѣдней стадіи идеалистическаго реализма и часто попадаютъ въ лагерь чистыхъ индивидуалистовъ, съ которыми дружны.

Это представители весны во всъхъ смыслахъ этого слова. Это участники "весеннихъ академическихъ выставокъ". Всё это еще люди моло-

молодости, они совершаютъ этимъ, быть можетъ, величайшую педагогическую миссію—даютъ художественное настроеніе, вызываютъ въ душахъ зрителей эстетическія эмоціи и тѣмъ самымъ расширяютъ міросозерцаніе многихъ сотенъ людей, съ виду равнодушно проходящихъ мимо картинъ. Ихъ картины, отголоски истины и природной красоты, невольно западаютъ въ сердце, подкупаютъ своей непосредственностью и отсутствіемъ фальши.

Здъсь вы не встрътите скорбныхъ гражданскихъ идей, напыщенности классическихъ композицій, а найдете живую мысль, бьющееся сердце, вибрирующіе нервы; найдете сумеречные, то радостныя, то тоскливыя настроенія, встрътитесь съ ликующимъ полднемъ, съ тихой, прозрачной ночью, съ отголосками былой родной старины, съ родными видами и типами. Здъсь работаетъ дружное товарищество молодыхъ силъ; здъсь нътъ направленія, школы въ узкомъ слыслъ этого слова:

отсутствіемъ выдающихся изъ ряда вещей, но онъ не можетъ остаться неудовлетвореннымъ, такъ какъ, не смотря на ошибки и увлеченія, столь свойственныя молодежи, онъ найдетъ здоровое отношеніе къ искусству и серьезное отношеніе къ своему дълу.

Большинство этихъ молодыхъ художниковъ ученики Куинджи, удивительнаго художника и еще болъе удивительнаго руководителя. Со свойственной ему чуткостью онъ умъетъ вести и направлять талантъ

Кившенко.-На охотъ.

вы встръчаетесь и съ вещами, напоминающими того или другого изъ прославленныхъ профессоровъ, и съ картинами, созданными подъ впечатлъніемъ заграничныхъ новаторовъ, съ попытками на импрессіонизмъ, пленеризмъ и прерафаэлизмъ, но безъ крайностей этихъ школъ. Но всетаки большая часть, —свое, не выдуманное, а глубоко прочувствованное и проштудированное по натуръ. Быть можеть, иной цънитель найдетъ ошибки, утрировки, огорчится

сообразно съ его основными данными, не насилуя, не требуя подчиненія себъ, но требуя единственно строгаго отношенія къ дълу. Самъ Куинджи явился однимъ изъ сильнъйшихъ выразителей такъ называемаго пейзажа "съ настроеніемъ", основу которому положили еще Васильевъ и Саврасовъ. Въ послъдніе же время эта школа выдвинула такихъ мастеровъ, какъ А. Васнецовъ, Левитанъ, Рерихъ, Зарубинъ, Рущицъ, Рыловъ, Пурвитъ, Богаев-

скій и проч., но болъе мелкія имена.

Большинство послѣднихъ люди настоящаго и ближайшаго будущаго. **Многіе изъ нихъ не поднимутся** надъ среднимъ уровнемъ, многіе. подъ давленіемъ житейскихъ заботъ, опустятся и погибнутъ, но единицы, подъ вліяніемъ своего таланта, воспитавшись на плодородной почвъ, выростутъ высокими и могучими дубами, подъ тѣнью которыхъ прібудущее поколъніе. Дай ютится Богъ только имъ всю жизнь сохранить ту свъжесть чувства, ту непосредственность, которая такъ подкупаетъ всъхъ въ ихъ пользу, а не замерзнуть, не застыть на мъстъ, облекшись въ олимпійское самомнъніе.

Но вотъ передъ нами послъдняя, четвертая группа. "Какая смъсь одеждъ и лицъ"! Скромность рядомъ съ гордостью, напыщенность и принужденность, неистовое ораніе и дивная мелодія. Это тѣ, которыхъ окрестили декадентами, это воспитанники журнала "Міръ искусства", это индивидуалисты, и девизъ ихъ "долой всё старое"; ихъ божество "я", ихъ путь "работать какъ подсказываетъ чувство, не заботясь ни о чемъ, ни о формъ, ни объ идеъ, ибо всё это само должно явиться въ силу вложеннаго въ душу священнаго огня".

На эту привлекательную приманку тянутся и старъ, и младъ; здъсь никто ни отъ кого не требуетъ знаній, никто не смъетъ отнестись къ той или другой картинъ критически, никто не имъетъ права указать на нарушение правилъ перспективы или анатоміи: "важно настроеніе, главное—сила чувства!". И надо отдать справедливость этой группъ: среди дикихъ и унылыхъ звуковъ, среди декадентскихъ аккордовъ, смъшныхъ и странныхъ, иногда вдругъ прозвучитъ дивная, неземная мелодія, которая, быть можетъ никогда бы не вылилась, если бы творецъ ея не былъ свобо-

денъ отъ традицій и не отдался бы всецъло культу чувства. эти мелодіи сравнительно ръдки да и звучатъ онъ только у большихъ мастеровъ, у которыхъ и обыкновенныя вещи очень хороши, и у которыхъ техника дъла выработана на столько, что для нихъ этотъ процессъ почти механическій и потому они имъютъ возможность отдаваться своему чувству, не думая о рамкахъ и границахъ; рамки и границы, инстинктивно, въ силу большой опытности и таланта сами, независимо, являются въ произведеніи, которое, повидимому, творится, какъ бы шутя. Этой кажущейся легкостью увлекаются бездарности и, отдаваясь своему неопытному и неразвитому чувству, мажутъ направо и налъво въ надеждъ, что "авось что нибудь да выдетъ", а если выходитъ нелъпость, то не бъда-сойдетъ подъ девизомъ "я такъ чувствоваль". Между тъмъ въ средъ этихъ "декадентовъ" есть безусловно талантливые художники, и даже осмъянный чуть-ли не всъми Врубель личность крупная и замътная. Въ его "Демонъ", не смотря на крупныя погрѣшности по рисунку, есть величіе падшаго ангела, а гармонія сърыхъ, лиловыхъ и розовыхъ тоновъ можетъ считаться единственной въ своемъ родъ по тонкости цвътоощущенія. Болъзненная душа Врубеля умъла воплощать свои образы и волновать ими зрителя. Это не безсвязный бредъ сумасшедшаго, а сознательныя, убъжденныя слова больного и крайне чуткаго человъка.

Вообще въ работахъ всъхъ русскихъ "декадентовъ" мы встръчаемся съ новымъ, неизвъстнымъ, далекимъ отъ какого бы то ни было шаблона. Въ картинахъ, пано, предметахъ прикладного искусства они стараются выразить свои собственные идеалы, создавая то сказочный, то мистическій міръ. Коровинъ, Малютинъ, Рябушкинъ, Полъновъ, Головинъ и проч., большею частью мос-

квичи, составляютъ центръ, поддерживаемый сочувствующими имъ большими мастерами—Съровымъ, Нестеровымъ и В. Васнецовымъ.

Эти три художника оригинальны, но далеки отъ крайностей; они сочувствуютъ болъе молодымъ художникамъ, хоть и впадающимъ въ крайности и утрировки, но дълающимъ это, за нъкоторыми, конечно, исключеніями, искренно и съ горячей върой въ свою правоту. Въ работахъ же самихъ названныхъ трехъ художниковъ ново то, что они ра-

неисчерпаемой сокровищницы, черпаетъ мотивы для своихъ картинъ, фресокъ, образовъ и иллюстрирацій.

Вглядитесь въ его "Богатырей", и передъ вами возстанетъ изъ глубины временъ, какъ живая, былинная Русь. Образы Ильи Муромца, Добрыни и Алеши Поповича такъ живы, такъ геніально задуманы и просто выполнены, что охватываютъ зрителя, помимо его воли, чъмъ то чарующимъ. Какъ бы мы раньше не представляли этихъ богатырей,—взглянувъ на картину Васнецова, мы

Васнецовъ. -- Богатыри.

ботаютъ вполнѣ самостоятельно, не подчиняясь никакимъ старымъ традиціямъ, но и избѣгая оригинальничанья. Самой крупной величиной среди нихъ является, конечно, В. Васнецовъ. создатель современной религіозной живописи. Это — индивидуалистъ мистикъ: онъ живетъ не современной жизнью, душа его витаетъ среди образовъ прошедшаго: каменный вѣкъ, былинная, сказочная Русь, первыя времена христіанства, древнее славянство, — вотъ его область, изъ которой онъ, какъ изъ

сразу согласимся съ художникомъ: "да, вотъ они, это именно тѣ самые—герои нашихъ былинъ", и собственныя представленія отлетять отъ насъ, порабощенныя образами, созданными творчествомъ Васнецова.

На основаніи древне русскаго и византійскаго творчества, Васнецовъ создалъ новый, русскій, истинно-національный стиль. Идя къ этому путемъ длинныхъ изысканій, преодольвая большія трудности на пути, онъ узналъ на себъ, какъ трудно иногда сказать новое правдивое

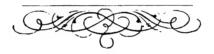
слово, когда кругомъ признаются лишь шаблонные, въками освященные догматы. Пройдя суровую школу, онъ сталъ въ ряды бойцовъ за новое, чтобы поддержать и ободрить молодыя начинанія, среди которыхъ могутъ быть вполнъ жизнеспособныя, дающія надежду на обильный урожай.

Наша же публика, видя непонятныя ей вещи, громитъ всъхъ художниковъ декадентами. Этой кличкой вообще въ послъднее время стали элоупотреблять: въ прежнія времена, если эритель видълъ плохую картину, то онъ просто говорилъ: "мнъ эта картина не нравится" или "слабо написана"; теперь же передъ всякой непонравившейся картиной, къ какой бы школъ она ни принадле-

жала, современный зритель язвительно пускаетъ въ ходъ слово "декаденство" и начинаетъ барабанить набившими оскомину фразами: "искусство падаетъ, это бредъ, безуміе, патологическое творчество, куда мы идемъ"! и проч.

Успокойтесь, безпокойные критики, мы идемъ туда, куда слѣдуетъ идти; не люди дѣлаютъ исторію, а исторія—людей. Въ своемъ могучемъ движеніи естественная эволюція переработываетъ тѣ или другія явленія. изъ которыхъ каждая является слѣдствіемъ предыдущаго и причиной послѣдующаго. Причиная цѣпь растетъ логично и безостановочно; въ мірѣ нѣтъ регресса, а есть только прогрессъ.

Д. Я. Лахомовъ.

На зарѣ

Сегодня, проснувшись, я глянулъ въ окно...
На улицѣ было ненастно-темно,
Холодныя тучи, какъ призракъ, неслись,
И плакала горько свинцовая высь..
Но тамъ, на востокѣ, за рядомъ домовъ,
Гдѣ смутно чертились узоры колмовъ,
Уже разбѣгалась печальная тѣнь,
И свѣтлой полоской проблескивалъ день.
Сквозь дымку тумана струились ко мнѣ
Лучи золотые, твердя о веснѣ,
Объ ясной лазури, красивыхъ цвѣтахъ,
О счастъѣ, о волѣ, о чудныхъ мечтахъ.
И жадно слѣдилъ я за блескомъ лучей,
И пѣснь пробужденья звенѣла звончѣй,
И тьма расходилась, и день наступалъ...

Тотъ счастливъ, кто въ эти минуты не спалъ...

unga200010000

С. федоровичь.

I.

Кое-что изъ недавней исторіи Японіи. Современное положеніе.

Было время, когда дайміосы (японскія феодальные бароны) пользовались грузомъ занесенныхъ бурею иностранныхъ кораблей, какъ желанною добычею. Ни одинъ маякъ не освъщалъ негостепріимнаго берега. Между Америкой и Китаемъ поддерживалось живое сообщеніе, но американскіе корабли не находили пріюта у береговъ Японіи. Въ 1853 году президентъ Фильморъ рѣшилъ устроить тамъ гавани и тъмъ принудить японцевъ стать на ряду съ цивилизованными націями. Уполномоченный, коммодоръ Матей Перри въ іюлъ мъсяцъ 1853 г., имъя въ распоряженіи 2 военныхъ и 2 коммерческихъ судна, высадился въ бухтъ Урага, чтобы заключить съ японцами дружественный и торговый союзъ. Шогунъ*) Іеіоши испугался. Рекко, глава могущественнаго

Токугава, посовътовалъ дома клонить это предложеніе. Перри возвратился на этотъ разъ, ни съ чъмъ, но въ 1854 г. онъ снова съ 8-ю кораблями прибылъ въ гавань Іокагаму. Іеіоши уже умеръ. Ему наслъдовалъ его сынъ Іезада. Этотъ послѣдній заключилъ съ Перри договоръ, по которому долженъ былъ открыть гавани Химода и Хакодате для американскихъ судовъ, потерпъвшихъ кораблекрушеніе, и снабжать за извъстную плату военныя суда углемъ и всъмъ необходимымъ, торговыя же сношенія отклонилъ. Вскоръ послъ этого получили такія же уступки и Россія, Франція, Англія и Пруссія.

Страшное землетрясеніе и сильный пожаръ въ Іеддо, унесшіе по японскимъ сказаніямъ до 100000 человѣкъ, еще болѣе обезкуражили трусливыхъ японцевъ. Въ 1856 году Америка послала своего главнаго консула въ Шимода требовать разрѣшенія пристать къ берегу при Коногавѣ и Осако. Шогунъ Іезада обратился за совѣтомъ (первый разъ за 700 лѣтъ) къ микадо. Микадо, находившійся подъ вліяніемъ Наріакири, главы дома Мито, отвергъ

Digitized by Google

^{*)} Щогунъ, или Сіогунъ,—свътскій правитель до-реформенной Японіи. Императоръ же (Микадо) былъ тогда только духовнымъ государемъ.

это требованіе. Тогда Іезада передалъ свои обязанности И—и Наосуке, опекуну (таиро) своего пріемнаго сына И-и моки. Наосуке, не обращая вниманія на распоряженіе микадо, завязалъ торговыя сношенія съ иностранцами и въ 1858 г. открылъ имъ доступъ въ гавани Коногава, Нагасаки и Хакодате, а въ 1859 г. — Ниигато. Хіого и Осака. Одновременно были допущены въ Іедо дипломатическіе представители, а во всъ открытыя гавани —консулы; иностранные подданные подлежали суду своихъ консуловъ.

Дайміосы, давно уже отпавшіе отъ шогуна Токугавы и ставшіе на сторону микадо, возстали противъ Наосуке, но онъ удалилъ ихъ съ своего пути; многихъ обезглавилъ, другимъ велълъ распороть животъ, а остальныхъ засадилъ въ тюрьмы или изгналъ. Но и у Наосуке оказались сильные противники и враги: 18 самураевъ изъ дома Мито подстерегли его въ Іедо и убили въ 1860 г. Правительство не было силъ воспрепятствовать этому, чтобы хотя на нъкоторое время освободиться отъ нежеланныхъ дайміосовъ, оно уничтожило законъ, повелъвавшій имъ періодически жить въ столицъ.

Самые могущественные изъ дайміосовъ, Шимацу изъ Сацума и Мори изъ Хожу, были на сторонъ двора Кіото. Они добились, что микадо Комей потребовалъ отъ шогуна И-и Моки изгнанія всъхъ иностранцевъ (числомъ 26) изъ Іокогамы.

Когда въ 1862 году свита Шимацу, посланника въ Іедо, возвращалась изъ Кіото, то не далеко отъ Коногавы встрътила англійскихъвсадниковъ (въ числъ ихъ была и дама). По японскому обычаю встрътившіеся должны были сойти съ лошадей, но они этого не сдълали. Самураи, преисполненные ненависти къ иностранцамъ, бросились на нихъ съ мечами. Двое мужчинъ и дама спаслись, а Ричардсонъ изъ Шанхая, смертельно раненый, упалъ съ ло-

шади и тутъ же умеръ. Англійское правительство требовало выдачи убійцъ и денежнаго удовлетворенія въ 400000 марокъ. Но японцы не Тогда 15-го августа. соглашались. 1863 г. при Кагожимо, резиденціи Шимато, появилась англійская эскадра, состоящая изъ 7 военныхъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Купера. Укръпленіе было уничтожено, большая часть города сож-Только тайфунъ помѣшалъ англичанамъ довести дъло до конца. Денежное же удовлетвореніе они получили, когда бросили якорь у береговъ Іедо.

Въ томъ же году И-и Моки съ большой свитой посътилъ микадо въ Кіото (со времени И-и Мицу ни одинъ шогунъ не считалъ нужнымъ это дълать), съ которымъ и постановили изгнать всъхъ иностранцевъ. И-и Моки возвратился въ Іедо, чтобы увъдомить объ этотъ посольство.

Дайміосъ Мори, изъ Хожу, въ іюнь и іюль мьсяцахъ 1863 г. изъ Шимоносеки обстръливалъ американскіе пароходы, французскіе и голландскіе корабли, при чемъ нъсколько человъкъ было убито. Представители этихъ державъ совмъстно съангличанами ръшили бомбардировать Шимоносеки. Городъ былъ разрушенъ, — и величію Мори положенъконецъ.

Между правителями Японіи царилъ всегда разладъ. Когда въ 1865 г.. иностранныя державы требовали возобновленія существовавшаго когдато договора, по которому (Кобе) должно было открыто для иностранныхъ торговыхъ судовъ, шогунъ И-и Моки доложилъ объ этомъ императору Комеи. Послъдній отклонилъ это. Тогда И-и Моки подалъ въ отставку. Комеи не принялъ ея и въ 1866 году подписалъдоговоръ. Вскоръ И-и Моки умеръ, шогуномъ сдълался Іошинобу, сынъ Нараякираса, родоначальникъ дома Хитоцубами. Въ 1867 г. умеръ и императоръКомеи отъ оспы. Его 16-ти

лътній сынъ Муцухито вступилъ на престолъ. Іошинобу, которому никто не повиновался, понялъ, что при такихъ обстоятельствахъ ему не удержаться въ шогунатъ и передалъ его молодому императору. Послъдній сталъ требовать отреченія и отъ всъхъ провинцій, принадлежавшихъ шогуну. Завязалась борьба, т. к. все семейство Токугава возстало противъ этого требованія, но побъдила императорская партія.

Вездъ разбитая партія Іошинобу излила свой гнъвъ на иностранцевъ: въ Кіото напали на англійское посольство, при Осакъ убили капитана и 10 матросовъ французскаго корабля. За это послъднее злодъяніе японское правительство должно было уплатить 600000 марокъ; кромѣ того, 11-ти убійцамъ вспороли животъ, остальныхъ 8 помиловали. Принцъ Торухито, главнокомандующій императорскаго войска съ фельдмаршаломъ Сайго Тикамори поселился во дворцъвъ Іедо. Семейству Токугава подарили земли въ Муцу, Суруга и Тотами съ годовымъ доходомъ въ $1^{1/2}$ мил. марокъ.

Іошинабу, спасшійся въ храмъ Кваньейсе, долженъ былъ отправиться на родину, въ Мито. Приверженцы Токугава вторглись въ Кваньейскій храмъ и провозгласили императоромъ первосвященника Коценбо, происходившаго изъ царскаго дома.

Когда въ Іедо воцарилось, наконецъ, спокойствіе, императоръ Муцухито 6-го ноября 1868 г. поселился во дворцѣ, который до сихъ поръзанималъ наслѣдный принцъ Токугава. Въ 1873 г. этотъ дворецъ сгорѣлъ. Іедо сдѣлался столицею и, въ противоположность Большой столицѣ (Кіо или Кіото), сталъ называться восточной столицей (То—кіо). Въ слѣдующемъ году Муцухито отправился въ Кіото и женился тамъ на Хоруко, "дитя весны" дочери придворнаго Ихихо-Тадаки.

Въ это время обнаружилось, что въ деревнъ Уруками, при Нагасаки,

находится около 3000 христіанъ-католиковъ. Возобновили эдиктъ Іисязуса, изданный въ 1637 г. и гласившій между прочимъ слѣдующее: "кто укажетъ мѣстопребываніе католическаго священника, получитъ вознагражденія 10000 мар. Каждый христіанинъ заключается въ тюрьму". Приверженцы этого закона раздълили обнаруженныхъ католиковъ, какъ рабовъ, между дайміосами; особенно много было ихъ въ провинціи Кага, откуда имъ было позволено вернуться только въ 1873 году.

Дайміосы въ 1868 году по совъту Окубо Тушомицу и по примъру Мори и Шимацу отдали свои земли (отчасти добровольно, а отчасти по принужденію) правительству и получился за это пенсію. Самураи получали мъста чиновниковъ, другіе занялись торговлею или ремесломъ какимъ-нибудь, но, не зная какъ взяться за дъло, скоро объднъли. Различіе межлу высшими сословіями Куге и Шоко было уничтожено. И тъхъ, и другихъ считали сливками общества (квацоку), мелкое же дворянство называлось житцоку или самураи.

Новый составъ народонас. имълъ $95^{\circ}/_{o}$ крестьянъ и мъщанъ и только $5^{\circ}/_{o}$ дворянъ.

Въ 1870 году къ Японіи начала прививаться европейская культура: французы были учителями военнаго дъла, нъмцы обучали медицинъ, англичане строили желъзныя дороги и машины, голландцы знакомили съпостройкой каналовъ, а въ Осаки чеканили монеты.

Европейскій костюмъ также вошелъ въ моду, замѣнивъ японскій; бумажные зонтики стали замѣнять зонтиками изъ хлопчатой и шелковой матеріи. Мужчины замѣнили деревянную обувь кожаною. Началось печатаніе газетъ на японскомъ языкъ. Императоръ вмѣсто путешествій на джинрикшѣ сталъ выѣзжать на четверкѣ; императрица Хоруко—принимать женъ посланниковъ. Чиновниковъ и воиновъ стали награждать орденами: хризантема на лентъ, Священной сокровищницы и Восходяшаго Солнца.

Новый годъ, по европейскому календарю, былъ перенесенъ на зиму, и былъ введенъ воскресный день. Въкъ Муцухито стали называть "Мейци" (мей—просвъщенный, ци—время). Всеобщая воинская повинность была введена. По образцу нъмецкаго войска стали различать три рода войскъ: постоянное, резервное и ополченцевъ. Изъ дворцовъ феодаловъ 55 перешло въ военное въдомство, а остальные были разрушены.

Въ 1872 году посътилъ Японію Великій князь Алексъй Александровичъ, въ 1879 г. (когда холера похитила 100.000 японцевъ), принцъ Генрихъ Прусскій привезъ въ Токіо орденъ императору Муцухито. Посътилъ Японію также экспрезидентъ генералъ Грантъ. Въ маъ 1878 года Окубо, японскій дъятель, проводникъ европейской культуры, былъ убитъ фанатиками самураями, переодътыми въ крестьянское платье. Убійцы сами отдались въ руки правосудія.

Въ 1874 году фельдмаршалъ Сайго Такамори, всъми очень уважаемый и любимый самурай ихъ Сацума, основалъ въ Кагошима частное военное училище, въ которое стремились поступить всъ серьезные молодые люди. Занимались тамъ ежедневно по часу китайскимъ яз., а остальное время гимнастикой и фехтованіемъ.

Узнавъ отъ чиновниковъ, посъщавшихъ Кагошимо, о заговоръ противъ Сайго и о намъреніи его убить, 15.000 самураевъ, во главъ съ самимъ Сайго, объявили открытое возстаніе и овладъли пороховыми складами и арсеналомъ въ Кагошимо, за что императоръ лишилъ Сайго всъхъ его правъ и привиллегій. Тогда бунтовщикъ съ своей шайкой направился въ Шимоносеки. По дорогъ они напали на хорошо укръпленный замокъ Кумамото (Хиго) и

здѣсь потеряли много времени, чѣмъ воспользовалось императорское войско и настигло его.

Сайго отступилъ и расположился въ Набеока, но чрезъ нъсколько дней и отсюда его вытъснили, захвативъ 8000 челов. въ плънъ. Самъ же онъ съ 500 чел. бъжалъ въ Кагошимо, гдъ потерялъ еще 200 чел. и съ 300 продолжалъ сражаться, отступивъ за холмъ Широяма, въ сентябръ же 1877 г. остатки его шайки были уничтожены, а его самого не нашли. По найденному обезглавленному трупу въ крестьянской одеждъ предполагаютъ, что Сайго добровольно покончилъ съ собой посредствомъ хара-кири. (Хара--животъ, кири-колоть). Такое самоубійство не считается унизительнымъ ни для совершающаго, ни для его семьи. Оно совершается всегда ночью или въ слабо освъщенной комнатъ, или подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи экзекутора и друзей осужденнаго. Несчастный прокалываетъ себъ животъ по самой срединъ и направляетъ разръзъвълъвую сторону; тотчасъ послъ этого его лучшій другъ отсъкаеть ему голову острымъ мечомъ).

А такъ какъ съ найденнымъ трупомъ лежалъ и трупъ вассала Сайго, то и предполагаютъ, что этотъ вассалъ отсъкъ ему голову, а затъмъ и самъ лишилъ себя жизни. По другимъ же сказаніямъ Сайго не убитъ, а бъжалъ въ Сибирь.

По японскому обычаю императоръ, спустя 13 лѣтъ со дня исчезновенія Сайго, возвелъ его снова въ фельдмаршалы и призналъ всѣ его заслуги, а въ Ухнопаркъ поставленъ ему памятникъ. Все это возстаніе стоило Японіи 830 милліон. марокъ.

Вслъдствіе всеобщаго неудовольствія, Императоръ еще въ 1881 году объщалъ конституцію, выработку которой поручилъ министру Ито. Послъдній предпринялъ для этой цъли путешествіе въ Европу въ 1882—83 год. Наконецъ 11-го фев-

раля 1889 г. микадо Муцухито далъ странъ конституцію, причемъ введены отвътственное передъ императоромъ министерство, парламентъ изъ 2 палатъ и государствен. совътъ. -- Мало по малу Японія стала пріобрътать военные корабли, ружья, пушки и

Когда парламентъ отказался дать средства на постройку военныхъ судовъ, Муцухито обложилъ всъхъ чиновниковъ, начиная съ самого себя, 10% вычетомъ изъ жалованья до тъхъ поръ, пока долгъ не былъ уплаченъ. Начали строить маяки, проложили одинъ кабель отъ Шимоносеки до Шанхая, а другой до Владивостока. Всв новвишія открытія, какъ-электрическое освъщеніе, трамваи и желъзн. дороги, стали извъстны и въ Японіи. Японская желъзнодорожная съть заключала въ себъ въ 1902 г. 8487 километр. изъ кот. 2444 принадлежатъ государству, а 6043 км. 42-мъ частнымъ обществамъ съ капиталомъ въ 700 милліон. марокъ: пассажировъ ежегодно перевозится до 100 милліон. а товару 10 мил. тоннъ. Государство получаетъ 23 милліона валоваго доходу, и чистаго 10 милліон. Частныя общества—45 мил. валоваго и 20 мил. чистаго.

Въ 4500 почтовыхъ конторахъ, гдъ работаетъ 39000 чиновниковъ, отправлено во 1901 году 157 милліон. внутренней корреспонденціи и 3 милліона заграничной, не считая открытыхъ писемъ, число которыхъ превышаетъ 330 милліон. Телеграфная съть простирается на 29500 км. конторъ 1800, отправляется ежегодно 14 милліоновъ внутреннихъ и 531 тысяча заграничныхъ телеграммъ; 3600 километр. телефонной линіи и 90 станцій съ 25000 приводовъ для внутрен. и внъшняго сообщенія. Почта и телеграфъ работаютъ точно и дешево.

Почтальоны бъгаютъ рысью послъ каждаго поъзда и въ иномъ домъ бываютъ до 10 разъ въ день; сообщенія по желъзнымъ дорогамъ дешевы и удобны; особенно дешевъ провздъ въ 3-мъ классъ (като), но содержатся вагоны оч. грязно. Пожарное депо въ образцовомъ порядкъ. Завелись и банкирскія конторы, въ которые брали за ссуду 10-15 процентовъ. Казенныя зданія европейской архитектуры, при-

дали улицамъ другой видъ.

Обязательное обучение было также введено. Школы, какъ общественныя учрежденія, подчинены государству. Каждый ребенокъ между 6 и 14 год. долженъ посъщать школу три года. Ученіе продолжается по меньшей мъръ 32 недъли въ году, ежедневно занимаются отъ 3 до 6 часовъ; послъ каждаго урока 15 мин. отдыха. На каждаго учителя полагается не болъе 60 учениковъ. Тълесныя наказанія запрещены. Въ 1900 г. было устроено 50 семинарій, по образцу французскихъ, для подготовки учителей. Жалованье получаютъ они небольшое: старшій учит. получаетъ въ настоящее время не болѣе 1000 марокъ въ годъ*), а младшій 264 марки. Предметы обученія тв же, что и у насъ; только законъ Бож. замъняется уроками о нравственности или нравоученіемъ. Сушествуютъ гимназіи высшаго и низшаго типа. реальныя училища, техническія, морскія, музыкальныя школы, гдв изучають, по желанію, европейскую и китайскую музыку. Всъ эти заведенія даютъ солидныя познанія. Вмъсто "школы для разбора варварскихъ письменъ, основанной въ 1851 году, въ 1881 году въ Токіо былъ открытъ университетъ по европейскому образцу. Профессорами были раньше европейцы, преимущественно нѣмцы, но впоследствіи заменили ихъ японцами, хотя нъкоторые выдающіеся профессора, какъ Dr. L. Scriba и Dr. Bälz. и до сихъ поръ не забыты. Университетъ соединенъ съ большимъ домомъ-больницею, при кот. нахо-

^{*)} Т. е. не болъе 400 рублей на русскія деньги. Прим. Ред.

дится ботаническій садъ. Въ Кіото университетъ открытъ только въ 1897 г.

По свидътельству Мунцингера, въ 1882 году въ Японіи было 18 протестантскихъ обществъ, 13 американскихъ и 5 англійскихъ. Новый завъть переведенъ на японскій яз. въ 1872—1880 гг. а Ветхій—1888. Нъмецкіе проповъдники въ Токіо принадлежатъ къ обществу протестантскихъ миссіонеровъ въ Веймаръ. Католическіе миссіонеры были еще въ 1861 году. Они нашли въ Японіи около 7000 католиковъ, несмотря на строгое преслъдованіе ихъ. Теперь число ихъ достигаетъ до 60000, протестантовъ до 40000.

Православная церковь въ Токіо освящена въ 1891 году и состоитъ подъ управленіемъ епископа Николая. Епархію его составляютъ 25000 чел.—По заявленію Мунцингера на 964 японца приходится одинъ христіанинъ. Многіе японцы принимаютъ христіанство ради полученія мъста или пособія; такихъ обыкновенно называютъ "рисовыми христіанами".

Въ 1889 г. отношенія между Японіей и великими державами обострились, и японцы снова возстали противъ иностранцевъ: женщины снимали европейское платье и продавали его на толкучкъ; туда же отправляли и нововведенную мебель; даже воспитывавшіеся въ Европъ японцы стали опять садиться прямо на полъ; перестали печь хлъбы и ъли только рисъ. Иностранцевъ удаляли отъ должностей и замъняли ихъ туземцами. Возстали также противъ христіанства и говорили, что оно подавляетъ патріотизмъ.

Народъ сталъ равнодушенъ къ религіи, а такъ называемая "армія спасенія", благодаря своей грубости и невѣжеству, еще болѣе усилила недовѣріе японцевъ къхристіанамъ.

Правительство же, несмотря на всѣ неудачи, шло впередъ въ введеніи новыхъ порядковъ и одѣяній: войско и полицейскіе получили евро-

пейскіе мундиры; чиновники, даже самые мелкіе, должны одъваться по европейски; при дворъ введенъ европейскій этикеть; новые законы заимствованы у Европы (Франціи и Германіи); изъ Америки проникла женская эмансипація, но не привилась въ Японіи.

Жителей въ Японіи, включая Хокаидо и Курильскіе острова, въ 1902 г. было до 43,800,000. На остр. Формоза 2.800,000, но изъ нижъ только 16,000 японцевъ, а осталь-

ные-китайцы и туземцы.

Около 11590 иностранцевъ живутъ въ Японіи временно, а нѣкоторые и постоянно, а именно: 6,130 китайцевъ, 2.247 англичанъ, 1,165 американцевъ, 586 нѣмцевъ и 431 французъ. Въ 1900 году 70,800 японцевъ жили за границей, а именно: 34,500 ч. на Сандвичевыхъ островахъ, въ Гонолулу, 15000 въ Кореѣ, 9100 въ С.-Штатахъ, и 6100 въ англійскихъ колоніяхъ. Въ Европейской и Азіатской Россійской Имперіи проживаетъ ихъ около 3200 чел.

Въ Германіи раньше было ихъ также не мало, но въ настоящее время только 132 челов. Въ Японіи 8 городовъ, съ народонаселеніемъ свыше 100 тысячъ, а именно: Токіо—1.440121 д.; Осака—821 235 д.; Кіото—353.139 д.; Нагосса—244.145; Кобе—215.780 д.; Іокогама—193.762; Хирошимо—122. 306 д.; Нагасаки—107.422 д. Европейская древесная бумага фабрикуется въ Хокаидо; каучуковые товары—въ Токіо; пиво варится японскими рабочими, но подъ руководствомъ нѣмцевъ.

Всъ 22 гавани открыты для иностранцевъ. Японцы имъютъ 1400 пароходовъ и 4000 парусныхъ судовъ европейскаго образца до 1400 — японскаго. Эти послъдніе не велики и служатъ для береговой торговли. Въ 1900 г. въ японскихъ портахъ перебывало 4678 пароходовъ и 500 парус. суд. Ввозъ и вывозъ доставляетъ 900 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ на долю англичанъ приходится 390 мил.; японцевъ—291 мил.;

нъмцевъ-91 мил. француз. -59 мил. и американцевъ-32 мил. Предметы вывоза: шелкъ, хлопчатая бумага, рисъ и каменный уголь. а предметы ввоза: машины, ткани, табакъ и сахаръ. Золота больше получается, чъмъ выдается, а серебра — наоборотъ.

Пошлинные доходы Японіи въ 1900 г. равнялись 30 мил. марокъ. Японскій торговый флагь бълый,

съ краснымъ солнечнымъ кругомъ

посрединъ.

Въ 1900 г. въ Японіи было въ обращеніи денегъ золота 353 мил., серебра 463 мил. никеля 15 мил. и мъди 23 мил., бумажныхъ кредитокъ до 400 мил. Государственнаго долгу въ 1902 г. было 900 мил. марокъ, Долгь этотъ погашается полученною послъ китайской войны контрибуцією и новыми займами.

Государственный ежегодный доходъ-375 мил. мар. а расходъ 323 мил. марокъ, изъ которыхъ 117 мил. на содержаніе войска, 117 мил. на флотъ, 86 милліоновъ на пути со общенія, и на островъ Формозу

13 мил. мар.

Японцы не могутъ существовать безъ войны. - Манія величія заставляетъ ихъ думать, что Корея непремфино должна имъ принадлежать. Когда въ 1894 г. въ Кореѣ возгорълось возстаніе противъ иностранцевъ, корейское правительство не воспрепятствовать войску грабить японскихъ купцовъ (торговыя суда) и пригласило на помощь китайцевъ. Японцы же опередили ихъ и заняли Чемульпо. Китайцы прислали военный флотъ и значительное войско въ Корею. Ямагата, японскій командиръ, разбилъ ихъ при Пиншангѣ; японскій флотъ, подъ предводительствомъ адмирала Ито, овладълъ Желтымъ моремъ, Пичилійскимъ заливомъ и захватилъ 4 большихъ китайскихъ корабля.

4-го ноября 1894 г. японцы подъ предводительствомъ Ойама дъли Кіаску, 5-го заняли Таліенванъ, а 10-го Портъ-Артуръ. Въ январъ

1895 г. они принудили островъ Линкунитао сдаться на капитуляцію: 4-го марта взяли Ньючвангъ, и такъ какъ суровая погода не дозволила имъ достигнуть Пекина, они остановились у острововъ Пескадоресъ. Китайскій уполномоченный Лихунгчанъ началъ переговоры о миръ, и 17-го апръля 1895 г. миръ былъ заключенъ въ Шимоносеки. По этому миру Корея признана независимой, а островъ Формоза уступленъ Японіи. Китай обязался уплатить Японіи въ 7-ми лѣтній срокъ 200 милліоновъ таэлей (400 мил. руб.) и открыть доступъ въ новые порты.

Вообще побъда японцамъ далась легко и потерь было мало, т. к. китайскія бомбы оказались начиненными глиной: мандарины стоимость пороха удерживали въ своихъ карманахъ. Японцы имъли наилучшія карты Кореи и вообще были хорошо освъдомлены съ положеніемъ дъла. Китайцы же, безсильные отъ плохаго питанія и дурно вооруженные, по большой части обращались въ бъгство.

Японцы имъли хорошій случай проявить свой воинственный духъ при возстаніи боксеровъ въ Китаъ. Тамъ они вмъстъ съ 4000 русскихъ, 3000 англичанъ, 2200 американц. и 800 французовъ въ 3 дня взяли Пекинъ, причемъ сгоръли университетъ и знаменитая библіотека.

Японцы гордятся своимъ войскомъ и флотомъ. Каждый здоровый мужчина ростомъ не менъе 150 сантиметровъ послѣ 20 лѣтъ долженъ отслужить въ арміи 3 года или 4 года во флотъ. Всеобщая воинская повинность продолжается съ 17 до 27 лътъ. Въ мирное время у нихъ войска 269.748 чел., въ военное же 600.000 чел.

Военный флотъ въ 1902 г. состоялъ изъ 74 судовъ и 160.46 человъкъ: военный флагъ бълый съ краснымъ солнечнымъ кругомъ, отъ котораго расходятся красные лучи, такое же и полковое знамя только съ голубымъ кантомъ. Каждый японецъ можетъ быть призванъ на военную службу отъ 17 до 40 лѣтъ. Арсеналъ находится въ Токіо, а ружейная фабрика въ Осака. Японскія ружья изобрѣтены генераломъ Мурата.

II.

Физическія и нравственныя качества; образъ мыслей японцевъ; ихъ характеръ. Айну.

Самымъ большимъ авторитетомъ по изученію японской антропологіи пользуется профессоръ докторъ Е. Бельцъ въ Токіо. Въ 1884 г. въ ІІІ томъ своихъ сообщеній нъмецкому восточно-азіатскому обществу на стр. 330 онъ составилъ описаніе физическихъ качествъ японцевъ.

Чистая монгольская раса представляетъ слъдующія особенности: средній ростъ, достигающій отъ 150— 154 сантиметр., неуклюжій четырехъугольный станъ, при короткомъ и толстомъ затылкъ, соединяется съ круглой головой, съ выдающеюся верхнею челюстью и небольшимъ лицевымъ угломъ (68—70°). Кавказская раса, къ которой принадлежатъ европейцы, достигаетъ въ ростъ 180 сант.; станъ и затылокъ у нихъ стройны, голова чаще продолговата, верхняя челюсть не выдается, а лицевой уголъ кажется большимъ (76— 82°). Лицо у монгольцевъ 4-хъ-угольное, плоское, а у кавказцевъ овальзакругленными ное съ чертами. Объемъ черепа у монгольцевъ 1,300 сант., а у кавказцевъ—1.400 сант. Волосы на головъ очень черные, длинные, жесткіе, совершенно прямые и въ разръзъ цилиндрической формы; на тълъ же почти вовсе нътъ волосяной растительности. У монгольца бываетъ черная, прямая, щетикозла" нистая борода, "какъ у (Бельцъ). На азіатскомъ материкъ замъчается склонность къ ожирънію, и полнота считается красотою, а худоба-уродствомъ, у японцевъ же наоборотъ. Низкій лобъ, болъе

покатый чъмъ у европейцевъ, маленькіе, миндалевидные, косые глаза; въки кажутся очень искривленными къ носу, вслъдствіе чего внутренніе углы ихъ еле открываются, брови черныя, прямыя и ръдкія; широкій, приплюснутый носъ маловыдается надъ лицомъ, скулы жеочень торчатъ; ротъ широкій, губы толстыя, зубы бълые, уши большія и отвислыя.

Въ общемъ монгольскій типъ производитъ впечатлъніе чего-то дътскаго, открытаго, беззаботнаго общительнаго. Всъ эти черты еще болъе замътны вслъдствіе слабой растительности на бородъ, что придаетъ мужчинамъ женоподобный. видъ. Бакенбарды среди монгольской расы—что-то неслыханное. Тамъ, гдъ носятъ широкое платье, труднобываетъ отличить мужчинъ отъ женщинъ. Монгольскій типъ, подобно дътскому лицу, мало выражаетъ индивидуальности: одинъ похожъ на. другого.

Разсудокъ преобладаетъ надъ фантазіей. Флегматичность въ основъ этой расы. Нынъшніе японцы, посвидътельству наилучшихъ авторитетовъ, происходятъ частью отъ племени айну, частью отъ одногочисто монгольскаго племени, перекочевавшаго изъ Кореи и переселившагося на юго-западъ и, наконецъ, отъ болъе изящнаго малайскаго племени, расположившагося раньше на Кіусіу, а оттуда постепенно распространившагося и Японскіе острова. Это племя встръчается въ настоящее время въ Сатцумъ; представителями его служатъ высшіе классы, хотя и въ народъ число ихъ преобладающее.

Кожа у японцевъ свътложелтаго цвъта, доходящаго въ различныхъ оттънкахъ до бълизны европейской. Впрочемъ тутъ можно видъть всъ переходы отъ темно-желтаго цвъта до свътло-коричневаго, а у людей, которые чаще ходятъ нагими, кожа бываетъ бронзоваго цвъта, какъ у цейлонцевъ. Въ Италіи и Испаніи

многіе такъ же желты, какъ японцы. Краснощекіе ръдки.

Проф. Бельцъ указываетъ на одно очень интересное явленіе пигментной окраски кожи, которое находять у маленькихъ японскихъ дътей на крестцъ въ верхнемъ слоъ кожи въ видъ синяго пятна. Это единственный случай присутствія пигмента въ кожъ человъка. У европейцевъ губы красны, а у японцевъ онъ кажутся синими, какъ у страдающихъ болъзнью сердца. Такія же синія пятна бываютъ у нихъ и на небъ, на деснахъ и на глазныхъ бълкахъ, что придаетъ лицу ихъ дикое выраженіе. Слезныя железки у переносицы часто бываютъ темны, что ихъ принимаютъ за грязь, попавшую въ глазъ.

Ничтожная волосяная растительность японцевъ свидътельствуетъ о малой примъси крови айну.

На головъ у японцевъ волосы, какъ щетина, торчатъ кверху и отъ палящаго солнца становятся не черными, а коричневыми; длинные волосы, локоны, они признаютъ уродствомъ. По вычисленію проф. Бельца, на квадратномъ сантиметръ головной кожи находится 286 волосъ; они цилиндрической формы, какъ у монгольцевъ и коренныхъ американцевъ; скудная борода появляется поздно и только на подбородкъ и верхней губъ. Японцы съдъютъ позже европейцевъ, но борода въ 60 лътъ часто бываетъ совсъмъ бълая.

Блондины встръчаются ръдко и считаются некрасивыми, какъ и люди съ вьющимися волосами. "У человъка волосъ черенъ, а у скота и обезьянъ свътелъ". Уши должны быть закрыты волосами. О глазахъ монгольцевъ проф. Бельцъ пишетъ: глазное яблоко не отличается отъ европейскаго; характерно только своеобразное положение складокъ кожи на верхнемъ въкъ и отсутствіе углубленія между бровью и въкомъ, отчего это послъднее кажется совершенно плоскимъ и нависшимъ на ръсницы. Такое же

строеніе глазъ у китайцевъ и корейцевъ. Когда японецъ смъется, то глаза совсъмъ исчезаютъ, и только темная линія да ръсницы указываютъ, гдъ они должны быть; глазныя же впадины у японцевъ не такъглубоки, какъ у европейцевъ, а удлинненная складка придаетъ глазу болъе продолговатую форму. Къ старости, конечно, и у японцевъ глаза проваливаются.

Японцы всв маленькаго роста-Когда они сидятъ рядомъ съ европейцами, то кажутся одинаковаго роста, но когда встанутъ, то европейцы оказываются на цълую голову выше. Мужчины выше женщинъ. у японцевъ прекращается раньше, чъмъ у европейцевъ: у мальчиковъ въ 16, а у дъвочекъ въ 14 лътъ. Во времена Токугава лица женщинъ изображались на рисункахъ слишкомъ круглыми, а теперь ихъ рисуютъ слишкомъ длинными. У японцевъ та женщина считается красивой, у которой станъ, лицо и носъ, да и всѣ остальные члены тъла длинны и тонки. Широкія бедра считаются неприличными. Японка никогда не ходитъ прямо, а всегда наклонивъ верхнюю часть туловища нъсколько впередъ и изогнувъ колъни. Походка очень некрасивая, въ особенности, когда онъ въ деревянныхъ сандаліяхъ съ двумя поперечными дощечками вмъсто каблуковъ-Этикетъ требуетъ, чтобы благовоспитанная японская женщина ходила маленькими шаркающими шажками и держала носки внутрь, а колъна врозь. Я не замъчалъ граціи японокъ (за исключеніемъ молоденькихъ), о которой такъ много разсказываютъ путешественники. По моему, это некрасивая порода.

Прическа у японокъ называется "атама". По замъчанію проф. Бельца, натягиваніе волосъ причиняетъ имъголовныя боли и даже опухоль затылка.

У маленькихъ дъвочекъ волосы стягиваются въ одинъ пучокъ, который по праздникамъ украшается пе-

стрыми лентами, а сквозь этотъ пучокъ прокалываются наискось двъ длинныя роговыя булавки, къ концамъ которыхъ тонкой проволокой прикрѣпляются искусственные цвѣты или насъкомыя. У взрослыхъ дъвушекъ это замъняется длинной японской булавкой изъ желтой черепахи съ большимъ краснымъ коралловымъ шарикомъ на концѣ; въ волоса ввязываются красныя или голубыя шелковыя, а иногда и бумажныя ленты. Японки ходятъ съ непокрытой головой. Изъ косметикъ употребляютъ свинцовый порошокъ или муку изъ съмянъ "mirabilis jalaра". Онъ натираютъ лицо и шею до бълизны американскихъ метисовъ и только на затылкъ оставляютъ маленькій треугольникъ. Губы красятъ дикимъ шафраномъ, піономъ и больше въ цвътъ киновари, а не тълесный. Раскрашенныя дъвушки мало походять на живыхъ существъ, а больше на куколъ. До 1872 года японцы, какъ мужчины, такъ и женщины послъ замужества, красили зубы въ черный цвътъ, теперь же только старухи продълываютъ это со своими искусственными зубами.

Какъ отзываются французы о японкахъ, можно судить по сочиненію Пьера Лоти "Маdame Chrysanthème", гдъ между прочимъ сказано: "Вы, сударыня, забавны, благодаря вашимъ ручкамъ и ножкамъ,—но въ общемъ все же вы противны и малы до смъшного! Ваши лица напоминаютъ статуэтокъ, обезьянъ или самъ не знаю что!.."

Потомки японцевъ и европейцевъ называются по-англійски "Eurasians". Они очень красивы и отличаются большими глазами.

Въ прежнее время рабочій классъ японцевъ не носилъ никакой одежды, а замѣнялъ ее татуировкой. Теперь же и то, и другое запрещено, хотя изрѣдка все таки встрѣчается.

Чтобы судить объ умственномъ развитіи японцевъ. обратимся къ Мунцингеру, какъ лучшему авторитету. Онъ говоритъ: "у японца ост-

рый умъ и ловкія руки. У него хорошая память, встръчаются таланты, но геніи—никогда. Дъти японцевъ способнъе европейскихъ къ ученію. По характеру японецъ очень скрытный: всъ свои чувства онъ скрываетъ подъ неизмъннымъ равнодушіемъ. Онъ ненавидитъ чужеземцевъ, хотя въ обращеніи съ ними очень въжливъ и ласковъ.

Японцы честны. Воруютъ рѣдко, но у чужестранцевъ берутъ въ займы очень охотно и рѣдко возвращаютъ; скряжничество они презираютъ. Честолюбіе у нихъ на первомъ планѣ. Съ давнихъ временъ они, вслѣдствіе своей изолированности, страдаютъ маніей величія. Японецъ жестокосердъ: онъ никогда не встанетъ, какъ бы ни было трудно дженерикшѣ (извощику) подниматься въ гору.

Патріотизмъзаглушаетъвсвостальныя чувства: ничто не воспрещается для пользы отечества. Фанатизмълегко овладвваетъ японцемъ. Главная добродвтель японца—въжливость, которая считается выше всякой нравственности. Кто хорошо кланяется и почтителенъ въ рвчахъ, тотъ и считается добрымъ человвкомъ.

Когда я обучался въ Тошокванѣ, мнѣ бросилось въ глаза, что всѣ молодые люди носили золотыя очки, причемъ книгу держали у самыхъ глазъ. Я думалъ, что они близоруки, и полюбопытствовалъ узнатъ, какія у нихъ очки. Золото оказалось желтой мѣдью, а стеклышки—обыкновенное оконное стекло.

Образъ мыслей японцевъ выражается въ ихъ суевърныхъ взглядахъ и народныхъ пословицахъ.

Въ Китаъ върятъ, что лисицы принимаютъ образъ человъка, роютъ могилы и кладутъ головы на мертвецовъ. Тъ же лисицы могутъ обращаться и въ красивыхъ дъвушекъ. Въ Японіи лисицы также считаются колдуньями, кошки—тоже. У послъднихъ вся волшебная сила заключается въ хвостъ, почему японцы

держатъ у себя только короткохвостыхъ кошекъ. Разсказываютъ, что въ 1889 г. одна лисица обратилась въ желъзнодорожный поъздъ и мчалась передъ настоящимъ. Въ истеричныхъ припадкахъ женщинъ также принимаетъ участіе лиса.

Пословицъ у японцевъ очень много; нъкоторыя изъ нихъ заимствованы у китайцевъ. Вотъ нъсколько изъ записанныхъ Кноблохомъ: "Неумънье много говоритъ". "Открытыя губы—холодные зубы". "Уродливой женщины и зеркало боится". "Жизнь—свъчка на вътру". "Случается и обезьянъ падать съ дерева". "Проповъдь по слушателю". "Отпавшій цвътокъ не прикръпишь къ въткъ". "И у дьявола бываютъ иногда слезы на глазахъ". "Если отдыхать, то только въ тъни большихъ деревьевъ". "Семь разъ падай, а восемь разъ вставай". "Даже ко злу привыкаешь: черезъ три года оно становится потребностью ... "Иглу завернуть въ вату (скрыть дурное намъреніе) . "Послушаешь ... рай, а поглядишь—адъ". "Бъдному не хватаетъ времени".

Остается еще сказать нъсколько словъ о прежнихъ жителяхъ Японіи—айну. Они не принадлежатъ къ монгольской расъ, а къ съвероазіатской или гипербореской. Названіе айну значитъ "стрълокъ изъ лука" и не имъетъ ничего общаго съ японскимъ именемъ "іпи" (руки). Ближайшіе ихъ родственники суть жители Камчатки. Японцы постепенно отнимали ихъ земли и овладъвали ими самими съ большою жестокостью. Они не называли ихъ айну, а "эмиши"—варвары. Родоначальникомъ этого племени былъ Окикуруми; жену его звал и Туреле, а сына—Вариункуру. Онъ жилъ сначала на съверъ, въ Пиратору, затъмъ переселился въ Японію, откуда прогналъ коропокгурцевъ, жившихъ въ рудникахъ.

По словамъ Батчелори, миссіонера, жившаго много лътъ въ Горабетцу, на островъ Іессо еще и те-

перь находится около 16,000 айну. Они выше и коренастве японцевъ, обросли густыми волосами и бородой. Характерные признаки расы: темно-каріе глаза безъ выраженія, выдающіяся скулы и лицевой уголъ въ 70°. Селенія Айну расположены больше по берегамъ ръкъ и морей, такъ какъ больщинство ихъ занимается рыбною ловлею. Доступнъе всего деревни Горабецо и Шираои, къ съверо-востоку отъ Морано. Отъ Томакомаи не болъе 52 километровъ до Пиратора, самаго большого селенія айну, гдъ живетъ до 50 семействъ. Ихъ соломенныя хижины расположены одной сторонъ единственной улицы, а по другой-находятся ихъ амбары, построенные на четырехъ столбахъ. Всъ селенія айну такого же устройства.

Плечевая кость и голень у айну подобны костямъ, найденнымъ въ европейскихъ пещерахъ. Женщины татуируютъ верхнюю губу. Племя это очень нечистоплотно: они ни-

когда не купаются.

Религія айну первобытная: солнце, вътеръ и медвъдь играютъ въ ней большую роль. Языкъ по своей конструкціи сходенъ съ японскимъ. Айну и японцы ненавидять другъ друга. Только теперь айну начинаютъ употреблять японскій матеріалъ для одежды, раньше же одъвались въ рогожи изъ горнаго вяза (Ulmus montana), изъ котораго женщины ткали жесткую матерію. Носятъ они длинное платье съ такими же рукавами, перетянутое въ таліи кушакомъ. Зимою употребляютъ мъховую одежду. Женщины украшаютъ себя серьгами и браслетами. работа лежитъ на женщинъ, а мужчины предаются пьянству.

Хижины айну устраиваются безъ камина. Кухонную утварь они покупаютъ у японцевъ; столовъ и стульевъ не употребляютъ. Пищу ихъ составляютъ: рыба, ръпа, бобы, тыква и просо. Въ прежнее время они управлялись старъйшинами; они

не знали смертной казни, а наказывали палками; у убійцъ же отръзали носъ и уши. Медвъдь у нихъсчитается божествомъ. Они его воспитываютъ, пока онъ молодъ и забавенъ, а когда онъ становится постарше и ворчливъе, убиваютъ и употребляютъ въ пищу.

Айну очень невъжественны. Храмовъ нътъ. Религія состоитъ въ обо-

жаніи природы. Небо и адъ находятся подъ землею; млечный путь— это ръки боговъ, а громъ—ихъ голосъ. Божества ихъ называются "камои"; богъ огня—"абекамой". Въбользни они обращаются къ нему съ такою молитвою: "О, богъ огня, милостиво смотри на меня". Предъъдой благодарятъ боговъ. Старшій въ родъ исполняетъ роль жреца.

Вскипъло вновь море грозою. Шумитъ его горный потокъ. И мчится волна за волною На дальній, туманный востокъ. Несутся валы-великаны, Какъ ръзвые кони степные. Размоютъ далекія страны Ихъ смълыя волны живыя... Предъ ними и вопли, и стоны, Ихъ воленъ подъ солнцемъ удълъ, Ихъ воля не знаетъ препоны, Ихъ силъ невъдомъ предълъ!.. Кипятъ и вздымаются волны, И мчатся, и въ быстромъ бѣгу, Поютъ онъ, местію полны, Заранъе тризну врагу.

Я. Мартаковъ.

Қошмаръ.

(этюдъ).

Николая Васильева.

Петръ Алексвевичъ пилъ много и долго. Онъ промоталъ и свои собственныя, и чужія деньги, осрамилъ себя въ глазахъ и знакомыхъ, и родственниковъ. Сегодня утромъ, послѣ трехдневнаго пьянства по разнымъ злачнымъ мъстамъ, онъ воротился домой безъ гроша денегъ въ карманъ, съ больной головой и съ чувствомъ глубокаго презрънія къ самому себъ. Его комнатка, всегда такая уютная, показалась ему и не уютной, и холодной, и постылой. Переступая порогъ своего убогаго угла, онъ чувствовалъ, что онъ здъсь уже больше не хозяинъ, а совсъмъ чужой человъкъ, какой-то бездомный бродяга, которому, хотя и даютъ изъ жалости временный пріютъ, но къ которому относятся недоброжелательно и могутъ, по первому пришедшему въ голову подозрѣнію, вытолкать вонъ. На цыпочкахъ вошедши въ свою комнату и тихо затворивъ за собою дверь, чтобы его прихода не слыхала хозяйка, онъ робко, опасаясь даже кашлянуть и вообще произвести какой бы то ни было шумъ, опустился на постель. Казалось, ствны, столъ, книги, однимъ словомъ, всъ-всъ предметы,

какіе только бросались ему теперь въ глаза, какъ-бы были недовольны имъ и безмолвно упрекали его въ чемъто. Ему было и стыдно, и больно, и невыносимо тяжело. Онъ легъ на кровать и спряталъ лицо въ подушку. Дневной свътъ ръзалъ ему глаза, а прохлада воздуха, даже комнатнаго, непріятно щекотала его разгоряченное лицо. Онъ жаждалъ покоя, онъ хотълъ-бы забыться, но разстроенные нервы не давали возможности заснуть. Его мучила безсонница, трясла лихорадка, его бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; все тъло ломило, голова была сжата, точно металлическими обручами. Онъ принималъ всевозможныя положенія: переворачивался съ боку на бокъ, ложился и на спину, и грудью внизъ, то обнималъ руками подушку, то складывалъ ихъ на груди, то вытягивался, то поджималъ подъ себя ноги; но все ему было и неловко, и неудобно, а желанный сонъ не приходилъ; мозгъже продолжалъ работать, работать. усиленно, хотя несвязно и отрывочно.

Три дня Петръ Алексъевичъ пилъ, но почти ничего не ълъ, желудокъ

требовалъ пищи, а между тъмъ ъсть нечего! Его положение было и смъшно, и печально. У него не было ни чая, ни сахару, ни одной корки чернаго хлъба, а получки денегъ придется ждать еще очень долго, хозяйка же требуетъ платы и грозится погнать съ квартиры черезъ полицію. Достать денегъ негдъ, занять не у кого; всъ его презираютъ, всъ сторонятся отъ него, какъ отъ человъка, способнаго на всъ гадости, человъка безъ всякой будущности, погибшаго... И безъотчетная досада овладъвала Петромъ Алексъевичемъ. Онъ съ нервной дрожью во всемъ тълъ привскакивалъ на постели, стискивалъ до боли зубы, сжималъ кулаки, кому-то грозился, но черезъ минуту снова безсильно опускался на подушку съ чувствомъ полнаго отчаянія и безнадежности.

Да, онъ все потерялъ, онъ рѣшительно погибъ, и для него не можетъ быть никакого исхода... Никакого!...

И Петру Алексъевичу становилось страшно, его охватывалъ какой-то невольный и необъяснимый ужасъ. Онъ чувствовалъ и вполнъ сознавалъ, что такъ жить, какъ онъ жилъ живетъ, невозможно, что онъ стоитъ на краю пропасти, что, наконецъ, переживаемые имътеперь часы, безъ сомнънія, послъдніе часы его жизни, что вотъ-вотъ еще одинъ шагъ, еще одинъ, два, три, сколько моментовъ... и-онъ рейдетъ ту границу, за которой нътъ уже сознанія, а царствуетъ какое-то нъчто, необъяснимое и не доступное пониманію. Онъ закрылъ глаза и старался объяснить себъ, что-же такое это ничто, но умъ его не давалъ отвъта; отъ напряженія мысли спутались, и ему показалось, что онъ сходитъ съума... Страхъ его увеличился, кровь хлынула къ головъ; сердцебіеніе то усиливалось, то почти прекращалось, дыханіе задерживалось, словно на грудь легло что-то тяжелое и давило ее всею своею тяжестью. Онъ открылъ глаза

и замеръ отъ ужаса. Блѣдное, страшно блъдное лицо съ синими, холодными и въ упоръ смотрящими на него глазами наклонялось къ нему... Вотъ дунуло на него какъ-бы пронизывающимъ холодомъ ранняго морознаго утра!... Онъ силился чтото закричать, звать на помощь, но языкъ его не слушался и прилипъ къ гортани. Онъ хотълъ подняться, оттолкнуть это ужасное лицо, защищаться, но всѣ члены его тѣла онъмъли... Онъ судорожно заметался на постели и вдругъ издалъ какой-то дикій крикъ.

Послѣ двухъ — трехъ минутъ мучительнаго кошмара ему, наконецъ, удалось поднять голову съ подушки и сѣсть на постели. Съ какимъ облегченіемъ вздохнулъ онъ въ себя воздухъ! Страшное лицо исчезло, носердце продолжало еще волноваться, въ ушахъ стоялъ шумъ, и чудилось Петру Алексѣевичу, что вокругънего, со всѣхъ сторонъ, шепчутся какіято загадочныя, невидимыя существа. Чтобы освѣжиться отъ этого тяжелаго, кошмарнаго настроенія, онъвсталъ съ постели и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Передъ его умственными очами пробъгали картины за картинами, передъ нимъ длинной вереницей событій мчалась вся его жизнь во всъхъ ея болъе характерныхъ моментахъ. Какъ мало отраднаго! Ничего отраднаго... Начиная съ дътства и кончая настоящимъ днемъ... Ктоже виноватъ? Кто?

— Ну, конечно,—не безъ раздраженія старался оправдать себя Петръ Алексъевичъ, — подлое воспитаніе, наше русское безалаберное воспитаніе, наша расшатанная во всъхъ своихъ нравственныхъ основаніяхъ семья, наконецъ, среда, дурная обстановка жизни, случайно воспринятыя изъ окружающаго общества и незамътно для самого себя развившіяся тлетворныя привычки... Вотъ причина, губящая человъка!

 Ну, а самъ-то? Развъ самъ онъ не виноватъ?.. Ну, хотя - бы отчасти?—невольно задалъ онъ себъ вопросъ.

Бол ве пятнадцати лвтъ онъ сознаетъ и понимаетъ свои недостатки и что-же онъ сдвлалъ для ихъ искорененія, какъ онъ боролся съ своими пагубными привычками? Наконецъ, вообще-то что онъ сдвлалъ? Ничего, ровно ничего!... А, кажется, времени было-бы достаточно, ну, если не для двла, то, по крайней мврв, для хорошей подготовки къ практической двятельности.

 Тъфу! – почти крикнулъ Петръ Алексъевичъ.

И ему показалось, что онъ ни на что не способенъ, что онъ ничего не знаетъ, положительно ничего, что онъ не имъетъ самыхъ элементарныхъ познаній...

— Да въдь это чертъ знаетъ что!— прошепталъ онъ, хватаясь руками за голову и быстро и нервно шагая взадъ и впередъ по комнатъ.

Зачъмъ онъ жилъ? Къ чему онъ жилъ?... Позади тридцать лътъ жизни... Тридцать лътъ! А результатъ всего этого прошлаго—нуль, одинъ абсолютный нуль! Нътъ, самъ, самъ онъ во всемъ виноватъ, и никто больше... Нътъ и не можетъ быть оправданій!... Онъ—тряпка, жалкій человъкъ!...

— Да неужели - же это правда, горькая правда?—ероша волосы и съ мучительной болью на сердцъ думалъ Петръ Алексъевичъ.

Онъ всегда искалъ чего-то хорошаго. онъ всегда жаждалъ всѣми фибрами своей души быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ хотѣлъ быть полезнымъ обществу, родинѣ... Мало того, всему человѣчеству!... Но кто-же этому повѣритъ, кромѣ его самого?

Й Петръ Алексъевичъ издалъ какой-то странный ввукъ, похожій не столько на хохотъ, сколько на стонъ.

— Да и самъ-то въритъ-ли онъ этому? – мелькнула въ его головъ мучительная мысль. — Не ложь-ли это передъ самимъ собою, не обманъ-ли это собственной совъсти?...

 Иллюзія!... Пл'внной мысли раздраженье!—тихо и съ грустью сказалъ онъ, останавливаясь передъокнами,

Смеркалось. На улицахъзажигались фонари. Мелкія капли ненастнаго осенняго дождя съ едва слышнымъ монотоннымъ шумомъ опускались на стекла и стекали съ нихъ множествомъ маленькихъ ручейковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — вдругъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ. — Клянусь всѣмъ святымъ на свѣтѣ, въ чемъ другомъ, но въ этомъ отношеніи я никогда не лицемѣрилъ передъ своей совѣстью!...

И онъ вновь крупными шагами заходилъ по комнатъ.

И дъйствительно, это несомивниая правда: онъ не имъетъ ни малъйшаго основанія упрекать себявъ такомълицемъріи, потому-что стремленія поработать для общаго блага были въ немъ почти врожденныя; онъ помнитъ ихъ въ себъ съ ранней юности, наконецъ, они-просто потребность его души! Ему даже кажется, что если-бы этихъ стремленій у него не было, жизнь его не имъла-бы никакого смысла, никакой цъны... для него, конечно!... Да и чъмъ-же онъ былъ-бы безъ этихъ святыхъ порывовъ? Пустопорожнимъ сосудомъ, непроизводительно занимающимъ мъсто!...

И опять тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Петра Алексъевича.

— Что бы тамъ не говорили, а онъ все таки скажетъ, что въ своей душъ онъ постоянно лелъялъ надежду когда нибудь отръшиться отъ своихъ недостатковъ и возродиться для новой, хорошей жизни! Ему все мечтается. что вотъ-вотъ... и онъ совершитъ что-то такое... ну, особенное... большое... очень полезное! А между тъмъ... "суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано"!... Да, одни только порывы, однъ мечты!... Мечты, которыя, при первомъ-же столкновеніи съ дъйствительностію, разсыпаются

прахомъ!... Что-же это такое? Не состоятельность-ли порывовъ, или несостоятельность того субъекта, которому порывы эти даны?

Уставшій отъ продолжительнаго возбужденія мозгъ его напрягался, но оказывался безсильнымъ разръшить этотъ сложный вопросъ. Въ его головъ плавали какіе-то несвязные обрывки не то какой-то невыяснившейся мысли, не то просто какія-то слова.

И Петръ Алексъевичъ снова легъ на постель. Черезъ двъ-три минуты онъ задремалъ.

Тихое, скромное кладбище, —-кладбище того губернскаго города, въ которомъ онъ провелъ свое дътство и дни ранней юности и въ которомъ похоронилъ свою первую, чистую любовь.....

Теплая, свътлая майская ночь охватила его своимъ ароматнымъ дыханіемъ. Красное полымя потухающей вечерней зари сливалось съ утренней зарей. Ръдкія звъздочки мигали только въ самомъ зенитъ темносиняго неба. Издали, изъ какого-то обывательскаго сада неслись то рыдающія, то восторженныя трели соловьиной пъсни.

Онъ былъ одинъ среди этого селенія мертвыхъ, одинъ съ своимъ горемъ, съ своей тоской.

Зачъмъ онъ здъсь? Какъ онъ попалъ сюда? А кто-же это знаетъ! Какъ давно онъ здъсь не былъ! Кажется, болъе десяти лътъ... Когдато маленькія березки, разсаженныя между могилами, разрослись въ гу-

стую рощу. Какъ тихо и покойно здъсь! Могилы, кресты, памятники и плиты... И ни одной живой души! А тамъ?...

И мысли Петра Алексъевича переслись на мирно спящій теперь городъ, изъ котораго глухо доносились лишь тявканья собакъ да монотонные звуки колотушекъ ночныхъ караульщиковъ.

Тамъ кладбище мысли и всякой живой души, изнывающей подъ гне-

томъ предразсудковъ и пошлости. Здъсь-болъе гармоніи и естественности, здъсь права смерти, и они никогда не нарушаются, тамъ-же права жизни нарушаются ежечасно! Мертвецы мирно спять въ своихъ могилахъ. Правда, они пугаютъ иногда суевърныхъ людей, но этоже въдь вздоръ... Живые-же люди часто преследують то, что дано для жизни, что должно служить жизни! Нътъ, не здъсь, гдъ все уже кончено, а тамъ, гдъ лицемърно говорять о братствъ людей и живутъ по волчьи, истинный ужасъ!.., Да, господа мертвецы, вы честнъе, правдивъе своихъ живыхъ собратьевъ!... Впрочемъ, потому, что вы уже не живете, а слъдовательно, не страдаете сами и не заставляете страдать другихъ, и только исключительная, неукротимая, не прощающая даже мертвымъ, злоба живого человъказвъря иногда тревожитъ вашу память... Но вамъ, въдь, отъ этого ни тепло, ни холодно! Придетъ время,--и этотъ дышащій ненавистью звърь сдълается такимъ-же, какъ и вы, мирнымъ обывателемъ Божьей нивы....

"Здъсь погребено тъло"...—прочелъ Петръ Алексъевичъ на жестяной дощечкъ, прибитой къ большому, но ветхому и уже покривив-

шемуся на бокъ, кресту.

Могила матери!... Матери, которую онъ такъ нъжно любилъ ребенкомъ и которую потерялъ въ дни еще ранняго своего отрочества. Какъ давно, давно это было, но дорогой образъ ея живетъ въ его памяти! Она любила его больше всъхъ своихъ дътей. Бъдная! Говорятъ, когда она умирала, она просила показать ей ея Петрушу, этого тщедушнаго и больного мальчика. "Онъ не жилецъ на этомъ свътъ".-говорятъ, прошептала она, отдавая ему свой послѣдній поцѣлуй, — "милый мой мальчикъ, мы скоро свидимся съ тобою"....

— Матушка! Дорогая моя! Зачъмъже не исполнилось твое пророчество?—рыдая, упалъ Петръ Алексъе-

вичъ лицомъ на свѣжій дернъ могилы.-Матушка! Твой сынъ пришелъ къ тебѣ!... Неужели-же ты отвергнешь его!... Онъ униженъ, загаженъ, оскорбленъ, отвергнутъ... Но ты, матушка, ты, которая одна только любила его, неужели-же ты отвернешься отъ него?....

- Петруша! послышался изъ глубины могилы глухой, но когда-то знакомый ему голосъ.—Слышу!
- Что такое? тревожно спросилъ самъ себя Петръ Алексвевичъ, отскакивая отъ могилы.
- Иду!—сказалъ тотъ-же самый голосъ уже болъе явственно.

Могила заколебалась, заколебался крестъ, послышался тяжелый вздохъ.... Петръ Алексъевичъ почувствовалъ, какъ зашевелились волосы на его головъ, всъ члены его тъла окаменъли, а горло сжали судороги. Онъ проснулся и быстро поднялся на постели, трясясь какъ въ лихорадкъ.

Въ хозяйкиной комнатъ старинные часы глухо и зловъще пробили три... Была глубокая, но свътлая ночь. Вечерняго ненастья какъ ни бывало. Въ окно врывался серебристый свътъ и заливалъ всю комнату, а въ полосъ этого свъта стояло что бълое....

Она!.... Пепельнаго цвъта волосы ниспадали на ея бълое, воздушное, какъ-бы облачное одъяніе; а темноголубые глаза глядъли на него такъ нѣжно, такъ кротко.

Петръ Алексвевичъ окаменвлъ.

 Петруша! — сказалъ пріятный грудной голосъ его матери. — Ты звалъ меня, и вотъ я пришла. О, какъ тяжело мнъ было это сдълать! Цълые милліарды верстъ раздъляли насъ, но я упала предъ престоломъ Всемогущаго Бога, я просила Его хотя на одинъ мигъ возвратить меня въ міръ, въ которомъ я такъ страдала, но въ которомъ оставила своего несчастнаго сына.... "Любовь матери не имъетъ границъ! "-сказалъ Всемогущій. — "Я понимаю тебя, женщина. Иди и возвратись съ своимъ сыномъ"....-Милый!....

И изъ облачнаго одъянія отдълились бѣлыя, какъ мраморъ руки, которыя обвили шею Петра Алексъевича. Онъ почувствовалъ, что его охватилъ какъ-бы прохладный весенній вътерокъ, что къ нему прикоснулось что-то необыкновенное легкое, воздушное, но поцълуи, которые покрывали его щеки и губы, казались ему жгучими, какъ раскаленная сталь.

— Когда ты страдалъ и мучился, я также страдала и мучилась, -- говорилъ ему нѣжный голосъ, —да, ты не жилецъ на этомъ свътъ! Свътъ этотъ требуетъ не слабыхъ, а сильныхъ душъ. Ему, погрязшему во злъ, нужны борцы, которые освъщалибы тотъ мракъ, въ которомъ онъ тонетъ вотъ уже цълыя тысячелътія и не находитъ никакого исхода. Тебъ ли разсъять этотъ мракъ, тебъли сказать людямъ новое слово? Ты немощенъ и нищъ, ты, мягкій, какъ воскъ, хотя и не пойдешь по стезъ измъны и человъконенавистничества, но ты обреченъ на погибель, потому-что ты ничтоженъ.... Зачъмъ-же тебъ жить? Неужели-же только для того, чтобы мучить себя и мъшать другимъ людямъ дѣлать свое дѣло? Идемъ! Пора кончить.... Воля Всемогущаго должна быть исполнена!

Одинъ мигъ, —и они уже неслись по воздушному океану. Широкой равниной распростерлась подъними земля съ ея городами, селеніями, лъсами и горами. Наконецъ, они достигли такихъ высотъ, когда на черномъ небосклонъ ослъпительно-ярко засверкало солнце, а тамъ далекодалеко внизу блъдно мерцалъ громадный дискъ земли, на которомъ, какъ на географической картъ, обрисовалось цълое полушаріе съ его материками и океанами. А вонъ тамъ, на съверъ, примыкая кольдамъ, горящимъ разноцвътной радугой, раскинулась длинной и широкой полосой та страна, которую называетъ

она своей родиной.

Безпредъльна—несчастная, но и беззавътно-любимая!

Не ей-ли онъ клялся въ своихъ юныхъ горячихъ мечтахъ въ той сильной и самоотверженной любви, въ которой отказывалъ даже страстно-любимой женщинъ? Не ей-ли онъ думалъ посвятить всъ свои силы, всъ свои способности? А теперь.... онъ бъжитъ отъ нея, какъ подлый трусъ! Онъ оставляетъ ее въ ту трудную годину, когда для нея цѣнна каждая, хотя и слабая, но благородная сила, каждое достойно-исполненное сердце, каждый честномыслящій умъ, каждая върная и непродажная душа! О, какой-же онъ пустой болтунъ, вмъсто десерта лакомящійся красивыми и хорошими словами, а самъ погрязшій въ лізни, эгоизмъ и всяческихъ порокахъ! Кисельная душа, растаявшая, лишь только попала въ болѣе теплое мѣсто! Вотъ онъ-тотъ конечный позоръ, до котораго довела его безумно-нелъпая, пьяная и лънивая жизнь жалкаго нейрастеника и алкоголика! Онъ лишь мечталъ и говорилъ! Праздныя мечты и праздныя слова, а въ результатъ безцъльное существованіе, втаптываніе въ грязь своихъ-же идеаловъ и черная неблагодарность... Но нътъ-же!... еще не настолько слабъ и низокъ... Онъ способенъ еще возродиться не тольковъмечтахъ, нои на дълъ... Онъ хочетъ быть неблагодарнымъ передъ родиной, которая и вскормила, и воспитала его! Неблагодарность не преступленіе, но хуже преступленія!... Онъ не останется уней въ долгу, онъ не промъняетъ жизни, полной бурь, движенія, борьбы, страданія.... Да, непремънно страданія!... Не пром'вняетъ на какое-то личное блаженство въ какомъ-то надоблачномъ, неизвъстномъ міръ! Нътъ, никогда, ни за что!...

— Пусти!—закричалъ Петръ Алексъевичъ, вырывая свою руку изъруки матери.

 Безумецъ! Что ты? Куда? Неужели тебя опять соблазняетъ та жизнь, которая—одно только сплошное горе?...

- Пускай горе, но въ этомъ горъ живутъ милліоны людей, для которыхъ и мой слабый трудъ, можетъбыть, будетъ полезенъ... Я хочу жить, страдать, я хочу работать, я хочу трудомъ и страданіями искупить свои вольныя и невольныя ошибки и умереть не такъ позорно, какъ теперь, а на полъбитвы съ жизнію! Слышишь-ли, мать моя! Пусти, земля зоветъ меня... Я слышу ея голосъ, онъ говоритъ мнъ изъглубины моего сердца... Ты дорога мнъ, но ты-призракъ, мечта, отблескъ моей неугасшей еще памяти, она-же реальна и существуетъ, и она еще болъе дорогая для меня мать, чъмъ
- Бъдное дитя мое, чего ты хочешь, ты самъ не знаешь... Я не отдамъ тебя землъ.... Я ревнива, какъ можетъ быть ревнива любящая мать, а любящая мать ревнивъе всякой любящей женщины.... Я знаю, что если ты возвратишься на землю, то снова будешь страдать, а я этого не хочу! Я хочу, чтобы ты успокоился.... Я исцълю твою тревожную душу, я спасу тебя отъ твоихъ сомнъній, я навъю на тебя радужные сны, я вложу въ твой больной мозгъ золотыя грезы, я введу тебя въ такое царство, гдъ одно только счастіе и блаженство!....

— Не мучь меня! Моя совъсть шепчетъ мнъ: "подлецъ"!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Петръ Алексъевичъ.

Но твнь еще крвпче сжала его руку. — Несчастный! — гремвлъ ея стальной голосъ. —Ты рвешься туда, гдв не встрвчалъ ни искренней дружбы, ни искренной любви, гдв самые святвйшіе твои порывы обливались холодомъ недовърія!... Нътъ, напрасны твои безумныя просьбы! Я не пущу тебя обратно въ этотъ омутъ, не пущу уже изъ одной только любви къ тебъ!... Скажи, не я-ли одна только любила тебя? Скажи, не мои-ли ласки были для

тебя первыми и послъдними?... Да, въдь я и не могла не любить тебя!... Въдь я выносила тебя подъсвоимъ сердцемъ, я питала тебя своей плотью и кровью, я родила тебя въ ужасныхъ мукахъ... Я мучилась и не роптала... Можетъ-ли понять эти муки мужчина, который срываетъ только наслажденія, но не расплачивается такой дорогой цъной, какъ женщина?... Когда ты родился, то не былъ для меня живымъ кускомъ мяса, можетъ-быть, отвратительнымъ для постороннихъ, но не для твоей матери... Я не питала и не могла питать къ тебъ чувства гадливости... Мнъ не ръзалъ ухо, непріятный для другихъ, твой ребячій неугомонный крикъ.... Я проводила безсонные часы ночи, надъ твоей колыбелью, чувствовала твое дыханіе, слъдила за каждымъ твоимъ движеніемъ, потому-что безпредъльно любила тебя, потому-что ты былъ моимъ ребенкомъ, частью моего тъла, частью моей души!... Хотя во вниманіе къ этой любви моей, хотя во вниманіе къ тъмъ мукамъ, которыя перенесла я, умоляю, послушайся меня!....

Глаза ея блестъли, лицо было полно энергіи и страсти. Она была прекрасна въ своемъ воодушевленіи.

Смущенный Петръ Алексвевичъ молчалъ, но острая боль сжимала

его сердце.

— Мать моя!—наконецъ, глубоко скорбнымъ голосомъ сказалъ онъ.— Не смущай меня, не терзай моей души... Ничьи еще слова такъ не тревожили моей совъсти!...

— Оглянись кругомъ, посмотри, гдъ мы, —продолжала тънь, —и найди среди этихъ милліардовъзвъздъ

свою ничтожную землю.....

Петръ Алексвевичъ оглянулся и пришелъ въ ужасъ. Въ пылу бесвды онъ и не замвтилъ, что распростертая подъ ними земля давно уже изчезла, исчезъ и ослвпительный солнечный шаръ, постепенно обратившійся въедва замвтную звъздочку, теперь также затерявшуюся

въ милліардахъ свѣтилъ. Они были гдѣ-то тамъ, что умъ человѣческій не въ состояніи опредѣлить; гдѣ-то тамъ, гдѣ не было ни верха, ни низа, ни боковъ, ни начала, ни конца, а было какое-то темное, холодное пространство съ мерцающими со всѣхъ сторонъ безчисленными звѣздами. Вокругъ была лишь безпредѣльность и вѣчность, страшная своимъ подавляющимъ величіемъ.

— Не знаю! — съ дрожью въ голосъ отвътилъ Петръ Алексъевичъ. — Не знаю! Зачъмъ и куда привела ты

меня?

— Здъсь холодно и мрачно, хотя и безгранично—велико. Здъсь нътъ точки опоры, здъсь какое-то безразличіе; здъсь я чувствую себя болье слабымъ и ничтожнымъ, чъмъ въ міръ, въ которомъ борются человъческія страсти... Неужели это царство счастія и блаженства, въ

которое ты звала меня?

— Та тълесная оболочка, которую ты еще не сбросилъ съ себя, скрываетъ отъ твоихъ взоровъ это блаженное царство. Но слъдуй за мной и ты просвътлъешь. Я введу тебя въ такія отвлеченныя сферы, гдъ ты не будешь страшиться этой безграничности, потому что передъ тобой откроются такія тайны, ты получишь такія знанія, до которыхъ живущее на землъ человъчество не достигнетъ даже наканунъ гибели земного шара. Твоя мысль будеть вмъстъ съ тъмъ и исполненіемъ твоихъ желаній, и всякое пространство, какъ бы велико оно не было, будетъ для тебя ничтожнымъ... Ты будешь жить внъ времени и пространства, будешь неизмъненъ и въченъ, будешь абсолютно спокоенъ, абсолютно доволенъ, и въ этомъ будетъ заключаться твое блаженство и счастіе!

— Мать моя! Прости меня, но во мнѣ, можетъ быть, говоритъ та тълесная оболочка, которую ты такъ клянешь... Все сказанное тобою мало доступно моему мозгу и еще менъе понятно моему сердцу... Зачъмъ мнъ

всъ эти знанія, когда я не могу примънить ихъ? Зачъмъ мнъ это спокойствіе, обрекающее меня на въчное бездъйствіе? Мой бъдный умъ страшится тахъ тайнъ, открытіе которыхъ сулишь ты мнъ, мое сердце не можетъ вынести того холоднаго безразличія, которое будто бы сдълаетъ меня счастливымъ, я не могу любить это все... все, которому нътъ ни начала, ни конца!.. Пока еще жизнь не угасла въ моемъ сердцѣ, я могу любить только то, что носитъ опредъленный образъ, что можно видъть, слышать, осязать, что имъетъ со мною нъчто общее и родственное... Любовь виъ жизни! Счастіе въ личномъ довольствъ и праздномъ созерцаніи! Нътъ, не надо мнъ ни такого счастія, ни такого довольства! Отпусти меня!

— Ступай!—сказала тынь холоднымъ, стальнымъ голосомъ, выпуская

изъ своей руки его руку.

Петръ Алексъевичъ почувствовалъ, какъ его охватилъ страшный холодъ, какъ коченъли члены его тъла, какъ что-то сдавило его грудь и задерживало дыханіе. Онъ былъ безпомощенъ въ этой безконечной, мрачной пустынъ, онъ не зналъ, гдъ, въ какой сторонъ, въ какой группъ этихъ милліардовъ мерцающихъ свътилъ затерялась его маленькая родная земля.

— Всемогущій Боже!—съ отчаяніемъ воскликнуль онъ.—Возврати меня въ тотъ міръ, въ которомъ я такъ позорно жилъ и такъ много страдалъ, но который я люблю беззавътно! Ты—въчная Любовь и въчная Правда! Ты исполнишь мое желаніе! Не въ этихъ холодныхъ и великихъ пространствахъ, а толькотамъ, на землъ, среди страдающихъ, мя тущихся и борющихся людей, я могу служить Тебъ и творить волю-Твою!

— Да будетъ!—пророкоталъ безстрастный голосъ, спокойный, увъренный, не допускающій мысли, что не исполнится Его властное слово.

И видълъ Петръ Александровичъ, какъ исказилось свътлое и прекрасное лицо его матери, и двъ крупныхъ, горящихъ, какъ брилліанты, слезинки выкатились изъ ея темноголубыхъ глазъ. Сердце его сжалось отъ боли, и онъ протянулъ къ ней руки, но его уже несла съ сверхъестественной быстротой какая-товырвавшаяся изъ нъдръ вселенной волна...

Въ головъ его все смутилось, образовался какой-то безформенный хаосъ, а въ глазахъ завертълись разноцвътные круги.

Петръ Алексъевичъ проснулся, ноне сразу могъ открыть свои глаза, ослъпляемые какимъ-то яркимъ, ръжущимъ свътомъ. Снопъ солнечныхъ лучей, весело врывавшихся въокно, падалъ прямо ему въ лицо, какъ бы призывая его къ жизни и бодрости.

Николай Васильевь..

Химежесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Продолженіе).

Глава XII.

Присутствіе архіепископа въ Толедо было дъйствительно крайне необходимо. Зная, что Хименесъ занять въ настоящее время дълами двора въ Мединъ, толедское духовенство поспъшило окончательно сбросить послъдніе признаки дисциплины и стало открыто посъщать ночныя собранія разныхъ тайныхъ обществъ, по мнанію однихъ-еретическихъ, по мнънію другихъ-занимающихся колдовствомъ, а по мнѣнію третьихъ, просто-всякаго рода развратомъ и отвратительными оргіями. Мало того, каждый изъ этихъ канониковъ держалъ при себъ нъсколькихъ женщинъ; большинство ихъ старалось отдълаться подъразными предлогами отъ обязанности служить мессу, и всъ безъ исключенія вели постыдную торговлю Святыми Дарами и требамы, грубо отказывая бъдному населенію, которое не въ состояніи было платить имъ достаточно щедро.

На другой день по прибытіи въ Толедо Хименесъ собралъ у себя

всѣхъ канониковъ своей епархіи и обратился къ нимъ съ рѣчью о томъ, что духовенство должно стоять на высотѣ своего призванія и подавать своею жизнью примѣръ паствѣ. Тѣхъ изъ канониковъ, которые уклонялись отъ своихъ обѣтовъ, онъ надѣялся вразумить кротостью, а если бы и это не помогло, грозилъ прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ, хотя это и противно его характеру.

Окончивъ рѣчь, онъ окинулъ испытующимъ взглядомъ все собраніене смотря на почтительное молчаніе, въ воздухѣ царило что то враж; дебное: видимо, слова его не тронули ни одного изъ его слушателей, и всѣ они скрывали только одно озлобленіе въ своихъ сердцахъ.

— Чтобы избавить васъ отъ нареканія и приблизить образъжизни канониковъ къ правиламъ святого Августина, которыхъ всегда придерживалось духовенство Толедской епархіи,—началъ снова Хименесъ я желаю, чтобы вы снова соединились въ общежитіи вмъсто того, чтобъ жить разбросанно по всъмъ приходамъ, какъ разбредшіяся овцы, не имъющія пастыря. Тъмъ, кто на очереди служитъ въ храмъ, приличествуетъ оставаться безотлучно тамъ, чтобы внъшній міръ не отвлекалъ ихъ отъ святого дъла. Я уже озаботился приготовить помъщенія для очередныхъ канониковъ при храмъ и самъ убъдился, что въ этомъ помъщеніи вы, возлюбленные братья, найдете все для васъ необходимое и приличествующее вашему званію.

Затъмъ архіепископъ всталъ и, преподавъ благословеніе, распустилъ собраніе.

Въ тотъ же вечеръ всѣ каноники собрались на тайное совъщаніе. Невозмутимое и полное достоинства спокойствіе архіепископа еще болъе озлобило противъ него этихъ людей, въ которыхъ клокотали буйныя страсти. На этомъ собраніи 30 канониковъ толедской епархіи было рѣшено, что Альборносъ, самый красноръчивый и предпріимчивый изъ нихъ, немедленно отправится въ Римъ, къ новому папъ, Юлію II съ жалобой на чрезмърныя строгости и притъсненія со стороны архіепископа, кардинала Сизнеросъ. Каково будетъ торжество духовенства епархіи, если Альборносъ возвратится съ выговоромъ и порицаніемъ со стороны папы образа дъйствій архіепископа!

Но, увы!—эти люди не знали, какіе зоркіе глаза слѣдили за ними: ихъ проектъ былъ разстроенъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ осуществиться. Хименесъ стоялъ на молитвѣ, когда Пьеръ де Леонъ поспѣшно пришелъ предупредить его о замыслѣ канониковъ. Архіепископъ, дочитавъ свои молитвы, спокойно обратился къ своему казначею, блѣдному отъ волненія и нетерпѣнія.

- Вы, кажется, сказали, что противъ меня готовится заговоръ?
- Нельзя терять ни минуты, ваше высокопреосвященство,—горячо воскликнулъ пылкій казначей, если вы желаете предотвратить ихъ заговоръ, надо дъйствовать немедленно.

Каноникъ Альборносъ долженъ по-кинуть Толедо сегодня ночью.

— А вамъ извъстно, гдъ онъ дол-

женъ състь на корабль?

 Въроятно, въ Грао, такъ какъэто ближайшій портовой городъ!

— Ну, и прекрасно, идите себъ

съ Богомъ и ложитесь спать!

- Но... развъ не будетъ отъ Вашего Высокопреосвященства никакихъраспоряженій или приказаній? съ недоумъніемъ спросилъ Пьеръде Леонъ.
- Объ этомъ будетъ время подумать завтра!—возразилъ Хименесъ.

— Завтра! Но Альборносъ уже

успъетъ уъхать отсюда!

На это архієпископъ ничего неотвътилъ и, раскрывъ лежавшую передъ нимъ на столъ библію, погрузился въ чтеніе ея.

На другое утро, отслуживъ раннюю объдню въ соборъ, Хименесъ призвалъ къ себъ своего казначея

и сказалъ ему:

— Отправьтесь сейчасъ въ Валенсію въ сопровожденіи двухъ королевскихъ стрълковъ, которымъ вручите эту бумагу!—И Хименесъ передалъ Пьеру де Леонъ приказъ арестовать Альборноса, подписанный

собственноручно королевой.

 Прибывъ въ Грао, продолжалъ Хименесъ, — вы дождетесь Альборноса, который долженъ прибыть туда нъсколько позже васъ, такъ какъ не можетъ располагать такими лошадьми, какъ вы, но не спъшите захватить его прежде чъмъ онъ не взойдетъ на палубу корабля, а сопровождающіе люди его удалятся. Надо сдълать все это безъ шума, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Мало того, арестовавъ его, не возвращайтесь съ нимъ въ Толедо, а отвезите въ фортъ Бенифайо, гдъ онъ долженъ будетъ остаться впредь до новаго распоряженія.

Такимъ образомъ это дѣло было улажено, но оно являлось одиночной манифестаціей того обширнаго заговора, который готовился противъ

архіепископа.

Вскоръ, по отъъздъ Пьера де Леонъ, къ Хименесу явился герцогъ Инфантадо, чтобы предостеречь его противъ новыхъ интригъ. Жилль Дельфинусъ, генералъ Ордена Францисканцевъ, съ первыхъ же дней ръшительно воспротивившійся возстановленію строгаго монашескаго устава въ своемъ орденъ, теперь готовъ былъ перевернуть весь свътъ вверхъ дномъ, чтобы добиться для всъхъ монаховъ того, что онъ называлъ "священной свободой духа". Ему удалось склонить на свою сторону герцога Альбу, а вмъстъ съ нимъ и большую часть высшаго дворянства. Теперь вопросъ о монастырскихъ реформахъ перевернулъ всю страну и грозилъ лишить архіепископа того вліянія и того довърія, какими онъ до сего времени пользовался. На замъчаніе герцога, что дъло можетъ дойти до Рима, архіепископъ отвѣчалъ, что давно уже заручился посланіемъ уполномочивавшаго его дъйствовать по его усмотрънію въ дълъ упорядоченія монастырскихъ порядковъ. "Если я не упоминалъ объ этомъ полномочіи до сего времени, сказалъ Хименесъ, -- то только потому, что считалъ свою собственную власть достаточной".

Герцогъ удалился въ раздумьи; эта спокойная увъренность, эта несомнънная сила "слона" положительно тревожили его. "Ужъ хорошо ли онъ сдълалъ, связавъ свой славный родъ Мендоза съ этимъ смълымъ новаторомъ"?—думалъ онъ.

Между тъмъ Хименесъ опубликовалъ папскую грамоту, въ которой папа Юлій II назначалъ его апостольскимъ коммисаромъ и вмъстъ съ папскимъ нунціемъ поручалъ ему возстановленіе дисциплины и строгихъ порядковъ среди монаховъ и братствъ различныхъ орденовъ. Послъ этого водворилась зловъщая тишина; всъ какъ то присмиръли, но въ тайнъ противъ Хименеса продолжали злоумышлять.

Въ ближайшее воскресенье архі-

епископъ совершалъ торжественное служеніе въ каоедральномъ соборъ. Монахи въ огромномъ числъ столпились вокругъ клироса, но отца Контрера не было среди нихъ.

Когда же Хименесъ въ полномъ архіепископскомъ облаченіи въ мантіи, подбитой горнастаями, и окруженный духовенствомъ, занялъ свое мъсто на высокомъ съдалищъ, собираясь слушать проповъдь, маленькій кругленькій отецъ Контрера вдругъ вынырнулъ на мъсто проповъдника и, громовымъ голосомъ превозгласивъ стихъ изъ книги Іова о гордынъ, началъ на эту тему проповъдь.

Онъ упомянулъ о духъ гордыни, обуявшемъ демона, который былъ за то низвергнутъ въогонь въчный, что хотълъ стать выше другихъ ангеловъ; потомъ сталъ доказывать, что этотъ гръхъ-величайшій изъ всъхъ, болъе всякаго другого гръха оскорбляющій величіе Бога. Гордость погубила и прародителей, пожелавшихъ стать подобными Богу. Далъе, проповъдникъ упомянулъ, что Богъ прощалъ людямъ всякій гръхъ: прелюбодъяніе, гнъвъ, смертоубійство даже, но всегда каралъ гордость, этотъ сатанинскій гръхъ. Наконецъ, чтобы искупить этотъ гръхъ и посрамить всъхъ гордыхъ сердцемъ, Христосъ родился въ вертепъ, жилъ въ бъдности и умеръ на крестъ между двумя разбойниками. Но теперь настали иныя времена, -- кротость и смиреніе въ загонъ, а гордость торжествуетъ и гивздится въ сердцахъ верховныхъ пастырей церкви! (при этомъ проповъдникъ указалъ рукою по направленію архіепископа), заставляетъ ихъ забывать кротость и смиреніе, видѣть соринку въ глазъ брата и не видъть бревна въ своемъ. "Мы видимъ одного изъ послъдователей блаженнаго нашего св. Франциска, покинувшаго скромную рясу монаха для того, чтобы облечься въ пурпуръ и горнастаи, и забывшаго милосердіе, кротость и смиреніе до того, что воздвигъ гоненіе на святой орденъ, принявшій его въ число своей братіи"!—говорилъ монахъ.

Увлекаемый чувствомъ ненависти, говорившимъ въ немъ, проповъдникъ забылся до того, что даже монахи, одобрявшіе вначалъ обличительную проповъдь, начинали теперь съ тревогой и опасеніемъ поглядывать на архіепископа, сидфвшаго неподвижно съ лицомъ, подобнымъ изваянію изъ мрамора. Контрера вдругъ почувствовалъ, что теряетъ почву подъ ногами, и, кое какъ скомкавъ конецъ своей проповъди, поспъшилъ сойти съ проповъдальни, не смъя поднять глазъ на толпу, среди которой слышался возмущенный шепотъ, сдержанные возгласы и даже подавленныя рыданія и всхлипыванія.

Хименесъ же, вернувшись къ алтарю, продолжалъ возносить свои молитвы, и его звучный, вдохновенный голосъ, его горячая, полная въры молитва, разносясь подъ сводами храма, наполняла сердца людей какимъ-то мистическимъ благоговеніемъ.

Глава XIII.

Вскоръ послъ недостойной проповъди Контрера, какъ бы служа дополненіемъ къ ней, по всему королевству разошелся возмутительный памфлетъ на архіепископа Толедскаго, гдъ онъ былъ представленъ недостойнымъ интриганомъ, человъкомъ свиръпымъ и себялюбивымъ, весьма сомнительной нравственности, съ безмърнымъ честолюбіемъ, для котораго всъ средства хороши для достиженія своей цъли. Всъ эти клеветы искусно сплетались съ нъкоторыми, всъмъ извъстными подробностями жизни архіепископа; къ дъйствительнымъ фактамъ приплетались лживые и оскорбительные намеки; словомъ, все это было такъ составлено, чтобы ввести въ обманъ простодушныхъ людей нѣкоторымъ подобіемъ правдивости.

Въ тотъ моментъ, когда появился этотъ памфлетъ, подлѣ Хименеса не было ни кого изъ искренно преданныхъ ему людей. Рюисъ былъ въ Индіи, а Пьеръ де Леонъ—въ Грао. Архіепископъ рѣшилъ прежде, чѣмъ предпринять что либо, дождаться возвращенія своего казначея. Авторъ этого низкаго памфлета, онъ это зналъ прекрасно, былъ никто иной, какъ его братъ Бернардинъ, и это такъ сильно подъйствовало на Хименеса, что онъ заболѣлъ и слегъ.

Когда Пьеръ де Леонъ, вернувшись, вошелъ къ нему негодующій и возмущенный, держа въ рукъ экземпляръ памфлета, архіепископъ закрылъ глаза и отвернулся къ стънь: онъ не желалъ ни видъть, ни слышать объ этомъ памфлетъ. Когда же искренно преданный ему казначей сталъ просить у него разръшенія отыскать виновнаго и подвергнуть его законному наказанію, Архіепископъ только махнулъ рукой и предоставилъ ему дъйствовать такъ, какъ тотъ найдетъ лучшимъ.

Съ свойственнымъ ему во всемъ рвеніемъ, Пьеръ де Леонъ принялся за слъдствіе, а когда его розыски ни къ чему не привели, ръшился произвести обыскъ въ самомъ архіепископскомъ дворцъ. Когда судебные пристава вдругъ неожиданно явились производить обыскъ у Бернардина Сизнеросъ, послъдній былъ до того взволнованъ, до того взбъшенъ, что хотълъ силой сопротивляться обыску; однако, это ничуть не смутило судебныхъ приставовъ, которые, повинуясь указу своего начальства, продолжали свое дъло. И вотъ въ рукахъ ихъ очутился ларецъ, вскрывъ крышку котораго, они нашли какъ рукопись самаго памфлета, такъ и цълую громадную пачку отпечатанныхъ экземпляровъ съ припиской аббата Мота, отпечатавшаго этотъ памфлетъ въ Гаидъ и переславшаго его обратно автору. Рукопись была написана рукою Бернардина де Сизнеросъ, да онъ и не сталъ этого оспаривать. Не дождав-

шись ухода судебныхъ приставовъ, онъ выбъжалъ изъ своей комнаты и, весь блъдный отъ бъщенства. спустился во дворъ; поспъшно шагая, въ нъсколько прыжковъ вбъжалъ на лъстницу, ведущую въ частное помъщение архіепископа, и съ сильно бьющимся сердцемъ, съ дрожащими устами ворвался въ комнату больного брата. Увидъвъ его, Хименесъ закрылъ глаза и оставался неподвиженъ на своемъ ложъ. Чувство невольнаго страха охватило его при видъ этого не помнящаго себя отъ бъщенства человъка, казавшагося ему какимъ то адскимъ видъніемъ. Но Бернардинъ устремился къ постели брата, склонился надъ самымъ его лицомъ и, обдавая его своимъ дыханіемъ, порывистымъ и горячимъ, злобно прошипълъ:

— Лицемъръ, фарисей, ты притворяешься спящимъ въ то время, какъ твои агенты грабятъ твоего брата, забираютъ то, что составляетъ мою собственность, роются въ моихъ бумагахъ! И всегда ты былъ таковъ, всегда прятался и укрывался за чьей нибудь спиной, а другихъ заставлялъ обдълывать твои дълишки!

Хименесъ раскрылъ глаза и увидълъ передъ собой искаженное злобой и ненавистью лицо брата.

— Бернардинъ!—началъ онъ было

кротко и увъщательно.

Но тотъ, словно обезумъвъ отъ бъшенства, принялся, словно разъяренный звърь, метаться по комнатъ, задъвая за предметы и опрокидывая ихъ.

— Бернардинъ! — передразнилъ онъ брата. — Ужъ не хочешь-ли увърить меня, что ты — бъдный монахъ, а я — архіепископъ, у котораго сундуки ломятся отъ золота и которому, не исключая королевы, всъ считаютъ долгомъ повиноваться... Я зналъ, что ты сразу угадаешь, кто авторъ памфлета. Но я не побоялся тебя... Ну, говори-же, говори, какое наказаніе готовишь ты мнъ! — проскрежежалъ онъ, судорожно сжимая кулаки. Казалось, онъ хотълъ схватить

неподвижно лежавшаго Хименеса и сдавить ему горло.—Ну, говори же, говори!

Хименесъ съ трудомъ приподнялся; болъзнь замътно уменьшила его силы, а эта ужасная сцена подорвала ихъ.

- Я не готовлю тебѣ никакого наказанія! Бѣги, куда хочешь, я не прикажу преслѣдовать тебя. Но не показывайся мнѣ больше на глаза, я не хочу никогда болѣе видѣть тебя.
- А, хорошо, ты никогда больше не увидишь меня!— съ бъщенствомъ крикнулъ Бернардинъ и, выхвативъ одну изъ подушекъ, онъ повалилъ брата и сталъ душить его. Такъ нъсколько минутъ, бъщенство его какъ будто утихло и, едва держась на ногахъ, какъ хмъльной, вышелъ онъ шатаясь изъ комнаты и крадучись, какъ воръ, добрался до пустого подвала, гдъ и забился въ уголъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда Бернардинъ вышелъ изъ комнаты, братъ Зегри шелъ навъстить Архіепископа и издали видълъ Бернардина, пробиравшагося вдоль стънъ. Точно предчувствуя несчастье, Зегри ускорилъ шагъ; въ смежной съ комнатою больного пріемной, противъ обыкновенія, не было ни души; дверь въ опочивальню архіепископа стояла полуотворенной. Какой то зловѣщій страхъ сжалъ сердце Мавра; не медля ни минуты, онъ кинулся къ постели Хименеса и, сдернувъ подушку съ его помертвъвшаго лица, сразу угадалъ все.

Однако, братоубійство не было довершено; стараніями Зегри и подоспѣвшаго кстати Пьера де Леонъ, умирающій былъ приведенъ въ чувство; мало по малу жизнь возвратилась къ нему, но глубокая неизлѣчимая печаль омрачила его душу; онъ какъ то упалъ духомъ; все тяготило его и томило его душу. Онъ воспретилъ преслѣдованіе виновнаго и высказалъ желаніе, чтобы объ этомъ поступкѣ его брата ни-

когда не упоминали. Всъ почести его сана стали ему до того въ тягость, что онъ начиналъ желать сложить себя этотъ санъ и вернуться въ пустынный скитъ, чтобъ снова стать скромнымъ беззвъстнымъ монахомъ, какимъ онъ нѣкогда былъ, Быть можетъ, онъ осуществилъ бы эту мысль, если бы чрезвычайной важности въсть не помъшала ему. Королева скончалась, назначивъ его своимъ душеприкащикомъ. Съ ея смертью въ королевствъ ожидались большія безпорядки, и король Фердинандъ, чтобы предупредить конфликтъ съгражданами и дворянствомъ, публично сложилъ съ себя королевскій санъ, повелъвъ герцогу Альбъ провозгласитъ королемъ зятя своего Эрцгерцога Филиппа и супругу его принцессу Іоанну.

Кромъ того, въ Торо были созваны кортесы, и Фердинандъ умолялъ Хименеса пріъхать къ нему туда же, чтобы помочь ему своимъ совътомъ и привести въ исполненіе завъщаніе королевы.

КНИГА. II.

глава І-я.

— Не говорите такъ громко, Алонзо, — говорила Нина, — насъ могутъ услышать!

— Не безпокойтесь, Нина, ни одна душа не приходить въ соборъ въ это время, а въ этотъ отдаленный, недоконченный предълъ никто никогда не заглядываетъ!

Такъ говорилъ Алонзо Беррюгете, продолжая работать надъ головой архангела, украшавшаго сводъ надъ той нишей, гдъ стояла великолъпная статуя мадонны его работы.

— Знаете-ли, Нина, вчера вечеромъ, закончивъ работу, я пошелъ пройтись за мостъ св. Мартэна! Ночь была такая чудная, тихая, звъздная, въ воздухъ чувствовалась какъ бы чья то нъжная ласка... и я невольно подумалъ о васъ, Нина...

Мнѣ казалось, что то счастье, которое я испытываль въ душѣ, вы бы также испытали, если бы были со мной... и я рѣшился сказать вамъ... я рѣшился попросить васъ, какъ...

- Вы хотите, чтобы я пошла съвами... туда?.. да?.. какъ бы уловивъ на лету его мысль, спросила Нина,— но это невозможно! Это совершенно невозможно...
- Почему же? Въдь, вы столько разъ говорили мнъ, что дълаете все, что хотите... кто же вамъ можетъ помъшать?
- Да, конечно, но я никогда не хотъла ничего столь неблагоразумнаго... Подумайте только, Алонзо, какъ могу я, точно какая нибудьгитана, уйти одна ночью, за городъ.
  - Но вы не будете одна, а сомной...
- Донна Эльвира непремънно замътитъ мое отсутствіе.
- Развѣ она имѣетъ привычку заглядывать въ вашу спальню, послѣ того какъ вы уже легли?
- Ахъ, нътъ, она этого никогда не дълаетъ! — воскликнула дъвушка.
- Слъдовательно, единственное препятствіе заключается въ вашемъ нежеланіи исполнить мою просьбу,— сказалъ Алонзо, —я такъ и зналъ, что мнъ не слъдовало ни о чемъ васъ просить!

Нина улыбнулась и ничего не возразила. Въ этотъ моментъ одна изъ тяжелыхъ дверей собора медленно повернулась на своихъ петляхъ, — и дъвушка поспъшила скользнуть въ главный предълъ и опуститься на колъни передъ изображеніемъ святого Ильдефонса, ее и нашла донна Эльвира, шедшая за нею, какъ было условлено. За послъднее время чрезвычайная набожность ея юной воспитанницы начинала смущать донну Эльвиру. Дъйствительно, Нина ежедневно отправлялась исповъдаться въ соборъ, въ тъ часы, когда донна Эльвира бывала занята посъщеніемъ толедскихъ матронъ. Дъловъ томъ, что очарованная необычайной красотой лика мадонны дъвушка старалась заходить въ ту отдаленную нишу, гдъ работалъ молодой художникъ.

Сначала она вовсе не замъчала скульптора, но однажды, придя по обыкновенію помолиться Мадоннъ, она съ ужасомъ и скорбью увидъла, что вмъсто прекраснаго кроткаго лика, съ любовью смотръвшаго на нее, на плечахъ Мадонны былъ безформенный комъ. Невольно вскрикнувъ, она обратилась къ скульптору, упрекая его за то, что онъ сдълалъ: Какъ могли вы это уничтожить этотъ прекрасный ликъ Мадонны? Въдь, это была ваша работа?—Да, отвъчалъ молодой человъкъ-сначала и я былъ ею доволенъ, но теперь задумалъ создать для Мадонны другой ликъ, несравненно болъе прекрасный, и для того, чтобы я могъ осуществить задуманный мной образъ, мнъ нужно будетъ ваше содъйствіе. Надъюсь, вы не откажетесь приходить сюда каждый день хоть на четверть часа, для того, чтобы ваше лицо напоминало мнъ тъ черты, которыя я хочу придать лику Мадонны?

Сначала дъвушка возмутилась этимъ предложеніемъ; ей казалось святотатствомъ заимствовать черты для лица Пресвятой дъвы отъ простой смертной дъвушки, но затъмъ Беррюгете уговорилъ ее, сказавъ, что это почти всегда такъ дълается, что даже для лика Спасителя позируютъ прекрасные юноши сълицомъ кроткимъ и вдумчивымъ, что для нея это должно принести счастье, согласно существующему повърію, и что, вдохновляя его воображеніе, она станетъ участницей въ его благочестивой работъ. •

И вотъ Нина стала ежедневно приходить въ тотъ отдаленный притворъ собора, гдъ работалъ Беррюгете, и между молодыми людьми незамътно завязалась сердечная близость, совершенно безсознательная со стороны дъвушки и глубоко взволновавшая душу юноши. Послъ, когда уже божественный ликъ Ма-

донны былъ совершенно законченъ, и въ сеансахъ не было никакой надобности, Нина по привычкъ продолжала заходить въ отдаленный притворъ и сдержаннымъ шепотомъбесъдовать съ Алонзо о разныхъбожественныхъ видахъ.

Въ этихъ тихихъ бесъдахъ она не видъла ничего дурного. Всякій же разъ, когда молодой человъкъ пытался заговаривать съ ней о чемълибо другомъ, она неодобрительно качала головкой и прикладывала пальчикъ къ губамъ:

— Нътъ, нътъ; мы этимъ оскорбляемъ святость этаго мъста, Алонзо! Пресвятая Мадонна прогнъвается на насъ!

Но чувства юноши требовали исхода, и вотъ онъ ръшился уговорить ее выйти съ нимъ за городъ—подышать тихимъ и теплымъ ночнымъ воздухомъ, просторомъ полей и луговъ.

Хотя Нина ничего не отвътила на просьбу Алонзо и хотя лики святыхъ, строго смотръвшіе на нее сътемныхъ стънъ собора, смущали ея юную душу, тъмъ не менъе, выйдя изъ-подъ сводовъ сумрачнаго храма и очутившись среди облитой солнцемъ улицы, подлъ донны Эльвиры, она почувствовала какъ бы приливъновыхъ молодыхъ силъ, и теперь ей ничто не было страшно, и въ мысляхъ она уже рѣшила, быть можетъ безсознательно, исполнитьжеланіе Алонзо.

Когда уже стемнъло, въ одиннадцать часовъ, укутанная въ темнуюмантилью Нина неслышной поступьювышла изъ дома и съ сильно бьющимся отъ совершенно незнакомой ей, ни когда еще не испытанной тревоги сердцемъ, быстро шагая вдоль домовъ, дошла до моста Св. Мартэна, подъ темнымъ сводомъ котораго ее ожидалъ Алонзъ Беррюгете.

Ночь была дивная, звъздная. Тонкій серпъ луны вырисовывался изящнымъ силуетомъ на темномъ фонъ небосклона; словно легкая дымка окутала весь городъ и окрестности.

Не проронивъ ни слова, Алонзо приблизился къ Нинъ, когда та поровнялась съ нимъ, и молча пошелъ съ нею рядомъ.

Наконецъ, дъвушка остановилась и не будучи въ силахъ далъе сдерживать свое восхищеніе, сдержаннымъ шепотомъ воскликнула:

—Ахъ, какъ это прекрасно!
—Да, все кругомъ прекрасно,—отозвался Алонзо.—Но прекраснъе всего
въ этомъ Божьемъ міръ—вы, Нина!—
и онъ осторожно взялъ ея руку, ко-

торую она не отняла у него.

Они шли теперь по узкой тропинкъ, гдъ, низко склонявшіяся къ землъ вътви густыхъ старыхъ маслинъ задъвали ихъ волоса и плечи. По близости не было ни души, какая то сладкая истома овладъла молодыми людьми.

—Я васъ люблю Нина!—Какимъ то таинственнымъ шепотомъ, точно боясь нарушить царившую вокругъ тишину, вдругъ сказалъ Алонзо и остановился, точно самъ испугался этихъ словъ, вырвавшихся у него помимо его воли. Совсъмъ не такъ хотълъ онъ открыть Нинъ свое сердце; онъ приготовилъ въ умъ длинную, нъжную, прочувствованную ръчь, и вдругъ, это совершилось какъ то само собой, и теперь изо всей своей ръчи онъ не могъ припомнить ни одного слова.

А Нина, казалось, не уловила этого взволнованнаго шепота; она какъ будто не слышала его словъ, но почему то шаги ея еще болъе замедлились, и чувство неизъяснимаго блаженства вдругъ наполнило ея душу.

Ея молчаніе смущало и томило

Беррюгете.

—Нина, вы не сердитесь на меня, что я просилъ васъ придти сюда? спросилъ онъ.

—Ахъ, нътъ, нисколько!—чистосердечно воскликнула она,—мнъ даже кажется, что я была бы рада идти на край свъта!

Невольнымъ, инстинктивнымъ движеніемъ Алонзо привлекъ къ себѣ на

грудь молодую дъвушку и страстно, точно въ опьяненіи, припалъ къ ея устамъ.

Но Нина, порывисто откинувшись назадъ, вырвалась изъ его объятій.

—Вернемтесь! сказала она отрывисто и, не взглянувъ на него, быстро зашагала впередъ по направленію къ дому. Сильная тревога охватила молодыхъ людей.

Они уже не видъли яркаго мерцанія звъздъ, не ощущали чарующей прелести ночи; что то бурлило и клокотало у нихъ въ груди и въ мозгу. Подъ темнымъ сводомъ мостъ Св. Мартэна, гдъ они молча встрътились часъ тому назадъ, они разстались теперь также молча, не обмънявшись ни взглядомъ, ни рукопожатіемъ. Алонзо Беррюгете еще долго стоялъ, глядя на стройный силуетъ дъвушки, быстро удалявшейся отъ него, пока онъ, наконецъ, не скрылся вдали за поворотомъ улицы. Тогда онъ глубоко вздохнулъ и медленно словно нехотя, побрелъ домой.

глава II-я.

Смерть Королевы Изабеллы впервые поставила архіепископа въ прямую оппозицію съ его врагами и недругами. Въ силу своего завъщанія Королева оставляла управленіе государствомъ, въ отсутствіи Королевы Іоанны, Королю Фердинанду, совершенно отстраняя Филиппа. Это завъщаніе, душеприкащикомъ котораго былъ назначенъ покойной королевой Хименесъ, вызвало цълую бурю политическихъ страстей, какъ въ Испаніи, такъ и во Фландріи. Кастильскій народъ ненавидълъ Фердинанда за то, что онъ былъ королемъ Арагона; Гранды и крупнъйшіе вассалы не терпъли его за то, что онъ постоянно старался униихъ, умалить ихъ значеніе; и потому въодинъ день всъ отшатнулись отъ него и передались на сторону Филиппа, его зятя. Только Хименесъ оставался въренъ ему и ръшилъ во что бы то ни стало

принудить Испанію исполнить послѣднюю волю Королевы Изабеллы. Когда объ этомъ стало извѣстно, и всѣ увидѣли что ловкій, хитрый Король и непреклонный всесильный архіепископъ заключили между собою союзъ, то задумали сразить ихъ обоихъвмѣстѣ однимъ ударомъ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ громадная и сильная партія дворянъ и грандовъ и недовольныхъ ополчилась противъ короля Фердинанда.

А Эрцгерцогъ Филиппъ, который отнюдь не желалъ допустить, чтобы его тесть заступилъ ему дорогу и продолжалъ держать его у себя въ повиновеніи, послалъ своихъ пословъ въ Испанію, чтобы они подготовили ему почву. Послами его, или върнъе, агентами явились Мануэль, Каноникъ Мота и двое фламандскихъ дворянъ, Андрэ део-Бургъ и Фили-

бертъ де Веръ.

Они устроили свою главную квартиру въ Бургосъ и съ самаго дня прибытія неутомимо работали, вербуя сторонниковъ дълу Филиппа.

клевретамъ Эрцгерцога Этимъ прекрасно были извъстны и планы, и цъли Фердинанда и то, къ чему стремился Хименесъ. Мануэль склонялъ дворянство признать права Эрцгерцога Филиппа: Мота собиралъ вокругъ себя наиболъе вліятельное духовенство, которое Хименесъ своею строгостью и требовательностью успълъ вооружить противъ себя. Вскоръ почти всъ гранды и крупнъйшіе вассалы оказались на сторонъ Филиппа, только Герцогъ Инфантадо да герцогъ Альба воздерживались отъ участія въ лигъ противъ Короля Фердинанда,

Мануэль и Мота собирались уже писать Филиппу, прглашая его прибыть въ Кастилію и вступить во управленіе королевствомъ, когда, какъгромъ на голову, упала въсть, принесенная Баракальде, что король Фердинандъ задумалъ заключить союзъ съ Франціей, а съ другой стороны собирался собрать войско и силой оружія защищать свои пра-

ва. Эти въсти не предвъщали ничего хорошаго для сторонниковъ Филиппа; Мануэль и Мота поняли, что
при такомъ положеніи дълъ трудно
будетъ быть увъреннымъ въ побъдъ, такъ какъ уже сами по себъ
Фердинандъ и архіепископъ Толедскій были противниками, которыми
нельзя было принебрегать.

Конечно, все могло бы уладиться, если бы королева Іоанна рѣшилась принять на себя управленіе страной или же отказалась отъ своихъ правъ въ пользу отца. Фердинандъ нѣсколько разъ писалъ ей тайно объ этомъ, но Филиппъ, узнавъ объ этомъ, подвергъ свою супругу строжайшему наблюденію, такъ что письма отца, вѣроятно, и

не дошли до нея.

—Берегитесь, — говориль Барракальде Мануэлю и Моть прощаясь ними, —пока подль короля арагонскаго будеть стоять на стражь Хименесь де Сизнерось, вамъ трудно будеть добиться того, что вы хотите. На вашемъ мъсть я занялся бы только "Слономъ".

Дъйствительно, свъдънія, доставленныя Барракальде, были справедливы; спустя нъсколько дней, словно громъ изъ тучи, разнеслась въсть о бракъ короля Фердинанда съ принцессой Жермень де Фуа, любимой племянницей Людовика XII-го, приносившей ему въ приданое Неаполитанское королевство и тъсный союзъ съ Франціей, а въ случаъ, если бы отъ этого брака были дъти, они должны были наслъдовать, въущербъ Филиппу, всъ земли Фердинанда.

Когда объ этомъ узнали въ Фландріи, Максимиліанъ подалъ совътъ сыну отказаться отъ претензій, которыя могли повлечь за собою только безчисленныя осложненія, и Филиппъ поспъшилъ послать предписаніе Мануэлю отправиться къ Хименесу и войти съ нимъ въ соглашеніе.

Исполняя волю Филиппа, Мануэльнемедленно отправился къ Химене-

су, который и выставилъ условія соглашенія; ихъ пришлось подписать Мануэлю. Условія эти были слъдующія.

Фердинандъ согласился раздѣлить власть съ королевой Іоанной и зятемъ своимъ Филиппомъ, предоставить имъ двѣ трети государственныхъ доходовъ и позволить имъ, совмѣстно съ нимъ, ставить свою подпись на государственныхъ актахъ и другихъ бумагахъ.

Однако, это соглашение, собственно говоря, не удовлетворяло зятя, ни тестя: оба они мечтали овладѣть безраздъльно властью. Фердинандъ думалъ воспользоваться отсутствіемъ зятя и править государствомъ по своему личному усмотрънію, Филиппъ-же ръшилъ немедленно ъхать въ Испанію и здъсь на мъстъ организовать себъ достаточно сильную партію, чтобы вырвать власть изъ рукъ тестя. Увъдомленные о намъреніяхъ Филиппа, Мануэль и Мота стали готовить своему покровителю торжественную встръчv.

Когда Фердинандъ узналъ о приъздъ Филиппа, къ которому спъшили на встръчу большинство грандовъ съ Пьеромъ Жиронъво главъ и нъсколько епископовъ, онъ не задумываясь хотълъ взяться за оружіе, съ намъреніемъ не допустить зятя въ предълы Испаніи, но Хименесъ во время успълъ удержать его отъ столь неразумнаго поступка, который уже самъ по себъ погубилъ все, что они съ такимъ трудомъ достигли своей искуссной политикой. Надо было встрътить зятя съ распростертыми объятіями, какъ возлюбленнаго сына, явно выказывать радость по случаю его прівзда, раздать деньги монастырямъ и церквамъ, для совершенія молебствій объ его благополучномъ путешествій, словомъ, обезоружить и самого эрцгерцога, и дворянство.

Убъжденный доводами архіепископа Фердинандъ предоставилъ ему дъйствовать по своему усмотрънію. Не теряя ни минуты времени, архіепископъ поспѣшилъ на встрѣчу Филиппу, котораго онъ желалъ вид ть и съ которымъ хотѣлъ говорить раньше, чѣмъ гранды и придворные успѣютъ повліять въ извѣстномъ направленіи на молодого монарха.

О прівздв и желаніи Хименеса видвть Филиппа должень быль доложить молодому королю Мота, тоть самый Мота, котораго Хименесь вывель въ люди, сдвлавь его каноникомь. Эта встрвча съ архиепископомъ смутила Мота, но Хименесь оставался совершенно невозмутимъ; онъ какъ будто забылъ о томъ, что когда-то знавалъ этого молодого монаха.

Филиппъ не заставилъ себя долго ждать. Войдя въ залу, гдѣ находился архіепископъ, онъ почтительно поклонился ему и подошелъ подъ его благословеніе.

По желанію Хименеса, онъ сдѣлалъ знакъ Мота, чтобы тотъ удалился, и затѣмъ заявилъ Архіепископу, что желаетъ откровенно съ нимъ объясниться, и тутъ же сказалъ, что прибылъ въ Испанію не съ тѣмъ. чтобы вызвать смуту, а только проявлять свою долю власти въ государствѣ, не вися на помочахъ у своего тестя.

На это Хименесъ сталъ отечественнымъ тономъ высказывать, на сколько прискорбно было бы видъть молодого и неопытнаго еще въ дълахъ управленія государствомъ монарха, окруженнаго еще вдобавокъ дурными и себялюбивыми совътниками, преслъдующими исключительно своекорыстные цъли, —возстающаго противъ мудрой политики своего тестя, уже испытаннаго въ дълахъ.

Филиппъ слушалъ архіепископа со вниманіемъ, сознавая, что все, что тотъ говорилъ, было справедливо, но вмъстъ съ тъмъ, зная характеръ Фердинанда, не вполнъ довърялъ ему, тъмъ не менъе, по настоянію Хименеса, онъ соглашался на публичное свиданіе со своимъ тестемъ, которое должно было успокоить умы населенія

относительно ихъ взаимныхъ отношеній.

Чтобы не дать Филиппу возможности измѣнить свое рѣшеніе относительно этого свиданія, Хименесъ пробылъ еще нѣсколько дней въ Орензе, гдѣ находился Филиппъ, повидался и поговорилъ со всѣми его приближенными и настоялъ на томъ, чтобы Мануэль, который оказался всѣхъ несговорчивѣе, принялъ лично на себя установленіе церемоніала для свиданія двухъ монарховъ.

Такимъ образомъ благодаря уму, красноръчію и неотразимому вліянію Хименеса состоялось свиданіе Фердинанда и Филиппа на большой дорогъ ведущей въ Санабре. Филиппъ медленно подвигался впередъ, окруженный блестящею свитой дворянъ и грандовъ, которымъ предшествовалъ вооруженный отрядъ закованныхъ въ латы нъмцевъ, когда вдали показался Фердинандъ со своей свитой въ обычномъ, не боевомъ нарядъ и 2-мя стами человъками стражи, ничъмъ не вооруженной, кромъ коротенькихъ шпагъ.

Завидъвъ Филиппа, онъ громко произнесъ:

— Я встръчаю васъ, какъ любящій отецъ своихъ дорогихъ дътей, съ пальмовой вътвью въ рукахъ и любовью въ сердцъ!

Въ отвътъ на это Филиппъ поспъшилъ въ объятія своего тестя, и на глазахъ у всъхъ произошла трогательная сцена видимаго примиренія. Но Хименесъ этимъ не довольствовался: на пути въ нъсколькихъ саженяхъ разстоянія стояла на опушкъ лъса часовня въ честь Св. Іакова. На порогъ этой часовни, когда оба короля, ъхавшіе рядомъ, поровнялись съ нею, Хименесъ, стоявшій на порогъ часовни, пригласилъ ихъ войти и принять благословение покровителя Испаніи. Короли сошли съ коней и вошли въ часовню. Мануэль хотълъ было войти за ними, но Хименесъ загородилъ ему дорогу.

 Короли желаютъ быть одни, сказалъ онъ,—пусть они поговорятъ безъ помъхи, тъмъ болъе, что они не звали насъ. Я же на этомъ принялъ на себя обязанности стражи и останусь тутъ у дверей.

Затъмъ, едва успълъ отойти Мануэль, Хименесъ перешагнулъ порогъ
и заперъ за собою двери часовни.
Проходили минуты, затъмъ получасы. Оставшіеся на дорогъ и расположившіеся на опушкъ дворяне
и гранды начинали терять терпъніе;
прошелъ часъ и полтора, наконецъ
Герцогъ Нохора не вытерпълъ и
вмъстъ со своей свитой ускакалъ,
вслъдъ за нимъ сдълалъ то же и Педро Жиронъ, остальные разбрелись
по опушкъ.

Наконецъ, спустя два часа времени Фирдинандъ и Филиппъ вышли изъ часовни, дружески бесъдуя между собой; ихъ сопровождалъ Хименесъ. Всъ снова съли на коней,—и поъздъ тронулся дальше по направленію къ Санабреа.

глава III.

Успокоившисъ относительно положенія дѣлъ въ Испаніи, Фердинандъ уѣхалъ въ Неаполь. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ Филиппъ управлялъ Государствомъ при содѣйствіи мнимаго министра Мануэля и дѣйствительнаго совѣтника и руководителя Хименеса.

Разъвънедълю, по пятницамъ, собирался совътъ, на которомъ ръшались гусударственныя дъла, но по четвергамъ, т. е. наканунъ, Филиппъ проводилъ цълый вечеръ въ интимной бесъдъ съ Хименесомъ, и всъ вопросы уже заранъе ръшались тутъ. И Мануэль, и Мота, и Гранды чувствовали, что всъ они въ рукахъ у архіепископа и, сознавая желъзную силу этой руки, отказались отъ явной опозиціи, измышляя иныя средства, чтобы избавиться отъ "Слока".

Но вотъ всѣ ихъ планы и разсчеты рухнули разомъ: Филиппъ скоропостижноскончался, по словамъ однихъ, отъ острой простуды, по словамъ другихъ,—отъ отравы. Теперь всѣ взоры невольно обратились на коро-

леву Іоанну, которая по закону и по праву должна была принять въ свои руки бразды правленія.

Послѣ первыхъ дней скорби и отчаяній, когда тѣло усопшаго молодого Короля было перенесено на парадную постель и облечено въмантію и др. королевскія регаліи, Герцогъ Альба явился къ Королевъ и заявилъ, что Испанія ждетъ, чтобы она приняла управленіе дѣлами страны и была для нея кроткой и справедливой правительницей, по примѣру матери своей, королевы Изабеллы.

— Я способна теперь только молиться о душъ Короля, моего супруга, чъмъ управлять государствомъ!— отвътила Іоанна и тотчасъ же удалилась.

Она ни днемъ, ни ночью ни на минуту не отлучалась отъ тъла мужа, забывая даже принимать пищу. Наконецъ, по прошествіи недъли, слъдовало приступить къпохоронамъ усопшаго. Въ монастыръ Мирафлоресъ, на растояніи одной мили отъ Бургоса, былъ приготовленъ склепъ и часовня, въ которой должно было тъло погребено молодого Короля въ ожиданіи когда можно будетъ перевезти его тъло въ королевскую усыпальницу во Гренадъ. Но Королева Іоанна упорно не позволялавынести тъло покойнаго изъ той комнаты, гдъ онъ скончался. Она просиживала здѣсь цѣлые часы подлъ покойника, не спуская съ него глазъ, называя его самыми нъжными именами улыбаясь ему и нашептывая длинныя, пылкія ръчи любви.

Наконецъ, Хименесъ написалъ ей, что она не имъетъ права лишать прахъ своего мужа обще-христіанскаго погребенія а душу его—молитвъ христіанской церкви. На это письмо не послъдовало никакого отвъта, но спустя три дня королева услышала погребальное пъніе на лъстницъ, ведущей къ ея опочивальнъ, и сердце ея дрогнуло: она поняла, что прибыло, духовенство за тъломъ ея супруга, и когда Герцоги Альба и Инфантадо, маркизъ Виляемъ и графъ Уреки

вышли, чтобы перенести умершаго короля съ постели на катафалкъ, они застали королеву въ глубокомъобморокъ безъ малъйшихъ признаковъ сознанія. Когда она пришла въсебя, то бросилась на опустъвшее смертное ложе своего супруга, сталацъловать слъдъ, оставленный имъ; въ безумномъ припадкъ отчаянія каталась на тъхъ простыняхъ, на которыхъ лежалъ покойникъ и, наконецъ, совершенно обезсилъвъ, впалавъ какое-то отупъніе.

Такъ продолжалось съ мъсяцъ. Когда насталъ день всъхъ святыхъ, королева впервые направилась въ монастырь Мирафлоресъ, гдъ былъ погребенъ ея мужъ. При видъ массивной бълой мраморной гробницы, она приказала сейчасъ же вскрыть ее и, не взирая на протесты пріора, потребовала, чтобы гробъ ея супрубылъ извлеченъ изъ склепа. Мало того, она пожелала еще убъдиться, что въ этомъ гробу покоятся останки ея возлюбленнаго супруга, и велъла раскрыть самый гробъ. Никакія возраженія не могли урезонить Іоанну.

Когда гробъ былъ открытъ, она кинулась страстно цѣловать покойника: ни холодъ трупа, ни торжественная печать вѣчнаго покоя и вѣчнаго безмолвія не смутили ее; снова посыпались съ ея устъ цѣлые потоки нѣжныхъ ласкательныхъ словъ; въ пламенныхъ выраженіяхъ говорила она усопшему о своей любви, о своей безграничной нѣжности кънему. Затѣмъ, отстегнувъ отъ пояса мѣшечекъ съ драгоцѣнными камнями, она принялась убирать ими саванъ покойника, приговаривая;

—Ты такъ любилъ драгоцѣнные камни, возьми ихъ, дорогой мой... Къ чему мнѣ убираться ими, когда глаза твои сомкнулись, и ты не увидишь ихъ на мнѣ? Возьми ихъ, возьми все, все это для тебя,—будь спокоенъ, ненаглядный,—продолжала она въ полъ голоса, —мы теперь никогда не разстанемся съ тобой, я повезу тебя повсюду, куда сама пойду. Ты

не будешь больше одинъ въ этомъ холодномъ, мрачномъ подземельѣ, гдѣ сыро, темно и душно, я увезу тебя съ собой, я отогрѣю тебя своею любовью.!

И она снова принималась цѣловать мертвый ликъ и руки.

Наконецъ, она приказала закрыть гробъ, который теперь былъ поставленъ на великолъпный катафалкъ, сама пошла пъшкомъ по пыльной проъзжей дорогъ въ сопровождении длинной вереницы людей свиты и монаховъ, поющихъ молитвы псалмы. Ночь за ночью шла она молча за гробомъ дорогого супруга, и только около полудня шествіе останавливалось и дълало привалъ до наступленія ночи. Но какъ только садилось солнце и спадала жара, погребальное шествіе сново трогалось въ путь. Жители тъхъ деревень и селеній, черезъ которыя слѣдовало это шествіе, въиспугъпробуждаясь ночью, бросались къ окну и, при видъ траурной колессницы и множества горящихъ факеловъ, думали сначала, что то рядъвиденій, но затъмъ вспоминали, что то королева Іоанна везетъ въ Гренаду тъло покойнаго короля, своего супруга.

Глава IV-я

Въ это время въ Кордовъ, на другомъ концѣ государства, произошло возмущеніе, грозившее серьезными послъдствіями. Народъ, доведенный до послъдней крайности ужасами инквизиціи, разнесъ инквизиціонныя тюрьмы и возвратилъ свободу всъмъ заключеннымъ. Цълый градъ проклятій сыпался на голову инквизитора Люсеро, котораго грозили побить камнями. Этотъ насильственный актъ являлся такъ сказать предвъстникомъ поголовнаго возмущенія противъ инквизиціи. Вся Испанія была встревожена и возмущена существованіемъ такого суда, въ которомъ обвинители оставались скрытыми, а свидътели не назывались и не приводились на

очную ставку, гдѣ приговоръ считался безповоротнымъ, и благодаря которому, въ теченіе восьми лѣтъ его существованія свыше двухъ тысячъ жертвъ были приговорены къ сожженію на кострѣ и столько-же, а, быть можетъ, и вдвое больше томились въ тюрьмахъ инквизиціи, откуда никто никогда не возврашался.

Фердинанду стало извъстно объ этомъ возмущеніи одновременно съ въстью о смерти Филиппа. Не теряя ни минуты, король написалъ Хименесу, что онъ везетъ ему изъ Рима повышеніе въ званіе Великаго Инквизитора для всей Испаніи, и просилъ его немедленно вступить въ исполненіе обязанностей таковаго.

Это званіе великаго инквизитора давало Хименесу право потребовать для пересмотра всъ процессы, начатые или затъянные провинціальными инквизиторами. Онъ являлся предсъдателемъ Верховнаго Совъта инквизиціи, и безъ его подписи приговоры не имъли законной силы. Хименесъ принялъ это званіе великой радостью, такъ какъ столь важная власть въ чужихъ рукахъ сильно мѣшала его планамъ, тѣмъ болъе, что враги его уже начинали пользоваться этой грозною силой, чтобы хотя не непосредственно, но косвенно разить его.

Одного за другимъ хватала инквизиція его преданнъйшихъ людей и сторонниковъ. Антонъ де Либрайо и Вергара были уже арестованы по доносу тайной инквизиціи, а ясновидящая или юродивая Беата уже нъсколько недъль томилась въ заключеніи по приказанію Люсеро, за то, что она являлась какъ бы союзницей архіепископа, которому она помогала своими откровеніями и предостереженіями.

Оффиціально же ее обвиняли въ томъ, что она принадлежала къ сектъ Alumbrados, или мнимыхъ мистиковъ, что она вводила народъ въ обманъ и соблазнъ своими мнимыми чудесами и явно объявляла

себя обручницей Христа и пророчила будущее.

Дъйствительно, въ день въъзда молодого короля Филиппа въ Толедо она, стоя въ толпъ, громко произнесла: "бъдный принцъ, не долго ты пробудешь съ нами и послъ смерти своей ты больше будешь странствовать по Кастиліи, чъмъ при жизни". Странное предсказаніе это сбылось. Особенно сильное впечатлъніе производили на народъ ея припадки оцъпененія и религіознаго экстаза, заслужившіе ей репутацію святой.

Послъ того, какъ ее трижды подвергали допросу, не выяснившему ръшительно ничего, Люсеро приказалъ подвергнуть ее пыткъ. Едва только она вошла въ застънокъ. гдъ производились пытки и, осъширокимъ нила себя крестомъ, какъ впала въ полное оцъпененіе, такъ что никакія пытки, не имъли на нее никакого дъйствія. Въ этомъ состояніи ее положили на кобылу, кръпко привязали къ ней за руки и за ноги и, накрывъ лицо тонкой холщевой тряпочкой, стали по каплямъ капать ей на лицо воду, изъ особаго сосуда такимъ образомъ, чтобы наполнить ротъ и водою. Это была одна изъ ужаснъйшихъ пытокъ, измышленныхъ инквизиціей.

Человъкъ дълалъ невъроятныя усилія, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ, но мокрый холстъ и вода преграждали доступъ воздуха вълегкія, и тогда у мученика начинались страшныя конвульсіи, вызывавшія неизбъжно разрывъ кровяныхъ сосудовъ.

Но въ данномъ случав эта пытка производилась надъ безчувственнымъ твломъ, и хотя Беата уже болве часа подвергалась ей, ни одинъ мускулъ ея не дрогнулъ; ни малвишаго признака страданія не отразилось на ея блюдномъ спокойномъ лицю. Видя, что эта пытка вызываетъ смущеніе палачей и что, повидимому, всв статанія ихъ безполезны,

Люсеро приказалъ отнести все еще безчувственную Беату обратно въ тюрьму.

Повторить еще разъ надъ ней подобную сцену уже было невозможно, такъ такъ законъ разръшалъ примънять пытку только однажды въ продолжени всего хода процесса.

Спустя нъсколько дней блаженная Беата быта препровождена для допроса въ Кордову, гдъ засъдалъ "Верховный Совътъ" инквизиціи съ Хименесомъ во главъ.

Епископъ де Викъ, которому поручено было допросить ее въ присутствіи всего совъта, началъ съ того, что пожелалъ узнать, какимъ образомъ она оставалась нечувствительна къ пыткъ.

Блаженная улыбнулась и отвъчала, что душа ея въ то время отсутствовала изъ ея тъла и витала въ блаженныхъ краяхъ.

—Какимъ способомъ узнавала ты то будущее, которое нъсколько разъ предсказывала за долго до его осуществленія?— продолжалъ спрашивать судья.

—Христосъ открывалъ мнф его во снф и въ видфніяхъ!—отвфчала

подсудимая.

—Кромъ того, тебя обвиняютъ еще, что ты черезъ общеніе съ нечистымъ можешь знать то, что сокрыто отъ другихъ людей, какъ въ настоящемъ такъ, и въ прошломъ. Правда это? Если да, то укажи намъ имена тъхъ, кто обвинилъ тебя передъ Святой Инквизиціей.

—Правда, что многое сокрытое отъ другихъ людей мнѣ извѣстно. но не черезъ общеніе съ нечистымъ, а по волѣ Христа, и если вы хотите знать имена тѣхъ людей, я постараюсь назвать ихъ!

Съ этими словами Беата опустилась на колъни и стала молиться въ полъ голоса Эпископъ де Викъ подошелъ и окропилъ ее святою водой, чтобы убъдиться что она въ своей молитвъ не призываетъ нечистаго.

Минуту спустя блаженная пришла

въ состояніи экстаза; взглядъ ея сдълался неподвижнымъ, лицо покрыла странная, безжизненная блъдность, и вдругъ она заговорила медленнымъ, монотоннымъ голосомъ:

—Имя ихъ легіонъ... не меня ради продали они меня, а ради того, кото Христосъ приказалъ мнѣ охранять, и я соблюдала его, чтобы онъ не преткнулся ногою своею о камни. Имя ихъ легіонъ, но оговорили меня трое: Бернарденъ, Мота и Барракальде.

—Это, дъйствительно, имена, занесенныя въ протоколъ ея обвиненія!—сказалъ секретарь инкизиціо-

наго суда.

Едва блаженная выговорила эти имена, какъ на лицъ ея отразился ужасъ, и легкія конвульсіи стали поддергивать ея члены. Хименесъ, сойдя съ своего мъста, осънилъ ее крестомъ, послъ чего Беата встала, набожно перекрестилась и съла на указанное ей мъсто.

Всъ двъна цать членовъ "Верховнаго совъта" дединогласно ръшили, что Беата не причастна къ сектъ Alumbrado, а даръ ясновидънія получаетъ отъ Бога, а не черезъ общеніе съ нечистымъ.

Послѣ того, какъ секретарь громко и отчетливо прочелъ актъ оправданія, Хименесъ преподалъ ей прощеніе и благословеніе, а толпа, которая была теперь допущена въ залу суда, громкими криками радости привѣтствовала оправданіе Беаты.

Однако, этого единичнаго факта оправданія невинно обвиненной инквизиціей женщины было, конечно, недостаточно для того, чтобы изб'вжать впредь подобныхъ злоупотребленій страшной инквизиціонной властью.

Антонъ Лебрайа и Вергара, обвиненные въ еретическомъ образъ мыслей, еще томились въ тюрьмахъ инквизиціи въ ожиданіи своего процесса, какъ вдругъ Люсеро, въ довершеніе своихъ злодъяній, приказалъ схватить архіепископа Гренады,

маститаго старца Талавера, и возбудилъ противъ него тайное слъдствіе.

Подобная наглость и несправедливость превышали всякую мъру. Не было человъка въ цълой Испаніи, который не былъ-бы возмущенъ до глубины души этимъ поступкомъ Люсеро. Хименесъ первый негодовалъ на Люсеро, но не хотълъ дъйствовать поспѣшно и самовольно, а созвалъ соборъ изъ 22 членовъ, которымъ поручилъ начать слъдствіе по поводу дъятельности инквизитора Люсеро. Прежде всего было доказано, что свидътели, вызываемые имъ для показаній, были люди, не заслуживающіе довърія, и что показанія ихъ были противор вчивы и неправдоподобны. Поэтому совътъ постановилъ возвратить свободу какъ почтенному старцу архіепископу, такъ и Либрайа и Вергера и возстановить ихъ честь, вычеркнувъ ихъ изъ списковъ инквизиціи.

И это было встръчено явными одобреніями со стороны народа. Но теперь еще оставалось воздать Люсеро по его заслугамъ. На основаніи всего выше сказаннаго, Хименесъ прежде всего 'лишилъ его званія инквизитора, затъмъ поручилъ графу Тендилла арестовать его. Однако, не смотря на стараніе губернатора Гренады исполнить желаніе архіепископа, Люсеро съумълъ разузнать во время о грозившемъ его аресть и бъжаль по дорогь въ Гуадиксъ. Но таково было озлобленіе населенія противъ этого человъка, что всъ, кто только имълъ или мула, вооружившись, чъмъ попало, старъ и младъ, женщины и дъти, всъ громадной толпой пустились вмъстъ съ алгвазилами преслѣдовать ненавистнаго "Тенебрео". Получилась настоящая травля. Послъ нъсколькихъ часовъ бъщеной скачки вдали появилась темная фигура всадника. То былъ Люсеро. Теперь погоня почерпнула новыя силы, видя его передъ собой. Но вскоръ бывшій инквизиторъ, почуявъ за собою погоню, удвоилъ быстроту бъга своего коня. Преслъдователямъ едва ли бы удалось настичь его, если бы конь подъ нимъ вдругъ не споткнулся и не упалъ на камни на крутомъ подъемъ горы. Паденіе коня погубило Люсеро. Онъ понялъ, что теперь его участь ръшена. Дъйствительно, черезъ минуту неистовствующая толпа настигла его и, не смотря на сопротивление алгвазиловъ, стала осыпать его бранью, руганью и проклятіями. Одинъ молодой человъкъ, сестра котораго была сожжена на костръ по приказанію Люсеро, ударилъ бывшаго инквизитора кулакомъ въ лицо, такъ что у того изъ носа брызнула кровь. Этого было достаточно, чтобы разсвиръпъвшая толпа, какъ дикій звърь, бросилась на него и, если бы не алгвазилы, разорвала бы его въ клоч-Только послѣ долгихъ усилій полицейскихъ удалось отогнать толпу и избитаго, искалъченнаго, истоптаннаго Люсеро, за мертво, безъ признаковъ сознанія, втащить на мула и препроводить въ тюрьму, какъ имъ было приказано.

Глава V-я.

Спустя недѣлю послѣ этого достопамятнаго событія, Фердинандъ, вернувшись изъ Италіи, привезъ Хименесу изъ Рима кардинальскую шляпу. Узнавъ объ этомъ, гранды и дворянство, передавшееся на сторону Филиппа, отлично зная, что король не проститъ имъ этого, и что "Слонъ" поддержитъ его, пришли къ заключенію, что того и другого необходимо поставить въ невозможность вредить ихъ интересамъ и что единственнымъ исходомъ въ данномъ случав является опять же вмѣшательство Фландріи.

Фердинандъ, прибывъ въ Испанію, поспъшилъ положить конецъ погребальному странствованію тъло Филиппа въ сопровожденіи Королевы Іоанны и, объявивъ послъднюю не правоспособною, заключилъ ее въ замкъ Тордессилласъ. Такимъ

образомъ Фердинандъ управлялъ Кастиліей отъ имени внуковъ своихъ, инфантовъ Карла и Фердинанда. Но, въдь, и императоръ Максимильянъ, отецъ Короля Филиппа, былъ такой же дъдъ инфантовъ и, слъдовательно, имълъ равныя съ Фердинандомъ права опекать наследіе своихъ внуковъ. Германскій же императоръ былъ бы, безъ сомнънія, несравненно удобнымъ для вассаловъ и грандовъ регентомъ, чъмъ Фердинандъ, привыкшій держать все въ своей желъзной рукъ. Если Максимильянъ приметъ регентство, то король Фердинандъ принужденъ будетъ сидъть въ своемъ Арагонъ, а Архіепископъ Толедскій—въ своей епархіи, и такимъ образомъ оба они станутъ безвредными для кастильскихъ грандовъ. Чтобы побудить Императора согласиться принять регентство, ръшено было отправить къ нему Мота. съ увъреніями, что всъ гранды и дворянство готовы признать права, точно также какъ признали права Филиппа, сына его.

Разсчитывая вскоръ окончательноизбавиться отъ Фердинанда и Хименеса, Гранды и дворянство вдругъсовершенно присмиръли; мало того, они устроили королю торжественную встръчу и добровольно явилиськъ нему одинъ за другимъ съ выраженіемъ върноподданническихъчувствъ. Этотъ пріемъ и всъ эти церемоніи настолько были пріятны престарълому королю, что онъ готовъ былъ повърить въ ихъ искренность, но Хименеса не такъ-то лег-

ко было провести.

Когда Мота, чуть не наканунъ своего отъъзда въ Фландрію, явился съ почтеніемъ къ Фердинанду, тотъ сказалъ ему не безъ нъкоторой горечи:

— Кто бы подумалъ, Мота, что вы передадитесь на сторону Филиппа!—Какъ вы это сдълали?

— Ахъ, сиръ, — беззастънчиво отозвался Мота, — кто могъ подумать, что преклонный возрастомъ и удрученный бременемъ государственныхъ

работъ монархъ переживетъ молодого и полнаго силъ монарха! — И опасаясь дальнъйшихъ объясненій, онъ поспъшилъ удалиться.

- Ахъ, сиръ, вы дались въ обманъ, сказалъ Хименсъ Фердинанду, какъ только они остались одни, всъ эти выраженія покорности и върноподданническихъ чувствъ ничто иное, какъ отводъ глазъ. Противъ васъ готовится заговоръ; они желаютъ лишить васъ регентства.
- Лишить меня регентства! Да кого же они поставять на мое мѣсто? Развъ только императора Максимильяна?
- Его самого, сиръ! —подтвердилъ Хименесъ. —Вы сдълали громадную ошибку, объявивъ королеву Іоанну неправоспособной. —Этимъ вы уничтожили единственную гарантію противъ претензій Максимильяна; теперь онъ имъетъ на регентство тъ же права и даже большія, такъ какъ онъ опекунъ принца Карла, и этотъ послъдній живетъ при немъ, а вассалы стоятъ за него.
- Но Максимильянъ робокъ, неръшителенъ, у него нътъ ни войскъ, ни денегъ, чтобы вести войну. Кастилія ему чужда, Какъ можетъ онъ управлять ею? Я сдълаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы не допустить ни одного Фламандца въ Испанію. Арагонъ мой, Гренада принадлежитъ мнъ по праву оружія, кромъ того, мнъ принадлежитъ Неаполь, Сардинія и Сицилія... Я не хочу, чтобы маленькій клочекъ изъ всего этого перешелъ въ руки Фламандцевъ, не даромъ же я женился вторично, я надъюсь, что жена подаритъ мнъ наслъдниковъ... Развъ я слишкомъ старъ? — Хименесъ задумчиво покачивалъ головой, а теперь всталъ и собирался уйти. Но Фердинандъ удержалъ его.
- Господинъ кардиналъ, вы говорите, что противъ меня составленъ заговоръ. Если это такъ, то прошу вашего совъта, вашего содъйствія... Надъюсь, вы не откаже-

те миъ въ нихъ! — Скажите, кто участники этого заговора?

— Всѣ тѣ, которые нѣкогда передались на сторону Филиппа, — отвѣчалъ кардиналъ, — каждый изъ нихъ въ отдѣльности написалъ отъ своего имени выраженіе своей преданности и клятвенную присягу вѣрности Максимильяну, а Мота взялся доставить эти письма Императору.

— Ахъ, этотъ Мота! Я прикажу

сегодня же арестовать его!

— Не дълайте этого, сиръ, —это значило бы возстановить открыто противъ себя всъхъ вашихъ враговъ!

— Но въ такомъ случаъ что же

дълать?

 Пусть Мота отправляется въ Фландрію, но письма, порученныя ему, останутся здъсь. Я знаю человъка, который, вкравшись въ его довъріе подъ предлогомъ помочь ему въ сборахъ, похититъ у него эти письма и подмънитъ ихъ подробными отчетами о численности вашихъ войскъ, о моихъ и своихъ силахъ и вліяніи. Мота окажется одураченнымъ и вооружитъ противъ себя и Фламандцевъ, и нашихъ Грандовъ, которые не простятъ ему его оплошности. Вы же, сиръ, имъя въ рукахъ всѣ эти письма вашихъ вассаловъ, будете вольны по желанію простить и карать ихъ измѣну.

Фердинандъ съ восхищеніемъ по-

смотрълъ на Хименеса.

— Это средство хорошо, нътъ сомнънія, хотя и не совсъмъ благородно!

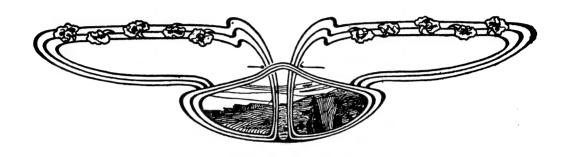
— "Всякій взявшійся за мечъ отъ меча погибнетъ", сказано въ писаніи, и всякій, дъйствующій измѣной и предательствомъ, долженъ погибнуть отъ измѣны и предательства! Это не болѣе, какъ справедливое возмездіе.

Все случилось именно такъ какъ предрекалъ Хименесъ. Мота, прибывъ во Фландрію, не замътилътой тайной хитрости, какой онъ подвергся, и только, когда Максимильянъ, потребовавъ его къ себъ,

гнъвно спросилъ его, что за мистификацію позволили себъ по отношенію къ нему испанскіе гранды, онъ, наконецъ, узналъ, въ чемъ дъло. Такимъ образомъ еще разъ благодаря "Слону" положеніе Фердинанда было спасено. Вскоръ гранды и

вассалы одинъ за другимъ явились къ Фердинанду съ выраженіемъ покорности; вслъдъ за тъмъ, кортесы провозгласили его регентомъ-Кастиліи за малолътнихъ инфантовъ Карла и Фердинанда.

(До слъд. №-ра).

Война.

Мы слышимъ, что врагъ переправилъ дружины На берегъ страны намъ чужой, И скоро, на гладкомъ просторъ равнины, Сойдемся съ врагомъ мы на бой. Война ужъ гремитъ, но лишь слабый предвъстникъ Въ ней видънъ грядущей дали, И громъ этотъ первый нерадостный въстникъ Кроваво всходящей зари. Но скоро сойдутся для страшнаго боя Полки двухъ враждебныхъ племенъ, Ударитъ картечь по рядамъ, дико воя, Завидъвъ десятки знаменъ. Но мы не отступимъ, пусть върятъ всъ смъло! Со мрака съдой старины По свъту всегда наша слава гремъла. Нашъ строй неподвижной стѣны

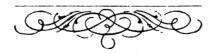
Вездъ былъ простымъ, и вездъ неизмъннымъ, Нашъ русскій суровый солдатъ; Онъ грозенъ врагу, но онъ милостивъ къ плъннымъ;

Ему чуждо слово "назадъ".
Преданья отцовъ, ихъ благіе примъры
Онъ свято въ себъ сохранилъ,
И грозно стоитъ, полный силы и въры,
Зарывши десятки могилъ.
Его не страшитъ славной смерти могила,
Суровая жизнь этотъ духъ породила.
Великъ ты, нашъ русскій народъ!
Идешь ты безстрашно впередъ!
Намъ много именъ сохранило преданье,
Великихъ и славныхъ именъ,
Ихъ память пусть служитъ намъ всъмъ въ назиданье,

Грозой для враждебныхъ племенъ.

И въ этихъ, ужъ близкихъ сраженьяхъ съ врагами
Въ бойцахъ прежній духъ пусть царитъ;
Пусть вспомнится вождь, его нѣтъ между нами,
Давно непробудно онъ спитъ,
Онъ—имя свое обезсмертившій геній,
И это великое имя хранитъ
Въ далекой странѣ мракъ глубокихъ ущелій
И кровью облитый гранитъ.
Онъ шелъ, и предъ нимъ трепетали народы,
Снимая оковы съ рабовъ,
Открылъ племенамъ путь закрытый свободы
Славянскою сталью штыковъ.

К. Калачевъ. *)

^{*) &}quot;Семиръч. обл. Въд."

Современная критика Дарвинизма

проф. біологіи Ө. Г. Моргана.

Создавая свою теорію естественнаго подбора, Дарвинъ первоначально имѣлъ въ виду объяснить строеніе животныхъ и растеній и показать значеніе тѣхъ приспособленій, какія имъ полезны въ борьбѣ съ окружающей средой. И только уже потомъ этотъ изслѣдователь воспользовался своею теоріею для объясненія происхожденія видовъ.

Но при изложеніи своей теоріи онъ принимаетъ во вниманіе исключительно тъ особенности и измъненія, которыя представляются существенно важными для организма, а между тъмъ извъстно, что многія характерныя черты совершенно не нужны ихъ обладателямъ. Слъдовательно, если бы удалось доказать, что нъкоторыя важныя для организма особенности не могли развиться вслъдствіе борьбы за существованіе, мы имъли бы право спросить, составляютъ-ли и остальныя полезныя пріобрътенія результатъ этой борьбы.

Чтобы не было недоразумъній въ главномъ, я сперва выясню вкратцъ отношеніе теоріи Дарвина къ теоріи эволюціи и потомъ приведу тъ до-

воды, на которыхъ основывается

первая.

Нътъ никакого сомнънія, что теорія естественнаго подбора Дарвина всеобщему много способствовала признанію теоріи эволюціи. Подъ словомъ "эволюція" мы понимаемъ тотъ процессъ, посредствомъ котораго изъ старыхъ, ранъе существовавшихъ формъ, произошли новыя разновидности. Надо предполагать, что каждый изъ старыхъ видовъ далъ начало какому-нибудь одному или нъсколькимъ новымъ То и другое объясненіе видамъ. возможно и допускается эволюціонистами, но второе считается наиболъе правильнымъ, такъ какъ съ его помощью объясняются сходства всѣхъ членовъ одной группы. и дается основа для классификаціи растеній и животныхъ. Этотъ послъдній взглядъ предполагаетъ, что всъ члены одной группы происходять отъ одного общаго родоначальника, и сходство, существующее между ними, объясняется наслъдственностью. Такъ, напр., левъ, тигръ, леопардъ происходятъ, повидимому, отъ однихъ и тъхъ же предковъ,

отъ которыхъ они и унаслъдовали общія имъ всъмъ черты. Поэтому ихъ причисляютъ къ одной группъ кошекъ,—Felidae.

Теорія эволюціи существовала и до Дарвина, но, какъ уже было замѣчено выше, онъ много способствоваль ея распространенію. Всякій, кто знакомъ съ работами Дарвина и господствовавшими тогда взглядами, ясно понимаетъ, что его главною цѣлью было именно добиться признанія теоріи эволюціи.

Здъсь мы не будемъ обсуждать правильности этой теоріи. Достаточно сказать, что, не смотря на многочисленныя трудности, она достигла тоже всеобщаго признанія. Конечно, никто, знакомый съ исторіей развитія научныхъ теорій и ихъ значеніемъ, не станетъ утверждать, что теорія эволюціи принята разъ навсегда; но нельзя отрицать, что она оказалась одной изъ самыхъ плодотворныхъ философскихъ гипотезъ нашего времени. Лишь немногіе біологи задаются теперь вопросомъ объ ея правильности, и недавнія нападки одного извъстнаго зоолога только еще разъ доказали всю слабость противниковъ. Мы можемъ поэтому признать, что теорія эволюціи близка къ истинъ.

На теорію естественнаго подбора съ самаго начала обрушился цълый потокъ нападокъ, среди которыхъ встръчались и въскіе аргументы, Приведемъ въ нъсколькихъ словахъ самую суть теоріи и посмотримъ, въ чемъ состояла критика. Какъ указалъ Дарвинъ, мы можемъ искусственно вызвать крупныя перемъны въ нашихъ домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, если будемъ строго отбирать тв экземпляры, которые выказываютъ какую-нибудь особенность строенія или характера. Напр., всъ различныя породы домашнихъ голубей произошли отъ одного родоначальника, сизаго голубя, а между тъмъ онъ настолько же отличаются другъ отъ друга по внъшнему виду. какъ отдъльныя разновидности многихъ естественныхъ группъ. Если подборъ имълъ такое значение для домашнихъ животныхъ, то отчего же не допустить. что тотъ же процессъ происходитъ и при развитіи дикихъ разновидностей? И вотъ Дарвинъ пришелъ къ блестящему заключенію, что борьба за существованіе и стремленіе оставить послъ себя лучше вооруженное потомство неизбъжно ведетъ животныхъ и растенія къ процессу естественнаго подбора. Если допустить, что какаянибудь черта, отличающая одного отъ способиндивида другихъ, ствуетъ его выживанію, она и передается его дътямъ и, переходя изъ рода въ родъ, будетъ выступать все ярче. А не значитъ-ли это, что въ природъ происходитъ совершенно такой-же процессъ, какой мы искусственно вызывали среди домашнихъ животныхъ? Въ такой общей формъ доводы эти кажутся неопровержимыми,--и неудивительно, что они были приняты какъ, одно изъ интереснъйшихъ открытій того времени.

Но разсмотримъ внимательнъе са-

мую -теорію.

Представимъ себъ индивида, родившагося съ какой-нибудь полезной для него особенностью. Скрещиваясь съ другими особами своего вида, не обладающияи, м. б., подобнымъ качествомъ, онъ произведетъ потомство, въ которомъ эта черта будетъ уже слабъе выражена. При дальнъйшихъ скрещиваніяхъ ослабленіе этой черты пойдетъ еще далъе, и въ конечномъ результать она можеть совсымь исчезнуть. Дарвинъ откровенно знавалъ всю основательность этого возраженія и въ позднъйшихъ из-"происхожденія даніяхъ зидовъ" измънилъ соотвътственно свою тео-Именно, онъ допустилъ, что происхожденіе новой формы возможно лишь въ томъ случав, если огромное число, или, м. б., даже всв члены одного вида, будутъ измъняться въ томъ же направленіи. Если вновь пріобрътенная черта будетъ полезна для

организма, она можетъ оказаться ръшающей въ борьбъ за существованіе съ другими видами или съ тѣми представителями своего вида, которые не унаслъдовали этой особенности. На это Дарвину возражали, что если какая-либо перемъна можетъ появиться въ большинствъ членовъ одноговида безъ помощи подбора, то и дальнъйшее ея развитіе и усиленіе не нуждаются въ немъ. Кромъ того, развитіе какой-либо черты можетъ идти только до извъстной степени. Такъ, мы не можемъ безъ конца увеличивать или уменьшать ростъ нашихъ домашнихъ собакъ или увеличивать быстроту рысистыхъ лошадей. Извъстно, что не смотря на большое число разновидностей нашихъ домашнихъ животныхъ и растеній, намъ еще ни разу не удалось вывести что-нибудь вполнъ новое въ сравненіи съ дикими породами.

Важныя открытія Гюго де Врисъ въ Амстердамѣ освѣщаютъ съ новой стороны вопросъ эволюціи. Всякій, кому удалось побывать въ его опытномъ саду, несомнѣнно былъ пораженъ тѣмъ, что здѣсь пришлось увидать: рядомъ со старыми формами на каждомъ шагу встрѣчаются новыя разновидности, которыя со всѣми своими отличительными признаками произошли отъ первыхъ какъ-бы внезапно, безъ промежуточныхъ стадій, и мирно уживаются съ ними.

Де Врисъ нашелъ въ Гильверсумъ, въ окрестностяхъ Амстердама, нъсколько экземпляровъ ночной примулы (Oenothera lamarckiana) Это растеніе, вывезенное изъ Америки, повидимому, совсъмъ не культивированное, дало массу дикихъ разновидностей. Среди нихъ де Врисъ нашелъ два ярко - очерченныхъ новыхъ Вмъстъ съ предполагаемымъ родоначальникомъ, О. Lamarckiana, онъ пересадилъ ихъ въ свой опытный садъ. Здъсь растенія подверглись искусственному оплодотворенію собственной пыльцей, и полученныя съмена были посажены на слъдующій годъ. Изъ большинства выросли растенія, схожія съ производителемъ, но рядомъ съ ними появилось нѣсколько новыхъ видовъ. Такъ, изъ съмянъ О. Lamarckiana вышло цълыхъ семь новыхъ формъ. Самыми интересными были опыты надъ этими. послъдними. Происшедшія отъ самооплодотворенія съмена произвели вновь такіе же точно виды (за исключеніемъ тъхъ немногихъ съмянъ, изъ которыхъ опять вышли новыя разновидности). Правда, Врисъ предпочитаетъ называть ихъ не новыми видами (которые обыкновенно характеризуются болѣе рѣзкими отличительными признаками), а малыми разновидностями, но ботаники признаютъ идентичныя формы за виды. Самое главное тутъ, конечно, то, чтоони появились внезапно, какъ Минерва изъ головы Зевса.

Подобные же случаи извъстны и у животныхъ. Павлинъ, напр., по мнънію Дарвина, почти не измънился съ тъхъ поръ, какъ сталъ домашней птицей. Однако, извъстенъ странный фактъ, что иногда въ Англіи появляется разновидность павлиновъ "съ черными плечами" или такъ называемыхъ "японскихъ". По авторитетному опредъленію Слетера, ихъ причисляютъ къ новому виду. Самцы у нихъ меньше обыкновенныхъ павлиновъ и "постоянно побиваются ими въединоборствъ". Эти птицы появля ются неожиданно среди обыкновенныхъ и въточности передаютъ свои особенности потомству. Извъстны два случая, гдъ представители новаговида, появившись среди стаи обыкновенныхъ павлиновъ, настолько размножились, что совсъмъ вытъснили первоначальную породу, не смотря на то. что они и меньше, и слабъе, и остаются побъжденными въборьбъ.

Появленіе такимъ путемъ новыхъ формъ въ природъ можетъ послужить отвътомъ, почему мы въ данный моментъ не замъчаемъ процесса эволюціи. Дарвинъ и его послъдователи обошли этотъ вопросъ, предположивъ, что не только жизнь одного человъка, но и цълыя поколънія

представляютъ слишкомъ короткій срокъ, чтобы уловить медленный ходъ эволюціи. Опыты де Вриса, наоборотъ, указываютъ, что мы не видимъ его, такъ какъ новыя формы не развиваются постепенно изъ старыхъ, а появляются уже вполнъ готовыми. Это напоминаетъ калейдоскопъ: малъйшее движеніе руки, —и передъ вами уже новая картина.

Мы видимъ, слъдовательно, что процессъ эволюціи могъ совершаться и безъ естественнаго подбора. Но, возразятъ намъ, развъ наиболъе приспособленные изъ этихъ новыхъ видовъ не имъютъ всъ шансы одержать верхъ въ борьбъ за существованіе и заглушить остальныя разновидности, и развъ это не есть естественный подборъ? Конечно. этотъ процессъ можно такъ называть. Но мы знаемъ, что первоначально подъ этимъ именемъ подразумъвалось медленное накопленіе индивидуальныхъ особенностей до тъхъ поръ, пока вновь полученную форму можно было выдълить въ отдъльный видъ. Слъдовательно, отказываясь отъ теоріи Дарвина, мы имвемъ, на что опереться и что отвътить на столь часто предлагаемый вопросъ "Если вы отвергнете теорію Дарвина, что вы дадите взамвнъ?"

За послъдніе годы нъкоторыя новыя наблюденія въ эмбріологіи тоже подрываютъвзглядъ, будто всъполез ныя для организма черты и особен ности строенія пріобрътаются естественнымъ подборомъ. Приведемъ нъсколько примъровъ.

Развитіе большинства организмовъ начинается съ дѣленія клѣтки на двѣ равныя части. Если мы эти двѣ вновь образовавшіяся клѣтки отдѣлимъ одну отъ другой, то у большинства животныхъ каждая изъ нихъ произведетъ цѣльный зародышъ, вдвое меньшій по размѣру, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ каждая изъ двухъ клѣтокъ пріобрѣтаетъ совершенно новыя функціи, такъ какъ при нормальныхъ условіяхъ она произвела бы только половину зародыша.

Невозможно предположить, что такая способность пріобрѣтается постепенно или передается по наслѣдству выжившими половинками клѣтокъ. Это невозможно, во-первыхъ, потому, что такое отдѣленіе двухъ клѣтокъ во многихъ случаяхъ очень трудно и не могло бы происходить въ природѣ, а, во-вторыхъ, потому, что такія клѣтки должны бы производить вполнѣ здоровыхъ зародышей, способныхъ вырости, размножаться и участвовать въ борьбѣ за существованіе.

Что касается человъка, то пови димому, возможны случаи, когда первыя двъ клътки яйца отдъляются одна отъ другой, и изъ каждой происходитъ ребенокъ. Предполагаютъ, что именно такимъ путемъ образуются такъ называемые "идентичные близнецы . Отъ обыкновенныхъ близнецовъ они отличаются своимъ поразительнымъ сходствомъ и еще тъмъ, что всегда бываютъ одного пола. Обыкновенные близнецы могутъ такъ же мало походить другъ на друга, какъ и дъти, рожденные въ разное время; они происходятъ повидимому, изъ двухъ отдъльныхъ клътокъ, развивающихся одновременно.

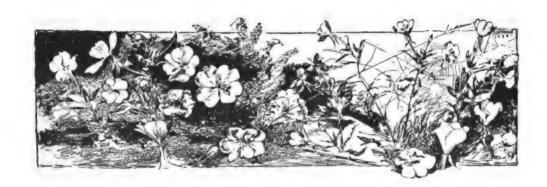
Способность животныхъ возстановлять потерянныя части тъла также показываетъ, что нъкоторыя полезныя особенности не могли пріобрѣтены естественнымъ подборомъ. Правда, если допустить, что всъ животныя одного покольнія подвергались тъмъ же поврежденіямъ, то выживали-бы тъ, у которыхъ лучше востановлялись поврежденные члены. Самъ Дарвинъ и нъкоторые его послъдователи, въ особенности Вейсманъ, думали, что именно такимъ путемъ развивалась способность къ регенераціи. Но не трудно доказать, что этого на самомъ дълъ не можетъ быть. Во-первыхъ, нельзя предположить, чтобы всв индивиды одного поколънія подвергались одному и тому же поврежденію. Если даже допустить, что нъкоторыя части тъла

чаще страдають, то все-таки это можеть быть самое большее въ 10° /о всѣхъ случаевъ.

Кромъ того, въ силу опять таки естественнаго подбора, всъ поврежденные индивиды, какъ находящіеся въ худшихъ условіяхъ, должны бы погибнуть, а стало быть, некому было бы передавать слъдующимъ поколъніямъ способность регенераціи.

За послъднее время зоологи обращали особенное вниманіе на возстановленіе глазного хрусталика у саламандры. Если сдълать надръзъ на роговицъ саламандры, мы можемъ выдавить наружу христаликъ, не повреждая радужной оболочки. Черезъ нъсколько недъль начинается развиваться новый хрусталикъ, при чемъ въ образованіи его участвуютъ не тъ слои, которые образуютъ нормальный хрусталикъ, а края радужной оболочки. Слъдовательно, здъсь опять мы имъемъ поразительный случай, который нельзя объяснить постепеннымъ развитіемъ, во-первыхъ, потому, что глазъ саламандры ръдко подвергается такому поврежденію, а во-вторыхъ, переходныя стадіи въ пріобрътеніи такой способности врядъ-ли могли имъть для нея какую-либо выгоду.

Такихъ случаевъ можно привести много. Всѣ они доказываютъ, что нѣкоторыя въ высшей степени полезныя качества животныхъ не могли быть пріобрѣтены съ помощью естественнаго подбора. Цѣльный зародышъ, происходящій изъ половины клѣтки, и хрусталикъ саламандры появляются такъ же внезапно, какъ и новыя разновидности растеній де Вриса.

Разсказъ Г. СУРИНА.

ı.

Вечеръло. Солнце золотило вершины небольшихъ, пересохшихъ сосенъ. Сильно пахло боровымъ верескомъ. Коренастый мужикъ Кузьма, содержатель постоялаго двора у парома, стоялъ на лъсной дорогъ, прислушиваясь: по лъсу раздавался звонкій женскій голосъ. За поворотомъ дороги показалась полная, босая дъвка съ узелкомъ за плечами.

— Откуда идете, красавица? — спросилъ Кузьма заискивающимъ тономъ, едва та поровнялась съ нимъ.

— А тебъ что за дъло? — огрызнулась дъвка, пролетая мимо.

— Ишь, козырь какой! Спъсивая какая, скажи на милость! — бормоталь Кузьма, стараясь поспъть за ней? Ноги его не слушались, отяжелъвъ отъ вина. Дъвка значительно его опередила.

Постоялый дворъ Кузьмы стоялъ на глухомъ берегу ръки противъ монастыря. Съ трехъ сторонъ его окружалъ соснякъ, и лъсная дорога вела прямо къ крыльцу харчевни.

Кузьма съ крыльца побранилъ рабочихъ, медленно, съ разговорами нагружавшихъ паромъ, и вошелъ въ харчевню.

Народу было много, сильно шуиъли.

Кузьма прошелъ за стойку, нацъпилъ очки въ стальной оправъ и углубился въ счета за конторкой. Минуту спустя онъ скосилъ глаза на мать, стоявшую съ нимъ рядомъ за стойкой.

Сморщенное желтое лицо старухи стало сердитымъ, она ушла внутрь дома, хлопнувъ за собою дверью.

— А гдѣ Никифоръ? Никифоръ!—

строго крикнулъ Кузъма.

Въ углу харчевни поднялся ку-дрявый парень.

— Здъсь хозяинъ! Землячку встръ-

тилъ, подчую водочкой!

Съ работникомъ сидъла та самая спъсивая дъвка,

— Пьете тоже?—снисходительно спросилъ Кузьма.

 Въ Питеръ служила, тамъ научатся.

Дъвка что-то шепнула работнику и звонко разсмъялась. Кузьма ухмыльнулся и принялся безъ всякой надобности переставлять тарелки на стойкъ. Время отъ времени онъ поглядывалъ на работника и его землячку. Наконецъ, кивнулъ Никифору и вошелъ въ клътушку—родъ съней, съ лъстницей въ верхнія комнаты. За нимъ слъдомъ пошелъ работникъ.

— Вотъ ты слушай, Никифоръ, какъ надо дъла дълать! — обратился къ нему Кузьма. — Былъ я сегодня въ Березовкъ, поставилъ мужикамъ ведро водки, да у пьяныхъ и вы-

торговаль за 30 р. сто деревь, высожшихь, вычищенныхь, вывози только. Они для себя нарубили лъсу, а строиться денегъ нътъ. Сгрохаю новый домъ, а этотъ—весь подъ постоялый.

- Важно!—замътилъ работникъ. Помолчали.
- Какъ звать твою землячку-то? спросилъ Кузьма.

— Аграфена.

— Груша!... гм! Куда идетъ?

— Въ свою деревню; она служила

въ Питеръ.

— Вотъчто, — перебилъ его Кузьма, — спроси, не пойдетъ-ли въ работницы; дъвка здоровая, должно быть работящая. Ступай, спроси!

Хозяинъ вернулся къ стойкъ. Работникъ подсълъ къ землячкъ.

Иногда она звонко смѣялась. Кузьма улыбался: ему нравилась ея веселость. Вотъ она хлопнула Никифора по плечу, и работникъ перешелъ шептаться къ хозяцну.

II.

Въ бълыхъ стънахъ монастыря на противоположномъ берегу благовъстили къ всенощной. Въ воздухъ было тихо. По берегу съ пронзительнымъ свистомъ носились стрижи. Съ постоялаго на паромъ садились богомольцы изъ окрестныхъ деревень.

Кузьма стоялъ на берегу съ непокрытой головой, въ синей сатиновой рубахъ съ бълой вышивкой, на груди блестъла длинная серебряная цъпь. Волоса, зачесанные на лысину, были жирно смазаны масломъ. Съ нимъ рядомъ стояла мать въ черномъ платкъ.

Старуха гнѣвно говорила сыну:

— Тебъ сорокъ пять, а все остепениться не можешь. Пьешь безъ просыпу. На такой праздникъ, на Петра и Павла, и то наточилъ носъ, винищемъ не дохнешь. А это что завелъ у себя подъ бокомъ, подъ видомъ работницы? Страмъ! Думаешь, я не вижу; какъ ни посмотришь, все вмъстъ, такъ и вертишься,

какъ муха вокругъ меда, безстыдникъ!..

— И надовла же ты мнв съ воркотней, — досадливо прерывалъ ее Кузьма.—Ну, что ты, ребенка что-ли учишь? Человвкъ потрудился, нажилъ деньги, можно хоть немного и пожить въ свое удовольствіе...

— Да ты какъ нажилъ-то денъги?

Замаливалъ бы лучше гръхи!

— Сгинь ты лучше! Не нравится у меня, живи гдъ хочешь; деньги у тебя есть, я тебъ своихъ дамъ, только не сверли ты мнъ душу!

Кузьма съ злобной судорогой на

лицъ отошелъ отъ матери.

Старуха поспъшно спустилась подъ кряжъ на плотъ. Паромъ отвалилъ и медленно поползъ на другой берегъ.

Кузьма постоялъ въ раздумьи и подошелъ къ крыльцу харчевни.

Груша!—тихо позвалъ онъ. Отвъта не было.

— Груша!—позвалъ онъ громче, и

опять безъ результата.

Кузьма досадливо побарабанилъ по периламъ крыльца. Изъ харчевни донеслось плюханье мокрой мочалкой по полу. На порогъ показались сначала голыя ноги съ веревками на икрахъ, затъмъ на крыльцо вышла сама Аграфена. Въ одной рукъ она держала мочалку, другой вытирала потъ со лба.

-- Все Груша, да Груша, —начала она запыхавшись, —я маюсь, какъ каторжная, а онъ — Груша! При матери такъ не назовешь. Она барыней поъхала въ церковь, а меня заставила полы мыть. Отдохнуть не дадутъ. Ну, васъ съ вашимъ жалованьемъ, уйду отъ васъ, вотъ что!

Постой, постой, Груша!

- Чего постой, дай сказать! Старуха меня поъдомъ ъстъ, а ты не можешь вступиться, я не къ ней пошла служить!
  - Она мив мать.
- -- Ну, ну! Слышу, какъ самъ на нее покрикиваешь.
  - Такъ я.. я-хозяинъ.
  - А колиты хозяинъ, такъ держи

себя степенно, не лѣзъ къ работницѣ, страмникъ!

Кузьма быстро сошель на дорогу и поглаживая лысину, сталь. оглядываться по сторонамь. Аграфена домывала крыльцо.

 Съ чего ты сердишься? — робко спросилъ Кузьма минуту спустя.

— Съ чего? Перво на перво, когда я полы мою, устала, ты..

— Брось!

- Не люблю бросать. Отъ работы не отказываюсь.
  - Вотъ видищь!
- Ничего не вижу. Почтенный человъкъ такъ приставать не станетъ, почтенный человъкъ, если видитъ дъвка честная, то подойдетъ и скажетъ; не угодно-ли вамъ, Аграфена Ивановна, чайку выкушатъ, водочки!..

Она исподлобья взглянула на Кузьму и разсмъялась. Кузьма расцвълъ.

— Никифоръ! — крикнулъ онъ громко.

Изъ комнаты выскочилъ парень.

- Готовъ ли самоваръ? спросилъ его Кузьма.
  - Готовъ, хозяинъ!
- Приходи, Груша! крикнулъ Аграфенъ Кузьма, скрываясь съ работникомъ въ калиткъ.

На дворъ подъ навъсомъ накрытъ былъ столъ. На немъ — красивый вычищенный самоваръ, соленые грибы, огурцы и бутылка водки.

Кузьма усадилъ Никифора, разлилъ вино въ посуду и сталъждать.

Явилась Аграфена. На ней было розовое ситцевое платье, голова причесана, съ подвитой челкой, лицо разгоръвшееся. Она съла на кончикъ скамьи.

 Ко мнъ поближе! — шепнулъ Кузъма.

— Мнъ и здъсь хорошо!—отвътила Аграфена.

Церемонно выпили и закусили.

Отчего вы скучная?
 Аграфена вздохнула.

— Нечему радоваться. Жизнь моя одинокая, горькая, въчно по людямъ, въчно тобой помыкаютъ.

--- Будь ласковъе съ хозяиномъ, никто помыкать не посмъетъ!--вставилъ Никифоръ.

Къ концу первой бутылки Агра-

фена оживилась.

— А и страсть какъ хочется своимъ хозяйствомъ пожить, чтобы были свои коровы, огородъ, куры; соленья припасать, въ домѣ наблюдать чистоту. То есть все бы отдала за такую жисть!

 — Да иди ты сюда, поближе! → сказалъ Кузьма и притянулъ ее къ себъ за руку. Аграфена обвила его шею рукой, но сдълала опять плак-

сивую мину.

- Знаю все; думаешь, дъвка простая, сирота, такъ ее легко обидъть. Поиграешь и бросишь, а ты, сирота, будешь еще хуже, чъмъ раньше была...
  - Брось, выпей, развеселись!
- Напоить хочешь; знаю, все знаю... Ко мнъ приставалъ въ Питеръ генералъ, такъ я ему даже поворотъ отъ воротъ... Знаю, вотъ ты тоже хочешь напоить и обидъть...
- Уважаю я тебя, вотъ что! вскрикнулъ Кузьма, ударивъ себя въ грудь.

— Знаю, на одинъ день!

— Хозяйкой у меня будешь, распоряжайся всъмъ... Куры, огороды, огурцы, —все твое будетъ. Никифоръ, слышишь, за хозяйку ее почитать!

— Слушаю, хозяинъ!

Всѣмъ велю тебя почитать...
 Кузьма захмѣлѣлъ. Аграфена ему подливала. Вдругъ она поднялась и

быстро заговорила.

— Что я съ вами сижу, глупая, долго-ль себя осрамить и погубить?; Бъжать отъ васъ надо.. Пусти!— Она стала порываться выйти изъ за стола. Но Кузьма удержалъ ее.

— Не уходи, Груша! — говорилъ онъ плаксиво. — Не покидай меня, мнъ будетъ тошно безъ тебя, мла-

денцемъ стану!..

Онъ уткнулся къ ней въ колъни и зарыдалъ. Никифоръ и Аграфена смъясь переглянулись. Аграфена затянула визгливымъ голосомъ:

А Коля мальчикъ былъ хорошій, Всегда ухаживалъ за мной...

Кузьма ухмыляясь посмотрълъ на

Аграфену.

Хозяйка!—шепнулъ Никифоръ.
 Въ калиткъ стояла мать Кузьмы и гнъвно смотръла подъ навъсъ на пирующихъ. Аграфена вздрогнула, но тотчасъ же еще громче затянула:

Отецъ и мать Колю бранили...

Старуха подошла къ столу.

— На такой праздникъ, безстыдники!. А ты, подлая, ступай прочь сію минуту, прочь со двора!—крикнула она Аграфенъ.

Кто у тебя хозяйка, говори?
 кто хозяйка?—спрашивала Аграфена,

тормоша Кузьму.

- Ты.. ты..,—бормоталъ Кузьма, поводя у нея съ колънъ мутнымъ взглядомъ.
  - Слышишь, слышишь!
- Ступай прочь, подлая!—крикнула еще старуха. Аграфена вскочила; голова Кузьмы упала съ колънъ на лавку. Кузьма ударился и злой поднялся на ноги.

— Заступись, меня гонятъ, засту-

пись!--визжала Аграфена.

— Кто тебя, кто смѣетъ?—какъ звѣрь зарычалъ Кузьма. Онъ увидѣлъ старуху.—Опять ты? Что ты мнѣ поперекъ горла становишься, сгинь! Уйди прочь! Уйди! Убью!..

Разыгрался настоящій скандалъ; проъзжіе заглядывали въ ворота. Старуха поспъшно скрылась. Никифоръ и Аграфена уговаривали бушевавшаго хозяина. Они отвели его наверхъ въ его комнату, изъ окна которой всю ночь свътилъ огонь, и вполголоса доносилась пъсня Аграфены.

Ш

Кузьма проснулся поздно. Голова больла. Онъ залпомъ выпилъ полъ стакана водки, заботливо приготовленной на столь вмъсть съ закуской.

Аграфена сидъла у окна, съ алой

лентой въ косъ.

Вотъ ночная выручка! — сказала она, передавая деньги въ носовомъ платкъ.

 — А гдѣ же мать?—спросилъ-Кузьма, пряча деньги въ комодъ.

— Ушла!—Спокойно отвътила Аг-

рафена.

-- Куда?

 Туда.—Она указала рукой наг дорогу.

— Зачъмъ она пошла?

 Совсъмъ ушла. Ты ее прогналъ-Она тебъ ужасно согрубила.

Кузьма сталъ припоминать, поче-

сывая въ затылкъ.

— Страмъ какой былъ: много проъзжихъ, а она при всъхъ говоритъ, что ты кого-то ограбилъ.

— Говорила?!

— Спроси Никифора!

Кузьма задумчивый подсълъ къ окну. На лицъ его изобразилась

тревога.

На дорогъ въ лъсу послышались колокольцы. Кузьма высунулся изъокна. Къ парому мчался сосъдній помъщикъ. Изъокна виднълся монастырь и ръка. Воздухъ былъ теплый прянный. Разливался благовъстъ къобъднъ. На спокойной ръкъ играларыбешка.

Между тъмъ Аграфена развали-

лась на кровати Кузьмы.

— Подежурь теперь ты, а я спать! —сказала она зъвая.—Не спала всюночь!

Кузьма посмотрълъ на нее; въки дъвки были опущены, ротъ полуоткрытъ. Лицо его постепенно прояснилось. Онъ ухмыльнулся и пересълъ на кровать...

IV.

На постояломъ кипъла работа. Аграфена, не покладая рукъ, работала по хозяйству. Никифоръ вывозилъ бревна изъ Березовскаго лъса. Самъ Кузьма хлопоталъ по постройкъ новаго дома.

Къ сентябрю былъ готовъ двухъэтажный срубъ. Затъмъ стали насти-

лать крышу и полы.

Кузьма справлялся стороной о матери. Она жила у дальней родни. Самъ онъ боялся къ ней заъхать..

Безъ нея ему легче жилось; свободнъе было бражничать, когда захочетъ. Аграфена раздобръла еще больше, словнобы помолодъла. У нея появились шерстяныя платья, кашемировая душегръйка, серебрянный браслетъ съ камнемъ.

Молодая хозяйка была по душъ Кузьмѣ; она оживляла монотоную жизнь постоялаго. Кузьма ей вполнъ довърялъ. Въ первую же отлучку изъ дому онъ призвалъ ее и указалъ въ комодъ узелокъ въ шелковомъ платкъ.

- Коли несчастіе случится, напримъръ пожаръ, спасай его первымъ долгомъ!-сказалъ онъ.
- Что тамъ? поинтересовалась Аграфена,
- Деньги, процентныя бумаги, все мое состояніе!
  - Много денегъ?
  - Пятнадцать тысячъ.

Аграфена даже съла.

- Пятнадцать тысячъ!!—всплеснула она руками.
  - Шш!..—остановилъ Кузьма.
- И ты дома держишь?! Въ казначейство бы свезъ!
- Покойнъе дома; кътому же, сама знаешь, какое у насъ мъсто: случается, грабятъ на дорогъ, даже убиваютъ; привезешь уйму денегъ, заподозрятъ еще...

Была глухая осень. Дожди распустили дороги. Кузьма вздилъ за припасами въ ближайшій городъ и стегалъ лошаденку, желая за-свътло поспъть на паромъ. Распутица помъшала ему. Онъ подътхалъ къ монастырю въ сумерки.

Ръка Дулъ съверный вътеръ. вспънилась. Кузьма напрасно махалъ цвътнымъ шарфомъ: на постояломъ

его не замъчали.

 Глупая баба, трудно что ли прислать паромъ, на всякій случай, чтоли! — ворчалъ Кузьма. Сердце болъзненно ныло и рвалось къ дому, словно

чуя бъду.

Въ воздухъ показалась изморозь. Ненастье увеличивало тоску. Кузьма рѣшилъ оставить лошадь съ товаромъвъ монастыръ и переправиться на челиъ.

Стемнъло. На постояломъ зажглись огни. Это придало Кузьм в бодрости. Онъ вскочилъ въ челнокъ и оттолкнулся отъ берега. Его подхватило вътромъ и теченіемъ; большихъ усилій стоило направлять носъ челна на огонь.

Между тъмъ изморозь въ мелкій частый дождь.

Монастырскій берегъзаволокло туманомъ. Вскоръ скрылись огни постоялаго. Кузьма нервно налегалъ на весла. Прошло достаточно времени для того, чтобы достичь противоположнаго берега, между тъмъ вокругъ челна плескались все тъ-же однообразныя волны, его также бросало во всъ стороны.

Кузьма пересталъ грести и тоскливо оглядълся. Ему вспомнилась вся его жизнь, недавняя ссора съ матерью, -и становилось еще страш-

нъе. Зубы нервно стучали.

Вдругъ онъ замътилъ въ туманной мглѣ красноватую точку, медленно двигавшуюся, какъ будто кто шелъ съ фонаремъ. Кузьма снова схватился за весла. Челнъ ударился въ берегъ.

Кузьма выскочилъ, сдълалъ нъсколько шаговъ и окаменълъ: по берегу шли Никифоръ и Аграфена. Завътный узелокъ Кузьмы въ шелковомъ платкъ былъ у нея въ рукахъ Кузьма понялъ, что они несутъ деньги зарывать, упрятать въ лъсу и, на ципочкахъ, боясь вздохнуть, боясь выдать себя, пошелъ за Мъсто, покоторому они шли, онъ узналъ по плакучей ивъ на берегу: его снесло на двъ версты ниже постоялаго. Подойдя къ ивъ, Никифоръ и Аграфена свернули въ лъсъ.

- Здъсь, произнесъ Никифоръ и освътилъ бугоръ, закиданный хворостомъ. Кузьма притаился за деревомъ. Никифоръ расшвырялъ хворостъ и откинулъ дверь землянки. Аграфена согнувшись вошла въ нее.

— Иди, голубчикъ, побудь сомной, теперь не скоро увидимся!—говорила Аграфена ласково Никифору.

 Нельзя, неровенъ часъ, самъ вернется; тогда не отвертишься; оба

попадемся!

— Говорю тебѣ, не вернется; лошадь куда онъденетъ?—Она втащила Никифора за рукавъ и обняла его. Двери землянки захлопнулись.

Кузьма остался въ темнотъ. Онъ

задыхался отъ бъщенства.

— Бить ихъ, связать, топтать ногами!—стоналъ онъ, опрометью несясь къ дому.

VI.

Блѣдный, безъ шапки, съ нависшими на лицо мокрыми волосами вбѣжалъ онъ въ харчевню.

 Обманули, украли всъ деньги! закричалъ онъ, хватаясь за голову, упалъ на стойку и зарыдалъ. Его

толкомъ распросили.

Постоялый всполошился. Кто хватиль топоръ, кто захватиль веревокъ, и по берегу двинулась ватага, человъкъвъ десять. Впереди шелъ Кузьма, безцъльно размахивая руками. По пути встрътился какой-то человъкъ Его не окликнули; всъ знали, что то былъ работникъ; его просто скрутили иоставили съ двумя человъками. Остальные двинулись дальше.

Аграфену застали спящую. Кузьма бросился было на нее съ кулаками, но ему посовътовали лучше позаботиться о деньгахъ. Онъ схватилъ узелокъ и помчался къ дому.

На постояломъ уже былъ въ это время урядникъ: какой-то услужливый постоялецъ слеталъ на лошади въ станъ за четыре версты. Ждали пристава.

Тъмъвременемъпривели Никифора

и Аграфену.

Подкатилъ приставъ, —и начался допросъ.

Никифоръ былъ угрюмъ, говорилъ

тихо, не поднимая глазъ.

—Спознался съней еще въ Питерѣ, когда торговалъ въ разносъ. Здѣсь встрѣтился ненарокомъ. Хозяинъ взялъ ее въ работницы, она подговорила обокрасть его.

— Деньги ты въ землянкъ хотълъ

зарыть?--спросилъ приставъ.

— Нътъ. Она въ ней сама прожила бы съ полъ мъсяца, пока ее тутъ по близости искали бы.

Приставъ велълъ привести Агра--

фену.

Какъ тебя зовутъ? — спросилъ
 онъ.

 Катериной Пономаревой, колпинская мъщанка.

Вретъ, вретъ,—запротестовалъ
 Кузьма,—ее Грушкой зовутъ, Аграфеной Ивановой.

— Для тебя только, лысый чортъ! — огрызнулась дъвка. — Катерина Пономарева, ваше благородіе, колпинская мъщанка; выслана изъ Петербурга, судилась три раза за кражи, въ Питеръ гуляла.

Она говорила быстро, желая скор ве кончить допросъ; наканун вона съ Никифоромъ выпила, провела безсонную ночь, промокла; ее знобило, и хотълось спать. Она говорила откровенно. Кузьм в было стыдно людей. Онъ вышелъ.

VII.

Свътало. По блъдному небу неслись обрывки сърыхъ тучъ. Подморозило. Лужи затянуло ледкомъ. На подсохшей дорогъ кружилась сънная труха.

Кузьма пристально смотръль на нее, сидя на крыльцъ. Мысли его также безпорядочно кружились...

Суринъ.

Повздкашвъ Обленгорекъ.

Н. Ефимова.

Совершенно изъ ряда вонъ выдающійся подарокъ, который подне сло польское общество своему великому писателю Генриху Сенкевичу, а именно—купленное для него по подпискъ обширное имъніе, а также трогательная благодарственная ръчь писателя, въ которой онъ такъ красноръчиво указалъ на національное и культурное значеніе этого "подарка писателю,—обратили на себя въ свое время общее вниманіе.

Въ виду популярности Сенкевича въ Россіи, мы полагаемъ, и для русскихъ читателей не безъинтересно будетъ узнать кое-какія подробности какъ объ этомъ имѣніи, такъ и о жизни въ немъ автора "Quo vadis".

Обленгорекъ, — такъ называется помъстье, подаренное Сенкевичу, — находится въ гминъ Невахлевъ, Кълецкаго уъзда.

Дорога изъ Къльцъ въ Обленго-

рекъ идетъ сперва на протяженіи 7 верстъ по хорошему петроковскому шоссе, затъмъ--5 в. просел-За комъ. Къльцами, насколько можно окинуть взглядомъ, разстилается живописная мъстность, окаймленная на горизонтъ лъсистыми отрогами свентокржижскихъ горъ, между коими выдъляется своей красотойгора "Карчовка" съкостеломъ и зданіями бернардинскаго монастыря, составляющая излюбленное мъсто прогулокъ къльчанъ, а также посъщеній партій богомольцевъ, направляющихся чрезъ Къльцы въ Ченстоховъ.

Съ вершины горы, въ ясный день, видна расположенная въ 35 вер. Лысая гора съ костеломъ свентокржижскаго бенедиктинскаго монастыря. Правъе--гора "Кадзельня" съ мощными залежами мрамора, переизвесть жигаемаго въ четырьмя гофмановскими и румфордскими печами. За Кадзельней — тамъ гдъ до самыхъ Дыминскихъ горъ, къ очаровательной дачной горной мъстности "Словикъ" тянется луговая равнина, переръзываемая желъзной дороги, прихотливо извивающейся ръчкой Сельницей и бълой лентой хенцинскаго шоссе, - раскинулся фабричный поселокъ Бялоногъ, гдъ въ 1817—1819 г.г. существовала плавильная печь "Александръ" (въ честь Императора Александра I) для выплавки изъ мъди и олова серебра, изъ перваго слитка котораго, на варшавскомъ монетномъ дворъ, выбито нъсколько десятковъ медалей, нынъ составляющихъ нумизматическую ръдкость, въ діам. 21/4 вершка, съ рельефнымъ изображеніемъ на одной сторонъ плавильной печи "Александръ" съ восходящимъ надъ нею солнцемъ и надписью по-польски сверху-, Идля польскаго металла взошло солнце,, внизу "Печь Александра I въ Бялоногъ. 1817", а на оборотной сторонъ-бюста Александра I съ надписью: "Творцу мира, воскресителю Польши".

На 6-ой верстъ шоссе раскину-

лось амфитеатромъ деревня Невахлевъ, гдъ нъкогда существовали большія міздно-плавильныя печи, на право, на горъ, бълъетъ костомлотская часовня, а дальше шоссе тянется на возвышающуюся на 984 фута надъ уровнемъ моря "Медзяну-Гуру" съ часовней и копями мрамора, прежде-мѣди, открытыми въ XVI в. Отсюда краковскій епископъ Георгій Радзивиллъ прислалъ даръ королю Сигизмунду мъдь для крыши сгоръвшаго въ 1595 г. краковскаго замка; здѣсь приготовлялись также мечи и ружья. Отъ краковскихъ епископовъ копи перешли королю Станиславу Августу. Разработка мѣдной руды производилась до первой подпочвенной воды до 15 саж. глубины отъ поверхности земли; притокъ воды, не поддавшійся тогдашнимъ водочерпательнымъмашинамъ, помѣшалъдальнъйшей разработкъ руды, оставленной въ 1824 г. На 8-ой верстъ, съ шоссе надо свернуть влѣво, на проселочный неудобный путь, среди овраговъ, по песчаной и каменистой мъстности. своими живописными видами восхищающей взоръ усталаго путника и тъмъ самимъ вознаграждающей его за причиненные рытвинами и ухабами толчки. Вотъ, на право, словно стъна, вытянулась характерная бронцвъта Мъдзяна-Гура, лѣво—за лѣсомъ, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ всею окрестностью, построенный въ XVI в. хелмскій костель-приходъ Сенкевича; тутъ дорога идетъ вблизи луга, съ соленымъ вкусомъ почвы и травы, заключающей по анализу до 15% соли (полагаютъ, что здъсь находятся залежи соли; скотъ охотно ъстъ хелмскую траву), а дальше, проъхавъ небольшой сосновый лъсокъ, въ низменности видишь деревню Бугай съ протекающей чрезъ нее быстрой ръчкой того же имени.

Ѣдемъ подъ гору, проѣзжаемъ небольшій казенный лѣсокъ,—и взору нашему представляются: прекраснаа луговая долина, извивающаяся съ

горы дорога, небольшая придорожная часовня, ръчка и зелень густаго нарка, а дальше—одинъ изъ кряжей обширной гряды свентокржижскихъ горъ, лъсистая "Баранья-Гора", а на склонъ ея—цъль нашей поъздки, Обленгорекъ. Спускаемся въ оврагъ, по объ стороны котораго, утопая въ зелени садовъ, выстроились чистыя хаты деревни Обленгорекъ, тъсно застроенной, насчитывающей до 40 дворовъ съ 500 жителей,—и мимо пруда въъзжаемъ липовой аллеей въ имъніе.

До 1885 г. оно входило въ составъ имънія Хелмце, и вмъстъ съ фоль-

выгодное сообщеніе для писателя, его семьи и гостей. Осмотръвъ 16 имъній въ разныхъ мъстностяхъ края, комитетъ остановился на Обленгоркъ и, по одобреніи Сенкевичемъ, пріобрълъ его за 45, 017 руб.

Имъніе занимаетъ площадь въ 17 уволокъ или 515 морговъ, изъ нихъ 17 м. занимаютъ паркъ и фруктовый садъ, заключающій болье 1.000 свъже—посаженныхъ фруктовыхъ деревьевъ, 150—пахотныя поля средняго качества, 240 — лъса (въ томъ числъ нъсколько морговъ молодняка), 90—хорошіе луга, а прочее пространство занято зданіями для

Вилла Сенксвича въ Обленгорскъ.

варками Бугай и другими принадлежало въ теченіе четырехъ вѣковъ роду графовъ Тарло, отъ коихъ въ 1883 г. пріобрѣтено кѣлецкимъ нотаріусомъ М. О. Галикомъ, очистившимъ его отъ сервитута отмежеваніемъ въ пользу обленгорскихъ крестьянъ 300 морговъ земли.

Задачей Сенкевичевскаго юбилейнаго комитета было выбрать изъ продававшихся тогда имъній такое, чтобы оно удовлетворяло слъдующимъ условіямъ: давало доходъ, не было бременемъ для Сенкевича и его наслъдниковъ, отличалось красивымъ мъстоположеніемъ и имъло управителя имѣнія, конюшней и птичникомъ, Въ настоящее время общая стоимость юбилейнаго дара, съ пожертвованными картинами и инвентаремъ, превышаетъ 100 тыс. руб.

Хотя Обленгорекъ, можетъ, быть и не дастъ Сенкевичу значительнаго дохода, за то, съ другой стороны, недостатокъ этотъ вполнъ искупается прекраснымъ мъстоположеніемъ имънія, будто созданнаго для человъка, не имъющаго возможности посвятить себя земледълію.

Какъ показываетъ само названіе, "Обленгорекъ"—значитъ "окруженный горами", хотя, по народному

преданію, онъ получилъ свое названіе по слъд. случаю. Въ очень отдаленное время, непріятель (надо полагать — шведы), занялъ окрестности г. Хенцинъ, грабилъ жителей, жегъ ихъ жилища, уводилъ въ плънъ женщинъ и дъвушекъ. Люди уходили въ лъса и дебри. Одна кучка ихъ со своимъ скотомъ скрылась въ густомъ лъсу на горъ. Непріятель окружилъ ихъ, чтобы отнять ихъ скотъ, но они защищались до тъхъ поръ, пока не подоспълъ къ нимъ изъ хенцинскаго замка на помощь король, который и прогналъ непріятеля. Многіе изъ осажденныхъ, оставшись здъсь, построили деревню, которую и назвали "Обленгоркомъ" (осажденная гора).

Варшавскимъ архитекторомъ Кудерой прежняя усадьба совершенно перестроена, расширена, украшена тремя разностилевыми башенками, а съ западной и южной стороныроскошной верандой. Вилла строена на скатъ горы, на высокомъ фундаментъ, украшена ръзьбой и, въ общемъ, производитъ впечатлъніе легкой архитектурной постройки. Не смотря на то, что много строительнаго матеріала доставлено безвозмездно, а также безвозмездно исполнена часть работъ, постройка виллы и приведеніе имфнія въ надлежащій видъобошлись въ 36487 руб.

Изъ оконъ, балконовъ и галлерей виллы разстилаются чудеснъйшіе и величественные виды на окрестные горы и лъса, на окружающіе ее густолиственные садъ и паркъ, проръзанный рядами аллей и дорожекъ, полный зелени и декоративныхъ растеній. Однимъ изъ украшеній парка является прелестная лужайка съ бассейномъ ключевой воды, чистой какъ слеза, чрезвычайно вкусной и не замерзающей зимой. некогда Источникъ носитъ названіе одного изъ героевъ Сенкевича — "Урсусъ" и орошаетъ, при соотвътственномъ искусственномъ устройствъ, цвътникъ; пара ручныхъ оленей пасется тутъ-же. Тишина и невозмутимый покой царять въ Обленгоркъ, щедро одаренномъ природою и составляющемъ дъйствительное убъжище отъжитейскихъ тревогъ и суеты большихъ городовъ, а тихій шелестълистьевъ высокихъ деревьевъ парка, будто говоръ старыхъ бардовъ, будитъ воспоминанія былыхъ лѣтъ и располагаетъ къ мечтательности и думамъ.

Панорама производить болъе сильное впечатлъніе съ балкона комнаты втораго этажа праваго флигеля, тутъ можно сидъть цълыми часами въ пріятномъ созерцаніи представляющихся видовъ. Вотъ на первомъ планъ — террасы на склонъ горы, ведущія къ тремъ рыбнымъ прудамъ; одна изъ нихъ украшена бюстомъ Сташица; на второмъ - деревни Стравчинскъ и Промникъ и с. Пъкошевъ съ двумя высокими готическими башнями кастела и громадой руинъ замка, полнаго легендарныхъ исторій; за нимъ цѣпь хенцинскихъ горъ, на одной изъ вершинъ которыхъ ръзко выдъляются на горизонтъ, словно маяки, три высокія, почернъвшія башни замка короля Локетка; еще дальше-голубоватыя горы, покрытыя лъсами, золотые отблески скалистыхъ ущелій и раскинувшаяся перспектива видовъ, то утопающихъ во мглъ, то прозрачныхъ, чарующихъ снова взглядъ, складывающихся въ картину, полную выраженія и поэзіи.

Двадцать комнать составляють вполнъ достаточное помъщеніе даже для большой семьи, живущей на широкую ногу, не только для жены Сенкевича, его сына и дочери.

Прошлыя лѣто и осень первые, которые провелъ корифей польской литературы въ своемъ имѣніи, послѣ варшавскаго уличнаго шума, духоты и суеты, пользуясь пріятнымъ, укрѣпляющимъ нервы, отдыхомъ.

Свое жилище Сенкевичъ устроилъ съ большимъ вкусомъ. Его богатыя коллекціи отчасти облегчили эту задачу. Весь низъ виллы заполненъ

подарками почитателей его таланта — не только соотечественниковъ, но и чужеземцевъ обоихъ полушарій.

Сенкевичъ—отличный стрѣлокъ, и вестибюль его виллы вмѣщаетъ десятки трофеевъ африканскихъ и азіятскихъ его путешествій, чучелъ убитыхъ имъ крупныхъ звѣрей. И теперь, съ каждой охоты Сенкевичъ не возвращается съ пустыми руками.

кабинетъ его помъшается часть его библіотеки и обширное собраніе переводовъ его сочиненій почти на всъхъ европейскихъ языкахъ и нъсколькихъ азіятскихъ. Многіе изъ этихъ переводовъ вышли нъсколькими изданіями и украшены иллюстраціями первоклассныхъ европейскихъ художниковъ. Особенной роскошью выдъляются англійскія и испанскія изданія, отпечатанныя въ Съверной Америкъ. Всъ эти экземпляры съ посвященіями присланы автору иностранными издателями, напр., вышедшій въ Берлинъ роскошный альбомъ съ иллюстраціями къ "Крестоносцамъ", почти квадратный метръ, подаренъ берлинскими издателями автору "въ знакъ признательности его таланту, выдающемуся изъ рамокъ обыкновенной литературной извъстности".

Характерна та особенность, что изъ русскихъ издателей, выпустившихъ по нъсколько изданій всъхъ сочиненій Сенкевича, никто не прислалъ ему въ даръ ни по одному

экземпляру его сочиненій.

На большомъ письменномъ столъ посреди кабинета лежатъ ежедневно просматриваемыя Сенкевичемъ "Кигjer Warszavski", "Gazeta Polska", "Slovo", также "Gazeta Lwowska" "Gazeta Kielecka" и нъсколько иллюстрированныхъ изданій мъстныхъ и заграничныхъ. Ежедневно Сенкевичъ получаетъ десятки писемъ изъ разныхъ странъ свъта, больше всего съ просъбами объ автографахъ и афоризмахъ. Англичане и американцы особенно надоъдаютъ Сенкевичу такими просьбами. Онъ исполнилъ нѣсколько тысячъ уже такихъ

просьбъ и теперь просто утомляется назойливостью американцевъ, французовъ и испанцевъ: слава имъетъ терніи....

Къ кабинету примыкаетъ залъ, стъны котораго украшаютъ два превосходныхъ портрета Похвальскаго и не менъе любопытная картина знаменитаго, безвременно угасшаго художника, изображающая римскій костелъ "Quo vadis".

Вообще въ залѣ очень много изящныхъ, цѣнныхъ и памятныхъ вещей, подаренныхъ автору "Семьи Поланецкихъ" во время его юбилея.

Трогательны глубокое уваженіе и предупредительность, какими пользуется Сенкевичъ не только среди своихъ соотечественниковъ, но и чужеземцевъ: они учреждаютъ стипендіи его имени и, чъмъ кто можетъ, украшаютъ его жилище. Юбилейный комитетъ по чествованію Сенкевича вручилъ ему альбомъ въ старинномъ стилъ, съ автографами жертвователей и актъ дара, напи-"кунштовсанный на пергаментъ нымъ шрифтомъ" (средневъковая каллиграфія) съ иллюстраціями д-ра Пешке. Поклонница Сенкевича, Юлія Бакъ подарила прекрасную картину Свъжевскаго "Дунаецъ въ Піенинахъ", полагая, что взглядъ писателя съ удовольствіемъ будетъ останавливаться на видъ любимой имъ мъстности; съ такою же цълью ординатъ гр. Адамъ Красинскій пожертвовалъ великолъпную "Элегію" Семирадскаго, а одна изъ польскихъ княгинь бронзовый саркофагъ на четырехъ орлахъ, съ кусками одеждъ почивающихъ въ Вавелъ королей; сверху саркофага изображено знамя и на немъ королевскія регаліи; кн. Сангушко подарилъ пару лошадей, стоимостью, какъ говорятъ, въ 3000 руб. Изъ Италіи, отъ администраціи театра "Мапгапі», прислана, на память о представленіи "Quo vadis", красивая, вышиною 1/4 арш. статуэтка "Побъды", подающей лавровый вѣнокъ, представляющая артистически исполненную копію съ помпейской "Nike", (побъды) въ неаполинтанскомъ музеъ; администрація театра въ Неаполъ подарила Сенкевичу репродукцію извъстной статуи "Фарнезійскаго быка" и т. д.

Сенкевичъ весь поглощенъ историческими работами, *) и съ особою любовью и знаніемъ работаетъ въ этомъ мірѣ прошлаго, оживляется, когда говорятъ о немъ, и съ удивительною ясностью комментируетъ каждый значительный фактъ.

Отличительная черта характера знаменитаго романиста — простота, искренность и прямодушіе, свободныя отъ педантизма и нервозности. Эта ровность характера, далекая отъ напыщенности и самомнѣнія, дѣлаетъ Сенкевича обаятельнымъ въ каждомъ обществѣ, выдѣляя его изъ плеяды литературныхъ корифеевъ, иногда просто не выносимыхъ изъ-за своей эксцентричности.

Всъ мелкія работы по хозяйству въ имъніи Сенкевичъ передалъ ближайшему своему сосъду—владъльцу Промника г. Поплавскому и теперь болъе свободно можетъ отдаваться

историческимъ изслѣдованіямъ, требующимъ не только муравьинаго труда, но и совершеннаго покоя.

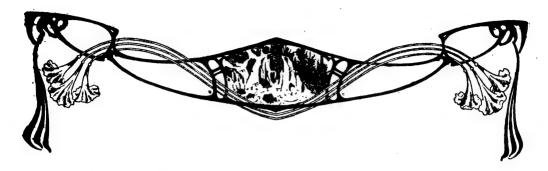
На недостатокъ общества владълецъ Обленгорка пожаловаться не можетъ: не проходитъ недъли, чтобы кто нибудь не пріъхалъ къ нему, не гостилъ у него, напр., недавно у него гостили американскіе делегаты Крушка и Махану, адвокатъ изъ Буффало, ъздившіе въ Римъ по дълу польскихъ епископовъ въ Съверной Америкъ; гостилъ также переводчикъ его сочиненій на англійскій языкъ Куруинъ, отправившійся отсюда въ Познань, дабы ближе ознакомиться съ тамошними польско-нъмецкими отношеніями.

Ежедневно, послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій въ кабинетѣ, Сенкевичъ спѣшитъ въ паркъ или лѣсъ, гдѣ среди дикой, но прекрасной природы, отдыхаетъ, черпая силы и вдохновеніе къ дальнѣйшимъ, столь плодотворнымъ и богатымъ трудамъ. Не сомнѣваемся, что въ Обленгоркѣ, подъ сѣнью этого заслуженнаго "пріюта", изъ-подъ пера знаменитаго писателя выльется еще не одно прекрасное произведеніе.

Н. Ефимовъ.

^{*)} Недавно еще онъ обрабатывалъ историческую повъсть "на полъ битвъ".

Съ какого времени слѣдуетъ начинать воспитаніе ребенка.

Профессора В. Груздева. (Казань).

Съ какого времени слъдуетъ начинать воспитаніе ребенка? Если Вы зададите этотъ вопросъ даже интеллигентному человъку, товъ лучшемъ случать получите въ отвътъ, что воспитаніе ребенка слідуеть начинать съ первыхъ же дней послъ его появленія на свѣтъ. Между тѣмъ это далеко не такъ. Правда, моральное и интеллектуальное воспитаніе можетъ быть начинаемо лишь тогда, когда у дитяти появятся первые проблески сознанія, но физическое воспитаніе ребенка, — если понимать подъ этимъ словомъ сумму воздъйствій, имъющихъ цълью болъе совершенное развитіе дътскаго организма, должно быть начинаемо не тогда, когда ребенокъ уже вполнъ созръетъ для внъутробной жизни, а тогда, когда его организмъ только еще формируется, когда онъ еще живетъ, выражаясь научнымъ языкомъ, эмбріональной жизнью, когда онъ находится въ утробъ матери.

Положеніе это, громадная важность котораго, къ сожальнію, далеко невсегда въ достаточной мырь сознается, не подлежить ни малышему сомныю. Его истинность понятна уже а priori. Въ самомъдыть, ребе-

нокъ ко времени своего рожденія вполнъ получаетъ уже ту физическую организацію, которая сохраняется у него на всю жизнь. Начинать воспитательное воздъйствіе на эту организацію уже послъ роженія ребенка-не то-ли же самое, что пробовать прививать извъстные нравственные принципы 20-лътнему юношъ, которому ранъе принципы эти были совершенно чужды? Положимъ, опытъ жизни показываетъ, что въ отдъльныхъ случаяхъ возможно совершенно переродить нравственную природу даже взрослаго человъка; но какъ ръдко это случается, какихъ усилій и какого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ требуетъ это перерожденіе! Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно физическаго воспитанія ребенка послъ его рожденія. Правда, путемъ раціональныхъ мѣропріятій, гигіеническихъ и лѣчебныхъ, можно достигнуть того, что изъ ребенка, родившагося недоношеннымъ, въ концъ концовъ сформируется вполнъ здоровый человъкъ, а изъ ребенка-рахитика выростетъ человъкъ нормальнымъ скелетомъ. сколько для этого потребуется труда, времени и средствъ, и какъ часто,

несмотря на всѣ усилія воспитателей и врачей, указанная цѣль остается недостигнутой!

Говоря это, я отнюдь не имъю въ виду умалить важности воспитательныхъ мъръ, примъняемыхъ къ ребенку уже послъ его рожденія. Значеніе этихъ мъръ общепризнано, и было-бы нелъпостью отрицать его... Я хочу только сказать, что мъры эти лишь тогда увънчиваются успъхомъ, когда объектомъ ихъ примъненія является ребенокъ, родившиіся здоровымъ и правильно развитымъ; иначе онъ зачастую остаются безплодными...

Итакъ, повторяю, физическое воспитаніе ребенка, —воздъйствіе, имъющее цълью болъе совершенное развитіе послъдняго, — должно быть начинаемо тогда, когда ребенокъ живетъ еще жизнью зародыша. Но, спрашивается, возможно-ли подобное, такъ сказать, внутриутробное воспитаніе ребенка? Въ состояніи-ли мы оказать хоть какое-нибудь вліяніе на развитіе дътскаго организма еще въ то время, когда организмъ этотъ скрытъ въ нъдрахъ организма матери?

Чтобы отвътъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ читателямъ, посмотримъ, какъ живетъ внутриутробный плодъ въ продолженіе тъхъ 280 дней, изъ которыхъ состоитъ циклъ нормальной беременности.

Какъ ни продолжителенъ, относительно, этотъ періодъ, однако въ теченіе его организмъ плода переживаетъ цълый рядъ метаморфозъ: за эти 280 дней онъ, ступень за ступенью, проходитъ всю лъстницу организмовъ и перешагиваетъ громадную пропасть, отдъляющую "царя природы" отъ какой-нибудь амебы. Соотвътственно измъненіямъ организаціи зародыша измъняются, понятно, и его жизненныя отправленія.

Я не буду подробно описывать всъ эти метаморфозы: во-первыхъ, это завело-бы меня слишкомъ далеко, — я долженъ былъ-бы изложить курсъ цълой науки, эмбріологіи; а во-вторыхъ, подробное перечисленіе всъхъ

измъненій въ строеніи зародыша и не нужно, —для нашей цъли совершено достаточно, если мы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомимся съ условіями жизни плода въ два главныхъ періода его развитія, —періодъ доплацентарнаго и періодъ плацентарнаго существованія зародыша.

Первый періодъ сравнительно очень непродолжителенъ: изъ десяти лунныхъ, т. е. 28-дневныхъ, мъсяцевъ нормальной беременности къ нему относятся лишь первые 2. Въ самомъ началъ его будуцій "царь

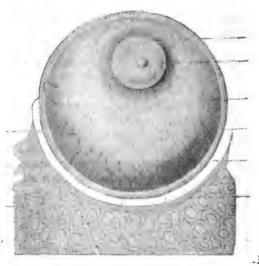

Рис. 1. Зрвлое яйцо взъ явчника женщины по Kollmann'у. Яйцо снаружи окружено прозрачной оболочкой—zona pellucida; внутри его лежитъ круглое ядро ("зародышевый пузырекъ") съ ядрышкомъ ("зародышевое иятно"). Линейное увелич. въ 25 равъ.

природы" представляетъ собою, подобно наиболѣе низшимъ существамъ органическаго міра, простую клѣточку, разглядѣть которую болѣе или менѣе ясно можно только съ помощью микроскопа (рис. 1). Клѣточка эта, вышедши изъ женской половой железы, или яичника, прежде всего попадаетъ въ яйцепроводъ, или Фаллопіеву трубу, по каналу которой и передвигается къ маткѣ. Во время этого странствованія по яйцепроводу она оплодотворяется и быстро начинаетъ размножаться ("сегментиро-

ваться"), такъчто черезъ самое короткое время, измъряемое даже не днями, а часами, превращается въ шарикъ, состоящій изъ массы соединенныхъ между собою дочернихъ клътокъ (рис. 2.) Затъмъ этотъ ша-

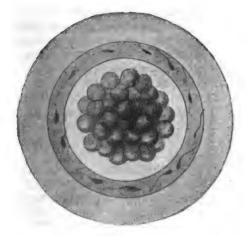

Рис. 2. Сегментація яйца по Bischoff'y.

рикъ, путемъ распаденія центральныхъ клѣтокъ, превращается въ наполненный жидкостью пузырекъ, на оболочкѣ котораго въ одномъ мѣстѣ замѣчается небольшое пятнышко,—будущее тѣло зародыша (рис. 3). Въ

Рис. 3. Человъческое яйцо въ стадін зародышеваго пувыря, по *Reichert'*у. Круглое пятнышко въ серединъ—будущее тъло зародыша. Лин. ув. въ 6 разъ.

такомъ видъ яйцо изъ Фаллопіевой трубы достигаетъ полости матки и здъсь прививается на стънкъ послъдней, причемъ слизистая оболочка матки тъсно обростаетъ его со

всъхъ сторонъ, образуя для яйца какъ-бы наружный футляръ.

Проходить съ этого момента около 4 недъль. Яйцо изъ микроскопическаго образованія превращается въ образованіе, съ грецкій оръхъ величиною. Кромъ наружнаго футляра изъ видоизмъненной слизистой оболочки матки, у него формируется тъсно связанный съ первымъ внутренній футляръ, состоящій изъ двухъ оболочекъ—наружной ворсистой и внутренней водной. Внутри

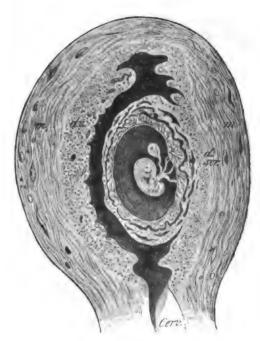

Рис. 4. Разръзъ чрезъ беременную матку съ яйцомъ на 5-й недълъ развития, по Dickinson'y.

этого футляра находится жидкость, въ которой и плаваеть зародышъ, перемъстившійся съ периферіи яйца въ центръ его. Самый видъ зародыша къ этому времени ръзко мъняется: вмъсто крошечнаго пятнышка мы имъемъ теперь предъ собою своебразное существо, въ которомъ, однако, на первый взглядъ нътъ ничего, похожаго на фигуру человъка; незнакомый съ тайнами науки скоръе скажетъ, что это существо походитъ на личинку или червячка; длина его

не превышаетъ $7--7^{1/2}$ миллиметровъ (рис. 4).

Еще 4 недъли,—и нашъ "червячекъ" превращается въ существо, въ которомъ, при внимательномъ осмотръ, уже не трудно узнать будущаго человъка. У него можно различить несоразмърно большую голову, туловище, руки, ноги (рис. 5). Длина его возрастаетъ до 3—4 сантиметровъ. Состоящій изъ оболочекъ футляръ, служащій ему мъстопребываніэмъ, увеличивается до объема куринаго яйца.

Наступаетъ, далъе, третій и вмъстъ послъдній мъсяцъ доплацентар-

Рис. 5. Человъческій зародышть $7^{1/2}$ -недъльнаго развитія по His' 4. Увеличено. (Дъйствительная высота—1,8 сант.).

наго періода зародышевой жизни будущаго человъка. Плодъ выростаетъ къ этому времени до 7-9 сант. въ длину. На его рукахъ и ногахъ начинаютъ различаться пальцы, и вообще внъшнія формы его тъла получаютъ окончательное сходство СЪ формами человъческаго тъла. Относительно внутреннихъ органовъ слѣдуетъ сказать то же самое. Яйцо, внутри котораго помъщается зародышъ, становится больше гусинаго, и на одномъ изъ участковъ его периферіи окончательно формируется дътское мъсто, или плацента, -- спеціальный органъ, играющій чрезвычайно важную роль во всей дальнъйшей жизни плода. Какое строеніе имъетъ этотъ органъ, и какова его физіологическая роль,— объ этомъ, впрочемъ, я не буду говорить теперь, а закончу обзоръ жизни плода въ первый, доплацентарный періодъ его развитія.

Главнъйшій изъ жизненныхъ процессовъ, имъющій мъсто въ этотъ періодъ, въ организмъ плода,— процессъ роста и развитія его тъла, мною уже обрисованъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. Но, кромъ этого процесса, жизнь всякаго организма слагается еще изъ цълаго ряда другихъ физіологическихъ процессовъ, каковы: питаніе, дыханіе, кровообращеніе, движеніе и т. п. Спрашивается теперь: какимъ образомъ совершаются эти процессы у зародыша въ первый періодъ его существованія?

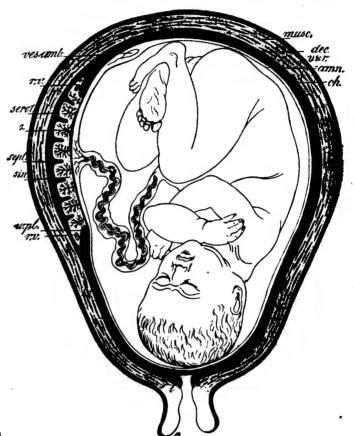
Отвътъ на этотъ вопросъ будетъ кратокъ, тъмъ болъе, что многіе изъ физіологическихъ процессовъ, имъющихъ мъсто въ организмъ развитаго человъка, - въ данный періодъ жизни зародыша совершенно отсутствуютъ, по той простой причинъ, что у него не имъется еще для нихъ соотвътственныхъ органовъ, а нъкоторые другіе процессы у зародыша до сихъ поръ еще слишкомъ мало изучены. Въ общемъ можно сказать, что человъческій зародышъ, въразбираемый періодъ своего существованія, живетъ скоръе жизнью растенія, чъмъ животнаго. Какъ растеніе всасываетъ питательные соки изъ почвы своими корнями, такъ и человъческое яйцо, въ данный періодъ развитія, всасываетъ необходимыя для постройки тъла зародыша питательныя вещества изъ окружающей его слизистой оболочки матки, всею своею поверхностью. Особенно важную роль при этомъ играетъ ворсистая оболочка яйца; послъдняя потому и называется ворсистой, что снабжена на всей своей поверхности множествомъ похожихъ на корешки отростковъ, такъ называемыхъ ворсинокъ. При помощи этихъ-то отростковъ, внъдряющихся въ слизистую оболочку матки, яйцо и укръпляется на маточной стънкъ, какъ растеніе своими корнями—въ почвъ; ими же оно всасываетъ и необходимые для зародыша питательные соки. Очевидно, стало быть что въ данный періодъ своего суще-

ствованія зародышъ находится въ такой же непосредственной связи и зависимости отъ слизистой оболочки матки, въ карастеніе находится въ зависимости отъ почвы. Этою фразою, мнъ кажется. условія жизни человъческаго зародыша въ ранній періодъ его развитія характеризуются лучше, чъмъ всякими длинными разсужденіями, а потому, не вдаваясь въ нихъ, я прямо перейду ко второму періоду внутриутробнаго существованія ребенка.

Достаточно бросить хотя-бы бъглый взглядъ на анатомическое строеніе плоднаго яйца, чтобы замътить, что въ этотъ періодъ условія жизни плода существенно отличаются отъ предыдущаго періода. Раньше, какъ мы видъли, плодное яйцо вмъстъ съ зародышемъ было всею сво-

ею массойтьсно связано съ материнской почвой, со стънкой матки; оно представляло собою какъ-бы наростъ на этой стънкъ, какъ-бы часть ея. Теперь и самъ плодъ, и его жилище, плодное яйцо, въ значительной степени обособляются отъорганизма матери. Ворсинки, которыми прежде яйцо укръплялось въ маткъ, на боль-

шей части его окружности исчезають, и периферія яйца начинаеть большею своею частью просто прилегать къматочной стінкі, не сростаясь съней. Такимъ образомъ съ одной стороны, яйцевой футляръ, служащій містопребываніемъ плода, обособляется отъ матки; съ другой

ДЫДУЩАГО ПЕРІОДА. Рис. 6. Схематическое изображеніе матки съ ен содержимымъ въ концѣ беременности по Ahlfeld'y. тивс.—мышечная стѣнка матки; dec.—материность съ зароды- ринокая оболочка яйца; еh—воремстая оболочка; атп.—водная оболочка; тv., scrot., sin. и пр.—плацента.

стороны, самый плодъ обособляется отъ своего жилища, — онъ остается соединеннымъ съ нимъ лишь при помощи шнурка пуповины, достигающаго въ концъ беременности длины около 50 сант. Одновременно съ этимъ онъ получаетъ организацію, приспособленную для болъе самостоятельной жизни, чъмъ прежде.

Теперь это—уже настоящій маленькій челов'вкъ, у котораго есть и легкія, способныя дышать, и пищеварительный аппарать, способный воспринимать и переваривать пищу, и мышцы, способныя приводить его т'вло въ движеніе, и вс'в другіе органы, которыми обладаемъ и мы, взрослые люди. О вн'вшнемъ вид'в плода нечего и говорить, — теперь это по вн'вшности, повторяю, настоящій челов'вкъ (рис. 6).

Въ соотвътствіи съ измънившейся организаціей плода изміняется и его физіологическая жизнь: во второмъ періодъ зародышевой жизни у плода появляются многія физіологическія отправленія, независимыя отъ функцій организма матери. Ребенокъ начинаетъ, напр., производить самостоятельныя движенія ручками и ножками, причемъ эти движенія, вначалъ очень слабыя, около половины беременности становятся настолько сильны, что начинаютъ ощущаться матерью. Ребенокъ начинаетъ дълать глотательныя движенія и глотаетъ окружающую его околоплодную жидкость. Очень въроятно, что въ концъ беременности ребенокъ мочится, причемъ его моча попадаетъ въ ту же околоплодную жидкость. Его печень начинаетъ отдълять желчь, скопляющуюся въ кишечникъ въ видъ меконія, или первороднаго кала, а сальныя железы кожи отдъляютъ значительное количество сала, вслъдствіе ребенокъ обыкновенно и появляется на свътъ обильно покрытымъ этимъ саломъ, -- такъ называемою сыровидною смазкою.

Однако, далеко не вся физіологическая жизнь плода, даже близкаго къ полной зрълости, является самостоятельною, независимою отъ жизни матери. Главнъйшія жизненныя отправленія плода,—его кровеобращеніе, дыханіе и питаніе. — до самаго рожденія продолжаютъ оставаться въ непосредственной связи и зависимости отъ соотвътственныхъ функцій организма матери, причемъ

анатомическимъ орудіемъ этой связи является плацента. Органъ этотъ играетъ такую первостепенную роль во внутриутробной жизни плода, что, дабы понять ее, мы должны нъсколько подробнъе остановиться на его строеніи.

Итакъ, что такое плацента?

О микроскопическомъ видъ ея читатели могутъ составить себъ представленіе по прилагаемымъ рисункамъ (рис. 6 и 7). Какъ видно изъ этихъ рисунковъ, плацента, или дътское мъсто, представляетъ собою лепешкообразное тъло, соединенное

Рис. 7. Плацента въ концѣ беременности по Küstner'y (пуповина отрѣзана).

съ тъломъ плода при помощи пуповины, или пупочнаго канатика. Въ концъ беременности тъло это имъетъ около 16 сант. въ поперечникъ, при 3 сантиметрахъ толщины, и въситъ приблизительно 500 грм., т.е. 11/4 фун. Одною своею поверхностью плацента плотно прилежитъ къ стънкъ матки, другою, къ которой прикръпляется пуповина, обращена въ полость плоднаго пузыря.

Генетически, т. е. по своему происхожденію, плацента представляеть собою ничто иное, какъ часть ворсистой оболочки плоднаго яйца плюсъ соотвътственный участокъ измънившейся подъ вліяніемъ беременности слизистой оболочки матки. Выше я уже замътилъ, что ворсистая оболочка, составляющая наружную оболочку плоднаго яйца, въ доплацентарный періодъ существованія зародыша бываетъ на всемъ своемъ протяженіи покрыта ворсинками. Я говорилъ далъе, что, когда приближается второй періодъ внутриутробной жизни плода, то на большей части окружности яйца ворсинки эти исчезаютъ; на одномъ участкъ, одна-

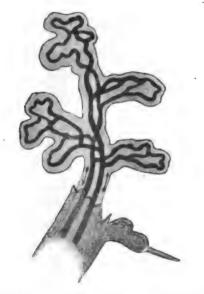

Рис. 8. Схематическое строеніе плацентарной ворсинки, по *Kollmann*'y.

ко, онъ не только не исчезають, а напротивъ, сильно разростаются. Эти то разросшіяся ворсинки образуютъ главную часть плаценты, такъ называемую плодовую ея часть, тогда какъ вторую часть плаценты, материнскую, образуетъ, повторяю, часть видоизмъненной слизистой оболочки матки.

Посмотримъ теперь въ отдъльности, что представляетъ собою каждая ворсинка плаценты. Изърис. 8-го, представляющаго окончаніе одной ворсинки въ сильно увеличенномъ видъ, можно замътить, что каждая ворсинка представляетъ собою нъчто въ родъ деревца съ

нъсколькими въточками. Снаружи и стволъ деревца, и въточки одъты чрезвычайной тонкой оболочкой (которая на рисункъ съверхушки ворсинки удалена, чтобы показать, что находится внутри этой оболочки). Внутри этой оболочки расположена такъ называемая строма или скелетъ ворсинки, состоящій, конечно, не изъ кожи, а изъмягкой т. наз. соединительной ткани. Наконецъ, въ ткани этой лежатъ тончайшіе, такъ называемые волосяные сосуды, или капилляры. Каждый капилляръ представляетъ собою тончайшую трубочку, несущую въ себъ кровь. Какъ видно изъ рисунка, въ каждомъ развътвленіи ворсинки имъются 2 капилляра, одинъ приноситъ кровь въ окончаніе ворсинки, другой уноситъ ее обратно. Въ концъ каждаго развътвленія ворсинки приносящій кровь капилляръ непосредственно переходитъ въ капилляръ, отводящій ее обратно.

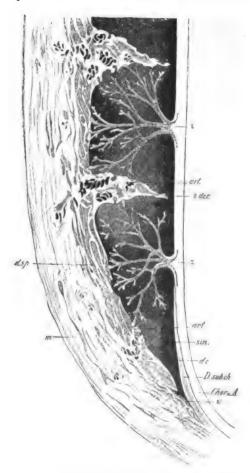
Откуда же, спрашивается, берутся эти капилляры? Если прослъдить ихъ ходъ, то мы увидимъ, что они представляютъ собою конечныя развътвленія сосудовъ пуповины. Я уже говорилъ, что плодъ бываетъ связанъ съ обращенной къ нему поверхностью дътскаго мъста при помощи довольно длиннаго шнуркапуповины. Шнурокъ этотъ содержитъ внутри три крупныхъ сосуда,---2 артеріальныхъ и одинъ венозный, 2 пупочныхъ артеріи и одну пупочную вену (рис. 6). По артеріямъ кровь идетъ изъ тъла плода въ плаценту, по венъ уносится обратно изъ плаценты въ тъло плода. Вступая изъ пуповины въ плаценту, всъ эти сосуды дълятся на ея обращенной къ плоду поверхности на радіально расходящіяся крупныя вътви, эти послъднія—на болъе мелкія и т. д., причемъ, по мъръ развътвленія, вътви пуповичныхъ сосудовъ все глубже внъдряются въ толщу плаценты. Въ концъ концовъ самыя мелкія вътви дълятся на капилляры, которые и проникаютъ описаннымъ уже образомъ въ ворсинку. При этомъ въ каждую ворсинку проникаютъ непремънно 2 капилляра—одинъ венозный, другой—артеріальный.

Чтобы закончить обзоръ строенія плаценты, намъ надобно еще познакомится съ другою ея частью, съ материнскою. Для этой цъли намъ будетъ служить рисунокъ 9, представляющій схематическій разрѣзъ черезъ всю толщу плаценты съ прилежащею къ ней частью маточной Здѣсь читетели увидятъ вверху нъсколько ворсинокъ, между которыми располагаются промежутки, такъ называемыя межворсинчатыя пространства, а ниже лежитъ слизистая оболочка матки, прилежащая къ самому нижнему слою мышечной стънки матки.

часть слизистой оболочки матки, видоизмъненной подъ вліяніемъ беременности, и составляетъ, какъ я уже упоминалъ, материнскую часть плаценты. Для насъ въ высшей степени важно знать, что она очень богата кровеносными сосудами, представляющими собою развътвленія сосудовъ матки, при чемъ эти сосуды, какъ можно видъть на рисункъ, непосредственно открываются въ межворсинчатыя пространства. Послъднія являются такимъ образомъ наполненными материнскою кровью, непосредственно омывающею всъ развътвленія ворсинокъ. Кровь эта разумъется, не остается безъ движенія, а постепенно циркулируетъ: одни сосуды, артеріальные, постепенно приносятъ новыя ея порціи, а другіе, венозные, уносять обратно изъ межворсинчатыхъ пространствъ.

Теперь, когда мы подробно познакомились съ строеніемъ плаценты, намъ легко будетъ понять, какимъ образомъ происходятъ процессы кровеобращенія и дыханія у утробнаго плода. У человъка, живущаго внъутробной жизнью, эти отправленія, какъ извъстно, совершаются слъдующимъ образомъ: лъвый отдълъ сердца посылаетъ артеріальную, бо-

гатую кислородомъ кровь, сначала чрезъ аорту, а потомъ чрезъ ея развътвленія до самыхъ мелкихъ, артеріальныхъ капилляровъ, включительно, во всъ участки нашего тъла. Проходя по системъ аорты, кровь отдаетъ тканямъ тъла необхо-

Рнс. 9. Схематическій разр'єзь черезь плаценту вміст'є съ маточной стінкой по Bumm'у. zz—ворсинки; sin — межворсинчатыя пространства; d. sp.—изміненная подъ вліяніемъ беременности следства оболочки матки; m—мышечная стінка матки; art—артеріи маточной стінки, открывающіяся непосредственно въ межворсинчаты пространства; v— вена, уносящая кровь изъ межворсинчатыхъ пространствъ.

димый для нихъкислородъ, а взамънъ беретъ выдъляемую тканями углекислоту. Такимъ образомъ изъ богатой кислородомъ, артеріальной кровь дълается богатой углекислотой, ве-

нозной. Венозная кровь по венозной системъ собирается въ правый отдълъ сердца, откуда затъмъ по легочной артеріи и ея развътвленіямъ идетъ въ легкія. Легкія при каждомъ вдыханіи вбирають въ себя богатый кислородомъ воздухъ. Часть этого кислорода переходитъ въ кровь, которая взамѣнъ того отдаетъ содержащуюся въ ней углекислоту, удаляемую изъ организма съ выдыхаемымъ воздухомъ. Такимъ образомъ кровь вълегкихъизъвенозной дълается артеріальною и въ такомъ видъ идетъ въ лъвую часть сердца, откуда опять расходится по всему тълу и т. д.

плода, утробною живущаго жизнью, легкія существують, но не функціонируютъ, — по той простой причинъ, что въматкъ воздуха нътъ, и дышать плоду нечемъ. Между темъ кислородъ ему также нуженъ, какъ и взрослому человъку. И вотъ плодъ заимствуетъ нужный ему кислородъ изъ крови матери, а взамънъ отдаетъ ей ненужную, мало того, вредную для него углекислоту. Происходитъ это такимъ образомъ, что насыщенная углекислотой кровь плода стремится по пупочнымъ артеріямъ въ плаценту и здъсь попадаетъ въ артеріальные капилляры ворсинокъ. Ворсинки, какъ мы уже видъли, непосредственно омываются материнскою кровью, которая, только что поступивъ въ межворсинчатыя пространства изъ развътвленій маточныхъ артерій, бываетъ богата кислородомъ. Такимъ образомъ обильная углекислотой кровь плода и артеріальная кровь матери являются отдъленными другъ отъ друга лишь тонкою оболочкою ворсинокъ и тонкою же стънкою капилляровъ. При этихъ условіяхъ непремѣнно должно имѣть и дъйствительно имъетъ мъсто явленіе диффузіи газовъ.

Большинству читателей, въроятно, извъстно, въ чемъ состоитъ это явленіе. Для незнакомыхъ съ нимъ поясню, что подъ названіемъ диффузіи въфизикъ извъстно явленіе, образецъ

котораго можно наблюдать въ слъдующемъ простомъ опытъ: возьмите хоть ламповое стекло, плотно обвяжите его конецъ пергаментной бумагой или пузыремъ, налейте внутрь раствора поваренной соли и опустите конецъ въ стаканъ съ чистой водой. Если черезъ нъкоторое время Вы попробуете воду въ стаканъ, — она окажется слегка соленой. какъ растворъсоли въ стеклъ окажется менъекръпкимъ, чъмъ раньше: очевидно, соляной растворъ перешелъ частью черезъ пергаментную перепонку или пузырь, диффундировалъ изъ стекла въ стаканъ, а вода изъ стакана въ свою очередь диффундировала внутрь стекла. Подобною способностью обладають не только жидкости, но еще въ гораздо большею степени и газы. Такое-то явленіе имъетъ мъсто и въ плацентъ: углекислота изъ крови плода переходитъ, черезъ тонкую оболочку ворсинокъ и стънку капилляровъ, въ материнскую кровь, а кислородъ изъ послъдней, наоборотъ, изъ материнской крови--въ плодовую. Въ результатъ материнская кровь въ межворсинчатыхъ пространствахъ становится венозной и въ этомъ видъ уносится изъ плаценты венами матки, а протекающая по капиллярамъ ворсинокъ кровь плода изъ венозной превращается въ артеріальную и въ этомъ видъ стремится по пупочной венъ въ организмъ плода. Здъсь она собирается въ правомъ отдълъ сердца, изъ котораго, однако, не посылается въ легкія, какъ это бываетъ, напр., у взрослаго человъка, а. помимо ихъ, переходитъ въ систему аорты, чтобы разнести живительный газъ по всему организму плода.

Изъ только что сказаннаго понятно, что плацента вполнъ замъняетъ плоду легкія, и что материнская и плодовая кровь, не смъщиваясь между собою, поддерживаютъ, однако, другъ съ другомъ постоянный взаимообмънъ газами. Понятно отсюда и то, въ какой тъсной зависимости находится газовый составъ

крови плода отъ содержанія газовъ въ крови матери. Если послъдняя богата кислородомъ, — организмъ плода получаетъ достаточныя количества этого газа, столь необходимаго для всякой жизни; если, наоборотъ, кровь матери сама бъдна кислородомъ и богата углекислотой, то кровь плода уходитъ изъ плаценты обратно въ тъло послъдняго, не успъвъ захватить достаточное количество перваго газа и освободиться отъ второго. А это въ концъ концовъ ведетъкъ хроническому отравленію ребенка углекислотой, къ его задушенію, асфиксіи.

Имъющій мъсто въ плацентъ взаимообмънъ между материнской и плодовой кровью не ограничивается, однако, лишь газами... Но здъсь мы подходимъ къ вопросу о третьемъ, столь же важномъ, какъ кровеобращеніе и дыханіе, жизненномъ процессъ у плода,— къ вопросу о питаніи послъдняго.

Въ виду своего быстраго роста плодъ нуждается въ относительно огромномъ количествъ питательныхъ матеріаловъ. Откуда же и какъ, спрашивается, онъ получаетъ ихъ? Было время, когда нѣкоторые изслѣдователи думали, что плодъ питается околоплодною жидкостью. И дъйствительно, какъ я уже упоминалъ, фактъ глотанія плодомъ околоплодной жидкости не подлежитъ сомнънію. Но чтобы жидкость эта составляла единственный питательный матеріалъ для плода, --- предположить это немыслимо: химическій анализъ показываетъ, что она содержитъ въ себъ ничтожныя количества ществъ, которыя могутъ служить для питанія плода. Очевидно, знапослъдній главную массу необходимыхъ ему питательныхъ веществъ получаетъ изъ какого-то другого источника. Изъ какого же? И чисто теоретическія заключенія, и прямыя наблюденія свидътельствуютъ, что этимъ источникомъ служитъ кровь матери: плодовая кровь, проходя по плацентъ, захватываетъ изъ материнской не только кислородъ, но и растворенныя въматеринской крови питательныя вещества, бълки, углеводы и соли. Одни изъ этихъ веществъ диффундируютъ черезъ оболочку ворсинокъ и стънку капилляровъ, другія, можетъ быть, переносятся изъ межворсинчатыхъ пространствъ въ капилляры ворсинокъ бълыми кровяными шариками, для которыхъ оболочка ворсинокъ и стънки волосныхъ сосудовъ не составляютъ препятствія.

И не только питательныя, но и всякія вообще вещества, растворенныя въ сывороткъ материнской крови, черезъ посредство плаценты переходятъ и въ кровь плода. Прямыя наблюденія свидътельствуютъ, что спиртъ, медикаменты, какъ салициловая кислота, хининъ, іодистый калій и пр., яды, какъ морфій, стрихнинъ и т. п., будучи приняты матерью, уже очень скоро появляются и въ организмъ внутриутробнаго ребенка.

Мало этого,---отъ матери къ плоду могутъ переходить, черезъ плаценту, и цълые организмы. Какъ извъстно, въ настоящее время доказано, что причиною многихъ болъзней. — такъ наз. инфекціонныхъ болъзней, - является проникновеніе въ организмъ человъка микроскопическихъ болъзнетворныхъ существъ, т. наз. микробовъ. Микробы эти, наводняя организмъ, выработываютъ въ своемъ тълъ ядовитыя вещества, т. наз. отравленіе которыми и токсины, проявляется въ формъ различныхъ болъзненныхъ припадковъ. И вотъ, изслъдованія новъйшаго времени не оставляютъ никакого сомнънія въ томъ, что какъ болъзнетворные микробы, такъ и выработываемые ими токсины могутъ переходить черезъ плаценту отъ матери къ плоду, вызывая у послъдняго ту же болъзнь, какою страдаетъ и мать. Если беременная заболъетъ оспой,--ребенокъ въ ея утробъ можетъ также заболъть оспой; то же самое доказано

относительно бугорчатки, тифа, гнилокровія, крупознаго воспаленія легкихъ и др. инфекціонныхъ болѣзней. Правда, плацента задерживаетъ при этомъ часть микробовъ и выработываемыхъ или токсиновъ, служитъ для нихъ какъ-бы фильтромъ, но совершенно помѣшать переходу болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ отъ матери къ плоду она не въ состояніи.

Такимъ образомъ, всъ данныя, которыя я до сихъ поръ сообщилъ, несомнънно доказываютъ, что, хотя во второй періодъ своего внутриутробнаго существованія плодъ и представляется болъе самостоятельнымъ, болѣе независимымъ отъ матери, однако de facto жизнь его продолжаетъ оставаться въ теснейшей связи и зависимости отъ жизненныхъ отправленій материнскаго организма. До самаго конца беременности онъ продолжаетъ получать организма матери все, что необходимо oro существо-ДЛЯ ванія, и то или иное состояніе организма беременной немедленно же отражается и на организмъ носимаго ею ребенка. Съ этой точки зрънія между плодомъ и матерью существуетъ такое же взаимное отношеніе, какое существуетъ между организмомъ взрослаго человъка и внъшнимъ міромъ; материнскій организмъ замъняетъ для внутриутробнаго плода весь внъшній міръ, и, какъ мы съ Вами не могли-бы существовать безъ окружающей насъ атмосферы, воды и пр., такъ и внутриутробный плодъ не можетъ жить, оставаясь внутри утробы матери, —если жизнь послѣдней угаснетъ. Чрезвычайно поучительные результаты въ этомъ отношеніи даетъ операція кесарскаго съченія на мертвыхъ. Какъ извъстно, еще въ древнемъ Римъ существовалъ законъ, предписывавшій, въ случаъ смерти беременной женщины, разсъкать ей животъ и матку съ цълью спасти находящагося въея утробъ ребенка. Операція эта практикуется и въ настоящее время, причемъ опытъ ея показываетъ, что, дабы извлечь ребенка въ подобныхъ случаяхъ съ признаками жизни, необходимо немедленное ея выполненіе: если съ момента смерти матери прошло больше 10, maximum 15-ти минутъ, —ребенокъ обыкновенно оказывается уже мертвымъ.

Изложенныя мною данныя позволяють отвътить и на тоть вопросъ, который былъ поставленъ въ началѣ нашей бесѣды, а именно, возможно-ли воздъйствовать на ребенка, съ цълью болъе совершеннаго развитія его организма, еще въ то время, когда онъ находится въ утробъ матери? Въ самомъ дълъ, если всъ главиъйшія отправленія утробнаго плода находятся въ тъсной зависимости отъ функцій материнскаго организма, если то или иное состояніе послъдняго немедленно же отражается на состояніи организма плода, то, очевидно, это воздъйствіе вполнъ возможно, но воздъйствіе не-непосредственное, а чрезъ средство организма матери: ставя последній въ те или иныя условія, мы тъмъ самымъ въ состояніи оказывать существенное вліяніе и на жизнь плода, на его развитіе. Посмотримъ же теперь, какія мъры должна примънять беременная, чтобы развитіе носимаго ею ребенка шло правильно, и чтобы онъ увидълъ свътъ вполнъ здоровымъ и развитымъ.

На первомъ планъ здъсь могутъ быть поставлены какъ, предохранительныя, профилактическія, такъ и чисто-лъчебныя мъры противъ различныхъ болъзней. Относительно инфекціонныхъ болѣзней мы уже видъли, что многія изъ нихъ могутъ передаваться отъ матери къ плоду, вызывая заболъваніе послъдняго, а иногда и смерть вслъдствіе пораженія организма ребенка микробами и выработываемыми ими ядовитыми веществами, токсинами. Помимо прямой передачи, инфекціонныя болъзни беременныхъ зачастую являются вредными, даже гибельными для плода и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, весьма многія изъ нихъ сопровождаются значительнымъ повышеніемъ t^0 , принадлежатъ числу т. наз. острыхъ лихорадочныхъ бользней. Уже одно это повышеніе to можеть гибельно подъйствовать на утробнаго ребенка, to котораго и при нормальныхъ условіяхъ бываетъ нѣсколько выше to тъла матери. Что это такъ, -- въ томъ легко убъдиться, выслушивая сердцебіеніе плода у лихорадящей беременной: оказывается, число сердцебіеній плода, при нормальныхъ 120 - 160 равняющееся условіяхъ ударовъ въ минуту, при повышеніи t⁰ у матери учащается соотвътственно степени повышенія; при значительной лихорадкъ оно становится настолько частымъ, что его нельзя сосчитать, а очень высокая лихорадка сопровождается обыкновенно смертью плода. Наконецъ, заразныя болъзни сплошь и рядомъ ведутъ за собою преждевременное прерываніе беременности, --- выкидышъ и преждевременные роды.

И не однъ заразныя болъзни, но и весьма многія другія заболъванія беременныхъ, особенно общія, вредно, даже гибельно отзываются на жизни и здоровь в плода. Если у беременной существуетъ, напр, малокровіе, то материнская бъдная вообще въ этомъ случаъ кислородомъ, приноситъ лишь недостаточныя количества этого газа въ плаценту, а отсюда и плодъ не получаетъ нужнаго ему количества кислорода, что не можетъ не отзываться на его благосостояніи. Если беременная страдаетъ порокомъ сердца, — нормальная циркуляція крови у ней нарушается; нарушается и кровеобращеніе въ маткъ, а слъдовательно, и въ плацентъ,--артеріальная кровь не успъваетъ въ достаточномъ количествъ притекать въ межворсинчатыя пространства плаценты, а венозная-съ достаточной скоростью уноситься отсюда: въ

результатъ получается опять-таки недостаточное снабженіе плода кислородомъ и освобожденіе его крови отъ вредной углекислоты. Если у беременной существуютъ заболъваванія легкихъ, то венозная кровь ея недостаточно окисляется въ легочныхъ сосудахъ, приноситъ во всъ органы, въ томъ числъ и въ матку съ плацентой, недостаточныя количества кислорода, а это ведетъ для плода къ тъмъ же неблагопріятнымъ послъдствіямъ, какъ и только что указанныя. Если беременная страдаетъ болъзнями почекъ, то послъднія не въ состояніи бывають своевреособождать ея организмъ менно отъ вредныхъ продуктовъ обмѣна веществъ, обычно выводимыхъ съ мочею; продукты эти, накопляясь въ организмъ беременной, производятъ на него отравляющее дъйствіе, а вмъстъ съ тъмъ, передаваясь плоду, производятъ вредное дъйствіе и на его организмъ. Однимъ словомъ, нътъ такой общей болъзни матери, отъ которой-бы не страдалъ въ значительной мъръ и носимый ею въ утробъ ребенокъ.

Изъ мъстныхъ бользией особенвредное вліяніе на развитіе плода оказываютъ, разумъется, т. наз. женскія болъзни, т. е. болъзни половыхъ частей, особенно матки. Въ чемъ лежитъ причина такого вліянія, -- это, я думаю, не нуждается въ поясненіяхъ: какъ на дурпочвъ растенія выростаютъ чахлыми, слабыми, такъ и въ маткъ, пораженной, напр., хроническимъ воспаленіемъ слизистой оболочки, плодное яйцо и зародышъ развиваются ненормально, а зачастую и состояніи бывають вовсе не въ

развиваться.

Такимъ образомъ огромное большинство бользней крайне вредно вліяетъ на здоровье и жизнь внутриутробнаго плода. Если же этотакъ, то первой заботой беременной, въ интересахъ носимаго ею ребенка, должно-быть остерегаться всякихъ заболъваній. Лучше всего эта цъль

достигается выполненіемъ тъхъ профилактическихъ мфропріятій, которыя рекомендуются врачебной наукой. Такъ, чтобы избъгнуть инфекціонныхъ заболтваній, беременная должна остерегаться всякихъ источниковъ зараженія, — держать подальше отъ заразныхъ больныхъ, избъгать зараженныхъ помъщеній и пр. Если же женщина, несмотря на всѣ предосторожности, получитъ все таки, во время беременности, какую нибудь бользнь, или забеременветь. будучи уже больною, — она должна искать разумной врачебной помощи, и чъмъ скоръе, тъмъ лучше и для нея, и для носимаго ею ребенка. Значительное большинство ныхъ методовъ, будутъ-ли то методы лъкарственнаго лъченія, или какіе-либо другіе, могутъ быть примъняемы у беременныхъ не только безъ вреда для плода, а, напротивъ, —съ прямою пользою для него. Не слъдуетъ, однако, забывать, что существуетъ за то много и такихъ способовъ лъченія, которые безусловно не могутъ быть примъняемы во время беременности, въ виду опасности, которою они грозять плоду; укажу, напр., на массажъ матки, на электризацію ея, на примъненіе влагалищныхъ спринцеваній слишкомъ высокой to, въ нъкоторыхъ случаяхъ —на примъненіе большихъ дозъ хинина и пр. Разобрать, какіе способы лъченія могутъ быть примънены у беременной и какіе—нътъ, въ состояніи лишь научно образованный врачъ. Отсюда — беременная женщина должна особенно остерегаться искать врачебной помощи у лицъ, не владъющихъ медицинскимъ образованіемъ, у разныхъ самозванныхъ цълителей, лъченіе которыхъ время беременности особенно легко можетъ причинить непоправимый вредъ.

Но не только больныя женщины, а и вполнъ здоровыя во время беременности должны принимать извъстныя мъры, если желаютъ, чтобы ихъ дъти родились кръпкими, впол-

нъ развитыми; всякая беременная, въ интересахъ носимаго ею ребенка, должна соблюдать извъстный режимъ, несоблюденіе котораго можетъ вести къ очень печальнымъ послъдствіямъ. Въ чемъ же, спрашивается, долженъ состоять этотъ режимъ?

Прежде всего беременная должна избъгать всякихъ чрезмърныхъ напряженій, какъумс твенныхъ, такъ и особенно физическимъ, — тяжелыхъ работъ, поднятія и ношенія тяжестей, продолжительной взды въ тряскихъ экипажахъ, верховой ъзды, танцевъ и пр. Французскіе акушеры недавно опубликовали рядъ чрезвычайно поучительныхъ, въ этомъ отношеніи, данныхъ, касающихся работницъ на Парижскихъ фабрикахъ. Оказалось, что у работницъ, которыя до конца беременности не прерывали своихъ занятій на фабрикахъ, беременность прерывалась родами раньше, чемъ у техъ, которыя въ послъдніе мъсяцы беременности пользовались отдыхомъ; вмѣсть съ тьмъ средній въсъ новорожденныхъ у первыхъ оказался гораздо меньше, чъмъ у вторыхъ. Фактъ этотъ, установленный на огромномъ матеріалъ, не нуждается, я думаю, ни въ какихъ комментаріяхъ.

Требуя, чтобы беременная интересахъ плода воздерживалась отъ тяжелыхъ работъ, усиленныхъ движеній и т. п., я отнюдь не хочу сказать. что она должна вести собездъятельный вершенно образъ жизни, постоянно сидъть или лежать въ комнатахъ, избъгать всякаго движенія на открытомъ воздухъ и пр. Напротивъ, умъренная работа беременной и ежедневное движеніе на открытомъ воздухъ прямо только не вредны, а полезны для носимаго ею плода. почему и должны входить въ обябеременныхъ. режимъ зательный Всякому извъстно, какое благодътельное вліяніе оказываетъ моціонъ на открытомъ воздухѣ на правильную циркуляцію и окисленіе крови, а правильная циркуляція материнской крови, достаточное снабженіе ея кислородомъ и быстрое освобожденіе отъ углекислоты составляють, какъ мы уже видъли, необходимыя условія для правильнаго кровообращенія и газообміна и у плода. По этой же причинъ беременная должна избъгать пребыванія помъщеніяхъ съ испорченнымъ, спертымъ воздухомъ, какими зачастую являются мъста нашихъ общественныхъ собраній, — театры, танцевальныя залы и пр, -- должна спать въ хорошо провътриваемой спальнъ и т. п. Наконецъ, по этой же причинъ беременная должна избъгать въ своей одеждъ всего, что стъсняетъ свободное дыханіе, препятствуетъ свободнымъ размахамъ грудной клътки и грудобрюшной преграды, каковы корсеты, тугіе лифы, тугія завязки и пр.

Стъсняя свободное дыханіе, послъдніе вредны еще въ томъ отношеніи, что они препятствуютъ свободному оттоку венозной крови изъ нижней части туловища въ грудную клътку, гдъ лежитъ сердце; вслъдствіе этого венозная кровь, обильная углекисзастаивается въ органахъ живота, въ томъ числъ и въ маткъ, а это сейчасъ же отражается на правильномъ газообмънъ у плода. Вообще одежда у беременныхъ, будучи достаточно теплою, должна быть по возможности свободною и просторною, чтобы она не стъсняла ни дыханія матери, ни кровообращенія, ни движенія плода. Впрочемъ, и чрезмърная подвижность плода, имъющая иногда мъсто въ концъ беременности, когда растянутые брюшные покровы не даютъ достаточной поддержки для матки,--имъетъ свои невыгодныя стороны: плодъ, передвигаясь, можетъ принять неправильное положеніе, можетъ запутаться въ пуповинъ своею шейкой, можетъ проскользнуть въ петлю пуповины, такъ что послъдняя образуетъ настоящій узелъ и пр. Во избъжание этого, беременнымъ рекомендуется въ послъдніе мъсяцы беременности непремънно носить на животъ бинтъ, лучше всего вязанный.

Заговоривъ объ одеждъ беременныхъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ важномъ условіи, которому она должна удовлетворять: необходимо, чтобы одежда, давая достаточную защиту тъла отъ холода, въ то же время не мъшала функціямъ кожи, кожной испаринъ. Дъло въ томъ, что путемъ кожной испарины удаляются многія вещества, которыя, скопляясь въ организмѣ, производятъ на него ядовитое, отравляющее дъйствіе. Наша кожа, въ этомъ отношеніи, дъйствуетъ, какъ почки. У беременной вещества эти, накопляясь въ крови, дъйствуютъ вредно не только на организмъ матери, но и на организмъ плода, въ кровь котораго они переплацентъ. ходятъ въ Отсюда-то беременная, въ интересахъ не только своихъ, но и своего ребенка, должна тщательно заботиться о правильномъ функціонированіи своей кожи. Кромъвыбора соотвътственной одежды, она должна слъдить, чтобы ея кожа была всегда чиста, поры послъдней не закупоривались грязью, отдълимымъ кожныхъ железъ и т. п. Лучшимъ средствомъ поддерживать чистоту кожи являются теплыя, — въ 28°, — ванны, которыя беременная и должна регулярно брать 1—2 раза въ недълю. Ванны эти полезны еще въ томъ отношеніи, что оказываютъ превосходное вліяніе на кровеобращеніе въ организмъ матери, а слъдовательнои плода.

Мнѣ остается еще сказать о питаніи беременныхъ. Излишне доказывать, что беременная женщина нуждается въ большихъ количествахъ питательнаго матеріала, чѣмъ небеременная, такъ какъ они нужны не только ей, но и зародышу. Отсюда пища беременной должна быть достаточна по количеству. Но этого мало,—она должна быть, да-

лъе, питательной, удобосваримой и удобоусвояемой. Непитательная, т. е. содержащая мало бълковъ, пиша даетъ слишкомъ мало матеріала, необходимаго для постройки зародыша и для поддержанія жизненныхъ процессовъ въ его организмъ на достаточной высотъ. Неудобоваримая пища проходить черезъ желудочно-кишечный каналъ беременной, давая массу не всасывающихся остатковъ. Остатки эти, скопившись въ толстыхъ кишкахъ беременной, подъ вліяніемъ находящихся здъсь микробовъ подвергаются процессамъ, аналогичнымъ гніенію и броженію. Результатомъ этихъ процессовъ является образование въ кишечникъ значительнаго ства веществъ, которыя, попадая изъ кишекъ въ кровь, производятъ отравляющее дъйствіе на организмъ какъ матери, такъ и плода. Bo избъжаніе этого, — скажу кстати, -- одна изъ главныхъ заботъ беременной должна быть направлена на регулярное опорожнение ея кишечника... Наконецъ, пища беременныхъ должна быть такова, чтобы содержащіяся въ ней питательныя начала, всосавшись въ кровь соединяясь здёсь съ кислородомъ, окислялись или сгорали по возможности совершенно, ибо продукты неполнаго сгоранія, неполнаго окисленія питательныхъ веществъ опятьтаки являются вредными для организма матери, обусловливая его самоотравленіе, а затъмъ-и отравленіе плода. Всѣмъ указаннымъ требованіямъ лучше всего удовлетворяетъ молочная пища, которая и является наилучшею для беременныхъ, въ виду ея питательности. удобоваримости и удобоусвояемости.

Говоря о питаніи беременныхъ, съ точки зрѣнія интересовъ внутриутробнаго плода, не могу не упомянуть объ одномъ веществѣ, несправедливо пользующемся славою поддерживающаго питаніе,—я разумѣю алкоголь. Разрушительное дѣй-

стіе этого яда на организмъ извъстно всъмъ и каждому. Но особенно должны избъгать злоупотребленія имъ беременныя. Недавнія изслідованія *Nicloux* показали, что алкоголь, будучи введенъ въ организмъ беременной, переходитъ, не измъняясь, и въ организмъ плода. Та-. кимъ образомъ, если мать злоупотребляетъ алкоголемъ, ея ребенокъ еще до рожденія дълается алкоголикомъ, злоупотребленіе беременной алкоголемъ влечетъ для плода всъ тъ вредныя послъдствія, какія неизбѣжно ведетъ за собою хроническое отравление этимъ ядомъ. То же самое весьма въроятно по отношенію къ табаку, морфію и др. наркотикамъ.

На этомъ я оканчиваю статью. Прошу читателей и читательницъ не сътовать, что я сообщилъ ней, быть можетъ, слишкомъ мало данныхъ, имъющихъ практическое значеніе: не слѣдуетъ забывать, что вопросъ, затронутый нами, только еще началъ разработываться научно. При всемъ томъ, во Франціи, гд незначительный о/о прироста населенія давно уже тревожитъ умы патріотовъ, этотъ вопросъ, едва народившись, успълъ привлечь къ себъ такое вниманіе, что и въ печати, и въ обществъ дамъ, все громче и громче раздаются голоса, требующіе спеціальныхъ законовъ, которыебы ограждали беременныхъ женщинъ въ интересахъ ихъ потомства, давали-бы возможность каждой беременной безъ помъхи выполнять режимъ, необходимый для правильнаго плода. Нельзя не пожелать, чтобы и мы скоръе дожили до чего-либо подобнаго, такъ какъ вопросъ, о которомъ я говорилъ, имъетъ не личное только и не семейное значеніе, --- это вопросъ первостепенной государственной важности; отъ ръшенія его въ значительной мфрф зависитъ жизнь здоровье будущихъ гражданъ нашей родины.

Кн. М. Волконская. Записки.—Paul Born. Compendium der Anatomie. — Ж. Дари. Электричество во всъхъ его примънсніяхъ.

Кн. М. Н. Волконская. Записки, съ предисловіемъ и приложеніями князя М. С. Волконскаго СПБ. 1904 г. Ц. 4 р.

Записки Княгини Маріи Николаевны Волконской являются существеннымъ дополненіемъ къ ранте вышедшимъ запискамъ ея мужа, князя Сергтя Григорьевича Волконскаго. Великолтино изданный томъ заключаетъ въ себт немногословный, но замтительный по своей простотт и выразительности разскязъ о ттать невзгодахъ и печаляхъ, которыя пришлось пережить автору "записокъ".

Дочь боевого генерала, М. Н. Раевскаго, девятнадцатильтней дъвушкой выпла замужъ за кн. Сергъя Григорьевича Волконскаго, скортъе послушная волть отца, чтыть по влеченію собственнаго сердца. Съ мужемъ она до свадьбы была очень мало знакома: нтысколько бъглыхъ встртъчь, помолвка и—свадьба. Все произошло быстро. Правда, о князть С. Г. она слышала много; блестящій офицеръ, онъ пгралъ видную роль среди аристократическаго общества; у него были встанныя для блестящей карьеры—знатность происхожденія, богатство, личныя достоинства и боевая слава. Но судьба судила пначе.

Едва повънчавшись, С. Г. отвезъ молодую жену въ Умань, гдъ стоялъ его полкъ.

Прошло всего три мъсяца послъ свадьбы, когда княгиня узнала и причину постоянной озабоченности мужа, и тъ роковыя думы, которыя были постоянно неразлучны съ нимъ.

Въ декабрьскомъ переворотъ князь Сергъй Григорьевичъ игралъ одну не изъ послъднихъ ролей. Заговоръ былъ открытъ, и въ числъ прочихъ членовъ южнаго общества арестованъ и князь Волконскій.

Наступають для молодой княгини минуты тяжелой неизвъстности, дни и мъсяцы ожиданія суда. Судъ, сибирь и каторга...

Арестанты были отправлены въ Нерчинскій заводъ; почти слѣдомъ за ними устремляются двѣ русскія женщины, мужья которыхъ были осуждены. Обѣ онѣ хорошо извѣстны русскому обществу какъ геронни Некрасовскихъ поэмъ. То были княгини Трубецкая и Волконская.

Покинувъ домъ и семью, Трубецкая отправилась въ Сибирь, презирая всв опасности долгаго и тяжелаго пути. Следомъ за ней последовала и Волконская. Отрекшись отъ всехъ благъ міра, не останавливаясь ни предъ запугиваніемъ, ни предъ увещаніями и угрозами, вплоть до потери правъ состоянія, она едеть въ Сибирь, чтобы облегчить участь мужа, вместе со своей подругою по несчастью. Обе эти замечательныя женщины являются, по выраженію поэта де-

кабриста князя А. И. Одоевскаго, "ангелами хранителями и утъщителями заключенныхъ".

Краткій разсказъ княгини развертываетъ предъ нами настоящую трагедію. Въ мрачной норъ, среди суровой обстановки сибирской, она застала мужа и его родныхъ. Прівздъ молодыхъ женщинъ принесъ имъ ту бодрость душевную, которая была такъ необходима узникамъ. Лишенные всякой возможности переписываться, живые духомъ, но вычеркнутые судьбою изъ списка живыхъ, онъ стоически переносили суровую обстановку нищеты, лишенія и всякого рода нравственныхъ оскорбленій.

Нужда была крайняя; она нередко доходила до того, что скудный обедь изъ супа и каши считался уже роскошью. — Ужинъ, за недостаткомъ средствъ, былъ отмененъ. Кусокъ чернаго хлеба и квасъ составляли обычное меню избалованныхъ роскошью девичьей жизни обепхъ княгинь. Но обе оне, верныя долгу любви, не унывали.

— "Я, — говорить въ запискахъ княгиня, --- мела полы, прибирала комнату и причесывала Катюшу *) и, увъряю васъ, что дъло въ нашемъ хозяйствъ шло лучше". Вспоминая тяжелыя дни, проведенные въ изгнанін, княгиня ппшеть: "Нашимъ любимымъ препровожденіемъ времени было сидіть на ками противъ тюрьмы; я отгуда разговаривала съ мужемъ и довольно громко, такъ какъ разстояніе было значительное". --Живя раздільно отъ мужей и видясь съ ними лишь только урывками, объ княгини не могли похвастаться особымъ любезнымъ обращениемъ тюремнаго начальства. "Однажды одипъ изъ солдать горнаго ведоиства, пишеть княгиня, счелъ своимъ долгомъ закричать на насъ и, не довольствуясь этимъ, ударилъ Катюшу кулакомъ".

Вся эта подобная кошмару тяжелая жизнь переносилась узниками и ихъ женами стончески. Ни тъни упрека, ни малодушныхъ сожалъній читатель не найдеть въ запискахъ внягини; только глубоко христіанское смиреніе, положившее печать скорби на страницы ея поучительныхъ записокъ.

Избавление мужа и его друзей отъ каторжнаго режима привътствуется ею въ "запискахъ просто такою отмъткой: "Господь быль милостивь къ намъ и дозволиль, чтобы насъ поселили въ окрестностяхъ Иргутска, въ столицъ восточной Сибири, въ Урпкъ, селъ довольно уныломъ. но со сноснымъ климатомъ. Конечно, все казалось хорошо, лишь-бы имътъ для дътей медицинскую помощь на случай надобности".

Здѣсь Волконскіе поселились въ простой крестьянской избѣ, которую дружески раздѣлилъ съ ними товарищъ по несчастью декабристъ В. П. Боджіо, характеристикѣ котораго была посвящена одна изъ лучшихъ статей покойнаго доктора Бѣлоголоваго.

Такъ тянулись дни изгнанья, вплоть до того момента, когда новое, освободительное царствованіе принесло забвеніе прошлому, и тяжелая кара, понесенная декабристами, смінилась полнымъ прощеніемъ. Въ свопхъ "Запискахъ" княгиня Волконская даетъ стильную и рельефную характеристику окружающимъ ея лицамъ, и страницы прошлаго оживаютъ подъ перомъ русской женщины, писавшей свои повъствованія не для печати. (Записки написаны для сына, по возвращенін Волконскихъ изъ Сибири, въ концѣ 50 головъ).

"Записки" велись по французски и теперь на языкъ оргинала онъ появляются въ свътъ: но при этомъ сынъ Маріи Николаевны, квязь М. С. Волконскій, явившійся издателемъ наъ. приложилъ къ книге прекрасный переводъ и цънные комментаріи. Изъ этихъ коментаріевъ впервые узнаемъ съ точностью, о чемъ глухо говорилъ въ примечании къ своей поэм' Некрасовъ. Узнается именно обстоятельство, что поэтъ непосредственно пользовался записками княгини, которыя ему любезно переводилъ ея сынъ и нынъшній ихъ издатель. Черта, очень цівнная для литературной характеристики Некрасова и его творчества, которое до сихъ поръ, къ нашему стыду, такъ мало еще изучено. Знаменитый поэть до сихъ поръ еще ждеть своего біографа, который бы осв'ятиль его духовную личность и собраль разнообразные скудные факты для его біографіи, которая въ тоже самое время явилась бы цінной страницей въ исторіи нашей общественности и литературы.

Время для такой исторіи, если еще не настало, то уже настаеть.

Ник. Н-въ.

^{*)} Княгиня Екатерина Сергъевна Трубецкая, урожденная графиня Лавалль.

Paul Born. Compendium der Anatomie. Ein Repetitorium der Anatomie, Histologie und Entwicklungsgeschichte. 1903 f. Leipzig. Preis 5 mark.

Въ нашей литературъ есть нъсколько обширныхъ руководствъ по Анатомін, есть также нъсколько, не выдерживающихъ критики конспектовъ, составленныхъ по темъ же руководствамъ, и совершенно нътъ удовлетворительныхъ "репетиторовъ", т. е. такихъ краткихъ курсовъ, которые содержали бы въ сжатомъ видъ правильныя свъдънія по анатоміи. Для влад'єющихъ сколько цибудь немецкимъ языкомъ можно смело рекомендовать репетиторіумъ Born'a, составленный весьма аккуратно по лучшимъ учебникамъ Анатомін, Гистологін и Эмбріологін. Пля каждаго студента, имъющаго хорошій Анатомическій атласъ, эта книжка можеть замънить общирное руководство. Въ немъ сообщены достаточныя сведенія изъ Эмбріологіи и общей Гистологіп, кром'є, того при наложеніи спеціальной анатоміи постоянно дълаются сровнительно-анатомическія указанія, выясняющія филогенетическое и онтогенетическое развитіе органа. Для естествен ника, довольствующагося въ настоящее время анатоміей Бурцева, предлагаемый Repetitorium является книгой гораздо болъе полезной, какъ по обширности матеріала, такъ по научномъ, такъ сказать философскомъ, изложенін его. Книга издана хорошо, им'ветъ 364 стр. въ 8-ю долю листа и стоитъ около 2 р. 50 коп. Господамъ издателямъ, заваливающимъ рынокъ всякимъ вздоромъ, можно было бы порекомендовать ознакомиться и издать эту книгу.

К. Яцута.

Ж. Дари. Электричество во всъхъ его примъненіяхъ.

Съ многоч. иллюстр. Пер. и дополнилъ К. И. Дебу. Цъна 2 р. 50 к. 1903 г. Среди множества общедоступныхъ книгъ и книжекъ, изданныхъ въ послъднее время по электротехникъ, настоящій трудъ невольно обращаетъ вниманіе дъйствительно удобопонятнымъ изложеніемъ, общирностью матеріала, обстоятельностью, многочисленными пояснительными рисунками и, наконецъ, полнотою. Въ книгъ читатель найдетъ описаніе самыхъ последних изобретеній въ области электротехники. Подробно разработаны главы о генераторахъ электричества, его примънении въ телефонахъ и телеграфахъ, указавы новъйшія системы последнихь, описаны системы электрическаго освъщенія и электролиза. Словомъ, бол ве или мен ве подробно и, во всякомъ отношении интересно, охвачены всъ обширныя отрасли электротехники, включая примънение электричества въ медицинъ, промышленности и сельскомъ хозяйствъ, наконепъ, даже въ военно-морскомъ деле (мины, подводныя лодки и пр.). При этомъ, при сличенін съ оригиналомъ, нельзя не отметить добросовъстности переводчика, значительно передълавилаго книгу и снабдившаго ее многами, липними противъ оригинала рисунками: въ оригиналѣ ихъ-370, а въ переводѣ 570.

Далъе, нъкоторыя главы, напр., I и ХХ, написаны совершенно наново, другія - переработаны. Въ виду современности, выделенъ въ отдъльную главу "Везпроволочный телеграфъ" (написанный также наново). Наконецъ, у Дари вездъ-только вившнее описаніе приборовъ и примъненій электричества, онъ нигдъ не касается принциповъ и научной стороны дъла, - переводчикъ же вездъ ставилъ на видъ именно последнее, не входя, однако, въ излишнія дебри науки и не стараясь, напр., выяснять сущности электрическаго тока, современных воззрѣній на электричество и пр., такъ какъ достаточно популярно изложить эти сбивчивыя и непрочно еще установившіяся понятія н'тъ возможности. Однако, вездъ, гдъ можно, тотъ же переводчикъ, для лучшаго уясненія діла, старался вводить аналогію съ гидростатическими явленіями, чтобы посредствомъ такихъ аналогій выяснить такія понятія, какъ-разность потенціаловъ, самонндукція и пр.

Значительно развита противъ оригинала и историческая часть разсматриваемаго труда; для телеграфа, телефона, электрическаго освъщенія дается подробная исторія развитія, причемъ особенное вниманіе оказывается русскимъ работамъ.

Въ общемъ, въ переводъ г. Дебу, трудъ Дари является, безспорно, интереснымъ и весьма полезнымъ для самобразованія. Съ внішней стороны изданъ онъ прекрасно. Цівна, принимая во вниманіе объемъ (430 стр. убористаго шрифта), не дорогая.

1'--83.

Физика.

Радіолктивность почвы. Еще въ прошломъ году работами нъмецкихъ ученыхъ Эльстера и Гейбеля доказано было, что воздухъ, выдъляющійся во многихъ мъстахъ изъ почвы, отличается явственно замътной радіоактивностью. Дальнъйшія изслъдованія показали, что радіоактивность почвы находится въ зависимости отъ ея состава. Такъ, напримъръ, глинистая почва на возвышенностяхъ Гарца, образовавшаяся черезъ выглинистыхъ вътриваніе сланцевъ. обладаетъ сильною радіоактивностью въ то время, какъ сами сланцы не обнаруживаютъ этого свойства. Отсюда нъмецкіе изслъдователи выводятъ, что радіоактивная эманація, находящаяся въ сланцахъ, освобождается и поступаетъ въ воздухъ лишь при вывътриваніи этой породы. Первоначальнымъ же источникомъ эманаціи Эльстеръ и Гейбель считаютъ радій, содержащійся въ большемъ или меньшемъ количествъ во всякой почвъ. "Твердая кора земного шара, — пишутъ упомянутые ученые, -- является источникомъ радіоактивной эманаціи, распространенной повсюду. Изъ почвы эманація безпрерывно переходитъ въ атмосферу, особенно при низкомъ барометрическомъ давленіи; кромъ того, она растворяется въ почвенныхъ водахъ, подземныхъ источникахъ, колодцахъ. Для возникновенія эманаціи достаточно допустить присутствіе въ почвъ самыхъ незначительныхъ слъдовъ радія; особенно въроятно присутствіе его въ глинистыхъ почвахъ. Нъкоторые факты, какъ, напримъръ, нахожденіе эманаціи въ теплыхъ источникахъ, указываютъ, повидимому на то, что содержаніе радія возрастаеть съ углубленіемъ въ почву". Упомянемъ еще, что проф. Пель, занимавшійся подобными же изслъдованіями, крылъ сильную радіоактивность почвы Царскаго Села.

Астрономія и Метеорологія.

Новыя измърснія "солнечной постоянной . Подъ "солнечной постоянной", какъ извъстно разумъютъ въ метеорологіи то количество тепла, которое солнце въ видъ лучистой энергіи посылаетъ на землю; его разсчитываютъ обыкновенно на 1 квадр. сантиметръвъ 1 минуту. Точное опредъленіе этой величины является для метеорологіи чрезвычайно важнымъ, такъ какъ лучистая энергія солнца представляетъ собой первый и единственный источникъ всъхъ атмосферныхъ явленій. Однако, до настоящаго времени, несмотря на самыя тщательныя изслъдованія не удавалось получить данныхъ, вполнъ сво-

бодныхъ отъ погръшностей: различные изслъдователи приходили къ результатамъ, не совсъмъ согласнымъ между собой. Пулье оцънивалъ "солнечную постоянную въ 1,7 малыхъ калорій (на кв. сант. въ минуту), Крова—2,3, Віоль—2,5, Савельевъ 2,6, Форбсъ-2,8, Ланглей-3-31/2. Данныя Ланглея до самаго послъдняго времени считались наиболъе близкими къ истинъ, такъ какъ этотъ изследователь приняль въ расчетъ такія погрѣшности, отъ которыхъ несвободны были работы его предшественниковъ. Надавно Ланглей вновь приступилъ къ опредъленію солнечной постоянной и послъ продолжительныхъ, тщательнымъ обрапроведенныхъ изслъдованій получилъ новую цифру—2,54, цѣлую калорію отличающуюся отъ прежнихъ данныхъ, принятыхъ всъми метеорологами. Чтобы дать представленіе о трудностяхъ, связанныхъ съ подобными работами, скажемъ лишь, что по мнънію Ланглея для опредъленія солнечной постоянной слъдовало бы соорудить спеціальную обсерваторію и посвятить цалые годы самымъ тщательнымъ наблюденіямъ.

Пыль и бактеріи въ верхнихъ слоях в атмосферы. Довольно обстоятельныя свъдънія по этому предмету собралъ мюнхенскій Карлъ Гарцъ во время одного изъ своихъ поднятій на воздушномъ шаръ. Въ общемъ, собранныя имъ данныя сводятся къ слъдующему. Для того чтобы попасть въ верхніе слои атмосферы, бактеріи нуждаются въ какомъ-нибудь носитель, къ которому онъ прикръпляются; сами же подыматься вверхъ онъ не могутъ. Такимъ носителемъ служитъ обыкновенно пыль, встръчающаяся, какъ извъстно, еще на довольно большой высоть надъ поверхностью земли. Пыль эта можетъ быть минеральнаго или органическаго происхожденія; въ последнемъ случае

она состоитъ изъживыхъ или мертмикроорганизмовъ или ихъ частей. Количество и форма, въ которой пыль эта находится въ атмосферъ, крайне разнообразны; неръдко она разсъяна въ видъ такъ наз. сухого тумана или облакоподобныхъ массъ. Огромныя массы пыли вносятся въ атмосферу вулканическими изверженіями (Кракатау), степными пожарами южной Россіи (слъды этой пыли открыты были въ Швеціи и даже еще съвернъе), хвойными лъсами въ эпоху цвътънія и т. д. Распредъленіе пыли также весьма различно въ разныхъ пунктахъ и на разныхъ высотахъ. Воздухъ на Риги, напримъръ, содержитъ въ 1 кб. сантиметръ отъ 500 до 6000 пылинокъ; въ большихъ городахъ содержаніе пыли въ такомъ же объемъ воздуха доходитъ до 200000 и даже до нъсколькихъ милліоновъ; каждый каменщикъ вдыхаетъ ежегодно до 335 граммовъ (почти ⁸/₄ фунта) пыли. Главными источниками бактерій, плавающихъ въ воздухъ, служатъ населенныя мъста, болота, кладбища и всякаго рода водные бассейны. Города, расположенные у ръкъ, занимаютъ въ этомъ отношеніи первое мъсто: въ одномъ миллиграммъ воздуха въ Фецъ было найдено болъе 18-ти милліоновъ бактерій. Здъсь интересно указать на то, какимъ могучимъ факторомъ является самоочищеніе текучихъ водъ: Сена у Парижа содержитъ въ куб. сантиметръ 26 милліоновъ бактерій, а немного ниже по теченію---вода уже совершенно чиста. Во время поднятія проф. Гарцъ взялъ 5 пробъ воздуха на высотахъ отъ 1500 до 2300 метровъ, и пробы эти подвергнуты были тщательному изследованію. Въ литръ (кб. дециметръ) воздуха найдено было отъ 1400 до 2000 бактерій, изъ которыхъ многія оказались спорами обыкновенныхъ плѣсневыхъ грибовъ.

Лисьмо въ Редакцію.

М. Г. Г. Редакторъ.

Выражая полную признательность за подробный и очень добросовъстный разборъ моей книги "Царь Іоаннъ Грозный", помъщенный въфевральской-мартовской книжкъ Вашего журнала, позволю себъ представить автору отзыва маленькія оговорки, конечно, исключительно фактическаго характера.

Упрекая меня въ томъ, что я въ романъ не особенно "считался съ достовърностью приводимыхъ мною фактовъ", — почтенный составитель отзыва, Д. Ол-чъ, не указалъ, какіе это именно факты изъ числа "недостовърныхъ" – приведены въ книгъ. Очень интересно, хотя-бы уже потому, что факты я бралъ у очень авторитетныхъ лицъ, или прямо изъ

первоисточниковъ.

Если у меня на страницахъ 72, 184 и 234-говорится о разныхъ качествахъ Іоанна, а въ описаніи осады Казани-упоминается о минутной трусости юнаго царя, такъ виноватъ не я, а исторія Грознаго, факты изъ его жизни, показываюшіе намъ этого человъка то отважнымъ покорителемъ Ливоніи, трусливымъ, жестокимъ деспотомъ. Что дълать? Такова жизнь! Одинъ и тотъ же человъкъ, особенно на протяженіи десятка лътъ жизни, становится порой совсъмъ неузнаваемъ.. Прежде, правда, писали романтическихъ героевъ одной розовой или черной краской. Но критики, -- увы! -- и тогда оставались недовольны.

Я, покоряясь духу времени, голосу истины и своему призванію, начертилъ Іоанна такимъ, какимъ создала его судьба, его въкъ и среда: разностороннимъ, неровнымъ, писалъ свътотънью.

Моему критику это не нравится? Что же я подълаю?.. Мой Грозный — настоящій, живой, измънчивый и прихотливый деспотъ XVI въка, а не герой романа. Если-же мнъ "не удалось спаять воедино, точно изъглыбы мрамора", — этотъ причудливый образъ, такъ я и не старался объ этомъ. Какимъ его создала жизнь, пусть такимъ и выходитъ онъ въ моемъ писаніи. Искусство возсозданія людей не должно переходить въ искусственность при пересозданіи ихъ по извъстному, узенькому трафарету.

Интриги въ романъ у меня нътъни одной. А если я описывалъ кой-какія интриги бояръ, то дълалъ это также безпристрастно, тъмъ же краткимъ языкомъ, какъ лътописецъ, составитель "Царственной Книги", откуда почерпнулъ я почти весь мате-

ріалъ моей хроники.

Вопросъ: кто былъ правъ; — Иванъ или бояре, — я не только пытаюсь ръшить, но прямо ръшаю: объ сто-

роны неправы.

Но Иванъ одолълъ потому, что за него стоялъ народъ, помнившій и понимавшій, что бояре—насильники и издавніе враги народа... А Иванъ, если и дълалъ промахи, то можетъ одуматься и послужить на благо народу и Руси.

Что догадка о "страшилахъ", ко-

ими запугали Ивана Сильвестръ и Адашевъ,— чтобы взять юношу въ свои руки,—не относятся къ области вымысловъ, а la Габоріо, укажу на другой, исторически-установленный, совершенно сходный съ этимъ случай.

Хитрая придворная клика, желая овладъть волей Фридриха-Вильгельма IV-го, при помощи оптическихъ зеркалъ показывала ему покойниковъ и т. д. Планъ этотъ, осуществленный въ началъ XVII в., подтверждаетъ, что и сто лътъ тому назадъ умные люди, желая исправитъ юнаго Ивана, могли прибъгнуть къ знакомой имъ хитрой выдумкъ, къ волшебному фонарю. Контекстъ, на основаніи котораго я дълаю свой выводъ, приложенъ къ хроникъ, въ примъчаніи.

Свидътели, бывшіе по сосъдству во время убіенія царевича Грознымъ, —пишутъ (иностранцы и русскіе): "Царь засталъ сноху въ одной сорочкъ, даже безъ пояса. Царевичъ, прибъжавшій на крикъ жены, укорялъ отца, поминая, что уже "двухъ женъ отнялъ онъ у сына".

А исторія съ Ириной, происходившая спустя много лѣтъ, чуть ли не за два дня до смерти Ивана Грознаго, исторія, всѣми признаваемая, —даетъ право угадать поводъ и причину ссоры отца съ сыномъ, и во время вышеупомянутой встрѣчи царя съ его молодой, красивой, полураздѣтой снохою.

Теперь — послѣднее. Критикъ, замъчаетъ: "г. Жданову неизвъстны даже изслѣдованія Лихачева, вышедшіе въ 1903 г."

А вотъ критикъ мой не знаетъ, очевидно, трудовъ популярнаго историка, К. Валишевскаго, изданныхъ подъ заглавіемъ "Ivan le Terrible."

Вся эта книга, въ 40 печ. листов.ъ очень хорошо принятая русской серьезной критикой, отчетливо потверждаетъ именно тъ мои взляды на Ивана, какіе показались особенно-неосновательными Д. Ол-чу

На страницахъ моей хроники (стр. 60, 68, 72, 75, 90, 92, 93, 130, 164, 178, 179, 187, 54, 69, 194, 206, 234, 91, 58, 63, 65, 91, 244, 35, 36, 37, 42, 242, и 243) говорится о попыткахъ Ивана создать "новую Русь", близкую по духу кънынашней, при чемъ опричнина, и тогда бывшая неудачнымъ институтомъ, возродилась въ неменъе вредномъ бюрократизмъ. Говорится о Петръ, какъ прямомъ преемникъ завътовъ Ивана. Объясняется наростаніе жестокости въ Иванъ и его въчная связь съ народомъ, съ землей, несмотря, даже вопреки жестокостямъ царя.

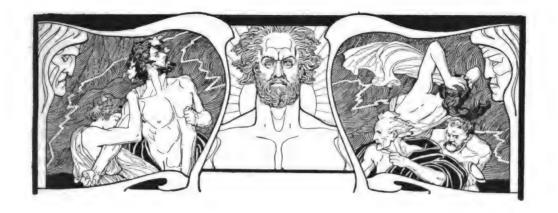
Иванъ казнилъ строптивыхъ бояръ и новгородцевъ, но не всю землю. И это спасло ему тронъ, спасло его память въ устахъ народа. Два земскихъ собора — два въчныхъ памятника Грозному.

Дальше, Валишевскій, какъ и я, указываетъ на государственную мудрость Ивана, на то, что его недостатки—были въ "духъ времени". Приводитъ тъхъ-же западныхъ "деспотовъ", творцовъ монархіи, каковы Людовикъ XI и др.

Словомъ, серьезная исторія и моя хроника,— совершенно сходны не только по приводимымъ фактамъ, но и по выводамъ. Разница—только въ манеръ выражаться, въ языкъ, въ пріемахъ изображенія. Я рисую, Валишевскій анатомируетъ и потомъ чертитъ схемы.

Примите и прочее .*Левъ Ждановъ*.

БІОЛОГИЧЕСКІЕ ЗЯКОНЫ Ѿ

-® РАЗВИТІЯ КУЛЬТУРЫ.

Людвига Вольтмана.

1. Органическое начало соціальной жизни.

Человъкъ—созданіе органическаго міра. Поэтому и въ соціальной, и интеллектуальной исторіи его должны проявляться основные физіологическіе законы универсальныхъ жизненныхъ процессовъ. Органическій человъкъ въ томъ видъ, въ какомъ мы познаемъ его естественно-научныхъ изслъдованій его физической и психической структуры и дъеспособности, въ цессъ сотрудничества съ ему подобными существами и внъшней природой, является носителемъ и творцомъ всъхъ актовъ общественнаго и интеллектуальнаго характера, ибо всемірная исторія есть только часть органической исторіи развитія" *).

Уже давно философское умозръніе, догадываясь о связи между органическимъ и духовнымъ міромъ, начало сравнивать общественную и

политическую жизнь со стросніемъ и развитіемъ органическихъ формъ. Платонъ сравнивалъ государство съ душою и пытался изъ внутреннихъ законовъ личности и составляющихъ ее силъ вывести сущность и составъ государства. Новъйшая, такъ называемая "органическая" соціологія, въ соотвътствіи съ болъе реалистическимъ направленіемъ своимъ, для сравненія беретъ уже ростъ и отправленія тълеснаго организма. Эта теорія, безъ сомнънія, имъетъ нъкоторый raison d'être, такъ какъ общество дъйствительно есть организмъ, но въ то же время оно есть болъе, чъмъ организмъ: какъ реальная жизненная единица, оно есть своеобразная надъ-органическая форма. Общество можно уподобить организму постольку, по скольку люди-организмы подчиняются тъмъ же законамъ, какъ и клътки въ организмъ, и если мы прослъдимъвсю совокупность общественной жизни вплоть до ея первоисточниковъ, то обнаружится, что и животное, и человъческое общежитіе въ послѣднемъ счетъ физіологическій продуктъ организ-

^{*)} E. Haeckel, Ziele und Wege der heutigen Entvickelungslehre 1875 S. 87.

ма по росту и размноженію, дифференцировавшійся въ типъ межъорганической и надъ-органической формы жизни.

эволюціонно - историческую связь между организмомъ и обществомъ указываетъ то обстоятельство, что на низшихъ ступеняхъ жизни оба еще не ръзко ограничены другъ отъ друга. Напримъръ, у жгутиковыхъ органически связаны другъ съ другомъ отдъльныя клъточки, а у трубчатниковъ-многочисленные самостоятельные индивиды. Они составляютъ въ одно и то же время и общество, и низмъ. Такая жизненная форма повторяется временно и высшими животными въ зародышевомъ состояніи и въ продолженіи эмбріональнаго существованія. На болъе высокой ступени развитія животный организмъ состоитъ изъочень сложнаго комплекса клътокъ, или элементарныхъ организмовъ. Онъ происходитъ отъ оплодотворенной зародышевой клътки, которая, путемъ безпрерывнагодъленія, размножается до тъхъ поръ, въ массовомъ количествъ, пока организмъ не приметъ своей развитой формы и не станетъ, въ періодъ зрълости и размноженія, отдълять изъ себя группы клътокъ новаго организма. Между клътками наблюдается извъстное, количественное и качественное дъленіе труда, такъ что нѣкоторое количество однородно - дифференцированныхъ клътокъ исполняетъ одну и ту же функцію. Отдъльныя клътки образуютъ ассоціацію, въ которой существуетъ извѣстное взаимное соотношеніе частей. Нервные органы въ отношеніи правильнаго отправленія функцій зависять отъ кишечныхъ органовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, отъ первыхъ. Измъненія, происходящія въ одной системъ органовъ, обыкновенно вызываютъ измъненія въ другой. Совершенствованіе одной части неръдко бываетъ связано съ регрессомъ другой.

Отдъльныя системы органовъ имъютъ неодинаковое значение для жизни организма. Существуетъ нѣкоторое соподчинение частей въ томъ смыслъ, что нервная система, частности головной мозгъ. представляется важнъйшимъ жизненнымъ органомъ. Въ мозгу сосредоточиваются всѣ импульсы и цѣли жизни. Отсюда исходитъ импульсъ къ развитію и структуръ другихъ органовъ. Но ростъ организма, дъленіе труда, соотношеніе и централизація отправленій происходять не такъ, какъ въ хорошо промасленной машинъ; напротивъ, наблюдается своеобразная "борьба частей организмъ", по выраженію В. Py, борьба химическихъ формъ сродства, борьба клътокъ, тканей и органовъ, между которыми совершается такой же естественный отборъ, какъ и между самими организмами. Всв эти отношенія въсвою очередь опредъляются доминирующимъ предназначеніемъ цълаго, которое и сообщаетъ организму его характеристическій отпечатокъ, въ отличіе отъ формъ неорганическихъ.

Генетическая аналогія между организмомъ и обществомъ, "соціальнымъ организмомъ", въ которомъ дъйствуютъ такіе же біологическіе законы какъ и въ организмъ, существуетъ въ дъйствительности.

Ростъ общества беретъ свое начало отъ нъкоторой пары человъческихъ особей, образующей вмъстъ съ дътьми, внуками, родными и потомками уже самостоятельную соціальную единицу. Увеличиваясь, она начинаетъ выдълять изъ себя новыя отдъльныя группы, которыя въ другомъ мъстъ порождаютъ посоціальную добную же форму. Образованіе братственныхъ племенъ, колоній, есть выраженіе такого разростанія общества. Въ самомъ примитивномъ человъческомъ обществъ наблюдается дъленіе труда между мужчиной и женщиной, между родителями и дътьми, между сильными и слабыми, умными и глупыми,

на почвъ естественнаго различія дарованій и дъеспособности. Дъленіе труда, въ болъе развитыхъ обществахъ приводящее къ образованію кастъ и сословій, весьма благопріятствуетъ образованію и развитію разновидностей и вслъдствіе того становится орудіемъ соціальнаго и интеллектуальнаго прогресса. Между отдъльными частями общества существуетъ нѣкоторое взаимодъйствіе въ томъ смысль, что одна группа не можетъ обходиться безъ другой, -существуетъ нъкотообмѣнъ услугами, которыя полезны обоюдно. Устанавливается и нъкоторая іерархія группъ и лицъ, гегемонія отца въ семействъ, военачальника въ ордъ, аристократіи въ феодальномъ государствъ.

Соціальная дифференціація занятій приводитъ къ антагонизму потребностей и интересовъ. Возникаетъ внутренняя соціальная борьба, которая явно или тайно принимаетъ форму войны, экономической или идейной, борьба за жилище, пищу, за женщину, за должность, за власть, за славу и—истину. Но несмотря на внутреннія разногласія и усобицы, общество представляется извив какъ замкнутое и солидарное въ себъ цълое, которое въ антагонистическомъ или гармоническомъ взаимодъйствіи съ другими соціальными формами соединяетъ всъ свои разрозненныя силы и части въ цъляхъ самосохраненія.

Но далѣе такой универсальнобіологической закономѣрности не должна заходить аналогія между органической и соціальной жизнью, чтобы не обратиться въ абсурдъ. Нѣкоторые представители органической соціологіи, напр. Шеффле, Лиліенфельдъ и Р. Вормсъ, развили аналогію до мельчайшихъ деталей, такъ что нерѣдко доходятъ до смѣшного и комическаго и благодаря этому жестоко скомпрометировали совершенно законные и необходимые элементы этой теоріи. Нелѣпа, напр., попытка Шеффле провести аналогію между волосами, ногтями и шипами, покрывающими тѣло въ видахъ защиты, и между стѣнами, палисадами и другими сооруженіями крѣпостей; нелѣпа и попытка Вормса сравнить движеніе кровяныхъ шариковъ въ потокѣ крови съ функціями торговцовъ, разносящихъ пищевыя средства въ составѣ общества, или уподобить проселочныя дороги и рельсовые пути кровеноснымъ сосудамъ.

Универсальный принципъ, одинаково подчиняющій себъ и организмъ, и общество, есть принципъ организаціи, сущность которой зауказанныхъ выше ключается въ основныхъ законахъ. Общество нельзя именовать прямо организмомъ, но можно характеризовать физіологически, отмъчая, что оно организовано. Отдъльно взятый человъкъ, правда, есть органическій элементъ общества ивъ этомъ смыслъ можетъ быть сравненъ съ клъткой организма, но въ то же время онъ есть болье, чъмъ клътка, и нъчто отличное отъ клътки въ томъ смыслъ, что между индивидами существуютъ своебразныя соотношенія, которыхъ не наблюдаемъ между клътками организма, и которыя возникаютъ изъ дъйствія многихь организмовъ.

Физіологическая основа соціальной жизни, состоящая въ специфическомъ соотношеніи многихъ организмовъ, есть ни что иное, какъ раса. Лишь этимъ понятіемъ вполнъ уясняется и постановка, и разръшеніе проблемы, смутно носившейся передъ духовными очами изслъдователей, которые искали реальнаго сходства между организмомъ и обществомъ.

"Органическая" соціологія не удовлетворяєть насъ. Напротивъ, соціологія должна быть біологической, другими словами, она должна объяснять общественныя явленія и перемѣны тѣми законами, которые результирують изъ физіологическаго сожитія многихъ организмовъ во времени и пространствѣ; она

должна мыслить расу и общество закономърной взаимной въ ихъ связи и понимать "расовый" процессъ, какъ естественную основу "соціальнаго" процесса, такъ что измъненія, приспособленіе, отборъ, происходящіе въ обществъ, можно было бы свести къ тождественнымъ физіологическимъ процессамъ, совершающимся въ расъ. Но поскольку общество есть жизненный феноменъ, свойственный въ равной мъръ многимъ расамъ и животнымъ, надо принимать въ разсчетъ и тъ антропологическіе законы и причины, которые результируютъ изъ специфической природы человъка, если хотимъ научно и всесторонне освътить жизнь и исторію общественныхъ формъ человъка.

2. Градаціи въ общежитіи животныхъ.

Если структура и планъ человъческаго тъла будутъ намъ понятны лишь въ томъ случать, если начнемъ слъдить за ходомъ развитія его отъ самыхъ первыхъ зачатковъ организма, то и общественную структуру мы поймемъ лишь тогда, если вскроемъ самыя первичныя зародышевыя проявленія соціальныхъ отношеній въ ихъ развитіи, вплоть до сложнъйшихъ формъ. Древнъйшая исторія соціальныхъ связей и инстинктовъ обнимаетъ собою и наиболтье отдаленныя примитивныя стадіи органической жизни.

На самой низкой изъ извъстныхъ ступеней развитія органическихъ видовъ мы находимъ одноклъточные организмы съ болъе или менъе дифференцированнымъ строеніемъ. Они живутъ изолированно или образуютъ общежитіе, которое можно принять за простъйшую форму органическаго обобществленія. Нъкоторые жгутиковыя образуютъ небольшой животный "стебелекъ", или же нъсколько животныхъ особей располагаются сообща на одномъ стволъ. Такое соединеніе элементарныхъ

клътокъ находимъ мы также у нъкоторыхъ водорослей, напр., у volvocineae, которыя образують клѣточныя колоніи и полые шары вслъдствіе того, что при многократномъ дъленіи онъ не отдъляются одна отъ другой, а остаются другъ возлъ друга. Благодаря же тому, что въ этихъ "клъточныхъ ордахъ", какъ называеть ихъ Геккель, возникаетъ дифференціація и дъленіе между отдъльными клътками, -- появляются и болъе развитые организмы полиповъ и губокъ. Трубчатники образують колоніи, которыя состоятъ изъ отдъльныхъ животныхъ, установившихъ въ своей средъ обширное дъленіе труда. На одномъ общемъ стволъ находимъ мы и плавающихъ колокольчатыхъ повъ, и полиповъ-кормильцевъ, и ловцовъ, и осязательныя нити, и полиповъ, -- размножителей, такъ что у нъкоторыхъ видовъ отдъльныя животныя почти совершенно утратили свой морфологическій характеръ. — и вся колонія производить впечатлівніе единаго компактнаго организма.

Въ другихъ классахъ животнаго царства, у червей и моллюсковъ, встръчаемъ уже меньше примъровъ обобществленія, тогда какъ у членистоногихъ находимъ высоко развитое общежите. Въ то время, какъ въ колоніяхъ сохраняется прямое органическое единеніе, такъ какъ особи при размноженіи не отдъляются другъ отъ друга, у членистоногихъ сожительство регулируется психическими моментами, порою весьма сложнаго характера. У пчелъ, муравьевъ и осъ существуетъ высоко-дифференцированное общежитіе, которое регулируется не толькоинстинктомъ, но до извъстной степени также и разумомъ, хотя и чувственно-ограниченныхъ, и въ которомъ господствуетъ многообразное расчлененіе и дъленіе труда. У рыбъ образуются стаи, которыя дълаются особенно замътными въ періоды пробужденія половой жизни и кочеваній. Нъкоторые виды образуютъ

странствующія общины въ формъ клиньевъ; у другихъ обособляются самцы и самки, причемъ одни плывутъ въ верхнихъ слояхъ воды, а другіе въ нижнихъ, наконецъ, у третьихъ "икряныя, особи (самки) плывутъ впереди "молочныхъ" (самцовъ). Земноводныя объединяются лишь подъ вліяніемъ однообразной мъстности, а невъ силук. л. взаимной склонности болъе или менъе длительнаго характера; удовлетворивъ половую потребность, они перестаютъ интересоваться другъ другомъ. По Брэму, пресмыкающіяся не вступаютъ въ дружественныя сношенія ни съ представителями собственнаго класса, ни съ другими животными вообще; въ лучшемъ случав удается лишь добиться того, что они перестаютъ пугаться другихъ существъ или начинаютъ относиться къ нимъ равнодушно.

Многіе виды птицъ, закончивъ процессъ насиживанія яицъ, начинаютъ кочевать, собираясь для этого въ большія стаи и колонны; другія живутъ попарно въ супружескомъ общеніи, не разставаясь съ подрастающими дътенышами птенцами; наконецъ, третьи вступаютъ другъ съ другомъ въ общеніе ради самозащиты. Многія воробьиныя принадлежатъ къ числу весьма общительныхъ животныхъ, одиночки встръчаются ръдко, а отдъльными парами онъ живутълишь въ періоды насиживанія, но въ другіе мъсяцы года ихъ пары и семейства соединяются въ отряды, отряды-въ стаи, а стаи неръдко выростаютъ въ настоящія полчища. Умнъйшая птицъ печется о благосостояніи всей стаи; ея приказанія исполняются прочими членами стаи, и ея примъру подражаютъ остальныя. *) Краснокрылые гуси (фламинго) всегда живутъ большими стаями; при отыскиваніи корма многіе изъ болѣе старыхъ птицъ стоятъ на часахъ и предупреждаютъ стаю о приближающейся опасности *). Ластоногія помогаютъ другъ другу при ловлѣ рыбы, но не защищаются сообща отъ непріятелей подобно дельфинамъ, у которыхъ наблюдается единодушіе и солидарность въ попеченіи объ отдѣльныхъ членахъ стаи **).

Млекопитающія вообще отличаются большою общительностью. "Во многихъ крупныхъ общежитіяхъ", пишетъ Брэмъ, --- "наиболъе даровитый членъ пріобрътаетъ главенство и, наконецъ, добивается безусловнаго послушанія. Между жвачными такого почетнаго положенія достигаютъ обыкновенно старыя самки, особенно бездътныя. У другихъ общительныхъ животныхъ, напр., у обезьянъ, вождями становятся самцы, притомълишь послъупорной борьбы съ соперниками, изъ которой они выходять побъдителями, страшными для всѣхъ; здѣсь дѣло рѣшаетъ грубая сила, а тамъ-опытность и добрая воля. Вождь, ставшій имъ по избранію или по общему признанію, печется объ охранъ и безопасности всего стада и защищаетъ слабыхъ членовъ его, неръдко съ большимъ самоотверженіемъ; менѣе умные и сильные присоединяются къ болъе умнымъ и подчиняются всъмъ распоряженіямъ ихъ по охранѣ ***).

Наибольшій интересъ представляетъ общежитіе обезьянъ. Здъсь тоже становится вождемъ и проводникомъ кто-нибудь изъ сильныхъ или старыхъ, а потому и болъе даровитыхъ самцовъ стада. Но этого ранга онъ достигаетъ лишь послъ упорной борьбы и поединка съ другими соперниками - претендентами, т. е. со всъми остальными старыми самцами. Дъло ръшаютъ длинныя зубы и сильныя руки. Обезьянапредводитель требуетъ себъ безусловнаго послушанія во всъхъ отношеніяхъ, и его слушаются. онъ въ свою очередь очень чутокъ

^{***)} Brehm, I, S. 26.

^{*)} Brehm s' Thierleben, 3. Aufl, IV, S. 38.

^{*)} Brehm VI, S. 548.

^{**)} Brehm VI, S. 549).

ко всякой опасности и защищаетъ свое стадо съ большимъ мужествомъ

и рвеніемъ *).

Изъ приведенныхъ примъровъ. число которыхъ можно бы значительно увеличить по сочиненіямъ Брэма, Эспинаса, Дарвина и Бюхнера, можно отчетливо увидъть, что законы роста, дъленіе труда, взаимодъйствіе, іерархія и пр. на всъхъ ступеняхъ общественной жизни животныхъ проявляются то въ той, то въ другой формъ. На низшихъ ступеняхъ животнаго общежитія объединеніе им'ветъ чисто органическій характеръ, какъ и въ собственно животномътълъ, причемъособи остаются въ непосредственной тълесной связи другъсъдругомъи им вють общую пищеварительную и нервную систему. У членистоногихъ и млекопитающихъ отдъльныя животныя особи объединяются инстинктивными движеніями симпатіи и интересовъ, но многія дъйствія обусловливаются и разумомъ. Только въ человъческой сферъ общежитіе обращается въ союзъ разумныхъсуществъ, регулируемый ивозникающій духовно, хотя и здъсь ни органическія, ни инстинктивныя узы не исчезаютъ совершенно.

Сила и степень дифференцированія общежитія, вообще говоря, зависять отъ духовныхъ способностей, слъдовательно, отъ развитія нервной системы животнаго клана, такъ что разумныя, осмысленныя животныя въ большинствъ случаевъ являются и самыми общительными. Но гдъ и разумъ, и общительность одновременно развиты высоко, тамъ мы имъемъ и наибольшую гарантію тому, что раса сохранится и будетъ совершенствоваться въ борьбъ за существованіе.

Гдѣ между особями общества не существуетъ длительной тѣлесной связи, тамъ развиваются соціальные инстинкты, которые первоначально сохраняютъ связь съ чисто органическими функціями и проявляются

*) Brehm I, S. 46

какъ стремленіе *половое*, стремленіе къ *насыщенію*, и стремленіе къ *господству*.

Что касается связи особей при половомъ размноженіи, то Э. Циглеръ различаетъ отношенія троякаго рода: отношенія, не сопровождающіяся спариваніемъ и случкой; отношенія, сопровождающіяся спариваніемъ и случкой, и отношенія, сопровождающіяся длительнымъспариваніемъ. Связь перваго рода встръчается у губокъ, кишечно-полостныхъ, иглокожихъ и раковинъ, у которыхъ клътки спермы и яйца извергаются въ воду, гдв и совершается оплодотвореніе безъ всякаго дальнъйшаго участія со стороны родителей. Спариваніе для случки бываетъ тогда, когда двъ особи сближаются въ цъляхъ рожденія дътенышей, и вскоръ затъмъ опять расходятся, какъ это бываетъ у многихъ червей, членистоногихъ, моллюсковъ, рыбъ и земноводныхъ.

Длительное спариваніе находимъ у птицъ и млекопитающихъ, и продолжается оно либо вътеченіе одного періода размноженія, обнимающаго иногда нъсколько періодовъ выращиванія, либо вътеченіе нъсколькихъ періодовъ размноженіи, либо, наконецъ, вътеченіе всей жизни*).

При спариваніи для случки, особи сближаются посредствомъ возбуждающихъ прикосновеній, запаховъ, красокъ и звуковъ, т. е. благодаря чувственному возбужденію осязанія, обонянія и слуха; но о длительномъ семейственномъ побужденіи, покоющемся на половомъ чувствъ, можно говорить лишь относительно высшихъ животныхъ, притомъ такихъ, которыя вступаютъ въ моногамныя половыя отношенія на всю жизнь. Въ такомъ кругу отношеній возникаютъ инстинкты симпатіи и антипатіи, страсти и ревности, любовь къ дътямъ, забота о потомствъ, страсть къ играмъ и кочеваніямъ. "Каждая

^{*)} E. Ziegler, Die Naturwissenchaft und die socialdem. Theorie 1894, S. 74-77,

самка у млекопитающихъ", — говоритъ Брэмъ, — "любитъ своихъ дътенышей и защищаетъ ихъ, рискуя собственной жизнью, отъ всякихъ враговъ, не исключая и родителясамца. Она кормитъ и наставляетъ, наказываетъ и охраняетъ дътенышей своихъ, словомъ—воспитываетъ ихъ". Материнская любовь—такая же естественная сила, какъ всякая другая сила природы, сохраняющая или разрушающая жизнь въ борьбъ за существованіе.

низшихъ животныхъ каждая особь выходить на поиски за кормомъ одиноко. У животныхъ колоній, напр., у кишечно-полостныхъ, мы находимъ общій желудокъ, который наполняется стараніями полиповъ - кормильцевъ. У высшихъ животныхъ потребность въ пищъ заставляетъ дъйствовать сообща, въ ассоціаціи. У многихъ имъются общія кладовыя, пастбища, районы для охоты. Волки и нъкоторые другіе хищники охотятся стаями, помогая другъ другу при нападеніи на добычу. Павіаны hamadryas переворачиваютъ камни при отыскиваніи насъкомыхъ и т. п., и когда встръчаются большіе камни, то за переворачиваніе ихъ принимаются всъ, кто можетъ приступиться, а потомъ, исполнивъ дъло это сообща, дълятъ между собою добычу. Соціальныя животныя защищаютъ себя сообща. Бизоны — самцы въ Съв. Америкъ во время опасности сгоняютъ самокъ и телятъ въ средину стада, а сами становятся снаружи для защиты стада. Также и волки, сбиваясь зимою въ большія стаи, выполняютъ всъ свои предпріятія сообща, помогаютъ другъ другу и въ случаъ опасности призываютъ на помощь товарищей воемъ (Дарвинъ).

Коллективная дъятельность въ стадъ животныхъ предполагаетъ своего рода правительство, или власть, отъ которой исходятъ указанія, приказы и предостереженія. Солидарная борьба съ внъшнимъ міромъ необходимо приводитъ къ органи-

заціи власти внутри общины, которая путемъ дъленія труда, установленія дисциплины и гармоническаго сотрудничества повышаетъ и силу нападенія, и сопротивленія стада. Такая регуляція отношеній происходитъ или при участіи прирожденнаго механизма инстинктовъ, какъ у многихъ членистоногихъ, или путемъ борьбы за соціальное положеніе, въ которой право сильнъйшаго, старъйшаго и опытнъйшаго даруетъ власть и вліяніе и въ то же время требуетъ послушанія, довърія и почтительности. Такъ, напр., разсказываютъ о дикихъ лошадяхъ, что въ ихъ табунахъ сильнъйшій жеребецъ является неограниченнымъ повелителемъ, руководителемъ и вождемъ: онъ выступаетъ во главъ табуна, подаетъ сигналы къ отдыху и продолженію похода, къ борьбъ и бъгству, и не выноситъ никакихъ соперниковъ и противниковъ *).

Владычество отдъльныхъ особей и группъ есть первичный естественный фактъ, который для стадныхъ животныхъ въ борьбъ ихъ за существованіе столь же полезенъ и необходимъ, какъ прочіе инстинкты и дъянія. Импульсъ къ перемънъ дъйствій можеть исходить отъ отдъльныхъ единичныхъ особей и группъ. Это доказывается, напр., тъмъ обстоятельствомъ, что у муравьевъ каждое выступленіе и измъненіе пути и каждая перемъна ръшеній во время кочеванія всякій разъ предръшается небольшою центральною группою участниковъ, которые предварительно сговариваются другъ съ другомъ, трогая одинъ другого сяжками, и ужъ потомъ ведутъ за собою остальныхъ, менъе ръшительныхъ товарищей (Бюхнеръ). Организованная власть проявляетъ себя не только въ предводительствъ и руководствъ, а также и въ эксплоатаціи. Животныя — вожди претендуютъ на большее количество корма,

^{*)} L. Büchner, Liebe und Liebesleben in der Thierwelt, S. 346.

на нъкоторыя преимущества въ половомъ актъ, на безусловное послушаніе, — таковы біологическіе зачатки даней и публичныхъ податей. Въ общежитіи обезьянъ наблюдается настоящая деспотія, настоящая градація классовъ на почвъ естественныхъ различій.

Господство и подданство—вполнъ естественные факты въ міръ. "Въ природъ",—говоритъ Гексли,—"совпадаютъ фактъ и его правомърность, другими словами, совпадаютъ право и сила. Существовать и имъть естественное право на существованіе; обладать способностью и пользоваться естественнымъ правомъ осуществлять ее, это—одно и тоже" *).

Въ животныхъ общинахъ откровенно и безъ всякихъ прикрасъ воплощается та истина, что всѣ соціальныя учрежденія и расчлененія покоятся на силѣ и служатъ силѣ. Лишь тамъ, гдѣ проявляется начальственная и руководящая сила личности, можетъ осуществляться и соціальное развитіе, и эта естественная правда отражается какъ на человѣческомъ обществѣ, возникшемъ изъ животныхъ общежитій, такъ и на организаціи семьи, сословій и государствъ.

8. Соціальная наслѣдственность и интеллектуальныя изобрѣтенія.

Не только развитіе органовъ, но и развитіе инстинктовъ и осмысленности необходимо нужно для того, чтобы сохранилась и совершенствовалась раса. Подъ инстинктомъ разумъютъ прирожденное, непреодолимое внутреннее побужденіе, не зависящее отъ опыта и воспитанія, дъйствующее внъ сознанія опредъленной цъли и тъмъ не менъе цълесообразно.

Въ противоположность инстинкту, подъ разумомъ понимаютъ такую духовную функцію, которая заимствуется отъ другихъ путемъ опыта

и упражненія. Съ точки зрѣнія исторіи развитія, инстинктъ и разумъ не отдѣлимы другъ отъ друга, и случается, что инстинктъ можетъ ошибаться и подвергаться индивидуальнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ упражненія и наученія.

Ламаркъ и Дарвинъ видъли въ инстинктахъ унаслъдованныя привычки и способности. Но, съ точки зрънія современной эволюціонной теоріи, въ инстинктахъ слѣдуетъ видъть варіаціи зародыша, усиленныя и закръпленныя отборомъ соотвътствующихъ особей и расъ. Инстинкты врождены и самопроизвольно побуждаютъ къ ихъ удовлетворенію. Правда, они не всегда приводятъ съ безусловной точностью къ цълесообразнымъ дъйствіямъ; случается, напримъръ, что молодыя строятъ гнъздо хуже старыхъ. Точно такъ же врожденное стремленіе ходить, плавать, распознавать врага требуетъ извъстнаго навыка, хотя бы и кратковременнаго.

По словамъ А. Фореля, муравьевъ разныхъ видовъ можно въ дътствъ пріучить къ совм'єстному сожительству, такъ что въ данномъ случаъ можно устранить ту инстинктивную вражду къ чужимъ животнымъ, которая въ нихъ замъчается обычно. Поэтому Уоллэсъ и утверждаетъ, что и инстинкты до нъкоторойстепени подчинены закону подражанія, запоминанія и приспособленія. Того же мнънія и Васманъ, который подъ инстинктомъ разумъетъ не лишь такъ называемые "слъпые" импульсы, прирожденные животному, а также и способность исполнять такіе цълесообразные акты, которые совершаются на основаніи опыта, воспоминаній и ассоціаціи чувственныхъ представленій. "Такіе акты", говоритъ онъ, ---, нельзя считать разумными, ибо они покоятся лишь на сочетаніи чувственныхъ представленій". Разумъ, по Васману, проявляется лишь тамъ, гдф мы имфемъ общія идеи, т. е. лишь тамъ, гдъ есть въ наличности способность аб-

^{*)} Th. H. Huxley, Sociale Essays 1897, S. 50.

страгировать. "Абстрагировать же способенъ только человъкъ" *).

Противоположность между инстинктомъ и разумомъ не безусловна. Существуетъ градація инстинктовъ, начиная со "слъпыхъ", однако, върно и точно направленныхъ органическихъ побужденій, и кончая такими стремленіями, которыя имфютъсвязь съ опытомъ, упражненіемъ и чувственно-ограниченной осмысленностью. Вообще говоря, "чистый" разумъ существуетъ лишь въ философской теоріи; даже самыя возвышенныя и отвлеченныя умозрънія бываютъ проникнуты стремленіями чувствами, а въ жизни людей стремленія и чувства обыкновенно играютъ гораздо большую роль, чъмъ интеллектъ.

Въ природъ встръчаются лишь постепенныя градаціи психическихъ отправленій. Причины, обусловливающія различіе между животной и человъческой духовной жизнью, въ послъднемъ счетъ слъдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ: появленіи рючи и появленіи орудій, имъвшихъ принципіальное значеніе для развитія умозрительной способности и соціальныхъ представленій человъка.

Дарвинъ указывалъ на то, что данная тълесная структура человъка могла создаться лишь благодаря техническимъ орудіямъ. Наличность такихъ внъшнихъ органовъ защиты, какъ рога, когти, колючки, копыта, зубы, имъетъ важное значение для животныхъ въ ихъ борьбъ за существованіе. Челов вкоподобныя обезьяны при случав вооружаются вытками деревьевъ и каменьями, а для этой цъли переднія конечности у нихъ приспособлены гораздо лучше, чъмъ у другихъживотныхъ. Однако, только продолжительное и постоянное употребленіе грубыхъ камней могло привести къ совершенному развитію органической структуры человъка и его мозга.

Работа рукъ уменьшилась съ тъхъ поръ, какъ многія отправленія ихъ стали выполняться искусственными снарядами и орудіями. Тогда развилась длительно-прямая осанка съ приподнятой вверхъ головой и свободной подвижностью головы и конечностей. Руки и глаза, грудь и глотка получили свободу, и вслъдствіе этого создалась физіологическая почва для развитія духовной жизни, мышленія и ръчи. Орудія создали разумную организацію человъка, т. е. создали организмъ, въ которомъ разумъ могъ развиваться съ полной свободой и который такимъ образомъ есть лишь отраженіе его.

Кромъ орудій, животнымъ недостаетъ еще и ръчи. Правда, онъ имъютъ голосъ и способность мимики (жестикуляціи), и при помощи различныхъ звуковъонъ выражаютъ нъкоторыя ощущенія, намъренія и Животныя издаютъ воспоминанія. чувственно - осязательные звуки и шумы, однократные илимногократно слъдующіе одинъ за другимъ, но настоящихъ словъ, которыя, по мъткому опредъленію Іегера, представляютъ собой "членораздѣльное сочетаніе тоновъ и шумовъ, совершаемое въ извъстномъ порядкъ и согласно опредъленнымъ законамъ", мы не замъчаемъ у нихъ. Настроеніе и желаніе выражають они звуками, напримъръ, воемъ, лаемъ, пискомъ, ворчаньемъ.

Но если простая мимика и голосъ уже являются цѣлесообразными средствами для поддержанія соціальнаго общенія и связи, то членораздѣльная рѣчь, какъ объективное средство сообщенія, гораздо болѣе пригодна для того, чтобы стать факторомъ духовной жизни: послѣдняя пріобрѣтаетъ въ ней матеріальное орудіе для передачи ощущеній и мыслей не только живущимъ современникамъ, но и грядущимъ поколѣніямъ потомковъ.

Для отвлеченно-мыслительной способности необходимымъ орудіемъ

^{*)} Biolog. Centralblatt 1893, S. 151.

развитія является не только ръчь, но также орудіе, инструментъ. Л. Гей-

геръ говоритъ:

"Какъ бы искусны ни были снаряды и орудія, сдѣланы изъ камня или желѣза, но потому они и представляются твореніемъ человѣческимъ, что носятъ на себѣ слѣды мыслительной работы".

Животное ощущаетъ и реагируетъ при помощи своихъ органовъ; оно, слѣдовательно, имѣетъ лишь чувственно-ограниченное и инстинктивное представленіе о причинѣ и эффектѣ. Что руки у обезьяны въ высокой степени способствовали развитію въ ней разума, это подмѣтилъ уже Эспинасъ; руки даютъ ей о предметахъ болѣе опредъленное и точное представленіе, чѣмъ то, которое получаетъ жвачное животное благодаря своимъ губамъ и копытамъ *).

Рука есть и органъ движенія, и важный органъ чувства. Но въ то время, когда рука, вооруженная инструментомъ, заставляетъ тутъ же воздъйствовать одну на глазахъ вещь на другую, зарождается и нъкоторое свободное и объективное, самими вещами создаваемое представленіе о причинъ и эффектъ. Внъшнимъ образомъ опущенная связь между причиной и эффектомъ переносится потомъ изъ области прямо-осязаемаго въ болъе возвышенную и свободную область видимаго и тъмъ самымъ поступаетъ на гораздо болъе спокойную фактическую оцънку, свободную отъ субъективныхъ ощущеній и настроеній. "Человъкъ дълался могущественнъе, по мъръ того, какъ повышалась въ немъ способность пользоваться окружающими предметами въ собственномъ интересъ. Но отчего повышалась въ немъ эта способность? Только оттого, что въ немъ росла способность наблюдать предметы, а эта способность равносильна разуму; человъка сдълала великимъ теоретичность его натуры **).

Соотношеніе между причиной и слъдствіемъ теперь ощущается уже не непосредственно, а косвенно, иначе сказать--оно мыслится предметно, и этимъ полагается начало основному понятію абстрактной мысли. Благодаря ему, индивидъ начинаетъ сознавать себя субъектомъ волевымъ, создающимъ и причину, эффектъ, и пріобрътаетъ способность подмъчать подобные же импульсы и волевые акты также и въ другихъ членахъ общежитія. Но представленіе причинности лежитъ въ основъ соціальныхъ представленій долга, отвътственности и виновности.

Такимъ образомъ возникаетъ нравственность, и человъческая особь изъ душной сферы инстинктивнаго зоологическаго общежитія эволюціонно переходитъ къ истинно-человъческому обществу, организованному интеллектуально-политически.

Способность ръчи, въроятно, развивалась единовременно съ употребленіемъ орудій, при чемъ работа инструментомъ подготовляла образованіе организма для развитія способности ръчи, а затъмъ, какъ показали Нуаре и Бюхеръ, создавала и сама тъ звуки, которые вошли въ составъ членораздъльныхъ словъ. Первыя по времени слова не были подражаніемъ естественнымъ звукамъ; они возникали отъ сопутствующаго подражанія звукамъ, которые производила работа — инструментальная обработка матеріала. Объективный звукъ, производимый технической работой и обусловленный наличностью и обработкой внъшняго матеріальнаго предмета, представляетъ собою зачатокъ членораздъльныхъ словъ предметнаго значенія.

Ръчь и орудіе связаны другъ съ другомъ неразрывно; это-тотъ спе-

^{*) (}L. Geiger Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit 1878, I. 44).

^{*)} Die thierischen Gesellschaften 1879, S. 481.

цифическій фундаментъ, на которомъ человъческое общежитіе развивается въ интеллектуальную экономическую общину и на которомъ культурный міръ обособляется отъ міра животнаго.

Съ появленіемъ орудій и рѣчи развиваются интеллектуальныя функціи изобрютенія, подражанія и преданій, которыя въ рѣзко выраженной формѣ наблюдаемъ лишь въ человѣческомъ обществѣ.

Измъненія въ организмахъ возникаютъ путемъ зародышевыхъ варіацій и суммированія ихъ естественнымъ отборомъ въ борьбъ за существованіе. Эти изм'єненія проявляются или въ тълесныхъ отправленіяхъ, или въ инстинктахъ, или въ способностяхъ духовныхъ. Мозговыя варіаціи проявляются духовно въ актахъ изобрътеній и открытій. Изобрътенія и открытія, техническія и политическія, научныя и художественныя, въ соціальной исторіи человъчества все болъе и болъе заступаютъ мъсто измъненій въ тълесныхъ отправленіяхъ и инстинктахъ. Всякій импульсъ или чувство, всякая потребность и нужда должны принять форму мысли, чтобы стать предметомъ подражанія или соціальнымъ факторомъ господства. Размышленіе индивидовъ, въ связи съ варіаціей и приспособленіемъ мыслительной дъятельности, сообщаетъ человъческому общежитію его своеобразный духовный обликъ. У высшихъ животныхъ тоже наблюдаются зачатки психическихъ варіацій—въ способности наблюдать, вниманіи и лукавствъ, но одно лишь независимое интеллектуальное мышленіе приводить къ изобрътеніямъ, или къ познанію причинной и телеологической связи между предметами данными или воображаемыми. И не подлежитъ сомнънію, что въ борьбъ за существованіе скоръе устоитъ такое общество, раса котораго породитъ сравнительно болъе изобрътателей и изобрътеній, и въ которомъ отборъ совершается сравнительно строго. Однако, духовныя варіаціи обнимають не только интеллектуальныя изобратенія, но и появленіе этических вличностей и религіозных в геніевъ, обнимаетъ новшества въ обычаяхъ и религіозныхъ представленіяхъ. Здѣсь на развитіе соціальной и интеллектуальной жизни благопріятнымъ образомъ вліяетъ духовный образъ личностей, ихъ честность, мужество и самоувъренность. Мы бываемъ склонны преувеличивать моральную силу расы въ ея борьбъ за существование и въ большинствъ случаевъ слишкомъ преуменьшаемъ вліяніе религіознаго чувства.

Но кто знакомъ съ антропологическимъ началомъ всякой религіи и кто позналъ глубокую генетическую связь между религіей и политикой, тотъ обязательно признаетъ, что ободряющее вліяніе въры въ божество, въ тъ удачи и успъхи, которые предопредълены отъ Провидънія, является могущественнымъ психологическимъ факторомъ въ жизненной борьбъ расъ и обществъ.

Изобрътеніе и образецъ познаются прочими членами общежитія интеллектуально и вызываютъ подражаніе. Стремленіе подражать есть очень энергическій инстинктъ приспособленія, прирожденный человъку и наглядно проявляющійся даже животныхъ. У суставчатоногихъ и другихъ мы находимъ мимикрію и умънье измънять внъшность, при чъмъ животное копируетъ особенности другихъ видовъ или окружающей среды. Очень развитое стремленіе подражать наблюдается высшихъ обезьянъ, смышленость которыхъ въ значительной степени объясняется именно этой способностью ихъ.

У низшихъ человъческихъ расъ мы тоже находимъ сильно развитое стремленіе подражать. Онъ даже обнаруживаютъ склонность быстро воспринимать всъ привычки и обычаи высшей культуры внъшнимъ образомъ, но, разумъется, не способ-

ны ни понимать ея глубокаго смысла, ни плодотворно примънять ее. Чтобы интеллектуальныя изобрътенія и подражаніе сохранялись въ обществъ, и новымъ поколъніямъ не нужно было начинать сызнова, духовное пріобрътеніе расы должно передаваться слъдующему поколънію путемъ соціальнаго наслидованія. Соціальное наслѣдованіе обусловливается способностью молодого поколънія учиться и предполагаетъ естественное умънье воспринимать и ассимилировать традицію. По традиціи же передаются интеллектуальныя изобрътенія — или изустно отъ лица къ лицу, или же въ формъ письменъ, или же въ видъ орудій и ихъ продукта. Поэтому какъ письмена, такъ и произведенія техническія, хозяйственныя или художественныя, являются необходимымъ матеріальнымъ условіемъ объективной преемственности въ интеллектуальномъ развитіи.

Поскольку у высшихъ животныхъ наблюдается осмысленность, постольку мы находимъ у нихъ и зачатки преданія, традиціи. Молодое животное перенимаетъ у своихъ родителей такіе навыки и привычки, которые присущи данному зоологическому роду. Такъ, напр., всъ птицы имъютъ врожденное инстинктивное стремленіе пъть, но полное развитіе модуляціи обусловлено примѣромъ родителей и подражаніемъ другимъ искуснымъ пъвчимъ птицамъ. "Голосъ и способность пъть прирождены; однако, и мелодіи, и темпу, и интонаціи надо научиться, и необученная птица будетъ всегда пъвцомъ бездарнымъ" *).

Точно также и другимъ животнымъ знакомо дѣло воспитанія и обученія дѣтенышей. Напр., молодые бобры покидаютъ нор родителей лишь послѣ трехъ-лѣтняго обученія искусству строить логовища.

Зачатки соціальнаго наслъдованія. традиціи и наученія существуютъ и у высшихъ животныхъ, но здъсь они отмъчены характеромъ органичности, и, кромъ того, мы не находимъ здъсь ни эстетическихъ, ни техническихъ орудій, которыя у человъка передаются отъ поколънія въ поколъніе. Между тъмъ процессъ развитія процессомъ становится историческимъ лишь въ томъ случаъ, если органическое и соціальное наслъдованіе идутъ параллельно, и если физическое наслъдованіе, опредъленное рожденіемъ и происхожденіемъ, стремится сохранить физіологическое предрасположение къ такимъ же самымъ отправленіямъ, инстинктамъ и дъйствіямъ, какія наблюдались въ поколъніи предшествующемъ. Если же между физическимъ наслъдованіемъ и общественной традиціей замъчается различіе, такъ что способности и зачатки человъка уже не соотвътствуютъ традиціонно-унасладованному запасу культурныхъ благъ, и человъкъ не въ силахъ ни воспринять, ни далъе развить ихъ, то этимъ признакомъ мы можемъ характеризовать расу вырождающуюся и культуру, явно клонящуюся къ упадку.

Подчеркиваніе соціальнаго наслъдованія уясняетъ многія проблемы интеллектуальнаго развитія человъчества, которыя "дарвинизмъ" ръшалъ неудовлетворительно или не ръшалъ совсъмъ.

Теоріи Дарвина нерѣдко ставилось въ укоръ то, что началомъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе не объясняется духовное развитіе человѣчества, и что сама теорія не въ силахъ объяснить возникновеніе музыкальныхъ, научныхъ и религіозныхъ дарованій. Однако, между духовными способностями высшихъ животныхъ и человѣка не существуетъ принципіальнаго, коренного различія; высшіе виды животныхъ обладаютъ тѣми же органами чувствъ, тѣми же формами разумѣнія и тѣми же душев-

^{*)} L. Büchner, Liebe und Liebesleben in der Thierwelt 1879, T. 28).

ными движеніями: они ощущають удивленіе и любопытство, они обладають способностью вниманія и подражанія и, до изв'єстной степени, способностью размышлять и принуждать, и Гердеръ, который вообще не признаваль родства между челов'ькомъ и обезьяной, быль принужденъ сознаться, что н'втъ такой челов'ьческой доброд'ьтели, которая не нашлась бы и у животныхъ, хотя въ зачаточномъ состояніи.

Интеллектуальной традиціи и соціальной наслъдственности мы обязаны прежде всего тъмъ, что изъ зоологическихъ зачатковъ развились высокія духовныя способности человъка, его изобрътенія и созданія культуры. Бюхнеръ и Вейсманъ первые указали на традицію, какъ на такой моментъ, "который радикальнымъ образомъ отличаетъ человъка отъ животныхъ". Однако, и въ этомъ пунктъ, какъ было показано выше, не наблюдается принципіальнаго различія, ибо и высшимъ животнымъ не совершенно чужды зачатки соціальной наслѣдственности. При наличности соотвътствующихъ развивающихъ импульсовъ, — примъра, орудія, образовательнаго учрежденія, органическіе зачатки могутъ развиваться въ большей или меньшей степени. Здъсь мы встръчаемся съ другимъ факторомъ духовнаго развитія, съ различными формами естественнаго и полового подбора, которыя могутъ и способствовать, и мъшать развитію интеллектуальныхъ задатковъ и продуктовъ.

Уоллесъ и Вейсманъ отрицаютъ возможность переживанія и наслѣдованія интеллектуальныхъ способностей путемъ естественнаго отбора. Они возбуждаютъ вопросъ о томъ вліяніи, какое оказывали отдѣльныя фазы совершенствованія, напр., математическихъ задатковъ, на жизнь и смерть особей, ими обладавшихъ, равно и на борьбу племенъ, или на конечное выживаніе одной расы и гибель другой. "Ясно,— говоритъ Уоллесъ,—что при борьбѣ дикарей со

стихіями и дикими животными или другъ съ другомъ, математическіе задатки и способности никакого вліянія оказать не могли". Столь же трудно установить и связь между обладаніемъ музыкальнымъ дарованіемъ и выживаніемъ въ борьбъ за существованіе. Поэтому Уоллесъ находитъ, что интеллектуальные, эстетическіе и моральные задатки и дъянія суть "проявленія высшей природы, которыя не обусловливаются борьбой за существованіе" *).

Вейсманъ отрицаетъ зависимость духовныхъ задатковъ отъ процесса отбора по слъдующимъ основаніямъ: "Въ борьбъ за существованіе эти дары духа, быть можетъ, и бывали иногда полезны и важны, но въ большинствъ случаевъ они таковыми не бываютъ, и, въроятно, никто не станетъ утверждать, что обладаніе поэтическимъ или музыкальнымъ даромъ является существенно важнымъ моментомъ въ дълъ учрежденія семьи; въ наше время это, пожалуй, даже болъе допустимо, чъмъ во времена Шиллера, Гейне или Моцарта или въ эпохи, еще болъе отдаленныя; однако, и въ наше время человъкъ практическій, разсудочный имъетъ гораздо болъе шансовъ на матеріальное преуспъяніе, чъмъ человъкъ, богато одаренный въ идеальномъ отношеніи ***).

Уоллесъ и Вейсманъ, очевидно, исходятъ отъ одностороннихъ біологическихъ предпосылокъ. Они понимаютъ борьбу за существованіе слишкомъ узко, въ смыслѣ борьбы за матеріальное существованіе особей и видовъ. Кромѣ того, зоологическая психологія показываетъ, что всѣ духовные задатки человѣка, не исключая эстетическихъ и моральныхъ, имѣются въ зачаточномъ видѣ и у высшихъ животныхъ.

Психологическіе факторы и "иде-

**) A. Weissmann, Aufsätze über Vererbung und verwandte biolog. Fragen 1892. T. 592.

^{*)} A. R. Wallace. Der Darwinismus 1895, T. 719.

альные" мотивы играють у всъхъ высшихъ, общественно живущихъ и осмысленныхъ животныхъ очень значительную роль въ дълъ сохраненія и развитія расы, а потому важны и въ дълъ естественнаго подбора. Поэтому нетрудно и генетически произвести моральныя свойства человъка изъ соціальныхъ и сочувственныхъ инстинктовъ животныхъ. Уже въ животномъ стадъ наблюдается борьба за соціальное положеніе, за предводительство и первенство, и эта борьба не есть борьба чистофизическая, ибо въ ней, очевидно, выражается соперничество за честь и достоинство, слъдовательно, за извъстный моральный мотивъ, который и можетъ доводить особь до высокихъ актовъ самопожертвованія и даже до смерти. Художественный мотивъ-имманентная самоцъль природы. Онъ существуетъ и у животныхъ, онъ составляетъ элементъ душевной организаціи всъхъ людей, а родъ и степень его измъненій сообразуются съ расой и семействомъ.

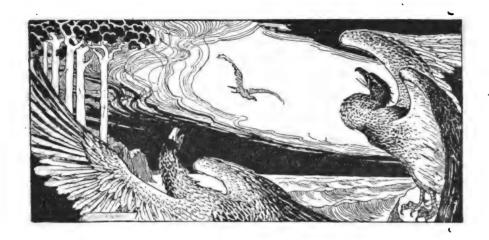
Высокодаровитые варіанты сохраняются, если художественный инстинкть и художественная потребность общества отражаются на духовномъ отборъ, и даровитость раз-

вивается въ геніальность, если счастливые задатки, имъющіеся въ семьъ, будутъ развиваться далъе при цълесообразныхъ воспитательныхъ условіяхъ.

Художественныя произведенія представляють очень важный моментъ для оцѣнки духовныхъ задатковъ природы, и Шиллеръ обнаружилъ большое глубокомысліе, когда предлагалъ смотръть на эстетическое дарованіе, какъ на отличительный признакъ расъ. Въ эстетическомъ вкусъ и стилъ проявляется творческая сила и "человъчно-прекрасная" форма расы. Поэтому весьма неправильно предположение, что художественные геніи и ихъ произведенія опредъляются физической борьбой за существованіе индивидовъ и расъ. Напротивъ, самыя возвышенныя произведенія искусства появляются въ эпохи мира, когда развивается соперничество талантовъ изъ-за идеальныхъ знаковъ отличія. Во внъшней же борьбъ ръшающее значеніе им'єютъ акты экономическаго и военнаго характера. Впрочемъ, нельзя не согласиться, что соперничество націй за духовную, интеллектуальную гегемонію тоже оказываетъ сильное вліяніе на развитіе эстетическихъ задатковъ.

(До слъд. M-pa).

На полѣ брани.

Историческая повъсть изъ временъ Яна Собъсскаго.

Г. Секкевича.

(Продолженіе).

— Ты, милость твоя, защищаль меня, когда тъ всъ разомъ на меня накинулись. Къ чему же намъ драться?—отвъчалъ Яцекъ Ципріановичу.

—Должны и будемъ драться!—холодно произнесъ тотъ.—Панъ меня оскорбилъ, и теперь дѣло идетъ о моей репутаціи. Понимаешь? И хотя бы мнѣ пришлось жизнью поплатиться, хотя бы мой послѣдній часъ насталъ, мы должны драться!

—Ну, пусть будетъ такъ. Но это противъ моей воли и желанія!— отвътилъ Яцекъ.

И поединокъ начался. Ципріановичъ, менѣе сильный, чѣмъ Букоемскіе, обладалъ зато большей ловкостью. Чувствовалось сейчасъ, что его обучали лучшіе фехтовальщики, и что напрактиковался онъ не по однимъ только ярмаркамъ и корчмамъ. Онъ нападалъ быстрѣе, отбивался сильнѣе и съ большимъ знаніемъ. Тачевскій, въ сердцѣ котораго уже не оставалось ни малѣйшей злобы, и который предпочелъ

бы ограничиться урокомъ, даннымъ имъ паномъ Букоемскимъ, сталъ его хвалить.

—Вотъ съ вашей милостью такъ дъло иного рода, —говорилъ онъ, — видишь сейчасъ, что не первый встръчный обучалъ пана пріемамъ.

—Жалъю, что не ваша милость!—

отвътилъ Ципріановичъ.

И вдвойнъ порадовался: во первыхъ, похвалъ, во вторыхъ, тому, что могъ отвътить, такъ какъ разговаривать во время поединкаръшались только самые искусные рубаки, а въжливый разговоръ считался высшей степенью учтивости и любезности. Все это вмъстъ взятое возвышало Ципріановича въ его собственныхъ глазахъ, и онъ сталъ нападать съ новымъ мужествомъ. Но все же ему пришлось послъ нъсколькихъ сшибокъ признать въ душъ превосходство противника.

Тачевскій отражаль удары какъ бы нехотя, но вм'єсть съ тъмъ съ большою легкостью, и вообще дер-

жалъ себя такъ, какъ будто это былъ не поединокъ, а простое упражненіе въ фехтованіи. Повидимому, онъ хотълъ только убъдиться въ степени познанія Ципріановича въ фехтовальномъ искусствъ, и насколько онъ въ этомъ отношеніи искуснъе Букоемскихъ. Теперь же, уяснивъ себъ это вполнъ, онъ былъ уже совершенно увъренъ въ своей побъдъ.

Понялъ это и панъ Станиславъ, а потому и радость его пропала, и сталъ онъ нападать съ меньшей осторожностью, болѣе азартно. А Тачевскій, сдѣлавъ гримасу, какъ бы говорившую безъ словъ, что ему уже прискучила вся эта забава, отбилъ ударъ, называемый "ложнымъ", самъ напалъ и черезъ минуту отскочилъ въ сторону.

— Тронулъ вашу милость! — прого-

ворилъ онъ.

Ципріановичъ дѣйствительно почувствовалъ какой то холодъ въ плечѣ, тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

Ничего не чувствую, продол-

жаемъ!

И сталъ опять рубиться. Но въ это время конецъ сабли Тачевскаго раскроилъ ему нижнюю губу и оцарапалъ кожу на подбородкъ. Панъ Яцекъ вторично отскочилъ въ сторону.

— Окровавилъ пана! — крикнулъ

онъ.

— Это не важно!

—Если не важно, такъ слава Богу, — возразилъ Тачевскій, — но съ меня довольно, и я первый протягиваю руку вашей милости. Вы дрались, какъ истый кавалеръ!

Ципріановичъ, хотя и въ очень угнетенномъ состояніи духа, но нѣсколько утѣшенный словами Яцека, стоялъ минуту въ нерѣшительности, какъ бы не зная, что дѣлать – приняться ли опять за нападеніе или прекратить поединокъ, наконецъ, вложилъ саблю въ ножны и протянулъ руку.

— Пусть будетъ по вашему. Да

какъ погляжу, я и вправду порядкомъ окровавленъ!

Говоря это, онъ дотронулся лѣвой рукой до подбородка и поглядълъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на кровь, обильно покрывавшую его ладонь и пальцы.

 Приложи снъгу къ ранъ, — крикнулъ Яцекъ, — а то губа распухнетъ,

и пойдемъ къ санямъ!

Съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и повелъ къ Букоемскимъ, которые поглядъли на него нъсколько удивленными и порядкомъ таки осовъвшими глазами. Панъ Яцекъ возбуждалъ въ нихъ теперь чувство дъйствительнаго уваженія къ себъ, и не только тъмъ, что оказался мастеромъ рубиться на сабляхъ, но и какъ кавалеръ, обладающій "высшими манерами", т. е. именно! такими, какихъ имъ недоставало. Затъмъ Матвъй повернулся къ Ципріановичу и спросилъ:

—Ну, какъ ты себя чувствуешь,

Стахъ?

—Хорошо, могъ бы отправиться и пъшкомъ, но предпочитаю ъхать въ саняхъ, это будетъ скоръе!

Тачевскій примостился сбоку на ободкъ саней и приказалъ возницъ:

— Трогай въ Выромбки!

Куда?—спросилъ Ципріановичъ. Ко мнъ. Вашимъ милостямъ не будетъ тамъ особенно удобно. Но что дълать? Въ Белчонкъ вашъ видъ перепугалъ бы всъхъ женщинъ, а у меня находится ксендзъ Войновскій, онъ осмотрить раны вашихъ милостей, такъ какъ прекрасно знается на этомъ дълъ. За лошадями вашихъ милостей можно будетъ послать, а тамъ дальше вы поступите, какъ сами захотите. Ксендза я тоже попрошу поъхать въ Белчонку и сообщить осторожно о всемъ случившемся.

Сказалъ это, панъ Яцекъ на минуту задумался, а затъмъ доба-

вилъ:

— Ой, не прежде была бѣда, а вотъ теперь наступитъ бѣда. Богъ васъ люби, милости ваши,—зачѣмъ вы

такъ упорно добивались этого поединка?

- Правда, добивались мы его сами,—отвътилъ Ципріановичъ,—и я это готовъ подтвердить, да и паны Букоемскіе не откажутся засвидътельствовать.
- Да, засвидътельствуемъ, хотя плечо страшно ноетъ у меня!—отозвался со стономъ Маркъ.—Ой, и угостилъ же ты насъ, панъ, порази тебя пуля...

До Выромбковъ было рукой подать. Скоро въъхали въ ограду и встрътили бредущаго по снъгу ксендза Воиновскаго, который, сильно безпокоясь о томъ, какъ сойдетъ поединокъ, не могъ дольше ждать и вышелъ имъ навстръчу.

Тачевскій при вид'в его соскочилъ съ саней, а ксендзъ быстро зашагалъ къ нему, и видя, что тотъ ц'влъ и невредимъ, крикнулъ:

— Ну, что, какъ тамъ?

 — А вотъ везу ихъ милостей!—отвътилъ Яцекъ.

Лицо старца мгновенно прояснилось, но тотчасъ же стало опять серьезнымъ, какъ только онъ увидалъ измазанныхъ кровью Букоемскихъ. Отъ изумленія онъ даже всплеснулъ руками.

— Какъ? Всъхъ пятерыхъ?—вос-

кликнулъ онъ.

— Да, всѣхъ пятерыхъ.

— Страсти Господни!—и, обращаясь къ раненымъ, ксендзъ спросилъ:— Ну, какъ вы себя чувствуете, милости ваши?

Они поклонились ему, снявъ шапки, мромъ Марка, у котораго была перебита ключица, и онъ не могъ пошевельнуть не только правой, но даже лъвой рукой. Поэтому онъ только сказалъ со стономъ:

- Да, нечего сказать, порядкомъ таки раскровянилъ онъ насъ.
- Это пустяки! отозвались остальные.
- На одного Бога надежда, что пустяки!—замътилъ старый ксендзъ.
   А теперь домой, какъ можно ско-

ръе домой. Тамъ сейчасъ же осмотрю васъ всъхъ.

И приказалъ санямъ трогать, а самъ пошелъ за ними съ Тачевскимъ, такъ скоро, какъ только могъ. Впрочемъ, онъ на одну минуту остановился; радость вновь появилась на его лицъ, онъ стремительно обнялъ Тачевскаго за шею и произнесъ:

— Яцусь, дай обнять тебя. Въдь полныя сани набилъ ими, точно снопами!..

Тачевскій поцъловалъ его руку и отвътилъ:

— Сами того хотъли, добродзъю! А ксендзъ положилъ ему на голову руку, какъ бы собираясь благословить его, но спохватившись, что подобная радость чужой бъдъ не подходитъ къ его священнической одеждъ, принялъ сейчасъ же суровый видъ и сказалъ:

— Не воображай только, что я хвалю тебя. Твое счастье, что они сами этого хотъли, но все же это

есть гръхъ.

Они вошли во дворъ. Яцекъ сейчасъ же подскочилъ къ санямъ, чтобы вмъстъ съ возницей, единственнымъ его челядникомъ, помочь раненымъ выйти. Но тъ уже всъ вышли, безъ всякой помощи, за исключеніемъ Марка, которому надо было поддерживать руку, и черезъ минуту всъ очутились въ комнатъ. Тамъ была уже приготовлена на полу солома и даже постель Тачевскаго, покрытая бълой, слегка вытертой конской шкурой и съ войлокомъ на изголовьи.

На столъ у окна лежалъ хлъбный мякишъ, размятый съ паутиной,— безподобное, какъ извъстно, средство для остановки крови,—и тамъ же стояли чудесные бальзамы ксендза Воиновскаго для "заживленія" ранъ.

Старый ксендзъ, сбросивъ сутану, сейчасъ же принялся за освидътельствованіе ранъ съ опытностью стараго вояки, который видълъ ихъ тысячи на своемъ въку и который,

благодаря долгольтней практикь, зналь въ нихъ толкъ больше, чъмъ иные доктора. Осмотръ и перевязка шли очень быстро, такъ какъ, за исключеніемъ Марка, всъ были только слегка поцарапаны. Ключица Марка потребовала болье продолжительной работы, но наконецъ, когда и онъ былъ перевязанъ, ксендзъ вздохнулъ съ облегченіемъ и вытеръ окровавленныя руки.

— Ну, благодаря Бога,—сказалъ онъ,—все окончилось довольно благополучно, и ваши милости, навърно, чувствуютъ себя теперь гораздо

лучше!

— Пить хочется! — отвътилъ Мат-

въй Букоемскій.

— Что-жъ, не повредитъ! Прикажи, Яцекъ, принести воды.

Но Матвъй даже приподнялся на соломъ.

— Какъ воды?!—спросилъ онъ какимъ то надорваннымъ голосомъ.

А Маркъ, лежавшій навзничь на постели Тачевскаго и слегка стонущій, неожиданно отозвался:

-Ксендзъдобродзъйвърно хочетъ

вымыть руки!

Услышавъ это, Яцекъ съ отчаяніемъ взглянулъ на ксендза, а тотъ началъ смъяться и сказалъ:

— Вотъ истые-то солдаты! Можно тоже и вина, только не много!

тоже и вина, только не много! Но Тачевскій потянуль его за

рукавъ и отвелъ въ сторону.

- —Добродзъю, прошептальонъ, что я стану дълать? Въ кладовой пусто, въ погребъ пусто, и я самъ что ни день, то все больше стягиваю свой поясъ. Что же я имъ дамъ?
- Есть, есть, что дать, —отвътиль также шепотомъ старый ксенздъ. Бдучи сюда, я распорядился, и уже привезли, а если не хватитъ, то попрошу у пивоваровъ въ Едльнъ, какъ будто для себя, да, для себя. Вели-ка имъ дать по стаканчику, пусть ихъ немного утъшатся послътакой неудачи.

Услыхавъ это, Яцекъ поспъшно распорядился, и вскоръ паны Буко-

емскіе могли взаимно утвшать другъ друга. И съ каждой минутой, съ каждымъ глоткомъ расло ихъ дружеское расположеніе къ Яцеку.

— Рубились мы, потому что съ къмъ этого не бываетъ, — началъ Матвъй, — но я сейчасъ же подумалъ, что твоя милость вполнъ достойна и настоящій кавалеръ.

Вотъ и неправда, я первый поду-

малъ это! -- отозвался Лука.

— Ты подумаль? Да развъты способенъ что либо думать!

— А вотъ и теперь думаю и думаю, что ты дуракъ, но у меня болитъ ротъ.

И они начали опять ссориться, но какъ разъ въ это время передъ окномъ мелькнулъ силуэтъ всадника.

— Кто - то прі ѣхалъ! — сказалъ ксендзъ.

Яцекъ пошелъ поглядъть и черезъ минуту вернулся, сильно озабоченный.

- --- Панъ Понговскій прислалъ своего челядника. Онъ велълъ сказать, что ждетъ съ объдомъ.
- Ну, такъ пусть онъ самъ его и съъстъ!—отозвался Янъ.

— Что ему сказать? — спросилъ Яцекъ, обращаясь къ ксендзу.

—Самоелучшее—сказать правду, — отвътилъ старецъ. —Но будетъ лучше, если я самъ пойду и скажу.

И онъ, выйдя къ челяднику, сказалъ:

— Отправляйся обратно и доложи пану Понговскому, что ни панъ Ципріановичъ, ни паны Букоемскіе къ объду не пріъдутъ, такъ какъ они всъ ранены на поединкъ, на который сами вызвали пана Тачевскаго. Но только смотри, не позабудь сказать, что всъ ранены. Ну, трогай!

Челядникъ сейчасъ же поскакалъ обратно, а ксендзъ вернулся въ комнату и принялся успокаивать Яцека, страшно разстроеннаго и встревоженнаго. Онъ, не побоявшійся принять вызовъ пяти противниковъ, теперь страшно боялся пана

Понговскаго, а еще больше того, что подумаетъ и что скажетъ панна Сьенинская. А ксендзъ между тъмъ говорилъ ему:

— Въдь и такъ слъдовало дать знать объ этомъ, такъ ужъ пусть скоръе узнаетъ, что не твоя въ этомъ вина.

— Ваши милости не откажутся засвидътельствовать это?— спросилъ Яцекъ, обращаясь къ раненымъ.

-- Пить хочется, а все же засвидътельствуемъ!---отвътилъ Матвъй Букоемскій.

Ho какъ бы то ни было, тревога Яцка все расла, когда же сани съ паномъ Понговскимъ и со старостой Гротусомъ остановились передъ его подъвздомъ. сердце и совсъмъ замерло. Но все же онъ выскочилъ на подъвздъ встрътить пріъзжихъ и поклонился почти до земли передъ паномъ Понговскимъ, который, даже не взглянувъ на него, какъ бы совсъмъ не видя, вошелъ въ комнату съ угрюмымъ и суровымъ лицомъ.

Войдя въ комнату, панъ Понговскій поклонился ксендзу почтительно, но издали. Съ того дня, какъстарикъ ксендзъ съ амвона сдълальему строгій выговоръ за его слишкомъ суровое обращеніе съ челядью, гордый и надменный шляхтичъ не могъ простить ему этого, и теперь послъ холоднаго поклона онъ тотчасъ же повернулся къраненымъ, молча съ минуту поглядълъ на нихъ, затъмъ сказалъ:

— Милостивые государи, послѣ того, что случилось, я воистину никогда бы не переступилъ порога этого дома, еслибъ не желаніе выразить вашимъ милостямъ, до чего меня огорчила сдъланная вамъ несправедливость. Вотъ во что вамъ обошлось мое гостепріимство! Вотъ та награда, которая въ моемъ собственномъ домѣ выпала на долю моихъ избавителей! Одно только могу сказать вамъ— тотъ, кто оскорбилъ васъ, оскорбилъ и меня; тотъ, кто пролилъ вашу кровь, виновнѣе,

чъмъ если бы пролилъ мою собственную, потому что онъ опозорилъ меня! Тотъ, кто подъ моей кровлею вызвалъ васъ...

Но тутъ его неожиданно прервалъ Матвъй Букоемскій.

— Мы его вызвали, а не онъ насъ!

— Совершенно върно, милость ваша, пане добродзъю, — добавилъ Ципріановичъ, — во всемъ, что случилось, этотъ кавалеръ нисколько не виноватъ. Вся вина съ нашей стороны, за что и просимъ покорнъйше извиненія у вашей милости.

 Судьъ пристало бы также прежде, чъмъ произносить приговоръ, допросить свидътелей!—произнесъ степенно ксендзъ Воиновскій.

Лука хотълъ также подтвердить, но такъ какъ у него была прорублена щека, даже и десна, то онъ почувствовалъ страшную боль, какъ только пошевелилъ губами, а потому, прикрывъ ладонью мазь, которая было стала уже присыхать, крикнулъ съ полузакрытымъ ртомъ:

— А чтобы черти побрали всѣ приговоры и мою челюсть вмъстъ съ ними!

Оторопъвъ отъ всъхъ этихъ возгласовъ, панъ Понговскій все же не сдался. Напротивъ, онъ еще грознъе посмотрълъ на всъхъ своими суровыми очами, какъ бы желая этимъ способомъ выразить порицаніе защитникамъ Яцека, и затъмъ продолжалъ:

– Не мнъ прощать что либо моимъ избавителямъ. Тутъ нътъ вины вашихъ милостей, напротивъ того, я все хорошо понимаю и знаю, потому что самъ прекрасно видълъ, какъ васъ преднамъренно задъвали оскорбляли. Воистину та самая зависть, которая не смогла на околъвшемъ конъ догнать живыхъ волковъ, та самая зависть пробудила потомъ страшное желаніе отмстить вамъ. Не одинъ я замътилъ, какъ этотъ "кавалеръ", котораго вы такъ великодушно берете подъ свою защиту, съ перваго же момента встръчи постоянно искалъ случая и дълалъ все, что только могъ, чтобы вызвать и довести вашихъ милостей до такого поступка. Скоръе это вина, что я щадилъ ero не сказалъ ему-пусть-ка онъ пойдетъ поискать на ярмаркахъ или въ корчмахъ болъе подходящую для себя компанію...

Тачевскій, услыхавъ это, побълълъ какъ полотно, у ксендза же Воиновскаго, напротивъ, вся кровь ударила въ голову.

 Вызванному ими что ему оставалось дълать? -- крикнулъ онъ. --Стыдись, милость твоя!

Но панъ Понговскій только свысока поглядълъ на него и продолжалъ:

 Мірскія это дѣла, въ которыхъ святые люди, а также и духовные,и эти послъдніе еще менъе первыхъ, мало свъдущи. Но я на это отвъчу, дабы меня никто не могъ заподозрить въ несправедливости. - Что ему оставалось далать? — Какъ младшій старшему, какъ гость хозяину, человъкъ, который ълъ мой хлѣбъ, за неимѣніемъ своего собственнаго, онъ долженъ былъ прежде всего обо всемъ извъстить меня, и я бы уже своей учтивостью и властью хозяина примирилъ бы всъхъ и не допустилъ, чтобы мои избавители тутъ, въ этой хатъ, точно въ хлъву, лежали бы на соломъ, плавая въ собственной крови...

 Сдълай я это, милость твоя подумала бы, что мной овладъла трусость! — воскликнулъ, заламывая руки и дрожа, какъ въ лихорадкъ, Тачевскій.

Панъ Гедеонъ не отвътилъ ему слова, все продолжая дълать видъ, что не замъчаетъ его. Онъ повернулся къ Ципріановичу, говоря: · — Панъ кавалеръ, мы прямо съ мъста ъдемъ съ паномъ Гротусомъ къ вашему отцу въ Едлинку, дабы выразить ему наши соболъзнованія. Не сомнъваюсь, что онъ согласится принять мое гостепріимство въ Белчончкъ, а поэтому прошу вашу милость вивств съ товарищами нуться обратно ко мнъ. Напоминаю вамъ также, что вы находитесь здъсь только случайно, а въ дъйствительности вы---мои гости, которымъ я отъ всего сердца желаю выказать мою благодарность. Отецъ твоей милости, пане Ципріановичъ, не можетъ же прівхать въ домъ виновника твоихъ ранъ, да и вамъ будетъ удобиве подъ моей кровлей, съ голоду не помрете вы у меня, что могло бы очень легко съ вами здъсь случиться.

Ципріановичъ страшно растерялся и колебался, не зная, что ему отвътить: съ одной стороны, ему было жаль Тачевскаго, съ другой, онъ какъ красивый молодой человъкъ, очень заботился о своей наружности, и его смущало то, что теперь его губа и подбородокъ уже порядкомъ опухли подъ пластыремъ

и очень безобразили его.

— Голода и жажды намъ бы пришлось и здъсь терпъть, —сказалъ онъ, --- это мы уже на опытъ дъйствительно испытали, но мы гости вашей милости, да и отецъ мой, не зная всей правды, не захочетъ, чего добраго, сюда забхать. Но какъ можемъ мы предстать предъ глаза родственницъ вашей милости съ такими обезображенными лицами, которыя MOгутъ вызвать одно только отвращеніе?

Сказавъ это, онъ сморщился, такъ какъ отъ продолжительнаго разговора губа его сильно заболъла, и при этомъ онъ былъ дъйствительно не особенно красивъ. Но панъ Понговскій возразилъ:

 Объ этомъ ты ужъ не безпокойся и не печалься. Правда, чувствуютъ мои родственницы отвращеніе, но только не къ ранамъ вашихъ милостей, которыя скоро заживутъ, и тогда вернется прежная красота. Сейчасъ сюда прівдуть трое саней съ челядниками, и дома все уже приготовлено для вашего пріема. А тъмъ временемъ будьте здоровы, намъ съ паномъ Гротусомъ пора отправиться въ Едлинку. Бью челомъ!

И сдълавъ общій поклонъ, онъ поклонился отдъльно ксендзу, только одному Яцку не кивнулъ даже головой. Когда онъ былъ уже у порога, къ нему подошелъ ксендзъ и сказалъ:

— У милости вашей слишкомъ мало милосердія и справедливости! Панъ Понговскій отвѣтилъ:

— Въ грѣхахъ своихъ исповѣдуюсь только на исповѣди!

Онъ вышелъ, за нимъ послъдовалъ панъ Гротусъ. Яцекъ все время испытывалъ самую жестокую пытку. Выражение его лица постоянно мънялось, и онъ самъ не зналъ, поклониться ли ему въ ноги пану Понговскому и просить прощенія или же схватить его за горло и отомстить за всв оскорбленія, которыя ему пришлось выслушать. Но все происхоонъ помнилъ, что дитъ подъ его кровомъ, и что передъ нимъ стоитъ опекунъ панны. Поэтому, когда они вышли, и онъ пошелъ за ними, не отдавая себъ отчета, что дълаетъ, а просто въ силу привычки и обычая, который требовалъ, чтобы гостямъ оказана въжливость, а можетъ быть и въ силу какой то смутной надежды, что передъ самымъ отъвздомъ гордый панъ Понговскій кивнетъ ему хоть головой. Но и эта надежда обманула его; только панъ Гротусъ, повидимому, человъкъ очень добрый и разумный, пожалъ ему руку на крыльцѣ, шепнувъ:

- Не отчаивайся, сударь: первый гнъвъ пройдетъ, и все опять обой-

дется!

Но Яцекъ въ этомъ сомнѣвался. Онъ былъ бы даже совершенно увѣренъ въ томъ, что все пропало, знай онъ, что панъ Понговскій, хотя и довольно искренне разгнѣванный и негодующій, старался преднамѣренно выразить это свое негодованіе еще сильнѣе, чѣмъ испытывалъ его дѣйствительности.

Ципріановичъ и Букоемскіе были, правда, его избавителями, такъ въдь Тачевскій ихъ не убилъ, а поединокъ самъ по себъ былъ до того обыденнымъ поступкомъ, что не могъ возбудить столь сильнаго негодованія. Но панъ Понговскій съ того момента, когда панъ Гротусъ сказалъ, что и старые люди зачастую женятся и даже иногда у нихъ появляется и потомство, сталъ глядъть иными глазами на панну Съенинскую. То, о чемъ онъ никогда и не думалъ, казалось ему теперь возможнымъ и естественнымъ. При мысли о красотъ прелестной, какъ цвътокъ розы, дъвушки, воспламенилась его душа, и еще сильнъе возгорълась его шляхетская гордость. тогда родословное дерево Понговскихъ можетъ опять зазеленъть и зацвъсти, да кромъ того новые побъги пойдутъ отъ такой знатной патриціанки, какой была панна Сьенинская, находившаяся не только въ родствъ со всъми знатными домами Ръчи Посполитой, но и бывшая послъднимъ отпрыскомъ того славнаго рода, изъ котораго вышли и по благосклонности фортуны выдвинулись такія имена, какъ Жолкіевскіе, Даниловичи, Собъсскіе и и многія другія.

Отъ одной этой мысли у пана Понговскаго даже голова закружилась, и ему вдругъ представилось, что не только для него, но и для Рѣчи Посполитой должно имъть огромное значение появление именно, "такихъ" Понговскихъ, и вотъ съ этой мыслью явилось опасеніе, какъ бы весь этотъ планъ не разстроился тъмъ, что панна могла полюбить кого нибудь и этому кому нибудь отдать свою руку. Правда, онъ не видълъ во всемъ округъ болъе достойнаго, чъмъ самъ, но за то многіе были моложе ero.

Но кто? Ципріановичъ?—Да этотъ былъ молодъ, красивъ и богатъ, но только въ третьемъ поколъніи возведенный въ шляхетство— изъ

армянъ шляхтичъ. Предположеніе что такой homo novus можетъ дъйствительно присвататься къ паннъ Сьенинской, не могло никоимъ образомъ вмъститься въ головъ пана Понговскаго. О Букоемскихъ же, хотя и хорошаго шляхетскаго рода и состоящихъ, по ихъ увъреніямъ, въ родствъ даже съ самимъ святымъ Петромъ, смъшно было бы и подумать.

Такимъ образомъ оставался толь-Тачевскій — правда, настоящій Лазарь, голъ, какъ мышь церковная, но изъ очень древняго рода знатныхъ рыцарей изъ Тачева, герба Повалы, изъ которыхъ одинъ--настоящій великанъ и участникъ страшнаго избіенія нъмцевъ подъ Грюнвальдомъ — прославился только по всей Ръчи Посполитой. но имя его стало извъстно по всъмъ заграничнымъ дворамъ. Только Тачевскій могъ быть ровней Сьенинскимъ, и притомъ онъ былъ молодой, отважный, красивый, грустный, а это часто трогаетъ сердца дъвицъ, свой человъкъ въ Белчончкъ, считался другомъ дътства или чъмъ то въ родъ брата панны. И панъ Понговскій сталъ теперь припоминать многое: то какіе-то нелады и ссоры молодыхъ людей, то миръ и пылкая дружба, странные взляды и слова, грусть, безпредметная печаль, общія радости и веселье однимъ словомъ все, на что онъ прежде и вниманія не обращалъ, теперь показалось ему вдругъ подозрительнымъ. Да, опасность угрожала только съ этой строны. Старый шляхтичъ сейчасъ же сообразилъ, что панна Сьенинская, чего добраго, была отчасти причиной и этого поединка, и въ его душу закрался страхъ. И вотъ въ предупреженіе чувствуемой имъ опасности позаботился прежде всего о томъ, чтобы выставить передъ панной въ самомъ дурномъ свътъ весь поступокъ Яцка и особенно подчеркнуть всю будто бы безчестность этого поступка и тъмъ возбудить въ ней весьма понятное негодованіе; а затъмъ, желая, такъ сказать, сжечь мостъ между Белчонкой и Выромбками, поръшилъ выказать больше гнъва и негодованія, чъмъ испытывалъ на самомъ дълъ, и чъмъ самъ поступокъ того заслуживалъ, и оскорбить и унизить Яцка и тъмъ самымъ закрыть ему дверь своего дома.

И онъ достигъ своей цъли. Яцекъ, проводивъ его, вернулся въ комнату, сълъ къ столу, запустилъ всъ пальцы въ волосы, подперъ голову локтями и молчалъ, точно горе лишило его языка.

Ксендзъ Воиновскій не вытерпълъ, подошелъ къ нему, положилъ ему на голову руку и сказалъ:

— Яцусь, то, что ты долженъ перетерпъть, перетерпи, но пусть нога твоя никогда не переступитъ порога этого дома!

 Такъ оно и будетъ! — отвътилъ глухо Тачевскій.

— Нонедай и горю овладъть тобой. Подумай, кто есть...

Яцекъ еще кръпче стиснулъ зубы.

— Помню, и это-то еще больнъе жжетъ меня.

— Никто не похвалить за это пана Понговскаго!—отозвался Ципріановичь,—потому что иное дѣло высказать порицаніе, а иное -- топтать чужую честь!

Букоемскіе также запротестовали, а Матвъй, рана котораго не мъшала ему говорить, воскликнулъ:

— Въ собственномъ домъ я ему ничего не скажу, но когда я выздоровью и встръчусь съ нимъ на дорогъ или у сосъда, сейчасъ же выпалю ему, чтобы онъ поцъловалъ пса въ носъ.

— Ой, ой!—добавилъ Маркъ,—такого достойнаго кавалера и такъ унизить!.. Но наступитътакой часъ, когда я ему это припомню и не подарю.

Тъмъ временемъ подъъхало трое саней, устланныхъ коврами, съ тремя челядниками, кромъ кучеровъ, которые должны были перенести раненыхъ.

Тачевскій не рѣшился ихъ удерживать, въ виду ожидаемаго пріѣзда стараго Ципріановича, да притомъ же они дѣйствительно были гостями пана Понговского. Сами же раненые не остались бы у него, потому что, узнавъ о его страшной бѣдности, боялись быть ему вътягость. Прощаясь съ нимъ, они такъ искренно благодарили его за гостепріимство, какъ, будто никогда ничего непріятнаго и не происходило между ними.

Но когда Ципріановичъ собирался състь послъднимъ въ сани, Яцекъ вдругъ сорвался съ мъста, говоря.

— Ѣду съ вашей милостью. Не выдержу такъ, нѣтъ, не выдержу! Пока Понговскій не вернется, я долженъ... да, въ послѣдній разъ долженъ...

Хотя ксендзъ Воиновскій, прекрасно зная Яцка, и былъ увъренъ въ безплодности всякихъ убъжденій, все же отвелъ его въ сторону и началъ усовъщевать.

— Яцку, Яцку, опять mulier (женщина)! Смотри, какъ бы на тебя тамъ не нагрянуло еще большее горе и большая несправедливость? — Вспомни, Яцекъ, что говоритъ эккелезіастъ: "Virum de mille unum reperi, mulierem ex omnibus non inveni!" Помни и самъ себя пожалъй!..

Но это было все равно, что кидать о стъну горохъ. Не прошло и минуты, какъ Тачевскій сидълъ въ саняхъ рядомъ съ Ципріановичемъ, и весь поъздъ тронулся.

Тъмъ временемъ поднявшійся вътеръ разогналъ туманъ и прогналъ его далеко за пущу, а съ голубого яснаго неба взглянуло и засіяло присе солние

яркое солнце.

Панъ Понговскій не сочинялъ, когда говорилъ о томъ, "негодованіи", которое чувствовали противъ побъдителя объ женщины въ Белчонкъ. Яцекъ съ перваго же взгляда убъдился въ истинъ его словъ. Пани Винницкая вышла къ нимъ навстръчу съ недовольнымъ видомъ

и отдернула отъ него руку, когда онъ, здороваясь, наклонился съ намъреніемъ поцъловать ее; панну Сьенинскую также не тронуло ни его смущеніе, ни отчаяніе, такъ ясно выражавшееся на его лицъ. Она не отвътила на его поклонъ и занялась только исключительно Ципріановичемъ. И тутъ она не только не скупилась на взгляды, полные нъжной заботливости и сочувствія, но дошла въ своемъ состраданіи къ нему до того, что когда Ципріановичъ, сидъвшій въ креслъ въ столовой, поднялся съ мъста, намъреваясь пройти въ назначенную для него комнату, она взяла его подъ руку и, несмотря на всѣ его протесты, довела до самыхъ дверей. "Да, ужъ тутъ ничего нътъ для тебя, все пропало", громко кричали въ сердцъ Яцка отчаяніе и зависть.

Страданіе его еще усилилось отъ того, что онъ теперь видълъ, такъ какъ до этого времени онъ даже не представлялъ себъ, до чего эта дъвушка, такая съ нимъ измънчивая и капризная, говорившая ему вслъдъ за однимъ ласковымъ словомъ десять совершенно равнодушныхъ или даже просто злыхъ, могла быть ласковой, нъжной, почти ангельски доброй съ тъмъ человъ-

комъ, котораго любила.

Что панна Сьенинская любитъ Ципріановича, онъ теперь уже и не бы не сомнъвался. А въдь онъ только вынесъ такую рану, какъ у Ципріановича, но съ радостью отдалъ бы кровь свою до послъдней капли, если бы она хоть разъ въ жизни съ нимъ заговорила, такимъ голосомъ, или посмотръла бы на него такими глазами. И кромъ отчаянія, его охватило такое горе, при которомъ, кажется, слезы готовы потокомъ хлынуть изъ очей, и если ихъ сдерживать и не дать имъ вылиться наружу, онъ зальютъ все сердце, всю душу человъка. Вотъ такое горе ощущалъ теперь Яцекъ и къ довершенію всего еще никогда не казалась ему панна Сьенинская въ такой степени красивой, какъ теперь, съ поблѣднѣвшимъ личикомъ, съ цѣлой короной пушистыхъ золотистыхъ волосъ, слегка растрепавшихся отъ волненія. "Точно настоящій ангелъ, говорило въ немъ это горе,—но не для тебя чудное созданье: оно достанется другому".

И хотълось ему упасть къ ея ногамъ и высказать ей и свою любовь, и свои муки, но въ то же время онъ чувствовалъ, что особенно теперь, послъ того, что произошло, этого не слъдуетъ дълать, и что если онъ самъ не опомнится и силою воли не заглушитъ своего душевнаго волненія, онъ ей скажетъ совсъмъ не то, что хочетъ и только окончательно погубитъ себя въ ея глазахъ.

Тъмъ временемъ панни Винницкая, какъ особа пожилая и знающая толкъ въ лекарствахъ, пошла вслъдъ за Ципріановичемъ, а панна осталась, и Яцекъ, сознавая, что ему слъдуетъ пользоваться случаемъ, подошелъ къ ней.

—Хотълось бы сказать милостивой паннъ словечко!—стараясь владъть собою, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

- Чего панъ отъ меня желаетъ? На лицъ Яцка появилась улыбка до того страдальческая, что ее можно было назвать просто таки мученической.
- То, что я желаю, никогдане исполнится, хотя бы я ради этого пожертвовалъ спасеніемъ моей души, отвътилъ онъ, наклоняя голову, но я только объ одномъ хочу просить милостивую панну не винить меня и не гнъваться на меня, а имъть ко мнъ хоть каплю состраданія и милосердія, потому, что я въдь не изъ дерева или желъза.
- Мнъ нечего сказать пану, да и не время теперь.
- О, сказать доброе слово человъку, которому тяжело живется на свътъ, всегда время.

- Ужъ не за то ли мнъ сказать,
   что панъ ранилъ моихъ избавителей?
- Богъ на сторонъ невиннаго. Челядникъ, пріъзжавшій въ Выромбки за этими кавалерами, долженъ былъ сказать то, что ему приказалъ ксендзъ Воиновскій: не я ихъ первый вызвалъ. Развъ милостивая панна не знала объ этомъ?

— Знала. Челядникъ, какъ человъкъ простой, правда не передалътакъ подробно то, что ему было приказано: онъ, прітхавъ домой, просто крикнулъ: "Молодой панъизъ Выромбковъ зарубилъ встать!"

Но за то панъ Понговскій, возвращаясь изъ Выромбковъ, по дорогъ заъхалъ домой и разсказалъ, какъ все произошло. Онъ просто таки опасался, какъ бы не дошелъ до панны слухъ о томъ, что Яцекъ быль вызвань другими, и какъ бы это не охладило ея гнъва и негодованія; поэтому онъ предпочелъ самъ все разсказать, при чемъ не преминулъ добавить, что Тачевскій всякими правдами и неправдами принудилъ ихъ вызвать себя. Онъ кромъ того надъялся, что панна Сьенинская чисто по-женски будетъ всегда на сторонъ пострадавшихъ.

Но Яцку вдругъ показалось, что любимые глаза посмотръли на него менъе сурово, и поэтому онъ повторилъ вопросъ:

— Развѣ милостивая панна не знала объ этомъ?

— Знала, — отвътила она, — но въ то же время я помнила то, чего и панъ не долженъ былъ забывать, будь онъ хоть немного расположенъ ко мнъ, а именно: что я обязана жизнью этимъ кавалерамъ. Слышала я также отъ моего опекуна, что они принуждены были вызвать пана.

— Какъ! Я не расположенъ къ милостивой паннъ? Ну, такъ пусть насъ судитъ Богъ, читающій въ сердцахъ людей!..

Глаза дъвушки быстро заморгали, и она съ такой поспъшностью тряхнула головой, что коса свалилась у нея на плечо, и произнесла:

— Вотъ какъ!

А онъ продолжалъ взволнованнымъ и печальнымъ голосомъ:

 Но правда, я долженъ былъ бы зарубить себя, чтобы позволить только не огорчить милостивую панну!.. Тогда бы не текла та кровь, которая тебъ такъ дорога. Но что дълать! Этому уже не пособить, да вообще ничему уже пособить нельзя! Опекунъ говорилъ милостивой паннъ, что я ихъ принудилъ къ вызову? Ну, что же, и это я отдаю на Божій судъ. А разсказывалъ ли онъ о томъ, какъ онъ подъ моей собственной кровлей безъ всякаго милосердія и безъ всякой міры меня оскорбляль? Прівхаль я еще разъ сюда, потому что зналъ, что не застану его здъсь. Пріъхаль я затъмъ, чтобы мои глаза въ послъдній разъ насытились видомъ милостивой панны. Знаю, что это тебъ все равно, но думалъ, что хоть...

Тутъ Яцекъ замолчалъ, чувствуя, что слезы подступили къ горлу и сдавили его. Губы панны Сьенинской также начали дрожать и принимали все больше и больше видъ подковки, и только дъвичья гордость и стыдливость боролись въ ней съ чувствомъ и не позволяли показать, до чего она тронута словами Яцка.

Но она поспъшила овладъть собой, быть можетъ, въ надеждъ, что страданія заставять Яцка выразить еще сильнъе свои чувства, а можетъ быть и потому, что не върила въ возможность того, чтобы онъ дъйствительно ушелъ, да еще навсегда. Не разъ въдь случались между ними недоразумънія, не разъ и панъ Понговскій дізлаль ему непріятности, и, однако, послѣ вспышекъ гнъва происходили молчаливыя или громкія извиненія, а затъмъ все оставалось попрежнему. "Такъ будетъ и теперь", — думала она.—Но такъ какъ ей было пріятно слушать его и видъть то сильное чувство любви, которое, хотя онъ и не ръшался его высказать болъе ясными словами, такъ и выливалось наружу, то она желала, чтобы онъ какъ можно дольше говорилъ своимъ чуднымъ голосомъ о своей любви и повергъ бы къ ея ногамъ свое молодое, влюбленное и такъ сильно уязвленное теперь сердце.

Онъ же, неопытный въ дълахъ любви и слъпой, какъ всъ влюбленные, не замъчалъ и не понималъ того, что съ ней происходитъ. Молчаніе ея приписаль онь полнъйшему равнодушію, и горькое чувство обиды стало постепенно наполнять его душу. То спокойствіе, съ которымъ онъ началъ говорить, покинуло его, глаза загорълись инымъ блескомъ, и капли холоднаго пота выступили у него на лбу. Казалось, что-то рвется и ломается въ его душъ. Имъ овладъло то отчаяніе, когда человъкъ ничего больше не соображаетъ и готовъ собственными руками копаться въ своихъ сердечныхъ ранахъ.

Все еще сохраняя наружное спокойствіе, онъ заговорилъ уже инымъ, болье жесткимъ и ръзкимъ голосомъ.

— Итакъ, ни одного слова?! Панна Сьенинская только пожала плечами.

- Да, правду сказалъ ксендзъ Воиновскій, —продолжалъ онъ, —что меня здѣсь ожидаетъ еще большая несправедливость.
- Въ чемъ же панъ видитъ несправедливость съ моей стороны?— спросила она, непріятно пораженная неожиданной перемъной, происшедшей въ немъ.

Но онъ уже не могъ сдерживать себя.

— Еслибъ я не видълъ, какой ты только что была съ Ципріановичемъ, то думалъ бы, что у тебя въ груди нътъ сердца. Но у тебя есть сердце, только для него, а не для меня. Ему стоило только взглянуть на тебя и конецъ...

И вдругъ, схвативъ себя за волосы, онъ еще ръзче крикнулъ:

 — Лучше бы я зарубилъ его на смерть!.. Передъглазами панны Сьенинской какъ бы мелькнуло пламя. Щеки ея раскраснълись, въ глазахъ заискрился гнъвъ противъ Яцка, а также и противъ себя самой, за то, что она минуту тому назадъ готова была плакать о немъ. Сильная и внезапная обида охватила ея сердце.

— Панъ съ ума сошелъ!—громко произнесла она, гордо поднявъ голову и откидывая назадъ косу.

Она повернулась, чтобы уйти, но именно, это движеніе довело Яцка до полной потери самообладанія. Онъ схватилъ ее за руки и удержалъ.

— Нътъ, не ты уйдешь, а я уйду!—сказалъ онъ,—и я тебъ еще вотъ что скажу: несмотря на то, что я тебя много лътъ любилъ больше жизни, больше собственной души, я уйду и никогда не вернусь. Буду кусать пальцы отъ муки и горя, но не вернусь, и да поможетъ мнъ въ этомъ Богъ!

И позабывъ о брошенной на полу старой, совсъмъ вытертой шапченкъ, онъ побъжалъ къ двери, затъмъ промелькнулъ мимо оконъ, повернувъ въ садъ, чтобы ближе пройти въ Выромбки, и исчезъ изъ виду.

А панна Сьенинская стояла нъкоторое время, какъ бы пораженная молніей. Мысли ея точно птицы разлетълись во всъ стороны, и она никакъ не могла сообразить, случилось; когда же къ ней вернулось сознаніе, ея гнѣвъ пропалъ и пропала безслъдно вся обида, и въ **ушахъ** ея только звучали слова "любилъ Я тебя больше жизни, больше собственной души" и "никогда не вернусь". Теперь она чувствовала, что онъ дъйствительно не вернется, и потому именно, что такъ сильно любилъ ее. Зачъмъ она ему не сказала хотя бы одно доброе слово, о которомъ онъ, прежде чъмъ имъ овладъло безуміе, молилъ, какъ бъднякъ о милостынъ, какъ голодный о кускъ хлъба!

Ее охватило чувство безмърной жалости и страха за него. Убъжалъ

въ сильномъ горъ, точно безумный, можетъ упасть гдъ-нибудь по дорогь, можетъ причинить себъ вредъ, и Богъ знаетъ, до чего дурного можетъ довести его отчаяніе. А между тъмъ одно сердечное слово могло все смягчить и загладить. Пусть бы онъ хоть ея голосъ услышалъ... Она должна побъжать туда за садъ, черезъ лугъ къ ручью-тамъ онъ ее еще услышитъ! И она быстро выбъжала въ садъ. Глубокій снъгъ лежалъ на средней дорожкъ, но на ней виднълись слъды Яцка, и она побъжала по ней, мъстами проваливаясь въ снъгъ до колънъ, теряя по дорогъ четки, платокъ, мъщечекъ съ нитками, и запыхавшаяся отъ бъга, достигла калитки сада.

— Пане Яцку!

Но на лугу за калиткой никого не было, при томъ же вътеръ, прогнавшій утренній туманъ, шумълъ теперь между голыми вътвями грушъ и яблонь, и ея слабый голосъ затерялся среди этого шума. Тогда она, не обращая вниманія на холодъ и на то, что была въ одномъ платьъ, опустилась на скамью у калитки и начала плакать. Крупныя, какъ жемчугъ, слезы катились по ея розовымъ щечкамъ, и она, не имъя чъмъ ихъ отереть, вытирала ихъ косой.

— Нътъ, не вернется!

А вътеръ все сильнъе и сильнъе шумълъ, сбрасывая мокрый и рыхлый снъгъ съ обнаженныхъ вътвей.

Когда Тачевскій влетълъ, какъ вихрь, безъ шапки, съ растрепанной гривой волосъ, на крыльцо своего домика въ Выромбкахъ, ксендзъ Воиновскій тотчасъ же понялъ, что произошло, и сказалъ:

— Praedixi! Богъ да поможетъ тебъ, Яцекъ! Но я не стану разспрашивать до тъхъ поръ, пока ты не опомнишься и не успокоишься.

Кончено, все кончено!—отвътилъ Тачевскій.

И онъ началъ быстро ходить по комнатъ, точно дикій звърь по клъткъ. Ксендзъ сидълъ безмолвно,

не желая мѣшать ему. Такъ прошло довольно много времени. Наконецъ ксендзъ всталъ, обнялъ Яцка, поцъловалъ его въ голову и затѣмъ, взявъ его за руку, повелъ его въ альковъ, гдѣ стояла его кровать. И тамъ, передъ распятіемъ, висѣвшимъ надъ изголовьемъ, старый ксендзъ опустился на колѣни, когда же и Яцекъ послѣдовалъ его примѣру, онъ началъ громко молиться.

 Господи, Ты знаешь, что значатъ страданія, такъ какъ Самъ на крестъ страдалъ за гръхи людей... И вотъ я приношу къ Тебъ мое окровавленное сердце и, стоя у ногъ Твоихъ, пробитыхъ гвоздями, молю Тебя — смилуйся надо мной... Не прошу Тебя — возьми мои страданія, а прошу-дай мнъ силы вынести ихъ, потому что я солдатъ Твоего войска и хотълъ бы послужить Тебъ и моей родинъ, Ръчи Посполитой. Но какъ могу я это сдълать, когда сердце мое обмираетъ, и правая рука моя ослабъваеть. Поэтому молю Тебя—сдълай такъ, чтобы я забылъ самого себя и помнилъ только о Твоемъ прославленіи и объ избавленіи моей родины, ибо эти дъла важнъе, чъмъ страданія такого жалкаго червяка, какъ я. И укръпи меня, Господи, въ съдлъ моемъ, дабы я могъ доъхать до поля брани, до славной смерти, до вратъ небесныхъ. Вън-Твоимъ терновымъ Тебя— услышь меня. Раной, прободенной въ Твоемъ бедръ, молю Тебя, услышь меня. Руками, ногами Твоими, пригвожденными къ кресту, молю Тебя, услышь меня!

Затъмъ они продолжали нъкоторое время стоять на колъняхъ, но еще во время молитвы нестерпимая боль охватила сердце Яцка, онъ поспъшно закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ. Когда же они поднялись съ колънъ и вышли изъ алькова, ксендзъ Воиновскій глубоко вздохнулъ и обратился къ Яцку со слъдующими словами:

— Яцекъ мой, много горя пере-

несъ я за время моей солдатской жизни, и посильнъе твоихъ бывали страданія мои. Но не хочу я распространяться о нихъ, скажу тебъ только, что въ минуту самой сильной боли душевной сложилъ я вотъ эту самую молитву, и ей обязанъ моимъ спасеніемъ. И съ тъхъ поръ я при каждомъ несчастіи повторялъ ее, и всегда молитва эта облегчала меня. Вотъ поэтому то я ее и теперь произнесъ. Ну, и что же, неужели не стало легче, скажи-ка?

— Еще грустиве стало мив, но боль ужъ не такая жгучая, — отвъ-

тилъ Яцекъ.

— Ну, вотъ видишь! Выпей - ка вина, а я тебъ что то скажу или върнъе покажу, что должно придать тебъ надежду и упованіе. Смотри.

И, наклонивъ свою съдую голову, онъ показалъ среди густыхъ еще волосъ глубокій шрамъ, идущій черезъ весь черепъ, и продолжалъ:

— Чуть было не умеръ я отъ этого. Рана страшно болѣла, ну, а вотъ рубецъ не болитъ. Всегда такъ бываетъ, Яцекъ. Рана твоя перестанетъ болѣть, когда время ее затянетъ, и останется только рубецъ, а тотъ болѣть не будетъ. Ну, а теперь разсказывай, что тамъ произошло.

Яцекъ началъ разсказывать, но ему это плохо удавалось: не въ его характеръ было что либо выдумывать, прикрашивать или добавлять, а поэтому онъ и самъ дивился, до чего въ разсказъ все то, что причинило ему такую боль, казалось блъднымъ и далеко не такимъ ужаснымъ. Но ксендзъ Воиновскій, человъкъ бывалый, опытный и прекрасно знавшій свътъ, выслушалъ до конца разсказъ Яцка и затъмъ сказалъ:

— Понимаю, что трудно передать словами взгляды или жесты, которые могутъ быть такими высокомърными и оскорбительными. Въдь, не даромъ же бывало достаточно

иногда одного взгляда, одного взмаха руки, чтобы довести до поединка, до кровопролитія. Но во всемъ твоемъ разсказъ самое главное то, что ты сказалъ этой пани, что ты туда никогда не вернешься. Молодость бываетъ легкомысленна и непостоянна, когда же ею овладъваетъ тоска, она измъняется, точно мъсяцъ на небъ, и любовь можно именно сравнить съ луной mendax. Ну, а какъ будетъ дальше? Имъешь ли ты дъйствительно твердое намъреніе сдержать то, что сказалъ ей?

- Я въдь сказалъ "да поможетъ мнъ въ этомъ Богъ", и если хотите, отецъ, то повторю свою клятву вотъ на этомъ самомъ распятіи.
- А что ты теперь намъренъ дълать съ собой?
  - Пуститься въ свътъ.
- Я ждалъ этого, такъ какъ давно совътовалъ тебъ такъ поступить. Зналъ я также хорошо, что тебя здъсь держитъ, но теперь, когда послъднія узы порвались, говорю тебъ: "иди въ свътъ, въ жизнь"! Ты здъсь ничего не дождешься, ничего хорошаго у тебя здъсь не было и не будетъ. Эта жизнь здъсь была губительной для тебя. Еще счастье твое, что я былъ тутъ близко, и что я могъ хоть немного просвътить тебя въ латинскомъ языкъ и въ умъньъ держать саблю, а то бы ты здъсь сталъ совсъмъ мужикомъ. Не благодари меня, Яцекъ, я дълалъ это изъ искренняго чувства къ тебъ. И грустно мнъ будетъ одному безъ тебя, но въдь дъло тутъ не во миъ. Ты хочешь отправиться въ свътъ, а это, какъ я понимаю, значитъ-ты хочешь завербоваться въ войско. Эта самая прямая и самая достойная дорога, тъмъ болъе теперь, когда начинается война съ нехристями. Перо и канцелярщина, говорятъ, болъе върная служба и болъе успъшная, чъмъ военное дъло, но подобная служба менъе подходитъ и менъе пристойна такой славной крови, какъ твоя.

- Я никогда и не думалъ о какой бы то ни было другой службъ, отвътилъ Тачевскій,—но не хочу поступать въ пъхоту, а въ конныя хоругви мнъ не попасть, потому что я бобыль и голякъ...
- Шляхтичъ, у котораго на языкъ латынь, а въ длани сабля, сумветъ вездъ постоять за себя-прервалъ его ксендзъ, - но какъ бы то ни было, а все же ты долженъ имъть хорошій выъздъ. Надо объ этомъ потолковать и поразмыслить. А пока скажу тебъ то, что до сихъ поръ хранилъ про себя: у меня спрятаны для тебя десять червонцовъ, которые мнъ передала твоя мать покойница вмъстъ съ письмомъ, въ которомъ просила меня, чтобы я ихъ не давалъ тебъ зря, а только въ крайней необходимости, минуту когда тебъ будетъ, такъ сказать, ножъ къ горлу приставленъ. Ну вотъ, теперь такое время и подошло. У тебя была достойная, святая, но и очень несчастная мать. Когда она, бъдная, умерла, нужда въ домъ была уже великая и, можно сказать, что тъ деньги, которыя она миъ передала, отняла она у себя прямо ото
- Въчный покой даруй ей, Господи!—отвътилъ Яцекъ.—Такъ пусть же эти червонцы пойдутъ на поминъ ея души, на заупокойныя объдни. а я продамъ Выромбки, хотя бы за гроши.

Услыхавъ это, старый ксендзътакъ расчувствовался, что слезы заблестъли на его старыхъ глазахъ, и онъ опять обнялъ Яцка.

— Достойная и въ тебъ кровь! — сказалъ онъ, — но ты не имъешь права отказываться отъ дара матери, хотя бы ради такой высокой цъли. И заупокойныхъ молитвъ она тоже не будетъ лишена, можешь быть въ этомъ увъренъ, хотя она сама-то не особенно въ нихъ нуждается, но онъ пригодятся другимъ душамъ, находящимся въ чистилищъ. Что же касается до Выромбковъ, то было бы лучше ихъ зало-

жить, потому что къ шляхтичу, владъй онъ хотя бы самымъ маленькимъ клочкомъ земли, совсъмъ иначе относятся, такъ какъ онъ тогда все же есть possesionatus.

Да, но мнѣ то спѣшно нужно.
 Хотѣлось бы сегодня уѣхать.

 Сегодня не уѣдешь, хотя чѣмъ скоръе, тъмъ лучше. Но я долженъ сначала изготовить тебъ письма къ моимъ товарищамъ и пріятелямъ. Надо будеть также поговорить съ пивоварами изъ Едлны, у которыхъ и денежные мъшки туго набиты, да и кони такіе, что у иного панцырнаго ратника лучшихъ не найдется. И у меня въ моемъ домъ найдется кое какое старое рыцарское вооруженіе, да и нъсколько сабель, не столь, быть можетъ, дорогихъ по украшеніямъ и не особенно красизато хорошо выхъ по виду, но испробованныхъ на шведскихъ и турецкихъ головахъ.

Сказавъ это, ксендзъ взглянулъ

въ окно и прибавилъ:

— Но вотъ и сани готовы, и кому надо въ путь, тому и время.

— На лицъ Яцка опять промелькнуло выраженіе сильнаго страданія. Онъ поцъловалъ руку старика и робко произнесъ:

- Есть у меня еще одна просьба, отецъ и благодътель мой, позвольте мнъ съ вами поъхать и остаться у васъ до моего отъъзда. Оттуда видны только однъ крыши, а здъсь... а тутъ ужъ слишкомъблизко...
- Да какъ же... конечно. Самъ котълъ я это тебъ предложить. Ты прямо у меня изо рта слова-то эти вынулъ. Нечего тебъ тутъ дълать, а я отъ всей души буду радъ тебъ. Эй, Яцекъ, ободрись! Не кончается свътъ Белчончкой, а напротивъ того онъ широко теперь открывается передъ тобой. Разъ сядешь ты на коня, Богъ знаетъ, куда заъдешь. Война ждетъ тебя, слава ждетъ тебя, а сегодняшняя болячка... такъ въдь она присохнетъ. Нътъ раны, которая бы не затянулась. Вижу

уже, какъ у тебя за плечами крылья выростають. Лети же, Божій птенець, на то ты сотворень и таковътвой удъль.

И радость, точно лучъ солнца, освътила почтенное лицо старца. Онъ ударилъ себя по солдатской привычкъ ладонью по ляшкъ и крикнулъ:

— А теперь бери шапку и ъдемъ! Но мелочи часто становятся поперекъ дороги великимъ дъламъ, и смъшныя вещи граничатъ и часто смъшиваются съ грустными.

Яцекъ оглядълся по всей комнатъ, потомъ взглянулъ съ озабоченнымъ видомъ на ксендза.

- Шапка...
- Ну, а то какъ же, не поъдешь же ты съ непокрытой головой?!
  - Да, но...
  - Что но?
  - Она осталась въ Белчончкъ.
- Вотъ тебѣ и разъ! Что теперь дълать?
- Что дълать... взять у челядника шапку? Да, но не могу же я ъхать въ хлопской шапкъ.
- Въ хлопской не можешь ѣхать, — подтвердилъ ксендзъ, — такъ пошли хлопа въ Белчончку за твоей.
- Ни за что на свѣтѣ!—крикнулъ Яцекъ.

Но терпъніе стараго ксендза стало истощаться.

- А, нелегкая побери! Война, слава, обширный міръ — все это прекрасно, но въдь и шапка нужна!
- На днъ стараго сундука лежитъ у меня старая шляпа, снялъ ее отецъ въ битвъ со шведскаго офицерал.

 Ну, такъ возьми ее и ъдемъ наконецъ.

Яцекъ скрылся въ альковъ и черезъ минуту явился въ желтой рейтарской шляпъ. Она была слишкомъ велика для его головы и придавала ему очень смъшной видъ. Это развеселило ксендза, который схватился за лъвый бокъ, какъ бы ища тамъ рукоятку сабли и сказалъ:

— Хорошо еще, что это шведская шляпа, а не турецкая чалма, да и то похоже, какъ будто теперь карнавалъ, и ты замаскировался.

Яцекъ улыбнулся, говоря:

 На пряжкъ какіе-то камушки, можетъ быть они чего нибудь да стоятъ.

Затьмъ они съли въ сани и поъхали. Сейчасъ же за оградой сквозь оголенныя вътки ольховника видиълась какъ на ладони вся Белчончка и весь дворъ передъ домомъ. Поэтому ксендзъ съ тревогой посматривалъ на Яцка, но тотъ сидълъ, нахлобучивъ на глаза слишкомъ большую для его головы шведскую шляпу, и даже не взглянулъ туда, хотя оставилъ тамъ не одну только шапку.

V.

— Не вернется, все кончено!— говорила себъ въ первую минуту панна Съенинская.

И странная вещь! въ домъ находились пять кавалеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ красивый, молодой, да еще кромъ пана старосты Гротуса, долженъ былъ прівхать Ципріановичъ, старшій словомъ, ръдко когда бывало въ Белчончкъ столько гостей, какъ теперь, а между тъмъ паннъ казалось, что вокругъ нея все опустъло, что не достаетъ чего то особенно важнаго, что домъ опустълъ, садъ опустълъ, и она сама такъ одинока, какъ еслибъ находилась въ безлюдной степи, и что такъ будетъ продолжаться въчно.

Сердце ея сжалось отъ боли, какъ будто она только что утратила самаго близкаго человъка. Она была увърена, что Яцекъ не вернется, тъмъ болъе, что опекунъ смертельно оскорбилъ его, но вмъстъ съ тъмъ не могла себъ представить, какъ это будетъ безъ него, безъ его лица, словъ, улыбки, взглядовъ, какъ будетъ завтра, послъ завтра, черезъ недълю, черезъ мъсяцъ, и зачъмъ она должна каждое утро подниматься съ кровати, зачъмъ запле-

тать косы, для кого одъваться, завиваться—зачъмъ жить?

И ей стало казаться, что ея сердце было свъчей, на которую кто-то внезапно дунулъ и погасилъ.

Когда же она вернулась въ комнату и увидала на полу шапку Яцка всъ эти неясныя и смъшанныя чувства уступили мъсто простой, но сильной тоскъ по немъ. Все, что въ сердцъ своемъ чувствовала она къ нему, все это и проснулось и стало призывать его. И одновременно какой-то лучъ надежды блеснулъ въ въ ея душъ. Она подняла шапку и какъ бы нечаянно прижала ее къ груди, а затъмъ спрятала ее въ рукавъ и начала размышлять.

— Онъ не станетъ бывать попрежнему каждый день въ Белчончкъ, но пока изъ Едлинки успъютъ пріъхать панъ Гротусъ и старый Ципріановичъ, онъ долженъ же вернуться за шапкой, и тогда я увижу его и скажу ему, что онъ былъ слишкомъ ръзокъ и несправедливъ—и что ему не слъдовало такъ поступать.

Но она была въ данномъ случаъ неискренна даже сама съ собой, такъ какъ хотъла ему сказать совсъмъ иное, хотъла найти такое теплое сердечное слово, которое бы вновь связало порвавшіяся между ними нити. Если случится то, чего она такъ страстно желаетъ, то они могли бы видъться въ костелъ и изръдка у сосъдей-ну, а въ будущемъ нашелся бы способъ устроить все къ лучшему. Но какой же долженъ быть, способъ" и что такое было это "лучшее", надъ этимъ панна Сьенинская не задумывалась, потому что ее теперь больше всего занимала мысль какъ можно скоръе повидать Яцка.

Въ это время изъ комнаты, въ которой лежали раненые, вышла пани Винницкая и увидавъ взволнованное лицо и покраснъвше глаза молодой дъвушки, принялись ее успокаивать: "не бойся, ничего съ ними не станется. Только у одного изъ

Букоемскихъ болѣе тяжелыя пораненія, но и тутъ нѣтъ никакой опасности. А у другихъ и совсѣмъ пустяки. Да при томъ же ксендзъ Воиновскій прекрасно перевязалъ ихъ, такъ что ничего не пришлось передѣлывать. Они въ отличномъ состояніи духа и веселы."

— Слава Богу!

- А Тачевскій уѣхалъ? Что ему здѣсь нужно было?
  - Привезъ раненыхъ.
- Да кто бы могъ ожидать чего нибудь подобнаго отъ него!
  - Они сами вызвали его!
- Они и не отпираются отъ того. Но что онъ ихъ всъхъ поранилъ, всъхъ пятерыхъ, вотъ что удивительно, можно было бы подумать, что онъ и воды не замутитъ, всегда и во всемъ всъмъ уступитъ, даже согласится насъдку отъ цыплятъ отнять, чтобы уступить другому.
- Тетечка плохо знаетъ его. Да не таковъ онъ! отвътила съ гордостью панна Съенинская.

Но и въ голосъ панны Винницкой было бодьше удивленія, чъмъ порицанія, такъ какъ она, рожденная и выросшая въ странъ, въчно подвергавшейся татарскимъ набъгамъ, съ колыбели научилась смотръть на отвагу и умънье владъть саблей, какъ на главную и самую лучшую добродътель мужчины, и теперь когда первый страхъ за гостей прошелъ, она совсъмъ иначе относилась къ этому поединку.

- Я все же должна признать, продолжала она, что и они всъ достойные кавалеры, потому что они не только не питаютъ къ нему злобы, но даже хвалятъ его, особенно этотъ Ципріановичъ. Это же говоритъ онъ врожденный солдатъ. И сердятся они всъ на его милость который, какъ они говорятъ переступилъ всякую мъру и границу въ Выромбкахъ.
- Тетечка тоже не лучше приняла пана Яцка.
  - Потому что онъ заслуживалъ

этого. А ты то сама небось хорошо приняла его?

... ЯР.

— Да, ты! Видъла я прекрасно, какъ ты на него надулась!

— Тетечка моя!..

И молодая дъвушка остановилась, чувствуя, что вотъ-вотърасплачется. Но послъдствіемъ этого разговора было то, что Яцекъ еще больше выросъ въ ея глазахъ. Одинъ противъ такихъ ловкихъ и опытныхъ мужей и всъхъ поранилъ, всъхъ побъдилъ. Разсказывалъ онъ правда, не разъ, что выходилъ противъ дикаго кабана съ однимъ только копьемъ, но въдь хлопы, осъвшіе на землъ по краямъ пущи, выходятъ на нихъ просто съ дубинами, поэтому никому не было въ диковину то, какъ охотится Яцекъ. Ну, а тутъ въдь совсъмъ иное дъло--побъдить пять шляхтичей-рыцарей могътолько еще болъе сильный и ловкій рыцарь, чъмъ они.

Паннъ Съенинской казалось просто чудомъ, что человъкъ, у котораго были такіе грустные и нъжные глаза, могъ быть такимъ жестокимъ и отважнымъ на полъ чести. Значитъ онъ только ей такъ поддавался, только отъ нея переносилъ онъ все, и только для нея былъ онъ такимъ нъжнымъ и уступчивымъ. Но почему же? потому что любилъ ее больше жизни, больше счастья, больше самого себя.

Часъ тому назадъ онъ самъ ей въ этомъ признался.

И вновь тоска по немъ точно отромная волна нахлынула на ея сердце. Чувствовала она также, что и между ними что-то произошло, измънилось, и что если она его теперь увидитъ и затъмъ будетъ съ нимъчастовстръчаться, то она уже не позволитъ себъ играть имъ какъ бывало, то погружая его въ печаль, то слегка утъшая и давая вздохнуть, то отталкивая, чтобы опять привлечь, да, она чувствовала, что теперь она невольно будетъ относиться къ нему съ большимъ ува-

женіемъ, будетъ болѣе осторожной и покорной.

Минутами еще какъ бы звучалъ въ ней голосъ, говорившій ей, что Яцекъ обошелся съ ней слишкомъ запальчиво, наговорилъ ей болѣе горькихъ, оскорбительныхъ словъ, чѣмъ сдѣлала это она, но голосъ этотъ звучалъ все слабѣе и слабѣе, а желаніе видѣть его, примириться съ нимъ становилось все сильнѣе и сильнѣе.

Только бы онъ вернулся пока тъ еще не пріъхали изъ Едлинки.

Но тъмъ временемъ прошелъ часъ другой, третій, а онъ все еще не возвращался. И тогда ей пришла мысль, что ужъ теперь поздно, что онъ самъ не придетъ, а пришлетъ кого нибудь за шапкой.

Поэтому она рѣшила отослать шапку вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ хотѣла высказать все, что тяготило ея сердце. А такъ какъ посланный Яцка могъ каждую минуту явиться, то она желая все приготовить заблаговременно, заперлась въ своей дѣвичьей комнаткѣ и принялась за письмо.

"Да проститъ вамъ Богъ ту печаль и то горе, которое вы мнъ причинили. Я увърена, что загляни вы въ мое сердце, вы не поступили бы такъ со мной. Вотъ почему я не только отсылаю вамъ вашу шапку, но и присоединяю доброе пожеланіе, чтобы вы были счастливы и позабыли"...

Но тутъ она замътила, что пишетъ совсъмъ не то, что думаетъ, и что желаетъ; она совсъмъ не желала, чтобы онъ позабылъ, а поэтому, отбросивъ этотъ листокъ, принялась писатъ другое письмо, болъе трогательное и грустное.

-- "Посылаю милости вашей шапку, такъ какъ знаю, что никогда больше не увижу пана въ Белчончкъ, и что панъ тутъ ни о комъ, а тъмъ болъе обо мнъ, бъдной сиротъ, не будетъ плакать, чего и я, благодаря панской несправедливости,

и хотя бы мнт и не въсть какъ жаль было, не стану дълать ...

Но чувство ея сейчасъ же возстало противъ этихъ словъ, и крупныя слезы закапали на письмо. Зачъмъ приводить ему такіе доводы, если онъ совстви изгналъ ее изъ своего сердца? Черезъ минуту ей пришло въ голову, что лучше быть можетъ совствить не упоминать о несправедливости и запальчивости, а то это только вызоветь въ немъ, чего добраго, еще большее раздражение. Раздумывая объ этомъ, она стала искать третій листокъ бумаги, но его не оказалось. Это обстоятельство выбило ее совсъмъ изъ колеи, такъ какъ обратись она къ пани Винницкой съ просьбой одолжить ей бумаги, она бы не избъгла всевозможныхъ вопросовъ и разспросовъ, на которые не знала бы какъ отвъ-Притомъ же она чувствовала, что совствить теряетъ голову, и что она ни въ какомъ случав не сможетъ написать то, что бы ей хонаписать; сильно твлось ленная всъмъ этимъ она прибъгла къ обычному дъвичьему способу облегченія горя—къ слезамъ.

Тъмъ временемъ стемнъло, передъ крыльцомъ зазвенвли колокольчики саней, и панъ Понговскій вернулся съ гостями. Слуги повсюду въ комнатахъ зажгли огни, такъ какъ стало совсъмъ темно. Молодая дъвушка вытерла слезы и вошла въ пріемную комнату съ нъкоторымъ страхомъ, какъ бы не замътили, что она плакала, и тогда Богъ въсть что могутъ подумать или же начнутъ приставать къ ней съ вопросами. Но въ комнатъ находились только панъ Понговскій и панъ Гротусъ безъ пана Ципріановича, о которомъ она, желая отвлечь отъ себя вниманіе, принялась распрашивать.

— Онъ пошелъ къ сыну и къ Букоемскимъ, — отвътилъ панъ Понговскій, — но я уже дорогой успокоилъ его, сказавъ, что нътъ ни малъйшей опасности.

Затъмъ онъ внимательно и пристально поглядълъ на нее, и на его обычно мрачномъ лицъ и въ суровыхъ сърыхъ глазахъ показалась какая то необычайная доброта. Онъ подошелъ къ молодой дъвушкъ и, положивъ руку на ея золотистые волосы, сказалъ:

- Да и ты совсъмъ напрасно тревожишься. Пройдетъ нъсколько дней, и они будутъ совершенно здоровы. Ну, да будетъ объ этомъ. Мы имъ кое чъмъ обязаны, это правда, и поэтому-то я вступился за нихъ, но собственно говоря это чужіе намъ люди и довольно таки низкаго положенія.
- Низкаго положенія?—повторила она точно эхо, чтобы только сказать что нибудь.
- Ну, да, въдь, Букоемскіе голыши, а Ципріановичъ . . . А въсущности, что мнъ за дъло до этого? Утдутъ, и будетъ попрежнему у насъ все спокойно.

Панна Сьенинская подумала, что будетъ даже слишкомъ спокойно, когда они останутся втроемъ въ Белчончкъ, но не высказала вслухъ этой мысли.

- Пойду,—сказала она,—похлопотать объ ужинъ.
- Иди, хозяечка, иди, отвътилъ Понговскій. —Ты въ домѣ приносишь и радость, и пользу.

А затъмъ онъ добавилъ:

— Тарелки вели подать серебряныя, дабы показать пану Ципріановичу, что приличная посуда найдется не у одного только возведеннаго въ шляхетство армянина.

Панна Сьенинская поспъшила въ людскую, но такъ какъ хотъла до ужина покончить съ дъломъ большей для нея важности, чъмъ этотъ ужинъ, то позвала прислуживающаго въ комнатахъ мальчика и сказала ему:

— Слушай, Войтекъ, сбъгай-ка въ Выромбки и скажи пану Тачевскому, что паненка очень ему кланяется и посылаетъ ему его шапку. А вотъ

это возьми себъ за услугу. Теперь повтори, что я сказала.

 Паненка кланяется и посылаетъ шапку!

- Не кланяется, а очень кланяется — понимаешь?
  - Понимаю.
- Ну, такъ бъги, только возьми съ собой кожухъ, а то къ ночи опять сильнъе морозитъ. Пусть и собаки пойдутъ съ тобой.
- Очень кланяется, смотри, не забудь же и сейчасъ же бъги назадъ, если только панъ не захочетъ послать отвъта.

Покончивъ съ своимъ дѣломъ, она отправилась на кухню, чтобы позаботиться объ ужинѣ, который оказался почти готовымъ, такъ какъ вся прислуга знала, что панъ вернется съ гостями. А потомъ она переодѣлась, пригладила волосы и вышла въ столовую.

Старый Ципріановичъ дружески привътствовалъ ее, потому что ея молодость и красота тронули его сердце еще тогда въ Едлиикъ. А такъ какъ онъ теперь былъ спокоенъ за сына, то, когда всъ съли за ужинъ, онъ продолжалъ весело болтать съ ней, стараясь вмъстъ съ тъмъ при помощи шутокъ разогнать облако печали, лежавшее на ея челъ и причину котораго онъ приписывалъ всему, что произошло.

Но ужину не суждено бызо окончиться благополучно для молодой дъвушки, такъ какъ послъ второго блюда дверь раскрылась, и на порогъ показался Войтекъ. Дуя на свои раскраснъвшіеся отъ мороза пальцы, онъ крикнулъ:

— Прошу Паненки, я оставилъ тамъ шапку, но пана Тачевскаго не засталъ въ Выромбкахъ, онъ уъхалъ съ ксендзомъ Воиновскимъ.

Слыша это панъ Понговскій приняль высоком врный видъ, сурово сморщиль брови, уставиль свои сърые, словно стальные глаза на мальчика и спросиль:

— Въ чемъ дѣло? Какая шапка? Кто тебя посылалъ въ Выромбки? --- Паненка! --- отвътилъ со страхомъ мальчикъ.

— Я!—подтвердила панна Сьенинская.

И, замътивъ вопросительно на нее обращенные глаза всъхъ присутствующихъ, она сильно смутилась. Но смущеніе это продолжалось недолго: дъвичья увертливость и остроуміе помогли ей вывернуться изъ щекотливаго положенія.

- Панъ Тачевскій, сказала она, привезъ сюда раненыхъ, но такъ какъ мы съ тетечкой очень дурно приняли его, то онъ на насъ разсердился и безъ шапки убъжалъ домой, а я отослала обратно его шапку.
- Правда, что мы его не особенно любезно приняли!—отозвалась и пани Винницкая.

Панъ Понговскій вздохнулъ съ облегченіемъ, и лицо его приняло менъе строгое выраженіе.

— Хорошо сдълали, — сказалъ онъ, — а шапку бы я ему самъ отвезъ, такъ у него навърное нътъ другой.

Но тутъ почтенный и благоразумный панъ Ципріановичъ всту-

пился за Тачевскаго.

— Мой сынъ, — сказалъ онъ, — не чувствуетъ къ нему ни малъйшей обиды. Сами они принудили его къ поединку, а онъ же потомъ отвезъ ихъ къ себъ, перевязалъ ихъ и угостилъ. Букоемскіе говорятъ то же самое, но прибавляютъ, что это такой мастеръ драться на сабляхъ, который, еслибъ захотълъ, могъбы ихъ иначе изувъчить. Да, хотъли проучить его, а между тъмъ сами въ немъ нашли учителя. Если это правда, что его величество король собирается войной на турокъ, то такой Тачевскій тамъ на войнъ очень пригодится.

Панъ Понговскій выслушаль эти слова съвидимымънеудовольствіемъ

и затъмъ возразилъ:

 Въдь, всъмъ этимъ штукамъ выучилъ его ксендзъ Воиновскій.

— Ксендза Воиновскаго я видълъ

всего только разъ, на богомольъ.сказалъ Ципріановичъ, -- но много слышалъ о немъ въ порумоей бытности въ войскъ. На богомольъ другіе ксендзы посмѣивались надъ нимъ, говоря, что его приходской домъ-точно ковчегъ, и что онъ точно Ной, набралъ туда всякихъ тварей и заботится о нихъ. Знаю и то, что онъ былъ когда-то славный рубака, а теперь великой добродътели человъкъ, и если онъ передалъ Тачевскому и свои познанія въ военномъ дълъ, и свою добродътель, то я бы желалъ, чтобы мой сынъ, когда поправится, не искалъ бы иного друга, чъмъ Тачевскаго.

— Поговаривають о томъ, что сеймъ прежде всего займется вопросомъ о войнъ!—сказалъ панъ Понговскій, желая перемънить непріятный для него разговоръ.

 Оно такъ и есть, и уже всъ заняты этимъ вопросомъ, —подтвер-

дилъ староста Гротусъ.

И затъмъ продолжали говорить только о войнъ,

Послъ ужина панна Сьенинская, улучивъ удобную минуту, подошла къ Ципріановичу и, поднявъ на него свои умные глазки, сказала:

— Милостивый панъ очень добрый, да, очень добрый!

— Какъ такъ, почему?

- Потому что панъ заступился за пана Яцка.
- За кого?—спросилъ Ципріановичъ.
- За пана Тачевскаго—его имя Яцекъ!.
- Вотъ какъ! А вѣдь милостивая панна сама его такъ обидѣла,— зачѣмъ же было дѣлать это?
- Еще хуже оскорбилъ его опекунъ. Но сознаюсь милостивому пану, что мы несправедливо поступили, и думаю, что ему слъдуетъ какая нибудь награда за это.

 Онъ навърно съ радостью приметъ изъ рукъ милостивой панны.

Но молодая дъвушка покачала възнакъ отрицанія своой златокудрой головкой.

— О нътъ, — отвътила она съ грустной улыбкой, — онъ въдь разсорился съ нами на въки.

Ципріановичъ поглядълъ на нее добрымъ, почти отеческимъ взоромъ.

— Кто сумълъ бы, прелестный цвътокъ, разсориться съ тобой на-

въки? -- спросилъ онъ.

— О, онъ-то сумъетъ... Что же касается до награды, то для него ничего не могло бы быть пріятнъе, какъ то, если милостивый панъ самъ скажетъ ему, что не питаетъ къ нему злобы и видитъ его невин-

ность. Тогда и опекунъ долженъ былъ бы оказать ему справедливость и любезность, а это непремънно слъдуетъ сдълать.

 Я вижу, милостивая панна върно не такъ ужъ грозно приняла его, если теперь съ такимъ сердечнымъ

жаромъ заступается за него.

— Потому что я чувствую угрызвнія совъсти и вообще не желаю никому причинить да и потому еще, что онъ одинъ на цъломъ свътъ и бъденъ, страшно бъленъ!

(До слъд. №-ра).

Мысли.

Я часто о комъ-то, о чемъ-то мечтаю... Какія-то мысли, какъ змѣи, ползутъ... Я слышу ихъ шорохъ, я вижу ихъ стаю, Онъ-то вернутся, то снова уйдутъ. Какъ молній зигзаги — онъ непонятны... Понять ихъ, извъдать душъ не дано. Какъ пъсни прибоя-тъ мысли невнятны И съ ними мнъ также пустынно, темно. Я тщетно ловлю ихъ капризныя краски: Онъ только дразнятъ и мучатъ меня, Улыбкой привъта, напъвами сказки Куда-то, къ кому-то, зачъмъ-то маня. Но я полюбилъ ихъ... Печальныя тъни Для сердца дороже огнистыхъ лучей, Въ нихъ счастье желаній, надеждъ, вдохновеній, Въ нихъ въчности голосъ и тайны ночей...

С. Оедоренко.

Весь въ папу.

(Будничныя картинки).

~ Очеркъ В. СЫСОЕВА. ~~<del>~</del>

Звонокъ дребезжалъ до тъхъ поръ, пока изъ мастерской не выбъжалъ чумазый мальчикъ и не прихлопнулъ босой ногой дверь магазина; въ одной рукъ у него была велосипедная рама, а въ другой клещи.

— Васъ, чертей, не дозовешься! крикнулъ раздраженно хозяинъ, — нътъ на васъ погибели! Сима!.. А ты, скажи пожалуйста, не можешь оставить ребенка хоть на полчаса? Въдь видишь-же. каждую минуту покупатели!.. Брось его на постель, пусть оретъ, сколько хочетъ. Не могу-же я за всъмъ услъдить, объруки заняты—разорваться я что-ли долженъ?.. Это каторга, а не жизны Наказалъ меня Господь этакой женой...

Онъ почесалъ затылокъ, вздохнулъ и произнесъ вдругъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Достань въ черномъ шкафу наверху трехвольтовыя лампочки.

Серафима Григорьевна полъзла на лъсенку, продолжая держать на лъвой рукъ полненькаго, здороваго мальчугана лътъ двухъ. Положивъ въ ротъ пальчикъ, а другою рученкой вцъпившись въ черные волосы матери, онъ живыми карими глазенками смотрълъ на большой,

блестящій привъшенный къ потолку колоколъ. Опять задребезжалъ звонокъ, отворилась дверь, шли покупатели...

Такъ проходилъ день. Покупателей бывало много, въ магазинъ шла кипучая, безостановочная дъятельность и часто поднимался шумный споръ. Маленькій Кока привыкъ къ этому гаму и плакалъ ръдко, развъ только тогда, когда его оставляли совсъмъ одного. Зато родители постоянно находили поводъ сердиться на сына и бранить его самыми скверными словами. Въчно онъ имъ мъщалъ, хотя и покойный, хотя и Особенно-же безсловесный. ксандръ Петровичъ, смуглый брюнетъ съ эспаньолкой и кругленькими щеками, вспыльчивый и деспотичный -- (его вся мастерская боялась, какъ огня)-часто обрушивался на своего единственнаго крошечнаго сына настоящими проклятіями только потому, что тотъ не во время протягивалъ къ нему свою пухлую рученку, когда отецъ бывалъ занятъ какими-нибудь коммерческими соображеніями. У Коки былъ счастливый характеръ, --и онъ улыбался, глядя на безпричинный гнъвъ отца.

Когда магазинъ запирали, и приводилась въ извъстность дневная выручка, настроеніе мізнялось. Мягкій звонъ золота и серебра успокаивающе дъйствовалъ на Александра Петровича. Шумълъ огромный самоваръ, никкелированный въ собственной мастерской, и чумазымъ мальчикамъ, живущимъ у хозяина, выдавались порціи черствой темносърой булки, такъ-какъ мягкой они могли съъдать вдвое больше, и этоневыгодно. Кромъ того было-бы хозяинъ находилъ, что черствый хлъбъ полезнъе для желудка, и онъ любиль объ этомь распространяться, хотя какъ-будто невполнъ умъстна была забота о желудкахъ тъхъ самыхъ мальчиковъ, зубы и уши которыхъ постоянно страдали отъ хозяйскихъ рукъ. Таинственно блестъли въ глубинъ магазина отдъльныя части лампъ, звонковъ и машинъ. Наружная дверь запиралась, черезъ квартиру со двора впускались уже не покупатели, а гости.

Въ такія минуты Кока оказывался необыкновеннымъ ребенкомъ. немъ души не чаяли, или попросту онъ становился самой любимой, забавной игрушкой. Его передавали изъ рукъ въ руки, дамы цъловали его, мужчины дотрагивались пальцемъ до его носа и пухлыхъ щекъ и пичкали его всъмъ, что находилось на столъ. Кока ни отъ чего не отказывался, несмотря на свои совсвиъ уже молодые годы, и этимъ вызывалъ восхищеніе всѣхъ. особенно усердно угощали маленькаго Коку водкой, которая неизмънно появлялась за чайнымъ столомъ электротехника. Сначала маленькими глотками, потомъ все увеличивая этотъ пріемъ, мальчика заставили постепенно привыкнуть къ такому угощенію, отъ котораго онъ никогда не отказывался, какъ и отъ всякаго другого.

- Напрасно спаиваете ребенка! нерѣшительно замѣчалъ кто-либо изъ гостей.
  - Да вы посмотрите только, какъ

пьетъ!—восторгался Александръ Петровичъ,—и не поморщится. Это съ меня беретъ примъръ!

— Лучше спать будеть, довольно ему здъсь болтаться!—добавляла Серафима Григорьевна, маленькая, смуглая женщина, исхудавшая и замученная отъ этой жизни въ подваль, безъ свъта и воздуха, въ постоянной работъ въ кухнъ и магазинъ.

И въ самомъ дѣлѣ, выпивая порядочныхъ размъровъ рюмку, ребенокъ скоро начиналъ смъяться и шалить, послъ чего неизбъжно наступалъ тяжелый сонъ. Величина рюмки относилась къ мальчику совершенно такъ-же, какъ къ взрослому человъку относится чайный стаканъ. Ръдкій, очень ръдкій день Кока оставался безъ своей губительной порціи, и такъ-какъ родители замъчали, что въ такіе дни Кока плохо спалъ, бывалъ капризенъ и плаксивъ, то не задумываясь приписали алкоголю цълебную силу. Александръ Петровичъ все больше и больше замъчалъ сходства съ собой у своего сына и говорилъ:

— Какой здоровый ребенокъ! Бу-

детъ электротехникомъ.

Александръ Петровичъ гордился своей физической силой, примъняемой имъ въ мастерской только для цълей назидательныхъ. Достаточно ему было сдълать какое-нибудь ръзкое движеніе, чтобы вблизи стоявшіе подмастерья шарахнулись въсторону: такъ привыкли къ непріятнымъ неожиданностямъ съ его стороны.

Мальчикъ росъ быстро и, такъкакъ онъ былъ постоянно на глазахъ, то никто изъ домашнихъ не замъчалъ съ нимъ иикакой перемъны. Между тъмъ онъ росъ подобно растенію, лишенному солнца и воздуха, хотя и щедро пользующемуся какимъ-нибудь ненужнымъ удобреніемъ. Гулять его пускали ръдко. боясь простудить или потому, что не было прислуги. Никакая прислуга не жила долго у электротехника: къ

каждой онъ изъ-за пустяка придирался и зачастую избивалъ до полусмерти, такъ что финалъ расчитыванья разыгрывался даже участкъ или у городского судьи. Въ серединъ мая Коку закутывали ватнымъ пальто и шарфомъ; онъ изнемогалъ подъ этимъ бременемъ до того, что каждая прогулка обращалась для него въ мученье... Уже черезъ годъ мальчуганъ сталъ неузнаваемъ: онъ потерялъ всю ту прелесть, какая бываетъ присуща только дътямъ; кожа его стала блъдной и дряблой, какъ кожа малокровнаго взрослаго человъка. Если онъ казался больнымъ, родители заботливо говорили:

— Ахъ, Боже мой! не простудился-ли онъ? Надо дать ему чаю съ ромомъ, да побольше рому. Выпей-ка рюмочку, Кока!.. Ну, разомъ... Вотъ такъ! вотъ молодецъ!.. Все пройдетъ, не надо плакать...

Тутъ не признавали другихъ болъзней, кромъ простудныхъ, а въ видъ противоядія давали новую дозу яду. Непониманіе этихъ простыхъ и страшныхъ вещей было поразительно; еще поразительнъе было то, что отецъ на себъ самомъ испытывалъ губительное дъйствіе алкоголя и не видълъ этого почему-то на своемъ сынъ. Можетъ быть, и въ самомъ дълъ отъ водки притупляются самыя лучшія человъческія чувства. Съ утра работа безъ устали, поводы выходить изъ себя на каждомъ шагу, потомъ одурманиваніе себя, физически усталаго, на сонъ грядущій, хорошо еще, если не до потери сознаніягдъ ужъ было тутъ думать о долгъ отца и человъка!

* *

Тихо въ спальной, которая какъ всѣ спальни неразумныхъ, тщеславныхъ людей устроена не въ просторной, свѣтлой комнатѣ, понадобившейся для гостинной, то есть, комнатѣ, гдѣ никто не живетъ—а въ тѣсной каморкѣ, лишенной воз-

духа и свъта... Александръ Петровичъ уже давно имъетъ нъсколько отдъленій своей фирмы и занимаетъ прекрасную квартиру, въ которой всъ комнаты, гдъ бываютъ только на короткій срокъ, устроены для жилья множества людей. Въ маленькой спальной тихо, потому что сюда теперь ръдко притекаетъ шумная жизнь.

Кокъ исполнилось шесть лътъ; это крайне болъзненный и нервноразвинченный ребенокъ; всъ его богатыя способности, его природный умъ и любознательность, его незлобивость и жизнерадостностьвсе это придавлено гнетомъ искалъченнаго дътства. Въ большихъ сърыхъ глазахъ его на блъдномъ личикъ часто свътится грустное выраженіе. Онъ ходитъ неровной походкой, немного сгорбившись; онъ нервно заикается и каждую ръчь свою начинаетъ неровнымъ звукомъ: "и... и... и..."-причемъ самъ этого стыдится. Часто онъ бываетъ такимъ-же раздражительнымъ, какъ папа. Но докторъ запретилъ давать ему спиртные напитки; ему уже не даютъ водки, къ которой онъ испытываетъ отвращение. Иногда для подкръпленія силъ ему назначается рюмка портвейна за объдомъ, и онъ, хмурясь, лъниво выпиваетъ ее всю.

Кока рано ложится спать и долго не спить въ своей постелькъ. Разные вопросы являются его неокръпшему уму, и онъ боится останавливаться на нихъ. Теперь онъ ръдко видить маму, и ему дълается немного страшно, когда онъ заслышитъ шорохъ ея шелковаго платья. Она такъ занята и такъ быстро цълуетъ его, чтобы поскоръй уйти!..

— Не болтай ногами! Не можешь пяти минутъ посидъть безъ шалостей!—говоритъ Александръ Петровичъ.

 Какой злой мальчикъ! — замѣчаетъ Серафима Григорьевна.

Кока знаетъ, что онъ вовсе не злой, и увъренъ, что всъ объ этомъ знають, но зачъмъ же постоянно смъются надъ нимъ и дразнятъ его передъ чужими, какъ собаченку?.. Гости смъются, а отъ ихъ смъха у него щекочетъ въ горлъ отъ слезъ, и ему хочется сдълать всъмъ имъ что-нибудь гадкое.

– Слышишь? Тебъ говорятъ! -опять раздается сердитый голосъ

— Подвинь мнъ графинъ!—спокойно говоритъ мама, какъ будто ничего особеннаго не произошло.

Онъ не виноватъ, что у него болтаются ноги. Онъ сами болтаются, онъ ихъ не трогаетъ. И сердце у него такъ же болтается, и онъ не можетъ его остановить... Вдругъ папа ударилъ ладонью по столу; вся посуда запрыгала, вилки и ножи полетъли на полъ. Гости перестали смъяться.

– И... и... и... что я тебъ сдълалъ? — спрашиваетъ Кока, и слезы, злыя слезы обиды катятся по ero щекамъ, въ то время какъ рученка его прикасается къ холодному сте-

клу графина.

— И! и!..—бъшено кричитъ папа, сверкая на него страшными глазами, -- вотъ я тебя поикаю! Скотина!.. Не смъть у меня болтать ногами, сказано русскимъ языкомъ!.. Пошелъ вонъ изъ-за стола, иначе я

тебя вздую! Маршъ!

До сихъ поръ Кокъ было страшно обидно и больно, а теперь ему неожиданно хотълось одного: сильно ударить папу, такъ сильно, какъ тотъ билъ мальчишекъ въ мастерской, горничныхъ, маму и его, маленькаго слабаго Коку... Желаніе это было такъ неудержимо, что отъ него помутилось сознаніе, и его крошечная рученка сверхъестественно крѣпко сжала горлышко небольшого графина, полнаго воды. Можетъ быть, въ это мгновение проснулся тотъ демонъ, котораго съ малыхъ лътъ вспоили и выростили въ дътскомъ сердечкъ... Поднявшись на стуль, Кока оперся львой рукой на столъ, а правой размахнулся и со всей силы запустилъ графиномъ въ голову отца.

Ударъ не оказался-бы такимъ жестокимъ, если-бы Александръ Петровичъ не предугадалъ желанія сына: не раздумывая, онъ ринулся къ нему въ ту же минуту и тъмъ самымъ удвоилъ силу удара. Графинъ не треснулъ, зато черепъ не устоялъ: кровь полилась ручьемъ. Серафима Григорьевна пронзительно крикнула, а всъ гости бросились къ раненому, который вырывался отъ сдерживающихъ его рукъ и хрипълъ отъ злобы и боли:

— Подайте мнъ этого мерзавца!

Я его убью!.. Убью!..

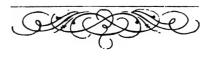
Но Кока лежалъ безъ чувствъ и ничего не слышалъ.

Черезъ недълю Александръ Петровичъ умеръ отъ нагноенія мозоболочки. Серафима Григовой горьевна продала дъло и скоро перевхала въ другой городъ, причемъ совершенно отказалась отъ сына. Его помъстили въ пріютъ для преступныхъ дътей, и онъ угрюмо знакомится съ такими-же больными, испорченными мальчиками. Онъ сознаетъ все и не ждетъ никакой другой, лучшей жизни... Онъ никого не любитъ и такъ страшно кашляетъ, надрывая свою слабую грудь...

Что ожидаетъ его-больница или

тюрьма?

В. Сысоевъ.

Поцълуй Сказки.

М. ОЛЕНИНОЙ.

"Сказка, поцѣлуй меня".

Потонувшій колокойъ.

Гасли послъдніе лучи заходящаго солнца. Догоралъ день, унося съ собою отъ однихъ радости, забавы, отъ другихъ-горе, печаль, непосильный трудъ...

Медленной, усталой походкой приближается къ лъсу молодая дъвушка. Ея некрасивое лицо искажено тоской; безнадежно тусклы глаза: тамъ, въ лъсу, объщалъ ее ждать ея милый, желанный, но онъ

не прійдетъ.

"Уродъ, уродъ", шепчутъ ея блъдныя губы, повторяя чужія обидныя слова: "уродовъ любятъ только въ сказкъ ... Но что это? Какое-то облачко коснулось ея горячаго лба, зазвенъла въ ушахъ тихая чарующая музыка, — и въ вънцъ изъ далекихъ, алмазныхъ звъздъ, окутанная дымкой-плащемъ, со снопомъ невиданныхъ неземныхъ цвътовъ въ рукахъ, вся трепещущая, вся прозрачная, легкая и неуловимая, словно пронизанная свътомъ, предстала передъ дъвушкой Сказка.

Распахнулся дымка-плащъ, нъжные, какъ лепестки лиліи, быстрые пальчики сказки стали вплетать въ волосы дъвушки лучшіе цвъты изъ снопа, тихо коснулись ея щекъ алой розой, -- и заигралъ на нихъ нъжный, дъвственный румянецъ, волшебной незабудкой оживили лазурныя очи, короной изъ свътляковъ сдълали изъ дъвушки царицу. Трепетный поцълуй раскрылъ губки дъвушки, блаженный поцълуй сказки, которому нътъ равнаго на землъ. "Люби и будь любима, шепнула сказка" и, завернувшись дымкой-

плащомъ, полетъла дальше.

Все чаще, все темнъе лъсъ. Душно стало Сказкъ, стала она взвиваться выше, поближе къ загорающимся яркимъ звъздамъ, да послышался ей человъческій стонъ. Снова спустилась она; видитъ полянку и на ней убогую хижину. Плачутъ въ ней голодныя дъти, ссорится съ мужемъ измученная нуждою жена. Темно, холодно, скорбно... Широко взмахнула плащомъ своимъ Сказка, освътила вънцомъ изъ звъздъ убогій шалашъ, согръла нъжнымъ взгляокоченълыя сердца, коснулась озлобленныхъ лицъ своими душистыми цвътами, - и стали они прекрасны, нъжны, ласковы и засвътились взаимной любовью, теплой надеждой. Кротко склонилась къ малюткамъ царственная Сказка, осушила ихъ невинныя слезы поцълуемъ и стала убаюкивать пъсней

о чудесахъ, о подвигахъ, любви и славъ. И расцвътали личики дътей, и хорошо съ ними было Сказкъ, хотълось ей остаться съ ними дольше. да снова вопль тоски коснулся ея чуткаго слуха, -- и полетъла она дальше. Мало цвътовъ осталось въ ея душистомъ снопъ, но она склонилась къ нему съ поцълуемъ на яркихъ устахъ, -- и зацвъли они снова, лазоревые, рубиновые, янтарные, блъдные, яркіе, всъхъ цвътовъ неба и земли, и моря, и радуги. Только черныхъ цвътовъ не было въ ея снопъ, не было цвътовъ мрака, несчастья, зависти, вражды и клеветы, потому что только мечты, любовь счастье несла людямъ Сказка, только сладкій нектаръ пили они изъ ея поцълуевъ.

Быстро летъла Сказка на встръчу къ тоскующему стону наболъвшаго властнаго сердца. Вотъ уже близко отъ нея пышный дворецъ. Ярко горятъ огнями высокія залы, гирляндами вьются прекрасныя танцовщицы, сыплются къ ногамъ царя ароматныя, алыя розы, подобострастно шепчутъ льстивыя ръчи важнъйшіе сановники, съ заискивающей улыбкой глядятъ первыя красавицы царства, изощряются шуты въ новыхъ забавахъ, сверкаетъ подавляющая роскошь. Но ничто не можетъ вызвать улыбки царя; словно тайный недугъ гложетъ его, словно черная измъна видится ему въ глубинъ каждой пары глазъ. Тяжело вздыхаетъ царь, тяжело ступаетъ по направленію къ свомъ покоямъ. Все мрачнъе дълается его взоръ, безнадежнъе становится на душъ. Давно уже потерялъ покой, давно уже сонъ бъжитъ отъ его глазъ. Подозрительно глядитъ царь по угламъ своей опочивальни, быстро подходитъ къ роскошному ложу и вдругъ видитъ легкое сърое облачко. Это дымка-плащъ Сказки. И ласкаетъ мягкій цвътъ ея плаща усталые взоры царя и тихо смыкаются воспаленныя въжды, и наступаетъ цълительный, освъжающій сонъ. И грезится царю, какъ онъ въ объятіяхъ сказки летитъ невидимкою по свому обширному царству, какъ всюду несутъ счастье и радость, какъ отъ поцълуевъ его спутницы яснѣетъ въ его душѣ, а отъ ея яркихъ цвѣтовъ всюду разливается блаженство. Нѣтъ нигдѣ ни зла, ни преступленій, ни злодѣевъ, ни преступниковъ, и царь, еще не стряхнувъ дымки-плаща Сказки, приказываетъ разорвать всѣ смертные приговоры и раскрыть всѣ темницы.

А Сказка летаетъ по міру, разсыпая всъмъ цвъты и поцълуи... Но пусто у нея въ душъ... Иногда ей такъ холодно, одиноко... Не знаетъ Сказка, что съ нею, не знаетъ у кого спросить отвъта и летитъ къ Жизни.

— Очемъ грустить тебъ, прелестное дитя?—спрашиваетъ Жизнь.

— А ты отчего такъ уныла?

— Я устала отъ борьбы, отъ въчной безпрестанной борьбы со Смертью. Она сильнъе меня такъ безжалостна, неумолима...

— Слушай, Сказка, если мало тебѣ, что ты даришь счастьемъ другихъ, если ты и сама захотѣла его извѣдать и не нашла на землѣ, лети въдалекое царство Вѣчнаго Холода. Тамъ лежитъ окоченѣвшій отъ поцѣлуя Смерти Идеалъ, но не думай, что онъ мертвъ. Сама Смерть пощадила его и навѣяла лишь на него ледяной сонъ. Пробуди его своими цвѣтами, отогрѣй поцѣлуями иты постигнешь неслыханное счастье, и лучи его согрѣютъ весь міръ.

Въ колесницъ изъ лунныхъ лучей, на крыльяхъ бълыхъ бабочекъ и райскихъ птицъ неслась Сказка въ объятіяхъ Идеала на встръчу неслыханному, невиданному блаженству. Ихъ окружала вся поэзія, вся красота, вся гармонія міра, поцълуи ихъ пробуждали море страсти во всей вселенной; нъга и трепетъ заливали небеса и землю, звучали въ приботь волнъ и въ блескъ звъздъ, и въ каждомъ человъческомъ сердцъ, и въ каждой былин-

кѣ, и въ каждомъ ручейкѣ. Изъ открытыхъ чашечекъ цвѣтовъ поднимались къ нимъ на встрѣчу облака благоуханій; замирающая трель соловья сливалась съ легкихъ звономъ лилій, ландышей и колокольчиковъ, а они неслись все дальше, дальше, прекраснѣе, чѣмъ грезы поэта, чище, чѣмъ царственная лиліи, блаженнѣе, чѣмъ боги на Олимпѣ.

Чуть слышно долетъвшій съ земли призывъ прервалъ ихъ ласки.

Ты слышишь, Сказка, насъ зовутъ, зовутъ тебя и меня!—прошепталъ Идеалъ.

- Да, зовутъ люди, бъдные, смертные дъти земли. Они стремятся кътебъ, потому что ты—побъда надъсмертью, надъ ихъ самымъ страшнымъ, всесильнымъ врагомъ, а отъ меня они ждутъ поцълуевъ, приносящихъ имъ забвенье, блаженство и грезы.
- Полетимъ-же скоръе къ нимъ, подълимся съ ними нашимъ счастъемъ!
- О нътъ, Жизнь сказала, что люди безжалостны и жестоки, что они могутъ убить тебя.
- Сказка, моя чудная Сказка, ты сама говоришь, что я—побъда надъ смертью, я не боюсь ея, я самъ—безсмертье; летимъ же скоръе, сжалься надъ ихъ стонами.

Но Сказка боялась, что люди погубять ея чудный Идеаль, и она скрыла его отъ нихъ дымкой своего плаша

И полетъли они на страстные призывы жалкихъ, тоскующихъ людей, и стала Сказка дарить имъ поцълуи и только что распустившіеся отъ ея ласкъ цвъты, а сквозь легкую дымку ея плаща сквозилъ небесный образъ Идеала. Поэты, художники, пъвцы, ваятели создавали чудныя произведенія искусства; на землъ насталъ золотой въкъ гармоніи, любви и красоты.

Тихо дремала Сказка, упоенная молодою любовью.

Вдругъ налетъла буря, скалы застонали, волны съ ужасомъ ударились о крутые берега, въковыя деревья склонились гордыми вершинами къ самой землъ, небеса потемнъли, птицы перестали пъть, вся природа замерла, только зловъщій стонъ пронесся по землъ.

"Умеръ идеалъ, умеръ! Убили люди идеалъ! Горе, горе убійцамъ"!

Обезумъла Сказка, не повърила. Взмахнула крыльями и полетъла къ людямъ. Весело у нихъ, радостно! Не слышно ни скорби, ни жалобъ. Весело сбираются на площадяхъ, весело шумять словно празднують побъду. И слышитъ Сказка: "Давно пора было убить этотъ скучный идеалъ и создать новый, красивый, нарядный, изъзолота и самоцвътныхъ камней. Не надо намъ ни сладкихъ грезъ, ни упоительныхъ обмановъ, ни поцълуевъ Сказки. Мы прогонимъ и ее или оставимъ ее дътямъ: пусть ихъ забавляетъ своими пъснями и цвътами, цълуетъ и баюкаетъ, сколько хочетъ".

Хотъла Сказка ихъ проклясть, да не сумъла.

А убитый Идеалъ лежалъ въ грязи, осмъянный, затоптанный, поруганный.

Упала Сказка на прекрасный трупъ,—и въ первый разъ жгучія слезы струей полились изъ въчно сіявшихъ ея очей.

Вспомнила Сказка, какъ пробуждала она отъ ледяного сна прекраснаго друга, стала цъловать его въ мертвыя очи, въ поблъднъвшія уста, стала брызгать росой съ душистыхъ своихъ цвътовъ, а ручьи ея слезъ смывали съ мертваго лица грязь, кинутую жалкими, жестокими людьми.

Но не оживалъ Идеалъ.

Тогда Сказка завернула его въ свой плащъ-дымку и быстръе мысли понесла его къ Жизни.

Горестно взглянула Жизнь на трупъ Идеала, на помертвъвшую отъ отчаянья Сказку, но не въ силахъ была бороться съ неумолимой Смертью.

Еще быстръе полетъла Сказка и положила мертваго друга у престола царственной, всесильной Смерти.

 Пощады, пощады!—взмолилась она, но не дрогнуло желъзное лицо

Смерти.

— Такъ убей-же и меня! Зачъмъ я жива, когда онъ убитъ!—молила Сказка.

Но Смерть была неумолима.

Тогда Сказка ръшила навъки остаться въ царствъ Смерти, чтобы держать въ объятіяхъ тъло прекраснаго друга. Ръкой лились изъ ея глазъ слезы, и каждый цвътокъ изъ пышнаго снопа, на который падала жгучая слеза Сказки. становился чернымъ.

Не долго прожили люди безъ Сказки. Снова стали они звать ее, и ихъ жалобные крики доносились до Царства Смерти.

Но Сказка не шла къ нимъ.

Тогда Жизнь, сжалившись надъ дътьми земли, прилетъла за ней сама и стала звать съ собой въ свое

царство.

Но Сказка не шла. Она обливала слезами трупъ Идеала и старалась согръть его поцълуями. Тогда Жизнь взяла сама душистый снопъ изърукъ Сказки и понесла его въ утъшеніе людямъ.

Но всъ цвъты стали черными, роса на нихъ дрожала слезами, ихъ ароматъ будилъ страшныя мысли, гнетущіе кошмары, кровавые сны.

И снова Жизнь прилетъла за Сказкой. Люди звали ее, молили вернуться, жаждали ея поцълуевъ, ея цвътовъ, они снова ее любили.

Но Сказка только тъснъе прижалась къ трупу, еще горячъе стали ея слезы, съ новой мольбой поднялись къ престолу Смерти прекрасные глаза.

И совершилось чудо.

Дрогнуло каменное сердце Смерти: впервые увидала она такую то-

ску, такую любовь.

И сказала Смерть: "я отдамъ его Жизни и тебъ, если люди захотятъ, чтобы онъ снова вернулся къ нимъ. Знай, что каждый страстный призывъ съ земли къ Идеалу будетъ отогръвать его сердце, но каждое донесшееся проклятіе снова будетъ

возвращать его ко мнъ!

Загорълся надеждой лучистый взглядъ Сказки, и она полетъла на землю. Снова расцвълъ въ ея рукахъ радужный снопъ цвътовъ, снова стала разсыпать она алыя розы и снъговыя дъвственныя лиліи и дарить людямъ свои поцълуи, а сама трепетно слушала, слушала... И всякій разъ, какъ до ея чуткаго слуха доносилось проклятіе Идеалу, тяжелыя жгучія слезы падали изъ ея скорбныхъ очей на пышный, радужный снопъ, и распускались у нея въ рукахъ черные цвъты, цвъты разочарованія, тоски, ужаса, преступленій...

И всякій разъ, какъ чудотворный поцълуй Сказки, проникнувъ въ сердце чуткаго избранника, заставлялъ его взывать къ Идеалу и манить за собою толпу на служеніе ему,—чудные яркіе цвъты оживляли пышный снопъ въ рукахъ Сказки, и теплая струя жизни вливалась въ холодный трупъ убитаго людьми Идеала.

М. Оленина.

Хименесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Продолженіе).

Глава VI.

Избавившись на время отъ своихъ многосложныхъ государственныхъ работъ, Хименесъ ръшилъ осуществить задуманный имъ для большаго прославленія Испаніи и ея короля африканскій походъ. При этомъ онъ совсъмъ не разсчитывалъ на признательность и благодарность Фердинанда: характеръ того былъ уже хорошо знакомъ ему, кромъ того, у него были предъ глазами ужасные примъры Колумба, только что окончившаго жизнь въ бъдности и забвеніи, и великаго Сида Ганзальве де Карду, заподозрѣннаго въ измънъ, не смотря на его безграничную преданность королевскому дому, смъщеннаго изъ вицекоролей Неаполя и содержащагося теперь подъ строжайшимъ надзоромъ въ жестокой опалъ. Не смотря на это, пылкій патріотъ-проповъдникъ рѣшилъ немедленно приступить къ походу на Африканское прибрежье. Даже мысль стать во главъ войска не пугала его: въдь, и самъ Папа Юлій II подавалъ примъръ воинскихъ доблестей, лично стоя во главъ войскъ Италіи.

Однако, одному нельзя было управиться со всъмъ; необходимо было подыскать опытныхъ, свъдующихъ въ морскомъ дълъ помошниковъ. Одинъ такой помощникъ былъ подъ руками Хименеса. Это — Жеромъ Віанелли, хорошо знакомый съ Африканскимъ побережьемъ и его мусульманскимъ населеніемъ. По взаимному соглашенію съ нимъ было ръшено начать военныя дъйствія съ взятія города Орана, этой новой Гренады, воздвигнутой изгнанными маврами въ прекраснъйшей мъстности на возвышенности. Этимъ городомъ было легко завладъть, если предварительно овладать его большимъ торговымъ портомъ, Меръэль-Кэбиръ, отстоявшимъ всего въ нъсколькихъ миляхъ отъ Орана. Въ этомъ-то портъ и ръшено было высалиться.

Но какъ ни искусенъ и опытенъ въ военномъ дълъ былъ Віанелли, все-же одного его было мало; да и кастильская гордость солдатъ крайне бы оскорбилась, если бы они уви-

дъли во главъ ихъ чужого (Віанелли былъ венеціанецъ).

Нужно было подыскать еще другого,—и Хименесъ, послѣ нѣкотораго размышленія, остановился на нѣкоемъ Пьерѣ Наварре. Это былъ человѣкъ непреклонной воли и беззавѣтной храбрости, отважный и спокойный, умѣвшій повелѣвать и собою и другими. Онъ раньше былъ корсаромъ, потомъ служилъ въ королевскихъ войскахъ.

Хименесъ пригласилъ его къ себъ и съ первыхъ же словъ ръшилъ сдълать своей правой рукой, довъривъ ему командованіе арміей, какъ только она высадится на берегъ, когда Віанелли введетъ военный флотъ Испаніи въ портъ Меръ-эль-Кэбиръ.

Не довольствуясь этими помощниками, Хименесъ заручился еще содъйствіемъ своего пламеннаго приверженца Зегри. Послъдній смотрълъ на задуманную кардиналомъ экспедицію, какъ на своего рода Крестовый походъ и, желая доставить своимъ собратьямъ, даже цъною ихъ собственной жизни, въчное блаженство рая, готовъ былъ тъломъ и душой содъйствовать своему другу. Черезъ его посредство Хименесъ завязалъ сношенія съ двумя изъ крупнъйшихъ гражданъ города Орана-мусульманиномъ Ахметомъ Аканиксъ и евреемъ Каторръ, которымъ было объщано, что во время разграбленія города ихъ дома останутся нетронутыми; кромъ того, оба они получатъ крупное вознагражденіе за свое содъйствіе при взятіи города.

Обезпечивши такимъ образомъ насколько возможно успѣхъ своего предпріятія, Хименесу оставалось только заручиться согласіемъ короля Фердинанда, которое онъ, наконецъ, вырвалъ у него подъ условіемъ, что онъ, кардиналъ Хименесъ, доставитъ средства на военные расходы и, только въ случаѣ удачнаго окончанія войны, всѣ затраты будутъ возвращены ему ко-

ролемъ. Откуда же у самого Хименеса очутились средства? За всъ эти годы онъ почти не трогалъ своихъ громадныхъ доходовъ, и всъ они цъликомъ накоплялись въ церковныхъ хранилищахъ. Эти деньги онъ теперь не задумываясь отдавалъ на нужды войны. Кромъ того онъ издалъ воззвание ко всъмъ церквамъ и приходамъ Испаніи, ко всѣмъ городамъ, которые любили его за то, что онъ всегда отстаивалъ ихъ права. И всъ откликнулись, такъ что вскоръ архіепископъ Толедскій былъ въ состояніи располагать даже большими средствами, чемъ самъ король. Съ другой стороны, молодое дворянство, еще не зараженное партійнымъ духомъ, съ готовностью вступило въ ряды арміи, изъ врожденной у испанцевъ жажды славы и подвиговъ. Шестнадцать тысячъ добровольцевъ явились сами на призывъ Хименеса, и во главъ ихъ встали Хуанъ Спиноза и графъ Альтамира.

Общій порывъ патріотизма охватилъ всѣхъ, и впервые дворяне, мѣщане или горожане и простой народъ шли рука объ руку къ одной общей цѣли. Въ числѣ добровольцевъ оказался и молодой Гонзалесъ, обрученный женихъ Нины.

Глава VII.

Хименесъ со всъмъ войскомъ прибылъ въ Картагену, но еще съ полъпути отпустилъ Віанелли и Наварре впередъ въ Малагу, чтобы привести оттуда флотъ въ Картагену. Онъ разсчитывалъ, что такимъ образомъ можно будетъ, не теряя времени, състь на суда. Но вотъ уже прошло двънадцать дней, а флотъ все еще не прибывалъ. Чтобы не дать солдатамъ расхолаживаться отъ бездъйствія, Хименесъ вдругъ объявилъ, что самъ, не дожидаясь Новарре, сдълаетъ смотръ войскамъ, приказалъ графу Альтамира и Спинозъ собрать войска для смотра на слъдующій день къ полудню.

Въ назначенный день и часъ архіепископъ на породистомъ конъ объткалъ войска и затъмъ пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ мимо себя. И внъшнимъ видомъ, и настроеніемъ въ войскахъ онъ остался совершенно доволенъ. Какою грозной все же силой являлось это гордое испанское дворянство; оно сражалось, не получая за то никакого вознагражденія, просто изъ-за чести, но при этомъ, конечно, не стъснялось устраиваться такъ, чтобы и имъ, и ихъ мелкимъ вассаламъ воевать было и прибыльно, и почетно.

Между тъмъ судовъ все еще не было видно. Спиноза, подозръвая какую-нибудь измъну, отправился въ Малагу, чтобы разузнать причину замедленія. Здісь онъ узналъ, что Наварре вмъсто того, чтобы идти съ флотомъ въ Картагену, пользовался судами для разбойничанія въ Гибралтаръ. Когда въсть объ этомъ дошла до кардинала, онъ немедленно отправилъ приказаніе Спинозъ, не теряя ни минуты, привести флотъ въ Картагену, не смотря на сопротивленіе Віанелли и Наварре. Такъ какъ флотъ этотъ былъ снаряженъ на личныя средства кардинала, то онъ имълъ полное право распоряжаться имъ по своему усмотрънію.

Спиноза былъ человъкъ энергичный и спустя недълю привелъ весь ВЪ составъ восьмидесяти транспортовъ и десяти громадныхъ боевыхъ судовъ, не считая мелкихъ галеръ и шлюпокъ, въ Картагенскую гавань. Теперь, казалось, ничто болъе не препятствовало благополучному отправленію арміи, но на слъдующій день въ войскахъ вдругъ обнаружилось недовольство, быстро перешедшее въ открытый бунтъ. Значительная часть арміи отказывалась състь на суда прежде, чъмъ не получитъ объщаннаго содержанія изъ рукъ своихъ начальниковъ. Всъ наемники, а также значительная часть милиціи удалились на высокій холмъ и, потрясая въ воздухъ своими пиками и мушкетами, громкими криками и неистовымъ шумомъ выражали свое недовольство.

— Пусть онъ намъ заплатитъ, этотъ монахъ! Мы знаемъ, что онъ достаточно богатъ, чтобы заплатить даже вдвое больше!

Услышавъ это, Хименесъ понялъ, что этотъ внезапный бунтъ являлся слъдствіемъ какихъ-то новыхъ козней, предательства и измѣны, что солдаты бунтовали не сами по себъ, а подстрекаемые къмъ либо изъстаршихъ. Поэтому, призвавъ Спинозу, онъ поручилъ ему вступить въ переговоры съ бунтовщиками и развъдать, кто заронилъ среди нихъ первую искру возмущенія.

Оказалось, что агитаторами были агенты тъхъ же враговъ Хименеса, герцога Альбы и другихъ. Нужно было дъйствовать немедленно, иначе бунтъ грозилъ разрушить всъ планы.

Но тутъ-то и сказался великій умъ Хименеса и его способности повелъвать людьми. Наварре и Віанелли онъ сумълъ пристыдить, такъ что тъ съ клятвою объщали ему полное повиновеніе, а солдатъ успокоилъ горячею, энергичною ръчью.

— Солдаты, — говорилъ онъ, — существуютъ не для того, чтобы предписывать законы, а чтобы исполнять предписанія. Васъ созвали, чтобы сражаться, а не для того, чтобы бунтовать. Съ вами будутъ поступать по справедливости, но отнюдь не по вашему желанію!

Всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи, невольно сознавая, что этотъ тощій монахъ умѣлъ повелѣвать людьми, и что на его справедливость можно положиться, но никакихъ уступокъ ожидать отъ него нельзя.

Вдругъ изъ толпы раздался слабый крикливый голосокъ, нагло воскликнувшій:

— Мы требуемъ не ръчей, а денегъ! На что намъ эти ръчи?! Хименесъ зоркимъ взглядомъ окинулъ тъсные ряды солдатъ, и въглаза ему бросилась тщедушная фигурка знакомаго ему портного изъ Алькала де Хенаресъ, которому всегда покровительствовалъ Бернардэнъ.

Обратившись къ стоявшему позади его Спинозъ, Хименесъ произнесъ спокойно:

— Повъсить его сейчасъ!

Двое солдатъ немедленно схватили портного и вздернули — тутъ же на одиноко стоявшемъ посреди долины деревъ, на глазахъ у всъхъ.

Не обративъ на это никакого вниманія, кардиналъ продолжалъ свою ръчь недрогнувшимъ голосомъ, а закончивъ ее, спокойно объъхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи Спинозы и графа Альтамира.

Затрещали барабаны, -- и показалось человъкъ 40 въ ливреъ кардинала, съ тяжелыми мѣшками, увитыми зелеными гирляндами, направляясь къ пристани. Спиноза, выъхавъ передъ фронтомъ, объявилъ войскамъ, что въ этихъ мѣшкахъ содержатся деньги, предназначенныя для раздачи имъ, какъ только суда выйдутъ изъ гавани въ открытое море. Услышавъ это, не дожидаясь команды, солдаты кинулись къ судамъ съ радостными криками, заявляя, что всъ они върятъ кардиналу и пойдутъ за нимъ, куда онъ прикажетъ.

Послъ всъхъ сълъ на свой корабль Хименесъ.

Изъ всѣхъ, кто бунтовалъ по утру, отказываясь садиться на суда и слѣдовать за кардиналомъ, теперь въ долинѣ не оставалось ни одного, кромѣ задорнаго маленькаго портного, безпомощно болтавшагося на суку.

Благодаря попутному вътру и благопріятной погодъ испанскій флотъ ровно черезъ сутки, т. е. на другой день вечеромъ былъ уже ввиду Меръ-эль-Кэбира. Такое быстрое и благополучное плаваніе произвело самое благопріятное впе-

чатлѣніе на армію. Суевѣрные до крайности испанскіе солдаты видѣли въ этомъ счастливое предзнаменованіе, и среди нихъ распространился слухъ, что "кардиналъ держитъ вѣтры въ своемъ рукавѣ", и съ такимъ вождемъ имъ нечего опасаться.

Ночь надвигалась темная, и между Віанелли и Наварре завязался горячій споръ относительно того, слъдуетъ-ли теперь же войти въ портъ и высадить войска или же отложить то и другое до завтра.

Мавры замътили приближеніе испанскаго флота, и на вершинахъ всъхъ высотъ задымились громадные костры. Эти костры предупреждали мавровъ объ опасности и

призывали ихъ къ оружію.

Віанелли утверждалъ, что въ такую темную ночь высадка является безуміемъ, такъ какъ входъ въ гавань загражденъ множествомъ скалъ и утесовъ, на которые легко можетъ наскочить судно; кромъ того, такое множество судовъ, стъснившись въ тесномъ проходе, рисковали разбиться одно объ другое. Наварре же настаивалъ на томъ, что испанцы необходимо должны опередить мавровъ, что весь успъхъ похода зависить отъ поспъшности ихъ высадки, которая должна совершиться раньше, чъмъ мавры успъютъ занять побережье и воспрепятствовать ихъ высадкъ.

Спиноза, слышавшій ихъ споръ, поспъшилъ предупредить Хименеса. Призвавъ на совътъ Зегри, своего самаго довъреннаго друга, Кардиналъ, вмъстъ съ нимъ и Спинозой направился къ спорящимъ и, не давъ имъ времени представить свои основанія, прямо заявилъ:

— Наши суда войдутъ сегодня въ портъ, и отвътственность за это распоряженіе я принимаю всецъло на себя! Лучше рисковать тъмъ, что пострадаетъ или потонетъ пара галіонъ, чъмъ подвергнуть себя риску неудачъ на первыхъ же порахъ.

И, не теряя ни минуты, онъ при-

казалъ поднять сигналъ на своемъ кораблъ.

Какъ бы благопріятствуя его желанію, луна вдругъ выглянула изъза тучъ и освѣтила мягкимъ ровнымъ свѣтомъ всю бухту и входъ въ гавань. И это чисто случайное совпаденіе были принято суевѣрными испанцами за явное благоволеніе неба къ начинаніямъ Кардинала и за доброе предзнаменованіе.

Первыми высадались графъ Альтамира и Наварре, которые тутъ же стали выстраивать своихъ людей батальонъ за батальономъ и, эскадронъ за эскадрономъ по мърътого, какъ тъ сходили на берегъ.

Артиллерія также была свезена на берегъ, а на судахъ оставалась только та часть тяжелой артиллеріи, которая предназначалась для бомбардировки города Орана со стороны моря, когда испанскія войска будутъ аттаковать его съ суши.

Послѣдній галіонъ скрывался уже за мысомъ, когда первые лучи восхода озолотили востокъ, и испанцы увидѣли Мавровъ. Ихъ было очень много и всѣ они направлялись къ берегу, увѣренные въ томъ, что еще успѣютъ помѣшать высадиться испанцамъ и не допуская мысли, чтобъ тѣ рѣшились войти въ гавань ночью.

Когда же имъ предстало громадное море штыковъ и копій, они остановились и нѣкоторое время совъщались; ихъ вожди, адалиды, озадаченные въ первую минуту такимъ внезапнымъ появленіемъ исбыстро измѣнили панцевъ, планъ дъйствій. Не прошло получаса, какъ бълыя покрывала ровъ затопили высоты Джебель-Мурджаджо. Это была великолъпная позиція; теперь испанцамъ оставалось или штурмомъ взять ее или же подъ градомъ непріятельскихъ пуль прослѣдовать низомъ долиной мимо нея.

Хименесъ, зная духъ испанскаго солдата, приказалъ идти въ аттаку. Торжественно благословивъ войска, онъ сказалъ краткую ръчь, сильно

воодушивившую солдать, закончивъ ее увъреніемъ, что самъ Господь объщаетъ имъ побъды, такъ какъ это борьба изъ-за торжества Креста надъ невърными.

Со свойственной испанскому характеру смѣлостью и неустрашимостью грозная пъхота Наварре пошла на приступъ и вскор в достигла вершины высотъ Джебель-Мурджаджо, не смотря на безпрерывный огонь мавровъ. Сопротивление побыло сломлено. слъднихъ временемъ Испанскій флотъ бомбардировалъ ихъ цитадель Алькасбу, къ удивленію оттуда никто не отвъчалъ на эти непріятельскіе выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что Ахметъ Аканиксъ и Каторръ, подкупленные кардиналомъ, успъли въ свою очередь подкупить Седріуса, коменданта цитадели. Послъдній давно уже былъ тайнымъ католикомъ и считалъ даже насильственное обращеніе своихъ согражданъ за величайшее для нихъ благо, а потому не видълъ гръха въ своемъ предательствъ.

Долго длилась мучительная неизвъстность относительно исхода битвы на высотахъ Джебеля. Но вотъ внизу въ долинъ показался отрядъ, несущійся во весь опоръ къ воротамъ города. То были испанцы. Каторръ встрътилъ ихъ у воротъ и вручилъ графу Альтамира ключи отъ города.

— Городъ не можетъ защищаться, —заявилъ графъ своимъ эскадронамъ, —грабьте, сколько хотите, только три дома, отмъченные бълымъ крестомъ, должны остаться не прикосновенны, и всякій, кто тронетъ хоть пальцемъ что либо въ этихъ домахъ, будетъ преданъ мести самого кардинала!

Затъмъ, обратившись къ Каторру, Альтамира презрительно крикнулъ

 Убирайся отсюда, собака жидъ, и не попадайся мнъ на глаза: Альтамира не терпятъ предателей и измънниковъ!—съ этими словами онъ галопомъ въъхалъ въ городъ, вызызая безумную панику въ жителяхъ города.

Вскоръ христіанскія знамена стали развъваться на стънахъ города и цитадели, а побъдители, опьяненные своимъ легкимъ успъхомъ, безъ разбора кололи, ръзали и убивали все живое, что имъ попадалось на глаза. Ръки крови текли вдоль улицъ, груды труповъ преграждали дорогу. Вскоръ подоспъла и пъхота, уничтожившая защитниковъ города на Джебелъ, и приняла участіе вътой же кровавой потъхъ.

Наварре и Спиноза тоже не теряли времени: всю ночь грабили они дома богачей, и только съ разсвътомъ Спиноза выъхалъ на встръчу Хименеса, оставшагося на своемъ суднъ и прибывшаго теперь изъ Меръ-эль-Кибира, чтобы вступить въ покоренный городъ. Зная, что Хименесъ мечталъ обратить жителей въ христіанство, Наварре опасался теперь, что, допустивъ почти поголовное избіеніе всего населенія города, онъ противъ этимъ возбудитъ себя гнъвъ кардинала; поэтому отдалъ приказаніе прибрать тъла и согнать ручьи крови, чтобы представить Хименесу городъ мирно пробужающимся отъ сна, прибраннымъ и чистымъ.

глава VIII.

Но въ то время, когда кардиналъ Хименесъ открывалъ для Испаніи обширное поле завоеваній, его враги въ Испаніи не дремали: слава Хименеса не давала спать Педро Жирону,--и онъ измыслилъ, наконецъ, средство посрамить стараго кардинала. Черезъ бракъ Нины съ герцогомъ Мендоза Хименесъ втирался въ семью высшаго дворянства Испаніи. Но если-бы удалось разстроить этотъ бракъ, разстроить съ шумомъ и скандаломъ, то послъдняя связь кардинала съ дворянствомъ была бы порвана навсегда. Отсутствіе Хименеса бл агопріятствовало коварнымъ замысламъ стараго интригана, который для того, чтобы обезпечить себъ успъхъ, избралъ себъ въ союзники ловкаго, хитраго и коварнаго Барракальде, постоянно являвшагося главнымъ пособникомъ во всякаго рода интригахъ.

Оказалось, что Дедро-Жиронъ не ошибся въ своемъ выборъ, и едва успълъ онъ намекнуть Барракальде о своемъ подозрѣніи относительно безусловной върности Нины молодому Гонзалесу, какъ тотъ сообщилъ за достовърное, что племянница Хименесъ любитъ молодого художниника Беррюгете. Разсказалъ, какъ молодые люди видълись ежедневновъ соборъ, гдъ Барракальде постоянно слъдилъ за ними съ хоръ, -- какъ однажды они назначили другъ другу свиданіе у моста Св. Матэна, но съ тъхъ поръ, какъ Нина попрощалась со своимъ наръченнымъ, молодые влюбленные перестали видъться; Нина заперлась съ своей комнатъ и не выходитъ никуда. Беррюгете томится, бродитъ улицамъ Толеды и простаиваетъ поцълымъ часамъ у моста Св. Мартэна, въ надеждъ увидъть Нину, новсе напрасно! Очевидно, скульптору неизвъстно, ни кто та дъвушка, которая завладъла его сердцемъ, ни гдъ она живетъ. Сама же Нина: цълые дни просиживаетъ у своей комнаты, склонивъ головку надъ книгой или рукодъльемъ.

— Но какъ вы можете знать всъ эти мельчайшія подробности жизни молодой дъвушки?—спросилъ Педро Жиронъ, выслушавъ до конца разсказъ своего собесъдника.

— Это весьма не трудно!—отвъчалъ послъдній, и подойдя къ широму французскому окну своей комнаты, онъ отдернулъ красную шелковую занавъсъ и указалъ рукой на ту сторону улицы.

— A-а!—воскликнулъ его гость, теперь я понимаю!

Тамъ, какъ разъ окна противъ оконъ, въ голубой комнатъ, уставленной цвътами, сидъла Нина, склонясь надъ рукодъльемъ. Улица въ этомъ мъстъ была такъ узка.

что, кажется, можно было бы протянуть другъ другу руку изъ окна одного дома въ другой. Все, что происходило въ голубой комнатъ, было видно здъсь, какъ на ладони!

Педро Жиронъ сейчасъ же сообразилъ, насколько важно для его

цълей это открытіе.

Чтобы вызвать скандалъ, нужно было свести молодыхъ людей, а чтобы свести ихъ, достаточно изъ окна показать молодому художнику его возлюбленную.

Сказано — сдълано. Берракальде, подъ предлогомъ работъ въ церкви, вызвалъ въ комнату Беррюгете и здъсь какъ бы случайно заставилъ

его подойти къ окну.

Планъ удался. Истомившійся юноша немедленно бросился къ жилищу возлюбленной и съ этого дня являться ежедневно очевидно, добивась свиданія съ ней, Но въ теченіе цізлой недізли всіз его старанія были напрасны. Но вотъ однажды молодой скульпторъ, за которымъ неотступно слъдилъ Бардольше обыкновеннаго ракальде, задержался въ "patio" (внутренній дворъ) стариннаго дома и, наконецъ, вышелъ на улицу, сжимая въ рукъ запечатанный конвертъ.

Ну, на этотъ разъ вы мнъ попались!
 —воскликнулъ Барракальде, увъренный, что Нина назначила скульптору свиданіе на этотъ ве-

черъ, у моста Св. Мартэна.

Надо было тотчасъ-же предупредить Педро - Жиронъ и заранъе приготовить свидътелей, которые могли-бы оффиціально подтвердить непристойность поведенія Нины и вынудить герцога Инфайтадо ръзко порвать всякія сношенія съ Хименесомъ.

Барракальде вышелъ изъ дому, чтобы направиться ко дворцу Педро-Жиронъ, когда слухъ его поразилъ торжественный звонъ колоколовъ, оглашавшій воздухъ своими величественными звуками. Эти колокола встревожили Барракальде; такой звонъ возвъщалъ въъздъ въ

городъ или самого короля, или же Архіепископа Толедскаго. Но, въдь, послъдній находился въ Африкъ. Барракальде поспъшно направился къ Архіепископскому дворцу; весь дворъ былъ полонъ собравшимися монахами; дъйствительно, Его Высокопреосвященство ожидали съ ми-

нуты на минуту.

Барракальде кинулся теперь къ Педро де Жиронъ, но не засталъ его дома, такъкакъ тотъ, согласно искони установленному обычаю, долженъ былъ състь на боевого коня и вывхать навстрвчу Архіепископу, какъ всякій дворянинъ, находящійся въ данный моментъ на территоріи Его Высокопреосвященства. Тогда и самъ Барракальде поспъшилъ навстръчу торжественнаго шествія, разсчитывая изъ разговоровъ толковъ въ толпъ узнать причины столь внезапнаго возвращенія Хименеса. Но толпа была до того возбуждена и такъ громко ликовала, радуясь возвращенію Архіепископа, что никто не имълъ охоты вступать въ разговоры съ любопытнымъ Барракальде. Военные трофеи, привезенные Хименесомъ съ театра войны, и особенно красное знамя мавровъ, украшенное золотымъ полумъсяцемъ, возбуждали неистовый восторгъ толпы, громко привътствовавшей своего Архіепископа на всемъ, протяженіи его пути.

На другой день послъ пріъзда своего въ Толедо Хименесъ пожелалъ видъть свою племянницу, чтобы сообщить ей, что, съ благопріятнымъ окончаніемъ похода, настаетъ спокойное время,—и мож-

но подумать о свадьбъ.

Къ удивленію, дъвушка съ плачемъ повисла у него на шеъ, заявивъ, что не не любитъ жениха, а любитъ другого. Хименесу не стоило большого труда вызвать ее на откровенность и узнать полную правду.

Успокоивъ племянницу, кардиналъ, хотя и глубоко огорченный разстройствомъ своихъ плановъ, сълъ къ столу и тутъ же написалъ

письмо Гонзалесу, въ которомъ заявлялъ ему со всевозможной бережностью, что по нѣкоторымъ причинамъ, которыя не считаетъ возможнымъ назвать, онъ вынужденъ отказаться отъчести породниться съ родовитой фамиліей Мендоза и проситъ сообщить о томъ Герцогу Инфантадо, котораго считаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ столповъ Толедской церкви и всякаго праваго дѣла.

Затъмъ Хименесъ написалъ и Беррюгете, увъдомляя его, что дъвушка, сердцемъ которой онъ такъ упорно старался овладъть, никто иная, какъ его племянница, и что поступокъ его заслуживаетъ, конечно, строжайшаго наказанія, но снисходя къ его несомнънному таланту, который онъ можетъ посвятить прославленію Бога, ему предписывается немедвернуться въ Италію ленно оставаться тамъ, пока онъ снова не будетъ призванъ въ Толедо для окончанія начатыхъ имъ въ Соборъ работъ.

Не прошло часа времени послъ отправленія этихъ писемъ, какъ во дворъ Архіепископскаго дома съ шумомъ и грохотомъ въъхалъ экипажъ герцога Инфантадо,

На требованія герцога представить объясненія, почему Архіепископъ бралъ назадъ данное слово, Хименесъ отвъчалъ, что другихъ объясненій, кромъ тъхъ, которыя изложены въ его письмъ, онъ не можетъ представитъ!

— А, понимаю, — вскричалъ разгнъванный герцогъ. Вы отказываетесь, такъ какъ это теперь не входитъ въ ваши планы. Понимаю! Теперь я прозрълъ. Была минута, когда я думалъ, что солнце вашего могущества готово было затмить блескъ нашихъ славныхъ гербовъ, и мечталъ сочетать судьбу "parvenu" съ многовъковой славой громкаго имени Мендоза. Я отдълился отъ своихъ и отказался участвовать во ихъ замыслахъ противъ васъ. Теперь я снова возвращаюсь къ нимъ, такъ какъ никто изъ нихъ никогда не нарушилъ даннаго слова. А король Фердинандъ и кардиналъ Хименесъ не могутъ сказать о себъ того-же!

Съ этими словами герцогъ Инфантадо вышелъ отъ Архіепископа.

Глава IX-я.

Никто въ Испаніи не зналъ настоящей причины, побудившей Архіепископа Толедскаго вернуться такъ внезапно изъ дъйствующей арміи. Въ сущности, его побудилъ къ этомъ слъдующій случай: зная, что оставляетъ за собой множество недруговъ и недоброжелателей, зная по опыту, что противъ него всегда были готовы пустить въ дъло самыя подлыя предательскія міры. Хименесъ отдалъ приказаніе самаго начала кампаніи препровождать всв письма, направленныя въ дъйствующую армію, лично ему. Такимъ образомъ въ его руки попало и письмо короля Фердинанда къ Наварре. Старый король, допустившій Колумба умереть въ бъдности и забвеніи и томившій строжайшею опалой добластнаго Сида Гонзальве, теперь писалъ Наваррэ:

"Задержите старика тамъ, въ Оранъ, и постарайтесь не допустить его вернуться вскоръ въ Испанію. Надо использовать и его личное вліяніе, и его капиталы, какъ можно лучше. Позабавьте его чъмъ-нибудь въ Оранъ, а въ крайнемъ случаъ придумайте какой нибудь новый походъ или завоеванія!"

Это собственноручное письмо короля Фердинанда побудило архіепископа немедленно вернуться въ Толедо, предварительно устроивъ все во вновь завоеванной имъ странъ.

Тотчасъ по возвращении онъ призвалъ своего казначея Діего-Лопесъ Ахала и приказалъ ему составить подробные счета всего, что было потрачено заимообразно кардиналомъ на Африканскую войну. Счета эти, оказалось, были уже готовы, такъ какъ Діего-Лопецъ съ самаго начала кампаніи тщательно заносиль въ книги каждый потраченный на войну грошъ. Общая сумма расходовъ достигала 160,000 дукатовъ. Всв эти счета Хименесъ отправилъ къ королю съ просьбой вернуть ему эти деньги, какъ это было ему объщано въ случав успъха. Успъхъ былъ полный,—и никакихъ законныхъ отговорокъ у короля не было.

Въ это время король со своей молодой женой Жерменой де Фуа пребываль въ Сарагоссъ, столицъ Арагона, гдъ молодая королева устраивала рядъ празднествъ à la française, а старый король любезно присутствовалъ на этихъ торжествахъ. Требованіе Хименеса застало короля въ самый разгаръ веселыхъ празднествъ и было встръчено негодующимъ протестомъ со стороны молодой королевы; ей поддакнули услужливые царедворцы. охотно примкнулъ къ протестующимъ:--въдь Хименесъ велъ всю эту войну на свой собственный страхъ; онъ самовольно смѣнялъ и назначалъ военачальниковъ; устанавливалъ свои порядки въ завоеванномъ краф и, наконецъ, обогатился военною добычей. Какая-же можетъ быть послѣ того рѣчь о возвращеніи ему расходовъ на эту войну?! Посовътовавшись для вида со своими казначеями, Фердинандъ приказалъ отвътить кардиналу, что въ настоящее время состояніе государственныхъ финансовъ не позволяетъ уплатить ему требуемыхъ денегъ. Однако, отъ Хименеса не такъ легко было отдълаться. Онъ предложилъ королю, если тотъ не въ состояній уплатить суммы затраченной на войну изъ капиталовъ его епархіи, уступить ему и его преемникамъ, архіепископамъ Толедскимъ, городъ Оранъ и всю вновь завоеванную страну, и тъмъ покончить всякіе разсчеты.

Но это предложение Хименеса вызвало еще больше толковъ и вол-

неній. На него-то Фердинандъ уже никакимъ образомъ не могъ согласиться.

Волей-неволей Фердинанду пришлось уступить. Однако, старый король хотълъ поживиться хоть чъмъ нибудь отъ послъдняго похода. Войска, учавствовавшія въ этой компаніи, возвращались теперь въ Испанію,—и Фердинандъ приказалъ, чтобы нарочно приставленные для того люди заставляли каждаго солдата выкладывать всю свою долю грабежа—и складывать все это въ кучи, изъ которыхъ одна пятая отбиралась въ казну.

Къ этому побуждала Фердинанда мысль о новомъ завоеваніи: дъло въ томъ, что въ его теперь обширномъ и съ такимъ трудомъ объединенномъ государствъ оставалось, словно постороннее тъло, словно заноза, королевство Наварра, которымъ владъла его внучатная племянница, принцесса Катерина, и мужъ ея, принцъ Жанъ Д'Альбрэ. Старый король давно выжидалъ случая прибрать къ своимърукамъ Наварру, и вотъ теперь этотъ случай представился. Папа Юлій II разсорился съ королемъ Франціи Людовикомъ XII и желалъ теперь во что бы то ни стало изгнать французовъ изъ Италіи. Но это было не легко, и даже созданная имъ священная лига, въ которую вступили Венеція, Англія и Испанія, не оправдала его надеждъ. При Равеннъ союзная армія была разбита на голову французами. Тогда грозный папа поразилъ роля и всю Францію отлученіемъ отъ церкви и послалъ пламенное воззваніе къ королю Фердинанду.

Изъ всъхъ вассаловъ и приверженцевъ Людовика XII ему остался въренъ только одинъ король Наваррскій, и Фердинандъ вздумалъ воспользоваться этимъ для своихъ личныхъ цълей. Объщавъ англійскому королю воединиться съ его флотомъ, онъ наскоро собралъ войско и сталъ настаиватъ, чтобы король Наварскій разръшилъ испан-

пройти черезъ его землю, пропустивъ ихъ, вступить на французскую территорію. Жанъ Д'Альбрэ увъдомилъ о томъ представителей своего государства, а, пока они обсуждали этотъ вопросъ, слалъ гонца за гонцомъ къ королю Франціи. Но Фердинандъ, не дожидаясь его отвъта, безъ всякаго предупрежденія вторгнулся въ предълы Наварры, и Герцогъ Альба осадилъ Пампелуну. Такой измънническій образъ дъйствія старый король оправдывалъ яко-бы попавшимъ въ его руки тайнымъ договоромъ короля Наваррскаго съ королемъ Франціи, въ силу котораго первый обязался нападать на Испанію каждый разъ, когда того потребуютъ интересы Франціи, а Людовикъ XII, съ своей стороны, объщалъ уплачивать ему за то извъстную годовую ренту.

Однако, никто изъ дворянъ не желалъ послъдовать примъру Герцога Альба, и всъ отказались на отръзъ завоевывать Наварру. Между тъмъ Жанъ д'Альбрэ наскоро собралъ войска и со дня на день ждалъ объщаннаго подкръпленія изъ Франціи съ знаменитымъ Палиси во главъ. Теперь ужъ Герцогъ Альба начиналъ опасаться и также требовалъ подкръпленія, но дворяне упорно отказывались помочь королю въ томъ, что они считали безчестнымъ.

Фердинанду оставалось одно—еще разъ обратиться за помощью и содъйствіемъ къ Хименесу, вліяніе котораго на все католическое населеніе страны все же было громадно. Хотя со времени завоеванія Орана архієпископъ упорно сторонился отъ всякаго участія въгосударственныхъ дълахъ, но старый король все же ръшился, наконецъ, написать ему, что проситъ его своимъ словомъ санкціонировать войну, которая казалась нъкоторымъ изъ его подданныхъ предосудительной.

Дальновидный Хименесъ ничего не отвътилъ, а опять прислалъ шута, разодътаго въ воинскіе доспъхи,

какъ бы готоваго идти въ одиночку на войну. И опять маневръ подъйствовалъ: пристыженные гранды ръшили помочь королю и отправились на театръ военныхъ дъйствій. А спустя недълю пришло извъстіе, что Пампелуна сдалась, а Жанъ д'Альбрэ бъжалъ за Пиринеи, оставивъ свое королевство во власти Испанцевъ.

Глава Х.

Но послъднее завоевание стараго короля не принесло ему счастья. Достигнувъ апогея своего честолюбія, покоривъ себъ королевства Гренады, Неаполя и Наварры, онъ съ грустью видълъ приближеніе смерти, и мысль, что у него нътъ сына, которому онъ могъ-бы завъщать свои владънія, ужасно мучила его. Въ дътяхъ своихъ онъ не былъ счастливъ; отъ перваго брака его съ Изабеллой принцъ Донъ Хуанъ умеръ въ 15-лътнемъ возрастъ вслъдствіе паденія съ лошади; изъ его четырехъ дочерей въ живыхъ оставались двъ: одна, инфента Катерина, супруга короля Генриха VIII англійскаго, страдала отъ деспотическаго нрава своего мужа, а принцесса Жанна, слывшая по справедливости или же ложно безумной, томилась въ заключеніи въ замкъ Тордезилласъ. Такимъ образомъ дъти этой злосчастной женщины являлись единственными законными наслъдниками Фердинанда.

Женясь на Жермэнъ де Фуа, старый король надъялся, что она дастъ ему наслъдника престола, но по странной случайности сынъ, рожденный ею въ первый же годъ брака, умеръ спустя нъсколько часовъ по рожденіи. Теперь королю было уже 62 года, и износившійся, истощенный безчисленными кутежами и дебошами организмъ его не позволялъ уже ему надъяться стать еще разъ отцомъ. Вскоръ онъсильно занемогъ.

Доктора утверждали, что онъ можетъ протянуть еще нъкоторое время.

Но самъ король отлично сознавалъ свое положеніе, и его безпокойство и тревога относительно вопроса престолонаслъдія возрастали теперь съ каждымъ днемъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, старшій изъ двухъ его внуковъ, родился во Фландріи и походилъ на покойнаго своего отца, Филиппа; быть можетъ, онъ вздумаетъ разрушить все, что было создано съ такимъ трудомъ королемъ Фердинандомъ, и эта мысль пугала умирающаго монарха. Инфантъ же Фердинандъ, младшій, родился въ Испаніи и никогда не покидалъ этой страны; кромъ того, онъ носилъ имя своего дъда съ материнской стороны и отличался всъми чертами характера послъдняго, за что и былъ любимцемъ Фер-Не смотря на то, что динанда. Инфантъ Фердинандъ былъ почти ребенокъ, у него была уже сильная партія въ Испаніи. Затъмъ, на долю Карла приходилось и безъ очень много земель: онъ былъ единственнымъ наслъдникомъ императора Максимиліана въ Австріи и въ Фрашъ-Контэ, поэтому справедливость требовала, что если одинъ изъ братьевъ наслъдовалъ все послъ да съ отцовской стороны, то другой долженъ былъ наслъдовать отъ дъдасъ материнской стороны. И Фердинандъ сдълалъ завъщание въ пользу инфанта Фердинанда.

Король замътно слабълъ съ каждымъ днемъ. Дворяне и гранды, а также и фламандцы съ нетерпъніемъ ожидали, чтобы онъ высказался въ пользу того или другого внука. Но старый король умышленно хранилъ свое ръшеніе въ тайнъ, желая объявить его лишь тогда, когда уже будетъ поздно измънить его. Имъ овладъло какое-то странное безпокойство; онъ все время приказывалъ перевозить себя изъ города въ городъ, какъ будто нигдъ не находилъ себъ мъста. Но вотъ въ дорогъ, въ деревнъ Мадрилейхо, съ нимъ вдругъ сдълалось такъ плохо, что онъ поспъшилъ созвать своихъ

совътниковъ и приказалъ прочесть имъ свое завъщаніе Хименесъ, котораго онъ тоже послалъ просить къ себъ, явился тотчасъ же; онъ уже давно готовился къ этому прощальному свиданію и ръшилъ твердо еще разъ восторжествовать надъ волей умирающаго монарха и одержать надъ нимъ еще одну ръшительную побъду.

Для Хименеса, всегда мечтавшаго создать могущественную абсолютную монархію, ничто не улыбалось такъ, какъ эта мысль соединить столько коронъ на головъ одного монарха. Для этого необходимо было, чтобы Эрцгерцогъ Карлъ унаслѣдовалъ отъ короля Фердинанда всъ его владънія, точно также какъ и отъ императора Максимиліана, чтобы со временемъ ему достались и Нидерланды, и Франшъ-Контэ, и Австрія, и Стирія, Тироль и Швабія, Арагонъ и Валенса, Кастилія и Наварра, Гренада и Неаполь, Сардинія и объ Сициліи, кусокъ Африканскаго побережья и всъ колоніи Новаго Свъта. Это было необходимо для того, чтобы Испанія сдълалась центромъ католицизма и безспорной повелительницей народовъ.

Тотчасъ по прибытіи своемъ Хименесъ занялъ мъсто у изголовья умирающаго короля и, оставшись съ наединъ, сталъ бесъдовать съ нимъ въ теченіе нъсколькихъ часовъ. Затъмъ онъ вышелъ и, собравъ государственныхъ совътниковъ, также долго бесъдовалъ и съ ними, послъ чего вмъстъ съ ними вернулся въ опочивальню короля. Они застали Фердинанда сидящимъ на постели; подлъ него по объ его стороны стояли его государственные секретари. Когда государственные совътники расположились полукругомъ и среди нихъ кардиналъ Хименесъ, король потребовалъ, чтобы ему подали его завъщаніе, и на глазахъ у всъхъ разорвалъ его пополамъ въ длину, а части его подалъ Дону Армазанъ для сожженія тутъ же въ присутствіи всѣхъ. Затѣмъ голосомъ

слабымъ, но отчетливымъ и яснымъ, онъ продиктовалъ новое завъщаніе, въ силу котораго оставлялъ все, всъ свои земли и владънія, всъ свои титулы и прерогативы старшему своему внуку, эрцгерцогу Карлу.

Кончивъ, король глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза.

- Бъдный инфантъ Фердинандъ, онъ будетъ слишкомъ обездоленъ! Все одному и ничего другому!—съ сожалъніемъ, какъ бы про себя прошепталъ умирающій.
- Этого требуетъ цѣлостьи будущее величіе вашего государства,— сказалъ кардиналъ Хименесъ,—вы завѣщаете ему, сиръ, ежегодный доходъ въ 50,000 дукатовъ, богатыя помѣстія въ Калабріи и любовь его старшаго брата!

Король съ трудомъ переводилъ духъ. Но Хименесъ стоялъ надъ нимъ и смотрълъ на него въ упоръ, какъ бы ожидая еще чего то. Умирающій какъ бы черезъ силу рас-крылъ глаза и произнесъ.

— Я поручаю регентство кардиналу Хименесъ де Сизнеросъ, который будетъ управлять государствомъ въ отсутствіи эрцгерцога Карла отъ его имени!

И эти послъднія слова короля были точно записаны дономъ Пересъ Армазанъ; затъмъ къ новому завъщанію была приложена королевская печать.

Дверь распахнулась, и въ комнату умирающаго вошла королева Жермэна съ духовникомъ короля, но Фердинандъ былъ уже безъ сознанія.

Вскоръ загудъли колокола, возвъщая народу о кончинъ короля. Народъ сталъ стекаться на площадь, и какой-то старый погонщикъ муловъ разсказывалъ, что много лътъ тому назадъ одна колдунья предсказала королю Фердинанду смерть въ Мадрилейхо; такъ и случилось!

(Окончаніе въ слюд. Лі-рю).

Болеславъ Храбрый.

Историческая повъсть Людвига Стасяка.

(Окончаніе VIII главы).

Вырвала Гелигунда объщаніе у Вислава---не видъться съ нимъ, да не стерпъло ея сердце, и забыла молодая женщина свои объщанія, забыла и свой страхъ предъ мужемъ. Сдълалась снова весела и счастлива. Забилось ея сердце, какъ жаворонокъ, который заливается въ синевъ поднебесной, трепеща крылышками. Страхъ передъ местью мужа и черныя мысли какъ будто ушли куда-то въ даль. Любовь для сердца человъческаго-то же, что полный расцвътъ для розы. Зачъмъ же тревожить эти прекрасныя весеннія мгновенія черными мыслями?! И такъ у каждаго будетъ осень жизни, когда душа потеряетъ всъ надежды, какъ дерево листья.

Каждый день Гелигунда вскакиваетъ на коня и мчится въ лъсъ,

гдъ ждетъ ее милый.

Раздалась пъсня... Задушевная пъсня влюбленнаго; тоска въ ней слышится. Лучше соловьиной звучитъ пъсня милаго. Какъ голубь бъется сердце, молотомъ стучитъ оно...

— Онъ... Онъ.

Виславъ увидълъ Гелигунду, бросилъ гусли и упалъ къ ея ногамъ.

-- Возлюбленная!!

— Ты тосковалъ по мнъ?

- Грустно мнъ. Грусть, безконечная грусть томитъ мое сердце! Смотри! Вотъ завязь яблони. Плодъ еще зеленый, молодой, какъ моя юная душа, а уже червь его точитъ... Тоска, отчаяніе.
  - Отчаяніе?!
- --- Счастье безграничное и уныніе при мысли, что онъ вырветътебя у меня, что ты—не моя...

Забудь объ этомъ.

— Взгляни на этотъ цвътокъ. Сегодня прекрасенъ, полонъ свъжести, а завтра его уже не будетъ, онъ отцвътетъ и превратится въ гниль. Тъмъ не менъе это не мъшаетъ ему цвъсти...

Цвътокъ не знаетъ о существованіи осени и смерти! Въдь, я—твоя!

- Ты моя?! Моя!!... О, дай мнъ упиться твоими ласками, освъти блескомъ очей твоихъ непроглядную ночь будущности!— и Виславъ упалъ въ ея объятія.
- · Вдругъ гдъ то поблизости хрустнула вътка. Гелигунда бросила тревожный взглядъ въ чащу лъса.
  - Насъ подслушиваютъ.

— Тебѣ кажется, дорогая!

Пойди посмотри… Если насъ

увидятъ...

Виславъ послушно осмотрѣлъ ближайшіе кусты, но, ничего не найдя, снова вернулся къ возлюбленной, обвилъ ея станъ, и горячій поцълуй соединилъ ихъ уста...

— А Вальгиръ?!! раздался мрач-

ный, глухой голосъ.

Виславъ поблъднълъ... Изъ-за буковыхъ вътвей виднъется голова, длинные, съдые волосы ниспадають на плечи. Остановившійся взглядъ полонъ ужаса... Изъ глазъ текутъ слезы, бъгутъ по морщинамъ, и падаютъ какъ жемчужныя зерна...

— A Вальгиръ?!

— Собъхъ! — крикнула Гелигунда... А старый Собъхъ смотритъ плачетъ. Безутъшно плачетъ... Виславъ и Гелигунда, при видъ старасолдата, какъ-бы обезумъли. Гелигунда въ страхъ вскочила на коня и помчалась въ замокъ. нею мчится и Виславъ, но настигнуть ее не можетъ: взмыленный конь устаетъ...

Виславъ сталъ...

— Долженъ его увидъть...

Задумался на мгновеніе, въ глазахъ ужасная мысль свътилась...

— Онъ умолкнетъ... Повернулъ коня...

– Да, я заставлю его стихнуть! Виславъ мчится назадъ на поляну, къ тому мъсту...

Ни живой души!

Объъхалъ весь лъсъ, но Собъха

и слъдъ простылъ.

Въ душъ Гелигунды переполохъ и ужасъ. "Собъхъ видълъ... онъ знаетъ... онъ все скажетъ Вальгиру. А потомъ месть... смерть" — проносится у ней ужасная мыслъ. Гелигунда мъста себъ въ замкъ не находитъ, изъ комнаты въ комнату бъжитъ---вдругъ остановилась мгновеніе спустя бросилась въ комнаты челяди...

— Гдѣ Собѣхъ?

— Нътъ! Ушелъ неизвъстно куда. Вотъ уже нъсколько дней какъ онъ точно обезумълъ! Рано утромъ оставляетъ замокъ и бродитъ по лѣсамъ, до Кракова доходитъ! — Зачъмъ?

— Кто его знаетъ, разсудокъ должно быть потерялъ. На разсвътъ встанетъ, наточитъ ножъ...

Гелигунда вернулась въ свои покои. Новая мысль мелькнула у нея. Усмъхнулась она, — глаза широко открылись и остановились, точно она вглядывалась въ свою мысль "Есть выходъ"!--гвоздемъ засъло у нея.

Собъхъ стихнетъ... Умолкнетъ,

какъ могила...

Рано утромъ Гелигунда наткнулась на Собъха. Она хотъла бъжать отъ него, не изъ страха передъ нимъ, а изъ-за угрызеній совъсти, но Собъхъ остановилъ ее.

 Графиня, я ему не скажу. Не скажу, чтобы не отравлять его счастья! произнесъ съ усмъшкою старый слуга.

--- Ты лжешь!--- воскликнула Гели-

гунда.

- Правду говорю. Не скажу. Не сдълаю несчастнымъ мое любимое дитя. О Боже, Боже! Пусть будетъ въ любви счастливъ, пусть онъ думаетъ, что ты-слава и украшеніе его дома.
  - Перестань, замолчи!..

 Не хочешь меня слушать, такъ будь здорова, я ухожу.

Куда идешь ты съ топоромъ?

 На звъря иду. На крупнаго звъря. Найду его!

Его кровь обагритъ землю! О комъ

ты говоришь?

— О комъ? О злодъъ, укравшемъ счастье Вальгира, о гадинъ, которая вползла въ его домъ.

. . . . . "Онъ хочетъ убить Вислава. Едва ли найдетъ его, а если и детъ, то тъмъ лучше: Виславъ убьетъ этого сумасшедшаго. Онъ долженъ умереть, иначе все будетъ извъстно Вальгиру. Пока Собъхъ помнитъ еще себя, на него можно надъяться, но какъ только потеряетъ разумъ,

то невольно проговорится, — и мы погибли".

Гелигунда искала Собъха и, наконецъ, измученная, разбитая застала его дома.

- Я тебя, Собъхъ, два дня искала и еле нашла. Не отлучайся такъ часто изъ замка. Помощь твоя мнъ бываетъ нужна. Вотъ и теперь я пришла къ тебъ за совътомъ.
- До сихъ поръ ты обходилась безъ моихъ совътовъ!
- И очень дурно поступила, сознаюсь! Если бы ты, мой другъзналъ, что, происходитъ въ моей душѣ, какой я строгій, неумолимый судья для самой себя! О, если бы ты только зналъ...

Собъхъ исподлобья взглянулъ на Гелигунду, и въ глазахъ его сверкнулъ огонекъ.

- Не смотри такъ на меня, сжалься надо мною. Я такъ жажду искупленія моей вины! Върь мнъ, Собъхъ... Хотълъ бы върить... Охъ, какъ хотълъ бы... Трудно только! Человъку, котораго обуяетъ страсть, върить нельзя, онъ не можетъ за себя поручиться.
- Върь! Съ этого дня я ръшила не выходить никуда изъ дому, а быть всегда при тебъ, мой дорогой старикъ... Не оставляй меня, ни на минуту, не отходи ни на шагъ, пока Вальгиръ не пріъдетъ...

Собъхъ долго пристально смотрълъ на молодую женщину, и лицо его озарила счастливая улыбка...

— А, можетъ быть, я и въ самомъ дълъ ошибаюсь, можетъ быть мнъ мерещится! – прошепталъ Собътъ

Старикъ сурово сдвинулъ брови, вперилъ въ Гелигунду сърыя пронизывающія очи и промолвилъ:

- Ты правду говоришь, что его бросишь?!
  - Koro?
- Вора чужой собственности! Разбойника! Того, который завладълъ собственностью Вальгира! Отнялъ его честь!...

Гелигунда гордо выпрямилась и, поднявъ руку къ небу, торжественно произнесла:

— Клянусь, что мои очи не уз-

рять его больше...

И столько было откровенности, рѣшимости въ ея словахъ, столько правдивости свѣтилось въ глазахъ ея, что старикъ съ глазами, полными слезъ, упалъ къ ногамъ красавицы...

— Исполни то, что объщала,

исполни... Люби Вальгира!...

Встань, Собъхъ!... Неприлично тебъ, старику, стоять передо мною на колъняхъ. Я должна бы лежать у твоихъ ногъ, вымаливая у тебя прощеніе за свою сумасбродную мысль. Встань, съ этого дня мы неразлучно будемъ СЪ проводить время разгово-ВЪ рахъ о дорогомъ Вальгиръ. А теперь, старина, выпьемъ вина за его здоровье и счастье.

Собъхъ радостный поднялся съ колънъ и пошелъ въ погребъ за виномъ; тъмъ временемъ Гелигунда

приготовила кубки.

Старикъ наполнилъ кубки и, взявъ одинъ изъ нихъ, поднесъ его къ губамъ со словами:

— Гелигунда... Дочь моя... за

здоровье и счастье Вальгира!

Вдругъ внезапная мысль, какъ молнія, мелькнула у него въ головъ, и онъ оттолкнувъ руку отъ кубка.

— Почему ты не пьешь? Пей же!—

приглашала его графиня.

Старикъ съ горящими, какъ уголья, глазами, схватилъ оба кубка и перемънилъ ихъ...

— Теперь я выпью... но и ты пей!.., Гелигунда не прикоснулась къ своему кубку.

— Ты не хочешь пить?!... Отра-

вить меня хотъла...

Гелигунда, мрачно глядя на Собъха, взяла въ руки кубокъ и осушила его до дна.

— Будешь теперь върить мнъ?!.— промолвила Гелигунда ласковымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Жизнь за тебя положу!!

Цълыми днями Гелигунда и Собъхъ бывали вмъстъ.

Какъ-то вечеромъ за стаканомъ вина Собъхъ объявилъ Гелигундъ, что онъ на слъдующій день уходитъ на поиски Вислава, чтобы убить его.

Рано утромъ Гелигунда попросила Собъха взять и ее на охоту, такъ какъ она не хотъла разставаться со старикомъ.

— Хорошо, пойдемъ, дочь моя, быть можетъ встрътимъ звъря!— отвъчалъ тотъ.

Ни живой души въ лѣсу. Изрѣдка только глухарь сорвется съ вѣтки, либо серна пробѣжитъ. Исходилъ старикъ весь лѣсъ вдаль и поперекъ, взбирался на скалы, спускался въ долины, въ болота, перебирался черезъ рвы и пропасти, но нигдѣ никого не находилъ.

 Пойдемъ, Собъхъ, домой!—стала звать Гелигунда.

-- Нътъ, я долженъ идти на берегъ Вислы! Пойдемъ со мною, пойдемъ!—приглашалъ старикъ.

Вотъ они оба стоятъ на крутомъ холмъ, у подножья котораго бурлитъ водоворотъ. Взглянула Гелигунда внизъ. Тамъ Висла клокочетъ, кипитъ; волны пънятся; дна не видать; отъ глубины вода, какъ изумрудъ...

Страннымъ огнемъ загорълись глаза Гелигунды...

Смерть... Рѣшено...

Хочетъ позвать Собъха и не можетъ, голосъ ей измънилъ... Но вотъ она поборола свое волненіе, немного успокоилась и шепотомъ зоветъ Собъха...

Иди сюда, Собъхъ! Онъ здъсь, здъсь!...

Старикъ торопливо взбирается на скалу, съ мечомъ въ рукъ.

— Онъ?! Гдѣ графиня?!

— Да вотъ, берегомъ Вислы идетъ... Къ намъ приближается!

 Покажи, гдѣ!. Глаза отъ старости плохо видятъ.

— Всмотрись. Стань вотъ сюда!... Собъхъ сталъ надъ пропастью и пристально смотритъ въ даль.

- Гдъ же онъ?

— Тамъ!!!— крикнула Гелигунда, столкнувъ его со страшной силой въ пропасть...

Мечъ только зацѣпился за вѣтку можжевельника, Собѣхъ упалъ въ воду съ крикомъ, но плескъ воды заглушилъ его голосъ.

Борется человъкъ со смертью, вотъ онъ всплылъ на поверхности воды, волна его подхватываетъ, онъ борется съ волной, стараясь достичь берега...

Вотъ онъ у берега, рука цъпля-

ется за скалу...

— Негодная! Богъ тебя покараетъ...

Ужасъ охватилъ Гелигунду, старикъ ухватилъ рукой вътку березы... Помощь нашелъ себъ.

Внезапно ей бросился въ глаза мечъ на можжевельникъ.

Съ ловкостью разъяренной львицы прыгнула она на выступъ, повисла надъ пропастью, рискуя упасть въ нее, и схватила клинокъ оружія...

— Не уйдешь теперь!!

Съ страшной силой она размахнулась и ударила мечемъ въ березу...два скрюченныхъ пальца остались на въткъ...

— Богъ покараетъ тебя!...

Старикъ еще пытается бороться, напрягаетъ свои послъднія силы. Вотъ онъ плыветъ подъ ногами Гелигунды. Но мечъ, брошенный съ размаха, упалъ и разсъкъ голову старику. Словно камень, пошло ко дну тъло, втянутое въ глубину омутомъ. Набъжала волна, другая,и кровавая окраска воды исчезла... Ни следа отъ Собеха, ни капли крови... Мечъ пошелъ ко Грудь Гелигунды волнуется... не отъ страха уже... Наступилъ отдыхъ послъ ужасной тревоги... Губы смъются... Прислонясь къ скалъ, какъ бълая статуя стоитъ она... Потукнъвшіе глаза заблестъли снова...

— Утихъ, навъки!...

. Теплая, душистая, лътняя ночь

окутала землю; трава покрылась росой; въ прудахъ квакаютъ лягушки; съ луговъ и нивъ доносится крикъ дергачей и перепелокъ.

Гелигунда стала у окна и залюбовалась красотой ночи; ухо чутко прислушивалось къ каждому зву-

ку.

Зашелестъла листва бука, вътка ежевики качнулась, что то затрещало подъ ногами человъка, который потихоньку пробирался къ окну Гелигунды... Неожиданно увидълъ ее и остановился, любуясь ея красотой... Гелигунда внимательно прислушивалась къ шуму... Послышались звуки пъсни подъ акомпаниментъ лютни:

- Цвъткомъ хотълъ бы быть...
- Это ты мой дорогой?! Иди, не бойся, Собъхъ умолкъ, заснулъ!...

Можетъ проснуться!

- Ты думаешь?!— усмъхнулась она.—Успокойся!
  - Что такое?
  - Собѣхъ умолкъ!..

— Умеръ?!...

- Не спрашивай!. Выпей вина и говори о чемъ нибудь иномъ!
- Хорошо, мы будемъ говорить о любви, моя дорогая!

Осенью вечеромъ неожиданно раздался звукъ рога и затъмъ топотъ копытъ по деревянному мосту.

— Кто это?—Быть можетъ онъ?!.. Виславъ выбъжалъ на дворъ и моментально вернулся блъдный, какъ полотно.

- Боже! Вальгиръ!
- Бѣги!

Виславъ не задумываясь выпрыгнулъ изъ окна и искалъченный бросился въ лъсную чащу.

сился въ лъсную чащу. Ворота уже настежь.

Ворота уже настежь, дворъ наполнился всадниками. Вальгиръ, бросивъ товарищей спъшитъ въ покои!

- Гелигунда, дорогая!!
- Вальгиръ...
- Хвала Богу, мое скитаніе по бълому свъту окончено съ пользой для меня, а главное—для короля и

Ръчи Посполитой... и я опять съ тобою! Тосковала по мнъ?

- Ты спрашиваешь? Отъ радости словъ не нахожу... Вотъ и вино, уже три мъсяца, какъ я каждый вечеръ приготовляю два кубка въ надеждъ, что ты подъъдешь... Теперь ты не уъдешь? Не бросай меня, мнъ такъ страшно одной безъ тебя!
- Не увду теперь, любимая!— воскликнулъ Вальгиръ, прижимая Гелигунду къ своей груди.—У меня есть для тебя радостная въсть.

— Какая?...

 Король Болеславъ далъ мнъ воеводство Вислицкое!

— Пріятная въсть!

— Старикъ князь Вислицкій за переговоры съ маркграфами противъ своей родины былъ изгнанъ изъ страны. Мы переъдемъ въ Вислицу, какъ только Оттонъ III прибудетъ въ Гнъзно!

— Что ты говоришь? Оттонъ...

 Молодой государь, услышавъ о могуществъ нашего властелина, рѣшилъ нарочно пріѣхать въ Польшу, поклониться мощамъ Св. Войтъха, пожать руку Болеславу и заключить съ нимъ союзъ. Когда Оттонъ будетъ въвзжать въ Польшу, я стану во главъ рыцарства и встръчу его. Такъ повелълъ Болеславъ. Какъ онъ добръ и милостивъ, ты увидишь сама изъ его словъ, съ которыми онъ обратился ко мнъ при моемъ отъъздъ изъ Познани. Спрашивая о тебъ, о моемъ хозяйствъ, о моей родинъ, онъ вспомнилъ и Собъха: "какъ поживаетъ старый солдатъ, Собъхъ? Хорошій солдать и върный товарищъ. Неустрашимымъ рыцаремъ былъ въ битвахъ"!

Гелигунда поблѣднѣла, взоръ устремился въ землю, губы дрожали, какъ отъ холода...

- О Собъхъ спрашивалъ король?
- Да. Болеславъ знаетъ каждаго крестьянина, который бился въ его рядахъ. Припомнилъ старика и говоритъ мнъ:—"Когда пріъдетъ им-

ператоръ, то привези стараго вояку въ Гнъзно"!

- Не поъдетъ; онъ уже тамъ! произнесла тихо печальнымъ голосомъ жена Вальгира.
  - Не поъдетъ? Почему?!

— Собѣхъ умеръ!...

Замолкъ Вальгиръ, опустилъ свою голову на грудь богатырскую и зарыдалъ безутъшно.

— Успокойся Вальгиръ. Не плачь! Смерть слуги тебя такъ огорчаетъ?

— Боже, Боже! Выняньчилъ меня, выростилъ... Это не слуга, а братъ, отецъ...

Гелигунда молчала и ждала, пока Вальгиръ не успокаивался.

 Грустно, что ты, возвратясь ко мнъ, не улыбкой счастья привътствуешь меня, а слезами...

Вальгиръ поднялъ очи, взглянулъ на красавицу жену,—и на его загоръломъ лицъ появилась улыбка радости и счастья.

Какая ты красивая!Мила тебъ, супругъ?

Обнялъ Вальгиръ свою жену, прижалъ ее къ себъ и промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Одна ты у меня осталась, моя дорогая, моя прекрасная, чистая!

Счастливый влюбленный кръпко поцъловалъ ее въ губы. Уста ея были, какъ ягоды красныя, а онъ, какъ дитя, которое прельстилось волчьими ягодами только потому, что онъ красивы на видъ. Дитя не подозръваетъ, что эти ягоды ядовиты, что онъ приносятъ смерть.

Глава ІХ.

Воспитанный подъ наблюденіемъ женщинъ, Оттонъ III былъ мечтательнымъ ребенкомъ, въ головъ котораго роились самые фантастическіе замыслы. Его юношеская фантазія была несчастіемъ для народовъ, подвластныхъ ему: дитя достигло власти и по-дътски хотъло привести въ исполненіе свои мечты.

Прекрасно владъя тремя языками, что было ръдкостью въ тъ времена, онъ черпалъ свои взгляды на жизнь изъ сочиненій древнихъ римскихъ писателей; онъ мыслилъ такъ, какъ мыслили люди, жившіе въ Римъ тысячу лътъ тому назадъ. Его завътнымъ желаніемъ было быть такимъ великимъ, какимъ былъ Августъ, Траянъ и Титъ.

По-римски Оттонъ III думаетъ по латыни и гречески говоритъ, римскія или греческія одъянія носитъ. Нъмцевъ и все нъмецкое ненавидитъ, своихъ единоземцевъ считаетъ дикими варварами и мечтаетъ Римъ сдълать столицей своего могущественнаго государства. Нелюбовь къ нъмцамъ ему внушила его мать Теофанія, которая питала такую сильную ненависть къ нъмчто искренно радовалась пораженію войскъ ея мужа Оттона II подъ Базантелло: Греческую княжну радовало, что греки разбили на голову мужа ея нъмца и всъхъ ея подданныхъ нъмцевъ.

Огромное вліяніе на шестнадцатилътняго императора Оттона III имъли два ученыхъ мужа, и оба не * были нъмцами. Одинъ, Гербертъ Аурильянъ, — французъ, з другой, епископъ Войтъхъ Славникъ, славянинъ. Императоръ върилъ имъ во всемъ и безконечно любилъ ихъ. Жаль, что они не всегда находились возлѣ Оттона III, и ихъ не было, когда въ душв Оттона возникли нехристіанскія чувства, когда его уста произносили приговоры, достойные злодъя, или безумца... Тогда его юная душа шла ужаснымъ путемъ: даже добрыя намъренія его могли превратиться въ злодъянія, даже церковныя постановленія о соблюденіи постовъ онъ издавалъ въ формъ приказовъ, въ силу которыхъ солдатъ, уличенный въ несоблюденіи поста въ пятницу, подвергался слъдующему наказанію: ему выбивали всъ зубы и выламывали желъзомъ челюсти.

Изъ разодранныхъ на куски десенъ струей текла кровь, нечеловъскіе стоны вырывались изъ груди солдата...

Въ такія минуты въ душѣ Оттона, вылощенной римской и греческой культурой, просыпался нъмецъ варваръ, подобный тъмъ, которые поработали Римъ, разрушили Акрополь, уничтожили цивилизацію Эллады; въ немъ проглядывалъ тогда такой-же злодъй, какимъ былъ начальникъ "легіона разбойниковъ", король Генрихъ Птицеловъ.

По смерти папы loaнна XV на папскій престолъ, при содъйствіи Оттона III, вступилъ его родственникъ и ровестникъ Григорій V. Въ первый разъ намъстникъ Христа быль нъмець. Двадцатильтній папа увънчалъ императорской короной III, Оттона шестнадцатилѣтняго

юношу въ то время.

Когда императоръ покинулъ Италію, будучи вызванъ въ Германію по дъламъ государства, въ Римъ поднялся мятежъ среди народа. глубоко ненавидъвшаго нъмцевъ, и возмущеннаго назначеніемъ нъмца на престолъ главы католической церкви. Во главъ мятежа всталъ сенаторъ Кресценцій. Григорій V былъ свергнутъ съ престола, а на его мъсто вступилъ Іоаннъ XVI. Тогда бывшій папа написалъ императору доносъ о бунтъ. И тотъ поспъшилъ въ Римъ съ войсками.

Древняя столица римской имперіи напоминала тогда своимъ видомъ кладбище: кое-гдъ виднълись хижины, развалины покрывали огромное пространство. А когда-то здъсь жизнь кипъла, были здъсь люди, были пышныя зданія, роскошныя виллы, величественные храмы...

Пустынная площадь ожила сегодня. Слышенъ стукъ топоровъ, визгъ пилъ. Свезенъ лъсъ, и плотники нъмецкіе работаютъ на форумѣ.

- Эй, вы! Углубить яму.
- Молотокъ ударяетъ по каменной глыбъ.
  - Что тамъ такое?
  - Мраморъ!

 Выкопать его. Быть можетъ, тамъ зарыты сокровища!

Нъсколько человъкъ бросилось исполнять приказаніе старшаго, углубили яму, окопали камень и вытащили наверхъ.

- Что это?
- Человѣкъ изъ камня!.
- Рукъ и плечъ не хватаетъ!
- Безстыдная женщина, стоитъ.
- Молода и красива, потому и нахальна.
- Я знаю, кто это. Это языческая богиня.
- Пусть своимъ видомъ не оскорбляетъ очей человъческихъ. — Прочь ее! Бей желъзомъ!

Молотки застучали по мрамору; статуя дала трещину, лопнула и

разсыпалась на куски.

Раздался звукъ, похожій на человъческій стонъ, какъ будто художественное произведение искусства рыдало, погибая подъ ударами нъмецкаго варвара. Отбитая голова покатилась, какъ ядро...

- Возьми эту голову!
- Собери куски.

 Этими обломками мы подопремъ столбы висълицъ...

Тринадцать столбовъ вбито въ тринадцать конопляныхъ петель развъваются по вътру, тринадцать висълицъ приказалъ поставить на форумъ императоръ Оттонъ III.

Одна висълица, стоящая какъ разъ въ серединъ, выдъляется своей высотой изъ всего этого омерзительнаго ряда... Стропила ея упираются въ храмъ Веспасіана. изъ воиновъ, смъясь, говоритъ:

- Это почетная висълица.
- Кресценцій и на висълицъ долженъ отличиться мужествомъ, какимъ онъ выдълялся при возмущеніи римскаго народа!

— Рядомъ съ нимъ будутъ повъщены двънадцать предводителей мятежа!

- Справедливо!
- Нашего свергли съ престола!

- Короновали его противника!
- Не хотълъ бы быть на его мъстъ сегодня!
- Молчать!!!— крикнулъ начальникъ, бросаясь съ кнутомъ въ толлу работниковъ.—Черезъ часъ сюда прибудетъ императоръ. Работать проворнъе!
  - -- Тронъ строить!
  - Стропила уже вбиты.

— Въ одно мгновеніе поставимъ. Съ поспъшностью плотники принялись за скръпленіе бревенъ желъзными крюками. Скоро вся постройка была покрыта и красиво задрапирована краснымъ сукномъ. Надъ пурпуровымъ балдахиномъ развъваются знамена имперіи, ступеньки лъстницы устланы яркокраснымъ сукномъ, на возвышеніи поставленъ тронъ...

Скоро на форумъ появилась толпа вооруженныхъ воиновъ. Восторженные крики въ честь императора, ругательства, проклятія для поношенія узурпатора разносятся по

воздуху.

Во главъ шествія идетъ, закованный въ кандалы, предводитель римскаго народа Кресценцій. На шев у него веревка, сотникъ держитъ конецъ ея, его ведутъ, какъ собаку. За нимъ, окруженный вооруженнымъ сбродомъ, вдетъ тотъ, который захватилъ силой престолъ, тотъ, который посмълъ присвоить себъ власть и силу. Узурпаторъ связанъ веревками, которыя връзаются въ его тъло; ъдетъ онъ на ослъ, спиной къ головъ животнаго. Муки и боль выражаетъ его лицо, страхъ свътится въ его лживыхъ глазахъ.

За нимъ идутъ двънадцать остальныхъ. Руки въ колодки закованы, падающаго отъ тяжести преступника солдатъ бьетъ бичомъ. Ежеминутно въ воздухъ раздается свистъ кнута, щелкающаго по голымъ плечамъ истязуемаго. На мъстъ удара вздувается синяя полоса, затъмъ она краснъетъ и покрывается кровью, которая каплями стекаетъ и падаетъ на землю...

На всемъ пути кровяные слѣды виднъются.

Въ концъ кортежа ъдетъ побъдитель Рима, императоръ Оттонъ III. Его окружаетъ блестящая свита, но въ рядахъ ея нътъ Войтъха Славника, который указывалъ тирану на принципы христіанскаго ученія. запрещавшіе месть... Мученикъ погибъ за въру Христа, и нътъ теперь при Оттонъ руки, которая остановила бы омерзительную месть, которая бы обуздала желанія его дикой озвърълой души...

Императоръ сълъ на тронъ; вокругъ размъстилась его свита. Оттонъ махнулъ рукой, —и палачи какъ звъри бросились на своихъ жертвъ. Прежде всъхъ притащили узурпатора и повалили его у подножья трона, чтобы онъ видълъ, какая кара постигнетъ его сторонниковъ. Лежитъ онъ измученный, закованный и съ ужасомъ смотритъ

на рядъ висълицъ...

Что ни минута, то раздается крикъ, стонъ или плачъ человъка, котораго ведутъ на казнь. Вытаращенными отъ ужаса глазами смотритъ онъ на орудіе мукъ: смерть черезъ повъшеніе слишкомъ легка, слишкомъ быстро наступаетъ смерть, слишкомъ незначительна боль; по приказу императора петлю надъваютъ не на шею, а на ноги, чтобы преступникъ, вися головою внизъ, муками заплатилъ за свою вину, чтобы онъ медленно-медленно умиралъ...

Вотъ ведутъ какого-то гиганта на висълицу. Увидълъ онъ рядъ столбовъ,—и ужасъ охватилъ его. Съ отчаянной силой рванулся, сорвалъ съ себя путы, солдата, который его велъ, ударилъ такъ сильно, что тотъ упалъ замертво. Въ смятеніи чернь уступаетъ ему дорогу; великанъ летитъ прямо на императора, руки вытянуты впередъ, пальцы согнуты, какъ орлиные когти... Сейчасъ достигнетъ трона...

— Убійца!!!— кричитъ Оттону.— Разбойникъ!!

Поблъднъли тълохранители и бросились бъжать; спереди путь къ TDOHY открытъ; сейчасъ достигнетъ Оттона, убъетъ владыку міра... Но нътъ, за нимъ бъгутъ солдаты, хватаютъ его за волосы, за плечи.

Подставилъодинъ солдатъ ногу гиганту, — и тотъ рухнулъ на земь. Въ одно мгновеніе наскочили на него воины, распяли его руки, загнули ихъ назадъ и связали ремнями. Скрутили его, какъ ребенка, такъ что онъ не можетъ шевельнуться и все таки продолжаетъ поносить Оттона:

— Оттонъ, кровожадный нѣмецъ!! Убійца!!

Какъ колоду, перевернули его и поставили внизъ головой, петля обхватила по ноги; люди отскочили, исполинъ повисъ...

- Нъмецъ!! Кровопійца!! Мерзкій!!

 Ты—разбойникъ, запятнанный человъческой кровью! - воскликнула жена Кресценція, оттащенная солдатами за волосы отъ трона императора.

- Разбойникъ!!—взываетъ обез-

силенный человъкъ.

Прислужники бросились къ богохульнику, заткнули ему мхомъ, законопатили совсъмъ и завязали платкомъ. Жертва молчитъ и качается... Ужасно качается...

Двънадцать жертвъ уже виситъ; по серединъ мучится глава и началь-

никъ бунта, Кресценцій.

Ни одинъ мускулъ не дрогнетъ императора; спокойно лицъ смотритъ онъ на мученія и истязанія людей.

Узурпаторъ лежитъ безъ сознанія и не видитъ ужасающей мести Оттона.

Воинъ, который сторожитъ его, замътилъ смертельный сонъ чтобы привести въ сознаніе, хлестнулъ со всей силы по обнаженнымъ плечамъ и крикнулъ:

— Смотри...

трълъ.

Изданъ приказъ. чтобы онъ смо-

— Всмотрись! Это — все друзья!...

Вотъ какъ умираютъ мятеж-

- Такъ умрутъ всъ, кто воспротивится волѣ императора.

Глаза закрылъ.

Разбудить его! Разбудить!

Опять ударъ бича, еще ударъ; одинъ за другимъ сыплются удары до тъхъ поръ, пока не откроются полныя ужаса очи...

. . . . Нъсколько стариковъ не выдержали мученій и скончались уже. Молодые еще мучатся, судороги сводятъ ихъ члены, мускулы дрожатъ, на лицъ видны страданія, у рта пъна. Императоръ смотритъ...

Къ трону приблизился палачъ и

сказалъ:

Кресценцій умеръ, государь!

 Умеръ другъ узурпатора, теперь пусть и онъ умретъ. Отдай его палачамъ!

 Эй! Слуги!! Разложить огонь! Клещи приготовить! Приговоръ императора выполнить до конца!...

Началась ужасная, мучительная

картина...

Когда узурпаторъ кончался, форумъ появилось нъсколько иностранцевъ. Впереди идутъ почтенные мужи, замыкаютъ шествіе закованные въ латы рыцари.

— Посольство!

— Знаю ихъ. Это отъ короля польскаго Болеслава.

Кортежъ направляется къ императору; во главѣ идетъ ксендзъ Здъшко; около него какой-то красивый шляхтичъ. Это дипломатъ Стоигнъвъ, прославив-Болеслава шійся своимъ умомъ и ловкостью въ дипломатическихъ сношеніяхъ. такъ хорошо изучилъ хитрости нъмцевъ, такъ ловко умъетъ отвъчать на ложь ложью, что далеко оставилъ за собой своихъ учителей въ этомъ направленіи.

Приблизился аббатъ Тынецкій къ святилища Веспасіана колоннамъ и-вдругъ увидълъ рядъ висълицъ съ повъшенными на нихъ людьми... Кровь отхлынула отъ лица пастыря...

— Боже!— простоналъ онъ, —милосердый Боже!.

Въ глазахъ аббата горитъ смертельный страхъ, душа человъка возмущается, протестуетъ, всъ нервы напряжены. Стоитъ Здъшко слъпой и онъмълый, голосъ потерялъ, разумъ потерялъ...

Даже румянное и счастливое лицо Стоигнъва поблъднъло и затуманилось слегка грустью; быстрые, смъющіеся глаза остановились, въ расширенныхъ зрачкахъ ужасъ свъ-

тится...

— Здравствуй, милый братъ!— воскликнулъ императоръ, обращаясь къ Здъшко.

Священникъ не слышитъ словъ императора: глухой, нѣмой, точно прикованный къ землѣ стоитъ онъ, потерявъ голову, разумъ.

Но зато Стоигнъвъ думаетъ,

тотъ не потерялъ голову.

- Бью челомъ твоему величеству! — произнесъ шляхтичъ, опускаясь на колъни у трона.
  - Что случилось съ аббатомъ?
  - Видъ этотъ, монархъ...
- Видъ!?—проговорилъ смъясь Оттонъ! Гм? А что? Красивый видъ! Такъ кончаютъ жизнь бунтовщики!

Дипломатъ польскій соображилъ, что, говоря правду въ эту минуту, ничего не выгадаешь.

- Такъ имъ и надо! крикнулъ
- Какія въсти принесъ ты мнъ, Стоигнъвъ?
- Ты прислалъ, великій и прекрасный государь, своихъ пословъ королю Болеславу, чтобы заявить о своемъ намъреніи посътить польскую землю.
- Радъ былъ этой въсти братъ мой Болеславъ?
  - Безмѣрно!
  - Вы пришли, чтобы...
- Именемъ польскаго владыки просить тебя, великій государь, быть желаннымъ гостемъ.

Стоигнъвъ всталъ, выпрямился,

въ глазахъ горълъ огонекъ, въ голосъ звучала увъренность и языкомъ римлянъ торжественно молвилъ онъ:

 Императоръ Оттонъ, ты властелинъ всего міра, ты слава всѣхъ имперій и королевствъ. Орлиныя крылья имъетъ твоя слава, народы съ удивленіемъ и уваженіемъ привътствуютъ мысль, которая зародилась въ мощной душъ твоей. Говорятъ, что хочешь ты подъсвоимъ скипетромъ воскресить прежнюю римскую имперію, что хочешь быть великимъ, какъ Титъ и Августъ. Толпы народа не знаютъ того. что я знаю, что ты уже теперь славиће Тита и Августа. Видћлъ я статую этого императора, гдъ ему ровняться съ тобой. Онъ - блѣдная звъзда, а ты — ясное солнце. Знаю, что намъреваешься соединить подъ своею властью Грецію, Римъ, Византію, Африку и Палестину, гдъ царствовалъ Давидъ передъ уходомъ въ Вавилонъ. Да сбудутся твои желанія, да погибнутъ твои враги, какъ Кресценцій, котораго не вино, кровь залила. Ты, солнце, взойди свътлымъ лучомъ на нашу лю! Именемъ господина моего Болеслава взываю къ тебъ: Прибывай къ намъ!

Слова Стоигнъва доставили огромную радость императору. Посолъ Болеслава прекрасно зналъ, что говоря о всемірной римской имперіи, онъ задъваетъ слабую струну души императора.

Юный властелинъ не подозръвалъ, что Стоигнъвъ лгалъ по обыкно-

венію...

глава Х-я.

Стоигнъвъ дъйствительно лгалъ. Въсть о путешествіи Оттона въ Гнъзно для поклоненія святымъ мощамъ не была великой радостью для королевскаго двора, какъ сказалъ посолъ. При дворъ Болеслава образовалось нъсколько партій. Самая многочисленная находила, что дружба польскаго короля съ

германскимъ императоромъ — великое несчастіе,

Дружественныя отношенія между Оттономъ и Болеславомъ отодвигали войну съ германцами на неопредъленный срокъ, а этой войны жаждали всъ поляки. Собъбора, Бориса и Незамысла поразила эта въсть до глубины души: рухнули всъ мечты, погибли всъ планы. Ненависть кипъла вь сердцахъ славянъ.

Великая мысль объединенія всъхъ славянъ въ одно государство, которое могло бы воспрепятствовать кровопролитнымъ походамъ германцевъ, зародилась въ геніальной головъ Болеслава, но ему удалось только отчасти выполнить свой великій замыселъ; по смерти же его великій планъ снова распался. Погибъ для славянъ край между Одеромъ и Лабой; надъ Лабой и Дунаемъ, надъ Адріатическимъ, надъ Чернымъ и Съвернымъ морями пролилось море крови славянъ, цълые народы погибли.

И теперь дружбъ съ нъмцами не сочувствовали тъ, кто не хотълъ имъть ничего общаго съ Западомъ, кто во всемъ, что дълалъ римскій императоръ, видълъ зло и несчастье.

Тридцать лътъ минуло съ тъхъ поръ, какъ Мъшко I принялъ христіанство, тъмъ не менъе большая часть народа оставалась върной прежнимъ богамъ, и труды Болеслава и его миссіонеровъ оставались безуспъшными. Противники христіанства особенно враждебно смотръли на Западъ, который въ лѣвой рукъ имълъ крестъ, а въ правой мечъ, покрытый человъческой кровью... Съ другой стороны, нъмцы вооружили противъ себя и христіанъ: тъ просили Римъ разръшить имъ имъть польскій костель, независимо отъ нъмцевъ, и богослужение на польскомъ языкъ. Письмо маркграфини Матильды къ сыну Болеслава, Мъшко II, ясно указываетъ на существованіе польскаго богослуженія наряду съ латинскимъ. Лѣтописи говорятъ о томъ, что христіанство пришло въ Польшу не отъ итальянцевъ и нъмцевъ, а отъ славянъ Кирилла и Меоодія, которые окрестили Мѣшко I и его народъ. Однако, нѣмцы сумѣли своимъ латинскимъ обрядомъ произвести раздоръ между славянами и тѣмъ ослабили ихъ.

Вотъ почему Болеславъ, ратовавшій за объединеніе славянъ, настойчиво требовалъ прежде всего введенія національнаго языка въ богослуженіе. Къ сожалѣнію, провидя его замыслы, нѣмцы всячески противодѣйствовали ему въ Римѣ.

Интриговали нъмцы и съ другой стороны, осыпая милостями высшее сословіе славянскихъ племенъ, напр., лютиковъ и гавелянъ, онъмечивая его и этимъ отдъляя отъ остального народа. Съ послъднимъ, лишеннымъ опоры высшихъ сословій, нъмцамъ уже легко было справляться...

Словомъ, въ рукахъ нъмцевъ хороши были всъ средства. И это хорошо знали всъ, кому дорого было славянское имя. Вотъ почему всъ такъ опечалились, услышавъ что Болеславъ Храбрый, вмъсто войны готовится встрътить владыку нъмцевъ, какъ дорогого гостя.

Врагъ ненавистный нашей крови!
 жаловались королю Болеславу Собъборъ и Незамыслъ.

— Оставьте меня! Теперь за тобой дізло, Собізборъ. Ты долженъ приготовить страну къ встрізчіз царственнаго гостя!

— Встрътимъ его...

— Такъ, какъ отцы наши принимали гостя у себя въ домъ. Помни: гость въ домъ, —Богъ въ домъ!...

Болеславъ прекрасно понималъ. зачъмъ Оттонъ ъдетъ въ Польшу. Желаніе поклониться святымъ мощамъ были важной причиной, но не самой главной.

Оттонъ мечталъ воскресить блескъ временъ цезарей и сдълаться великимъ императоромъ, какимъ былъ

Августъ. Для выполненія мечтаній нужно было, чтобы съверъ было спокойно и сосъди не предпринимали походовъ. Дружба съ Болеславомъ была необходима, такъ какъ тогда прекратятся нашествія короля на нъмецкую землю и, кромъ того, можно будетъ разсчитывать на помощь его въ случаъ надобности защищать Священно- Римскую Имперію... Что это не была поъздка на богомолье, доказывала пышность этого путешествія. Оттонъ везъ съ собою огромную свиту блестящихъ рыцарей и духовенства. По словамъ Титмара, ни одинъ римскій императоръ не выважалъ съ такимъ блескомъ изъ Рима.

"Иду туда, гдъ не ступала никогда нога древняго римлянина", сказалъ Оттонъ въ своей ръчи къ римлянамъ.

Весь путь Оттона былъ великимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Несмотря на суровую зиму, во всъхъ придорожныхъ городахъ происходили блестящія встрічи и празднества; со всъхъ сторонъ съъхались первъйшіе люди государства къ государю на поклонъ... Болеславъ выѣхалъ встрвчу храбрый на гостю, —и тамъ, гдъ сливаются Черная ръка съ Бобромъ, встрътились два властелина, дружелюбно протянувъ руку другъ другу.

Затъмъ пышный кортежъ двинулся по направленію столицы Польши Гнъзно.

Когда показались вдали дома этого города, когда сверкнулъ своей позолотой куполъ костела, Оттонъ сошелъ съ коня, снялъ обувь и босой шелъ до города.

На встръчу императору вышелъ епископъ въ богатомъ облаченіи, далъ ему приложиться къ образу Спасителя и ввелъ во храмъ. Оттона поразила пышность и блескъ костела: вездъ блестъло золото, драгоцънные камни, вездъ виднълись образа. Мраморныя колонны поддерживали сводъ; тысячи свъчей

разливали мягкій свѣтъ; воздухъ былъ наполненъ благовоніями. Словомъ, вся обстановка располага-гала къ молитвѣ.

Оттонъ упалъ на колѣни передъ гробницей велико-мученика и по-грузился въ горячую, чистосердечную молитву.

Вслъдъ затъмъ начался рядъ празднествъ и забавъ рыцарскихъ.

"Какъ Болеславъ чествовалъ императора, описать нельзя, да никто бы не былъ въ состояніи представить себъ то, что было, если бы. этотъ праздникъ поддался нію. Воочію убъдившись въ могушествъ Болеслава и въ богатствъ его земли, Оттонъ не могъ придти себя отъ удивленія. Собравъ своихъ совътниковъ Оттонъ сказалъ: "Не пригоже намъ такоговеликаго человъка именовать вождемъ или графомъ: онъ долженъ носить королевскую діадему"! и, снявъ съ головы корону, Оттонъ возложилъ ее на голову Болеслава въ знакъ дружбы и уваженія. И еще далъ ему гвоздь, которымъ Христосъ былъ пригвожденъ, за что. Болеславъ вручилъ плечо Св. Войтъха". Такъ пишетъ нъмецкій историкъ (Титмаръ).

Между пирами перетолкоали и одълъ. Ксендзъ Здъшко добивался. освобожденія польскаго костела изъ-подъ вліянія императора. Досихъ поръ Магдебурскій архіепископъ былъ главой всъхъ римскихъ. церквей въ Съверной Славоніи: польскіе епископы также должны были подчиняться намецкой митрополіи. Болеславъ же энергично настаивалъ на полномъ раздъленіи, и послъ продолжительнаго упорства ему-удалось добиться желательнаго результата. Оттонъ передалъ всъ права, какія раньше имълъ на польскую церковь, Болеславу не одной только Польшъ, но и всъхъ странахъ, которыя король завоюетъ.

Поръшивъ дъла, рыцарство опять принялось за пиры.

Императора окружили людьми науки, и въ бесъдахъ съ ними пріятно проходило время. Оттонъ не могъ надивиться мудрости Здъшко; онъ не подозрѣвалъ, что здѣсь, гдѣ никогда не ступала нога римлянина, были люди, такъ хорошо изучившіе и Тацита, и Цицерона. Съ изумленіемъ слышалъ онъ, что римская литература-ничто иное, какъ слабое отраженіе греческой. Съ величайшимъ интересомъ слушалъ отрывки изъ произведеній греческихъ писателей, которые ему переводилъ на латинскій языкъ аббатъ Здішко.

День за днемъ проходилъ въ бесъдахъ. Дворецъ весь былъ убранъ восточными тканями, вездъ виднълась дорогая утварь. Все, что приглянется императору, Болеславъ сейчасъ же приказывалъ отнести въ сокровищницу Оттона. Свита послъдняго тоже получила драгоцънные дары.

Наступилъ, наконецъ, часъ отъъз-

ла.

Любезно распростился Болеславъ со своимъ гостемъ, — и тотъ направился въ Аахенъ, гдъ приказалъ открыть гробницу Карла Великаго и вмъстъ съ графомъ Люмелло вошелъ въ подземелье.

Мрачно, темно было въ склепъ; своды заткала паутина, камни покрылись плъсенью. По серединъ пещеры, на тронъ въ полномъ облаченіи, съ короной изъ драгоцънныхъ камней на головъ, возсъдалъ великій владыка франковъ. Въ рукъ у него на пергаментъ написанное Евангеліе.

Императоръ взялъ Евангеліе въ сокровищницу государства, приказалъ вынести императорское кресло, чтобы его отправить Болеславу, а себъ на память вынулъ изъ десны великаго короля коренной зубъ.

Потерявъ расположеніе своихъ соотечественниковъ нъмцевъ, не пріобрътя и дружбы любимыхъ имъ римлянъ, вернулся потомъ Оттонъ въ Италію, гдъ судьба жестоко покарала его.

Безсердечный императоръ воспылальмогучей страстью къримской патриціанкъ. Прекрасная дочь Италіи казалась ему живой статуей греческой богини, сошедшей съ жертвенника, на которомъ Эллада приносила ей жертвы, богиней, достойной опять вступить на алтарь.

Оттонъ мѣста себѣ не находилъ, разспрашивая озаинтересовавшей его

дамѣ.

-- Кто она? Какъ зовутъ ее?

— Вдова Кресценція, котораго ты, государь, покаралъ справедливою смертью.

— Его жена!..

Трепетъ охватилъ Оттона!: какъ же онъ взглянетъ въ глаза той, которая видъла мучительную, жестокую кончину мужа? Но одно мгновеніе,—и страсть разбила всъ упреки совъсти.

Одинъ за другимъ идутъ къ ней послы государя, но встръчаютъ только ненависть и презръніе... Однако, Оттонъ не теряетъ надежды.

— Не наложницей, а супругой короля ты будешь! Жену свою бросить, отъ престола отречется, у твоихъ ногъ сложитъ свое могущещество! — говорятъ непреклонной послы императора, но и на этотъ разъ римлянка проклятіями проводила пословъ. Императоръ былъ въ отчаяніи. Вдругъ ему приносятъ радостную въсть: "Больше жизни любитъ тебя"....

Дъйствительно, упала красавица въ объятія императора, счастьемъ дышетъ молодое лицо, глаза, черные, какъ уголь, горятъ страстью; полуоткрытыя уста жаждутъ поцълуя...

— Сжалься надо мной, прекрас-

ная! Выслушай мою просьбу.

— Нътъ, дорогой, не здъсь. Тутъ, въ Римъ, полонъ дворецъ людей... Ненавижу людей, когда я съ тобой....

Въ Патерно ѣдемъ....

Безъ въдома рыцарей и свиты уъхалъ молодой монархъ изъ Рима.

Ты мнѣ простила?О чемъ ты говоришь?

Digitized by Google

- -- О казни твоего мужа.
- Не вспоминай!
- Боишься страшныхъ воспоминаній?
- Нътъ, для меня эти воспоминанія не страшны!
  - Что значатъ твои слова?
- Я потеряла мужа, но за то получила тебя!
- Дорогая моя, счастье мое, радость моя, молю тебя, выслушай мою просьбу!..

На свътлое чело молодой женщины вдругъ набъжала тучка.

- О чемъ призадумалась милая?
  Боюсь... Ты всегла будешь
- Боюсь... Ты всегда будешь меня любить, не измънишь мнъ?
- Разсъй свои думы! Будь увърена въ моей любви! Налей мнъ вина!

— Вина хочешь? Сейчасъ...

Она выбъжала изъ комнаты и черезъ минуту вернулась, неся жбанъ вина и двъ золотыя чарки. Взяла одну чарку, поставила передъ Оттономъ и наполнила ее виномъ. Все это она сдълала съ полнымъ внъшнимъ спокойствіемъ; только губы побълъли, да рука вздрогнула слегка, пока она лила вино въ кубокъ...

— Пей, возлюбленный!—шепчетъ она.

Осушилъ императоръ кубокъ до дна и минуту спустя почувствовалъ ужасную боль, въ глазахъ потемнъло, мысли помутились, лицо покрылось синими пятнами...

- Что со мной? Все болитъ внутри...
  - Ничего, это пустяки!
  - Помогите!!
  - Жди помощи!
- Иди ко мнъ. Помоги мнъ, обними меня!

Оттонъ упалъ съ кресла. Женщина, видя это, поняла, что послъдняя минута не далеко.

— Помощи хочешь?—со смѣхомъ спросила она.—Быть можетъ, моей любви?!

— Спасенія!!!

Волочится императоръ къ ней, обнять ее хочетъ...

Какъ тигрица отскочила она отъ него, глаза ненавистью горятъ, у рта пъна, руки судорожно сжимаются... Вдругъ она быстро подскочила къ Оттону и съ нечеловъческой силой ударила его по лицу. Императоръ ползаетъ у ногъ римлянки; а та разъяренная проклинаетъ его, бъетъ ногами, топчетъ...

 Отъ моей руки погибаешь, подлый убійца!!

Оттонъ погибъ на двадцать второмъ году своей жизни. Проклятіями проводили его тъло римляне. Толпы итальянцевъ встръчали траурный поъздъ, чтобы проводить останки тирана проклятіями. Изъ Вероны солдаты вынуждены были бъжать ночью, чтобы спасти тъло покойника отъ посрамленія. Какъ разбойники, крадучись по ночамъ, двигались слуги съ останками своего господина.

Наконецъ, они перешли Альпы и добрались до Аахена, гдъ и похоронили Оттона рядомъ съ Карломъ Великимъ. По смерти Оттона въ Германіи поднялись смуты.

Ближайшимъ родственникомъ

первымъ кандидатомъ на престолъ былъ Генрихъ Хромой, князь баварскій. Претендентами явились: князь швабскій, Германъ и приближенный Болеслава Храбраго Эккигардтъ. На соборѣ въ Майнцѣ баварцы, франконцы и лотаринги избрали императора Генриха. Приверженцевъ же Эккигардта новый императоръ сумълъ привлечь на свою сторону; самъ же маркграфъ бъжалъ въ Познань, ища защиты у Болеслава Храбраго. Генрихъ II, по прозванію

глава XI.

Хромой, былъ человъкъ очень бо-

лъзненный и подверженный, кромъ

того, наслъдственному недугу.

Несчастнымъбылътотъ день, когда чехи призвали на Вышеградскій престолъ родного брата Болеслава Храбраго, сына Мъшко и Добравы,

Владыбоя. Не принесъ польскій князь счастья чехамъ. На камнъ не взойдетъ, не зацвътетъ роза, въ зломъ сердцъ не зародится доброе намъреніе.

Король польскій прекрасно зналъ, что дѣлалъ, когда отстранилъ отъ управленія страной Владыбоя и остальныхъ братьевъ. Ему предстояло выбрать одно изъ двухъ золъ; или, уважая волю отца, подѣлиться землей съ братьями и тѣмъ нанести вредъ отчизнѣ, или, пренебрегая волею отца, спасти родину, лишивъ Владыбоя престола... Выродился этотъ человѣкъ, не достоинъ

того дома, изъ котораго вышелъ...

Безпокойство охватило Болеслава, когда въ Познань явилось посольство просить Владыбоя принять управленіе надъ чехами. Если бы польскій король меньше любилъ этотъ народъ, то онъ бы даже порадовался, что внутренній его врагъ, родной братъ, лишенный имъ наслъдства, покидаетъ родину, но, питая къ чехамъ самыя дружелюбныя чувства, онъ болълъ за нихъ душою, такъ какъ предвидълъ тъ несчастья, которыя обрушатся на ихъ головы.

— Не радость намъ, а горе...

-- Иди же ты, король, и займи Прагу!—говорилъ Собъборъ.

— Чехами долженъ управлять Чехъ.

— Ты самъ видишь, что у меня на родинъ происходитъ. Болеславъ Рыжій выгналъ изъ страны родную мать, народъ истязуетъ... Его злодъянія перешли границу. Народъ возмутился, и вспыхнуло всеобщее возстаніе. Тирана прогнали и ръшили предложить престолъ польскому королю. Иди же, Болеславъ!

— Народъ не меня, а моего брата Владыбоя зоветъ. Владыбой выбранъ единогласно чешскимъ княземъ.

— Знаю, знаю!—съ горечью произнесъ Собъборъ. Не выдержали чехи гнета Болеслава Рыжаго и изъ двухъ золъ выбрали меньшее... Вмъсто тирана выбрали...

— Не говори миъ о немъ! За-

молчи!..

— Образумится, быть можетъ еще!—утъшалъ Болеслава Вдалый Вальгиръ...

 Святое муропомазаніе дастъ ему разумъ для управленія наро-

домъ.

 Дай то, Боже! произнесъ Болеславъ Храбрый.

Не могъ успокоиться огорченный Собъборъ и все продолжалъ соблазнять Храбраго...

Но тотъ былъ неумолимъ.

— Каждый народъ долженъ управляться своими законами и самъ долженъ рѣшать свою судьбу!—говорилъ онъ.—Нехороши его законы, быть можетъ?! Но это все-таки его законы! Нельзя намъ навязывать свою волю другимъ. Горе тому, кто протянетъ руку за чужою собственностью, кто посягнетъ на чужой заработокъ. Собственные законы, это величайшій даръ Всемогущаго. Кто отнимаетъ у народа его естественныя права, того постигнетъ кара Божья...

Такъ говорилъ король. Въ душъ же его таились сомнънія и страхъ, ужасный страхъ...

Его опасенія были основательны Болеславъ предвидълъ слъдующій день исторіи чешскаго народа...

Въ голубой Велтавъ Вышеградъ на себя любуется. Надъ крутымъ обрывомъ виситъ старая кръпость. Сто оконъ въ замкѣ, всѣ окна залиты свътомъ, весь замокъ огнями блеститъ, сотни огней отражаясь, въ волнахъ ръки колышатся въ нихъ. Громко раздается музыка; крики въ замкъ слышны, какъ улей пчелинный гудитъ княжій дворецъ. То пируетъ Владыбой, новый чешскій князь... Толпа рыцарей его окружаеть, толпа пьяныхъ веселится. Со всъхъ сторонъ собраны сюда красивъйшія дъвушки; забыли онъ заповѣди Бога, забыли наставленія родителей, стыдъ дъвичій потеряли... Забыли рыцари, что они христіане, въ оргіяхъ время проводятъ, языческія забавы возобновляють, наглыя пъсни поютъ, языческимъ богинямъ дань уваженія отдаютъ. Не боятся чехи кары Божьей; съ единокровными родственницами, какъ съ женами живутъ, каждый мужъ имѣетъ столько женъ, сколько хочетъ; развратъ— одно ихъ желаніе, единственная цѣль ихъ жизни. Сотни инструментовъ оглашаютъ своими звуками замокъ, рѣки вина льются; въ винѣ и въ поцѣлуяхъ красавицъ рыцари разумъ теряютъ...

Больше всъхъ безумствуетъ Владыбой, его окружаетъ толпа блудницъ; чарку за чаркой дъвицы подносятъ къ устамъ его. Нетрезвой улыбкой благодаритъ князь за напитокъ, въ уста пьяныхъ женщинъ цълуетъ. По нъсколько мъсяцевъ сряду безчинствуетъ князь и оста-

новиться не можетъ...

Ужасныя въсти изъ Чехіи въ Польшу летятъ. Стыдъ за брата и жалость къ народу терзаютъ сердце Болеслава, но все это еще терпитъ онъ.

Когда же къ нему пришли съ извъстіемъ, что Владыбой, для того, чтобы спокойно безчинствовать, отдалъ свою землю въ подданство Генриху II, гнъвъ обуялъ Болеслава, не въ силахъ онъ дольше выносить.

— Позоръ! Ужасный позоръ!— воскликнулъ онъ. —Съ нашими врагами дружбу заводитъ!

— Свергнуть его!!

–- Лишить власти, которую онъ

опозорилъ!

— Ступай, король, въ Прагу!— взывалъ къ Болеславу архіепископъ гнѣзненскій, Радзимъ. —Возьми подъ свое покровительство наслѣдство твоего брата!

Пускай Чехія и Польша обра-

зуютъ одно государство.

Владъй нами, Болеславъ!—го-

ворилъ чехъ Собъборъ.

— И ты мнъ совътуещь? Не понимаю тебя, точно ты добровольно вводишь иностранныя войска въ свой край.

— Иностранныя?!—крикнулъ Со-

бѣборъ.

Собъборъ удивленно взглянулъ на Болеслава.

 Въ первый разъ слышу такія ръчи изъ устъ твоихъ. Не думалъ я, что ты врагъ мнъ и моему народу, что для насъ ты — иноземецъ....

Свътлая улыбка озарила лицо Бо-

леслава.

Собъборъ съ сверкающими оча-

ми обратился къ толпъ:

 Слушайте, братья, кого Болеславъ, съ соизволенія Папы, гнъзненскимъархіепископомъназначилъ?

— Чеха! Радзима!

- А что, Великополяне, ксендзъ Радзимъ для васъ иноземецъ?!
- Нътъ, нътъ!! Онъ братъ нашъ кровный... Да здравствуетъ архіепископъ! Да здравствуетъ ксендзъ нашъ Славникъ!!!

Да здравствуютъ Чехи!

Собъборъ обернулся къ королю

и говоритъ:

- Ты господинъ, могъ предполагать, что будешь для насъ чужеземцемъ?
- Нътъ, не думалъ я этого! возразилъ Болеславъ, обрадованный дружбой двухъ родственныхъ народовъ.
- Да здравствуетъ Собъборъ! -- воскликнулъ Вальгиръ.
- Братья, вы знаете, что съ лютиками дълается?
- Гибнутъ на висълицахъ, мрутъ въ неволъ!
- Въдаете судьбу нашихъ братьевъ, что надъ моремъ голубымъ живутъ?
- Какъ скотъ на рынкахъ продаютъ ихъ!
  - Въ чемъ спасеніе наше?
- Въ дружбъ, въ объединеніи насъ, въ соединеніи всъхъ нашихъ силъ....
- Кто же можетъ насъ соединить, отъ неволи избавить и раздавить нашихъ мучителей?

— Болеславъ Храбрый!!!

— Слышишь, государь! Вотъ почему я прошу тебя править, чехами— обратившись къ Болеславу, молвилъ Собъборъ.

— Чехами правитъ братъ мой!

 Погибшій онъ человѣкъ! Выродокъ изъ вашего дома...

Внезапно вбѣгаетъ гонецъ изъ Праги, услышавъ слова Собѣбора говоритъ:

— Не намъ надъ нимъ приговоръ произносить. Богъ теперь ему судья!

— Что хочешь ты этимъ сказать?

— Владыбой умеръ!

— Возможно ли? Недълю тому

назадъ онъ былъ здоровъ.

— Въ честь нѣмецкихъ пословъ пиръ онъ устроилъ. За столъ рыцари сѣли, дѣвушки окружили ихъ, отъ смѣха и пѣсенъ голоса охрипли; въ питьѣ мѣру потеряли, глаза отъ вина потускнѣли. Схватилъ Владыбой огромный кубокъ, притихли всѣ, поднесъ къ губамъ кубокъ и молвилъ: "Да здравствуетъ мой господинъ и покровитель, императоръ нѣмецкій Генрихъ"! Прильнулъ губами къ чашѣ и черезъ мгновенье рухнулъ на землю мертвый, губы только открылись какъ бы стараясь втянуть воздухъ.

— Какова жизнь, такова и смерть!—

произнесъ Здѣшко.

—Да простить ему Господь прегръшенія его!—воскликнуль Стоигнъвъ.

Теперь въ дорогу.

— Куда?

-- Въ Прагу. Ты, король, вступишь на престолъ Чешскій.

Нътъ!—съ силой воскликнулъ

Болеславъ..

Наступила мертвая тишина. Всъ въ ожиданіи чего то ужаснаго обра-

тили къ нему свой взоръ.

— Чехами пусть владъетъ Чехъ!!! Какъ громъ раздались слова Болеслава, никто противиться его волъ не смъетъ, хотя въ душъ съ нимъ никто не согласенъ. Въ глазахъ всъхъ вопросъ стоитъ, откуда то доносится ропотъ.

— Ты хочешь, государь, чтобы Яромиръ чехами правилъ! — осмълился, наконецъ, произнести Стои-

гиъвъ.

Прочь его!—крикнулъ Собъборъ.

- Кто же будетъ владѣть Прагой?
- Кто?!— спросилъ король.—Законный наслъдникъ престола!

— Какъ? Болеславъ Рыжій?!

-- Онъ!!!

— Это не можетъ быть!

 — Моя воля будетъ исполнена! твердо и ръшительно произнесъ Болеславъ.

Не теряя времени, польскій король послалъ гонца во Францію къ графу Гецила, съ которымъ его свядавнишняя и продолжительная дружба и тайныя государственныя дела. Тамъ, въ крепости графа, въ высокой башив былъ заключенъ чешскій князь Болеславъ. Посолъ Храбраго бесъдовалъ съ узникомъ, предложилъ ему условія своего короля и, когда Болеславъ послѣ нѣкотораго раздумья, согласился исполнять всъ требованія, то посолъ, именемъ польскаго владыки, приказалъ освободить князя. Сняли кандалы съ его рукъ, выпустили на свободу и тотчасъ же поспъшили обратно въ Польшу, гдф король съ нетерпъніемъ ожидалъ своихъ пословъ.

Въ часовнъ познаньскаго замка передъ Распятіемъ Христа горятъ свъчи. Два Болеслава ведутъ продолжительную бесъду. Всъ двери заперты, во всъхъ башняхъ засовы задвинуты.

— Даешь ли клятву? — спросилъ

Чеха Болеславъ Храбрый.

— Отцомъ моего народа буду, слезы угнетенныхъ осушу, всъ неправыя дъла мои заглажу, для сиротъ, которыя потеряли отца по моей винъ, благодътелемъ буду.

— Слушай, братъ мой! Ты знаешь, что чехи возвели моего брата на престолъ, что тебя лишили власти и

вручили ее моему брату?

— Изъ твоихъ рукъ получу ее

теперь!

— Не иначе. Но помни, что тѣ, кто тебя лишилъ власти, — мои друзья, и что они всегда съ радостью

возведутъ на престолъ польскаго короля. Объщай, что не будешь имъ мстить, что простишь имъ прошлое?!

— Прощу!

 Поклянись передъ образомъ Спасителя.

Болеславъ Рыжій, поднявъ руку къ небу, торжественно произнесъ:

— Клянусь!!

Братъ, твои слова слышалъ Богъ!

'По полю, покрытому бълой пеленой, двадцать тысячъ всадниковъ ъдутъ. Лютый январскій морозъ щиплетъ и жжетъ имъ лицо. На востокъ голубая мгла окутала подножье трона, на который восходитъ царь свъта, золотисто - багряное солнце. Высокія сосны бросаютъ синеватыя тъни; на западномъ склонъ царствуетъ мракъ, а вершины горъ, которыя первыя узрѣли уже лучи солнца, покрываются багрянцемъ. Равнина полна жизни; кони фыркаютъ, дружинники затянули пъсню, а рыцарство шутками и веселымъ смъхомъ привътствуетъ наступающій день.

Во главъ многочисленной конницы старъйшины ъдутъ; вътеръ развъваетъ знамена; передъ знаменами два владыки гарцуютъ. Мужество свътится въ глазахъ Болеслава Храбраго, свътлая улыбка озаряетъ лицо, на устахъ ръчь ласковая. Болеславъ чешскій на словахъ поддакиваетъ Храброму, а въ душъ совсъмъ иныя мысли кроетъ. На совъты Храбраго простить своихъ враговъ уста его говорятъ: "да, да"! а ехидная усмъшка перечитъ лживымъ словамъ и говоритъ: "нътъ, нътъ"! Войско все двигается впередъ. Отъ Познани до Силезіи прошли уже и, наконецъ, въ чешскую землю вступаютъ.

Въ Чехіи нъмцы правятъ уже. Отъ имени Генриха II Прагу заняли два брата Болеслава Рыжаго, Яромиръ и Ольдригъ. Нъмецъ утвердилъ ихъ на престолѣ; нѣмецкіе рыцари заняли чешскіе гарнизоны. Моравскіе и польскіе полки ѣдутъ, чтобы прогнать нъмецкихъ вассаловъ изъ родной страны. Удивительная война происходить, нътъ надобности даже вынимать мечъ, одинъ только видъ несмътнаго войска Болеслава Храбраго наводитъ такой ужасъ, что нъмцы бъгутъ изъ всъхъ городовъ и кръпостей. Яромиръ и Ольдригъ, появившіеся въ Чехіи какъ молнія, теперь исчезли такъ же стремительно. Они убъжали къ нъмецкому императору, оставивъ открытыми ворота Праги. Войска Болеслава прошли всю страну, оставляя во всъхъ городахъ часть своихъ силъ.

Тишина и спокойствіе водворились въ Прагъ; съ довъріемъ смотръли на будущее враги Болеслава. Онъ до неузнаваемости перемънился: ласками и добротой окружилъ своихъ враговъ, въ нуждъ послѣднюю рубашку отдаетъ ближнему. Тѣ, кто возставалъ противъ него когда-то, искренно каются теперь въ этомъ, глядя на его безпорочную и доблестную жизнь.

Исчезли опасенія, утихли страхи. Весело празднуетъ Прага масляницу, во всъхъ домахъ гремитъ музыка, раздается веселый смѣхъ молодежи, "народъ предается безобразнымъ забавамъ этого міра". Одинъ за другимъ слъдуютъ пиры. Вспомнили воеводы, какъ пировалъ князь Владыбой; на пирахъ музыка гремитъ, ръкою вино льется, дъвицы красныя тфшатъ пирующихъ своими

пъснями и смъхомъ...

Въ послъдній день масляницы князь Болеславъ позвалъ на пиръ всъхъ своихъ бывшихъ враговъ. всѣхъ концовъ королевства съъхались воеводы въ Прагу.

Приказалъ Болеславъ позвать род-

ную дочь свою.

Сторонишься меня, дочь моя?

— Исполняю волю мужа! Онъ ненавидитъ меня...

— Тебя, отецъ? Нътъ. Онъ ненавидитъ твои безчинства!

- Ложь! Вржовцы и Славники давно были моими врагами и теперь соединились, чтобы возстановить народъ противъ меня, чтобы отнять у меня наслъдство моихъ отцовъ. Ваши очи на Польшу смотрять, вы свое тъло и душу полякамъ продали.
- Ошибаешься, отецъ! Всею душою любимъ мы родную землю.
  - Владыбоя вы призвали?
  - Да!
- Твой мужъ сталъ во главъ возстанія, которое свергло меня и отдало полякамъ чешскую землю.
  - Развъ онъ виноватъ въ томъ?
  - Кто же еще?
  - Твои поступки!
- --- Ты говоришь, мои поступки? Пусть такъ! Если въ самомъ дълъ вы боролись не противъ меня, а противъ моихъ дълъ, то теперь, когда эта причина умерла...

Королевна воскликнула:

- Дай Богъ, чтобы это была правда.
  - Ты плачешь! Не въришь!
- Я молю Бога улучшить мою долю.
  - Развѣ ты несчастлива?
- И ты, отецъ, спрашиваешь?! Развѣ я могу быть счастлива, когда мое сердце разрывается на двѣ части, когда сердце кровью обливается... Вѣдь, я и тебя, и мужа люблю, а ты смотришь на мужа, какъ на врага, не хочешь простить его...

Болеславъ бросился къ задыхающейся отъ слезъ дочери, обнялъ ее и кръпко прижалъ къ себъ.

- Прости меня, мое дитя! Прости мои слова.
- Пусть Господь Богъ тебя простить!
- Призвалъ я тебя не для того, чтобы твое сердце терзать и бередить твою рану... Я хочу дружбы твоей и твоего мужа. Прошу его простить меня. Хочу его прижать къ моей груди, хочу его имъть сыномъ моимъ!

Оцъпенъла отъ счастья дочь Болеслава, вся притихла и вдругъ со

слезами радости бросилась отцу въ объятія...

- Дожила до счастья... Боже мой!
- Ты видишь, дитя, какъ сильно я измънилъ свою жизнь... Если я всъхъ простилъ и если я добился любви всъхъ, то долженъ снискать и вашу дружбу. Забудь о прошломъ. Пусть оно исчезнетъ, какъ снъгъ.
  - Весна! Весна теперь идетъ!
- Приведи ко мнѣ твоего мужа.
   Пусть онъ придетъ на мой пиръ.

Пышный пиръ во дворцъ. Давно такого веселья не видала Прага, давно не звучала такая музыка въ стънахъ замка. Смертельные враги нъкогда, желанные гости сегодня, собрались въ стънахъ Вышеграда; гулъ голосовъ, звонъ чаръ, пъніе разносятся по всъмъ палатамъ дворца. Всъ собрались уже и за столы съли, только князя Болеслава нътъ еще. Но вотъ и онъ явился.

Въ сверкающемъ каменьями одъяніи, съ короной на головъ, съ мечемъ въ золотыхъ чеканныхъ ножнахъ у пояса, въ пурпуровой мантіи вступилъ владыка въ палату и остановился. На встръчу ему поднялись всъ гости. Съ улыбкой на лицъ, съ лаской въ очахъ привътствовалъ онъ всъхъ собравшихся. Простирая къ нимъ руки, какъ бы желая всъхъ заключить въ свои объятія, приблизился князъ къ столу:

 Для меня вы всѣ дороже жизни...

Сълъ князь за столъ,—и пиръ начался. Въ изобиліи заставлены столы яствами, ръки вина льются, а любезный хозяинъ все подчуетъ гостей дорогихъ...

- Пейте, братья дорогіе!!!
- До твоего прихода тысячу чаръ за твое здоровье осушили!
  - За ваше здоровье!
- Много лътъ тебъ здравствовать, владыка!
  - Пейте и ъшьте. Послъдняя ми-

нута, послѣдній часъ. Сегодня послѣдній день масляницы, а потомъ раздастся великопостный звонъ и конецъ веселью. Эй! музыканты, или ваши пальцы больше не владѣютъ?

Зазвучали струны, веселыми звуками наполнилась палата. Болеславъ съ прежними врагами за ихъ здоровье пьетъ, ласковыя рѣчи имъ говоритъ, лицо его пылаетъ, глаза блестятъ, самъ онъ слегка уже покачивается... Одинъ за другимъ кубки осушаетъ, на минуту пріостановился и обвелъ всѣхъ глазами, точно сосчитать ихъ хотѣлъ...

— Скоро полночь, скоро звонъ раздастся, а пока пейте всъ! За мною!

Схватилъ князь ковшъ и поднесъ его къ губамъ, за нимъ подняли свои кубки...

Раздалось гудъніе колокола...

- Прочь музыканты! Пришелъ часъ покаянія и печали! Головы пепломъ посыплемъ!
- Съ тобой, владыка, молиться будемъ!!!
- Молись, брате. Тебъ нужна молитва!
  - -- Что значитъ это?
- Поймешь сейчасъ, другъ сердечный. Ты ѣздилъ въ Познань, чтобы передать мое наслѣдіе сыну Мѣшко, Владыбою?
  - Я, властелинъ!
  - Ия! Ия!
- Ты насъ простилъ за это, государь?
- Всею душою люблю васъ, братья.

— Ты простилъ намъ наши прегръшенія? Ты забылъ о нихъ!

- Забылъ!? Но этотъ звонъ мнѣ напомнилъ! Слышите, какъ онъ плачетъ и стонетъ, такъ плакала и стонала моя душа, когда я долженъ былъ покинуть землю родную. Какъ гудитъ этотъ звонъ! Точно онъ плачетъ надъ судьбою земныхъ существъ.
- Что говоришь ты, князь?!— воскликнули пораженные гости.

 Говорю, что сегодня день проклятія! Смерть гласить этотъ звонъ!

— О смерти говоритъ!

-- Мстить быть можетъ хочетъ?

— Бѣжимъ, пока время еще не ушло!!!

- Бъжать хотите?! Бросить меня? Нътъ, вы не выйдете отсюда. Мой гостепріимный домъ не пуститъ васъ...
- Такъ то ты насъ простилъ?!
   Мы довърились тебъ, безоружные вошли въ твой домъ.

Внезапно омрачилось лицо князя, въ глазахъ скорбь и раскаяніе. Растроганный, пьяный Болеславъ вдругъ зарыдалъ.

Плачетъ... Ошиблись мы!

Бросились къ нему его гости, упали передъ нимъ на колъни и наклонили головы къ его стопамъ, какъ цвъты клонятся къ ногамъ косца...

— Ко мнъ, мои дъти! Всъхъ васъ къ своему сердцу хотълъ бы при-

жать.

- До гроба—твои слуги!
- Подойди ко мнѣ, дочь моя.
   Къ ногамъ Болеслава упали зять его и дочь.
  - Отецъ нашъ, любимый!
- Встань, сынъ мой, говорить съ тобой хочу. Раньше ты стоялъ во главъ возстанія!
- Не береди, отецъ, ранъ моихъ.
   Ихъ заживитъ время!

Болеславъ молча взялъ кубокъ въ одну руку—огромный жбанъ въ другую и изо всей силы ударяетъ кубкомъ по жбану. Ръзкій металлическій звукъ раздался и разнесся далеко.

- Ты говорилъ, зять, что раны время заживитъ!?
  - Богъ исцълитъ.
- А я тебъ говорю,—громовымъ голосомъ крикнулъ Болеславъ,—что ихъ кровь исцълитъ!
  - Что хочешь ты сказать?
- Смотри!—крикнулъ онъ, показывая на двери,—видишь?

Страшный шумъ слышенъ кругомъ, со стукомъ отворяются двери, и въ нихъ показываются воины, вооруженные съ ногъ до головы и закованные въ латы.

- Боже!
- Всѣ двери заграждены войскомъ!
- Ты, зять мой, возвель на престоль Владыбоя Пяста?

— Я...--прошепталъ онъ.

Какъ молнія сверкнулъ мечъ Болеслава и со страшной силой вонзился въ грудь Вжовца; свистя хлынула

струя крови.

— Твоя кровь исцълить мой раны!! — демоническимъ смъхомъ захохоталъ Болеславъ, глядя на рухнувшаго, истекающаго кровью человъка.

Толпа, окружавшая князя, въужасъ отшатнулась отъ него. Съ отчаяннымъ воплемъ дочь Болеслава упала на трупъ мужа...

— Злодъй! Душегубецъ!!

Какъ дикій звърь кинулся Болеславъ на женщину, схватилъ ее за волосы и безъ милосердія оттаскиваетъ отъ тъла убитаго мужа...

— Выродокъ...

Не могъ Болеславъ справиться съ дочерью, въ бъшенствъ припалъ къ метающейся женщинъ...

— Крови его хочешь?! Она тебѣ ближе моей! Кровь мужа дороже

крови отца?! Хорошо!!

Схватилъ руками шею дочери, направилъ ея голову къгруди убитаго и со страшной силой прижалъ ее губами къ ранъ...

— Пей! Пей кровь!.. Его кровь!

Пей...

Захлебнулась кровью мужа своего дочь Болеслава..

Въ оцъпенъніи, безъ мысли въ головъ, остановившимися отъ страха глазами смотрятъ собесъдники короля; нъкоторые попробовали пробиться сквозъ рядъ солдатъ у двери, но, проколотые мечами, тутъ же упали замертво...

Три Вжовца бросились къ убійцѣ, желая оттащить его отъ дочери, но только прикоснулись до князя, какъ на нихъ съ рычаніемъ накинулись

псы. Десять огромныхъ животныхъ рвутъ и терзаютъ беззащитныхъ людей. Вотъ одинъ схватилъ за горло Славника и душитъ его...

Поднявъ голову, Болеславъ окинулъ взоромъ всю палату и прика-

залъ прислужникамъ:

— На жатву!...

Нѣсколько сотъ людей бросилось въ палату,—и началась рѣзня. Одинъ за другимъ падаютъ гости дорогіе... Всталъ Болеславъ съ трупа зятя, подошелъ къ столу, взялъ тяжелый ковшъ и размозжилъ имъ голову своей дочери... Оглянулся вокругъ.

— Всѣ! — шепчетъ онъ, —всѣ теперь!.. Сердца для Польши бились... Утихъ горный потокъ, солнце выпило

изъ него всю влагу...

Съ сатанинской улыбкой обводитъ онъ глазами палату, воздухъ которой пахнетъ теплой кровью... Обернулся къ палачамъ:

— Идите прочь! Откройте по-

греба, выкупайтесь въ винъ.

— Идемъ, господинъ!

- Стойте... Музыкантовъ позовите!
- Попелецъ *), владыко... Звонъ гудитъ... Часъ печали и покаянія... Злая усмъшка искривила губы

пьяницы...

- Мой постъ и моя печаль были до сихъ поръ. Пепломъ лжи посыпалъ я свое лицо до этого дня! Я былъ, какъ гробъ, который прикрываетъ благовонными цвътами разложившееся содержимое. Сегодня моя масляница началась...
  - Твои враги пали...
- Нътъ ихъ больше!! Вина! Вина! Вина! Музыкантовъ!!!...

Дрожашей рукой музыканты въ струны ударяютъ, ихъ струны стонутъ и плачутъ; звонъ колокола ръзко разносится по воздуху; псы, лежа у подножья трона, отчаянно воютъ... Болеславъ въ раздумьи слу-

^{*)} Среда на первой недѣлѣ великаго постъ называется попелецъ у католиковъ. Въ знакъ скорби и печали въ этотъ день посыпаютъ головы пепломъ. Прим. перев.

шаетъ эту адскую музыку и тихо повторяетъ:

— Моя масляница!.. Мой праздникъ...

Вотъ онъ всталъ, взялъ кубокъ, хочетъ ко рту поднести его, но рука

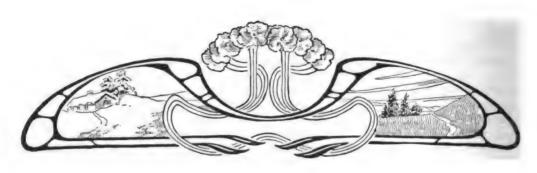
ему измѣнила... пошатнулся князь, упалъ на тронъ и въ безсиліи свалился съ него на ступени...

Върный песъ подскочилъ къ Боле-

славу...

ука Звонъ умолкъ.

(До слюд. М-ра).

Мой путь.

Въ ненастный день я вышелъ на дерогу... Повсюду грязь... Невесело идти... И отдохнуть нътъ мъста на пути, Но я иду... тихонько... понемногу... Одътъ туманъ безмолвныя поля, Слегка колеблемый вътрами, И тучи движутся горами, И стонетъ тощая земля... Но върю я: за синей полосою Меня ждетъ лугъ зеленый, весь въ цвътахъ, Облитыхъ утренней росою, И солнце въ ясныхъ небесахъ. Туда мой путь... И копитъ сердце силы, Тамъ отдохну въ душистомъ я саду, Тамъ прозвенитъ мнѣ снова голосъ милый... Дойду ли только?...

О, дойду!...

С. федоренко.

III.

Японскій языкъ.—Нравы. —Положеніе * женщины. — Семья. — Религія. — Праздники. — Н' жоторые обряды.

Японскій языкъ сроденъ съманджурскимъ и принадлежитъ къ алтайской группъ. Никто изъ восточноазіатскихъ народовъ не говоритъ на томъ языкъ, на которомъ онъ пишетъ, и японская разговорная ръчь отличается отъ книжной настолько, насколько русскій яз. отличается отъ древнеболгарскаго. Книжный языкъ труднъе разговорнаго.

Каждое прилагательное употребляется трояко: съ окончаніемъ "Кі" оно бываетъ опредъленіемъ, съ "shi"—сказуемымъ, а съ "Ки" употребляется тогда, когда слъдуетъ другое предложеніе. Напр.: takaki yama, большая гора; yama takashi, гора высока; yama takaku, kiku samuku, гора высока, климатъ суровъ.

Въ японскомъ языкъ нътъ члена, рода и множ. числа, а въ прилагательныхъ, кромъ того, и степеней сравненія. Для выраженія одного и того-же личнаго мъстоименія слу-

жатъ нъсколько словъ, что зависитъ оттого, съ къмъ говорятъ. Напр., "я" въ разговоръ съ лицомъ, которому желаютъ выразить уваженіе, обозначается словомъ watakshi, а когда говорятъ съ близкимъ знакомымъ—washi и, наконецъ, со слугою или товарищемъ — boku; въ интимномъ же кружкъ—оге, а рабочіе между собою говорятъ оіга или ога.

Какъ австралійцы умѣютъ считать только до пяти, такъ и древніе японцы ограничивались счетомъ до 10 (числомъ пальцевъ на рукахъ). Названія этихъ чиселъ слъдующ.: 1-hitots, 2-ftats, 3-mits, 4-yots, 5-itsuts, 6-muts, 7-nanats, 8-yats, 9-kokonots, 10-to. Они ставятся послъ существительн. и не употребляются въ ръчи о лицахъ. Со многими японскими словами они сливаются въ одно и теряютъ тогда окончаніе ts. Такъ hitotabi значитъ разъ, hitotsuki одинъ мъсяцъ. Японское слово Ка значитъ день, ftska-два дня, mikka три дня, nanuka—семь дней. Теперешняя же япон. нумерація заимствована у китайцевъ и читается такъ: 1—ichi, 2—ni, 3—san. 4—shi, 5-do, 6-roku, 7-shichi, 8-hachi, 9-ku, 10--ju, 11--juichi, 100--hyaku, 101--hyaku ichi и т. д.

Глаголъ не выражаетъ лица, и единственное число одинаково съ множественнымъ. Все это угадывается по смыслу. Отрицаніе не не употребляется, а глаголы имъютъ особую отрицательную форму. Союзовъ очень много. Въ предложеніи второстепенные члены предшествуютъ главнымъ, а глаголъ ставится всегда въ концъ. Олицетворенія не знаютъ; такъ, не говорятъ; "холодъ его убилъ", а "ставъ холоднымъ, онъ умеръ". Изъ согласныхъ не употребляютъ звука Л, замъняя звукомъ р.

И теперь еще, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, японское письмо состоитъ изъ идеограммъ, къ которымъ присоединены китайскіе значки (Katakana), называемые японцами просто Kana.

Были попытки нъкоторыхъ ученыхъ обществъ замънить идеограммы простъйшими знаками катакана или хирагана или даже обыкновенной латинской азбукой, но все это безуспъшно. "Популярная книга, офиціальная бумага, объявленіе, письма-пишутся смѣшаннымъ шрифтомъ" (Чемберленъ). Изученіе японскаго языка стало доступнымъ европейцамъ только тогда, когда они стали записывать японскую ръчь латинскими буквами. Надъ этимъ не мало потрудились англійскіе филологи В. Г. Астонъ Э. Сатовъ и Базиль Галь Чемберленъ.

Японцы подписываютъ раньше фамилію, а затъмъ уже имя. Напр., Танака Муніо; первое слово — корень средневъковой фамиліи и обозначаетъ мъстожительство ея въ то время "между рисовыми полями". Муніо личное имя (папогі) или, какъ у насъ говорятъ, имя, данное при крещеніи, и обозначаетъ "несравненный король". Лица знатнаго происхожденія добавляютъ еще названіе дома, изъ котораго происходятъ, такъ: Fujiwara no Tanaka Zokumjo-имя, которое дается при жизни въ противоположность тому, которое получается послѣ погребенія, когда люди, по ихъ мнѣнію, обоготворяются и получаютъ соотвѣтственныя имена. Дѣвушекъ называютъ: Астра, Цвѣтокъ, Тростникъ, Снѣгъ и т. д.

Возрастъ въ Японіи всегда считается отъ 1-го числа того года, въ которомъ человѣкъ родился, такъ что родившіеся въ декабрѣ бываютъ на годъ моложе, чѣмъ ихъ считаютъ Дѣвушки празднуютъ день своего рожденія 3-го марта, а юноши 5-го мая.

Новорожденные получаютъ имя на 7-ой день, а по истечении мъсяца бреютъ имъ головы и уже 4-хъ мъсячныхъ одъваютъ въ костюмы старшихъ (еп miniature), такъ что они получаютъ видъ куколъ. Въ 11-тый день 11-го мъсяца начинаютъ оставлять на головъ ребенка пучки волосъ.

Мальчики очень рано поступаютъ въ мастерскія, а позже уже отбываютъ свои три года въ школъ. Они въ ручномъ трудъ гораздо ловче нашихъ дътей. Однажды 8-ми лътній мальчикъ такъ скоро и аккуратно отшлифовалъ мнъ стекло въ золотыя очки, какъ того не сдълалъ бы и мастеръ въ оптическомъ магазинъ на одной изъ лучшихъ улицъ Токіо.

Восточно-азіаты считаются вѣжливымъ народомъ. Японки при посѣщеніи взаимно привѣтствуютъ другъ друга, ставъ на колѣна, наклонясь впередъ и опершись на ладони; въ такомъ положеніи онѣ остаются цѣлую минуту.

Дъвушки не изучаютъ идеограммъ, а только "Кана". Онъ учатся играть на трехструнной гитаръ (samiseng) или на 13-тиструнной цитръ. Повиновеніе—ихъ главная обязанность: онъ слъпо исполняютъ родительскую волю.

Вообще японскія дъвушки ведутъ замкнутый и нравственный образъ жизни.

Весьма несправедливо поступаютъ наши иностранцы, позволяя себъ

въ японскихъ гостиницахъ невъжливое и презрительное обращеніе съ женской прислугой; ошибочно предположеніе, что наивныя и непринужденныя японки допускаютъ легкомысленную игру съ ними: молодыя японки не хуже своихъ европейскихъ сестеръ. У японцевъ прислуга—членъ семьи.

"Кто рано женится, тотъ не раскаивается", сказано въ законъ leiaзу, по которому каждый 16-ти-лътній японецъ долженъ находить себъ свата и при его содъйствіи вступать въ бракъ, что выполняется и до сихъ поръ.

Бракъ по любви не признается. Главное вниманіе обращаютъ, чтобыла подходящей, а семья супружество должно уживаться. никакого Дочери не получаютъ приданаго, такъ какъ наслъдникомъ всего имущества признается старшій сынъ. Сватъ, Накодо, довъренное лицо, не получаетъ никакого вознагражденія. Его обязанность отправиться къ семьъ дъвушки и ознакомиться съ ея взглядами на жениха. Только послъ этого отецъ молодого человъка идетъ къ мужу невъсты и ведетъ съ нимъ переговоры. Если свиданіе это приводить къ соглашенію, то послъ дозволяется молодымъ людямъ свидъться (Міаі) или въ домъ невъсты, или на какомъ нибудь мосту или въ театръ. При встръчъ дъвушка молчитъ. Оба низко кланяются. Никакого ухаживанія, поцълуевъ въ Японіи не существуетъ; послѣднему много мѣшаютъ, вѣроятно, бълила, окрашенныя губы и взбитыя прически. Послъ свиданія спрашиваютъ у молодыхъ людей согласія на бракъ. Они говорятъ "да". Тогда обмъниваются подарками и назначаютъ день свадьбы.

Въ высшихъ слояхъ общества подарки состоятъ изъ бълаго шелковаго платья, вышитаго золотомъ кушака, куска шелковой матеріи, нъсколькихъ боченковъ "sake" и 7 сортовъ засахаренныхъ фруктовъ.

Бъдные посылаютъ, конечно, меньше.

Въ день свадьбы женихъ съ невъстой сидятъ въ одной изъ лучшихъ комнатъ въ домъ жениха, украшенной цвътами и зеленью, и выпиваютъ три рюмки рисоваго вина, послъ чего бракъ считается заключеннымъ, и молодые люди вписываются въ книгу, какъ супруги.

Жена должна повиноваться мужу, а еще болъе его родителямъ. Случается, что жена, отправившись на 3-й или 7-ой день въ гости къ своимъ родителямъ, уже больше не возврашается къ мужу.

Разводъ у японцевъ получается легко. Какая-нибудь сплетня, а еще болъе неповиновеніе жены — служатъ достаточнымъ основаніемъ для этого. Въ такихъ случаяхъ семья мужа пишетъ разводное письмо въ три съ половиной строки, и изъ брачной записи вычеркивается имя жены. Четвертая часть браковъ, по меньшей мъръ, въ Японіи расторгается. Мужъ-единственный повелитель въ дому, а жена-его раба, мъсто которой только въ кухнъ и въ дътской. Вдовы же обязаны повиноваться своимъ старшимъ сыновьямъ.

Бездътные супруги усыновляють мальчика. Въ дълъ воспитанія главное вниманіе обращается на внушеніе дътямъ полнъйшаго самоотверженія для родителей. Существуетъ книга съ 24 разсказами о подобномъ самоотверженіи. Вотъ нъкоторые изънихъ: "Мальчикъ, желающій достать для мачехи рыбы, ложится на замерзшую ръку, чтобы своей теплотой растопить ледъ, или: "Мальчикъ спитъ ночью непокрытымъ, чтобы отвлечь насъкомыхъ отъ родителей и т. д.

Твердыхъ религіозныхъ убъжденій у этого народа не существуетъ. Какъ пишетъ Мунцингеръ, они одинаково поклоняются и буддійскому hotoke, и древне-японскому Ками; ходятъ и въ буддійскіе храмы (Тега), и въ древне-японскіе Міја. Въ буд-

дійскихъ храмахъ царитъ великолѣпіе: золото, шелкъ, вышивки, ръзьба, фарфоръ и бронза--самой изящной работы виднъются повсюду. Нъкоторые храмы вовсе и не похожи на мъста, предназначенныя для молитвы, такъ напримъръ храмъ Сивы и храмъ Ісіазу въ Тошогу при Никко. Опредъленнаго времени для молитвы или воскреснаго дня для церковной службы у буддистовъ нътъ. Въ Кіото есть храмы, подобные европейскимъ, въ видъ корабля со многими колонами, но служба въ опредъленное время и въ нихъ не совершается. Въ ясные воскресные дни или въ храмовые праздники народъ разгуливаетъ передъ храмомъ взадъ и впередъ, какъ у насъ на ярмаркахъ. Тутъ же устроены лавки, продаютъ дътскія игрушки, сладости и разнаго рода товары.

При входъ въ храмъ върующіе моютъ руки и ротъ въ устроенномъ передъ храмомъ водовмъстилищъ, за что приносятъ небольшую жертву: покупаютъ немного пищи для ручныхъ голубей, свободно разгуливающихъ тутъ же передъ храмомъ, сознавая свою неприкосновенность. Послъ этого върующій входитъ въ притворъ храма, отдъленный отъ главной части (святая святыхъ) ръшеткой; онъ становится на колъни, складываетъ руки и кланяется, касаясь лбомъ пола, шепчетъ какое-нибудь изреченіе (смотря къ какой сектъ принадлежитъ) и смотритъ съ благоговъніемъ на идоловъ, выставленныхъ въ глубинъ храма, гдъ жрецы, сидя на полу, читаютъ молитвы. Чрезъ 3-5 минутъ молящіеся снова встаютъ, бросаютъ мелкую мъдную монету (ръдко больше 2 коп.) въ большой деревянный ящикъ, прикрытый деревянною же ръшеткою, хлопаютъ въ ладони, чтобы обратить на себя вниманіе идоловъ, и удаляются.

Жрецы не заботятся о душахъ паствы. Приходовъ никакихъ не существуетъ. Въ духовенствъ не нуждаются ни при крещеніи, ни при бракъ, а только при приближеніи смерти. Тутъ только ихъ призывають для прочтенія молитвъ изъ священныхъ книгъ. Самое же погребеніе производится по буддистскому обряду... Священники нъкоторыхъ сектъ проповъдуютъ, имъютъ очень мало слушателей. "Немного чести быть буддистскимъ священникомъ", говоритъ Мунцингеръ: "даже крестьянинъ не охотноотдаетъ ему своего сына въ обученіе".—Тъмъ не менъе въ Японіи 10 буддистскихъ сектъ и болъе 72000 храмовъ.

Жрецы, которымъ служба доставляетъ ихъ хлъбъ-рисъ, совершаютъ иногда особый родъ безсмысленной службы: старшій изъ жрецовъ продълываетъ молча какія-то тълодвиженія, младшіе сидять туть же на полу, а народъ смотритъ извиъ-Что выражають выставленные при этомъ въ глубинъ храма "Хошутама" (буддистскіе орнаменты), никто не знаетъ.

Шинтоизмъ, возведенный теперь въ государственную религію и исповъдуемый въ 56500 храмахъ, имъетъ такъ же мало практическаго смысла. Церемоніи и разныя процессіи съ древне-китайской музыкой, выражающія почитаніе императорскихъ предковъ, танецъ-кагура и. прочтеніе служебнаго ритуала — составляетъ у нихъ всю церковную службу. Между буддистами есть многофанатиковъ, которые ходятъ на богомолье въ отдаленныя мъстности и притомъ непремѣнно босые и съ непокрытой головой, постятся, въ холодное время года стоятъ по цълымъ часамъ въ ръкъ или подъ струей падающей воды.

Игра въ шахматы и въ "цвътныя карты" составляютъ домашнее развлеченіе японцевъ. Картъ этихъ 48и называются онъ главными цвътами мъсяца: на каждый мъсяцъ приходится по четыре карты. Одна изъпослъднихъ съ нарисованной бабочкой считается самой важной картой.

Японцы любять также домашнее пъніе и музыку. Почти всъ дъвушки учатся у матери пъть и играть нъ гитаръ и лиръ. Мальчики играють на бамбуковыхъ флейтахъ,

Есть также и профессіональныя пъвицы (гейши) и танцовщицы (гейко), которыхъ нанимаютъ у антрепренера по часамъ, а нъкоторыя изъ этихъ гейшъ и гейко живутъ вполнъ самостоятельно. Мужского японскаго хора не существуетъ, хорошей народной пъсни тоже нътъ.

Въ прежнее время въ Европъ слышали настоящее японское пъніе только тогда, когда прівзжали японки на гастроли, теперь же граммофонъ воспроизводитъ японское пъніе повсюду. Пъніе это похоже на пъніе мексиканцевъ и перуанцевъ. Музыка ихъ (своеобразнаго тембра и трудно подражаемой вибраціи) передается у насъ только приблизительно върно: наша нотная система не можетъ правильно передать восточно-азіатскіе 5 тоновъ. У нихъ интервалы больше нашихъ. Японцы находятъ нашу музыку не гармоничной. Своеобразный тембръ и трудно подражаемая вибрація голоса характеризуютъ японскую пъсню, которая всегда сопровождается аккомпаниментомъ гитары.

Кромъ пънія и музыки занимаются также и чтеніемъ. Въ Японіи каждый умъетъ читать, и большая часть книгъ для народа печатаются шрифтомъ Кана, который легче читается... Въ высшихъ слояхъ общества въ большомъ ходу древнія и новъйшія стихотворенія, напомина-Профессоръ ющія оды Горація. Ланге перевелъ нъкоторыя стихотворенія. Вотъ одно изъ нихъ: "Когда завянутъ цвъты, самое сильное желаніе не возвратить ихъ къ жизни. Если хочешь сорвать-рви сегодня, а то будетъ поздно".

Сказки и разсказы о феяхъ составляютъ отдъльную отрасль литературы. Сказки обыкновенно бываютъ очень длинныя и похожи на сказки Андерсена. Онъ продаются недъльными иллюстрированными брошюрками и охотно раскупаются и родителями и дътьми. Отецъ читаетъ ихъ дътямъ, а мать разсказываетъ. Есть и басни, напр., о молодой четъ котятъ, повънчанныхъ по японскому обряду.

Когда надоъстъ домашняя обстановка, японцы идутъ въ театръ, гдъ представление длится цълый день, такъ что туда идутъ, захвативъ съ собою чего-нибудь для подкрѣпленія. Убійства и кулачныя расправы на сценъ больше всего привлекаютъ публики, состоящей преимущественно изъ простого народа, такъ какъ тотъ, кто себя считаетъ поваживе, не показывается въ театрв. Много развлеченій доставляють японцамъ праздники; главнъйшіе изъ нихъ: 1) Новый годъ, праздновавшійся раньше въ мартъ мъсяцъ и называвшійся "Bisshun" или пробужденіе природы. Въ этотъ день всѣ дома украшаютъ цвътами, выходятъ встръчать восходящее солнце и тутъ же привътствуютъ другъ друга. 2) Праздникъ куколъ, 3-го января всъ дъвушки въ праздничныхъ нарядахъ выносятъ своихъ куколъ (и древнихъ-фамильныхъ и новъйшихъ) на улицу. Куклы эти, конечно, напоминаютъ японскихъ дътей съ прямыми, черными, какъ смола, волосами косыми глазами. 3) Праздникъ знаменъ. Его празднуютъ мальчики 5-го мая. 4) Праздникъ Танабата 7-го іюля въ честь звѣзды Тцуме (Вега въ созвъздіи лиры). 5) Праздники цвътенія празднуются и старыми и малыми. Въ февралъ цвътутъ сливы; въ мартъ-персики; въ апрълъ дикія вишни; въ маъ азаліи и лиліи; въ іюнъ-лотосъ (священное растеніе); въ октябръ-хризантемы. Затъмъ еще, когда осенью краснъютъ листья клена, то всъ японцы, отъ мала до велика, собираются вокругъ этихъ деревьевъ и любуются ими, какъ самыми лучшими цвътами. Относительно праздниковъ и воскреснаго дня нътъ никакого обязательнаго постановленія: кто желаетъ праздновать—празднуєть, а не желающіе работаютъ.

Присутственныя мъста закрываются 1, 3 и 5 января по случаю Новаго года; 30-го января—день смерти послъдняго императора; 11-го февраля—день восшествія на престолъ (limmu tennos); 20-го марта день весенняго равноденствія; 3-го апръля—день смерти (!) Iimmu tennos; 23-го сентября—осеннее равноденствіе; 17-го октября—благодарятъ боговъ за урожай; 3-го ноября-день рожденія императора и 23-го ноября—второй сборъ урожая. Бываютъ кромъ того мъстные праздники. Такъ, въ Токіо, въ половиіюля празднуютъ открытіе ръки Сумида и устраиваютъ этотъ день катанье на лодкахъ, иллюминованныхъ бумажными фонариками.

Японцы очень любять спорть. Уженьемъ рыбы занимаются съ древнихъ временъ; форель ловится у съверо-восточныхъ береговъ Японіи и Хокаидо. Дичи также много повсюду.

Ловля рыбы при помощи корморановъ (баклановъ) практикуется во всей Восточной Азіи.

Цълыя стаи этихъ птицъ можно видъть при храмъ Даиганьи въ Хиба (къ востоку отъ Токіо) ловятъ ихъ при помощи птичьяго клея еще молодыми и затъмъ дрессируютъ ихъ. Рыбаки очень цънятъ и берегутъ этихъ птицъ, такъ какъ он вочень умны, послушны и живутъ около 20 лътъ. Выученная птица точно знаетъ свой номеръ и рядъ, въ которомъ она должна летъть на добычу; въ часъ она вылавливаетъ до 150 рыбъ и работаетъ цълыхъ 3 часа. На ръкъ Тамагава при Хино ловятъ такимъ же образомъ и форель, причемъ рыбаки стоятъ въ ръкъ, отнимаютъ у птицъ добычу и бросаютъ ее въ лодку.

Японцы очень любятъ купаться, что видно изъ того, что въ Токіо есть 1100 общественныхъ купаленъ. Воду они употребляютъ на столько

горячую, что иные купаясь падаютъ въ обморокъ и даже умираютъ. Въ одной и той же водъ купается нъсколько человъкъ, какъ это дълаютъ и въ Новой Зеландіи въ Роторуа. Хотя законъ воспрещаетъ совмъстное купанье мужчинъ и женщинъ, но въ Японіи и это практикуется, какъ и въ Роторуа. Горячая ванна въ 490 Цельсія, говоритъ Бельцъ, въ пять минутъ повышаетъ температуру тъла до 390, даже 400 Ц. Кожа красиветь, выступаеть пріятная испарина, а черезъ 3/4 часа тъло принимаетъ нормальную температуру.

Да, японцы моются часто, но недостатокъ чистаго бѣлья очень замѣчается, въ особенности лѣтомъ. Слишкомъ рѣдко мѣняютъ они платье; толстые халаты на подкладкѣ употребляются вмѣсто постельнаго бѣлья и никогда не моются.

Возлъ каждаго клозета вы видите воду и полотенце, которымъ всъ вытираются; въ гостиницахъ также одинъ общій умывальникъ и одно полотенце для всъхъ, даже щетка для чистки зубовъ одна.

Европейская культура не привилась въ Японіи, да врядъ ли и привьется, за исключеніемъ тъхъ случаевъ, когда японцы воспитываются въ Европъ. Вотъ что разсказываютъ о японскихъ манерахъ: въ вагонахъ нъкоторые сидятъ на корточкахъ, другіе лежатъ растянувшись и уцъпившись руками или ногами за ближайшій предметъ. Они не находятъ неприличнымъ громко зъвать, плевать во всъ стороны, чистить пальцами носъ и т. д. Одинъ аптекарь въ Токіо ходилъ взадъ и впередъ передъ своей аптекой и чистилъ въ это время зубы, не обращая никакого вниманія на то, что изъ угловъ рта текла окровавленная слюна. -- Люди, которые только что привътствовали другъ друга глубокими поклонами, начинаютъ немилосердно и грубо толкать другъ друга при входъ въ вагонъ или у желъзно-дорожной кассы.

Въ Германіи въ Шварцвальд наслъдникомъ считается самый младшій сынъ, и родители остаются хозяевами въ своихъ помъстьяхъ до 60-70 лътъ, а затъмъ уже переходять на попеченіе дітей, которые, кстати сказать, дурно обходятся со "стариками". У японцевъ же наслъдникъ-старшій сынъ. Родители съ 50 лътъ удаляются на покой и, какъ говоритъ Мунцингеръ, ихъ носятъ на рукахъ, старики не терпятъ никакихъ лишеній. Кромъ того, новый владълецъ заботится также и о всъхъ остальныхъ братьяхъ и сестрахъ.

Теперь нъсколько словъ о гигіеническихъ условіяхъ въ Японіи.

Проказа встръчается еще изръдка; послѣдніе годы въ приморскихъ свиръпствовала городахъ чума. Японію крызанесена ВЪ сами на корабляхъ изъ Гонконга. Боролись съ этимъ зломъ, насколько могли, и цълый годъ не было заразы, но въ 1901 г. она снова появилась въ Кобе. Въ этомъ же году въ Токіо было нъсколько холерныхъ заболъваній. Страдаютъ въ Японіи еще одной бользнью— "берибери", которая выражается омертвъніемъ конечностей, сонливостью, водяной и перерожденіемъ нервной системы. Бользнь эта продолжается нъсколько мъсяцевъ, но въ ръдкихъ случаяхъ оканчивается смертію. Причины ея возникновенія и частаго повторенія находять въ чрезмърномъ употребленіи въ пищу рыбы. Профес. Бельцъ открылъ еще печеночнаго дистома— червей 10-ти мелиметровъ длины и 4-хъ ширины находящихся цълыми сотнями въ желчномъ каналѣ и въ самой желчи. Они производятъ хроническія заболѣванія печенки, отчего многіе умираютъ.

Покойниковъ въ Японіи сжигаютъ, а нъкоторыхъ погребаютъ. У буддистовъ трупъ кладутъ въ короткій высокій гробъ въ сидячемъ положеніи, головою къ съверу, а у шинтовъ гробы такія же длинные, какъ и у насъ. При погребальномъ шествіи буддистовъ идетъ и священникъ, котораго узнаютъ по бритой головъ; несущіе гробъ -- всъ въ темно-синей одеждъ. А жрецы шинтовъ особенныхъ шляпахъ безъ полей, носильщики же въ бълыхъ одеждахъ. Умершему кладутъ въ гробъ глубокими поклонами "еигуа оснпасеа". - Во время траура, который для родителей продолжается 50 дней, всъ дъла и занятія прекращаются; кромъ того въ это время не стригутъ волосъ, не пьютъ "саки" и не ъдятъ никакого мяса. Въ теченіе 7 недъль разъ въ недълю посъщають могилу. Въ 100-й день ставять надгробный камень, на которомъ обозначается день рожденія и смерти усопшаго, а также въчныя имена, присужденныя ему, и изреченіе. Кругомъ какое-нибудь ставятъ каменные или бамбуковые сосуды со свъжими цвътами и вътвями "сигуа" и бадьяна. На памятникахъ бываютъ такого рода надписи: "Только въ этомъ экипажъ перевдешь на ту сторону". "Нъсть числа жителямъ могилъ". "Жизньсвъча при вътръ". "Кто желаетъ насладиться небеснымъ сіяніемъ, тотъ исполняй законъ Будды".

(До слъдующаго №-ра).

Писатели - индивидуалисты.

II.

Г. Петровъ (Скиталецъ).

"Но для тъхъ, въ чъю страну я заврошенъ судъвой, Я не сдълался влизкимъ и другомъ".

(Скиталецъ).

"И не найдете во мнъ вы брата: Я между вами, какъ врагъ блуждаю".

(Онъ-же).

Сила таланта всегда говоритъ сама за себя. Такъ оправдалъ себя и талантъ М. Горькаго, вызвавъ за собой рядъ послъдователей и подражателей. Мы нарочно раздъляемъ эти двъ какъ вто-

рая изъ нихъ, т. е. подражатели, несмотря на выдающееся, часто внъшнее сходство въ своихъ произведеніяхъ съ писателемъ, къ направленію котораго они хотъли-бы подойти подуху, остается чуждой ему.

Тоже случилось и съ подражателями М. Горькаго. Въ общемъ М. Горькій является какъ-бы центральнымъ пунктомъ крайняго индивидуализма, отъкотораго идутъдальнъйшія развътвленія, направляясь въ разныя области изобразительнаго творчества. И въ этой фазъ развитія русской литературы онъ сыгралъ уже свою роль.

Если онъ дастъ еще что-нибудь большее и новое, --- хвала и честь ему; нѣтъ,-- за нимъ останется заслуга прошлаго. Какъ талантъ, блеснувшій вдругъ и ярко, онъ имветъ свою тайну творчества, на которую мы уже указывали въ предыдущей статьъ: эта тайна-въ той любви къ людямъ, которая, проглядывая въ его произведеніяхъ, мягкимъ свътомъ ложится на слова бурнаго протеста и жестокой борьбы съ неправдою жизни, сглаживая ихъ ръзкость.

Эта-то именно тайна и не была разгадана подражателями М. Горькаго, обратившими внимание лишь на внъшнюю сторону произведеній даннаго писателя. И если мы можемъ отнести къ послъдователямъ М. Горькаго по праву В. Вересаева и Л. Андреева, то къ подражателямъ его нельзя не причислить г. Петров 1 (Скитальца). Рамки, конечно, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, могутъ быть шатки: и подражатели могутъ въ нъкоторыхъ случаяхъ приближаться къ послъдователямъ и даже превосходить ихъ. Особенно это надо брать во вниманіе при взглядахъ на произведенія такого молодого автора, какъ г. Скиталецъ, сочиненія котораго вышли пока въ одномъ томъ. Но въ немъ г. Скиталецъ, окутывающій босяка романтической тоской, показалъ только младшимъ ученикомъ своего учителя, заучивающимъ буквально его слова, не вникая въ смыслъ.

Какъ-то ужъ очень наивно и по ученически звучатъ, напр., его словъ въ разсказъ: "За торемной стъной": "старики, женщины, подростки

и дъти—и въ этомъ сбродъ вдругъ гордая фигура благороднаго босяка"!
— Это, конечно, мелочь, но мелочь довольно характерная, на которой нельзя не остановиться.

Писатель-художникъ, М. Горькій, съ нъсколько философскимъ оттънкомъ мысли, вложилъ въ уста босяка поэтическую, своеобразную философскую систему, но одухотворилъ ее духомъ босяка, подвелъ подъ нее его жизненные принципы, сдълавъ такимъ образомъ отъ общества ближе. отщепенца понятнъй интеллигентнымъ, образованнымъ людямъ. Онъ очеловъчилъ этотъ, казавшійся звърскимъ бразъ, ввелъ его жизнь въ нашу, связавъ тъсными узами нравственнаго міропониманія. Это не было идеализированіе босяка, какъ говорятъ другіе. Реальная правда внутренней и внъшней жизни его предстала передъ нами здѣсь во всей своей яркости; только вниманіе наше остановлено было на томъ, на чемъ мы не привыкли до сихъ поръ останавливаться. Для подражателя же именно эта сторона и оказалась капканомъ; отсюда у него прямо получается "гордая фигура благороднаго босяка".

По самому складу своего дарованія Скиталецъ не представляеть изъ себя писателя-мыслителя; онъ могъ бы быть хорошимъ художникомъ, не лишеннымъ чисто поэтической искорки, но его не хватаетъ на ръшеніе общественныхъ проблемъ, къ которымъ смъло подходитъ талантъ М. Горькаго.

Взявшись за нихъ, Скиталецъ не разсчиталъ своихъ силъ: направленныя въ несвойственную ихъ характеру сторону, онъ ослабли въ борьбъ за свое выраженіе, благодаря чему получается въ результатъ рядъ блъдныхъ, однообразныхъ очерковъ, съ проблесками чего-то, теряющагося въобщей массъ подавленнаго ею. Борьба переходитъ здъсь въ озлобленіе, безъ логической послъдовательности: озлобленіе это чувствуется

уже готовое, вложенное самимъ авторомъ, а не вытекающее изъ столкновенія съ жизнью героевъ.

Вообще у г. Скитальца тенденція не поглощается художественностью изображенія, какъ это мы видимъ у М. Горькаго, а стоитъ внѣ ея и сильно мѣшаетъ ей.

Самымъ слабымъ и со стороны художественнаго изображенія, и со стороны психологической обосновки, является его произведеніе "Сквозь строй". Неумъніе владъть формой выдаетъ здъсь еще перо новичкаписателя и сказывается въ вялости разсказа, постоянно переходящаго въ простой пересказъ событій, вмѣсто ихъ живого изображенія. Лишъ порой пробиваются проблески художественнаго дарованія, но они очень ръдки и теряются за общими недостатками этого произведенія. Что касается психологической стороны, то она, какъ мы уже говорили, очень слаба: типъ Гаврилы Петровича, отца того лица, отъ имени котораго ведется разсказъ, совершенно не выдержанъ. Чувствуется, что авторъ вложилъ всю душу въ то, чтобы его герой вышелъ художественнымъ, поэтическимъ образомъ, но это чрезмърное стараніе и портитъ все дъло: оно мѣшаетъ автору слъдить за правильнымъ развитіемъ характера героя, отмъчать въ немъ основныя черты, ихъ переходъ въ другія.

Такъ, совершенно логически-непонятнымъ является тотъ фактъ, что Гаврила Петровичъ съего свободной душой, какъ хочетъ изобразить авторъ, основавшись въ кабакъ, чувствуетъ себя привольно и счастливо, а босяки Горькаго сами пьютъ, затопляя горе своей мятежной души въ винъ, но трезвыми глазами они едва-ли долго могли бы созерцать картину пьянства, и народнаго раззоренія. (Не отъ этихъ ли картинъ отчасти и бъгутъ они, странствуя по свъту?). Наигрывая на своихъ гусляхъ чудодъйственныя пъсни, онъ привлекалъ этимъ въ

трактиръ бѣдный забитый, изстрадавшійся людъ, гдѣ и спаивалъ ихъ. Страннымъ кажется послѣ этого, когда онъ вдругъ, при подсчетѣ съ хозяиномъ, требуетъ "скостить долгъ съ мужиковъ въ виду того, что кобылка хлѣбъ поѣла", и "взбѣсившисъ" на не согласившагося на это хозяина, оставляетъ кабакъ.

Такая постановка дъла кажется неправильной. совершенно намъ Одно изъ двухъ: или онъ, зная гокрестьянъ, не привлекалъ-бы ихъ своими гуслями въ трактиръ, гдъ они пропивали свое послъднее хозяйское добро, и во всякомъ случаъ чувствовалъ-бы тяжесть на совъсти, видя, какъ входятъ при его помощи крестьянскіе трудовые грохозяйскую кружку, — или, оставаясь къ этому равнодушнымъ, позабылъ-бы о "кобылкъ" при подсчетъ.

Вообще лица на подобной должности, если не убъгутъ отъ нея въ началъ, закаляются и озлобляются, дълаются нечувствительными къ крестьянскому горю. Свободная же душа Гаврилы Петровича и его любовь къ природъ какъ-то особенно не клеится съ этимъ сидъніемъ въ душномъ кабакъ, обстановка котораго, кстати сказать, даже поэтизируется авторомъ.

Оставивъ кабакъ и пространствовавъ нѣкоторое время съ своими гуслями, Гаврила Петровичъ возвращается затѣмъ опять къ осѣдлой жизни и, здѣсь совершенно непонятно и неожиданно, превращается въ безкорыстнаго ходатая по крестьянскимъ дѣламъ, высказываетъ замѣчательное знаніе свода законовъ, причемъ не упоминается даже, гдѣ могъ онъ почерпнуть его.

Также странно и превращеніе Г. П. въ философа жизни, а его учителей семинаристовъ—въ учениковъ. "Переоцѣнка цѣнностей", приписываемая ему,—вещь ужъ слишкомъ необычайная для человѣка, едва познакомившагося съ книжками.

Обыкновенно для такихъ людей

долго "печатный каждый стихъ быть кажется святымъ", и если Некрасовъ могъ сказать, обращаясь къ интеллигентной, болъе или менъе образованной публикъ слова: "что ему книжка послъдняя скажетъ, то ему сверху на душу и ляжетъ", то о Г. П. нечего и говоритъ: сознательность чтенія, при которой только и можетъ наступить переоцънка, пріобрътается не такъ скоро. А у Скитальца это все получается какъ то очень ужъ вдругъ.

Слишкомъ не народенъ и языкъ, которымъ авторъ заставляетъ здѣсь говорить человъка изъ народа. Это върнъе поддълка подъ него; такъ говоритъ только баринъ съ мужикомъ, стараясь быть имъ понятымъ: на этомъ утесъ", разсказываеть, "Напр., своему сыну Г. П., — "былъ сложенъ изъ камней стулъ, на стулъ сивълъ Разинъ и судилъ ослушниковъ, и бросали ихъ тутъ-же съ горы да въ Волгу... Очень просто" (26). Очевидно, что самому автору тонъ и манера разсказа кажутся неестественными, когда онъ считаетъ нужнымъ вложить въ уста своего героя послъднія слова. Разсказчикъ изъ народа никогда не скажетъ вамъ, что это все "очень просто", его тонъ и манера будутъ сами говорить за себя. Или въ другомъ мъстъ: "Ни кола, ни двора", говоритъ тотъ-же герой, разсказывая о себъ, — полетай, куда знаешь, это значить пролетарий называется по книжному. Слово "рыло", употребляемое здъсь-же, очевидно, для того, чтобы придать ръчи народную складку, мало помогаетъ: дъло не въ словъ, а въ его духъ, который отсутствуетъ въ народной ръчи г. Скитальца.

Характерны съ этой стороны и благословенія отца сыну при его отъвздв и вступленіи въ самостоятельную жизнь:

"Благословляю тебя, сынъ мой, въ жизнь"!— говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.— "Иди прямой дорогой, надъйся только на самого себя,

а не на другихъ, никогда не трусь... Знай, что путь бъдняка тяжелъ, и будь готовъ ко всякимъиспытаніямъ. Не увлекайся богатствомъ и сладкою жизнью; помни о насъ, о твоихъ братьяхъ и сестрахъ и о простомъ народъ, который страдаетъ. Можетъ быть, вернешься назадъ ученымъ человъкомъ, то набирайся больше того ученія, которое нужно народу, а не воротишься, такъ разскажи хорошенько тамъ, въ городъ, счастливымъ и богатымъ людямъ о страданіяхъ народа! Помни о немъ всегда", и. т. д. (85).—

Пожалуй, чтеніе Некрасова, Никитина, "Отечественныхъ записокъ" могло внушить мысль о страданіяхъ народа, объ обязанности всѣхъ счастливыхъ выходцевъ изъ него отдать на служеніе ему свои силы, но если эта мысль и могла появиться у Г. П. при прощаніи съ сыномъ, то во всякомъ случать она высказалась-бы болте просто и задушевно, а не ттыми книжными рацеями, которыми заставляетъ своего горя говорить Скиталецъ.

Иногда, дъйствительно, желаніе порисоваться, такъ свойственное людямъ, схватившимъ кой-какія верхушки знанія, заставляетъ и людей изъ народа говорить книжнымъ языкомъ, но онъ получаетъ у нихъ тотъ своеобразный отпечатокъ, который такъ прекрасно передается въ разговорной ръчи М. Горькаго и совершенно отсутствуетъ у г. Скитальца. Конечно, недостатокъ даннаго произведенія есть частью недостатокъ опытности, отсутствіе, такъ сказать, извъстной литературной техники у молодого автора, но, къ сожалънію, г. Скиталецъ почти не освобождается отъ нихъ на протяженіи всего тома своихъ произведеній.

Правда, въ дальнъйшихъ разсказахъ—больше живости, литературная форма выдержаннъе, психологія героевъ—тоже, но авторъ и въ нихъ не освобождается отъ нъкоторыхъ логическихъ скачковъ. Таковъ, напр., Томашевскій ("Октава"), произносящій ръчи вродъ горьковскаго Тетерева въ "Мъщанахъ," который говоритъ въ трактиръ полупьянымъ пъвчимъ о "страданіи непонятныхъ сердецъ, о томъ, что они, артисты, должны идти къ погибели, такъ какъ у нихъ еще не умерла душа" и. т. п. Все это слова, необычныя для того полуграмотнаго люда, изъ котораго состоитъ большей частью пъвческая среда и который окружаетъ и Томашевскаго, несчитая старичка-профессора, выводимаго своими ръчами для потъхи хора. А между тъмъ авторъ выясняетъ личность Томашевскаго только въ концъ разсказа, гдъ оказывается, что онъ бывшій студентъ, вращавшійся ніжогда въ высшихъ кругахъ и попавшій сюда по какой-то сердечной исторіи. Намъ кажется, что автору слъдовало сказать это раньше и дать такимъ образомъ возможность читателю слъдить самому за развертываніемъ психологическаго склада героя, что возможно только при знаніи основы.

Въ общемъ все-таки "Октава" — лучшее произведеніе Скитальца; особенно живо и реально обрисовывается здѣсь фигура Захарыча. Въ изображеніи этого типа авторъблизко подходитъ къ дѣйствительному народному міросозерцанію. Характерны, напр., слова одного плотника по поводу ухода Захарыча въ пѣвчіе, въ которыхъ отражается взглядъ народа на знаменитое "отрываніе отъ почвы:"

"Вросло, скажемъ, дерево въ землю, -- говорилъ высокій и худой старикъ, -- "а пересади-ка его на другое мъсто, такъ оно, пожалуй, и пропадетъ: и человъкъ дерево: пошто отрывать его отъ корня"? (177). Въ этихъ словахъ такъ и звучитъ та народная мудрость, которая вдругъ иногда прорывается такими блестками изъподъ въковой тьмы его невъжества, указывая, какой богатый, неразработанный психическій матеріалъ таится въ немъ, и какъ чутокъ народъ ко всякаго рода урокамъ жизни.

Народъ уже видълъ неудачное пересаживаніе, кой-что и испыталъ отъ него, -- вотъ почему такъ недовърчиво относится онъ ко всякимъ попыткамъ подобнаго рода: онъ знаетъ свою психологію лучше "пересаживателей", знаетъ свою любовь къ "корню" и невозможность жить безъ него: въ немъ, въдь, его единственный кръпкій устой. надо, чтобы значитъ, въ самый корень. А то... кому же върить "? (219) —говоритъ Захарычъ на сбивчив**ыя** слова Петра Ивановича, подтверждаемыя единственнымъ аргументомъ-, долженъ върить "!

Въ умъньи выхватить изъ массы другихъ и ярко изобразить эту основную черту народной психики сказалось уже дарованіе Скитальца и, кто знаетъ, не пойд тъ-ли онъ въ этомъ отношеніи и дальше? Самое возвращение Захарыча прежней жизни, его послъднее пъніе въ церкви въ синей поддевкъ, все это реально, правдиво, все звучитъ властью крестьянскаго міра, притягивающей къ себъ тъхъ, кто еще не ушелъ далеко отъ него; даетъ имъустой, въпоискахъкотораго теряются всъ выходцы изъ народ 3. Этотоже "власть земли" въ своемъ широкомъ смыслъ. Здъсь, дъйствительно, авторъ близко подходитъ къ народу, къ его міропониманію. колорить разсказа и въ "Октавъ" все таки блъденъ: не достаетъ экспрессіи, умънья свести художественныя детали къ одному цълому, къ общей картинъ, усиливая ихъ красками основной ея фонъ и рельефно выдвигая изображаемый образъ или его идею.

Оттого теряется и сила впечатлънія, получаемая отъ чтенія разсказа. Это опять-таки общій недостатокъ всъхъ произведеній Скитальца.

Другой недостатокъ заключается въ нъкоторой однотонности всъхъ его разсказовъ, свидътельствующей объ отсутствіи широты въ сферъ наблюденій молодого автора: предъ нами въ его произведеніяхъ постоянно развертывается только міръ пъвцовъ-босяковъ (исключение представляетъ лишь разсказъ бовь декоратора"). Скиталецъ какъбы огораживается этой стъной отъ М. Горькаго съ его босяками, но нельзя не сказать, что эта сфера слишкомъ узка для того, чтобы въ ней могло развернуться художественное дарованіе.

Скиталецъ хотълъ превратиться въ писателя звуковъ, но это еще груднъе, чъмъ быть ихъ пъвцомъ. Его разсказы настолько пересыпаны пъснями, что къ нимъ, для живости впечатлънія, не мъшало-бы еще приложить и ноты, иначе не достигается результатъ, навърное желаемый авторомъ: пъсни, а народныя въ особенности, передаютъ свой характеръ болъе мотивами, чъмъ словами, которыя въ нихъ слишкомъ просты для передачи всъхъ сложныхъ ощущеній, волнующихъ душу. Цитируемыя Скитальцемъ пъсни придаютъ только больше однотонностиего произведеніямъ, хотя любовь къ звукамъ достигаетъ здъсь своей поэтичности, а, неръдко, и силы. Въ причинъже быть можетъ, сказывается та черта творчества Скитальца, которая роднитъ его съ представителемъ индивидуализма въ нашей художественной литературъ и подводитъ подъ общую категорію писателей-индивидуалистовъ; въ ней ярко проглядываетъ мятущійся духъ человъка, оторваннаго отъ общаго и ищущаго какихъ-либо точекъ соприкосновенія съ нимъ.

Внъшняя и внутренняя оторванность отъ общаго заставляетъ одинокаго человъка углубляться вътонкости, чтобы какимъ-нибудь образомъ извлечь ту затаенную струну, которая одна можетъ вызвать созвучіе, а разъ она найдена, разъ отыскана тайна ея, явится цълый рядъ созвучій, —и связь будетъ найдена...

Кто знаетъ, не въ погоню-ли за этой струной пошли и наши декаденты? Ихъ стремленіе переложить музыку въ слова, нѣжное рокотаніе словъ—въ говоръ рѣчи, чувствуется на всемъ протяженіи ихъ твореній, придавая имъ какую-то страшную напряженность, доходящую до полной неестественности, дѣланности и даже окончательной изломанности.

"Малиновый" звукъ Скитальца сильно напоминаетъ подобнаго рода попытки, но горьковскій реализмъ не даетъ ему, къ счастью, уйти далеко въ этомъ направленіи.

"Онъ заигралъ печальную, задушевную пъсню... Ръзкимъ диссонансомъ прозвучала она въ этомъ трязномъ городскомъ трактиръ, среди безшабашнаго веселья и нечистыхъ пъсенъ. Невинныя гусельныя трели какъ-бы случайно залетъли сюда, словно пойманныя полевыя птички. Отъ нихъ въяло воздухомъ чистымъ полей, какъ будто грустили, одиноко порхая въ нездоровомъ воздухъ огромнаго, возбужденнаго города. А у насъ обоихъ, у отца и у меня, на сердцъ была печаль по оставленной деревнъ и страхъ передъгородомъ"... (38). Здъсь такъ и слышится уже заглушенный вопль одиночества, оторванности, стремленіе слиться съ окружающей толпой, потонуть въ ней.

Индивидуализмъ, цънящій все, что родственно ему, что представляетъ изъ себя понятное ему обособленное "я", особенно ръзко высказывается въ словахъ разсказчика-мальчика. "Въчный духъ безпокойства, мученіямъ котораго никогда не бываетъ конца,— вотъ что было въ насъ. Намъ была по душъ дерзость Разина (отецъ разсказывалъ ему о немъ), намъ, оторваннымъ отъ всего уклада жизни, отрицаемымъ ею, одинокимъ, чуждымъ всъмъ" (28).

Отсюда понятна и любовь къ героямъ, непокорнымъ и одинокимъ, сильнымъ и воинственнымъ, иска-

ніе на "ярмаркъжизни" памятника. Минину и Пожарскому и т. п.

Но особенно характерны съ этой стороны разсказы "Любовь декоратера" и "Октава", гдъ болъзнь индивидуализма отражается еще рельефнъе.

Въ первой изъ нихъ встръчается и отсутствующее въ другихъ произведеніяхъ Скитальца ум'внье подобрать детали, ярче оттъняющія общій фонъ разсказа. Картина, которую пишетъ декораторъ, вполнъ соотвътствуетъ душевному складу одинокаго, замкнутаго въ себъ человъка: это-степь съ безконечной далью, поросшая высокимъ бурьяномъ и репейникомъ, съ могильными курганами и косматыми, зловъщими тучами. "Отъ всей картины," говоритъ авторъ, — въяло мрачнымъ настроеніемъ. Оно давило душу. Казалось, что вотъ-вотъ произойдетъ здъсь что-нибудь страшное, что могилы и тучи имъютъ какоето символическое значеніе, что онъ какъ будто живыя... Слъдующая, требуемая для декоратора картинаморское дно-пишется тоже подъ вліяніемъ душевнаго настроенія, вспыхнувшаго въ декораторъ глубокаго чувства; она пишется для той, которая будетъ плыть по этому дну; для нея приготовляется и весь эффектъ картины. Но послъ представленія Юлія увзжаеть съ однимъ изъ сидящихъ въ креслахъ I-го Оскорбленное самолюбіе и муки ревности заговорили въ Костовскомъ; онъ идетъ къ Юліи и здъсь, какъ и слъдовало ожидать, получаетъ холодный отпоръ. Но не это отталкиваетъ его окончательно отъ Юліи, а "любознательность естество-испытателя, * которую онъ замъчаетъ въ глазахъ Юліи во время его пламенной тирады. "Его словно молніей озарило, соворить авторъ, онъ понялъ, что-она существо совсъмъ другого міра, чіть онъ... что онъ чуждъ ей," и Костовскій бъжалъ отъ нея, полный жгучаго страданія и тоски одиночества.

Здѣсь предъ нами не только попранное чувство и боль его (тогдабы онъ убѣжалъ отъ Юліи вначалѣ); здѣсь тоска человѣка передъ непониманіемъ его душевнаго міра, того нравственнаго одиночества, отъ котораго на душѣ такъ пусто и холодно...

Въ "Октавъ" мы видимъ такихъ же одинокихъ людей. Среди нихъ особенно выдъляется замъченная уже нами раньше фигура Захарыча, оторваннаго отъ корня и потерявшаго связь съ нимъ, а вмъстъ съ тъмъ и тотъ "смыселъ жизни," котораго онъ ищетъ со слезами. Жалокъ этотъ одинокій человѣкъ въ толпъ такихъ же одинокихъ, свыкшихся съ этимъ людей. — Сильная натура Захарыча, жаждавшая кръпкаго устоя, не въ состояніи вынести то, что выносять эти маленькіе хрупкіе люди, съ "маленькой душой," могущіе гнуться въ разныя стороны. Онъ уходитъ отъ нихъ туда, гдъ видитъ устой, возвращается съ полдороги къ себъ домой, гдъ все "просто и ясно, непоколебимо", гдв его октава свободно льется, не смущаемая "смыселомъ" жизни, "планидой", "Васькой Гдъ-Гаммой" и анафемой сомнъвающимся, отъ которыхъ онъ теперь отошелъ. Его "я" замыкается СВОИ обычныя рамки, вается сътолпой товарищей — плотниковъ и не требуетъ несвойственнаго его языку выраженія, какъ это было во время пъвческой жизни Захарыча, когда оно вдругъ потребовало своего выясненія и выдъленія: "языкъ говорилъ", — разсказываетъ о немъ авторъ, --- "не тъ слова, какія надо было говорить, и получался совершенно безсмысленный наборъ несуразныхъ, самого его удивлявшихъ словъ. Онъ помогалъ своей ръчи тълодвиженіями, прижималъ руки къ груди, размахивалъ ими въ воздухъ, но ничто не помогало: мысли Захарыча оставались въ немъ, какъ въ кръпкой тюрьмъ, и освобедить ихъ изъ заключенія онъ былъ не въ силахъ. И Захарычъ сердился (216).

Понятно посл'в этого, что на заманчивые разсказы о пережитой уже ими п'ввческой жизни, при которой онъ могъ получить впятеро больше, ч'вмъ при плотничьей работъ, Захарычъ отв'ътилъ: "А наплевать мн'в на ваше "впятеро"! Ты посмотри только отсюда на Волгу, на горы! Зд'всь душа отъ всей вашей скверны покой находитъ, а тамъ она мятется попусту".

Характерно въ этихъ словахъ и обращеніе къ природѣ, къ которой, какъ къ средству успокоенія, прибъгаютъ и одиночки М. Горькаго: "Я пою Богови моему"!—заключаеть свое обращеніе Захарычъ, чувствуя, что нашелъ устой, при которомъ отлетъли тоска и исканіе.

Такую-же цъльную натуру представляетъ изъ себя и Быковъ въ разсказъ "За тюремной станой", въ которомъ, по выраженію автора, находили себъ опору твердое и ясное міросозерцаніе. Сила этихъ людей—въ связи съ общимъ, тайна которой неразгадана или отвергнута индивидуализмомъ, идущимъ къ ней иными путями.

Какъ писатель - индивидуалистъ, Скиталецъ сказалъ свое слово, и его дарованіе, не яркое и не глубокое, но сильное євоимъ убъжденіемъ, внесло кое-что въ это теченіе. Въ данномъ случаъ важны не только силы, важно и количество ихъ. Вспомнимъ слова Некрасова: "братья писатели, въ нашей судьбъ что-то лежитъ роковое: если бы всъ мы, не въря себъ, взялись за дъло другое, --- не было-бъ точно, согласенъ и я, жалкихъ писакъ и педантовъ, но и не было-бы такъ-же, друзья, Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ ...

Что касается нѣкотораго успѣха сочиненій Скитальца среди читающей публики, то его надо отнести къ тѣмъ проблескамъ дарованія, которыя вспыхиваютъ, порою съ силой, среди общей однотонности и сѣроватости колорита. Эти проблески публика научилась цѣнить очень недавно, избалованная таки-

ми талантами, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, гдѣ каждое произведеніе представляло собою перлъ, вошедшій въ общую сокровищницу всемірной литературы. Это можно отнести къ нѣкоторой утонченности ея чутья, напрягавшагося въ теченіе двухъ десятилѣтій къ уловленію чего-либо достойнаго вниманія среди того измельчанія литературы, которое предстало вслѣдъ за исчезновеніемъ славной плеяды.

Проблески дарованія Скитальца мъстами, дъйствительно, сильно подкупаютъ въ его пользу. Таковы, напр., описанія пъвческаго быта въ "Октавъ;" эта смъсь различныхъ "племенъ и лицъ," оторванныхъ отъ всего людей, своего рода тоже нравственныхъ босяковъ, потерявшихъ жизненные устои... "Эхъ, мужичище!--вдругъ обратился къ Захарычу Петръ Ивановичъ. А зачъмъ ты деревню бросиль и въ городъ приперъ? Тоже своихъ бросилъ? Ты къ нашимъ, а мы къ вашимъ! (192)-говоритъ, напр., авторъ въ "Октавъ," изображая въ этихъ словахъ шатаніе данной среды, раздвоенность въ ея внутреннемъ укладъ. Тутъ-же авторъ пародируетъ и М. Горькаго-въ ръчи Томашевскаго; (193) говоримъ — пародируетъ, потому-что иначе нельзя назвать этотъ сколокъ съ горьковскихъ ръчей, который какъ-то не вяжется со всъмъ остальнымъ, принимая вниманіе, что личность Томашевскаго до того времени совершенно не выдъляется авторомъ изъ массы обыденныхъ пъвцовъ.

Въ одномъ только мъстъ автору удается подойти близко къ самому духу горьковскихъ произведеній. "Ты думаешь", —говоритъ Петръ Ивановичъ въ "Октавъ," — "такъ ужъ онъ весь насквозь мерзавецъ. А онъ на другой день возьметъ да иройскій подвигъ и совершитъ. Сталобыть, нътъ ни плохихъ людей, ни хорошихъ, а есть просто человъкъ, въ которомъ все перепутано: и добро, и зло". (192). Но все это те-

ряется въ общей массъ различныхъ, не объединенныхъ въ одно деталей.

Проглядываетъ у Скитальца и умънье обрисовывать цъльный образъ нъсколькими штрихами, свидътельствующее о неразработанности еще самимъ писателемъ нъкоторыхъ сторонъ его дарованія. Это умънье дается въ удълъ немногимъ,и Скитальцу остается только оцънить его и воспользоваться имъ. Таково, напр., описаніе Захарыча послъ внутренняго переворота въ немъ, когда онъ, пространствовавши по разнымъ пъвческимъ труппамъ, возвращается на старое сто ,чтобы пропъть тамъ въ послъдній разъ и затъмъ возвратиться къ прежней жизни простого плотника:

"Его узнали всъ", -- говоритъ авторъ, — "и народъ, и архіерей, и пѣвчіе. Пъвчіе привътствовали его радостными улыбками, но въ Захарычъ было нъчто строгое и внушительное. Похудъвшее и поблъднъвшее лицо пріобрѣло болѣе твердыя и опредъленныя черты: оно казалось одухотвореннымъ какой-то вдумчивостью и носило отпечатокъ той ръдкой и странной симпатичности, которая бываетъ или y очень образованныхъ, или очень много страдавшихъ (234).

Въ дарованіи начинающаго писателя такія богатые и широкіе штрихи должны быть дороги; значить, есть на что ему опереться; надо только поработать, "выносить" свои произведенія, а не бросать въ печать въ небрежной формъ, какъдълаетъ это Скиталецъ.

Вспомнимъ, что нашъ лучшій стилистъ Гоголь по нѣсколько разъ отдѣлывалъ и передѣлывалъ свои произведенія и совѣтовалъ поступать такъ всѣмъ молодымъ писателямъ. Въ этомъ сказывается и уваженіе къ литературѣ, и уваженіе къ себѣ, какъ писателю. Работа эта, конечно, не легкая, она нерѣдко похожа на жестокую борьбу со словомъ, которое часто долго и упорно не поддается формѣ, обле-

кающей его*), борьбу съ самой формой, которая расплывается въ необозначившейся еще индивидуальности начинающаго писателя, и вообще борьбу съ этой массой деталей, которой необходимо научиться владъть хорошему писателюхудожнику, чтобы быть хозяиномъ въ своей области.

Справится-ли Скиталецъсъ этимъ покажетъ будущее. Мы пока можемъ сказатъ только, что на лицо имъются элементы дарованія, еще неразработаннаго, стъсненнаго узостью рамокъ.

Отсутствіе широты взгляда сказывается и въ томъ озлобленіи, съ какимъ мы часто встръчаемся въ произведеніяхъ Скитальца, особенно въ его стихотвореніяхъ.

Въ противоположность бурному горьковскому протесту, борьбъ съ неправдой жизни, исходящей изъ любви къ этой жизни и людямъ Скиталецъ, не захватившій волною своего чувства такой широкой области, бьется въ рамкахъ крайняго индивидуализма. Въ немъ все сливается въ слово "проклинаю", которое, хотя и восхищаетъ своею силою почтеннаго критика Божія" (А. Б.), но не можетъ возбудить общечеловъческаго сочувствія, какъ вызываетъ его горьковскій протесть и даже порой его озлобленіе, тутъ-же несущее СЪ собою и примиряющій звукъ. И это, опять повторяемъ, потому, Горькій захватиль болье широкую область: онъ касается всего человъческаго страданія, вытекающаго изъ общей "неправды жизни", а не того, о которомъ поетъ Скиталецъ; послъднее, быть можетъ, и очень искренно, но слишкомъ субъектив-HO.

"Изъ грязи выходецъ, я жилъ въ болотной тинъ, я въ мукахъ возмужалъ. Суровый рокъ меня отъ

^{*)} По этому вопросу у насъ имъется спеціальная работа проф. Батюшкова; сюдаже можно отнести и "Муки творчества" г. Горнфельда.

юныхъ дней донынъ давилъ и унижалъ"! — говоритъ поэтъ.

И вотъ, именно это "я", кажется, и портитъ все дъло, этого "я" мы не видимъ почти у М. Горькаго, сильнъе выдвигающаго зато общій индивидуализмъ. Въ этомъ и тайна болъе широкаго сочувствія, вызываемаго имъ. Какимъ холодомъ, напр., въетъ отъ словъ Скитальца. такъ красивыхъ по формъ: "Ночи мои, ночи!.. Какъ вы молчаливы!.. Темная, -- какъ вы-же, -- ночь въ душѣ моей. Мысли, словно звѣзды, блещутъ горделиво, золотымъ узоромъ загораясь въ ней. Спитъ, какъ звърь усталый, этотъ міръ проклявъчно мнъ враждебный... Чуждъ я для него. Въ комнатъ унылой, тишиной объятой, я и мои мысли-больше никого"! (142). Или какой отталкивающій павосъ и непозволительное для небольшаго таланта самолюбованіе звучить въ словахъ: "Но для тъхъ, въ чью страну я заброшенъ судьбой, я не сдълался близкимъ и другомъ: я ихъ проклялъ проклятіемъ злобы святой ... и далъе: "Сытой пошлости я покориться не могь и ушелъ, унося свою муку... И тому, кто отверженъ, какъ я, одинокъ, подаю мою сильную руку" (240). Въ такомъ же родъ и другое стихотвореніе: "Нътъ, я не съ вами" и т. д.

Какъ-то не вяжутся съ ними такія стихотворенія того-же автора, напр., "Каждый вечеръ" или "Ну, товарищи". Особенно полно поэзіи и задушевности прекрасное стихотвореніе Скитальца "Колокольчикибубенчики звенятъ, простодушную разсказываютъ быль" и т. д. (116). Въ общемъ, мягкомъ, ласкающемъ тонъ ихъ смягчается даже ръзкость прорвавшихся строфъ: "Эй. вы, шире сторонитесь, раздавлю! Безконечно, жадно хочется мнъ жить! Я дороги никому не уступлю"... и т. п. Въ данномъ случаъ это только полнъе передаетъ впечатлъніе рвущейся жизнерадостности, дълаетъ только шире размахъ.

Индивидуалистъ остается въренъ себъ до конца; обоготворенное "я" жаждетъ только своей личной жизни, стремится забыться въ ея вихръ и мятется при замедленіи хода въ чувствъ ужасающей тоски.

Вообще стихотворная форма, ставящая извъстныя рамки, сразу легче удается автору; въ ней полнъе и ярче обрисовывается субъективность его дарованія; звучатъ и проблески возможности болъе широкаго развитія его.

Остается только собрать и развить болъе цънное, выдъливъ его изъ шелухи. Въ этомъ задача каждаго писательскаго дарованія. Осо бенно это важно въ наше время, когда заканчивается періодъ извъстныхъ теченій, а на мъсто ихъ зарождаются новыя, когда всъхъ съ напряженнымъ любопытствомъ слъдятъ за входящими въ литературу новыми работниками съ жаднымъ вопросомъ, не несутъ-ли они съ собой нъчто такое, что могло-бы послужить основой будущему, и когда такъ легко запутаться въ общемъ водоворотъ исканій его.

Т. Ганжулевичъ.

животныхъ и растеній и о дъйствій ихъ на нашъ организмъ

Вл. Тюрина.

Въ настоящей статьъ намъ не придется говорить о какомъ нибудь законченномъ или хотя бы вънькоторойствени законченномъ-изслъдованіи, которое бы обогатило науку извъстнымъ числомъ приведенныхъ въ порядокъ истинъ и, сообщая новые факты, указало бы ихъ соотношеніе другъ съ другомъ и ихъ отношеніе къ тому, что мы знали раньше...

Интересная область, которую намъ раскрывають труды изъстнаго французскаго ученаго R. Blondlot и его послъдователей — А. Charpentier и другихъ, "велика и обильна", но порядка въ ней пока еще мало; ея богатства надо будетъ еще разобрать и разсортировать, и на это потребуется и много труда, и, въроятно, много

времени.

Между тъмъ новые лучи представляютъ большой интересъ, и по своимъ загадочнымъ и страннымъ свойствамъ, и по той пользъ, которую они объщаютъ принести естество-

Впрочемъ, можно думать, дальнъйшія изслъдованія внесутъ, навърное, разныя дополненія и, по всей въроятности, нъкоторыя поправки къ тому, что мы узнали объ N-лучахъ по настоящее время.

Лучи эти открыты Blondlot и названы имъ N-лучами по начальной буквъ слова *Nancy*,--названіе города, гдъ онъ производилъ свои

изслъдованія.

Излагать шагъ за шагомъ послъдовательныя работы Блондло мы не станемъ, отмътимъ только, что во время этихъ работъ ему нъсколько разъ приходилось ошибаться и сбиваться на ложный путь, но потомъ снова выходить на върную дорогу и идти по ней съ удвоенной быстротой...

Въ настоящее время по вопросу объ N-лучахъ выяснено въглавныхъ чертахъ слъдующее. Самые разнообразные предметы, столь различные между собой, какъ-то — нагрътая до красна мъдная или серебряная пластинка, холодная палочка закаленной стали, солнце, "горящая"

испытателямъ, -- представляя имъ средства удобно изучать дъятельность нашихъ нервовъ и нашего мозга и давая возможность очень значительно-въ десятки разъ--возвысить увеличительную силу микроскоповъ.

^{*)} Въ виду интереса, представляемаго лучами N, мы помъщаемъ настоящую статью, хотя въ N 2-3 была уже объ этомъ предметь статья г. Н. А. Впрочемъ, настоящая статья, принадлежащая къ тому же перу извъстнаго въ области элетротехники писателя В. А. Тюрина, имъетъ очень мало общаго съ прежде помъщенной статьей. $Pe\theta$.

электрическая лампа системы Нернста, та же лампа, потушенная нъсколько часовъ тому назадъ, кусокъ кирпича, выставленный на нѣкоторое время подъ дъйствіе солнечныхъ лучей, наши мускулы, между мускулы сердца, нервы, различные участки нашего мозга, мускулы и нервы кролика и лягушки, цвъты и листья растеній, и т. д., и т. д.—всѣ эти предметы, до такой степени разнородные, что самое перечисленіе ихъ по своей безсвязности, быть можетъ, производитъ впечатлъніе какого-то бреда, вообще испускаютъ особенные лучи, которые, правда, невидимы (хотя они и дъйствуютъ на нашъ глазъ и на наше зръніе, -- нъсколько ниже мы разъяснимъ это кажущееся противоръчіе), и не производятъ также никакого впечатлънія на фотографическую пластинку, но обладаютъ слѣдующимъ интереснымъ свойствомъ - и оно-то и даетъ намъ возможность обнаруживать и изучать ихъ. Когда эти лучи--- N-лучи--падаютъ на синеватое, почти несвътящее газовое пламя, которое получается, когда горитъ свътильный газъ, вытекающій изъ длинной и узкой трубки, то это пламя былыеть и становится значительно свътлъе... Точно также и многіе другіе слабые свътовые источники подъ дъйствіемъ "N-лучей" замътно усиливаются. Такъ, картонный, или т. п. листъ. обмазанный двойной ціанистой солью платины и барія, который подъ дъйствіемъ лучей радія издаетъ слабый свътъ, когдананего дъйствуютъ, одновременно съ лучами радія, еще N-лучи,—начинаетъ свътить гораздо ярче... Само собой разумъется, что подобные опыты должно производить въ темной комнатъ...

Точно также усиливается подъ дъйствіемъ N-лучей фосфоресценція сърнистой соли кальція (или, проще, сърнистаго кальція), т. е. тотъ слабый сравнительно, свътъ, который эта соль издаетъ сама, послъ того какъ ее подвергли дъйствію солнеч-

наго свъта, свъта горящаго магнія, вольтовой дуги, и пр. Какъ извъстно, фосфоресценція вообще усиливается и при нагривании фосфоресцирующаго вещества; поэтому на первый взглядъ могло бы явиться подозръніе, что дъйствіе N-лучей на сърнистый кальцій и на другія фосфоресцирующія вещества обусловлено тъмъ, что N-лучи ихъ нагрѣваютъ. Однако, опыты очень чувствительными термометрическими приборами показали несостоятельность этого объясненія...

Кромъ того, надо отмътить еще слъдующее: какъ мы упоминали раньше, организмъ лягушки испускаетъ N-лучи, такъ что если мы поднесемъ ее въ темной комнатъкъ фосфоресцирующему сърнистому кальцію, то свъченіе этой соли усиливается... Это усиленіе будетъ имъть мъсто и въ томъ случаъ, если мы нашу лягушку предварительно охладими до O^0 ; хотя отъ сосъдства съ ней фосфоресцирующее вещество ужъ навърное не только не нагръется, а еще и само очень дится *).

Свътъ слабой электрической искры становится также значительно ярче подъ дъйствіемъ N-лучей...

N-лучи свободно пронизываютъ стекло, горный хрусталь, соленую воду—но не чистую воду!—черную бумагу, дюймовыя дубовыя доски, листки алюминія, цинка и нѣкоторыхъ другихъ металловъ, причемъ надо, однако, замѣтить, что N-лучи бываютъ разныхъ сортовъ—разныхъ "цвътовъ", если угодно—и что данный металлъ, хорошо прозрачный для одного сорта N-лучей, окажется очень плохо прозрачнымъ для дру-

^{*)} Болъе позднія изслъдованія Блондло показали, впрочемъ, что подъ дъйствіемъ N-лучей экранъ, обмазанный фосфоресцирующимъвеществомъ,усиливаетьсвой свъть только по направленіямъ, мало отклоняющимся отъ перпендикуляра къ экрану; а въ бокъ, въ стороны, свътитъ не только не сильнъе, а даже еще слабъе, чъмъ безъ N-лучей...

гого сорта ихъ... Свинецъ, покрывшійся на воздухъ окисью и углекислой окисью, вообще непрозраченъ для N-лучей, но чистый свинецъ для нъкоторыхъ сортовъ ихъ прозраченъ...

Чтобы изучать N-лучи, испускаемые, напр., ножомъ изъ закаленной стали, сдавленнымъ въ тискахъ кускомъ дерева и другими не свътяшими тълами, надо только помъститься въ темной комнатъ и наблюдать, какъ измъняется, напр., свътъ слабой электрической искорки, въ зависимости отъ того, попадаютъ ли на нее N-лучи, или не попадаютъ, перехваченные, напр., свинцовымъ листомъ, стекляннымъ сосудомъ, наполненнымъ чистой (не соленой!) водой, или отклоненные со своего пути алюминіевой призмой, которой преломляются; они чтобъ обезпечить себя отъ всякаго самообмана, можно фотографировать одновременно: электрическія искры, на которыя падаютъ, и электрическія искры, на которыя не падаютъ N-лучи... Въ статьяхъ Блондло есть нъсколько копій съ такихъ сравнительныхъ фотографическихъ снимковъ, не оставляющихъ никакой возможности заподозривать самообманъ, самовнушеніе, и т. п...

Но чтобъ изучать N-лучи, выдъляемые, напр., "горящей" электрической Нернстовой лампой (очень богатымъ источникомъ ихъ), или раскаленнымъ "чулкомъ" Ауэровой газовой горълки, или солнцемъ, вообще какимъ нибудь свътящимъ тъломъ, требуется, такъ сказать, отиподить, отфильтровать ихъ отъ свътовыхъ лучей...

Въ самомъ дълъ, какъ могли бы мы подмътить, что чрезвычайно слабое свъченіе нашей искорки усиливается, когда и самая эта искорка будетъ незамътна, такъ сказать, заглушенная солнечнымъ и т. п. свътомъ? Въ подобныхъ случаяхъ пользуются, въ качествъ фильтра, пластинками алюминія, листками черной бумаги и деревянными досками,

которыя, какъ мы уже отмъчали. обладають свойствомь пропускать N-лучи и задерживать свътовые лучи. Такъ, въ одномъ изъ своихъ опытовъ Блондло помъщалъ Ауэрову газовую горълку внутри желъзной камеры, въ которой было продълано окно, затянутое алюминіемъ. Сквозь это окно выходили одни чистые N-лучи, которые затымъ уже было удобно изучать, пользуясь опять таки ихъ дъйствіемъ на электрическія искорки, или на фосфоресцирующіе-послі предварительнаго освъщенія горящимъ магніемъ экраны, покрытые сфристымъ кальціемъ, и т. д.

Но усиленіе свъта слабо-свътящихъ тълъ не единственное дъйствіе, которымъ N-лучи проявляютъ свое присутствіе; они обладаютъ еще слѣдующимъ свойствомъ, напоминающимъ старинныя повърія о различныхъ симпатическихъ цълебныхъ мазяхъ и т. п. -- для прикладыванія не къ ранъ, а къ тому оружію, которымъ она нанесена. Оказывается, что если всматриваться въ какой нибудь *очень* скудно освъщенный предметъ, на которомъ, именно вслъдствіи скуднаго освъщенія, нельзя разобрать никакихъ подробностей (напр., въ циферблатъ часовъ, которомъ нельзя прочитать цифръ) и если въ это время бросить снопъ N-лучей на глаза, то, хотя бы онъ вовсе и не попадалъ на предметъ, --- неясныя передъ этимъ подробности послъдняго выступятъ вполнъ отчетливо! Это происходитъ и въ томъ случаъ, если N-лучи дъйствуютъ на глазъ сквозь високъ.

Также и обонятельныя ощущенія явственно усиливаются, когда N-лучи падаютъ на носъ, или на надпереносіе...

При дъйствіи N-лучей на нъкоторые участки мозга — сквозь кожу и кости — зрачекь расширяется.

Мы уже отмъчали многіе изъ источниковъ N-лучей. Къ числу самыхъ интересныхъ изъ нихъ относятся, безспорно, наши нервы и

нервы животныхъ, которые тоже испускаютъ сквозь кожу и пр., N-лучи, и по дъйствію послъднихъ на экранъ съ фосфоресцирующимъ сърнистымъ кальціемъ можно даже прослъдить путь нъкоторыхъ изъ нервовъ...

Мозговой участокъ, завъдующій (какъ полагаютъ, по крайней мъръ) иленораздъльною ръчью ("центръ Брока") тоже испускаетъ, черезъ черепныя кости, N-лучи и притомъ особенно сильно именно "при отправленіи своей обязанности", т. е. тогда, когда человъкъ говоритъ.

А. Шарпантье нашелъ даже, что при безмолвномъ умственномъ трудь нашъ мозгъ усиленно испускаетъ N-лучи. Опыты свои онъ производилъ такъ; помъщалъ передъ лбомъ кого нибудь экранъ съ фосфоресцирующимъ сърнистымъ кальціемъ и просилъ этого человъка, не зная, занять ли онъ умственнымъ трудомъ, или нътъ, "перейти съ труда на отдыхъ, или съ отдыха на трудъ". Такую просьбу онъ повторялъ нъсколько разъ, черезъ извъстные промежутки времени, и замъчалъ, что свъченіе экрана, поперемѣнно, то усиливалось, то ослабъвало. Потом оказывалось, что усиленіе соотв'єтствовало переходу съ "отдыха" на "трудъ", а ослабленіе — переходу съ "труда" на "отдыхъ"...

Тоже надо сказать о мускулах в человъка и животныхъ и о различныхъ частях в растеній... Замъчательно, что при нъкоторыхъ болъзняхъ парализованные мускулы одной стороны тъла издаютъ меньше N-лучей, чъмъ соотвътствующіе имъ здоровые мускулы другой стороны. Слъдуетъ также отмътить, что хлороформированіе растеній вліяетъ на силу выдъляемыхъ ими N-лучей...

Мы упоминали уже, что куски закаленной стали испускаютъ N-лучи; это испусканіе можетъ, повидимому, продолжаться десятокъ и больше въковъ; по крайней мъръ Блондло упоминаетъ объ одномъ старинномъ

мечѣ, отрытомъ изъ очень древней могилы, который обильно выдѣлялъ и, вѣроятно, не началъ выдѣлять, а продолжалъ выдѣлять — N-лучи.

Также испускаютъ N-лучи и "батавскія слезки"-кусочки стекла, которые были раскалены и вдругъ брошены въ воду, вообще очень многія тъла, находящіяся въ напруженномъ-я бы даже хотълъ сказать-въ нъсколько исковерканномъ состояніи... Нътъ сомнънія, что при этомъ, выражаясь языкомъ физиковъ, энергія N-лучей получается на счетъ той энергіи, которая освобождается при постепенномъ, очень медленномъ, правда, но непрерывномъ возвращеніи тъла изъ его напруженнаго, исковерканнаго состоянія въ болъе "естественное"...

Воздухъ, когда онъ волнуется, передавая звукъ, тоже выдъляетъ N-лучи, сильно дъйствующіе, и на фосфоресцирующій сърнистый кальцій, и на глазъ.

Отмътимъ еще, что многія тъла, напр., кирпичъ, водный растворъ сърноватистокислой соли натрія и др. обладаютъ слъдующимъ свойствомъ: послю дийствія на нихъ N-лучей они начинаютъ сами издавать ихъ, подобно тому, какъ фосфоресцирующія вещества издаютъ сами свътовые лучи, послъ того, какъ ихъ подвергнуть дъйствію свъта...

Какова же природа N-лучей? — На этотъ вопросъ, кажется, можно уже и теперь дать вполнъ опредъленный отвътъ. Оказывается, что эти лучи такъ же, какъ и свътовые, отражаются-, правильно отъ гладкихъ поверхностей (зеркалъ) и "неправильно", т. е. разбрасываясь во всъ стороны, отъ шероховатыхъ... По тъмъ же законамъ, что и свътовые, они преломляются въ прозрачныхъ для нихъ твлахъ, напр., въ призмахъ и въ чечевицахъ изъ горнаго хрусталя, или алюминія... Такъ же, какъ свътовые лучи, и N-лучи способны "поляризоваться",

причемъ напомнимъ, что "поляризованнымъ лучомъ" называется такой лучъ, который представляетъ различныя свойства въ различныхъ плоскостяхъ, проходящихъ черезъ напр., вертикальный лучъ. него. имъющій не одинаковыя свойства въ плоскости югъ-стверъ и въ плоскости востокъ-западъ и способный, напр., отражаться отъ наклоннаго зеркала, когда послъднее повернуто такимъ образомъ, что отбрасываетъ его къ съверу или къ неспособный отражаться югу, но отъ того же зеркала, наклоненнаго подъ тъмъ же угломъ къ горизонту, но повернутаго такъ, чтобъ отбрасывать лучъ къ востоку или къ западу.

Подобно свътовымъ лучамъ, и N-лучи способны въ извъстныхъ случаяхъ огибать различныя "препятствія" (давать явленія "диффракиіи" — какъ выражаются физики) и т. д. Такимъ образомъ, по всей въроятности, природа N-лучей тождественна съ природой свътовыхъ лучей и если, какъ въ этомъ въ настоящее время нельзя сомнъваться, въ свътовомъ лучъ мы имъемъ очень быстрое распространение въ пространствъ никоторых колебаній, происходящих не вдоль луча, а поперекъ, -- то тоже самое имъемъ и въ N-лучъ...

Изслъдуя явленія диффракціи N-лучей, мы въ состояніи будемъ (подобно тому, какъ это дълается для свътовыхъ лучей) опредълить такъ называемую "длину волны" ихъ--то разстояніе, на которое успъетъ распространиться колебательный процессъ (т, е. въ случав свътовыхъ лучей то разстояніе, которое успъетъ пробъжать "свѣтъ") за время одного колебанія. Хотя скорость распространенія свъта—огромная (онъ, какъ извъстно, пробъгаетъ 300000 километровъ въ секунду), но благодаря тому, что колебанія въ свътовомъ лучъ очень часты (для желтаго луча, напр., 500 билліоновъ разъ въ секундувъ круглыхъ цифрахъ) — длина волны свътовыхъ лучей оченъ мала; для желтыхъ лучей она близка къ 600 (точнъе 589) милліонныхъ долей миллиметра, для крайнихъ, еще корошо видимыхъ, фіолетовыхъ лучей—около 400 милліонныхъ и для крайнихъ зафіолетовыхъ лучей, изслъдованныхъ В. Шуманомъ, не видимыхъ, но дъйствующихъ на особеннымъ образомъ изготовленныя фотографическія пластинки—около 100 милліонныхъ миллиметра.

Но длина волны N-лучей, какъ оказывается, еще много меньше и равна для различныхъ сортовъ ихъ— для N-лучей различныхъ "цвъ-товъ" — отъ 8 до 17 милліонныхъ миллиметра, т. е. волна N-лучей въ 35—75 разъ короче, чъмъ волна желтыхъ свътовыхъ лучей, въ 24—50 разъ короче, чъмъ волна фіолетовыхъ, и еще въ 6—12 разъ короче, чъмъ волна Шумановыхъ зафіолетовыхъ лучей.

Благодаря столь короткой волнъ N-лучи объщають пріобръсти очень большое значеніе для практики и дать намъ возможность во многоразъ усилить полезное увеличеніе нашихъ микроскоповъ.

Дъло вотъ въ чемъ. На первый взглядъ можетъ показаться (прежде: такъ и думали), что вполнъ возможно было бы построить микроскопъ, который бы увеличивалъ, хоть въ милліоны и милліоны разъ. Стоитъ только, такъ разсуждали, данную инфузорію или т. п. помъстить подъ увеличительнымъ стекломъ, которое бы отбрасывало увеличенное, скажемъ въ 60 разъ, изображеніе ея хоть на матовое стекло, а то и прямо на воздухъ. За этимъ изображеніемъ помъстимъ второеувеличительное стекло, которое бы давало увеличенное въ 60 изображеніе этого изображенія, т. е., значитъ, увеличенное въ 3600 разъ. изображеніе нашей инфузоріи. За этимъ, вторымъ, изображеніемъ поувеличительное мъстимъ третье стекло, и т. д. Правда, постройка.

подобнаго прибора представляла бы извъстныя техническія трудности; инфузорію, о которой ръчь, приходилось бы освъщать чудовищносильно, и пр. Но въдь это всепрепятствія устранимыя и преодолимыя.

Разсужденія, которыя мы приводимъ здъсь, если угодно совершенно правильны; увеличенія въ милліоны разъ дъйствительно можно достигнуть, но только пользы от этого не будеть, въ сущности, никакой такъ какъ части нашей инфузоріи, размъры которыхъ меньше, чѣмъ 1/2—1/3 волны того свѣта, съ которымъ мы работаемъ (пред-"одноцвътполагая этотъ свътъ нымъ") все равно пропадуть въ изображеніи, о которомъ ръчь, хотя бы оно и было увеличено въ милліоны разъ *).

Но "освътимъ" нашу инфузорію N-лучами будемъ И послъдовательно увеличивать ея изображеніе (при чемъ, если угодно, можно употреблять *алюминіевыя* чечевицы) и отбросимъ послъднее, очень сильно увеличенное изображеніе на экранъ, покрытый фосфоресцирующимъ веществомъ. Въ мъстахъ, гдъ на таэкранъ, передъ тъмъ освъщенный, скажемъ, одну секунду, напр., свътомъ горящаго магнія, лягутъ густыя тъни изображенія, тамъ свъчение фосфоресцирующаго вещества не усилится; гдъ лягутъ легкія тени, тамъ свеченіе слегка усилится, и т. д.; такимъ образомъ мы увидимъ изображеніе, образованное N-лучами, и можемъ, если угодно, и фотографировать его...

При этомъ, такъ какъ N-лучи имъютъ волны гораздо болъе ко-

роткія, чъмъ свътовыя, то на изображеніи, о которомъ ръчь, еще появятся детали во много разъ меньшія, чъмъ ть, которыя толькотолько что доступны намъ въ настоящее время.

Если мы возьмемъ N-лучи съ длиной волны, равной 8 милліоннымъ милиметра, то получимъ возможность разсматривать частицы, органы инфузорій и пр., въ 75 разъ меньшія, чъмъ при употребленіи желтыхъ лучей, въ 50 разъ меньшія, чъмъ при употребленіи фіолетовыхъ лучей и еще въ 12 разъ меньшія, чъмъ при употребленіи Шумановыхъ зафіолетовыхъ лучей.

Конечно, высказать идею, о которой ръчь, гораздо легче, чъмъ осуществить ее, такъ какъ для этого потребовалось бы довести "освъщеніе" данной инфузоріи N-лучами до огромной силы; сверхъ того, надо было бы преодолъть и еще кое какія крупныя техническія трудности; но во всякомъ случаъ, въ настоящее время, съ открытіемъ N-лучей, вопросъ о повышеніи полезной увеличительной силы нашихъ микроскоповъ въ десятки разъвопросъ, который до сихъ поръ упирался въ принципіальную возможность, теперь имъетъ передъ собой однъ только чисто техническія трудности...

Передъ тъмъ, какъ разстаться съ N-лучами, укажемъ на роль, которую они, можетъ быть, играютъ въ загадочномъ и важномъ вопросто о передачъ—если не мысли, то по крайней мъръ зрительныхъ ощущений.

Мы имъемъ здъсь въ виду изысканія Кіевскаго ученаго, г. Жука, состоявшія въ существенныхъ чертахъ въ слъдующемъ.

Одинъ экспериментаторъ смотрълъ на какой нибудь рисунокъ и усиленно думалъ о немъ; другой же рисовалъ, что ему приходило въ голову, но стараясь угадать рисунокъ, о которомъ онъ не имълъ ни малъйшаго понятія!

^{•)} Въ послъднее время, правда, нъмецкіе ученые Siedentopf и Zsigmondy выработали особый способъ, позволяющій видъть разныя пылинки, бактеріи и пр., размъры которыхъ ез соти разг меньше, чъмъ размъры свътовыхъ волнъ; однако, способъ этотъ не позволяеть разсматривать эти бактеріи и т. п. и опредълять ихъ форму и т. д.—а только, и единственно, показываетъ ихъ присутстве.

И оказалось, что, примърно въ 50 случаяхъ изъ 100, "внушенный рисунокъ" и рисунокъ-оригиналъ представляли вполнъ несомнънное и неоспоримое сходство, какъ въ этомъ можно убъдиться изъ фотографическихъ снимковъ, приложенныхъ къ статъъ г. Жука, напечатанной въ извъстіяхъ Кіевскаго Университета.

Конечно, на первый взглядъ могло бы показаться, что такъ какъ неудачныхъ рисунковъ было столько же, сколько и удачныхъ, то всъ удачи являлись просто дъломъ случая и никакой передачи впечатлъній совсъмъ и не происходило. Однако, нъсколько болъе вдумчивое отношеніе къ вопросу убъждаетъ насъ, что такое мнъніе было бы совершенно неосновательнымъ. Въ самомъ дълъ, если кто нибудь вынимаетъ карты изъ колоды, а я угадываю ихъ цвюмъ, и если на каждые 100 "испытаній" я угадываю около 50 разъ-то, конечно, заподозривать, что мнѣ что нибудь помогает угадывать-нътъ никакого повода. Въдь, каждая карта непремънно или красная, или черная и число красных карть въ колодъ ровно числу черныхъ; поэтому называя одинъ изъ двухъ цвътовъ, я имъю столько же шансовъ угадать, сколько — ошибиться, а въ этихъ условіяхъ-какъ это отчасти ясно и само по себъ и какъ это строго доказывается въ той части математики, которая называется "теоріей въроятностей, —и надо ожидать, что процентъ върныхъ отвътовъ при большомъ числъ "испытаній" будетъ близокъ къ 50... Но если я угадываю, не цвътъ, а масть картъ, и имъю, значитъ, при каждомъ "испытаніи" на одинъ шансъ угадать три шанса ошибиться, то въ этомъ случаъ-если ничто не помогаетъ (и не мъшаетъ) мнъ угадывать—надо ожидать, что при большомъ числъ испытаній процентъ върныхъ отвътовъ будетъ близокъ къ $25^{\circ}/_{0}$, а если онъ оказывается значительно больше, то надо заключить, что мнъ

что-то помогаетъ угадывать, и такое заключеніе будеть тімь достовърнъе, чъмъ больше процентъ лишних удачных отвытовь, какъ это само собой разумъется; кромъ того (хотя это не такъ очевидно). чъмъ больше было число испытаній... При огромном же числь испытаній даже небольшой лишній процентъ върныхъ отвътовъ, даже только $1^{0}/_{0}$ ихъ ($26^{0}/_{0}$ вмѣсто $25^{0}/_{0}$) уже даетъ большую увъренность въ томъ, что мнъ что-то помогаетъ угадывать; что именно-это уже другой вопросъ, который можетъ быть разъясненъ только правильнымъ разслъдованіемъ...

Если же мы отгадываемъ не цвѣтъ и не масть, а самыя карты, при чемъ, при каждомъ отдѣльномъ испытаніи, имѣемъ одинъ шансъ угадать и 51 шансъ ошибиться, и при этихъ условіяхъ дали изъ 20 отвѣтовъ 10 вѣрныхъ, а тѣмъ болѣе, если изъ 100 отвѣтовъ дали 50 вѣрныхъ, то тутъ ужъ можно быть—математически-строго говоря, почти увѣреннымъ, а практически говоря вполнъ увѣреннымъ въ томъ, что намъ что-то оченъ помогаетъ угадывать.

Какъ же велика должна быть подобная увъреннность, когда получаются 50% върныхъ отвътовъ въ такихъ опытахъ, какъ опыты г. Жука, въ которыхъ въ каждомъ отдъльномъ случав я имъю одинъ шансъ угадать и безконечное число шансовъ ошибиться?!.. Вполню безконечное, потому что число различныхъ предметовъ, которое мы можемъ нарисовать "на удачу" именно безконечно, а на рисункъ-оригиналъ изображенъ, въдь, какой нибудь одинъ предметъ!

Какимъ именно образомъ передаются зрительныя впечатлѣнія отъ одного человѣка къ другому черезъ раздѣляющее ихъ пространство, мы не знаемъ, но едва ли можно допустить настоящій переносъ впечатлюній въ истинномъ, прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ допускать

вылетаніе впечатлівній изъ моей головы, полетъ ихъ къ головъ моего товарища и пребываніе ихъ хотя бы и самое кратковременное, въ пространствъ между нами обоими, т. е., другими словами, допускать существованіе, (хотя бы и самое непродолжительное) впечатлъній, отдъленных в от человъка, было бы по моему прямо логической несообразностію.

И миъ кажется несомиъннымъ, что въ опытахъ г. Жука не переносятся впечатлънія, какт таковыя, а различные химическіе и физическіе процессы, происходящіе въ мозгу того человъка, который смотритъ на рисунокъ, возбуждають въ мозгу его товарища подобные же процессы—процессы, которые послыдній испытываль бы, если бы самь

смотрълв на рисунокъ...

Мы знаемъ очень много явленій, болъе или менъе похожихъ на то, о которомъ говорили. Достаточно будетъ напомнить, что когда въ одну проволочную катушку пропускаютъ перемънный электрическій токъ, то въ другой проволочной катушкъ, отстоящей хотя бы очень далеко отъ первой, при извъстныхъ условіяхъ, возникаетъ тоже перемънный же электрическій токъ: что когда мы зажжемъ, скажемъ, ленту магнія, то водный растворъ

сърнокислаго хинина, расположенный на нъкоторомъ разстояніиначнетъ тоже свътиться; и т. д., и

Мы знаемъ, что мозгъ, особенно работающій мозгъ, и нервы испускаютъ N-лучи, знаемъ также, что-съ другой стороны - N-лучи дъйствуютъ на мозгъ и нервы: по этому довольно естественно предположить, что въ опытахъ г. Жука мозговые процессы передаются, быть можетъ, именно черезъ посредство N лучей. Однако, само собой разумъется, что такое предположение можетъ очень легко оказаться и совершенно невърнымъ... Во всякомъ случаъ, по моему мнънію, было бы важно изслъдовать, очень какія мъшаютъ и какія вешества мѣшаютъ передачъ **зрительныхъ** впечатлъній: будетъ ли эта передача происходить и въ томъ случать, если одинъ изъ двухъ изслъдователей помъщенъ въ камеръ изъ картона, изъ свинца, изъ мъди, и т. д., и т. д.

Будемъ надъяться, что дальнъйшія работы разъяснять намъ сущность тахъ таинственныхъ явленій, благодаря которымъ одинъ человъкъ можетъ срисовывать то, чего онъ самъ не видить, но что видить другой...

Вл. Тюринъ.

Кражъ "пъгаго полубога".

П. ПИЛЬСКАГО.

"Слово человъчество—препротивное; оно не "выражаетъ ничего опредъленнаго, а только къ "смутности всъхъ остальныхъ понятій подба-"вляетъ еще какого-то пъгаго полубога"…

Я. Герценъ.

"Все въ человъкь, все для человъка. Суще-"ствуетъ только человъкъ, все же остальное— "дъло его рукъ и его мозга". М. Торькій.

(У Горькаго)... "скачокъ... къ прежнему ари-"стократическому идеалу романтиэма..."

M. ge-Borios.

I.

Никогда еще, быть можетъ, вопросы о нравственномъ долгъ, о самоусовершенствованіи и о высшихъ идеалахъ не разрабатывались такъ дружно и такъ страстно, какъ сейчасъ.

Происходитъ какое то общее напряженное исканіе выходовъ изъ печальной дъйствительности, и если верхи и интеллегенція жаждуть обрътенія философской въры, какъ источника, который позволилъ бы жить безъ самоосужденія, даровалъ бы надежды и освътилъ путь многовътвистой дороги жизни, то низы поютъ объ исканіи иныхъ правъ и иныхъ источникахъ бытія.

Получается какая-то странно-величественная пъсня, въ которой свътлые аккорды неба и дикіе—земли,—идеаловъ и правъ, воспомина-

ній о въчности и заботъ о каждомъ днъ,—изъ нея истекающемъ,—слились въ стройный хоръ, твердящій то побъдно и грозно, то скорбнопечально объ одномъ высшемъ правъ: о правъ человъка и его великой личности, о его самоцъльномъ бытіи и беззапретномъ счастъъ. Все яснъя, какъ солнце сквозь тучи, проходитъ въ общее сознаніе современныхъ народовъ одна аксіома а, быть можетъ, постулатъ: "все въ человъкъ, все для человъка".

Лучшіе пъвцы времени какъ бы убъждають насъ въ томъ, что всъ высоты жизни созданы и пріуготовлены для того, кто носить "великолъпное" и "гордое званіе", и если онъ, этотъ царь и избранникъ, оказывается иногда на жизненныхъ низинахъ, то это показываетъ только то, что выше самихъ высотъ—онъ, человъкъ, и даже самыя горнія точки

умъетъ онъ презирать и обходить, не дорожа ими, во имя личной свободы и собственнаго достоинства.

И эти мечты о волѣ и счастъѣ, эти порывы къ небу и совершенству, эти протянутыя руки въ чистую даль далекихъ достиганій находятъ (и не могутъ не находить) себѣ изображеніе и свои отраженія въ томъ мірѣ, гдѣ резонансъ особенно просторенъ, гдѣ раздольнѣй и шире увеличивается и интенсируется обычный голосъ человѣческій, подъятый и окрѣпленный фантазіей творческаго духа,—въ современномъ искусствѣ, въ литературѣ молодого вѣка.

Послѣ будничныхъ и сѣрыхъ картинъ слѣпой и жалкой повседневности, послѣ унынія, тоски и линялыхъ красокъ-родились и зашумѣли, какъ весенніе ручьи, разсказывающіе серебряную сагу, новыя бурливыя направленія, жаждущія красивыхъ и величественныхъ настроеній.

Героемъ этихъ мотивовъ, ихъ сюжетомъ и фокусомъ сталъ томящійся духъ человъка, ищущій и терзающійся въ пыткахъ достиженія, рвущій завъсы неизвъстнаго и скрытаго, пришедшій со словами строгаго допроса, обращеннаго къ жизни и въчности: отчета требуетъ онъ у первой и отвътовъ на сомнънія у второй.

Мало-по-малу сходить со сцены мода на литературную точность описательныхъ пріемовъ, теряетъ свой престижъ принципъ типичности, и его мѣсто занимаютъ требованія красивой образности, вдохновенныхъ словъ и новой художественной правды, 1)—не той правды видимостей и ариометическихъ измѣ-

реній, которая жила и погибла въ натуралистическомъ романѣ, а иной,—высшей, лучшей правды, правды несуществующей въ дѣйствительности, живущей въ мечтахъ и общихъ настроеніяхъ, великой и лучезарной,—я сказалъ бы,—прекрасно лгущей правды.

Это правда мечтателей и избранниковъ, героевъ и боговъ, жрецовъ и поэтовъ, — абсолютная и субъективная правда въ одно и тоже время.

Возрождаются и реставрируются права красоты и силы изображенія, ея экспрессія, ея узоры и самодовлъющее значеніе.

Идеалистическія и романтическія теченія искусства необходимы эпохамъ, когда очищаются понятія, когда проясняются и ширятся соціальные идеалы, когда крѣпнутъ долго накоплявшіяся силы и ищутъ выхода. Вмѣстѣ съ ростомъ смѣлаго соціальнаго самосознанія классовъ должно рости побѣждающее и героическое направленіе въ искусствѣ.

Эпохъ исканій должно соотвътствовать искусство благородныхъ формъ и аристократическихъ образовъ, ибо само исканіе благородно и аристократично.

Въ исканіи много прелести много чуда, и ни одной еще мысли не создало человъчество безъ мукъ самоиспытаній на огнъ жгучаго сомнънія и длинной цъпи колебаній. Въ немъ-красота силы, постигающей, но не постигшей, и отъ того такъ заманчиво оно и такъ дразняще-привлекательно. Въ немъ много въры въ смыслъ жизни, въ побъду человъка и его духа, и потому-то такъ идеалистично оно и полно благородства. Много человъчности и много смълости заключено въ безстрашіи исканья, и за то все оногуманистично-доблестно.

И ищущей, и терзающейся, въ пыткахъ протестански-настроенной, пытливо-обостренной мысли, эпохъ нашей стало нужно искусство романтическое; ей понадобились художни-

¹⁾ Невольно вспоминаются слова писателя прошлой эпохи, но вычно остающагося вдохновеннымъ цінителемъ красоты и искусства: "вотъ чімъ хороша поэзія: она говорить намъ то, чего нюмъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на празду ("Первая любовь" Тургенева).

ки съ бурными и непокорными душами; ей стали близки и дороги образы трагическихъ героевъ, протестующихъ, мучащихся, съ аристократически-утонченной нервной организаціей. Словомъ, искусство — Прометей, величественный, божественный, демократическій по цълямъ борецъ, аристократъ духа, самоотверженный и непостыдно-смълый, --- вотъ что стало идеаломъ современнаго творчества. На какихъ бы разныхъ точкахъ зрънія не стоять современному философу, -- будетъ ли онъ въ лагеръ неоидеалистовъ, во вкусъ г. Бердяева, или станетъ заодно со сторонниками "реалистическаго міровоззрѣнія" одинаково признаетъ онъ наступленіе новой эры въ искусствъ, одинаково прочтетъ онъ равнодушнымъ голосомъ отходную старому художеству, утилитаристическому реализму, утвержденному и любовно взлелъянному буржуазіей угаснувшаго въка, худежеству трусливому, безъ порывовъ, безъ смълыхъ кликовъ сердца, безъ побъдныхъ призывовъ, безъ вымысла, безъ глубинъ, безъ загадокъ, шузкому, какъ прославившій общественный классъ; убогому, какъ то безобразіе въка, которое онъ такъ пунктуально-старательно И непогръшимо-скучно изображалъ при помощи циркуля и аршина, безъ полетовъ фантазіи, безъ огня, безъ искръ, безъ вольнолюбиваго размаха истиннаго вдохновенія.

Пъсенка реалистическаго искусства спъта, и теперь о немъ поютъ— даже безъ злорадства—лишь заупокойные стихи, печальные, но холодные: смерть была неизбъжна, и покойникъ опущенъ безъ вздоховъ при спокойномъвниманіи одинаково "идеалистовъ", какъ и "реалистовъ".

Утилитаристическое значеніе искусства отметено разъ навсегда, какъ философская предпосылка, оправдывающая его существованіе.

Если прежде эстетика была принята въ философскомъ—соціологи-

ческомъ—обществъ, то только потому, что у нея была знатная и почетная родня: она считалась родной сестрой этики и ближайшимъ другомъ публицистики. Теперь она отворяетъ сама двери: протекція и родство ей надоъли и въ выросшемъ изъ тъснаго костюма предразсудковъ обществъ она должна быть принята, какъ знать сама по себъ.

Произошло коронованіе красоты, и въ этой церемоніи участвуютъ люди разныхъ и даже прямо противо-

положныхъ лагерей.

"Въ искусствъ начинаетъ возрождаться идеализмъ и романтизмъ, какъ реакція противъ реализма, дошедшаго до самаго пошлаго, самаго мелочнаго натурализма. Искусство стремится къ новой красотъ и новой постановкю вычныхъ вопросовъ, выражая болъе утонченную и сложную психику, необыкновенно тонкія настроенія.

Современное искусство "дѣлаетъ въ принципѣ прогрессивныя попыти сказать новое слово и подготовить новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности. Такимъ образомъ искусство способствуетъ рѣшенію великой проблемы нашего времени: созданію прекрасной человѣческой индивидуальности".

... Человъкъ будущаго должень быть прекрасенъ". Въ новую культуру необходимо внести струю "трагической красоты" (курсивъ вездъ мой. П. П.) ²).

Можетъ ли быть гимнъ пламен-

нъй, манифестъ-точнъй?

— Но что-же тутъ удивительнаго и въ этой пламенности, и въ этомъ въщательномъ тонъ? — спроситъ читатель. Слова эти принадлежатъ такому яркому и ярому исповъднику неоидеализма, что было бы неожи-

 $^{^{2})}$ Николай Бердяевъ. "Борьба за идеа-

данностью теперь слышать изъ его

устъ что-нибудь другое!..

Да! Теперь слышать изъ прогрессивной партіи такой голосъ перестало уже быть неожиданностью. Теперь говорящіе не причисляются кълику еретиковъ и бунтовщиковъ, ихъ не называютъ уже ни мракобъсами, ни ретроградами, ублюдками кръпостнической Руси. Теперь стало дозволительно о красотъ бесъдовать не однъмъ только "сентиментальнымъ барышнямъ", какъ это нъкогда предлагалось въ одной изъ блестящихъ статей одного изъ лучшихъ русскихъ критиковъ.

Это-разъ.

Во-вторыхъ, не одинъ только Ник. Бердяевъ говоритъ такъ, и не одни идеалисты, поскольку они выражены въ своихъ "Проблемахъ Идеализма".

Вотъ передо мной недавно вышедшая въ свътъ объемистая, въ сорокъ слишкомъ печатныхъ листовъ, книга,—"Очерки реалистиче-

скаго міровоззрънія" в).

Собранныя здъсь—въ одинъ томъ статьи, выпущенныя подъ одной общей обложкой,—онъ выходятъ какъ бы сомкнутымъ строемъ, чтобъ броситься въ дружной атакъ на полемическій бой съ тъми направленіями, выраженіемъ которыхъ явились "Проблемы".

Борьба въ "очеркахъ" ведется на нъсколько фронтовъ. Тутъ и оборона противъ гг. Пъшехонова ⁴) и Громана ⁵), нападки на Невъдомскаго⁶) и Бердяева ⁷), обходныя движенія

противъ Булгакова ⁸) и Туганъ-Барановскаго, и залпы по Южакову ⁹).

Намъ здъсь, однако, важно только одно: авторы статей сборника одинаково далеки отъ всъхъ этихъ лицъ, и не примыкая къ однимъ, совершенно также чужды и другимъ, и во всякомъ случаѣ, ни коимъ образомъ сопричислены къ кадру идеалистовъ быть не могутъ. И если "Проблемы" однимъ изъ краеугольныхъпринциповъ считаютъ не только свободу, но и провозглашение человъка и его личности — "самоцълью", а своей точкой зрѣнія считаютъ "синтезъ идеи богочеловъка и человъкобога", - то "Очерки" эту самоцъльную человъческую личность готовы также горячо отрицать.

По мнѣнію одного изъ наиболѣе яркихъ и наиболѣе горячихъ авторовъ, помѣстившагосявъ, Очеркахъ", формула "человѣкъ-самоцѣль" или не имѣетъ вовсе никакого слысла,

или только слѣдующій.

Никто не смъетъ оспаривать нравственнаго характера той цъли, которую автономно санкціонировало моральное сознаніе даннаго человъка; мало того, сталкиваясь съ даннымъчеловъкомъ въ практической дъятельности, я не имъю нравственнаго права поступать съ нимъ, какъ съ орудіемъ для достиженія моей, хотя бы и нравственной, цъли, я обязанъвидъть въ немъ "самоцъль", т. е. направлять мои поступки, поскольку

³⁾ Очерки реалистическаго міровоззрънія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукъ и жизни. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. ц. 2 р. 50 к.

⁴⁾ Н. Добролюбовъ "Что такое обломовщина".

⁵⁾ А. Пъщехоновъ—сотрудникъ "Русскаго Вогатства", одинъ изъ хорошихъ и послъдовательныхъ народниковъ. Ред.

⁶⁾ Г. Громанъ—марксисть. Рвчь въ данномъ случав идеть объ его полемической стать в противъ книги г. Маслова "Условія развитія сельскаго хозяйства въ "Сарат. Статья г. Громана напечатана въ "Сарат. Земс. Недълъ". Ред.

⁷⁾ Г. Невъдомскій—сторонникъ индивидуалистической точки арънія, горячій поклонникъ современныхъ молодыхъ теченій въ искусствъ и литературъ. См., напримъръ, его статью "О современномъ художествъ" (Міръ Божій. 1903. № 4). Ред.

8) Гг. Бердяевъ и Булгаковъ—представи-

⁸⁾ Гг. Бердяесь и Булгаковь—представители неондеализма. См. ихъ статьи въ "Проблемахъ Идеализма"; а у г. Булгакова книгу "Отъ марксизма къ идеализму",—о ней тоже въ слъдующемъ №-ръ. Въ "Очеркахъ" нападаютъ на г. Булгакова такъ же, какъ и на извъстнаго экономиста-марксиста г. Туганъ-Барановскаго за ихъ теорію рынковъ. Ред.

⁹⁾ Сотрудникъ "Рус. Бог.", народникъ, его статья "Вопр. экономич. развитія Россіи" и вызвала здёсь споръ г. Финна. Ред.

они его касаются, не къ тому, что я считаю нравственнымъ, а къ тому, что онъ признаетъ таковымъ...

"Автономная моральная личность, "человъкъ-самоцъль", — совершенно пустая, безсодержательная формула: ни какой практической максимы выжать изъ нея нельзя"...

Въ третьемъ мъстъ тоже: "Идея автономности "я" въ корнъ подрываетъ самые устои моральнаго сознанія". Еще дальше читаемъ: "Удивительная, въ самомъ дълъ, вещь. Изъ-за того, что въ цѣляхъ зоологической и нъкоторыхъ другихъ классификацій даннаго индивидуума и меня удобно обозначить однимъ терминомъ "человъкъ", изъ-за одного только этого, "человъкъ", какъ таковой, долженъ стать высшей задачей моей жизни " 10). и т. д. и т. д. и т. д.

Словомъ, разница огромная, различіе точекъ зрънія идеализма и реализма достигаетъ иногда діаметрально - противоположныхъ полюсовъ. Въ томъ и другомъ сборникъ мы имъемъ два различныхъ міросозерцанія, двъ совершенно непохожія между собой системы убъжденій. Тъмъ убъдительнъй, неоспоримъй и несомнъннъй для насъ станутъ пункты и вопросы, по поводу которыхъ двумъ враждебнымъ лагерямъ пришлось сговориться и придти къ согласію. Надо замътить при этомъ, что интересующій насъ здісь вопросъ-о новой эстетикъ-никакъ не можетъ быть отнесенъ къ категоріи нейтральныхъ, ибо одинаково близокъ онъ, и одинаково волнуетъ и съ одинаковой серіозностью обсуждается какъ тъми, такъ и другими. Вспомнимъ нашъ взглядъ на старое и новое въ искусствъ и посмотримъ, не согласны ли съ нами и сами "реалисты".

Вотъ какъ формулируетъ свою точку зрънія на "художественный

10) В. Базаровъ. Авторитарная метафизика и автономная личность. ("Очерки". См. стр. 257, 259, 264, 268, 269 и 908 стр.).

реализмъ" самый даровитый сотрудникъ "Очерковъ", г. Луначарскій: "Основой его является по преимуществу типичность и его значеніе, главнымъ образомъ, познавательное: онъ даетъ узнать окружающую дъйствительность, или пережитыя историческія эпохи. Если въ немъ нътъчертъ романтическаго отрицанія дъйствительности, то онъ характеризуетъ собой застой, самодовольство, свойственные такимъ принципіально ограниченнымъ классамъ, какъ практическая буржуазія" 11).

Будто сговорившись, и идеалистъ Бердяевъ, и реалистъ Луначарскій, почтивътъхъже словахъоба въодинъ голосъ утверждаютъ, что отжилъ реализмъ, взрощенный на каменистой и грубой, безплодной и гнію-

щей почвъ буржуазіи.

Эта солидарность для насъ здъсь въ высшей степени цѣнна, какъ подтвержденіе тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыми мы должны быть вооружены при разсмотрѣніи и опредъленіи главной и наиболѣе чистой струи современной русской литературы.

Искусству должно принадлежать такое же самостоятельное мъсто въ ряду остальныхъ соціальныхъ факторовъ, какъ экономическому, рели-

гіозному и всякому другому.

Не должно быть софизма: литература—только производное, только функція жизни, ибо сама она бываєть м'встомъ зарожденія новыхъ жизней и колыбелью новыхъ идей. И то, что въ реалистическихъ берегахъ, скованная, стъсненная и обмельвшая, она стала сърымъ протоколомъ жизни, который обстоятельно и подробно прочитывался, —одобрялся, или порицался въ критическомъ участкъ, не должно служить правиломъ и возводиться на степень закона

Искусство самостоятельно, само-

¹¹⁾ А. Луначарскій "Основы позитивной эстетики". ("Очерки". См. стр. 170 и даль-

довлъюще, независимо ни отъ жизни, ни отъ ея политическихъ формъ; Оно находитъ всецъло свое объясненіе въ личностяхъ его творцовъ, которые могутъ смотръть поверхъ и дальше въка, жить и вдохновляться мечтами отдаленнъйшихъ временъ, такъже, какъискать краски, образы, обороты и пріемы въ давнопрошедшихъ эпохахъ и давно угаснувшихъ цивилизаціяхъ.

Иные изъ нихъ могутъ явиться истолкователями мечтаній и чаяній своего народа, или своего вѣка, какъ могутъ быть и оставаться воплотителями вѣчнаго томленія человѣческаго духа, его вѣчныхъ алканій, исканій общечеловѣческаго непреходящаго характера. Все зависитъ только отъ природы самого художника.

И если романтизмъ есть стремленіе къ въчному, то лучшіе изъ творцовъ въ искусствъ необходимо дол-

жны быть романтиками.

Они должны звать, окрылять, зажигать мечту, будить силы и взоръ. Огненнымъ столбомъ идутъ они передъ толпами обыкновенныхъ людей, обыкновенно занятыхъ обыкновенными дълами. Съ гимнами буръ, съ призывами къ натиску должны они вести человъчество къ далекому идеалу, поддерживать въру въ великую собственную мощь въ бойцахъ, не допускать до унынія, предостерегать отъ постыднаго квіэтическаго покоя.

Великій романтическій вождь, ведущій къ освобожденію, воть что такое творецъ-художникъ.

Побъдный гимнъ силъ и славъ человъка—вотъ что такое искусство.

Чрезъ трагическія ужасающія бездны мукъ, зла и горя, чрезъ отвращеніе къ смерти и безмятежію, подыметъ великій художникъ будущаго толпы и народы и поведетъ ихъ въ великой и скрытой истинъ предвъчнаго идеала.

Всѣми силами, чего бы ни стоило, и какъ бы ни было трудно, нужно спасать искусство отъ вульгаризаціи, красоту отъ поруганія, творчество отъ тисковъ, форму—отъ рутины, содержаніе—отъ злободневности и темъ временныхъ.

Въчнымъ и свободнымъ должно быть искусство, ибо въ немъ одинъ изъ великихъ исходовъ: оно одно еще въ состояніи спасти отъ лъни и равнодушія, дать силы стать выше дъйствительности и не допустить до удовлетворенной реабилитаціи настоящаго.

Таящее въ себъ самомъ великую силу обновленія, никогда не изнемогающую мощь творчества, само раскрывая предъ собой безконечныя дали, и идя путями, которымъ нътъконца, нетеряющимися и незаростающимися,—искусство становится великимъ двигателемъ исторій, морали и философіи. Не заимствованнымъ оно свътить свътомъ, а само родить его и бросаетъ горящіе снопы, освъщая ближайшее, озаряя заповъдныя дали грядущаго...

II.

Большой натяжкой было бы назвать современную русскую литературу, въ лицѣ ея главныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣятелей — общеромантической. Несомнѣнно, ясно отражаетъ она тѣ боли, которыми болѣетъ ея время, его мечтанья, надежды, желанья и стремленья. По крайней мѣрѣ, можно сказать, что она является выразительницей идеаловърусской интеллигенціи, какъ она ихъ сознала въ своей лучшей части.

Таковы именно произведенія Леонида Андреева и Максима Горькаго.

Здѣсь, гдѣ рѣчь пойдетъ о нихъ 12), позволительно подробнѣй, или хотя бы точнѣй опредѣлить то романтическое вѣяніе, которое явно чувствуется въ ихъ произведеніяхъ; ко-

¹²⁾ По поводу только что выпущеннаго изданія "Знанія": "Сборникт. І. книга первая", гдъ напечатаны весьма знаменательные съ нашей точки зрънія: "Человъкъ" М. Горькаго и "Жизнь Василія дивейскаго" Л. Андреева.

торое въ значительной степени совпадаетъ у Горькаго съ воззрѣніями неоидеализма; у Андреева какъ бы оправдываетъ неоидеалистическое "внесеніе въ новую культуру струи трагической красоты",---у обоихъ вмъстъ представляетъ собой возвышенный романтизмъ und Drang'a, идя навстрѣчу героическимъ стремленіямъ въка и вдохновляя ими *возрождающуюся* человъческую личность. И въ этомъ отношеніи творчество и того, и другого становится дъломъ глубоко общественнымъ.

Въ тъхъ же самыхъ "Очеркахъ", гдъ пріютилась—временами кажется, что по простому недоразумъніюнадменная и легковъсная, хотя и обычно для ея автора претенціозная статья г. Шулятикова ів), обрушивающагося на современную литературу, въ томъ числъ на Андреева и Горькаго, —находимъ очень красивое, скоръе описательное, чъмъ точное, опредъление такого романтизма: "... Изображеніе стремящагося человъка, этой "стрълы, направленной къ другому берегу", этого "моста къ совершенству", со всей его внутренней раздвоенностью, порывами, муками творчества, плодотворнымъ смятеніемъ души, постигшей добро и зло, увидъвшей свътъ впереди и мракъ и грязь вокругъ; и затъмъ изображение этого мрака и этой грязи, чтобы заставить брата-человъка рвануться отъ нихъ къ свъту, могутъ быть названы романтизмомъ бури и натиска. Всъ эповозрожденія полны и такими людьми, и рисующими ихъ произведеніями" ¹⁴). ("Очерки". стр. 175).

13) В. Шулятиковъ. Возстановление разрушенной эстетики (о современныхъ идеалистическихъ теченіяхъ въ русской литературть). ("Очерки". Стр. 585—655) Къ этой статьъ намъ придется еще вернуться.

Эти состоянія человъческой души изображаются и Л. Андреевымъ, М. Горькимъ нерѣдко; для ихъ гетакія настроенія—характерны; для всей нашей эпохи такая общая окраска—типична. Самъ тер-"романтизмъ" какъ нельзя лучше обрисовываетъ направленіе ихъ творчества, и вся характеристика находитъ себъ достаточное оправданіе и въ самомъ времени, которое мы переживаемъ въ настоящую минуту. Время это во многомъ близко и родственно знаменитой эпохъ такъ называемаго Возрожденія: то же преобладаніе въ обществъ гордо поднявшаго голову индивидуализма, тотъ же высокій культъ человъческой личности. Тамъ-та же трудная, часто болъзненная, работа личности на пути къ полному самосознанію, присущая большинству гуманистовъ, которые отовсюду умъютъ выносить обостренное сознаніе "я", своего умственнаго и нравственнаго преуспъянія, своего благородства, не унаслъдованнаго, а пріобрътеннаго подвигомъ мысли. Идея личности находитъ и въ ту эпоху всеобщее признаніе, ибо она отвізчаетъ запросамъ времени. Гуманисты — ея идеологи; они пропагандируютъ ее въ своихъ произведеніяхъ; она подхватывается итальянской литературой и исподволь дълается неотъемлемымъ достояніемъ общества. Культъ личности-вотъ смыслъ и содержание гуманистическаго направленія.

У насъ теперь то же самое, или, по крайней мъръ, ръшительно нътъ существенно типичныхъ различій современности отъ этой далекой эпохи гуманизма и индивидуализма, навсегда усвоившей себъ прекрасно-торжественное имя "Возрожденія".

И если тамъ личность отряхнулась отъ среднъвъковаго сна и выросла, то есть и намъ отъ чего про-

солидарность всёхъ — въ правдё — справедливости.

¹⁴⁾ Здъсь еще разъ хочется обратить вниманіе читателя на ту благожелательную даже лиричность тона, съ которой "реалистъ" даеть опредъленіе романтическаго Sturm und Drang'a, не осуждая его вслъдъ за идеалистическимъ признаніемъ:

буждаться въ эти минуты, и у насъ была глубокая спячка, которую стряживаемъ мы теперь 15).

Вездъ тамъ, гдъ идетъ пробужденіе живыхъ общественныхъ силъ. когда послъ тяжкой холодной и мертвой зимы гремятъ проснувшія-Ся подземныя воды, наступаетъ царпоэтическаго обожествленія CTB0 силы и признаніе мечты.

Романтизмъ-поэзія молодости и ищущихъ выхода силъ. И въ этомъ смыслъ авторы "Челкаша", и "Темной дали"-романтики, какъ романтики они и въ своихъ пріемахътворчества, и въ выборъ красокъ, и въ томъ преобладаніи вымысла надъ фотографіей, которое одно даеть право на званіе художника и знаменуетъ истинное искусство.

"Человикъ" — такъ называется новая вещь М. Горькаго. Это знаме-

нательно.

"Все въ человъкъ, все для человъка", "человъкъ" — звучитъ гордо",--мы это уже слышали. Но это была только еще запъвка, къ тому же вложенная въ уста героя пьесы, за мысли и слова котораго авторъ можеть быть неотвътственъ. Теперь настоящая пъсня, цълый гимнъ величію и генію человъка:

"Въ часы усталости духа, — когда память оживляетъ тъни прошлаго, и отъ нихъ на сердце въетъ холодомъ, --- когда мысль, какъ безстрастное солнце осени, освъщаетъ грозный хаосъ настоящаго и зловъще кружится на одномъ мъстъ, безсильная подняться выше, летъть впередъ; въ тяжелые часы усталости духа, силою моего воображенія, я вызываю предъ собою величественный образъ Человъка!

"Человъкъ! Точно солнце рождается въ груди моей, и въяркомъсвътъ его, необъятный, какъ міръ, медленно шествуетъ-впередъ! и-выше! трагическій, прекрасный Чело-

въкъ!

"Я вижу его гордое чело и смълые, глубокіе глаза; а въ нихълучи безстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонію вселенной, той величавой силы, которая въ моменты утомленья-творитъ боговъ, въ эпохи бодрости--ихъ низвергаетъ.

"Затерянный среди пустынь вселенной, одинъ на маленькомъ кускъ земли, несущемся съ неуловимой быстротою куда-то въ глубь безмърнаго пространства, терзаемый мучительнымъ вопросомъ-, зачвмъ онъ существуетъ?" — онъ мужественно движется -- впередъ! и-- выше! по пути къ побъдамъ надъ всъми тайнами земли и неба. Идетъ онъ, орошая кровью сердца свой трудный, одинокій, гордый путь, и создаетъ изъ этой жгучей крови-поэзіи нетлізнные цвъты; тоскливый крикъ души своей мятежной онъ въ музыку искусно претворяетъ, изъ опыта---науки создаетъ и, каждымъ шагомъ украшая жизнь, какъ солнце землю щедрыми лучами, --- онъ движется все выше!--и впередъ! путеводной для земли"!..

Таково начало этого славословія человъческой личности, гимна въ своихъ частяхъ уже не новаго для читателей Горькаго.

Слышали мы его въ пьесъ "На днъ", въ монологъ Сатина; читали его нъсколько лътъ тому назадъ въ "Гордъевъ":

Я не знаю ни одной книжной истины, какая для меня была бы дороже человъка. Человъкъ есть вселенная, и да здравствуетъ во въки онъ, носящій въ себъ весь міръ". (IV, 351).

"Дороже человъка ничего нътъ, такъ и знай" (ibid. 284).

Говорить о формъ, о достоинствахъ "Человъка"-излишне: онъ, если не всъми прочтенъ сейчасъ уже, то всъми будетъ прочтенъ рано или поздно.

Но вотъ о чемъ необходимо сказать. Въ послъднее время, какъ-то особенно часто послъ появленія "На

¹⁵⁾ Объ этомъ сближеніи двухъ эпохъ подробнъй см. у А. Дживилегова. "Изъ исторіи индивидуализма". "Правда". 904, 2.

днъ приходится слышать о какомъто отказъ М. Горькаго отъ своего прежняго міросозерцанія, объ исповъданіи имъ новой въры, или, по крайней мъръ, объ его исканіяхъ Разговоръ, однимъ словомъ, идетъ о душевныхъ колебаніяхъ писателя, находящагося среди двухъ идеаловъ, на перепутьи двухъ дорогъ. Говорятъ, что со времени былого глашатайства романтическихъ образовъ "сверхчеловъка въ рубищъ", "много измънилось и въ образъ жизни, и въ условіяхъ творчества, и во взглядахъ писателя прежде (sic) пролетаріата ¹⁶).

По мнѣнію проницательнаго критика, Горькій разочаровался въ индивидуалистическихъ воззрѣніяхъ и готовъ перейти въ лагерь общественниковъ, какъ готовъ открыто исповѣдывать и свое новое христіанство. Но такъ какъ доказать что бы то ни было гораздо труднѣе, чѣмъ сказать или пророчествовать, то г. Жураковскій дальше разъясняетъ свое положеніе въ томъ смыслѣ, что, если этого и нѣтъ сейчасъ, то будетъ впослѣдствіи.

Что будетъ---намъ неизвъстно, но утверждать, что такой переломъ въ міросозерцаніи Горькаго уже произошелъ, значитъ абсолютно не понимать всей горьковской идеологіи. Слъдуетъ прежде всего замътить, что у художника мы можемъ только приблизительно намфчать идейныя въхи, только въ общихъ чертахъ обрисовывать его міровоззрівніе, характеризовать его идейныя симпатіи и антипатіи только въ ихъ главныхъ выраженіяхъ. Ни одна художественная дъятельность не даеть права формулировать въ подробностяхъ вст развтвляющіяся частности общей системы убъжденій даннаго автора. Но тотъ богъ, что живеть въ душъ всякаго творца, каждаго мыслящаго и страдающаго художника, богъ этотъ всегда ясенъ и опредъляемъ.

авторитарнаго мышленія, Врагъ гнъвный повстанецъ противъ авторитарныхъ формъ труда, страстный сторонникъ автономности личности, требовательный искатель независимости въ мысли и самостоятельно самобытныхъ дорогъжизни, любящій восторженнымъ чувствомъ человъка и скептически настроенный по отношенію къ угрюмымъ судьбамъ жалко бредущаго человъчества, осуждающій со всей глубиной протестантскаго гнъва его стадность, его мъщанство, безсиліе и покорность, чьими совокупными силами задавлены индивидуальность и великій духъ "человъкабога" въ его чистомъ и идеальном значени, - вотъ кто такой Горькій.

. . Человъкъ можетъ быть великъ и свободенъ, -- но отъ этого далеко еще до признанія, что онъ уже и великъ, и свободенъ. На каждомъ шагу жизнь и ея опыты показываютъ какъ разъ обратное, - не только цепи неволи, задушенность, робость, приниженность, но и мълочность, и дикость, и глупость, и грубость человъческую. Горькій и самъ не закрываетъ глазъ на все это. Знаетъ онъ, что всъ "мы засыпали наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замъчаемъ, какіе всъ мы стали деревянные, безчувственные, мертвые , что "ужасно мало на свътъ интересныхъ людей", что "счастливый человъкъ--всъмъ людямъ врагъ". что всв мельчають: — "раньше желвзный былъ народъ, а теперь резина".

Но и при всемъ томъ—идеальное значеніе и назначеніе человѣка—высоко, и если мелокъ и затертъ онъ, сейчасъ, приневоленъ и малъ,—ничего; — онъ долженъ быть великимъ и свободнымъ, долженъ быть. Жизнь зла, тупа и безпощадна, какъ все слѣпое, но именно поэтому—то ее и нужно побѣждать. Нужно вдо-

¹⁶⁾ Неграмотная фраза эта, какъ и вся цитата, принадлежитъ г. Жураковскому. См. его: "Симптомы литературной эволюции. М. 1903 ц 1 р. 25. Стр. 5.

жнуть въ людей силу ненависти и дать терпъніе и мощь въ борьбъ съ ней. Человъкъ долженъ върить въ себя и свое торжество, и чъмъ ниже, жалче онъ сейчасъ, тъмъ больше нуждается онъ въ томъ, чтобъ его окрылили и подвигнули на геройство и бой.

"Мнъ нуженъ учитель, потому что я человъкъ, я заплутался во мракъ жизни и ищу выхода, къ свъту, къ истинъ, красотъ, къ новой жизни",—говоритъ "читатель"—"укажи мнъ пути! Я человъкъ.—Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! Я хочу быть лучшимъ, чъмъ есть. Какъ это сдълать? Учи!"...

Такое требованіе со стороны читателя теперь-вполнъ естественно и вполнъ же законно. Онъ утомился прежней жизнью, ровной, какъ плоскость, сърой, какъ осень, тяжелой и темной, какъ ночь. И литературой этой сърой жизни онъ тоже утомился. Онъ пресыщенъ ею, она ему не дала ничего, кромъ вздоховъ безсилія и безпомощнаго пожатія плечъ, не исторгнула она у него ни слезъ, ни восторговъ, не разбудила ни энергіи, ни порывовъ, не зажгла его души ни ужасомъ, ни жаждой подвига. Восьмидесятые и почти цъликомъ 90-е годы прошли надъ русской жизнью и ея литературой больнымъ кошмаромъ, ничего не прибавивъ и многое отнявъ. политически — обществен-Всѣмъ нымъ укладомъ личность русскаго человъка была осуждена на забвеніе, на "стыдъ собственнаго существованія" (какъ выразился въ одной изъ своихъ статей - о русскомъ "самозванствъ" – Короленко), ее игпублици-Передовая норировали. стика и литература бросала человъку укоръ въ лъности и неподвижности и повелительно призывала на жертвы во имя общества и "пъгаго полубога". О ней самой — объ этой личности, — ръчи не заходило совсъмъ. Личность русскаго человъка затерялась, замерла, сошла съ

горизонта общихъ надеждъ и разговоровъ, стыдливо стушевалась. Собственныя свои силы она начала умалять сама. Къ великому и высокому, къ божественному и героическому она стала въ недовърчивыя отношенія обманутаго раба. Возникла проповъдь маленькихъ дълъ. Были воспъты незамътные герои, распространилась "Недъля".

И вотъ явился "суровый и любящій человъкъ съ пламеннымъ сердцемъ и великимъ, всеобъемлющимъ умомъ", -- во всякомъ случав очень смълымъ и сильнымъ умомъ-и затрубилъ возстаніе личности. И чеховскіе герои, съ усталыми душами и лънивыми головами (какъ у Иванова), то безцъльно жегшіе свои силы въ ненужныхъ метаніяхъ изъ стороны въ сторону (какъ Лихаревъ), то спускающіеся съ насиженныхъ буржуазныхъ насъстовъ въ пучину рабочей жизни (герой "Моей жизни"), пораженные, останавливаются предъ новыми звуками новыхъ пъсенъ молодой весны. Съ дерзко-справедливыми укорами, съ искренне-страшнымъ паоссомъ пропълъ пришедшій со дна истрепанной и несправедливой, голодной жизни писатель свою пъснь о вольнолюбивомъ Соколъ и бросилъ тяжкіе, но заслуженные укоры тъмъ, кто мнилъ себя, въ своемъ самодовольствъ, интеллигенціей. Будто окончательно разочаровавшись въ ея возрожденіи, бросился онъ кътолпамъи низамъи, выхвативъ оттуда, со дна, гордо-величавыхъ независимыхъ людей, показалъ ей, что "человъкъ-выше сытости". Въ сущности, Сатинъ выразилъ въ этихъ словахъ только то, что давно уже сказалъ самъ Горькій всѣмъ образомъ Челкаша.

И общество заслушалось страннаго Саванароллу, и одно только нашли сказать въ отвътный укоръ пристыженные, — они сказали: такихъ Челкашей, и Коноваловыхъ, и Сатиныхъ не бываетъ...

"Не бываетъ",—или "бываетъ", вотъ эстетика и ея мърка для робкихъ и безкрылыхъ душъ, никогда, даже въ мечтъ своей, не поднимавшихся выше того, что есть ихъ кургузая и закорсеченная дъйствительность! Литературу и искусство они хотъли бы потопить въ этой дъйствительности такъ, какъ утопаютъ въ ней сами! И такъ смълъ былъ взмахъ крыльевъ таланта, и такъ высокъ и стремителенъ былъ романтическій полетъ его творческой фантазіи, что теперь ужъ нътъ журнала, гдъ бы вы не встрътили это имя— "Горькій".

Но слава Горькаго и его вліяніе еще не въ зенитъ. Кульминаціонный пунктъ ихъ-впереди. Не все общество разбужено еще, не всъ умъютъ провидъть, не всъмъ даны дары предчувствія и предугаданія. Но кто умъетъ прозръвать дали будущаго, тому ясно все значеніе и весь велико - знаменательный смыслъ гимна "человъку". Въ этомъ просла-Горькій уже повторяется, но въ этомъ нужно повторяться еще и еще. Въка авторитарнаго мышленія и авторитарной, сплошь скованной жизни не проходятъ безслъдно.

Для будущихъ завоеваній человѣка нужно многое, но наипаче всего его вѣра въ себя и свое великое провиденціальное, почти божеское назначеніе на землѣ,—для жизни, для мысли, для всей исторіи...

Чрезъ произведенія Горькаго застой смѣняется Drang'омъ, затишье Sturm'омъ, унынье — ликованьемъ, сонъ — бодрой работой: стрѣлой, летящей къ лучшему берегу, къ счастью и волѣ становится человѣкъ, — изъ обывателя вырастаетъ въ героя...

Возрождается личность...

III.

"Когда человъкъ сидитъ неподвижно.—пишетъ въ одномъ мъстъ Леонидъ Андреевъ, — ему всегда кажется, что онъ можетъ летать, и только двинувшись въ путь, убъ-

ждается онъ въ медлительности доступнаго ему движенія".

Мечты легче жизни, эмоціи сладостнъй и удобнъй, чъмъ борьба за свои права, которыя приходится завоевывать. Культура дала огромную жажду, но не увеличила боевой силы ни интеллигенціи, ни трудящихся массъ. Она "улучшаетъ частичныя формы жизни, но въ цъломъ оставляетъ какой-то диссонансъ, какое-то пустое и темное мъсто, которое всъ чувствуютъ, но не умъютъ назвать".

Повышенныя требованія дала она и возвышенные идеалы воздвигла предъ человъчествомъ, но ни на волосъ не повысила силъ и средствъ для ихъ достиженія. Въ своемъ развитіи разобщила она людей изаперла души ихъвъкельи одиночества, отняла простую въру, усложнила ясную дътскую любовь дикаря и ничъмъ не возмъстила причиненныхъ убытковъ.

Здъсь ищите драмы интеллигентныхъ одиночекъ, здъсь разгадка трагическаго конца Сергъя Петровича, сумасшествія и преступленія доктора Керженцова, здѣсь ужасъ пошлости, въ тискахъ которой живутъ партнеры "Большаго шлема". капиталиста полезенъ, какъ родникъ для его богатства, для писателя, какъ ступенька къ памятнику, для ученаго, какъ величина. приближающая его къ познанію истины, для читателя, какъ объектъ для упражненій въ хорошихъ чувствахъ, -- вотъ полезность, которую нашелъ въ себъ Сергъй Петровичъ. И всю его душу охватилъ гнъвъ...

... — "Я не хочу быть нѣмымъ матеріаломъ для счастья другихъ: я самъ хочу быть счастливымъ, сильнымъ и свободнымъ и имѣю на это право, —выговаривалъ Сергѣй Петровичъ затаенную мысль, которая бродитъ во многихъ головахъ и много головъ дѣлаетъ несчастными, но выговаривается такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ".

День ото дня все неудобоносимъй, непосильнъй становится тягота жизни, и чъмъ выше и лучезарнъй мечта и идеалъ, тъмъ страшнъй и непобъдимъй кажутся цъпи дъйствительности.

"Разъ нельзя побъдить, нужно умереть", — говоритъ Л. Андреевъ.

Разкрываются трагическія бездны,

наступаетъ тріумфъ смерти.

Характерными чертами писательскаго отношенія къ жизни у Леонида Андреева слъдуетъ признать его несомнънную пессимистичность, хотя и бодрую, —и исканіе трагизма. Его художественное внимание всегда привлекается тъмъ, что прямо или косвенно сочетано съ смертью и гибелью. Ужасъ предъ безчувственной, нъмой и стихійной струей текущей, нервнонапряженной жизни нашей, загадочной и не знающей ни пощады, ни милости—вотъ Leit'motiv, красной нитью проходящій черезъ всъ произведенія нашего автора. Этотъ ужасъ и трагизмъ смерти тъмъ больше занимаютъ его воображеніе и владъють его мыслью, чъмъ неожиданнъй и случайнъй ихъ роковые приходы: ничего нътъ безсмысленнъй и жестче, а потому и драматичнъй, чъмъ гибель силы, споткнувшейся о мелочь, и ничего нътъ досаднъй и обиднъй, какъ та глубокая и злая иронія, по которой великое священнодъйствіе акта смерти должно происходить въ обстановкъ мизерной и пошлой. Тяжело смотръть на умершаго за картами человъка и грустно, что его маленькой мечтъ о большомъ шлемъ суждено сбыться, когда его самого уже не стало. Среди пошлой обстановки зеленаго стола, съъвшей всю душу этихъ четырехъ людей, умираетъ Николай Дмитріевичъ, имъя на рукахъ всъ шансы, чтобъ выиграть наконецъ большой шлемъ. Но вся загадка этой неожиданной, поражающей смерти разръшается для другихъ трехъ лишь вопросомъ:

— А гдъ же мы возьмемъ теперь четвертаго?

И ужасъ имъ внушаетъ не сама смерть.

"Одно соображеніе, ужасное въ своей простотъ, потрясло худенькое тъло Якова Ивановича, и заставило его вскочить съ кресла. Оглядываясь по сторонамъ, какъ будто мысль не сама пришла къ нему, а кто-то шепнулъ ее на ухо, Яковъ Ивановичъ громко сказалъ:

 Новъдьникогда онъ не узнаетъ, что въ прикупъ былъ тузъ, и что на рукахъ у него былъ върный большой шлемъ. Никогда! — И Якову Ивановичу показалось, что онъ до сихъ поръ не понималъ, что такое смерть. Но теперь онъ понялъ, и то, что онъ ясно увидълъ, было до такой степени безсмысленно, ужасно, непоправимо. Никогда не узнаетъ!" И Яковъ Ивановичъ разыгралъ за покойнаго Николая Дмитріевича большой шлемъ и взялъ всъ тринадцать взятокъ, затъмъ "высморкался, спряталъ платокъ въ карманъ наваченнаго сюртука и сказалъ, вопросительно поднимая брови надъ покраснъвшими глазами:

— А гдъ же мы возьмемъ теперь четвертаго?

Тяжело слѣдить за уступками, которыя дѣлаетъ здоровое тѣло сильнаго купца незримой смерти, и грустно слушать дѣтски-умилительныя рѣчи неунывающаго дьякона, поющаго наканунѣ прощанья съ жизнью гимнъ всепресвѣтлѣйшей Богородицѣ и вздыхающаго объ яблокѣ "бѣлый наливъ". О чемъ иномъ мечтать ему, скромному "объекту чужихъ упражненій" и кому еще могъ бы молиться онъ?

Кончая съ собой, умираетъ студентъ, — поклонникъ Ницше, — для котораго было закрыто все, что дълаетъ жизнь счастливою, или горькою, но глубоко человъческой! Религія и мораль, наука и искусство существовали не для него. Вмъсто горячей и дъятельной въры, — той, что двигаетъ горами, онъ ощущалъ въ себъ безобразный комокъ, въ которомъ привычка къ обязанности переплеталась съ дешевыми суевъріями. Онъ не былъ на-

столько смълъ, чтобы отрицать Бога, ни настолько силенъ, чтобы върить въ него; не было у него и нравственнаго чувства и связанныхъ съ нимъ иллюзій.

Умираетъ жизнь въ домъ священника, схоронившаго самоубійцу дочь.

Умираетъ мечта въ "Ангелочкъ". Гибнетъ чистое чувство идеальной любви, сгубленное грязью и животностью въ "Безднъ". Затъмъ гибель разума у Керженцева, знаменательное "замучили" въ "Туманъ", смерть великимъ упованіямъ на будущее и лучшій міръ въ "Стѣнъ". Словомъ, вездъ у Андреева—смерть и скорбь, ужасъ ненужности и страхъ безсилія, мощь стихійныхъ силъ и безпомощность разумныхъ, побъда зла и рабства и неволя чистаго и свътлаго начала.

Счастья нѣтъ на землѣ. Окутанная мракомъ, полная неизвѣстности, кишащая случайностями, какъ змѣями, жизнь — величайшая изъ міровыхъ трагедій. Онѣ вездѣ. Разница въ томъ, что однѣ протекаютъ, или разрѣшаются катастрофами видимыми, другія—невидимыми и скрытыми. Однѣ выражаются во внѣ слезами, стономъ, или смертью, другія—таятся и "молчатъ".

Человъкъ имъетъ право пытать въчность и къ ея молчанію приступать съ требованіями отвътовъ и отчетовъ. Онъ хочетъ и долженъ знать правду о будущемъ и истину о самомъ себъ. Его божественный духъ не можетъ удовлетвориться одними только процессами и сомнънія личности — сами по себъ уже трагедія. Но въчность безотвътна. Какъ могила, хоронитъ она въ себъ свою тайну и путей къ разгадкъ нътъ. Кругомъ-стъна, и что за этой стъной съ достовърностью, -- даже только приблизительной, --- не сказалъ никто. Конца ея, "гребня стъны не видно; она поднимается прямая и гладкая". Но знать надо, ибо нътъ безъ знанья ни жизни, ни счастья, даже покоя нътъ.

— "Попробуемъ перелъзть, — сказалъ мнъ прокаженный, и голосъ его былъ гнусавый и зловонный, такой же какъ у меня. И онъ подставилъ спину, а я сталъ на нее, но стъна была все такъ же высока. Какъ и небо, разсъкала она землю, лежала на ней какъ толстая змъя, спадала въ пропасть, поднималась на горы, а голову и хвостъ прятала за горизонтомъ.

— Ну, тогда сломаемъ ee!—пред-

ложилъ прокаженный.

Сломаемъ! — согласился я.

Мы ударились грудями о стъну, и она окрасилась кровью нашихъранъ, но осталась глухой и неподвижной. И мы впали въ отчаяніе.

— Убейте насъ! Убейте насъ! — стонали мы и ползли, но всѣ лица съ гадливостью отворачивались отъ насъ".

Прокаженные издъваются надъ другъ друга голодными, грызутъ танцующіе въ дикой пляскъ жизни и снова пробуютъ сломить высокую и кръпкую стъну. Но предъ "нами опять была стъна, а около нея двое сидъли на корточкахъ. Одинъ черезъ извъстные промежутки времени ударялъ о стъну лбомъ и падалъ, потерявъ сознаніе, а другой серьезно смотрълъ на него, и щупалъ рукой его голову, а потомъ ствну, и когда тотъ приходилъ въ сознаніе, говорилъ:

— Нужно еще; теперь немного

осталось.

— Это дураки,—сказалъ прокаженный, весело надувая щеки. — Это дураки. Они думають, что тамъ свътло. А тамъ тоже темно и тоже ползаютъ прокаженные и просятъ: убейте насъ".

Надежда на одно—въ умилостивительную жертву принести собственную свою кровь и жизнь: чего бы ни стоило лишь бы добраться до истины, узнать застънную жизнь.

И тогда я сталъ просить:

— "Пусть стоитъ она, но развъ каждый трупъ не есть ступень къ вершинъ? Насъ много и жизнь наша

тягостна. Устелемь трупами землю; на трупы набросимь новые трупы и такъ дойдемъ до вершины! И если останется только одинь,—
онъ увидить новый мірь!

И съ веселой надеждой оглянулся я—и однъ спины увидълъ, равно-

душныя, жирныя, усталыя...

— Братья! —просилъ я. Братья! Но голосъ мой былъ гнусавъ, и дыханіе смрадно, и никто не хотълъ слушать меня, прокаженнаго.

— Горе!.. Горе!.. " —

...И человъчество устилаетъ своими трупами землю, но ни на одну пядь земли не становится оно ближе къ истинъ. Но человъкъ растетъ. Чрезъ науку и мысль становится онъ все болъе и болъе чуткимъ, и сознательнъй дълается его личное "я". Это сознаніе приводить къ жаждъ освобожденія, къ стремленію стать внъ зависимости и власти земныхъ идоловъ и земныхъ темныхъ силъ. Судьбы не должно быть: есть и будетъ воля человъка и ея реализація. Творчеству его нельзя ставить ни границъ, ни препятствій. Мысли и душъ его да будутъ отверзты всъ глубины міра и открытъ просторъ полета до предъловъ самой въчности.

— Жизнь не будетъ имъть для меня никакого положительнаго значенія и никакой абсолютной цънности, —какъ бы говоритъ все время Андреевъ, —если знанію моему не дано видъть, что ожидаетъ человъка за гранями этой жизни.

Но предълы положены. И въ безрезультатныхъ попыткахъ побъдить ихъ, человъкъ сжигаетъ свою силу и, измученный, въ гнъвъ на себя, носитъ трагедію, какъ зарядъ, до перваго приближенія огня. Затъмъ слъдуетъ взрывъ, — и предъ нами убійца, самоубійца или сумасшествіе.

Трагическія бездны, открывающіяся предъ нами въ произведеніяхъ Андреева, не пріемъ и не средство произвести опредъленный эффектъ. Онъ стоятъ, какъ цъпь загадокъ, созданныхъ самимъ авторомъ, помимо, быть можетъ, собственной его воли.

Эти бездны рождены, отрыты и открыты великими сомивніями художника и оттого онв такъ красивы, правдивы и глубоки. Вопросы, которыми полны сочиненія автора "Мысли", суть вопросы жизни и смерти,—самые коренные вопросы всякаго міропониманія.

Не всъ ими болъютъ такъ интенсивно, какъ они этого заслуживаютъ, но важность и серьезность ихъ отъ этого не уменьщается.

Я думаю, что стихійно—все то, что не является актомъ личной сознательной воли того самаго человька, который становится его субъектомъ, стихіенъ всякій актъ, навязанный человьку, или его обязывающій. Поэтому стихійна загадка въчности, терзающая пытливый умъ; стихійна смерть, но такъ же, какъ рокъ, стихійно всякое незнаніе и, значитъ, вообще всякое безсиліе, всякая бользнь, всякая обида.

Нестихійны только акты собственной разумной воли.

Съ этой точки зрѣнія, вст трагедіи Андреева могуть быть опредълены, какъ гибель разума и личности отъ силь стихійнаго произволл; борьба съ нимъ невозможна безъ подготовки.

Подготовка же эта должна идти путемъ мысли и средствъ ея развитія, во-первыхъ. И, во-вторыхъ, путемъ поднятія цинности всякой человической жизни, т. е. путемъ наростанія въ массахъ чувства собственнаго достоинства и общаго самосознанія.

Въ этомъ огромное значеніе творчества Л. Андреева, психологически-общечеловтическое и широко-соціальное.

IV.

"Надъ всей жизнью Василія Өивейскаго тяготьль суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невъдомымь проклятіемь, онъ съюности несъ тяжелое *бремя печали*, *бользней и горя*, и никогда не заживали въ сердцѣ его кровоточащія раны". Грозное, но безсмысленное стихійное начало подкрадывается кънему не сразу. Будто дѣйствуя цѣлесообразно, и по заранѣе составленному плану, вначалѣ оно даетъ основанія для надеждъ, но тѣмъ жесточе будутъ муки ихъ похоронъ, и къ тяжелымъ фактамъ, самимъ по себѣ, прибавится боль обманутыхъ ожиданій и сознаніе безсилія даже самой вѣры.

Василій Священникомъ станетъ Өивейскій, судьба дозволитъ ему жениться на хорошей дъвушкъ и дастъ счастье сдълаться отцомъ двухъ дътей, -- дочери и сына. Чтобъ Василій Өивейскій почувствовалъ особенную остроту горя и мрака жизни, судьбъ нужно, чтобъ человъкъ освоился со своимъ счастьемъ и семь лътъ, торжественно и просто благославляя Бога, о. Василій проживетъ безмятежно и покойно. Но на седьмой годъ его благополучія развязался главный узелъ поповскаго счастья: "пошли деревенскіе ребята купаться и съ ними сынъ о. Василія, тоже Василій, и такой же, какъ онъ, черненькій и тихонькій. И утонулъ Василій".

На всю жизнь послѣ этого попадья почувствовала страхъ къ яркимъ солнечнымъ днямъ, одинъ изъ которыхъ укралъ у нея сына, и послѣ, "много времени спустя, когда Васю похоронили и трава выросла на его могилкѣ, попадья все еще твердила молитву всѣхъ несчастныхъ матерей: "Господи, возьми мою жизнь, но отдай мнѣ мое дитя!"

Всегда больной, страхъ и у попадьи вызрѣлъ въ недугъ: когда солнце поднималось къ зениту, попадья наглухо закрывала ставни въ своей комнатѣ и въ темнотѣ напивалась пьяная, въ каждой рюмкѣ черпая острую тоску и жгучее воспоминаніе о погибшемъ сынѣ.

Пораженный и выбитый изъ колеи благополучія, будто ръшившись на

въкъ замолкнуть объ этомъ, въ сознаніи непоправимости происшедшаго, къ кому было обратиться ему, тихонькому священнику? Въдалекомъ полъ, поднявъ глаза кънебу, произнесъ онъ громкія, отчетливыя слова:

— Я вѣрю.

"Безъ отзвука потерялся въ пустынъ неба и частыхъ колосьевъ этотъ молитвенный вопль, такъ безумно похожій на вызовъ. И точно кому-то возражая, кого-то страстно убъждая и предостерегая, онъ снова повторилъ:

— Я върю".

Тоскуя и виномъ лъча никогда незаживающую рану, попадья создала мечту свою: родить новагосына, и въ немъ воскреснетъ безвременно погибшій. И мечта стала фактомъ: она забеременъла, на свътъ явился мальчикъ, и имя ему дали Василій. Три года провели попъ и попадья въ страхъ, сомнъніяхъ и надеждѣ, и чрезъ три года стало ясно, что новый Вася—идіотъ. "Среди людей, ихъ дълъ и разговоровъ о. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимочуждъ всему, какъ если бы онъ не былъ человъкомъ, а только движущейся оболочкой его... И кто бы ни видълъ его, всякій спрашивалъ себя: о чемъ думаетъ этотъ человъкъ?-Такъ явственно была начертана глубокая дума на всъхъ его движеніяхъ". Теперь подолгу и помногу сталъ онъ думать "о Богъ, и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человъческой жизни", и впервые въ эти дни, однажды на исповъди, понялъ онъ то великое, что толькокажется всъмъ людямъ давно понятнымъ: что кромъ него есть на землъ другіе люди, подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,-своя судьба. То страшное и отвътственное и невыполнимое требованіе, что предписываетъ людямъ исповъдь, и что называется полной и искренней правдой, открыло священнику истину; сами не знаютъ

правды о своей жизни тѣ, которые говорять ему одну правду, какъ самому Богу,—хотя всѣ чувствовали её и всѣ ждали, но никто не умѣлъ назвать её человѣческимъ словомъ. И теперь и "умъ, и сердце его уже плавились на огнѣ непознаваемой правды, и новая жизнь входила въ старое тѣло".

Внимательнымъ-по особенному, какъ у всъхъ несчастныхъ и страдающихъ, -- взглядомъ сталъ всматриваться Василій въ окружающее и понялъ жестокую и очерствъвшую душу подростка-дочери и то, что за уродливой внѣшностью идіота жила иная душа, -- всезнающая и скорбная; и поразился, какъ шутовскинелъпо вяжется въ простыхъ сердцахъ его деревенскихъ исповъдниковъ "маленькій грѣхъ и большое страданіе, кръпкая стихійная воля къ такому же стихійному, могучему творчеству и прозябаніе гдф-то на границъ между жизнью и смертью". На всъ жалобы ихъ и на всъ слезы одно могъ отвътить Василій:

"Не смъй плакать… Его проси.

Ну, проси. Тебъ говорю".

"У каждаго страданій и горя было столько, что хватило бы на десятокъ человъческихъ жизней" — и отецъ Василій, когда-то искавшій правды, "теперь захлебывался ею, этой безпощадной правдой страданія, и въ мучительномъ сознаніи безсилія ему хотълось бъжать на край свъта, умереть, чтобы не видъть, не слышать, не знать".

Прошелъ постъ, на пятой недълъ, въ томъ же опьяненіи чуть не повъсилась попадья, но её спасли, и весь измученный и истерзанный непосильной ношей рясы, бъдъ и неудачъ, Василій ръшилъ снять съ себя санъ и уъхать, и такъ было это ново. что даже помолодъла попадья и три мъсяца отдыхала душа ихъ. Но и тутъ отдыхъ и покой послъ пережитыхъ страданій "неумолимый рокъ" далъ на время, и для того, чтобы поразить этихъ людей какъ громомъ, новой бъдой: въ кон-

цъ іюля, кагда самъ Василій возилъ съ работникомъ снопы, сгорълъ его домъ, а въ немъ попадья и во всю короткую лѣтнюю ночь оставался съ ней, умирающей, одинъ Василій. "Онъ плакалъ о ней, молодой и красивой", "о ней, безумной и жалкой" и жалълъ "ея тъло, необласканное и нъжное тъло". "И молился, безъ словъ, безъ мыслей молитвой своего смертнаго тъла въогнъ и смерти познавшаго неизъяснимую близость Бога": ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнъвъ и смълые крики возмущенной гордости человъка, - все было повергнуто во прахъ вмъстъ съ поверженнымъ тъломъ; и одинъ духъ, разорвавшій тъсныя оковы своего "я", жилъ таинственной жизнью созерцанія". И такъ сильна и глубока стала въра его, что еслибы подъ ногами его разверзлась земля— "онъ не повъритъ самому аду": онъ избранъ и въритъ въчудо. Въ тайны чуда и его разгадку "не смъла заглянуть его все еще человъческая, слишкомъ человъческая мысль. Тамъ была граница мысли". Ночами, въ глубокомъ молчащемъ безлюдьи, сталъ теперь молиться одинъ въ темной церкви отецъ Василій, и такимъ же одинокимъ былъ онъ дома: Настю отвезли въ городъ, около него своей странной жизнью жилъ только идіотъ и сливался съ ней по новому върующій священникъ, ждавшій чуда.

И случай скоро представился; подъ Троицу крестьянина задавила песчаная стъна, у которой онъ работалъ, и его отпъвали. И вдругъ "мощное чувство окрылило" Василія, "и дрогнулъ онъ, не видя, какъ слъпой, но прозръвая": "Это оно! Оно, могучее, все разръшающее чувство, повелъвающее надъ жизнью и смертью, приказывающее горамъ: сойдите съ мъста!—и сходятъ съ мъста старыя, сердитыя горы. "Радость! Радость"!

Свершилось то безумное и великое, чего съ такимъ ужасомъ жда-

ли всъ: Василій подошелъ къ гробу, остановился, поднялъ руку и торопливо сказалъ: "Тебъ говорю, встань".

Но чуда не было, только въ паникъ бросилась къ дверямъ и наружу толпа и, теряя послѣднюю надежду, какъ последнюю соломинку утопающій, въ гнъвъ трясъ Василій черный тяжелый гробъ и кричалъ: "Да говори же ты, проклятое мясо"! Рушилась послъдняя подпорка жизни, потухла въра и погасъ разумъ. "Съ дикимъ ревомъ онъ бъжитъ къ дверямъ", оттуда на улицу. "О. Василій упаль въ трехъ верстахъ отъ села, посрединъ широкой и торной дороги, "и въ своей позъ сохранилъ всю стремительность бъга"...

Такъ прошла "Жизнь Василія Өивейскаго".

Скажутъ тоже, что и о Горькомъ: "Не бываетъ такихъ священниковъ, да еще сельскихъ". Да, не бываетъ! Но развъ же важно, художественно и исполнено истиннаго духа творчества только то, что часто и всегда бываетъ? Пусть Андреевъ написалъ намъ въ "Жизни Өивейскаго" "настоящаго" попа,—что имъли бы мы? Лишній бытовой разсказъ, который былъ бы прочтенъ не безъ удовольствія, одинъ изъ тысячи маленькихъ варіантовъ на благодушную тему о тихой, улыбающйся и смъшноватой жизни.

Ничего больше. Ничего новаго. О достоинствахъ "Жизни" можно спорить. Легко найдутся такіе, которые укажутъ на громоздкость сюжета, на обиліе трагическихъ эпизодовъ, безъ которыхъ могла бы обойтись повъсть, но никто не можетъ отринуть ни грандіозности основного замысла, ни смълой попытки изобразить исканія духа, наростанія въры, жажду чуда, глубину разочарованія.

Незримо и неназванно въ "Жизни" все тотъ же главный герой, что и во всъхъ другихъ произведеніяхъ

Леонида Андреева. Имя ему—стихійное зло, безсмысленное, но могучее. Все та же незнаемая правда, къ которой такъ упорно и такъ тщетно стремятся люди, скрывается за каменной "стъной" и безмолвствуетъ. Къ единственной опоръ темной жизни, къ въръ, стремится человъкъ. но и къ ней пути проложены чрезъ муки и пытки, чрезъ горе и слезы, будто только измученные достойны почувствовать близость Бога!

Но въ исканіи правды есть одна особенно страшная сторона: отсутствіе знанія самихъ себя. Каждый знаетъ только того, который ъстъ, пьетъ, лжетъ, ссорится или мирится, спитъ и родитъ. Глубинъ духа, скрытыхъ силъ, размъры мощи, предълы пытанъя—все скрыто, ничто не дано, какъ въсъ и мъра.

Отсюда жажда чуда.

Пусть тайными путями, властью величайшихъ силъ, хотъніемъ Бога откроется во мнъ всемогущее и повелъвающее "я",—вотъ искренняя и самая интимная молитва каждаго изъ людей.

Вмъстъ съ ростомъ личности все распространеннъй и жарче будетъ етановиться она, ибо въ ней — моленіе объ освобожденіи, о независимости отъ чуждой стихійной воли. Пусть безмолвствують тайны въчности сейчасъ, но человъку должна быть дана власть надъ стихійнымъ началомъ жизни, надъ ея незаконнымъ произволомъ и одинъ онъ человъкъ, долженъ строить и создавать условія и рисунокъ собственнаго счастья.

Таковы глубоко, какъ золотая руда, скрытыя основныя идеи андреевскаго творчества. Въ нихъ онъ не одинокъ, какъ мы видъли выше, но тъ художественныя средства, которыми пользуется онъ, отведены ему, какъ индивидуально-принадлежащія ръдкотрагическому и многовдумчивому таланту ¹⁷).

¹⁷⁾ Объ эстетикъ Л. Андреева, его художественныхъ пріемахъ, какъ и о статьъ

Но "человъчество", какъ собирательное понятіе, ради котораго стоило бы умирать и терзаться, жертвовать и мучиться, перестаеть инте-

г. Шулятикова, рвчь впереди. Тамъ же и объ остальныхъ разсказахъ "Сборника, "Знанія": г. Шулятиковъ нападаетъ на всю молодую питературу. Вообще въ этой статъъ мнъ было важно намътить мои общія точки арънія, указать общее направленіе, общія черты моего отношенія къ искусству, къ новымъ течепіямъ современной литературы.

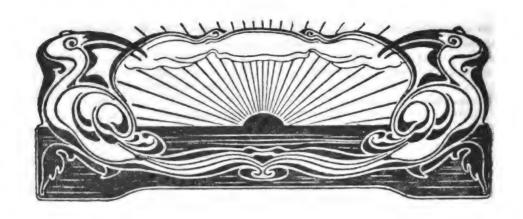
ресовать художественное творчество.

На первый планъ выдвинулась личность, и ея огромная тънь еще больше затемнила смутное, запутанное, общее и расплывчатое понятіе о человъчествъ вообще.

Такъ изъ волоса "на пѣгомъ челъ полубога" человѣкъ становится проблемой исторіи и жизнесмысломъ переживаемаго времени.

Л. Пильскій.

Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО *).

Предисловіе.

Извъстно, что преобразование Руси по типу западно-европейскихъ государствъ было, по преимуществу, дъломъ Петра I. Однако, самъ великій преобразователь Россіи сознавалъ, что онъ только продолжаетъ идти впередъ уже по намъченному пути, осуществляя предначертанія прежнихъ Государей.

Кто же были предшественники Петра?—является естественный во-Романовы стояли совершенно

извлечении А. Энквисть, представляеть собою послъднее произведение извъстнаго польскаго историка, только что появившееся за границей. По добросовъстности и полному безпристрастію проводимых взглядовъ, по основательности выводовъ это произведение Валишевского заслуживалъ самаго серьезнаго вниманія со стороны русской публики, интересующейся вопросомъ о происхождении современной Россіи". Ред.

же первымъ лучемъ разсвъта. Нътъ, для только что народившагося, восходящаго свътила этотъ ослъпислишкомъ Петръ зналъ и чувствовалъ, что безпросвътный мракъ, изъ котора-

сторонъ отъ всякаго соприкоснове-

нія съ Европой. А до нихъ было "смутное время", т. е. хаосъ, неуря-

мракъ. Между тъмъ, внезапно оза-

рившій Россію въ XVIII-мъ въкъ въ

лицъ Петра Великаго яркій, лучезарный свътъ не былъ зарей, или

анархія и безпросв'єтный

Очевидно, процессъ внутренняго и внъшняго роста и развитія Русскаго государства совершается не постепенно, а, такъ сказать, "лавинами".

Съ XVI-го и до XVIII-го столътія Россія жила внъ всякаго общенія съ Европой и европейской цивили-

тельный свѣтъ былъ ярокъ, слишкомъ силенъ! Мы знаемъ, что первые его могучій возсталъ былъ только мракъ временнаго за-*) Настоящій очеркъ, переданный въ тменія.

заціей и была ей совершенно чужда. Но ранъе этого ею была уже сдълана попытка стать въ нъкоторой степени на уровень европейскихъ государствъ и войти въ ихъ семью. Да, обширное полу-азіатское, "варварское", какъ говорили въ Европъ, государство Московское сблизиться съ своими Западными сосъдями, но тогда Польша и Швеція преградили ей дорогу и на то, чтобы устранить съ своего пути эту помъху, потребовалось цълое столътіе. Не будь Баторія, это сліяніе Россіи съ Европой совершилосьбы на сто лътъ раньше. Все то, что совершили Петръ Великій и Екатерина II, все это было задумано, предначертано и отчасти даже осуществлено въ пору того перваго разсвъта, вслъдъ за которымъ, увы! слишкомъ скоро настала долгая темная ночь!

Но кто же былъ тотъ, кто вызвалъ этотъ первый разсвътъ, кто всколыхнулъ эти сонныя воды?!-Это быль Ивань Грозный.

Между тъмъ самое это слово "Грозный" въ томъ смыслъ, какъ мы его привыкли понимать, противоръчитъ истинному значенію этого слова. Нъмцы долгое время затруднялись, какъ перевести это, укоренившееся за Иваномъ IV прозвище, "Der zhcreckliche". страшный, ужасный, или "Der graûsame" т. е. жестокій. Но и то, и другое одинаково не соотвътствуетъ настоящему смыслу и значенію слова "грозный". Никогда Московскіе люди его времени не считали его ни ужаснымъ, ни жестокимъ; они прозвали его "Грознымъ", но въ ихъ устахъ это слово имъло совершенно иной смыслъ.

Потвержденіе вышесказаннаго мы находимъ въ разъяснении самого Грознаго, встръчающемся въ его полемической перепискъ съ Баторіемъ. Послѣдній укоряетъ Ивана въ томъ, что тотъ постоянно появляется въ сопровожденіи рындъ, даже и передъ посланными короля,

на что Грозный отвъчалъ ему: "Это чинъ государскій да и "гроза", т. е. того требуетъ мой санъ Государя и то уваженіе, какое я долженъ внушать."

Изъ этого мы видимъ, что слово "гроза" въ устахъ старыхъ московскихъ людей означало "уваженіе". "Грозенъ Богъ, да и милостивъ", говорили они; значитъ, грозный и милостивый въ ихъ понятіяхъ не противоръчили другъ другу. Въ Домостров, въ той главв, гдв говорится объ обязанностяхъ главы семьи, сказано, что онъ долженъ быть "грозенъ", т. е. долженъ внушать къ себъ уважение и требовать отъ всъхъ уваженія къ себъ. И такъ, слово "грозный" означало внушающій уваженіе", "уважаемый" если хотите, "строгій", но отнюдь не ужасный и не жестокій.

Что же въ такомъ случав означаютъ всъ эти казни, пытки, эти груды замученныхъ тълъ, о которыхъ говорятъ всъ хроники того времени? - Это дъло особое. Укажите мнъ такую страницу въ исторіи XVI-го въка любой изъ странъ Европы, которая походила бы хоть сколько нибудь на идиллію! всюду-ли льется кровь, не всюду ли слышатся стоны и вопли? А между тъмъ представьте себъ ту громадную площадь, на которой приходилось создаваться и вырабатываться русскому народу, все это обширное пространство отъ Карпатовъ до Урала, отъ Бълаго моря до Чернаго; все это была земля, не сплоченная и цъльная, а разрозненная, съ трудомъ и насиліемъ собранная, но не сросшаяся еще, не слившаяся въ одно нераздъльное государство. Стоитъ только представить себъ это, чтобы понять, что не кротостью и увъщаніями можно было сплотить въ цълое эти десятки различныхъ народностей, часто даже враждебныхъ другъ другу, десятки племенъ, въ продолжение многихъ въковъ питавшихъ другъ къ другу чувство

розни. Вполнъ возможно, что задавэтой непомърно трудной, гигантской задачей, Иванъ IV-й проявлялъ иногда чрезмърную жестокость, вообще присущую, впрочемъ, нравамъ того времени, но преданіе или, върнъе легенда, а вслѣдъ за нею и историческая критика превратили прозвище "грозный въ синонимъ безпричинной, звърской жестокости, не имъющей никакого оправданія и доходящей въ своихъ проявленіяхъ до какогото дикаго неистовства.

И все это произошло оттого, что ложно понятое и истолкованное слово наложило свое клеймо на человъка.

Правда, съ именемъ Грознаго неразрывно связанъ цѣлый рядъ кровавыхъ воспоминаній, полныхъ ужаса, но не смотря на то, нельзя не видѣть въ его личности того

восходящаго свътила, которое мы называемъ "яснымъ краснымъ солнышкомъ". Пусть даже идеалъ, къ котораго которому стремился и достигъ Иванъ IV, не изъ привлекательныхъ въ исторіи человъчества, все же это своего рода идеалъ. Въ этомъ последнемъ Рюриковичей, царствовавшихъ Руси, такъ какъ царь Өеодоръ былъ только тънью монарха, — Кавелинъ призналъ центральную фигуру въ Исторіи своей страны, а вслъдъ за нимъ и другіе пытались обълить и реабилитировать личность Грознаго, создавъ ему смертный аповеозъ, причемъ эти попытки иногда приводили къ обратной крайности. Я же постараюсь изъ этихъ противоръчивыхъ взглядовъ извлечь и выяснить ту долю истины, которая, по искренному моему убъжденію, заключается въ нихъ.

ЧАСТЬ. І.

РОССІЯ ВЪ ХУІ ВЪКЪ.

І.—Древняя и Новая Русь.— Территорія.— Сословія.— Политическая и соціальная организація.—Происхожденіе самодержавія.—Крестьяне.—Рабы.—Горожане.—Церковь.

"Многокрылый орелъ со львиными когтями налетълъ на меня. Онъ похитилъ у меня три кедра Ливанскихъ: мою красоту, мои богатства и моихъ дътей. Наша земля опустошена, нашъ городъ раззоренъ, наши рынки и базары уничтожены. Братьевъ нашихъ увели туда, гдъникогда не жили ни наши отцы, ни наши дъды, ни наши предки"....

Такъ оплакиваетъ, устами одного изъ своихъ лътописцевъ, Псковъ, этотъ вольный городъ и республика, присоединенный въ 1510 г. къ царству Московскому, — свою утраченную независимость, свои права и привиллегіи и своихъ вольныхъ сыновъ, выселенныхъ на чужбину. Отецъ Ивана Грознаго, Василій Ивановичъ объявилъ, что "въчу

больше не быть , выселилъ сотни семействъ коренныхъ Псковитянъ; на мѣсто ихъ явились люди московскіе, и сталъ вольный Псковъ покорнымъ слугою Москвы. Такъ совершалось присоединеніе многихъ земель и городовъ къ Царству Московскому.

Въ то время изъ края съ край на всемъ Европейскомъ материкъ была пора великихъ объединеній и политическихъ формацій, сопровождавшихся повсюду тъми-же мучительными и тяжелыми явленіями. Но на Руси эта задача "собирателей земли русской" была особенно трудной, такъ какъ здъсь дъло шло не о присоединеніи отдъльныхъ провинцій, уже соединенныхъ между собой общностью интересовъ и традицій, — не

о сліяніи родственныхъ между собой и состоящихъ въ постоянныхъ тъсныхъ сношеніяхъ сосъдей, а о покореніи новыхъ самобытныхъ и обособленныхъ земель, часто враждебныхъ другъ другу. Кіевской Руси уже не существовало; изъ всего, что нъкогда составляло княжества Владимира и Ярослава, Московскіе государи не имъли ни одной пяди земли. Хотя они именовали себя великими князьями "всея Руси", но, въ сущности, титулъ этотъ былъ ничто иное, какъ пустой звукъ. Кіевская Русь входила теперь въ составъ польскихъ владъній; Могилевъ принадлежалъ Литвъ; Червонная Русь, Бълоруссія и Малороссія, —все это принадлежало сосъдямъ. Москва же являлась въ ту пору просто русской колоніей или поселеніемъ въ совершенно чужой странъ, въ странъ финновъ.

Между одиннадцатымъ и тринадцатымъ въками Кіевская Русь совершенно распалась вслъдствіе безконечныхъ междуусобныхъ войнъ сыновей и внуковъ Мономаха; затъмъ послъдовало татарское нашествіе и тяжелое татарское иго, а тамъ польсколитовское завоеваніе, такъ что отъ всего, нъкогда столь славнаго Великаго Княжества Кіевскаго не осталось ничего. И вотъ тогда-то одинъ изъ потомковъ Мономаха, князь Юрій Долгорукій, ставъ во главъ горсти предпріимчивыхъ и отважныхъ, какъ онъ, людей, отправился искать себъ новыхъ земель и угодій. Онъ подвигался все къ съверо-западу, покоряя по пути различныя финскія племена и, наконецъ, въ 1147 г. основалъ Москву. Но едва успълъ онъ основаться среди этой покоренной и завоеванной страны, какъ татарскій погромъ раззорилъ ея новый городъ, навязалъ ей свои законы и нравы и согнулъ гордую выю князей Московскихъ. Цълыхъ два въка тяготъло надъ, юной Москвой и всей землей русской это безобразное монгольское иго, и лишь въ концъ XV въка Московскіе князья, воспользовавшись постепеннымъ упадкомъ монгольской имперіи, почувствовали въсебъ достаточно силы, чтобы свергнуть это ненавистное иго. Околотого же времени они успъли присоединить къ Москвъ нъкоторыя другія русскія поселенія и кое-какіе остатки былой Руси. Такимъ образомъ создалось новое государство, и Москва стала центромъ его. Новгородъ, Тверь, Ростовъ и Ярославльвходили уже въ составъ этого государства, а Иванъ III, справедливо прозванный Великимъ, присоединилъ къ нимъ еще другія земли, отодвинувъ границы своего государства съверъ до Финляндіи, Бълагоморя и Ледовитаго Океана, на востокъ-до Урала. Сынъ его Василій Ивановичъ присоединилъ еще Рязань и Новгородъ Съверскій. Но все это, взятое вмъстъ, могло-ли назваться государствомъ, въ историческомъзначеніи этого слова? - Нътъ!

Хотя Иванъ IV, при своемъ восшествій на престолъ, унаслѣдовалъ отъ отца уже обширное царство, но послъднему не доставало ни политическаго, ни даже географическаго единства: вокругъ центральнаго ядра, Москвы, группировались земли, которыя нельзя было назвать даже провинціями; самыми важнъйшими изъ нихъ являлись позднъйшія завоеванія—Новгородъ и Псковъ, представлявшіе собою промышленные и торговые центры, которыми съ экономической точки зрънія существовало новое государство, хотя, съ утратой своей независимости, и Новгородъ, и Псковъ замътно начали утрачивать свое прежнее значеніе. Каково было тогда вести торговлю и поставлять товары съ Балтійскаго побережья внутрь страны и наоборотъ, видно уже изъ того, что на протяженіи 282,127 кв. верстъ насчитывалось всего четырнадцать городовъ, и то въ сущности были скорве небольшія крвпостцы, "острожки", какъ тогда называли ихъ. Въ пятинахъ-же Бѣжецкой и Олонецкой, на пространствъ 171,119 кв. верстъ не было ни одного города или

городка, а только села и поселки, въкоторыхъ бывали ярмарки и базары.

Вплоть до второй половины XVI столътія Новгородъ со своими 5,300 жилыхъ домовъ превосходилъ въ этомъ отношеніи всъ остальные города, исключая одну Москву; Псковъ насчитывали 3,100 лавокъ и складовъ въ оградъ города, не считая слободъ. Но здъсь и въ Новгородъ, и повсюду замъчается въ это время, благодаря Москвъ, быстрое исчезновеніе гражданскаго элемента, т. е. кореннаго населенія этихъ городовъ. Массовые захваты, конфискація, выселенія мъстныхъ жителей и наплывъ людей московскихъ въ короткое время совершенно измъпервоначальный характеръ страны вплоть до соціальныхъ условій ея. Дъло въ томъ, что всъ эти московскіе люди были здѣсь люди пришлые и люди ратные, такъ какъ Москва все еще сохранила первоначальный характеръ постояннаго военнаго лагеря въ чужеземной странъ, съ неустановившимися еще границами, которыя, насколько возможно, охранялись кръпостями. Смоленскъ, завоеванный въ 1514 г., остается номинально въ зависимости отъ Польши и Литвы, Великія Луки вскоръ переходятъ къ Баторію, побережье Бълаго моря и берега Онеги, Съверной Двины, вплоть до Урала. словомъ, Поморье охраняется монастырями, которые въ сущности скоръе стратегические пункты, чъмъ духовныя учрежденія.

Посреди этого кольца крѣпостей и укрѣпленій собственно сама Москва остается почти не укрѣпленнымъ городомъ, доступнымъ со всѣхъ сторонъ, и сохраняетъ видъ временнаго лагеря. Правда, у нея есть свой Кремль, съ зубчатою стѣной и башнями, но кромѣ государевыхъ палатъ, да палатъ нѣсколькихъ бояръ, кромѣ нѣсколькихъ церквей и монастырей, въ этой тѣсной оградѣ ничего не было. Самый городъ со своими деревянными домами, базарами, площадями, торговыми рядами

и Гостиннымъ дворомъраскидывался въ просторныхъ слободахъ и пригородахъ, гдъ пестръли воздъланныя поля, огороды и сады, рощи, монастыри и церкви, представляя собою не то городъ, не то деревню.

Москва была въту пору столицей царства Московскаго, въ которой новая, съверо-восточная Русь нашла себя второй Кіевъ. Кругомъ все было пустынно, только Владиміръ еще сохранялъ слѣды прежняго величія; остальные же города представляли груды жалкихъ развалинъ или превратились въ тъ же кръпости и острожки. Въ деревняхъ-же еще осталосьпривязанное късвоей землъ сельское населеніе, но города совершенно опустъли и обезлюдъли; всюду оставались только люди ратные, московскіе. Тверь, Ржевъ, Зубцовъ, Старица стали стратегическими пунктами. Серпуховъ, Кашира и Коломна служили той же цъли, а тамъ дальше начиналось уже "дикое поле".

Относительно цифры населенія этого государства Московскаго мы не имъемъ никакихъ, даже приблизительныхъ данныхъ: даже числа жителей самой Москвы нельзя опредълить съ достовърностью. Въ 1520 г. насчитывалось 41,500 жилыхъ домовъ, что позволяетъ предполагать населеніе въ 100,000 душъ, по меньшей мъръ, но шесть лътъ спустя наиболъе въроятною цифрой населенія является 30,000 душъ. Правда, за это время Москва испытала татарскій погромъ, раззорившій ее до тла.

Съ этнографической точки зрѣнія. 9/10 этой страны заключали въ себѣ лишь очень незначительную долю русскаго населенія; все это финны или татары, но политической розни почти не замѣчается; московская гегемонія подавила всякое сопротивленіе, и въ соціальномъ отношеніи различіе происхожденія ничѣмъ не проявлялось. Мало того, въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ не существовало даже опредѣленныхъ классовъ общества. Кромѣ того, въ отличіе отъ другихъ Европейскихъ госу-

дарствъ, тогдашняя Москва не имѣла ни феодальной организаціи, ни рыцарства, ни церкви, облеченной мірскою властью и пользующейся ею для борьбы противъ государевой власти, т. е., короче сказать, въ Московскомъ государствъ не было сословій. Конечно, и здѣсь были и богатые, и бъдные, и землепашцы, и торговцы, и горожане, и крестьяне, т. е. различные соціальные элементы, но эти элементы не представляли собою строго обособленныхъ классовъ.

Знать, бояре, представляли собою своего рода аристократію, но наряду съ ними, существовала еще другая высшая аристократія; то были потомки удѣльныхъ князей, частью Рюриковичи, частію Гедиминовичи, т. е. потомки Гедимина, перваго князя Литовскаго. Всѣ они сидѣли еще на своей землѣ, хотя и присоединенной къ Москвѣ, и считали себя вправѣ претендовать на извѣстныя права и привиллегіи, за которыя они крѣпко стояли.

Но стоитъ только заглянуть въ Судебникъ 1497 г., чтобы убъдиться, что въ немъ о всъхъ этихъ правахъ и преимуществахъ и помина нътъ. Выдъливъ духовенство, Судебникъ все остальное населеніе государства подраздълялъ на двъ строго опредъленныхъ категоріи: на людей "служилыхъ" и "неслужилыхъ", т. е., иначе говоря, передъ закономъ не существовало никакого историческаго прошлаго; новое государство властной рукой похерило все и, представляя собою въ сущности ничто иное, какъ рать собирателей земли Русской, видъло въ людяхъ только или ратниковъ или работниковъ, служащихъ для продовольствія ихъ. Ни въ чемъ не видно ни малъйшаго намека на извъстную общественную іерархію. Въ первой категоріи, т. е. въ числъ служилыхъ людей, наряду съ князьями и боярами, стояли простые ратники, кузнецы и т. п. Купцы, земледъльцы и люди всякихъ иныхъ профессій, составлявшіе "неслужилое сословіе",

также были равны между собой передъ закономъ и повинностями.

Люди служилые высшаго разряда пользовались извъстными преимуществами: они занимали высшія должности въ государствъ, владъли землей, показаніе ихъ на судъ имъло большую цъну, и за обиду они имъли право взыскать сосвоего обидчика втрое строже, чъмъ за обиду простого дъяка. Но и эта оцънка чести находилась въ зависимости отъ чина и званія и скоръе соотвътствовала занимаемому лицомъ положенію, чъмъ сословной іерархіи.

По сіе время еще вопросъ о происхожденіи слова "бояринъ" остается спорнымъ; одни производятъ его отъ слова "бой", другіе отъ "болій, "большій". Первоначально это наименованіе было присвоено "дружинникамъ князя", его боевымъ товаришамъ и соратникамъ, т. е. тъмъ, чъмъ были у Англо-Саксовъ "таны" ("Thanes"). Но только на Руси отношеніе дружины къ князю было совершенно независимое; когда самъ князь отправлялся добывать себъ княжество, дружина слъдовала за нимъ или же отказывалась за нимъ слъдовать, смотря по своему желанію. Никакихъ обязательствъ у нея не было. Князь могъ во всякое время распустить свою дружину, а та, съ своей стороны, могла во всякое время уйти отъ него, что она неръдко и дълала. Впослъдствіи, когда Русь распалась на множество удъловъ, бояре или дружина переходили отъ одного князя къ другому,--и это не считалось тогда изміной или чітмь либо постыднымъ; перешедшіе къ другому князю бояре сохраняли за собой свои вотчины, земли и даже передавали ихъ подъ начало своего новаго, свободно избраннаго князя.

Потому, когда Москва выяснила себъ свою историческую роль, она не преминула воспользоваться этимъ обычаемъ, какъ нельзя болъ благопріятнымъ для ея политики объединенія. Постепенно обезсиливая сосъднія государства, она укръпля-

лась на ихъ счетъ. Игра у нея была върная. Всъ льнули къ ней, и никто не помышлялъ покидать ее. Такимъ образомъ мало по малу, прибирая къ рукамъ осколки мелкихъ планетъ, которыя она поглощала одну за другой, Москва создала такой безформенный пластичный элементъ, который она, какъ мягкій воскъ, могла влить въ любыя формы.

Теперь у московскаго государя явились другіе близкіе люди; это уже не былы княжьи соратники, дълившіе со своимъ вождемъ опасности и побъды, а люди, побъжденные, оторванные отъ почвы или добровольно приставшіе къ нему, хотя онъ и не звалъ ихъ, люди, зависящіе только отъ его милости. Вся эта новая аристократія была безпочвенна; на западъ, при феодальномъ строъ, отношенія между вассаломъ и государемъ имъли противовъсъ въ отношеніяхъ вассала и его рабовъ, здѣсь же подобнаго противовъса совершенно не было, такъ какъ вольное земледъльческое населеніе доставляло крупнымъ владъльцамъ земель только рабочія руки, которыя тѣ съ большимъ трудомъ принуждены были оспаривать у вольной общины.

Изъ всего этого видно, что Москва должна была обладать великой внутренней силой, чтобы распорядиться по своему желанію всъми этими бродячими элементами и втиснуть ихъ въ извъстныя устойчивыя рамки.

Мнъ кажется, что наибольшее значеніе имълъ въ этомъ отношеніи военный духъ Московскаго государства; то обстоятельство, что Московскій князь долгое время былъ, собственно говоря, предводителемъ и, въ качествъ таковаго, полновластно распоряжался служилыми людьми-приучило людей московскихъ признавать его авториболѣе, что тѣмъ остальные соціальные элементы находились въ періодъ броженія и, не имъя опредъленной физіономіи, своимъ безсиліемъ усиливали власть Князя.

Какъ это ни странно, но даже самое вліяніе цивилизаціи, проникшей извнъ въ московское государство, благопріятствовало здѣсь развитію абсолютизма, давъ самовластью такое оружіе, котораго оно иначе не могло бы имѣть. Иванъ IV былъ человѣкъ великаго ума, поэтому-то изъ него и выработался такой опасный деспотъ; онъ сгибалъподъ своей желѣзной дланью не только спины, но и души людей; въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ послѣнего эти спины не могли разогнуться.

Когда Москва переманила свою сторону достаточное бояръ и дружинниковъ, и въ распоряженій оказалось больше, чтымы надо, служилыхъ и другихъ людей, то она поспъшила положить конецъ этой свободъ перехода бояръ отъ одного князя къ другому, котороюона въ свое время такъ хорошо воспользовалась. Впрочемъ, сосъди сами облегчили ей эту задачу, введя извъстныя стъсненія и ограниченія этой свободы. Но самый ръшительный въ этомъ отношеніи шагъ сдълалъ либеральный, демократическій Новгородъ, постановившій въ 1368 г., что каждый гражданинъ республики, покидающій ея территорію, лишается права на какую-либо собственность, имъвшуюся у него въ республикъ. Москвъ только оставалось послѣдовать этому примъру: Иванъ III издалъ указъ, согласно которому всякаго "служилаго", заподозрѣннаго намъреніи уйти, сажали въ тюрьму и выпускали только тогда, когда онъ не только отказывался отъ своихъ правъ, но еще обязался не пользоваться, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ еще сверхъ того представить поручителей. Иванъ же IV пошелъ еше дальше, учредивъ нъчто вродъ взаимной поруки противъ измѣны своихъ служилыхъ.

Несмотря на это, князья и бояре сохраняли еще за собою извъстную политическую и соціальную автоно-

мію, основанную на ихъ происхожденіи и владѣніи прежними удѣлами, вотчинами, землями, на которыхъ они являлись своего рода полновластными государями, что не совсъмъ-то нравилось Москвъ. Не долго думая, князь московскій поставилъ во главъ новой военной іерархіи не прямыхъ потомковъ Рюрика и Гедемина, природныхъ пэровъ, а своихъ дружинниковъ, хотя-бы предки ихъ были простые стремянные или конюхи. Отсутствіе всякой корпоративности или кастовой обособленности въ этомъ зародышъ новой аристократіи было большимъ удобствомъ для самовластья Московскаго государя.

Усиленная система конфискацій, введенная Московскимъ государемъ, предоставила въ его распоряженіе множество земель, которыя онъ раздавалъ своимъ служилымъ, но уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на какихъ ими владѣли ихъ прежніе владѣльцы. Это уже были не удѣлы и не вотчины, а просто "помѣстья", являвшіяся какъ бы оплатою за службу.

Они являлись пожизненными или наслъдственными, въ зависимости отъ того, былъ ли сынъ способенъ наслъдовать отцу въ его должности. Эти помъстья, также какъ и вотчины, были свободны отъ налоговъ, но влекли за собою обязательство

службы.

Какъ по образу жизни, такъ и по одеждъ, пищъ и всему домашнему обиходу, большинство служилыхъ людей почти ничъмъ не отличалось отъ простого народа. Жилища знатныхъ людей, или бояръ, занимавшихъ важныя должности, конечно, отличались болъе затъйливою архитектурой, строились выше простыхъ избъ, имъли множество флигелей и пристроекъ, узорчатые ставни, высокія крыльца, наружныя лъстницы, съ крытыми галлереями свътелками и т. д. Но все таки, даже между боярами и простолюдинами различіе въ образъ жизни было не велико, если не считать количества слугъ, которыми бояринъ считалъ нужнымъ окружать себя. Повара, пекаря, портные, садовники, огородники, конюха, псари, всякаго рода рабочій и мастеровой людъ составляли дворню боярина, кромътого у каждаго былъ еще ключникъ и застольники, сопровождавшіе повсюду своего покровителя, домоправитель, дълившіе его досуги и забавы, бражничавшіе ипировавшіе вмъсть съ нимъ.

Кромъ этого, между служилыми и не служилыми людьми не существовало никакого разграниченія; одинъ братъ могъ записаться въ служилые, другой-оставаться простымъ поселяниномъ. Въ высшемъ классъ также не существовало никакой солидарности, - и любой изъ представителей этой новой аристократіи, созданной волею государя, по его же капризу могъ минутно упасть съ высшихъ ступеней созданной имъ іерархической лъстницы на нижнюю или же изъ какихъ нибудь псарей быть возведенъ въ высшую должность. Даже Рюриковичи и Гедеминовичи, не имъвшіе ни какой связи съ этими новыми боярами, постоянно возвышающимися и вновь разжалованными, мало по малу, если не утратили своей родовой гордости, то перестали придавать цену своему положенію среди такихъ сотоварищей и дорожить почестями, котсрыя имъ приходилось раздѣлять съ ними.

Приблизительно та же эволюція замъчается и въ остальныхъ слояхъ населенія, особенно въ крестьянствъ.

Исторія русскаго крестьянства отнюдь не походить на исторію сельскаго населенія другихъ странъ. Когда въ 1861 г. былъ изданъ манифестъ объ уничтоженіи кръпостного права, то всъ считали его великимъ дъломъ справедливости и запоздалой политической необходимости; въ сущности же это былъ

скорве далеко не запоздалый, a ранній и поспъшный, великодушный и благородный порывъ. Я говорю "ранній и поспъшный" потому, что то положение вещей, которому этотъ манифестъ положилъ конецъ, существовало въ Россіи всего только два съ половиною въка. Въ противоположность тому, что было во всъхъ другихъ странахъ Европы, здъсь кръпостное право являлось отнюдь не тяжелымъ наслъдіемъ варварскихъ временъ, а вновь народившимся явленіемъ, совпавшимъ съ вступленіемъ страны на путь прогресса и Европейской цивилизаціи, какъ это ни странно.

Вплоть до конца XVI-го ст. сельское населеніе государства московскаго было вольнымъ; самое соціальное положеніе этого класса населенія даже нъсколько улучшилось противъ прежняго. Раньше они носили обидное название "смердовъ", теперь-же стали называться "крестьянами" отъ слова "христіане", безъ различія состоянія или рода занятій; независимо отъ того, жили-ли они въ селахъ или городахъ, всъ простолюдины назывались крестьянами. Всв они были вольны располагать своею личностью своимъ трудомъ, по своему усмотрънію, лишь-бы исправно платили свои налоги государству или той общинъ, къ которой принадлежали. Земли въ то время были "бълыя", или освобожденныя отъ налога, и "черныя", обложенныя извъстнымъ налогомъ; первыя были земли вотчинныя или помъстья, послъднія крестьянскія или государственныя. Церковныя же земли, приписанныя къ церквамъ и монастырямъ, были освобождены отъ налоговъ, но благопріобрътенныя ими облагались налогомъ, Крестьяне, не имъвшіе своей земли, снимали ее у другихъ на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, обыкновенно довольно выгодныхъ для нанимателя. Сверхъ платы установился обычай подносить владъльцу на Рождество, Пасху и другіе большіе праздники дары, которые тогда назывались "барщиной", или же "боярским в дъломъ".

Плата за наемъ земли не всегда производилась деньгами: во многихъ случаяхъ наниматель предпочиталъ отработать хозяину за землю, обязуясь вспахать и сжать вмъсто платы, одну или полторы десятины хозяйской земли. Уплативъ должное хозяину, т. е. владъльцу земли, крестьянинъ во всякое время былъ воленъ уйти, куда ему угодно.

Привычка къ передвиженію мъста на мъста, присущая вообще русскому пароду, дълала эти постоянныя переселенія или переходы крестьянъ съ земли одного владъльна землю другого- довольно частыми. Владълецъ же съ своей стороны былъ воленъ, по истеченіи условнаго срока, отказать крестьянину, и такъ какъ иногда случалось, что владълецъ прекращалъ обязательство во время жатвы уборки то Иванъ III, въ огражденіе правъ той и другой стороны, установилъ двухнедъльный срокъ, послъ Юрьева дня, 24-го ноября, для всякихъ Такимъ поземельныхъ сдълокъ. образомъ переходы съ одной земли на другую и отъ одного владъльца къ другому были теперь разръщены только въ это время года, т. е. по окончаніи всъхъ полевыхъ работъ.

Такъ какъ рабочія руки были рѣдки, то помѣщики и землевла-дѣльцы не только сманивали другъ у друга крестьянъ, но даже силою увозили ихъ съ чужой земли на свою, что называлось "свозомъ" Несмотря на то, работа давала не много, и крестьяне были бѣдны, но вольны и по правамъ своимъ равны съ боярами, купцами и духовенствомъ, и передъ судомъ, и передъ закономъ.

Кромъ того, они пользовались своего рода административной автономіей въ своихъ сельскихъ или городскихъ общинахъ. При этомъ слъдуетъ замътить, что не всъ

крестьяне занимались хлѣбопашествомъ; этимъ объясняется, что въ древнихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ наименованіе "пахотные крестьяне" и "деревенскіе". Деревенскими крестьянами назывались тѣ, которые занимались какимъ либо ремесломъ, но они не имѣли особой корпоративной организаціи и не назывались ремесленниками, а считались такими же крестьянами, какъ и хлѣбопашцы.

Съ другой стороны, въ городахъ жило также не мало хлѣбопашцевъ, такъ какъ въ каждомъ городѣ между площадями и домами встрѣчались пахотныя поля. Въ селахъ же встрѣчалось не мало "бобылей", т. е. безземельныхъ крестьянъ, которые тоже иногда занимались земледѣліемъ, но по найму, чаще-же занимались какимъ нибудь ремесломъ или же бродяжничали, побирались или разбойничали.

Ничего, однако, не заставляло этихъ "бобылей" оставаться "бобылями",-и каждый изъ нихъ могъ, если хотълъ, стать "тяглымъ", т. е. крестьяниномъ, податнымъ какъ только находилъ возможность выбиться изъ нищеты или, приписавшись къ селу или общинъ, заняться ремесломъ и "състь на тягло", т. е. уплачивать обычный крестьянскій налогъ. На монастырскихъ земляхъ всего меньше бывало бобылей, въ селахъ же ихъ насчитывалось мъстами до 40%, особенно-же увеличилось ихъ число послъ смерти Грознаго, въ эпоху смутнаго вретолько когда монастыри имъли въ своемъ распоряжени достаточное число рабочихъ рукъ, благодаря тому, что ухитрились поселять этихъ бобылей на своихъ земляхъ, но и эти пригрътые или бобыли оставались вольными, а не кръпостными.

Откуда же взялись на Руси крѣпостные, откуда взялось это "рабство", удержавщееся у насъ тогда, когда повсюду въ Европѣ о немъ успѣли даже забыть?

Рабы, или "подневольные", были у насъ еще и въ XVI в. и даже раньше, но въ такомъ незначительномъ числъ, что среди вольнаго населенія страны были едва замътны, представляя собою исключительное явленіе. Такъ, напр., военно-плънные уводились въ рабство, или въ неволю, кромъ того, бракъ съ рабомъ дълалъ вольную дъвушку рабыней; родившійся отъ раба и рабыни рождался рабомъ; несостоятельность должника, и извъстныя, считавшіяся унизительными домашнія обязанности также превращали человъка въ раба, а также и добровольное отреченіе отъ свободы. Вплоть до XVII-го въка несостоятельный должникъ становился рабомъ кредитора до тъхъ поръ, пока уплатитъ ему всего своего долга.

Въ XVI-мъ въкъ появился новый видъ рабства, такъ назыв. "кабала". Первоначально это было иное, какъ обязательство должника уплатить заимодавцу не деньгами, а отработать свой долгъ, причемъ, разсчитававшись съ нимъ, снова становился свободнымъ или вольнымъ. Но такой кабальный почти никогда не бывалъ въ состояніи раздізлаться со своимъ долгомъ, а такъ и оставался кабальнымъ на всю жизнь.

Въ началѣ XVI-го в. было четыре вида рабовъ: полные, исконные, кабальные и докладные, ставшіе рабами вслъдствіе "доклада", добровольнаго взаимнаго условія. Иванъ IV, какъ мудрый законодатель, озаботился ограничить права надъ рабами и обусловилъ самое принятіе въ рабы столь стъснительными мърами, что можно было ожидать въ близкомъ будущемъ совершеннаго уничтоженія унизительнаго для человъческаго достоинства положенія рабства.

И это чуть не наканунѣ того момента, когда цѣлый народъ былъ разомъ обращенъ въ рабовъ! Какъ же могло это случиться?

Кавелинъ объясняетъ этотъ фактъ

естественной, логической необходимостью, вытекающей изъ самой организаціи страны, организаціи, основанной на принципъ домашняго авторитета. Онъ утверждаетъ, что въ Россіи кръпостное право являлось скоръе благодъяніемъ, чъмъ насиліемъ, такъ какъ было какъ бы своего рода опекой, основанной не на силъ опекуна, а вытекающей изъ слабости и безсилія опекаемаго, который самъ по себъ принужденъ былъ искать покровительства опеки и руководителя, безъ которыхъ не могъ обойтись.

Но, судя по историческимъ данистинное положеніе дъла предоставляется нъсколько инымъ. Уже начиная съ XVI-го въка, замъчается съ одной стороны быстрое исчезновение крестьянъ-собственниковъ и вообще общее объднъніе всъхъ крестьянъ. Вслъдствіе этого множество людей хлъбопашцевъ или рабочаго люда, не имъя возможности прокормить себя, добровольно отказывались отъ свободы и шли въ кабалу; точно также арендаторы, арендовавшіе землю у помъщиковъ, у монастырей или казенную, не имъя возможности уплатить въ срокъ, лишались возможности уйти съ этихъ земель и, такъ сказать, насильственно прикръплялись къ ней за неплатежъ, или же у нихъотнимали эту землю, кормившую ихъ, лишали ихъ пропитанія дълая тъхъ и другихъ подневольными, кабальными или докладны-

Такимъ образомъ въ концѣ XVI-го хотя крестьяне и все населеніе страны считалось вольнымъ, на дѣлѣ оставалось лишь небольшое число наиболѣе состоятельныхъ людей дѣйствительно вольными.

Причиной этого всеобщаго объдненія земледъльческаго населенія страны были войны. Москва постоянно содержала большое войско, стоившее ей громадныхъ денегъ, а единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ являлась

земля. Землю раздавали служилымъ людямъ, вмъсто платы за службу, и съ нихъ же брали громадную поземельную подать для оплаты расходовъ по вооруженію войска и на иныя государственныя нужды, а помъщики въ свою очередь приналегали на своихъ арендаторовъ и крестьянъ.

Съ давнихъ временъ земля никогда не считалась здъсь чьей либо неотъемлемой собственностью, даже вотчинная земля всегда считалась государственной прежде всего становиться частною хотя могла собственностью, но лишь на извъстныхъ условіяхъ, такъ что, сколько крестьяне, заселявшіе земли владъльцевъ, зависъли отъ нихъ, настолько владъльцы были въ кахъ государя. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ жить становилось труднъе и труднъе, служилые люди и крестьяне, которымъ не въ моготу было терпъть, стали искать спасенія въ "бъгахъ", т. е. бъжали въ сосъднюю Литву или Польшу.

Такимъ образомъ въ первой половинъ XVI-го ст. это выселеніе земледъльческаго населенія принимать настолько общій характеръ, что грозило серьезной гибелью государству; сотни десятинъ земли лежали заброшенными, цълыя села пустовали. Тогда государство, теряя главный источникъ своихъ доходовъ, спохватилось и приняло цълый рядъ административныхъ и юридическихъ мъръ, чтобы положить конецъ этому переселенію. Прикръпивъ оброчныхъ крестьянъ на "черныхъ земляхъ", принадлежащихъ казнъ, къ "тяглу", хотя съ предоставленіемъ имъ права переходить съ одного тягла на другое такое-же или высшее; прикръпили, и къ "бълымъ землямъ", принадлежащимъ служилымъ людямъ, давъ помъщику право удерживать у себя насильно крестьянина и даже возвращать его на прежнее мъсто, если тотъ бъжалъ, такъ какъ, уходя съ своей земли, крестьяне раззоряли пом'вщика, а раззоренному пом'вщику неч'вмъ было платить государству. Такимъ образомъ мало по малу подготовлялось "кр'впостное право". А отъ крестьянъ нич'вмъ не отличалось и городское населеніе, если не приналежало къ служилому сословію и духовенству.

На западъ городское населеніе, образовавъ особую сплоченную корпорацію, стало достаточно сильно, чтобы противостоять феодализму и создало себъ родъ общинной автономіи; въ Россіи же не существовало сословія купеческаго, хотя и были купцы и гости, которые при случав занимались и другимъ дъломъ, точно также и люди служилые и крестьяне при случать занимались торговлей. Самые города тоже не представляли собою торговыхъ и промышленныхъ центровъ, какъ это было на западъ: это скоръе были укръпленныя мъста, воздвигнутыя на случай нападенія врага; самое слово "городъ" происходитъ отъ ограды, огороженнаго мъста. Въ Москвъ торговая и промышленная жизнь сосредоточивалась не въ стѣнахъ города, а въ посадахъ и слабодахъ, гдъ торговый людъ сливался съ хлъбопашцами, портными, кузнецами и др. слободскимъ населеніемъ.

Послъ же паденія Новгорода и Пскова торговые люди лишились окончательно послъдняго убъжища, гдъ они могли бы сплотиться и образовать независимое сословіе.

Оставалась только церковь. Она, безъ сомнънія, представляла собою силу, съ которой приходилось считаться Московскому самодержавію, уже потому, что она была единственною носительницей просвъщенія и имъла власть "разръшать и вязать"; и въ эпархіяхъ церковь являлась полновластной госпожей и управляла безконтрольно. Все это, конечно, имъло громадное значеніе, но вмъсто того, чтобы противопоставлять свою власть власти Государственной, какъ мы видимъ это на западъ, здъсь

власть церкви мало по малу сливалась съ властью государя. Между тъмъ у Церкви было все, чтобы отстоять свою самостоятельность, такъ какъ права Церкви были равны съ правами самого Государя, при томъ рукахъ сосредоточивались большія богатства; церкви и монастыри, митрополитъ и архіепископы пользовались громадными доходами; приходское же духовенство не могло похвастать такимъ сытымъ житьемъ. Земли у нихъ было не много, а руга, т. е. добавочное пособіе, получаемое приходскимъ духовенствомъ, была также не велика, съ прихожанъ доходъ былъ не великъ, такъ какъ вся прибыль выпадала на долю чернаго духовенства.

Отъ одного Ивана IV-го Троице-Сергіевскій Монастырь менѣе, чѣмъ въ тридцать лѣтъ получилъ около милліона рублей; Кирилло-Бѣлозерскій монастырь за это же время 18,493 руб., не считая даровъ и подношеній натурой, напр., 100 пудовъ меду, десять отборныхъ лошадей, иконы, драгоцѣнныя ризы, въ томъ числѣ церковныя одежды, оцѣнен-

ныя въ 6,000 руб. Владъя громадными землями и имъя право пріобрътать новыя, монастыри, благодаря всякаго рода льготамъ, которыми пользовались крестьяне на ихъ землъ, никогда не имъли недостатка въ рабочихъ рукахъ, и земля ихъ приносила втрое больше, чъмъ остальныя земли въ рукахъ частныхъ владъльцевъ или даже казенныя. Наряду съ земледъліемъ, монастыри мало по малу захватили въ свои руки и всякіе другіе промыслы и производства; такъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивались самые крупные капиталы, которые они умъло пускали въ оборотъ. Въ концъ XVI-го в. Троице-Сергіевскій Монастырь имълъ 106,600 душъ крестьянъ и до 100,000 руб. годового дохода, -- что на наши деньги составляетъ 2.400,000 руб. Такого рода громадныя богатства отнюдь не соотвътствовали общему уровню благосостоянія страны, тъмъ не менъе нельзя утверждать, что духовенство какъ черное, такъ и бълое, пользовалось своимъ достаткомъ и нравственнымъ вліяніемъ только для своихъ выгодъ. Здъсь только, т. е. у духовенства, народъ находилъ себъ всегда и нравственную, и матеріальную поддержку; оно одно было единственнымъ источникомъ просвъщенія, и власть Митрополита и высшаго духовенства долгое время служила противовъсомъ самовластью Московскихъ Государей. Это самое духовенство было, можно сказать, первымъ и усерднымъ создателемъ національнаго объединенія.

У первыхъ "собирателей земли русской объединение являлось смутной, почти безсознательной мыслью, они руководствовались совершенно иными побужденіями: пріобрътая селеніе за селеніемъ, скупая и отбирая земли, скопляя въ сундукахъ своихъ богатства: золото, серебро и драгоцънные камни, обманывая своего татарскаго властелина, обсчитывая его данью, грабя и раззоряя своихъ царственныхъ собратьевъ, они мечтали только о томъ, что когда нибудь придетъ время, "когда Богъ избавитъ насъ отъ власти Орды". Въ этой завътной мечтъ слышится прежде всего желаніе свободы, возможности не гнуть спины передъ татарскимъ ханомъ, желаніе выйти изъ этого унизительнаго состоянія. Но все это лишь для того, чтобы захватить еще лишній клокъ земли, чтобы набить еще одинъ сундукъ золотомъ и камнями, -- вотъ и все. Но затъмъ мысль о народномъ единствъ мало по малу начинаетъ проникать въ ихъ умы.

Но еще задолго до того, когда Московскому Государю пришло на умъ сдълаться представителемъ объединенной Руси, митрополитъ Московскій былъ уже ея духовнымъ представителемъ. Весь славянскій Востокъ представлялъ собою одну обширную эпархію, во главъ кото-

рой стоялъ митрополитъ, поставленный патріархомъ Константинопольскимъ. Долгое время митрополичій престолъ не имълъ опредъленнаго центра и пребываль то въ Кіевъ, то въ одномъ изъ другихъ стольныхъ городовъ. Но вотъ митрополитъ Петръ, современникъ Калиты, присвоилъ себъ титулъ "Митрополита всея Руси", и тогда среди Князей, оспаривавшихъ другъ у друга право первенства, князей Московскаго, Рязанскаго Суздальскаго и Тверскаго, завязалось соревнованіе сманить къ себъ митрополита тъмъ самымъ утвердить за собой первенствующую роль въ государствъ. Сначала это удалось Михаилу Ярославичу Тверскому, который также сталъ первый именоваться Великимъ Княземъ Всея Руси, вскоръ Калита восторжествовалъ, и съ того времени было положено основаніе Московской гегемоніи, полтораста лътъ до Ивана III-го.

Монастыри, такъ сказать, прокладывали дорогу завоеваніямъ Московскихъ Государей, служили для нихъ стратегическими пунктами и вообще являлись важными факторами народной жизни. Въ годовые праздники подъ стънами, а иногда даже въ самой оградъ монастыря бывали ярмарки, на которыхъ шла оживленная торговля, такъ сюда стекались сотни людей со всъхъ окрестныхъ мъстъ, какъ для молитвы, такъ и для дъла: у монаховъ можно было получать ссуду изъ монастырскихъ капиталовъ, кновенно за 100 годовыхъ. Но эти монастырскіе капиталы являлись вмъстъ съ тъмъ какъ бы общественнымъ достояніемъ въ тяжелыя дины народныхъ бъдствій, обычное время монастырь никогда никому не отказывалъ въ кровъ и пріють, правда, временномъ, въ работъ и помощи нуждающимся. Даже князья и бояре пользовались монастырскимъ гостепріимствомъ и запасались здъсь благословеніемъ и всякими припасами на дорогу. Бъд-

нота же смотрѣла на монастырь, какъ на свое законное убѣжище въ голодный годъ. Волоколамскій монастырь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно раздавалъ хлѣбъ и кормилъ отъ 400 до 500 человѣкъ, а въ одинъ праздничный день роздалъ хлѣба 7,000 душъ.

При царѣ Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго, игуменъ Іосифъ продалъ весь скотъ и даже одежду монастырской братіи, чтобы прокормить голодающихъ окрестныхъ крестьянъ. Съ этого времени при каждомъ монастырѣ стали строиться постоянныя гостиницы и больницы, гдѣ нуждающіеся во всякое время находили помощь.

Одного только не доставало этимъ монахамъ, чтобы стать просвътителями своей родной страны, образованія. Вплоть до татарскаго погрома изъ 23 митрополитовъ, находившихся въ Россіи, 17 были греки, да и послъ того еще долго греческій и болгарскій элементъ преобладалъ русскомъ духовенствъ. Кромъ того, значительный наплывъ греческихъ монаховъ, являвшихся для сборовъ пожертвованій въ Россію, и паломничество ко святымъ мъстамъ, на Аоонъ, поддерживали долгое время постоянныя сношенія между русской и греческой церковью. Далъе упомянемъ о томъ, какого рода просвъщение и моральныя поученія могла извлечь русская церковь изъ этого общенія; теперь же скажемъ только, что результатомъ этихъ частыхъ паломничествъ явилось обиліе монастырей на Руси. Съ 1420 по 1500 г. основано было 150 монастырей, а съ 1500 по 1588 и еще 65. Не даромъ Флетчеръ, изанглійскій въстный путешественникъ того времени, назвалъ Россію "Страной монастырей".

Основателями всъхъ этихъ монастырей являлись благочестивые монахи, люди строгой жизни, часто подвижники, но всъ они кончали свою жизнь гдъ-нибудь въ скиту или въ ссылкъ, вдали отъ основан-

наго ими монастыря, а громадное большинство братіи пожинало плоды ихъ трудовъ и, прикрываясь ихъ святостью, вело въ ствнахъ святой обители жизнь праздную, сытую и часто разгульную, соблюдая только внъшнюю обрядность устава. Въ нъкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили бокъ о бокъ, и ни тъ, ни другіе не могли похвалиться высокой нравственностью. Впрочемъ, и въ западныхъ монастыряхъ XVI въкъ наблюдалось тоже самое, пока ихъ не коснулось реформаціонное вліяніе. Здісь же, въ Россіи, монастырская реформа не привела ни къ чему, и авторитетъ духовенства сильно пошатнулся, этому еще не мало способствовало и то, что наше духовенство утратило независимость. Подъ вліяніемъ татарскаго ига, митрополитъ Кириллъ счелъ за лучшее стать подъ покровительство всесильнаго хана и перенесъ свой митрополичій престолъ ко двору Менгу Тимура, который, польщенный этимъ, милостивою хартіей объщаль митрополиту и его преемникамъ свое покровительство и сталъ щедро раздавать ярлыки православному духовенству. Но эти милости и благоволеніе хана стоили полнаго отреченія отъ прежней независимости, и, когда Москва приняла наслъдіе азіатскихъ деспотовъ, а ея указы замънили для духовенства ханскіе ярлыки, она стала требовать къ себъ той-же покорности и того-же подчиненія.

Какъ верховный покровитель Православія, послѣ паденія Константинополя, Московскій Государь съ конца XV-го вѣка созывалъ соборы, на
которыхъ, наряду съ дѣлами церковными, нерѣдко обсуждались и
дѣла государственные, точно также
въ Совѣтѣ Государевомъ, или Думѣ
засѣдали всѣ высшіе чины духовенства, которые приглашались принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ государственныхъ. Отсюда не
далеко было уже до приравненія
духовенства къ высшему служилому

сословію. Бълое духовенство, равно какъ и черное, засъдало въ думъ, и неръдки были примъры, когда монахи или приходское духовенство прибъгали къ государевой власти въ своихъ недовольствахъ на свою духовную власть.

Еще при Иванъ III высшіе чины бълаго духовенства осмъливались возставать противъ Государевой власти. Вслъдствіе распри Митрополита Московскаго съ Великимъ Княземъ. Митрополитъ покинулъ Москву, отказался рукополагать духовенство и принудилъ Государя "бить ему челомъ". Но когда, при пріемникахъ Ивана III-го, еще не вполнъ освоившагося съ ролью Самодержца, для того, чтобы противостоять торжествующему деспотизму Московскихъ царей, понадобилось не только чувство оскорбленнаго достоинства, но еще и упорная воля и непоколебиръшимость, какую выказалъ митрополитъ Филиппъ, поплатившійся за это мученической кончиной; эта твердая воля и ръшимость не встрътили поддержки въ духовенствъ, и примъръ его не породилъ послъдователей, такъ какъ и духовенство, какъ и все остальное, склонилось подъ гнетомъ самовластія и безмолвно слилось съ остальнымъ обезличеннымъ населеніемъ страны, съ какой то тупой, рабской покорностью покорившимся волъ судебъ.

II.

Центральная власть. – Мъстничество — Община. — Законодательное и Юридическое устройство страны. – Экономическія условія. — Финансы.

При вступленіи на престолъ Ивана Грознаго механизмъ управленія страной былъ уже довольно сложный. Всѣ дѣла вѣдали различные "приказы"; "разрядный приказъ" соотвѣтствовалъ по своимъ функціямъ военному Министерству и былъ одинъ на все Государство, точно также какъ и "посольскій приказъ", или Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ того, были особые, можно сказать, провинціальные приказы, вѣдавшіе управленіемъ извѣстной провинціи, какъ-то Московскій, Владимірскій, Рязанскій приказъ.

Повсюду царилъ безпорядокъ страшная неурядица. Главная же центральная власть должна была бы сосредоточена въ рукахъ Государя, но, повидимому было иначе; во главъ всъхъ этихъ приказовъ стояла Боярская дума. Московскій Князь, какъ предводитель войска, естественно собиралъ въ военное время совътъ изъ своихъ военачальниковъ, дружинниковъ или бояръ для обсужденія болъе важныхъ дълъ. а затъмъ, съ теченіемъ времени и надъ вліяніемъ измѣнившихся условій, этотъ совътъ включилъ въ свою компетенцію всѣ дѣла внутренней и внъшней политики, а составъ пріобрѣлъ своего рода аристократическій характеръ.

Въ XVI вѣкѣ, 70 родовъ, изъ которыхъ 40 княжескихъ, повидимому, пріобрѣли и закрѣпили за собою право засѣдать въ Боярской Думѣ, но въ сущности это не было правомъ, а только шансомъ на право, такъ какъ быть призваннымъ въ думу зависѣло прежде всего отъ воли Государя. И здѣсь опять таки сказалось отсутствіе корпоративности среди думныхъ бояръ, помѣшавшее имъ стать независимыми членами Парламента или Государственнаго Совѣта.

Правда, въ Думъ засъдало много родовитыхъ бояръ и князей, но, наряду съ ними, по капризу Государя, засъдали въ неменьшемъ числъ и всякого рода люди, не бояре и не князья, а просто "окольничіе" (отъ слова около, т. е. находящіеся около Государя), и дворяне, т. е. люди дворовые, люди Государева двора, даже простые дьяки.

Изъ этого ясно, что не достаточно было принадлежать къзнатному боярскому или княжескому роду,

чтобы быть призваннымъ засъдать въ Думъ. Такъ, въ спискахъ думскихъ бояръ за 1527 г. мы не видимъ ни Голициныхъ, ни Куракиныхъ, ни Воротынскихъ, ни Пронскихъ, ни Хованскихъ, ни Прозоровскихъ, ни Ръпниныхъ, ни Салтыковыхъ, а все это лучшіе роды того времени. Какъ чины, такъ и призваніе въ Думу зависили всецъло отъ воли Государя. Компетенція Думы была велика, можно сказать, неограничена: Дума облечена была встми полномочіями, какими пользовался самъ Государь, и, такъ сказать, правила Государствомъ совмъстно съ Государемъ. "Государь указалъ, а Дума приговорила",--такъ начинались обыкновенно журналы думскихъ засъданій.

Для обсужденія и ръшенія всъхъ дълъ, входившихъ въ кругъ компетенціи Думы, въроятно, не хватило бы и двухъ засъданій въ сутки, о которыхъ упоминаютъ хроники того времени. Но на дълъ большую часть времени Дума бездъйствовала, а, начиная съ XVI-го въка, боярская Дума, въ принципъ соправительница, равная по своей власти любому парламенту, превратилась въ пустую декорацію и стала какой-то фикціей правительствующей власти. Ръшенія правительства, принятыя Государемъ помимо Думы или разръшеніе вопросовъ Думою въ отсутствіи Государя, фиктивно считались принятыми совмъстно Государемъ и боярскою Думой.

Отсутствующій на совъщаніи Думы Государь считался всегда присутствующимъ, и, дъйствуя самолично, всегда какъ бы дъйствовалъ совмъстно съ Думой. Это мистическое общеніе Государя съ Думой пережило даже самую Думу и проявилось вновь въ отношеніяхъ Петра Великаго къ своему Сенату.

Въ сущности же, начиная съ XVI-го въка, государствомъ управляла по своему произволу абсолютная и неограниченная власть Государя съ тъсной группой близкихъ

къ нему лицъ, ограниченное число совершенно уже произвольный выборъ которыхъ не могъ стъснять абсолютизма. Изъ этихъ-то лицъ самаго разнороднаго происхожденія составился своего рода интимный Совътъ, собиравшійся въ большинствъ случаевъ въ опочивальнъ Государя, Совътъ, всецъло подчиненный волъ и прихоти властелина. Кром'в того, въ извъстныхъ сферахъ Государь являлся въ XVI въкъ полновластнымъ властелиномъ такъ. напр., въ дълъ судебныхъ ръшеній. Каждый изъ его подданныхъ имълъ право обращаться лично къ нему и обжаловать передъ нимъ ръшеніе суда; съ теченіемъ времени такихъ "челобитныхъ" (т. е. прошеній и жалобъ) стало такъ много, что понадобилось основать особый челобитный приказъ, — зародышъ будущей Тайной Канцеляріи.

дъйствительности Государь являлся единоличнымъ правителемъ государства, а всъ эти "служилые люди" были не болъе, какъ тъ же солдаты, безпрекословно исполнявшіе его команду, или пъшки, которыми онъ игралъ по своему желанію. Въ провинціи все находилось въ зависимости отъ земли; обладаніе землею возлагало на крестьянина обязанность платить подать, а на владъльца вотчины или помъстья,обязанности, службы. Независимо отъ того, занималъ-ли онъ какую либо гражданскую должность, или нътъ, всякій владълецъ вотчины или помъстья обязанъ былъ по первому требованію Государя встать въ ряды войскъ; въ мирное же время онъ воленъ управлять своими помъстьями или сидъть въ приказъ. Каждый служилый долженъ былъ съ 15-ти лѣтъ нести службу; въ этомъ возрастъ онъ получалъ извъстную часть отцовскаго надъла; если же семья очень велика, то новый надълъ, точно также и дочери получали надълы, но только пожизненно или до момента вступленія въ бракъ. Что же касается вотчинъ,

то государство не вмѣшивалось въ права наслѣдства и дѣлежа ихъ, но требовало только опредѣленнаго числа служилыхъ людей.

Естественно, что Государство, создавшее "помъщиковъ, держало ихъ больше въ своихъ рукахъ, чъмъ родовитыхъ вотченниковъ, а потому внутренняя политика Москвы упорно стремилась къ уничтоженію вотчинъ и созданію новыхъ помѣстій на земляхъ, завоеванныхъ силой оружія; это не было трудно: большинство земель и вотчинъ конфисковалось и раздавалось по приимуществу людямъ низшаго происхожденія. Особенно часто мы встръчаемъ въ качествъ новыхъ служилыхъ людей и помъщиковъ, въ XVI въкъ, сыновей и внуковъ писарей прежнихъ удъльныхъ князей, людей, у которыхъ рабская покорность была въ крови. Тамъ-же, гдъ объединеніе совершилось мирнымъ путемъ, гдъ большинство земель были вотчинныя, и ладить съ ихъ владъльцами Москвъ было много труднъе; поэтому то и возсталъ противъ нихъ Грозный со всей своей неутомимой энергіей, создавшей ему репутацію кровопійцы и изверга.

Недостаточное количество свободныхъ земель вынуждало Московское правительство къ недостаточнымъ надъламъ помъстьями, вслъдствіе чего получился въ скоромъ времени помъщичій или земельный пролетаріатъ. Одинъ помѣщикъ жаловался на то, что ему не на что купить коня для службы царской, другой не имълъ достатка даже для того, чтобы снарядиться пъшимъ ратникомъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, государство всегда имъло на лицо въ готовности войско, которое ему ни гроша не стоило. Точно также не стоило ему ни гроша и управленіе; оно стоило только управляемымъ; а управлять въ то время значило главнымъ образомъ чинить судъ и расправу, и тотъ, кто принималъ на себя эту обязанность, кормился этимъ.

Обыкновенно, въ силу старинныхъ правъ вотчинниковъ, и монастыри и помъщики сами судили и рядили на своихъ земляхъ; тамъ же, гдь, какъ, напр., въ городажъ или слободахъ, не было прямого хозяина, чинили судъ и расправу намъстникъ или воевода, поставленные отъ правительства, также кормившіеся этимъ, почему управленіе городомъ или областью называлось также "кормленіемъ". Никакого контроля надъ этими безплатными управителями или върнъе надъ ихъ управленіемъ не существовало, и потому въ дълахъ тяжебныхъ да и во всъхъ остальныхъ взятка играла главную роль, и это взяточничество, превратившееся въ разъъдающую страну язву, никого не возмущало и не удивляло.

Выборъ намъстника или воеводы, кормленщика или волостели, всецъло зависилъ отъ воли Государя. Московская политика стремилась къ тому, чтобы надълять этими почетными должностями людей всякихъ, преимущественно низшихъ слоевъ общества, при случаъ, даже взятыхъ изъ самыхъ подонковъ общества, но вмъстъ съ тъмъ отъ намъстника требовалась извъстная представительность, внушительность, которыя не легко было встрътить у бывшихъ писарей или дьяковъ. Поэтому приходилось волей неволей кать подходящихъ людей среди родовитыхъ бояръ и аристократіи. Но вслъдствіе того, что эти Государевы слуги брались отовсюду, народилось на Руси то зло, которое незнакомо почти ни одному изъ Государствъ Европы, именно "мъстничество".

Въ сущности этого права не существовало ни въ одномъ уложеніи, но зато обычай признавалъ его за каждымъ служилымъ; это было право не принимать мъста ниже того, какое служилый занималъ раньше или какое занималъ его отецъ или дъдъ, при совмъстной службъ съ другимъ служилымъ низшаго происхожденія или ниже его стоящимъ

по служебной іерархіи своей или своихъ предковъ. И этого рода соревнованіе или амбиція проникла постепенно во всъ отрасли служебныхъ должностей. Первые признаки мъстничества проявились съ появленіемъ первыхъ генеологическихъ книгъ "родословныхъ книгъ" на Руси. Эти книги способствовали утвержденію династіи на Московскомъ престолъ и потому, преслъдуя въ тоже время преобладаніе служебной іерархіи надъ родовою, Московскіе Государи поддерживали и поощряли и родовую гордость истинной аристократіи, вслъдствіе чего и получилось мъстничество.

Вначалъ, когда эти распри не нарушали общественной жизни и порядка, правительство видъло въ нихъ лишь поддержку своей системы, такъ какъ мъстничество укръпляло идею прерогативъ служебныхъ въ ущербъ прерогативъ рода и происхожденія. Начавшись среди бояръ и боярскихъ женъ, оно постепенно проникло и въ духовенство, въ монастыри, даже въ купечество.

Но вотъ сраженіе при Оршѣ въ 1514 г. было проиграно благодаря мѣстничеству двухъ воеводъ, и тогда стало ясно, что ему надо положить конецъ. Однако, сдѣлать это разомъ круто было опасно: обычай слишкомъ успѣлъ укорениться; и вотъ сначала рѣшили отмѣнять мѣстничество на опредѣленное время, на время военныхъ дѣйствій; кромѣ того, за неправое мѣстничество даже и въ мирное время было установлено строжайшее наказаніе.

Первое время, пока люди низшихъ слоевъ общества не могли доставлять достаточнаго числа крупныхъ должностныхъ лицъ по недостаточности развитія, высшія должности естественно оставались за людьми родовитыми. Но когда стали находиться кандидаты изъ низшихъ служилыхъ людей, то мъстничество оказалось безсильнымъ противъ всеобщей нивеллировки, которая, собственно говоря, вполнъ согласовалась съ принципомъ мѣ-стничества, ставившимъ служебныя заслуги выше родовыхъ.

Это, конечно, имъло и свою хорошую сторону, выдвигая личныя, качества каждаго человъка на первый планъ. Но для аристократіи это было окончательною погибелью. Гоняясь за должностями, представители ея совершенно простились со своей родовою гордостью и утратили свое родовое значеніе.

Другою политическою и соціальною силой противъ самовластья могла-бы, казалось, быть община, съ ея административной автономіей и коллективной, т. е. общественной, собственностью. Но, увы!-эта обшина являлась не отголоскомъ патріархальной общности интересовъ имущества, а скоръе результатомъ коллективной отвътственности за исправный платежъ податей, чъмъ-то совершенно чуждымъ свободному крестьянству и навязаннымъ ему законами кръпостничества, продуктомъ внутренней политики эпохи Ивана Грознаго.

Каждый крестьянинъ непремънно принадлежалъ къ какой нибудь общинъ; только бродяги составляли исключеніе изъ этого правила. Общины пользовались извъстнаго рода автономіей: на ихъ сходкахъ или собраніяхъ принимали участіе съ правомъ голоса всъ старики; нъсколько такихъ общинъ составляли "волость", отнюдь не похожую на то, что теперь называется "волостью".

Прежняя волость являлась чѣмъ то вродѣ Швейцарскаго кантона; ея сходки пользовались правомъ свободнаго выбора головы и старостъ, правомъ издавать постановленія, распредѣлять налоги, установленные правительствомъ, назначать изъ членовъ общины лицъ на разныя должности и черезъ своихъ выборныхъ отстаивать интересы общины передъ властями.

Русская община получила сильное развитіе между XV и XVI-мъ

въкомъ. Но въ это время она отне носила патріархальнаго характера. Во всякомъ случаъ, слаобъявянофилы весьма склонны снять существованіе этихъ общинъ особенной склонностью національнаго характера къ общительности и всякаго рода ассоціаціямъ. Этой склонности русскаго человъка къ общинной жизни, конечно, отрицать нельзя, она проявляется въ "артеляхъ", "мірскихъ приговорахъ" и многомъ другомъ. Но что русская община XV-го въка отнюдь не носила семейнаго характера, видно уже изъ того, что вступить въ нее могъ каждый крестьянинъ, соглашавшійся принять на себя свою долю общихъ повинностей и тяготъ общины. Если что либо придаетъ ей нъкоторое сходство съ первобытной, патріархальной русской общиной, то только та извъстная доля автономіи, какою она пользовалась.

Въ настоящее время трудно ръшить, имъла-ли община XV-го въка какое либо право голоса въ судебныхъ и тяжебныхъ дълахъ. Но при системъ "кормленія" трудно предположить, чтобы служилые люди, дозволено было которымъ миться" отъ этихъ дълъ, согласились уступить кому-бы то ни было часть своей безконтрольной власти чинить судъ и расправу, что явля-ДЛЯ нихъ единственнымъ источникомъ дохода.

Вскоръ, однако, все это измънилось: права общинъ сильно раздвинулись, и общины были близки кътому, чтобы присвоить себъ всъ административныя функціи и сосредоточить въ своихъ рукахъ всю соотвътственную имъ власть.

Произошло это вслѣдствіе того, что служилые люди, облеченные этою властью, погрѣшили передъ правительствомъ, раззоривъ своими поборами подвластное имъ населеніе и тѣмъ повредивъ не только частнымъ интересамъ, о которыхъ правительство нисколько не заботилось, но и интересамъ самаго

правительства. И вотъ оно, не задумываясь, само рушило то, что было вызвано имъ къ жизни, но не оправдало возложенныхъ на него надеждъ, лишивъ служилыхъ людей данной имъ власти и передавъ ее общинамъ, къ которымъ оно до того времени относилось недовърчиво и даже недоброжелательно. Въ силу щедро издаваемыхъ указовъ представители общинъ -- старосты и цъловальники облекались такими правами и полномочіями, которыя сильно умаляли, а впослъдствіи и совершенно стирали власть намъстниковъ, воеводъ и другихъ служилыхъ людей.

Но, дъйствуя такимъ образомъ, правительство отнюдь не упускало изъ виду своей основной программы, своего упорнаго стремленія къ абсолютизму и деспотизму. Эти представители общины, эти выборные, вмъстъ съ расширеніемъ власти, обращались въ тъхъ же государственныхъ чиновниковъ, и самая община стала государственнымъ учрежденіемъ, какъ мы это увидимъ дальше.

Вплоть до половины XVI-го стоправосудіе являлось источникомъ доходовъ; чинить судъ и расправу значило налагать пени, преступленіе было карать также образомъ источникомъ главнымъ дохода для казны; такъ какъ важныя дъла, вродъ разбоя и убійствъ, влекущія за собой строжайшія кары, были несравненно доходиве, то правительство оставляло вездъ за собой.

При этомъ слъдуетъ замътить, что съ 955 или 962 года т. е. со времени первой редакціи "Русской Правды", до Судебника 1497 г. судебное законодательство не претерпъло почти никакихъ измъненій. Въсудебникъ же уголовныя преступленія занимали главное мъсто, гражданское же право какъ бы вовсе не существовало; во всъхъ случаяхъ этого рода предписывалось придерживаться обычая. О семейныхъ отношеніяхъ или взаимныхъ отношеніяхъ

лицъ, связанныхъ договоромъ, упоминалось только вскользь, о всякихъ же иныхъ юридическихъ вопросахъ совершенно умалчивалось. О государственномъ правъ не было даже ръчи. Есть только какое-то смутное представленіе объ извъстнаго рода опекъ государства надъ низшимъ классомъ населенія, выразившееся въ воспрещеніи лишать человъка свободы безъ разръшенія Государя. Всего болъе законодатель заботился о правосудіи, что его представленіи значило- распредъленіе и постановленіе размъра пеней и взысковъ за каждую данную провинность.

Такимъ образомъ "Судебникъ" 1497 г. ничто иное, какъ уложеніе о наказаніяхъ и вмъстъ съ тъмъ

Книга доходовъ.

Въ этомъ Судебникъ, несомнънно, сказалось татарское вліяніе, такъ какъ коренное русское законодательство, изложенное въ Русской Правдъ, несравненно милостивъе, снисходительнъе и либеральнъе, въ новомъ же Судебникъ на каждой строкъ встръчаются слова: "бить въ кнуты" или "бить батоги нещадно". Не смотря на то, что въ самомъ законодательствъ идея равенства и демократическихъ тенденцій проходитъ яркою нитью, на дълъ, т. е. въ примъненіи, въ силу обычая, проводилось какъ разъ противоположное: за то, за что въшали крестьянъ, только били или бросали въ тюрьму боярина. Это объясняется отчасти вліяніемъ церкви и византійскими въяніями. Это отголоски греческаго законодательсва, законовъ Константина Великаго, Юстиніана, Льва Философа, Эклогъ Льва Исаврянина и Константина Копронима, не говоря уже о примъненіи пытокъ, что было вообще дъломъ обычнымъ въ XVI въкъ не только въ Россіи, но и повсемъстно.

Кромъ того, вплоть до XVII-го стольтія это законодательство удержало судебные поединки, вошедшіе въ употребленіе въ силу обычая.

Въ Новгородъ допускались такіе поединки даже между женщинами; во Псковъ-же женщинамъ и монапредоставлено было право выставлять за себя другое лицо, равно какъ старикамъ или людямъ немощнымъ. Но до Ивана Грознаго эти поединки не были въ чести и считались слабымъ, неубъдительнымъ доказательствомъ правоты; поэтому, помимо поединка, прибъгали къ клятвенному показанію или тянули жребій; въ нихъ не признавали ни малъйшаго божественнаго вмѣшательства. скорће смотрћли на нихъ, какъ на средство для удовлетворенія тяжущихся сторонъ. При Иванъ же Грозномъ эти поединки получили характеръ своего рода Божьяго Суда.

До этого времени церковь всячески стремилась искоренить обычай поединковъ, являвшійся остаткомъ варварскихъ временъ, когда люди ръшали всъ распри самоуправствомъ, причемъвсегда бывалъ правъ сильный и виноватъ слабый. такого рода ръшеніе не было по душь правительству въ тъхъ дълахъ, въ которыхъ оно было матеріально заинтересовано, и потому оно изобрѣло иное средство доискиваться "повальный Это былъ истины. обыскъ", въ которомъ принимало (участіе возможно большее число свидътелей, подъвидомъ того, что "гласъ народа—гласъ Божій". Ложные свидътели строго наказывались; ихъ били, батогами нещадно". Особенно привился этотъ судебный пріемъ въ царствованіи Ивана Грознаго.

Въ дълахъ гражданскихъ, по отношеню къ несостоятельному должнику примънялся приговоръ "выдать головой", иначе говоря, сдълать должника рабомъ, вещью его кредитора до тъхъ поръ пока онъне уплатитъ ему всего своего долга. Состоятельнаго-же должника, не соглашавшагося почему-либо уплатить должное, "ставили на правежъ" т. е. приводили къ крыльцу его кредитора и стегали по голымъ икрамъ съ утра до ночи. Въ примъ-

неніи-же правежъ иному проходилъ почти даромъ, другого-же положительно калѣчили,—это зависѣло отъ взятокъ и подачекъ исполнителямъ приговора. Срокъ такого правежа первоначально не былъ означенъ, но между 1555 и 1628 г. былъ опредѣленъ на мѣсяцъ за сумму въ 100 рублей: по истеченіи же этого срока неисправнаго должника выдавали головой его кредитору. Впрочемъ, люди привиллегированнаго сословія всегда избѣгали правежа или ставя кого либо другого за себя, или-же скрываясь на время.

Чрезвычайная подкупность судей давала поводъ ко всякаго рода злоупотребленіямъ и постоянно направосудіе, обычай относился къ этой подкупности крайне снисходительно, считая ее чъмъ то неизбъжнымъ. Взятки и посулы, конечно, строго воспрещались въ принципъ и въ законъ, но обычай требоваль, чтобы тяжущіяся стороны, являясь къ судьъ, приносили свои дары подъ образа, на свъчи. На праздникъ-же Пасхи каждое должностное лицо имъло право принимать "красныя яички", сопровождаемыя червонцами.

Отецъ Грознаго, узнавъ, что одинъ судья, получивъ извъстную сумму денегъ отъ одной стороны, затъмъ нъсколько меньшую другой,--присудилъ дъло въ пользу стороны, которая дала больше, —потребовалъ къ себъ этого судью и учинилъ ему самолично допросъ, на которомъ тотъ, подтвердивъ все сказанное, добавилъ: "Я никогда не затрудняюсь въ выборъ между человъкомъ богатымъ и бъднымъ, и всегда върю больше первому, такъ какъ ему меньше разсчета меня обманывать".

Таковы были взгляды того времени, а между тъмъ экономическія условія страны были самыя незавидныя. За исключеніемъ нъсколькихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, Россія XVI-го въка была по преимуществу, какъ и современная

Россія, страна земледѣльческая. Но все, что она производила, шло на внутреннее потребленіе, незначительный экспортъ производился лишь черезъ Нарву, а позднѣе черезъ Архангельскъ да еще сухимъ путемъ въ Польшу. Но эта торговля не могла принять болѣе значительныхъ размѣровъ, потому что въ то время спросъ на хлѣбъ въ Европѣ былъ не тотъ, что теперь, кромѣ того, государство парализовало и эту, какъ всякую другую торговлю, монополи-

зируя ее.

Монетною единицей того времени былъ, какъ и теперь, рубль, содержащій сто копъекъ. Въсъ его равнялся первоначально 16 золотникамъ чистаго серебра, и стоилъ онъ на англійскія деньги 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, но уже въ XV-омъ въкъ цъна его значительно упала, и тотъ же рубль сталъ ходить 2 шиллинга съ небольшимъ. Копъйки первоначально назывались "деньгами", пока на нихъ, въ половинъ XVI въка не стало появляться изображение воина съ копьемъ, вслъдствіи чего и самая монета стала называться "копъйкой". Когда, во время малол втства Ивана IV, московскій рубль упалъ почти до половины первоначальной стоимости, Новгородскій рубль, сохранивсвой прежній въсъ, стоилъ вдвое дороже, что чрезвычайно затрудняло всякіе разсчеты. Кромъ рублей и копъекъ, были еще алтыны, гривны, полтины и полушки, т. е. полу-копъйки.

Стоимость рабочихъ рукъ находилась въ зависимости отъ цѣнъ хлѣба, а послѣднія мѣнялись постоянно, точнотакже частомѣнялось и количество налога. Въ 1555 г. каждый крестьянинъ на "черной" землѣ обязанъ былъ уплачивать отъ 75 к. до 1 руб. подати; годовой же доходъ его обыкновенно равнялся, за вычетомъ прокорма его и его семьи,— 3-мъ рублямъ. Изъ этихъ денегъ надо было уплатить подать и одѣться самому и семъв. На "бѣлыхъ" земляхъ владѣлецъ ссужалъвпередъ сво-

его крестьянина, который впослъдствіи почти всегда немогъвыпутаться изъ долга и волей не волей закабалялъ себя. Положеніе крестьянъ было сравнительно лучше на общинныхъ или на монастырскихъ земляхъ, но и здъсь крестьяне должны были, помимо платы землю, исполнять для монаховъ извъстныя работы, которыя назывались "страдой", изъ чего видно, что страда, производное отъ слова страданіе, была дізломі не легкимі.

Промышленность также находилась въ не лучшихъ условіяхъ: ея развитію прежде всего мѣшало то обстоятельство, что главный потребитель, бояринъ или иной богатѣй, имѣлъ въ своемъ дворѣ цѣлый рядъ всякаго рода мастеровыхъ, занимавшихся спеціально для него производствомъ всего потребнаго въ его обиходѣ, такъ что самостоятельное производство становилось ненужнымъ.

Между тъмъ то, что мы теперь называемъ кустарнымъ производствомъ, существовало на Руси издавна. Козмодемьянскъ славился своими ларцами, также и Холмогоры, Вязьма—санями, а Калуга—расписными деревянными ложками. Но все это было весьма не доходно, такъ какъ 100 ложекъ можно было купить за 90 алтынъ, а за полтину можно было пріобръсти Вяземскія сани.

Въ отношеніи вывоза, т. е. экспорта, чуть-ли не первое мъсто занимали мѣха, —и вообще только сырые продукты; издълія-же почти вовсе не шли за границу. Послъ мъховъ второе мъсто въ экспортной торговлъ принадлежало воску, затъмъ шли: сало, медъ, оленьи шкуры, тюленій жиръ и, наконецъ, рыба и икра, которыя хотя и потреблялись дома въ громадномъ количествъ, но также находили всегда большой сбытъ и за границу. Кромъ того на чужеземные рынки шли наши ленъ и пенька, наша соль и деготь, а также слюда, съра и селитра.

Весь ввозимый товаръ, какъ изъ

Европы, такъ и изъ Азіи, долженъ былъ прежде всего быть направленъ въ Москву и только послѣ того, какъ государь изволитъ отобрать для себя то, что ему заблагоразсудится, купцу предоставлялось право продавать остальное.

Однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ для внѣшней торговли являлся Холопій Городокъ при сліяніи Волги и Мологи. Здѣсь происходила ярмарка, длившаяся цѣлыхъ четыре мѣсяца, причемъ обмѣнъ товарами производился въ большинствѣ случаевъ не на деньги, а натурой, такъ какъ деньги въ то время на Руси были рѣдки и въ оборотѣ ихъ было очень мало.

Въ общемъ мѣновая торговля съ иностранцами давала самые плачевные результаты, такъ какъ всѣ мѣстные продукты шли за безцѣнокъ, а всѣ иностранные обходились чрезвычайно дорого.

Червонцы также считались товаромъ и за нихъ платили право ввоза, какъ за всякій другой товаръ.

Русскихъ купцовъ иностранцы весьма цънили за ихъ смътдивый. живой умъ, обходительный нравъ и предпріимчивость, но, съ другой стороны, они пользовались весьма дурной репутаціей, какъ люди лукавые и недобросовъстные, всегда готовые на обманъ; исключеніемъ въ этомъ отношеніи являлись Псковскіе и Новгородскіе гости и купцы. Но съ теченіемъ времени и иностранные купцы переняли неблаговидные пріемы русскихъ торговыхъ людей, которыми они вначалъ возмущались, а въ нъкоторыхъ отношеніяхъ даже перещеголяли ихъ. Поставленные государствомъ въ самыя неблагопріятныя условія, русскіе купцы привыкли смотръть на торговлю, какъ на войну, въ которой всъ средства дозволены. Злополучному русскому торговцу приходилось платить столько поборовъ, что нужда заставляла его хитрить и лукавить, чтобы выжать отъ покупателя лишній грошъ. При переправъ

черезъ каждую рѣку ему приходилось платить "мытную пошлину", у заставы каждаго города — "заставные", если городъ стоялъ на рѣкѣ и товаръ шелъ водой, то приходилось платить за стоянку судна и на всѣхъ пристаняхъ. Кромѣ того, если въгородѣимѣлся "гостинный дворъ", то всякій купецъ обязанъ былъ снять въ немъ ларь или мѣсто и уплатить за него установленную плату. Затѣмъ, съ каждаго проданнаго предмета взималась извѣстная сумма въ пользу казны или государства.

Впрочемъ, все это отнюдь не исключительно русскія условія торговли; такъ было и во Франціи и почти повсюду въ другихъ странахъ въ то время. Вездъ и всюду существовали пограничныя пошлины, а во Франціи каждый городъ съ окрестными деревнями считалъ себя отдъльнымъ государствомъ.

Торговля въ Россіи также не мало затруднялась отвратительнымъ состояніемъ дорогъ и частыми пожарами, которые истребляли цълые города. Въ въ 1541 г. пожаръ истребилъ въ Новгородъ 908 жилыхъ домовъ, не считая надворныхъ строеній и построекъ, а въ 1554 еще 1500 домовъ. Никакихъ предохранительныхъмъръ противъ пожаровъ не предпринималось; лишь 1570 году вышло распоряжение держать во дворахъ домовъ чаны съ водой, не топить бань лътомъ и печь хлъба не въ дому, а на вольномъ воздухъ, въ особо устроенныхъ печахъ.

Кромѣ плохихъ дорогъ, почти непроходимыхъ въ распутицу, другой серьезной помѣхой являлась еще почти повсемѣстная въ Россіи небезопасность дорогъ отъ разбоевъ и грабежей, вслѣдствіе чего торговые люди пускались въ путь не иначе, какъ обозами, не рѣдко въ 700 и 800 саней. Рѣчные пути также были не безопасны: удалые разбойники хозяйничали на Волгѣ, какъ у себя дома.

Но наряду со всѣми этими неурядицами, иностранцевъ поражало превосходное устройство почтоваго сообщенія: такъ, напримъръ, въ зимнее время, когда дороги хороши, 542 версты отъ Новгорода до Москвы можно было довхать въ 72 часа, т. е. въ трое сутокъ, за ничтожную плату по 6 коп. съ лошади за каждый прогонъ въ 20 верстъ, находя повсюду готовыя подставы, т. е. свъжихълоша дей, а все потому, что почта въ Россіи была "служба Царева". Правда, въ лътнее время лошадей было не такъ легко найти, ихъ или угоняли въ поле пастись или-же на нихъ работали, и тогда приходилось ждать лошадей по нъсколько часовъ на станціяхъ, но зато лътомъ можно было пользоваться воднымъ сообщеніемъ и находить повсюду готовыя лодки и гребцовъ во всякое время, такъ какъ и это была "Царева служба". И это въ варварской Россіи, тогда какъ во Франціи регулярное почтовое сообщение было установлено лишь 1464 г. эдиктомъ Людовика XI.

Наряду съ пожарами, русскіе города страдали еще также періодически отъ чумы, опустошавшей цълые города и ихъ окрестности.

Безсмънно, можно сказать, свиръпствовалъ въ странъ и голодъ.

Таково было положеніе страны въ XVI въкъ. Кромъ монастырей, крупными состояніями обладали лишь одни только Строгановы. Англійскій путешественникъ Флетчеръ приписываетъ имъ капиталы въ 300,000 рублей чистыми деньгами, не считая ихъ громадныхъ земель и полей, тянувшихся отъ береговъ Вычегды до границы Сибири, и не считая ихъ промышленныхъ учрежденій, дававшихъ работу 10,000 вольнонаемныхъ рабочихъ, кромъ 5,000 человъкъ кабальныхъ (или крѣпостныхъ). Строгановы уплачивали государству ежегодно 23,000 руб. налоговъ, но тому и это казалось мало, и оно требовало съкаждымъ годомъ все больше и больше.

Государство и Церковь поглощали все, всъ народныя богатства, всъ силы, всъ доходы, даже самую сво-

боду и жизнь людей. Нищета и раззореніе были общіе на всемъ протяженіи Московскаго государства; уже самое отсутствіе достаточнаго количества звонкой монеты является всеобшаго объдненія признакомъ страны; вплоть до конца XVI столътія "бълки", т. е. бъличьи шкурки служили ходячей монетой, хотя чеканка монетъ была разрѣшена кому угодно, а нъкоторымъ мастерамъ разръшено было даже выбивать свое имя на монетахъ. Серебро въ слиткахъ также ходило въ большомъ количествъ и считалось такимъ - же товаромъ, какъ и всякій другой.

Къ сожалънію, и серебра, и золота было мало въ странъ. Не то, чтобы въ Россіи не было этихъмечислъ естественныхъ талловъ въ богатствъ страны, а потому, что ихъ не умъли разрабатывать; хотя Иванъ III въ 1482 г. и выписалъ нъсколькихъ инженеровъ, все же доходность этихъ пріисковъ оставалась весьма незначительной.

Что же касается золота, то въ обращеніи оно было лишь въ монетахъ иностраннаго чекана, -- червонцы, дукаты, эфимки и стерлинги; но и ихъ было такъ мало, что всякое маломальски требующее денегъ обстоятельство мгновенно вызывало повышение ихъ стоимости чуть не вдвое; такими обстоятельствами являлись бракъ или крестины въ царской семьъ, когда бояре, приказные и посольскіе люди, согласно обычаю, носили Государю дары въ видъ подчервонцевъ, или же снаряженіе посольства къ иноземному двору, гдъ послы должны были не нуждаться въ золотъ, чтобы не уронить своего достоинства.

Правда, самъ царь всегда имълъ цълыя кубышки въ своихъ скихъ погребахъ, но они считались его частною собственностью. Онъ былъ богатый властелинъ голоднаго и нищаго народа; онъ ослъплялъ своимъ блескомъ и роскошью иностранныхъ государей, даже восточныхъ, но никто не могъ съ точностью сказать, откуда у него взялись всв эти несмътныя богатства.

Вплоть до конца XVI столътія мы не имъемъ никакихъ данныхъ о бюджетъ Московскаго Государства. По словамъ Флетчера, при сынъ Ивана IV-го государственный доходъ равнялся 1,400,000 руб., которыя получались отъ 400,000 р. прямыхъ и 800,000 рубл. косвенныхъ налоговъ. но такъкакъ рубль того времени равнялся 16-ти шиллингамъ, то выходитъ, что англійскій король Генрихъ VIII, имъвшій всего на всего 140,000 кронъ годового дохода, требовалъ съ своего народа лишь четвертую долю того, что требовалъ Грозный отъ своего. Въ сущности же Московскій Государь выжималь еще больше: раздавая земли служилымъ людямъ, Государь не платилъ имъ жалованія, и доходъ оставался въ казнъ. Затъмъ, для содержанія своего двора Государь имълъ, кромъ того, свои вотчины, которыя приносили ему большой доходъ, тридцать шесть госъ принадлежащими родовъ нимъ или приписанными къ нимъ селами и деревнями не только давали ему извъстный денежный оброкъ, но еще обязаны были поставлять: хлъбъ, скотъ рыбу, медъ, фуражъ, т. е. овесъ, сѣно и солому, словомъ, все потребное для продовольствія двора и не только въ потребномъ для двора количествъ, но въ такомъ, что Иванъ IV выручалъ отъ продажи излишка 60,000 р. годъ побочнаго дохода; преемникъ же его, болъе бережливый и экономный, выколачивалъ цѣлыхъ 230,000 рублей отъ этой продажи.

Тотъ же порядокъ вещей, съ нъкоторыми маловажными измфненіями, сохранился почти до нашего времени, и русскій народъ былъ настолько покоренъ, что смирился съ этимъ порядкомъ. Остается только выяснить причины этой покорности, а это возможно только тогда, когда мы вникнемъ въ самый духъ этого народа, сумъвшаго совершить великія дъла даже при такихъ условіяхъ.

(До слъд. №-ра).

Медицина.

Деформація черепа. Подъ именемъ деформаціи черепа понимаютъ искусственное или естественное измъненіе формы черепа. Въ Америкъ обычай деформированія черепа существуетъ съ древнъйшихъ временъ. Въ известковыхъ горахъ Минасъ-Жераеса были найдены черепа такой странной формы, что ихъ принимали сначала за остовы исчезнувшаго племени. Этотъ варварскій обычай существуетъ еще и теперь въ Перу, въ Мексикъ, по берегамъ Амазонки и въ нъкоторыхъ мъстностяхъ Съверной Америки. Въ прежнія измѣнять форму времена право головы составляло привиллегію свободныхъ и благородныхъ. Еще Гиппократъ и Плиній разсказываютъ о народахъ, которые уродовали головы дътямъ благородныхъ. Народы эти обитали по берегамъ Чернаго моря. Дъйствительно, въ серединъ XIX сторусскій ученый академикъ К. Э. Фонъ-Бэръ нашелъ въ гробницахъ Крыма искусственно измъненные черепа подобные описаннымъ у Плинія. Впослъдствіи такіе черепа были найдены и въ другихъ мъстахъ Европы, особенно въ южной Германіи, Венгріи и далье въ Англіи. Для измъненія формы головы примъняются обыкновенно различнаго рода повязки, косынки, бинты и дощечки. Подобныя механическія приспособленія примъняются и въ нъкоторыхъ мъстностяхъ Франціи, въ особенности въ Нормандіи, въ Тулузъ и въ Бретани; даже въ Парижъ встръчаются измъненныя формы череповъ.

Помимо искусственной деформаціи существуетъ также случайная и естественная деформація. Случайная деформація происходитъ вслъдствіе того, что ребенка, еще не окръпшаго, заставляютъ, напримъръ, лежать долго на спинъ, почему затылокъ его дълается плоскимъ. Отъ ношенія дътьми тяжестей на головъ (мальчики изъ лавочекъ) темя ихъ можетъ значительно уплощаться. Особенно къ этому предрасполарахитизмъ, при которомъ гаетъ кость долгое время сохраняетъ необычайную мягкость. У бродячихъ народовъ (Киргизовъ и Индъйцевъ дикарей), мать часто носитъ ребенка за спиной привязаннымъ бинтами къ доскъ, вслъдствіе чего черепъ пріобрѣтаетъ концеобразную форму, а затылокъ дълается плоскимъ.

Естественная деформація происходить помимо воли и случайности и независимо оть внѣшнихъ, механическихъ дѣйствій. О причинахъ ея мнѣнія различныхъ ученыхъ расходятся. Вирховъ придаетъ огромное значеніе въ дѣлѣ конфигураціи черепа состоянію черепныхъ швовъ. Извѣстно, что черепъ растетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что

на мъстъ швовъ, соединяющихъ черепныя кости, происходитъ отложеніе новаго костнаго вещества. Когда же швы заростаютъ, т. е. края двухъ соприкасающихся между собой костей сливаются, то вмъстъ съ тъмъ прекращается и ростъ костей черепа. Обыкновенно это бываетъ къ старости, и швы заростаютъ симметрично и въ извъстномъ порядкъ. Если же произойдетъ частичное заростаніе какого нибудь шва и притомъ въ молодомъ возрастъ, то будетъ остановка въ ростъ только въ этомъ мъстъ, въ другихъ же мъстахъ черепъ будетъ рости и, слъдовательно, измъняться въ формъ. Деформація въ этомъ случат происходитъ по извъстнымъ законамъ: черепъ съуживается въ направленіи, перпендикулярномъ къ заросшему шву, и вытянется въ направленіи параллельномъ къ нему.

Кромъ состоянія швовъ, по мнънію Вирхова механизмъ образованія черепа, а, слъдовательно, и деформація его, зависитъ и отъ развитія мозга. Такъ, при недостаточномъ развитіи одной половины мозга деформируется и черепъ, а при полномъ отсутствіи мозга, что представляетъ ръдкое уродство, имъется на лицо и остановка въ развитіи черепа.

По мнѣнію Энчеля черепъ растетъ и формируется независимо отъ мозга, подвергаясь только вліянію механическихъ силъ, дъйствующихъ на него снаружи или снутри. Механическія силы, дъйствующія на черепъ снаружи-сокращеніе мышцъ головы и различнаго рода внъшнія насилія: повязки, бинты и т.п., внутри же дъйствуетъ главнымъ образомъ мозгъ силой своей тяжести. При водянкъ головного мозга, накопившаяся въ черепъ жидкость оказываетъ такое давленіе на стънки черепа, что швы расходятся, и голова можетъ достигать чудовищныхъ размъровъ.

Русскій врачъ В. П. Всеволожскій изслѣдовалъ 120 деформныхъ русскихъ череповъ, принадлежащихъ

музею В. Медицинской Академіи, и нашелъ, что главной причиной измъненія въ формъ череповъ, покрайней мъръ въ разсмотрънной коллекціи, слъдуетъ признать заростаніе черепныхъ швовъ цъльностью или частично.

Помимо прижизненнаго измъненія формы черепа, деформація его возможна и послъ смерти. Дэвисъ наблюдалъ посмертную деформацію преимущественно на такихъ черепахъ, которые похоронены въ сырой почвъ. Вода выщелачиваетъ часть известковыхъ солей, а мягкая органическая основа костей подъдавленіемъ вышележащихъ слоевъ измъняетъ свою форму.

Защитительныя силы организма. Въ физіологіи давно уже прочно установленъ фактъ, что печень, помимо своей пищеварительной дъятельности, желчеотдъленія. даетъ также способностью задерживать ядовитыя вещества, развивающіяся въ кишечникъ. Послъднія по брыжичнымъ венамъ поступаютъ съ кровью въ воротную вену, а отсюда въ печень. Здъсь воротная вена разсыпается на массу мельчайшихъ сосудовъ, которые приводятъ въ соприкосновеніе кровь съ клѣтками печени. Послъднія задерживаютъ и уничтожаютъ неизвъстнымъ способомъ имъющіяся крови ядовитыя вещества, а освободившаяся отъ нихъ кровь поступаетъ въ другую систему сосудовъ, печеночныя вены, которыя впадаютъ въ нижнюю полую вену. Последняя несетъ кровь уже въ сердце, именно въ правое предсердіе. Д-ръ Эккъ продълалъ замъчательный опытъ, доказавшій правильность вышеизложеннаго ученія: онъ вшивалъ стѣнку воротной вены въ стъну нижней полой и такимъ образомъ исключалъ печень изъ кровообращенія. Тогда кровь кишечника не фильтровалась печенью, а прямо несла въ сердце всъ имъвшіяся въ ней ядовитыя вещества. Послѣднія разносились артеріальными сосудами по всему тълу и отравляли животное, которое скоро погибало.

Прошло довольно много времени, и въ литературъ стали появляться указанія на то, что и другіе органы обладають способностью обезвреживать ядовитыя для организма вещества. Такъ, Roger въ 1893 г. нашелъ, что большой сальникъ оказываетъ задерживающее вліяніе на стафилококковъ, особый родъ бактерій, обусловливающій гніеніе. Кролики, у которыхъ Roger выръзывалъ погибали сальникъ, значительно раньше послъ впрыскиванія имъвъ брюшную полость разводки стафилококковъ, чъмъ тъ, у которыхъ сальникъ не былъ выръзанъ.

Еще раньше Py въ 1893 г. показалъ, что у животныхъ, иммунизированныхъ противъ столбняка, (т. е. у такихъ, которымъ былъ привитъ столбнякъ, какъ людямъ прививаютъ оспу) ядъ столбняка разрушается не только печенью, но и селезенкой, а также железами—зобной, поджелудочной, надпочечной и слюнными.

Наконецъ. былъ поставленъ очередь вопросъ — обладаютъ-ли легспособностью обезвреживать ядовитыя вещества? Для выясненія этого вопроса Roger впрыскивалъ кроликамъ въ различные отдълы кровеносной системы разводки стрептококковъ, бактерій, вызывающихъ воспалительные и гнойные процессы. При этомъ оказалось, что если впрыскиваніе производилось въ воротную вену, несущую кровь въ печень, то животное погибало раньше всего; если-же черезъ поверхностныя вены, несущія кровь сердце, а затъмъ въ легкія, — то животное всего дольше противостояло вліянію яда.

Слѣдовательно, печень не обладаетъ способностью обезвреживать стрептококковое зараженіе, а легкія обладаютъ этой способностью. Про-

должая свои наблюденія, авторъ нашелъ, что по отношенію къ однимъ микробамъ легкія обладаютъ способностью задерживать ихъ развитіе, а по отношенію къ другимъ не обладаютъ. Такъ, легкія оказываютъ задерживающее вліяніе на DOCT'D. стрептококка и кишечной палочки, гораздо слабъе—на ростъ стафилококка и палочки молочницы и совершенно не оказываютъ никакоговліянія на бациллы сибирской язвы. Тотъ же авторъ изслъдовалъ способность легкаго обезвреживанія дъйствіе стрихнина и никотина, и нашелъ, что, пройдя черезъ легкія, стрихнинъ становится въ 2-4 раза, а никотинъ въ 2 раза слабъе.

Недавно появилась диссертація д-ра Е. Конскаго (изъ Военно - Медицинской Академіи)—"Къ чтенію озащитномъ значеніи легкихъ". Авторъ, производя опыты надъ кроликами и морскими свинками, изслъдовалъ обеззараживающее вліяніе здоровыхъ и больныхъ легкихъ на никотинъ, стрихнинъ и пилокарпинъ. Авторъ пришелъ къ слъдующимъ выводамъ: здоровыя легкія обладають способностью обезвреживать никотинъ, но только въ томъ случаъ, если онъ вводится въ разстворъ не больше 1 на 5000 воды; стрихнинъ, проходя черезъ легкія, утрачиваетъ до извъстной степени свою ядовитость, но и здъсь степень ослабленія ядовитости зависитъ отъ концентраціи раствора. Между никотиномъ и стрихниномъ ствуетъ та разница, что первый вълегкихъ подвергается въ 3 раза большему обезвреживанію, чъмъ стрихнинъ.

Обезвреживанію ядовъ въ легкихъ способствуетъ, по всей въроятности, благопріятное дъйствіе вдыхаемаго кислорода и замедленное теченіе крови въ мельчайшихъ легочныхъ сосудахъ (капиллярахъ).

Д-ръ К. Яцута.

Обзоръ русскихъ журналовъ.

Взаимныя отношенія Тургенева и Боткина.— Шуточныя басни Крылова.— Русскія женщины Некрасова въ новомъ освітшеній.— "Омутъ" Погорілова.— "Искусники" В. К-ва.— "Обыватели" Лучинской.

Последнія книжки нашихъ журналовъ изобилують историко-литературными матеріалами, имеющими общій интересъ, такъ какъ касаются любимейшихъ русскою публижою писателей.

На первомъ мъстъ изъ такихъ матеріаловъ мы ставимъ напечатанную въ третьемъ
нумеръ "Русской Старины" статью
Н. Гутьяра "И. С. Тургеневъ и
В. П. Боткинъ", статью хотя и компилятивную, составленную на основаніи
воспоминаній и переписокъ разныхъ писателей, но, во всякомъ случать, очень цънную, такъ какъ она даетъ достаточный запасъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно
придти къ опредъленнымъ заключеніямъ о
взаимныхъ отношеніяхъ двухъ выдающихся
людей сороковыхъ годовъ.

Личныя отношенія между Тургеневымъ и Боткинымъ завязались въ кружкъ Бълинскаго, память о которомъ была одинаково священна для нихъ обоихъ, и быстро приняли дружескій характеръ. Въ теченіе этого періода друзья-писатели очень часто живутъ виъстъ: весь май 1855 г. Боткинъ проводитъ въ с. Спасскомъ, цълую зиму 1857 и 58 гг. они живутъ неразлучно въ Италіи, а зиму 1861 и 62 гг. въ Парижъ. Судя по воспоминаніямъ Щербаня ("Русскій Въстникъ" 1890 г.), Боткинъ относился къ малопрактичному Тургеневу совсъмъ какъ яянюшка, простирая заботы свои о немъ

до мелочей. Самъ Иванъ Сергвевичъ не разъ подтверждалъ это въ своихъ письмахъ Такъ, 22-го мая 1860 г. онъ писалъ, напр., Анненкову: "Воткинъ, зайдя ко миъ, чуть не прибиль моего портного за то, что онъ хочеть мив сделать пиджакъ съ тальею; портной трепетно извинялся, а Василій Петровнчъ with a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur (въдь это нязость, государь мой)". А немного ранте Тургеневъ разсказывалъ такой эпизодъ: "Сошлись мы съ нимъ (Боткинымъ) за объдомъ въ большомъ берлинскомъ отелъ (1858 г.). Заговоривши съ сидъвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянуль о необычайномъ прирость городского населенія и зам'втиль, что давно-ли мы учили по географіи, **9T0** ВЪ 400.000, а воть ихъ уже 700 тысячь. Это нъсколько преувеличено, --- сказалъ мой собестдникъ, -- такъ какъ ихъ всего неполныхъ 600.000. При этомъ возражающій ссылался на то, что ему, какъ здешнему жителю, это должно быть хорошо извъстно. Я не уступаль, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нъмецъ взялся немедля разръшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за-стола, Боткинъ, сидъвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, въроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— Вотъ это чисто русское, растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свъту развозимъ свое невъжество! Мнъ стыдно подать тебя сидътъ. — Нашелъ, съ къмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство.

Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечъ, и спорившій со мною нъмецъ, шепнувши мнъ на ухо: "извините, я проигралъ", положилъ около моей тарелки два наполеона.

— Кельнеръ, — сказаль я, — бутылку шампанскаго!

Надо было видъть сладчайшій медъ, которымъ засіяло лицо Боткина.

 Молодецъ, молодецъ! — воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву".

Добродушный Тургеневъ на непрошенную опеку Боткина нисколько не сердился и лишь, когда тоть слишкомъ начиналъ выказывать свою заботливость, говаривалъ ему: "что ты мить за дядька дался"; надъ сибарятствомъ же и раздражительностью своего пріятеля онъ только подшучиваль, величая его то "дономъ Базиліемъ", то "старцемъ Василіемъ", или "новоявленнымъ исповъдникомъ". Впоследствін же, когда эпикуре-Боткина развился до крайности, между пріятелями наступило зам'єтное охлажденіе, и шутливыя замъчанія Тургенева постепенно вытеснились другими---ръзкими уже. Такъ, въ 1857 г. онъ писалъ Анненкову (изъ Рима): "Боткинъ здоровъ, я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характеръ есть какая-то старческая раздражительность, --- эпикуреецъ въ въ немъ то и дело пищить и киснеть; очень ужъ онъ заразился художествомъ". А черезъ 4 года тому же лицу онъ сообщаеть (изъ Парижа): "Боткину немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но если бы вы знали, какъ безобразно грубо выступиль въ немъ эгоисть, это даже поразительно! Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человъкъ сидять звърь, укрощаемый одною только любовью". А еще позже онъ же пишеть: "Коли Боткина не будеть въ Петербургъ, я на его квартиръ остановлюсь, а то ужъ въ прошломъ году отзывало отъ него трупомъ, да еще ядовитымъ".

Въ общемъ же Тургеневъ относился къ

Воткину очень снисходительно и старался видыть въ немъ неудачника, горемыку, и этоть взглядъ свой высказалъ въ одномънзъ писемъ своихъ къ Анненкову изъ Бадена (въ 1864 г.). "Боткинъ—писалъ онъ—здёсь замиралъ и таялъ отъ въги, что не помъщало ему съ остервенъніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоившій ему 1.500 рублей сер.! Вотъ человъкъ—осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска гложетъ в гонитъ съ мъста на мъсто".

По случаю смерти Боткина Тургеневъ въ письм' все къ тому-же Анненкову произносить такой суровый отзывь о своемь другь: "Давно не исчезало съ житейской сцены человъка, столь способнаго наслаждаться жизнью, это быль своего рода таланть; нонеумолимая судьба не щадить и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими. и пр. онъ поступилъ хорошо, но наше оъдное общество (литературный фондъ) осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубъжденія сидъли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынъ. Не хуже любогопрусскаго junker'a или николаевскаго reneрала... Литература для него все-таки отзывалась чемъ-то въ роде бунта"! Письмомъже къ Фету Иванъ Сергвевичъ сиягчаетъ свой отзывъ: "Итакъ, Василія Цетровичане стало. Жалко его не какъ человъка, а какъ товарища... Себялюбивое сожальніс! Умница былъ, а коть и говорятъ, "l'esprit court les rues", но только не у насъ въ Россіп... Да, у насъ и улицъ мало".

Заслуживають винманія и отзывы Боткина о произведеніяхъ Тургенева. Въ статьът. Гутьяра всё они сконцентрированы воеднно, что даеть возможность сразу же вънихъ разобраться. Въ этихъ отзывахъ сказался "тонкій и вёрный вкусъ" Боткина, который, чуть-ли не одинъ изъ всёхъ друзей Тургенева, сумъть сдёлать надлежащую и разностороннюю оцёнку его наиболёе крупныхъ произведеній. Онъ стоялъ выше современниковъ и отнесся безъ предвзятыхъ взглядовъ къ его боевымъ романамъ, несмотря на то, что судилъ ихъ прежде всего съ эстетической точки зрёнія. Воть какъ охарактеризовалъ Боткинъ Тургенева:

"Какая прелесть "Записки Охотника", писаль онъ Анненкову въ 1847 году,-"Пеночкинъ" (т. е. разсказъ "Бурмистръ") и "Контора", помъщенныя въ 10-мъ нумеръ "Современника". Какой артисть Тургеневъ! Я читаль ихъ съ такимъ же наслажденіемъ съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини" (итальянскаго золотыхъ дълъ мастера эпохи возрожденія). Въ февралѣ слѣдующаго года онъ писалъ тому-же Анненкову: "Записки охотника" Тургенева доставили мив истинное наслаждение, и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ мивніемъ Бълинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по своему, и я въ затрудненін, которому изъ нихъ отдать преимушество. Больше всего восхищаеть меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы и, что важно, русской природы и тонкая наблюдательность". О драматическихъ произведенияхъ Тургенева Боткинъ отзывается сдержаните: "Нахлъбникъ" Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совствъ идетъ къ русской жизни. На сценъ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щепкинъ былъ бы превосходенъ", - писаль онъ 10-го марта 1849 г. Въ одномъ наъ писемъ своихъ къ самому Тургеневу (1852 г.) онъ, сообщивъ Ивану Сергвевичу слова Гоголя, высказанныя за два итсяца до смерти последняго, что "во всей теперешней литературъ больше всъхъ таланта Тургенева", прибавляеть: "меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебъ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно літнивъ и неусидчивъ у меня-вотъ что плохо. Я знаю, что "Свои люди" Островскаго великол'впная вещь, а все-таки сочности и таланта, поэтическаго таланта, въ тебъ больше. Только, можеть быть, не для театра". Черезъ годъ, также въ письмъ къ самому писателю онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ манеру его творчества: ея "отличительную черту составляетъ тонкій артистическій юморъ, который безпрестанно задъваетъ читателя то оригинальною метафорой, то неожиданнымъ сравненіемъ, то поэтическимъ, быстро мелькающимъ взглядомъ (и темъ оно дороже!) но

постоянно держить умъ ero en éveil".

О "Наканунъ" Боткинъ отозвался въ письмъ къ Фету оть 20-го марта 1860 года

"Несмотря на всъ недоразумънія, "Наканунъ" я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю есть-ли въ какой повъсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и, чтобы, скрыть эту небрежность, а можеть быть и неопределенность фундаментальных линій, онъ обогатиль ихъ превосходивишими деталями, какъ иногда делали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляють забывать о неясности цалаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругь раскрывающіе внутреннія переспективы предметовъ. Правда, что несчастный болгарь решительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинъ такъ слабо очерчена, что не возбуждаеть ин малъйшаго участія, а вследствіе этого и любовь къ нему Елены болъе удивляетъ, нежели трогаеть. Успъха въ публикъ эта повъсть имъть не можеть, пбо публика вообще читаеть по-утинному и любить глотать целикомъ. Но я думаю, едва-ли найдется хоть одинъ человъкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не простить повъсти всъ ея натематическіе недостатки, за тъ сладкія ощущенія, которыя пробудять въ душт его ся нъжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, и заранъе согласенъ со всъмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повъсти, и, все-таки, я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронеть, не заставить задуматься, но она повъетъ ароматомъ лучшихъ цвътовъ жизни".

Послѣднез крупное произведеніе Тургенева, появившееся при жизни Боткина,— "Дымъ"—вызвало такой его отзывъ: "Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть. Туть нѣтъ и тѣни похожаго на "Призраки" пли "Собаку". Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежниго недостатками" (письмо къ Фету отъ 14-го марта 1867 г.).

Отъ "Отцовъ и дътей" Боткинъ, по словамъ г. Щербаня ("Русскій Въстникъ" 1890 г.), былъ въ положительномъ восхищеніп. Самъ Тургеневъ писалъ К. К. Случевскому 14-26-го апръля 1862 года: "Досихъ поръ Базарова совершенно поняли,

то-есть поняли мои нам'вренія, только два лица: Достоевскій и Боткинъ". Посл'ядній боялся лишь одного, сл'ядя за окончательной отд'ялкой "Отцовъ и д'ятей"— излишней какъ бы придирчивости Тургенева къ частностямъ романа, выражавшейся въ безконечныхъ, по его метнію, поправкахъ.

Воть, въ общихъ чертахъ, матеріалъ, опубликованный г. Гутьяромъ; безъ сомнѣнія онъ поможетъ хоть немного разсѣять тѣ неправильные выводы и невѣрныя ссылки, которые дѣлались почти каждый разъ при обсужденіи взаимныхъ отношеній знаменитаго романиста-художника и тонкаго цѣнителя всего изящнаго.

На страницахъ той же внижки "Русской Старины" пріютились три неизданныя до сего времени басни знаменитаго Крылова. Басни эти названы шуточными и извлечены г. Ильинскимъ изъ поступившихъ въ 1901 г. императорскую публичную библіотеку автографовъ Ивана Андреевича, принадлежавшихъ нъкогда семейству Олениныхъ. Басни эти, по удостовъренію г. Ильинскаго, были написаны въ мызъ Оленинихъ, близъ Петербурга, "Пріютинв", гдв часто бываль Крыловъ и гдъ собирался, такъ называемый, Оленинскій кружокъ. Изъ забавъ пріютинскаго общества была очень въ ходу игра въ шарады, и, по разсказамъ очевидцевъ (см. ст. П. М. Устимовича въ "Русс. Старинъ" 1890 г., VШ, стр. 389), особенно уморителенъ быль въ этой игръ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ. Г. Ильинскій естественно предполагаетъ, что, по всей въроятности. для одной изъ такихъ игръ и, можетъ быть, во время одной изъ такихъ игръ и были написаны шуточныя басни.

Рукопись съ баснями состоитъ изъ трехъ небольшихъ, in 4°, листовъ синей бумаги, перешитыхъ черными шелковыми нитками. На верху перваго листа рукою В. А. Олениной написано: "Шуточныя басни И. А. Крылова въ Пріютинъ". Басни эти, безусловно, представляютъ интересъ, а потому мы ихъ и перепечатываемъ;

I. Паукъ и громъ.

Передъ окномъ Былъ домъ. Ударилъ громъ,
И со ствиы паунъ
Вдругь стукъ,
Упалъ, лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы,
И шопотомъ скнозь губы
Вотъ что кричитъ:
"Когда-бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ,
Ходилъ бы лъсомъ:
Меня бы громъ,—
Трися окномъ
И домъ,—
Съ ствиы не могъ стряхнутъ".

Насъ чаще съ высоты стараются сопкнуть.

II. Оселъ и заяцъ.

Мычать

Оселъ не птица,— Онъ не гораздъ летать; Однако жъ для него не въ первый разъ хвастать,

И родъ звёрей всёхъ увёрять,
Что молодецъ и онъ летать,
Что онъ подъ облака взовьется, какъ синица
Или царица—
Орлица.
А завцъ тутъ: "ну, ну-тка! Полети"!
— "Акъ ты, косой трусика!"—
Осель рычитъ:—"летаю, какъ орлика,
Но не кочу"!—"Пожалуй, закоти"!—

Не суйся въ ризы, коль не попъ!

Такъ мудро заяцъ отвъчаетъ.

Осель бъжить, скакаеть,

И въ яму хлонъ.

III. Комаръ и волкъ.

Комаръ Жиль у татаръ Иль у казаръ. Вдругъ волкъ Къ нимъ въ двери толкъ, Давай кричать И комара кусать. Комарь испугался, На печку вабрался. Туть волкъ ему: "Съ печи тебя стяну"! А тотъ: "нътъ, не достанешь. Устанешь, Отстанешь"! А волкъ Вдругь скокъ Къ нему тутъ на полати,

Да вотъ его и проглотиль, А самъ таковъ и быль.

И мив пришло скавать тугъ кстати, Что сильный слабаго не дивно погубиль.

Огромнъйшій интересъ для всяваго читателя представляєть напечатанная въ анръльской книжкъ "Русскаго Богатства" статья г. Горнфельда "Русскія женщины Некрасова въ новомъ освъщеніи". Статья эта написана талантливымъ изслъдователемъ литературы по поводу появившихся недавно въ печати, "Записокъ княг. М Н. Волконской", безусловно имъющихъ большое общественное значеніе и историко-литературную цънность.

Для критики Некрасова "Записки Волконской", по мивнію г. Горифельда, чрезвычайно важны, — это тв самые мемуары, которые вы поэтическомы воспроизведенія вствиь извъстны чуть-лине сь самаго дътства по "Русскимы женщинамы"; они дають новые и драгоцтвные матеріалы для исправленія ряда критических ошибокъ, для разрушенія многихъ предразсудковъ связанныхъ съ "Русскими женщинами" и, какъ лучшій результатъ всего этого, для выясненія творческой и правственной личности знаменитаго ноэта.

Среди критики утвердилось предположение, булто Неврасовъ, познакомившись по доступнымъ ему источникамъ съ жизнью княгини Волконской, сочинилъ ея воспоминанія. подставляя ей свои впечатленія, опираясь на свои поэтическія-и политическія-соображенія, а больше всего на свою выдумку. Держась такого предположенія критика вполить законно, конечно, обсуждала и оцънявала съ точки зрѣнія внутренней цѣлесообразности самые факты, излагаемые поэтомъ, и въ случав нужды просто подвергала ихъ сомивнію, доказывала при посредствъ логическихъ и психологическихъ соображеній, что тоть или иной эпизодъ въ неестествененъ, не реаленъ, могь имъть мъста въ жизни и т. д.

Путемъ сличенія появившихся "Записокъ Волконской" съ "Русскими женщинами" г. Горифельдъ пришелъ къ заключенію, что Некрасовъ былъ знакомъ съ этими записками и по нимъ писалъ вторую часть

извъстной поэмы. О томъ же есть ссылка и въ самыхъ мемуарахъ, въ предисловіи нздателя ихъ князи М. С. Волконскаго. "Съ Некрасовымъ-разсказываетъ онъ-л быль знакомъ долгіе годы. Нась сбянзила любовь моя къ поэзін и частын зимнін охоты, во время которыхъ мы много бесъдовали, причемъ я, однако же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проникнули несвоевременно въ печать... Разъ онъ, прівхавъ ко мнъ, сказалъ, что пишеть о моей матери, и просилъ меня дать ему ея "Записки", о существованін которыхъ ему было извъстно; отъ этого я отказался наотрезъ, такъ какъ не сообщалъ до твуъ поръ этихъ "Записокъ" некому, даже людямъ, миъ наиболъе близкимъ.

"Ну, такъ прочтите мит ихъ, --- сказалъ онъ мив. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталь меня уб'вждать, говоря, что данныхъ о княгинъ Волконской у него гораздо меньще, чемъ о княгант Трубецкой, что образъ ея выйдеть искаженнымъ, невърными явятся и факты, и что мив первому это булеть непріятно и тяжело, а опроверженіе будеть для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мић слово принять всв моп замъчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всё ся подробности. Я просиль дать мит итсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ "Записки" моей матери, въ концъ концовъ, согласился не смотря на то, что мнв была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказъ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати. Некрасовъ пофранцузски не зналъ, по крайней итръ, настолько, чтобы понимать тексть ири чтеніи, и я долженъ быль читать, переводя по русски, причемъ онъ делалъ заметки карандашемъ въ принесенной имъ тетради".

Изъ этого отрывка уже ясно видно, что общіе контуры поэмы опредълились для поэта "Записками", и что подъ ихъ вліяніемъ онъ избраль форму воспоминаній. Г. Горнфельдъ цъльмъ рядомъ сопоставленій поэмы съ записками наглядно доказываетъ, какъ бережно поэтъ отнесся къ своему драгоцівному оригиналу и какъ внимательно онъ слідилъ за нимъ. Тіми же сопоставленіями онъ опровергаетъ и цитируемыя

имъ въ изобиліи указанія критики на промахи, пробѣлы, психологическія невѣроятности и логическія несообразности, которыя "неискренній, тенденціозный поэтъ внесъ въ свое произведеніе, то подъ вліяніемъ агитаціонныхъ соображеній, то по глубокому прозанзму своего сочинительства, то просто по невѣжеству".

Мы не будемъ перепечатывать дължемыхъ Горифельдомъ сравненій некоторыхъ мъсть поэмы съ подлининкомъ ея и ограничимся чишь заключительными словами его: ..., теперь мы видимъ, что творчество въ извъстной степени заключалось въ выборъ болъе цънныхъ для характеристики и настроенія эпизодовъ, что оттінки, которыя представлялись намъ правдой поэзіи, были также правдой действительности. Когда иы дождемся, наконецъ, научно комментированнаго изданія произведеній Некрасова, въ примъчанія къ "Русскимъ женщинамъ" придется перенести чуть не цаликомъ "Записки" княгини М. Н. Волконской, вплоть до того момента, гдв разстался съ нею ея поэтъ. И тогда хулители Некрасова, витесто того, чтобы говорить, какъ они говорили до сихъ поръ: "какая это поэзія, --- это все выдумки! "-стануть говорить: "какая это поэзія, -- здісь ність выдумки! "Неправы они, въ обонхъ случаяхъ: на то они и худители, чтобы быть неправыми. Но все же изъ двухъ крайностей вторая ближе къ истинъ; и сличеніе мелочей съ особенною ясностью показываеть, какъ мало вымысла въ поэм' Некрасова".

Самой крупной беллетристическою вещью въ последнихъ книжкахъ журналовъ нужно считать повъсть г. Погорилова "Омуто", напечатанную въ мартовскомъ и апрълскомъ нумерахъ "Русскаго Богатства".

Вещь эта съ перваго впечатлънія кажется и немножко тяжеловъсной, и длинноватоскучноватой, но это только съ перваго раза. Въ дъйствительности же она интересна и по своему сюжету, и по своей тонкой обрисовкъ различныхъ классовъ современнаго общества и, слъдовательно, по выведеннымъ типамъ.

Центральная фигура пов'я вти— Бутылинъ— вырисованъ г. Погор'я вымъ размашистою и сочною кистью. Когда-то герой этотъ принадле-

жаль къ разряду техъ мелкихъ золотонскателей, которые, не вылізая изъ долговъ, годами быотся, какъ рыба объ ледъ, порой. доходя до совершенной нищеты, но никогда. не теряя надежды на слепое счастье, которое вдругь, въ одну минуту можеть вывести. изъ темныхъ дебрей на широкій просторъ и. вознаградить сторицею за годы труда и лишеній. Дівла его были совсівнь плохи,. когда онъ случайно встретился съ другомъсвоего детства, такинъ же золотонскателенъ, какъ и самъ, Ваней Сальниковымъ, съкоторымъ не видался около десяти лътъ. Сальниковъ только-что напаль на "золотишко" и поэтому случаю находился въ восторженно ликующемъ настроеніи. Онъ обрадовался старому пріятелю и съ первыхъ же словъ сталъ звать его въ компаніоны. Бутылинъ, конечно, согласился, тотчасъ же перебрался на прінскъ товарища и кругопринялся за работу. На прінскі сразу почувствовалось, что предпріятіе перешло въ умълыя и кръпкія руки. Дъла пошли шибко въ гору, и черезъ пять летъ товарищи были уже богачами, имъли нъсколько богатыхъпрінсковъ, десятки служащихъ и тысячи. рабочихъ... Но въ это то самое время разразилась ужасная катастрофа. По мере того, какъ самъ Сальниковъ постепсино устранялся оть всяких ь дёль, положившись во всемъ на компаніона, и ставъ все больше и больше запивать, Бутылинъ съ большою настойчивостью и осторожностью, шагь за шагомъ переводилъимущество и капиталы на себя, заставляя безпечнаго и довърчиваго друга подписывать всякія обязательства, бумаги и векселя. Въ результать Сальниковъ раззорился, у него продали съ молотка все имущество,. онъ умеръ отъ паралича сердца, семья. пошла по міру... А Бутылинъ? Онъ быстро пошель въ гору и черезъ короткое время. считался уже въ милліонахъ.

Онъ занялъ видное мъсто въ промышленномъ міръ и сталъ крупной общественной силой.

Въ семейной жизни онъ, впрочемъ, не былъ счастливъ. Его жена, неграмотная и недалекая женщина, разжиръвшая отъ хорошаго житья, съ нъкотораго времени находилась въ состояніи полнаго отупънія, близкаго къ идіотизму, много ъла, почти не двигалась и все ждала какой-то бъды. Сынъ Петръ, на котораго отецъ возлагалъ-

большія надежды, за какую-то исторію быль исключень изъ горнаго института. сбился съ пути, сталъ пить и женился ва артисткъ. Бутылинъ послалъ ему заочное проклятіе и не вельль показываться на глаза. Черезъ годъ, однако, Петръ прітхалъ женой, испитой, голодный и нищій. Произошла ужасная семейная сцена, отецъ еще разъ проклялъ сына и выгналъ его изъ дому. Петръ запилъ мертвую, жена отъ него вскоръ ушла, и онъ какъ-то чрезвычайно быстро превратился въ форменнаго золоторотца. Иногда украдкой, съ чернаго крыльца, онъ приходилъ къ матери, и та, какъ нищаго, принимала его въ кухив. плакала, коринла объедками, снабжала старыми вещами и провизіей, но денегь никогда не давала. Отецъ никогда о немъ не справлялся, даже запретиль говорить немъ въ своемъ присутствіи.

Дочь, горбатая и кривобокая, съ лицомъ, испорченнымъ оспой, была безобразна; Бутылинъ стыдился показывать ее въ люди и вмъстъ съ женой держалъ въ заточеніи.

Была у Бутылина мать, восьмидесятильтияя старуха, которая, осудивъ его за "мірское прельщеніе", ушла отъ него и поселилась въ скитахъ, въ лъсныхъ дебряхъ Корчевской заводской дачи. Она пользовалась большимъ почетомъ со стороны окрестнаго населенія за свою строгую жизнь и, вмъстъ съ другими скитскими отшельницами, питалась приношеніями добрыхъ людей.

Воть каковъ типъ героя повъсти "Омутъ". Г. Погоръловъ сумълъ вывести его съ замътщательностью. чательной Особенно удалось ему изображение душевныхъ мукъ н угрызеній совъсти Бутылина при всякихъ напоминаніяхъ о Ванъ Сальниковъ, томъ, самомъ, котораго онъ до няточки обобралъ и за счеть котораго возвеличился до виднаго общественнаго положенія. Ваня Сальниковъ положительно не даеть шагу ступить Бутылину, онъ всюду воскресаеть у него въ памяти и въ результать доводить его до галлюцинацій. Бутылинъ, повторяемъ, оченъ удался г. Погорълову и въ немъ авторъ вполнъ обнаружилъ свою способность къ наблюдательности психологическихъ явле-

Артистически же обрисована авторомъ и вся окружающая героя обстановка. Бутылинъ, какъ видёлъ читатель, крупный

золотопромышленникъ, и кромф того больщой делець въ области благотворительности. Следовательно, ему приходится вращаться среди очень разнообразныхъ слоевъ общества. И этимъ обстоятельствомъ авторъ повести возпользовался во исю ширь. Въ "Омуть" передъ вами проходить нескончаемая шеренга разнообразитишихъ Бутылину вздумалось снять въ аренду об-пирный казенный горный заводъ, и г. Погорьдовь изображаеть цьлый кадрь чиновниковъ, и старыхъ и младыхъ, инженеровъ со слишкомъ большими аппетитами изъ учрежвъдающаго разръшенія подобныхъ дель, останавливаясь попутно и на порядкахъ, царящихъ въ немъ, Въ другой разъ заблагоразсудилось своенравному милліонеру поблаготворить, н у г. Погоралова опять готовъ длиннъйшій рядъ картинъ. Передъ вами встають и дамскіе филантропическіе комитеты, и благотворительные базары и маскарадные вечера; и детскіе пріюты, устраиваемые различными патронессами прежде всего ради флирта либо съ вліятельными предсъдателями, либо съ ихъ молодыми, подающими надежды, секретарями.

Вырисовываетъ свои этюды г. Погореловъ
поразительно детально п тонко, Перелистывая страницу за страницей "Онута",
испещренныя самыми разнохарактериейшими пов'ествованіями, прямо поражаешься
ум'елости автора оріентироваться въ такой
масс'е матеріала. Правда, иногда подъ
вліяніемъ этихъ пов'ествованій забываешь
и героя пов'ести, но это только на время;
онъ тотчасъ же встаеть опять и начинаетъ
вновь овлад'евать вашимъ вниманіемъ.

Дъйствуетъ Бутылинъ въ повъсти и въ качествъ отца неудавшагося сына. Конечно, онъ болъс склоненъ къ деспотизму, но все же у него сказываются и добрые порывы. Когда онъ встръчаетъ случайно своего спившагося сына, превратившагося въ "бывшаго человъка", онъ негодуетъ, отвертывается и открещивается отъ него; но потомъ идетъ самъ на встръчу ему, отыскъваетъ его въ какомъ-то притонъ и стремится устроитъ ему покой у себя на барской квартиръ. Семейная обстановка милліонера, разумъется, скоро надоъдаетъ босяку, и тотъ вновь вырывается на свободу изъ подъ родительскаго крова.

Заканчивается повъсть г. Погорълова

печально: на торжественномъ объдъ, устроенномъ городомъ въ честь мъстняго дъятеля, Бугылина поражаетъ апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ и умираетъ.

Языкъ повъсти очень выдержанъ, гладокъ, что обнаруживаеть въ г. Погоръловъ образдоваго стилиста и дълаетъ чтеніе его повъсти, не смотря на ея обширность, вовсе не утомительнымъ.

На страницахъ той же апръльской книжки "Русскаго Богатства" помъщенъ небольшой симпатичный очеркъ В. К-ва, носящій заголовокъ "Искусники" и представляющій изъ себя отрывокъ изъ воспоминаній врача о Карійской каторгъ. Подъ "искусниками" въ очеркъ разумъются тъ арестанты, которые искусны въ разныхъ ремеслахъ.

По приходъ партіи арестантовъ на Кару, при первой же провъркъ одежды, обуви и т. д. особой коммиссіей, последняя обращада вниманіе на выборъ мастеровыхъ для тюремныхъ мастерскихъ, которыя сосредоточивались на Нижней Каръ и Усть-Каръ. Нижняя пересыльная тюрьма, гдв обыкновенно производился пріемъ и осмотръ нартій, бывала почти сплошь набита мастеровыми всякаго рода. Въ нее приходили ювелиры, рѣзчики, повара, модистки, и ылинропаци тому подобный мастеровой людъ, повидимому, совершенно непригодный для мастерскихъ каторги, но и этотъ особый видъ мастеровыхъ оставлялся на Нижнемъ промысль: "на всякій случай, можеть встрьтиться надобность, оно и готово".

И нужда въ такой надобности у обывателей карійских ощущалась очень часто, тымъ паче, что они были очень охочи до дарового труда, который и позволялъ мъстнымъ чиновникамъ-администраторамъ большой и малой руки имъть превосходной работы экипажи, сбрую, роскошныя золотыя вещи и развые предметы для услады своей жизни, а также устранвать при содъйствіи ходячихъ поваровъ-арестантовъ лукуловскіе объды, а женамъ ихъ—наряжаться въ шляпки, кофты, платья ранъе невиданныхъ фасоновъ.

Очеркъ г. К-ва полонъ типичныхъ картинокъ изъ жизни арестантскихъ тружениковъ, въ среду которыхъ часто попадали, конечно, и тунеядцы, лънтяи и мошенники.

Изъ вску же изображенныхъ авторомъ фигуръ наибольшій интересь представляеть фигура шестидесяти-пятильтняго повара Горячаго, пришедшаго на каторгу за убійство трехъ человъкъ помъщичьей семьи. Этотъ полупом в шанный старикъ вызываеть одно лишь сожальніе. Горько и тяжело слышать изъ усть его следующую характерную тираду о каторжной жизни и воспоминаніяхъ о своемъ преступленіи: — "Наше житье"?... житье-встаешь да за вытье... Что въ томъ, что я поваръ? За двадцать л'етъ каторги — пирога хорошаго не пришлось сделать, — шиломъ работать приходится. Ха, ха, ха! повару Горяшиломъ?! Понимаешь ты? повару шиломъ... а? Тьфу! Поваръ его сіятельства графа Гремучаго пропадаеть ни за копъйку. Нътъ, ты скажи: зачеть тиранствовалъ? Зачъмъ Марьюшку мою, изнахрапилъ... а? По какому такому праву? Думалъ такъ пройдетъ? вре-е-е-шь! Не гриши черезъ край!.. Не насильствуй, не озорничай!.. Господь все видить: Горячаго простить! Простить Онъ, всемилосердный, у Него, брать, плетей, тюремъ не положено, всякъ отвътитъ... Овъ разбереть!.. Горячій убилъ, а его-то какъ били? Въ три раза уб-и-ива-а-ли... П-д а-а!.. Марью мою забили до сперти-за что... о-о? что она сделала?! Я убиваль; я-поварь Горячій, я и въ отвъть... А Марьюшку-то? За-б-и-и-л-и! Женой Горячаго хот кла быть; барину понравилась... Н-в-в-ть, вр-е-е-шь! Не все можно делать. ваше сіятельство... Каторга?! что каторга? Тьфу!.. Умремъ всь, братцы мои, всь тамъ будемъ, а поддаваться, --- вр-е-е-шь!"

На грустныя мысли наводять такія разсужденія, а ими переполнень очеркъ г. К-ва, что, однако, нисколько не отталкиваеть отъ него читателя, а, наобороть, притягиваеть, благодаря правдивости и естественности тона, съ которымъ ведеть свой разсказъ авторъ.

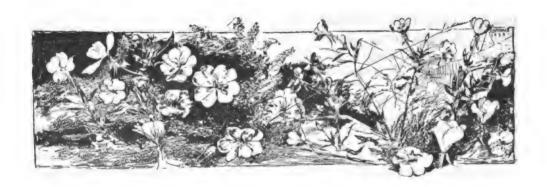
Пошлъ и цинично грубъ другой очеркъ, напечатанный въ томъ же самомъ "Русскомъ Богатствъ", подъ заглавіемъ "Обыватели", принадлежащій перу г. Лучинской. Очеркъ этой дамы всецъло посвященъ разсказу о томъ, какъ дъвушка Устиньюшка, живущая "въ услуженіи" у старика, повидимому, отставнаго чиновника.

и состоящая въ полномъ его обладанін, захотъла избавяться отъ предстоящихъ родовъ. "Добрые люди" посовътовали обратиться ей къ банщицъ Суслихъ, знающей очень тонко дело своей спеціальности. "Дъвонька", конечно, послушалась друзей, и Суслиха, подъ разсказъ о важныхъ барыняхъ, обращающихся къ ней также часто за совътами, воспроизвела всю надлежащую операцію. И это все довольно подробно "Обывателяхъ". Не разсказывается ВЪ знаемъ, быть можеть, кого-либо изъ читателей подобная тема и займеть, но насъ, говоря чистосердечно, отъ такого разсказа претить. Правда, г. Лучинская, не ограничивается исключительно эпизодомъ съ Устиньюшкой, ею введены въ очеркъ и другія дъйствующія лица-брать покровителя геронни разсказа и его содержанка, командующая

все время надъ Устиньюшкой. Братья, ранве спорившіе о политикъ разныхъ иностранныхъ кабинетовъ, о сраженіяхъ и возстаніяхъ въ Испаніи, предвкушая рожденіе ребенка и заранве уже опредвляя его мужской полъ, переносять тему спора съ политики на воспитаніе и образованіе дітей, и въ немъ проводять всіз дни. Содержанки же этихъбратьевъ ежечасно ругаются, причемъ старшая, управительница всего дома (братья живутъ вмівсті), является боліве сильной и часто задаеть изрядныя потасовки младшей, Устиньюшкъ.

Думается, что очеркъ г. Лучинской долженъ только отвращать отъ себя всякаго читателя, имъющаго хоть чуточку эстетическаго чутья.

Б. Г-цкій.

Изданія "Скорпіона": собраніе стиховъ К. Д. Бальмонта, "Золото въ лазури" Андрея Бѣлаго и "Прозрачность" В. Иванова.—Генрихъ Дюмоляръ.—Японія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи.— Monuel Zoologique. A consulter pendant les cours et les travaux pratiques.—Международная Библіографія по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію.—П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографія.—П. М. Бецкой. Другъ человѣчества. Краткій біографич. очернъ.

Изданія "Скорпіона": собраніе стижовъ К. Д. Бальмонта, "Золото въ лазури" Андрея Бѣлаго и "Прозрачность" В. Иванова.

Осмънваемое декадентство все-таки пускаетъ свои корни: появляются новые декадентскіе журналы, пополняются наданія "Грифа" и "Скорпіона". Такъ, недавно "Скорпіонъ" выпустилъ З сборника своихъ поэтовъ: К. Бальмонта, Вячеслава Иванова и Андрея Бълаго.

Признавая декадентство, какъ нѣчто изломанное и больное, — результать больного вѣка и нашей нравственной неуравновѣшанности, — мы не можемъ, однако, не видѣть въ немъ, среди его изступленности и аффектацій, и глубокотаящихся, затерянныхъ здоровыхъ ростковъ, которые въ данный моментъ являются залогомъ будущаго возрожденія или, вѣрнѣе, выздоровленія. Они одни даютъ декадентству право на жизнь.

Въ декадентской поэзіи эти здоровые ростки съ особенной силой прогладывають у г. Бальмонта, сохранившаго тъсную преемственность съ здоровымъ началомъ нашей литературы —Пушкинымъ. И намъ кажется, что если-бы г. Бальмонть забылъ свое причисленіе къ декадентамъ и вытекающую отсюда обязанность быть "внезапнымъ изломомъ" или, по крайней мѣрѣ, понималъ декадентство не въ смыслѣ вычурности и оригинальности, доходящей до какого-то бреда,—то его стихотворенія очень много выиграли-бы отъ этого: гдѣ онъ на мигъ забываетъ свое декадентство, тамъ предъ нами звучный стихъ, чарующій непосредственной поэтичностью.

Таковъ, напр. "Лъсной пожаръ", гдъ декадентство выражается только въ переходъ отъ впечатлънія къ впечатлънію и въ передачъ ихъ живыми красками. Таковы и небольшія стихотворенія, полныя вдумчивости, напр.:

Можно жить съ закрытыми глазами, Не желая въ мірѣ ничего, Н навѣкъ проститься съ небесами, И понять, что все кругомъ мертво. Можно жить, безмолино холодѣя, Не считая гаснущихъ минутъ, Какъ живетъ осенній лѣсъ, рѣдѣя, Какъ мечты поблекшія живутъ. Можно все завѣтное покинуть, Можно все безслѣдно разлюбить, Но нельзя къ минувшему остынуть, Но нельзя о прошломъ позабыть!

нии стихотвореніе "Къ дальнему" ("Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею" и т. д.), гдѣ поэть поднимается до высоты пушкинскаго стиха съ его звучностью, объективнымъ спокойствіемъ цѣльной натуры и мягкостью истинно поэтическихъ красокъ.

Самая возможность подняться до нея, при общей изломанности того направленія, къ которому примкнулъ г. Бальмонть, -- свио силъ ero поэтическалетельствуетъ дара, который, развиваясь свободно, -безъ натяжекъ со стороны теоретическихъ взглядовъ своего владельца, быть можеть, льйствительно могь-бы дать перлы поэзін. Такое-же, полное элегической прелести стихотвореніе "Затонъ", "Если грустно тебъ". Мило по своей простоть и звучности и стихотвореніе "Глушь". Молодой энергіей и полнымъ жизни задоромъ вветь отъ стихотворенія "Гармонія словъ", гдв поэть говорить:

"Почему въ явыкъ отошедшихъ людей Были громы пъвучихъ страстей? И намеки на звонъ всъхъ временъ и пировъ, И гармонія красочныхъ словъ? Почему въ языкъ современныхъ людей Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей? Подражательность словъ, точно эхо молвы, Точно ропотъ болотной травы? Потому, что, когда, молода и горда, Между скаль возникала вода, Не боялась она прорываться впередъ. Если станешь предъ ней, - такъ убъетъ. И убъетъ, и зальетъ, и прозрачно бъжитъ, Только волей своей дорожить. Такъ рождается звонъ для гридущихъ временъ, Для теперешнихъ блёдныхъ племенъ.

Но объда только въ томъ, что г. Бальмонть не даеть воли своему поэтическому дару и самъ создаеть себъ злого генія, который мучить его:

"Какъ страшно радостный и близкій мив прим'връ, Ты все мив чудишься, о царственный Водлеръ, Любовникъ ужасовъ, обрывовъ и химеръ",

говорить поэть и мчится за этими последними.

Насколько чуждъ подобный элементь природному поэтическому дару г. Вальмонта,
объ этомъ ясиве всего говорить количество
чисто декадентскихъ стихотвореній, составляющихъ 7-ю часть всей книги и помвщенныхъ въ концѣ ея, какъ высшій пвѣтъ,
не доставшійся автору свободно, вродѣ
предыдущихъ, а вымученныхъ имъ. Порою
и здѣсь, среди мучительныхъ натяжекъ, прорвется вдругъ ясный поэтическій стихъ и
утонетъ въ бездив вымышленныхъ образовъ
и сравненій, не сведенныхъ въ одно цѣлое
и отъ того еще болѣе теряющихъ всякій
смыслъ.

Таковъ, напр., "Вечерній часъ", гдв ноэть, вообразивь себя почему-то судьбою говорить: "Теперь толпою другихъ. властвуя послушной, я для неяпалачь и божество, картинность думъ---въ ихъ смънъ равнодушной. Но не всегда для сердца моего быль такь отвратенъ образъ человъка, не въчно сердие было такъ мертво", н т. д. Завсь, благодаря несколькимъ чисто поэтическимъ строфамъ въ серединъ, вычурность н натяжка остальных особенно бросается въ глаза и режетъ слухъ. Слова вроде "отвратенъ" образъ человъка -- прямо непростительны г. Бальмонту, который, если захочеть, можеть владеть такою звучностью стиха. Завътъ Тургенева — беречь въ чистоть нашь природный, богатый русскій языкь не ившало бы помнить, по крайней мврв, лучшинъ представителянъ каждаго новаго направленія, чтобы идти впередъ, а не назадъ и не дълать работу въ литературномъ стиль работою Данаидъ.

Конечно, къ вычурности и въ образахъ, и въ ръчи ведетъ поэта его желаніе: "Быть свободнымъ, несвязаннымъ, какъ движенье мечты, никогда не разсказаннымъ до послидней черты" (228). Въ этомъ проскальзываетъ старая идея нашихъ поэтовъ: боязнь толпы, боязнь опошлиться черезъ соприкосновеніе съ ней.

Но г. Бальмонть и вст декаденты не считаются въ данномъ случать съ историческимъ моментомъ. Пушкинъ еще могъ обращаться къ черни съ презрительнымъ окрикомъ: онъ былъ целою головою выше не только этой черни, которой и не могло еще быть дала до поэта, но выше и избранныхъ ею. Чернь эта была далеко внизу; теперь же она поднялась понемногу, разрослась и въ глубь, и въ ширь и, если ибранники судьбы не захотять считаться съ нею, они очутятся въ безвоздушномъ пространствъ, потому что живой, непосредственный матеріаль представдяеть теперь именно эта толпа, развернувшаяся и покрывшая собою все, и пока этотъ матеріаль не разработанъ, до техъ поръ все наши вверхъ будутъ безсильны, безпочвенны, безрезультатны.

Протестъ декадентства противъ опошленія и мъщанства самъ по себъ, конечно, важенъ, но сила и смыслъ этого протеста только въ его умъренности, не вызывающей реакціи. Это должны-бы сознавать сами декаденты, видя, какъ, благодаря крайностямъ, сводится къ нулю цълое теченіе, съ которымъ, несомивино, надо считаться.

Стоитъ, напр., нѣкоторымъ лицамъ открытъ сборникъ г. Бальмонта и наткнутъся на такія стихотворенія, напр., "Хочу", "Шабашъ", "Мстителъ" и т. п., чтобы подтвердить рецензіи, принимающія балаганный тонъ, какъ только рѣчь зайдетъ о декадентствѣ, и не читать его дальше, не вдумываться въ прочитанное.

Зачемъ г. Бальмонту понадобились эти "изломы", къ которымъ прибегаютъ г. Ивановы и т. п.—примо непонятно.

Къ чему также самомнъніе, которымъ полонъ г. Бальмонтъ? Посмотрите, напр., съ какимъ презръніемъ онъ говоритъ "своимъ врагамъ".

О, да, нхъ имена суть многи, Чужда имъ музыка мечты. И такъ они съро-убоги, Что имъ не нужно красоты... Подслъповатыми глазами Они косятся на цвъты, Они питаются червями, О, косолацые кроты!... Но мнъ до инхъ какое дъло, Я въ облакахъ моей мечты Съ недостижимаго предъла Роняю любящимъ цвъты. Свъчу и жгу лучомъ горячимъ, И весямъ красивымъ шлю привътъ. И я инчто—звърямъ незрячимъ,

Такъ заканчиваетъ самомнительный поэтъ. Это куда гордъливъй Пушкинскаго: "я памятникъ себъ воздвигъ нерукотворный"...

Но зранью сватлыхъ-я расцвать!

Считая всёхъ, не понимающихъ "декаденщины" слепцами, г. Бальмонтъ, говоритъ имъ ("Ароматъ Солнца"):

> Не узрёть вамъ райскихъ вратъ. Есть у солнца ароматъ, Сладко внятный только намъ, Зримый птицамъ и цвётамъ.

Между тівмъ, этотъ расцвіть для зрізнья зрячихъ,—какъ горделиво называетъ себя г. Бальмонтъ, замічательно безпринципенъ, подобно большинству своихъ собратій—декадентовъ, къ добру и злу. Эта безпринцинность проскальзываетъ вездів въ поэзіи Бальмонта.

Для иллюстраціи ея приводятся самые яркіе прим'тры: "что безчестное? честное? что горитъ? что темно? я иду въ неизвъстное, и душъ все равно", говоритъ поэтъ, и далъе: "Но люблю безотчетнос, и восторгъ, и позоръ" и т. п. Но такъ какъ эта безпринципностъ не можетъ быть искренна, то является выкрикивание ея, что, конечно, только еще болъе портитъ дъло и принимается прямо за болъзненный бредъ. Здъсь уже совершенно теряется принципъ нравственной уравновъщенности, и начинается шатание изъ стороны въ сторону.

Тѣмъ болъе онткнопон повтореніе Бальмонтомъ общаго бреда декадентовъ, что онъ владбеть порой такими тонкими переходами отъ здороваго творчества болъзненной чуткости декадентства, которые могутъ подкупить даже завзятыхъ враговъего. Таково, напр., стихотворение "Аромать солнца" и т. п. Можно напомнить здъсь г. Бальмонту его-же собственный стихъ: Тончайшія краски не въ ярких в созвучьях в, а в в еле замытных в дрожаніях струнт (249). Между твиъ это забывается г. Бальмонтомъ, особенно въ техъ стихахъ, где, оставляя символическую или философскую идею, онъобращается къ самой действительности и стремится придать ей общій характеръ чегото яркаго.

Въ результать получается сильнъйшая реализація, недопустимая не только въ стихахъ, но и въ прозъ, грубо бьющая по первымъ. Таковы стихотворенія "Въ глухіе дни, гдъ "На улицахъ изсохшіе скелеты щипали жадно чахлую траву", "Опричники" и т. п.

Притомъ, остается на воздухѣ главное основоположеніе, намѣченное г. Бальмонтомъ въ эпиграфѣ сборника: "Міръ долженъ бышь оправданъ весь, чтобъ можено было жить"; но къ этому оправданію—слѣдовъ мало въ поэзіи г. Бальмонта, скорѣе наобороть.

За г. Бальмонтомъ следуютъ сборники меньшихъ силъ декадентства, или, вернее, мы сказали-бы,—ступеньки внизъ къ настоящей "поэзін вырожденія". У г. Белаго не смотря на претензій, порою мелькаетъсовершенное отсутствіе поэзій, а вычурность, за неименіемъ поэтичности, доходить досмешного:

"Все тотъ-же раскинулся сводъ Надъ нами лазурно-безмірный, И тотъ-же на сердив растетъ Восторгъ одиночества мирный",

говорить, напр., г. Бълый, или далъе: "Бълоснъжный кусокъ кисеи (т. е. небесный сводъ) загорълся мечтой виннокрасной", или, напр., такія поэтическія строфы:

въ поляхъ.

Солица контуръ старинный, Золотой, огневой, Апельсинный и винный Надъ червонной ръкой. Отъ воздушнаго пъянства Онъмъла земля, Золотыя пространства, Золотыя поля.

Жаръ въ безвременье мчится Пересохиниъ ключемъ; Все земное намъ снится Утомительнымъ сномъ.

Или какъ вамъ нравится такое поэтическое стихотвореніе— "отставной военный"?

Вотъ къ дому, катя по алдеямъ, Съ нахмуреннымъ Яшкой лакеемъ, Подъёхать старикъ, отставной Генераль съ деревникой. Семейство, чтя русскій Обычай, вело генерала Для виннаго действа Къ закуску.

Взирая на дъку блондинку, На хлъбъ полагая сардинку, Кричалъ генералъ... и такъ далъе, въ томъ же духъ.

Впрочемъ, въ первомъ стихотвореніи ("Въ поляхъ") мелькаетъ два три чисто-поэтическихъ стиха, проскользнувшихъ какъ-бы случайно.

Въ общемъ-же, поэзіи въ произведеніяхъ г. Бълаго очень мало, и его стихотворенія своръе всего можно было-бы назвать прозою въ стихахъ, что само собою теряетъ всякій смыслъ.

Возьмемъ еще стихотвореніе "Весна".

Все нодсохло. И почки ужъ есть.
Зацвътутъ скоро ландыни, кашки.
Вотт плывутъ облачка, какъ барашки.
Громче, громче весенняя въсть.
Я встревоженъ назойливымъ пискомъ:
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
Нависая надъ улицей съ рискомъ,
Протираетъ оконныя стекла.
Тутъ известку счищаютъ ножомъ.
Тутъ стаканчики съ ядомъ... Тутъ вата...
Грудь апръльскимъ восторгомъ объята.
Вътеръ пылью крутитъ за окномъ...

наука и жизнь, кн. чі.

Какъ не похожи эти "вирши" на извъстное, звучное стпхотвореніе:

"Весна, выставляется первая рама, И въ комнату шумъ ворвался"...

Въ томъ же духв и стих. "На окранивъ города".

Былъ праздникъ: изъ мглы
Неслись крики пьяницъ.
Домовъ огибая углы,
Бевшумно скользилъ оборванецъ,
Зловъщій и черный.
Таская короткую лъсенку,
Забъгалъ фонарщикъ проворный,
Мурлыча веселую пъсенку.

Обращаясь часто къ изображенію будничной действительности, г. Белый не уместь придать ей того поэтическаго колорита, который заставляеть насъ залюбоваться самой обыденной картинкой и только потому делаеть ее допустимой въ поэзіи. Тайной этой превосходно владели Пушкинъ и Гоголь; этой тайной, какъ художникъ-реалистъ. владелъ и Л. Толстой. Въ ней кроются те тонкія струны, которыя делають писателю или поэту подвластнымъ міръ действительности и дають имъ власть управлять сердцами въ каждый данный моменть.

Какъ далекъ отъ владънія этой тайной г. Вълый, о томъ достаточно свидътельствують всё тё его стихотворенія, гдё онъ обращается къ реальному и силится вплести его въ декадентскій вънокъ. Возьмемъ напр., другое стихотв. "Весна", гдѣ встрѣчаются такого рода поэтическія строфы: "Окна настежствени крикъ, разговоры, и цвъточный качается стебель, и выходять на дворъ полотеры босикомъ выколачивать мебель". 1) (95).

Кром'в того, встр'вчается и полная невыдержанность стиха, приличная только ноэтам'ь, попадающимъ въ редакціонную корзину, какъ, напр., въ "Кошмарть среди бълаго дня":

"Солице жжеть. Вдоль тротуара Подъ эскортомъ пепиньерокъ Вотъ идеть за парой пара Блёдныхъ, хмурыхъ пансіонерокъ".

1 T. II

Нъсколько похожи на обычную поэзію только такія, стихотворенія, напр., "He стихотворенія, напр., "He

Г. Бёлый дёлаетъ нёкоторое нововведеніе, начиная каждый новый стихъ съ маленькой буквы.

Боль сердечныхъ ранъ И тоска растетъ. На поляхъ туманъ Скоро ночь сойдетъ. Ты уйдешь, а я Буду вновь одинъ... И пройдетъ, грозя, Межъ лъсныхъ вершинъ Великанъ съдой: Закачаеть лісь, Склонъ ночныхъ небесъ Затвнить бедой. Стращенъ мракъ ночной, Коли нътъ огня... Посиди со мной, Не оставь меня!.. Буйный вътеръ спитъ. Ночь летить на насъ...

Или—"Битва Кентавровъ".

Холодная буря шумитъ. Проносится ревомъ побъднымъ. Зарница беззвучно дрожить Мерцаньемъ серебряно-блёднымъ, И вижу, въ молчаньи итмомъ Сквозь зелень лепечущихъ давровъ На выступъ минестомъ, крутомъ Нъмой поединокъ кентавровъ. Одинъ у обрыва упалъ, Въ крови весь на грунтъ изрытомъ. Надъ нимъ побъдитель заржалъ И бьеть его мощнымъ копытомъ.

Что касается нововведеній въ языкъ, то г. Бълый слишкомъ ужъ злоупотребляеть этимъ, вслъдъ за прочими декадентами. Вообще, нововведенія въ языкѣ позволительны только генію, обладающему творчествомъ и тонкимъ чутьемъ, помогающимъ ему проникнуть въ духъ языка, въ его корень. Иначе создаются такого рода рифмы и обороты, какъ напр.: "У вечерняго окна янтарълъ мечтатель, прижавшій руку къ сердцу" ("Аргонавты"—200) или "Старикъ, прижавшій ликъ къ изколтнямь, проливаль сушеннымъ серебро съдинъ на закорузлыя, озаренныя углями ноги" (192) и т. п. или такія фразы, какъ "бездумный", "Вселикій", которыя питьють итчто родственное по своему характеру съ изобрътеніями Шишкова, замтыявшаго, напр., иностранное слово "калоши" словомъ "мокроступы" и т. п. хотя руководящія идеи здісь

Останавливаясь, вслёдъ за прочими декадентами, передъ безднами таинственности и ужаса, чтобы поразить воображение, ударить по нервамъ, придать болъе яркости и оригинальности своимъ образамъ, г. Бълый спускается въ древній міръ, вызывая оттуда кентавровъ и фавновъ, которые, попадая въ современную обстановку, чувствують какъто не по себъ. Г. Бълый, по крайней мъръ, не можеть съ ними справиться и, выводя ихъ, начинаеть заговариваться, чувствуя что-то неладное. "Лирическіе отрывки въ прозъ", какъ озаглавиль ихъ авторъ, гдъ этотъ міръ изобилуеть, особенно блещутъ натяжками и неподходящею къ заглавію прозаичностью, благодаря, конечно, тому, что авторъ не можеть воодущевиться этимъ, чуждымъ теперь намъ элементомъ, да и самъ, быть можетъ, хорошенько не уясняетъ себъ, зачъмъ онъ ему понадобился.

Вообще поэзін у г. Бълаго въ его "Золотть въ лазури" (название сборника) мало.

Почти единственной дъйствительной блесткой является здъсь стихотвореніе " $\mathcal{H}(uзнъ$ ", особенно Ш-я его часть, которую мы и приводимъ:

"Я глухо промолвилъ: "Наполнимъ-же

(168)

Пусть сердце забьется опять... Не мы, такъ другіе, такъ правнуки наши Зарю будемъ съ пъсней встрвчать... Пускай-же охватить насъ тьмы Везкопечность сжимается сердце твое! Не бойся: засвётить суровая въчность Полярное пламя свое! Знакомую пъсню вдали затянули. Сивжинки мелькали кругомъ... Другь другу въ глаза мы съ улыбкой **ВЕГАВНУЛЕ**

Наполнили чащу виномъ". Что касается сборника г. Иванова "Прозрачность", то это-еще низшая ступень въ царство декаденства. Можно сказать одно: если будущій историкъ литературныхъ теченій, для изслідованія декаденства, заглянетъ прежде въ книгу г. Иванова, то онъ, несомнтнно, откажется признать его значеніе и смыслъ. Не говоря о такихъ невозможныхъ оборотахъ ръчи, какъ "седмизрачность", свътозрачность", "никлые", мы встръчаемъ тавтологію въ стихъ и, наконецъ, полную потерю его смысла. Таково, напр., стихотворение въ началъ сборника, озаглавленное "Прозрачность". Взять хотя-бы первыя строфы:

"Прозрачность купелью кристальной Ты твердь улегчила,—и тонеть

Луна въ сроброзарности сизой. Прозрачность, ты лунною ризой Скользиула на влажныя лона, Пленила дыханія мая И звукъ отдаленнаго лая И призраки тихаго звона". (4)

Хотя для рифмы слову "мая" съ формальной стороны и подходить слово "лая", но все таки непонятно, какъ поэта могла плънить прозрачность.

Не угодно-ли понять и такія строфы у г. Иванова въ стих. "Изумрудъ"?

> Земли божественная злачность, Ея рождающее Да. О просвётленный свётозрачность, Ты будешь намъ всегда, всегда!

Здёсь нёть даже правильной этниологіи; просвитленный и свитозрачность.

Чъмъ-то сверхъ-обычнымъ, върнъе, сверхъ-ерундистымъ, въетъ и отъ стих. "Искушеніе прозрачности". Вотъ оно все:

Когда насъ окрывить проврачность, Всёхъ безднъ віяющая мрачность Обниметь радужную кручь—
И, къ нимъ склоняясь, Седмиврачность Возжаждетъ слиться въ бёлый лучъ. Но ты удержишь духомъ сильныхъ, О высей яркая среда, Гдё слёпнеть власть очей могильныхъ И въ преломленіяхъ умильныхъ Поетъ всерадостное Да!

Совершенно недопустимы не только въ стихахъ, но и въ проз'в, и такія сопоставленія подъ рядъ двухъ словъ, какъ: "свершается свершитель", "д'влается д'влатель".

Стихотворенія "Ганимедъ", "Геліады" и "Орфей", задуманныя, по словамъ автора, въ духъ античныхъ дифирамбовъ, тоже не блистаютъ поэтичностью: чувствуется натяжка, отсутствуетъ живое воодушевленіе поэта, которое одно способно перенести насъ въ изображаемый міръ.

Вообще, во всей книгъ г. Иванова мы не находимъ пи одного поэтическаго стихотворенія, за исключеніемъ стихотворенія "Ясность". Все это, говоря словами г. Бальмонта, болъзненный "паломъ", приближающій поэзію декаденства, если она не поднимется надъ этимъ, къ настоящей поэзіи вырожденія.

T. T.

Генрихъ Дюмоляръ—Японія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Изданіе Пантелѣева Спб. 1904 г. ц. 1 р. 50 к.

Книга Генриха Дюмоляра, бывшаго профессора Токійскаго университета, въ сжатомъ, почти конспективномъ изложении знакомить читателя съ положениемъ современной Японіи. Авторъ прожиль въ Японін долгое время и хорошо изучилъ своеобразный оукладъ быта загадочной страны; онъ писаль свою книгу, исходя изъ той мысли, что, вибсто всякихъ восторженныхъ похвалъ или такихъ осужденій японцевъ, имъ самимъ нужна правда. "Ихъ слишкомъ много хвалили въ Европъ, вотъ почему полезнъе, даже въ ихъ собственныхъ интересахъ, сказать имъ то, что очень многіе думають объ нхъ способъ постигать прогрессъ", -- говоритъ онъ.

Въ двънадцати главахъ книги, посвященныхъ современному политическому, экономическому и соціальнымъ вопросамъ, Генрихъ Демоляръ шагъ за шагомъ выясняетъ предъ читателемъ "способъ" постиженія прогресса со стороны Японіи. Историческимъ даннымъ Дюмоляръ отводить всего лишь и сколько страницъ въ введеніи, сосредоточивая весь интересъ своего труда исключительно на вопросахъ современности. Предполагая исторію Японіи изв'єстной, онъ лишь даетъ хронологическую канву и подробно останавливается на началахъ реформъ, последовавшихъ въ Японін. Съ 1868 года возстановленіе абсолютной власти Микадо и паденіе Сіогуната были началомъ укорененія европейской цивилизацін въ странъ. Въ 1870 году Императорская столица переносится въ Кіото; древній Кіото переименовывается въ Токіо, и предпринимается цълый рядъ реформъ, которыя подробно и разсматриваются въ трудъ Дюмоляра.

На первомъ планѣ въ ряду этихъ реформъ стоитъ конституція, заимствованная японцами съ запада. Конституція была объщена императорской властью тотъ часъ же вслѣдъ за уничтоженіемъ сіогуната и возстановленіемъ единой императорской власти.

Въ 1868 году Императоръ принесъ торжественную присягу народу и далъ объщаніе, что вскоръ древній режимъ абсолютной власти будетъ замъненъ новыми порядками, "болъе согласными съ современными идеями".

Въ 1875 году д'влается большой шагъ къ осуществлению об'вщаннаго: создается сенатъ. Сенаторами избираются наиболъе заслуженные люди въ странъ, сенату предоставляется пъкоторая законодательная власть.

Нарождаются политическія партіи. Агитація въ пользу реформы растеть съ каждымъ годомъ, и правительство уступаеть давленію массы.

Императорскимъ рескриптомъ 1881 года объявляется, что вскоръ будетъ составденъ особый комитетъ для выработки началъ конституціи, дъйствіе которой объщано было на 1890 годъ. Однако, японская конституція получила осуществленіе 11 февраля 1889 г., а въ слъдующемъ году уже состоялось торжественное открытіе засъданія Сейма.

Что же такое Японская конституція? продукть небольшой группы осведомленныхъ людей. Она представляеть добросовъстную компиляцію работь нашихъ западныхъ странъ, болъе или менъе приспособленныхъ къ традиціямъ, взглядамъ и правамъ японскаго народа. Она представляеть довольно искусно сдъланное наслоение принциповъ, заимствованныхъ изъ европейскихъ конституцій и особенно изъ конституцін прусской монархіи. Будучи добровольной уступкой государя, она не явилась ограниченіемъ правъ Микадо со стороны какихъ либо общественныхъ органовъ; верховная власть всецъло осталась въ рукахъ Императора, который лишь пріобщилъ къ ней нъсколько общественныхъ органовъ для выполненія своей верховной воли.

Императоръ царствуеть и управляетъ Японіей. "Императору и только одному императору, -- говорить Дюмолярь, - принадлежить полнота верховной власти, и этой властью онъ обладаетъ въ силу божественнаго права". Это право нисколько не нарушено. Императоръ подписываеть всв законы; императоръ распускаетъ народную палату. Тъпъ не менъе нъкоторые параграфы конституціи все же ограничивають верховную власть; однимъ изъ атрибутовъ императорской власти является императорскій Секать, которому присвоено: право принятія петицій, право представленія адресовъ императору, право предлагать вопросы правительству и право контроля надъ

Секать состоить изъ двухъ палатъ — На-

латы Перовъ и Палаты Депутатовъ. Въ палату Перовъ назначаются Императоромълица членовъ императорской фамиліи и дворянъ. Въ палату депутатовъ избираются самимъ населеніемъ лица, удовлетворяющія сліздующимъ требованіямъ: избранный долженъ быть непремінно японцемъ, иміть не меніе тридцати літсь отъ роду и уплачивать прямыхъ налоговъ не меніе 15 існъ въ годъ. *>

Избирателями могуть быть всё японцы, въ возрасте не менее 25 леть, платящіе прямыхъ налоговъ менее 15 існъ въ годъ и прожившіе не менее года въ избирательномъ округе. Число депутатовъ въ настоящее время определяется цифрою 369.

Сессію каждаго Секата, открываеть тронная річь Императора.

Следующими органами верховной власти являются министры, которые, по статье 55-конституціи, должны давать советы Императору и быть ответственными за это только предъ Микадо. Избранные Императорской властью министры не ответственны предъпалатами и не обязаны согласоваться съ ея миниями. Только одниъ Императоръ иметь право ставить и замещать министровъ.

Японія им'єсть 10 министровъ. Министры получають скромное жалованіе— "шесть тысячь іенъ".

Какъ же привилась реформа въ странъ, которая сразу послъ феодальнаго строя взела у себя конституціонный образъ Правленія?

Японская конституція— растеніе, смело пересаженное съ чужой почвы и еще нуждающееся въ заботливомъ за собою уходъ. Она возникла и дала ростки въ то время, когда политическія партін въ странъ были еще въ зародышть, а политическая жизнь народа едва-едва пробуждалась. Въ первое время во главъ управленія страной встали люди, облеченные властью и довъріемъ государя. Они управляли не совершенно, опираясь на парламенть. Они вносили проекты, палата принимала ихъ. Но въ одинъ прекрасный день, при введеніи обширной финансовой реформы, палата единогласно отвергла проекть кабинета. Палата отвергла, кабинеть настаиваль, примиренія не послідовало. Императорскій декреть возв'єстиль о распущенін палаты.

^{*)} Іена-96 коп.

Политическія партін въ палатъ—либералы и прогрессисты—ръшили соединиться выъстъ и не уступать.

Во дворцѣ подъ предсѣдательствомъ самого Императора собрался совѣтъ. Совѣтъ рѣшилъ въ свою очередь тоже не уступать. Было предложено даже друзьями старины уничтожить конституцію и возвратиться къ прежней абсолютной власти.

Дюмоляръ отмъчаетъ анархію, царящую среди партій и отсутствіе истинныхъ вождей; до сихъ поръ могущественно и хорошо дисциплинирована олигархія, стоящая во главъ управленія, и плохо организована демократія.

Европейскіе нравы, перенесенные на почву Японіи, не проникли глубоко въ духъ народа, а принялись только на поверхности.

Подкупы и взятки— не редкость въ среде самихъ депутатовъ народа. Всё симпатіи автора лежать на стороне старыхъ государственныхъ людей—людей эпохи Меджи, истинныхъ создателей Японской конституціи. Они стояли до 1890 года во главе управленія страной.

Страна сделала огромные успехи.

Авторъ подробно останавливается на Японской администраціи и приходить къ очень нерадостному заключенію. "Японское чиновничество, говорить онъ, насквозь пропитано сознаніемъ своей важности; въ особенности если чиновникъ побывалъ заграницею".

Чиновничество подкуплено, продажно, а правительственная машина неповоротлива, расточительна и подкупна. Реформы съ одной стороны, съ другой, какъ отражение съдой старины тысячью глазъ отовсюду смотритъ угасающая, но еще не угасшая старая Японія съ ея феодализмомъ и кастовыми интересами.

Старая Японія вовсе не им'єла періодической печати; она была ей совершенно не нужна. Въ 1863 году была сд'єлана первая попытка издавать н'єчто въ род'є газеты; попытка не им'єла никакого усп'єха; у газеты не было читателей и подписчиковъ.

А въ 1871 году страна быстро покрывается цівлымъ рядомъ изданій; съ каждымъ годомъ нарождаются новые органы печати. Послів Японско-Китайской войны пронисходить ністо небывалое: выходившія въ сотняхъ и тысячахъ экземплярахъ газеты выходять теперь въ десяткахътысячахъ. Нікоторыя изъ нихъ уже имібють боліве ста ты-

сячъ подписчиковъ. Десять лѣть тому назадъжурналистъ, имѣвшій заработокъ въ полутораста іенъ, считался на особомъ положеніи счастливца, и о немъ говорили, какъ объ особомъ избранникъ его товарищи по профессіи.

Въ настоящее время въ Японіи насчитывается до 150 тысячъ различныхъ періодическихъ изданій, и среди нихъ до двухъ соть ежедневныхъ газетъ.

Не слѣдуеть забывать, что Японскій письменный языкъ и по синтаксису, и по употребленію словъ сильно, отличается отъ простого разговорнаго языка. Онъ далеко не понятенъ массѣ, и потому Японская печать обречена на обособленность и не можеть быть доступной толиѣ читателей. За то печать свободна почти отъ всякихъ стѣсненій и годъ отъ года завоевываеть себѣ болѣе и болѣе прочное положеніе и дѣлается неотъемлимой принадлежностью Японскаго общества. Развитіе ея есть вѣрный показатель культурнаго роста послѣдней.

Финансовыя средства страны далеко не такъ утъщительны. Расходы на администрацію, расходы на армію и флотъ растуть съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ ними растутъ проценты по долгамъ, которые приходится выплачивать странѣ.

Страна исключительно земледѣльческая, Японія, главнымъ образомъ, воздѣлываетъ рисъ, ячмень, рожь, пшеницу. Воздѣлывается лишь одна двѣнадцатая часть земли и, благодаря мелкой раздробленности частныхъвладѣній, земля обрабатывается тщательно и производительно. Большія землевладѣнія въстранѣ рѣдкость.

Японскій крестьянивъ живетъ бъдно; рисъ—изысканное блюдо его стола. Рисъ главнымъ образомъ идетъ прямо съ деревенскихъ полей въ города, которые, какъ вездъ, кормятся деревней.

Экономическое развитіе Японіи можеть быть расматриваемо, какъ всякая вещь, съ двухъ сторонъ: съ одной стороны предънами блестящая лицевая сторона, съ другой обратная сторона медали. И здъсь прогрессъ Японіи сказался крайне ярко, но и здъсь старая Японія до сихъ поръ тормозить новые ростки.

Въ тридцать лътъ страна, не имъвшая стальной колен, покрылась цълой сътью желъзныхъ дорогъ, общимъ протяженіемъ въ 31 тысячи миль, обслуживаемой 42 желѣзнодорожными компаніями. Компаніи эти очень небольшія; изъ нихъ только пять владъють болье, чыть ста милями жельзнодорожнаго пути.

Развитіе коммерческаго Японскаго флота идеть съ такой же быстротой. До 94 года общая грузоспособность не превышала 150 тысячъ тоннъ, въ настоящее время она достигаеть уже 500 тысячъ тоннъ. Правительство не щадило капиталовъ и всячески поддерживало и поощряло частную иняціативу.

За то нигдъ въ міръ, на желъзныхъ дорогахъ йътъ такого огромнаго процента несчастій и крушеній, какъ въ Японіи.

Японскіе капитаны коряблей набраны съ бору и сосенки, проявляють очень мало и умфнія и заботливости въ перевозкіт товаровъ. Японскіе купцы, въ сношеніяхъ съ иностранными, пользуются далеко не завидной репутаціей. У Японцевъ совершенно нітъ кредита въ Европіъ, и непосредственное сношеніе съ японскими фирмами вещь совершенно невозможная. Посредничество Европы и Америки необходимо и до сихъ поръ.

Японская промышленность дала такія же блестящія цифры въ короткій промежутокь времени. Японцы создали крупную промышленность. Техника сильно возросла; но до сихъ поръ еще отношенія между рабочими и хозяевами редко хорошія. Наступленіе эры крупной промышленности рисуеть блестящее будущее, если судить по цифровымъ результатамъ. Число промышленныхъ компаній растеть, но вийсти съ тимъ большинство возникающихъ компаній является плодомъ спекулятивной горячки, существуя только на бумагъ. Недостатокъ капиталовъ ясно ощущается въ странъ. Банковые проценты огромны. Сами банки за срочные вклады платять оть семи восьми годовыхъ, взимая за ссуды 10—180/о. Благодаря дорогому кредиту больщинство предпріятій сводится съ дефицитомъ.

Въ самой Японіи не находится капиталовъ для поддержки предпріятій. Японское же законодательство ставить препятствія для свободнаго полученія такихъ капиталовъ на западѣ. "Японія для японцевъ", этотъ, принципъ, проводимый во всей Японской политикѣ, является помѣхой и для привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Не надо забывать, что иностранецъ не можетъ пріобрѣтать въ собственность землю въ Японіи. Какимъ же

образомъ иностранный капиталистъ начнетъ строить фабрики на землъ, собственникомъ которой онъ считаться не можетъ?

Рабочія руки въ странѣ дешевы, хотя съ каждымъ годомъ поденный заработокъ рабочихъ повышается; темъ не мене плохое качество Японскаго рабочаго -- не сильнаго и не работящаго-остается дъйствительнымъ фактомъ. Если въ Европъ трудъ оплачивается въ три раза дороже, то тамъ и работаютъ въ десять разъ больше. Плохое качество рабочихъ рукъ, съ одной стороны, съ другой: недостатокъ въ капиталахъ задерживаетъ Японской промышленности. женіе Японскаго рабочаго очень тяжело. Одинъ американецъ, посътившій въ Токіо тюрьмы и и жкоторыя фабрики, заявиль, что онъ находить устройство первыхъ гораздо лучшимъ, чёмъ устройство жилищъ для рабочихъ.

Бъдственное положение низшихъ классовъ населенія безприм'трно. Въ Токіо целые кварталы покрыты трущобами, въ которыхъ царствуетъ нищета и холодъ. Дюмоляръ рисуеть ужасную картину; "представьте себъ 400 — 500 полуразрушенныхъ, леблющихся, невообразимо грязныхъ домовъ, окруженныхъ липкой, вонючей водой, сочащейся отовсюду; дохлыя крысы, гніющія въ углахъ; и среди всего этого блуждаютъ истощенныя фигуры несчастныхъ, единственнымъ убъжищемъ которыхъ являются эти трущобы. Нъсколько квадратныхъ футовъ черной, полустнившей цыновки, на которой валяются маленькія діти, --- воть часто все пространство, отведенное семь Вм всто печи hibatchi, ВЪ которой тлеють несколько жалкихъ кусочковъ древеснаго угля, а тамъ у потолка лачуги, надъ дверью boutsougan, маленькій буддійскій алтарь, къ которому въ наиболъе трудныя минуты жизни устремляются взоры этихъ несчастныхъ. Всъ дома въ этомъ кварталъ принадлежатъ капиталистамъ, которые умъють получать и съ нихъ хорошіе доходы. Прежде всего ни одинъ кусочекъ пространства не пропадаеть даромъ; переулки такъ узки, что вдвоемъ трудно разойтись, затъмъ квартирная плата никогда не пропадаеть, потому что съ мудрой предусмотрительностью ее взыскивають ежедневно и впередъ. Плата за повъшение для семьи варьируеть отъ 4 до 11/2 сэнъ *) въ день!"

^{*)} Свиа=1/100 iены.

На ряду съ этими очагами нищеты и бъдности, съ этими бродящими, какъ мухи, людьми, раскинули свои паутины пауки ввидъ ростовщиковъ и содержателей тайныхъ ссудныхъ кассъ. Непокрытая бъдность несеть сюда все, до матрацовъ и кухонной посуды включительно. "Въ моменты острой нужды бъдняки не останавливаются даже предъ закладомъ деревянныхъ дощечекъ, на которыхъ написаны имена умершихъ предковъ. Въ закладъ принимаются вообще всякіе предметы, ценность которыхъ не мене 10 сэнъ. По закону можно брать $2^{1/2}$ сэна съ каждаго існа въ місяць, но на самомъ ділів совершенно не считаются съ этимъ, и размфръ процентовъ всегда выше 100 въ годъ. Зимой, во время сильныхъ холодовъ, благорасположеніемъ публики пользуются торговцы, дающіе на прокать одежду и одіяла".

Народное образование всегда было широко распространено въ Японіи. Его благами пользовались не только высшіе классы, но н большинство народа. Съ 1871 года первоначальное образованіе стало общинь; даже въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ, наиболъе отдаленныхъ отъ центровъ, заведены школы. Цълая съть нормальныхъ школъ раскинулась по странъ. Спеціальныя школы существують во всъхъ крупныхъ городахъ. Два университета въ Токіо и Кіото стоять на верхней лъстницъ просвъщенія страны. Но туть опять досадное но: когда то, въ пылу увлеченія иностранцами, которые нужны были Японцамъ, какъ учителя и первые наставники, Японскій университеть широко раскрыль свои двери для западныхъ профессоровъ. Западная наука въ лице ихъ пріобретала авторитетность. Не обощлось дело и безъ курьезовъ, хорошо знакомыхъ въ Россіи при первыхъ шагахъ воспріятія западной культуры. Такъ, напримъръ, одинъ мясникъ изъ Іокогамы былъ назначенъ профессоромъ университета, а нъмецъ цирульникъ изъ Ньюорка, — главнымъ хирургомъ въ войскахъ, посланныхъ для наказанія дикарей на о. Формоза. Но реакціонное движеніе противъ иностранцевъ сказалось быстро; возведенные на степень полубоговъ они были низвергнуты.

Новое настроеніе умовъ, выраженное въ консерватизмъ, заставило покинуть свои ка-федры иностранныхъ профессоровъ. Японцы въ лицъ своихъ академиковъ уже громко возвъщаютъ съ кафедры, что только одни

Японцы имъютъ право на титулъ человъческихъ существъ. "Другіе народы, если не животныя, то по крайней иъръ дикари".

Выросло новое поколбніе туземныхъ ученыхъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ. И въ этомъ ученомъ мір'в Дюмолярь отм'вчаеть одну характерную черту, делающую изъ ученаго какогото глупаго педанта и узкаго формалиста. Эта черта-отсутствие научной любознательности у Японцевъ, отсутствіе всякаго научнаго исканія истины. Японцы профессора, побывавъ за границею и воспріявъ премудрость иностранной науки, гордятся не своимъ знаніемъ, а теми дипломами на ученую степень, которыя разсчищають имъ путь къ кафедръ. Получивъ дипломъ, Японскій ученый успоканвается. Онъ только лишь эксплоатируетъ свой ученый капиталь и читаеть по кафедръ своимъ юнымъ слушателямъ изъ года въ годъ одни и теже записки, плодъ чужой учености, вынесенный оть иностраннаго профессора. Сами студенты хорошо характеризують подобное отношение своихъ профессоровъ, говоря, что они ограничиваются лишь темъ, что продають кафедру иностранных ученыхъ, разръзывая ее на кусочки".

Очень мало утёшительнаго сообщаеть Дюмоляръ о своихъ личныхъ впечатленіяхъ относительно Японскаго студента. Отличіями
его авторъ выставляеть безпорядочную снесь
и легкую память. Спесь мешаеть ему обратиться за разъясненіями къ профессору;
легкая память даетъ возможность быстро,
но безъ всякаго пониманія, долбить лекціи
и, выдолбивъ, такъ-же легко ихъ забывать.
Идеаломъ Японскаго студента, какъ и его
наставника, главнымъ образомъ, служить
дипломъ. Ради него онъ идетъ въ университетъ, ради него—учится.

Трудность Японскаго языка, его неприспособленность для передачи научныхъ терминовъ, все это дълаетъ то, что языкъ служитъ лишь жалкимъ орудіемъ для науки. Курсы ученія по европейскимъ пріемамъ начинають проникать въ Японію, но адъсь выступаетъ на сцену иная трудность: радикальное различіе умственныхъ способностей японцевъ отъ европейцевъ. Если у всъхъ западныхъ націй есть общій идейный фонъ, то мозгъ японца выработался подъ вліяніемъ совершенно другаго цикла идей. То, что западные народы безъ труда понимають оди-

наково, то для японца нуждается въ обширныхъ коментаріяхъ.

Слъдующія главы труда Дюмоляра посвящены религіи, феминизму и искусству.

Мы не будемъ подробно останавливаться на нихъ потому, что онъ не вносять ничего характернаго. Отмътимъ только взглядъ Дюмоляра на современное японское искусство въ странъ. Авторъ констатируетъ фактъ полнаго упадка искусства въ Японіи. Это вполнъ понятно, такъ какъ для поддержки своего существованія японскіе художники, принужденные обратиться къ иностраннымъ рынкамъ и отвъчать на потребности западнаго вкуса, въ тоже время теряютъ прежнюю самобытную красоту и хуложественную тоикость.

Положеніе женщины Японій до сихъ поръ находится въ первобытныхъ условіяхъ. Здѣсь въ особенности рѣзко сказывается несоотвѣтствіе между существующими въ обществѣ понятіями и искусно произведенными реформами. Заимствуя законы и учрежденія съ запада, японцы совершенно игнорировали тѣ европейскія моральныя понятія, для которыхъ законъ и учрежденіе являются лишь санкціей правленія.

Женщина до сихъ поръ еще въ рабскомъ положении, и моногамия еще борется съ полигамией. Законъ не признаетъ больше наложницъ, но общественное мибніе еще признаетъ ихъ виолиъ. Одинъ изъ ученыхъ журналистовъ говоритъ, что японцы очень непріязненно относятся къ развитію идей и новыхъ взглядовъ относительно женщины.

Они понимають, что эмансппація женщины все болѣе и болѣе развиваеть ее вполнѣ и тѣмъ самымъ открываеть ей глаза на ея приниженное положеніе. Ясно, что женщина, сровнявшись съ развитіемъ мужчины, не захочеть оставаться въ прежнемъ рабскомъ положеніи, въ прежней зависимости отъ мужа.

Н. Н-овъ.

Международная Библіографія по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію. Въ настоящее время русское общество, находясь подъ св'яжими впечатл'яніями прискорбныхъ событій, происходящихъ на Дальнемъ Востокъ и подчиняясь внушенію ежедневной прессы, указывающей на Англію, какъ на виновницу рус-

ско-японской войны, видить лишь Англію Джемсоновъ, Чемберленовъ п имъ подобныхъ, забывая объ Англіи Шекспира. Байрона, В. Томсона, Гладстона и другихъ, трудамъ которыхъ цивилизація обязана очень многими весьма существенными успѣхами какъ въ наукѣ, такъ и техникѣ. Англія, всегда стоявшая въ числѣ передовыхъ націй, какова бы ея роль ни была въ разныхъ общественныхъ вопросахъ и политическихъ событіяхъ, на почвѣ научной оказалась піонеромъ въ осуществленіи интереснаго огромной важности предпріятія, которымъ ознаменовалось начало двадцатаго столѣтія.

Въ настоящей замъткъ я и хочу отмътить это новое заслуживающее всякаго сочувствія международное предпріятіе, инпціатива котораго всецъло принадлежить англійскимъ ученымъ. По предложенію существующаго въ Лондонъ знаменитаго ученаго учрежденія "Королевскаго Общества" (Royal Society), заслуженно пользующагося высокимъ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, было задумано изданіе "Международной Вибліографіи по физико-математическимъ наукамъ и естествознанію", им'єющее большое практическое значеніе для всякаго, кто занимается какой либо наукой этой области знанія, не только какъ спеціалисть, но даже просто какъ любознательный читатель. Трудъ, предпринятый по мысли "Королевскаго Общества" настолько грандіозенъ, что не могъ оказаться по силамъ никакому ученому обществу, какими бы солидными матеріальными средствами оно ни обладало. Поэтому было решено привлечь къ участію въ задуманномъ изданін всв образованныя націи стараго и новаго свъта. Съ этой целью было разослано въ 1894 г. до 200 циркулярныхъ воззваній къ различнымъ академіямъ и ученымъ обществамъ съ просьбой дать ответъ на два вопроса: 1) считается ли изданіе "Международной Библіографін" при участіп всъхъ образованныхъ націй предпріятіемъ желательнымъ и возможнымъ и 2) согласно ли спрашиваемое учреждение принять участие въ этомъ изданіи какъ своими трудами, такъ и денежными средствами. Въ следующемъ 1895 г. были разосланы Лондонскимъ "Королевскимъ Обществомъ" всемъ правительствамъ, давшимъ на поставленные вопросы утвердительные отвъты, приглашенія о назначенін своихъ представителей для участія въ

съезде, созываемомъ по этому делу въ Лондонъ въ 1896 году. На этомъ съъздъ было выработано несколько наиболее важныхъ положеній, касающихся характера "Международной Библіографіи" и нам'тчено такъ много серьезныхъ вопросовъ, что для ръшенія ихъ быль созвань 2-й съездь въ Лонлонъ осенью 1898 года. На этотъ разъ между прочими постановленіями, относящимися къ вопросу объ организаціи работы, были приняты также и нижеследующія. 1) Въ каждой странь, принимающей участіе въ предпріятія, учреждается "Мъстное Бюро", обязанность котораго состоить въ собираніи и классификаціи научныхъ работь по отдъльнымъ отраслямъ знанія въ районъ даннаго бюро по системъ особыхъ карточекъ. 2) Въ Лондонъ учреждается "Центральное Бюро", ревизующее карточки, доставляемыя "Мъстными Бюро". 3) "Международный Конгрессъ" долженъ собраться въ 1905 и 1910 годахъ, а затъмъ черезъ каждые 10 лътъ, для обсужденія изміненій въ постановкі предпріятія, вызываемыхъ интересами дела. 4) "Международный Совътъ", на которомъ лежить обязанность завъдыванія всемь предпріятіемъ въ предълахъ инструкцій, утверждаемыхъ "Международнымъ Конгрессомъ", составляется изъ лицъ, выбранныхъ по одному отъ каждаго "Мъстнаго Бюро" и собирается черезъ каждые три года въ Лондонъ. Наконецъ 5) "Международный Комитетъ", состоящій изъ ученыхъ спеціалистовъ, имъеть задачей обсуждение вопросовъ по классификаціи научныхъ работъ. Впервые "Международный Комитеть" собрадся въ августъ 1899 года. Представителемъ отъ Россіи быль библіотекарь Императорской Публичной библіотеки Федоръ Петровичъ Кеппенъ.

На этихъ засъданіяхъ "Международнаго Комитета" было ръшено всъ науки, вошедшія въ "Международную Библізграфію", отмъчать одной изъ буквъ латинской азбуки. Такъ были введены слъдующія обозначенія: А. Математика, В. Механика, С. Физика, D. Химія, Е. Астрономія, Г. Метеорологія (со включеніемъ земного магнитизма), G. Минералогія (со включеніемъ петрографія и кристаллографія), Н. Геологія, І. Географія (математическая и физическая), К. Палеонтологія, L. Біологія, М. Ботаника, N. Зоологія, О. Анатомія человъка. Р. Физическая астрономія, Q. Физіологія (со включеніемъ фармакологін и экспериментальной патологіи), R. Бактеріологія.

Окончательное же рѣшеніе всѣхъ вопросовъ по "Международной Библіографін" состоялось на третьей конференціи въ 1900 году, на которой— делегаты, участвовавшіе въ ней, пришли къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ путемъ взаимныхъ уступокъ. Такимъ образомъ въ 1900 году закончилась организація всего дѣла по взданію "Международной Библіографін". "Международный Совѣтъ" въ первый разъ собрался въ декабрѣ 1900 года. Въ составъ его вошли слѣдующія лица;

Отъ Россіи-Д-ръ Кеппенъ,

- " Францін—Prof. Poincaré,
- "Германін—Dr. Uhlworm,
- " Aвстрін-Prof. Weiss,
- , Греція—Mons Metaxas,
- " Соединенныхъ Штатовъ—Prof. Langley и Prof. Armstrong,
- " Данін—Dr. Knudsen.
- " Голландін—Prof. Korteweg,
- " Венгрін —Prof. Heller,
- " Швейцарін—Prof. Graf,
- " Австралін—Prof. Lamb,
- " Швецін-Dr. Dahlgren,
- " Hopserin-Dr. Brunhorst,
- .. Мексики-Prof. Del Paso v Troncoso,
- " Индіи—Dr. Blanford,
- " Викторіи—Prof. Gregory,
- " Капской колоніи Triemen Esq.,
- "Японін—Prof. Sakurai.

"Международнымъ Совътомъ" было постановлено приступить къ изданію "Международной Библіографіи" 1-го января 1910 года. Имъ же былъ выбранъ "исполнительный комитетъ", состоящій изъ представителей Германіи, Франціи, Италіи и Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Директоромъ его былъ назначенъ Dr. Forster Morley.

Для выясненія вопроса объ участін Россін въ наданін "Международной Библіографін" была образована при Петербургской Академін Наукъ особая коммиссія, состоявшая изъ выдающихся русскихъ ученыхъ накадемиковъ. Результатомъ работъ этой коммиссін было подробное выясненіе всёхъ вопросовъ касательно участія Россін и составленіе "Мёстнаго Бюро" подъ предсёдательствомъ академика А. С. Фаминцына, товарпщемъ котораго быль избранъ проф. Н. А.

Ментуткинъ. Этими двумя лицами были приглашены сотрудники и назначенъ секретаремъ Бюро ученый секретарь главной физической обсерваторіи Е. А. Гейнцъ. Въ настоящее время сотрудниками Петербургскаго Бюро числятся слёдующія лица:

По Математикъ и Механикъ—профессоръ университета Селивановъ,

" Физикъ-проф. университета Боргманъ, " Химіи-проф. Михайловской артилле-

рійской академін Ипатьевъ,

" Астрономіи — старшій астрономъ Пулковской обсерваторіи Костинскій,

" Метеорологін—ученый секретарь главной физической обсерваторіи Гейнцъ,

- " Геологіи и Минералогіи—секретарь и библіотекарь геологическаго комитета Погребовъ,
- " Палеонтологін—проф. университета Полъновъ,
- " Географін— вице-предсѣдатель отдѣленія физической географін географическаго общества Шокальскій,
- " Біологін и Ботаникъ—академикъ Бородинъ,
- " Зоологін библіотекарь зоологическаго музея Шмилть,
- " Анатомін—проф. женскаго медицинскаго института Тонковъ,
- " Антропологін—проф. университета Коробчевскій (за смертью его, будеть назначенъ, въроятно, другой),
- " Физіологін и Бактеріологін—д-ръ медицины Новосельскій.

На расходы по участію Россіи въ изда-"Международной Библіографіи" ассигновано Министромъ Финансовъ на 1901 годъ четыре тысячи и 10 тысячь на каждый следующій годь. Въ счеть этой суммы Россія получаеть соотв'єтственное число экземпляровъ "Международной Вибліографін". Каждая книга изданія "Международной Библіографін" носить названіе "International Catalogue of Scientific Literature". Цъна каждаго экземпляра опредъляется приблизительно въ 180 р., т. е. по одиннадцати рублей за томъ по каждой наукъ. Въ настоящее время уже напечатаны и получены въ Россін полутомы: два по физикт (С) въ 445 страницъ, два по химін (Д) въ 1113 страницъ и ботаникъ (М) въ 378 стравицъ.

Къ каждому изъ этихъ полутомовъ при-

ложено на англійскомъ языкъ введеніе, изложена схема клесификаціи науки на четырехъ языкахъ англійскомъ, нъмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ и даются указанія, какъ пользоваться каталогами "Международной Библіографіи" какъ авторскимъ, такъ и предметнымъ, изъ которыхъ очевидно последній имфеть большее практическое значеніе, чемъ первый. Въ целяхъ содействія частнымъ лицамъ и обществамъ въ дълъ выписки изъ Лондона (London, Harisson and Son's 45, St. Martins Lane) изданій "Международной Вибліографіи" Петербургское Бюро охотно предлагаеть роль посредника. Все изданіе можно выписать какъ целикомъ, такъ и отдъльными томами по каждой наукъ. Желающіе могуть адресовать свои заказы на имя ученаго секретаря главной физической обсерваторіи въ Петербургъ Евгенія Адольфовича Гейнца съ приложеніемъ суммы, соотвътствующей заказу.

Такимъ образомъ на почвъ космополитической науки, интересы которой дороги всъмънаціямъ, все цивилизованное человъчество объединяется для дальнъйшаго движенія попути точнаго знанія и прогресса.

A. H.

Monuel Zoologique. A consulter pendant les cours et les travaux pratiques. Par. E. Selenka. Traduit de l'allemand par E. de Rouville. P. I—Invertébrés, P. II—Vertèbrés. Prix. 6 fr.

Настоящее руководство имъетъ цълью помогать изучающимъ зоологію въ теченіе прохожденія ими теоретическаго и практическаго
курса. Для достиженія этого авторъ далъ
800 рисунковъ, изъ которыхъ около 100
оригинальныхъ, и написалъ краткій текстъ,
содержащій самую элементарную классификацію и анатомію животныхъ. Какъ то, такъ
и другое настолько кратко что книга совершенно не годится для изученія по ней зоологіи, но можетъ быть полезнымъ руководствомъ при практическихъ занятіяхъ, такъ
какъ центръ тяжести ея---масса рисунковъ,
частью схематическихъ, снабженныхъ необ-

ходимыми объясненіями. Кром'в практическихъ занятій, настоящее руководство безусловно можетъ оказать существенную пользу при повтореніи пройденнаго уже курса зоологіи, наприм'връ, для экзаменовъ или для осв'єженія въ памяти.

Въ этомъ отношени оно удобопримънимо и у насъ, такъ какъ во многихъ русскихъ высшихъ заведеніяхъ зоологію изучають по учебнику Гертвига, а подъ вліяніемъ послъдняго составлена и книга Е. Selenka. Что касается пригодности послъдней для самообразованія, то она не можеть замънить подробнаго учебника, но можеть оказать ему значительную помощь, такъ какъ не въ одномъ изъ нихъ не будеть такой массы рисунковъ.

Прежде чемъ приступить къ спеціальной части, авторъ даетъ краткую систематику животныхъ въ предълахъ раздъленія ихъ на типы, затьмъ-таблицу геологического размъщенія животныхъ и главу о географін животныхъ. Спепіяльная часть начинается сь простейшихь, затемь следуеть общій очеркъ много клеточныхъ животныхъ съ таблицей различнаго типа развитія яйца, далье излагаются кишечно-полостныя, черви, иглокожія, моллюски и суставчатоногія. Это служитъ содержаніемъ I части, занимающей 105 страницъ и 500 рисунковъ. II часть (119 стр. и 300 рис.) посвящена почти исключительно позвоночнымъ. Эта часть особенно хорошо разработана и общирна: многіе рисунки ея появляются въ печати впервые. Изложенію отдъльныхъ классовъ позвоночныхъ предпосланъ общій сравнительноанатомическій обзоръ всёхъ органовъ. Передъ позвоночными отведено и всколько страницъ оболочникамъ. Въ этой части особенно хороши рисунки, изображающіе развитіе позвоночныхъ, напримеръ, таблица на стр. 6, изображающая дробленіе яйца и развитіе рыбки Amphioxus. Въ сравнительно-анатомическомъ обзоръ скелета хорошо подобраны рисунки череповъ и конечностей, выясняющіе эволюцію скелета. Такъ же хороши рисунки кровеносной и мочевой системы и мозга.

К. Яцута.

П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографіи. СПБ. 1904. Ц. 4 р.

П. М. Бецкой. Другъ человъчества. Краткій біографическій очеркъ. Ц. 1 р.

Стольтіе со дня кончины, Ивана Ивановича Бецкаго, исполнившееся 3 февраля настоящаго года, вызвало появленіе въ свъть этихъ двухъ изданій.

Первое изъ нихъ представляеть изъ себя усидчивый и кропотливый трудъ, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ и удостоенный Академіей Наукъ уваровской преміей. Второе изданіе краткая брошюра, не претендующая ни на какую состоятельность появленіе ея въ свѣтъ вызвано единственно лишь желаніемъ составителей и издателей почтить память крупнаго человѣка.

Доходъ съ этого пзданія всепѣло предназначенъ на обновленіе пришедшаго въ ветхость памятника на могилѣ Бецкаго и, на доброе дѣло его имени. Осуществленіе того и другаго, равно какъ и самое изданіе взялъ на себя "Распорядительный комитетъ общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища и ихъ семьямъ".

С.-Петербургское комерческое училище тесно связано съ именемъ Бецкаго, который явился его создателемъ и почетнымъ опекуномъ. Великолепно изданная брошюра, снабжена рядомъ не дурныхъ снимковъ и портретовъ.

Совершенно иной характеръ носить серьезная работа П. М. Майкова, названная авторомъ "опытомъ біографіи". Названіе это нъсколько неправильно: Опыть біографіи на самомъ дълъ или является неудачнымъ "опытомъ" или сырымъ матеріаломъ для будущаго біографа, который по канвъ, данной П. Майковымъ, сумъетъ представить выпуклую фигуру покойнаго "друга человъчества". Для этого, кромъ знанія, нуженъ еще таланть, дарованье.

Детальное, кропотливое изученіе архивныхъ источниковъ не спасаеть труда г. Майкова отъ равнодушія и не дълаеть его доступнымъ большинству читающей публики. Огромный томъ, состоящій почти изъ 500 страницъ текста и ЗОО страницъ примъчаній, отличается всъми качествами и недостатками ученыхъ работъ, которыя пишутся патентованными жрецами науки, "патентованными", но не талантливыми. Протокольная сухость изложенія, отсутствіе какой-либо стройной системы и всякихъ намековъ на стильное изложеніе—обычные спутники подобныхъ трудовъ. Трудъ г. Майкова обреченъ на очень узкій кругъ читателей. Его прочтутъ спеціалисты-историки, но совершенно не справится съ нимъ рядовой читатель; онъ буквально будетъ утомленъ массою повтореній и отступленій, и для него останется совершенно блідною фигура самого Бецкаго.

Наше общество о Бецкомъ забыло и забыло совершенно основательно, хотя и безъ всякихъ основаній. Врядъ ли среди діятелей блестящаго Екатерининскаго царствованія найдется другая личность, памяти которой должно было бы остаться болье върно признательное потомство. "Что заслужилъ въ своихъ полезныхъ дняхъ, да будетъ памятникъ и въ позднихъ то въкахъ", гласитъ надпись, высъченная на мраморъ надгробнаго памятника Бецкаго. Самъ памятникъ подался и осълъ отъ разрушительнаго вліянія временъ; но фигура Вецкаго, общественнаго дъятеля, до сихъ поръ должна напоминать потомству объ одномъ изъ выдающихся съятелей просвъщенія XVIII въка.

Личная жизнь Бецкаго представляеть не много питереса. Жилъ учился и служилъ. Жилъ своею особенною жизнью въ одну изъ пышныхъ эпохъ, когда другія, болѣе эффектныя, болѣе импозантныя фигуры затмѣвали его скромный и простой обликъ. Учился въ ту пору, когда на Руси вообще учились "понемногу, "чему-нибудь и какъ-нибудь", когда образованіе не составляло неотъемлемой принадлежности русскаго человѣка.

Служилъ, — и эта служба можетъ назваться дъйствительно службой на пользу русскаго просвъщенія.

Біографы Бецкаго, повъствуя о первыхъ дняхъ его жизни, наталкиваются на непреодолимую трудность, такъ какъ въ точности не установлены ни мъсто рожденія, ви годъ появленія его на свътъ, только болье или менте върное предположеніе подтверждаетъ дату 3 февраля 1704 года и указываетъ на происхожденіе Бецкаго отъ князя Никиты Трубецкаго и той неизвъстной женщины, которую одни біографы называють Фрезе, другіе - Спаре!..

Прекрасно образованный для своего времени въ семь в князя Трубецкаго, онъ много путешествовалъ по Европъ. Здъсь онъ познакомился съ матерью Императрицы Екатерины II, и это знакомство имъло громадное значеніе на всю его дальнъйшую жизнь.

Служебная карьера началась рано. Россін нужны были образованные люди, и вниманіе Петра остановилось на Бецкомъ. Тогда, начинается его дипломатическая карьера, оборвавшаяся въ 1730 году и вновь начавшаяся послѣ восшествія на престолъ Елизаветы. Но самъ Бецкій уже хлопочеть объотставкѣ и, гонимый жаждою знанія и любознательностью, отправляется снова въ вояжъ по Европейскимъ странамъ; передвигаясь изъстраны въ страну, онъ ведеть кочевую жизнь, больше всего времени проживая въ Парижѣ,

Уже умудренный опытомъ и обогащенный знаніями, почти 60 літнимъ старикомъ, онъ является въ Россію по вызову Петра III н получаеть здъсь должность главнаго директора въ канцелярін строеній. Вибсть съ воцареніемъ Екатерины II для дъятельности Бецкаго открывается новая эпоха. Вдади отъ толпы фаворитовъ онъ остается въ полутени, какъ государственный деятель, но въ это-же самое время выјвигается изъ тъни его имя на новомъ поприщѣ, вообще новомъ для Россіи. Бецкій встаеть во главъ Академіи Художествъ. Онъ разрабатываеть планъ учрежденія въ Россін воспитательныхъ домовъ; управляетъ московскимъ воспитательнымъ домомъ. Не проходить года, и живая мысль Бецкаго чертить новый планъ устройства въ Россіи перваго разсадника женскаго образованія. Таковымъ явилось въ Петербургъ "Воспитательное" общество благородныхъ дъвицъ. Онъ мечтаетъ о правильномъ образованій для русскихъ дівушекъ. Онъ, отдавая дань въку и въря въ спасительность сословныхъ переспросить темъ не менће подчеркиваетъ ту мысль, что образованіе должно быть доступно для встать: для дътей дворянъ и для дътей мъщанъ.

Благотворя и заботясь о разсадникахъ образованія на Руси, онъ работаеть, не покладая рукъ, и въ 1773 году особой наградой Бецкому была именная золотая медаль "за любовь къ отечеству, отъ сената". Простой и скромный одинокій, старый холостякъ, Бецкій представлялъ разительный контрастъ съ великолъпными Екатерининскими вельможами. Все состояніе, накопленное при жизни сбереженіями долгихъ лътъ, онъ закъщалъ своимъ друзьямъ, въ числъ которыхъ были созданныя имъ учрежденія. "Лучъ милости былъ Вецкій ты", — характеризовалъ его Державинъ въ своемъ извъстномъ посланіи. И этотъ тихій, скромный лучъ до сихъ поръ свътитъ намъ изъ сумрака временъ и свътитъ даже въ то время, когда

давно уже затмилось и зашло блестящее солнце Екатеринивской эпохи. Въ настоящее время духовный обликъ Бецкаго выстушаеть на фонъ историческаго прошлаго еще ярче и смълъе. Такъ тускиъеть съ годами лигатура, а чистое золото высокаго ума и души, очищенное отъ всъхъ заблужденій, въка ярко свътить потомству.

"Что заслужиль въ своихъ полезныхъ дняхъ, да будетъ памитникъ и въ позднихъ то въкахъ"!

Н-овъ.

На каждый вопрось нужно прилагать по 2 семикопъечных марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Отв. г. Мак....вой.—Рисунки діафрагмъ найдете въ № IV "Наука и Жизнь". Детальныхъ же чертежей трудно найти, такъ какъ они составляютъ фабричный секретъ.

Отв. Свящ. Коссаковскому. — За пожеланіе благодаримъ. О картахъ сами подумывали, но едва ли удастся осуществить это намъреніе: и безъ того изданіе несетъ громадные расходы, пока не оправдываемые, приходомъ. Указанныя вами книги примемъ во вниманіе при составленіи приложеній на будущій годъ. Спасибо за отзывчивость.

Подписчику А. И.—Вы пишете совершенно справедливо. О недобросовъстности нъкоторыхъ граммофонныхъ торговцевъ давно уже извъстно. Что дълать? Единственное средство бороться съ этимъ зломъ—брать товаръ у болъе солидныхъ фирмъ. Объ аппаратъ Паульсона (не Пульсена) мы сами хотъли помъстить статью.

Отв. г. Д. (Сиб. ж. д.)—Экзаменъ на техника-строителя держатъ при Институтъ Гражд. Инженеровъ въ СПБ. весною и осенью. Весенніе экзамены уже отошли. На осенніе принимаются прошенія въ Техническомъ Отд. М-ва Вн. Дълъ.

Отв. г. смотрителю. — Прежде всего просимъ на будущее время спрашивать о такихъ щекотливыхъ вещахъ закрытыми письмами. Мы не отказываемся давать отвъты и по такимъ вопросамъ, разъони входятъ въ программу журнала, но надо же щадить стыдливость лицъ, въ руки которыхъ попадало, до редакціи, ваше письмо. — О вліяніи матери на плодъ вы узнаете изъ помъщенной нумеръ журнала статьи проф. В. Груздева "Съ чего нужно начинать воспитаніе ребенка". Изъ нея же увидите, что разъ отецъ передаетъ свою болъзнь матери, то она передается и плоду. Бываетъ и такъ, что болъзнь отца (половая или легочная, напр.), передается плоду, мать же остается здоровой, при рожденіи ребенка (хотя никто не можетъ гарантировать ее, что она не заболветъ потомъ). - Что касается второго вашего вопроса, то онъ разрѣшается одинаково не только у человъка, но и у животныхъ: первый мужъ имъетъ громадное вліяніе на женщину, и даже, послъ смерти его, дъти отъ второго брака весьма часто походятъ на умершаго мужа. - Наконецъ, относительно развитія плода. Женское яичко оплодотворяется однимъ только живчикомъ; и, разъ оно оплодотворено, никакіе другіе живчики въ него уже не могутъ проникнуть, слъд., и не могутъ повліять на него. Такъ обстоитъ дъло и въ растительномъ, и въ животномъ міръ.

Подп. И. К. (Съ Воткинскаго завода). — Графофонные валики, особенно усовершенствованные, твердые, не даютъ такого шума, какъ граммофонныя пластинки, и играютъ не хуже послъднихъ. Но, во 1-хъ, валики хрупче пластинокъ, да и хранить ихъ неудобно, во 2-хъ, граммофонъ производитъ болѣе сильные звуки, въ 3-хъ, выборъ пьесъ для граммофона гораздо обширнъе. Въ общемъ, все же выгоднъе и лучше покупать граммофоны, нежели графофоны. (Послъдніе можно пріобрътать у тъхъ же граммофонныхъ торговцевъ или у спеціалистовъ, напр. въ магазинъ Голицына, въ СПБ. на Троицкой улицѣ).

Отв. г. Шиелеву.—Открытіе Эдисона пока заключается въ изобрътеніи особаго аккумулятора, но его еще не появлялось въ продажъ въ Россіи. Что касается прессованной бумажной массы "кръпче стали", то это также—пока чисто американское изобрътеніе, еще не проникшее въ Россію, поэтому и руководствъ по изготовленію его нътъ.

Отв. К-ну (изъ Казилъ-Арвата). Повидимому, вы---не крестьянинъ--общественникъ, и потому Крестьянскій Банкъ, выдающій ссуды подъ взаимною порукою сельскихъ обществъ, вамъ пріобръсти имънія нельзя. Лучше пріобръстик.л. заложенное въ Дворянскомъ Банкъ имъніе, съ принятіемъ на себя владъльца; это и будетъ долга вамъ служить ссудою. Долгъ вы погашаете въ теченіе нъсколькихъ лътъ (для дворянъ погашеніе разсрачивается на болъе долгій срокъ, для не-дворянъ-на болъе короткій).

Почти на такихъ же основаніяхъ можно пріобръсти имънія, заложенныя и въ любомъ земельномъ Банкъ. Выберите себъ имъніе, на основаніи свъдъній, публикуемыхъ въ газетахъ, напр., въ Правит. СПБ. Въд. и др., или на основаніи личныхъ справокъ, поъзжайте на аукціонъ, — и вы сдѣлаетесь владѣльцемъ, внеся извъстную сумму. Разсказать все это въ нъсколькихъ словахъ трудно; поговорите съ к. л. бывалымъ челов ткомъ. Можно и такъ: пріобрътите имъніе и сейчасъ же заложите его въ к. л. Банкъ. Во всякомъ случаъ, около четверти всей стоимости имънія должно быть выплачено чистыми деньгами.

Редакторъ-издатель . С. Јруздевъ.

Голъ 1-¥.

Съ 1-го Іюня 1904 года издается въ г. Жи- Пъна томірь ежедневная газета (кромь праздничныхъ и воскресныхъ дней)

"ВОЛЫНСКІЙ ВЪСТНИІ

Программа газеты:

1. Правительственныя распоряженія общія и м'єстныя изъ оффиціальныхъ источниковъ.

2. Телеграммы Россійскихъ телеграфныхъ агентствъ.

3. Новости изъ мъстной, религіозной, общественной и частной жизни, въ извлеченіяхъ изъ подцензурныхъ газеть и журналовъ.

4. Научная гигіена, сельское хозяйство и другія знанія.

5. Беллетристика: повъсти, стихотворенія, очерки и разсказы, преимущественно оригинальные.

6. Библіографическія и частныя объявленія.

Подписная цтна на годивое издание "Волынскаго Въстника" съ доставкою въ городъ Житоміръ и пересылкою во всю города Россіи 5 рублей; за границу 8 рублей. Принимается также подписка въ разсрочку. На 7 мъсяцевъ-3 руб., на 6 мъсяцевь — $2 \, \text{руб.} \, 50 \, \text{коп.}$, на $3 \, \text{мъсяца} - 1 \, \text{руб.} \, 30 \, \text{коп.}$, на $2 \, \text{г.}$ мъсяца—90 коп., на 1 мъсяцъ—50 коп.

заведеній, волостныхъ правленій Для учебныхъ **ПОЧТОВЫХЪ** учрежд. 4 р. 50 к. въ годъ.

Редакція считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она приложить всв свои усилія къ тому, чтобы ея органь върно и безпристрастно освъщалъ и толковалъ всъ явленія текущей областной и мъстной жизни и содъйствовалъ общенародной культуръ Волынянъ.

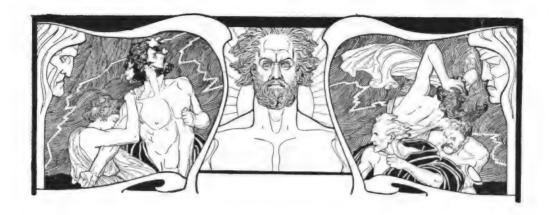
"Волынскій Въстникъ" имъетъ собственныхъ корресподентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пуннтахъ Россіи.

Подписка принимается въ Конторъ Редакціи "Волынскій Въстникъ въ г. Житоміръ, уголъ Кіевской и Петербургской ул., д. Варварова.

THE THE STATE SEARING TO SEAR SEARING SEAR SEARING SEA

Отвътственный Редакторъ М. П. Лобановская. Издатель Ө. И. Досинчукъ.

Digitized by Google

БІОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ 3-

🔊 РАЗВИТІЯ КУЛЬТУРЫ.

Людвига Вольтмана.

(Окончаніе).

4. Формы человъческаго отбора.

Развитіе органическихъ видовъ обусловливается быстрымъ размноженіемъ и жестокой взаимной борьбой за пищу, за самокъ и господство, причемъ вслъдствіе строгаго отбора, особи и зародыши лучше организованные сохраняются, а другіе, какъ болве слабые, погибають. Этотъ законъ развитія дъйствуетъ какъ въ отношеніи растеній и животныхъ, такъ и въ отношеніи человъческихъ расъ, съ тою лишь разницей, что каждый органическій видъ подчиняется своему собственному закону воспроизведенія, который бываетъ различенъ смотря по степени организаціи и характеру внъшнихъ условій жизни. Растенія и низшія животныя, которыя скоръе рискуютъ погибнуть отъ разрушительныхъ силъ природы и которыя служатъ пищей для другихъ животныхъ, отличаются огромной плодовитостью. Однако и медленно размножающіяся животныя могутъ произвести на свътъ въ теченіе достаточно продолжительнаго періода времени, весьма большое количество потомковъ.

По вычисленію Дарвина, слонъ, который плодится медленнъе всъхъ другихъ, извъстныхъ намъ животныхъ, можетъ въ продолженіе 740—750 лътъ произвести на свътъ отъ одной только самки 19 милл. потомковъ. *)

Къ числу организмовъ, размножающихся медленно, принадлежитъ и человъкъ. Изъ того факта, что въ Соединенныхъ Штатахъ количество бълаго населенія въ періодъ 1790—1820 г. возросло съ 3 милл. до $7^{1/2}$ милл., Мальтусъ заключилъ, что народонаселеніе, свободное отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, удваивается черезъ 25 лѣтъ, и слѣдовательно возрастаетъ въ геометрической прогрессіи. Но такое физіологическивозможное размноженіе достигается

Digitized by Google

^{*)} H. Schmidt, Die Fruchtbarkeit in der Tier welt. By Zeitschrift für Socialwiss. 5—Bed.

лищь при благопріятныхъ внъшнихъ условіяхъ. Въ среднемъ, фактическое возрастаніе народонаселенія отстаетъ отъ естественной тенденціи, ибо у человъка, какъ у всъхъ другихъ живыхъ существъ, размноженіе ограничивается, по необходимости, наличнымъ запасомъ средствъ существованія. Въ Германской импенародонаселеніе за періодъ 1850—1880 г., т. е. за тридцать лътъ, возросло съ 35 милл. до 45 милліоновъ, въ Великобританіи съ Ирландіей съ 27 до 35 милл.; во Франціи съ 34,9 милл. до 36,6 милл. человъкъ. Эти народы далеко отстали отъ физіологически-возможной нормы размноженія, хотя и въ различной степени.

Причины гибели всего излишка живыхъ существъ сводятся къ прямому недостатку пищи, войнамъ, повальнымъ болъзнямъ, порокамъ и нравственному воздержанію. На различныхъ ступеняхъ человъческой культуры перевъшивають то однъ изъ этихъ причинъ, TO другія. У примитивныхъ народовъ по преимуществу вліяютъ голодовки вслъдствіе бездождія, затъмъ постоянныя войны и обычай умерщвлять дътей. У народовъ, стоящихъ на болъе высокой степени культуры и обладающихъ большими городами, фабриками, тъсными жилищами и узкими улицами, населеніе временами сильно уменьшается отъ повальныхъ болъзней и дътской смертности. Наконецъ, на самыхъ высшихъ ступеняхъ культуры, характеризующихся пресыщеніемъ и роскошью, народонаселеніе уменьшается отъ безбрачія, отъ заключенія браковъ между родственниками (Inzucht), деморализаціи, алькоголизма, отъ нервныхъ и половыхъ болъзней, что особенно замътно въ высшихъ сословіяхъ, гдъ всъ темныя стороны культуры обнаруживаются ръзче и скоръе. По причинамъ чисто физіологическимъ приростъ уменьшается у такихъ народовъ, у которыхъ интенсивно перемъшались расы антропологически-несходныя и тымъ понизили и плодовитость.

Во всъ историческія эпохи общесовершалось приспособленіе количества населенія къ наличному количеству средствъ продовольствія. Но такое соціальное приспособленіе въ различныя времена совершалось при неодинаковыхъ условіяхъ. На рубежъ возможной и дъйствительной численности населенія происходитъ борьба за чисто физическое существованіе, причемъ безчисленныя жертвы гибнутъ на бранномъ полъ соціальной конкурренціи отъ недостатка пищи и ухода, отъ болъзней, несчастныхъ случаевъ самоубійства, а низшіе слои общества вынуждаются ограничивать свои потребности самымъ крайнимъ минимумомъ.

Относительное перенаселение тоже наблюдалось въ теченіе исторической жизни человъка. Вопросъ о томъ, можетъ ли и при какихъ именно условіяхъ можетъ наступить абсолютное перенаселение при раціональной и интенсивной обрабокъ земли, есть вопросъ праздный неразръшимый. Здъсь надо принимать въ соображение и настоящее положеніе вещей, И ближайшее въ нъсколько столътій, будущее но и въ будущемъ, надо полагать, слишкомъ избыточное размноженіе будетъ регулироваться тъми-же репрессіями, какъ и теперь.

Теоретики соціализма осуждаютъ не естественную тенденцію перенаселенія, а соціальную организацію, и утверждаютъ, что это она порождаетъ нищету и болъзни и преждевременно губитъ множество существованій. Но въ своемъ оптимистическомъ реализмъ они не замъчаютъ, что соціальная организація есть не произвольный фактъ, а совершенно такая же натура, какъ и тенденція размноженія; они не замѣчаютъ, что естественное отношеніе человъка къ продукту земли есть не общественное только отношеніе, а принудительное, которое нельзя ни упразднить, ни измънить правительственнымъ распоряженіемъ или нравоучительной проповъдью, и въ получаетъ выраженіе которомъ центръ тяжести естественныхъ инстинктовъ и силъ. Оппенгеймеръ доказываетъ, что приходящееся на душу среднее количество жизненныхъ средствъ увеличилось, и что теорія Мальтуса такимъ образомъ опровергается. Но рвчь идетъ здвсь не о средней величинъ: соціальная борьба ведется изъ-за лучшей обильной пищи, изъ-за вопроса о плюсъ и минусъ, о благосостояніи и бъдности, о болъе обильныхъ рессурсахъ продовольствія, а такое общественное отношение коренится въ человъческой натуръ столь же прочно, какъ честолюбіе и властолюбіе.

Чрезмърное размножение и вызываемая имъ борьба за существованіе принимаетъ въ человъческомъ обществъ весьма своеобразный характеръ. Соціальное развитіе соціальный отборъ часто дъйствуютъ иными средствами и приводятъ неръдко къ инымъ результатамъ, чъмъ тъ, которые мы знаемъ изъ разсмотрънія животныхъ и растеній. Поэтому является вопросъ: въ какой мъръ можно естественный подборъ въ борьбъ за существованіе считать факторомъ прогресса въ политической и интеллектуальной исторіи культуры?

Относительно всъхъ животныхъ, живущихъ одиноко, изолированно, говорить лишь о физическомъ отборъ. Соціальный отборъ совершается у высшихъ животныхъ, соединенныхъ въ общежитія, тутъ онъ совершается двояко: одной стороны происходить отборъ особей въ борьбъ за выдающееся соціальное положеніе, а съ другой стада животныхъ, какъ замкнутыя въ себъ общины, тоже производятъ отборъ, въ борьбъ съ прочими видами. Формы соціальной организаціи подчиняются отбору въ такой же мъръ, какъ и любые органическіе и инстинктивные задатки расы. — Отъ животнаго стада произошла человъческая орда, которая диффенцировала условія отбора, подготовленныя первымъ, и тъмъ положила начало политической и интеллектуальной исторіи, причемъ стали дъйствовать экономическія, моральныя и интеллектуальныя силы и тенденціи отбора, соперничество

Техническое и хозяйственное вооруженіе человъка получило начало во внъшней борьбъ съ соперниками---инородцами, но развилось оно болѣе дифференцированныя формы лишь послъ того, какъ появилось нъсколько человъческихъ расъ, и эти расы вступили между собою въ борьбу. Экономическое снаряженіе первоначально служило физическому отбору, но когда возникли различія имущественныя, покоившіяся не на естественныхъ индивидуальныхъ талантахъ, привиллегіяхъ и внъшнихъ моментахъ фамильнаго наслъдованія, тогда и первоначальный параллелизмъ между соціальнымъ положеніемъ и естественнымъ отборомъ могъ при извъстныхъ условіяхъ нарушиться.

Ростъ интеллекта тоже не мало способствовалъ измѣненію органическаго отбора, становясь все болѣе и болѣе отборомъ мозговымъ и умаляя значеніе другихъ органовъвъ дѣлѣ отбора.

Какъ юридическое наслъдованіе технико-экономическаго имущества, такъ и духовное наслъдованіе не стоитъ въ прямой и необходимой связи съ наслъдованіемъ органически обусловленныхъ свойствъ. Оба вида соціальнаго наслідованія естественно зависять отъ формъ соціальной организаціи, а изъ наибольшій шансь на успъхъ въ борьбъ за существование имъютъ тъ, при которыхъ наслъдование хозяйственныхъ благъ совершается по возможности параллельно органическому наслъдованію.

Третье существенно важное различіе между органическимъ и соці-

альнымъ отборомъ создается чувствами и представральными леніями, въ силу которыхъ поддерживается существованіе индивидовъ слабыхъ, болъзненныхъ, умственно неразвитыхъ и порочныхъ, путемъ предоставленія имъ помощи, тогда какъ въ общежитіи животныхъ путемъ строгаго естественнаго отбора всъ малосильные элементы удаляются. Для расы подобная соціальная охрана слабыхъ особей становится особенно опасной въ томъ случать, когда несовершенная организація передается по наслъдству: этимъ ускоряется процессъ вырож-

Резюмируемъ теперь признаки, которыми отличается органическій отборъ особей отъ соціальнаго:

- 1. Отборъ у животныхъ относится къ органическимъ средствамъ борьбы за существованіе, тогда какъ у человъка къ отбору присоединяются еще техническія орудія, интеллектуальныя идеи и моральныя побужденія, которыя не необходимо стоятъ въ связи съ личными задатками индивидовъ.
- 2. Наслъдственность у животныхъ имъетъ характеръ органическій, такъ что и результатъ отбора, переживаніе наиболъе приспособленныхъ видовъ, въ такомъ же органическомъ составъ переходитъ и къ потомству. У человъка же наблюдается еще и соціальное наслъдованіе внъличныхъ хозяйственыхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ благъ, которое не необходимо параллельно органическому наслъдованію.
- 3. У животныхъ борьба за существованіе есть борьба за сохраненіе вида путемъ органическаго производства и воспроизведенія, тогда какъ въ человъческомъ обществъ совершается еще особая борьба за владъніе, наслажденіе, положеніе, за моральные акты и интеллектуальныя идеи, которая отнюдь не всегда стоитъ въ связи съ органическимъ сохраненіемъ расы и даже можетъ противодъйствовать ему.

Дифференціація и наслъдованіе хозяйственнаго и духовнаго продукта можетъ, при извъстныхъ обстоятельствахъ, нарушить естественную солидарность индивидуальнаго расоваго самосохраненія. На такой дифференціаціи органическаго и соціальнаго отбора покоится, съ одной стороны, возможность высшаго культурнаго развитія; съ другой же стороны - причина гибели расы. Всякое общество состоитъ живыхъ конкретныхъ индивидовъ съ различными природными задатками, и крайне важно, чтобы создавались возможно болъе благопріятныя условія отбора въ правовыхъ, хозяйственныхъ и интеллектуальныхъ учрежденіяхъ, и чтобы онъ способствовали отбору наилучшихъ видовъ, ихъ сохраненію и размноженію.

Болѣе или менъе подробное изслѣдованіе культурныхъ отбора соціальнаго показываетъ, что соотношеніе между индивидуальнымъ самосохраненіемъ и сохраненіемъ расы весьма различно, смотря по степени экономическаго интеллектуальнаго развитія. Отборъ касается или расы, или же сословій, семействъ и индивидовъ, и зависитъ съ одной стороны отъ антропологической структуры, а съ другой отъ преобладающихъ селекціонныхъ цънностей въ хозяйственномъ производствъ, а также отъ моральныхъ интеллектуальныхъ взглядовъ, господствующихъ въ данномъ обществъ.

Культурная исторія стоитъ въ тѣсной связи съ борьбою расъ, въ которой развиваются естественныя способности отдѣльныхъ человѣческихъ группъ. Расы вытѣсняютъ, подчиняютъ или уничтожаютъ одна другую, но не встрѣчается примѣра, чтобы раса физически породила болѣе высоко-развитую расу, которая затѣмъ и оставаласъ бы единственной носительницей прогресса. Физіологическое преемство поддерживается не одною только расой,

не однимъ только народомъ племенемъ; однъ расы и племена смъняются другими, и на болъе высокую ступень культуры наслъдственно возводятся не болъе даровитыя покольнія, а ихъ техническія и интеллектуальныя произведенія. Они передаютъ своимъ кровнородственнымъ преемникамъ не болъе облагороженную натуру, а моральный прообразъ, соціальныя учрежденія и духовную традицію, и лишь тогда, когда явившаяся на смфну раса сама приноситъ равноцънные природные задатки и способности. можетъ она воспринять и дальше развивать культурныя блага, полученныя ею по традиціи.

Созданіе культуры есть біологическій, исчерпывающій собою физіологически всю производительную силу расы. Когда же культура создаетъ продукты внъ-тълесные. совершенствующій отборъ уже не совпадаетъ съ органическимъ размноженіемъ и наслѣдованіемъ расъ и недълимыхъ. Появленіе и наслъдованіе талантовъ и геніальныхъ дарованій есть явленіе органическое, зависящее отъ счастливыхъ комбинацій, которыя по исчисленію теоріи въроятностей наблюдаются все ръже и ръже, по мъръ того, какъ повышается даровитость. Вымираніе даровитыхъ личностей и угасаніе выдающихся по таланту семействъ есть невознаградимая физіологическая утрата для расы. Возникновеніе духовныхъ формъ культуры знаменуетъ гибель органическихъ естественныхъ формъ, и этотъ контрастъ обнаруживается тымь скорые, чымь болъе дифференцированы учрежденія и условія отбора.

У первобытныхъ народовъ, у которыхъ и задатки, и дъйствія довольно однородны, индивидъ и его потомство выдвигаются впередъ вслъдствіе физическихъ преимуществъ тълесной силы, быстроты, ловкости и остроты чувствъ, а потомъ вслъдствіе большей хитрости, коварства и умѣнья убъждать.

Въ обществъ же съ развитымъ дъленіемъ труда и профессій могутъ выживать и другіе варіанты тълеснаго, духовнаго и моральнаго типа, которые при болве простыхъ и однородныхъ соціальныхъ порядкахъ погибали бы неминуемо. Развитіе городовъ и ихъ противоположеніе деревенской культуръ, индивидуализація собственности, накопленіе хозяйственныхъ благъ отдъльныхъ семьяхъ, необузданная конкурренція всѣхъ со всѣми— становятся новыми рычагами соціальнаго отбора и сохраненія интеллектуально-варьирующихъ и болъе совершенныхъ индивидовъ.

Элементарнымъ условіемъ существованіе расы является ея физическое здоровье, а оно гарантируется лишь постояннымъ гигіеническимъ отборомъ. Повальныя бользни и дътская смертность выдъляются своей тенденціей удалять изъ расоваго процесса индивидовъ слабыхъ болъзненныхъ. По наблюденію Г. Іегера, больныхъ животныхъ инстинктивно избъгаютъ ихъ здоровые собраты за издаваемое ими зловоніе, и часто они изгоняютъ ихъ изъ своей среды насильственно, что наблюдается, напримъръ, у куръ и козъ. Муравьи имъютъ обыкновеніе бросать и вовсе удалять изъ гнъзда животныхъ труднобольныхъ. Обезьяны не обнаруживаютъ ни малъйшей жалости къ животнымъ слабымъ и больнымъ: напротивъ, онъ съ чисто-звърской жестокостью изощряются въ замучиваніи больныхъ И истощенныхъ членовъ даже собственнаго стада *)

Стадныя животныя производять гигіеническій отборъ своимъ сородичамъ, и, подчиняясь инстинкту самоохраненія, предупреждаютъ распространеніе и наслъдованіе болъзней въ своей расъ.

Съ другой стороны, смертность дътей такъ велика, что слабосиль-

^{*)} Th. Knottnems Meyer, Allerlei Beobachtungen aus dem affenhause, Zoolog. Garten 1901 S, 12.

ныя, уродливыя болъзненныя И особи легко погибаютъ. Правда. уже у стадныхъ животныхъ наблюдаются инстинкты, которые смягчаборьбу существованіе за внутри ихъ собственной группы. Сочувствіе, взаимопомощь, солидарность - всв эти добродвтели небезызвъстны и у нихъ. Однако, строгій естественный подборъ слъдитъ за тъмъ, чтобы симпатическіе инстинкты не слишкомъ развивались въ ущербъ расъ.

У первобытныхъ народовъ состраданіе и соціальное призрѣніе служатъ скоръе сильнымъ и здоровымъ особямъ, чъмъ слабымъ и болъзненнымъ: жестокая борьба существованіе противъ внъшнихъ силъ природы постоянно вноситъ ту или иную поправку. Напримъръ, о чукчахъ и якутахъ сообщаютъ, что представители племени взрослые почти никогда не хвораютъ. Путесплошь шественники и рядомъ заявляютъ, что среди "естественплеменъ не наблюдается уродовъ и калъкъ.

Забрасываніе и умерщвленіе дътей, практикуемое всъми дикими и варварскими народами и практиковавшееся часто въ древности, служитъ цълямъ естественнаго подбора, поскольку этому забрасыванію подвергаются особи слабосильныя и уродливыя. Относительно накоторыхъ племенъ Южной Америки Мальтусъ что тамъ такой же сообщаетъ, участи подвергаются и дъти нетрудоспособныхъ женщинъ, ибо опасаются, что у подобныхъ матерей потомство будетъ тоже слабосильно. При инфекціонныхъ болъзняхъ противъ обще-опасныхъ сумасшедшихъ дикари практикуютъ изоляцію, и при этомъ часто случается, что лицъ, исключенныхъ изъ общины и поселившившихся одиноко въ лѣсу, пожираютъ дикіе хищные звъри. У племени Wadoe существуетъ обычай чтобы женщину, у которой мужъ померъ отъ проказы, никто болѣе не бралъ въ замужество. Эта мъра

очевидно принимается затъмъ, чтосодъйствовать естественному подбору и поддерживать силу въ расъ. У цивилизованныхъ народовъ, которые развивали свои соціальныя чувства и идеи подъ интеллектуальнымъ воздъйствіемъ Христіанской морали и гуманитарныхъ взглядовъ, наблюдаются такіе мотивы индивидуальныхъ и публичныхъ актовъ, которые могутъ стъснить и даже вовсе парализовать гигіеническій отборъ. Филантропическія чувства могутъ здъсь пріобръсти такую власть надъ душами, что состраданіе къ слабому, больному и малоприспособленному индивиду въ подобныхъ обществахъ будетъ возведено на степень высшей добродътели. У "естественныхъ" племенъ, которымъ охота и война служатъ исключительнымъ источникомъ средствъ къ жизни, сохраняются такіе индивиды, которые обладаютъ большой тълесной и духовной силой. Между тъмъ въобществъ, покоющемся на дъленіи труда и дифференціаціи профессій и развивающемъ "искусство мирнаго сожитія", личныя способности односторонняго, спеціализированнаго характера пріобрътаютъ значеніе публичное, поскольку даниндивидъ оказывается полезнымъ и дъеспособнымъ въ отношеніи общины. Индивиды, тълесно слабосильные и болъзненные, но представляющіе извъстную селекціонную благодаря цънность выдающемуся размъру или особенному характеру своихъ умственныхъ задаттехническихъ ковъ и познаній, остаются въ живыхъ, могутъ занимать хорошо обставленное въ экосмыслъ положеніе, номическомъ основывать семью и размножаться, причемъ они, конечно, могутъ перепотомству также и свои наслъдственные недостатки и болъзни. Съ этой точки зрънія гигіеническія и санитарныя мъропріятія цивилизованныхъ государствъ получаютъ совершенно своеобразное освъщеніе.

Гайкрафтъ первымъ обратилъ вниманіе на то, что при искусственномъ подавленіи острыхъ инфекціонныхъ болѣзней увеличиваются заболѣванія конституціональныя и заболѣванія органовъ, такъ какъ при эпидеміяхъ по преимуществу удаляются особи, которыя страдаютъ этими болѣзнями. Но еще болѣе можетъ ухудшить расу пониженіе дѣтской смертности.

Кольбрюгге сообщаетъ въ своихъ "Антропологическихъ наблюденіяхъ на Малайскомъ архипелагъ (Verhandl. der Berlin. Gesellsch. f. anthropologie 1900, 3. 397), что тамъ великаны и карлики такая же ръдкость, какъ калъки. "Отношенія роста очень равномърны: благодаря огромной смертности дътей, удаляются всъ анормальныя особи". Точно также дътей, плохо развитыхъ тълесно и интеллектуально не встръчается у Европейцевъ Остъ-Индіи; причиной этого явленія выставляется большая смертность дътей.*) Весьма поучительный примъръ того вліянія, какое оказываетъ отрицательный гигіеническій отборъ, представляетъ собою еврейская раса. Евреи повсемъстно обнаруживаютъ болъе высокую среднюю продолжительность жизни, чъмъ остальное населеніе. При поверхностномъ взглядъ на явленіе можно подумать, что евреи обладаютъ большею жизненной энергіей. Въ дъйствительности же наблюдается лишь меньшая цифра смертности, особенно въ дътскомъ возрастъ, и способность противостоять острымъ инфекціоннымъ болъзнямъ, которая объясняется хорошимъ уходомъ за дътьми и строгимъ соблюденіемъ гигіеническихъ предписаній**).

Въ результатъ же получается тотъ фактъ, что число заболъваній органовъ, а также болъзней конституціональныхъ и нервныхъ сильно возрастаетъ, что можно объяснить не-

достаточностью естественнаго отбора и заключеніемъ браковъ между близкими родственниками. — Д. Эдемсъ.*) уже прежде Дарвина указывалъ на проявление наслъдственнаго вырожденія, обусловленнаго недостаточнымъ отборомъ, физіологическую опасность, которая создается для расы филантропіей и законами о бъдныхъ, поскольку ими тормазится самоочищеніе расы путемъ естественнаго отбора и поощряется наслъдственное вырожденіе. А. Плэцъ ставилъ тоже самое въ укоръ тому началу охраненія. слабосильныхъ, которое господствуетъ въ современной соціальной политикѣ **).

Дъйствительно, во всъхъ случаяхъ, когда органъ замъняется техническимъ орудіемъ, а физіологическое отправленіе — функціей искусственной, и когда общественная помощь вытесняетъ индивидуальную способность и отвътственность, начинаетъ проявляться и панмиксія. т. е. соотвътственные органы функціи начинаютъ ускользать изъподъ суроваго контроля естественнаго отбора. Поэтому частичныя ухудшенія расы по необходимости присущи осложненнымъ отношеніямъ культуры. Если онъ — побочный лишь продуктъ культуры и, слъдов. немногочисленны, или когда пріостанавливается наслъдственное вырожденіе вслъдствіе ограниченія размноженія, то онъ не могутъ повредить всей расв и органическимъустоямъ общества. Но если онъ распространились на большинство населенія или на антропологическиважнъйшую часть его, то панмиксія дъйствуетъ разрушительно на *плаз*матическую, зародышевую исторію расы и становится одною изъ важнъйшихъ причинъ органическаго, политическаго и интеллектуальнаго

**) Ploetz, die Fuchtigkeit unsrer Rasse und der Schutz der Schwachen 1898.

^{*)} Zeitschr. f. Ethnologie 1901 r. S 395.

^{**)} Indisches Wolksblatt 1902, Ne 50.

^{*)} Philosophicel treatese ow hereditary peculiariltes of the human race 1814 и Г. Спенсеръ (Social statics 1868)

упадка народовъ. Поэтому важнъйшая задача антропологической теоріи исторіи и общественности состоитъ въ изслъдованіи того, какой мъръ всъ экономическія, политическія и интеллектуальныя учрежденія и обычаи способствуютъ физіологическому росту расы или культурному развитію, а также въ указаніи техъ спеціальныхъ причинъ, которыми обусловливается роковое противоръчіе между объими задачами развитія народовъ.

Борьба за существованіе и борьба за право.

человъческомъ общежитіи, проникнутомъ духовными интересами, своеобразныя соціальныя отношенія въ общественномъ сознаніи выражаются правовыми формами, которыя образують общій масштабь для сужденій, импульсовъ и дъяній, имъющихъ отнощеніе къ общественнымъ интересамъ. – Уже въ животномъ стадъ существуетъ что-то вродъ публично-правовой организаціи, которая покоится на раздъленіи труда, на солидарности и централизаціи власти.

Инстинктивные импульсы и чувственно- ограниченныя представленія вотъ тъ психологическія силы. которыя указываютъ каждому члену стада принадлежащее ему мъсто. Изъ между-соціальной борьбы за привиллегированное положеніе, за первенство, побъдителемъ выходитъ индивидъ сильнъйшій и умнъйшій. Первенствующій членъ стада, вождь его, пользуется соціальной привиллегіей въ сферъ питанія, половыхъ наслажденій и почестей, но зато на немъ лежатъ и соціальныя обязанности: направлять стадо по върному пути и защищать его въ опасности.

Внутреннее расчлененіе стада опредъляется, — во первыхъ—способомъ добыванія пищи и способомъ нападенія и защиты, и во вторыхъ—характеромъ половыхъ отношеній.

Встръчаются животныя стада, состоящія изъ одного самца и многихъ самокъ, съ которыми самецъ поддерживаетъ компанію. Другія состоятъ изъ стаи отдъльныхъ паръ и семей; третьи живутъ одиночными семьями, которыя состоятъ самца, самки и дътенышей, и лишь случайно соединяются съ другими семьями. Въ то время, какъ у жисоціальныя расчлененія, покоющіяся на половомъ стремленіи, на отыскиваніи корма и стремленіи къ первенству, стоятъ въ тъсной связи съ инстинктами и импульсами, тъ же соціальныя отношенія, развитіемъ рѣчи, разума и традиціи, получаютъ болъе осмысленную, ин*теллектуальную* форму, вслъдствіе того, что съ ними начинаютъ связывать опредъленныя представленія о правъ и обязанности. Для первочеловъческой бытной орды должны допустить устройство, аналогичное животному укладу. Чъмъпримитивнъе общежите, тъмъ болъе общественная жизнь регулируется представленіями и актами, возникающими изъ привычки и подражанія. Надъ всъми господствуетъ обычай традиція. Правовые институты, формулируемые въ законъ и въ качествъ общепонятнаго писаннагозаконоположенія обязательные для. всъхъ, появляются лишь на сравнительно высокой ступени соціальной. культуры.

Политическая конституція и правомърное законодательство есть интеллектуально-возникающее приспособленіе расы къ условіямъ ея существованія и развитія. Онъ возникаютъ изъ борьбы расы противъвнъшняго врага, или же изъ тъхъконфликтовъ и столкновеній, которые возникаютъ въ ея собственной средъ между отдъльными индивидами или группами.

Борьба за существованіе обращается въ борьбу за соціальное вліяніе. Поэтому борьба за право по своему происхожденію и общему значенію есть борьба за право сильинишаго. Право сильнъйшаго есть въ то же время право свободы, и общественная свобода отдъльныхъ лицъ или сословій и классовъ возрастаетъ по мъръ того, какъ возрастаетъ ихъ могущество. Пріобрътеніе привиллегированнаго соціальнаго положенія, которое связано съ хозяйственнымъ преобладаніемъ и освобождаетъ отъ низшихъ заботъ и обязанностей существованія, даетъ толчокъ развитію высшей культуры, начало которой всегда полагали отдъльныя лица или группа лицъ.

Прирожденныхъ правъ человъка въ томъ смыслъ, какъ они провозглашались философами и политиками высокоцивилизованныхъ націй, — въ смыслъ неотъемлемаго права существовать достойнымъ человъка образомъ, на чемъ покоится и требованіе политическаго и правового равенства всъхъ индивидовъ одной расы или даже всего человъческаго рода, — такихъ правъ не существуетъ въ естественныхъ первичныхъ отношеніяхъ жизни.

По мнѣнію К. Маркса, всякое право по содержанію своему есть право неравенства, покоющееся на естественныхъ привиллегіяхъ неодинаковаго дарованія и дѣеспособности. "Правоне можетъ перерасти со отвѣтствующую экономическую организацію и обусловленное ею культурное развитіе общества.*)

Но при всемъ томъ, невърно и предположеніе, дълаемое нъкоторыми соціологами-дарвинистами, что борьба за существованіе въ природъ есть будто бы лишь грубое уничтоженіе однихъ другими. Нельзя забывать, что семейная и общественная защита, оказываемая отдъльнымъ индивидамъ, есть столь же могучая естественная сила, какъ и соперничество. Затъмъ, неправильто предположение, что въ естественныхъ отношеніяхъ жизни сила всегда будто бы является синонимомъ насилія, эксплуатаціи и убійства. Напротивъ, сильная власть вождя нерѣдко бываетъ обставлена многими заботами и тяжкими обязанностями, имѣющими цѣлью сохраненіе и развитіе расы.

Право, по выраженію Іеринга, есть "политика силы", но подъ силою надо разумѣть не грубое насиліе, а проявленіе правительственной мощи. Справедливость есть ни что иное, какъ соціальное равновъсіе правъ, сообразованное съ индивидуальными силами, проявляемое публично и пользующееся всеобщимъпризнаніемъ.

Право сильнъйшаго можетъ и не быть правомъ совершеннъйшаго, ибои приспособление далеко не всегда знаменуетъ совершенствованіе въ міръ органическомъ и соціальномъ. Лишь при этической оцънкъ права можно требовать, чтобы онодоказало свое совершенство. этому не правъ и Аристотель, который полагаетъ, что сила всегда бываетъ сродна добродътели и доблести. Всемірная исторія лишь въ очень условномъ смыслъ есть всемірный трибуналъ, напротивъ, она, какъ замъчаетъ Фр. Ролле, "представляетъ собою текущій балансъ фактическихъ успъховъ, достигнутыхъ различными борющимися партіями, причемъ добро преодолъваетъзло постольку, поскольку оно выгодно".

Развитіе правовыхъ учрежденій опредъляется антагонизмомъ естественныхъ инстинктовъ вражды, превосходства и солидарности. Въ одномъ случав переввшиваетъ одинъ-·моментъ, въ другомъ—другой, иногда всъ эти силы приходятъ въ равновъсіе. Измъненія въ правовыхъотношеніяхъ, будь то обычай писанный законъ, --- всегда представляются интеллектуальнымъ эффектомъ общественныхъ перемъщеній силы; послъднія же сводятся физіологическимъ измѣненіямъ органахъ, инстинктахъ и задаткахъ расы или многихъ расъ, составляющихъ въ совокупности единую пра-

^{*)} Die Neue Zeit 1890-1891, S. 567.

вомърно организованную общину. Біологическія и антропологическія основы политическихъ и правовыхъ учрежденій измъняются, въ ряду покольній, вслъдствіе роста населенія, эмиграціи и иммиграціи группъ людей со своеобразными задатками, а также вслъдствіе измъненій техники и потребностей хозяйственнаго быта.

Появляются все новыя и новыя формы соціальнаго и полового отбора, причемъ однъ человъческія группы пріобрѣтаютъ руководящее господствующее положеніе, а другія приходятъ въ упадокъ или вовсе погибаютъ. Физіологическія метаморфозы приводять, въ общественной жизни, къ постояннымъ измъненіямъ "борьбы за право", причемъ измънившееся органическое й экономическое сочетание силъ требуетъ себъ закономърнаго признанія то въ видъ насильственной революціи и гражданской смуты, то въ видъ хозяйственной, парламентской борьбы, публичныхъ преній, и въ иныхъ, аналогичныхъ цивилизованныхъформахъ.

Политическія и правовыя учрежденія суть соціальныя формы, возникшія при участіи интеллекта; онъ, подобно литературнымъ и техническимъ произведеніямъ, подчиняются сравнительно - самостоятельному образному развитію, физіологически обособившемуся отъ особей и группъ особей. Въ сферъ соціальныхъ организацій тоже совершается біологическій отборъ наилучше- приспособленныхъ формъ жизни, которыя, подобно формамъ органическимъ, развились изъ простъйшихъ формъ до уровня формъ усложненныхъ. Развитіе семьи и брака, хозяйственныя учрежденія и право собственности, расчленение сословий и профессій, политическія учрежденія и органы управленія, словомъвсъ законы, правогыя опредъленія и публично-дъйствующіе обычак и привычки, въ качествъ соціальныхъ формъ, подлежатъ варіаціи и отбору,

приспособленію и наслѣдственности, совершенствованію и регрессивному развитію, причемъ ижь селекціонная цѣнность измѣряется значеніемъ, какое они имѣютъ для органическаго, политическаго и духовнаго развитія расы.

Въ исторіи расъ и обществъ, антропологическихъ силъ и политическихъ учрежденій постоянно наблюдается взаимодъйствіе противоположеній и компенсаціи. Хотя соціальныя формы и являются продуктомъ органической структуры расы, обращаться однако, онъ могутъ въ относительно-самосостоятельную психическую силу и воздъйствовать на творцовъ и носителей организаціи въ качествъ условій отбора и реализаціи. Въ зоологическихъ общежитіяхъ такая компенсація совершается путемъ непрерывнаго и строго-дъйствующаго контроля естественнаго вырожденія. Иное наблюдается у человъка: тутъ, вслъдствіе соціальной наслъдственности и дифференціаціи, могутъ легко возникнуть противоръчія между органической структурой и соціально-интеллектуальной надстройкой народа, и эти естественныя противоръчія компенсируются въ жестокой борьбъ, а иногда и въ крупныхъ потрясеніяхъ, которыя историкъ именуетъ политической революціей, а если напряженность слишкомъ велика, то онъ начинаютъ угрожать самому суще-Масштабомъ народа. ствованію развитія и взаимодъйствія расъ и правовыхъ формъ можетъ масштабъ, лишь тотъ который установленъ Дарвиномъ для естественной исторіи органическихъ видовъ вообще и человъка въ частности: естественный отборъ въ борбъ за существованіе

6. Задатки расы и пересадка культуры.

Соціальныя учрежденія, какъ и формы интеллектуальныя и техническія, могутъ передаваться отъ

одной расы къ другой или въ неизмънномъ видъ, или же съ примъсью тенденцій, свойственныхъ чужой расъ. Въ сферъ политическихъ и правовыхъ идей тоже можно говорить, хотя и въ переносномъ смыслъ, о развитіи путемъ интеллектуальнаго скрещиванія и смъшенія.

Такъ, римское право было реципировано и отчасти преобразовано германскими племенами; такъ, могутъ народы говорить на языкъ и исповъдовать религію, которыя создала раса, сама уже давно вымершая или давно сама отказавшаяся отъ своей религіи и языка. этомъ отношеніи достойны замѣчанія тъ психологическія превращенія, которыя испытала христіанская религія при переходъ отъ Евреевъ къ Грекамъ и Римлянамъ, у Германскихъ и потомъ у "дикихъ" расъ. Поэтому не всъ интеллектуальные, политическіе и техническіе продукобщества можно считать оригинальными произведеніями данной расы. Даже на до историческихъ находкахъ и на художественныхъ произведеніяхъ нынъ существующихъ примитивныхъ племенъ часто своеобразная замъчается помъсь стилей. Что въ основаніи этихъ эстетическихъ смъшеній лежитъ помъсь антропологическая, это показываетъ, напримъръ, стиль Египетскихъ художественныхъ произведеній въ періодъ послъ Александра Великаго, или стиль римскихъ произведеній послъ проникновенія ихъ элементами восточныхъ расъ.

Но подобная же помъсь формъ замъчается и въ исторіи развитія языковъ. Хотя отдъльныя слова и обороты ръчи могутъ прививаться и черезъ простое соприкосновеніе племенъ, однако, болъе крупныя превращенія и измъненія въ формахъ языка становятся возможными лишь въ случаъ смъшенія крови. Гобино указывалъ на то, что такъ именно романскіе языки образовались изъ латинскаго языка, причемъ

физіологическое своеобразіе въ орудіяхъ языка чуждой расы произвело и самое преобразованіе. Нъчто подобное наблюдается у Негровъ Съверной Америки. — "Языкъ легко переходитъ къ другой расъ, но передаются лишь отдъльныя слова, а произношение ихъ, зависящее отъ физіологическихъ условій, и не грамматика, не геній языка. Съверо-Американскіе Негры говорять по англійски, но выражаются по африкански: I done went, I done eat, и опускаютъ звукъ Y, который неудобно произносить при африканскомъ небъ ".*)

Способность плодотворно копировать и воспринимать элементы чужой культуры, будь то соціальныя учрежденія, интеллектуальныя идеи или техническія произведенія, необходимо предполагаетъ естественные задатки и дарованія, особенно тогда, если ей приходится внутренперерабатывать чужія идеи и облекать ихъ въ новыя, болъе сродныя формы. Интеллектуальное заимствованіе можетъ тогда ускорить развитіе расы безъ внутренняго ущерба для нея, и довести до такого цвътущаго состоянія, до котораго она сама по себъ и собственными усиліями не дошла бы вслъдствіе неблагопріятныхъ внъшнихъ условій и своего историческаго положенія.

Особенно благопріятно дъйствуетъ психологическое скрещиваніе тогда, когда передаваемыя идеи, творенія и учрежденія созданы были расой родственной. Быстро и самодъятельно восприняли Германскія племена культуру Римлянъ и Грековъ, а культуру Евреевъ они усвоили себълишь въ видоизмъненной Греческой формъ, да и теперь еще неръдко обнаруживается антипатія Германцевъ противъ семитическаго духа, проникающаго Ветхій Завътъ. Негритянскіе народы уже въ древнъй-

^{*)} A. Wirth, Volkstum und Weltmacht in der Geschicht 1901, S. 7.

шую эпоху Египетской исторіи соприкасались съ цивилизаціей народовъсредиземноморскаго побережья, но не восприняли ни высшихъ формъкультуры, ни импульса для собственнаго развитія. Многія племена Негровъ, которымъ обычаи и привычки цивилизованныхъ Европейцевъ были навязаны искусственно и быстро, совсъмъ опускались нравственно и даже вырождались физически.

Клемъ и Гобино высказали ту мысль, что пересадить высшую цивилизацію въ низшія расы возможно только путемъ кровосмъшенія, причемъ элементы болъе даровитой расы ассимилируются расъ низшей.

Простого экономическаго и психологическаго соприкосновенія недостаточно, чтобы произвести длительныя интеллектуальныя превращенія. Сила идей разбивается объ органическую ограниченность естественных задатков. Внъшнее экономическое соприкосновение и психологическая передача цивилизаціи можетъ у менъе даровитыхъ расъ прикрыть ихъ варварскую грубость лишь слегка, такъ что обычаи и идеи цивилизованныхъ народовъ у низшихъ расъ большинствъ ВЪ случаевъ превращаются въ каррикатуру.

Весьма ошибочно предположеніе, въ силу котораго иные говорять о "развитіи человъческаго рода", давая этимъ выраженіемъ понять, что весь родъ человъческій въ совокупности будто бы прогрессируетъ солидарно и идетъ навстръчу общимъ культурнымъ цълямъ.

Напротивъ, существуютъ многіе и разные очаги и виды культуры, которые сообразно расовымъ задаткамъ и внъшнимъ обстоятельствамъ проходятъ циклъ развитія подъ особыми, своеобразными формами. Развивается не культура, развивается сама раса, и развивается то изолированно, одиноко, то въ тесномъ общеніи съ другими расами. Культура человъческаго рода развивается не въ направленіи прямой и не въ возрастающей прогрессіи; скоръе можно уподобить ее сильно вътвящемуся дереву, на вершинъ котораго располагаются наиболъе даровитыя расы съ ихъ высокою культурою. Нельзя также установлять и прямолинейные ряды развитія, предполагая, что соціальныя учрежденія, формы семьи, сословій и государствъ, въ которыхъ отдъльныя расы развиваютъ свои культурные задатки, проходили у всъхъ расъ одинаковыя ступени эволюціи, хотя многія соціальныя формы, разумъется, и развивались параллельно, благодаря общему сходству человъческой натуры и условій вившней среды.

точка опоры.

РАЗСКАЗЪ.

М. К. Первухина.

О. Веніаминъ Маргаритовъ праздновалъ семейно важное событіе въ своей жизни, -- полученіе камилавки. Это была давно жданная, давно заслуженная награда, но назначеніе ея все почему-то задерживалось. Родные и домочадцы, особенно старшій сынъ отца Веніамина, окончившій весною семинарію и ждавшій священническаго мъста, Пименъ, объясняли это тъмъ, что о. Веніаминъ — "гордячка непроходимая". Самъ о. Веніаминъ объяснялъ немилость начальства иначе: онъ былъ кладбищенскимъ священникомъ; кладбище было близко къ переполненію, не сегодня, такъ завтра оно подлежало закрытію, о чемъ въ городской думъ уже шелъ разговоръ. И горожане предпочитали хоронить своихъ покойниковъ на другихъ "нивахъ Божіихъ", гдъ былъ еще просторъ, и имълось такъ много блестввшихъ свъжестью полировки памятниковъ. А старое кладбище оказывалось забытымъ, заброшеннымъ. Вмъстъ съ нимъ оказывался полузабытымъ, полузаброшеннымъ и причтъ его изветшавшей церкви,

съ настоятелемъ о. Веніаминомъ Маргаритовымъ во главъ. Если бы не богатый "причтовый капиталъ", драгоцънное наслъдіе эры кладбища, причту пришлось бы питаться одними молитвами.

Полученіе камилавки праздновалось семейно, исключительно въ своей средъ, и въ числъ гостей не было никого, кромъ членовъ кладбищенскаго причта. Почетное мъсто за столомъ занимали--совсъмъ молоденькій, но уже овдовъвшій второй священникъ кладбища, о. Смарагдъ Филаретовъ, дьяконъ, "козлитонъ" Іоаннъ Марковъ, дьяконица, псаломщикъ Андрюша Кукса, "ветхій денми" дьячекъ Вавилоновъ, просвирня тетка Иринушка, вдова умершаго когда то дьякона Тріолетова, - вотъ и всъ гости о. Веніамина. А остальную компанію сидъвшихъ за праздничнымъ столомъ трапезующихъ составляли "чада и домочадцы" отца Веніамина, начиная съ полуразбитой параличемъ матушки Агафьи Ивановны, переходя къ дътямъ четы Маргаритовыхъ въ количествъ шести человъкъ, и заканчивая прижившеюся въ ихъ домѣ , тетею Мотею", какой-то отдаленною родственницею, которая когда то прівхала въ городъ искать мѣста, пріютилась у радушныхъ Маргаритовыхъ, жившихъ "по старинкъ" да такъ и прижилась у нихъ.

Объдъ подходилъ къ концу, простой, но обильный и сытный объдъ, изготовленный наполовину собственноручно матушкою Агафьею Ивановною, большою мастерицею по части изготовленія яствъ и питій по какимъ-то стариннымъ, изъ покольнія въ покольніе переходящимъ "рецептикамъ" и "записочкамъ", -- и за столомъ становилось все шумнъе и шумнъе. На одномъ концъ, гдъ сидъла дътвора, шелъ споръ, кто старше, соборный про-Беневоленскій, генералъ, прі взжавшій недавно на кладбище служить панихиду на могилъ жены, или виновникъ сегодняшняго торжества, глава семьи.

- Кто старше, тетя Мотя?—допытывалась картавая Лиза, пятилътняя дочь Маргаритовыхъ, ихъ "послъдышъ".
- А, ну, тебя... Послушать не дашь! отмахивалась добродушно тетя Мотя своею маленькою сухою блѣдною ручкою, почему-то напоминающею гусиную лапку, —ну, тебя, Лизокъ! Тутъ такое интересное... Пима разошелся... Такъ и сычитъ на папашу, такъ и сычитъ... А ты пристаешь съ ерундою. Ѣшь киселя лучше... Не хочешь? Такъ помолчи, дай послушать... Ну, и Пима! Зудитъ, зудитъ! Отца разстраиваетъ только! Хоть бы не за обѣдомъ! Поѣсть спокойно не даетъ!

Въ самомъ дълъ, за "старшимъ концомъ" стола тоже шелъ разговоръ, который интересовалъ ръшительно всъхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ развъ малышей.

— Папаша... Да поймите же, — отъ чистаго сердца... Понимаете? Не отъ непочтительности моей... Нъту этой непочтительности! Выдумка она! Фикція, такъ сказать!—

говорилъ бѣлокурый и худощавый, щеголевато одѣтый Пима, ища сочувствія своимъ рѣчамъ у окружающихъ. Говоря, онъ поминутно поглаживалъ себя пальцами по щекамъ, покрытымъ еще скудною юношескою растительностью, и оправлялъ манжеты, упорно уходившія въ рукава.

— Молодъ ты! Знать бы тебъ этого не слъдовало!—видимо, начиная сердиться, парировалъ нападки сына о. Веніаминъ, дълая видъ, что его больше спора интересуютъ достоинства немудраго дессерта —

клюквеннаго киселя.

— Мать! Сахарку бы хорошо... Хоть ложечку!—добавиль онь, обращаясь къ матушкъ Агафьъ Ивановнъ и протянуль къ ней свою тарелку. Это движеніе выдало его: тарелка замътно дрожала въ его рукъ,—почти ходуномъ ходила.

- Позвольте, папаша!—говорилъ Пима, это не доказательство. Молодъ я, совершенно върно. Но, вопервыхъ, это недостатокъ, который проходитъ съ годами... А во-вторыхъ—это несовременно... Что значитъ молодость? Можно прожить досъдыхъ волосъ и остаться младенцемъ... Позвольте, папаша, я не на вашъ счетъ. Я понимаю долгъ сына. Отлично понимаю! Но, скажемъ, возьмемъ для примъра нашу сосъдку Алевтину Игнатьевну. Ей 64 года. Кажется, года достаточные?
- Меня не убъдишь... Напрасно стараешься...
- Позвольте. Вы только выслушайте, папаша. Удастся ли мнт васъубъдить или не удастся, это дълобудущаго. Будущее себя покажетъ. Но выслушать-то меня можно? Въдьможно?
- Audiatur et altera pars! вставилъ хриплымъ, придушеннымъ теноркомъ о. Смарагдъ. Дъяконъ и дъячекъ вопросительно переглянулись: бурсацкая премудрость была ими уже очень основательно забыта, и полузнакомое выраженіе о. Смарагда какъ-то тревожило ихъ. А

вдругъ отъ нихъ понадобится высказать, согласны ли они съ о. Смарагдомъ?

— Върно! върно! — мотнулъ головою Іоаннъ Марковъ, ръшаясь рискнуть: — аудиторъ... какъ это даль-

ше? Альтера... Такъ, такъ.

- Я и говорю: камилавка. Отлично, великолъпно. Но... Но почему теперь только камилавка, я васъ спрашиваю?—продолжалъ свою ръчь Пима.—Отецъ Смарагдъ! Я васъ уважаю. И вы, отецъ Іоаннъ. Ну, мы люди свои... Скажите: почему теперь? Почему не пять, не десять лътъ назадъ? Почему отецъ Праховъ шесть лътъ съ камилавкою. Отецъ Сидонскій семь лътъ. И такъ далъе. А отецъ Маргаритовъ—теперь? А? Почему?
- Аще начертано въ книгъ судебъ... — промолвилъ "Козлитонъ", теребя свою худосочную рыженькую бородку клинушкомъ.
- Оставьте! Оставьте книгу судебъ! Довольно нераціонально! почти закричалъ Пименъ Веніаминовичъ на дьякона.
- Книга судебъ? Живетъ она гдъ? По Бурсацкому спуску, въ домъ вдовы цехового Граџитова. А фамилія ей, этой книгъ судебъ,—Спасскій. А зовутъ ее—Иванъ Николаевичъ. И занимаетъ она въ семъ міръ тепленькое мъсто—секретаря духовной консисторіи. А занятія ея—дертаетъ за ниточки...
  - Пименъ! Это еще что?
- Ничего особаго, папаша. Только правда! Вы же на нее обижаться отнюдь не имъете права, ибо вы постоянно твердите: правда—выше и прежде всего. Такъ что же вы меня-то останавливаете? Я одну правду, голую, такъ сказать истину...
- In vino veritas!—выпалилъ дьяконъ и потянулся къ сосъду съ полупустою рюмкою, говоря,—Дьяче! Друже! Давай чокнемся, давай чокнемся-почеломкаемся...

Пименъ Веніаминовичъ, раскраснъвшійся во время спора и чувствовавшій себя въ ударъ, не унимался.

- Что же? Я преосвященнаго Паисія не виню. Нътъ его вины: конечно, старый человъкъ, на покой пора. Ручки-ножки болятъ...
- Пименъ, замолчи. Запрещаю... издъвательства!
- Будьте покойны, папенька. Никакихъ издъвательствъ. Я только голые факты отмъчаю: все въ рукахъ Ивана Николаевича Спасскаго. Угодно ему-отецъ Сидонскій получитъ наперсный крестъ. Неугодно отецъ Сидонскій съ доходнаго мъста турманомъ вылетитъ въ какую-нибудь Безлюдовку, — по благовиднъйшей причинъ, для пользы церкви. Угодно--отецъ Маргаритовъ получаетъ камилавку въ молодости. Неугодно-получитъ въ семьдесятъ лътъ. И такъ далъе. А какъ сдълать, чтобы ему угодно было...

Ему же честь—честь. Ему же дань — дань! — отозвался "Козлитонъ".

- То-то—дань. Захочетъ Пименъ Маргаритовъ внести "ему же дань" въ размѣрѣ, скажемъ, трехсотъ рублей, получитъ Пименъ Маргаритовъ приходъ, если не въ городѣ, то по близости онаго. Анъ, Пименъ Маргаритовъ не платитъ,—и ждетъ Пименъ Маргаритовъ скоро годъ мѣста... Такъ-то!
- Окончательно воспрещаю!— категорически остановилъ продолженіе дебатовъ отецъ Веніаминъ, отодвигая тарелку съ остатками киселя:—слышишь? Воспрещаю. Если ты не уймешься на сей разъ, то я...
- Папаша! Развъ я съ цълью обиды?
- Если не уймешься, я уйду изъ за стола. Занимай тогда гостей самъ. Не подобаетъ говорить то, что ты—такъ громогласно... Слышишь? Не желаю!

Матушка Агафья Ивановна, тетка Ирина и тетя Мотя испуганно глянули на Пимена Веніаминовича, безмолвно укоряя его за нарушеніе общаго спокойствія и взорами умоляя не прекословить отцу. Пименъ Веніаминовичъ, все еще возбужден-

ный споромъ и не истратившій всѣхъ своихъ доводовъ въ обличеніе непрактичности отца, оглянулся вокругъ, ища сочувствія и поддержки, но прочитать что-либо на лицахъ присутствующихъ было трудно: быстро надвинувшіяся зимнія сумерки наполнили уютную столовую полумглою. При невѣрномъ свѣтѣ догорающей зорьки какъ то странно измѣнились, стали незнакомыми, чуждыми лица сидящихъ.

Въ это время донесся звукъ дребезжащаго звонка у парадной двери, и этотъ звукъ разогналъ начинавшее дълаться для всъхъ тягостнымъ молчаніе.

 Сонюша. Сбѣгай, дѣтка, посмотри! Ежели по дѣлу—проси въ гостиную!—скомандовала матушка.

Двънадцатилътняя дъвочка "епархіалка" стремительно, козочкою, выскочила изъ за стола и въ припрыжку понеслась въ прихожую, откуда слъдомъ донесся визгъ отпираемаго замка, шарканье ногъ и чей то рокочущій басъ, прерываемый визгливыми нотками радостнаго голоса дъвочки.

— Богъ милости послалъ! — сказалъ, поднимаясь изъ-за стола навстръчу идущимъ изъ прихожей о. Веніаминъ, — очевидно, гость пожаловалъ... Матушка! Ты бы распорядилась — самоварчикъ! Къ объду опоздалъ, такъ пусть чай застанетъ...

Гость шелъ къ столовой твердою, увъренною, массивною походкою. Подъ его солидно обутыми ногами скрипъли и трещали половицы обветшалаго церковнаго дома. Даже на столъ въ столовой эти шаги отзывались: какой-то графинчикъ или стаканъ, сталкиваясь съ сосъдомъ, неумолчно позванивалъ робкимъ и мелодическимъ серебристымъ звономъ...

- Судя по шагамъ,—началъ вдовый о. Смарагдъ,—судя по шагамъ шествующаго, –это долженъ быть никто иной...
  - Дядя Бисмаркъ пріъхалъ!—

взвизгнула, распахивая передъ гостемъ двери Соня, и на порогъ появилась весьма видная и представительная фигура отца Петра Успенскаго, сановитаго священника лътъ пятидесяти, двоюроднаго брата о. Веніамина.

— Миръ дому сему!—возгласиль гость благодушнымъ баскомъ съ бархатистыми нотками и направился къматушкъ Агафьъ Ивановнъ. Поздоровавшись съ нею, онъ попалъ въ объятья отца Веніамина, съ которымъ троекратно облобызался, прижимая его къ своей широкой груди.

За отцомъ Веніаминомъ къ гостю приблизились — по старшинству — о. Смарагдъ, потомъ дьяконъ, потомъ Пименъ Веніаминовичъ, а за ними, уже безъ всякой субординаціи, дътвора, облъпившая тучнаго и сановитаго гостя, цъплявшаяся за рясу, толкавшая и безъ всякихъ церемоній виснувшая на шеъ у "дяди Бисмарка".

— Ѣду я изъ Покотиловки!—заявилъ гость, усаживаясь рядомъ съ хозяиномъ въ придвинутое кѣмъ то изъ дѣтишекъ кресло,—ѣду, думаю, дай-кося зайду къ братику Веніамину. Давно что-то не заглядывалъ...

— И то давно!—подтвердила матушка, качая головою,—да мы привыкли! Знаемъ, что служба такая: все по разъъздамъ... Дома въ кои въки...

— Ђду, думаю, заѣду къ братику!—продолжалъ, отирая усы и расправляя роскошную бороду гость.— Кстати, думаю, поздравлю отца Веніамина съ наградкою, хотя бы и запоздавшею, да распрошу, какъ съ будущимъ іереемъ дѣла. А кстати и еще, подѣлюсь своимъ... не то горемъ, не то волненіемъ. Горя, въ сущности, нѣтъ: не мое дѣло. А отъ волненія никакъ отрѣшиться не могу. Говорю про дѣло покотиловскаго отца Стефана...

— Терновскаго? Съ похоронами? встрепенулся о. Веніаминъ и всъмъ корпусомъ повернулся къ разсказчику,—таки правда? Похоронили безъ священника? Ахъ, гръха-то, гръха сколько?!.

 Да, исторія... Пренепріятная исторія. Въ газеты попало. Пошло гулять... Не иначе, какъ отъ Святъйшаго Синода запросъ будетъ... Преосвященный совствить разстроенть. Посылаетъ меня. Ты, говоритъ, отличаешься умъніемъ всякія щекотливыя недоразумънія улаживать миромъ. Не даромъ тебя по епархіи "Бисмаркомъ" или "Талейраномъ" --точію не помню, прозвали. Докажи, что сіе прозвище---не даромъ. Попытайся это дело утихомирить. Не ради, говоритъ, Стефана Терновскаго, ибо онъ, по всъмъ видимостямъ, тяжко виноватъ, но всего сословія: тінь падаетъ... И сіе, говоритъ, въ наши дни, когда идетъ общее шатаніе мысли...

Вскую шаташася!—изрекъ, мотнувъ лохматою головою, дьяконъ.

 При крайней нежелательности давать пищу нареканіямъ со стороны свътскихъ элементовъ, сіе создаетъ столь тяжкую коллизію, изъ которой и выйти съ честію болъе чъмъ затруднительно... Но попытаться все же необходимо... Поъзжай"! Послъ толико прелюбезной бесъды, консисторія, разумъется, сейчасъ же мнъ-"дъло" и "указъ"немедленно произвести тщательное и строжайшее разслъдованіе. Ну, я и поъхалъ, облеченный полномочіями епархіальнаго слѣдователя... И убъдился въ весьма печальной истинъ. Исторія проста и несложна. Гръхъ попуталъ отца Стефана. Молодъ онъ, горячъ не въ мъру, и, долженъ правду сказать, -- не на мъстъ. Въ свътской службъ, быть можетъ, онъ былъ бы полноправнымъ членомъ сословія. Въ нашемъ дълъ такъ нельзя. Такъ озлобилъ противъ себя людей, такъ озлобилъ... Я только что пріткаль—самовольно незаконный сходъ сбили. Писаря не слушаютъ, старшинъ чуть бороду не выщипали... Галдятъ, орутъ, налъзаютъ... Положимъ, ко мнъ--съ полнымъ почтеніемъ...

- Еще бы!—вырвалось у о. Веніамина.
- Приговоръ постановили: просить власти назначить другое лицо. А самъ отецъ Стефанъ-непримиримъ. Одно твердитъ: въ своемъ правъ былъ. Жить надо. Жизнь дорожаетъ. Матушка молодая, —привыкла къ городской жизни... Умеръ старикъ этотъ. Семья--считается богатеями. Назначилъ о. Стефанъ за похороны десять рублей. Предлагаютъ, словно въ насмъшку, рубль, да еще дерзять. Ну, онъ на своемъ, тъ на своемъ. А тамъ народъ дерзкій. Кои на Донщинъ побывали,--съ штундистами и баптистами знакомство и связи имъютъ. Кои въ Москвъ, въ Кіевъ бываютъ. Словомъ, - въянія современности коснулись... Продержали трупъ три дня въ избъ, – приходятъ къ отцу Стефану: хоронишь, батька, за полтора цълковыхъ? Нътъ! А, нътъ? Такъ хорошо же... Собрались, не говоря худого слова, всъмъ почти селомъ, на кладбище отправились. Идутъ по деревив, псалмы распъваютъ. Донесли до могилы, старикъ тамъ одинъ есть, начетчикъ. Собственно, есть подозрвніе, какъ будто тайно исповъдующій расколъ. Ну, такъ онъ-съ молитвенникомъ. Я, говоритъ, на Шипкъ былъ и подъ Плевною быль, такъ мы, говорить, всъхъ убитыхъ христолюбивыхъ воиновъ завсегда такъ. Потому гдъ же ждать попа? Мы, говоритъ, даже татарву точно также. Потому, говоритъ, Богъ одинъ. Померъ на войнъ — свой братъ солдатъ. А тамъ, говоритъ, на небъ-то, разберутъ...
- Ахъ онъ--шутъ гороховый! Татаръ? Ну, скажите пожалуйста?! вставилъ о. Іоаннъ Марковъ.
- Кладбищенскій сторожъ не пускалъ процессію, такъ его... того...
- Въ корреспонденціи сказано— покойника палкою ударилъ!—раздумчиво молвилъ о. Веніаминъ, барабаня пальцами по столу.
  - --- Ну, это преувеличение. А что

2

загораживалъ, такъ это такъ. Ну, его немного и помяли.

— А самъ отецъ Стефанъ?

- Отецъ Стефанъ сначала вздумалъ шумъть. Но благоразуміе взяло верхъ. Видитъ, толпа такъ настроена, что лучше оставить... Не ровенъ часъ... Потому, Богъ ихъ знаетъ... И я сіе благоразуміе одобряю. Могло дъло разыграться до весьма и весьма непріятныхъ размъровъ..
- А я бы такъ не оставилъ!— вдругъ зазвенълъ нервный, озлобленный голосъ Пимена Веніаминовича: я бы такъ не оставилъ... Нъ-этъ, шалишь! Нъ-этъ, врешь! Я бы такъ не оставилъ...
- То-есть?—дипломатически осторожнымъ тономъ освъдомился о. слъдователь.
- Я бы... я... не знаю, на мъстъ видно было бы... А только это же какъ? Такое самовольство... Что же это? Мужики, хамы... Позвольте, въдь, это же бунтъ? На какомъ основани? По какому праву?

Пименъ, замолчи! от озвался
 Веніаминъ.

— Ни за что не замолчу, папаша. Потому, по какому праву? Что такое? Развъ это порядокъ? Такъ развъ возможно! А земскій на что? А "холодная" на что?

Гость пристально посмотрълъ на тонущее въ тъни быстро сгущающихся сумерокъ лицо Пимена Веніаминовича и кивнулъ отцу Веніамину:

- Горячъ? А́? И откуда это у него? Въ тебя, братикъ? Такъ нѣтъ, ты человѣкъ весьма уравновѣшенный... Опять же, въ матушку Агафью Ивановну? И та, на сколько освѣдомленъ я, такою горячностью отнюдь не обладаетъ... Ахъ, молодость, молодость!...
- Позвольте, позвольте, дядя! Такъ нельзя!—горячился опять Пименъ.— Я говорю: что же это? Я знаю, папаша на сторонъ хамья этого. На сторонъ мужичья. Почему? Говорятъ, я молодъ. Да! Но, позвольте. Почему за вывъску маляръ за-

проситъ пять рублей—не гръхъ. За требу запросилъ священникъ пять рублей — преступленіе? Положимъ. я попалъ въ эту самую Покотиловку. Женатъ. Потребности культурнаго человъка, то, се... Ну-съ? А мнъ-полтора рубля за похороны!.. Имъю я право возмутиться? По рукамъ, по ногамъ человъкъ связанъ. Того нельзя, этого не смъй! Жизнь -окургуженная. Запрягли въ ярмо, со всъхъ сторонъ стъна, и еще такія исторіи! Нътъ, я за отца Стефана! Правъ, тысячу разъ правъ! Хоть какое-нибудь вознагражденіе... Должно же вознаграждаться! За что страдать? Я знаю, папенька другихъ взглядовъ. Потому, стараго покольнія. Античныхъ взглядовъ! У нихъ въ семинаріи Богъ знаетъ что творилось. Потому, такая эпоха... Шестидесятники, такъ сказать. Служеніе народу. Меньшой братъ. И такъ далъе. Что же? Я не препятствую... Тъмъ болъе, въ сущности, единичное явленіе. Уникумъ, такъ сказать. Кажись одни папаши изъ цълаго выпуска этихъ ирраціональныхъ взглядовъ придерживаются. Прочіе практичнъе. Точку опоры отыскали: преуспъваютъ. Иные далеко шагнули. До нихъ теперь не дотянешься. А мы-на кладбищъ. Да и то на подлежащемъ упраздненію... Что же? Я не препятствую...

— Но осуждаешь?

— Папенька! Смъю ли я осуждать?

-- Вслухъ? Вслухъ не ръшаешься

прямо. А про себя...

— Папенька! Допустите, что осуждаю. Да, въдь, правъ я. Потому, — трезво разсуждающему человъку. — я говорю про современность, — иначе и отнестись нельзя... Идеализмъ отжилъ свой въкъ. Его наука похоронила. Нужна точка опоры, а не мифы. Тотъ же Милль.

— Ну, Милль намъ, іереямъ Божіимъ, не указъ. Наконецъ, онъ и самъ-то совъсть въ своихъ трудахъ всю свелъ къ нулю. Читалъ я. Утонченный эгоизмъ—все его совъсть.

- папаша! Что та-— Позвольте. кое, наконецъ, совъсть? Жизнь по совъсти? Напримъръ: прикармливстръчнаго-поперечнаго — это по совъсти, а накопить хоть малую толику для семьи? Не по совъсти? Да? Заботиться о чужихъ, — по совъсти. А позаботиться о томъ, чтобы у дътей была точка опоры-это не по совъсти? Аскетизмъ? Отлично, если онъ въ третьемъ, четвертомъ въкъ христіанской эры! Современенъ ли аскетизмъ въ наши дни? Такъ сказать, представляеть ли онъ рыночную цвиность?
  - Храмъ Божій—не торжище!
- Да! Но у васъ, папаша, многочисленная семья. Простите, папаша, не въ судъ и не въ осужденіе. И не про себя: ибо не сегодня, такъ завтра, я буду имъть точку опоры, создамъ себъ опредъленное положеніе. Но объ остальныхъ членахъ семьи! Предположимъ, — Кай человъкъ. Люди смертны. Ergo—Кай смертенъ...
  - Ты это къ чему?
- Къ тому же: при чемъ семья? Въ какомъ положении семья? На мостовой? Есть у нея, въ случаъ чего, точка опоры?

— Оставь!

— Не могу оставить, папаша. Сердце болить. Вы сейчасъ: стяжатель! И такъ далъе. А я, просто на просто, только ясно вижу вещи. И душа не мирится.

— Ну, о душъ можно было бы

умолчать...

— Напрасно обижаете. Я просто по благоразумію. Скажемъ, ваша церковная школа...

— Школа тебъ помъшала?—него-

дуя, спросилъ о. Веніаминъ.

— Мить лично — нисколько. Но семьть, папаша, простите, очень... Потому, какъ школа стоитъ минимумъ триста, четыреста рублей въ годъ. Безъ всякой пользы, безъ всякой цъли и смысла!.. На собственный счетъ школу содержите, а наблюдатель награды получаетъ. Какъ же иначе? Онъ, видите ли, распола-

гаетъ духовенство тратить послѣдніе гроши на школы...

— И ты въ школъ смысла не ви-

дишь? Гм!

- Вы иронизируете, папаша! Что же? Воля ваша. Но согласиться съ вашими воззръніями отнюдь не могу. Какъ хотите! Въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годахъ прошлаго стольтія,—ну, тогда, говорятъ, такія въянія... И даже раціонально было, быть можетъ, не спорю...
- -- Ну, довольно. Прекратимъ объясненія. Тъмъ болье, у насъ гости, а мы въ препирательства пустились... Не гоже это. Мать! А что на счетъ самоварчика? Ромокъ есть еще? Мы съ братикомъ Петромъ и съ отцомъ Смарагдомъ вспомнимъ семинарскіе стихи:

Въ вечеръ майскій, Въ чай китайскій Ромъ ямайскій Любо подливать...

— Дъти! Помогите тетъ Мотъ убирать. Да не пора ли дътворъ за уроки браться? Соня! Слышишь? Ты, егоза...

* *

Подали самоваръ, огромный, пузатый, сердито фыркающій и выпускающій клубы паровъ. Половина гостей—просвирня, молчаливый дьяконъ съ дьяконицею исчезли, наскоро попрощавшись съ хозяевами. Псаломщикъ Кукса остался по просьбъматушки Агафьи Ивановны, предложившей ему спъть что нибудь.

- Отъ божественнаго? Могу!— отвътилъ псаломщикъ, и, не ожидая подтвержденія, сталъ прочищать горло, массируя его снаружи двумя пальцами у кадыка, покрытаго ръдкими рыжими волосами, и пробуя голосъ.
- До... ре... ми... фа... соль... ля... си...
- Нътъ, не изъ духовнаго. Нельзя ли что-нибудь свътское? Романсы, напримъръ. "Пара гнъдыхъ", скажемъ, чудесный романсъ. Знаете, исторія такая трогательная... Или

"Ее въ грязи онъ подобралъ"! — просила Куксу матушка.

Когда-то въ дни молодости, она обладала чудеснымъ голосомъ, -за ея пъсни и полюбилъ ее, въ сущности, отецъ Веніаминъ, за ея пъсни и взялъ ее, -- наименъе выгодную изъ всъхъ предложенныхъ ему невъстъ. Съ годами голосъ пропалъ, но любовь къ пънью осталась, и матушка и теперь цълые часы готова была слушать пъніе, но не изъ духовнаго репертуара. Предпочитала же она заунывныя малороссійскія "думки" или быстро устаръвающихъ теперь романсовъ, въ которыхъ доминируетъ элементъ сантиментальности.

Пара гивдыхъ, запряженныхъ зарею...

Началъ пъть Кукса.

У него былъ плохо обработанный и невърно поставленный, но отъ природы несомнънно богатый голосъ обширнаго діапазона, съ бархатистымъ тембромъ. При полной безыскуственности фразировки, онъ влагалъ въ пъніе много чувства, и голосъ его въ небольшихъ низенькихъ комнатахъ звучалъ великолъпно.

Только върны ей остались понывъ Пара гитдыхъ... Пара гитдыхъ...

Пълъ Кукса, и окружающіе, упиваясь звуками, молчали...

Полчаса спустя въ маленькомъ кабинетъ хозяина между отцомъ Веніаминомъ и гостемъ, отцомъ Петромъ, шелъ разговоръ. Сказанное отцомъ Веніаминомъ такъ поразило отца Петра, что онъ долго не могъ прійти въ себя, и, при всемъ своемъ умъніи владъть собою, при выработанномъ опытомъ долгихъ лътъ хладнокровіи, онъ потерялъ тонъ увъреннаго и равнодушнаго дипломата, тотъ тонъ, благодаря которому въ епархіи онъ пріобрълъ имя отца Петра Бисмарка.

— Ты... ужъ слишкомъ! Въдь, плоть отъ плоти твоей, отецъ Веніаминъ! — смущенно и съ робкою укоризною говорилъ онъ хозяину.

— Да. Но не духъ отъ духа, братикъ. Вотъ что меня смущаетъ. Ты свой человъкъ. Я могу съ тобой говорить откровенно. Я самъ не знаю, что дълать и какъ быть. Въдь, не мальчикъ же я? Шестьледесятъ почти лътъ прожилъ. Скоросорокъ лътъ служу церкви и... и. людямъ. И вотъ, когда приходится ръшать столь важный вопросъ, какъ. карьеру сына, — я обуянъ сомнъ-ніемъ. Ты присутствовалъ при недолговременномъ споръ, братикъ. Но эти споры идутъ со дня окончанія выпускныхъ экзаменовъ. Пойми: скоро годъ! И чъмъ дальше я всматриваюсь, тъмъ, пойми, страшнъе мнъ дълается и смутнъе на душъ. Потому, что же это? Послушай. Мы одни. Никто не услышитъ. Прожили мы много. Много видъли, еще большее слышали. Помнишь Феофилактова? Естественными науками занимался, и такъ далъе. Въ сущности, въдь, изъ отрицателей... Раціоналистъ... Онъ со мною откровененъ былъ: иду, говоритъ нести свътъ культуры. Попробую, совмъстимо ли съ служеніемъ сану служеніе народу, передъ которымъ мы въ неоплатномъ долгу...Я, сказать правду, все же осуждалъего. Разъутебя есть въдушъсомнънія, —лучше не становись іереемъ. Выйди изъ сословія. Но онъ, пойми, хоть до нъкоторой ступени искупаетъ свои сомнънія, свои шатанія въ области религіозной — своими убъжденіями. И что же? Въдь, погибъ на посту, какъ воинъ Бога Всевышняго, когда голодовка была... мнъ что напоминать? Самъ знаешь... И если бы мой сынъ такъ. шелъ на службу, — у меня не хватило бы силы духа сказать: "не иди.. Воспрещаю. Силою отцовскаго авторитета — воспрещаю"...

Понимаю такъ: некуда сунуться. Дъдъ, прадъдъ — священнослужители. Ну, и самъ съ дътства дышалъ этимъ воздухомъ. Ни любви, ни пламенной въры, — но традиція есть. И идетъ, и... служитъ. Не хуже дъда и отца. А при случаъ, смотришь, свою

солидарность съ массою окажетъ. Идетъ стяжатель. Возьмемъ отца Горълова. Знаю, недостатки... Но..! Но онъ-горячо върующій человъкъ. Наконецъ, знаемъ мы съ тобою другихъ. Nomina odiosa sunt. Тотъ грешенъ темъ, тотъ другимъ. Но, въ общемъ они-родные той массъ, въ которую они идутъ. Они сознаютъ связь съ нею. Они-свои, и масса имъ проститъ. А проститъ ли масса моему сыну, который теперь, со школьной скамьи, вотъ что говоритъ, -- когда онъ будетъ іереемъ? Господи! Да развѣ мнѣ, отцу, не тяжело, не безконечно тяжело говорить это? Я—отецъ. У меня душа болитъ. У меня сердце ноетъ. Откуда это все? Почему? За что?..

- -- Не преувеличиваешь ли ты, братикъ? Въ своемъ дълъ судьею крайне затруднительно быть...
- Преувеличиваю? Я боюсь, что преуменьшаю. Ты всего не знаешь, братикъ, да мнъ тяжело говорить: все же, сынъ... Э, да все равно. Ты—свой. Я, въ сущности, хотълъ даже въ городъ съъздить, посовътоваться... Хотя какой совътъ мыслимъ? Ты знаешь, въ какомъ положеніи дъло его женитьбы? Нътъ?
- Говорили, что ладится дѣло съ сиротой Геосиманскою...
- Да, говорили... Если бы такъ! Согласенъ. Невъста со "взятіемъ". Приходъ бъдный. Мнъ пришлось бы самому помогать. Такъ. Но... Охъ, говорить ли? Послушай. Рудометова знаешь?
  - Желѣзняка?
- Его самаго. Онъ... Понимаешь, какъ брату, тебъ говорю... Дъвушка одна была. Семья не изъ твердыхъ. Мать тамъ... Но это пустое. Но горе такое! Сама дъвица... гуляла. Купецъ содержалъ, Рудометовъ. Теперь женится, хочетъ отвязаться. Она грозитъ: сърною кислотою оболью... Цълая исторія. У него товарищъ былъ... Тотъ посредникомъ... Сторговались, говорятъ двадцать тысячъ отступного...

- Какое же отношеніе твой сынъ къ этому?
  - Не понимаещь?

И отецъ Веніаминъ посмотрълъ прямо въ глаза двоюродному брату. Отецъ Петръ потупился и вздохнулъ глубоко.

 Да, — промолвилъ онъ грустно:—если такъ, конечно... Ахъ, дъти,

дѣти...

- Согласуется съ исповъдуемыми имъ взглядами... Двадцать тысячъ... Точка опоры... И еще... знаешь, братикъ, фигуральный оборотъ ръчи одинъ у него. Какъ-то при мнъ прорвался. Это изъ-за тети Моти, не признаетъ, что она даже полезна намъ, нужный человъкъ. Протестуетъ: паразитизму, говоритъ, покровительство. Это, говоритъ, остатки мамонтоваго въка. Понимаешь?
  - Не уясняю вполнъ.
- То есть, видишь ли, въ его глазахъ—все это только пережит-ки. Старая рухлядь. Даже такая вещь, какъ наша сословная солидарность. Не разберу, знаешь ли. Смутное что-то...

* *

Приближалось Рождество. Какъ-то Пименъ Веніаминовичъ, по цълымъ днямъ пропадавшій "въ городѣ", вскользь заявилъ, что въ консисторіи ему объщали "подвинуть" ero прошеніе о назначеніи его на священническое мъсто сейчасъ же послъ праздниковъ. Владыка утвердилъ докладъ консисторіи "о бытін". Мъсто было такое, которое только по какому-либо исключительному случаю могло достаться молодому священнику, да еще только семинаристу, а не академику.

Полученіе мъста означало необходимость поторопиться съ ръшеніемъ семейнаго вопроса: надо было кончить, надо было остановить свой выборъ и повънчаться.

И чъмъ ближе подходило это время, тъмъ сильнъе, тъмъ слубже становился разладъ между отцомъ и сыномъ.

- Женишься?—спрашивалъкакъто зимнимъ вечеромъ о. Веніаминъ сына, зашедшаго въ его убогій кабинетикъ.
- Приходится жениться, папаша!—почтительнымъ, но твердымъ тономъ отвъчалъ Пименъ, скашивая глаза въ сторону.

— На комъ же твой выборъ

остановился?

- Вы знаете. Что же толковать! Извъстно ужъ...
  - А прошлое?
- Никакого прошлаго нътъ, папаша! Одна болтовня. Злые люди болтаютъ. И съ этимъ преосвященный согласенъ...
  - Съ чѣмъ?
- Съ моимъ выборомъ, Я докладывалъ ему. Подробно изложилъ. Доказательства представилъ... (Черезъ отца ректора. Онъ все знаетъ...).

— И что же?

— Естественно: одобреніе. Да иначе и быть не могло. Ибо Маврушенька — жертва злой клеветы людской. Она сирота, а люди рады. И дъло кончено. Имъю консисторскій билеть на вступленіе въ бракъ.

— Продался? За сколько?

- Напрасно вы это говорите, папенька. Вовсе не продался. Одни слова съ вашей стороны. И даже не логичныя...
- A если... я... къ преосвященному пойду?
- Совершенно напрасно будетъ.
   Только себя осрамите...
- A если я, какъ отецъ... Какъ отецъ, говорю... Запрещу?
  - Жениться?
  - Да, жениться!
- Воля ваша. Я изъ вашей воли ни на шагъ, папаша. Вы совершенно напрасно меня такимъ непокорнымъ сыномъ считаете. А только я уже докладывалъ его преосвященству обстоятельства дъла и имъю его одобреніе... Такъ что неловко будетъ...
- Ну, хорошо. А если я... тебъ...

посвящаться... запрещу?

— Посвящаться запретите? Ахъ,

папаша!.. Да что вы? Да развъ это возможно?.. Ушамъ своимъ не върю... Отецъ—самъ духовнаго званія, представитель духовнаго сословія, и вдругъ хочетъ, чтобы сынъ его, плоть отъ плоти и кровь отъ крови, такъ сказать, —былъ изверженъ изъсвоего сословія?!.. Ахъ, папаша... Зачъмъ такія слова?

О. Веніаминъ чувствовалъ, чтосынъ глумится надъ нимъ, — глумится, котя выражается глубокопочтительнымъ тономъ и на его лицъ написана сугубая почтительность, въ его глазахъ горятъ искорки почти рабской преданности.

О. Веніаминъ поглядълъ на худоелицо сына и тяжко вздохнулъ. Пименъ Веніаминовичъ, понуривъ голову, на ципочкахъ вышелъ изъ ка-

бинета.

Разговоръ этотъ возобновлялся не разъ, но къ ощутительнымъ результатамъ не приводилъ. Пименъ Веніаминовичъ, ища точку опоры, строя зданіе своего благополучія, не останавливался ни передъ чѣмъ. Не говоря уже о томъ, что его сторону приняла почти вся семья, начиная съ матери, добродушной и слабохарактерной матушки Агафъи Ивановны, на его же сторонъ теперь оказался какимъ-то чудомъ и "дядя Бисмаркъ", отецъ Петръ, и вдовый о. Смарагдъ, и дъяконъ "Козлитонъ".

Какъ-то о. Веніамину пришлось узнать случайно, что матушка ужепознакомилась "случайно" съ нареченною невъстою Пимена и въ восторгь отъ нея, какъ отъ премилой дъвицы. Потомъ узналъ о. Веніаминъ, что и дъти его, начиная съ вострушки Сони и кончая Лизунькою, уже знакомы съ невъстою, бывали у нея, очарованы ею, гордятся ею. Потомъ узналъ и то, что, дъйствительно, самъ преосвященный къ предполагаемому браку Пимена относится вполнъ благопріятно, имъвъ случай узнать невъсту лично и при этомъ найдя, что дъвушка, про которую по городу ходила сплетня, на самомъ дълъ отличалась смирен-

номудріемъ, благовоспитанностью, почтеніемъ къ старшимъ и т. д.

Словомъ, о. Веніаминъ видълъ, что его сынъ за эти полгода сумълъ поставить дъло такъ, что сопротивляться ему дольше не было ни смысла, ни цъли. Оставалось только покориться судьбъ и примириться съ нею.

Но это-то примиреніе давалось съ величайшимъ трудомъ: о. Веніаминъ думалъ и передумывалъ цѣлыми часами, безсонными ночами, что дѣлать ему съ сыномъ, какъ измѣнить его. Измѣнить — переродить... Но это оказывалось сверхъ силъ,

По временамъ о. Веніамину казалось, что весь разладъ съ сыномъ—кошмаръ, сонъ. Сонъ пройдетъ,—все исчезнетъ. Пименъ окажется такимъ же, какъ многіе и многіе изъего однокашниковъ. Не лучше, но и не хуже... Вонъ Сергій Фиваидскій... Несомнѣнный стяжатель. Ежемѣсячно привозитъ въ городской банкъ вкладъ, торопясь нажитъ "малую толику". И тотъ же Сергій Фиваидскій сроднился съ мужикомъ, знаетъ его, понимаетъ его нужды, при случаѣ умѣло отстаиваетъ его интересы. И мужики его цѣнятъ.

 Ничего, кръпкій попъ!—говорятъ о немъ. И имъ — даже довольны.

Отецъ Арефій Волоховъ пьетъ. Умерла у него жена, запилъ. И какъ пьетъ?! А сельская "громада" бережетъ его. Были доносы, было слъдствіе,— громада отстояла его, своего немудраго попика... За то, что онъ безсребренникъ. За то, что онъ—свой братъ.

Какъ же будетъ жить съ "міромъ," съ сельскою "громадою" Пименъ? Вонъ его взгляды: точка опоры, бараній рогъ... Онъ чуждъ крестьянской массъ, онъ презираетъ ее...

Върующій ли онъ? Нътъ, въ немъ нътъ и проблеска въры. Пусть бы въра была немудрая, безъ провърки, безъ этической основы... Но въ немъ нътъ и этой въры. Онъ

идетъ въ священники, какъ пошелъ бы въ акцизные контролеры или судебные слъдователи... Идетъ только потому, что думаетъ найти пресловутую "точку опоры".

Было бы выгоднъе стать управляющимъ, онъ пошелъ бы управляющіе. Если бы разсчиталь, что можно хорошо пристроиться въ качествъ педагога, сталъ бы педагогомъ. И тутъ, и тамъ, и вездъ безъ любви къ дълу, безъ въры въ него. съ холодной почтительностью тъмъ, у кого сила, и съ нескрываемымъ или плохо скрываемымъ пренебреженьемъ къ тъмъ, кто ниже. Съ уваженіемъ ко всему преуспъвающему и подвигающемуся впередъ, съ презрѣніемъ къ тому, что слабо...

 Ахъ, Господи! — взывалъ наединъ, тяжко вздыхая, о. Веніаминъ, и добавлялъ:

— Въры нътъ... Совсъмъ, ни во что, ни для чего — въры нътъ. Такъ, чиновникъ...

* *

Тъмъ временемъ въ домъ шли дъятельныя приготовленія къ свадьбъ Пимена Веніаминовича. Пришлось отцу подумать, съ чъмъ онъ отпускаетъ изъ дому сына, чъмъ онъ благословитъ его на новую жизнь.

Особыхъ капиталовъ въ домъ не было, вся многочисленная семья жила изо дня въ день, питаясь тъмъ. что получалось самимъ отцомъ Веніаминомъ. Но за много лѣтъ жизни на одномъ мъстъ въ распоряжении отца Веніамина все же скопилось не мало разнаго рода имущества. Подумавъ и взвъсивъ, что можно выдълить изъ хозяйства на обзаведеніе сыну, матушка Агафья Ивановна принялась за кропотливую, но безуспъшную работу выдъленія посуды, мебели, столоваго и постельнаго бълья, предметовъ обстановки и т. д. Однажды о. Веніаминъ позвалъ сына въ свой кабинетъ и предложилъ ему выбрать

одинъ изъ трехъ выигрышныхъ билетовъ, пріобрътенныхъ на приданое матушки Агафьи Ивановны чуть ли не тридцать лътъ назадъ.

- Зачъмъ же выбирать, папенька?—почтительно отозвался Пименъ, но, по настояніямъ отца, зажмурясь, протянулъ руку наугадъ и вынулъ одинъ билетъ.
- Только ставлю завътъ: продавать не долженъ! Слышишь? Если особо круто придется, верни мнъ. Я выплачу, сколько стоитъ по курсу. Но чтобы изъ рода онъ не выходилъ! заявилъ о. Веніаминъ.

Пименъ изъявилъ согласіе. Тогда отецъ взялъ остальные два билета и вручилъ сыну.

— Тиражъ близокъ. Второго января, что ли? Застраховать надо. Ты въ городъ чаще бываешь, потрудись ужъ... Вотъ тебъ деньги. Кажется, достаточно будетъ? Постой. Ты какой номеръ взялъ? Дай, я запишу. Хоть карандашикомъ. Номеръ... Серія... Вотъ, такъ. На чернильницъ, здъсь. А то записную книжку куда-то засунулъ. Ну, съ Богомъ. Сегодня и застрахуй, а то промедлишь, а тамъ еще выйдетъ въ тиражъ... Обидно будетъ.

Послѣ новаго года, когда въ мѣстной газеткѣ появился списокъ выигрышныхъ билетовъ, о данныхъ Пимену билетахъ какъ-то не вспомнили. Билеты у Пимена, онъ ихъ застраховалъ, чего же больше?

Кстати, по городу пошли слухи, что бракъ Пимена съ намъченною невъстою разстраивается. Слухи были настолько настойчивы, что даже о. Веніаминъ счелъ необходимымъ спросить сына:

- Правда ли? Говорятъ, что ты измънилъ свое ръшение относительно брака?

— Да, папаша! — отвъчалъ, опуская глаза внизъ, Пименъ.

— Не объяснишь ли, почему?

 Раскаялся, папаша. Простите, не сразу сообразилъ... Погорячился, папаша. Потомъ взвъсилъ, вижу, вы правы... Думаю, — опытъ родитель-скій ясно указуетъ пути...

— А рукоположеніе?

- И рукоположенія не будетъ. По крайней мѣрѣ, теперь! все тѣмъ же почтительнымъ тономъ отвѣчалъ Пименъ, и добавилъ: даже на мою вакансію уже назначеніе состоялось: отца Сербинова сына, академика, преосвященный назначилъ...
- А ты же какъ? Будешь ждать другую вакансію?
  - Нъ-этъ, папенька... Не ищу.— Да что же ты думаешь дъ-
- лать?
   Я? Въ университетъ задумалъ.

— Въ университетъ? Это же почему?

— Не чувствую призванія къ священству, папенька.

Это столь неожиданное ръшеніе и поразило, и обрадовало о. Веніамина: на душъ у него стало какъ-то легче, словно свътлъе. Его сынъ уходилъ изъ сословія, —но это было лучше, потому что въ противномъ случаъ вся его послъдующая жизнь была бы сплошною ложью, издъвательствомъ.

- О. Веніаминъ подошелъ вплотную къ сыну, обнялъ его, заглядывая ему въ глаза, кръпко поцъловалъ...
  - Кстати, папенька, вотъ билеты...

— Какіе билеты, Пима?

- Тъ, ваши... Которые вы застраховать поручали.
  - Въ табличкъ смотрълъ?
  - Смотрълъ, папенъка.

— Ну, и что же?

— Да ничего. Не выигралъ ни одинъ, и не попали въ тиражъ.

Удовлетворившись словами сына, о. Веніаминъ положилъ билеты не глядя въ ящикъ письменнаго стола-

Послѣ праздниковъ Пименъ Веніаминовичъ уѣхалъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ. Изъ Петербурга онъ прислалъ коротенькое письмецо семъѣ гдѣ говорилъ въ туманныхъ выраженіяхъ, что обстоятельства заста-

вляютъ его на нъкоторое время куда-то уъхать, что онъ не будетъ имъть времени скоро написать о себъ.

Подивились домашніе, матушка Агафья Ивановна нъсколько разъ тяжко всплакнула. А потомъ все вошло въ колею.

Какъ-то о. Веніамину понадобились экстренно деньги. Ръшено было заложить одинъ изъ оставшихся билетовъ. Доставъ ихъ изъ стола, о. Веніаминъ сталъ записывать ихъ номера и пришелъ въ недоумъніе:

— Что за притча? Кажись Пимена билеть остался? Гдѣ это записанъ былъ? Въ книжкѣ? Нѣтъ, не въ книжкѣ. А, вспомнилъ—на чернильничкѣ. Здѣсь. Такъ, вотъ... Подъ скляночкою... Опять что-то не понятно: стерта запись. Кому понадобилось? Чудеса чудесъ...

Заложить билеты о. Веніаминъ повезъ въ ту же контору, въ которой всегда страховалъ ихъ. Тамъ его встрътили съ непривычнымъ для него почетомъ и услужливостью.

Къ нему вышелъ самъ шефъ конторы, его пригласили въ особый кабинетъ.

- Заложить билеты? удивился шефъ и даже нъсколько растерялся.
- Да. А что же такого? Бываетъ, нуждаешься...
  - Съ сорока тысячами, батюшка?
  - Съ какими?
- Хе, хе. Отъ насъ скрываете? У насъ же вашъ сынокъ учитывалъ, и отъ насъ скрываете!? Грѣхъ, батюшка!..
- О. Веніаминъ ничего не понималъ и съ трудомъ добился разъясненія.

Оказалось, что на одинъ изъ застракованныхъ въ конторъ билетовъ палъ выигрышъ въ январьскій тиражъ въ суммъ сорока тысячъ. Всъ билеты были записаны на имя Пимена Веніаминовича, и контора безъ всякихъ препятствій согласилась уплатить ему, съ извъстнымъ, понятно, дисконтомъ, выигрышъ.

Возвратившись домой, о. Веніаминъ перерылъ старыя записныя книжки и доискался записи номера выигрышнаго билета. У него не осталось никакихъ сомнъній въ томъ, что выигралъ не тотъ билетъ, который былъ подаренъ имъ сыну, а одинъ изъ тъхъ, которые были достояніемъ семьи...

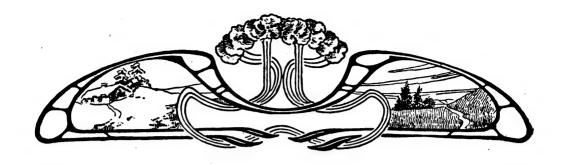
Весь остатокъ дня о. Веніаминъ провелъ безвыходно въ своей комнатъ. Нъсколько разъ къ дверямъ ея подходила матушка Агафья Ивановна, пытаясь робко и неръшительно вызвать изъ кабинета мужа, но о. Веніаминъ отвъчалъ:

— Не мѣшай. Я молюсь...

Подъ вечеръ о. Веніаминъ вышелъ въ столовую и усълся на своемъ обычномъ мъстъ. Теперь на его лицъ лежала тънь какой-то затаенной печали, и... вмъстъ словно отблескъ радости: онъ зналъ, что Пименъ священникомъ не будетъ, никогда не будетъ. У него, у Пимена, есть та пресловутая "точка опоры", о которой онъ такъ страстно, такъ настойчиво мечталъ... Въ священничествъ больше нътъ никакой нужды...

М. Первухинь.

Плачъ ночи.

На долины, потоками крови залитыя, осторожно спустилась печальная ночь...

Она траурный флеръ по землѣ разостлала, груды тѣлъ безды-ханныхъ подъ нимъ погребая...

Она мрачными тучами мѣсяцъ закрыла...

Она чернымъ крыломъ привидѣнья спугнула...

И надъ скорбной долиной, надъ полемъ страданья, изнывая тоской, замерла...

Плачь, о, ночь!

Разорви свои черныя тучи, моремъ слезъ смой кровавыя пятна долины...

Плачь, о, ночь!

Плачь! приникни съ любовью къ страдальцамъ, облегчи своей лаской предсмертныя муки...

Плачь о юности, плачь о надеждахъ, плачь о дълъ кровавомъ и жертвахъ его...

Плачь, о ночь!

О. Снъгина.

ПЪСНЯ.

(Изъ воспоминаній).

Е. Кривцова.

I.

Жаркій августовскій день 1900 г. Маленькій пограничный городокъ на берегу Амура кишитъ войсками. Каждый день безконечно длинные воинскіе поъзда выбрасываютъ на платформу вокзала сотни и тысячи солдатъ, и каждый день другія сотни и тысячи уходятъ изъ города съ пъснями и музыкой въ невъдомую даль на смерть и страданія...

Клонившееся уже къ западу солнце заливало лучами небольшую комнату одного изъ деревянныхъ домишекъ на краю города. Оба окна ея были раскрыты настежъ, и въ одно изъ нихъ виднълся заваленный всякимъ хламомъ дворъ съ стоящей въ углу его зеленой двуколкой и привязанной къ ней верховой лошадью, съ курами, бродящими вокругъ навозной кучи, и развъшаннымъ на веревкъ бъльемъ. Передъдругимъ тянулась пыльная, мягкая дорога, за ней разстилался зеленъющій лугъ съ бълъющими на немъдалеко палатками бивака, а еще дальше замкнули вънцомъ равнину горы, подернутыя туманно-голубой дымкой.

Посреди комнаты за простымъ некрашенымъ столомъ, покрытымъ грязной и засаленной скатертью, си-

дъло четыре офицера. Они только что кончили объдать, о чемъ свидътельствовали крошки хлъба и объъдки кушанья, обильно усыпавшіе столъ. Низенькій блондинъ, штабсъ-капитанъ, называемый собесъдниками Сергвемъ Петровичемъ, усердно пилъ и поилъ пивомъ своего сосъда, худого и лысаго, пожилого, призваннаго изъ запаса, прапорщика Ромъева. Растущая на столъ батарея была обязана своимъ появленіемъ исключительно имъ, и чуть не каждые полчаса денщикъ, по знаку Сергъя Петровича, ставилъ передъ ними новыя полныя бутылки. Лица обоихъ были красны, кителя растегнуты, а послѣобѣденный разговоръ носилъ очевидно пикантный характеръ, такъ какъ въ немъ поминутно упоминалось о какой-то "кумѣ".

- Понимаешь, говорилъ штабсъкапитанъ, наливая Ромъеву стаканъ пива и расплескивая пъну на скатерть, пять лътъ назадъ была самая обыкновенная... Ну, пигалица... Просто плюгавая бабенка. Мужъ со мной въ Березовскомъ полку служилъ. Прохвостъ тоже...
- И ты что же? Тогда уже съ ней... тово? — хихикалъ прапорщикъ.
- Всякое бывало и тово, и разтово... Да пей ты, лысая башка. Пьеть, какъ пѣшка въ носу ковыряеть. Чего хохочешь-то? Ну, а теперь, братъ... Шикъ одинъ... У инженера Захарьина на содержаніи... Одѣвается, чортъ возьми... Француженка совсѣмъ... Пополнѣла, похорошѣла. Грандъ-дама, Ромейка!
  - Узнала?
- Обрадовалась страшно. Инженеръ ея въ командировкъ, такъ она теперь здъсь и направо, и налъво... Въ "Дальній Востокъ" покатили, ужинали. Что она, братъ, въ кабинетъ выдълывала! Жаль, что выступаемъ завтра, а то бы я тебя съ ней познакомилъ. Прелесть! Гузка!— заоралъ онъ вдругъ въ окно, выходящее на дворъ. У окна выросъ

денщикъ, громадный бородатый солдатъ.

— Чего, подлемъ, зъваешь? Видишь, —пустыя. Еще полъ-дюжины. Живо!

— Не много-ли будетъ? — замъ-

тилъ прапорщикъ.

- Ничего не много. Пить такъ ужь пить. Завтра уйдемъ, такъ когда его и увидишь, пиво-то? Михайлычъ съ капитаномъ поддержатъ. Михайлычъ! Чего не пьешь?—крикнулъ онъ сидъвшему на другомъ концъ стола худощавому брюнету, поручику Курайцеву.
  - -- Опять въ мерихлюндіи?
- Не хочется! отозвался Курайцевъ, вздрогнувъ отъ неожиданнаго оклика.
- Ну, не хочешь, чортъ съ тобой. Четвертый изъприсутствовавшихъ, съдой и низенькій капитанъ Филимоновъ суетливо бъгалъ по комнатъ, кипятился и забрасывалъ безсвязными фразами неподвижно стоявшаго у двери браваго, рыжеусаго фельдфебеля.
- Въ шею, въ шею, безъ всякихъ объясненій. Пусть жалуются кому угодно, хоть чорту. Они, эти мерзавцы, хуже китайцевъ. Изволители видъть, дрова у нихъ украли солдаты. Да что-же, солдатъ скотина, а не человъкъ? Я бы ихъ самихъ поморозилъ ночью въ палаткъ!

— Такъ что ваше высокоблагородіе, полковой адъютантъ приказали, чтобы вещи, значитъ, поручика Закатальскаго къ намъ въ двуколки.

- Нътъ мъста въ двуколкахъ, тысячу разъ говорилъ, нътъ мъста. Своимъ офицерамъ тъсно. Мало своихъ штабныхъ, по двадцати пудовъ они что-ли берутъ? Докладывалъ, что нътъ мъста?
- Такъ точно. Ругаются шибко. Должно, говорятъ быть.
- Должно, должно... На моей спинъ, должно быть, есть мъсто.

Курайцевъ, задумавшись, повернулся къ окну, выходящему въ поле... Всего три мъсяца назадъ, какъ толь-

ко была объявлена мобилизація, онъ вернулся въ свой полкъ изъ Петербурга, гдъ былъ въ академіи. Его за этотъ шагъ чуть дуракомъ въ глаза не называли и родные, и знакомые. Даже полковые товарищи удивлялись этому "геройству". "Изъза чего портить себъ карьеру, подставлять лобъ свой подъ пули. Въдь тебя не требуютъ туда" — наслушался онъ фразъ. Но онъ не могъ тогда спокойно оставаться въ безопасности, видя, какъ провожаемые слезами близкихъ ъхали умирать другіе... "Война великое народное горе", думалъ онъ, "и мой долгъ передъ народомъ, раздълить съ нимъ это горе, претерпъть съ нимъ и труды, и лишенія, и страданія"... Но такъ казалось тамъ на родинъ, а что онъ видитъ здѣсь до сихъ поръ: пьянство, карты, развратъ, разнузданная и безсмысленная жизнь тыла арміи. Завтра они выступять въ походъ, и начнется то серьезное, о чемъ онъ думалъ. Ръчи побъдителей ръдко правдивы, и всевыносящая солдатская масса дорогой цъной купила эти побъды. Позади, — разоренныя семьи, впереди голодъ, холодъ и въчный спутникъ войны-тифъ. Что толку, что "сравнительно" немного погибнетъ и погибло отъ непріятельскихъ пуль?

Ръзкій, непріятный звукъ заставиль его обернуться внутрь комнаты. Это скрипнула табуретка подъ Ромъевымъ. Сергъй Петровичъ продолжалъ пъть панегирикъ кумъ, а на лицъ прапорщика играла пло-

тоядная улыбка.

— Сегодня вечеромъ опять къ ней. Шикарнъйшая женщина! Собственно говоря, она мнъ такая-же кума, какъ ты китайскій мандаринъ, но все-таки старая знакомая. Лихо провели эти дни. А ты все съ японочками.

- Гейши...
- Какого чорта, гейши!
- Ступай, говоритъ Филимоновъ фельдфебелю. — Коновалова и Заковыку на первой дневкъ подъ ружье, а другимъ передай, что если какой

нибудь прохвость попадется на походъ въ кражъ, — подамъ рапортъ о переводъ въ штрафованные. Понялъ?

- Такъ точно.
- А за вещами поручика Закатальскаго пошли сегодня-же. Завтра не успъемъ.
  - Слушаю-съ.
  - Ну, можешь идти.
- Постой, постой! кричитъ штабсъ-капитанъ и дълаетъ глазами знакъ Филимонову.

Тотъ киваетъ головой.

Сергъй Петровичъ наливаетъ стаканъ пива и протягиваетъ фельдфебелю.

— Покорнъйше благодаримъ, ваше благородіе!

II.

И вдругъ въ этотъ самый моментъ, на улицѣ, за которой разстилалось поле, прорѣзалъ воздухъ странный и необычный звукъ. Зазвенѣла струна арфы, и въ отвѣтъ ей мягко пропѣла скрипка. И едва головы бывшихъ въ комнатѣ повернулись туда, какъ навстрѣчу имъ грянули вступительные аккорды марша,—веселаго, торжественнаго и пошлаго.

Тамъ, у окна, на пыльной дорогъ стояли два уличныхъ музыканта: дъвушка съ арфой и мальчикъ скрипачъ. На видъ каждому изъ нихъ было не болъе шестнадцати лътъ, а сходство въ чертахъ лица заставляло предполагать ихъ братомъ и сестрою. Ей только блъдность мъшала назваться хорошенькой. Тонкія черты лица, большіе голубые глаза, оттъненные черными загнутыми вверхъ ръсницами, хрупкая, несложившаяся, но дътски-прелестная фигурка, -- невольно приковывала вниманіе. Юноша — контрастъ сестръ блондинки — черноглазый и загорълый брюнетъ, походилъ на итальянца или цыганенка. Не Сибирью, а болъе теплымъ, красивымъ и даровитымъ краемъ въяло отъ ихъ лицъ, и въ самой игръ ихъ, - игръ давно знакомой банальной пьесы билась

артистическая жилка. Такъ играютъ на улицъ только дъти-южане и блудные сыновья юга—евреи.

Офицеры собрались у окна, и восемь любопытныхъ глазъ смотрѣло на музыкантовъ. Фельдфебель на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и занялъ первое мѣсто на улицѣ у воротъ въ другой кучкѣ слушателей, состоявшей изъ трехъ денщиковъ, двухъ бабъ, дѣтей и торговца-китайца съ тюкомъ черезъ плечо.

— Недурна дъвочка, а?—шепнулъ

Ромъеву Сергъй Петровичъ.

Что-то теплое пробъжало по сердцу Курайцева.— Бъдная дъвочка! Для кого ты человъкъ, а не живой товаръ, захватанный грязными руками? За что вы гибнете, цвъты улицы?

Маршъ оборвался на высокой ноть, и мальчикъ, снявъ порыжълую широкополую шляпу, подошелъ къ окну. Курайцевъ вынулъ кошелекъ.-"Дамъ первое, что попадется въ руки",-загадалъ онъ и бросилъ въ серебрянный шляпу полтинникъ. Сергъй Петровичъ и Ромъевъ дали по гривеннику. Филимоновъ поднесъ портмонэ къ своимъ близорукимъ тлазамъ, долго рылся въ немъ и, наконецъ, положилъ двугривенный. И у воротъ посыпались въ шляпу мъдныя монеты.

Мальчикъ положилъ деньги въ карманъ, надълъ шляпу и, вернувшись къ сестръ, бросилъ ей въ полголоса нъсколько словъ, на что та кивнула головой и взялась за арфу. Ея тонкіе пальцы забъгали по стру--намъ, и она запъла свъжимъ и чистымъ, слегка вибрирующимъ голосомъ. Она пъла по заказу, ради куска хлъба, --- но вдохновилъ-ли ее смыслъ пъсни и мелодія ея, сумъла ли она съ искусствомъ артистки вложить силу и чувство въ давно изученную ей пъсню въ благодарность за щедрую милостыню, -- звучали поэзіей и задущевностью чудныя слова пъсни въ устахъ этой блъдной дъвушки.

> "Въ полдневный жаръ, въ долинъ Дагестана

"Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я".

Она пъла о войнъ, о смерти, о ранахъ... Все это ждало впереди ея слушателей, да и ее ждала такая же война, если не болъе ужасная, —безпошадная, кровавая битва жизнй.

Конченъ куплетъ. Нервно зазвенъла арфа и залилась скрипка, быстро повторяя мелодію второй половины куплета. Снова звучитъ чистый и ясный голосъ, и подъ гибкими пальцами поютъ и плачутъ струны.

"Лежалъ одинъ я на пескъ долины, "Уступы скалъ тъснилися кругомъ, "И солнце жгло ихъ желтыя вершины

"И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ".

И надъ ними, и надъ ней, павшими въ борьбъ, также спокойно будетъ сіять небо, равнодушное и къ Каину, и къ Авелю, и къ побъдителю, и къ побъжденному.

Если-бы она взглянула теперь на лица своихъ слушателей, то не увидъла бы на нихъ ни празднаго любопытства, ни насмъшки, ни плотояднаго взгляда звъря на самку. Все человъческое, что умышленно или безсознательно заглушалось въ душѣ каждаго изъ нихъ пьянствомъ, развратомъ, чувствомъ грубаго животнаго эгоизма, всплыло наверхъ, и странное чувство охватило ихъ. Въ немъ было и сознаніе величія наступающихъ дней, риска жизнью, и любовь къ этой жизни, сознаніе невозможности вернуться назадъ. и сладкая грусть о томъ, что осталось назади. Точно мрачный и величавый призракъ смерти глянулъ имъ въ лицо, и люди, съ веселымъ смъхомъ идущіе убивать своихъ братьевъ, смутились передъ его неумолимо холоднымъ взглядомъ...

"И снился мнъ, сіяющій огнями, "Знакомый пиръ въ родимой сторонъ".

Родина, далекая родина! Память о тебъ, — сплошной горькій упрекъ за безумно и безтолково растрачен-

ную жизнь. А тамъ, за десять тысячъ верстъ, плачутъ о тебѣ, лелѣютъ надежду на новую счастливую жизнь по возвращеніи, молятся, томятся и страдаютъ изъ-за запоздавшаго письма или газетной телеграммы. Тамъ дорогія лица любимыхъ женщинъ, милыя головки дѣтей... Лицо Курайцева дергаетъ нервная судорога. Сергѣй Петровичъ отошелъ къ столу и сѣлъ, склонивъ голову на руки. Дрогнула-ли случайно рука или умышленно, — но опрокинулся его стаканъ, и желтыя капли пива падаютъ на грязный полъ.

Филимоновъ, хмурясь, кусаетъ усы. Хитрые узкіе глазки прапорщика безпокойно бъгаютъ по сторонамъ. И на лица солдатъ легла дума. Только ничего не понимающій китаецъ

глупо улыбается.

А голосъ все растетъ и крѣпнетъ. Пѣвица побѣдила публику. Одну минуту она жалкое дитя улицы, ребенокъ безъ имени и рода царитъ надъ этой толпой полновластно и безраздѣльно, почти не сознавая своего успѣха.

Замирають въ воздухъ послъдніе

звуки пъсни...

— Браво, браво!—искренно восхищенный апплодируетъ Курайцевъ. Дъвушка вскидываетъ на него глаза, и жалкая, застънчивая улыбка озаряетъ ея лицо. А онъ съ болью въ сердцѣ смотритъ, какъ братъ и сестра, поклонившись публикѣ, удаляются по пыльной дорогѣ. Онъ чувствуетъ, что въ эту минуту она дорога ему, какъ сестра. "Молодость, красота, голосъ", мелькаетъ въ головѣ его, "зачѣмъ дала тебѣ ихъ природа? Чтобы имѣть орошенный слезами и купленный позоромъ кусокъ хлѣба".

— Что призадумался? — трогаетъ Ромъевъ за плечо Сергъя Петровича. Тотъ подымаетъ голову.

— А? что? Ничего.

— Пива хочешь? Ишь стаканъ

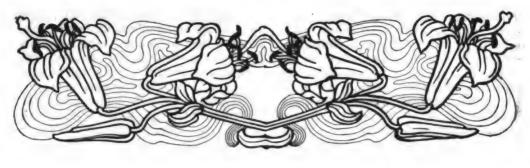
свой кувырнулъ!

Филимоновъ зачъмъ-то открываетъ свой чемоданъ и, порывшись въ немъ, уходитъ въ другую комнату. За окномъ на улицъ толпа солдатъ окружила китайца и потъщается надъ нимъ: слышны хохотъ и брань. Курайцевъ прощается и уходитъ.

А прапорщикъ и Сергъй Петровичъ еще долго сидятъ за столомъ. Ромъевъ, сильно жестикулируя, разсказываетъ какую-то пикантную исторію, случившуюся съ нимъ, когда онъ еще былъ становымъ приставомъ, а Сергъй Петровичъ слушая его, (а можетъ быть и не слушая) пьетъ, пьетъ и пьетъ...

Е. Кривцовъ.

Литераторъ и обыватель.

Смарагда Горностаева.

Я--смиренный Смарагдъ Горностаевъ, корреспондентъ, фельетонистъ, хроникеръ, рецензентъ, критикъ, обозръватель и прочая, и прочая, однимъ словомъ, провинціальный литераторъ, по особливымъ услопровинціальной віямъ печати, не имъвшій возможности спеціализироваться по тому или иному отдълу газетной работы, а посему писавшій все и обо всемъ. Почти четверть въка колесилъ я по безграничному приволью русской земли "отъ хладныхъ невскихъ береговъ до пламенной Колхиды", съ одной стороны, а съ другой - "до стънъ недвижнаго Китая". По мъръ силъ и возможности придерживаясь лучших традицій отечественной печати, я всю жизнь призывалъ и откликался, но за всъ эти призывы и отклики получалъ щелчки, — впрочемъ, болъе отвлеченнаго, такъ сказать, моральнаго характера... Много прожито, но еще болъе пережито! Во многихъ захолустьяхъменя совсъмъ не терпълии отравляли мою жизнь со всей обывательской мелочностью и же-

стокостью. Меня сторонились, какъпрокаженнаго, мнъ не сдавали квартиры, меня не пускали, а если и пускали, то неоднократно и удаляли изъ засъданій общественныхъ собраній, при отсутствіи "благородныхъ свидътелей" дълали попытки помять мнъ бока, въ меня изъ-за забора или изъ за угла "лукали" кирпичами... Въ другихъ захолустьяхъ меня какъ будто-бы и терпъли и даже заискивали предо мною, по большей части, однако, имъя заднюю цъль воспользоваться "перомъ", какъ орудіемъ обывательскаго мщенія и злости. Меня, случалось, сажали на скамью подсудимыхъ, но возводимыя на меня обвиненія, пройдя неръдко всъ инстанціи, по какому то особому комнъ благоволенію судебъ, оканчивались оправданіемъ или ничтожнымъ денежнымъ штрафомъ. Мнъ и за глаза, а иногда и въ глаза бросали оскорбительные эпитеты, мнъ писали открытыя письма, преимущественно анонимныя, въ которыхъ величали "подлымъ писакой", клеветникомъ,

а случалось, и залъзали въ мою частную жизнь, касаясь самыхъ больинтимныхъ струнъ сердца. Въ городъ О. въ моей квартиръ вышибли оконную раму 3-фунтовымъ булыжникомъ съ привязанной къ нему запиской --- "цъпному псу"... Всего не перечтешь, какъ много вкусилъ я обывательской "любезности", свид втельствующей, что нашъ обывательскій міръ, не даже на нъкоторые слабые проблески въ немъ общественной мысли за послъднее десятилътіе, все еще дремучій лъсъ со всъми ужасами, кошмарами и привидъніями тлухой полночи! Даже такъ называемая интеллигенція, за исключеніемъ незначительныхъ кружковъ истинно-интеллигентныхъ людей въ каждомъ городъ, больше живетъ туманной мечтой, играетъ красивыми словами, а на самомъ дълъ отъ всего серьезнаго отлыниваетъ самымъ добросовъстнымъ образомъ, ссылаясь или на "недосугъ", или на скверныя условія общественной жизни. "Недосугъ", а между тъмъ дъла, и служебныя, и общественныя, и даже узколичныя, ведутся спустя рукава, тогда какъ находится время, слищкомъ много времени, и на выпивку, и на адюльтеръ, и на карты, и на сплетни, и даже на скандальныя похожденія...

Впрочемъ, опять повторяю, наша провинція теперь дѣлаетъ серьезныя попытки стряхнуть съ себя вѣковую дрему и шевельнуть застоявшимися и занавоженными мозгами. Конечно, это обстоятельство даетъ нѣкоторую надежду на большую продуктивность дѣятельности провинціальнаго литератора, хотя "пока что" и не исключаетъ возможности довольно дикаго къ нему отношенія, какъ къ человѣческой личности...

Приступаю, однако, къ моимъ воспоминаніямъ, причемъ предупреждаю, что они взяты изъ моей "записной книжки" весьма недавняго прошлаго, когда провинціальная пе-

чать пріобръла уже нъкоторое значеніе въ глазахъ обывателя.

"Дулъ вътеръ и дождикъ мочилъ", когда я, смиренный бытописатель, въъзжалъ на стогны нъкоего грацентральной Россіи. да Вполив естественно, что не было привътственныхъ кликовъ, но, благодареніе судьбъ, не было и угрожающихъ жестовъ. Конечно, для туземцевъ я былъ въ то время "пока что" невиннымъ младенцемъ, обижать и сквернословить котораго еще было не за что. Впрочемъ, по отечественнымъ нравамъ, невинность еще не гарантія отъ сквернословія и прочихъ проявленій обывательскаго нерасположенія. Мнъ припоминается одинъ купецъ, возвращавшійся съ нижегородской ярмарки и встрътившійся со мною въ вагонъ жельзной дороги. Хорошо расторговавшись, онъ въ концъ ярмарки цълую недълю пилъ горькую и допился сначала до чертиковъ, потомъ до зеленаго змія и, наконецъ, до бълаго слона. Когда я съ нимъ встрътился, онъ уже нъсколько "отощелъ" и, сидя въ вагонъ, пилъ лишь сельтерскую, икалъ, крестился и вздыхалъ. Не помню уже по какому поводу возникъ среди пассажировъ вопросъ о виновности и невинности, въ разрѣшеніи котораго принялъ участіе и его степенство.

— Hy, положимъ, ты—не виноватъ, --- разсуждалъ сей "столпъ отечества .— Прекрасно! Ну, а скажи, любезный, а я-то виноватъ? Нътъ? Хорррошо!... Слъдственно, и ты и я-оба мы не виноваты? Почему, по какой причинъ, гдъ сей статьъ разумъ есть? И можетъ-ли это быть, чтобы оба мы не виноваты? Не можетъ и не должно такого конфуза быть! И вотъ я тебъ примърно въ зубы!.. Кто виноватъ? Я? Пущай я!.. Ну, а ты-то, любезный, такъ-таки и не виноватъ? Нътъ, шалишь! И ты виноватъ!.. Зачъмъ мнъ подъ руку попался!..

Такая логика не чужда и всякой обывательской головы, даже тогда,

когда она не обременена винными парами. Слъдовательно, въъзжая на стогны нъкоего россійскаго города, я былъ въ своемъ родъ счастливцемъ, который никому еще подъ "горячую руку" не попадался...

Въ первый-же день своего прибытія я им'влъ честь представиться мъстной предержащей власти, въ лицъ господина городоваго, къ которому обратился съ просьбою указать необходимый мнъ адресъ. Ничего, принялъ милостиво... За шиворотъ не взялъ и "подъ шары" для удостовъренія личности не отправилъ, котя, прежде чъмъ отвътить на мой вопросъ, счелъ нужнымъ освъдомиться, изъ какихъ я буду, не пріъзжій-ли и, если пріъзжій, то по какой надобности пріъхалъ. На первый вопросъ отвътить я затруднился, на второй отвътилъ вполнъ опредъленно, а на третій сказаль, что моль "такъ", по своей собственной надобности...

- Откуда?-посладоваль вопросъ.

Изъ Петербурга.

— Изъ Санктъ-Петербурга! — поспъшило поправить "начальство", причемъ на его "служебномъ" лицъ произошла едва замътная и не поддающаяся описанію перемъна. — Питерскіе будете?

Нѣтъ, только живалъ иногда

въ Петербургъ.

— А!—протянулъ господинъ городовой, но потомъ совсъмъ уже мягкимъ тономъ замътилъ.—Ну, чтожъ... Это ничего!..

И только послѣ этого допроса онъ далъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія.

Въ тотъ же день я былъ въ одномъ изъ мъстныхъ "номеровъ". "Номеръ" — ничего себъ, не такъ чтобъ очень дорогъ и не такъ, чтобъ очень дешевъ, —большой, съ сиротливымъ видомъ необитаемаго сарая, съ обстановкой постоялаго двора, грязь и пыль лишь "въ плепорцію", клопы и блохи въ ограниченномъ количествъ и безъ жестокости, по ночамъ покусывали не безъ пріятности, деликатно и умъренно, со-

съди по номерамъ – люди нрава сравнительно мягкаго и елейнаго, больше лица духовнаго сана, пріъхавшіе изъ утвовь въ "губернію" съ "лепортами" къ владыкъ и неръдко сопровождаемыя "матушками" съ многочисленными птенцами обоего пола и всъхъ возрастовъ,-все будущіе іереи и матушки, діаконы и діаконницы... Положимъ, какъ исключеніе, были сосъди и другихъ профессій, преимущественно деревенская буржуазія, промышляющая по разнымъ отраслямъ торговли и коммиссіонерства. Люди, эти мнящіе себя "столпами отечества", возвышали иногда голоса, но все же допротокола дъло не доходило...

Въ городъ, оказалось, люди живуть безъ благод втельной писки", и дъйствительно, по этой части меня сначала не безпокоили. Но когда распространился слухъ, что я прівхаль по приглашенію мъстной газеты на амплуа, между прочимъ, злободневнаго фельетониста и когда меня стали посъщать "газетные люди", уже достаточно извъстные туземцамъ, ко мнъ пожаловалъ хозяинъ "нумеровъ", мужчина весьма, впрочемъ, обходительный, и въ въжливой, даже почтительной формъ попросилъ "документикъ".

— Она у насъ не принята... прописка-то эта самая, — заявилъ онъ, какъ-то ласкаючись, посмотръвъ мнъ прямо въ глаза, — да господинъ частный приставъ очень любопытствуютъ...

Конечно, я тотчасъ же представилъ ему "документикъ", который самымъ предательскимъ образомъ и подтвердилъ мою принадлежность къ "сочинительскому сословію". Дѣло въ томъ, что въ моей паспортной книжкѣ была масса "иллюстрацій", изъ красныхъ и цвѣтныхъ марокъ съ петербургскими "прописками", а въ послѣднихъ красовалась такая реплика: "домъ № такой-то, на такой-то улицѣ записанъ литераторъ"... Конечно, "документикъ"

мнъ былъ возвращенъ въ полной сохранности безъ всякихъ прописочныхъ надписей, но съ техъ поръ, какъ на него полюбопытствовалъ посмотръть господинъ частный приставъ, я сдълался предметомъ любопытства не только своихъ сосъдей по "нумерамъ", но и въ бака-лейной лавочкъ подъ "нумерами", въ которой покупалъ табакъ, и въ ближайшемъ ресторанъ, гдъ объдалъ, и городовой на ближайшемъ перекрестив сталь на меня какъ-то загадочно посматривать и провожать глазами до слъдующаго угла, наконецъ, даже извощики, во множеторчащіе у "нумеровъ" своими одрами и ветхозавътными провинціальными "пролетками" которыхъ я почти никогда не нанималъ, предпочитая ходить пъшкомъ, такъ какъ до редакціи даже по провинціальному, какъ говорится, рукой подать, и тв, проведавъ о моей принадлежности къ "газетной части", начали постоянно щаться ко мнв съ следующими предложеніями:

— Подавать прикажете-съ? До редакціи "Въстникъ"-съ? Пожалуйте-съ!.. Двугривенничекъ безъ лишняго...

Впрочемъ, на первыхъ порахъ это любопытство, хотя непріятное и надоъдливое, неръдко съ далеко не двусмысленными замъчаніями, какъ говорится, "въ сторону", мало приносило мив огорченій, и "пока что" туземецъ не дълалъ попытокъ штурмовать моей частной жизни. Но настала и эта пора. Однажды, когда мое перо въ бъщенной скачкъ неслось по бумагь, подготовляя спъшный фельетонъ, дверь моего "нумера" неожиданно отворилась, и за моей спиной раздался не лишенный пріятности, густой баритонный голосъ:

— А ну-ка, погляжу я, что онъ тутъ подълываетъ!

Съ ужасомъ оглядываюсь, ожидая увидъть какого-нибудь нетерпимаго къ "скоропандентамъ" туземца.

Однако, вижу благообразнаго мужчину съ простодушнымъ лицомъ, одътаго "по домашнему"—въ одномъ нижнемъ бъльъ, въ резиновыхъ галошахъ на босу ногу и въ полукафтанъъ "въ накидку"... Онъ подходитъ ко мнъ и покровительственно хлопаетъ по плечу.

— Что, испугался! — говоритъ онъ и продолжаетъ трепать мое плечосвоей "могутной" рукой. — А ты не бойся!.. Не съъмъ!.. Я въдь такъ... Сидълъ, сидълъ въ нумеру-то, ну и скушно стало... "Пойду-кось — думаю, — къ сосъду - сочинителю, погляжу, что онъ тамъ дълаетъ"...

— Однако, странно! — говорю. — Какъ это вы не спросясь, позволяете себъ входить въ чужой но-

меръ!

— Фу ты, ну ты! — восклицаетъ благообразный мужчина. — А отчего же мнъ и не войти? Чай сосъди, въ однихъ нумерахъ стоимъ!.. Ну-ка, что ты тутъ пишешь?.. Прохватываешь, чай, кого, али такъ какуюнибудь антимонію разводишь?..

И онъ наклоняется къ исписанному мною листу бумаги, который я подъ его носомъ переворачиваю

другой стороной.

 Ишь чужбина какая!—говоритъ онъ и опускается на диванъ.

- Однако, позвольте, замъчаю я, — чъмъ я обязанъ вашему посъшенію?
- Ха! ха! хо! хо! разражается хохотомъ благообразный мужчина. Чъмъ обязанъ!.. Ничъмъ не обязанъ, не привязанъ и не обвязанъ!.. Ха! Ха! Ха! Эка, подумаешь, графъкакой! Сочинитель, борзописецъ, писака!.. Живемъ рядомъ, въ однихънумерахъ, а являйся къ нему еще въ парадъ и по докладу!.. Говорю, скушно, ну, и зашелъ...

— Извините, я занятъ.

— А ты не стъсняйся! Жарь, строчи! Я человъкъ деревенскій, простой... Не осужу!

— Я прошу васъ оставить меня въ покоѣ!..

— А ты полно, юла!.. Не горя

3*

чись!—успокаиваетъ благообразный мужчина.

— Какъ вы смъете говорить мнъ "ты"! — нервно кричу я и тотчасъ же чувствую, что дълаю безтактность.

Благообразный мужчина поднимается съ дивана, хватается за животъ и начинаетъ неистово "грохотать":

- Xa! Xa! Xa! Xo! Xo! Xo! Ваше сіятельство! Ваше презосходительство! Простите милостиво, не извольте гнъваться! Ему не говори еще: "ты"! Да какъ же прикажете величать вашу сочинительскую милость? Вотъ что я тебъ скажу, — продолжаетъ онъ уже совершенно спокойнымъ и наставительнымъ тономъ, -- ты оставь всв эти глупости! Самому Господу, Вседержителю небу и земли, я благоговъйно говорю "Ты, Господи"! А ужъ тебъ-то и подавно!.. Что мы съ тобой въ сей жизни? Тлънъ, прахъ, трава! А потому перестань и смирись! Гръшно на людей изъ-за пустяковъ звъремъ накидываться!..

Не зная, какъотдълаться отъ своего навязчиваго и непрошеннаго гостя, я нервно и съ недовольнымъ видомъ начинаю ходить взадъ и впередъ по номеру. Но это нисколько не трогаетъ благообразнаго мужчину.

— Бъсноватый! Ей Богу, бъсноватый!—со смъхомъ говоритъ онъ и начинаетъ дуть по моему направленію.—Изыди, окаянный, изъ человъка сего и обратися во псовъ смердящихъ, рыскающихъ по бойнямъ и торжищамъ!..

— Вонъ! Сію же минуту вонъ!— бѣшено кричу я, останавливаясь съ вызывающимъ видомъ противъ своего мучителя и въ то же время внутренно испытывая глубокое недовольство самимъ собою, что еще больше нервнуетъ меня.

Благообразный мужчина нѣкототорое время съ изумленіемъ смотритъ на меня, потомъ, махнувъ рукой, направляется къ двери.

— Ну, нечего съ тобой дълать! Ну, иду! Иду! Изволь! — говоритъ, но передъ дверями останавливается и обращается ко мнѣ съ самой добродушной улыбкой.—Вотъ что! Когда дурь-то съ тебя сойдетъ, заходи ко мнѣ... Я тутъ рядомъ... Скушно одному-то въ такую погоду... Вишь, какъ дождь-то жаритъ! А меня прости, потому я вѣдь тебя же жалѣючи...

Когда, наконецъ, благообразный мужчина скрылся за дверями, я не зналъ, смъяться ли мнъ или негодовать, но, во всякомъ случаъ чувствовалъ, что сыгралъ очень глупую роль, такъ какъ, занятый спъшною работою и захваченный врасплохъ, не сумълъ принять надлежащій тонъ въ этомъ странномъ объясненіи.

Черезъ нѣсколько минутъ въ стѣну изъ сосѣдняго номера раздался сильный стукъ и послышался голосъ моего недавняго гостя:

— Эй, сердитый графъ! Ваше сочинительское сіятельство! Иди штоли ко мнѣ, полно дурака-то валять! Выпьемъ и закусимъ!.. Настойка-то домашняя, да и закуска-то своя, деревенская... Обильная, братъ... Не по городски живемъ!.. Идешь, што ли?..

Я хранилъ глубокое молчаніе.

— Ну, Богъ съ тобой, чудакъ! опять послышался изъ-за стѣны голосъ благообразнаго мужчины. — Была бы честь предложена... А все же лучше бы зашелъ... И выпилъ бы, и закусилъ задарма... Въдь знаемъ мы васъ, писакъ-стрекулистовъ!.. На перо-то бойки, а тамъ чтобы на счетъ хлъбнаго, такъ по три дня не жрамши сидите... Брось гордынюто, -- продолжалъ онъ философствовать, - она тебъ, голодному человъку, не къ лицу... Будь мудрый, какъ змій, и кротокъ, какъ голубь... Ну, и пища тебъ, и снисхожденіе, и прочее по общежитію...

Но далъе я уже его не слушалъ, такъ какъ увлекся своей работой.

Представленіе о "писакахъ" и "скоропандентахъ", какъ о людяхъ, сидящихъ по три дня "не жрамши"

въ провинціи довольно распространенное, хотя въ послъднее время и начинаетъ уже мало по малу испаряться. Впрочемъ, сравнительно еще недавно большинство провинціальныхъ литераторовъ, "людей не служащихъ", дъйствительно было довольно основательно ознакомлено съ пищей св. Антонія, но теперь эта возвышенная, но совсъмъ уже непитательная пища все болъе и болъе дълается чуждою желудку провинціальнаго пишущаго человъка и отходить въ область преданія... И это вполнъ понятно такъ какъ современная провинціальная печать, несмотря на всъ неблагопріятныя для ея существованія условія, сильно выросла какъ въ качественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

И тъмъ не менъе среди обывателей, особенно малокультурныхъ, до до сихъ поръ сохраняется представленіе о "скоропандентъ", какъ о человъкъ, уже въ силу своей "пустяшной профессіи обреченномъ на акриды и дикій медъ. А отсюда, слъдуя своей излюбленной пословицъ: "какая ужъ тутъ честь, когда нечего ъсть", обыватель выводитъ заключеніе, что "скоропандента" не трудно "закормить", "задарить", "отблагодарить" и т. д. Несомивнно, "благодарность" — результатъ нашей въковой своеобразной культуры, но странно, какъ она можетъ укладываться въ обывательскихъ мозгахъ съ воззрѣніемъ на провинціальную печать, вся исторія которой для сочетанія пишущаго человъка съ "благодарностью" давала вообще очень ограниченный терьялъ. Еще не далеко то прошлое, когда провинціальный литераторъ по премуществу былъ безсребренникъ и подвижникъ въ полномъ смыслъ этого слова, --- и это по крайней мъръ, въ душъ или въ откровенной бесъдъ съ пріятелемъ признавалъ и самъ обыватель, даже наиболъе враждебно настроенный противъ печати и пострадавшій отъ

ея обличеній. Впрочемъ, съ недавняго времени, съ появленіемъ въ провинціи литератора, исключительно получающаго средства къ существованію отъ печати, хотя какъ и весьма еще пока рѣдкое растеніе, стали кое-гдѣ процвѣтать и души-Тряпичкинъ, и господинъ Подхалимовъ, не только способные принять благодарность, но и назойливо на нее напрашивающіеся.

Въ томъ же самомъ городъ, о своемъ прівздв въ который я только что повъствовалъ, за нъсколько лътъ передъ тъмъ дъйствительно подвизался душа - Тряпичкинъ, и, можетъ-быть, этому-то предшественнику я и былъ обязанъ тъмъ, что мъстное купечество сдълало было попытку "приручить" меня... Дъло въ томъ, что въгородъ существуютъ "торговые ряды", санитарное состояніе которыхъ было возмутительно, но еще болъе возмутительно было отношеніе "рядскихъ" къ общественной собственности, общественнымъ интересамъ, къ своимъ домочадцамъ и "молодцамъ" и даже покупателямъ. Конечно, какъ злободневный фельетонистъ мъстной газеты, я не могъ хранить молчанія объ этихъ "рядскихъ" прелестяхъ и подвигахъ, тъмъ болъе, что о нихъ чуть не каждый день вопіяли цѣлые ворохи обывательскихъ "писемъ въ редакцію". Такъ какъ мои писанія вливали въ купеческія сердца не цълительный бальзамъ, а одну лишь отраву огорченій, то "рядами" единогласно была принята резолюція: "насыпать писакъ"... Но, къ еще большему огорченію "рядскихъ", для такой операціи у нихъ оказались "руки коротки", и вотъ, потерявши надежду облегчить свои огорченныя сердца столь обычными въ ихъ средъ пріемами, они, послъ продолжительныхъ совъщаній, додумались до болъе ("деликатнаго" и, по ихъ мнънію, осуществимаго способа "успокоить" неспокойнаго "пи-

— Коли псу "насыпать" не при-

ходится, ръшили они, такъ бросить ему кусокъ пирога съ начинкою... Налопается и перестанетъ брехать!..

— Хоша оно какъ-то и для амбиціи обидно, и словно бы и не по чину, — оправдывали они свое ко мнѣ "снисхожденіе",—а "успокоить" его какъ никакъ слѣдоваетъ!..

И вотъ въ одинъ прекрасный, а можетъ быть, — и непрекрасный день, – это уже смотря по вкусу, — не въ редакцію, а на квартиру, ко мнѣ явился для переговоровъ "делегатъ". Мужчина ничего себѣ, "тѣлосложенія" довольно внушительнаго, и длани тоже ничего себѣ, основательныя и для "насыпанія" вполнѣ удовлетворительныя. Но, не смотря на столь "рядскую" внѣшность, "делегатъ" оказался человѣкомъ до приторности вѣжливымъ, не лишеннымъ своеобразнаго, "молодцовскаго" шика обращенія.

- Чѣмъ служить могу? спрашиваю.
- А вотъ, примърно сказать... Не въ обиду будь вамъ сказано!... Насчетъ рядовъ-съ!..
  - Рядовъ?..
- Совершенно върно-съ!.. Потому, какъ вы на ряды гнъваться изволите, такъ вотъ, значитъ, съ покорнъйшей просьбой о прекращеніи военныхъ дъйствій... Насчетъ, значитъ, для объихъ сторонъ почетнаго перемирія-съ!..
- Какихъ военныхъ дъйствій? Какого перемирія?—удивляюсь.—Да я ни съ къмъ въ "рядахъ" и не воевалъ...
- Помилуйте-съ!—не безъ волненія, хотя и въ высшей степени сдержанно восклицаетъ "делегатъ". Какже-съ это не военныя дъйствія? Прямо, можно сказать, южно-африканская-съ война!.. Что не фельэтонъ, все ряды, да ряды-съ!.. И при томъ такое невыносимое прокатываніе... Совсъмъ, не въ обиду вамъ сказать, по англичански-съ!...
- Такъ что-же вамъ собственно нужно?—спрашиваю.—Развъ то, что

я писалъ про рядскіе нравы—не

 Если по душѣ, по правдѣ-истинъ, сказать, то все върно-съ!--тихо и наклоняясь ко мнъ, говоритъ "делегатъ".--Что ряды наши болото, такъ точно-съ... истинное болото!.. Что мы дубинами воспитывались... и это правда-съ!.. Лихо теперича и Сыромятникова пропечатали... Съ пескомъ и дресвой, можно сказать, бока ему промыли-съ!.. Насчетъ газетнаго баловства мы тоже были не охотники, а теперича какъ увидимъ вашего стрекулиста-газетчика, сичасъ и кричимъ: "Жарь, малый, сюда"!.. Соберемся партіей и на цълый пятакъ чтенія имъемъ... И смъхъто насъ беретъ, и не поймемъ многаго... Иной разъ вы, господинъ Смарагдъ, больно ужъ мудреныя словечки откалываете... не по нашимъ зубамъ!.. Все понятно и хлестко, а потомъ какъ пустите по серьезному, все по высшему образованію значитъ, ну, мы рты и разинемъ!.. А все-жъ читаемъ... Понимать-не понимаемъ, а чувствуемъ, что больно здорово!.. И ужъ не только насъ, рядскихъ, а всю именитую рассейскую коммерцію отжариваете!.. Вотъ такъ-то мы ваши писанія компанейски и почитываемъ, даже, знаете, иной разъ пользу нъкую извлекаемъ: "Смотри-ка, молъ, Смарагдъто наши лавки лачугами назвалъ"... Ну и пошли у насъ о семъ предметъ разговоры... "А что какъ не лачуги"!.. "Надо", — кричатъ иные, — "подавать прошеніе въ управу, чтобы, значитъ, сложили съ насъ арендную плату за эти лачуги"... И польза, значитъ, и прочее другое, а все, какъ будто-бы и обидно!.. Вотъ я и пришелъ къ вамъ, чтобы съ вами поговорить, нельзя-ли, значитъ, какъ на мировую пойти...

— Интересно знать, — говорю, — что вы подъ этой "мировой" разумъте?

— А вотъ что, господинъ, — еще тише прежняго говоритъ "деле-гатъ", — у насъ ужъ такой старин-

ный обычай... Отъ отцовъ и дъдовъ ведется... Коли тамъ какія недоразумънія, или что другое, такъ мы возьмемъ да и подмажемъ... Глядишь, опять дело-то и пошло, какъ по маслу, по прежнему, -и всъ эти недоразумънія какъ рукой сниметъ...

— Такъ это вы меня "подмазать" хотите?-смъюсь.

- Не то, чтобы...-неръшительно отвъчаетъ "делегатъ", -- а такъ какъ будто бы въ родъ этого... примърно, по благородному... въ видъ, какъбы уваженія и благодарности... Вотъ теперь Сыромятниковъ къ вамъ собирается. "Отвезу",—говоритъ,—"я ему пару лака, да двъ бутылки водки"...
  - Лака?.. Это еще что такое?..
- Лаковые сапоги, значитъ... Кто чъмъ торгуетъ!-поясняетъ "делегатъ".--Ну, такъ вотъ каждый отъ своей коммерціи уваженіе и хочетъ предоставить...
- Hy, а чего этимъ "лакомъ" и прочимъ уваженіемъ, -- спрашиваю, -думаетъ достичь господинъ Сыромятниковъ и всъ ему подобные?
- А ужъ, конечно, чего!—улы-"делегатъ".—Они баясь говоритъ вамъ лаку, они вамъ готовый костюмчикъ по модѣ; они вамъ мучки и прочаго продукта, они вамъ всякаго угощенія, если пожаловать изволите-съ... Ну, а вы ужъ, само собой, извольте гнъвъ на милость переложить...
  - Покорно благодарю!—отвъчаю.
- Помилуйте-съ за что-же... Не обезсудьте, чъмъ можемъ! привстаетъ съ поклономъ "делегатъ" и далъе продолжаетъ развивать свои "мирныя условія".-- Коли что нашихъ "рядахъ" не по вашему благородному карактеру придется, такъ вы сами собственной персоной къ такому аспиду прівзжайте, да келейно, съ глазу на глазъ, его кръпкимъ словомъ и поучите, а онъ вамъ сичасъ и водочки, и балычка, и осетринки, и ветчинки на закусочкуто... Вы, значитъ, его учите уму-разуму и благороднымъ поступкамъ,

а сами, знай, кушаете на доброе здоровье!.. И ему поучительно, и вамъ пользительно!..-А то на-ка въ газету!.. Мораль, критика на весь честной народъ! -- вдругъ нъсколько раздражается "делегатъ".-Въдь тоже кому это пріятно, чтобы надъ нимъ всякіе балбесы ржали!..

Браво! — говорю. — Сейчасъ видно, что вы, господа "рядскіе", народъ въ своемъ родъ "съ толкомъ"!..-А скажите пожалуйста,--спрашиваю, -- это вы съ такой миссіей ко мнъ явились отъ "обиженныхъ мною господъ Сыромятниковыхъ, Костиковыхъ, отъ всъхъ "рядовъ", или-же только отъ собственной персоны?...

— Я-съ собственно не то, чтобы отъ "рядовъ", или кого тамъ прочаго другого... -- поясняетъ "делегатъ", -- а такъ, примърно... изъ патріотическихъ чувствъ къ отечеству...

Патріотическихъ чувствъ къ

отечеству?!

- Совершенно върно-съ!

  продолжаетъ онъ не безъ одущевленія. — Потому какъ чести и коммерціи нашей ущербъ, то долженъ-же я, какъ гражданинъ своего отечества и членъ собственнаго общества!.. Въдь какже по другимъ-то соображеніямъ!.. Прежде всего общество, ну, примърно, и посильная служба отечеству! Самиже, господинъ Смарагдъ, вы намъ это проповъдуете!.. Такъ ужъ не осудите, что обезпокоилъ васъ...
- Ну, такъ вотъ что, любезный, я вамъ скажу, -- твердо и ръшительно заявляю я "делегату", --- вашихъ "мирныхъ условій" я не приму и принять не могу!..

— Почему же-съ? — удивленно спрашиваетъ онъ.

 А потому, что обратились вы съ своими предложеніями не по тому адресу. Вотъ вы сами говорите, что читаете иногда мои писанія, а до сихъ поръ не поняли, съ къмъ имъете дъло!

"Делегатъ" нъсколько теряется. – Да, помилуйте-съ! почти по-

дътски лепечетъ этотъ крупный дътина, способный кулакомъ быка сшибить. — Да нъшто же вамъ этого мало... Кажется, чего же больше-съ! Полное удовлетвореніе и честь превеликая-съ!..

— Безтолковый и дикій вы человъкъ! – говорю. — Да неужели же вы не понимаете, что это не честь а позоръ! Неужели же вы никогда не слыхали, что есть люди, которыхъ ничъмъ не подкупишь!

-- Угодники Божіе... это, конечносъ!--возражаетъ "делегатъ".—А всъ люди, всъ человъки... всъ гръшные-съ. Не въ обиду опять же будь вамъ сказано, всъ ряды теперича говорятъ: "для того",--говорятъ,--, они, эти борзописцы, и пишутъ, чтобы только сорватъ"!

— И напрасно они такъ гово-

рятъ!-- уже кричу я.

-- Ахъ, господинъ!--съ ироніей замъчаетъ "делегатъ". — Напрасно изволите гнъваться. Да нъшто мы не знаемъ эту братію, писакъ-то!..

— Знаете? Такъ потрудитесь назвать хотя-бы одну фамилію!..

- Да что называть-то!..
- Фамилію!- возвышаю я голосъ.
- Да всѣ говорятъ...

— А, "говорятъ"! Вотъ то-то, что

только "говорятъ"!

- Слушайте же, любезный, обращаюсь я къ "делегату" съ ръшительнымъ и "послъднимъ словомъ", да слушайте хорошенько! Судя по нъкоторымъ даннымъ, вы человъкъ не глупый, хотя и воспитанный въ средъ, въ которой все разцънивается на цълковые...
- А безъ цълковенькихъ-то, господинъ, тоже не манерное-съ житіе! перебиваетъ меня "делегатъ".—Онито, деньги, ежели не Богъ, такъ полбога-то будутъ... Это върно-съ!.. А впрочемъ, мы люди въ темнотъ жизни пребываемъ, безъ всякой образованности и прочихъ цивилизаціевъ...
- Позвольте!—ръзко останавливаю я его.—Повторяю, вы человъкъ не глупый, и надъюсь, постараетесь

понять меня. Вы явились къ представителю печати, а всъ органы печати, -- газеты и журналы, -- разръшаются закономъ и правительствомъ въ интересахъ общества. Это-разъ, а вотъ и два: газеты служатъ гласности. Онъ не только имъютъ право, но и обязаны указывать на все ненормальное, больное и скверное въ жизни, онъ должны бороться созломъ, какимъ-бы красивымъ лицемъріемъ это зло не прикрывалось, онъ должны бороться съ властвующей въ жизни неправдой, съ несправедливостью!.. Это ихъ святъйшій долгъ передъ обществомъ и родиной, передъ людьми и Богомъ! Они, какъ и всъ люди, могутъ ошибаться, но за ошибки они платятся! Для этого существуеть судъ! Да, наконецъ, всякій напрасно обиженный газетою можетъ оправдаться черезъ ту-же газету. Ступайте и передайте это своимъ "рядскимъ". Если они считаютъ себя обиженными, пусть опровергаютъ или обращаются въ судъ! Скажите имъ также, что въ семьъ не безъ урода, и я прекрасно понимаю, что подъ борзописцами, которые пишутъ, чтобы только "сорвать", вы разумъли одного изъ моихъ предшественниковъ по здъшней газетъ... Тяжело, больно мнъ это признать, но долженъ признать, потому - что правда! Но помните, однако, чтотакіе гады среди представителей многострадальной и отзывчивой русской печати настолько-же ръдки, насколько ръдки, благоцаря невъжеству и особымъ условіямъ тогобыта, въ которомъ вы вращаетесь, человъчные къ своимъ служащимъ хозяева и добросовъстные по отношенію къ покупателямъ торговцы среди высшихъ "рядскихъ". большинствъ случаевъ перо русскихъ литераторовъ, и тъмъ болъе провинціальныхъ, не подкупно. Не боится честный русскій пишущій человъкъ также ни угрозъ, ни судовъ, ни оскорбленій, ни бросаемыхъ въ него изъ за угла камней, никакихъ подпольныхъ и тайныхъ козней и подвоховъ, боится-же онъ исключительно лишь своихъ вольныхъ или невольныхъ поступковъ, противоръчащихъ его убъжденіямъ и совъсти. И я върю въ это также твердо, какъ и въ то, что великъ Богъ земли русской!...

— Такъ, значитъ, кромѣ этого нравоученія ничего не будетъ? — спрашиваетъ меня "делегатъ", со вниманіемъ, однако, выслушавшій мою рѣчь.

--- И этого достаточно!

— Въ такомъ случав прощенія просимъ!—говорить онъ, кланяясь.— Не обезсудьте, что обезпокоилъ... Не ради чего, а ради общества-съ...

– А позвольте, господинъ Смарагдъ, вамъ еще два слова сказать!--- вдругъ задумчиво останавливается онъ въ дверяхъ. - Въдь и то сказать... теперича, это къ какому дълу приставленъ... не долженъ-ли онъ это дъло честно, по Божьей правдъ, блюсти? Хошь-бы сочинители... ежели на ихъ обязанности всякую нечисть людскую показывать... да нъшто можно ихъ за то осуждать! Они въдь свою тоже линію ведутъ!.. А вотъ нашему брату точно стыдно и гръшно!.. Замъсто тамъ всякаго лаку, водки, кульковъ, да судовъ не лучше-ли безъ всякой досады и злобы самому себъ въ душу поглядъть... Это, примърно, когда тебъ твою нечисть-то покажутъ!... Поглядишь разъ -- призадумаешься, поглядишь два — испугаешься своего-же окаянства, а тамъ глядишь, и совсъмъ другой человъкъ сталъ... И тебъ легко, и людямъ не больно, и Богу пріятно!... А что великъ Богъ земли русской правильнъе слова во всей Россіи нътъ!.. Пусть-же онъ, царь небесный, спасетъ насъ и помилуетъ, вразумитъ насъ и своей правдъ научитъ!...

— Именно такъ, именно такъ! — радостно говорю я и кръпко жму руку своего посътителя. — Я былъ увъренъ, что вы поймете меня!..

На томъ мы съ нимъ и покончили. И ранъе, и послъ этого объяснесъ представителемъ "рядовъ" мив неоднократно приходилось вести бесъды съ обывателемъ, которыя неръдко кончались именно въ томъже духъ, какъ и въ данномъ случаъ. Наконецъ, множество обывательскихъ писемъ получалъ я за свою многольтнюю литературную дъятельность, было среди нихъ немало глупыхъ и оскорбительныхъ, но все-же, особенно за послъдніе годы, было больше такихъ, въ которыхъ, несмотря иногда на ихъ изумительную безграмотность, поражали вдумчивость, серьезность, своеобразный русскій анализъ нравственныхъ и общественныхъ явленій и въ которыхъ постоянно звучалъ, одинъ и тотъ-же мощный аккордъ: "знанія, свъта, правды и жизни въ Богъ и по человъчеству"!..

Просыпается все болъе и болъе умственная мощь русской провинціи... Да, великъ ты, Богъ земли русской!

Какое впечатлъніе произвела на "рядскихъ" моя отповъдь, которую, безъ сомнънія, передалъ имъ ихъ "делегатъ", мнъ неизвъстно, но вотъ та жанровая сценка, которая произошла спустя нъсколько дней, когда я опять принужденъбылъ "отмътитъ" кое-какіе штрихи изъ "рядскихъ нравовъ" и сущность которой такъ обязательно сообщилъмнъ нашъ уличный репортеръ.

Близъ "рядовъ" встръчаются два солидныхъ "рядскихъ" коммерсанта,

оба съ здоровой "мухой".

— Слышалъ! — спрашиваетъодинъ
Слышалъ... какъ не слыхать! На два мъсяца кума-то моего шарахнули... А я еще какъ ему говорилъ: бери, кумъ, поменьше проценту, все, глядишь, на томъ свътъ какая ни на есть скостка будетъ...

— Дая не про это!

— А кумъ-отъ мнѣ и говоритъ: "Эхъ", — говоритъ, — "кумъ, да я рази Бога-то не помню"!... "Всего", — говоритъ, — "я беру-то по рублю на цѣлковый"...

— Тьфу, ты пропасть! Да не про это я тебъ говорю!.. Ну, на два, такъ на два мъсяца!.. Допустимъ!.. Ну что-жъ такое? Господь терпълъ и намъ велълъ... А вотъ какъ насъ Смарагдъ-то пропечатывалъ!

— То есть какъ это, въ какихъ то

есть смыслахъ.

- Все въ этакихъ-же! "Они", говоритъ, то есть я-то съ тобой... И пошелъ, значитъ, и пошелъ Смарагдъ насъ съ тобою утюжить!.. Да такъ, голубь ты мой, насъ по порядку расписалъ, ровно онъ, дъяволъ, при нашемъ разговоръ рядышкомъ съ нами сидълъ!
  - Такъ все и выложилъ?

— Какъ по стрилябіи!

— Это про насъ-то? Это про меня-

то, да про тебя-то?

- А ты какъ думалъ! Нонича, братъ, все этакъ... И повыше кто— пропечатываютъ, не токмо что про насъ... Велика, къ слову сказать, ты штука!
- Да оно, положимъ, и ты матерія-то не дорогая!

— Да въдь я, надо полагать, по гривеннику за рубль не платилъ!

— Да въдь, коли признаться, и я, ежели опять сказать, въ хозяйскую выручку воровской рукой не лазалъ!

– Да въдь, по чести говоря, мой отецъ у дегтя не стоялъ!..

— Да въдь вотъ что, другъ любезный, и мой отецъ церковныхъ кружекъ не взламывалъ!..

— Получи безъ росписки!..

Бацъ!!!..

— Самъ кушай на здоровье!... Трррахъ!!!.. Бацъ!!!... Трррахъ!!!..

— Каррраулъ!!!..— Горрродовой!!!..

- А поэвольте, господа купцы! опять же шума производить на улицѣ отъ начальства не положено! унимаетъ ратоборствующихъ стоящій на посту у "рядовъ" городовой.—Извольте мирнымъ порядкомъ по домамъ разойтись!.. Мы люди свои, при "рядахъ" приставлены уважимъ, то есть ни звука, а вотъ коли Смарагдъ провъдаетъ, онъ васъ за милую душу прохватитъ!..
- Эвона! догадывается одинъ изъ ратоборствующихъ. Ну, теперь, братъ, я знаю, гдъ на тебя управу найти!.. Извощикъ, подавай... Къ Смарагду!.. Знаешь, гдъ?..

— Такъ точно!.. Пожалуйте!..

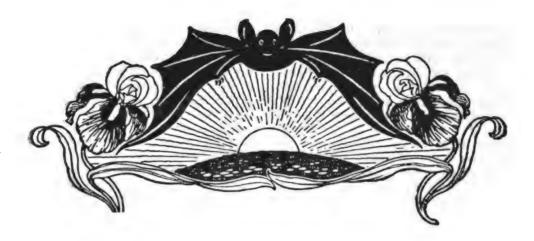
— Ну, въдь и я, другъ любезный, тоже не лыкомъ шитъ!.. Путь-то дорогу найду! — возражаетъ другой изъ ратоборствующихъ. —Извощикъ,

подавай... Къ Смарагду!..

Впрочемъ, ни одинъ изъ ратоборствующихъ ко мнѣ не являлся. Несомнѣнно, что оба "борца", послѣ бѣшеной скачки въ перегонку, дорогой "малостъ" освѣжились и пришли хотя и къ безмолвному, но единодушному заключенію, что, молъ, зачѣмъ-же на смѣхъ всему городу соръ-то изъ избы выносить, а затѣмъ, сразу остановивъ своихъ возницъ у подъѣзда "заведенія", вступили подъ его гостепріимный кровъ... Ну, а тамъ, разумѣется, послѣдовало примиреніе!

Смарагдъ Торностаевъ.

Изъ общественной жизни. С. Плевако.

I.

Реформа законодательства о крестьянахъ.

I.

Въ текущемъ году были опубликованы результаты работъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній окрестьянахъ, и въ ряду событій нашей юридической жизни эти опубликованные результаты заняли одно изъ первыхъ мъстъ, какъ по выдающемуся интересу, какой сами по себъ они представляютъ, такъ и по остротъ затрагиваемаго ими вопроса и значенію ихъ для всего правопорядка русской жизни.

Мы позволимъ себъ подробно остановиться на этомъ важномъ и любопытномъ документъ и думаемъ, что наше намъреніе совпадетъ съ желаніями читателей, которымъ не могутъ быть далеки интересы той обширной группы русскаго населенія, какую представляетъ крестьянство.

мало того, мы убъждены, что на этихъ результатахъ мы должны

этихъ результатахъ мы должны остановиться. Какъ это ни странно, но для большинства до сихъ поръ

очень немного и поверхностно извъстны тъ условія, въ какихъ влачитъ свое существованіе русскій крестьянинъ. Мы плохо освъдомлены въ его правовомъ и экономическомъ строъ, и если еще послъдній, подъ вліяніемъ бьющихъ въ глаза фактовъ, начинаетъ вырисовываться отдъльными своими сторонами, то первый остается тегга іпсодпіта даже для лицъ, по профессіи своей какъ будто обязанныхъ быть въ курсъ дъла.

Характерное подтвержденіе этого факта даетъ извъстный нашъ юристъ І. Гессенъ въ статьъ своей "Юридическая помощь населенію", напечатанной въ январьской книжкъ

"Образованія".

"Швейцаръ дома, — разсказываетъ, онъ, — въ которомъ я жилъ, обратился ко мнѣ, какъ къ юристу, считающему себя призваннымъ давать совъты, обратился съ просьбой объяснить ему, какъ оформить обмъть между нимъ и односельцемъ его — усадебной землей съ на-

ходящимися на ней постройками. Само собою разумъется, что отвътить ему тутъ же на ходу я оказался не въ состояніи; мнѣ нужно было посмотръть въ справочныя изданія законовъ, которыхъ въ редакціи имълось въ изобиліи. Но, увы, отвъта я найти не могъ и, предложивъ моему кліенту подождать нѣсколько дней, объщалъ ему за то навести справку у самого кладезя, въ земскомъ отдълъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающемъ, какъ извъстно, крестьянскія дізла. Въ земскомъ отдълъ для разръшенія вопроса, который, казалось бы, долженъ чуть не ежедневно возникать въ крестьянскомъ обиходъ, пришлось созвать консультацію; она въ концъ концовъ отказалась дать опредъленный отвътъ, и я долженъ былъ признаться передъ швейцаромъ, что не могу указать ему форму, которая бы вполнъ гарантировала ему прочность предпринимаемой сдѣлки". (стр. 96).

Если такъ обстоитъ дъло въ средъ спеціалистовъ права — въ составъ котораго крестьянское право входитъ лишь, какъ частное,-то что слъдуетъ сказать о большой публикъ, которая и общіе то законы знаетъ лишь по наслышкъ? Правовой строй публики крестьянства для этой является совершенно невъдомымъ, и даже она не въ состояніи уяснить себъ его, если бы и хотъла, благодаря необыкновенной сложности, туманности, и запутанности нашего крестьянскаго законодательства.

А между тъмъ существуетъ несомнънный интересъ въ обществъ пробить китайскую стъну невъдънія истиннаго положенія крестьянства, проникнуть въ то таинственное "табу", гдъ десятки милліоновъ нашихъ согражданъ проходятъ свой жизненный путь, и своими глазами увидать и оцънить тъ условія, въ которыхъ эти сограждане наши живутъ, борются, работаютъ и умираютъ.

Наличность этого интереса сказывается во многомъ. Въ витринахъ

книжныхъ магазиновъ то и дѣло попадаются книги, посвященныя изслѣдованію крестьянскаго быта, въспеціальныхъ и общихъ журналахъ и въ періодической прессѣ сплошь и рядомъ читатель встрѣчается со статьями, говорящими объ этомъвопросѣ.

И эти работы не пропадаютъ безслъдно. Напротивъ, онъ вызываютъ живой обмънъ мнъній, ими интересуются, надъ ними раздумываютъ-

Видимо, въ обществъ съ каждымъ днемъ растетъ и кръпнетъ сознаніе преступности равнодушнаго отношенія къ крестьянской жизни, и оно, скорбя о томъ пренебреженіи, какимъ встръчало крестьянское горе въ недавніе годы всеобщаго застоя и безразличія, спъшитъ наверстать пропущенное и жадно прислушивается ко всякому голосу, говорящему о деревнъ, о ея нуждахъ.

По этому поводу мнъ припоминается такой случай: передъ Рождествомъ прошлаго года одинъ московскій журналь обратился къ читателю съ просьбой сообщить, какія приложенія желательны предстоящемъ году. Изъ массы отвътовъ, послъдовавшихъ на это приглашеніе, редакція имъла возможность убъдиться, что очень многіе читатели чрезвычайно интересуются крестьянскимъ законодательствомъ и желали бы ознакомиться съ нимъ.

Идти на встръчу сказавшемуся теченію—прямой долгъ каждаго юриста.

II.

Крестьянское законодательство вступаетъ въ новую фазу своего развитія. Правительство давно уже сознавало недочеты въ крестьянскомъ правовомъ строѣ и необходимость его коренной переработки. Какъ говоритъ отчетъ о работахъ редакціонной комиссіи, "цълостное и планомърное усовершенствованіе и развитіе сего законодательства имълось въ виду со времени осводительной

реформы". Неоднократно приступали къ осуществленію этой задачи, но важнымъ препятствіемъ къ разръшенію ея служило отсутствіе матеріала, касавшагося даннаго вопроса, невозможность составить "вполнъ опредъленное представленіе о крестьянскихъ нуждахъ".

Съ 1889 года получилась возможность добыть нужный матеріаль, и немедленно было приступлено къ пересмотру крестьянского законодательства. Въ 1893 году была составлена комиссія, имѣвшая своею шълью, собственно, разсмотръніе проекта о неотчуждаемости надъльныхъ земель, но она не ограничилась узкими рамками своего назначенія и признала необходимымъ "подвергнуть пересмотру всв вообще узаконенія объ отведенныхъ въ надълъ крестьянамъ земляхъ". Государственный же Совътъ, на разсмотръніе котораго перешло предложеніе, высказался еще большее расширеніе намъченной работы и заявилъ, что "трудъ сей долженъ былъ бы обнять встороны сельскаго быта".

Дальнъйшая исторія крестьянскаго вопроса записала на свои страницы слъдующее предложеніе, объявленное во всеобщее свъдъніе 14 января 1902 года; "необходимо" задачей предстоящей законодательной работы поставить измъненіе... "лишь тъхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тъмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвъ основныхъ началъ положеній 19-го февраля 1861 г".

Для исполненія этой работы была организована въ іюнъ 1902 г. комиссія, занятія которой продолжались до октября 1903 г.

За этотъ промежутокъ времени комиссіей и были выполнены тѣ работы, отчетъ о которыхъ является основной темой нашей статьи.

Эти работы привлекаютъ къ себъ чуткое вниманіе. Проекты комиссіи обнимаютъ всъ стороны юридиче-

скаго быта крестьянъ. Они касаются и организаціи крестьянскаго управленія, и устройства волостного суда, и надъльныхъ земель и, наконецъ, заключаютъ въ себъ особые кодексы уголовный и гражданскій.

"Вся пестрая, регулируемая до сель обычаемъ, —говорилъ обозръватель "Въстника Права" въ майской книгъ журнала, — гражданскоправовая жизнь огромнаго большинства населенія страны кристаллизуется такимъ образомъ въ небольшомъ числъ статей гражданскаго кодекса".

Взглядъ юриста съ уваженіемъ и благоговѣніемъ останавливается на томахъ трудовъ комиссіи. Нелегкое дѣло выпало на долю ея, а если принять во вниманіе еще то, что комиссіи пришлось кодифицировать обычное право, на что не отваживались даже цѣлыя поколѣнія юристовъ, то становится яснымъ весь тотъ колоссальный трудъ, какой былъ въ годъ слишкомъ выполненъ комиссіей.

Правда, одновременно съ уваженіемъ, вызываемымъ этими проектами, порождается и сомнъніе: не было ли принесено въ жертву количеству и скорости труда его качество.

Но мы пока не будемъ давать этому сомнънію пищи для развитія. Остановимся на послъднемъ (пока) шагъ, предпринятомъ для осуществленія цъли реформы крестьянскаго правопорядка.

Этимъ шагомъ была передача проектовъ комиссіи на разсмотрѣніе особыхъ губернскихъ совъщаній. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ отъ 8 января 1904 года были учреждены совъщанія, состоящія изъ начальниковъ мъстныхъ управленій гражданскаго въдомства, предсъдателя окружнаго суда, непремъннаго члена губернскаго присутствія др., въ томъ числъ и членовъ отъ дворянства и земства, подъ предсъдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, которые и должны были подробно разсмотръть работы комиссіи и дать о нихъ свои заключенія.

Работы этихъ совъщаній представгромадный самостоятельляютъ ный интересъ. Участіе въ нихъ мъстныхъ силъ придало имъ особенно продуктивный и цълесообразный характеръ. Но дъятельность ихъ еще не закончилась. Намъ не придется поэтому сейчасъ остановится на ней и, оставляя за собою право вернуться къ дъятельности совъщаній въ будущемъ, мы огранастоящей ничимъ рамки статьи обозрѣніемъ тѣхъ принциповъ, какіе были положены редакціонной комиссіей въ основу проектируемаго ею законодательства о крестьянахъ.

Ш.

На первый планъ мы поставимъ вопросъ о сословномъ стров крестьянства и ознакомимся съ твми мотивами, какіе привели редакціонную комиссію къ заключенію о необходимости сохраненія и впредь обособленности крестьянскаго населенія.

"Обратившись къ подробному обсужденію началь, лежащихь въ Положеніи 19 февраля 1861 г., -- говоритъ отчетъ комиссіи, -- относительно сословной обособленности крестьянъ и особливаго порядка управленія ими, — комиссія приняла во вниманіе, что со временъ незапамятныхъ и доселъ земля и земледъльческій промысель составляли и составляютъ для русскаго крестьянина почти исключительный и во всякомъ случав важнвишій предметь его жизненной дъятельности, сосредоточеніе всъхъ его заботъ и попеченій, основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость землъ, въ связи съ особенностями сельскохозяйственнаго труда и быта, наложила неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразилась на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создала весь внутренній складъ

крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшіе исконной однообразной обстановкъ жизни, пріученные изм'внчивымъ успъхомъ земледъльческихъ работъ къ сознанію зависимости отъ внъшнихъ силъ природы и, слъдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонъ созидающихъ положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій.

Въ этихъ рамкахъ сложилось и своеобразное, не лишенное мъстныхъ особенностей, правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно правовыхъ нормахъ. Составители крестьянскихъ положеній 1861 года, въ справедливомъ опасеніи нарушить самобытно сложившіяся отношенія и взгляды, искусственной нормировкой положительнаго закона насильственно отвлечь народную правовуюжизнь отъ ея естественнаго обычнаго русла, предоставили весь имущественный оборотъ крестьянъ руководительству ихъ мъстныхъ обычаевъ. Принимая во вниманіе, что непосредственное внесеніе нормъ нашего общаго гражданскаго права, разсчитанныхъ на опредъление правоотношений, возникающихъ на иной почвъ и въ иной средѣ, въ своеобразную среду имущественныхъ отношеній крестьянства, не могло отвъчать правовымъ нуждамъ деревни, остается лишь оцънить ея благоразуміе и цълесообразность примъненнаго составителями крестьянскихъ положеній пріема.

Между тъмъ, само само собою разумъется, что пока указанный источникъ самобытнаго крестъянскаго права не уступитъ мъста какимълибо опредъленнымъ общегосудар-

ственнымъ нормамъ права писаннаго, до тъхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немыслимо. Своеобразіе крестьянскаго правового порядка устраняетъ возможность расширенія круга его дъйствія за предълы сельскаго состоянія и предполагаетъ для своего примъненія наличность сословнаго суда.

Но не этимъ однимъ вызывается необходимость сохраненія и впредь обособленнаго крестьянскаго общественнаго управленія и суда и спеціальныхъ, въдающихъ встми крестьянскими интересами, учрежденій. Право государства на выдъленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послъдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надъленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія обязываеть правительство къ бдительному надзору за тъмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дъйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ. — а именно обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго какъ сословіе, т. е. въ преобладающей его массъ, а не только единичныхъего представителей. Ни законъ, ни правительство, очевидно, не могутъ имъть въ виду стъснять предпріимчивость отдъльныхъ крестьянъ, сдерживать ихъ пріобрътательную способность. Но тотъ же законъ и тоже Правительство могутъ и обязаны наблюдать за тъмъ, чтобы эти предпріимчивость и способность не развивались за счетъ такого источника, который им ветъ особое, болъе обширное, общегосударственное значеніе служить основой существованія для народныхъ массъ".

Наряду съ приведенными соображеніями, комиссія не могла не принять во вниманіе, что простымъ изданіемъ закона нътъ возможности сгладить тъ ограническія особенно-

которыя ръзко отличаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія, а при такихъ условіяхъ подчиненіе крестьянства однимъ, общимъ съ прочимъ населеузаконеніемъ государства, будетъ лишь наружнымъ, кажущим. ся. Полагать, что распространяя однородные пріемы управленія, примъняя однообразныя мъропріятія къ различнымъ по сему духовному и правительственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить, по мнфнію комиссіи болъе, чъмъ ошибочно.

Это было бы равносильно примъненію тъхъ же растеній на различныхъ по ихъ химическому составу и физическому строенію почвахъ. Очевидно, что приведя эти почвы къ одной формулъ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послъдствій Словомъ, по мнѣнію комиссіи для полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всеми остальными сословными группами Имперіи, необходимо сохранить особые пріемы порядкѣ его общественнаго управленія, суда и общественнаго надзора".

IV.

Мы позволили себъ привести эту довольно длинную выписку изъ отчета редакціонной комиссіи въ виду ея большого интереса и важности для уясненія причинъ, почему комиссія, разсматривая кардинальный вопросъ крестьянской жизни относительно сохраненія сословной обособленности крестьянъ, пришла къ заключенію о необходимости удержать эту обособленность.

Крестьянская обособленность давно стала больнымъ мъстомъ русской жизни. Очевидный вредъ ея давно вызвалъ въ русской юридической наукъ голоса за ея искорененіе и поставилъ въ полную зависимость отъ нея матеріальное и духовное развитіе крестьянства.

Какъ указываетъ и Страховскій въ своей книгъ "Крестьянскія права и учрежденія" — эта обособленность привела къ духовному и матеріальному захуданію крестьянской массы, " и дъятели освобожденія крестьянъ не скрывали отъ себя и другихъ возможныхъ послъдствій обособленнаго устройства крестьянства. Даже предсъдатель комиссіи, графъ Панинъ и тотъ говорилъ о волостномъ правленіи, которое бы заключало въ себъ "представительство отъ всъхъ сословій, и эта всесословная волость не была осуществлена въ годъ реформы отнюдь не по принципіальнымъ соображеніямъ. Мысль о ней была только отложена, но не оставлена. И можно съ увъренностью сказать, что въ ту эпоху никто не видълъ въ сословной организаціи крестьянъ такихъ положительныхъ сторонъ, какія въ наше время усматриваетъ редакціонная сія.

Очевидно, что во мнѣніяхъ и взглядахъ произошелъ рѣзкій и важный переворотъ. Тому, чему комиссіи 60-хъ годовъ придавали лишь случайное и преходящее значеніе, нынѣ придается принципіальный и рѣшающій характеръ. На что смотрѣли, какъ на мѣру временную, теперь смотрятъ, какъ на главное условіе благоденствія крестьянскаго населенія.

Какіе-же стимулы породили этотъ переворотъ, что заставило наше законодательство измънить столь радикально свое прежнее русло?

Опредѣленію этихъ причинъ, а также выясненію значенія проектированнаго комиссіей принципа посвящена статья г. В. Вороновскаго, напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ "Права" (№ 23, отъ 30 мая с. г.). Ввиду важности трактуемаго этою статьею вопроса мы приведемъ основныя положенія ея автора.

Разбирая вопросъ о крестьянской обособленности и аргументацію ея, данную цитированнымъ отчетомъ,

г. Вороновскій приходить къ слъдущимъ выводамъ:

"Нельзя признать, чтобы приведенныя соображенія имѣли какуюнибудь доказательную силу. Если безспорно, что крестьяне изстари и съ большими трудами занимаются земледѣліемъ, то такъ-же безспорно, что фактъ этотъ не слѣдуетъ утилизировать для всякихъ предвзятыхъ выводовъ" (стр. 1197).

" ... Если даже принять его на въру, то и въ такомъ случав онъ не можетъ достигнуть цъли, ради которой приводится, не можетъ подтвердить необходимости сословнаго обособленія крестьянъ. Въ самомъ дълв, какая надобность, какой разсчетъ можетъ побудить держать подъ спудомъ сословной замкнутости наше крестьянство, если оно дъйствительно представляетъ такой органически сложившійся и вполнъ окръпшій охранительный элементъ въ жизни русскаго государства".

"Казалось-бы,—заключаетъ г. Вороновскій свой анализъ перваго тезиса комиссіи, — въ такомъ случаъ всякое взаимодъйствіе съ нимъ другихъ сословій... можетъ имъть лишь самое благотворное значеніе, содъйствуя развитію и укръпленію идей исторической преемственности и соціальной устойчивости".

Равнымъ образомъ несостоятельно, — по мнѣнію названнаго автора, и то положеніе комиссіи, какое она выводитъ изъ факта "своеобразнаго правосознанія крестьянъ, вылившагося въ обычно-правовыя нормы". Прежде всего это обычное право, по словамъ г. Вороновскаго, является "какимъ-то таинственнымъ призракомъ".

Особенности правоотношеній, наблюдавшіяся въ народной жизни представляли устойчивое явленіе, пока крестьянская семья была "только рабочей, тяглой силой, подавляющей своей хозяйственной общностью отдъльныя личности своихъ членовъ". Но со времени реформы 19 февраля, подорвавшей старую семью и превращающей ее въ "живой личный союзъ", съ пробужденіемъ въ крестьянинъ человъческой личности и выступленіемъ крестьянской семьи на просторъ обще-гражданскихъ идей и интересовъ русской жизни. -- эти особенности "постепенно, но неуклонно" сглаживаются. Въ настоящее время, - продолжаетъ г. В., — слъды обычнаго права представляють любопытный матеріалъ болъе для изученія историческаго развитія юридическаго быта русскаго народа, чъмъ для какихъ-либо дъйствующихъ нормъ обычно-правового порядка. И комиссія, провозглашая въ числъ свопринципіальныхъ положеній своеобразіе и устойчивость народнаго правосознанія—сама, при блиразсмотрѣніи вопроса, даетъ весьма убъдительныя доказательства неправильности такого принципа.

Третій доводъ комиссіи, выдвигаемый ею въ защиту сохраненія обособленности крестьянскаго сословія, заключается въ правѣ государства на ближайшій надзоръ за крестьянами въ виду понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія ихъ быта, выразившихся въ надѣленіи крестьянъ землею.

Г. Вороновскій не согласенъ и съ этимъ аргументомъ. По его мнѣнію "надѣленіе крестьянъ землею было со стороны государства не жертвой, а величайшей государственной мудростью, которая устранила огромную государственную опасность".

"Само правительство, говоритъ онъ, такъ и понимало этотъ фактъ, разъяснивъ, что надъленіе крестьянъ землею производится "въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи". Притомъ, выкупная операція и для финансоваго въдомства была далеко не убыточною мърою.

Ссылки комиссіи на необходимость заботъ со стороны государства о неприкосновенности надъльнаго зе-

мельнаго фонда и на современную попечительную дъятельность государства о благосостояніи "земледъльческаго люда" также не оправдываютъ, — по взгляду г. В., — желанія комиссіи сохранить крестьянскую обособленность.

Первый мотивъ, достаточный для объясненія необходимости сословнаго начала въ организаціи крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, въ этой области и теряетъ свою силу, нисколько не распространяясь на организацію союзовъ, предназначенныхъ для достиженія задачъ управленія и общественныхъ цѣлей, имѣющихъ неизбѣжно общесословный характеръ такъ же въ сельскихъ мѣстностяхъ, какъ и въ городахъ.

По той же причинъ несостоятельно и второе положеніе комиссіи. "Въ основъ попечительной, — корректируетъ г. В.—какъ и всякой другой дъятельности государства, всегда должны лежать общегосударственныя задачи, направленіе которыхъ не могутъ измънять интересы одного сословія въ ущербъ другому".

Последнимъ изъ высказываемыхъ комиссіей соображеній является предположеніе, что "полагать, что распространяя однородные пріемы управленія, примъняя однообразныя мъропріятія къ различнымъ по сему духовному и нравственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить... болъе, чъмъ ошибочно. Это было-бы равносильно примъненію тъхъ-же растеній на различныхъ, по ихъ химическому составу и физическому строенію, почвахъ".

И противъ него возражаетъ г. Вороновскій: "такое заключеніе, говоритъ онъ, не можетъ не вызвать самыхъ серьезныхъ недоумъній... Если въ глазахъ разсчетливаго хозина способъ обработки и родъ посъвовъ видоизмъняется согласно разнообразнымъ почвеннымъ условіямъ, то самый прозорливый взглядъ истинно - государственнаго дъятеля

не можеть уловить въ крайне подвижныхъ сословныхъ особенностяхъ достаточно принципіальныхъ основаній для соотвътственныхъ варіацій въ системахъ и способахъ общественныхъ организацій отдъльныхъ сословій...

Комиссія полагаетъ сохранять крестьянскую обособленность до полнаго "внутренняго объединенія ихъ съ другими сословіями". Но такого объединенія произойти не можетъ, замѣчаетъ г. В.,—ибо крестьяне, по проекту комиссіи, тщательно удерживаются въ своей замкнутой обособленности отъ всякаго взаимодъйствія со всъми другими сословіями, а потому какъ бы обрекаются на въчную сословную обособленность".

Заканчивая свою статью г. Вороновскій пишетъ: "нельзя не замътить, что комиссія въ проведеніи начала сословности въ трудахъ своихъ далеко вышла за предълы, обозначенные Высочайшимъ указомъ отъ 8 января 1904 г. согласно которому признало необходимымъ "сохранить за крестьянами сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владфнія надфльныхъ земель". Между тъмъ, комиссія не ограничилась сохраненіемъ началъ сословности въ болъе правильной организаціи крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, призванныхъ осуществлять крестьянское надъльное землевладъніе. Она выводитъ сословную обособленность крестьянъ изъ саоснованій освободительной мыхъ реформы и широко развиваетъ ее въ цълую систему далеко даже за предълы существующихъ ея размъровъ. Сословность не сохраняется комиссіей только какъ историческое указанныхъ размѣявленіе Въ рахъ, она широко развивается въ качествъ коренной современной потребности русской жизни".

٧.

Хроника не представляетъ удобнаго мъста для критики, анализа

и просто возраженій. Обязанность хроникера лишь отмвчать дающіеся той моменты отрасли жизни, которой онъ посвящаетъ своюработу и освъщать ихъ постольку. поскольку это представляется возможнымъ въ узкихъ рамкахъ хроники. Полемизировать не цъль хроникера и потому мы не будемъ подвергать обстоятельному разсмотрънію всьхъ тезисовъ г. Вороновскаго, а ограничимся лишь нъсколькими общими замъчаніями, касающимися затронутаго нами вопроса.

Нельзя не признать върнымъ, что нашемъ крестьянствъ лежитъ "особый отпечатокъ". Но согласиться съ утвержденіемъ, что этотъ отпечатокъ имъетъ своимъ происхожденіемъ зависимость отъ физическихъ началъ крестьянскаго труда, мы не можемъ. Земледъліе свойственно не только русскому народу. Между тъмъ обособленность отъ другихъ сословій является особою принадлежностью только русскаго крестьянина. Нигдъ на западъ нельзя увидъть, чтобы "зависимость отъначалъ высшаго порядка" ставила земледъльца въ особое правовое отношеніе къ другимъ сословіямъ. И нигдъ незамъчается неудобствъ отъ такого порядка.

Въ интереснъйшей статъъ г. Мижуева "Крестьянское царство", напечатанной въ первыхъ номерахъ "Образованія" за текущій годъ мы видимъ, напротивъ, что благосостояніе канадскихъ крестьянъ обусловливается всецъло распространеніемъ на нихъ общихъ законовъ и отсутствіемъ всякой обособленности. между тъмъ для созданія такой обособленности въ Канадъ представлялось гораздо больше основаній, ибо это "царство" состоитъ, главнымъ образомъ, изъ элемента пришлаго, эмигрантовъ.

Да вообще, куда-бы не глянули, едва-ли гдъ въ культурныхъ государствахъ мы найдемъ примъръ, подобный тому, какой наблюдаемъ у себя. И оттого, что тамъ кре-

стьянство слито съ другими сословіями-оно только выигрываетъ духовно и матеріально, тогда какъ обособленность русскаго крестьянина приноситъ массъ только вредъ, вырывая изъ ея среды всякую личность, обладающую возможностью внести въ семью своихъ родныхъ свътъ науки и знанія. (Какъ, можетъ быть, извъстно нашимъ читателямъ, напр., поступленіе въ высшее учебное заведеніе влечетъ для крестьянина отписку отъ крестьянства; такимъ образомъ, крестьянство закономъ лишается своихъ лучшихъ и энергичнъйшихъ сочленовъ).

Совершенно върно замъчаетъ г. Вороновскій, что неосновательно надъяться на самодовльющее сліяніе крестьянъ съ другими сословіями. Какъ ручей только тогда можетъ влиться въ море, когда ему будетъ данъ для этого выходъ, такъ искусственныя загражденія не откроютъ выхода крестьянству къ средъ прочихъ сословій.

Что комиссія не имъла въ виду создавать для крестьянства въчнаго состоянія обособленности — это не подлежитъ сомнънію. Но она слишкомъ увърена въ томъ, что "созидающее время остальное довершитъ". Безусловно, что настоящій порядокъ со временемъ измънится. Но вопросъ: не обойдется-ли слишкомъ дорого это предоставление крестьянства самому себъ, отказъ ему во всякомъ содъйствіи къ превращенію изъ темной, невъжественной массы въ культурное, прогрессирующее сообщество? Мы знаемъ, какъ тяжело ложится на крестьянина его современное положеніе, зачъмъ же мъшать ero естественному стремленію пріобщиться къ выгодамъ культурной жизни, къ выгодамъ совмъстнаго дружнаго труда во имя блага всей родины и человъчества?

Какъ сообщили газеты, одною изъ новозеландскихъ сотрудницъ международнаго женскаго конгресса, ра-

ботающаго въ настоящее время въ Берлинъ, было доложено конгрессу о петиціи новозеландскихъ женщинъ, содержаніе которой сводится къ требованію, чтобы внъбрачные дъти получали имя отца.

Важность выставленнаго новозеландскими женщинами требованія заставляеть насъ, для заключенія хроники, сказать нъсколько словъ о немъ.

Принципъ этотъ, чуждый пока русскому законодательству, да и вообще большинству законодательствъ, однако, все чаще и съ большею настойчивостью повторяется повсемъстно, и одинаково становятся его защитниками какъ люди науки, такъ и общественные дъятели.

Несправедливость отрицательнаго отношенія къ внъбрачнымъ дътямъ давно уже сознана и жизнью, и закономъ. И въ то время, какъ жизнь настойчиво требовала искорененія тъхъ жестокихъ предразсудковъ, въ силу которыхъ внъбрачные дъти даже за людей не признавались, законъ старался поставить охрану интересовъ внъбрачныхъ дътей на такую-же твердую почву, на какой стояли интересы законныхъ дътей.

Слъдуя этому гуманному стремленію, русское законодательство издало законъ 3 іюня 1902 года, въ значительной степени облегчившій участь внъбрачнаго ребенка, по прежнему законодательству являвшагося совершенно безправнымъ.

Были отмънены нъкоторыя стъснительныя правила, касавшіяся незаконныхъ дътей, и въ тоже время созданы нормы, обезпечивавшія внъбрачнымъ извъстныя имущественныя и семейственныя права.

Но ръшительнаго шага законодательство о внъбрачныхъ дътяхъ всеже не сдълало. Этотъ шагъ — право отысканія отца, право на его имя и на его имущество до сихъ поръ остается ріа desideria внъбрачныхъ дътей, лишь съ установленіемъ которыхъ совершится актъ соціальной справедливости, давно уже признанный жизнью.

Что онъ когда нибудь совершится. не можетъ подлежать сомнънію. И вотъ усилія общества направляются на скоръйшее осуществление его. Петиція новозеландскихъ женщинъ есть выраженіе этихъ усилій. Зная условія жизни Новозеландіи, легко предположить, что эта петиція получитъ тамъ свою санкцію. И намъ остается только желать, чтобы примъръ Новозеландіи не остался одинокимъ. Остается желать, чтобы и другія законодательства, въ томъ числъ и русское, прониклись сознаніемъ необходимости этой міры, а, проникшись, не откладывали бы надолго приданія этому сознанію характера обязательной законодательной нормы.

Государство, строющее свое основаніе на началахъ христіанства, не можетъ отрицать неизбъжность этого акта. Тогда зачъмъ же ждать? Зачъмъ лишать тысячи дътей ихъ законнаго права и отсутствіемъ его поощрять общество къ безнаказанному злоупотребленію чувственными инстинктами? Не счесть, сколько слезъ уже пролито на землъ изъ за

этой мягкости законодателя, и уже камни вопіють о невозможности дольше терпѣть существующій порядокъ. Внѣбрачныхъ дѣтей не должно быть... Всѣ дѣти должны быть одинаковыми и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи личныхъ и имущественныхъ правъ между дѣтьми не должно быть никакого различія.

На томъ же женскомъ конгрессъ предсъдательница лиги мира, г-жа Л. Моргенштернъ, сказала, что въчнаго мира человъчество достигнетъ лишь тогда, когда на знамени его будетъ написано только одно слово—"гуманностъ".

Гуманность же должна быть вездъ и всегда. И внъбрачные дъти имъють на нее не меньшее право, чъмъ всъ остальные. И проявленіемъ ея по отношенію къ этимъ дътямъ законодательно принесло бы не жертву, и даже не милость; нътъ, оно только исполнило бы свой прямой долгъ, и долгъ тъмъ болъе настоятельный, что неисполненіе его падаетъ камнемъ на головы совершенно неповинныхъ и безъ этого камня уже несчастныхъ людей...

Сергъй Ллевако. 🚍

Съ невъстами это бываетъ...

РАЗСКАЗЪ

М. Джіанелли.

— Ну, ей Богу, кажется, что все это вчера было—и несчастный Котошихинъ, изъ-за котораго половина класса шестерокъ нахватала, и "Рыжебородый Торъ"—нашъ красавецъ словесникъ,... и луна только намъ свътила, только для насъ міръ былъ такъ прекрасенъ, такъ дивно пахла сирень, а по ночамъ въ ея кустахъ соловей разливался...

— А Леночка-то, Леночка, смотритъ на насъ, и ей, навърное, смъшно: "охъ" — думаетъ барышня, — и расходиласъ-же старушка". Въдь, правда,

Леночка, смѣшно вамъ?

Леночка молча улыбалась, и ей, дъйствительно, было странно и немножко смъшно, не хотълось върить, чтобы ея мамочка съ блъднымъ, ми-

лымъ и усталымъ лицомъ и тоненькими, какъ царапинки, морщинками и эта полная, напудренная дама когда-то зубрили "несчастнаго" Котошихина, были юными дъвочками, которыя боялись "шестерокъ" и слушали соловья, въ которыхъ влюблялись гимназисты.

Но Варвара Петровна такъ горячо и убъжденно говорила объ этомъ, мама слушала ее съ такимъ взволнованно-умиленнымъ лицомъ, что, должно быть, это такъ и было на самомъ дълъ.

Варвара Петровна придвинула къ себъ хрустальную вазочку, положила на блюдечко малиноваго варенья и продолжала.

— Я такъ рада, такъ рада нашей

встръчъ, что и сказать тебъ не могу. Двадцать лътъ, цълыхъ двадцать лътъ!

Наталья Александровна сидѣла за самоваромъ и взволнованными, помолодѣвшими глазами смотрѣла въ оживленные, блестящіе глаза подруги; ея узкое, худенькое лице поблѣднѣло, тонкіе нервные пальцы безсознательно мяли шитое чайное полотенце.

Варвара Петровна отодвинула блюдечко съ вареньемъ и посмотръла на Наталью Александровну.

— Боярова помнишь? Тогда онъ былъ на второмъ курсъ! Застрълился—деньги казенныя растратилъ. Семья большая осталась—нищіе!

Брови Натальи Александровны бользненно дрогнули.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, — восторженно вскрикнула Варвара Петровна, — вотъ сейчасъ я прежнюю свою Наталку увидъла, ей Богу! Толстая коса по спинъ, глаза этакіе большіе — большіе, прозрачные, "русалочьи" какъ говорила Лида Коржина, а бровки нътъ-нътъ, да и дрогнутъ, вотъ какъ сейчасъ!..

Помнишь Омельчука? Хохолъ, восьмиклассникъ, ну, черный, кудластый такой, еще влюбленъ былъ въ тебя? Наталкой-Полтавкой какъ-то назвалъ, а ты этакъ бровью дрогнешь: "какъ вы смѣете!"

Варвара Петровна безъумолку говорила, вспоминала; глаза ея блестъли, пудра осыпалась, даже пышная, искусная прическа стала разрушаться отъ порывистыхъ движеній и жестовъ экспансивной дамы.

А Наталья Александровна, изръдка подавая реплики взволнованнымъ голосомъ, все также жадно слушала ее и только все больше блъднъла, и чаще вздрагивали тонкія брови.

Григорій Ивановичъ, хозяинъ дома, мужъ Натальи Александровны, свѣжій, удивительно хорошо сохранившійся блондинъ, съ круглой русой бородкой, помѣшивалъ въ стаканѣ и, выпуская голубоватые клубы дыма, снисходительно посмѣиваясь, пере-

водилъ взглядъ съ жены на гостью. Леночка давно окончила свой чай; она разсъянно собирала крошки на скатерти, и ей хотълось встать и уйти въ гостинную, чтобы по обыкновенію поиграть въ четыре руки съ сидъвшимъ рядомъ съ ней женихомъ,—стройнымъ молодымъ офицеромъ, но она не знала, ловко-ли это будетъ при гостъъ, и потому, разсъянно собирая по скатерти крошки, томилась и старалась поймать взглядъ матери.

Григорій Ивановичъ первый замътилъ ея волненіе.

— Ну, что-же вы сидите и молчите?! Подите, поиграйте, а мы послушаемъ!

Леночка быстро поднялась, краснъя и благодарно улыбаясь отцу, поцъловала его въ високъ, гдъ у него чуть чуть ръдъли волосы; мамочкъ поцъловала руку робко, словно извиняясь, улыбнулась Варваръ Петровнъ и прошла въ гостинную; за ней тотчасъ-же поднялся и женихъ ея.

Леночка подошла къ піанино; Борисъ Дмитріевичъ открылъ крышку и зажегъ свъчи.

Большая и высокая гостинная съ низкой будуарной мебелью краснаго плюша вся тонула въ полумракъ; только у піанино, отражаясь въ его полированной черной поверхности, ровнымъ свътомъ горъли двъ свъчи въ бронзовыхъ подсвъчникахъ.

Они играли, и пальцы ихъ касались; краешкомъ глаза Леночка, не смотря, видъла рядомъ съ собой часть смуглой щеки, съ темнымъ пушкомъ ниже уха, уголокъ румяныхъ губъ, и ей казалось, что красивые звуки Гугенотовъ наполнили все вокругъ: и эту гостинную, и весь міръ чувствомъ необъятнаго, небывалаго счастья, въ которомъ тонуло и пропадало все, что не касалось ея, Леночкиной любви...

Когда пробило одиннадцать часовъ, Борисъ Дмитріевичъ сталъ прощаться.

Онъ ушелъ, и Леночка, извинив-

шись предъ гостьей и, поцъловавъ мамочкъ руку и глаза, ушла къ себъ.

Съ тъхъ поръ, какъ Леночка — невъста, ей не позволяютъ ложиться позже одиннадцати: надо было набираться силъ для новой жизни.

Леночка быстро раздълась, легда

и скоро уснула.

Была глубокая ночь, когда она вдругъ проснулась; это часто случалось съ ней теперь, и очень ей нравилось.

Къ этому часу домъ уже всегда затихалъ. Всъ спали. Было такъ тихо: въ углу теплилась лампадка, озаряя розовымъ свътомъ иконы и бросая двигающійся и вздрагиваю-

щій кругъ на потолокъ.

Въ мягкомъ полусвътъ такъ хорошо выступали знакомые предметы; нарядный письменный столикъ, больше похожій на игрушку, чъмъ на рабочій столъ; мягкое креслице, въ формъ розовой раковины; туалетъ подъ бълой кисеей, а на немъ слабо поблескивало зеркало съ хрустальными пуговками по угламъ. Все было знакомо, мило, привычно.

И Леночка любила, проснувшись, лежать неподвижно, прислушиваясь къ тому глубокому счастью, что наполняло ее.

Жизнь прошлая, съ нѣжными ласками матери, веселыми играми, дѣвичьими грезами, и жизнь будущая, гдѣ все было наполнено этими сбывшимися мечтами, воплотившимися въ милый образъ, была однимъ золотымъ лучемъ счастья.

И въ прошломъ—было, и въ будущемъ—будетъ все—ясно, радостно

и безмятежно.

И Леночка, вся отдаваясь свътлому ощущенію счастья, любила проснувшись ночью, лежать такъ неподвижно, пока ръсницы не слипались и незамътно налеталъ здоровый, молодой сонъ.

И сегодня Леночка проснулась съ тъмъ-же ощущеніемъ. Розовый свътъ лампадки мягко освъщалъ комнату; было такъ мирно, хорошо, спо-койно.

Леночка сдегка повозилась, удобнъе укладываясь, съ безсознательной улыбкой счастливаго ребенка.

Изъ-подъ дверей спальни Натальи Александровны, которая была рядомъ съ комнатой Леночки, шла тонкая полоска яркаго свъта: очевидно, тамъ горъла лампа.

Леночка удивилась немного, подумала "мамочка не спить еще" и, повернувшись на бокъ, подложила

руку подъ горячую щечку.

За дверью вдругъ заговорилъ какой-то незнакомый женскій голосъ и, вслушавшись, Леночка вдругъ вспомнила Варвару Петровну, мамочкину подругу, о которой совсъмъ было позабыла.

"Ночевать осталась", подумала Леночка и перевела глаза на розовое стекло лампады; ей казалось, что глаза Богоматери ласково улыбаются ей, и чувство счастія росло и ширилось въ груди.

За бълой дверью кто-то прерывисто вздохнулъ. — "Всего было... Но, конечно, горя больше, гораздо

больше"!

Отъ этихъ словъ, отъ тона, какимъ они были произнесены, отъ прерывистаго вздоха, Леночкъ стало вдругъ непривычно скучно, какъ-то не по себъ; она опустила глаза и недовольно, точно сердясь на когото, кто ей причинилъ вдругъ непріятность, завозилась на кровати.

А тотъ-же голосъ, въ которомъ Леночка сейчасъ-же узнала голосъ

мамочки, продолжалъ.

— Никто, никто, кромъ матери, не можетъ представить себъ ужаса хоронить дътей, даже самыхъ крошечныхъ дътей... Для всъхъ это только кусокъ мяса, а для тебя... Въдь ты уже чувствовала, знала его, когда онъ былъ еще тамъ, въ тебъ; для тебя онъ уже былъ живымъ, самостоятельнымъ существомъ вмъстъ съ тъмъ составлялъ часть тебя самой... Кто пойметъ это кромъ матери? Ты перенесла страшныя нечеловъческія муки, чтобы дать ему жизнь, ты услышала голосъ,

его голосъ и ты сразу вознаграждена за всѣ твои страданія... И вдругъ... ты видишь это маленькое тѣльце, тяжесть котораго ты еще недавно ощущала въ себѣ, бархатную теплоту котораго вчера еще чувствовала подъ своими руками, мертвое, холодное, неподвижное".—Голосъ сразу оборвался.—Это ужасно, ужасно"!—тихо прошепталъ голосъ мамочки, и, всхлипнувъ, она замолчала.

Та тишина, которая настала послъ этихъ словъ, была совсъмъ не такая, какую любила, къ какой привыкла Леночка.

Она повернулась на спину и старалась не смотръть на бълую дверь.

Свътлые, веселые, образы, наполнявшіе ее, испуганные этимъ голосомъ, страшными, тяжелыми словами, пугливо блъднъли и таяли. Леночка вздохнула; ей хотълось, мучительно хотълось не слышать больше печальнаго голоса, хотълось, чтобы кругомъ опять стало мирно — радостно, какъ было всегда, когда просыпалась Леночка.

- Да, произнесъ голосъ Варвары Петровны, это, должно, быть тяжело!
  - Ты не хоронила?
- Нътъ, у меня не было дътей! Леночка повернулась къ стънкъ и закрыла глаза; ей хотълось поскоръй уснуть; хотълось уйти въ свътлый миръ грезъ, уйти отъ этого страннаго безпокойства, что овладъвало ею.
- Да, повторила послѣ короткой паузы Варвара Петровна, — дѣтей у меня не было, да и мужа словно вовсе не было!

Она весело засм'ъялась и продолжала.

— Увидъла я своего Парфентія Петровича и словно одуръла: брови его понравились мнъ. Не могу смотръть на нихъ равнодушно, да и только. Прямо ошалъла дъвка, день и ночь о бровяхъ его думаю! Ну, конечно, "улыбочкой и глазками", все какъ слъдуетъ, — и въ концъ концовъ, "позвольте вамъ предло-

жить руку и сердце". Я, разумвется, въ восторгъ, думаю: "ахъ, какъ я счастлива, онъ—мой!" Ну, женились, а черезъ мъсяцъ, ей Богу, я забыла, что это мнъ, собственно, въ немъпонравилось и какъ и почему это я вдругъ стала вмъсто Вареньки Трефиловой— тадате Кондратьевой. Ну, да, думаю; все равно замужъвыходить надо-же какъ нибудь.

Только скучно мнѣ стало ужасно. Мужъ утромъ на службѣ, послѣ обѣда спитъ, вечеромъ въ клубѣ.

А я прямо дурѣю отъ скуки.

"Пококетничать что-ли" — думаю, да кавалеры все какіе-то олухи; нътъ у меня къ нимъ, какъ-бы это ска-зать, ну, вкуса, что-ли, а такъ я не

могу, знаешь, безъ увлеченія!

Но вотъ какъ-то въ одномъ домѣ, представляютъ мнѣ недавно пріѣхавшаго въ нашъ городъ. — Секретарь судейскій; мѣсяца два какъ женился; влюбленъ въ жену безумно, а тутъ назначеніе получилъ, надобыло ѣхать одному устраиваться; пришлось съ женой разстаться. Ходитъ чертомъ, ни съ кѣмъ ни слова, волкомъ на всѣхъ смотритъ. Я и думаю: "а вѣдь это занимательно". И самъ, знаешь, молоденькій, черненькій такой, понравился мнѣ.

Я къ нему: "а, въдь, это должно, быть, ужасно, разстаться съ женой такъ скоро послъ свадьбы"!

Онъ сверкнулъ на меня глазами, промычалъ что-то и въ сторону.

Ну, думаю, ничего, конецъ вънчаетъ дъло. Говорю какъ-то емутакъ просто, словно мимоходомъ.

"Приходите завтра, чаю дамъ! Что такъ-то?! Скучно въдь!

Пришелъ, ничего, чай пилъ, только все больше отмалчивался.

Потомъ еще пришелъ; ужъ самъсталъ жаловаться на скуку, а я говорю: "мнъ тоже не весело". И стали мы по вечерамъ гулять вмъстъ. А тутъ ночи душныя, іюньскія, безлунныя; липы цвътутъ, прямо чертъзнаетъ, что такое. Надъваю я кисейную кофточку, онъ въ чечунчъ, идемъ по аллеъ, близко такъ, близко,

я вдругъ вздрогну да прижмусь къ

"Что вы"? — спрашиваетъ, и голосъ срывается, а я все вздрагиваю возлъ его плеча, "летучая мышь, кажется, пролетьла", — шепчу. Ну, мужъ только послъ двухъ изъ клуба возвращался, а ночи все душнъй становились; сидъли мы разъ въ бесъдкъ — была у насъ такая въ концъ сада. У меня была открытая шея, широкіе рукава; темень хоть глазъ выколи. "Да я васъ не вижу совсъмъ -- смъется мой Іосифъ прекрасный этакимъ коротенькимъ нервнымъ смъшкомъ и за руку хватаетъ... Ну, и ночь, и любовь, только луны не было!

Варвара Петровна тихонько засмъялась и сейчасъ-же заговорила снова.

— Это у нихъ называется "физіологія", — ничего не подълаешь. Цълый мъсяцъ жены не видълъ, а тутъ липы цвътутъ, и дамочка съ открытой шеей...

Леночкъ стало вдругъ душно; она порывисто скинула одъяло, съла на постели и, тяжело дыша, съ ужасомъ смотръла на бълую дверь мамочкиной спальни; и ей казалось, что за этой знакомой дверью совершается что-то страшное и отвратительное, послъ чего она уже никогда, никогда не будетъ прежней Леночкой.

Варвара Петровна вдругъ встала и заходила по комнатъ. Въ томъ мъстъ, гдъ не было ковра, ея французскіе каблучки задорно постукивали, и этотъ звукъ пугалъ Леночку и отдавался въ вискахъ.

Варвара Петровна остановилась и сказала.

— У меня знакомая одна была, такъ она говорила: "я"—говоритъ,— милочка, эти мимолетныя увлеченія и измѣной не считаю. Это все равно, если вашъ мужъ, которому вы обязаны по долгу супруги, ежедневно готовить супы и котлеты, пообѣдаетъ съ аппетитомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и вернется къ вамъ сытымъ... и только".

Варвара Петровна разсмъялась какъ-то странно, немного въ носъ. У Леночки пробъжала по спинъ тонкая струйка остраго холода, и она невольно повела узкими плечиками. А мамочка все молчала.

Варвара Петровна опять съла, и низкое креслице чуть-чуть скрипнуло подъ ея массивной фигурой.

— Ну, а ты какъ, какъ твоя замужняя жизнь сложилась? Въдь, я еще ничего не знаю!

Лена надвинула одъяло, и ей стало страшно и болъзненно мучительно хотълось слышать отвътъ мамочки.

- Моя... я давно жена... только по имени!...
  - Что такъ?
- Ты видъла его? Еще и теперь свъжій, здоровый мужчина, а я давно, послъ моего Пети, уже семь лътъ, инвалидъ, неспособный къ супружеской жизни.

Наталья Александровна остановилась. Очевидно, ей тяжело было говорить объ этомъ.

 Ну, ну!—нетерпъливо подгоняла Варвара Петровна.

Наталья Александровна тихо вздохнула и покорно продолжала усталымъ голосомъ.

— Я такъ любила его... и не только за брови его полюбила, а и за душу, которая казалась мнъ такой родной и близкой! Первые мъсяцы брачной жизни, первые дъти -- это было счастіе; потомъ вдругъ неожиданно... намъ въдь, всегда все, что случается съ нами, кажется неожиданнымъ, — эти тяжелые роды, моя болъзнь. Конечно, мнъ и въ голову не приходило, чтобы это могло что нибудь измънить въ нашей жизни. Онъ былъ всегда также ласковъ, внимателенъ! Въдь, я же знала, что будь я здорова, а боленъ онъ, — развъ бы это измънило чтонибудь въ нашихъ отношеніяхъ, --внесло-бы, пожалуй больше ласки, нъжности и заботливости! И вдругъ съ такими понятіями, съ такимъ убъжденіемъ, увидъть то, что я увидъла! — голосъ Натальи Александровны дрожалъ, и въ немъ слышался тотъ ужасъ, который пережила она въ то время, о которомъ разсказывала теперь...

— Была у насъ горничная Анюта, — продолжала Наталья Александровна, съ трудомъ подавляя волненіе, — молодая, здоровая съ кръпкимъ упругимъ тъломъ, румяными щеками... Ну, я ихъ застала... въ ея комнатъ... Онъ плакалъ и говорилъ, что душа его, любовь и уваженіе. все остается мнъ, но я больна, а онъ здоровъ и силенъ...

Онъ многое говорилъ, а мнъ было такъ страшно, и стыдно, точно не онъ, а я совершила какую-то непоправимую гадость. Все во мнъ было такъ грубо, такъ неожиданно смято, брошено въ грязь...

Физіологія, матушка моя, ничего не подълаешь! — улыбнулась

Варвара Петровна.

- Я простила, и мы словно сговорились молчать объ этомъ. По наружному наша жизнь все та-же, но ужъ порвано что-то, чего не свяжешь, нътъ и не можетъ быть прежней теплоты, свътлой довърчивости, и теперь эта сторона его жизни мнъ совсъмъ не извъстна.
- Нътъ-ли семьи на сторонъ? дъловито спросила Варвара Петровна и добавила. Это вотъ не-удобно!
- Не знаю, не знаю! отвътила Наталья Александровна своимъ тихимъ усталымъ голосомъ.

Леночка такъ прижалась къ подушкѣ, точно хотѣла уйти въ нее. У нея была одна мысль, одно желаніе поглощало ее, чтобы ничѣмъ не выдать своего бодрствованія; никто, никто не долженъ былъ знать, что она слышала, что она узнала.

Она все глубже уходила въ подушку, но зубы ея начинали стучать, и, мало по малу, всю охватывала холодная, непріятная дрожь, и ей казалось что-то страшное, отвратительное и ужасное, что на всегда убило прежнюю Леночку.

Тихонько, боясь дышать, она

смотръла вокругъ испуганными глазами, какъ-бы желая найти успокоеніе въ созерцаніи знакомыхъ, милыхъ предметовъ, но и они не успокаивали, и они словно въ ожиданіи страшнаго горя какъ-то жутко прятались.

Рой ощущеній, мыслей незнакомыхъ, мучительныхъ, гнетущихъ обступалъ Леночку со всѣхъ сторонъ; принималъ видъ какихъ-то мрачныхъ фигуръ съ зловѣщими глазами, съ цѣпкими, отвратительными, тянувшимися къ ней руками. Ничего опредѣленнаго не было въ этихъ мысляхъ и ощущеніяхъ, но оттого еще страшнѣе былъ ростущій ужасъ неотвратимаго, надвигающагося несчастья!

Леночка поднялась и, стуча зубами, вся дрожа, вскрикнула громкимъ истерическимъ голосомъ: "мамочка"!

Изъ-за двери виднълся слабый свътъ ночника, и было тихо.

Но ужасъ Леночки, послъ того, какъ въ тихихъ стънахъ ея дъвичьей комнатки прозвучалъ ея голосъ, котораго она сама не узнала, возросъ до того, что она уже не могла оставаться одна.

Леночка вскочила съ кровати и, прерывисто дыша и дрожа мелкой дрожью, бросилась къ бълой двери, за которой свершилось ея несчастье.

Она толкнула дверь и крикнула опять, испугавшись своего голоса.

— Мамочка!

Мгновеніе все было тихо. Потомъ вдругъ съ подушки быстро поднялась голова Натальи Александровны и сонными непонимающими глазами посмотръла на бълую фигуру въ дверяхъ.

Еще мгновеніе,—и Наталья Александровна была возлѣ Леночки, испуганными растерянными глазами смотрѣла въ ея блѣдное лицо, въ широко-раскрытые глаза.

Проснулась Варвара Петровна, и вдвоемъ, почти на рукахъ, онъ унесли и уложили Леночку въ ея постель.

-- Digitized by Google

Леночка все дрожала, стучала зубами, безпомощно хваталась за руки и плечи мамочки, и испуганными, широкими глазами заглядывала въ ея глаза.

Наталья Александровна безпомощно топталась и не знала, что дълать.

Варвара Петровна, толстая съ жирнымъ животомъ, который теперь, безъ корсета и обтянутый узкой нижней юбкой, казался огромнымъ; въ чепцъ на жиденькой, причесанной на ночь косичкъ, смънившей ея искусную дивную прическу, зажигала лампу, наливала воды въ стаканъ и говорила успокоительнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, это бываетъ съ невъстами! Завтра будетъ совсъмъ здорова! — и протягивала Леночкъ стаканъ съ водой.

А Леночку при видѣ этой полной полуобнаженной руки, охватилъ такой ужасъ, что она вдругъ вся затрепетала, выбивая изъ руки Варвары Петровны стаканъ. Вода расплескалась по подушкѣ и одѣялу; стаканъ скатился на коврикъ и, подкатившись къ ножкѣ письменнаго столика, тихонько зазвенѣвъ, остановился тамъ.

- Господи, да что-же это такое! шептала Наталья Александровна, блъднъя и быстро, быстро крестясь маленькими, торопливыми крестиками.
- Ужъ не разбудить ли Григорія Ивановича?
- Не надо, не надо!—вскрикнула Леночка въ порывъ новаго ужаса, и вся забилась и припала къ матери.

Наталья Александровна чувствовала, какъ у нея дрожатъ и слабъютъ ноги и холодъетъ въ лъвомъ боку.

Она безсильно опустилась на край кровати, не выпуская изъ объятій холоднаго, дрожащаго тъла дочери.

Рубашка сползла съ худенъкаго бълаго плечика Леночки; пряди мягкихъ волосъ выбивались изъ косы, большіе, темные глаза съ тоской смотръли въ глаза матери, ища у ней защиты и спасенья.

— Дъвочка моя, ангелъ ты мой, что-же это съ тобой?! Господи Милостивый, спаси насъ и помилуй! — шептала Наталья Александровна, прижимая къ себъ вздрагивающую въ ея объятіяхъ Леночку.

И вдругъ въ мучительный хаосъ чувствъ Леночки ворвалась острая рвущая сердце жалость... къ мамочкъ-ли, къ себъ-ли, Леночка не знала, быть можетъ къ цълому сонму такихъ мамочекъ и Леночекъ.

Она быстро подняла голову, взглянула въ испуганные, растерянные глаза Натальи Александровны, порывисто охватила худенькую шею матери и словно замерла на ея груди.

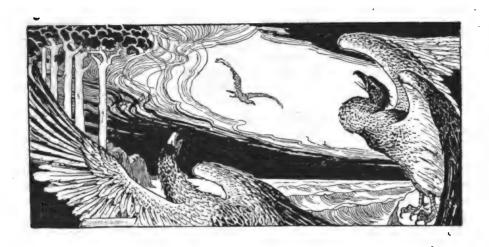
— Мамочка, мамочка зачъмъ?..

Леночка быстро, тяжело дышала, и вдругъ крупныя слезы одна за другой безостановочно побъжали изъ тоскующихъ глазъ по блъднымъ щекамъ. Слезы падали на худенъкую дъвичью грудь, на тонкое кружево рубашки; онъ лились безостановочно, неудержимо.

Наталья Александровна, блъдная, испуганная, шептала молитву, крестила и гладила дрожащей рукой темноволосую головку Леночки, смачивала ей лобъ и виски туалетнымъ уксусомъ; а Варвара Петровна, которой хотълось спать и было холодно въ засвъжевшей за ночь комнатъ, сдержанно зъвала и говорила соннымъ, успокоительнымъ голосомъ: "ничего, ничего, пройдетъ, это бываетъ съ невъстами"...

М. Джіанелли.

На полъ брани.

Историческая повъсть изъ временъ Яна Собъсскаго.

Г. Секкевича.

(Продолженіе).

— Я скажу милостивой паннъто, что я уже ръшилъ въ душь: опекунъ милостивой панны, какъ гостепріимный сосъдъ, объявилъ мнъ, что не отпуститъ меня домой, пока сынъ не поправится, но и моего Стаха, и можно хоть завтра Букоемскихъ домой увезти. Передъ отъъздомъ же я намъренъ побывать и у пана Тачевскаго и у ксендза Воиновскаго, и это не въ силу какой бы то ни было доброты съ моей стороны, а потому, что прекрасно понимаю, что они въ правъ ожидать этого отъ меня. Я не говорю, что я злой, но если тутъ есть кто нибудь дъйствительно добрый, то ужъ никакъ не я, а милостивая панна. И не вздумай прекословить мнъ!

Но она принялась оспаривать это, такъ какъ чувствовала, что тутъ дъло не въ одной справедливости, а еще замъшано кое-что другое, о чемъ не могъ знать непосвященный въ ея дъвичьи мечты Ципріановичъ.

Сердце ея, однако, наполнилось чувствомъ благодарности къ нему и, желая ему спокойной ночи, она поцъловала ему руку и тъмъ очень разсердила пана Понговскаго.

— Вѣдь, это же только третье покольніе шляхетское, а передътъмъ были только купцами!—сказалъ онъ ей.—Помни всегда, ктоты сама.

Два дня спустя Яцекъ съ двадчервонцами въ карманъ уъхалъ въ Радомъ, чтобы пріодъться. поприличнъе передъ дальней дорогой, а ксендзъ Воиновскій остался одинъ въ своемъ церковномъ домикъ и все размышлялъ, откуда бы добыть денегъ на всю прочую экипировку: на повозку, коней, свиту и челядниковъ. Все это долженъ былъ имъть дружинникъ, записывающійся въ какую нибудь хоругвь, если онъ любилъ почетъ и уважение и если не хотълъ, чтобы его сочли за бобыля безъ роду и племени. Въ особенности же необходимъ былъ такой

Digitized by Google

вывздъ именно Тачевскому, носившему знатное и славное имя, которое уже начинали забывать въ Ръчи Посполитой.

И вотъ въ одинъ прекрасный день ксендзъ Воиновскій сълъ къ столу, нахмурилъ брови, наморщилъ лобъ и принялся считать и высчитывать, сколько на все и про все понадобится денегъ.

"Animalia", т. е. собака Филюсь, ручная лисичка и барсукъ, кувыр-кались и выкидывали всевозможныя штуки, играя у его ногъ, но онъ не обращалъ на нихъ ни малъйшаго вниманія, до такой степени былъ занятъ и взволнованъ; въдь вст его разсчеты ни къ чему не приводили— не хватало не только на второстепенныя мелочи, — но и на самое главное. И старый ксендзъ все чаще и сильнъе потиралъ лобъ и въ заключеніе громко заговорилъ самъ съ собой:

— Взялъсъсобой десять—хорошо. Навърно, ничего не останется. Будемъ считать дальше: отъ пивовара Кондрата въ долгъ возьму пять и отъ Слоники-три, будетъ восемь. Отъ Дуды получимъ прусскихъ талеровъ шесть и лошаденку въ долгъ. Уплатится затъмъ ячменемъ, если будетъ урожай. Все вмъстъ составитъ восемь червонцевъ и шесть талеровъ, да двадцать моихъ червонцевъ. Мало! Отдай я ему даже моего мерина подъ челядника, то, считая съ той лошаденкой, составитъ всего два коня. А къ повозкъ надо еще двухъ, да для Яцека подъ съдло по крайней мъръ еще двухъ. Да, меньше нельзя. Если одинъ падетъ, то нужно имъть другого на смъну. А ливреи для челяди, а запасы въ повозку, а котлы, а ковры, а чехлы, а погребецъ?! Тьфу! Нътъ, съ такими деньгами только въ драгуны посту-

Затъмъ онъ обратился къ животнымъ, которыя страшно расшумълись и развозились.

— Тише вы тамъ, измънники, а то шкуры ваши жидамъ продамъ!

И опять сталъ дальше громко разсуждать и разсчитывать! "Яцекъ правъ: Выромбки слъдуетъ продать. Только въдь вотъ бъда-когда потомъ спросятъ: "Откуда ты?" Что отвъчатъ?—Изъ Вътрова. "Изъ какого такого Вътрова? — Да, вотъ съ того самаго, что по полю гуляетъ. И всв то его тогда будутъ ни во что ставить. Лучше бы заложить, если бы нащелся охотникъ. Понговскому было бы сподручные всего. Но выдь Яцекъ объ этомъ и слышать не захочетъ, да и я самъ не заведу съ нимъ такихъ переговоровъ... Боже мой! Вотъ ужъ совсъмъ не върно говорять люди: бъденъ, какъ мышь костельная. Нътъ, человъкъ куда бъднъе бываетъ. Костельная мышь послъ святаго Щепана *) роскошно живетъ, да и воску у ней каждый день бываетъ вдосталь. Пане Іисусе, Ты, Который умножилъ хлъбы и рыбу-умножь же и этотъ десятокъ червонцевъ и эти нъсколько талеровъ, потому что у Тебя, милосердый Панъ, отъ этого не убудетъ, а послъднему изъ рода Тачевскихъ поможешь этимъ".

Тутъ ему пришло въ голову, что прусскіе талеры, какъ происходящіе изъ страны Лютера, могутъ возбудить на небъ только негодованіе. Что же касается до червонцевъ, то онъ колебался, не положить ли ихъ на ночь къ ногамъ Христа-и какъ знать—не найдетъли онъ ихъ завтра умноженными? Но онъ не чувствовалъ себя достойнымъ подобнаго чуда и даже ударилъ себя нъсколько разъ въ грудь въ знакъ сокрушенія и покаянія за такую дерзкую мысль. Ему, впрочемъ, не пришлось продолжать своихъ разсчетовъ, такъ какъ въ это время кто то подъъхалъ къ церковному дому.

Спустя минуту дверь отворили, и въ комнату вошелъ высокій съдой мужчина съ черными умными гла-

^{*)} Въ день св. Щепана прихожане закидывали ксендза, стоящаго у алтаря, всевозможными зернами въ память избіенія камнями этого святого.

зами, въ которыхъ выражалось много доброты. Вошедшій, стоя у порога, поклонился и сказалъ:

— Я—Ципріановичъ изъ Едлинки.

- А какже, какже, видълъ вашу милость на богомольть въ Пшитыку. Правда только издали, потому что сътвядъ былъ огромный! — воскликнулъ ксендзъ, быстро подходя къгостю. — Привътствую сърадостью вашу милость въ моемъ убогомъ жилишть.
- А я съ радостью вхожу сюда!—
  отвътилъ Ципріановичъ.—Пріятный и почетный долгъ поклониться такому знаменитому рыцарю и такому святому священнику.

Съ этимъ словами Ципріановичъ поцѣловалъ стараго ксендза въ плечо а затѣмъ и руку, хотя тотъ старался воспротивиться этому, говоря:

— Ахъ, что тамъ за святосты! Можетъ быть, вотъ у этихъ животныхъ больше заслугъ передъ Бо-

гомъ, чъмъ у меня!

Но Ципріановичъ говорилъ съ такой искренностью и простотой, что сразу покорилъ этимъ сердце ксендза Воиновскаго, и они принялись говорить другъ другу дружескія слова,

идущія прямо отъ сердца.
— Узналъ я и сына ва

- Узналъ я и сына вашей милости, сказалъ ксендзъ, достойный онъ кавалеръ, съ прекрасными манерами и обхожденіемъ. Тѣ, Букоемскіе, въ сравненіи съ нимъ точно его дворовые. И скажу я вашей милости, что Яцекъ Тачевскій такъ сразу полюбилъ его, что все только восхваляетъ его на разные лады.
- И мой Стахъ, то же самое. Бываетъ въдь часто, что люди сначала подерутся, а затъмъ полюбятъ другъ друга. Никто изъ нихъ не только не питаетъ ни малъйшей обиды или непріятнаго чувства къпану Тачевскому, но всъ мы желали бы съ нимъ подружиться. Былъ я у него въ Выромбкахъ, а теперь сюда пріъхалъ, полагая, что застану его здъсь, и хотълъ просить пріъхать въ Едлинку васъ, панъ ксендзъ добродъю, и его!

- Яцекъ теперь находится въ-Радомъ, но скоро вернется и навърно охотно приметъ ваше приглашеніе. Ну, вотъ и подите же, ваша милость, какъ съ нимъ тамъ въ-Бычонкъ обошлись.
- Сами ужъ они тамъ спохватились!—отвътилъ панъ Ципріановичъ и жалъютъ объ этомъ—не панъ Понговскій, а женщины.
- Панъ Понговскій человъкъ заносчивый, какъ ръдко другогонайдешь, и придется ему когда нибудь за это отвътить передъ Богомъ.
  Ну, а что касается до женщинъ, —
  такъ Богъ съ ними. Чего тутъ скрывать въдь, и весь поединокъ изъза одной изъ нихъ произошелъ!

 Я самъ объ этомъ догадался, еще раньше, чъмъ сынъ подтвердилъ. Но она совсъмъ невинна въ этомъ!

— Вст онт невинныя... А знаетъ ли ваша милость, что говорится въ

Экклезіасть о женщинахъ?

Панъ Ципріановичъ не зналъ поэтому ксендзъ Воиновскій снялъ съ полки древне-латинскій переводъ Библіи и прочелъ выдержку изъ Экклезіаста, а затъмъ сказалъ:

— Ну, что?

 Бываютъ и такія! — отвътилъ панъ Ципріановичъ,

— Яцекъ главнымъ образомъ по этой то причинъ и отправляется въ свътъ, и я его не отговаривалъ, напротивъ.

Какътакъ? Сейчасъуъзжаетъ?
 Да, въдь, война только лътомъ нач-

нется!

— Ваша милость знаетъ это навърно?

Знаю! Я выспрашиваю у всъхъ,
 а дълаю я это, такъ какъ знаю,

что не удержу сына!

— На то онъ и шляхтичъ. Яцекъ сейчасъ же отправляется, потому что, по правдъ говоря, ему тутъ очень горестно оставаться.

Понимаю, все понимаю, поспъшность въ такихъ случаяхъ иногда бываетъ самымъ лучшимъ лекарствомъ.

— Да онъ только и останется

здъсь столько времени, сколько понадобится, чтобы продать или заложить Выромбки. Небольшое это имъньишко, а все же совътую Яцку, чтобы онъ лучше заложилъ, чъмъ продалъ. Хотя бы онъ никогда и не вернулся сюда, все же лучше, если будетъ имъть право писаться: Тачевскій изъ Выромбковъ. Это болъе прилично для человъка его рода и имени.

— Развѣ онъ долженъ непремѣнно продать или заложить?

— Непремънно долженъ: онъ человъкъ совсъмъ бъдный. Ваша милость знаетъ, что стоитъ военная экипировка, а ему нельзя служить въ первомъ попавшемся драгунскомъ полку.

Панъ Ципріановичъ подумалъ съ

минуту, затъмъ произнесъ:

А знаете, добродъю, я дамъ

денегъ подъ Выромбки.

Ксендзъ Воиновскій покраснълъ, точно молодая дъвушка, неожиданно услыхавъ отъ юноши признаніе, которое давно жаждала услышать. Но румянецъ такъ же быстро исчезъ на лицѣ его, какъ лѣтняя зарница быстро проносится по вечернему небу, а затъмъ онъ строго посмотрълъ на Ципріановича и спросилъ:

— А на что это нужно вашей милости?

Но тотъ отвътилъ съ полной искренностью благородной души.

— На что это миъ? А просто хочу достойному юношъ оказать безъ всякой потери для себя услугу, за которую еще отдъльно заслужу отъ него благодарность. Не бойтесь, отецъ добродзъю, у меня при этомъ есть еще и свой разсчетъ: я тоже отправлю своего единственнаго сына въ ту самую хоругвь, въ которой будетъ служить панъ Тачевскій, и чувствую заранъе, что мой Стахъ найдетъ въ немъ достойнаго товарища и друга. Вы знаете, что значитъ хорошее товарищество и что значитъ имъть подлъ себя върнаго друга въ лагеръ, гдъ такъ легко завязываются ссоры и несогласія, да

и на войнъ, гдъ еще легче быть убитымъ. Богъ меня не обидълъ богатствомъ, а сына далъ только одного. Панъ Тачевскій—мужественный, не гуляка, мастеръ рубиться на сабляхъ и добродътельный, потому что вы его воспитывали. Пусть же онъ будетъ со Стахомъ, какъ Орестъ и Пиладъ. Вотъ мой разсчетъ.

Ксендзъ Воиновскій раскрылъ ему

свои объятія.

- Богъ да заплатитъ вашей милости! За Яцека я ручаюсь, какъ за самого себя. Золотой это мальчикъ, и сердце у него такое благодарное, какъ хорошо удобренная земля. Самъ Богъ послалъ вашу милость. Теперь можетъ мой мальчуганъ показаться въ свътъ такъ достойно, какъ это пристало знатному роду Тачевскихъ и, что главнъе всего, можетъ быть, повидавъ обширный свътъ, онъ позабудетъ объ этой дъвушкъ, ради которой потерялъстолько лътъ и вынесъ столько мукъ.
- Развъ ужъ онъ такъ давно ее любитъ?
- По правдъ сказать, съ самаго ранняго дътства. Да вотъ и теперьничего не говоритъ, только зубы стискиваетъ, да извивается какъугорь на сковородъ... Ахъ, ужъ пустълучше скоръе уъзжаетъ, все равно, изъ этого ничего не могло-бы выйти.

Наступила молчаливая пауза.

- Надо однако же точные поговорить объ этихъ дълахъ,—заговорилъ опять ксендзъ. Сколько можетъ ваша милость дать подъ Выромбки? Въдь это убогій клочокъ.
  - А хотя бы сто дукатовъ!
- Побойтесь Бога, милость ваша! Почему же? Если панъ Тачевскій заплатитъ мнѣ когда нибудь, то не все-ли равно, сколько я дамъ? Ели-же не уплатитъ, то я все равно не прогадаю, такъ какъ тутъ въ округъ всъ земли плохи, а у него тамъ есть новина, гдъ выкорчеванъ лъсъ—и это хорошій клочокъ. Я сегодня же забираю Стаха и Букоемскихъ и возвращаюсь въ Едлинку, а вашихъ милостей прошу пожало-

вать, какъ только панъ Тачевскій вернется изъ Радома—деньги будутъ готовы.

— Должно быть, прямо съ неба свалилась ваша милость со своимъ богатствомъ и золотымъ сердцемъ— отвътилъ ксендзъ Воиновскій.

Онъ приказалъ принести меду, самъ наполнилъ кубки, и они принялись пить охотно, какъ пьютъ люди, у которыхъ радостно на сердъ. Послъ третьяго кубка лицо ксендза приняло серьезное выраженіе, и онъ сказалъ:

- Пусть же я хоть добрымъ совътомъ отплачу за помощь, за доброе слово, за привътливость вашей милости.
  - Слушаю.
- Пусть ваша милость не поселяетъ сына въ Выромбкахъ — дъвушка красива и увертлива на удивленье. Она можетъ быть при этомъ сама по себъ и очень достойная, не спорю, но она — Сьенинская и хотя сама и не гордится бенно этимъ, но за нее чванится панъ Понговскій, и еслибъ за ней посватался даже не знаю кто, ну, хотя бы даже самъ нашъ королевичъ, то и этотъ, пожалуй, не показался бы старику достаточно знатнымъ. Пусть ваша милость побережетъ сына и не допуститъ, чтобы онъ поцарапалъ свое молодое сердце объ это чванство и кичливость, а быть можетъ и смертельно поранилъ, какъ мой Яцекъ. Говорю это вашей милости по искренней преданной дружбъ, желая отплатить добромъ за добро.

Панъ Ципріановичъ въ раздумьи

потеръ лобъ и отвътилъ:

— Упали они къ намъ въ Едлинку, точно съ облаковъ изъ за этого дорожнаго приключенія. Я когда-то былъ въ домъ пана Понговскаго, желая познакомиться съ нимъ, какъ съ сосъдомъ, но онъ не отвътилъ мнъ тъмъ же, и, понявъ изъ этого

всю его чванность и кичливость. Я не сталъ больше искать ни его знакомства, ни его дружбы. Теперь же это какъ то само собой вышло. Сына, однако, не поселю въ ромбкахъ, да и не допущу обивать пороги въ Белчончкъ. Не такая мы старая шляхта, какъ Сьенинскіе, даже, быть можетъ, не такая, какъ Понговскіе, но все же шляхта, которая вышла съ поля брани, съ войны, т. е. "того, что больше всего причиняетъ страданія", какъ говаривалъ панъ Чарницкій. Достоинство наше мы сумъемъ сохранить, и мой сынъ не менъе меня самого чутокъ къ этому. Отъ стрълъ купидона трудно уберечься молодому, но повторю вамъ, добродзъю, то, что мнъ сказалъ Стахъ, когда я его теперь въ Белчончкъ разспрашивалъ о дъвушкъ: "Предпочитаю, — сказалъ онъ, яблоко не сорвать, чъмъ слишкомъ высоко подскакивать, потому что если не допрыгну, то будетъ срамъ".

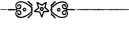
— Ого, хорошая у него голова, мудрыя слова!—воскликнулъ ксендзъ.

 Такой ужъ онъ былъ съ дътства, - отвътилъ съ извъстной гордостью Ципріановичъ. — При томъже сынъ еще сказалъ, что теперь, когда онъ узналъ, чъмъ была эта дъвушка для Тачевскаго, и что тотъ ради нея перенесъ, онъ не хотълъ-бы ни за что на свътъ стать поперекъ дороги такому достойному кавалеру. Нътъ, милость ваша добродзъю, не затъмъ беру я въ закладъ Выромбки, чтобы сыну моему было близко до Белчончки. Нътъ, пусть Господь Богъ хранитъ моего мальчика и обережетъ отъ всякаго зла.

И Ципріановичъ весело разсмъялся, допилъ свой кубокъ, попрощался и уъхалъ. А ксендзъ Воиновскій отправился въ костелъ благодарить Бога за неожиданную помощь и затъмъ еще съ большимъ нетерпъніемъ сталъ ожидать Тачевскаго.

(До слъд. №-ра).

Лер. Е. Кившенко.

Болеславъ Храбрый.

Историческая повъсть Людвига Стасяка.

(Продолжение).

XII.

Днемъ и ночью идутъ польскія войска подъ начальствомъ Вдалаго Вальгира, направляясь изъ Познани въ Чехію.

Съ трудомъ пробираясь черезъ дремучіе лѣса и поля, занесенныя снѣгомъ, добралось, наконецъ, войско до русла Одры, и по льду рѣки двинулось дальше, прошло мимо Вроцлава, и, достигнувъ чешской границы, дальше опять пошло черезъ лѣса и поля.

Польскія войска шли на зовъ чешскаго народа, который просиль защиты у Болеслава Храбраго отъ лютости своего повелителя, Болеслава Рыжаго. Ръшено было хитростью захватить его въ свои руки, заключить на всю жизнь въ темницу и тъмъ самымъ лишить его возможности совершать новыя преступленія.

Въ одномъ изъ пограничныхъ чешскихъ городовъ остановились войска, и къ чешскому князю отправились послы съ приглашеніемъ пожаловать на пиръ, задаваемый въ его честь. Не подозръвая засады, Болеславъ Рыжій немедленно прибылъ въ за-

мокъ, — и начался веселый пиръ до поздней ночи.

Позднею ночью, когда пирующіе едва стояли на ногахъ, вдругъ растворились двери, и оттуда высыпали воины; толпой бросились они къ Болеславу Рыжему, и не успълъ онъ схватиться за мечъ, какъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

Въ это время въ замокъ ворвалась толпа черни и, не смотря на сопротивление польскихъ воиновъ, накинулась на бывшаго своего князя. Долго издъвалась она надъ бывшимъ властелиномъ, затъмъ въ ярости вырвала у него глаза...

Епископъ марсебургскій Титмаръ былъ другомъ и совътникомъ императора Генриха, въ особенности во всемъ, что касалось Польши, такъ какъ Титмаръ зналъ польскій языкъ. Хоть и боленъ Генрихъ, но все таки приказалъ позвать къ себъ епископа въ виду важности послъднихъ извъстій о взятіи Болеславомъ Храбрымъ Праги, и объ отправленіи польскимъ королемъ посольства къ папъ съ просьбой о коронъ. Сильно раздражало Генриха, какъ это Болеславъ осмълился совершить все

Digitized by Google

это, не испрашивая на то разръшенія германскаго императора.

Вскоръ къ императору явился еще Бернардъ Саксонскій, подтвердившій, что Болеславъ послалъ папъ, деньги и письма чрезъ учениковъ Ромуальда, скрывшихся пока въ такъ наз. Казиміровой рощъ.

Ръшено было силой отнять то и другое у монаховъ, хотя бы всъхъ перебивъ ихъ. Дъйствительно, рыцари напали на пустынниковъ и частью перебили, частью измучили пытками, допытываясь писемъ и денегъ. Однако, монахи не выдали тайны. Такъ нъмцы и ушли, не получивъ ничего.

Тъмъ временемъ черезъту же Казимірову пущу, по берегу потока, быстро шелъ вооруженный рыцарь, направляясь къ пещеръ. Войдя въчащу ольхъ, растущихъ у самого жилища пустынниковъ, онъ готовъбылъ пройти на площадку передъпещерой, какъ вдругъ остановился, прислушиваясь, наконецъ, взглянувъчерезъ вътви, увидълъ ужасное зрълище...

- О, Боже!..
- Стоигнъвъ!...—послышался около него какой то тихій голосъ. Путникъ обернулся и невдалекъ увидълъ одного изъ пустынниковъ Варнавву.
- Въ чемъ дѣло?—спросилъ Стоигнѣвъ.
  - Разбойники… нъмцы!..
  - Отняли письма?
  - -- Нѣтъ!
  - Ну, такъ бъги скоръй!
  - Не могу! Я связанъ!

Стоигнъвъ подошелъ къ монаху и переръзалъ связывающія его веревки. Вставъ на ноги, Варнавва сталъ осторожно пробираться къ пещеръ.

Тъмъ временемъ, рыцарь не долго думая выбъжалъ изъ чащи и съ обнаженнымъ мечемъ бросился на разбойниковъ. Не успъли тъ опомниться, какъ нъсколько изъ нихъ уже лежали на землъ съ раскроенными черепами...

Стоигнъвъ-же, видя, что со всъми

ему никакъ не справиться, бросился затъмъ въ пещеру, кромъ того, надо было какъ можно дольше задержать нападающихъ, чтобы дать возможность Варнаввъ уйти съ письмомъкакъ можно дальше. Нъмцы же, придя въ себя, схватились за оружіе и устремились къ пещеръ, но вслъдствіе узкаго входа иначе какъ поодному пробраться внутрь было невозможно.

Долго продолжалась эта неравная борьба одного человъка противъцълой толпы, пока, наконецъ, камень, удачно пущенный изъ пращи однимъ изъ нъмцевъ, не попалъ вълобъ Стоигнъву. Зашатался воинъ, оружіе выпало изъ рукъ... Пользуясь этимъ, подбъжали солдаты и ударами меча добили рыцаря...

Поздно спохватились нѣмцы, что Варнавва успѣлъ скрыться вмѣстѣ съ письмами и сокровищами. Бросились въ лѣсъ... Но всѣ поиски были тщетны. Варнавва пропалъ безслѣдно, такъ что пришлось послать извѣстіе императору, что монахъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ и теперь спѣшитъ въ Римъ.

Тогда Генрихъ приказалъ всюду на границѣ разставить стражу, а въ Альпахъ расположить цѣлый рядъ постовъ, чтобы перехватить Варнавву по дорогѣ въ Италію, — и бѣдный монахъ все-таки не миновалъ засады. Письма и деньги у него отняли, а самого препроводили къ императору, который велѣлъ его отправить въ заточеніе.

Мудро сдѣлалъ Генрихъ, что "терпѣливо снесъ вѣсть о покореніи Праги, приписавъ всѣ неудачи, которыя происходили въ его государствѣ, своимъ грѣхамъ. Онъ рѣшилъ, что самое разумное будетъотправить къ Болеславу посольство съ предложеніемъ принять Чешскую землю, какъ милость императора, и быть его вѣрнымъ слугой. Въ случаѣ несогласія Болеслава исполнить требованія Генриха, императоръ съ

оружіемъ въ рукахъ будетъ противиться захватамъ Болеслава" *).

 Идите и убъдите его оставить свой смълый замыселъ и подчиниться мнъ! — обратился Генрихъ къ посламъ, отправляя ихъ въ Прагу.

 — А что, владыко, если Болеславъ знаетъ объ избіеніи ксендзовъ

въ казиміровой пущъ?..

— Будьте спокойны, всъ монахи спятъ непробуднымъ сномъ, а самъ посолъ въ темницъ, некому доносить Болеславу о происшедшемъ...

Однако, печальная въсть опередила посольство. Уныніе и скорбь охватили Болеслава, гнъвъ обуялъ рыцарство. Гнъвно встрътилъ Болеславъ нъмецкихъ пословъ и ръшилъ отвътить войной за оскорбленіе.

XIII.

Война давно уже носилась въ воздухъ, подобно грозовой тучъ на небъ въ жаркій, лътній день. Война, какъ пожаръ, сразу вспыхнула въ нъсколькихъ мъстахъ. Болеславъ, какъ мудрый стратегъ, заранъе обдумалъ планъ войны, и еще до начала открытія военныхъ дъйствій, его сокровища разсыпались по Германіи; не было въ государствъ человъка, который не былъ бы подкупленъ польскими сокровищами. Подкуплены были всъ приближенные императора, имъвшіе значеніе.

Какъ будто по приказу изъ Праги, половина имперіи возстала противъ императора. Возсталъ маркграфъ Гецилъ, върный союзникъ короля, за нимъ маркграфъ австрійскій Эрнестъ, братъ императора Бруно; вездъ Болеславовы деньги съяли раздоръ и войну. Императоръ со своими родичами воевалъ на югъ, а въ Австріи и Баваріи разгорался бунтъ, гибли города и люди; на съверъ же по руслу Лабы спъшилъ Болеславъ въ императорскія владънія. Перебрался онъ черезъ горы чеш-

скія, потомъ черезъ плодоносную землю лужичанъ.

Всю ночь переправлялось войско Болеслава черезъ Лабу. По наступленіи утра король раздѣлилъ его на четыре части и разослалъ въ четыре разныя стороны, наказавъ вечеромъ собраться подъ Цириномъ.

Между тымъ и Генрихъ не дремалъ; прежде чымъ ударить на Болеслава, онъ рышилъ подавить въ страны возстание и съ огромнымъ войскомъ двинулся на бунтовщиковъ. Въ началы августа онъ вступилъ въ землю Гецила и такъ ее опустошилъ, что не осталось даже и кровли, подъ которую могъ бы укрыться маркграфъ. Цесаревичъ и Гецилъ успыли быжать къ Болеславу. Эрнестъ австрийский не могъ укрыться и былъ преданъ военному суду за союзъ съ "безумнымъ наглецомъ". Судъ приговорилъ къ смерти.

— Умрешь!! — крикнули судьи.

— Или заплатишь!! — прибавилъ Генрихъ, питавшій сильную слабость къ деньгамъ, несмотря на свою богобоязненность.

Благодаря вмъшательству архіепископа Вилигица Эрнестъ остался живъ, вручивъ хромому государю большую часть своихъ "преходящихъ благъ".

Пораженіе союзниковъ и первая неудача взволновали Болеслава, вспыхнула жажда возмездія, — и король съ огромнымъ войскомъ пошелъ въ глубь Баваріи, уничтожая подорогъ все встръчное и забирая людей въ плънъ.

Скоро баварскіе города зачернъли своими обгоръльми развалинами; люди были уведены въ плънъ, къ счастливому побъдителю присоединялось все больше славянскихъ племенъ. Пожаръ грозилъ охватить всю германскую имперію. Нъмцы дрожали за свою жизнь и свою будущность, такъ какъ соединеніе славянъ грозило полною гибелью ихъ господству.

Нѣмцы поняли, что единственное средство остановить несшуюся къ

^{*)} Титмаръ, V 19.

нимъ грозу—приняться за старое и посъять между славянами раздоръ.

Легче всего удалось императору привести свой планъ въ исполненіе у лютиковъ и вильковъ. Издавна здъсь, благодаря наплыву нъмцевъ, исчезли патріархальные, старинные права и обычаи, ихъ смѣнили новые порядки; равные нѣкогда передъ Богомъ и закономъ, поселяне считались теперь подъ ярмомъ у высшаго сословія. Послѣднее-то и удалось нъмцамъ привлечь на свою сторону, угрозою, что иначе чернь, боготворившая Болеслава, одержитъ верхъ и лишитъ ихъ привиллегій, дарованныхъ имъ нъмцами; своекорыстная знать и продала свободу и честь родного племени, не смотря на уговоры Бориса и Незамысла.

Возмутилъ Генрихъ и чеховъ, изъ тъхъ, кому нравились своеволіе и безобразія; посылалъ даже въ Кіевъ, къ князю Владиміру, чтобы и того поднять противъ Болеслава, но мудрый князь твердо отвътилъ:

— Въ миръ я живу съ Болеславомъ, а теперь и породнюсь съ нимъ. Сынъ мой Святополкъ на дочери Болеслава женится... И ты, нъмецъ, не искушай меня напрасно!

Такъ и ушли нъмцы ни съ чъмъ.

Часть II.

I.

Въ огромномъ вислицкомъ замкъ все какъ-бы вымерло. Пусто въ темныхъ, сырыхъ залахъ. Всякій, кто только былъ молодъ и здоровъ, ушелъ на войну. Опустъли горницы, въ которыхъ еще такъ недавно задавались шумные пиры, опустъли и помъщенія для слугъ, гдъ прежде находились цълыя толпы прислужниковъ и воиновъ.

Но, видно, не всѣ жители покинули замокъ. Въ одномъ изъ коридоровъ вдругъ послышался скрипъ отворявшейся желѣзной двери, и изъ комнаты вышелъ какой-то старикъ, неся въ одной рукѣ небольшой хлѣбецъ, а въ другой мѣдный ковшъ.

Выйдя изъ замка на дворъ, онъ направился къ колодцу, зачерпнувътамъ съ помощью ведра воды, наполнилъ ею ковшъ, затъмъ снова пошелъ къ замку.

Подойдя къ двери, ведущей въ подземелья, онъ затъмъ спустился по лъстницъ въ нижнюю залу замка и, приподнялъ одну изъ желъзныхъ плитъ, лежащую посерединъ комнаты, всталъ на колъни около открывшагося отверстія, нагнулъ голову книзу и сталъ всматриваться внутрь подземелья...

— Гей! откликнись!! — крикнулъ старикъ, пристально вглядываясь въ

глубь подземелья.

Но никто не отвъчалъ ему.

— Хлъбъ не тронутъ! — прошепталъ, наконецъ, старикъ. — Видно, не ълъ ничего! — еще разъ присталъно вглядъвшись внутрь каземата, онъ замътилъ тамъ человъческое тъло, распростертое на землъ.

— Умеръ!!

Вскочивъ на ноги слуга, быстро побъжалъ въ верхнія залы замка, гдъ жила Гелигунда, и, войдя къ ней, сказалъ:

Болеславъ Рыжій скончался!..

Тъло несчастнаго чешскаго князя было вытащено изъ подземелья и похоронено на одномъ изъ склоновъ горы.

Кромѣ жителей замка, на похоронахъ присутствовали еще какіе-то неизвѣстные люди. Кто они такіе, и откуда, зналъ только одинъ князъ Вислицкій, который, радостно пожимая имъ руки, какъ старымъ знакомымъ, говорилъ:

- Для васъ открыты двери вислицкаго замка.
- Мы очень рады тебя видъть, но всетаки боимся, какъ-бы...
- --- Будьте покойны! Я ручаюсь за вашу безопасность. Болеславъ въдь занятъ войной, при немъ и полководцы его!
- Въ дорогъ мы слышали, что намъ навстръчу направляется къ Кіеву Вдалый Вальгиръ!

- Откуда вы это знаете?—спросилъ, вдругъ поблѣднѣвъ, князь Вислицкій.
- Знаемъ достовърно! Но почему это ты такъ блъденъ сталъ сразу?
- Я? Нътъ! Это вамъ только показалось. Однако, пойдемте въ замокъ и тамъ за чашей вина побесъдуемъ...

Расположившись въ отдъльной залъ, они плотно заперли всъ двери, послъ чего князь Вислицкій приступилъ къ разспросамъ.

— Возвращаетесь изъ Кіева?

- Да. Ходили къ князю Владиміру, отъ имени нъмецкаго императора!
  - Вы шли черезъ Польшу?
- Да. Это самый короткій путь. Сначала мы шли черезъ Венгрію, но узнавъ, что король венгерскій объщалъ Болеславу поймать насъ и выдать ему, принуждены были скрываться все время. Шли лъсами, преимущественно ночью. Вотъ въ Польшъ насъ не ищутъ и здъсь легче намъ будетъ проскользнуть; къ тому же и войска всъ ушли...
- Я понимаю ваши опасенія. Хорошо, что я васъ случайно встрътиль въ лъсу во время охоты. Въдь я васъ зналъ еще во Франконіи и въ Германіи.

 Да. Всегда ты былъ върнымъ слугою Оттона и нъмецкаго государства!

- Разскажите теперь, съ какими въстями возвращаетесь вы изъ Кіева?
- Князь принялъ насъ очень дружелюбно, но идти противъ Болеслава съ оружіемъ въ рукахъ отказался. Кстати, тамъ теперь идетъ борьба между Ярославомъ и наслъдникомъ престола, и въ настоящее время Святополкъ и польская королевна въ большомъ почетъ.
- А зачъмъ Вдалый Вальгиръ ъдетъ туда?
- Чтобы еще болъе склонить на свою сторону князя Владиміра!
  - Однако плохо придется вамъ,

если онъ поймаетъ васъ здѣсь... Перевѣшаетъ всѣхъ до единаго!

— Не лучше ли бъжать намъ от-

сюда, пока есть время?

— Только трусъ и глупецъ бѣжитъ тогда, когда ему представляется удобный случай одержать блестящую побѣду.

-— О чемъ ты говоришь?

— Вы спрашиваете, о чемъ? А какъбы васъ принялъ императоръ, еслибы вы привели къ нему плъннаго Вальгира?

Что? Да, вѣдь, это невозможно! Вѣдь, это его замокъ, и эдѣсь

находится его жена...

— Жена?! Она-то и поможетъ намъ привести въ исполненіе наши планы!

Уже нъсколько недъль, какъ нъмецкіе рыцари живутъ въ вислицкомъ замкъ. У воротъ днемъ и ночью сторожитъ воинъ, чтобы въ случаъ пріъзда Вальгира предупредить нъмцевъ и тъмъ самымъ дать имъ возможность приготовиться къ нападенію. Но Вальгиръ все не появляется, и рыцари стали высказывать предположеніе, что, можетъ быть, онъ и совсъмъ не заъдетъ въ свой замокъ, но Виславъ ихъ увърялъ, что Вальгиръ непремънно воспользуется возможностью повидаться со своей женой; Гелигундаже, зная, какъ сильно ее любитъ мужъ, подтверждала слова князя Вислицкаго.

Было еще темно, когда съ глухой лъсной тропинки, въ недалекомъ разстояніи отъ Вислицкаго замка, вышли на равнину три какихъ-то человъка.

- Вислица!
- Твои владънія.

Быстро подошли путники къ воротамъ; увидя же спящаго около входа воина, Вдалый Вальгиръ сказалъ своимъ товарищамъ:

- Не будите его! Пусть никто не знаетъ, что я здъсь.
  - Хорошо!

— Здѣсь моя жена. Вотъ обрадую ее своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ!

Всѣ трое прошли ворота, дворъ и, наконецъ, вошли въ замокъ. Вдалый Вальгиръ, быстро побѣжалъ по каменнымъ ступенькамъ на верхъ...

- Но что это?

Сквозь замочную скважину въ двери, ведящей въ комнату Гелилунды, пробивается лучъ свъта. Радостная улыбка появилась на лицъ Вальгира...

— Не спитъ еще, дорогая!.. Сильной рукой онъ открылъ дверь, вошелъ и вдругъ всталъ, какъ окаменълый, не въря глазамъ.

— Жена?!! Что я вижу!.. Или я

съ ума сошелъ...

Пьяная Гелигунда въ отвътъ

громко разсмъялась.

— Xa! Xa! Xa! Ты видълъ, какъ я цъловала своего возлюбленнаго! А кто запретитъ мнъ это дълать?!

Сорвался съ мъста Вальгиръ и бросился на испуганнаго князя Вислицкаго. Гелигунда, замътивъ это, быстрымъ движеніемъ выхватила вдругъ у мужа мечъ, висъвшій у пояса. и бросила его въ открытое окно.

Рыцарь схватилъ Вислава въ свои медвъжьи объятія, Гелигунда же, зная, что въ случаъ, если ея мужъ одержитъ побъду, ее ожидаютъ самыя ужасныя мученія, подкралась сзади къ Вальгиру и впилась своими пальцами ему въ шею...

Въ это время изъ сосъдней комнаты, услыхавъ этотъ шумъ, выбъжалъ одинъ изъ нъмцевъ, чтобы узнать, что такое здъсь происходитъ.

— Вальгиръ! Вальгиръ!!

Быстро помчался рыцарь обратно и, схвативъ оружіе, вмъстъ со своими товарищами, бросился въ комнату Гелигунды.

Набросились толпой на Вальгира, повалили, наконецъ, на землю и черезъ минуту, тотъ уже лежалъ неподвижно, кръпко связанный по ружамъ и ногамъ...

Опьяненные легкой побъдой, нъмцы хотъли тутъ же прикончить Вальгира, но Гелигунда воспротивилась этому: мстительной женщинъ хотълось прежде отомстить за полученную обиду. Когда передъ этимъ она подошла къ связанному мужу, то онъ, немного приподнявшись, вдругъ плюнулъ ей прямо въ лицо, сказавъ при этомъ:

— Сука!!

Она должна отомстить... Жестоко отомстить, и потому не выдастъ его нъмецкимъ рыцарямъ.

— Можете уходить! — обратилась она къ нимъ. — Будьте покойны, въ моихъ рукахъ онъ будетъ для васъ безопасенъ!

Месть ея была самая утонченная. Она вельла приковать мужа къ стънъ въ одномъ изъ подземелій, а въ нъсколькихъ шагахъ отъ него поставить богато убранный столъ и диваны, и каждый день вмъстъ съ Виславомъ они спускались внизъ и пировали вдвоемъ, цълуя и обнимая другъ друга на глазахъ почти обезумъвшаго отъ горя и боли Вальгира...

II.

Императоръ Германскій пришелъ къ убъжденію, что теперь настало время ополчиться противъ своего смертельнаго врага, отомстить ему за всъ обиды, отнять захваченную тъмъ лужицкую землю и взять занятый польскими войсками Будишинъ и Стреле. Въ Мышнахъ уже Болеславъ тоже хозяинъ, Эльстера-граница его владъній. Возмездія требуютъ сожженные нъмецкие города и взятые въ неволю тысячи нъмецкаго народа. Пора наказать противника, который мало того, что забралъ себъ всъ славянскія земли, еще и при дворъ императора вербуетъ себъ сторонниковъ.

Осенью двинулся императоръ Генрихъ въ Польшу и, несомнънно завоевалъ бы тогда всю Польшу, если бы не ужасныя, почти непроходимыя дороги, затруднявшія пе-

редвиженіе нъмцевъ, благодаря чему, Болеславъ успълъ послать въ городъ Будишинъ значительное подкръпленіе. Когда, наконецъ, Генрихъ добрался до этого города, то убъдился, что прежде, чъмъ идти въ Польшу, необходимо покорить укръпленный Будишинъ.

Главное начальство надъ своими войсками императоръ поручилъдвумъ славнымъ рыцарямъ. Одинъ изъ нихъ былъ извъстный во всей Германіи своими рыцарскими доблестями Гемуза, другой же непобъдимый Томмо, великій воинъ и страстный охотникъ.

Лучшія нъмецкія войска, словно желъзнымъ кольцомъ, со всъхъ сторонъ окружили Будишинъ. Около города нъмцы построили огромныя башни, съ вершины которыхъ пращники осыпали осажденный городъ цълымъ градомъ камней. Были установлены также огромныя метательныя машины. бросавшія громадныя тлыбы на далекое разстояніе. На валахъ же города лужицкіе сорабы, будишинскіе мъщане насмъхались надъ нъмцами, а болеславовы стрълки пускали цълыя тучи стрълъ на нъмецкія войска. Самъ императоръ подъткалъ однажды къ стънамъ города, ободряя и поощряя своихъ воиновъ къ бою. Но одинъ польскій лучникъ, узнавъ императора по блестящему шлему и украшенной золотомъ одеждъ, тщательно прицълившись, спустилъ стрълу... Съ визгомъ пролетъла стръла около самаго уха императора, попала прямо въ грудь вблизи стоявшему графу и, пробивъ одежду, глубоко вонзилась въ грудь.

Испуганный Генрихъ поспъшилъ какъ можно скоръе отъъхать въ болье безопасное мъсто, куда бы не достигали ни стрълы, ни камни.

Еще такъ недавно начали нъмцы осаду Будишина, а уже цълыя груды труповъ ихъ окружали городъ. Гемуза, видя, какъ гибли массами его воины, и слыша насмъшки съваловъ осажденнаго города, ръшилъ

во что бы то ни стало взять кръпость и въ отместку выръзать затъмъ всъхъ жителей до единого.

Высмотръвъ мъсто, гдъ по его мнънію, меньше всего было защитниковъ, и гдъ частоколы и стъны были ниже, чъмъ въ другихъ мъстахъ, темной ночью онъ самъ повелъ туда войско. Вотъ уже они подошли почти къ самому частоколу и стали взбираться на валъ...

Въ это время съ вершины вала, по наклонной плоскости, съ огромной скоростью скатился громадный жерновъ и връзался въ самую середину войска, давя на смерть цълые десятки людей. Несчастный Гемуза погибъ однимъ изъ первыхъ.

Пользуясь смятеніемъ, происшедшимъ вслъдствіе смерти вождя, лужичане выскочили изъ кръпости и напали на нъмцевъ; не успъли тъ и опомниться, какъ польскіе воины опять спрятались за валы, перебивъ не мало людей и захвативъ съ собой тъло Гемузы.

Въ тѣ времена самымъ большимъ несчастіемъ считалось быть похороненнымъ въ чужой землѣ, а потому императоръ послалъ посольство съ просьбой выдать тѣло убитаго полководца, обѣщая богатый выкупъ. Будишане выдали нѣмцамъ тѣло Гемузы, которое затѣмъ было отвезено въ Германію.

Нъмцы крайне огорчились неудачей. Въ императорскомъ шатръ собрались знатнъйшіе рыцари, чтобы обсудить способъ дальнъйшихъ военныхъ дъйствій. Пора уже было во что бы то ни стало покончить осаждаемымъ городомъ, такъ какъ иначе нъмецкой арміи грозилъ голодъ. Ближайшія селенія и города уже давно были разграблены, и за хлъбомъ приходилось посылать къ самому Липску. Небольшіе же отряды, высылаемые за провіантомъ, истреблялъ лужицкій народъ, и вмъсто припасовъ посланные приносили съ собою убитыхъ товарищей... На совътъ одни утверждали, что лучше всего взять городъ силою, другіе совътовали отступить, а третьи употребить въ этомъ дълъ хитрость и подкупъ. Наконецъ, всталъ Томмо и ръшительнымъ голосомъ произнесъ:

— Я возьму кръпость!

Во всей Германіи славился Томмо своей отвагой и силою; въдь онъ одинъ на одинъ ходилъ на медвъдя, вооруженный только короткимъ охотничьимъ ножемъ, схватывалъ за рога зубра и валилъ на землю...

Выбравъ себъ двънадцать человъкъ, по силъ почти не уступавшихъ ему, темной ночью отправился Томмо въ походъ. Они должны были потихоньку пробраться въ Будишинъ, открыть ворота, затъмъ, по данному ими знаку, нъмецкія войска должны ворваться въ открытыя ворота.

По берегу Спревы подвигается, небольшой отрядъ къгороду, ползкомъ добрались до самыхъ стѣнъ, впереди всѣхъ самъ Томмо. Остановились...

- Ръкою можно пробраться въгородъ!
- У ръки съ объихъ сторонъ поставлена стража!
- Съ лъвой стороны спитъ воинъ!
- Надо его убить! Это я беру на себя, а вы справьтесь съ другимъ. Но только, если онъ успъетъ

крикнуть, — мы погибли!

Три воина тихо спустились въ воду и, прячась подъ прибрежными вербами, стали красться къ часовому, ходившему по берегу рѣки, не подозрѣвая грозящей ему опасности. Вотъ онъ подошелъ къ самому берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ спрятались нѣмцы, и только повернулся, чтобы идти обратно, какъ двое людей быстро выскочили изъ воды и схватили его за горло, чтобы тотъ не могъ крикнуть, а третій въ это время пронзилъ мечемъ его грудь... Одинъ часовой уже лежалъ мертвымъ.

На другой сторонъ ръки ко второму часовому крадется самъ Томмо;

осторожно подползъ сзади, затъмъ быстрымъ движеніемъ вонзилъ свой мечъ спящему воину въ спину; не успълъ тотъ даже крикнуть...

Отрядъ двинулся дальше. Прибрежныя заросли ръдъли, показались недалеко избушки жителей и рас-

кинутые войска.

— Шевелятся что-то кусты! — замътилъ кто-то изъ нъмцевъ.—Какъбудто человъкъ тамъ!

— Нътъ, живой души не видно! Идемъ дальше! Это вамъ отъ страху мерещится!—ободрялъ своихъ воиновъ Томмо. — Пока все благополучно! Какъ пройдемъ валы, то всъмъ надо устремиться къ однимъ воротамъ и, перебивъ стоящую околонихъ стражу, поскоръе открыть, а затъмъ дать знакъ трубою своимъ, чтобы тъ спъшили къ намъ.

Солдаты, точно кроты, поползли дальше... Валы уже остались позади, еще десятокъ шаговъ,—и они у цъли.

- Весь городъ какъ бы вымеръ.
- Безпокоитъ насъ эта тишина!
  Спятъ всъ оттого и тихо
- Спятъ всѣ, оттого и тихо такъ! съ этими словами Томмо оглянулся назадъ, и вдругъ пустынная прежде рѣка какъ бы ожила: на поверхности ея показались какіято черныя пятна.
  - Это люди!
- Толпа загородила намъ отступленіе.
- Насъ давно замѣтили и нарочно заманили такъ далеко.
- Надо дать сигналъ трубой, чтобы войска спъшили намъ на помощь!

Воины столпились около своего вождя, ръшивъ по крайней мъръ дорого продать свою жизнь. Огромная толпа поселянъ, вооруженная цъпами, набросилась на нихъ. Отбиваясь мечами, Томмо понемногу сталъ отступать къ ръкъ, стараясь уйтитой же дорогой, которой пришли они. Наконецъ, они добрались доръки, и битва продолжалась уже въ водъ. Хотя цъпъ и не слишкомъ страшное оружіе для вооруженнаго мечемъ рыцаря, но всетаки трудно

одному устоять противъ цълаго десятка нападающихъ...

— Впередъ!—кричитъ Томмо, поражая своими ужасными ударами поселянъ...

Но отрядъ его дълается все меньше и меньше; таетъ какъ снъжный комъ подъ лучами солнца.

Замътивъ большой камень, возвышающійся надъ водою, Томмо вскочилъ на него, чтобы было удобнье съ высоты поражать враговъ, но поскользнулся и упалъ въ воду. Цълый градъ ударовъ посыпался на упавшаго рыцаря. Кровью окрасились чистыя воды ръки...

Изъ всего отряда ни одному воину не удалось добраться живымъ обратно въ лагерь.

Перебивъ весь отрядъ Томмо, лужичане бросились къглавнымъ воротамъ города и дали сигналъ трубой.

Нъмцы же, думая, что это Томмо оповъщаетъ ихъ объ удачномъ исходъ своего предпріятія, бросились къ городу, предполагая найти ворота раскрытыми, но польскія войска встрътили ихъ цълымъ градомъ камней и стрълъ, и тъ съ большимъ урономъ должны были уйти, причемъ одинъ камень, пущенный изъ пращи, попалъ въ ногу императору, такъ что его пришлось нести обратно въ лагерь.

Императоръ снова созвалъ своихъ

рыцарей на совътъ.

— Я ни минуты не остаюсь дольше здъсь! — категорически заявилъ онъ присутствующимъ.

— Да, лучше уйти!—подтвердилъ Титмаръ.—А то наступитъ дождливая пора, и дороги сдълаются совсъмъ непроходимыми.

Итакъ мы возвращаемся въ

Германію.

Въ это время вошелъ воинъ съ докладомъ, что пришло посольство изъ крѣпости и желаетъ видѣть императора.

 Пускай войдутъ! — приказалъ Генрихъ.

Въ шатеръ вошло нъсколько поль-

скихъ рыцарей.

— Чего вы хотите? — спросилъ ихъ императоръ.

 Король нашъ Болеславъ добровольно уступаетъ тебъ Будишинъ *).

Всъ вдругъ замолчали и, широко раскрывъ глаза отъ удивленія, вопросительно стали смотръть на пословъ. Тъ же говорили дальше:

 Но съ условіемъ, государь, чтобы всѣ войска и всѣ его жители безпрепятственно могли уйти оттуда съ оружіемъ въ рукахъ.

 Что это означаетъ? – спросилъ императоръ, обращаясь къ окру-

жающимъ.

— Должно быть, хитрость какая-

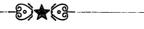
нибудь!-утверждалъ одинъ.

— Нътъ! Мнъ кажется, что Болеславъ понялъ, наконецъ, съ къмъ онъ хочетъ бороться, и во время образумился!—возражалъ другой.

Въ концъ концовъ всъ пришли къ ръшенію — принять условія Болеслава, т. е. выпустить польскія и сербскія войска и затъмъ забрать себъ кръпость. Оставивъ въ Будишинъ гарнизонъ, императоръ затъмъ вернулся въ Германію вмъстъ съ остальнымъ войскомъ.

Такъ кончился первый походъ Генриха въ Польшу; возвратившись же домой, императоръ отдалъ строгій приказъ саксонскимъ графамъ: "бдительно охранять границы государства отъ набъговъ Болеслава, а самимъ какъ можно чаще производить вторженія въ польскія земли.

(До слъдующаго №-ра).

^{*)} Относительно этого факта существуетъ въсколько мивній. Одни (Палацкій) допускають, что въ это время во владвніяхъ Болеслава вспыхнуло возстаніе, и онъ долженъ былъ стянуть туда свои войска, другія же (Шайнохъ) утверждаютъ, что это была уловка Болеслава, чтобы заманить Императора въ глубь Польши и тамъ сразиться съ нимъ уже съ большей надеждою на успъхъ.

Хименесъ.

Историческій романъ ЖАНА БЕРТЕРОЙ.

(Окончапіе).

КНИГА III-я.

Глава І.

Въ 1516 году Мадридъ, нынъшняя столица Испаніи, представлялъ изъ себя селеніе въ 900 дворовъ, но Хименесъ, взглянувъ на карту, указалъ пальцемъ на Мадридъ и сказалъ: "это будетъ столица величайщей изъ монархій".

Что же заставило мудраго кардинала остановить свой выборъ на этомъ селеніи? Неужели въ Испаніи не было другихъ укръпленныхъ городовъ, славныхъ своими традиціями, богатствомъ и красотой мъстоположенія, такихъ, какъ, напр., Толедо, Севилья или Бургосъ? За Мадридъ говорило его положеніе въ самомъ сердцъ страны; кромъ того, онъ находился въ центръ его архіепископскихъ земель, что лось для Хименеса весьма важнымъ условіемъ въ дълъ регентства. Здъсь онъ былъ полновластный господинъ; нигдъ по близости не было ни одного феодальнаго замка, который бы могъ угрожать ему; ни одного непокорнаго, надменнаго сосъда. кто бы могъ поднять свой голосъ здъсь, въ собственныхъ владъніяхъ Архіепископа. Изъ этой новой столицы Королевства Хименесъ могъ сдълать все, что ему было угодно, и приготовить ее для молодого монарха, недоступнаго для власти грандовъ и дворянства. Между тъмъ юный монархъ начиналъ уже проявлять кое въ чемъ свою волю и прежде всего настоялъ на томъ, чтобы во главъ управленія государствомъ стояли не одни испанцы, но и Фламандцы, въ томъ числъ его воспитатель Шіевръ и Адріанъ Утрехтскій. Послѣднему онъ приказалъ отправиться къ кардиналу Хименесу и предложить ему раздълять нимъ регентство. Хименесъ согласился на это, зная, что Адріанъ Утрехтскій будетъ лишь номинальнымъ сорегентомъ, а править страною будетъ по прежнему онъ, кардиналъ, одинъ, и что вскоръ молодой монархъ обратится за содъйствіемъ къ нему, а не къ его сотоварищу.

Дъйствительно, Эрцгерцогъ Карлъ вскоръ обратился къ нему съ просьбой провозгласить его королемъ Испаніи, такъ какъ Императоръ Максимиліанъ, его дъдъ, Папа Юлій II и всъ послы и монархи именовали его Королемъ, а испанцы упорно продолжали называть его Эрцгерцогомъ.

Эта просьба порадовала Хименеса; очевидно, юный монархъ былъ гордъ и властолюбивъ, т. е. именно таковъ, какимъ онъ желалъ видъть будущаго обладателя полвселенной; но вмъстъ съ тъмъ Хименесъ зналъ, что исполнить его просьбу будетъ не легко. Прежде всего Архіепископъ заручился сочувствіемъ важнъйшихъ государственныхъ совътниковъ, и важнъйшихъ духовныхъ сановниковъ, затъмъ созвалъ ихъ всъхъ въ Мадридъ, равно какъ и представителей городовъ и дворянства. Объявивъ собранію о волъ молодого монарха, Хименесъ предоставилъ Карвахалю, какъ первому юрисъ - консульту государства, обратиться съ ръчью къ собранію. Пламенная и убъдительная Карвахаля склонила почти всъхъ въ пользу желанія Эрцгерцога; только одинъ герцогъ Альба выразилъ протестъ.

— Я клялся въ върности королевъ Іоаннъ, — сказалъ онъ, — и знаю, что она не безумная, не смотря нато. что всъхъ стараются въ томъ увърить. Самъ Эрцгерцогъ Карлъ прекрасно знаетъ это. Я не нарушу никогда своей клятвы, признавъ при ея жизни другого монарха.

— Прекрасно! Вы сказали то, что желали сказать, и мы васъ выслушали, — спокойно произнесъ Архіепископъ, поднявшись съ своего мѣста, — теперь вамъ остается только доказать свою покорность, присоединившись къ мнѣнію большинства. Карлъ будетъ провозглашенъ королемъ сегодня-же въ Мадридѣ и во всѣхъ остальныхъ городахъ Испаніи! — Съ этими словами Архіепископъ распустилъ собраніе.

Глава II.

Оскорбленный обращеніемъ Хименеса, герцогъ Альба не могъ снести этой обиды и, затаивъ въ душъ непримиримую злобу противъ Архіепископа, вернулся въ свое пом'ьстье Гвадалахара, гдъ, подъ предлогомъ цълаго ряда великолъпныхъ празднествъ, на которыхъ увеселялись его друзья и единомышленники, собралъ вокругъ себя всъхъ, кто питалъ почему либо враждебныя чувства къ Хименесу; а такихъ среди грандовъ и дворянъ Испаніи было не мало. Всв эти люди мечтали только о томъ, какъ бы избавиться отъ ненавистнаго Архіепископа, заклятаго врага всего феодворянства, который. ставъ регентомъ, давилъ ихъ всъхъ своей желъзною рукой. Но свергнуть или замъстить такого человъка было не такъ-то легко. Наконецъ, послъ долгихъ совъщаній ръшено было возбудить вопросъ о законности завъщанія короля Фердинанда; имълъ ли послъдній право назначить себъ наслъдника при жизни королевы Іоанны? Чтобы поднять эти вопросы, ръшено было, что трое старъйшихъ грандовъ отправятся къ Хименесу и отъ имени всего дворянства потребуютъ, чтобы онъ сообщилъ имъ, въ силу какихъ полномочій онъ управляетъ страною, точно самодержавный государь.

Старъйшими изъ всъхъ оказались: Альмирантэ - де - Кастилья, который былъ уже въ рядахъ воиновъ, когда родился покойный король Фердинандъ, затъмъ графъ Беневентъ, получившій въ даръ отъ султанши Фатьмы серебрянный филиграновый браслетъ, 50 лътъ тому назадъ, когда онъ въ числъ первыхъ ворвался въ городъ при взятіи Гренады, и, наконецъ, герцогъ Инфантадо.

Какъ ни тайно подготовлялся этотъ заговоръ противъ Хименеса, все же преданные ему люди успъ-

ли предупредить его о немъ. Спиноза, являвшійся всегда сторонникомъ крутыхъ мѣръ, настаивалъ, чтобы Архіепископъ приказалъ герцогу Альба прекратить свои празднества на основаніи государственнаго закона, воспрещающаго подозрительныя сборища. Но Хименесъ снисходительно улыбался и говорилъ: "Пусть ихъ жалуются другъ другу на свои невзгоды, это единственное утъшеніе, которое еще осталось имъ".

Вскор'в Альмирантэ-де-Кастилья, герцогъ Инфантадо и графъ Беневентъ прибыли въ Мадридъ и были приняты весьма благосклонно кардиналомъ Хименесомъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, на вопросъ кардинала, что привело его высокихъ гостей въ Мадридъ, старикъ Альмирантэ, прокашлявшись и гордо выпрямясь, началъ такъ:

— Со времени смерти короля Фердинанда вы, господинъ кардиналъ, захватили въ свои руки верховную власть въ королевствъ, и, не совътуясь ни въ чемъ съ важнъйшими феодальными дворянами, искони пользовавшимися совъщательнымъ правомъ въ дълахъ государственныхъ, управляете страною съ такимъ деспотизмомъ, на какой не отваживался до сихъ поръ ни одинъ изъ законныхъ королей Испаніи. Дивясь такой смълости, гранды и дворяне Испаніи поручили намъ спросить васъ, въ силу какой особой власти вы присвоили себъ право дъйствовать такъ!

Старый Альмирантэ смолкъ и съ почтительнымъ поклономъ отошелъ нъсколько въ сторону въ ожиданіи отвъта кардинала. Хименесъ выслушалъ его молча, повидимому, ничуть не оскорбившись дерзостью его ръчи, только, когда тотъ кончилъ, окинулъ испытующимъ взглядомъ всъхъ трехъ уполномоченныхъ дворянъ и спокойно отвъчалъ:

— Вы желаете услышать мой отвътъ? Сейчасъ вы его получите, потрудитесь слъдовать за мной!

Онъ всталъ и, идя впереди нихъ, повелъ ихъ вверхъ по узкой каменной лъстницъ, ведущей на одну изъ боевыхъ стънныхъ башень Архіепископскаго дворца.

Молча слъдуя въ нъсколькихъ шагахъ за Хименесомъ, герцогъ Инфантадо, старикъ Альмирантэ графъ Беневентъ невольно вспомнили объ участи, постигшей нъкогда ихъ предковъ по волѣ Короля-Монаха, Донъ Рамиро, противъ котораго тъ вздумали возмутиться и громко осуждать его образъ дъйствій. Донъ Рамиро покинулъ монастырь, чтобы взойти на тронъ Арагона; узнавъ о непокорности и ропотъ грандовъ и дворянъ, онъ созвалъ ихъ къ себъ подъ предлогомъ заставить ихъ послушать звонъ новаго громаднаго колокола, вылитаго по его приказанію; колокола такихъ размъровъ, что звукъ его долженъ былъ быть слышенъ въ цъломъ королевствъ. Каждый изъ непокорныхъ дворянъ былъ приглашенъ отдъльно въ большую залу, гдф находился колоколъ. Здфсь его ожидалъ духовникъ и палачъ. Пятнадцать головъ отлетали одна другой, и палачъ разставлялъ ихъ кольцомъ по порядку. Наконецъ, пришла очередь и графа Ордазъ, самаго непокорнаго изъ всъхъ, самаго надменнаго и дерзкаго. Когда онъ былъ введенъ въ залу, въ другую дверь вошелъ король-монахъ и, указавъ ему на висъвшій подъ сводомъ залы огромный колоколъ, сказалъ, что голова его будетъ подвъшена въ этомъ колоколъ вмъсто языка.

Это преданіе невольно пришло теперь на память тремъ знатнымъ грандамъ Испаніи, безмолвно слъдовавшимъ за кардиналомъ, строгая величавая фигура котораго въ скромной одеждъ францисканскаго монаха мърнымъ шагомъ, словно неутомимый рокъ, шагала передъ ними, подымаясь все выше и выше по узкой полутемной лъстницъ. Наконецъ, они очутились на верхней пло-

щадкъ башни. Передъ ними открывался обширный кругозоръ; вдали рисовались синъющею цъпью горы, кругомъ разстилались поля, а на первомъ планъ на большой песчаной равнинъ маневрировали войска Архіепископа въ полномъ боевомъ порядкъ, съ грозною артиллеріей и лихой кавалеріей.

Кардиналъ указалъ рукою на эту

военную силу и сказалъ:

— Теперь вы своими глазами видели, на основаніи какой власти я правлю Испаніей! Никакихъ другихъ авторитетовъ мнт не нужно до ттахъ поръ, пока нашъ король, вашъ господинъ и мой, не пожелаетъ принять отъ меня управленіе своимъ королевствомъ!

Въ это время громкій залпъ изъ орудій, точно заключительный аккордъ ръчи кардинала, пронесся въ воздухъ и потрясъ самыя остованія

старой башни.

Хименесъ выразительно взглянулъ на своихъ посътителей и, не добавивъ ни слова, сталъ спускаться внизъ. Гранды слъдовали за нимъ. Теперь имъ было ясно, что кардиналъ предлагалъ имъ открытую войну и что другого средства свергнуть регента не было. Но возможно-ли было это?

Раздосадованные и раздраженные до послъдней степени Альмирантэ, герцогъ Инфантадо и графъ Беневентъ покинули Мадридъ и вернулись въ Гвадалахару, гдъ съ нетерпъніемъ ожидали результатовъ ихъ посольства.

Между тъмъ, пока Хименесъ принималъ грандовъ, его приближенные Вергара, Спиноза и Зегри, бесъдовали съ блаженной Беатой. Эта странная ясновидящая пришла изъ Авилея пъшкомъ, питаясь по пути одними плодами и кореньями, желудями и травами, чтобы уберечь Хименеса отъ грозящей ему опасности.

— Зависть ходить по пятамь за величіемь, говорила она,—она слъдуеть за нимь, какъ тънь, идеть за тъломъ! Оберегайте Архіепископа:

божественный супругъ сказалъ мнъ, что пройдетъ не много времени и люди ненавидящіе Архіепископа, покусятся на его жизнь.

На вопросъ Зегри, кого-же именно слъдуетъ остерегаться, яснови-

дящая отвъчала:

"Остерегаться надомногихъ и тъхъ, кто здъсь близко и тъхъ, кто далеко, потому что зло распространяется невидимо повсюду, и злыя намъренія зръютъ неслышно"!—Съ этими словами она повернулась и пошла изъ комнаты, бормоча про себя какія то молитвы.

Съ этого времени за личностью Хименеса слъдили неотступно. Спиноза распорядился удвоить число его почетной стражи и охраны, Вергера не допускалъ никого безъ своего въдома, лично осматривалъ его ложе и каждый уголъ его кельи, а Зегри, хорошо знакомый съ ядами, лично пробовалъ каждое блюдо и питье, подносимыя Архіепископу, даже свидътельствовалъ воду, которою тотъ умывался.

Глава III-я.

Отецъ Рюисъ вернулся изъ новой Испаніи, знойный климать которой вредно действоваль на его здоровье. Въсти, привезенныя имъ, были далеко не утвшительны. Діего Колумбъ, назначенный губернаторомъ острововъ, открытыхъ отцомъ, отличался чисто звърской жестокостью, вслъдствіе чего повсемъстно разгорались возстанія, которыя усмирялись массовой рѣзней туземцевъ. Этихъ злополучныхъ индъйцевъ испанцы даже не признавали за людей, и во многихъ мъстахъ послъдніе препятствовали даже миссіонерамъ проповъдывать туземцамъ христіанское ученіе, которое заключало въ себъ принципы равенства, братолюбія и милосердія къ ближнему, а потому шло въ разръзъ ихъ образамъ дъйствій. Каждый испанецъ, прибывавшій въ новую Испанію, получалъ отъ правительства въ даръ

нъсколько сотъ туземцевъ, которые считались его рабами, его собственностью наравнъ, съ участкомъ земли. Одинъ изъ такихъ испанскихъ офицеровъ получивъ 300 человъкъ туземцевъ, уже по прошествіи двухъ недъль лишился половины; а къ концу мъсяца у него осталось только 30 человъкъ; всъ остальные перемерли отъ жестокаго обращенія и непосильной работы.

Отецъ Рюисъ едва рѣшался вспомнить объ этихъ ужасахъ, но вмѣст' съ нимъ прибылъ изъ новой Испаніи другой миссіонеръ, Варфоломей Ласъ-Казасъ. Этотъ энергичный молодой проповъдникъ ръшилъ добиться аудіенціи у короля Фердинанда и просить его заступничества для несчастныхъ индъйцевъ. Но, узнавъ, что , король Фердинандъ хотвлъ отправиться Гандо къ молодому королю Карлу. Узнавъ объ этомъ, Хименесъ пригласилъ его въ Мадридъ и предему сообщить о всемъ ему, какъ регенту. Ласъ-Казасъ представилъ архіепископу подроббный мемуаръ, написанный пылкимъ и убъдительнымъ языкомъ, очевидца. Прежде всего онъ требовалъ уничтоженія repartimentos, т. е. раздачи туземцовъ въ качествъ рабовъ испанскимъ колонизаторамъ, и требовалъ для туземцевъ полной личной свободы и уничтоженія принудительнаго труда. Хименесъ взвъсивъ и, обсудивъ все, обратился къ Ласъ-Казасъ съ вопросомъ, какъ же землю и добывать воздълывать естественныя сокровища этихъ острововъ, если уничтожить принудительныя работы? На это молодой миссіонеръ предложилъ замѣнить слабосильныхъ и непривычныхъ къ тяжелой работъ индъйцевъ привозными чернокожими, неграми съ береговъ Африки. Эта торговля черными рабами существовала съ давнихъ поръ, и даже сами короли не принимать участіе брезгали этой выгодной торговлъ въ виду увеличенія своихъ доходовъ.

На предложение Ласъ-Казаса Хименесъ возразилъ, что порабощеніе чернокожихъ не менъе преступно. чъмъ порабощение краснокожихъ. кромъ того, наплывъ этой сильной выносливой расы въ страну, гдв населеніе склонно возстать ежеминутно противъ своихъ завоевателей. весьма опасенъ для интересовъ Испаніи, такъ какъ тъ и другіе соединившись легко могли общими силами совершенно изгнать испанцевъ и изъ рабовъ стать повелителями. Чтобы избъжать этого и вмъстъ съ тъмъ положить конецъ жестокостямъ побъдителей, кардиналъ Хименесъ объщалъ отправить въ Новую Испанію Алонзо Суазъ, главнаго юрисконсульта государства, человъка гуманнаго и просвъщеннаго, прославившагося своей высокой справедливостью и безпристрастіемъ. Донъ Алонзо Суазъ долженъ былъ учредить тамъ судъ, передъ которымъ испанцы должны были отвътствовать за свои жестокости и за всякую попытку порабощенія туземцевъ; кромъ того, repartimentos совершенно уничтожались, и каждый индъецъ являлся впредь свободнымъ гражданиномъ, которому наниматель обязанъ былъ уплачивать за его труды, при чемъ каждый поденщикъ, нанимаемый на поденную работу, долженъ былъ получать достаточное количество пищи и имълъ право на три часа отдыха.

Таковы были мъры Хименеса для улучшенія быта туземцевъ; результаты этихъ мъръ вскоръ доказали всю ихъ цълесообразность и мудрость.

Глава IV.

Несмотря на эти богатыя новыя завоеванія Испаніи, финансы страны находились въ ужасномъ положеніи. Молодой король предъявлялъ неумъренныя требованія къ государственной казнъ, и Хименесъ предвидълъ, что вскоръ молодому монарху потребуются еще несравненно большія суммы, такъ какъ съ пустою

казной онъ не будетъ въ состояніи предпринять ничего важнаго для своего государства. Но народъ былъ бъденъ, и обременять его новыми налогами значило разорять страну; дворянство же обогатилось непомърно на счетъ государства, и потому Хименесъ ръшилъ теперь отобрать у нихъ то, что они хитростью или своевольно присвоили себъ изъ лучшихъ земель, а также и тъ громадныя ренты, которыя они потребовали отъ короля за свои услуги во время войнъ. Всъ эти громадныя богатства дворянства были нестолько родовыя, сколько пріобрѣтенныя лестью и интригами, но при всемъ томъ отобрать ихъ было далеко не легко. Хименесъ зналъ, что это его ръшение вызоветъ настоящее возстаніе въ странъ. Но это не пугало его и онъ незадумываясь продиктовалъ Вергара эдиктъ, въ силу котораго всв земли, дарованныя Фердинандомъ, далъе, пенсіи и ренты, которыми онъ наградилъ своихъ вассаловъ, отбирались отъ нихъ и поступали снова въ государственную казну. Даже сама вдовствующая королева Жермень должна была подвергнуться нъкоторому сокращенію доходовъ, оставленныхъ ей покойнымъ супругомъ. Кромъ тридцати тысячъ годового дохода королевства неаполитанскаго, королева Жермэнь по завъщанію получила еще въ самомъ сердцъ Испаніи четыре города, громадное значеніе которыхъ для страны было всъмъ хорошо извъстно. То были: Аревало, Сельмедо, Мадригалъ и Санта-Марія де ла Ніева. Сложилась даже пословица, что кто владъетъ Аревало и Ольмедо, тотъ владъетъ всею Кастилліей; потому кардиналъ, знавшій честолюбивый и безпокойный нравъ молодой королевы, ръшилъ отобрать у нее эти два важныхъ укръпленныхъ города, предоставивъ ей довольствоваться двумя остальными. Уже ходили слухи, что эта молодая женщина тайно поддерживала сношеніе съ грандами и лицами, приближенными къ Инфанту Фердинанду, съ цълью возвести этого послъдняго на тронъ Испаніи. Хименесъ съ самаго начала зорко слъдилъ за инфантомъ, даже перевелъ его изъ Гвадалупы въ Мадридъ, для того, чтобы онъ постоянно былъ у него на глазахъ.

Въ силу особыхъ хартій, дарованныхъ нъсколькими королями Аревало и Ольмедо, эти города не могли быть отведены въ удълы или вотчины кому бы то ни было, и Фердинандъ IV подтвердилъ это постановленіе; на основаніи этихъ-то документовъ и разсчитывалъ Химеменесъ отобрать ихъ у вдовствующей королевы.

Получивъ отъ Карла самыя широкія полномочія и полное одобреніе всъхъ своихъ намъреній, Хименесъ не медля приступилъ къ осуществленію своихъ плановъ и, предвидя всеобщее возмущеніе, уже заранъе принялъ необходимыя мъры, т. е. держалъ наготовъ прекрасно обученныя войска и сильную артиллерію. Но все казалось спокойно. Однако. Хименесъ не довърялъ этому мнимому спокойствію, и дъйствительно, вскоръ ему доложили, что Озоріо, старшій воспитатель Инфанта, внезапно покинулъ Маддридъ и направился въ Гвадалахару, куда также должна была прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени королева Жермэнь.

Это было для Хименеса какъ бы предвъстьемъ той бури, которая теперь неминуемо должна была разразиться съ минуты на минуту, и онъ дъйствительно не ошибся.

Глава V.

Вальядолидъ, Бургосъ, Леонъ, Медина-дель-Камно были въ полномъ возстаніи: корреджидоры, которымъ было поручено отобрать дарованныя земли и уничтожить документы на полученіе рентъ и пенсій, были съ позоромъ выгнаны изъ этихъ городовъ, и сыновья дворянъ кнутами гнали ихъ по боль-

шимъ дорогамъ, отославъ ихъ осмъянныхъ, въ изодранныхъ одеждахъ къ кардиналу съ угрозой, что если они еще разъ посмъютъ явиться, то будутъ повъшены. Вмъсто отвъта Хименесъ послалъ противъ непокорныхъ войска; но дворяне съ своей стороны тоже не дремали; они подняли не только всъ свои дружины, но даже и вассаловъ своихъ вассаловъ и достигли того, что первые въ исторіи Испаніи общины встали на сторону дворянъ противъ правительства. Милиціямъ отдано было приказаніе одержать побъду во чтобы то ни стало; кромъ того регентомъ былъ командированъ особый корпусъ для поимки молодыхъ дворянъ, позволившихъ себъ надругаться надъ корреджидорами, и для заключенія ихъ въ государственныя тюрьмы за сопротивленіе законной власти. Узнавъ объ этомъ, молодые дворяне бъжали изъ Вальядолида въ кръпость и замокъ Виллафратэ, феодальное владъніе Педро-Жирона. Здъсь они могли смъло разсчитывать отбить всякую осаду, если бы Спиноза, командовавшій этимъ корпусомъ епископской гвардіи, даже и ръшился аттаковать ихъ. Но Спиноза не сразу напалъ на ихъ слъдъ, и молодые люди страшно скучали въ этомъ укръпленномъ замкъ, томясь своимъ бездъйствіемъ и полнымъ отсутствіемъ женскаго общества.

И вотъ, чтобы разогнать скуку молодой владълецъ замка, одинъ изъ числа виновныхъ въ изгнаніи и поруганіи кореджидоровъ, предложилъ устроить для крестьянъ окрестныхъ селеній, живущихъ на землъ его отца, веселый праздникъ и народное гулянье. Въ назначенный день все населеніе Виллафратэ въ праздничныхъ одеждахъ столпилось вблизи замка; молодые сеньоры переряженные, въ сопровожденіи переряженныхъ слугъ, выйдя изъ замка, устроили потъшное шествіе. Нъкоторые изъ молодыхъ рыцарей перерядились чертями и гонялись за

дъвушками, которыя съ крикомъ убъгали отъ нихъ. Вдругъ настоящая паника охватила всъхъ: въ нъсколькихъ саженяхъ впереди показалась толпа людей, среди которыхъ всъ увидъли рослую, величавую фигуру кардинала, Хименеса полномъ архіепископскомъ облаченіи съ митрой на головъ и золотымъ посохомъ въ лѣвой рукѣ. Вскорѣ крестьяне успокоились, убъдившись, что то былъ не самъ Кардиналъ, а только его подобіе, восковая фигура въ натуральную величину, которую поддерживали сзади двое слугъ. Передъ фигурой Хименеса выступалъ Хуанъ де Урена, сынъ Педро-Жирона, выряженный шутомъ, и напъвалъ какой-то пасквиль на Кардинала, упрекая его въ зависти къ дворянству, такъ какъ самъ онъ былъ низкаго происхожденія, — въ жадности и непомърномъ честолюбіи, въ силу котораго онъ хотълъ теперь раззорить грандовъ и дворянъ обременить налогами народъ. Все это было изложено въ юмористической формъ, съ шутками и прибаутками, вызывавшими смъхъ и веселіе толпы. Вдругъ лошадь подъ однимъ изъ слъдовавшихъ за шествіемъ молодыхъ рыцарей, испугавшись чего-то, поднялась на дыбы и стала бъситься; толпа шарахнулась въ сторону, и слуги, поддерживавшія подобіе Хименеса, выпустили фигуру изърукъ, спасаясь отъ опасности. Когда же все снова пришло въ порядокъ, и люди хотъли поднять восковое изображеніе, лежавшее въ пыли на землъ, молодой донъ Педро д' Альваръ и Пимэнтель воспрепятствовали этому.

Продъвъ петлею на шею фигуры длинный шелковый шарфъ, они стали волочить ее за собою по землъ, глумиться и издъваться надъ архіепископомъ въ самыхъ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ... Народъ, невольно заражаясь ихъ тонамъ, вторилъ имъ время отъ времени, подхватывая ихъ остроты и непристойныя выходки.

Обойдя такимъ образомъ дважды вокругъ стънъ замка, шествіе, наостановилось; — восковая фигура, истерзанная, запыленная производила теперь впечатлвніе дъйствительнаго трупа мученика, и заходящее солнце какъ то особенно ярко горъло на золотомъ архіепископскомъ посохъ, въ кръпко зажатой рукъ восковой фигуры. Теперь нъкоторые изъ молодыхъ рыцарей подходя давали пощечины или наносили удары хлыста фигуръ Хименеса, а Діего Толедскій, въ довершеніе издъвательства и глумленія, какъ бы желая переполнить всякую мъру поруганія и оскорбить всъмъ извъстную чистоту нравовъ кардинала, заставилъ одну изъ молодыхъ дъвушекъ лечь на восковую фигуру Хименеса и цъловать ее.

Вдругъ въ этотъ самый моментъ раздался тревожный голосъ одного

изъ молодыхъ рыцарей:

- Берегитесь! Спасайтесь! Бъда! Дъйствительно, на глумящуюся толпу со всъхъ сторонъ словно рой пчелъ налетали воины Спинозы. Толпа разсъялась по всъмъ направленіямъ; захваченные врасплохъ молодые рыцари искали спасенія въ ствнахъ замка. Но благодаря ихъ маскараднымъ нарядамъ ихъ трудно было распознать отъ другихъ, а разряженныхъ слугъ ихъ солдаты Спинозы принимали за нихъ, ониже успъли бъжать. Крестьянъ солдаты подхватали почти всъхъ, не смотря на ихъ сопротивленіе. Тогда Спиноза заявилъ, что всъ, кто оказывали сопротивленіе, будутъ выпороты, и какъ и всъ остальные, изгнаны изъ своихъ жилищъ, а самый городъ и всъ окрестности его преданы пламени въ наказаніе за то поруганіе, какое происходило здъсь, поруганіе, позорящее ихъ и прогнѣвляющее Бога.

Стоны и вопли были отвътомъ на этотъ приговоръ, но Спиноза былъ неумолимъ: стъны города были разрушены бомбардировкой его орудій; селенія и слободы сожжены

поля и лъса выжжены до тла и засыпаны солью, чтобы сдълать почву навъкъ безплодной и предать всю эту мъстность запустънію.

Глава VI-я.

Спиноза провелъ еще нъсколько дней въ замкъ Виллафратэ, желая разузнать, въ какомъ направлении успъли бъжать главные виновники происходившаго здъсь безобразія, — молодые рыцари, поимка которыхъ была его главной задачей.

Узнавъ, что вблизи Малаги начались сильные безпорядки, онъ хотълъ было направиться туда съ своимъ войскомъ, полагая, что рыцари бъжали туда и тамъ возмутили населеніе. Но гонецъ отъ Хименеса извъстилъ, что молодые люди укрылись въ Консуэгрф, ленномъ владъніи Діего де Толедо, сына герцога Альбы. Консуэгра былъ въ сущности монастырской землей и, на основаніи древнихъ хартій документовъ, Хименесъ рвшилъ присоединить это помъстье къ государственнымъ землямъ, но де Толедо съ своей стороны твердо ръшился не уступать своего лена до самой послъдней крайности.

Тогда Спиноза двинулся ко Консуегра, куда герцогъ Альба также направилъ въ помощь сыну значительныя подкрепленія и громадный обозъ съ провіантомъ и боевыми припасами. Хименесъ, узнавъ объ дъйствіяхъ этомъ, сообщилъ 0 герцога Альбы Спинозъ, который идя форсированнымъ маршемъ, настигъ обозъ и подкръпленіе прежде, чъмъ они успъли подойти къ Консуегра, и послъ кровопролитнаго сраженія уничтожилъ все подкръпленіе и захватиль весь обозь, послъ чего приступилъ къ правильной осадъ Консуегра, пославъ Дiero де Толедо предложение сдаться. это предложеніе не послъдовало ръшительно никакого отвъта, и все точно вымерло въ замкъ и во стънахъ Консуегра. На огонь осаждающей артиллеріи первое время отвъчали изъ кръпости дружнымъ огнемъ, затъмъ, по прошествіи трехъ дней, кръпостной огонь сталъ замътно слабъть; очевидно, недостатокъ въ снарядахъ начиналъ давать себя знать. Прошло еще двое сутокъ, и изъ Консуегры уже совершенно перестали отвъчать на бомбардировку осаждающихъ, а когда стемнъло, свъже выбъленныя стъны замка стали украшаться какими-то темными продолговатыми предметами, которые были сначала приняты осаждающими за орудія. Когда же разцвъло, то оказалось, что это были черные гроба, число которыхъ соотвътствовало числу молодыхъ рыцарей, находившихся въ стънахъ замка. Это означало. всѣ ОТР они ръшили скоръе умереть, чъмъ сдаться.

На шестыя сутки осады, когда осажденные уже начинали испытывать муки ужаснаго голода, по дорогъ изъ Толедо прискакали два гонца; одинъ съ письмомъ къ Спинозъ, другой отъ герцога Альба къ сыну, Діего де Толедо. Старый герцогъ, видя неизбъжную гибель сына и съ нимъ всего цвъта испанской молодежи, поспъшилъ къ Хименесу и со слезами молилъ его о пощадъ, причемъ торжественно поручился за сына, что Консуегра будетъ сдана Спинозъ, если молодымъ рыцарямъ будетъ дарована жизнь. Хименесъ смиловался и согласился на эти условія. Когда прибыли гонцы, рыцари уже лежали на землъ, завернувшись въ свои знамена, готовые умереть.

Глава VII-я.

Какъ ни унизительно было это пораженіе, оно ничуть не умърило гордости грандовъ, а только обострило ихъ ненависть къ кардиналу. Эта борьба ихъ противъ всесильнаго Хименеса только раззорила ихъ, скомпроментировала ихъ въ глазахъ короля и умалила ихъ значеніе

въмнъніи народа. Что теперь было дълать? Оставалось только последовать совъту Мота и соединиться съ фламандцами противъ кардинала, противъ котораго до сего времени возмущалась гордость грандовъ. Шіевръ и другіе приближенные короля съ завистью смотръли на быстро возростающее вліяніе Хименеса на молодого короля и ненавидъли регента за то, что онъ лишалъ ихъ возможности запускать руки въ государственные финансы Испаніи и, приводя все въ странъ къ восшествію на престолъ, Карла въ образцовый порядокъ лишалъ ихъ даже въ будущемъ надежды половить рыбу въ мутной водъ. Потому всякое недовольство и жалобы на кардинала встрѣчались ими благосклонно, и они никогда не упускали случая передать ихъ королю. Но тотъ не придавалъ ни этимъ жалобамъ, ни этимъ доносамъ никакого значенія.

836

Но если бы чуть не всѣ гранды Испаніи обратились къ нему съ прямою жалобой на Хименеса, Карлу конечно, нельзя было бы оставить это безъ вниманія.

Такъ уговаривалъ Мота герцога Альбу, Инфантадо, Педро Жирона и другихъ, и на этотъ разъ увъщанія его оказались не напрасными. Всъ они поручили ему составить коллективный протестъ противъ самовластья кардинала, и три герцога, двънадцать маркизовъ, двадцать графовъ и сорокъ бароновъ подписали эту бумагу.

Но если у Шієвра были свои агенты въ Испаніи, то и Хименесъ съ своей стороны также имълъ преданныхъ ему людей во Фландріи. Дієго Лопецъ, отправленный имъ къ Карлу для донесенія о состояніи финансовъ въ государствъ, получилъ отъ Хименеса приказаніе оставаться въ Брюсселъ до тъхъ поръ, пока тамъ будетъ находиться король.

Черезъ этого Діего Лопеца—кардиналъ узналъ, что, въ угоду грандамъ и своему двору, король собирался отправить въ Испанію еще двухъ другихъ уполномоченныхъ министровъ для раздъленія съ нимъ государственной власти. Эго были люди, хитрые, ловкіе, властолюбивые, и самолюбивые, судя по слухамъ, графъ Ла Шоо и баронъ Амерсгорфъ. Но Хименеса и это не смутило; онъ принялъ ихъ со всъмъ надлежащимъ почетомъ и весьма благосклонно.

Между тъмъ гранды не дремали и, въ ожиданіи благихъ результатовъ отъ пріъзда этихъ двухъ соправителей Хименеса, сплетали новыя интриги, создавая все новыя и новыя затрудненія кардиналу.

Со времени завоеванія Наварры, бывшій король ея Жанъ д' Альбрэ, поселившись въ Беарнъ, выжидалъ только удобнаго момента, чтобы вновь вернуться въ свое королевство. Однако, несмотря на объщаніе Франциска І-го, онъ не ръшался на этотъ шагъ, выжидая поддержки въ самой Испаніи. И вотъ враги Хименеса высказали готовность поддержать его, народъ же былъ готовъ во всякое время принять его.

Но какъ ни ухищрялись злонамъренные люди создавать все новыя и новыя затрудненія кардиналу, все же онъ всегда умълъ выходить побъжденнымъ изъ всъхъ затрудненій. Такъ и на этотъ разъ: узнавъ, что все уже было подготовлено для возвращенія Жана Д' Альбрэ въ Наварру, онъ собралъ всъ милиціи и расположилъ ихъ такъ, чтобы онъ въ каждый моментъ могли войти въ Наварру съ разныхъ сторонъ. Но теперь возбуждался вопросъ о назначеніи вождя этимъ войскамъ.

Обыкновенно главнокомандующіе мазначались изъ знатныхъ дворянъ, а Хименесъ не считалъ возможнымъ положиться въ данномъ случав ни на одного изъ нихъ, такъ какъ всв они были противъ него. Наконецъ, онъ призвалъ къ себъ статсъ секретаря Перецъ-Армазона, который явился къ нему блъдный, растерян-

ный и развернулъ передъ нимъ пергаментъ съ государственной печатью. Это былъ декретъ, которымъ герцогъ Нахаре назначался главнокомандующимъ арміею, декретъ этотъ былъ подписанъ соправителями кардинала, а для подписи послъдняго было оставлено свободное мъсто.

Хименесъ взглянулъ на пергаментъ и, помолчавъ немного, приказалъ Армазону разорвать его и приготовить другой, подобный же декретъ, которымъ кардиналъ, помимо своихъ соправителей, за своей единоличной подписью назначалъ доблестнаго боеваго офицера, человъка безъ всякихъ средствъ и связей, Фернанда Вилланьева на постъ главнокомандующаго. Во избъжаніе какихъ бы то ни было пререканій, Хименесъ приказалъ послъднему немедленно отправиться въ Пиринеи и охранять ущелье Ронсерваль. Когда Жанъ д' Альбрэ съ небольшой кучсвоихъ приверженцевъ вступилъ въ Наварру, то вмъсто объщанныхъ ему Испанскимъ дворянствомъ 20,000 партизановъ, его встрътили 15,000 солдатъ подъ начальствомъ Вилланьева.

Эта новая побъда доставила вый тріумфъ кардиналу, но, тъмъ не менъе Наварръ ежеминутно грозило новое нашествіе, она оставалось въчно открытою раной въ Испаніи и, чтобы избавиться этого дамоклова меча. Хименесъ рвшилъ разрущить всв крвпости и укръпленные замки, которыми изобиловала Наварра, за исключеніемъ одной только Пампелуны, которую Хименесъ укръпилъ еще больше прежняго и занялъ сильнымъ испанскимъ гарнизономъ. И все это сдълалъ, не совътуясь ни съ Ла-Шоо, ни съ Амерсторфомъ, которые, обиженные этимъ пренебреженіемъ. послали молодому жалобу за жалобой. Въ концъ концовъ эти постоянныя жалобы до того надовли Карлу, что онъ однажды сказалъ Шіевру: "Въ сущности мнъ кажется, что будетъ всего лучше, если мы предоставимъ ему управлять одному.

На это Шіевръ ничего не отвътиль, но изъ словъ короля поняль, что пока кардиналъ будетъ живъни его вліяніе, ни вліяніе Фламандской партіи никогда не возсторжествують надъ Карломъ, и, затаивъ на сердцѣ злобу, послалъ Мота новыя указанія и предначертанія.

Глава VIII-я.

То волненіе, какое вызвало раззореніе кръпости и замковъ Наварры, въ Испаніи было какъ нельзя болъе на руку сторонникамъ молодого Инфанта Фердинанда, которые ръшили тайно увезти его въ Арагонъ, гдъ дворяне и гранды готовы были принять его и провозгласить своимъ королемъ. Озоріо и королева Жермэнь составили настоящій заговоръ, осуществленію котораго мъшала только Изабелла Карвахаль, гувернантка Инфанта, прозванная заговорщиками "шпіонкой кардинала", и потому они, не спросивъ регента, удалили ее изъ дворца Фердинанда подъ предлогомъ, что инфантъ уже вышелъ изъ того возраста, когда онъ нуждался въ уходъ женщины, такъ какъ ему уже шелъ 15-й годъ.

Но Хименесъ не дремалъ и, какъ только королева Жермэнь отправилась въ Саррагоссу, увъдомилъ Карла о готовящемся заговоръ, а Діего Лопецъ, по порученію кардинала, разъяснилъ ему, какъ важно было немедленно перемънить персоналълицъ, окружающихъ инфанта.

Ла Шоо и Амерстофъ съ своей стороны извъщали молодого короля о томъ, что дълалось въ Испаніи; подъ вліяніемъ этихъ въстей и письма Хименеса Карлъ ръшился, наконецъ, начать дъйствовать со всей свойственной ему энергіей и политическимъ тактомъ. Онъ написалъ Хименесу длинное оффиціальное письмо, обращенное для формы также и къ Адріану Утрехтскому,

въ которомъ приказывалъ немедленно удалить отъ Инфанта лицъ, внушающихъ ему враждебныя чувства. къ брату королю; великому Командору ордена Колатравы Карлъповелъвалъ вернуться въ свой орденъ, архіепископу Асторга возвратиться въ свое архіепископство, а. Гонзалесу де Гусманъ покинуть. дворъ Инфанта. Далве, король поручалъ Хименесу лично разъяснить Инфанту благія намъренія его брата-короля, желающаго прежде всего его же блага и ввиду этого вынужденнаго удалить отъ него егоприближенныхъ и замънить ихъ. благонамъренными лицами, а гувернантку Инфанта дону Изабеллу де Карвахаль, удаленную безъ согласія короля или кардинала регента, водворить на прежнее ея мъсто. Все это Карлъ приказывалъ держать до поры до времени въ строжайшемъ секретъ и затъмъ привести немедленно въ исполнение.

Затъмъ король просилъ Хименеса немедленно увъдомить его, что онъсдълаетъ и какъ приметъ Инфантъего распоряженіе, чтобы Ла Шоомогъ вручить ему письмо архіепископа въ тотъ моментъ, когда онъвысадится въ Испанію, куда онънамъревался прибыть въ самомънепродолжительномъ времени,

Кромъ того, Карлъ написалъ другое письмо къ брату, предупреждая его объ усмотрънной имъ, королемъ, необходимости смънить его приближенныхъ, пытавшихся склонить Инфанта къ возмущенію и безпорядку.

Хименесъ находился въ Алькалъ, когда прибылъ курьеръ съ письмами короля въ Мандридъ, и начальникъ курьеровъ вручилъ ихъ Адріану Утрехтскому. Этотъ послъдній, не принимавшій никакого участія въ государственныхъ дълахъ и считавшійся лишь для вида сорегентомъ, въ отсутствіи Хименеса вскрылъ пакетъ короля и прежде всего поспъшилъ отправить Инфанту письмо, адресованное на его имя. Такимъ образомъ всъ мъры предосторож-

ности относительно того, чтобы распоряженія короля не разгласились раньше времени, теряли теперь всякое значеніе.

Когда же, прочитавъ письмо Карла къ обоимъ регентамъ. Адріанъ увидалъ, ЧТО сдѣлалъ большую оплошность, онъ, какъ провинившійся школьникъ, поспъшилъ къ Хименесу и смиренно повинился передъ нимъ. Почти одновременно съ нимъ прибыль въ Алькалу и Инфантъ Фердинадъ. Видя, что все дъло было уже испорчено Адріаномъ, Хименесъ, не теряя ни минуты, послалъ пригласить къ себъ Инфанта и приказалъ, чтобы его оставили съ нимъ наединъ.

Инфантъ началъ съ того, что расплакался, какъ ребенокъ: эта смѣна его приближенныхъ, съ которыми онъ сродился съ младенческихъ лѣтъ, оскорбляла его самолюбіе и чувства привязанности. Все это онъ сквозъ слезы высказалъ кардиналу и молилъ его заступничества передъ Карлемъ, молилъ его не исполнять воли короля.

Но Хименесъ сталъ уговаривать Инфанта подчиниться требованіямъ короля и тъмъ заслужить его довъріе и расположеніе, всякое-же сопротивленіе волъ монарха или неповиновеніе ему — государственная измъна, а потому не только онъ самъ, кардиналъ, не сдълаетъ никогда ничего подобнаго, но и его Инфанта, приглашаетъ не слъдовать совътамъ и нарушеніямъ недобронамъренныхъ людей, каковы его приближенные, замышляющіе измъну, смуту и безпорядки въ странъ.

Тогда Инфантъ вдругъ вскипълъ гнъвомъ и воскликнулъ;

— Озоріо не разъ говорилъ мнѣ, что это вы внушили королю злую мысль лишить меня моихъ друзей и близкихъ мнѣ людей, но я не хотѣлъ этому върить, теперь-же я вижу, что онъ былъ правъ. Вы почему-то считаете теперь себя въ правъ унижать меня, а между тъмъ вы знаете, что если-бы не было

несправедливости, то вы теперь были-бы обязаны повиноваться мнв, какъ вашему законному государю! Но знайте, что я самъ съумъю найти средства защитить себя отъ несправедливости!

— Ищите ихъ; ваше высочество, гдъ знаете, но я клянусь жизнью короля, вашего брата, что ни вы, ни вся Испанія, взятая вмъстъ, не помъщаете мнъ исполнить завтра до захода солнца приказанія моего государя!—сказалъ Хименесъ, провожая Инфанта.

Тотчасъ послъ ухода Фердинанда кардиналъ призвалъ къ себъ Спинозу, приказалъ съ большимъ отрядомъ слъдовать за Инфантомъ, окружить его и привезти его приближенныхъ обратно въ Алькалу. Узнавъ о томъ, что мъстечко, въ которомъ онъ остановился, блокировано гвардіей Хименеса, Фердинанъ, возмущенный этимъ насиліемъ надъ его личностью, вздумалъ было проткнуть своей шпагой перваго, кто осмълится преградить ему дорогу, и, выхвативъ шпагу, устремился впередъ, но Озоріо и остальные 27 человъкъ его свиты отказались послъдовать за нимъ, и, по первому требованію Спинозы, всв безъ малъйшаго сопротивленія покинули Инфанта, а недълю спустя Фердинандъ узналъ, что и Озоріо, и всъ остальные высказали передъ Хименесомъ униженную покорность волъ короля и умоляли кардинала ходатайствовать за нихъ передъ Карломъ, которому они объщались служитъ върой и правдой.

Глава ІХ-я.

Едва успълъ Хименесъ отдохнуть отъ тревожившихъ его безпрерывно государственныхъ дълъ, а еще болье онъ козней и интригъ его враговъ, какъ Вергара принесъ ему печальную въсть о болъзни королевы Іоанны, все еще томившейся въ заключени въ замкъ Тордедилласъ.

Умри она раньше, чѣмъ Карлъ успѣетъ принять въ свои руки бразды правленія, государєтву грозилъ бы цѣлый рядъмеждуусобныхъ войнъ и безпорядковъ.

Вергара не зналъ никакихъ подробностей, касающихся болъзни королевы, и встревоженный кардиналъ поспъшилъ отправиться къ ней, не теряя ни минуты.

Его, кром' тревоги за будущность государства, мучила еще мысль, что со времени смерти короля Фердинанда Католическаго, она была поручена маркизу Деніа, коменданту кръпости, и камергеру Луи Ферріе де Валленсъ. Кардиналъ не вмъшивался въ распоряженія короля и считалъ, что, выдавая аккуратно ежедневную ренту, назначенную на содержаніе королевы, онъ исполнялъ свой долгъ по отношенію къ ней. Но теперь, когда въсть о ея серьезной болъзни встревожили его, въ немъ вдругъ заговорила совъсть: онъ зналъ жестокость Ферріе, а также непреклоннось и жадность маркиза, и въ немъ зародилось подозръніе, что королевъ Іоанна жилось не сладко съ людьми.

Въ большой длинной залъ, освъщенной круглыми пробоинами, Хименесъ засталъ Ферріе и которые казались крайне озабоченными и, на высказанное кардинабыть желаніе немедленно допущеннымъ къ королевъ, смутились и стали увърять, королева никого не желаетъ видъть. Но Хименесъ настоятельно требовалъ, и хитрый маркизъ Деніа согласился доложить королевъ, архіепископа просилъ обождать. Хименесъ всталъ и пошелъ за маркизомъ и Ферріе, направившимся въ садъ, вдругъ протяжный стонъ, донесшійся изъ дальняго угла залы, привлекъ его вниманіе. Онъ вернулся и, дойдя до того угла, откуда донесся стонъ, увидълъ маленькую дверку, въ которой торчалъ ключъ.

Отворивъ эту дверь, Хименесъ

очутился на порогъ темной тъсной камеры, единственнымъ освъщеніемъкоторой служила стоявшая въ дальнемъ углу на полу, чадившая лампа;
никакой мебели въ этой камеръ не
было; только нъсколько полу-истлъвшихъ подушекъ валялись среди загороженнаго нечистотами пола; тутъже стояли остатки совершенно негодной пищи. И это было помъщеніе королевы Іоанны!

Въ тотъ моментъ, когда Хименесъ отворилъ захлопнувшуюся за нимъ дверь, изъ одного угла снова раздался тотъ же протяжный стонъ. Онъ оглянулся и увидълъ на полутощее скелетообразное существо съ громадными горящими глазами. имъвшее видъ 80-лътней старухи, не смотря на то, что королевъ Іоаннъ не было еще и 40 лътъ. Хименесъ подошелъ къ ней, желая убъдиться, узнаетъ ли она его, для чего нарочно широко распахнулъ дверь въ залу, откуда въ комнату ворвался широкій потокъ дневного свъта. Съ минуту несчастная щурила глаза, отвыкшіе отъ свъта; затъмъ сдълала знакъ, чтобы Хименесъ заперъ дверь. Когда онъ исполнилъ ее желаніе, она сказала:

— Я все время ждала васъ, кардиналъ Сизнеросъ. Но почему я не вижу съ вами короля, отца моего?

Хименесъ молчалъ; онъ зналъ, что отъ Іоанны утаили смерть ея отца, опасаясь, чтобы это извъстіе не ухудшило ея состоянія.

— Я чуть не умерла, — продолжала королева, — и потому поручила доннъ Маріи, единственному живому существу, которому я могу довърять, довести до свъдънія моего отца, что я желаю его видъть!

— А давно ли ваше высочество больны?—спросилъ Хименесъ.

— Какъ могу я это знать... Здѣсь всѣ дни такъ похожи — это точно медленно текущая вода, которую никто не вымъряетъ... Должно быть я уже очень давно содержусь въ этой тюрьмѣ, не правда ли?

Но раньше вамъ жилось лучше

здъсь, не такъ ли? Мы всъ полагали, что въ вашемъ обиходъ не произошло никакихъ измъненій, а между тъмъ я вижу, что ваши люди не приходятъ убирать это помъщеніе!

— Кто же прибираетъ въ могилъ? Я просила, чтобы мнъ позволили выходить въ эту залу, но Фарріе сказалъ, что мой отецъ запретилъ это, а теперь мои ноги не могутъ уже дотащить меня до дверей; они это знаютъ и потому не стали даже запирать меня!

— Но ваше высочество не сказали мнъ, что было причиной вашей внезапной болъзни?—замътилъ Хи-

менесъ.

— Причиной ея былъ Луи Ферріе, который приказалъ подвергнуть меня пыткъ. Въроятно, я очень кричала. Сначала ко мив прислали монаха Виллагасъ, который приказывалъ мнъ смириться и молиться... Ха, ха, ха! молиться!. Я прогнала его, бросивъ ему въ лицо нечистоты... Тогда Ферріе явился сюда съ двумя человъками, и они повъсили меня здъсь за руки! - несчастная указала на желъзную балку подъ потолкомъ, -- а къ ногамъ прицепили тяжелые грузы, такъ что съ тъхъ поръ ноги у меня какъ перебитыя, и я не могу подняться.

Не будучи въ состояніи слушать далѣе эту ужасную повѣсть, кардиналъ хотѣлъ выдти и тотчасъ же учинить судъ и расправу, но коро-

лева удержала его.

— Вы скажите королю, чтобы онъ прівхаль ко мнв. О, какъ я буду рада его видвть! — сказала она, и крупныя слезы покатились по ея впалымъ морщинистымъ щекамъ.

— Король прівдеть, Гаше Величество, но для того, чтобы вы могли принять его, надо, чтобы вы согласились дать прибрать эту комнату и дать одвть себя въ платье, приличное вашему званію. Объщайте, что вы позволите вашимъ дамамъ и прислужницамъ ходить за вами!

— Да, но только уберите отъ меня этого человъка, Луи Ферріе,— чтобы я никогда больше не видъла ero!

Хименесъ объщалъ, выйдя въ большую залу, нашелъ тамъ только Вергара, ожидавшаго его; маркизъ же Ферріе подъ предлогомъ какихъто дълъ поспъшно покинулъ замокъ.

Доъхавъ до Вальядолида, отстоявшаго всего въ двухъ часахъ пути отъ Тордбсилласъ, кардиналъ тутъ же издалъ декретъ, отстранявшій немедленно отъ ихъ должностей маркиза Деніа и Ферріе и назначавшій на ихъ мъсто человъка гуманнаго, мягкаго и кроткаго, дона Дукасъ де Талавара, которому вмънялось въ обязанность окружить королеву всъми удобствами жизни, какія только могли быть для нея доступны.

Устроивъ это, кардиналъ написалъ о всемъ королю, отъ котораго получилъ трогательное благодарственное письмо. Но върный Лопецъ сообщалъ при этомъ, что на самомъ дълъ при фламандскомъ дворъ участью королевы очень мало интесуются и скоръе склонны видъть въ ней опасную личность, чъмъ безвинную страдалицу.

Глава Х.

Фламандцы быстро свыклись съ мыслью быть отстраненными отъ управленія Испаніей, такъ какъони въ сущности не столько гнались за этимъ, сколько за возможностью безнаказанно черпать золото изъ государственной казны Испаніи. Вначалъ говорилось только о необходимости извъстнаго кредита, въ которомъ нуждался дворъ, затъмъ, зная то нетерпъніе, съ какимъ Химинесъ ожидалъ прибытія молодого короля въ Испанію, у него стали требовать денегъ на сооруженіе флота, который долженъ былъ доставить юного монарха въ Пиринейскій полуостровъ. Этотъ маневръ примънялся трижды. Наконецъ, приближенные молодого короля мало по малу успъли убъдить его, что

ему нътъ надобности оставаться въ зависимости отъ щедротъ кардинала, и что онъ, какъ король, можетъ брать изъ казны, сколько угодно. И вотъ съ этого времени пошло такое разграбленіе, что государственная казна Испаніи таяла, точно снъгъ, на солнцъ. Но вскоръ и этого стало мало, и Фламандскіе придворные занялись торговлей должностей въ Испаніи, что явилось для нихъ источникомъ неисчерпаемыхъ доходовъ Наряду съ этимъ всъ лучшія мъста въ Испаніи оказались въ рукахъ фламандцевъ. Вскоръ эта постыдная торговля стала настолько явной, что Испанскій народъ, возмущенный до глубины души, сталъ требовать собранія кортесовъ, чтобы положить конецъ наглости и жищничеству иностранцевъ. На углахъ улицъ сталы появляться памфлеты, въ которыхъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выставлялась алчность и лихоимство Тіевра, котораго напроституткой, продающей свои милости каждому, кто захочетъ ему заплатить.

Король, не смотря на многократныя объщанія, все не пріъзжалъ, — народъ усталъ его ждать. Хименесъ со свойственной ему прямотой не

разъ писалъ Карлу:

"Здъсь говорять, что ваше величество израсходовали въ нъсколько мъсяцевъ больше государственныхъ денегъ, чъмъ ихъ католическія величества въ теченіе всего своего долголътняго царствованія. Рекомендую Вашему Величеству присмотръться хорошенько къ окружающимъ васъ лицамъ и удалить отъ себя тъхъ изъ нихъ, которыя стремятся разорить васъ и страну; теперь всъ уже начинаютъ роптать и высказывать свое неодобреніе. Умоляю Ваше Величество прівхать возможно скоръе и заставить умолкнуть этотъ ропотъ народа".

Въ Испаніи содержаніе этихъ писемъ Хименеса къ королю было извъстно, и народъ, видя въ архіелископъ единственнаго защитника

своихъ національныхъ интересовъ, видя его безупречное безкорыстіе и безпристрастіе, доходившее до того, что его лучшіе друзья все еще находились въ ожиданіи мъста, давно ими заслуженнаго, признали, наконецъ, несомивиныя заслуги этого великаго государственнаго дъятеля. Дворянство и гранды уступившіе, въ порывъ чувства излобленія противъ кардинала, совътамъ Мота и призвавшіе на помощь противъ этого общаго врага — величайшаго врага Испаніи фламандцевъ, теперь горько въ томъ раскаивались. Видя, что дорогая ихъ сердцу родина становится жертвой чужестранцевъ, и признавая, что единственный человъкъ, способный устоять противъ этого пагубнаго теченія и могущій спасти Испанію, - это Хименесъ, они нашли силу подавить свою гордость и явиться съ повинною къ кардиналу.

Герцогъ Альбукэркъ первый рвшился на этотъ шагъ; вскоръ и другіе послъдовали его примъру, ръшивъ общими, они силами, за одно съ Хименесомъ, отстаивать интересы Испаніи, предавъ забвенію свою прежнюю вражду и непріязнь къ нему. И Хименесъ съ своей стороны оказался на столько великодушенъ, что простилъ имъ всъ бъды и оскорбленія, говоря, что тъ, кто могъ нарушить спокойствіе государства, могутъ также и послужить его благу.

Глава XI.

Это новое сближеніе грандовъ съ кардиналомъ было весьма не по душъ фламандцамъ, которые, впрочемъ, относились къ нему съ недовъріемъ. Чтобы скръпить еще болье этотъ союзъ, которымъ теперь дорожило дворянство, графъ Коруна, двоюродный братъ Гонзалеса Мендоза, убитаго въ Наварръ, просилъ у кардинала руки его племянницы Нины. Хименесъ, радуясь въ душъ этому предложенію, не хотълъ, однако, насиловать желанія своей племянницы и прежде, чъмъ

дать свое согласіе, послалъ отца Рюнса узнать, какъ отнесется къ этому предложенію молодая дъ-

ъушка.

Отецъ Рюисъ далъ ей понять, что ея согласіе на бракъ съ графомъ Коруна послужитъ явнымъ подтвержденіемъ сближенія дворянства съ кардиналомъ,—и Нина, нимало не задумываясь, дала свое согласіе въ слъдующей формъ: "Если моя жизнь можетъ быть полезна интересамъ моего дяди, архіепископа, то я съ закрытыми глазами даю свое согласіе; мнъ не надо даже знать имени моего наръченнаго!

Двъ недъли спустя состоялось торжественное вънчаніе племянницы архіепископа съ молодымъ графомъ Коруна въ Толедскомъ соборъ въ присутствіи всъхъ важнъйшихъграндовъ Испаніи, которые стоя съ непокрытыми головами и безъ шпагъ, передъ архіепископомъ въ полномъ облаченіи съ золоченою митрой на головъ, смиренно склонялись передъ его величіемъ, его силой и могуществомъ. Это было, такъ сказать, олицетвореніемъ торжества Хименеса надъ надменною гордостью грандовъ и дворянъ.

Глава XII.

Наконецъ, пришла въсть, что король въ сентябрскій праздникъ Пр. Богородицы, наконецъ, отплылъ изъ Фландріи и, судя по благопріятному вътру, черезъ нъсколько дней долженъ былъ прибыть въ Испанію.

Въсть эта чрезвычайно обрадовала Хименеса, который всегда видълъ высшее благополучіе Испаніи въ прівздъ короля. Кромъ, того онъ успълъ полюбить всъми силами души юнаго монарха, надъ созданіемъ монархіи котораго онъ столько лътъ трудился и ради котораго столько вынесъ и выстрадалъ, хотя никогда даже не видалъ его. Онъ видълъ въ немъ того обътованнаго Мессію, которому суждено было

основать новое царство и вознести Испанію на высшую степень величія и славы. Наконецъ-то онъ увидить этого юнаго монарха своими глазами, преподасть ему свои наставленія въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ и тогда воскликнетъ, подобно Симеону Праведному: "Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко"...

Хименесъ сталъ готовить все къ прівзду короля; при звукахъ трубъ и барабановъ приказалъ возвъщать повсюду, по городамъ и благую въсть о скоромъ прибытіи короля; пригласилъ грандовъ и дворянъ устроить торжественную встръчу; со всевозможной пышностью и блескомъ снаряжалъ флотъ, который долженъ былъ выйти на встръчу флоту Карла и, наконецъ, самъ, въ сопровожденіи отца Рюиса и Вергара, окруженный свою блестящей и многочисленной гвардіей, подъ начальствомъ Спинозы, двинулся къ границъ, чтобы встрътить короля, какъ только тотъ ступитъ ногой на испанскій берегъ. Никогда еще кардинала не видъли такимъ счастливымъ и довольнымъ. По дорогъ онъ останавливался въ Торре-Лагуна, мъстъ своего рожденія, и во многихъ селеніяхъ, гдъ народъ привътствовалъ его, какъ своего заступника и благодътеля.

На второй или третій день пути онъ остановился въ Босъ-Эквиллосъ. Пріоръ домъ Маркина, настоятель близъ расположеннаго монастыря, отправился изъ своего мостыря вмъстъ со своимъ помощникомъ на поклонъ къ кардиналу и былъ уже не далеко отъ Босъ-Эквиллосъ, когда, услыхавъ за собой бъщено мчавшагося всадника, они поторопились, чтобы пропустить его мимо себя, но были окликнуты имъ-

— Вы идете къ кардиналу, пріоръ? Спѣшите же, и если архіепископъ еще не ужиналъ, скажите ему, чтобы чтобы онъ не кушалъ большой форели, которую ему подадутъ

на ужинъ: рыба эта отравлена ужаснымъ ядомъ. Блаженная Беата послала меня предупредить его объ этомъ... Во имя Самого Бога, спъшите! — сказалъ всадникъ, повиди-

мому, знатный мавръ.

Обхваченные ужасомъ, монахи стали погонять, что было мочи, своихъ муловъ, не оглядываясь на назадъ, гдъ всадникъ, нагнавшій ихъ, никто иной, какъ Зегри, зашатавшись вмъстъ съ конемъ, упалъ замертво на землю. Одна и та же смертельная желудочная судорога сразила одновременно этихъ неразлучныхъ друзей, благороднаго рыцаря Зегри и его коня. Эта бъшеная скачка черезъ горы и долы ради спасенія жизни кардинала была ихъ послъднимъ подвигомъ.

Наконецъ, встревоженный пріоръ и его помощникъ достигли Босъ-Эквиллосъ и, остановившись передъ домомъ, гдъ находился Хименесъ, спросили, еще не слъзая съ муловъ, отужиналъ ли кардиналъ. Барракальде, встрътившій ихъ на крыльцъ, полагая, что монахи проголодались, смъясь отвътилъ имъ, что отужиналъ одинъ только архіепископъ, но что отецъ Рюисъ и Вергара еще не ужинали и, въроятно, не откажутся раздълить съ ними свои яства.

- Ахъ, не въ этомъ дѣло,— огорченно возразилъ пріоръ, мнѣ надо немедленно видѣть кардинала: я имѣю до него лично дѣло!
- Видъть его здъсь не трудно, войдите вотъ въ эту дверь: тамъ вы его найдете и можете съ нимъ говорить безъ всякихъ этикетовъ; въдь, мы здъсь не въ Толедо или Мадридъ!

Послѣдовавъ указанію Барракальде, пріоръ и его помощникъ вошли къ кардиналу, который встрѣтилъ ихъ привѣтливой улыбкой. Принявъ благословеніе, они разсказали ему все, что имъ поручилъ Зегри.

— Не печальтесь, друзья, что вы прибыли слишкомъ поздно: я уже

съ полъ-часа какъ отужиналъ и не ълъ ничего другого, кромъ именно этой форели! Если я дъйствительно отравленъ, то не сегодня только, а уже нъсколько времени тому назадъ. Когда я вскрылъ депешу, возвъщавшую объ отбытіи короля изъ Брюсселя, мнъ въ лицо пахнула какая-то мелкая бъловатая пыль, отъ которой мив сразу сдвлалось дурно, затъмъ я сталъ чувствовать нестерпимую боль въ моз-Но не все ли равно, какой смертью умереть? Въ мои годы пора идти на встръчу смерти. Лишь бы мить только дожить до прітвада. короля, и тогда я умру спокойно!

Едва договорилъ онъ эти слова. какъ въ комнату вбъжалъ Спиноза,

— Ваше святьйшество здорово? Вы не кушали рыбы? Францискъ Корильо, всегда пробующій каждое блюдо, которое подается къ столу вашего высокопреосвященства, внезапно занемогъ!—У него оказались всъ признаки сильнаго отравленія, и онъ увъряетъ, что виною всего рыба!

— Надо немедленно перевести больного въ нашъ монастырь, тамъ ему будетъ оказана врачебная по-

мощь!-сказалъ пріоръ.

— Да, да, пусть возьмуть мой экипажъ, — добавилъ Хименесъ и вдругъ, смертельно поблъднъвъ, пошатнулся и упалъ бы, если бы его не успълъ подхватить стоявшій подлъ него Спиноза.

Съ помощью отца Рюиса и Вергера, Хименеса перенесли въ экипажъ и отвезли въ монастырь Аквилера, также какъ и больного-

Франциска Корильо.

Трое сутокъ кардиналъ не приходилъ въ сознаніе, а затъмъ у него брызнула кровь изъ ушей, ногти стали отпадать, и все тъло покрылось гнойными язвами, при чемъ адскій холодъ пронизывалъ его до мозга костей, не смотря на сильный зной лътнихъ мъсяцевъ. Его поддерживала только сильная воля и упорное желаніе дождаться и

увидъть короля. Онъ не позволилъ даже, чтобы произведено было слъдствіе для розысканія виновника этого ужаснаго покушенія на его жизнь, изъ желанія избъжать всякаго волненія въ народъ и нарушенія всеобщаго праздничнаго настроенія, подготовленнаго имъ для встръчи короля.

Прошла цълая недъля; кардиналъ замътно ослабъвалъ съ каждымъ днемъ. Но вотъ однажды утромъ Вергара сообщилъ ему, что король благополучно высадился въ Willa buciosa и черезъ Кастилію направляется въ Вальядолидъ.

Услыхавъ это, кардиналъ разомъ ожилъ; силы снова вернулись къ нему, онъ самъ отслужилъ благодарственную мессу, завтракалъ за общей трапезою съ монахами и тотчасъ послъ трапезы сълъ въ свой экипажъ и отправился въ Роа, откуда ему уже оставался всего одинъ перегонъ пути, чтобы встрътить короля въ Вальядолидъ. Прибывъ въ Роа, Хименесъ отправилъ впередъ курьера, чтобы подыскалъ помъщение въ Вальядолидъ, гдъ, по случаю прівзда короля, всв дома и квартиры были заняты, но, къ великому его огорченію, въ цъломъ городъ не оказалось ни одного свободнаго дома для кардинала. Тогда онъ писалъ королю, что онъ проситъ принять его хотя бы не оффиціально и удълить ему нъсколько часовъ времени. Но въ теченіе трехъ дней на это письмо не последовало никакого отвъта и только по прошествіи этого времени пришло ожидаемое посланіе отъ короля. Оно было написано рукою Мота и только подписано королемъ. Карлъ отказывался принять кардинала: "Я ъду въ Тордесилласъ, —писалъ онъ, —и не могу ожидать вашего посъщенія, такъ какъ долженъ привътствовать прежде всего королеву,--мать мою. Кромъ того, полагаю, что вы въ настоящее время, послъ столькихъ полезныхъ трудовъ нуждаетесь въ отдыхъ, а потому готовъ лишиться

вашихъ драгоцънныхъ услугъ и предоставить вамъ мирно и спокойно докончить дни жизни вашей въ Толедскомъ архіепископствъ, такъ какъ только въ Богъ вы можете найти себъ награду за свои труды"!

Хименесъ спокойно отложилъ письмо это въ сторону, и двѣ крупныхъ тяжелыхъ слезы скатились изъ его глазъ. Онъ всталъ и медленно направился къ кровати; страшный ознобъ потрясалъ все его тъло.

— Все кончено!—проговорилъ онъ спокойно,—теперь мнъ уже незачъмъ бороться со смертью!

Онъ легъ и скрестилъ руки на груди. Немного успокоившись, онъ пожелалъ пріобщиться. Когда Варгара принесъ ему его кардинальскія одежды, онъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ.

— Нътъ, братъ мой, единственнымъ оправданіемъ моимъ передъ Всевышнимъ будетъ, если я предстану предъ нимъ въ полномъ смиреніи!

Затъмъ онъ исповъдался, пріобщился и, принявъ причастіе, сказалъ

— Все на свътъ суета, кромъ въчнаго сближенія съ Богомъ, Творцомъ моимъ!

Въ комнатъ воцарилась мертвая, томительная тишина. Прошло нъсколько минутъ, и отецъ Рюисъ, беззвучно приблизившись къ постели умирающаго, поцъловалъ его блѣдную, точно восковую руку, безжизненно свъсившуюся въ складкахъ темной францисканской рясы. Затъмъ онъ сдълалъ знакъ, чтобы Вергара и Спиноза зажгли свъчи, такъ какъ того, который сумълъ сломить гордыню испанскихъ грандовъ и создать прочныя основы будущей великой монархіи, уже не стало. Онъ скончался тихо, одиноко, какъ самый послъдній францисканскій монахъ.

Въ сосъдней комнатъ Барракаль-

де, все время прислушивающійся у дверей, поняль, что все кончено и схвативъ перо, поспъшно набросалъ записку Мота:

"Шіевръ можетъ предоставить королю безпрепятственно разъважать по всему королевству: Слона не стало,

конецъ.

Вступая въ жизнь съ душою, полной упованій, Съ любовью искренней и къ правдѣ, и къ труду, Такую встрътишь въ жизни бездну испытаній, Такую безпощадную къ себѣ вражду,

Что сердце больно, тяжко такъ въ груди сожмется,

И слезы выступятъ невольно изъ очей,

Озлобленное слово съ устъ твоихъ сорвется,

Проклятіемъ клеймя безуміе людей!

Но, схоронивъ въ душъ былыя увлеченья,

Борьбы не выдержавъ, безславно упадешь

И подъ напоромъ сильнаго волны теченья

Безсмысленно за массой поплывешь...

А послъ будешь горько самъ смъяться,

Припомнивши волненья прежнихъ юныхъ дней...

Отъ прежде милаго не трудно отказаться.

Когда душа черства и сердце холоднъй...

Николай Васильевь.

Пища японцевъ.—Плоды и овощи.— Приготовленіе саке (рисовой водки).— Куреніе.— Одежда— Обувь.— Жилище.

Рисъ служитъ главною пищею богатыхъ японцевъ, бъдные же питаются просо, ячменемъ и гречихой. Изръзанность береговъ даетъ неисчерпаемый источникъ животной пищи. Иностранцы съ трудомъ привыкають къ японской кухнъ, гдъ не употребляють ни мяса, ни хлѣба, ни масла, ни обыкновеннаго картофеля, а такъ называемые "бататы" (сладкій картофель), хотя и вкусны, но причиняютъ изжогу. Вмъсто масла для жаренья употребляють рыбій жиръ, придающій всему отвратительный вкусъ; кромъ того, все это подгоръло бываетъ и пропитано дымомъ, благодаря примитивному способу приготовленія на маленькихъ жаровняхъ. Овощи не увариваются до надлежащей степени; соленое перемъшивается со сладкимъ и наоборотъ. Я съ большимъ трудомъ ълъ японскія кушанья, такъ велико было мое отвращение къ нимъ.

Японскій столъ напоминаетъ американскій въ Мексикъ, Перу и Чили. Вотъ одно изъ меню, по Чемберлену: прежде всего подаютъ теплое рисовое вино (Sake). Супомъ изъ бобоваго сыра (Suimono) открывается такъ сказать hors d'oeuvre, за нимъ слъдуютъ омлеты, каштаны или рыбныя клецки. Порубленной сырой рыбой (sashimi), морскими водорослями (tsubo), рыбой или пуляркой съ кореньями лотоса заканчивается закуска. Черезъ нъкоторый промежутокъ времени начинается объдъ: подается опять супъ изъ бобоваго сыра, или рыбы, или водорослей, затъмъ отварная рыба (ohiro), сырая, разръзанная на куски, рыба (namasu), соленая съ весьма непріятнымъзапахомъ старая ръдька, огурцы или коренья лотоса (ко поmono). Наконецъ, въ заключеніе, подаютъ опять супъ, сырую рыбу и рисъ.

Столовъ и стульевъ нѣтъ. Садятся прямо на полъ, на цыновки. Служанки вносятъ крошечные четыреугольные столики и ставятъ или каждому присутствующему въ отдъльности. или одинъ столикъ для двоихъ. Пьеръ Лоти разсказываетъ объ этомъ такъ: "Приближаются дъвушки съ улыбкой на губахъ и съ глубокими поклонами. Одна несетъ жаровню и чайникъ, другая -- засахаренные фрукты на крошечныхъ дорогихъ тарелочкахъ, наконецъ, третья-какіе то невозможные предметы на восхитительныхъ дощечкахъ. Весь этотъ кукольный объдъ размъщается на крошечномъ 4-хъугольномъ столикъ. Все это очень мило. Косоглазыя "граціозныя" брюнетки садятся на корточки и приглашаютъ васъ объдать. Въ фарфоровой вазочкъ съ зазубринками супъ-невозможная похлебка, на поверхности которой плаваютъ зеленыя морскія водоросли; послі этого подаютъ копченую рыбу съ сахаромъ и фрукты съ уксусомъ и перцемъ, краббовъ и бобы съ сахаромъ. Все это отвратительно на вкусъ, но маленькія японки своимъ непрестаннымъсмъхомъ умъютъ принудить каждаго всть".

Ни ложекъ, ни вилокъ и ножей тамъ не признаютъ, а употребляютъ только двъ красивыя деревянныя или костяныя палочки, которыми и отправляютъ кушанья въ ротъ, какъ мы это дълаемъ вилкой.

Въ деревенскихъ трактирахъ можно получить соленыя сардинки въ сахаръ, въ сахаръ же заготовленные зрълые бобы съ зеленой, соленой соей изъ тъхъ же бобовъ; супъ изъ бобовой муки особеннаго запаха; сливы, завернутыя въ очень соленые листья Perilla ocymoides, сильно пахнущіе клопами; соленые кусочки бълой ръдьки; сушеныя, тонкія, какъ бумага, водоросли, хорошую жареную рыбу, печеный сладкій картофель и хорошо поджаренные каштаны. На желъзнодорожныхъ станціяхъ предлагають еще тоненькія булочки, испеченныя на рыбьемъ жиру, похожія на наши макароны, -по они почти не съъдобны до того

Овощи у японцевъ играютъ большую роль. Бълая и розовая ръдька, похожая на мексиканскую, длиною

въ 1 футъ и толщиною чуть не въ 2 вершка, бросается всъмъ въ глаза. Самую большую въ свътъ ръдьку можно видъть на базаръ Кагошимо въ Кіу-Сіу. Нъкоторыя изъ нижъ въсять больше 30 килограм, и при этомъ необыкновенно сочны. Очень любятъ также японцы бълую плоскую китайскую ръпу. Тонкіе корешки морского растенія Cochlearia wasabi напоминають по вкусу нашь хрынь. Въ большихъ гостиницахъ Токіо эти корешки трутъ такъ же, какъ у насъ хрѣнъ, и затѣмъ приготовляютъ изъ нихъ соусъ къ рыбъ. Разные сорта японской Dioscorea составляютъ также пищевой продуктъ, не во вкусъ европейцевъ. Dioscorea sativa-вьющееся растеніе съ красивыми сердцеобразными листьями и бълыми цвътами, въ видъ сережекъ. Ядовитыя Таго, изъ семейства ароидснабжены крахмалистыми, крохкими кореньями. Въ Японіи они почти никогда не цвътутъ, или очень рѣдко, такъ что отожествлять ихъ съ настоящими сортами нельзя. Соlocasia antiquorum Schott (Sato-imo) имъетъ бълые угловатые корневые отростки (величиною съ куриное яйцо) которые въ измельченномъ видъ и вымоченные въ нъсколькихъ водахъ употребляются также въ пищу въ соленомъ видъ. Сладкій картофель, или бататы, введенный черезъ Китай изъ Луцони еще въ 1600 г., разводится повсюду и употребляется въ пищу. Круглые клубни этого растенія вкусомъ своимъ напоминаютъ каштаны. Лотосъ доставляетъ также съъдобные, но невкусные коренья, толщиною въ 8-10 сантиметровъ; они содержатъ въ себъ крахмалистыхъ очень много ществъ, продаются во всъхъ зеленныхъ лавкахъ. Горохъ употребляютъ съ древнихъ временъ. Лучистые низкорослые бобы съ желтыми цвътами, называемые Ацуки и бобы glycine hispida, изъкоторыхъ приготовляется соя), воздълываются повсюду. Эти послъдніе покрыты волосками красновато-коричневаго

цвъта; въ стручкахъ бываетъ всего по 2 съмячка, но зато стручьевъбольшое изобиліе. Въ Европъ оно извъстно подъ именемъ Glycine hispida и даетъ урожай самъ семьдесятъ. Родина же его восточноазіатскій континентъ. Отсюда же вывезено и Canavallia ensiformis, которое получило название Nata-mame, большіе розовые цвъты его висять въ видъ кисти: самыя съмена также очень велики и заключаются въ толстыхъ широкихъ стручкахъ до 20 сантиметровъдлины. Англійскіе длинные бобы китайскаго происхожденія, но по какой то странной случайности въ Австраліи называются gérman beans (нъмецкіе бобы). Этовьющееся растеніе, имъющее длинный цвъточный стебель, заканчивающійся щитовиднымъ цвѣткомъ; его тоненькіе, кругленькіе, какъ стебелекъ, стручки бываютъ длиною до 30 сантиметровъ; бобы эти ъдятъ незрълыми, но въ отваренномъ видъ. Въ Японіи они называются sasage. Имъются тамъ также и наши французскіе бобы (Ingen-mame). Земляные оръхи (Nankia-mame), африканскаго происхожденія, разводятся во всъхъ теплыхъ странахъ и употребляются и въ пищу и на выдълку масла.

Изъ Манчжуріи ввезли гречиху (Soba); Китайское просо замъняетъ бъднякамъ рисъ, и они варятъ изъ него кашу (Kibi); изъ ячменя и пшеницы приготовляютъ муку, а рожь вовсе не съютъ.

Самый лучшій восточно-азіатскій рисъ — главный продуктъ Японіи. Зерна риса называются Коте, а рисъ вообще--gozen; въ отваренномъ же видъ, въ какомъ его подаютъ къ каждому объду (въ большихъ деревянныхъ горшкахъ), онъ уже называется meshi. На полъ онъ до пересадки носитъ названіе Nae, а послъ пересадки—ine. Изъ смъси рисовой муки съ бобовой и сахару пекутъ безвкусные пирожки.

Желтую ръпу, пастернакъ, лукъсъянецъ, чеснокъ и лукъ-порей разводять въ Японіи съ давнихъ временъ. Употребляютъ они также въ пищу молодые отростки бамбуковаго тростника и папоротника. Салаты, латукъ и эндивій, а также красная ръпа и капуста, привезены въ Японію голландцами и разводятся только въ городахъ. Всъ эти овощи заготовляются въ особенномъ уксусъ изъсливъ, который придаетъ имъ очень красивый видъ. Изъ овощей еще можно отмътить такъ называемый "едота" и южно-американскіе томаты "Aka-nasu". Плоды яичнаго растенія Nasubi очень любимы на всемъ востокъ; ихъ варятъ или запекають въ тесте. Анисъ, укропъ, петрушка, солдерей и коляндра растутъ также въ восточной Азіи. Испанскій перецъ, родина котораго въ Индіи, употребляется какъ прянность, но не въ такой мъръ, какъ въ Южной Америкъ, въ особенности у креоловъ. Молодые листья японскаго кустарника Sansho, благодаря ихъ аромату и вкусу, употребляются какъ приправа къ кушанью. Растуть эти красивые кусты съ перистыми листьями преимущественно у береговъ рѣкъ и ручьевъ.

Арбузы (Suikwa) не такъ хороши и сладки, какъ австралійскіе и южно-американскіе, и скорѣе напоминаютъ южно-европейскіе. Тыква, арбузы и огурцы разводятся въ настоящее время повсюду. Изъ продолговатой тыквы дѣлаютъ домашнюю утварь. Изъ съѣдобныхъ грибовъ въ Японіи есть что то въ родѣ шампиньоновъ. Грибы эти, говоритъ Рейнъ, растутъ у дубовъ, высушенные получаютъ прекрасный ароматъ, изъза котораго ихъ и разводятъ и даже вывозятъ въ другія страны.

Культура плодовыхъ деревьевъ въ Японіи теперь только начинаетъ развиваться. Бива *) приноситъ на югъ

^{*)} Дерево съ въчноземными, кожеобразными листьями, похожими на листья каштановаго дерева, душистыми цвътами, и плодами величиною съ большую сливу.— Латинское названіе его Eriobothrya japonica.

сладкіе, а на съверъ довольно кислые плоды. Самые же лучшіе туземные плоды-это финиковыя сливы; есть также и персики, и абрикосы, и сливы, и айва. Вишни не прививаются въ этомъ краѣ; яблоки привозятся изъ Америки, а изъ Китая груши (Nashi), твердыя и не вкусныя. Апельсинныя деревья, вывезенныя съ давнихъ временъ изъ Китая, растутъ лучше всего на югъ Японіи, а именно въ Кіу-Сіу, а также въ провинціяхъ юживе Кіото. Насчитываютъ до 40 разновидностей ихъ, изъ которыхъ самыми дорогими считаются маленькіе, сладкіе мандарины (Міkan) съ легко отдъляющейся кожицей. Севильскіе апельсины растутъ на деревьяхъ, другіе же сортана кустарникахъ. Въ послъднее время въ Южной Японіи стали разводить и бананы, но они даютъ невкусные плоды. Вблизи городовъ попадаются и виноградники, но виноградъ получается не очень хорошій, такъ что вина изъ него не дълаютъ. Американскія лозы растутъ въ Японіи въ дикомъ состояніи.

Искусству приготовлять вытяжки изъ бобовъ японцы научились у китайцевъ. Вытяжки эти называются тофу, растительный сыръ, который приготовляется изъ молотаго размоченнаго боба и поваренной соли. Сыръ этотъ хранятъ подъ водою и употребляютъ или отдъльно или примъшивая къ супу.

Изъ паренаго риса и ячменнаго солода вывариваютъ что то въ родъ сахара. Обыкновенный же свекловичный сахаръ доставляется туда изъ Европы, а тростниковый—изъ Австраліи. Въ Овари, Тоца и Сатцума пробуютъ разводить сахарный тростникъ для добыванія сахара.

Кушанья приправляютъ "Shoju" — бобовымъ масломъ, напоминающимъ по вкусу мясной экстрактъ. Эта соя употребляется въ настоящее время и въ другихъ странахъ подъ различными названіями. Приготовляется она изъ истолченной сырой пшеницы, рисовыхъ дрожжей, поджа-

ренной и измолотой пшеницы разваренныхъ бобовъ. Всю эту см всь оставляють три дня въ деревянной посудъ; когда она перебродитъ, переливаютъ въ чаны, добавляютъ соли и воды и получаютъ кашицу, которая остается въ чанахъ пять лътъ, при чемъ ежедневно ее нужно мъшать. По истечени трехъ лътъ. она пріобрътаетъ коричневый цвътъ, ароматъ и вкусъ, а по истеченіи 5 лътъ ее выжимаютъ и получаютъ экстрактъ. Есть у японцевъ и чай. вывезенный изъ Китая настоятелемъ монастыря Денгію Даиши еще въ г., а теперь разводимый ужеповсюду. Сборъ листьевъ бываетъ два раза въ годъ-въ мав и въ іюль. Листья эти вмъсть со свъжими, душистыми цвътами avena fragrans и gardenia floribunda пропариваютъ и сушатъ въ глубокихъ горячихъ чугунныхъ сосудахъ, а черезъ 24 часа отсъиваютъ прибавленные душистые цвъты. Подаваемый въ чайныхъ "Nipon sha" свътлозеленагоцвъта, очень уже жидокъ. Въ европейскихъ же гостинницахъ употребляется только привозный чай. Кофе въ Японіи пьютъ очень рѣдко.

Самымъ главнымъ предметомъ потребленія у японцевъ считается рисовое вино Sake, въ составъ котораго входятъ грибки (eurotium oruzae Ahlburg), превращающіе рисовый крахмалъ въ декстринъ (путемъброженія), а затъмъ и въ алкоголь. Споры этихъ грибковъ продаются въ видъ желтаго порошка.

Вотъ какъ приготовляется Sake: 1,0 паренаго рису, 1,2 воды и 0,3 дрожжей замъшиваютъ въ деревянной кадушкъ и мъсятъ до тъхъ поръ, пока не начнетъ выдъляться жидкость, что бываетъ чрезъ нъсколько часовъ, затъмъ оставляютъ ее бродить. Черезъ двъ недъли броженіе прекращается, получается жидкость Мото, содержащая еще 10% крахмалу. Чтобы удалить его, добавляютъ къ 1,3 мото 1,3 паренаго рису, 0,35 дрожжей и 1,3 воды; черезъ 2—3 дня все это перебродитъ

и получается жидкость, въ которой уже чувствуется ароматъ. Къ 4,25 этой жидкости опять добавляють рису 2,0, дрожжей 0,65 и воды 4,0. Черезъ сутки получается новый напитокъ, называемый Naka. нецъ, на 9,90 частей Naka прибавляютъ 3,30 рису, 1,00 дрожжей и 4,21 воды, и эта смъсь подвергается броженію еще три дня. Это уже называется Shimai (конецъ). Послъ этого пропускають жидкость чрезъ холщевый мъшокъ, очищаютъ таниномъ изъ незрълыхъ сливъ, и Sake готово. Оно напоминаетъ хересъ, съ слабымъ привкусомъ какъ бы отъ старой бочки. Дъйствіе его очень укръпляюще и вообще оно обладаетъ всъми свойствами винограднаго вина. Изъ остатковъ Sake приготовляютъ довольно пріятный напитокъ Shochin, а изъ этого ужеродъ сладкаго ликера Mirin, который сохраняется нъсколько лътъ.

Истые японцы курять изъ очень маленькихъ трубочекъ. Передъ курящимъ ставится ящичекъ-пепельница, нъсколько раскаленныхъ угольковъ и плевательница. Молодое поколъніе предпочитаетъ сигаретты. Лучшій японскій табакъ получается изъ Кагошимо въ Сатцума.

Всъ служащие должны одъваться по-европейски. Военные и полицейскіе носятъ мундиры. Остальной народъ, въ особенности же женщины, придерживаются старины, И костюмы гораздо красивъе и изящнъс теперешнихъ, когда женщины не носили такихъ неуклюжихъ кушаковъ на спинъ, а опоясывались лентой, концы которой сзади спускались до полу. Шляпы-коробки (Kasa), которыя рабочіе и теперь носять, лучше защищали отъ солнца и дождя, давали больше доступа воздуху, чъмъ нынъшнія европейскія шляпы.

Рабочіе ходять въ узкихъ и совствить короткихъ панталонахъ и бълыхъ или синихъ курткахъ изъ пеньковой матеріи. На спинть у нихъ обыкновенно какія - нибудь идеограммы — надписи, по которымъ

узнаютъ хозяина этихъ рабочихъ. Многіе повязываютъголову платкомъ, чтобы катящійся потъ не попадаль въ глаза. Въ дождь и снъгъ крестьяне носятъ платье изъ травы и прикрываются соломенной мантильей, стянутой у шеи веревочкой. Жены ихъ одъваются такъ же, какъ и они въ узкіе, обтянутые синіе пеньковые панталоны и открытую впереди кофту съ поясомъ. Горожанки же носятъ сверхъ рубашки (а часть и совсъмъ безъ нея) открытый впереди кафтанъ (Кітопо), туго охватывающій ноги и затрудняющій походку. Рукава этого кимоно необыкновенно широки и внизу съ карманами, въ которые прячутъ предметы ежедневнаго употребленія, какъ то: носовой платокъ или куски бумаги, замъняющіе носовые платки. Заходящія одна на другую полы этого кафтана придерживаются узкимъ кушакомъ (Shifa, jima), а этотъ прикрывается широкимъ кушакомъ (obi) отъкотораго сзади идутъ кверху громадные набитые чъмъ то банты *) (cul de Paris). Кушаки эти дълаются изъ дорогого шелку, искусно затканнаго разными рисунками, изъпарчи или наконецъ изъ дешевой поддълки подъ дорогую матерію. Вверху кафтанъ слегка стягивается красивымъ шнуркомъ. Головной уборъ японки состоитъ изъ черепаховыхъ, стальныхъ или мѣдныхъ шпилекъ съ пуговочками изъ красныхъ коралловъ и т. д. Средняя стоимость всего дамскаго костюма отъ 150 до 300 р., а дътскаго—40—90 руб. Дътей одъваютъ у японцевъ какъ взрослыхъ. Совсъмъ маленькіе носятъ шапочки, у которыхъ съ одной стороны виситъ талисманъ ((Kinchaku), зашитый въ кусочекъ матеріи и металлическая дощечка съ именемъ адресомъ.

Мужской костюмъ состоитъ во 1-хъизъ кисейной тряпочки, прикры-

^{*)} По имъющемуся рисунку банты эти напоминаютъ солдатскіе ранцы. (Примъч. переводчицы).

вающей наготу, а во 2-хъ—изъ шелковой или коленкоровой рубашки (Juban), хотя послъдняя не во всеобщемъ употребленіи. Поверхъ этого носятъ длинный или короткій халатъ (Кітопо) изъ полосатой, пестрой или одноцвътной матеріи. Этотъ халатъ составляетъ единственное лътнее одъяніе, а на зиму его подшиваютъ ватой и кромъ того поддъваютъ шерстяную кофту. Кто хочетъ, носитъ зимою и брюки, болъе похожіе на женскую юбку.

Старики бръютъ переднюю часть головы, а на темени заплетаютъ короткую косу, нѣкоторые ходятъ съ непокрытой головой, а другіе носятъ соломенныя или фетровыя шляпы. Рабочіе при легкой работъ носять тонкія и соломенныя сандаліи (Waraje), а при тяжелой — сплетенныя изъ толстой соломы. Деревянныя же сандаліи носятся всти вообще, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Онъ состоять изъ четырехугольной деревянной подошвы на 2 дощечкахъ въ 5 сантиметр. высоты (одна ближе къ пяткъ, а другая подъ сгибомъ большого пальца). Къ ногъ сандаліи прикръпляются тесьмами, скрещивающимися у подъема и завязывающимися между первымъ и вторымъ пальцами. Зимою носятъ бълые бумажные или шерстяные носки съ пальцемъ для большого пальца, чтобы удобнъе было прикръплять сандаліи.

Лътомъ у каждаго японца виситъ на затылкъ или у кушака въеръ, трубка и кисетъ съ табакомъ, также и письменныя принадлежности. Европейскій дождевой зонтикъ, который одинаково можетъ служить и для защиты отъ солнца, вытъсняетъ японскіе, такъ какъ послѣдніе д'влаются для дождя изъ промасленной бумаги, а для солнцаизъ проклеенной, а слъдовательно не отличаются прочностью. -- Европейскую обувь носять только тъ, кто рядится въ европейское платье. Обувь эта дълается по большей части оч. плохо, на тонкой подошвъ. Употребленіе ея непривычнымъ людямъ дается съ большимъ трудомъ, да и не практично она тамъ, такъ какъ вездъ, при входъ въ домъ нужно снимать, а это не такъ легко, какъ съ сандаліями. Стукотня, производимая послъдними по деревяннымъ мостовымъ, по рельсамъ и по лъстницамъ,—для новичка кажется чъмъ-то необычайнымъ.

Полюбуемся теперь жилищемъ японца. Архитектура ихъ имъетъ въ основаніи древнія постройки на сваяхъ. Деревенскіе, крестьянскіе домики, крытые камышомъ, очень похожи на таковые же въ южной Германіи, только крыши выше и шире, часто сверху покрываетъ ихъ еще дерномъ, на которомъ растутъ цвътущія лиліи или нѣжныя Jchihatsu. Крыши представляють изъ себя веранды; дома одноэтажные большею частію, хотя строять и 2-хъ этажные съ крытыми лъстницами, причемъ 1-ый этажъ нъсколько выступаетъ изъ подъ второго. Площадки пирамидальной крыши соединяются округленными ребрами. Стъны въ домахъ деревянныя, подвижныя; окна съ задвигающимися ставнями, вмъсто стеколъ употребляютъ промасленную бумагу, какъ это дълаютъ въ Китаъ и Кореъ. (Оконныя стекла извъстны только въгородахъ). Вслъдствіе такого устройства японскихъ домовъ, днемъ, когда стѣны и окна раздвигаются, комнаты соприкасаются съ улицей. Всъ перегородки въ комнатахъ также снимаются, никакихъ замковъ и засововъ не существуетъ. Вътеръ и сырость свободно разгуливаютъ въ такихъ помъщеніяхъ. Печей нътъ, а вмъсто нихъ употребляютъ горшки съ горячими угольями (Hibachi). Снаружи эти горшки обвиваются лозой и обмазываются глиной. Дымъ изъ кухонныхъ печей выходитъ чрезъ окна, двери и другія отверстія въ крышъ. Въ большихъ селеніяхъ крыши кроютъ гонтомъ изъ мягкаго дерева и дълаютъ такія же закругленные и заходящіе другь на друга

края. Всъ эти постройки очень опасны въ пожарномъ, отношеніи, а потому въ городахъ уже больше строятъ каменные дома и покрываютъ ихъ черной глазированной черепицей. Въ деревняхъ каждый хозяинъ долженъ имъть на воротахъ или дверяхъ своего дома деревянную дощечку съ отчетливымъ обозначеніемъ его имени и званія. Въ городахъ дощечки эти замъняются большими черными лакированными вывъсками; торговыя фирмы расписываютъ ихъ громадными золотыми идеограммами и укръпляютъ между 1 и 2 этажомъ надъмагазиномъ. Эти черные дома выглядять очень мрачно, въ особенности на съверныхъ и съверовосточныхъ улицахъ Токіо, по которымъ проходитъ конка и высятся громадные столбы (гораздо выше домовъ) съ безчисленнымъ количествомъ телефонныхъ проволокъ, указывающихъ на побъду европейской культуры надъвосточноазіатской неподвижностью. Какъ и въ крестьянскихъ хижинахъ, крытыхъ соломой, такъ и здъсь крыши выступаютъ почти на цълый метръ надъ верхнимъ краемъ дома. Въ открытыхъ къ улицв магазинахъ разложены товары, а посреди сидятъ на цыновкахъ рабочіе, каждый за своей работой. Съ южной стороны надъ входомъ развѣваются занавъси изъ грубаго небъленаго холста, на которыхъ разрисовано названіе фирмы. Нельзя сказать, чтобы эти занавъси, часто изорванныя вътромъ въ куски, служили украшеніемъ... Всъ общественныя зданія, министерства, почтово-телеграфныя конторы, полицейское и воинское управленія, театры, гостиницы и дома знатныхъ особъ и чужестранцевъ выстроены, конечно, по европейски, большею частію по англійскому образцу.

Внутренняя обстановка убранства японскаго дома производитъ на иностранца впечатлъніе ужасной пустоты и неуютности: сквозь картонныя стъны продуваетъ вътеръ, со

двора-отвратительный запахъ; полы уложены цыновками. (При входъ въ домъ нужно снимать свою обувь и одъвать предлагаемыя туфли). Всъ циновки одной величины: 180 сант. длины и 90 ширины; ихъ легко замънять новыми. По числу циновокъ опредъляется величина комнаты, напр. залъ въ 100 цыновокъ имъетъ площадь 162 квадрат. метр. Лучшія комнаты, окна которыхъ выходятъ въ садъ, устраиваются на южной сторонъ. Вечеромъ весь домъ закрывается деревянными ставнями, которыя по утрамъ открываются съ большимъшумомъ и стукомъ. Ночью, слъдовательно, въ домъ абсолютная темнота. Такое круговое замыканіе требуется полиціей; — обыкновеніе, ведущее свое начало еще съ древнихъ временъ, со временъ разбоевъ.

Такъ какъ азіаты привыкли копошиться на полу и такъ какъ ихъ ноги обладають большой гибкостію, то въ мебели они не нуждаются. Полъ замъняетъ имъ и стулья, и кровати. Низенькіе, блестящіе лакированные столики, на которыхъ подается объдъ, уже кажутся ему роскошью. Котелокъ съ рисомъ, кружка для питья, приборъ для куренья, все это на полу. Послъ ъды столикъ и посуда уносится въ кухню. Къ капитальной стънъ дома придълываются маленькіе ящички для самыхъ необходимыхъ вещей, какъ то: гребенокъ, шпилекъ и палочекъ, которыми ѣдятъ. На этой же стѣнѣ развъшиваютъ картины (красками и тушью), изображающія невозможныя горы, мосты черезъ необыкновенныя ръки и водопады, какъ ихъ рисовалъ Марнями Окуо, или длинныя узкія полосы бумаги съ какимъ "Kakemono" нибудь изреченіемъ (висящій предметъ). Въ богатыхъ домахъ эти какемоно бываютъ работы извъстныхъ древнихъ и новъйшихъ художниковъ.

Кто сидитъ, ъстъ и работаетъ на на полу, тому, конечно, не нужно и постелей высокихъ, онъ, по завъту Будды, спитъ на цыновкахъ. Для

большаго удобства притаскивается иногда изъ сосъдней комнаты матрацъ, набитый хлопчатой бумагой (Futon), а зимою одъвають еще ваточный халатъ (Kaimaki), вмъсто одъяла. Подъ голову кладутъ маленькую деревянную подставку, тую сверху какой-нибудь матеріей, съ углубленіемъ для головы. Непривычные и безпокойные часто скатываются съ такой подушки. -- Для защиты отъ чувствительныхъ укусовъ большихъ желтыхъ или блестящихъ коричневыхъ москитовъ употребляютъ сътки (Каја) изъ зеленаго газа. Ночникомъ служитъ лампочка, въ кот. горитъ касторовое масло; она вставляется въ большой фонарь изъ промасленной бумаги и ставится на деревянную подставку. Отъ этого освъщенія мало свъту, но много копоти.

Въ каждомъ японскомъ домъ есть еще внутри дома отдъльное помъщеніе, уставленное зеленью (комнатный садикъ), гдв находится изображеніе Будды и куда не имъютъ права входить чужіе. Японцы научились у китайцевъ выращивать посредствомъ "Nanisation" карликовыя деревья (въ 100-ую часть естественнаго роста) и придавать имъ видъ старыхъ суковатыхъ деревьевъ. Для этой цъли служатъ: тощая почва, мелкія съмена, крошечныя ва-Хвойныя деревья, японскіе Pinus densiflora, похожіе на наши сосны, и красивыя зонтичныя ели (Кајатакі) растутъ въ вазахъ отъ 150-200 лътъ и доведенныя до миніатюрнаго совершенства не бываютъ выше 1 метра вышины. Въ Лондонъ я видълъ на выставкъ эти деревья, оцфиенныя въ 800 марокъ. Окруженные искусственными скалами, ръчками изъ серебряной бумаги и изящными мостиками (en miniatur) эти деревья очень способствуютъ украшенію японскихъ домиковъ; существуетъ также карликовый бамбукъ, ложныя вишневыя и сливовыя деревья.—Въ каждомъ японскомъ домъ вы найдете также небольшую библіотеку и необходимыя письменныя принадлежности. На маленькихъ ящичкахъ, замъняющихъ наши этажерки, разставлены разныя бездълушки, куклы, фарфоровыя кошечки, изображенія Будды или семи боговъ счастья. Гордятся они также своей фарфоровой посудой и

древнимъ оружіемъ.

Въ кухиъ у японцевъ все очень просто: плита состоитъ изъ деревянной подставки, обмазанной огнеупорной глиной, и жельзной плиты съ отверстіями для котловъ и горшковъ. Топятъ плиту дубовыми и каштановыми углями, а также порошкомъ каменнаго угля, спресованнымъ въ пулеобразную форму. Въ городахъ горючій матеріалъ дорогъ, деревняхъ же его добываютъ. прямо изъ лъсу. Чайники, обыкновенные котелки и мъдные или желъзные для бълья — украшаютъ кухню; деревянной посуды тоже много.

Украшеніемъ каждаго дома служитъ большой или маленькій садикъ, устроенный по старо-китайскому образцу. Даже и въ густо населенныхъ столицахъ въ этомъ не бываетъ недостатка. Въ садикъ вы увидите искусственныя скалы камней, покрытые мохомъ стволы деревьевъ, изъ которыхъ выходятъ въерообразныя китайскія пальмы, (Shu rochiku), агдъ нибудь въ уголкъ виднъется нъжная перистая японская пальма, теперь повсюду уже извъстная Nandina domestica; въ небольшомъ прудъ содержатся черепахи и особенныя двухвостыя золотыя рыбки (разводимыя встряхиваніемъ икры въ бутылкъ), а по берегамъ-голубые цвъты "Hosta coerulea", растущіе въ дикомъ состоя-

Такого рода сады производятъ на западниковъ особенное впечатлъніе. Многіе стали уже подражать японцамъ. Напримъръ, въ С-Франциско имъется т. наз. золотой паркъ.

Многоугольные пруды съ красными и бълыми цвътами лотоса, желтыми нимфеями и большими

"Таго", листья которыхъ при заходящемъ солнцъ получаютъ своеобразный голубовато-зеленый отливъ, разбросаны повсюду; черезъ пруды перекинуты тутъ и тамъ узенькіе мостики, окруженные искусственными холмиками, на которые карабкаются по еле замътнымъ тропинкамъ. Фантастически подръзанныя декоративныя деревья, высокія камеліи, въчнозеленые дубы и корейскія сосны бросаютъ тънь на узкія дорожки, на которыхъ коегдъ виднъются каменные фонари и

между кустами маленькія кумирни со львами и лисами. Маленькія бестадки, обвитыя голубыми цвътами вьющагося wistarie или зелеными листьями Каdsura, такъ и манятъ на отдыхъ; стрекозы своей монотонной пъсней наводятъ сонъ; по вечерамъ же поютъ японскіе соловьи (Uquisu) свою нъжную мелодію. Раздается плескъ падающей на камни воды, теряющейся въ протокахъ, гдъ квакающія лягушки прячутся подъ зонтичными листьями кувшинокъ.

Наканунъ исхода.

(По поводу сборника разсказовъ С. Юшкевича).

И. Гофштеттера.

Историческія судьбы еврейскаго народа какъ то мистически загадочны, а внутренняя жизнь современныхъ евреевъ почти совсъмъ не знакома русскому обществу. Какъ отразились на ихъ нравахъ и всей психологіи традиціи библейскаго ученія объ "избранномъ народъ", тысячелътнее пребываніе въ духовной религіозной и моральной обособленности отъ остального человъчества. жестокія гоненія, тяжелая жизнь въ разсъяніи, въ безпрерывныхъ скитаніяхъ изъ страны въ страну, подневольная оторванность отъ земли и чернаго земледъльческаго труда, начинающаяся повсесвътная эмансипація, постепенное сближеніе и неудержимое сліяніе съ высшими командующими классами всъхъ народовъ и быстрое усвоеніе началъ и принциповъ современной европейской, въ сущности глубоко буржуазной, цивилизаціи? Трудно отвътить на всъ эти вопросы и сразу охватить картину всъхъ тъхъ безконечно - многообразныхъ этическихъ, культурныхъ и психическихъ вліяній, преломленій и наслоеній, которыя переживаетъ душа современнаго еврея. Слабую попытку дать хоть нъкоторое представленіе о

грандіозной драмѣ еврейской души: предпринялъ молодой писатель, Семенъ Юшкевичъ, выпустившій недавно сборникъ разсказовъ изъ еврейской жизни. Само собою разумъется, что для сколько нибудь достойнаго художественнаго воспроизведенія великой міровой драмы были бы нужны силы міроваго генія съ высокимъ полетомъ свободной мысли, г-нъ же Юшкевичътолько скромный беллетристъ сънесомнъннымъ, но покамъстъ еще явно незрѣлымъ, дарованіемъ. Егонужно цънить не какъ проникновеннаго художника -- судью, а лишь. какъ добросовъстнаго свидътеля, видавшаго такія закулисныя стороны: жизни, которыя намъ недоступны. Быть можетъ, кое въ чемъ его свидътельскія показанія беллетристическаго характера будутъ субъективными, быть можетъ, мъстами въ нихъ отразится не сама жизнь, а его личное, притомъ довольно узкое, пониманіе ея-во всемъ этомъ должна уже разбираться собственная чуткость вдумчиваго читателя.

Въ книгъ г. Юшкевича мы встръчаемся съ представителями различныхъ слоевъ еврейскаго населенія Россіи: пролетаріевъ — ремесленни-

ковъ, мелкихъ торговцевъ и болъе крупныхъ коммерческихъ дъльцовъ. Всъ они страдають и мучаются въ непосильной борьбъ за существованіе и за малыми исключеніями неизбъжно гибнутъ въ ней. Евреевъпобъдителей въ жизненной борьбъ, добившихся обезпеченнаго и господствующаго положенія въ торговлъ, въ промышленности, въ области либеральныхъ профессій, авторъ, повидимому, не видалъ, по крайней мъръ мы не видимъ ихъ въ его произведеніяхъ. Въроятно, онъ, какъ гуманистъ, мало интересуется сытыми и довольными и потому посвящаетъ свое творчество только страдающимъ братьямъ. Въ этомъ, ему, конечно, трудно не сочувствовать, тъмъ не менъе общая картина, благодаря неполнотъ приведенныхъ данныхъ, оказывается въ концъ концовъ нъсколько однобокой. Въ изображеніи быта еврейскаго пролетаріата тоже ощущается несомнънная односторонность. Строго говоря, это не описаніе жизни, а описаніе медленной и безконечно мучительной агоніи тысячи безпомощныхъ существъ. "Пройдитесь по еврейскому кварталу и вы сами скажете -- нуженъ ли еще адъ на землъ -- говоритъ одинъ факторъ въ повъсти "Распадъ". Юшкевичъ рисуетъ только рядъ иллюстрацій къ этому изреченію, вводитъ читателя въ сплошное царство смерти, слезъ и страданія. Онъ несомнізнно хорошо знастъ этотъ міръ-и все таки не подсмотрълъ въ немъ ни одного радостнаго момента, ни одной веселой улыбки. Изъ всего обширнаго поля наблюденій у него не набралось матеріала даже на одну сколько нибудь свътлую страницу. Можно подумать, что у евреевъ не совершается ни свадебъ, ни рожденій любимыхъ дътей; никогда не бываетъ маленькихъ успъховъ, дающихъ какое нибудь удовлетвореніе человъку и сообщающихъ ему мужество къ дальнъйшимъ страданіямъ. Одинъ безпросвътный мракъ и ужасъ. Даже

дъти еврейскія никогда не играють, не смъются, не шалять, — только страдають и умирають на глазахъчитателя.

Г. Юшкевичъ не показалъ намъ ни одного здороваго еврея ремесленника и рабочаго. Физическимъ трудомъ занимается у него только слъпнущій калька и честный "дуракъ" Герохимъ ("Портной"), въ то время какъ здоровые и умные евреи: Аниска, Хаимъ и пр. посвящаютъ свои силы содержанію кабаковъ, торговлъ, хлъбнымъ спекуляціямъ и т. п. Значитъ ли это, что ремесленный трудъ для еврея самъ по себъ аномалія? Или же молодой художникъ просто немножко, что называется, переусердствовалъ, сгустилъ краски въ изображеніи горькаго житья-бытья еврейской голытьбы для усиленнаго воздъйствія на гуманныя чувства читателя, не подозръвая, что такой систематическій подборъ душераздирающихъ сценъ рисуетъ его героевъ не людьми здороваго труда, а скоръе чъмъ-то въ родъ гибнущихъ въ условіяхъ трудовой жизни жалкихъ отбросовъ спеціально торговаго племени. Всего, въроятнъе, что въ мрачной односторонности рисунка сказалась просто не весьма дальновидная, но довольно популярная тенденція. Если есть на свътъ сотни тысячъ трудящихся евреевъ, должна быть и поэзія труда, должны когда-нибудь раздаваться и благословенія труду, дающему хлъбъ для жизни человъка. Почему же мы слышимъ только стоны, рыданія и проклятія? Въдь даже проживающій, по свидътельству сына, не менъе двухъ-трехъ тысячъ рублей въ годъ домовладълецъ большого города Розеновъ и тотъ восклицаетъ: "Проклятый трудъ, проклятая нужда! -- и шлетъ горькія укоризны судьбъ.

Если бы общій фонъ еврейскаго быта быль дъйствительно столь мраченъ и безрадостенъ, смерть давно восторжествовала бы надъжизнью не только въ философскихъ

размышленіяхъ резонера Эли (въ разсказъ "Кабатчикъ"), но и въ сердцахъ самихъ евреевъ: похожіе на земной адъ кварталы опустъли бы, ибо евреи перестали бы жениться, а еврейскія женщины перестали бы рожать дътей. Но, по авторитетному свидътельству самого г. Юшкевича, мы въ дъйствительности видимъ какъ разъ обратное: во всъхъ еврейскихъ семьяхъ дъти родятся безъ счета. Нътъ тъней безъ свъта, нътъ чадородія безъ любви, нътъ жизни безъ радости, — и если авторъ рисуетъ какую-то адскую каторгу безъ срока и конца, то значитъ онъ просто не сумълъ уловить свътлыхъ гимновъ торжествующей жизни.

* *

Почти всъ разсказы г. Юшкевича построены по такому плану: среди удручающихъ картинъ горя, болъзней, нищеты и смерти непремънно появляется какой нибудь философъ, пытающійся осмыслить и истолковать происходящіе ужасы. Въ разсказъ "Портной" въ качествъ такого философа-моралиста выступаетъ пенсіонеръ мъстной еврейской общины, старикъ Зейлигъ. Онъ поучаетъ слъпнущаго Іерохима и его несчастную жену Ципку, бьющуюся съ восемью ребятами, что евреи имъютъ на небъ великаго Бога, который живетъ въчно и знаетъ, что дълаетъ, поэтому, какое бъдствіе ни послалъ бы Онъ людямъ, они должны радоваться, ибо все на свътъ къ лучшему. Люди огорчаются потому, что они ничего не хотятъ видъть, кромъ вещей, а нужно смотръть не на вещи, а надъ ними и т. д. Въ разсказъ "Кабатчикъ" имъется даже не одинъ, а два, пожалуй, если хотите, цълыхъ три философа. Одинъ изъ нихъ, Мотя проповъдуетъ оставшимся не у дълъ послъ введенія монополіи кабатчикамъ, что всякое зло ведетъ ко благу, такъ какъ гоненія на евреевъ приближаютъ исходъ ихъ въ lepyсалимъ. Самое введеніе казенной продажи вина Мотя изображаетъ какъ величайшую несправедливость и по отношенію къ евреямъ, и по отношенію къ русскому народу, котораго прежніе шинкари охраняли де отъ запоя, разбавляя ядъ "большою водой". Мотины соображенія не лишены остроумія, но нъсколько рискованны въ томъ смыслъ, что иной наивный читатель и самогог. Юшкевича, не снабдившаго ихъ отъ себя никакими коментаріями, заподозритъ, пожалуй, въ апологіи довольно таки низкопробнаго мошенничества.

— Въ городъ идетъ такой плачъ, что отъ него можно сойти съ ума!-утвиветъ Мотя оставшихся на бобахъ кабатчиковъ.-Что монополія убила пюдей, что даже вотъ эта собака, что пробъжала по улицъ, повъритъ, но эта самая собака не повъритъ, чтобы люди не могли жить безъ кабака. Къ чему эти слезы, этотъ плачь, кого онъ разжалобить, чему онъ поможеть? Будьте евреями, не ропщите, ищите выхода... можеть быть въ этомъ начало нашего исхода. Мучьте, топчите, давите насъ, не давайте намъ вздохнуть, сгоняйте насъ въ одну кучу, чтобы мы были ближе другъ къ другу, человъкъ любитъ кнутъ, а мы, евреи, держимся только благодаря ему. Мы принадлежимъ къ тъмъ людямъ, для которыкъ добро есть ало, а эло есть добро Пуст., сохрани Богь, начнуть насъ жальть, то мы погибнемъ отъ перваго до послъдняго, ибо самый худшій врагь нашь это покой. Весь секретъ нашей долгой жизни это 10, что нигдъ и никогда намъ не давали жить. Весь умъ, весь вкусъ нашей исторіи лежить въ этомъ. Кнуть вездъ съкъ наши плечи, будиль насъ, былъ нашимъ спасителемъ, нашимъ мессіей... Но еще лучше нашей исторіи бъдствій, это наше высокое назначеніе. Мы, евреи — нація священниковъ, которымъ было дано разнести по всему міру мысль о единомъ Вогъ, ученіе свъта и добра, и мы это велъніе уже совершили. Единаго Бога призналъ весь міръ и больше здісь намъ нечего ділать. Теперь наступаетъ время вернуться домой послъ большой войны и мы вернемся, какъ побъдители.

Мысль, что введеніе монополіи— жестокая и безчеловъчная мъра гоненія противъ евреевъ и что она послужитъ началомъ исхода въ Палестину немного курьезна, равнокакъ и обращенная къ кабатчикамъ проповъдь о томъ, что они—нація священниковъ, разнесли по всему міру

ученіе свъта и добра, но за то въ Мотиныхъ ораторствахъ объ историческомъ значеніи кнута и въ увъреніяхъ, что не единымъ кабакомъ живъ человъкъ—много бодраго призыва.

Въ этомъ разсказъ г. Юшкевичъ дерзнулъ взять героями кабатчиковъ. Ни одному изъ русскихъ авторовъ читатели навърное не простили бы подобнаго сюжета. Попробуй Успенскій или Златовратскій трагически изображать тяжелыя для новгород-«ских» и московских» кабатчиков» послъдствія винной монополіи, всякій бы пренебрежительно сказаль: "нашелъ кому сочувствовать"! и самыя душераздирающія картины раззоренія деревенскихъ цъловальниковъ назвалъ бы просто моромъ піявокъ и міроъдовъ. У Юшкевича получается совству иной эффектъ. Въ его патетическомъ изображении закрытіе кабаковъ пріобрътаетъ характеръ настоящаго общественнаго бѣдствія. "Кабатчики, —живописуетъ авторъ, --убили всякую торговлю. Они бросались къ лавкамъ и раззоряли себя и коренныхъ лавочниковъ; бросались къ хлъбу и раззорялись, раззоряя другихъ. Конкурренція горъла въ городъ и сжигала всякаго, кто начиналъ дъло. И получилась такая картина ужаса и горя, что, казалось, городъ обратился въ кладбище и люди мертвыми падали на улицахъ какъ во время эпидеміи". Правда, падающіе на улицахъ мертвецы только мерещились г. Юшкевичу, но несомнънно, что многимъ реформы дъйствиотъ питейной тельно пришлось солоно и горько. Пугающій вопросъ: куда дъваться цълымъ тысячамъ выброшенныхъ изъ за прилавковъ людей, ни къ какой работъ не приспособленныхъ сразу переполнившихъ черезъ край всъ отрасли торговли и посредничества, обремененныхъ дюжинами дътей?—невольно охватываеть самаго строгаго, жестокосерднаго и ическаго читателя. Въ черномъ трудъ они спасенія не ищуть и не находятъ. Раззорившійся кабатчикъміровдъ г. Засодимскаго на худой конецъ будетъ пахать землю или таскать кули, а передъ изгнаннымъ изъ водочной торговли кабатчикомъ г. Юшкевича стоитъ грозная диллема: или "дъло" (въ смыслъ какого нибудь выгоднаго предпріятія) или смерть, голодная смерть съ цълой семьей. Кабатчикъ Геймонъ изъ силъ выбивается въ поискахъ "дъломъ", объими руками держится за свой ничтожный капиталецъ триста рублей, дающій надежду на какую нибудь аферу, и чуть не голодаетъ съ больной женой въ ромъ подваль, теряя дътей, гибнущихъ отъ дифтерита. — Можетъ быть вы и правы, говорить онъ утвшающимъ его философскими разсужденіями друзьямъ, но

"у меня всетаки больная жена, очень больная жена, 6 маленькихъ дътей и всего триста рублей. Я таки эдоровъ какъ быкъ, но въдь у меня все таки больная жена и б маленькихъ дътей и всего 300 рублей. Развъ я могу ръзать изъ себя куски и продавать ихъ, какъ свъжее мясо? Ахъ, если бы вы могли посмотръть на мой мозгъ, то увидъли бы, какой онъ уже больной измученный. Я думаю, думаю и все таки у меня больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дътей и всего—всего 300 рублей".

Это—горькая пъсня горя и нищеты съ тремя стами рублей въ карманъ, баллада Томаса Гуда, переложенная въ русскую прозу и на еврейскіе нравы.

Замъчательно, что бытъ мелкой еврейской буржуазіи г. Юшкевичъ рисуетъ тъми же мрачными красками, какъ и бытъ послъдняго рабочаго. Тотъ же коллоритъ безнадежности, напряженной борьбы и унынія. Бывшій богачъ съ запутанными дълами, Розеновъ съ утра рыскаетъ по городу въ поискахъ за деньгами и аферами вмъстъ съ тысячами шныряющаго, вынюхивающаго и алчущаго еврейскаго люда.

"Есть ли у этой братіи радости, смѣется ли она когда нибудь?—спрашиваеть онь себя.—Есть, но что за радости, что за смѣхъ! Родится кто нибудь—это радость, но радость на заботь, какъ кусокъ здороваго мяса на гніющемъ тѣлъ, ибо завтра

же съ новорожденнымъ появится новая тревога: какъ удълить для лишняго рта изъ того, чего не хватало для старыхъ? Женится кто нибудь-радость, смъхъ, но на завтра молодой мужъ уже начинаеть думать, полосуя лобъ морщинами, гдв бы ему побольше заработать для новаго рта? Обзаведется кто нибудь дъломъ-радостьно и новоселіе уже отравлено мыслью: пойдеть ли дъло, не обманулся-ли? и сердце начинаетъ бить тревогу, не давая минуты отдыха для надежды. Нътъ настоящаго смъха, нътъ и радости, ибо всюду много ртовъ, всюду хотятъ хлъба, всюду нищета и зависть и ненасытное желаніе, ибо эти люди никогда въ жизни не были еще сыты, всюду есть недостатокъ, ибо всю сосуть соки изъ одного высожшаго дерева, уже уставшаго кормить, и возлъ каждаго, протянувшаго руку, стоить его ближній, такой же несчастный, съ раскрытымъ ртомъ и острыми зубами.. Нъть веселья, нъть настоящей радости".

Какое правдивое и сильное изображеніе истиннаго положенія современнаго еврейства съ легкимъ намекомъ на соціальные источники переживаемой имъ драмы! Маклеръ, живущій куртажами, мелкій торгашъ съ капитальцемъ, сытый случайными доходами съ рискованныхъ операцій, вчерашній шинкарь,—все это мученики своего собственнаго хищничества, пролетаріи капитала, люди зависимые отъ случая, безъ сколько нибудь опредъленнаго будущаго. Въ сущности каждый изъ нихъ еще менъе счастливъ и обезпеченъ, чъмъ пролетарій труда—Іерохимъ. Надъ ними отягот элыя стихіи, убившія въ ихъ сердцахъ какія то великія нравственныя начала, дающія право находить въ себъ самомъ, въ своихъ силахъ и въ своемъ трудъ прочную основу для существованія своей семьи и бодро ожидать завтрашняго дня безъ всякой зависимости отъ тающаго трехсотрублеваго сбереженія. Аниска жалуется, что онъ не знаетъ никакого дъла, кромъ торговли водкой, Нухимъ боится, что "у евреевъ отнимутъ пшеницу", т. е. путемъ сокращенія посредничества лишатъ ихъ возможно-"зарабатывать" на хлъботорговлъ, Давыдка видитъ спасеніе въ открытіи трактировъ "потому что

горячая вода ничего не стоитъ, а за нее онъ будетъ брать по 8 к. съ чайника", Мотя кричитъ, что гибель людей, оставшихся безъ доходовъ-пустяки, "главное же-это ходъ Божьей воли, которая совертысячелътіе и черезъ шается въ милліоны людей". И эти опасенія, и эти надежды выбитыхъ изъ колеи кабатчиковъ рисуютъ картину полной духовной растерянности и глубокаго соціальнаго вырожденія еврейской среды. Въ самомъ дълъ, когоможетъ примирить, направить и намрачная Мотина мистика, ставить благословляющая на страданіе и погибель? Люди рождаются не для смерти, а для жизни и должны твердо знать, какъ и чъмъ нужно жить, безъ ущерба для окружающаго, не превращаясь въ паразитовъ, жичужими соками-, соками вущихъ засыхающаго дерева, уставшаго кормить". И вотъ такого то указанія имъне даетъ ни авторъ, ни Мотя, ни сама жизнь. У нихъ нътъ ни философіи, ни религіи, въ смыслъ опредъленнаго жизнеученія... Дъти имъютъ большого Бога-иронизируетъ одинъ скептикъ, табачникъ Эли. Положимъ, Богъ-глуховатъ, но кто думаетъ, что онъ не глухой, пусть молится ему". Отъ такой ироніи уже одинъ шагъ до полнагобезвърія. Когда Аниска и его жена Маня рыдаютъ надъ умирающимъ отъ дифтерита Абрамчикомъ и обреченнымъ на смерть малюткой Шаеской, тотъ же Эли утъшаетъ ихъ словами ещевядшагои горшаго отчаянія. -Ну, плачьте, плачьте--тихо шепталъ Эли, -вы должны плакать, но что туть Богь? Аниска, Маня, развъ не лучше умереть теперь,. пока онъ не выпилъ все горе, что даетъ жизнь? Жить въ нищетъ, безъ помощи, какъ живете вы, жить въ мукахъ, въ горъ, какъ живутъ всъ большія тысячи евреевъ, ахъ, Аниска, Маня, лучше смерть теперь, чъмъ вырости. Плачьте, плачьте несчастные люди, плачьте глазами и только половиной сердца и пусть другая (половина) ралуется, что будеть меньше однимъ евреемъ на свътъ, меньше одной клячей, которая, надорвавшись, умретъ гдъ нибудь, наплодивъ еще клячъ, которыхъ ожидаетъта же судьба.

Какая страшная молитва смерти надъ задыхающимися и хрипящими въ предсмертныхъ мукахъ еврейскими дътьми! Въ другихъ словахъ безъ всякихъ философскихъ обобщеній, но подъ непосредственнымъ впечатлъніемъ жизненныхъ фактовъ ее повторяетъ и самъ кабатчикъ Гейманъ: "Если бы разверзлась земля и поглотила бы меня съженой и дътьми, -- говоритъ онъ, -- то я бы благословляль и благодариль Бога". Умерла идея, дававшая силы страдать и жить, и усталые, надорвавшіеначинаютъ проклинать люди тяжелую ношу жизни и не имъя силы нести ее больше, на полдороприходятъ къ концу своего историческаго пути. Сколько муки, сколько леденящаго ужаса въ духовной смерти цълаго народа...

Люди твердаго сердца язвительно иронизируютъ по адресу г. Юшкевича, что нанизывая сцены нужды, дътскихъ болъзней и мукъ, можно заставить весь міръ сочувствовать не только кабатчикамъ, но даже и раззорившимся содержательницамъ веселыхъ домовъ, попавшимся торговцамъ бълыми рабынями и пр. и и пр. Но здъсь въ повъствованіи о бъдствіяхъ одесскаго кабатчика мы невольно отзываемся сердцемъ на страданія человъка. Величайшее несчастіе этого человъка именно въ его полной зависимости отъ судьбы, которая обезсилила и обезкрылила его душу и по жестокому капризу бросаетъ его, куда ей заблагоразсудится. Со всъми своими пороками и несчастіями онъ-жертва своей исторіи. Главный его порокъ и проклятіе въ томъ, что онъ хочетъ всть и для прокормленія семьи не способенъ ни къ-какому производительному труду, который избавилъ бы его отъ необходимости торговаго или посредническаго хищничества. Правда, быть можеть несчастія самого своего промысла онъ даже не сознаетъ и вмъстъ съ г. Юшкевивичемъ оплакиваетъ только потерю теплаго мъстечка за кабацкой стойкой, но это лишь вопросъ разумънія—не болъе. За то намъ, глядя со стороны, ясно видна вся нарисованная авторомъ потрясающая картина соціальнаго и духовнаго вырожденія еврейства, и весь ужасъ этой жизни, протекающей въ полномъзатмъніи какихъ то великихъ завътовъ, на которыхъ зиждется жизнъчеловъчества на землъ...

* *

Въ самомъ дълъ, во что въруетъ современный Израиль, если разумъть подъ върою, конечно, не обрядовую сторону его религіи? Самая яркая представительница ортодоксальной практической мудрости, старая Соня Розенова въритъ только въ святость семьи и въ силу денегъ. Послъ неудачныхъ попытокъ мужа выпутаться изъ краха съ помощью какихъ нибудь спекуляцій, она кончаетъ тъмъ, что поджигаетъ свой домъ, населенный еврейской бъднотой, чтобъ получить высокую страховую премію. "Когда импешь семью, нечего думать о честности" такова ея разбойническая филосо-"Для семьи не существуетъ жертвъ, все хорошо для нея"-говоритъ она, впадая въ немножко книжный тонъ. Она—честолюбивая мать. Ей мало того, что бы ея дъти были только сыты, ей непремънно нужно, что бы они "шли въ гору". Ея аппетиты въ этомъ направленіи почти безграничны. Въ изображеніи автора ея хищническій эгоизмъ не проотталкивающаго изводитъ тлънія: она приносить въ жертву дътямъ не только чужіе права и интересы, но и свои собственныя силы, свою кровь, служитъ семь в съ истиннымъ самопожертвованіемъ. Она жалуется, что за всю свою жизнь не видала ни минуты счастья и спокойствія, десятки лътъ провела въ тревогъ и борьбъ "ночей не досыпала, дня не видала", выхаживая одного за другимъ шестерыхъ дътей. Во имя семьи она не боится

пойти на каторгу, потому что вся жизнь ея, даже въ годы богатства и довольства, была чуть не сплошкаторгою. Дъйствительно ли такъ тяжелъ подвигъ материнства, возложенный на всъхъ женшинъ которыхъ несутъ милліоны свое бремя въ безконечно болъе тяжелыхъ условіяхъ, чъмъ кіевдомовладълица и коммерсантка Розенова, или же въ ея красноръчивыхъ жалобахъ сказывается непомърная впечатлительность нервно воспріимчиваго племени? Остро воспринимаемая своя боль заслодля нея чужое страданіе, муки тъхъ людей, которые стоятъ на дорогъ этой матери — волчицы: Сына, Давида она уговариваетъ бросить беременную дъвушку, потому что та не богата. Красавцу Якову ставитъ въ примъръ для подражанія его товарища косоглазаго бъдняка Лейбензона, который

влюбилъ въ себя богатую дъвушку. Какимъ важнымъ онъ сталъ теперь!—Отчего въ тебя не влюбилась богатая дъвушка? Въ тебя бы, въдь, всякая влюбилась, еслибъ ты захотълъ.

Здъсь уже звучить чуть ли не проповъдь альфонсизма изъ устъ матери.

На всъ эти жертвы она готова во имя одного идола—денегъ. Въ кучкахъ золота и пачкахъ бумажекъ она видитъ начало и конецъ счастія на землъ, идеалъ жизни каждаго еврея.

"Если есть деньги, то сердце никогда не болить, —говорить она въ душевной бестать съ своей пріятельницей Фаней Гольдманъ. — Деньги не допустять, чтобы оно болтало. Мертвому и то нужны деньги. Мертвый нуждается въ богатомъ савант, ему нуженъ дорогой гробъ, ему нужны птвчіе, ему нужно, чтобъ много людей шло за гробомъ — иначе его какъ собаку похоронятъ"...

"Деньги можно провсть а процентовъ никогда съвсть нельзя: съвлъ на одинъ мвсяцъ, а на слвдующій у тебя есть новые, съвлъ за другой, а уже растетъ на третій, растетъ лучше травы" — изрекаетъ она въ другомъ мвств. "Быть

богатой, — какой другой Богь нужень человьку, какая другая сила сильнье богатства? шепчеть она на пожарищь своего дома, которое должно обогатить ее. "На что человъкъ нуженъ безъ денегъ! вторитъ ей ея своякъ Гедели.

Старикъ Розеновъ, тоже героически несущій свое семейное тягло, насравненно мягче и какъ-то совъстливъе своей жены, но руководящій идеалъ жизни у него тотъ-же, что и у нея: успъхъ и нажива. Обзначительнымъ капиталомъ, онъ мечталъ о большемъ и проигрался на биржевыхъ спекуляціяхъ. Пробовалъ поправить дъла торговлею хлъбомъ — и остался съ заложеннымъ домомъ и съ векселями на шеъ. Въ эпоху благополучія онъ объщалъ женъ: "мы съ тобой еще въ каретъ будемъ ъздить, Соня" и дошелъ чуть не до нищеты. О **т**адъ въ каретахъ, если върить г. Юшкевичу, мечтаютъ чуть-ли не всъ евреи, какъ нъкогда мечтали о землъ обътованной. "Аронзонъ теперь разъвзжаетъ въ каретъ" — съ завистью говоритъ Соня, ставя этого мошенника въ образецъ своему мужу.

"О чемъ мечтаетъ счастливая мать? — спрашиваетъ Роза. О свадьбъ. Въдь я видъпа весь городъ на нашей свадьбъ. Этотъ большой, красивый залъ, эти важные лажеи въ бълыхъ перчаткахъ, эти гости, эти кушанья... У воротъ стоитъ красивая каретъ мы въдь еще никогда въ каретъ не ъздили, Лиза"...

Не только въ буржуазной, но даже и въ рабочей средъ царитъ та-же въра, не въ трудъ, а въ деньги.

— Развъ это зло, что ты ослъпъ Іерокимъ — разсуждаеть его жена Ципка — конечно это зло, я не говорю, и собака тебъ не позавидуетъ. Но не это главное зло. Если бы Хаимъ ослъпъ, особеннаго ничего не случилось-бы, Фейга его лечила-бы, такъ какъ Хаимъ оставилъ-бы много денегъ. А ты развъ приготовилъ что-нибудь?

Значитъ, все горе только въ отсутствіи денегъ. Будь большой капиталъ, дающій хорошіе проценты, развъ стоило-бы оплакивать утрату эрънія? Но безъ капитала, безъ про-

цента, безъ экономическаго хищничества для бъднаго еврея нътъ спасенія — слъпой или зрячій онъ все равно неизбъжно обреченъ на полуголодную нищенскую жизнь и жалкую неумолимую смерть, какъ этотъ несчастный Герохимъ съ своей трогательно - нъжной хромой дъвочкой Ханочкой.

* *

Въ отношеніи евреевъ къ образованію стремленіе къ богатству и роскоши тоже играетъ едва-ли не главенствующую роль. Старики Розеновы по ночамъ мечтали о блестящей карьеръ сына Якова.

Спорили и совътовались объ улицъ, на которой поселится докторъ Розеновъ. Произнося "докторъ Розеновъ", они дрожали и задыхались отъ счастья, пламенъя отъ гордости. Они спорили о количествъ комнатъ, которыя будетъ заниматъ докторъ Розеновъ, придется-ли выписать мебель изъ Въны.

Кромъ карьеры, почета и славы, старый Исаакъ, отдавая дань традиціонному идеалистическому взгляду евреевъ на ученыхъ, мечтаетъ, что сынъ его сдълаетъ что-нибудь великое для людей, но мать—та всецъло очарована аристократизмомъ своего блестящаго первенца.

Видълъ-ли ты еще у кого-нибудь такія манеры?—шенчетъ она мужу. — Когда онъ ходитъ — все на немъ живетъ: рубашка блеститъ какъ снъгъ, сюртучекъ какъбудто-бы онъ въ немъ родился! Только-бы у насъ дъла поправились, а то онъ замучается на 25 р. заграницей. И кто это только выдумалъ, что тамъ можно жить на 25 р.?

Образованный Яковъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше, чъмъ его необразованные родители. Рядомъ съ нимъ его отецъ кажется идеалистомъ чистой воды. На вокзалъ будущій врачеватель огорашиваетъ его такимъ откровеннымъ признаніемъ:

— Почему я вду учиться? Потому что докторскій дипломъ даетъ мив возможность хорошо устроиться—и только. Но попробуйте вы предложить мив какум-нибудь службу съ платой по 300 р. ві місяць и съ контрактомъ на 5 лівть— я сейчасть-же плюну на университетъ.

Та, быть можетъ, немножко наивидеологія, которая жила въ сердцахъ его патріархальныхъ дѣдовъ, изсякла, умерла въ его сердцъ и замънилась развязнымъ цинизмомъ молодого человъка, свободнаго отъ всякихъ моральныхъ предразсудковъ. За душою у него нътъ ничего. кромъ желанія сладко и комфортабельно пожить въ свое удовольствіе. Докторскій дипломъ ему нуженъ также, какъ отмычка любителю чужого имущества.

Когда приспъло время отдавать въ учебу четвертаго сына, Исаакъ тоже какъ будто-бы сталъ на точку зрънія Якова.

— Положимъ, Мотя уже конторщикъ, — прикидываетъ онъ въумъ, —что онъ имъетъ? Сто рублей, ну, сто пятьдесятъ рублей и стой. До смерти стой. А кто и что его знаетъ?

Такой-же мученикъ какъ и мы. Вдругъ евреевъ начинаютъ высылать, и онъ пропалъ. Ты забываешь гдъ ты живешь. Этимъ нельзя торговать, тамъ не сиди, здъсь не живи. А для ученаго все открыто.

Упованія бъдной Ципки такогоже порядка, хотя несравненно меньшаго масштаба. Она тоже мечтаетъ о томъ, что какой-нибудь изъ ея сыновей будетъ ученымъ.

-- А не то отдать мальчика въ контору. Вдругъ у него хорошая голова! И воть онтъ въ этой конторъ растетъ и растетъ. Съ какими господами имъетъ дъло, даже подумать страшно. И на извощикахъ разъъзъваетъ, и одътъ какъ картинка... Развътогда нужно будетъ жить въ каторгъ? Дъти это—Божій подарокъ, а хорошія дъти—это сладко, какъ рай.

Ципкина невъстка, Фейга ближе къ идеалу богатства и съ гордостью говоритъ о своихъ "золотыхъ дътяхъ".

— Они знали развъ хоть капельку заботъ со дня своего рожденія? Они въдь у меня, какъ куколки.

Стихійное тяготвніе всей массы еврейства къ богатству, къ привиллегированному положенію и экономическому господству отразилось на всемъ ихъ нравственномъ міросозерцаніи. Въ ломкъ практической жизни не многое уцълъло въ ихъ сердцахъ изъ старыхъ религіозныхъ

върованій. Даже хранительница завътовъ, старая Розенова, этотъ трезвый философъ здраваго смысла, по поводу увлеченія Левы идеями сіонизма откровенно говоритъ:

— Наша Палестина тамъ, гдѣ намъ хорошо. Положимъ, мы надѣемся, что черезъ тодъ будемъ въ Іерусалимѣ. Но вѣдь это только сказка, и ее разсказываютъ только въ праздникъ. Тутъ отецъ и мать бьются ради дѣтей, ради семьи, а эти мальчишки жалѣтъ своихъ отцовъ и матерей. Это развѣ люди, это выродки какіе-то.

Къ соціальнымъ увеличеніямъ Левы и его товарищей она относится, разумъется, еще строже и враждебнъе:

— Для чего ему мужикъ нуженъ, для чего ему рабочій нуженъ? Это еврейское дъло? Развъ мужикъего братъ или родственникъ? Или рабочій его братъ"! Рабочій это рабочій мужикъ, это мужикъ, а онъ долженъ знать, что она Лева. Развъ они компанія для него? О пьяницахъ душой больть, о твхъ, кто завтра съ шайкой прійдеть разорять тебя, о техъ, которые делають погромы! Этому ихъ учать въ гимназіи? Когда еврей перестанеть думать о делахъ, о деньгахъ, онъ уже почти потерянъ; когда онъ начинаеть учиться, онъ уже не еврей, но онъ еще можетъ существовать. Но когда онъ перестаеть любить своихъ близкихъ и начиваетъ любить всъхъ людей, онъ тогда и не еврей и не русскій, онъ хуже мертвеца.

На иноплеменниковъ она смотритъ свысока, но даже соплеменниковъ не пощадила, когда нужно было сжечь ихъ жилища, чтобъ получить большія деньги для спасенія своей семьи. Замѣчательно, что рѣшаясь на поджогъ, она поворачивается лицомъ къ западу и горячо молится "своему Богу", а, свершивъ богомерзское дѣло, восклицаетъ:

"Слава Богу, слава великому Богу!" Подъ стоны и вопли пострадавшихъ на пожарищъ постояльцевъ она импровизируетъ цълую философію жесткаго хищническаго эгоизма, обнаженнаго отъ всякихъ религіозныхъ прикрасъ.

Здѣсь погибли люди и воть они окружили ее, молять, стонуть, — но развѣ она мало выстрадала въ жизни? Пусть каждый думаеть о себѣ. Пришелъ-ли ей на помощь въ горѣ тоть, кто унесъ деньги Исаака, про-

игранныя на биржъ, на хлъбъ? Развъ надъ ея семьей они но совершили преступленія? Нъть, всъ отвернулись отъ нея, потому, что она была беззащитная. Зачъмъ же эти стонуть? Развъ не всякій самъ за себя, развъ не всякій борется со встыи? Пусть же не жалуются эти, что она сегодня счастлива! Она пожертвуетъ тысячу, другую этимъ бъднякамъ — что это для нея значить теперь? Но за то въ ея домъ наступитъ миръ, и ея семья по прежнему подниметь голову. Опять оживеть Розеновъ, опять услышать про его жену, и каждый веадъ съ честью уступить ей первое мъсто. Если каждый про себя подумаеть, что Розеновъ поджигатель, то темъ съ большимъ почетомъ, опустивъ голову, онъ дастъ ему дорогу. И оставшіяся діти пойдуть по ея пути и до смерти не будеть заботь. Слава Богу, слава великому Богу!

Вотъ во что выродилась на практикѣ въ обстановкѣ современной жизни патріархальная, основанная на исключительности, этика юдонизма!

Розенова характеризуетъ не свое только личное отношеніе къ мошеннической аферъ, но отношение всего дъловаго еврейскаго общества. Юшкевичъ — суровый обличитель, тъмъ болъе страшный, что онъ, повидимому, вовсе не желаетъ обличать. По его безмолвному признанію, еврейство заблудилось въ нравственной тьмъ, пришло къ какой-то пропасти, изъ которой не знаетъ, какъ выбраться. Старыя традиціи разложились, выродились Богъ знаетъ во что, новыя еще не выработаны. Евреямъ приходится жить безъ нравственнаго завъта, безъ живой морали. Образованные евреи, если они не идутъ вмъстъ съ Яковомъ по пути окончательной деморализаціи, заимствуютъ СВОИ нравственные идеалы отъ русской учащейся молодежи и, какъ справедливо замъчаетъ Розенова, духовно разрываютъ съ своей средой. Единственный живой устой ея, въ который она въруетъ, это-семья, но, построенная на слишкомъ хищническихъ началахъ, она неизбъжно распадается при первомъ столкновеніи съ современными этическими понятіями. Все несчастіе стариковъ Розеновыхъ въ что они достигли осуществленія

своей мечты и дали дътямъ образованіе.

— Они весь свыть носять въ своей головъ, — говорить Фаня Гельдманъ про получивщую образоване еврейскую молодежь. —
Плачьте, молите ихъ, разрывайтесь на
куски — и все-таки ничего не поможеть;
они плюють на деньги и топчуть ихъ ногами. Имъ противны наши деньги, наши
деньги нечестныя и если вы разскажете,
сколько слезъ, и мукъ, и труда было потрачено на то, чтобы нажить эти деньги, они
васъ засмъють.

— Несчастіе, Фаня, погибель идеть на насъ—отвъчаеть ей Розенова.—Какъ намъ спастись, что дълать? Убить ихъ, убить себя? Но силъ нътъ на такое ръшеніе. Наше сердце разорвется отъ муки, а они будутъ продолжать свое дъло. Со всъхъ сторонъ зажжена старая семья. Мы сами подожгли ее, и дъти доканчивають нашу работу.

Они не щадили ни себя, ни чужихъ для семьи, для дътей, а дъти разбъгаются во всъ стороны, и вся семья разсыпается прахомъ.

— Волками вы были въ семъв, волками вы и покидаете ее! — съ укоромъ говоритъ Розенова въ страшно неудачной, растянутой на десятокъ страниць и состоящей изъ діалоговъ сценъ бредовыхъ видъній здороваго Давида, — у Якова душа уже не наша, онъ волкъ. Лева съ дътства былъ намъ чуждъ. Чужимъ онъ выросъ среди насъ: онъ — волкъ. Всв, всв вы волки и только напрасны были наши труды! Послушалъ-бы меня Исаакъ — говорить она въ другомъ мъстъ Якову — и выгналъ бы васъ всъхъ. Это-бы еще спасло насъ. А то вы раньше всъ соки высосите, а потомъ бросите. Давидъ — ради той подлой дъвушки, Лева — ради Михайлова, а ты ради самого себя.

Одна изъ лучшихъ, до тончайшихъ деталей психологически выдержанныхъ въ этомъ разсказъ сценъ это проводы Якова за границу для поступленія въ университетъ. Разорванная семейная связь въ моментъ разлуки возстановляется вновь и даже идейно враждующіе братья, Лева и Яковъ, ощутивъ въ прощальномъ поцълуъ теплоту братскихъ устъ, отдались во власть проснувшагося чувства, могучаго инстинкта крови.

Глубокочестный, но пассивный Давидъ расходится съ родителями главнымъ образомъ изъ за женитьбы на Лизъ, болъе сильный и энергичный Лева бросаетъ семью по чисто прин-

ципіальнымъ соображеніямъ. Въ его прощальномъ письмѣ къ отцу мѣстами много наивнаго, чисто юношескаго доктринерства (напр., въ разсужденіяхъ о семьѣ, какъ отжившемъ институтѣ), но по конструкціи повѣсти это нисколько не мѣшаетъ ему выступить въ роли провозвѣстника исхода для всего интеллигентнаго еврейства, въ качествѣ проповѣдника новыхъ общественно-этическихъ началъ.

Я видъль — пишетъ Лева отпу — что ты страдаль оть того, что у тебя не было кареты, между тъмъ какъ сотни рабочихъ ходили безъ хлъба. Ты бросалъ на насъ тысячи и готовъ былъ сожрать весь міръ, въ то время, когда тамъ въ глубинъ шла безпощадная война изъ за куска хлъба, и я спрашиваль себя: кто платить за наши удовольствія, за нашу роскошь, за наше ничегонедъланіе? Ты въ худшее время проживаль не менье 2-3 тысячь въ годъ, а внизу, въ массъ живулъ на 80-100 р. и такъ живеть большинство. Долженъ-ли я остаться съ тобой наживать тысячи, загребать ихъ рядомъ съ тобой или работать въ пользу народа, которому я обязанъ всъмъ, у котораго ты отнималь его добро только потому, что онъ безпомощенъ, что его никто не хотълъ защитить? Ему я посвящу свои силы, свои знанія, свой трудъ. Но какъ-же съ тобою отецъ? Если твое благосостояніе упадеть на столько, что ты приблизишься по своимъ нуждамъ къ на-роду, я буду возлъ тебя, буду бороться и за твое счастье, какъ за счастье народа; это единственно возможный случай уплаты моего долга.

Наивный мальчикъ прямолинейно ръшаетъ семые сложные и запутанные нравственные вопросы съ помощью простыхъ ариометическихъ формулъ и разсчетовъ: буду молъ возлъ тебя, если твой доходъ понизится до 80 р. въ годъ, да и тогда не объщаетъ посвятить свои силы поддержив отца, а сулить только "бороться за его счастье, какъ за народа". Эти счастье анибаловы юности цѣнны не столько клятвы положительныя ръшенія, — Богъ въсть еще что выйдетъ изъ нихъ въ жизни, -- сколько какъ проявленіе глубокаго нравственнаго протеста представителя молодой еврейской интеллигенціи противъ всего склада жизни, стремленій и алканій еврейства. Что сильнъе: Левина, покамъстъ еще чисто книжная, мораль, смъло предающая проклятію дъятельность отцовъ, или же сама жизнь, направляющая силы его старшаго брата совсъмъ въ другую сторону? Восемнадцатилътній юноша все написать можетъ, но его слова мало что предопредъляютъ даже въ его собственномъ будущемъ, а не только въ будущемъ всего народа.

Пойдетъ ли еврейская молодежь по стопамъ космополита Левы, котораго мать называетъ выродкомъ, последуеть ли въ своемъ дальнейшемъ развитіи за красавцемъ Яшей или же наконецъ, сумъетъ отыскать какіе нибудь новые пути и исходы, ведущіе не къ духовному разрыву съ роднымъ народомъ, а къ нравственному возрожденію его, какъ нашли сіонисты, проповъдующіе возвратъ евреевъ къземлъ, къ черному земледъльческому труду? Къ сожалънію, этихъ послъднихъ движеній еврейской интеллигенціи авторъ совершенно не коснулся. Рядомъ съ новаторомъ Левой онъ далъ только нъсколько яркихъ типовъ мелкихъ мъстечковыхъ философовъ и ораторовъ. Всъ они болъе или менъе ясно чувствуютъ безысходностъ современнаго положенія еврейства, но не отдаютъ себъ отчета въ томъ, какую роль играетъ здѣсь внутренній духовный кризисъ, переживаемый евреями. Они ищутъ исхода и ненайти его. Темнымъ люмогутъ дямъ не по силамъ разръшить грозную задачу, они изнемогаютъ подъ тяжестью своей духовной ноши, но въ концъ концовъ это неустанное броженіе мысли не можетъ быть безплоднымъ и когда-нибудь выведетъ евреевъ на върную историческую дорогу.

Нація, такъ много давшая міру, въ области религіознаго творчества, не можетъ навѣки застыть въ умственной неподвижности, въ безнадежномъ созерцаніи своего духовнаго и моральнаго банкротства. Изътого религіозно-философскаго род-

ника, который не перестаеть битьи сочетаться въ самыхъ глубокихънъдрахъ еврейской психики, рождаются такіе изумительные типы, какъ-Спиноза, маленькій чахоточный. мальчикъ Гершеле, задумывающійся надъ каждымъ явленіемъ жизни. Все вызываетъ въ немъ безконечный. вопросовъ, неразрѣшимостьриль которыхъ больше мъшаетъ жить, чемъ даже злая чахотка. Поэтическій образъ нъжнаго чика, умирающаго съ чувствомъ неразгаданной тайны жизни, прекрасносопоставленъ съ образомъ дряхлаго,. пережившаго всъхъ своихъ дътей и внуковъ, почти лишь механически живущаго, прадъда. По лаконической краткости, отсутствію повтореній, положительно портящихъ повъсть. "Распадъ", и тонкой художественной обработкъ это лучшій разсказъсборника.

Къ недостаткамъ Юшкевича, какъ начинающаго автора, слъдуетъ отнести прежде всего излишній патетизмъ выраженій. И въ его герояхъ, и въ немъ самомъ чувствуется типичная національная черта евревъ, способныхъ необыкновенно глубокои жгуче ощущать свою боль, такъ глубоко, какъ, въроятно, ни одна нація въ міръ. Естественнымъ послъдствіемъ такой гипертрофированной воспріимчивости является нъпреувеличенность которая чрезмърность въ выраженіяхъ скорби и муки, переходящая иногда въ риторическую крикливость. Со страницъ его книги несется сплошной стонъ и скрежетъ зубовъ, крикъ льющейся крови, изступленные вопли раздираемаго на куски живого мяса. Вмъсто объективнаго художественнаго описанія, улавливающаго мъру и взаимную пропорціональность вещей, получается страстная лирика, не всегда захватывающая читателя. Напр., въ описаніи поджога цълыя страницы испещрены такими фейерверочными періодами:

Въ этой угрюмой тишинъ подъевисть и крики разыгравшагося вътра (°), это одв-

нокое существо, слившееся съ темнотой, стряство плакало о настоящемъ, плакало о будущемъ, безъ словъ умоляя о помощи, о сожалъніи, чтобы шаги ея направились къ добру, къ хорошему... И это красное горящее несчастіе, угрожавшее смертью мирно спавшимъ людямъ, эта слъпая, неподкупная огненная гроза, разыгравшаяся надъголовой ни въ чемъ неповинныхъ бъдняковъ, насильно заставляла думать о той божественной справедливости, по которой невинные обязаны искупить гръшныхъ и т. д. и т. д.

Такъ сильно и заковыристо выражается самъ г. Юшкевичъ, а его дъйствующія лица такъ и сыплютъ гиперболами. У нихъ то и дъло "высыхаетъ мозгъ" "кровь вмъсто пота выступаетъ на тълъ отъ страха и усталости", одинъ жалуется, что отъ него "скоро уже ничего не останется", другой увъряетъ, будто въ головъ у него шумитъ сто мухъ и т. д. Дъло доходитъ даже до того, что если върить г. Юшкевичу, во время наступившаго въ Кіевъ коммерческаго промышленнаго кризиса

только и видно и слышно было, что эти люди вырывали свои сердца, выбрасывали въ Божій міръ, чтобъ не пропала неразслышанной ни одна жалоба, чтобъ не потерялась ни одна капля страданія.

Зачъмъ такія кровавыя аллегоріи? Жизнь такъ богата ужасами, что самая скромная передача реальныхъ фактовъ способна потрясти каждаго. Несравненно болъе сильное впечатлъніе получается, напримъръ, отъ совершенно простыхъ и даже нелъпыхъ и безтолковыхъ выкрикиваній растерянной Ципки, когда она напустилась на слъпнущаго Іерохима:

— Не смъй, не смъй — ты не долженъ быть слъпымъ! Я не пущу тебя. Ты не долженъ. Когда у человъка восемь душъ дътей, онъ не долженъ быть слъпымъ. Онъ долженъ видъть и хорошо видъть! Ты этого не знаешь развъ? Богъ мой! Богъ!

Реторическіе грѣхи и увлеченіе значительно сглаживаются въ послѣдней повѣсти г. Юшкевича "Ита Гайне" изъ міра кормилицъ, гибнущихъ въ большомъ городѣ, не то въ Берлинѣ, не то въ Варшавѣ — хорошенько не разберешь. За предѣ-

лами національныхъ сюжетовъ его письмо становится несравненно спокойнъе, горизонтъ шире, дъйствіе на душу читателя глубже и сильнъе. Здъсь онъ далъ цълую серію бытовыхъ и психологическихъ картинъ, потрясающихъ дремлющую совъсть сытаго культурнаго общества своей бичующей правдой. нашихъ глазахъ прекрасная и чистая по натуръ, Ита Гайне, нъжно любящая своего младенца, постепенно, шагъ за шагомъ подъ гнетомъ неотвратимыхъ обстоятельствъ, препрофессіональную врашается ВЪ мамку, въ двуногую дойную корову, предназначенную для выкормки двтей безгрудыхъ и худосочныхъ женшинъ богатаго класса.

Довлъющія надъ ней неумолимыя и злыя соціальныя силы убиваютъ въ сердцъ женщины первозданный инстинктъ материнства. Мы видимъ, умираютъ ВЪ невъроятной грязи, безъ ухода и присмотра, дъти нашихъ мамокъ, молоко которыхъ перекупили для своихъ дътей, видимъ всю чудовищную обстановку организованныхъ пріютовъ дътоубійства, на которомъ зиждется наше семейное благополучіе. только эти несчастныя женщины, но вмъстъ съ ними и пользующееся ими общество, и вся современная культура живо рисуются намъ въ этомъ талантливомъ разсказъ самомъ днъ нравственнаго паденія, болъе глубокомъ несравненно реальномъ, чъмъ то, которое пытался изобразить въ своей пьесъ Горькій. Здась совсамъ Максимъ нътъ резонерствующихъ героевъ, никакой теоретической отсебятины, есть только обнаженная отъ лжи горькая и неподкрашенная правда жизни, воспринятая и переданная со всею непосредственностью человъка, чтущаго въ своемъ ближнемъ образъ и подобіе Божіе. Въ этомъ очеркъ сказываются здоровыя демократическія тягот внія г. Юшкевича огромной силы и глубины. Они открываютъ передъ нами безгранично

широкіе горизонты строгой нравственной критики всего современнаго буржуазно языческаго строя жизни и просвътляющаго художественнаго творчества. Несмотря на мелкіе недостатки въ самыхъ пріемахъ письма,—напр., на замъну описанія ръшающихъ моментовъ нравственной эволюціи Иты простымъ пересказомъ отъ лица автора, горъкая повъсть ея паденія достойна занять мъсто въ нашей классической литературъ, въ которой вопросы личной и общественной совъсти всегда играли первенствующую роль.

И. Гофитеттеръ.

Послѣдняя майская ночь.

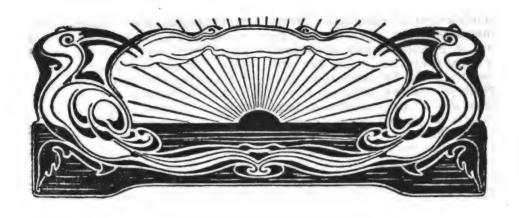
Не даромъ соловей свисталъ въ густой сирени, И слали ароматъ весенніе цвъты, А ночь была полна незримыхъ чаръ и лъни... Не даромъ вътерокъ нашептывалъ мечты...

Проснулись на душѣ забытыя надежды, Запѣли тихій гимнъ умолкшія мечты... На встрѣчу счастія мои открылись вѣжды, И въ сердцѣ зацвѣли священные цвѣты.

И былъ тъмъ призракамъ, тъмъ снамъ самообмана Я безъотчетно радъ, и грезилъ, и любилъ... Какъ грезилъ въ эту ночь, подъ саваномъ тумана, Мечтатель соловей, что счастье мнъ сулилъ.

Мечтатель.

Происхожденіе современной Россіи. **Э**

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

III.

Причины слабости и медленности развитія.—Умственная жизнь и ея теченія.— Литература.—Искусство.—Новое движеніе.

Монголы долгое время считались виновниками слабаго и медленнаго движенія развитія Руси; говорили, что татары встали преградой между этой страной и цивилизаціей Запад-Европы, произведя внезапную задержку въ ходъ ея развитія. Долгое время это заблуждение раздълялось всъми, но теперь уже не подлежитъ сомнънію, что Монголы нисколько не препятствовали монахамъ въ монастыряхъ заниматься письменностью и книжнымъ дъломъ.

Судя по успъхамъ, какое сдълано образованіе въ теченіе двухъ съ половиною въковъ, предшествовавшихъ татарскому погрому, трудно предполагать, чтобы эти успъхи

могли быть болье замьтны и значительны въ теченіе двухъ посльдующихъ стольтій. Очевидно, главной и основной причиной застоя въ развитіи были не Монголы, а самый народъ, который въ то время не чувствовалъ никакой потребности въ болье высокой культуръ. Слъдуя по стопамъ своихъ дъдовъ, русскіе люди вполнъ довольствовались возможностью свободно читать и понимать священныя книги и ничего болье не желали.

Кромъ того, новъйшими изслъдованіями доказано, что Монголы были далеко не такими дикими Азіатами, какими мы привыкли себъ представлять Батыя и его соратниковъ, Суботая и др... Первоклассные стратеги и удивительные организаторы, они уже тогда являлись достойными представителями той цивилизаціи, которая менъе въка спустя поразила пословъ Генриха Ка-

Digitized by Google

стильскаго въ Самаркандъ. Татары отнюдь не были склонны все рушить и раззорять внъ требованій военнаго искусства, и иго ихъ проявлялось лишь въ законныхъ, строго опредъленныхъ податяхъ и дани, взимаемой съ ихъ данниковъ, внутренняго-же устройства страны, ея быта и обычаевъ, даже ея религіи они не коснулись. Что же касается преданія о наплывъ татаръ, наводбудто бы собою нившихъ страну, то это не болъе, какъ вымыселъ напуганнаго народнаго воображенія, вещь невозможная уже вслъдствіи одной малочисленности татаръ, доказанной теперь всъми. Суботай побъждаль повсюду съ очень незначительными и малыми силами, но крайне подвижными, ръшительными, смълыми и увъренными въ себъ и своихъ превосходныхъ вождяхъ, хорошо обученными въ военномъ ремеслъ, привычными превосходно вооруженными по тогдашнему времени.

Мало того, какъ оказывается теперь, Батый во время нашествія не нашелъ на Руси ничего, кромътъхъ же развалинъ, полнаго раззоренія страны и распаденія государства, уже совершенно чуждаго всякаго общенія и близости съ Европой и Европейской культурой. Со времени Ярослава Мудраго (1016—1054), выдавшаго свою сестру за Казимира Польскаго, а дочерей — одну за короля Венгерскаго, другую—за короля Норвежскаго, и третью за Генриха I Французскаго, попытки породниться съ государями другихъ странъ уже не повторялись.

Со времени паденія Кіева въ 1169 г. не отъ руки татаръ, а другихъ азіатовъ, русскіе удъльные князья старались одинъ передъ другимъ овладъть древнимъ стольнымъ городомъ Кіевомъ, и междуусобицамъ ихъ не было конца. За этими междуусобицами жители страны не знали покоя, и имъ некогда было подумать о просвъщеніи. Кромъ того, зависимость Руси отъ Византіи дълала

ее нераздъльнымъ членомъ разлагающагося трупа, препятствуя всякому прогрессу и развитію умственному. Съ паденія Византіи интеллектуальное отчуждение Руси отъ сосъднихъ иновърческихъ государствъ стало еще ръзче. Изъ числа 240 писателей, насчитывавшихся къ концу XVII-го въка, 190 были монахи, 20 принадлежали къ бълому духовенству, а остальные 30 авторовъ почти исключительно писали на религіозныя темы. Между тымь уже въ XIII мъ въкъ духовенство представляло собою тъсный замкнутый кругъ, а православіе воспрещало всякое сближеніе или общеніе съ невърными, такъ что установился даже обычай, чтобы цари Московскіе умывали руки послъ аудіенціи, данной иностраннымъ посламъ.

Съ паденіемъ Константинополя на Руси зародилась мысль о независимой, чисто мъстной православной церкви, основываясь на распространившемся вдругъ повсемъстно преданіи о пребываніи Апостола Андрея въ предълахъ древней Руси, гдъ онъ будто долго училъ и проповъдывалъ. Но вмъсто того, чтобы дать новый толчекъ къ народному просвъщенію, этотъ фактъ скорће повліяль обратно, такъ какъ къ концу XV столътія мы уже не находимъ и слъда тъхъ монастырскихъ школъ, о существованіи которыхъ многократно упоминается въдокументахъ болъе отдаленнаго времени, и которое теперь несомнънно доказано историками. Въ XVI же архіепископъ Новгородскій горько жалуется на то, что ему приходится ставить въ священники людей, не умъющихъ ни читать, ни писать, а иностранные путешественники того времени утверждають, что въ народѣ изъ 10 человъкъ только одинъ зналъ безошибочно .Отче Нашъ отъ начала до конца.

Правда, монастыри по прежнему продолжали собирать книги, и многіе даже имъли свои довольно общирныя библіотеки, но чтеніе все

болъе и болъе становилось заняті--емъ небольшого числа избранныхъ людей: изъ всеобщаго достоянія грамотность стала настоящимъ познаніемъ, и всякій, знавшій толкъ въ книгахъ, дълался книжникомъ, т. е. настоящимъ **ученымъ.** При этомъ следуетъ заметить, что въ этихъ монастырскихъ библіотекахъ особенно почетное мъсто занимали книги апокрифическаго содержанія. Въ библіотекъ Троицкой Лавры въ XVII въкъ насчитывалось по описи -411 манускриптовъ или рукописныхъ книгъ, но ни одна изъ нихъ не знакомила съ классическими памятниками греческой или латинской литературы, а представителемъ философіи въ ней являлся одинътолько Іоаннъ Дамаскинъ. Въ XV въкъ Максимъ Грекъ внесъ нъкоторый лучъ свъта въ это стоячее болото, гдъ до него топтались книжники, не сходя съ мъста, но и его литературная и научная деятельность ограничивалась тыми же вопросами религіи и нравственности, хотя онъ и умълъ представить многое въ новомъ свътъ и своими писаніями, какъ человъкъ бывалый, нъсколько расширялъ горизонты.

Существовало преданіе, что уже въ XV въкъ въ Москвъ, въ кремлевскихъ кладовыхъ хранилось нъсколько очень ръдкихъ и цънныхъ манускриптовъ свътскаго содержанія и даже, на ряду съ многими другими. нъсколько Еврейскихъ свитковъ и византійскихъ писаній, но, какъ доказали позднъйшія изслъдованія и обыски, произведенные въ стънахъ кремлевскаго двора въ 1894 г. никакихъ слъдовъ этой библіотеки не было найдено, хотя, конечно, не подлежитъ сомнънію. что Иванъ Грозный и его предшественники владъли извъстнымъ количествомъ цънныхъ книгъ обычнаго религіознаго содержанія.

Отъ первобытной, почти дикой независимости, въ которой жилъ Русскій народъ до принятія христіанства, онъ перешель подъ гнетъ

къ строгой, нетерпимой православія, осуждавшаго тогда свободу знанія, свободу творчества и свободу жизни. Православіе считало свободныя науки источникомъ всякой ереси и невърія вслъдствіи свободнаго разсужденія и мышленія, свободное творчество - элементомъ развращенія, а свободу, не подчиненную никакому регламенту, жизнь съ ея радостями, забавами и потъхами-угожденіемъ дьяволу. И вотъ славные гусляры, эти русскіе барды Кіевской Руси, исчезли безслъдно, ихъ уже не видно больше на пирахъ княжескихъ; замеръ свободный порывъ вдохновенія, и на смъну ихъ явились сухія дидактическія повъствованія, въ которыхъ не допускалось давать волю пылкой фантазіи.

Главнымъ правиломъ жизни ставоздержаніе и стъсненіе всемъ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ даже младенцевъпріучали соблюдать постные дни, не говоря уже о взрослыхъ, отъ которыхъ требовалось даже воздержаніе отъ супружескихъ радостей три дня въ недълю, во всъ праздничные дни и въ теченіе всъхъ постовъ; словомъ, стъснение ограниченіе предписывалось во всемъ. На женщину стали смотръть какъ на орудіе дьявола; ее боялись, унижали, порабощали, памятуя изреченіе Катона: "Мы правимъ міромъ, но женщина правитъ нами", слова Демокрита, который, супругомъ будучи чрезвычайно миньятюрной женщины, любилъ говорить, что онъ избралъ "меньшее зло".

Видя въ женщинъ корень всякаго зла, разврата и соблазна, церковь доходила до того, что считала ее нечистой и проклинала заодно съ нею и всъ виды творчества и искусства,въкоторомъженщина во всъ времена и у всъхъ народовъ являлась главною вдохновительницей.

Мало по малу форма и обрядъ замънили собою сущность религіи; все сводилось къ соблюденію постовъ и частому посъщенію храмовъ. Въ тоже время церковная служба, на ряду съ небрежностью служенія и отсутствіемъ истиннаго усердія, становится все сценичнъе и театральнъе; все чаще и чаще совершаются крестные ходы, хожденіе иконъ изъ села въ село съ празднествами и гуляньями, вводится церемонія "хожденія на осляти", "трехъ отроковъ въ печи огненной" и т. п.

Одновременно съ этимъ, христіанскія преданія, перемъшиваясь языческими върованіями и повъріями, порождали страшное суевъріе въ народъ. Особенно явно сказывается въ этомъ вліяніе финскаго племени, мрачнаго, угрюмаго и суевърнаго, фантазія котораго населила всъ скалы, лъса, воды овраги и болота грозными, злобными божествами, вездъ подстерегающими человъка и внушающими ему только страхъ и ужасъ. Ихъ жрецъ вмъстъ съ тъмъ и колдунъ, такъ какъ только въ колдовствъ и заклинаніяхъ видитъ онъ спасеніе отъ злыхъ силъ. Въ этихъ заклинаніяхъ проявляется общее всему человъчеству стремленіе преодолъть силою своего генія силы природы, но здъсь, на съверъ Россіи, это великое эмансипаціонное движеніе челов'вческаго духа долго оставалось въ зачаточномъ состояніи. Еще въ XVI въ Водской Пятинъ, нынъшней Петербургской Губерніи, неселеніе въриловъ крылатыхъ змъй чудовищъ и приносило дары деревьямъ и камнямъ.

Православное духовенство, съ одной стороны, старалось искоренить эти суевърія, а съ другой само—поощряло ихъ; составля сонники, толкователи, подтверждая примъты и допуская даже въ числъ приближенныхъ царя колдуновъ и скомороховъ, допуская въ ночь на Ивана Купалу, въ Рождественскій Сочельникъ, въ крещенскій Сочельникъ празднества и обычаи, чисто языческіе, гдъ Богъ и чертъ въ равной мъръ удостоивались вниманія и почета. Правда, въ XVI въкъ остатки суе-

върій наблюдались еще и въ Европъ, даже въ стънахъ самаго Ватикана. Не говоря уже объ астрологахъ, считавшихся представителями науки, всъ върили во всевозможныя примъты и предзнаменованія.

Этими суевъріями долгое время жила и питалась литература, но на Руси у суевърій нътъ даже и этого оправданія. У русскихъ, можно сказать, въ XIV и XV въкахъ вовсе не было самостоятельнаго творчества, механическія компиляціи. а лишь Наиболъе выдающимся изъ этихъ трудовъ является Степенная-Книга Митрополита Макарія, отличающаяся отъ остальныхъ писаній ужетъмъ, что авторъ ея пытался установить извъстную связь между текущими событіями и генеалогіей московскихъ государей и имъющая. нъкоторую политическую тенденцію. Изъ нея-то Грозный и почерпнулъмысль вывести свое происхожденіе: отъ Кесаря-Августа.

Какъ по внъшней формъ, такъ и по внутреннему содержанію своему литература этого времени стоитъ значительно ниже литературы Кіевскаго періода. Мертвыя условныя правила замънили силу вдохновенія, и сила искренняго, горячаго чувства не заставляетъ, уже какъ прежде, забывать недостаточную глубину мысли. XIV и XV въка не дали ни одной поэмы, а между тъмъ въдь это было время Чаусера, Петрарки и Боккачіо; ни малъйшаго опыта научнаго или философскаго трактата, когда въ Италіи быль Галилей, а въ Англін— Бэконъ.

Въ Россіи не было тогда дажетипографскихъ станковъ; все, что печаталось тогда на русскомъ языкъ, издавалось въ Краковъ, Прагъ, Вильнъ, Тюбингенъ. Правда, существуетъ народная поэзія, въ которой ярко отразилась личность Грознаго, давшаго, такъ, сказатъ новый импульсъ народному генію, но въ общемъ эта поэзія живетъ еще традиціями и сохраняетъ основы старой, Кіевской Руси.

крупныхъ литературныхъ произведенія XVI віжа, въ которыхъ вылились всв понятія и познанія предшествующихъ въковъэто "Домострой" о. Сильвестра и "Четьи-Минеи" Митрополита Макарія. Книги подобнаго рода, какъ эта послъдняя, т. е. "Четьи-Минеи", иначе говоря, чтеніе на каждый день мъсяца, съ изложеніемъ жизни и подвиговъ того святого или тъхъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ этотъ день, были не ръдкостью и въ другихъ странахъ, въ XV въкъ, но затъя Митрополита Макарія была несравненно грандіознъе; онъ вздумалъ совъ своихъ 12 единить томахъ "Четьи-Минеи" — всю литературу своей страны, снабдивъ подробными поясненіями и толкованіями. Тутъ и житія святыхъ (патерики), и писанія Св. Отцовъ, и древній энциклопедическій сборникъ, Пчела", и книги священнаго писанія, за исключеніемъ, въроятно, умышленномъ, книги "Пъсни—Пъсней". До сего времени каждое княжество и каждый городъ имъли свои особыя святыни и своихъ святителей, Новгородъ зналъ свои, а Москва чтила и признавала свои, -- Митрополитъ же Макарій въ своихъ "Четьи-Минеяхъ объединилъ ихъ всъхъ, создавъ общій національный культъ, подобіе того государственнаго объединенія, къ какому стремились и какого достигли цари Московскіе. Но что особенно отличаетъ этотъ огромный трудъ, также какъ и творенія Максима Грека, - это полнъйшее отсутствіе всякаго критическаго отношенія къ матеріалу, вследствіе чего въ его Четьи-Минеи вкрались житія, совершенно апокрифическія и въ высшей степени дикіе вымыслы.

Митрополитъ Макарій былъ выдающимся писателемъ. Кромъ "Четьи Миней" и "Степной Книги", ему приписываютъ еще и составленіе "Кормчей Книги", сборника всъхъ каноническихъ книгъ, монастырскихъ уставовъ и т. д. Сверхъ

того, Макарій быль талантливый ораторъ и хорошій пропов'вдникъ.

Что же касается Домостроя, то его главной особенностью является то, что онъ не соотвътствуетъ, собственно говоря, ни какой опредъленной эпохъ и не предназначенъ ни для какого отдъльнаго класса населенія. По всемъ вероятіямъ, основная идея этой книги заимствована о. Сильвестромъ изъ какихъ нибудъ Новгродскихъ сочинепрежнихъ ній, такъ какъ обычаи, нравы и домашній обиходъ, т. е. семейная жизнь, о которой говорится въ его книгь, являются какъ бы отраженіемъ Новгородской жизни и обычаевъ, хотя на всемъ лежитъ, немосковскій сомнънно, колоритъ. Этимъ московскимъ духомъ проникнуты всъ сборныя части Домостроя. Лично о. Сильвестру, какъ полагають, принадлежить только последняя глава Домостроя, где онъ резюмируетъ все сказанное въ предыдущихъ главахъ и говоритъ объ обязанностяхъ человъка, добраго христіанина, къ Богу и къ ближнимъ, къ государю и къ своимъ слугамъ и рабамъ. Мужу и главъ семейства рекомендуется держать всъхъ въ страхъ и повиновеніи и не скупиться на наказанія; кнутъ въ его рукъ есть первый и важнъйшій аттрибутъ его власти. Глава семейства является не только господиномъ, которому всъ обязаны повиноваться, но и единственнымъ существомъ, къ которому все относится и отъ котораго все зависитъ. Домострой представляетъ собою не столько описаніе быта и нравовъ, сколько служитъ законодательствомъ для семейной и общественной жизни. Особенно сказывается во всей этой книгъ ярый матеріализмъ, какъ семейной. такъ и соціальной жизни на Руси, и эта основная двойственность національной этики, граничащей съ одной стороны съ аскетизмомъ, съ другой съкрайней чувствительностью, доходящей до цинизма.

Любопытно то впечатление, которое произвела эта книга, т. е. "Домострой", на такого просвъщеннаго славянофила, какъ Иванъ Аксаковъ. Сначала онъ началъ возмущаться и удивляться тому, какъ могло народиться на русской почвъ такое произведеніе, столь несродное и, можно сказать, даже чуждое русскому духу. "Я прогналъ бы на край свъта наставника, который - бы вздумалъ учить меня подобнымъ вещамъ"! восклицаетъ онъ, но затъмъ, припоминая нравы московскаго купечества, вдругъ увидълъ, что въ этой средъ и сейчасъ еще живутъ по Домострою.

Я здѣсь ничего не сказалъ о языкѣ, которымъ написанъ Домострой, но о немъ и сказать нечего: о. Сильвестръ не былъ художникомъ слова, да и вообще существовало ли какое-бы то ни было художество или искусство въ ту пору на Руси?

Литература свътская впервые появилась въ перепискъ Ивана IV-го съ Курбскимъ. Какъ литература, такъ и искусство до этого времени носили исключительно религіозный характеръ и находили себъ выраженіе въ сооруженіи храмовъ и церквей, въ украшеніяхъ церковныхъ книгъ и письмъ иконъ. Но интересно прослъдить, на сколько всъ эти произведенія искусства являлись выраженіемъ національнаго народа. Конечно, художественныя способности и художественное дарованіе русскаго народа не подлежитъ сомнънію, какъ онъ успълъ это доказать въ послъднее время. Но если приглядъться поближе, то этотъ стиль и орнаментъ, которые мы такъ склонны считать національными, не имъютъ въ себъ ничего самобытнаго и оригинальнаго. Рисунки шитья на фартукъ или ручникъ Тверской крестьянки, красивы и затъйливы, но рисунки эти не русскіе, а персидскіе; этотъ ковшъ или чаша фигурны и изящны, --- но, --увы, — въ нихъ больше индусскаго, чъмъ русскаго, а Стасовъ въ "Въстникъ Европы" за 1868 г. доказалъ восточное происхожденіе, или върное, сродство и русскихъ былинъ.

Въ русской архитектуръ съ XI по XVI въкъ ръзко выдъляются два типа, оба византійскіе; на югь это византійское вліяніе особенно ярко и исключительно, на съверъ же, въ Новгородъ, Владиміръ и Суздалъ, архитектура носить явные слъды ломбардскаго, т. е. итальянскаго стиля. Къ этимъ двумъ основнымъ архитектурнымъ типамъ примъшивались штрихи, схваченные налету со всъхъ сторонъ горизонта европейской и азіатской жизни, преимущественно же стилей Персіи и Индіи, вслъдствіе чего получилось что-то среднее между вкусами европейскимъ и азіатскимъ, между стилями паднымъ и восточнымъ.

Зодчество въ Россіи отъ XI-го до XIII-го въка было почти исключительно въ рукахъ грековъ, но уже внукъ Мономаха, Андрей, выписалъ архитекторовъ для сооруженія грандіознаго соборнаго храма во Владиміръ, —изъ Ломбардіи. По его примъру и другіе князья стали выписывать строителей изъ Грузіи, Арменіи и др. странъ въ томъ числъ несомнънно и изъ Персіи, какъ о томъ свидътельствуетъ самый стиль многихъ храмовъ. Начиная-же съ XV-го въка, въ Россіи явно преобладаетъ Итальянское искусство. тогда какъ въ XIII въкъ индо-татарское вліяніе ясно сказывалось, какъ въ архитектуръ, такъ и въ орнаментъ и всякомъ иномъ извъстномъ тогда на Руси искусствъ. Многія детали древнихъ храмовъ какъ будто цъликомъ заимствованы отъ тибетскихъ памятниковъ, а мелкіе купола съ причудливой металической, иногда пестро раскрашенной обшивкой, живо напоминаютъ знаменитый храмъ Эллора въ Индіи.

Византія, можно сказать, служила посредницей между Азіей и Россіей, при чемъ формы, очертанія и даже мысли могли проникать къ русскимъ самыми разнообразными пу-

тями: возьмемъ, напр., сказку про "Бову Королевича", столь излюбленную въ Россіи; она, несомнънно, индъйскаго происхожденія и принадлежить къ циклу Сомадева (Somadeva), но самъ Бова Королевичъ—не герой Сомадевы, а одинъ изъ героевъ цикла Карловинговъ. Изъ этого мы видимъ, что индъйская сказка должна была пройти черезъ западную Европу для того, чтобы, наконецъ, проникнуть въ Россію.

. Скажемъ теперь еще нъсколько словъ о живописи, если существовавшую тогда и сильно развившуюся между XIII и XIV въкомъ иконопись можно такъ назвать. Особенно процвътала она въ Суздалъ и Новгородъ, а образцами имъ служила иконопись первоначально византійская, затъмъ юго-восточныхъ славянъ, т. е. Сербовъ и Болгаръ, и въ этой то области русское творчество проявило, на сколько оно было къ тому способно, извъстную долю самобытности, образцомъ которой были иконы Покрова Св. Дѣвы, не существовавшія среди византійскихъ образцовъ, иконы Ивана Воина, Бориса и Глъба, первоучителей Кирилла и Меоодія. Кромъ композицій, эти иконы отличаются и по своему рисунку отъ византійскаго образца, — но, — увы, отличаются, какъ плохая копія отъ оригинала, т. е. главнымъ образомъ отсутствіемъ умізнья и знанія техники. Въ XV въкъ, наконецъ, отражается на русскомъ искуствъ извъстное нъмецкое вліяніе, вліяніе великаго реформатскаго движенія и проникновеніе нъмецкаго духа. Но на почвъ всего этого подражанія, изъ компиляціи всъхъ этихъ разнородныхъ въяній и формъ создалось-ли въ концъ концовъ самобытное русское искусство? По признанію людей столь свіздующихъ, какъ Чадаевъ и Герценъ, еще въ половинъ минувшаго столътія Россія не имъла ни самобытнаго національнаго искусства, ни литературы, ни науки.

Древніе историческіе памятники строительнаго искусства, напр., Никольскія ворота въ Можайскъ, Грановитая Палата въ Москвъ и др., какъ извъстно, построены итальянскими художниками, а непонятный. непостижимый храмъ Василія Блаженнаго, построенный между 1553 и 1559 г.г., который, по мнънію Карамзина, представляетъ собою совершенный образецъ готической архитектуры, а по мивнію Мартынова напоминаетъ Авинскій Акрополь, тогда какъ Теооилъ Готье видитъ въ немъ присъвшаго на свои лапы пестраго дракона, а Куглеръ — громадую кучу грибовъ, долгое время считался твореніемъ итальянскаго зодчаго, но теперь эта ошибка всъми признана, такъ какъ найдены счета строителей, имена которыхъ доказали, что они были русскіе: Барма и Постниковъ. Этимъ разръшается та непостижимая для философіи искусства загадка, которая столько времени приводила въ недоумъніе всъхъ знатоковъ искусства. При этомъ надо замътить, что Василій Блаженный отнюдь не единственное въ своемъ родъ зданіе. Въ Новомосковскъ, Екатеринославлъ и Дьяковъ встръчаются храмы того же типа, и легенда о томъ, будто ихъ (творцы ослъплены по приказанію государя, не имъетъ ни какого основанія, а сложилась по примъру совершенно аналогичной легенды, относящейся къ изобрътателю знаменитыхъ Страсбургскихъ часовъ.

Какъ уже было сказано выше, и для Россіи XV и XVI вѣка реформація и ея сильное движеніе, охватившее всю Западную Европу словно полымемъ пожара, не прошли даромъ. Какъ ни далеко стояла въсторонѣ тогдашняя Русь отъ всего, что волновало Европу, все же и въней сказалось это обновляющее духъ народа движеніе и сказалось прежде всего въ Новгородѣ, этой колыбели и вмѣстѣ съ тѣмъ и послъднемъ убѣжищѣ традицій сво-

бодной мысли и воли. Въ 1376 г. здъсь были казнены три еретика, сброшенные съ моста въ ръку, основатели секты "стригольниковъ" отрицавшихъ всякую духовную іерархію, и вплоть до второй половины XV въка напоминавшихъ о себъ несмотря на то, что офиціально этой секты какъ бы не существовало. Наряду съ этой ересью или расколомъ, народилось на Руси множество различныхъ мъстныхъ сектъ, ставшихъ впослъдствіи извъстныхъ подъ общимъ названіемъ "Жидовствующихъ", вслъдствіе нъкоторыхъ внъшнихъ чертъ, заимствованыхъ отъ Евреевъ антиталмудистовъ или Караимовъ, нашедшихъ себъ убъжище въ Новгородъ въ 1471 г. Общее стремленіе всъхъ этихъ сектъ клонилось къ раціоналистическому отрицанію Троицы, божественности Христа, будущей жизни въ томъ видъ, какъ ее представляетъ церковь, и къ отрицанію всей внъшней обрядности Христіанства. Появленіе этихъ сектъ, безъ сомнънія, имъло весьма благотворное вліяніе на русскую православную церковь того времени, вынудивъ ее на многія необходимыя реформы и вызвавъ, вмъстъ съ необходимостью борьбы противъ внезапно возставшихъ на нее обвинителей и порицателей, какъ бы новый родникъ религіозныхъ чувствъ и представленій.

Во-первыхъ, они вызвали пересмотръ и исправленіе духовныхъ и церковныхъ книгъ, что и было поручено Максиму Греку, а также и исправленіе монастырскихъ уставовъ и всей монастырской жизни, безпощадно и смѣло заклейменной самимъ Грознымъ въ его посланіи къ монахамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1575 г.

Вотъ въ краткихъ словахъ то, что писалъ Иванъ:

"Воспитанные съ дътства въ воздержаніи, вы умираете отъ лишеній; любя Бога, вы чуждаетесь людей; живя въ уединеніи и безмолвіи, вы бъжите мірскихъ утъхъ и сладости жизни и убиваете плоть свою власяницами и тяжельми веригами и подъ тяжестью ихъ сгибаете хребты свои; вы отказались отъсладкихъ яствъ и житія; отъ воздержанія кожа ваша присохла къкостямъ; вы отреклись отъ всей суеты земной, такъ что изсушили мозгъ и въ непрестанной молитвъсмочили бороды своими слезами покаянія".

Наряду съ этимъ ироническимъпосланіемъ мы читаемъ слѣдующее въ предложеніи государя собору 1551 года.

"Монахи и монахини принимаютъ постригъ не ради спасенія душъ, а ради бездълія и праздности, ради шатанія изъ села въ село и изъ города въ городъ, утъхи своей ради... Во всъхъ монастыряхъ игумены и монахи напиваются до пьяна... въ въ Москвъ и другихъ городахъ мы видимъ, что они раздъляютъ свой кровъ и избытки съ мірянами обоего пола... Архимандриты и игуменьи гнушаются общей трапезы и пиршествуютъ въ своихъ кельяхъ съ гостями... Женщины и дъвки вовсякое время имъютъ къ нимъ свободный доступъ... монахи и отшельники шатаются по большимъ дорогамъ, безъ всякаго стыда водя за собой юношей и подростковъ ...

И зло это охватило не одно черное духовенство, но коснулось также и бълаго. На томъ же соборъ 1551 года говорилось о священслужбу никахъ, правившихъ одного раза въ пятьбольше шесть лътъ, -- служившихъ объдни въ пьяномъ видъ на соблазнъ молящимся, ругавшихся между собоювъ самомъ храмъ и произносившихъ хульныя и мерзкія слова. Были попы, что валялись пьяные на площадяхъ и были всенародно биты кнутами за пьянство и безстыдство. Въ храмы люди входили, не снявъшапки, и, словно на торжищъ или на базаръ, толковали о своихъ дълахъ, спорили и ругались во время

службы, позабывъ всякое уваженіе къ святынъ.

Все это, наряду съ обличеніями сектантовъ, не могло не вызвать даже въ самой монастырской средъ сознанія необходимости иныхъ порядковъ и иныхъ нравовъ. Относительно того, что должно было способствовать возрожденію и улучшенію нравовъ, взгляды были различны. Иванъ Санинъ, въ монашествъ Іосифъ Волошскій, основатель Волоко-Ламскаго, нынъ, — Волоколамскаго, монастыря, полагалъ найти спасеніе въ строгомъ соблюденіи древнихъ уставовъ. Какъ типичный книжникъ, совершенно чуждый всякаго критическаго отношенія и преисполненный священнаго уваженія ко всему, что было въ старь, онъ не могъ придти къ иному результату, но не всъ могли этимъ удовлетвориться. Родившійся въ древней боярской семьъ Малковыхъ, долго гостившій въ монастыр на Авонъ, затъмъ въ окрестностяхъ Бълоозера на ръкъ Соркъ, основавшій скитъ, Нилъ Сорскій также поднялъ свой голосъ, какъ представитель новаго религіознаго движенія. Какъ человъкъ, много путешествовавшій, много видавшій и очень начитанный, онъ изъ книжника съ узкимъ, ограниченнымъ кругозоромъпревратился въ истиннаго богослова, просвъщеннаго и свободомыслящаго, признававшаго, что не всякое написанное слово свято и непогръщимо, искавшаго въ книгахъ священнаго писанія не одни только тексты и цитаты, а свътлыя мысли и источникъ вдохновенія. Такимъ образомъ въ душть его создался новый идеалъ монастырской жизни, заключающійся не въ соблюденіи устава, а въ духовномъ возрожденіи и самоусовершенствованіи. Результатомъ такихъ взглядовъ явилось размножение скии отшельничествъ. вокругъ Нила Сорскаго сгруппировалось нъсколько сотенъ послъдователей, которые были извъстны подъ общимъ названіемъ Заволжскихъ старцевъ, сыгравшихъ весьма важную роль въ религіозномъ лвиженіи XVI-го въка.

Единственнымъ обязательнымъ условіемъ для последователей Нила Сорскаго было соблюденіе объта бъдности, во всемъ же остальномъ каждому предоставлялось работать надъ собой для своего нравственнаго совершенствованія, какъ онъ хотълъ и какъ зналъ. Этотъ обязательный обътъ бъдности и нестяжанія вызвалъ рознь, а вскоръ и окончательный разрывъ между заволжскими старцами и Іосифомъ Волошпослъдователями. СКИМЪ его И Рознь, надълавшая много шума въ первые годы царствованія Грознаго, продолжалась даже и послъ его смерти. Вопросъ о монастырской собственности сталъ между спорящими сторонами, вслъдствіе чего онъ и были названы "нестяжателями и любостяжателями".

Споръ этотъ нашелъ себъ выражение въ литературъ того времени, при чемъ Нилъ Сорскій нашелъ себъ горячаго сторонника и защитника своихъ взглядовъ въ лицъ Вассіана Косого, бывшаго въ міру княземъ Василіемъ Ивановичемъ Патрикъевымъ-Косымъ. Человъкъ недюжиннаго ума, тонкій дипломатъ государственный дъятель, сталъ монахомъ лишь по приказанію государя, сославшаго его на послушаніе въ монастырь, какъ опальнаго боярина, послъ славной и блистательной карьеры. Во время своего недобровольнаго пребыванія въ Бълозерь Вассіанъ Косой сблизился съ Ниломъ Сорскимъ и смъло сталъ на сторону нестяжателей. Прирожденный писательскій талантъ и горячее убъжденіе сразу возвели его на степень выдающагося публициста и полемика своего времени; послъ смерти Нила Вассіанъ Косой нашелъ себъ поддержку въ лицъ Максима Грека, также глубоко возмущеннаго нравственнымъ развратомъ и ставшаго на Руси какъ-бы отголоскомъ Гусситовъ, за что вскоръ осужденнаго и сосланнаго подобно Вассіану Косому въ 1531 г. Митрополитъ же Макарій, какъ хитрый и ловкій политикъ, все время старался держаться между двумя враждующими партіями. Въ числъ пострадавшихъ и сосланныхъ въ 1531 г. находился и игуменъ Троицкаго монастыря. Артемій, возставшій противъ "іосифлянъ" (приверженцевъ Іосифа), за то, что они признавали за церковью право казнить еретиковъ. Но въ сущности, какъ заволжскіе старцы, такъ и Іосифляне въ одинаковой степени способствовали возрожденію религіознаго чувства и исправленію нравовъ духовенства и монашества. Однако, къ этому чисто религіозному движенію сталъ примфшиваться и политическій элементъ. Водошскій былъ завзятый консерваторъ даже въ вопросѣ взаимныхъ отношеній церкви къ Государству: церковь, по его мнънію, находясь въ имущественной зависимости отъ Государства, какъ обладательница обширныхъ земель, становилась въ нъкоторомъ родъ какъ бы государственнымъ учрежденіемъ. Заволжскіе же старцы смотръли на это иначе. Лично Нилъ Сорскій вовсе не интересовался этимъ вопросомъ со своей, строго христіанской точки зрънія, но Рассіанъ Патрикъевъ не могъ примириться съ полнымъ подчиненіемъ церкви политической власти, безграничной и безконтрольной и, призвавъ на помощь все свое личное вліяніе и весь тотъ престижъ, пользовались его единомышленники Заволжскіе старцы, создалъ ту оппозицію московскому абсолютизму, которую удалось сломить лишь жельзной рукь Грознаго.

IV.

Физическій и нравственный обликъ.— Женщина. — Селья. — Общество и общественность.

Еще разъ повторяемъ, что завоеватели XIII въка не препятствовали цивилизаціи страны, напротивъ, они

даже навязали ей отчасти свою цивилизацію и, судя по внішности, успъли привить многое тогдащиней Руси. Взгляните только на москвича XVI-го въка, въдь, онъ, повидимому, съ головы до ногъ одътъ по самаркандской модъ. Башмакъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, шлыкъ. башлыкъ, колпакъ, клобукъ, тафья, темлякъ, --- все это чисто татарскія слова. Дуракъ, кулакъ, кнутъ, кандалы, казна, караулъ, кабакъ, ямъ и ямщикъ, - всъ эти столь распространенныя на Руси слова взяты безъ измъненія изъ Азіатскаго словаря. Мало того, не подлежитъ сомнънію, что наряду съ этой примъсью татарскихъ словъ къ русскому языку произошла такая примъсь татарской крови къ русской, чъмъ и объясняется столь быстрое усмиреніе и покореніе Руси подъ татарское иго. Несомивннымъ доказательствомъ справедливости послъдняго положенія являлся бы, конечно, самый типъ русскихъ въ XV и XVI столътіяхъ, но, къ сожалънію, описанія путешественниковъ въ этомъ отношеніи весьма разноръчивы.

Одни утверждаютъ, что "русскіе вообще роста малаго, но сложенія красиваго, сильнаго и коренастаго, лицо имъютъ очень бълое, глаза зеленые, бороду длинную, ноги короткія и брюхо сытое". Другіе же, напротивъ, увъряютъ, что видъли Россіи только очень рослыхъ мужчинъ и женщинъ и любовались стройностью стана и черными, какъ уголь, глазами Москвитянокъ, ихъ красивыми шеями и миньятюрными ручками и ножками. Дженкинсонъ (Jenkinson) также говоритъ о черныхъ глазахъ, но относительно цвъта лица происходитъ несогласіе: многіе приписываютъ его только злоупотребленію бълилами, румянами, сурьмою и употребдругими косметиками, леніе которыхъ Флетчеръ ясняетъ отсутствіемъ природнаго цвъта лица. Нъкоторымъ оправданіемъ въ подобномъ разногласіи

мнъній можетъ служить то, что женщинъ путешественникамъ того времени трудно было разглядъть, сквозь оконцы и завъсы теремовъ, мужчинъ же—подъ невъроятнымъ множествомъ одеждъ, которыми обременяли себя знатные люди царства Московскаго.

Прежде всего на голову надъвалась тафья, парчевая, шитая золотомъ и камнями шапочка или, върнъе, плоская ермолка. Поверхъ нея надъвалась высокая шапка, опушендорогимъ мѣхомъ. Поверхъ "рубахи" безъ ворота надъвалось ожерелье, шириною въ три, четыре пальца. На рубаху надъвалось шелковое "полукафтанье", на него парчевой "кафтанъ" и поясъ, низко спускавшійся спереди. Къ поясу были привъшены кинжалъ и ложка. Поверхъ кафтана надъвалась шелковая "однорядка" съ дорогой мвховой опушью, расшитая на груди и до подола золотыми позументами и галунами, наконецъ, для выхода надъвался еще "охабень". Кромъ этого, было еще много другихъ одъяній, напр., "кунтушь" и др.

Женскій гардеробъ, конечно, не уступалъ мужскому, причемъ эти многочисленныя одежды также надъвались одна на другую и отличались роскошью и богатствомъ тканей, золотомъ позументовъ, цъннымъ шитьемъ и драгоцѣнными камнями и мъхами, украшавшими ихъ. Подъ всею этой тяжестью парчей, мъховъ и драгоцънныхъ камней московская боярыня съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Таковы были, конечно, костюмы людей знатныхъ и богатыхъ; мужчины же и женщины изъ народа довольствовались весьма скромною одеждой. Лътомъ одна рубаха и пара высокихъ сапогъ, зимой двъ, одна на другую, да кафтанъ или армякъ изъ грубаго сукна, а поверхъ тулупъ изъ бараньихъ шкуръ; для женщинъ же, поверхъ рубахи, -- лътомъ холщевой, а зимой шерстяной, чаще всего синій сарафанъ и тотъ же

бараній полушубокъ, кром'в того, неизбъжныя бусы, крестъ на шеъ да серьги въ ушахъ. Аскетическое направленіе религіи сказывалось въ одеждъ женщины. Въ раннемъ возрастъ, именно до замужества, ей предоставлялось свободно развиваться на глазахъ у своей семьи, но какъ скоро она выходила замужъ, обычай требовалъ, чтобы скрывала отъ постороннихъ глазъ всю красоту, которою надълилъ ее Богъ, и услаждала ею только взоръ своего супруга. Прекрасная коса пряталась подъкику или повойникъ или платокъ, красивый, стройный станъ скрывали широкія расплывчатыя одежды на манеръбалахоновъ; носить поясъ, обрисовывающій талью, женщина могла только съ сорочкой, т. е. рубашкой, въ которой она не могла показываться на глаза чужимъ людямъ.

Но всъ эти одежды съ татарскими названьями въ дъйствительности вовсе не были унаслъдованы отъ татаръ. Костюмъ московскихъ государей былъ цъликомъ скопированъсъ византійскаго, а не съ татарскаго, и былъ тотъ же, что носили нъкогда всъ государи Европы. Привычку румяниться, бълиться и сурмиться русскія женщины также заимствовали изъ Византіи. Княгиня Ольга, вздившая въ Царьградъ въ сопровожденіи многочисленной женской свиты, вывезла оттуда и эту привычку, и покрой платья, и уборы. Въ средніе въка Константинополь былъ для Европы тъмъ же. чъмъ теперь для насъ Парижъ, т. е. столицею роскоши и моды. Но русскія женщины, сопровождавшія княгиню Ольгу въ Царьградъ, вывезли оттуда если не самую кику, то близкое подобіе ея, кокошникъ съвязами, который носили всв русскія княгини и царицы, совершенно подобный тому головному убору, который мы видимъ на изображеніи императрицы нъмецкой Өеофаніи, матери Оттона III. Императоръ Оттонъ съ матерью изображены вмъстъ на

древней гравюрѣ X-го вѣка, и одѣяніе обоихъ совершенно то же, что у бояръ и боярынь московскихъвъ XVI вѣкѣ.

Какъ всегда вообще, просторныя одежды соотвътствовали дородству тъхъ, кто ихъ носилъ. Праздность лънь, при отсутствіи движенія, какъ это было у знатныхъ и богатыхъ представителей московскихъ привиллегированныхъ классовъ, дълали мужчинъ тучными, съ большими, круглыми животами, а женщинъ — рыхлыми, расплывшимися. Но такая наружность въ понятіи тогдашнихъ московскихъ людей считалась красотой. Страсть къ убору и уходъ за красотой тълесной, однако, была, пожалуй, единственнымъ проявленіемъ цивилизаціи въ тогдашнемъ высшемъ классъ, такъ какъ это не мъшало жить въ грязи и, хлебая похлебку ложкой, всв остальныя яства ъсть руками.

Въ смыслъ нравственныхъ требованій и понятій русскіе также стояли не особенно высоко, такъ какъ, по словамъ иностранцевъ, ихъ выдающимися чертами были: надменность и шутовство, недовъріе къ каждому и хвастовство. Они наивно считали себя выше всъхъ другихъ людей и пренебрежительно относились иноземцамъ, охотно много объщали. не заботясь объ исполненіи объщаннаго, никому не довъряли ни въ чемъ. Такъ, по словамъ Флетчера, Дженкинсона и Пирсона, "русскій не върилъ ничему, что ему говорятъ, и никогда не говорилъ ничего такого, чему можно было бы върить". Къ этимъ основнымъ чертамъ прибавляютъ еще жестокость, которая, впрочемъ, объясняется жевластей стокостью обращенія вообще жестокостью нравовъ времени во всей Европъ.

Напрасно русскіе историки силились поставить всѣ эти дурныя черты на счетъ монгольскому вліянію, будто бы привившему покоренному народу склонность къ насилію и коварству. Еще за два вѣка до нашествія Батыя Русь не знала покоя отъ междуусобныхъ войнъ своихъ удъльныхъ князей, а война уже сама по себъ есть источникъ разврата: она жестока и кровожадна, она не уважаетъ чужую собственность, ея законы противны общимъ законамъ человъческой нравственности и ученію Евангелія, она отвергаетъ все, что открыто, правдиво и честно, и возводитъ въ доблесть коварство и насиліе, клеймя презрѣніемъ всякое истинно человъческое чувство, любовь къ себъ и къ ближнему, милосердіе и состраданіе. Не татары породили на Руси то явленіе, которое соотвътствовало рыцарству Западной Европы, поэтизированное разбойничество, сохранившееся въ народныхъ преданіяхъ и воспътое бардами. Итакъ, подъ весьма слабымъ, часто вившнимъ налетомъ монгольскаго въянія мы видимъ несравненно болъе ръзкій и глубокій слъдъ византійскаго вліянія въ жизни, обычаяхъ и нравахъ государства Московскаго. Но теперь уже противъ этого вліянія наступила реакція. Подъ чрезмірно тіснымъ и тяжкимъ давленіемъ аскетизма и физическая, и нравственная природа русскаго народа, наконецъ. возмутились и, вырвавшись на свободу, сбросивъ съ себя это иго, впала въ обратную крайность, въ разгулъ и развратъ полное неуваженіе къ святынъ и духовенству, а женщина въ тъхъ случаяхъ, когда ей удавалось вырваться изъ терема, теряла всякій стыдъ.

Такія исключенія изъобщаго правила, конечно, особенно бросаются въ глаза, и на нихъ-то и останавливалось вниманіе иностранцевъ, въ глазахъ которыхъ русская женщина являлась чудовищемъ безнравственности и безстыдства. Но чтобы дать ей справедливую оцѣнку, надо поближе приглядѣться къ ней.

По исконнимъ законамъ и обычаямъ Руси и всъхъ славянскихъ народовъ, женщина пользовалась скоръе привиллегированнымъ поло-

женіемъ. Даже по уложенію Ярослава, пеня за убійство женщины превышала почти вдвое таковую за убійство мужчины, а ея юридическія права были равны съ правами мужчины. Иванъ Грозный первый дерзнулъ коснуться ихъ, повелъвъ признавать недъйствительнымъ завъщаніе жены въ пользу мужа, заявивъ, что "жена пишетъ то, что ей мужъ прикажетъ", но и это отнюдь не умаленіе правъ жены, а скоръе ограждение ея интересовъ отъ насилія и давленія воли мужа. Но византійскій взглядъ, основанный главнымъ образомъ на чисто языческихъ міровоззрѣніяхъ, затвердивъ афоризмъ, приписываемый Солону: "Мудрый ежедневно благодаритъ боговъ, создавшихъ его грекомъ, а не варваромъ, человъкомъ, а не скотиной, -- самцомъ, а не самкой ,-взглядъ Аристотеля, предоставляющій полныя права гражданину— "распоряжаться участью и жизнью своихъ дътей, рабовъ и жены", искусно сплетясь съ христіанскимъ преданіемъ о гръхопаденіи первыхъ людей и проклятіи жены, —выродился постепенно въ совершенно дикій взглядъ на женщину, доходившій до того, что въ женщинъ видъли низшее существо, источникъ и корень всякаго зла и соблазна, орудіе дьявола и даже считали ее нечистою. Такова византійская Ева. И чъмъ болъе она молода и прекрасна, тъмъ она болъе нечиста и проклята; даже для изготовленія хлъбовъ предложенія, т. е. просфоръ, избиралась всегда старая и уродливая женщина.

Какъ средство уменьшенія и ослабленія зла, явилось затворничество. Создались монастыри и теремы, и стали томиться русскія красавицы, боярыни и боярышни за семью запорами, за семью замками въ своихъ теремахъ или въ монастыряхъ. Въ сущности, теремъ былъ тотъ же гаремъ, иначе говоря, тюрьма, ключи которой носилъ при себъ господинъ и супругъ. Даже въ церковь

женщины ходили только въ великіе и большіе праздники, обыкновенно же слушали службу и ходили молиться въ свою домовую молельню, или крестовую комнату. Когда случалось боярынъ выъзжать куда-нибудь, то не иначе, какъ въ закрытой колымагь, окна которой были затянуты бычачьимъ пузыремъ, и въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ, т. е. челяди, не то стражи, не то соглядатаевъ, какъ бы охранявшихъ ее и вмъсть съ тъмъ слъдившихъ за ней и доносившихъ обо всемъ ея господину. Даже ближайшіе друзья боярина лишь въ ръдкихъ случаяхъ видали боярыню или боярышню; обыкновенно же онъ появлялись, когда у боярина бывали гости и лишь на большихъ пирахъ или для гостя, котораго желали особенно почтить: по знаку боярина, боярыня спускалась изъ терема и собственноручно подносила гостю или гостямъ золотую чару, а затъмъ, стоя на почетномъ мъстъ у стола, позволяла себя почтительно облобызать гостю или гостямъ.

Но все это велось, конечно, только въ высшемъ классъ русскаго общества; женщины изъ народа и др. низшихъ классовъ пользовались сравнительно большею свободой и знакомы были съ теремною жизнью, потому, въроятно, что на нихъ смотръли, какъ на выючныхъ животныхъ, на которыхъ ложились всей своей тяжестью всь домашнія работы и заботы. Но зато въ праздничные дни эти женщины средняго и низшаго класса, купеческія жены, мъщанки, горожанки и крестьянки сбирались толпой вокругъ качелей, ларей со сластями и разнымъ товаромъ, гдъ-нибудь на площади, водили хороводы, пъли пъсни и плясали подъ однообразные мотивы русскихъ плясовыхъ. Но церковь осуждала даже и эти невинныя забавы, какъ дьявольскія потъхи, наряду съ которыми, но уже несравненно опаснъе, въ смыслъ народной нравственности, были общественныя бани, въ которыхъ мужчины и женщины часто мылись вмъстъ или, если мылись и парились на разныхъ половинахъ, то послъ того выбъгали нагіе тъ и другіе вмъстъ кататься на снъгу или окунуться въ ръкъ и, разгоряченные баней, давали полную волю смъху и шуткамъ, самымъ разнузданнымъ и далеко не тонкимъ и не скромнымъ намекамъ. Это являлось, такъ сказать, реакціей противъ строго аскетическихъ требованій церкви и домашняго быта.

Только вдова, мать нъсколькихъ сыновей, пользовалась, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ соціальномъ и даже политическомъ отношеніи полной независимостью и полравноправіемъ съ любымъ мужчиной. Если же у вдовы не было мужскаго потомства, то ей предстояла сиротская доля, наравнъ съ убогими и сиротами, которыхъ призръвала церковь, такъ какъ община совершенно переставала о ней заботиться. Женщинъ и дъвушкъ оставался, кромъ замужества и материнства, еще путь подвига и святости, трудный для женщины путь, на которомъ она могла прославиться, но Макарьевскія Четьи-Минеи признали достойными этоговънца только двухъ женщинъ, Благовърную Ольгу и Евфросинію Полоцкую, причемъ надо замътить, что объ онъ были княжескаго рода.

Былъ еще другой путь для женщины стать выше опредъленнаго ей положенія,—путь, открытый даже самымъ старымъ и уродливымъ женщинамъ—колдовство и знахарство и др. Униженная, презираемая, какъ супруга и мать, женщина становилась грозной и уважаемой, какъ колдунья, ворожея или знахарка.

Далъе, еще въ расколъ женщина пріобръла съ излишкомъ ту первенствующую роль, которой она была такъ несправедливо лишена церковью и обществомъ подъ вліяніемъ византійскихъ въяній.

Теперь надо еще упомянуть, какую роль играла женщина въ семьъ. Въ высшемъ классъ воспитание дътей возлагалось на дядекъ, мамушекъ, нянюшекъ, а мать лишалась всякаго вліянія на нихъ. Дъвушкъ оставалось только или замужество или монастырь, причемъ въ сущности для боярышни разница была не велика. За исключеніемъ второго брака, который могъ состояться посвободному выбору женщины-вдовы, дъвушка выходила замужъ по приказанію родительскому почти въ дътскомъ возрастъ, и чуть не до самаго вънца юные супруги не знали другъ друга; даже смотрины женихомъ невъсты не всегда допускались, а чаще возлагались на какуюнибудь родственницу. Послъ "смотринъ" приступали къ "сговору", причемъ по уговору, вплоть до XV-го столътія, женихъ приносилъ отцу невъсты калымъ, т. е. какъ бы выкупъ, и деньги уплачивалъ чистоганомъ, послъ чего кто-нибудь изъ близкихъ подавалъ жениху отъ имени невъсты какой-нибудь подарокъ. затъмъ ударяли по рукамъ и приступали къ "богомоленію", т. е., такъ сказать, оффиціальной молвкъ. Наканунъ свадьбы въ домъ жениха устраивался пиръ, женихъ принималъ поздравленія и посылалъ отсутствующей невъстъ богатые подарки, ларецъ съ кольцами, ожерельями, серьгами, румяна, сласти и символическій кнутъ, а сваха готовила брачную постель для молодыхъ; обходила трижды вокругъдома съ въткой рябины въ рукахъ. отмахивая злой глазъ, затъмъ принималась уже убирать самое помъщеніе, убирая его коврами и собольими мъхами, символомъ богатства и роскоши; по угламъ разставляли жбаны съ медомъ, затъмъ вносили образа Спасителя и Божіей Матери и за ними постель.

Прежде всего настилали снопы ржи въ опредъленномъ количествъ, смотря по состоянію и общественному положенію молодыхъ супруговъ, затъмъ накрывали ихъ коврами, перинами и пуховиками; по

угламъ постели ставили четыре бочки съ зерномъ ржи, ячменя, пшена и овса. На другой день, т. е. въ день свадьбы устраивался также пиръ, караваи и множество готовились яствъ. Женихъ самъ различныхъ отправлялся за невъстой съ большимъ торжествомъ, съ караваемъ, свъчами и осыпаломъ, т. е. блюдомъ, гдъ находится цвътъ хмъля, символа изобилія и веселія, собольи шкуры, шитыя золотомъ платки и деньги для раздачи гостямъ. Невъста выходила къ жениху подъ густымъ покрываломъ или фатой, подлъ нея шли двъ подружки съ серебряными блюдами, на которыхъ находились кокошникъ невъсты и золотой кубокъ съ смъсью меда и вина, а также цвътные платки для гостей. Такимъ образомъ наръченные въ сопровожденій встахъ званыхъ и родныхъ отправлялись въ домъ жениха, гдъ всъ садились за столъ, --- и начинался пиръ. Столъ былъ накрытъ передъ невъстой тремя скатертями, на нихъ стоялъ каравай и солонка. Пиръ начинался продолжительнымъ богомоленіемъ, причемъ гости почти не дотрагивались до предлагаемыхъ имъ блюдъ до тъхъ поръ, пока сваха не вставала изъ за стола и не просила у родителей разръшенія убрать невъсту. Тогда между молодой четой протягивали шелковую завъсу и, откинувъ покрывало съ лица, на невъсту надъвали кокошникъ или кику, предварительно расчесавъ ей волосы гребнемъ, обмоченнымъ въ золотомъ кубкъ съ медомъ и виномъ, а подружки обмахивали невъсту собольими шкурами; тогда женихъ и невъста приближали щеки свои къ завъскъ, а передъ ними держали зеркало, въ которое они впервые могли теперь увидъть другъ друга.

Затъмъ къ нимъ подходилъ одинъ изъ приглашенныхъ въ вывороченномъ на изнанку бараньемъ тулупъ и желалъ имъ имъть столько дътей, сколько на его шубъ было волосъ. Послъ этого слъдовала раздача плат-

ковъ и другихъ подарковъ гостямъ, затъмъ шло обрученіе, и отецъ невъсты вручалъ наръченному символъ родительской власти, т. е. кнутъ, который тотъ засовывалъ за поясъ, хотя и высказывалъ надежду, что онъ никогда ему не понадобится.

На этомъ пиръ прерывался, и вся свадьба шествовала въ церковь, гдф происходило вънчаніе. На пути въ церковь и оттуда, не смотря на присутствіе священника, гости пъли и плясали, а скоморохи потъшали и увеселяли поъзжанъ. Послъ вънца молодая кланялась мужу въ ноги, касаясь лбомъ его сапога, а онъ любовно и покровительственно накрывалъ ее полою своего полукафтана. По выходъ изъ церкви дълалась мнимая попытка разлучить молодыхъ, и подружки новобрачной пъли жалобныя пъсни, стараясь вызвать у нея слезы, молодая-же, согласно обычаю, должна была все время плакать и причитать, оплакивая свою утраченную дъвичью волю. Возвратясь изъ церкви, всъ снова садились за столъ, и пиръ продолжался, но ни молодой, ни молодая ни до чего не дотрагивались до тъхъ поръ, пока не подадутъ къ столу лебедя, а передъ молодыми не поставятъ жареной курицы.

Это означало, что молодымъ пораидти въ опочивальню; тутъ особенноярко проявлялся весь наивный цинизмъ того времени: впереди несли жареную курицу, за ней слъдовали дружки жениха со свътильниками или фонарями, за ними несли каравай и слъдовали всъ приглашенные. Проводивъ такимъ образомъ новобрачныхъ до самаго брачнаго ложа, гости возвращались къ столу, и пиръ шелъ своимъ чередомъ. Сваха-же и ближайшіе родные помогали молодымъ раздъться, при чемъ молодая, въ знакъ покорности, должна была снять сапоги у мужа; въ одинъ изъ нихъ подъ пятку клали червонецъ или другую монету и, если новобрачная сниметь этотъ сапогъ первымъ, то такая случайность считалась добрымъ предзнаменованіемъ. Молодой-же доставалъ изъ-за пояса кнутъ и для вида только ударялъ имъ жену. Наконецъ, новобрачные оставались одни. Часъ времени спустя кто-нибудь изъ подругъ невъсты приходилъ провъдать молодыхъ, и если на ея вопросъ новобрачный отвъчалъ, что "здоровъ", то это означало, что все прошло, какъ должно, тогда гости гурьбой являлись къ новобрачнымъ и угощали ихъ разными яствами, но первое мъсто принадлежало символической курицъ. Затъмъ гости удалялись, новобрачныхъ снова укладывали на постель, а пиръ продолжался до глубокой ночи.

На слѣдующій день молодыхъ вели въ баню, затѣмъ новобрачная вручала матери жениха свою брачную сорочку, которая затѣмъ должна была храниться.

Въ этотъ день родители молодой давали пиръ, причемъ случалось, что отецъ жениха, или, върнъе, новобрачнаго подносилъ имъ чару вина, дно чары было проткнутое, и онъ пальцемъ зажималъ дыру и въ моментъ, когда отецъ новобрачной принималъ чару изъ его рукъ, онъ отымалъ палецъ, и вино выливалось на полъ; изъ этого всъприсутствующіе заключали, что новобрачная оказалась не такою, какой слъдовало быть. Во все время свадебныхъ торжествъ молодая должна была молчать и сидъть или стоять потупившись, подруги-же ея веселились во всю.

Послѣ свадьбы начиналась для молодой новая жизнь, но эта новая жизнь была не завидная. Вставали рано, лѣтомъ съ солнцемъ, зимой до свѣта, обѣдали въ полдень, люди сановные почти все время до обѣда проводили въ церкви то за утреней, то за ранней обѣдней, то за поздней обѣдней; послѣ обѣда всѣ непремѣнно ложились отдыхать, даже купцы запирали свои лавки. Этотъ послѣобѣденный отдыхъ былъ необходимъ уже потому, что русскіе

люди того времени имѣли привычку наъдаться до отвала, при томъ самой тяжелой, неудобоваримой пищей. Класть поклоны передъ иконами, ъсть, пить и спать, въ этомъ проходила вся жизнь знатной боярыни, что она отъ нестерпимой развъ скуки возьмется вышивать вивств съ сънными дъвушками какое-нибудь церковное украшеніе. А скука одолъвала не одну изъ этихъ несчастныхъ затворницъ; бывали случаи, что это доводило ихъ до мужеубійства или заставляло искать спасенія въ стънахъ монастыря, а иногда и въ любви. Въ каждомъ городъ, въ каждой улицъ и въ каждомъ боярскомъ домъ можно было встрътить свободно, какую-нибудь добродушнаго вида услужливую и ласковую старую женщину, занимавшуюся покровительствомъ любви и являвшуюся утъшительницей жены и пособницей въ забавахъ мужу, который, впрочемъ, не таясь могъ имъть сколько угодно полюбовницъ.

Материнство также не давало счастья женщинъ такъ какъ и тутъ отсутствовало главное условіе счастья — любовь. Женщинъ низшихъ классовъ было не до любви: она надсажалась надъ работой, а дътей няньчили няньки-малютки; въ зажиточныхъ классахъ дътей отъ груди матери принимали на свое попеченіе мамушки и нянюшки, а на долю матери выпадало одно почитаніе, предписанное церковью, да и то относилось главнымъ образомъ отцу, какъ грозному носителю кнута; и здъсь все то-же рабское чувство страха, лишенное всякаго моральнаго значенія и смысла. Вотъ слова одного русскаго моралиста того времени, приведенныя Карамзинымъ: "лучше имъть подъ бокомъ у себя мечъ безъ ноженъ, чъмъ сына не женатаго въ своемъ домъ; лучше держать козу въ домф, чфмъ дочку на возрастъ; — коза бродитъ по лугамъ и приноситъ домой молоко, дочь-же бродитъ по селу, принесетъ позоръ и срамъ отцу".

Вотъ картина семейной жизни, внутренняго быта семьи. Только одна смерть окружена ореоломъ искренняго нравственнаго чувства. Сила въры лишила смерть всего ея ужаса и страха; русскіе люди умирали спокойно, съ полнымъ сознаніемъ этого великаго, торжественнаго момента. Многіе даже принимали передъ кончиной схиму. Но и тутъ, наряду съ христіанскими чувствами, мы видимъ чисто языческіе обычаи поминанья, за трапезой, съ виномъ и яствами въ память усопшаго, видимъ плакальщицъ и забавныя причитанія въ чисто языческомъ вкусъ.

При всемъ этомъ, въ семейномъ стров замвчательны, однако, то единеніе, та абсолютная и искренняя солидарность, какая всегда существовала между господиномъ и его челядью или дворней, по отношенію къ которой бояринъ разыгрывалъ государя, подражая во всемъ, въ въ миньятюрныхъ, конечно, размърахъ, строгому порядку и распредъленію должностей, Великому Кня-Московскому. Не ръдко эта дворня, голодная и оборванная, вмъшивалась въ толпу бродягъ и побиралась подаяніемъ или же по ночамъ грабила прохожихъ, такъ какъ большая часть того, что отпускалось на ихъ продовольствіе, оставалась въ карманъ ключника. -- Относительно чувства справедливости своего господина они вообще были невысокаго мнънія, но это не мъшало имъ, обманывая и надувая, а при случать и обирая его во всякое время, стоять за него горой и быть готовымъ въ любой моментъ совершенно безкорыстно пожертвовать за него жизнью. То же самое отношеніе питаль въ свою очередь самъ бояринъ къ своему государю. манывая, надувая и обирая его казну, онъ всегда былъ готовъ доказать ему свою безграничную преданность и върноподданическія чувства, хотя съ другой стороны былъ способенъ также и предать его и измънить. Грозный всю свою жизнь обличалъ и каралъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда находилъ себѣ и пособниковъ, и горячихъ приверженцевъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.

Скажемъ еще нъсколько словъ объ общественныхъ отношеніяхъ того времени и объ обычаяхъ, отличавшихъ людей московскихъ отъ друевропейскихъ государствъ. гихъ Когда бояринъ вывзжалъ изъ дома верхомъ или въ саняхъ, то конь подъ нимъ былъ изукращенъ драгоцъннымъ чапракомъ, расшитымъ золотомъ и каменьями, а сверхъ чапрака дорогимъ шелковымъ покромъ крываломъ, TOTO, цълой массою бубенцевъ и колокольчиковъ, такъ что приближеніе боярина было слышно издали. Излюбленнымъ экипажемъ были сани, причемъ въ нихъ съ трудомъ умъщался одинъ бояринъ во всъхъ своихъ шубахъ и украшеніяхъ, укрытый безчисленными мъховыми полостями, образуя съ виду гору дорогихъ мъховъ, подъ которою совершенно исчезали двое челядинцевъ, ютившихся скорчившись въ ногахъ у своего господина, тогда какъ остальные или скакали верхами позади или бъжали вслъдъ за санями, кучеръ же обыкновенно сидълъ верхомъ на упряжной лошади или стоялъ у передка саней. Смотря по чину и положенію хозяина дома, гость сходилъ или у воротъ или прямо на крыльцо, а встрвчать его выходиль, также сообразно знатности и важности гостя, либо самъ хозяинъ, либо кто нибудь изъ его слугъ. Лишь очень немногіе сановники имъли право въвзжать въ ворота Кремля, но отнюдь не подъвзжать къ крыльцу, а сходили посреди двора и остальную часть пути шли по двору пъщкомъ. Войдя въ домъ, гость прежде всего крестился на образа, касался пола пальцами правой руки вмъсто земного поклона, затъмъ уже обращался съ обычными привътствіями къ хозяину. Хозяинъ отвъчалъ соотвътствующими фразами на привътствіе гостя и затъмъ подносилъ угощеніе, безразлично, въ какое бы время дня не было. Прощаясь, также прежде всего откланивались образамъ, а затъмъ хозяину, который шелъ провожать гостя до порога горницы или на крыльцо.

При встръчахъ въ мъстахъ общественныхъ соблюдалось меньше этикета и всякихъ церемоній. Впрочемъ, такихъ общественныхъ мъстъ было не много; общественныя бани никогда не посъщались людьми сановитыми или родовитыми: у каждаго боярина была своя баня. Баня была не только предметомъ первой необходимости для каждаго русскаго человъка, но и первымъ и единственнымъ лекарствомъ отъ всъхъ болъзней, такъ какъ лишь очень немногіе довъряли врачу. Впрочемъ, и врачей въ то время было очень мало; первый явившійся въ Россію вмъстъ съ женою Ивана III-го Софіей Палеологъ, былъ приговоренъ къ смертной казни за неудачное врачеваніе. Въ царствованіе Грознаго мы уже видимъ цѣлую группу врачей нъмцевъ и англичанъ, состоявшихъ при его особъ, но русскій народъ по прежнему не довърялъ имъ.

Внѣ общественныхъ бань общественная жизнь выражалась въ пирахъ, устраиваемыхъ частію отдѣльными лицами у себя на дому, частію цѣлыми общинами и носившими названія "братчинъ". Кромѣ того, при дворѣ царь часто давалъ пиры по случаю тезоименитства, коронаціи, побѣды надъ врагомъ, по случаю пріема иностранныхъ пословъ и т. д.

Даже на придворныхъ пирахъ гости ъли по двое изъ одной чашки и мисы, при чемъ за исключеніемъ похлебки, которую хлѣбали ложкой, все остальное ъли руками и только кости и оглодки клали на тарелки, которыя не смѣнялись въ теченіе цѣлаго обѣда или ужина, сколько бы перемѣнъ не было за столомъ. Хозяинъ раздавалъ гостямъ хлѣбъ и соль, а слуги ставили пе-

редъ ними на столъ блюда и наливали вино въ чаши и чары. Особо почетнымъ гостямъ хозяинъ кромътого посылалъ отъ себя лучшіе куски. Количество блюдъ бывало положительно невъроятное; вслъдствіе злоупотребленія лукомъ, чеснокомъ и безконечныхъ, обязательныхъ возліяній, превышавшихъ всякую мъру, воздухъ становился положительно невыносимымъ для человъка непривычнаго.

Женщины пировали въ большинствъ случаевъ особо и также отличались чрезвычайной неумъренностью и невоздержаніемъ, такъ что многихъ привозили домой въ без-

сознательномъ состояніи.

Во многихъ домахъ этимъ пирамъ старались придать религіозную окраску и для этой цѣли приглашалось духовенство; священникъ благословлялъ трапезу, кадилъ во всѣхъ горницахъ и прерывалъ ѣду пѣніемъ священныхъ стиховъ и тропарей. Въ прихожей или саняхъ угощали нищую братію, а иногда нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сажали за столъ вмѣстѣ съ гостями.

Но были и такіе дома, гдѣ пиры эти переходили въ оргію; по случаю пира теремъ раскрывалъ свои двери, мужчины и женщины пировали вмѣстѣ; а музыканты и скоморохи забавляли присутствующихъ своими шутками и пѣснями самаго вольнаго

содержанія.

Еще Владиміръ I сказалъ: "Руси веселіе пити, не можемъ безъ того быти!" А потому гости, чтобы почтить добраго друга или хозяина, напивались до мертва и наъдались до отвала. Наиболъе употребительными въ то время были вина венгерскія, рейнскія и бургундскія, въчислъ которыхъ особенной популярностью пользовалось "Romanée" переименованное въ Романею.

Впрочемъ, если судить по иностраннымъ источникамъ, то мнѣнія относительно невоздержанности русскихъ въ питьѣ весьма противорѣчивы. Дженкинсонъутверждаетъ, что

за одно съ Иваномъ Грознымъ была пьяна вся Русь отъ мала до велика, тогда какъ по другимъ источникамъ, посольству, отправлявшемуся въ 1527 г. изъ Германіи ко двору Грознаго, особенно настоятельно рекомендовалось быть воздержанными въ питьъ хмъльныхъ напитковъ, такъ какъ пьянство и опьяненіе считалось въ Москвъ величайшимъ порокомъ. И это писалъ Форстенъ, прожившій нѣсколько человъкъ лътъ въ Москвъ. Литовецъ Михалонъ (Michalon) утверждаетъ даже, что въ Россіи не знали кабаковъ, а по словамъ Тэжадьда, въ концъ парствованія Грознаго продажа спиртныхь напитковъ была разръшена только въ одномъ изъ кварталовъ Москвы, называвшемся "Наливки", гдъ и по сіе время сохранилось еще это названіе, у Спаса Преображенія на наливкахъ. касается Москвы, то дъйствительно въ ней вся продажа спиртныхъ напитковъ централизовалась въ этомъ кварталь, но зато въ другихъ городахъ и селеніяхъ Россіи эта торговля свободно процвътала въ многочисленныхъ кабакахъ, безпрепятственно размножавшихся въ интересахъ государственнаго сбора съ нихъ. Цернеустанно воевала противъ размноженія кабаковъ и пьянства, но всъ ея громы и увъщанія оставались почти всегда тщетны.

Впрочемъ, церковь была настолько строга, что осуждала всякаго рода общественныя собранія, всякаго рода удовольствія и даже искусство, когда оно выходило изъ области и сферы религіозной; она видъла потъху и угожденіе дьяволу во всемъ, даже въ наивныхъ представленіяхъ ученыхъ медвъдей, ходившихъ со своими поводильщиками по селамъ и деревнямъ. Особенно любилъ русскій народъ борьбу съ медвъдемъ, и почти всегда находились смъльчаки, готовые во всякое время сразиться со звъремъ. Обычными борцами являлись псари государевы, но мы видъли въ этой толпъ въ 1628 году и князя Гундорова, одолъвшаго медвъдя въ единоборствъ, и боярскаго сына Федора Ситина, котораго заломалъ медвъдь въ 1632 г.

Вопросы чести также ръшались въ кулачномъ бою; къ мечу этихъ случаяхъ никогда не прибъгали, что уже само по себъ свидътельствуетъ о томъ, насколько еще мало былъ цивилизованъ народъ въ то время, когда на Западъ, во Франціи и въ Италіи, люди щеголяли **УТОНЧЕННОСТЬЮ** манеръ, плавною граціей въ танцахъ, изысканностью привычекъ и любезностью взаимныхъ отношеній; гдв люди уже научились цвнить остроумную шутку, пріятность разговора, тонкій наблюдательный умъ, красоту изящныхъ произведеній искусства, роскошь и комфортъ жизни. На Руси въ это время люди увлекались и поэтизировали разбойниковъ и бродягъ, а также ловкихъ обманщиковъ, которымъ покровительствовала церковь и которыхъ чтилъ и боялся народъ, такъ называемыхъ "юродивыхъ" и "блаженныхъ".

Эти юродивые, прикидывась слабоумными и ясновидящими прорицателями, пользовались безграничными привилегіями говорить и дълать все, что имъ вздумается, брать все, что хочется, и говорить въ лицо какую угодно правду, даже самому государю, такъ что даже самъ Грозный смолкалъ передъ смълою ръчью одного изъ такихъ Божіихъ человъковъ. Когда тотъ умиралъ, то Грозный царь самъ на своихъ рукахъ несъ его гробъ.

Такова была сила суевърія даже у самыхъ просвъщенныхъ людей того времени, такова была власть и таинственное значеніе этихъ юродивыхъ блаженныхъ, въ которыхъ народъ видълъ избранниковъ Божіихъ и предрекателей ихъ судебъ, что даже самъ Грозный трепеталъ передъними.

Пер. Я. Энквисть.

Вишни облетъли... Серебристымъ цвътомъ Не сверкаютъ въ солнцъ пышные кусты... И не манятъ взора радостнымъ привътомъ, И не будятъ въ сердцъ радостной мечты.

Вишни облетъли... Нътъ весенней сказки, Надъ ручьемъ не слышны трели соловьевъ, Въ воздухъ не дышетъ нъгой юной ласки, Чистой красотою безмятежныхъ сновъ.

Вишни облетѣли,—и въ дали кристальной Чудится мнѣ призракъ осени сѣдой, Осени холодной, жуткой и печальной, Съ темными ночами, скорбью и тоской.

И не въритъ сердце, что весна увяла, Что прошли безслъдно дни волшебныхъ грезъ, Этихъ грезъ такъ жадно мысль моя искала,— Налетъла буря,—вътеръ ихъ унесъ.

Вишни облетъли... Съ шорохомъ, уныло, Падаютъ на землю бълые цвъты... И подъ каждой вишней—скорбная могила, И въ могилъ каждой—грезы и мечты...

Облетъли вишни... И съ послъднимъ стономъ Облетавшихъ вишень умеръ ихъ поэтъ. На его могилъ, на холмъ зеленомъ, Обронили вишни свой послъдній цвътъ.

И стоитъ могила, убрана, какъ въ грезахъ,
Бълосиъжнымъ флеромъ нъжныхъ лепестковъ,
И роса сверкаетъ, какъ сверкаютъ слезы
Надъ безмолвнымъ гробомъ нашихъ лучшихъ сновъ.

С. федоренко.

А. П. Чеховъ и его послѣднее произведеніе.

(По поводу "Вишневаго Сада").

П. Пильекаго.

I

Не драмой, конечно, назону я эту крупную литературную вещь. Не драмой назону я ее,—

но нѣчто глубоко-меланхоличное и грустное, какъ бываетъ въ осеннихъ элегіяхъ, залегло въ ея основѣ и окрасило ея фонъ и эти сумеречные цвѣта; тяжелая грусть слышится въ

этомъ голосъ, полномъ слезъ и вздоховъ, разсказывающемъ намъ о тъвяхъ и мракъ нашей жизни, о ея великой тяготъ и, быть можетъ, безцъльности. Вся писательская "карьера" Чехова въ сущности, одно огромное неудачничестно, конечно, по стольку, по скольку можетъ быть неудачливо ръдкое и настоящее дарованіе, или— играя созвучными словами,—насколько можетъ быть безталаненъ талантъ.

Въ самомъ дёлё, восинтаться и духовно возрости въ мглистую эпоху восьмидесятыхъ годовъ, стихійно впитать въ себя ея злыя боли, --- ея серость, угрюмость и апатію, прирости самыми глубокими корнями къ этой почвъ безвременья, вынести на себъ ея неналочимий недугъ безочарованій и безъидеальности, чтобъ потомъ весь въкъ лечиться отъ этого недуга; работать, скитаясь по заствикамъ уличныхъ и полууличныхъ листковъ, наъ которыхъ переходъ даже въ "Новое Время" могъ показаться раемъ; долгое время не находить себя даже простого признанія въ критикъ; наконецъ, найти его въ формъ "условнаго осужденія", съ сожалительными советами, съ покачиваніемъ головы; быть свидетелемъ почти неслыханнаго "провала" одной изъ лучшихъ своихъ пресъ, чтобъ черезъ несколько леть видеть ея эмблему знаменемъ на театръ "молодого въка"; видъть зарытый въ подвалахъ московскаго книжно-журнальнаго склада редкій по суровой правде "Сахаливъ" въ то время, когда всъ другіе "Сахалины" расходились въ тысячахъ и раскупались на расхвать. Наконецъ, продать за безціновъ свои многотомныя сочиненія литературному лавочнику и опятьтаки въ то самое время, когда целый рядъ издательствъ пересталь видеть въ авторахъ батраковъ и началъ платить хорошія деньги!

Что хотите, но это какой-то рокъ...

И какъ далеко все это и непохоже на тв счастливые успъхи, свидътелями которыхъмы стали въ послъднее время: можно сказать, что, если счастье къ Чехову приходило и пришло, то все-таки оно ни разу не являлось во время, а было гостемъ, который всегда опаздывалъ. И вотъ почему, когда я читаю у г. Андреевича о томъ, что "счастье Чехова поразительно", я сознаю только то, что я читаю про какое-то странное недоразумъніе, хотя върно то, что теперь

на критическое равнодущіе къ себѣ Чеховъ сътовать уже не могъ бы.

Но развъ-жъ это такое большое удовлетвореніе для художника, вобин признаннаго, переводимаго заграницей, разошедшагося въ полиналіонъ экземпляровъ, долго и много терпъвшаго, спльно и серіозно измучившагося?

Какой странный и варварскій законъ, по которому счастье приходить тогда, когда въ немъ не нуждаются и его не ждуть! Есть что-то раздражающее въ этихъ позднихъ отличать, какъ въ веснѣ для погибающихъ людей. И жутко, и досадно видѣть и сознавать, что всѣ мы все такъ же, какъ прежде, не чутки, неразборчивы и неблагодарны, что мало цѣнимъ наше настоящее богатство, не умѣемъ лелѣять нашихъ талантовъ, баловать, холить и беречь тѣхъ, кто приходитъ въ нашу убогую и печальную жизнь, какъ посланники небесъ и помазанники Бога.

Строго разсуждая, и по спо минуту все еще правдивымъ остается по отношению къ намъ упрекъ Щедрина: освистываемъ мы нашихъ великихъ людей, а черевъ сто лѣтъ послѣ ихъ смерти съ удивленнымъ и почтительнымъ уважениемъ читаемъ о нихъ въ нашей "Русской Старинъ". Если исключитъ Андреева и Горькаго, дъйствительно, быстро снискавшихъ признание и извъстность, да прибавить къ нимъ съ полдесятка пьесъ, успъвшихъ нашумъть, то придется сознаться, что въ России пользуются легко пріобрътаемой иопулярностью только тенора, балерины. нъкоторые жокеи и нъсколько рестораторовъ,

Милая аттестація, нечего сказать!

Съ точки зрвнія этой карантинной строгости, съ какою у насъ встречають каждое молодое начинающее дарованіе, даже и замътно-выдълнющееся изъ всего дляннаго ряда "пишущихъ", въ особенности было бы интересно проследить исторію этого критическаго судьбища надъ Чеховымъ. Чего-чего только ни падало на его голову! Какихъ только укоровъ ни сыпали ему! Но еще поучительнъй разсмотръть, какъ изивнялось съ теченіемъ времени отношеніе къ нему каждаго изъ такихъ судей, какъ понемногу имъ приходилось дълать уступки въ сторону признанія и, начавъ съ пориданій и отрицаній, доходить хотя и до сдержанной-все же хвалы. Какъ-нибудь этому я посвящу особую статью, сейчась же ограничусь только указаніемъ, что и по сей моменть находятся геростраты и геростратики, чающіе обратить на себя вниманіе, сугубыми нападками на автора "Вишневаго Сада" и "Скучной Исторіи". Есть г. Шулятиковъ, есть г. Качерецъ. *) Послѣдній бросаеть обвиненіе художнику даже въ томъ, въ чемъ нивогла нельзя внить ни одного художника, въ выборѣ темъ, въ тяготѣніи къ опредѣленнымъ краскамъ, въ излюбленности однихъ ландшафтовъ, избѣганіи другихъ,—въ чемъ и скрыта настоящая душа автора, чѣмъ зарактеризуется его истинная творящая душа.

.... Чеховъ не одно только то, что дъйствительно съро, изображаеть такъ, что не таядъль бы на Божій свъть, - ворчить Качередъ, -- у него во всемъ стризна, на все, что онъ изображаеть, глядеть не хочется, н не потому не хочется, что это некрасиво, нли жалко, или тяжело, а потому, что это фальшиво - стро, необычно - стро. Случалось вамъ видеть затменіе солида? Если да, вы вспомните, конечно, это странное, холодное освъщение, въ которомъ предметы представдяются съ исчезновеніемъ последняго солмечнаго луча. Не сумерки это, потому что сумерки бывають теплыя, наступають онв постепенно послъ смъны цълаго ряда, послъ долгой игры свътовыхъ явленій. А туть это наступило мгновенно, что-то дунуло на землю холодомъ, и на все легъ какой-то тонкій, совершенно одноцвътный и прозрачный сърый газъ. Предметы видны съ необычайною отчетливостью, гораздо явственнъе, чъмъ при солнцъ, но они всъ одноцвътны — съры. Воть то странное, жуткое освъщение, при которомъ люди и вещи представляются въ сочиненіяхъ г. Чехова. Если вы не видъли затменія солнца, то виділи синематографъ. И тамъ тоже предметы очень отчетливы, но и тамъ они одноцветны, и тамъ производять то же странное впечатление, оть котораго становится какъ-то не по себъ: ъдутъ экипажи, конки, дамы съ зонтиками переходять улицу, по тротуарамъ идуть офицеры, рабочіе, кормилицы съ детьми на рукахъ; повидимому солнечный день, между твиъ и экипажи, и конки, и платья, и зонтики дамъ, и мундиры офицеровъ, и одежды рабочихъ, и ленты кормилицъ-все это одного страго цвъта". (стр. 28-29).

II.

Словомъ, судьба литературной дороги Чекова — неважная и даже прямо горькая судьба. И такъ же, какъ она, и самъ Чеховъ, и его произведенія, и его герои, и его слогъ, и его сравненія, и его враги, и его лирическія отступленія, вкрапленныя тамъ и сямъ, все и вездъ исполнено той. красивой и печальной меланхолін, что бываеть разлита въ осеннемъ золоте потукающихъ вечеровъ. Изъ личной жизни Чехова мы не знаемъ нячего, потому что свъдънія о томъ, что онъ родился въ Таганрогь, кончилъ среднюю и высшую школу, что "по профессін" онъ докторъ, хотя не лечилъ, важется, инвого, а по занятію -- литераторъ, -всв эти свъдънія даже не біографичны. По всей въронтности, и вся вообще его жизнь не біографична и можно съ увітренностью сказать лишь то, что весь укладъ и ходъ его существованія создался и потратился на исканье заработка, быль полонь сплошной неудовлетворенности и той особенной тоски, какой больли недавніе, почти вчерашніе интеллигентные пролегаріи. Когда эта жизнь писателя станеть общензвестнымъ, опубликованнымъ фактомъ, думается, станеть яснымъ и даже непреложнымъ, что и всв произведенія Чехова были автобіографическими отраженіями, -- не въ подлинномъ смыслѣ перечня случаевъ, встрѣчъ и поъздокъ, а въ томъ серіозномъ значенін, какое пріобр'ятають въ жизни каждаго минолетныя настроенія, продолжительныя или случайныя раздвоенія, муки сов'єсти, укусы сомнъній, временами охватывающее уныніе, безвъріе, самоосужденіе и даже душевное разстройство, какъ болъзнь. Пожадуй, не назвать больше ни одного изъ современныхъ писателей, который будиль бы своими произведеніями такой горячій и нетерпъливый интересъ къ установленію взаниоотношенія между его жизнью и трудами, какой будить каждой своей строкой Чеховъ. Слишкомъ непростыя и острыя мысли поднимаеть онъ своими писаніями и въ то же время слишкомъ просты и обыкновенны тв лица и случан, которыми занимаются они. Но въ особенности влечеть къ себъ и напрягаеть мысль въ разгадкахъ эта глубоко залегшая его элегическая меланхолія.

Отъ жизни ли она? Отъ особаго склада

^{*)} Г. Качерецъ. Чеховъ. Опыть. М. 1892.

натуры? Навъяна ли временемъ и безлюдіемъ? Быть можеть, философична?

Все это вопросы не только умъстные, но и въ высокой степени важные вопросы.

Въ ответахъ на нихъ кроется настоящее пониманіе писателя. Въ ответахъ на такіе и подобиме вопросы, быть можеть, найдетъ со временемъ свой расцветь и на нихъ выростеть психологія творчества, психологія великихъ людей.

Въ сущности, до сихъ поръ не пришли ни къ какому согласному заключенію относительно важнейшаго изъ всёхъ вліятельныхъ факторовъ творчества, а между тёмъ съ разрешеніемъ этого вопроса, разрешится тотъ длинный споръ, въ которомъ последовательно принимали участіе и Сентъ-Вэвъ, и Тэнъ, и Геннекенъ, и Гюйо.

Относительно Чехова здёсь можеть быть тоже нёсколько толкованій.

Ничего невероятного исть въ предположенін, что вся сумеречность его поэзін вышла целикомъ изъ его писательскаго неудачинчества, быть можеть, осложненняго еще и личными, вообще говоря, вполив естественными и обычными непріятностями. Для этого, правда, неть еще решительных данных пока: чтобъ судить объ этомъ, нужна подробная монографія о всей частной жизни писателя, но доказательства для такого заключенія и теперь уже могли-бы быть найдены: писатель началь съ звонкихъ нотъ юмора; онъ вначалъ стъялся; прежде, когда-то, только что вступивъ на литературное поприще, онъ былъ не теперешнимъ хмурымъ Чеховымъ, а смъющимся Чехонте...

Съ формальной стороны это даже убъдительно.

Но стоить перечитать всё эти "Пестрые Разсказы", какъ ихъ назвалъ авторъ въ первоить изданіи, чтобъ ясно сознать, насколько далеко отъ истины такое объясненіе, и какъ заблуждаются тѣ, кто думаеть такъ о нашенъ писателѣ.

Увы! не весельемъ заражающаго смъха въеть съ этихъ страницъ, а какой-то насмъшкой, часто скорбной, всегда вдумчивой, постоянно рождающей невеселыя и даже смущающія мысли,—это не здоровый, игривый, заразительный смъхъ, и даже не поверхностно-летучая искрометная сатира въ шаловливомъ жанръ, — вътъ, смъхъ обманутаго гля-

дить на читателя съ этихъ яко-бы веселыхъ строкъ, и въ немъ—то жалость, то—стыдъ. Здъсь далеко до веселья и нътъ радости въ этихъ улыбкахъ молодого юмориста.

Нъсколько единичныхъ исключеній, конечно, идуть не въ счеть...

Но и не отъ безвременья и не отъ безлюдья эта тоска и элегичность мотивовъ и темъ: одной эпохой ее не объяснить. Въ ту же эпоху писалъ свои бодрыя вещи талантинвый Короленко, сейчась воть русская молодая литература переживаеть свои Sturm und Drang Period, героическіе типы воскресають въ произведеніяхъ Горькаго и Андреева. Были "бодрящія" будто бы впечатленія и въ начале девяностыхъ годовъ, -когда вышелъ съ своими первыми разсказаин Потапенко, съ своими "бобковскими серотами" Немировичь-Данченко, и цвъла в шумела одно время принятая въ обществе теорія "малыхь діль", однако, кое-кого все-таки окрылявшая. А Чеховъ оставался и пребываль все темъ же живописцемъ "Сумерекъ", все тъмъ же исихологомъ "Хмурыхъ людей" и такъ же, какъ теперь его герои "Дядъ Ванъ" и "Трехъ Сестрахъ", в тогда жаловался на свою судьбу и мучился своимъ безсиліемъ, его драматическій "Ивановъ". Есть нъчто, очевидно, болъе сильное и болье дъйствующее, чыть эпоха, властная надъ рядовыми людьми, кладущая свой отпечатокъ на заурядъ-литераторовъ, усыновляющая безпомощныхъ и бездомныхъ, рабствующихъ и покоряющихся, но едва ли мощная и страшная для сильныхъ и самобытныхъ натуръ, для автономныхъ творцовъ, для художниковъ и поэтовъ "Божіей милостью".

Ключь ко всей загадкѣ авторской личности Чехова лежить въ его особой одаренности, въ томъ странно-грустномъ удѣлѣ на землѣ, который долженъ сознавать и чувствонать всякій богато одаренный человѣкъ, тѣмъ болѣе творецъ, тѣмъ болѣе художественный писатель. "И пѣсенъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли".

Есть редкое по красоте место у Шопенгауэра. Процитировавъ гетевское выражение: "Нежное стихотворение, какъ радуга, разстилается только на темномъ фоне, поэтому поэтическому гению нравится элементъ меланхоли",—онъ замечаетъ: "печальное настроение высокоодаренныхъ людей, которое такъ часто было отмечено въ нихъ наблюдателями, имъетъ для себя эмблему въ Монбланъ съ его вершиною, всегда закутанною тучами; но пногда, -- чаще всего утромъ, - это облачное покрывало разрывается, и тогда гора, розовая подъ солнечнымъ сіяніемъ, съ своей небесной высоты, изъ-за облаковъ смотрить на Шамуни; и это даеть такое эрвлище, при видв котораго сердце всякаго въ его глубочайшей основъ начинаетъ подиниаться. Такинъ образонъ, почти всегда меланхоличный геній въ редкія мгновенія обнаруживаеть вышеописанцую только для него возможную, вытекающую изъ совершеннъйшей объективности духа, своеобразную ясность, которая, какъ свътлые лучи, ложится на его высокомъ челъ "*).

Эти лучи созданія одареннаго духа, у Чехова проникнуты тёмъ же тепломъ розоваго утра, которымъ полна всякая большая любовь, которымъ жяво и сильно искусство. И какъ все рожденное небомъ, его далью и чистотой, онп прекрасны и нёжны.

Ш.

Во всемъ и всегда Чеховъ былъ и остался самобытнымъ и оригинальнымъ творцомъ-художникомъ. Онъ ввелъ въ русскую литературу крошку - новеллу, — быстро-бъгущій короткій разсказъ; онъ сотворилъ, узаконилъ художественную миніатюру. И чего-чего только не насказали по этому поводу: и заимствованіе у... Гюн-де-Мопассана, и анекдотичность, п отрывочность, п безхвостость. Указывали даже на огромную легкость писанія такихъ разсказовъ; редакторы-издатели и "большіе" романисты смотръли на нихъ, какъ на бездълку, на віјоп, годную, впрочемъ, на затычку номера.

А эта "затычка" черезъ нѣсколько лѣтъ борьбы совершенно вытѣснила беллетристическій грузъ многолистнаго романа, вошла въ періодическую толстую печать и завоевала въ ней не случайное, а коренное мѣсто.

Большой романъ ушелъ со страницъ журналовъ. Его старое, давно насиженное мъсто заняла миніатюра, гибкая и воздушная, такая нетрудная въ чтенін, такая сложная и трудная въ процессъ своего рожденія. Грація—чувство мъры, — сказалъ Спенсеръ, — и потому-то такъ граціозны, такъ наящны, милы и дружественны эти небольпіе очерки, эти штриховые рисунки, съ ихъ полутонами, какъ далекая музыка безъ ясныхъ словъ, волнующая, мучительная, вдругъ охватывающая и также вдругъ прерывающаяся.

Большіе громадные романы исчезли, какътолстые, располивышіе старые пом'вщики погибшей, потеми'вышей отъ времени дореформенной Руси.

Быть можетъ, тамъ, въ глуши брянскихъ лъсовъ, были необходимы и эти старыя, въковыя знакомства, и эта тривіальность взаимнаго знанія до конца, до волосъ и ногтей, — и эти добротные помъщики, и эти большіе, старые, степенные, лънивые, неповоротливые романы, тягучіе, какъ лънь, — какъ тоска, безконечные, но не волнующіе, не спугивающіе дрему... Быть можетъ, еще и теперь гдъ-нибудь въ уральской, въ муромской или калужской тиши они нужны и желанны...

Но не намъ, не теперь, не сейчасъ... Теперь мы живемъ большой, быстро бъгущей, молодой, какъ огонь, горячей жизнью. Мы подвижны, въчно наэлектризованы. Наши думы, наши мечты и пъсни, какъ птицы, долго не засиживаются, вспархиваютъ, улетаютъ... ихъ не вернешь никогда. Нужно завить ихъ въ силокъ, западнями словъ и намековъ, запоминать ихъ, стрълять въ летъ...

Быстро бъжить время, мъняется жизнь, новые вкусы въ насъ входять, управдняется старый романъ. Говорять: его вытеснила газета. И нападають поэтому на газету. Неправда: его вытеснила жизнь и школа жизненнаго опыта, --- но она же и газету создала. Прежнія — "типичность", "естественность", "правильное освъщеніе"-ахъ! все это уже никуда не годится, все это не нужно, отжило свое время... Милыя старыя учительницы музыки "по Фрейшютцу"!.. Всѣ эти типичности и естественности или "натуральности" — всѣ были впору тогда, когда искусство должно было служить целямъ бытоваго знанія и "облагораживать", --- это такъ серіозно было въ ту пору, когда ны были умопомрачительно глупы, писали, какъ курскіе пом'вщики, жили по прописямъ, готовили пищу по "кухоннымъ книгамъ", дътей учили дома. Потомъ что-то все перевернуло, какая-то огромная бурная сила прорвала вст плотины, снесла ограды и заборы, смыла

А. Шопенгауеръ. Міръ, какъ воля и представменіе, перев. Н. М. Сокомова. Спб.

старые замки, — - учиться по романамъ было печему, потому что бурная сила затормошида и насъ, бросая по своимъ волнамъ, и жизнь мы стали изучать уже опытомъ.

Но стало нужно учиться новому и знать другое. Души индивидуализировались, распалась общая пожещичья душа и общая врестьянская. Стало многое множество разчелов вческих ъ ныхъ, цвътныхъ, просто душъ, и въ нихъ было такъ миого неожиданностей, такъ много народилось загадокъ тамъ, а, главное, все здъсь стало движеніе и жизнь и пришлось следить, изумляться н знать, чтобъ вибств жить и общее дело вълать. Такъ народилась психологическая миніатюра, и небольшое, короткое, поверхпостное знакомство, полное неровности и нисколько неутомительное...

И Інсусомъ Навиномъ этого движенія белдетристики явился все онъ же, — Чеховъ.

Когда-то С. А. Андреевскій краснво окрестиль Чехова: "наслюдный принць литературных в королей".

Это очень образно и очень хорошо. Но этого мало: принца-реформатора" — воть какт следуеть его назвать. Если исключить вліяніе Л. Толстого, — его простоту слога, его стилистическую манеру, несомивнно передавшуюся Чехову, только безъ ея характерной, чуть-чуть пеуклюжей угловатости, безъ ея готическихъ угловъ, смягченную, изивженную, — то Чехову решительно нетъ предшественниковъ.

Его необычность внезапныхъ сравненій, короткихъ, вспыхивающихъ, какъ мгновенныя молнін быстрыхъ и тотчасъ гаснущихъ, только въ умф читателя онф оставляють свою пламенную борозду, --- его діалоги, простые въ своей искусственности, его умънье сразу взять "быка за рога", однимъ штрихомъ ввести читателя въ самую середину изображаемой жизни, -- наконепъ, его психопатологические разсказы, --- въ противоположность обычной тяжеловатости этого жанра не требующіе усилій и напряженности воспріятія, (а въ этой "экономін силь" читательскаго воспріятія весь смыслъ искусства, всъ вадачи творчества), - вст эти Варьки ("Спать хочется"), профессоръ "Скучной Исторін", Ковринъ ("Черный Монахъ"), Лаевскій (въ "Дуэли"), студенть въ "Припадкъ" - все это — ново, ръзко, прекрасно, непохоже ни на Гаршина, ни на Достоевскаго.

То же новаторство у Чехова и въ драмахъ. Ихъ упрекають въ отсутствіи действія, въ разговорности, въ недостаткъ героическаго монолога, центральнаго лица, въ расплывчатости. Но всиотритесь въ жизнь. Конечно, она успъваеть вообще, ширится растеть, движится. Но киньте Пегербургь, повзжайте въ Россію, остановитесь тамь гдъ-нибудь въ Смоленскъ, Костромъ, Самаръ, Уфь, или Полтавъ, у своихъ знакомыхъ, прислушайтесь къ этому куску жизни, обръжьте ен по краямъ своихъ петербургскихъ наблюденій, присмотритесь къ лицамъ: все то же, - ничего героического и даже рость не замічень, и, кажется, что ничто въ мірі не растегь и не идеть впередъ, а стоитъ, спить, молчить, въ лучшемъ случав, надвется, въ худшемъ-ворчить. И все тоже: разговорность, расплывчатость, мечта о Москвъ и центръ возбще, — это у лучшихъвсе та же беседа о труде, о будущемь, о новыхъ руслахъ жизни и собственной тоскъ... "Дъйствія" — нъть.

Нътъ дъйствія даже для прежней драмы, —потому что бытовая надовла, умерла, и туда ей дорога, а та, что сь дъйствіями и прочимъ, та даже въ хроникъ происшествій мъстнаго листка не найдетъ себъ ни оправданій, ни сюжета. Да что Муромъ или Самара, —развъ не то же въ Москвъ, да и здъсь, въ Петербургъ, и вездъ, и повсюду?! Процессы жизни — ординарны, обычны, неинтересны, какіе-то растительные, но здъсь есть то страшное въ "нестрашномъ", о которомъ хорошо написалъ Короленко.

Но въ этой юдоли и заброшенности люди ростутъ, тоскують, ссорятся, мечтають. мругъ... И такъ же незамътно все, какъ полдень переходить въ сумерки и впадаетъ въ усталый вечеръ и гибнетъ въ ночи. На жизнь, какъ акты, какъ ихъ рядъ, и ихъ незамътность и непримъчаемость, легли какія-то собственныя душевныя наслоенія самихъ этихъ людей; жизнь для каждаго изъ нихъ подернулась субъективной пленкой; по ней расшили свои узоры наши настроенія, истуней от-врумто вішвроходи йопсот йохит въ міръ и тамъ исчезающія. Новая, совстамъ новая драма пришла.

"... Пьесы Чехова составляють совершенно новое явленіе въ драматической литератур'в (цитирую Андреевскаго же). Еще въ "Ивановъ" Чеховъ пытался уже нарисовать

простой психологическій этюдь, безь общепринятаго механизма въ "дійствін" пьесы. Эту драму нашли умною, но мало пригодною для сцены, несмотря на то, что въ "Ивановів" Чеховів еще довольно усердно держался установленных прісмовъ, — подділывался подъ обычный персональ труппы, писаль театральнымъ языкомъ, вводиль комическихъ старухъ, шутовъ н т. п. Но въ "Чайків" писатель уже открыто выразиль свою ненависть къ существующему театру, а затімъ въ "Дядів Ванів", и еще боліве въ "Трехъ сестрахъ" онъ, наконецъ, сміло перешель къ изображенію на сценів повседневной жизни простыхъ людей.

"И это, конечно, возстание противъ законовъ драматургіи. Подобное же движеніе замъчается и на Западъ. Съ одной стороны, Ибсенъ и Мэтерлинкъ выдвинули въ драмъ на первый планъ поэзію душевныхъ настроеній, а съ другой -- большинство современныхъ драматурговъ уже избегають въ своихъ пьесахъ крикливыхъ, героическихъ превмущественно занимаются фигуръ, а жизнью "стренькихъ" людей. По этому поводу знаменитвишій фокусникь мелодрамы Сарду недавно заклеймиль революціонеровъ глубокимъ презръніемъ. Упоенный своимъ собственнымъ искусствомъ напрягать до чрезвычайности любопытство къ интригъ. хотя бы съ нарушеніемъ правды бытовой, исторической, художественной и даже логической, Сарду гордо воскликнуль: "Недалеко уйдуть они съ своей психологіей. Драма, это прежде всего -- дъйствіе ..

"Есть вещи почти неодолимыя, создаваемыя консерватизмомъ человъчества, у котораго, какъ известно, привычка — вторая натура". Действительно; ведь можеть показаться чуть ли не преступленіемъ вопросъ: да почему же "драма это прежде всего-дъйствіе? Въдь интрига въ драмъ совершенно въ такой же степени важна или неважна, какъ и въ романъ, потому что и то, и другое произведение воплощають жизнь. Туть есть рязница только въ публикъ. Зрителемъ можетъ быть всякій, читателемъ не всякій. Въ театръ бываеть, по преннуществу, "толпа". Говорять, толпу надо забавлять, заинтересовывать. дитя. Да. Но въдь нельзя же ее въчно держать въ иладенчествъ; это-- педагогія дурного вкуса; это-нескончаемыя сказки нянюшки.

"Интрига, колливія, геропческіе влодіви, размадеванныя фигуры, неистовыя страсти н т. п. все это важно и даже необходимо для техъ авторовъ, которые не обладають искусствомъ привлечь внимание къ естественному, искреннему и простому,-кто не владъеть тайною поэзін. Въдь то же самое происходило и съ поэмами, и съ повъстями, и съ романами. Нъкогда казалось "низкимъ" и невозможнымъ разсказывать обыкновенную жизнь въ стихахъ. Пушкинъ этоопровергъ. Прежде для романа требовалась любопытная завязка, — Тургеневъ создалъдивные романы безъ всякой "выдумки". Левъ Толстой, гораздо ранъе Зола, ввелъвъ беллетристику увлекательнфишія описанія вськъ мелочей жизни. И тоть самый читатель, который прежде пленялся только. уголовными, историческими и злодъйскими романами, съ жадностью ожидая "продолженія", чтобы узнать, "чімь кончилось",--увлекся Толстымъ, какъ самымъ любимымъсобестаникомъ.

"Зам'тчу вскользь, что и Чайковскій, страцавшій отъ ненавистнаго ему "геронзма" оперъ, нашелъ истинную отраду для своеговдохновенія только тогда, когда сталъ писать музыку на Онтгина...

"И, кажется, можно безъ ошибки сказать, что наиболъе полное "опрощеніе" искусства всегда шло изъ Россіи.

"И однако же, относительно театра, навърно еще очень многіе возразять: "Но если мы увидимъ на сценъ то же самое, что видимъ въ жизни, то въ чемъ же будетъзаключаться искусство? Да и кромъ того, мы требуемъ отъ пьесы извъстной идеи, поученія"... А такъ, просто, переносить жизньна сцену — къ чему же это поведетъ?!"

"Чудесное впечатлъніе, произведенное "Тремя сестрами" Чехова, въ исполненіи труппы Станиславскаго, силою вещей опровергаетъ это возраженіе. Но кромів того: почему же вы восхищаетесь живописцемъ, когда онъ даетъ вамъ цъликомъ именно того самагочеловъка, котораго вы знаете въ жизни, почему преклоняетесь передъ писателемъ, когда онъ выражаетъ именно то, что вы наблюдаете вокругъ, — а отъ драматурга и актеровъ вы требуете — не живой красоты, анепремънно прикрасъ и фальши? Или вы все-таки настаиваете на необходимости поученія?... "Тогда пусть поучають со сцены какими угодно пріемами. Если ціль хороша, то можно помириться со всякими средствами; — "кому что помогаеть"... Но неужели еще необходимо пространно доказывать, что высшее развитіе и нравоученіе дается обществу только искренними художниками и что драматургь такъ же, какъ и поэть, тых выше, чыть правдивъе?

"Поэзія есть высшая правда, внушаемая челов'єку тайною жизни. Всё ес чувствують, но немногимъ дано ее выразить. Въ этой таннственной правдё всегда есть н'ечто мучительное и печальное, но вм'єстё съ т'ємъ доброе и прекрасное. Въ ней содержатся всё лучшія права челов'єка, за которыя такъ скучно, мелко, ілопотливо и въ то же время напыщено ратують иные, весьма усердные соціологи и прогрессисты. А художникъ или поэть приближають челов'єка къ этимъ правамъ легко, нечувствительно.

"Въдь, художникъ, ясно сознающій все величіе, глубину и предесть міра Божьяго, невольно и всегда, во всемъ, что онъ выразитъ, будетъ находиться на сторонъ того, что составляетъ благо человъчества.

"И если отъ этихъ школьныхъ истинъ мы возвратимся, напримъръ, къ "Тремъ сестрамъ", съ помощью которыхъ Чеховъ и труппа Станиславскаго одержали побъду надъ театральной рутиной, — то что же мы увидимъ? Какое поученіе въ этой пьесъ?

"Поученіе въ томъ, что эта простая исторія увеличиваетъ вашу любовь и жалость къ людямъ. Передъ вами проходить множество разнообразныхъ людей, и вы въ концѣ концовъ почти всѣхъ ихъ находите добрыми, хорошими, потому что вы незамътно для себя угадываете ихъ сердце.

"Есть только дв'в отрицательных фигуры: штабсъ-капитанъ Соленый и жена Прозорова, Наталья Ивановна. Но вы къ нимъ вовсе не питаете ненависти, а только жалъете ихъ, потому что видите въ нихъ эгоистовъ, которымъ недоступны благородныя человъческія чувства. Соленый преисполненъ жаждою быть геніемъ, когда онъ глупъ, а Наталья Ивановна практически устраиваетъ свое благополучіе, никого, въ сущности, не любя. — И вотъ вамъ пьеса безъ коллизіи, безъ эффектовъ, безъ реторики, безъ возбужденія какихъ-нибудь "жгучихъ вопросовъ" — и однако же, она даетъ вамъ то облагораживающее созерцаніе жизни, которое способна уловить только поззія.

"И чемъ боле драматургія будеть замиматься правдивой психологіей, чемъ болеве человеческих разновидностей пройдеть передъ нами на сцене, въ освещеніи чуткихъ писателей, въ исполненіи безукоризненныхъ артистовъ,—темъ боле театръ будеть служить на пользу гуманности и культуры, темъ боле онъ дасть художественнаго наслажденія зрителямъ".

Но и вообще никакой педагогін" я не усиатриваю въ "героическомъ". Оно чуждо мнъ,--не духу моему,--а всему складу моей личной жизни, моей работь, моимъ порываит. Я еще могъ бы понять и люблю гражданскую доблесть самоножертвованія, но я не вижу ея, она не часта,-пожалуй, роднить съ ней, прививать ее следуеть и нужно, но опять-таки тв формы самопожертвованія и героическаго энтузіазма, которыя нужны намъ, не проходимы на подмостки, не допускаются въ литературу. Остается геронзиъ преданія, н'вчто мнеическое, далекое, едва ли трогающее, ни въ какомъ случаъ не воспитывающее, ибо воспитывать значить подготовлять. Смёясь, Пушкинь вышучиваль тыхь драматурговь, которые выводять злодвевь, причемь и пить-то даже они просять по злодейски, мрачнымъ голосомъ, съ хрипотой: "Дайте мив пить!!" И такого влодъя я не понимаю. Онъ чужаъ мнъ, какъ и всякому нынъпнему зрителю. Но разъ есть всякіе "Ваньки-Каины" въ повъстяхъ и драмахъ для народа и ими даже увлекаются, то я заключаю изъ этого, что каждой ступени развитія человізчества необходима своя драма, и эта чеховская драматургія есть интеллигентнайшая изъ всахъ этихъ видовъ. Дозволительно предсказать, имъя уже данныя въ настоящемъ, что современемъ драма д'яйствія окончательно выродится въ драму чувства, въ драму мысли, совершенно темъже путемъ и теми же причинами, какими случилось вымираніе большого романа, уступившаго свое кресло новелять. Кажется — и временами настойчиво кажется, — что драма, — такъ сказать, — эпическая замъстится драмой лирической, пьесой безъ вившияго содержанія.

Для героическихъ элементовъ истинно трагическаго представленія въ жизни не остадось пищи, и эти элементы, какъ и вся трагедія, неизб'ёжно должны вымереть отъ голода: ихъ некому питать и негд'ё имъ рости.

И Чеховъ въ этомъ отношени не одинъ, есть Ибсенъ, есть Гауптианъ.

Кстати сказать, существуеть мивніе, ивкоторыми уже высказанное, гораздо больтимъ числомъ думающееся про себя, --- мивніе, что Чеховь взяль новую драматическую форму отъ Ибсена. Это значитъ-не знать. что драма "Ивановъ" была напечатана уже въ 1889 году (въ "Стверновъ Въстникъ") ы въ томъ же году поставлена на сценъ, вогда ни одна изъ драмъ ни Ибсена, им Гауптмана русской сцены еще не видъла, когла русская публика только начала знакомиться съ Ибсеномъ по переводамъ Алексвева-да и то кажется, это было года на два поздебе, — такъ, въ 1892 году, — а о Гауптианъ едва ли тогда и просто слыхали. А между темъ уже "Ивановъ" — типичная чеховская пьеса, --- она первая пьеса изъ неразрывнаго цикла — "Ивановъ", — "Чайка", —"Дядя Ваня",— "Три сестры"—наконецъ, и "Вишневый Садъ" *)...

Тѣ же иден, тѣ же настроенія, тѣ же муки, тѣ же тоны, тѣ же отличительно- типичныя черты "бездѣйствія", идейности, скрытыхъ внутреннихъ драмъ; то же общее облачко грусти, тихой меланхоліи, какихъ-то будней, предчувствій, какой-то недоговоренности... Надъ сѣрой жизнью парять иногда тихіе авгелы...

Перейдемъ теперь къ "Вишневому саду". Содержание его не сложно.

IV.

Старое имъніе Раневской съ огромнымъ вишневымъ садомъ должно пойти съ молотка. Всъ хорошо это знаютъ—и она сама, и ея братъ Гаевъ, и сосъдъ-помъщикъ Симеоновъ-Пищинъ, и Лопахинъ, купецъ, къ которому перейдетъ все имъніе. И всъ бездъйствуютъ.

Чеховъ не кладетъ одной какой-нибудь краски на данное лицо, и его Лопахинъ не чернилами нарисованъ. Напротивъ, онъ самъ же напоминаетъ, что скоро будетъ аукціонъ, предлагаетъ планъ спасенія: сруонть вишневый садъ, разбить на участки землю, настроить дать, и самъ же готовъ ссудить для этого деньгами. Все напрасно: дъловитость и даже простое благоразуміе совершенно чужды этимъ людямъ, — жаль вишневаго сада, и сама мысль о его снесеніи возбуждаеть въ нихъ ужасъ, кажется страниой и нельпой. Словомъ, Лопахинъ имъетъ полное право сказать имъ: "Простите, такихъ непомысленныхъ людей, какъ вы, господа, такихъ недъловыхъ, странныхъ, я еще не встрвчалъ. Вамъ говорятъ русскимъ языкомъ: "имъніе ваше продается", а вы точно не понимаете"...

Любовь Андреевна (Раневская). Что же намъ дълать? Научите, что?

Лопахинъ. Я васъ важдый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый садъ, и землю необходимо отдать въ аренду подъ дачи и т. д.

Любовь Андреевна. Дачи и дачники это такъ пошло, простите!

Гаевъ. Совершенно съ тобой согласенъ... И т. л.

Словомъ, форменныя дѣти, танцующія на вулканѣ: тутъ продажа послѣдняго угла, а сама Раневская только что пріѣхала изъ Парижа, гдѣ ее обобралъ какой-то альфонсъ, бросилъ, и о которомъ она все таки и теперь не можетъ говорить безъ слезъ. И такіе всѣ онн.

Но, какъ у дътей же, въ нихъмного настоящей доброты, безкорыстія и даже свътлости, — той особенной красоты душевной, какая должна сохраниться у людей, всегда въ отдаленіи державшихся отъ жизни.

Странно, что существуеть неутомимая вражда между чистотой нравственнаго облика, —личной святостью—и тёмъ сложнымъ и слёпымъ, что есть борьба за жизнь и благо. Получается какая-то дикая альтернатива: умереть самому или умертвить въ самомъ себё всё высшее—прекрасное.

И вотъ теперь, съ пробужденіемъ идеалистическаго пов'втрія, его истоки должны, мив кажется, привести къ пропов'яди аскетическихъ идеаловъ. Это также должно быть посл'ядовательнымъ, естественнымъ и прямолинейнымъ, какъ зав'яты древнихъ в'вроучителей, —Будды, требовавшаго отъ своихъ посл'ядователей отказа отъ матеріальнаго благополучія и даже перехода въ бикшу, т. е. нищихъ; Христа, предписавшаго апостоламъ

[&]quot;Вишнеськи Садъ" А. П. Чехова вышель только что одновременно въ двухъ изданіяхъ: во второй книжкъ "Сборника", изданнаго товариществомъ "Знаніе" и въ изданіи А. Маркса.

не имъть даже башмаковъ и посоха. Я не знаю, живутъ ли и даже практически осуществинъ ли вообще тотъ неоидеализмъ, который лучше всего было бы назвать деятмельнымъ, но неоспоримо то, что всякій идеализмъ необходимо является созерцательнымъ н, слёдовательно, квіэтичнымъ.

Несчастія практическаго характера "хорошіе" люди встр'ячають равнодушно, все в'яря, что случится воть-воть в'ято чудесное и нежданное и спасеть ихъ. Помыслы ихъ въ будущемъ, а то, что практически предлежить въ каждую данную минуту, есть только настоящее и нсключаеть чудо. Лопахинъ говорить про Раневскую: "Хорошій она челов'якъ. Легкій, простой челов'якъ". И воть легкіе и хорошіе, простые людя гибнуть. Прямо поразительно напоминаеть "Вишневый Садъ" своего автора, поразительно родственна эта пьеса вс'ять его прежнимъ драмамъ: драматургія Чехова какъ-то настойчиво—ц'ялостна.

Воть терпять разореніе Раневскіе, но еще 15 летъ тому назадъ и Ивановъ былъ готовъ снести всё: и тоску, и психопатію, и разореніе, и потерю жены, и всю раннюю старость, а проживи онъ---не застрълись---до этой минуты гуляль бы, можеть быть, въ такомъ же уходящемъ изъ его рукъ вишневомъ саду, потому что деньги Саши Лебедевой были бы тоже прожиты. И такъ же, какъ Раневской советують обратиться къ родственницъ за деньгами, срубить садъ и настроить дачь, --- и Иванову некогда Лебедевъ совътовалъ: "съъздилъ бы къ Мильбаху, попросиль, ведь, онь тебе шестнадцать тысячь долженъ". И такъ же, какъ Раневская съ Гаевымъ, "Ивановъ безнадежно махалъ рукой".

"Имънье идетъ прахомъ, лъса трещатъ подъ топоромъ. Земля моя глядитъ на меня, какъ спрота".

Это говорить Ивановъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, не про себя только,— на ту же тему произнесетъ цѣлую филиппику Астровъ, — мы слышимъ тотъ-же укоряющій тонъ, гѣ же слова даже: "Русскіе лѣса трещатъ подъ топоромъ, гибнутъ милліарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаютъ безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у лѣниваго человѣка не хватаетъ смысла нагнуться и поднять съ земли топливо и т. д.".

Какъ мистическая загадка внсить надъ персонажами Чехова вопросъ: откуда это? И сами они мечутся, стараясь разръшить его и причины переутомленія, слишкомъранняго для нхъ 30—35 лъть, и той скуки, которая ядомъ вошла въ нхъ сердца и души, — мечутся, мучатся и ничего не могутъ сказать въ отвътъ. Предъ этичъ молчаніемътакъ и остановился съ револьверомъ въ рукахъ Ивановъ, но уже въ "Трехъ сестрахъ" и въ "Дядъ" слышенъ какой-то опытъ разръшенія: работа. О ней говорятъ всъ, — и Соня, и Астровъ, и Вершининъ, и Ольга съ Ириной, и Тузенбахъ.

Нъсколько опредъленнъй, хотя и фаталистично въ историческомъ смыслѣ, выражается въ "Вишневомъ Садъ" старый студентъ Трофимовъ: "Въдь такъ ясно", убъждаеть онъ, - "чтобы начать жить въ настоящемъ, надо искупить наше прошлое, покончить съ никь, а искупить его можно только страданіемь, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ". О мистическомо искупленін говорить онъ, когда напоминаеть любимой девушке, дочери Раневской, Ант. "вашъ дъдъ, прадъдъ и всъ вани предки были крепостниками, владевшіе живыми душами, и неужели съ каждой. вишни въ саду, съ каждаго листка, съ каждаго ствола не глядять на васъ человъческія существа, неужели вы не слышите голосовъ"?!

Эти слова Трофимова для меня — самыя важныя во всей пьесъ.

Быть можеть, это еще не совствив проповедь, но что нечто оть нея здесь есть --не подлежить сомнению. Слова эти выдають нъкоторую и притомъ очень важную часть міровозартнія самого Чехова: еще разъ повторяю-идеалистическое исповъдание не можетъ не быть аскетическимъ, по крайней мъръ, не можеть не привести къ идеализаціи аскетическихъ подвиговъ. Но все это прямымъ путемъ неизбъжно должно привести и къ мистическому міровоспріятію. Искупленіе гръха цітной страданья-потивь очень старый, но здъсь и теперь, въ нашу эпоху увлеченія преображеннымъ средневъковьемъ, онъ слишкомъ интересенъ, чтобы его не замъчать. Конечно, Чеховъ не за пассивное страданье, но уже исторически -- мистична эта ветхозавътнозагадочная неизбъжность страданья дътей за гръхи отцовъ. Во всякомъ случать, есть что

то сильное, какъ молодая въра,, въ Иринъ и теперь въ Трофимовъ съ Аней, ръшающихся пойти на трудъ и лишенія, не для борьбы только, а какъ бы для замаливанія гръховнаго прошлаго отцовъ и дъдовъ, предковъ рабовладъльческой эпохи.

Нужно ли вообще что-нибудь искупать, не поправлять и направлять, а именно искупать? воть вопрось, который непременно прошель бы у Горькаго.

Но у Чехова его нътъ и даже больше того, — тоть же студенть, разсуждая съ Гаевымъ о "гордомъ человъкъ", бросаетъ между прочимъ, такую мысль: "Въ гордомъ человъкъ въ вашемъ смыслъ есть что-то мистическое". (Какъ будто этого мистическаго нътъ въ теоріи искупленія самого Трофимова!).--,,Быть можеть, вы и правы по своему", -- продолжаеть онъ, -- "но если разсуждать по просту, безъ затей, то какая тамъ гордость, есть ди въ ней смыслъ, если человъкъ физіологически устроенъ неважно, если въ своемъ громадномъ большинствъ онъ грубъ, неуменъ, глубоко несчастливъ. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать". Таковъ коррективъ Чехова къ гимну "человъку" Горькаго.

Странно, волшебно вътвится, дробится и спутывается мысль современнаго человъка. Ниціпеанствующій діятельный идеализиъ.... религіозные созерцатели... квізтизиъ мистическій.... "человъкъ-самоцъль".... Розановъ, Бердяевъ,... Горькій и Человъ...

А рядомъ неугаснувшія и незарывшіяся теченія старыхъ міросозерданій общественнаго склада, — "В'єстникъ Европы", "Русское Богатство"...

Происходить какая-то огромная, на половину скрытая работа духа, какое-то ослъпительное лученспускание умовъ, напряженное искание, безостановочная борьба. Очень возможно, что она только, эта всеобщая работа мысли и нужна намъ, о ней, возможно, и говоритъ Чеховъ: не даромъ же въ самомъ дълъ ницшеанство и "гордый человъкъ" доходять даже до мирныхъ Гаевыхъ!..

Въ сущности, совершенно неважно, на какой въръ остановиться человъку,—лишь бы върить. Русское Общество очень молодо, и бодръ человъкъ, его молодая въра не останется безъ дълъ и не станетъ мертвой. Даже тъ общія формулы, какія ноющими голосами выходятъ у Ирины, научатъ, куда пойти, и куда не идти. Надо върнть. Огромное завоеваніе нъскольких последнихъ лъть именно въ пониженіи общаго нашего скептицизма, въ безстрашіи надеждъ, въ пробуждающейся жаждь подвига, въ томъ, что тамъ и сямъ энергія наша совершаеть переходы, правда, не всегда благополучные, изъ потенціальнаго состоянія въ кинетическое.

Михайловскій ратоваль особенно за два одушевляющихь общественныхь чувства—за чувство сов'всти и чувство чести: первое голосъ виновности нашей предъ народомъ, второе—сознаніе виноватости предъ нами нашихь оскорбителей.

И я думаю, что это такъ, только интенсивность этихъ чувствъ у насъ неодинакова, и чувства чести въ насъ всетаки меньше, чень чувства совести, но можно быть убежденнымъ, что при наростаніи второго первое не только не уменьшится и не потухнеть, а взростеть еще больше, и заботиться и работать нужно именно въ сторону чести, ибо совъсть приходить (въ данномъ пониманіи ея), какъ производная, какъ результать личнаго опыта горько поруганнаго достоинства. Вынесши на своихъ спинахъ безчестіе, недопустимо подвергать ему другихъ. Словомъ, проблема совъсти практически разръшится легче и проще чрезъ разръшение проблемы чести. И вотъ причина, почему невысказанно и неясно-сознавно насъ влонить легче, и тягот вемъ мы горятьй въ сторону инцшеанства, а затемъ и деятельнаго идеализма.

Съ этой точки зрвнія, "Вишневый садъ" — характернейшее произведеніе Чехова. Оно—симптомъ какого-то выздоровленія.

Меланхолическія настроенія—всегда спутники соверцателей. Полны разочарованія и пессимизма— ихъ пъсни. Не къ въръ, не къ упованіямъ и труду зовуть они людей, — отрицанію жизни учить ихъ проповъдь. Таковъ же былъ Чеховъ почти всегда до сихъ поръ.

Трофимовъ:

... "У насъ, въ Россій, работають пока очевь немногіе. Громадное большинство той интеллигенцій, какую я знаю, ничего не ищеть, ничего не дѣлаеть и къ труду пока не способно. Называють себя интеллигенціей, а прислугѣ говорять "ты", съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читають, ровно ничего не дѣлають, о наукахъ только говорять, въ

10

нскусстве понимають мало *). Все серьезны. у всехъ строгія лица, все говорять только о важномъ, философствують, а между тъмъ громадное большинство изъ насъ, девяносто девять изъ ста, живуть, какъ дикари, чуть что - сейчасъ зуботычина, брань, фдять отвратительно, спять въ грязи, въ духотв, вездв клопы, сирадъ, сырость, правственная нечистота... И, очевидно, всв хорошіе разговоры у насъ для того только, чтобы отвести глаза себъ и другимъ. Укажите, гдъ у насъ ясли, о которыхъ говорять такъ много и часто, гдв читальни? О инхъ только въ романахъ пишутъ, на дълъ же ихъ нътъ совсвиъ. Есть только грязь, пошлость, азіатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физіономій, боюсь серьезныхъ разговоровъ"!

Но Трофимовъ эту длинную реплику уже договариваетъ, —но и въ ней уже слышится новая въра, хотя въ этихъ двухъ "пока", и съ этой стороны его слова полезно сравнить съ филиппикой Астрова, полной безнадежности, суровой и даже влой.

Acmposs:

... "Мужики однообразны очень, не развиты, грязно живуть, а съ интеллигенціей трудно ладить. Она утомляеть. Вой они, наши добрые знакомые, мелко мыслять, мелко чувствують и не видять дальше своего носа—просто-на-просто глупы. А ті, которые поумніве и покрупніве, истеричны, заіздены анализомъ, рефлексомъ... Эти ноють, ненавистивчають, болізненно клевещуть, подлодять къ человіку бокомъ, смотрять на него искоса и рішають": "О, это психопать!" или: "Это фразерь!" А когда не знають, какой ярлыкъ прилітить къ моему лоу, то говорять:——"Это странный человівкъ, странный."!

Да! Это уже—допівь, послідніе аккорды, н то—посвітлівніе.

Въ общемъ, начиная съ заключительныхъ монологовъ "Дяди Вани" и "Трехъ сестеръ",

*) Какъ это напоминаетъ Чебутывина въ "Тремъ сестрамъ" съ его признаніемъ:

Вспомнимъ еще Войницкаго съ его карактеристикой профессора въ "Дядля Ванли"!

черезъ освобождающуюся невъсту (въ разсказъ того же имени), къ свъту веленыхъ встодовъ на развалнахъ стараго гнъзда Рамевскихъ, проходятъ leitmotiv' отъ молодого упованія на прекрасную зарю грядущаго въка.

"Вишневый Садъ" — синтезъ встять послъдних произведеній Чехова".

Въ немъ разръщаются многія сомивнія, расчищается даль міровоззръній большого и очень искренняго художника.

Въ этомъ періодъ настойчиво и упорно заявляеть о себъ въра.

Слова героевъ звучатъ согласно. Ихт мысли торжественны. Порывы ихъ горячи.

Въ "Трехъ сострахъ" Вершининъ... "А пройдетъ еще немного времени, какихъ нибудъ депъсти-триста лютъ, и на нашу теперешнюю жизнъ такъ же будутъ смотрътъ и со страхомъ, и съ насмъщвой, все нынъшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навърное, какая это будетъ жизнъ, какая жизнъ! (смъется).

Въ "Дядъ Ванъ":

Астровъ (кричить сердито). Перестань! (смягчившись). Тъ, которые будуть презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,—тъ, быть-ножеть, найдуть средство, какъ быть счастивыми, а мы... У насъ съ тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будетъ почивать въ своихъ гробать, то насъ посътять видънія, быть-можеть, даже пріятныя (вздохнувъ).

Въ "Трехъ Сестрахъ": Тузенбахъ... Пришло время, надвигается на всъхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубъжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какіе-нибудь 25—30 лѣтъ работать будеть уже каждый человъкъ. Каждый!

Тамъ-же:

"Черезъ двисти, триста литъ жизнь на земли будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человъку нужна такая жизнь, и если ея нътъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ

[&]quot;, Чорть внасть... Третьяго дня разговорь вы клубъ; говорять, Шекспиръ, Вольтерь... Я нечиталь, совсъмъ не читаль, а на лицъ своемъ показаль, будто читаль. И другіе тоже, какъ и. Пошлость! Низость! И та женщена, что умориль въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душъ криво, гадко, мерако... пошель, запилъ"...

долженъ для этого видъть и знать больше, чъмъ видъли и знали его дъдъ и отець. (смъется) А вы жалуетесь, что знаете много лишияго".

Опять

"Черезъ двисти-триста, наконецъ, тысячу лють, — двло не въ срокъ, — настанеть новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни ин е будемъ, конечно, но мы для нея живемъ течерь, работаемъ, ну, страдаемъ, им творниъ ее—и въ этомъ одномъ цвль нашего бытія и, если хотите, наше счастье".

Въ "Дядъ Ванъ" Астровъ объясняетъ источники своихъ радостей и своей энергів: такъ: "... когда я прохожу мимо крестьянскихъ лъсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лъсъ, посаженный монии руками, я сознаю, что климатъ немножко и въ моей власти, и что, если черезъ тысячу лютъ человъкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я".

Но въ полномъ блескѣ, ярко, страстно, съ надрывомъ молодой горячности и жаждой Оганд°а, вырываются волны протестующаго бездѣйствія юныхъ селъ— въ послѣднихъ женскихъ монологахъ въ "Трехъ Сестрахъ" и въ "Дядѣ Ванѣ". Ихъ интересно выслумать параллельно:

Bк "Сестрахъ"

Ирина (кладетъ голову на грудъ Ольгь). — Придетъ время, вой узнають, зачемъ все это, для чего эти страданія, инжакихъ не будетъ тайнъ, а пока надо житъ... надо работать, только работать! Завтра я пойду одна, буду учить въ школт и всю свою жизнь отдамъ тъмъ, кому она бытъможетъ, нужва. Темерь осень, скоро придетъ зима, засыплетъ снёгомъ, а я буду работать, буду работать, буду работать...

Ольга (обнимаеть обпиха сестера.—
Музыка играеть такъ весело, бодро, и хочется жить! О, Боже иой! Пройдеть время,
и мы уйдемъ навъки, насъ забудугь, забудуть наши лица, голоса и сколько насъ было,
но страданія наши перейдуть въ радость
для тіхъ, кто будеть жить послів насъ,
счастье и миръ настануть на землів, и помянуть добрымъ словомъ и благословять
тіхъ, кто живеть теперь. О, милыя сестры,
жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить!
Музыка играеть такъ весело, такъ радостно

и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачёмъ мы живемъ, зачёмъ страдаемъ. Если бы знать, если бы знать"!

Bъ "Aядъ":

Соня. Что же делать, надо жить! (пауза). Мы, Дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядь дней, долгиль вечеровъ; будемъ терпъливо сносить испытанія. какія пошлеть намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступить нашь чась. ны покорно упремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что навъ было горько, и Вогь сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой-и отдохневъ. Я върую, дядя, я върую горячо, страстно... (становится передъ нимъ на колъни и кладетъ голову на его руки; утомленным в голосомв). Мы отдохнемъ!

(Тельгина тихо играета на гитарь). Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышниъ ангеловъ, мы увидямъ все небо въ алмазахъ,

мы увиднить, какть все вло земное, всё наши страданія потонуть въ милосердін, которое наполнить собою весь міръ, и наша жизнь станеть тихою, ижжною, сладкою, какть ласка.

Я върую, върую...

Садъ проданъ. Старые обитатели покинули насиженное гивадо. Въ немъ водворился Лопахинъ: по его словамъ, онъ "хватитъ топоромъ по вишневому саду, упадутъ на землю деревья",—настроитъ дачъ, "и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнъ". Въ чемъ же будетъ ея новизна? Съ чего начинатъ Анъ и Трофимову? Какъ приблизитъся къ царству счастъя, которое наступитъ "черевъ двъсти-триста лътъ"?

На что "надежды", и въ чемъ ихъ смыслъ? Какъ и быть должно, надежды эти высказываются молодостью, и въ нихъ нельзя не слышать прежде всего въры въ чудо, — вездъ тамъ эта въра, гдъ дълаются первые шаги, вплоть до той въры въ чудо, которая охватываетъ каждаго приступающаго даже къ новой наукъ: выростають крылья, все, что зналъ до сихъ поръ, на время теряетъ свою цъну, къ новой книгъ припадаешь жадно, какъ къ роднику.

Тъмъ болъе въ жизни.

Въра въ чудо — результатъ незнанія, и раньше всего недостатокъ самопознанія, быть можетъ, опыта.

Ужасно, мучительно незнаніе того, что я могу, я чего не могу ни при каких усиліях в моей личной мощи.

"Что я могу"— какъ показатель наксимальной моей возможности, самаго горняго пункта моего достиженія, наивысшаго напряженія монхъ личныхъ единичныхъ силъ.

Отсюда томительность и гнеть бездёйствія для молодости. Отсюда же легкость чрезм'єрнаго преувеличенія собственной мощи, жажда необычнаго и в'єра въ него, признаніе или допустимость чуда; отсюда же юношеская мечтательность, а при долгомъ скопленіи силь—тоска.

Однако, отъ общихъ формулъ Сони и Ирины, подъ вліяніемъ Трофимова Аня Раневская уже опредѣленнъй намъчаеть ближайшій этапъ своего жизненнаго странствованія: "Я подготовлюсь, выдержу экзаменъ въ гимназів и потомъ буду работать, тебъ помогать. Мы, мама, будемъ вмъстъ читать разныя книги. Неправда ли? Мы будемъ читать въ осенніе вечера, прочтемъ много книгъ, и передъ нами откроется новый, чудесный міръ".

Формула ясна и върна: мы имъемъ дъло уже не съ общими далекими иллюзіями, а съ опредъленной ближайшей цълью, — самыя надежды пріобрътають иную, серьезную окраску. Это не самонадъянно — фаталистическая въра въ "приходъ грядущихъ весеннихъ дней", а въра — убъжденіе, — нъчто прозорливое, трезвое и ясное.

Какіе то красивыя и тайныя тропы соединяють юношескую грусть съ свътовыми надеждами, будто въ самой грусти заложенъ хрустальный источникъ радостнаго свъта, сладкихъ слезъ, легкихъ вздоховъ, безъ черной скорби, безъ рыданій, безъ отчаянія, оттого, должно быть, и пъсни юности бывають такія грустно счастинвыя. И отгого-то часто такъ эта грусть разрівнается бодрымъ захватомъ труда.

А въ этомъ — спасеніе отъ пассивности, отъ страдательной роди въ жизни, залогъ борьбы. Чрезъ знаніе, въру и трудъ, быть можеть, и на самомъ дълъ, проложенъ путь— не къ счастью конечно, — а къ лучшему.

А пока Ани, Сони, Ирины и всё Трофиновы идуть за знаньемъ, Лопахины воцаряются и заявляють о своемъ обладаніи,

пророчать даже "новую жизнь".

Но это ничего. Ушли "хорошіе" Раневскіе, пришли сильные и грубые, нев'єжественные Ермолан Лопахины, со своимъ практическимъ взглядомъ "капитала" съ большой энергіей. Но пришли они не надолго. Подымутся новые всходы, разростутся, Ани выучатся жить и работать, вооруженные знаніемъ и в'єрой, придуть см'єлые и бодрые, горячіе и умиме люди,—и Лопахинымъ настанеть конецъ.

Быть можеть, въ самонъ деле, жизни временно потребовались не умные, а сильные,—и она ихъ призвала.

Но это не надолго. Ихъ временное тор-жество только постой, этапъ истеріи.

И если тяжело отъ грубой руки капитализма,—то надо знать, что это всего лишь опыты исторін, которыми она дорожить. Дорожить ими и мы должны,— т. е. познавать не только ихъ, но и способы борьбы съ ними; опыты исторін не проходять даромъ и не достаются дешево.

Новому поволенію необходимо научиться

мудрости жизни и радостямъ битвъ.

Тогда воскреснеть героическое начало, прекрасное, великое, сильное... Будущее за знаніемъ и энергіей, за страстными борцами во имя чувства чести и совъсти...

П. Пильскій.

Читатель и писатель.

Два спора: о вытденномъ яйцт и о заблудномъ читателт, которому нужны журналы плохіе, а сотрудники въ нихъ молодые и хорошіе.

Позвольте же заступиться за русскаго читателя,—онъ то ужъ туть совствив не причемъ.

И даже больше: воистину безвинно претеритваетъ. Судите сами: господа журналисты его пригласили участвовать въ газетъ не только пятаками, но и перомъ, завлекли въ писаніе, отвели ему скромное петитное мъсто "читательскихъ писемъ", наговорили комплиментовъ въ томъ смыслъ, что, молъ, это главное условіе нашей собственной жизненности, —словомъ, увърили.

Человъкъ повърилъ.

И вдругь посл'в всего этого въ сред'в же журналистовъ ему, какъ телеграфисту въ чеховскомъ разсказ'в объявляють:

— "Позвольте вамъ выйти вонъ"...

Какъ хотите, но это и неожиданно, и обидно и, главное, несправедливо.

По порядку дело происходило такимъ образомъ.

Петербургская газета "Русь", а за ней московская "Русская Правда" открыли у себя отдъды читательских писемъ,—не тъхъ стереотипныхъ посланій, гдъ авторы изъ публики озабочены своевременнымъ принесеніемъ благодарностей почтившимъ ихъ не-

слыханный юбилей, и не тёхъ, гдё они укоряють въ неточности присяжнаго репортера. обвинившаго ихъ въ дражё, тогда какъ, на самомъ дёлё, происходила всего только "необходимая" оборона, а писемъ—бесёдъ, писемъ-мибий.

Ну, ясно же: каждый день читаеть газету подписчикъ, видитъ десятки вопросовъ. поднимающихся съ ея столбцовъ, самъ онъ тысячью нитей связанъ то съ однимъ, то съ другимъ изъ нихъ,—какъ же не интересно послушать эти голоса изъ "гущи жизни"?

Конечно, интересно.

Кромъ того, этакое участіе въ самой газеть "привязываеть" и роднить. Завести отдъль читательскихъ взглядовъ,—казалось бы, само дъло велить. Рознь между тъми, кто газету пишеть, и тъмъ, кто читаетъ ее, слишкомъ велика; разстояніе, раздъляющее ихъ, такъ необъятно значительно, что устроить рупоръ изъ жизни въ редакціонныя камеры—значить просто на просто отворить окно.

Никакого спора туть не можеть быть. Не возникаеть по этому поводу никакого и "вопроса". И воть, однако, оказывается, что и вопросъ туть большой есть, и споръ возможенъ. Однеть изъ сотрудниковъ "С.-Петербургскихъ Въдомостей" вооружился противъ читательскаго участія очень не на шутку. Они, эти писъма, по мнтінію автора, "не вольють жизненнаго элексира въ газетныя строчки. Они или будутъ бросаться въ корзины, или, если появится въ газеть, внесута въ нее обывательскую точку эрънія и мелкіе интересы обывательщины" *).

"Зачътъ такъ печально"?— какъ говоритъ нъкій сердцведъ въ водевилъ. И откуда гордость сія?

Прежде всего, ни про какой жизненный элексиръ речи и не идетъ. Правда, авторъ статьи, -- г. Ворскій, -- возражаеть на смішноватыя належды одного изъ сотрудииковъ "Руси", который, наивно похлопывая себя въ грудь, умоляеть читателя: пишите письма въ редакцію, -- берите прим'връ съ хозяекъ, воюющихъ въ печати съ прислугой, и о более важныхъ вопросахъ говорите съ такою же искренностью и горячностью. Тогда, быть можеть, вы найдете въ печати нъчто болъе содержательное, чъмъ разсужденія о преннуществъ беркшировъ предъ іоркширами въ хозяйствъ шотландскаго фермера. А если и тогда печать останется при этихъ важныхъ вопросахъ, то тогда безспорно будеть виновата печать, но только... этого не будеть".

Но, стараясь распрямить лукъ, г. Борскій его перегнуль въ другую сторону. И если донольно нельпо возлагать столь обширныя и сладкія упованін на читателя, то не менте высокомтрно не ждать отъ него ничего, кромъ мелкаго, обывательскаго, пошлаго и будинчнаго. Какъ всегда бываетъ, ставъ на дожную точку зрѣнія и взявшись доказывать неудобо доказуемое, г. Барскій самъ себъ же отдавилъ ноги. Всего только на состанемъ столбцъ онъ самъ признается въ томъ, что "нысль современнаго намъ читателя быется и живеть страстнымь темпонъ, совстмъ не по-обывательски. Духовные запросы русского культурного человъка приняли гигантские размъры, н близко время, когда онъ найдетъ то, чего ему не хватаетъ и чего онъ ищеть: найдетъ своего новаго Бога, веденію котораго и подчинится, выведенный изъ состоянія нерешительности, инертности и пессимистической расхлябанности".

Воть туть и примирите это "совсемъ не обывательское" съ неизбежностью привнесения въ газету "обывательской точки эрения" и "мелкихъ интересовъ"!

Но главный смыслъ всего этого похода противъ читателя, конечно, не въ томъ, что нападающій самъ сталъ въ противоръчіе съ саминъ собой, а въ той типичной точки эртнія "свысока", съ которой онътолько и можетъ, въ концт концовъ, взирать на читателя.

Онъ характеренъ, этотъ взглядъ, и именно потому, что совершенно необъяснимъ и ничъмъ ръшительно не оправдывается.

Прежде всего, давайте опредълять, что такое читатель?

Количественно—читатель-всему грамотному населенію страны минусь щепотка профессіонально пишущихъ.

Съ этой точки эрвнія, А. О. Кони и тотъ купецъ, что писалъ два года назадъ въ "Самарскую газету": "Пожалуйста поменьше нащотъ Гоголя" — одинаково читатели. И если я многихъ изъ пишущихъ поздравилъбы съ эрудиціей, какая найдется у Кони, в съ тыть богатствомъ точекъ зрвнія, какимъвладветь онъ, то никакъ не могу серіозноосудить и самарскаго купца за его молящій голосъ: должно быть, и интересно же писали самарскіе купцы "не-читатели", колы сумъли такъ задавить бъднаго человъка, что онъ возопилъ объ избавленія отъ Гоголя, какъ объ особой милости.

Еще покойникъ Н. В. Шелгуновъ зам'ттилъ, что "нашъ читатель ищетъ и любитъ, чтобы съ нимъ говорили руководящимъ, уясняющимъ образомъ,—любитъ, когда сънимъ принимаютъ даже авторитетный тонъ, но чтобы говорили ясно, просто, живою разговорною речью, какъ въ обыкновенной бесъдъ" *).

И и увъренъ, что если самарская газета (въ то время симпатичная по направленію) сумъла бы такъ заговорить съ нимъ о

^{*)} Очерки Русской Жазни гл. XXVIII "Движеженіе русской мысли и литературы за 40 лити". стр. 535—536. (Изд. О. Н. Поновой Спб. 1895).

^{*)} Спб. Вѣд. отъ 3-го іюня № 148: "Отрыски" Б. Борскаго.

Гоголь, или по поводу его юбилея, то мольбы такой о "по меньше" ей не пришлось бы услышать. Въ сущиости, и тоть, и другой — и г. Змій изъ "Руси", и г. Борскій изъ "Спб. Въдомостей", — оба говорять о нътовыхъ цвътахъ, и — да простится миъ предположеніе! — въроятнъй всего, потому, что не о чемъ больше говорить.

Въдь ясно, навърно, что читатель, какъ нъчто однослойное, односоставное, какъ опредъленная величина, иноъ. Онъ—собирательное; это-нъчто, не обладающее никакими типичными чертами, за исключенемъ развъ "не положести" и несходности своихъ составныхъ частей, иногокрасочное, многовкусное, разноръчивое, тысячеликій символъ. У всъхъ на памяти знаменитая провинціальная анкета читательскихъ вкусовъ: получилось столько же разныхъ отвътовъ, сколько было головъ, и столько же требованій, сколько читателей.

Никакому ндейно—опредъленному учету результать анкеты не подлежаль.

И въ этомъ смысле одинаково далеки отъ правды и чающій движенія воды г. Змій, радостный тому, что барыни съ прислугой полемизирують не на кухит, а на печатныхъ столбцахъ, и высокомърно—противоръчащій себе г. Борскій, поднявшій разговоръ изъ-за ничего: въдь, въ самомъ дъле, никто же не собирался номъщать всть присылаемыя въ редакцію письма, и никъмъ не поднимался вопросъ, помъщать ли все, или, если не помъщать, то ничего.

Какъ дважды два-четыре понятно, и. какъ палецъ, просто, что столбцы газетъ пріютили бы только интересныя, нивощія общее значение письма, словомъ, изкоторыя и немногія, а не всь, не всякое присланное письмо. И обязательства въ семъ последнемъ тоже ни одна редакція на себя не принимала. Все возражение г. Барскаго походить на сомнівнія редактора, вступающаго въ свои обязанности и размышляющаго, всь ли присылаемыя въ редакцію статьи отправляють въ наборъ, или въ коранну,--- нътъ такихъ редакторовъ; что подойдеть - пом'вшають. что не удобопріемлемо-уничтожается.

Вопросъ о читателѣ—вопросъ не только сложный, но и неразрѣшимый, и поэтому-то о немъ надо говорить съ большой осторожностью, но поэтому же и интересны тѣ

отделы, где онъ самъ сотрудникъ. Тотъ же Шелгуновъ въ одномъ мъсть даеть очень интересную зарактеристику этого читателя, ну, а Шелгунову-то уже верить, кажется, можно. Ваглидъ его таковъ: читатель всегда ищеть поиятій и идей иравственнаго новынальных уко наиновыя бы выясния ему жизненныя отношенія и его личные вопросы о сираведливости (больше всего о справедливости), такъ какъ это чувство чаще въ немъ страдаеть и за него самого, и за другихъ. "Онъ ищеть указаній на общія руководя--додо стидок и слаг отогто и влагви кіш шенія. Тяготья ка общима разрышеніямь, онъ не любить ничего вычнаго, частнаго, сословнаго, мистного, областнаго кружковаго. Онъ, подобно древнему мудрену, имбеть право сказать, что свою семью любить больше себя, отечество-больше семьи и родъ челов'вческій - больше отечества"... "Читатель—большая сила и все онъ съумбеть перевернуть по своему".

Какъ это непохоже на то, что говоритъ г. Борскій!

А писано это въ восьмидесятыхъ годахъ, и много воды утекло съ тъхъ поръ. Выросъ читатель и еще серіознъй стали его запросы, и еще больше ушелъ онъ отъ своего личнаго и кружковаго. Кстати сказатъ, и вси приведенная цитата Щелгуновымъ написана по поводу одного читательского писъма къ нему.

Г. Борскій ув'єряєть, что пишуть читатели о налог'є на кошекъ, о достоинствахъ и недостаткахъ п'єнія Вяльцевой, пишутъ (и много) о пожар'є "Олимпін", пишутъ и на многія другія, сродныя указаннымъ, темы

Допустимъ даже, что читатели въ дамную газету присылають такія и только такія письма. Но что жъ удивительнаго, позвольте спросить, въ этомъ? Что неожиданнаго въ томъ, что бедная газетная публика почти во встъхъ газетахъ вскариливается только театральными темами, только Вяльцевой, только "Олимпіями" и лётними садами, только пожарами и только думой и ея налогами и расходами, причемъ оказывается, что сады всё хороши, а действія думы всё плохи?! Передовая о налоге на собакъ или объ абсентенаме гласныхъ, хроника о театре "пскусства"—о театре,—затемъ "театръ и музыка", фельетонъ—о новой пьесъ, или новой артисткъ, полемика въ томъ же родъ,—а читательскія письма должны, видите ли, явиться коррективомъ; трактовать о вопросахъ жизни и духа, иначе г.г. Зміи предъявять обществу "обвиненіе за то въ томъ равнодушіи, съ которымъ оно относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, систематично замалчивая то, о чемъ нужно говорить, спорить, спорить до хрипоты".

Ну, а сами-то, вы "не читатели", что жъ вы "замалчиваете" и не "кричите до хрипоты"? Это ужъ прямо называется: съ больной головы—на здоровую...

И опять таки значить, дёло—не въ самомъ читателе, который умелъ писать иное
н объ иномъ и Михайловскому, и Толстому,
и Шелгунову. Но странно, чтобы читатель,
видящій компетентность газеты въ шатовопросахъ, сталъ бы обращаться къ ней за
разъясненіемъ своихъ большихъ сомненій,
за утоленіемъ печали, съ своими исканіями
правды и знанія. Читательское письмо—
откликъ,—, какъ аукнется, такъ и откликнется", и на зеркало нечего пенять, коли
рожа крива, а высокомеріе надо забыть,
пбо ни на чемъ оно не основано.

Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени трудно телеръ провести ту грань, гдѣ кончается обыватель и начинается иншущій человѣкъ. Будемъ справедливы и скромны будемъ. Вѣдь то огромное разстояніе, которое создалось между такъ называемыми пишущими и ихъ читателями, исключительно въ томъ большемъ, или меньшемъ постоянствъ, съ которымъ занимается каждый изъ тѣхъ и другихъ своимъ дѣломъ. Знанія настоящаго, серьезной подготовки и тамъ, и тутъ въ большинствъ случаевъ весьма мало.

Разница—въ опытъ, т. е. въ техникъ, въ той чисто русской газетной техникъ, которая научаетъ полусловамъ и намекамъ, подсказываетъ подобающій тонъ, и все для того, чтобъ только провести статью черезъ цензурный плагбаумъ. Не въ этомъ же разница между обывателемъ и газетнымъ профессіоналомъ. А другихъ, пожалуй, въ 9/10 случаевъ и совсъмъ нътъ. Можно было бы говорить и серьезно говорить объ убъжденіяхъ, ихъ цълостности и общей широкой стройности, но стоитъ ли толковать объ этомъ, если добрая половина газетной братіи легко могутъ съ одинаковой готовностью

вступать и въ ряды "ликующихъ", и въ станъ погибающихъ, подобно веселой птичкъ, не предвидя отъ сего никакихъ послъдствій? Въ ряды газетныхъ работниковъ вступаютъ самые разнохарактерные люди, на ежедневное строченіе идеть самый разнокалиберный элементъ. Тутъ и только что покончившій со своииъ дъложъ сельскій учитель, и еле водящій перожъ по бумагь ех-актеръ, и покинувшій прилавокъ прикащикъ, и никто изъ нихъ даже не подновляеть своихъ свъдъній, а написалъ первую "статью",—ничего уже, кромъ газеть, никогда и не читаетъ.

Въ средв интеллигентныхъчитателей, инкогда не бравшихъ пера въ руки съ опредъленной "сотруднической" цълью, ни разу не переступившихъ редакціоннаго порога, находится истинно образованное меньшинство нашего общества. Туть есть истинно читающіе, истивно думающіе, истинно знающіе люди. Ужъ не говорю о спеціалистахъ въ каждой данной области-включительно до литературы, --- къ которымъ наносять свои визиты редакціонные агенты-интервьюеры тожъ, -- а и вообще очень разносторонне осведомленных людей, каких мало и въ журналистикъ, -- найдется здъсь не одинъ н не двое. При такихъ условіяхъ, вся тайна, почему одни, уже иншущіе, стали журналистами, а другіе, хотя и знающіе умы не стали, могла бы свестись къ вопросу о литературномъ талантъ, если-бъ?..

Если-бъ среди иногихъ пишущихъ въ газетахъ не былъ бы такъ нищенски ничтоженъ процентъ дъйствительно талантливыхъ людей.

Чувствую, что подхожу къ страшному выводу, но выведя і, поставимъ надъ нимъ ужъ и точку: выходить, что никакой существенной, т. е. принципіальной, ръзкой внутренной разницы между интеллигентнымъ читателемъ и частнымъ пишущимъ человъкомъ еп такве - пожалуй, совствъ нътъ. Нътъ и повода его и обывателемъ крестить. только именно объ этомъ читателъ и рѣчь; съ нимъ только и единеніе возможно, и общеніе пріятно. Есть еще крестьяне и рабочіе, но они вообще проценть слишкомъ незамътный среди газетной аудиторіи, а въ качествъ редакціонныхъ корреспондентовъэто и просто дробь; -- значить, не объ нихъ ръчь у меня, да и г. Борскій, конечно, не распространить своего отмахивающагося

отношенія на такихъ читателей, если-оъ они въ числъ пишущихъ письма и стали впрямь преобладающимъ элементомъ.

Словомъ, убиваться, что хозяйки не пишуть о камеристкахъ, не нужно, но и безнадежностью, съ которой г. Борскій махнуль рукой на всв читательскіе "опыты съ искренностью", заражаться не приходится, какъ не следуеть ставить и самый вопрось въ томъ виде, въ какомъ это сделаль онъ. Сомнънія не можеть быть въ томъ, что многимъ изъ читателей есть, о чемъ писать въ газету, есть темы и факты для этого и у пробудившихся давно и у пробуждающихся только что. Чужой мысли запрету не положить, какъ ни затыкай уши и ни отвочнвайся. Г. Борскій справедливо считаеть, что "не цензурное" и въ читательскизъ письмахъ не пройдетъ, какъ оно не проходитъ и въ статьяхъ. Что жъ делать? Но хорошо и то уже, что до такой мысли самостоятельно додумается одинъ изъ потребителей газетнаго слова, а додумавшись и написавъ, узнаеть, почему газета не обслуживаеть и десятой доли техъ нуждъ, которыми горить и болбеть все общество, и въ томъ числе онъ самъ. Но, правду говоря, зачемъ такъ ужъ непремънно одно неудобосказуемое и будеть только писать этоть стороний сотрудникъ? Вудто бы такъ полно равобрались наши статьи во всемъ даже дозволенномъ и будто не интересны и здъсь новыя точки зрвнія и мивнія голосовъ жизни... А новое, ведь, и туть встретиться можеть. Однимъ словомъ, письма, общение, эти дружественно протянутыя руки---нужны и очень, хотя, само собой, не все получить здісь свое удовлетвореніе, не всемъ услыхать слова откликнувшагося привета, не все руки будуть подавачены ответнымъ пожатіемъ. Но вопросъ идеть, повторяю, не о всёхъ, а лишь о нъкоторыхъ, въ крайнемъ случат, о многихъ.

— Такъ это же все было,—замътять. Вездъ же есть и всегда существовали "письма въ редакцію"!..

Конечно, были, конечно, есть. Если же заводять нарочно "отдёль" этаких писемъ,— это означаеть только то, что редакція расширяеть предёлы темъ; что она печатаеть не по 139 ст., а по доброхотному почину; что и въ этомъ отдёлё она видить свою собственную нужду, а не только простую неизбёжность.

— Такъ въ чемъ же дъло?

А короткій смысль всего этого разговора заключается вы томъ, что не слідуеть спорить изъ-за пустяковь, и толковать о вывденномъ яйців. Тівмъ боліве не слідуеть такъ, съ плеча рішать вопрось о всей читательской массів. Это—разъ.

Хватаніе же за пустяки и за скорлушки вы денных янцъ свид тельствуетъ, въ свою очередь, уже о большемъ: объ ограниченности числа темъ, въ которомъ виноваты—увы!—не одни авторы, а положенный роковой предълъ, его же не прейдеши. Это—второе и самое важное.

Темъ страните слышать нападки и преждевременный скептициямъ но отношенію къ такому эпистолярному роду общенія газеты съ своей аудиторіи, что это — единственно порядочный и, такъ сказать, чистый, естественный способъ взаниной связи.

Вываеть хуже, и даже много хуже. Туть хоть стараются сроднить читателя, сблизиться съ нимъ, понять его. При такихъ условіяхъ открывается огромный просторъ возможности и развить, и поднять до себя тъхъ, кто стоитъ ниже. Здъсь общеніе и умноженіе аудиторіи происходить на почвъ самой идеальной,—на почвъ обмъна мыслями, мнъніями,—самымъ дорогимъ, что есть и можеть быть у человъка.

Совстви иное дело завлеканіе, практикующееся въ массв газеть: приманка именемъ, которое только именемъ и остается; приманка преміями, врод' знаменитых ста красавиць. Или воть, какъ знаменитый въ своемъ родъ Пирсонъ продълываеть съ своими листками въ Англіи: заводять шарадный отдель вь газеге -- и объявляють, что въ теченіе такого-то срока будуть печататься по 10 вопросовъ, --- кто лучше отвътить на всь, получить вы конторы изданія мысто вы 100 ф. с. въ первый же годъ. Конечно, Пирсонъ съ своими "Tit-Bits"—"Pearson's Weekly" не остался одинокъ, а вызвалъ подражаніе, и лотерейная эпидемія охватила сразу двъсти листковъ. Дошло бы върно, и до тысячь, если бъ не вившался судъ, усмотр'ввшій въ этомъ самую простую азартную игру. Словомъ, способовъ много, - и не ниъ учить и нашего отечественнаго издателя.

Но существенная разница между тыть и другимъ способомъ ощущается, инъ кажется, и въ самыхъ результатахъ: аудиторія, приходящая черезъ общеніе съ газетой, несомитьно будеть и чище, и односоставной, и серіознъй, чъмъ та, которая куплена на приманку, чъмъ этотъ "заблудлый" читатель, ловящійся въ декабръ, когда госпожа Реклама празднуетъ свои именины.

Воть скоро будеть разбираться любо-пытный вопросъ.

Въ судебныхъ сферахъ Москвы, —сообщаетъ "Новое Обозр.", —заваривается одно дъло, небезъинтересное по принципальной важности его и по тъмъ результатамъ, къ которымъ придетъ оно. Въроятно, оно не ограничится одной инстанціей и пойдетъ дальше, вызывая вездъ оживленныя пренія и горячіе споры и обсужденія. Интереснымъ оно представляется еще и потому, что фигурировать въ немъ, хотя и невримо, будетъ самъ король нашихъ фельетонистовъ—В. М. Дорошевичъ: онъ, именно, является причиной возбужденія этого дъла.

Изъ-за него волнуется московская публика и предъявляеть къ изв'ести вишему изъ русскихъ издателей, г. Сытину, искъ въ суд'в.

Дѣло обстоить очень просто. В. М. Доромевичь, тоть самый Дорошевичь, о "постоянномъ участін" и о печатаніи ежедневныхъ фельетоновъ котораго неукоснительно объявляется крупнымъ шрифтомъ въ каждомъ № "Русскаго Слова", съ самаго января настоящаго года не напечаталь въ этой газеть ни строчки. Точно его нѣть на свѣть, сгинулъ безслѣдно. Говорять, что г. Дорошевичъ благоденствуетъ въ Кавръ, говорять, что онъ въ Портъ-Самдъ, говорять, что онъ пишеть на свободѣ оть обязательныхъ ежедневныхъ фельетоновъ огромнѣйшій романъ, говорять...

Но въ газетъ, въ этой самой газетъ, въ которой онъ принимаетъ "постоянное участіе" и "печатаетъ ежедневные фельетоны", его нътъ и нътъ.

И подписчики газеты, не обращая ни малъйщаго вниманія на то, что говорять о г. Дорошевичъ, говорять въ свою очередь г. Сытину прямо и опредъленно:

— Такъ какъ мы подписались на "Русское Слово" изъ-за Дорошевича и такъ какъ г. Дорошевичъ не иншетъ въ газетъ, то пожалуйте наши денежки обратно. Резонъ простой, понятный и не внимать ему нельзя. Г. Сытинъ считается невыполнившимъ своего обязательства передъ подписчиками и долженъ удовлетворить ихъ. Но мало этого: г. Сытинъ можетъ еще оказаться въ положенія человівка, совершающаго нічто очень предосудительное по нашимъ криминальнымъ воззрівніямъ.

Онъ, ведь, объявляеть объ участи г. Дорошевича какъ разъ тогда, когда, какъ ему самому это отлично известно, г. Дорошевичъ не печатаетъ въ газете ни строчки.

Это пахнеть большимъ, чёмъ простое невыполнение обязательства передъ поднисчиками, и лотя неизвестно еще, какъ отнесется къ этому обстоятельству судъ, по всетаки некоторый рискъ для г. Сытина, несомивнио, имеется.

Но вакой исходъ дело не привяло бырезультать сытинскихь завлеканій всетаки и по сей день на лицо: съ тридцати тысячъ тиража газета поднялась чуть ли не до ста и не надо быть пророкочъ, чтобъ безошибочно предсказать, что цифра эта перейдеть и за сто тысячь слишкомъ. Я не хочу вдесь касаться щекотливаго вопроса о томъ. въ какое положение поставлены этими всками остальные сотрудники "Русскаго Слова", действительно сотрудничающіе въ немъ, и вынужденные теперь услышать признание на всю Россію въ томъ, что они совершенно свободно могли бы и не стараться объ этомъ, такъ какъ весь интересь заключенъ, какъ оказывается, въ одномъ только Дорошевичъ. Не буду разбирать, насколько въ этомъ, во всякомъ случат не слишкомъ пріятномъ положенів ихъ сыгралъ роль г. Сытинъ, вообще говори, всего менъе въдающій, что творится въ его изданіи. Интересъ этого дела; съ занимающей меня точки зрвнія, въ томъ, что именно такова и должна быть участь заблудлаго читателя, -т. е. сначала подписаться, а потомъ рышать извъстный вопросъ купчихи Островскаго: "что лучше — ждать и не дождаться, или имъть и потерять?" — и въ концъ концовъ судиться, или по крайней мъръ писать во всъ редакціи слезницы въ тон' той унтеръ-офицерской вдовы, которая сана себя высъкла. Жальть ли его?

Конечно, жалости онъ достоинъ, но одною ею не откупишься, потому что его, заблудлаго, еще и спасать, кромѣ того, нужно. А это много труднѣе, ибо эта заблудлость—

продуктъ цілой паутины причинъ и условій, и, если не разрубать узловъ, а пробовать ихъ развязывать, то почві, на которой выросла и распустилась такимъ махровымъ цвітомъ русская читательская заблудлость, пришлось бы посвятить добрый томъ, который, впрочемъ, не пришлось бы надать.

Гораздо проще, конечно, разрубать, какъ это решительно и производить другой сотрудникъ тваъ же "С.-Петербургскихъ Въдомостей", г. Василевскій (Не-буква). Начинаетъ онъ какъ будто за здравіе: несправедливо, говоритъ, и следить только за толстыми журвалами и замалчивать другіе, напринкръ, "Журналъ для всехъ" и туть же ставить діагновъ этого "замалчиванія": оно — "происходить не оть рутины, и ужъ во всякомъ случать, не только отъ рутины. Это не есть, дажье, и злонамъренное замалчиваніе, --- справедливо разсуждаеть авторъ, --- всякому болъе или менъе близко стоящему къ литературнымъ кружкамъ, извъстно, какими симпатіями пользуется этотъ журналъ". Такъ въ чемъ же дело? А вотъ: "Это игнорированіе есть слъдствіе возмутительнаго и уродливаго "аристократизма", какой сказывается, наприм., въ стремлении молодыхъ талантовъ проникнуть именно въ привиллегированные журналы. Сплошь н рядомъ стремятся они туда "ценою крупуступокъ своей индивидуальности, стремятся туда, вибсто того, чтобы пойти въ "Родину" и "Свътъ" *) и, завоевавъ ихъ огромную, многотысячную аудиторію н по новому, по своему образцу передълавъ тотъ матеріалъ, который дають читателюпростецу эти арханческія наданія, отдать свое выстраданное и выношенное слово туда, гдъ оно дъйствительно цънно и нужно, виъсто заваливанія своими рукописями и безъ того переполненныхъ корзинъ и портфелей "толстыхъ", "привилегированныхъ" журналовъ"... **).

Ну, слава Богу: молчаніе критики о "Журнал'є для вс'єхь",—результать стремленія молодыхъ талантовъ не въ "Родину", а въ "привилегированные" журналы!

Долженъ сознаться, что такого силлогизма. постигнуть я никакими усиліями монхъ мыслительныхъ способностей совершенно не въсостоянів, хотя было бы большой поспъпностью укорить меня въ незнаніи другогонвивстваго сципленія мыслей: "въ огородівбувина, а въ Кіевъ-дядя", или Шелгуновскаго: "на дворъ идеть дождь, а въ углу отонть палка". Если точно понимать эту тираду г. Василевскаго, то стоило бы пойти молодымъ талантамъ въ "Родины", и о-"Журналь для всьхъ" критика заговорила. бы тотчась, -- узоръ мыслей, согласитесь, нарочнто удивительный. Я допускаю, однако, здъсь обмольку, столь естественную при спртной и постоянной газетной работр и пусть авторъ хотель сказать, что присутствіе молодыхъ талантовъ въ "Журналъ" сділало бы критику къ нему отзывчивій. Но развъ же ихъ нътъ здъсь, этихъ начинающихъ съ неизвестными, часто чуть ли не въ первые появляющимися именами? Если же г. Василевскій ими не удовлетворенъ, пусть укажеть тогда, кто же, по егомивнію, молодой и не идущій сюда, а стремящійся въ привилегированныя резиденцію толстыхъ ежемъсячниковъ. Но ему не назвать, въдь, — все, что есть наиболье замътнаго въ современной беллетристикъ, въ-"Журналь для всехъ" идеть охотно и тапъ печатается.

Пентръ тяжести призыва г. Василевскаго, однако, не здёсь. Въ следующей своей статъв авторъ опредълительно и даже повелительно зоветь въ "мракъ" молодыя силы—въ "Родину", или "Северъ", въ "Живописное Обозрвніе" или "Звёзду", (которая, кстати сказать, не выходитъ): "Надо талантамъ, — убеждаетъ онъ — пойти сюда, именно, здёсь-то и необходима серьезная, творческая работа. Если у васъ есть Богомъданный вамъ свёточъ, такъ не бойтесь же мрака: идите во мракъ и разобевайте его! Въ этомъ — вашъ долгъ, ваше призваніе, ваша жизнь... *),

Это, сказано, конечно, очень благородно, но въ той же мъръ и рискованно. Прежде всего самъ г. Василевскій увъренъ, что възтихъ журнальцахъ читатель никогда "не находитъ искренняго слова, честнаго "убъж-

^{*) &}quot;Сиб. Въд." 27-го мая, № 142. "Борцы вълайковыхъ перчаткахъ".

^{*)} На другой день оказалось, что авторъ имълъ въ виду не "Свътъ", а "Свверъ", что онъ самъ и оговорилъ.

^{**)} Спб. Вѣд. 22-го мая № 137. "Критическіе эгюды".

денія", и темъ не менее, всетаки считаеть возможнымъ звать сюда талантливую литературную молодежь: очевидно, ей предстонть здъсь или удача реформированія, т. е., слъдовательно, созданія подъ старой лишь кличжой совершенно новаго органа, или, если не удастся, придаться... "возвратиться въ домъ свой" Не будь авторъ ослепленъ своей мигомъ вспыхнувшей мыслью и имъй онъ хоть малую толику столь вообще необходимаго у насъ скептицизма, онъ самъ безошибочно даль бы ответь на вопросъ: какой изъ двухъ исходовъ вероятией. Но авторъ находится, очевидно, въ состояніи аффекта, м тогда ему на минуту представляется возраженіе приглашаемаго таланта: "А вдругь меня регенть отгуда выставить?" — г. Василевскій ув'тренно разстиваеть эти сомитьнія: "А вдругь вы его оттуда выставите! (sic!). Сдълайте себя необходимыма тамъ, или распишитесь въ своей дряхности, въ своемъ безсилін и худосочін.... Идите готовые къ борьбъ, закаленные для нея! "

Это ужъ совсвиъ "а l'enfent". Сдълать себя необходимымо въ какоиъ-нибудь капиталистическоиъ предпріятіи, значить увелнить дивидендъ этого предпріятія, въ данномъ случав, значить—стать наиболее цвинымъ для самаго регента,—для надателя, дуть въ его дудочку. Но при такомъ полюбовномъ положеніи двла какая же можеть быть речь о "выставленін": совсемъ даже напротивъ, — очень хорошо заживете другь съ другомъ.

Необходимыма же для регента, все свое благополучіе полагающаго въ тымъ и безвкусицъ читателя, никакъ иначе не сдълаться, а если вступить съ нимъ въ борьбу, на ьоторую только и стоитъ и возможно для идейнаго писателя идти въ такой регентскій хоръ, то, —ясно же, —выставитъ предприниматель рабочаго, а не рабочій предпринимателя; капиталисть —нищаго піонера, а не нищій піонеръ — капиталиста.

Г. Василевскій патетически вопрошаєть: "Отчего же не идуть въ эти журналы талантливые люди, отчего предпочитають они обивать пороги толстыхъ журналовъ, отчего въ огромномъ большинствъ случаевъ довольствуются они, по необходимости, хотя бы и корзиной редакціонной, лишь бы корзина эта "привилегированной" редакціи при-

надлежала, и не идуть все же, не идуть со своимъ факеломъ дуда, гдё немного и безлюдно, туда, гдё сотни тысячъ читателей нуждаются въ искрё Божіей писательскаго дара?".

Прежде всего авторъ совершенно напрасно такъ увъренъ, что даже корзина привилегированной редакціи въ силахъ виушить довольство хотя бы самому честолюбивому изъ молодыхъ авторовъ.

Не идуть же они во мракъ потому именно, что они молоды. И ней дай Вогъ, если стануть постарше и виъсто того, чтобы хоронить слабыя и заборныя вещи, дъйствительно, ихъ понесуть въ мелкіе журнальцы!

По г. Василевскому, выходить даже какъ будто такъ: не несите, молъ, въ привилегированные журналы вашихъ произведеній, господа молодые таланты, ибо васъ ждетъ тамъ все та же молчаливая корзина; давайте лучше вашу корзинную литературу сюда, въ "Роднну" и "Сѣверъ", — и она увидить свътъ!

Но тогда-что же корошаго окажется въ этомъ для того заблудаво читателя, о благъ котораго такъ неистово печется авторъ? Затемъ, почемъ знаетъ г. Василевскій, что молодежь ждуть въ большизъ журналахъ только корзины? Корзины, ведь, -дело тайное, редакціонное и никакому точному учету для постороннихъ не подлежать. Г. Василевскій о новальномъ и общемъ стремленіи молодежи въ "привилегированные" журналы можеть знать только по выходящимъ книжкамъ ихъ, а это уже означаеть не а печатаніе, свыть и большое удовлетвореніе, потому что признание. И въ итога вся эта фигура вопрошенія производить впечатлівніе чего-то въ высшей степени непрочивго, построеннаго на песцъ, такъ же, какъ глубоко неосновательнымъ и обиднымъ упрекомъ дышать и другія слова автора: "Глухая стена выростаеть у насъ между горстью интеллигенцін и многомилліонной, хранящей въ себъ огромные запасы живыхъ, творческихъ силъ массой, --обличаеть онъ. И замкнувшиеся въ своей клъткъ интеллигенты не только не умъють разрушить возникшей вокругь нихъ ствиы и выйти на широкій, вольный воздухъ общенародной жизни, не только не умъють придти къ массъ съ необходинымъ для нея горячинъ призывомъ, -- но даже и не хотять этого: считается "униженіемъ"

сойти съ занятыхъ интеллигенцей высотъ... И коснъютъ воистину въ первобытномъ состояніи милліоны могучихъ и сильныхъ, но нищихъ духомъ людей, а истомленные рефлексомъ и самоанализмомъ, раздвоенностью и нытьемъ душевнымъ предаются самолюбованію, отдъльныя "утонченно интеллигентныя единицы".

"Какъ солице въ малой каплѣ воды, отражается это уродливое явленіе ложнаго умственнаго "аристократизма" въ цѣломъ рядѣ фактовъ нашей—какъ оркестръ передъ увертюрой — нестройной, но несомнѣню, "настрамвающейся" жизни, п, быть можеть, ярче, чѣмъ въ чемъ бы то ни было, сказывается оно въ нашей великой литературѣ, гдѣ такъ колоссально велики залежи духа живаго передъ читателемъ-интеллигентомъ и такъ скудна, до такой ужасающей степени скудна духовная пища читателя-простеца, чуть не сплошь заваленнаго ядовитою гнилью и макулатурой!.."

Однако, позвольте-съ, — вѣдь, это же ложь, вѣдь, это же клевета на русскую интеллигенцію! По какому праву и на какакомъ основаніи взялась такая смѣлость обидъ? Какъ "не котятъ русскіе интеллигенты разрушить своей стѣны? Гдѣ это убѣдился авторъ, что выйти въ общенародную жизнь имъ не кочется, что среди нихъ это даже "считается униженіемъ"? Вѣдь, не правда же это. Самъ онъ признаетъ всего одной строчкой выше, что "русская интеллигенція — это быть можетъ, наилучшая, наиболѣе реущаяся къ народу интеллигенція".

Неужели же нужно объяснять, что рвущаяся и не хотящая "сойти съ высоты"— ни въ какой головъ одновременно ужиться не могутъ, и ужели же непонятно, и требуетъ "комментаріевъ" это положеніе только рвущихся, и не достигающихъ?

Думаю-нътъ.

Секретъ этого логическаго полишинеля, впрочемъ, простъ: ничего путнаго иельзя ждать отъ размышленій надъ одной изъ важныхъ сторонъ всего нашего общественнаго уклада, если эти размышленія текутъ не по прочному дну. Все горе автора здъсь въ томъ, что ему припла въ голову трижды несчастная идея непремънно совершить переселеніе авторовъ изъ литературныхъ кабинетовъ въ кабинеты задумчивости, не

разобравшись предварительно въ тъхъ общихъ причинахъ, которыя эти задумчивые кабинеты и создали.

Не случайна торговля печатным словомъ-Не случайно и то, что у насъ преобладающій типъ читателя заблудлый. Не случаенъ поэтому успъхъ изданій, разсчитанныхъ на заблудлаго.

Не случайно и тихое прозибание съ небольшой аудиторией лучшихъ журналовъ, какъ не случайно и то, что ихъ неиного, и что они не дешевы.

А по всему этому не случайно и тяготьніе къ нимъ лучшихъ и наиболъе опрятныхъ людей, — будь то читатель, или писатель, едино суть.

Вопросъ, поднятый г. Василевскимъ, вопросъ интересный и большой вопросъ, но ръшеніе, которое онъ попытался дать намъ, никуда не годится. Въ его понскахъ авторъзапутался, далъ нъсколько холостыхъ выстръловъ, бросилъ неловкія огульныя обвиненія, оказался непослъдовательнымъ, преподалъ совъты обманчивые и неосторожные...

Гдѣ дѣло касается слѣдствій, надо начинать съ разсмотрѣнія причинъ, гдѣ доказываютъ теоремы, тамъ предполагается знаніеаксіомъ.

Но г. Василевскій изолироваль интересующее его явленіе, оторваль одинь плодъ, нашель его червивымь и заключиль, чтонадо его, червиваго, и лечить. А лечить-тонадо все дерево, и начинать эту сложнуюработу—съ корией.

Авторъ, какъ бы забылъ, что печать функція, что пресса — производное самой жизни, что каждый классь хочегь иметь свой печатный станокъ, и что если есть буржуазный классь общества, и онъ спленъ-у него будуть и свои газеты, и свои журналы, и поэты, и даже ученые. Существуеть бюрократія-- и будуть жить бюрократическія по духу изданія. Тамъ, гдъ существуєть опредъленная дифференція классовъ и сословныхъ интересовъ идей и религіозныхъ върованій, тамъ ярко дифференцируется соответственно этому деленію и печать. Въ Америкъ есть органы и христіанскіе, и ортодоксально-сектанскіе, (этихъ, къ слову, больше всего), и раціоналистскіе, и свободомыслящіе; есть республиканскіе и демократическіе, есть "независимые" тахъ и другихъ, и есть "вполив независимые" ни отъ тъхъ, ни отъ другихъ; въ Англіи и въ Германіи политическая дифференція тоже огромна и дробна. И это означаетъ, что въ жаждомъ изъ такихъ органовъ есть нужда и потребность въ средъ публики, — иначе бы они и жить не могли.

Это-общій законъ; спросъ родить предложеніе и коль скоро у насъ живъ и здорохъ "Сватъ", то кому-нибудь онъ, очевидно, нужень; если существуеть "Гражданивъ", то и онъ кому-нибудь на руку; процветание всякихъ "Родинъ" коренится тоже въ чьихъ нибудь симпатіяхъ. Всв мы отлично знаемъ, что если бы завтра къ любому изъ падателей такихъ дешевенькихъ во всехъ сиыслахъ журнальцовъ пришелъ бы тюкъ писемъ отъ всехъ подписчиковъ, съ категорическими требованіями изміжнить характеръ и направление ихъ издательскихъ лавочекъ, или вернуть деньги, -- то, будьте покойны, завтра же этоть саный господинь ихъ изм'внилъ бы въ какую угодно сторону и на какую огодно часть круга: сиденье у него достаточно подвижное.

Торгующему съ просторнымъ патентомъ, право же, все равно, что бы ни продавать. А чёмъ же отличаются такого типа издателн отъ бакалейщиковъ и мануфактурщиковъ? Есть кисло-сладенькое монпансье, есть и оръшки—отъ скуки погрызть;—не ходко—другое заведетъ.

Это, воть, какъ недавно, съ целлулоидомъ. Дешевенькій и маленькій товарецъ,
совствъ черепаха, публика нарасхвать брала.
А потомъ случай такой вышелъ, что отъ
этого депевенькаго и миленькаго товарца
цълый складъ погибъ. Публика въ испугъ
отшатнулась, спросъ упалъ, потому что покупатель рышилъ лучше переплачивать за
черепаху, чемъ носить дрянь, да еще не
безопасную, — торгашъ сниметъ целлулоидъ
съ витрины и выставитъ черепаху: "миъ,
молъ, все едино. Твои деньги — твой вкусъ,
а мое дъло маленькое — потрафлять".

Такъ облагоразумившаяся публика измъняетъ самый предметь предложенія.

Популярно - научный журналъ народился недавно, но это означаетъ не то, конечно, что только теперь открыли "популяризацію" — объ ней еще Писаревъ кричалъ почти полвъка тому назадъ и даже Щедрину предлагалъ на ней спеціализироваться, — означаетъ это, что у публики выросла въ такомъ

журналѣ настоятельная нужда, что явился спросъ, что народился такой новый и хо-рошій читатель, которому "Родина" уже тѣсна и сшита не по мѣркѣ.

Съвозмужаніемъ читателя—"Родинамъ"—
смерть, и въ этомъ мужанін—все ядро. Развитой читатель бойкотируеть улицу и дешевку, уходить прочь отъ листковъ и журнальцевъ, а доколѣ онъ поддерживаеть эти
родные лопухи, они пронзростать будутъ.
Убить ихъ—можно путемъ свободной конкурренціи серьезныхъ органовъ, но пока эта
конкурренція, конечно, трудна и даже невозможна, и понятно, надѣюсь, почему.

Такъ обстоить этотъ вопросъ, и вы видите, что ръшение его далеко не такъ элементарно, какъ это можеть казаться съ перваго взгляда.

И никакъ ужъ не виновна въ этомъ ужасномъ положеніи заблуддаго читателя скованная русская интеллигенція, и не высылкой
свъжихъ кадровъ литературной молодежи въ
мракъ уличныхъ редакцій нужно и можно
пособить дълу, ибо это будеть только напрасной тратой силъ, притомъ дорогихъ,
редкихъ силъ, которыя отпускаются, какъ
величайшее благословеніе Бога.

Всячески предостерегать нужно молодыхъ талантовъ отъ такихъ губительныхъ и невърныхъ шаговъ, ибо на стези сей погибло не мало дарованій.

Медкая пресса губила, но ни одного дарованія, пока что, не дала и не воспитала. Прим'єры на лицо и изъ самыхъ св'іжихъ возмите хоть т'єхъ же недавнихъ покойниковъ,—Д'єянова и Ракшанина. Съ чего Д'єяновъ началъ и ч'ємъ кончиль?

А Ракшанинъ?

Пришель человъкъ девятнадцателътнимъ юношей въ удичную петербургскую газету и пришелъ какъ всякій юноша, конечно, съ горячей, небось, душой, съ пылающимъ сердцемъ, съ жаждой любить и свътить. Съ искрой былъ человъкъ и, можетъ быть, на многое хватило бы его... А что сталосьсдълалось потомъ, какъ пропали дороги, какъ огни погасли и солице зашло? Кто разскажетъ объ этомъ, кто объяснитъ? Такъ, полегоньку, да потихоньку выбрасывался ненужный балластъ, чтобы ходъ быстръй былъ. Что-то ускользнуло, что-то утерялось, должно быть, по неосторожности, какая-то сила атрофировалась внутри. И все постепенно, и

все незам'ятно, -- какъ текли минуты, -- по капелькъ. А когда уже предъ самой смертью полошель къ зеркалу, да взглянуль, сердце оторвалось, - онъ и въ самомъ деле отъ серина умеръ. И съ невеселыми мыслями. надо думать, умеръ, а наканунъ рвущія душу строки писаль: "Осень жизни подошла незамътно и крадучись, подошла въ плотную и строго заглянула въ глаза суровой непогодой своей. Перо вырывается изъ рукъ, а тутъ, какъ нарочно, жизнь бъется и треше-

Чорть знаеть, какая это драма!

И умерь талантливый человекъ, который на болотные огни пошель-и его засосало.

Кто слышаль о немь, встрвчаль его фамилію, - неть, неть и неть. Только даровитыхъ, а не изумительно-дароветыхъу насъ и такъ-то неохотники замечать, а его строки въ уличныхъ органахъ даже и въ "Обзоры печати" не попадали, и стала вся жизнь-одной сплошной каждодневной вониской повинностью предъ толпой и золотомъ, да и отъ него-то послъ смерти ивсколько рублей всего и осталось.

А відь, это —символь, это фигура-знаменіе.

И вся эта жизнь и тоска проданнаго смѣха — настоящая трагедія, н самъ онъ, этоть покойникь - признакъ и призракъ.

Его смерть глубоко симптоматична, а прожитые годы въ уличныхъ листкахъ-настоящая скорбная повъсть о сожженномъ человъческомъ сердцъ, о погибшихъ мечтахъ, о торговлъ словомъ, которая не остается ни безнаказанной, ни безрезультатной.

Улица украла у своего слуги-сердце, отняла весну и лето, а когда настала осень, -толца сказаль бъ:

— Довольно...

Нашу осень жизнь оставляеть для насъ самихъ, ибо никому больше она ненужна.

И поэтому осенью мы оглядываемся, иторе глазамъ оглянувшимся и ничего не увидавшимъ, кромъ торговли, длинной нустынной дороги, гдв одно глухое молчанье жругомъ, и ни откуда изть живыхъ улыбокъ, летящихъ навстръчу величавой старости...

Нътъ, никого не спасала улида и никого серьезно не возвысили идущіе въ ся балаганы, ибо затеривался голось ихъ среди другихъ, одинокимъ былъ онъ, вопіющій въ лустынъ, и не поднявъ ни среды, ни идола толны --- до себя, человъкъ надалъ самъ до

И когда г. Василевскій говорить, что "если гора не идеть къ Магомету, Магометь должень идти къ горв", -- я знаю только то, что этинъ Магонетонъ не полжень быть начинающій молодой таланть, нбо нодойдеть онъ только къ словесному распутству и къ торговле, и къ измене тому лучшему, что есть наша юность и ся мечты. Не нужно жъ новыхъ безполезныхъ жертвъ на злой алтарь хищиаго бога, ибо, повтораю, никого онъ не спасутъ!

Да, наконенъ, за что жъ — за гръхи старо-издательскіе будемь им теперь платить иолодыми силами истинныхъ дарованій; за многольтнюю наживу предпринимателя рискомъ потерять въ огромной пасти его отверстаго комелька еще и еще людей и мо-

лодыхъ талантовъ!

Не изменится родь его, провлятый оть въка!..

Повидимому, на минуту самому г. Василевскому пришла эта мысль. Въ числъ онпонарующихъ доводовъ онъ предвидить вопросъ: "А вдругъ среда завстъ?" Но, не смущаясь, онъ отделывается такой фразистой отповедью: "Значить, и не стоили вы ничего иного, значить, не годитесь вы ни для борьбы, ни для жизия, ни -тьмъ ментедля литературы! "Глаголомъ жечь сердца людей" могуть лишь очень и очень немногіе избранные... Если вы боитесь среды, вы не принадлежите къ нимъ, вы не составляете единицы въ общемъ учетъ напихъ интеллектуальныхъ силъ... Продолжайте тогда свои нитиныя отношенія съ редакціонными корзинами толстыхъ журналовъ, но не называйте же себя тогда писателенъ, борцовъ, дъятелемъ слова!..".

Слова, слова, г. Василевскій, и только слова! Ничего больще! Одно дело быть писателенъ, другое дело - борцонъ практикомъ и совершенно это вы напрасно-свое "тьмъ менње" употребляете. Совствит не "темъ менве", а часто и даже очень часто хотя и не борецъ, темъ не менте инсатель. Всиомните Надсона, вспомните Гаршина, недавно сощедивго въ могилу Накрохина,--таковы же были и встарь и всв---Станкевичи: два таланта, которые воедино соединяете вы, сплощь да рядомъ совсемъ не уживаются вибств.

Но есть еще и другая причина, почему не следъ толкать молодежь въ вертены и лавочки, почему не смъсть и не должна она идти

И удерживающая сила эта — совисть обшественная.

Ея гивный голось должень быть внушителенъ для всякаго, а гивваться ей за паденіе престижа слова приходится давно и даже постоянно. Общественная совъстьскопленное въками мненіе дучшихъ людей, и она-исторична поэтому. Это мижніе долго оскорблялось теми сбоку-припеками литературнаго маклачества, которыхъ не поддерживать надо, а вырождать и вытравлять. А между тъмъ всякое участіе въ нхъ "коммерцін" является имъ помощью, содівнствіемъ, усиленіемъ ихъ боевой наличности, и если нехорошо, нечистоплотно, и нечестно издательствовать съ единой целью наживы, не дълая никакого различія въ средствахъ и путяхъ ея достиженія, то также нехорошо н нечистоплотно и непристойно участіе въ этомъ предпріятін, ибо преступно само діло, и, значить, не участіемь, а соучастіемь въ преступленіи противъ общественной совъсти должно навываться такое сотрудничество. Одинаково гнусна здёсь роль и самого преступника, и его пособниковъ, если только это пособничество, --- въ сущности же, въдь, издатель является въ данномъ случат лишь подстрекателемъ, настоящимъ же вершителемъ и осуществителемъ замысла приходится быть все таки писателю. Подумайте только о томъ что сталось бы со встин изданьицами, если бы руководимые честью и совъстью, пишущіе люди, всё до одного, участвовать въ нихъ отказались?

Общественная совъсть долна быть грознымъ богомъ. --- не всепрощающимъ, не дряблымъ, а мстительнымъ и не забывающимъ ни обидъ, ни оскорбленій, и разврату мысли пътъ и не можетъ быть "чынъ отпущаещи". Никогда не отпущаещи!

И въ особенности у насъ, где общественное мнъніе имъеть лишь ограниченное число выраженій. Но именно поэтому-то у насъ и нужно о немъ помнить раньше, всего и больше всего. "Везсиліе народнаго мивнія на почвъ общественной морали, — пишеть Гольцендорфъ, въ большей части континентальныхъ странъ бросается въ глаза. Отсутствіе гражданской и политической свободы, неогражденность основныхъ естественныхъ правъ пытались возивстить расширеніемъ свободы частныхъ лицъ въ сферъ общественной безиравственности. Нередко даже высоко образованные люди сившивають уголовную безнаказанность предъ закономъ со всякой нравственной неотвътственностью предъ народнымъ мнвніемъ" *).

И это въ особенности опять таки у насъ: страшная боявнь и до сихъ поръ "суда уголовнаго" и полное безстрашіе "суда общественнаго", хотя со времени Жадова прошло уже не одно и не два десятильтія. Русское общественное метніе не мидивидуализировалось, не самоувърилось, и потому-то оно еще склонно шалить и мидовать. Охоти ви прощаеть тоть, чей судь нестрашень, и чье осужденіе — призрачно. Но "возрастаніє индивидуализаціи мнюніи идеть параллельно съ развитиемъ человъческой культуры. Оно находится възависимости отъ многочисленныхъ факторовъ, между которыми первенствующее мъсто занимаютъ: степень духовной одаренности народа, складъ общественной жизни, формы государственнаго строя, состояніе средствъ сообщеній, а также развитіе соціальныхъ отношеній " **).

Не нужно, кажется, приводить лишнихъ доказательствъ того, что наше общественное мивніе не высказывается часто. Но хотя бы ужъ тамъ, где оно заявляеть настойчиво свой голосъ, къ нему прислушиваться должно. А въ отношеніи изв'єстной части печати,безыдейно-торгашеской, шовинистской и подслуживающейся, — этинъ тремъ ся теченіямъ голосъ общественной совъсти свой приговоръ давно положиль и будеть уважать и его, ръдкаго, какъ общественное единодушіе и какъ одномысліе по вопросу большой моральной и соціальной важности.

Следуеть помнить, что идя дорогою уступокъ, что заглушая въ себѣ чувство той элементарной чистоплотной брезгливости, которая отдаляеть лучшіе общественные элементы отъ бульвара и печатной улицы, насильственно воюя съ внутренией задержкой своей совъсти, и съ виъшней - общественнаго мивнія, нетрудно, а напротивъ чрезвычайно легко отучиться и отказаться отъ той

^{*)} Проф. Ф. Гольцендорфъ, "Общественное мнюние". (Пер. съ нъмецкаго Н. О. Бера ивд. 3-е ц. 80 к. Спб. 1899) стр. 68. **) ibid. стр. 80.

дисциплины гражданскаго духа и долга, которая однако у насъ, — при неяркомъ обособденіи нашихъ партій, — въ состояніи удержать работниковъ пера и общественныхъ дъятелей отъ ложныхъ шаговъ, приводящихъ къ серіознымъ измънамъ.

Въ той формъ улучшенія базарной литературы, которую преподаеть г. Василевскій, заключается зловъщій прецеденть, вводящій всякаго, кто последоваль бы его совету, въ просторную в беззапретную область компромисса. Чтобы помочь данной аудиторіи журнальца, нужно пойти въ этотъ журналецъ; по г. Василевскому -- такъ и выходить, что тать мракъ-туда и иди и станещь светомъ среди тьмы, явишь собою световое пятно на огромной чернильной лужь. Но тогда Горькому следовало бы идти въ "Знамя", Михайловскому въ "Новое Время", Арсеньеву - въ "Гражданинъ", по крайней мере, делать попытки въ этомъ направленіи. То же самое, конечно, и всемъ молодымъ писателямъ.

Но этого мало. Принявъ мысль г. Василевскаго, какъ истину, пришлось бы услышать затъмъ и отъ всякаго печатающагося въ этихъ темныхъ углахъ, что онъ де это въ качествъ свътоваго пятна помъстился тамъ. Разъ двери этихъ кабинетовъ задумчивости мы отвроемъ хоть разъ съ миной миссіонера, призваннаго сюда на большое и хорошее дъло, дверь эта уже не закроется—и то-то ароматъ пойдетъ!

Вильямъ Лекки очень резонно указываеть, настойчиво и преднам вренно пресса употребляется на то, чтобы поддерживать классовую, расовую или международную ненависть, распространяя съ этой целью всевозможную ложь. Многія газеты только и держатся обращеніемъ или призывомъ къ международной и расовой ненависти, и служатъ санымъ сильнымъ орудіемъ возникновенія и поддержанія той вражды, которая постоянно грозить нарушить мирную жизнь рода человъческаго. Тотъ фактъ, что во многихъ странахъ такія именно газеты становятся главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ чтенія біздныхъ классовъ, составляеть крупный вычеть изъ благодъяній, образованіемъ. доставляемыхъ народнымъ Сколько книгъ получили большую популярность, сколько м'всть было выиграно въ парламенть, сколько выгодныхъ п вліятельныхъ постовъ было добыто, сколько победъ одержано разными партіями, благодаря обращенію именно къ такимъ страстямъ! Эти низкія страсти часто прикрываются возвышенными кличками патріотизма и націонализма, такъ что люди, всю жизнь посвяп;авшіе возбужденію расовой ненависти или отчужденію родственныхъ народностей, называютъ себя патріотами и, къ сожалѣнію, играютъ очень большую роль на политическихъ подмосткахъ.

"Самыми худшими поступками, заключаеть Лекки, — въ какихъ только можеть быть виновень человъкъ, являются дъйствія, не наказуемыя закономъ и слабо осуждаемыя общественнымъ мнъніемъ; преступленія въ области политики, которымъ такъ охотно потворствуеть ложная и нездоровая сантиментальность, занкмають видное мъсто между ними").

Компромиссъ же наша исконная бользань, ему вы укажите только путь,—а онъ ужъ

Оно и понятно.

Въ трусливой русской жизни и тътъ прямыхъ дорогъ.

Весь размахъ нашей души, вся—вѣками скопившаяся—энергія уходить по мелочамъ въ темныя лазейки уступокъ, вздоховъ, полумъръ, боязии и колебаній.

У насъ нъть путей безъ препятствій, нъть широкихъ теченій,—ни мысли, ни чувства.

Наша дорога-околица.

Скромная, кривая кривокольная тропиночка, которая заростаеть и глохиеть тотчась-же посль того, какъ ее протоптали.

И забота наша такая-же маленькая, узенькая и тихая: какъ-бы опять не заросла та или другая тропинка...

Какъ-бы вновь трудами сотенъ и тысячъ ногъ ее не пришлось прокладывать, оглядываясь, волнуясь и дрожа.

Дрожа за ту цъль, — къ которой она ведетъ, — за себя, за свое будущее.

Цѣлымъ ходомъ историческихъ судебъ русскаго народа въ его душу вошло убѣжденіе въ спасительности молчанія, въ удобствѣ "быть незамѣтнымъ", въ стыдѣ

^{*)} Вильямъ Лекки. Планъ жизни, характерь и поведеніе. (Ивд. Павленкова, ц. 1 р. 25 к.). Спб. 1902 г. стр. 84.

собственнаго существованія, въ выгодті осторожнаго шопота.

Какъ первый членъ нашего житейскаго "символа въры", выросла въ насъ одна увъренность:

 Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна укватка...

Поважайте по Россіи, прислушайтесь къ народнымъ рѣчамъ, всмотритесь въ основную канву міросозерцанія русскаго человѣка, его міроотношеній,— вездѣ одно и тоже: молчаливая оглядка, вынужденная, привитая и воспитанная хитринка, полусогласіе, полупризнаніе.

"Народъ безмолвствуеть".

Въ фабричныхъ районахъ — посмълъй и пооткровеннъй.

Но и туть—лукавство, за которымъ въра все въ тоже: въ ухватку, въ околицу, въ тропинку, въ полумъру...

Я помию характернтайшую фразу крестьянина Московской губернін, — не молодого, набожнаго, серьезнаго...

Я спросиль его среди разговора:

— Въ Бога въруешь кръпко?

Онъ инв ответилъ:

— Какъ же не въровать.. А вдругъ Онъ окажется?..

Вдумайтесь въ скрытый смысль этой фразы, точите, въ то отношение къ жизни и даже ея создавшей Силт, которое сказалось въ этой втрт—недовтрии,—и вы согласитесь со мной: царь и богъ нашей жизни—Компромисъ...

Онъ проходить чрезъ весъ строй нашихъ общественныхъ взаимоотношеній, чрезъ вст устои нашего быта, — чрезъ вст наши службы, чрезъ наши бестам и наши мысли, чрезъ нашу семью и всю нашу д'ятельность...

Не говорю уже о бюрократіи русской, гді все и всегда зиждется на этомъ спасительномъ компромисть, не говорю о забитыхъ и забытыхъ людяхъ, которымъ сама судьба судила лгать и притворяться, — не віруя, — ділать видъ, что віришь—и, протестуя, — улыбаться, – но онъ, — этотъ компромисть, — вошелъ даже въ такую, казалось-бы, по самой природів своей, чуждую всякой лжи и всякимъ полуміврамъ среду, какъ профессорская.

Посмотреди бы вы на те двадцать два заседанія профессорской комиссін, созван-

ной два года тому назадъ въ Петербургъ для разработки вопросовъ объ улучшеніи в измъненіи университетскихъ порядковъ; послушали-бы тамъ иткоторыя изъ ртчей, — в можно было-бы прійти въ истянно недоумънный ужасъ предъ открыто, — на глазахъ у товарищей, — высказывавшимися ртчами.

Рѣчами, полными трусливаго примиренія, оглядки, дрожи, рѣчей, проповѣдывавшим безличность; цѣплявшимися за рутину; не смѣвшими взглянуть дальше "положеннаго— шагнуть за околицу разъ навсегда отведенной и огороженной для разсужденій и размышленій русскаго человѣка.

О другихъ и говорить нечего.

Говорить нечего и о такъ называемой нашей реакціонной печати, гд'є все сплошь компроинсъ, ложь, подтасовка, фальшь и заискиваніе.

— "Не обманешь, не продашь", — девизъ не одного "именитаго" купечества.—— Это общерусскій, всенародный девизъ.

Это формула всего нашего міропониманія, быющагося въ тискахъ въчнаго страха предъ невидимой и все же неизбъжной, въчновисящей надъ нашими головами опасностью.

.... Въ сущности говоря, это — огромное, какое-то повальное безвърје...

.... Везвъріе въ правду, безвъріе въ героизпъ и захваты жизни, невъріе въ свои права и будущее, разочарованіе въ правдъ.

Иначе компромиса и быть не могло-бы. Компромисъ — трусъ, по самой своей природъ.

Господинъ Компромисъ подлецъ.

Онъ — прихлебатель жизни, топоръ ея шири и воли.

Господинъ Компромисъ — герой всей нашей литературы.

Онъ — Чичиковъ и Ноздревъ, **Хлеста**ковъ и Загоръцкій.

Русское молчалинство — это торжество и практика господина Компромиса.

Улыбающагося, уступчиваго, мягкаго и непобъдимаго, какъ спрутъ, какъ ядъ, разлитый въ самомъ воздухъ тусклыхъ и закупоренныхъ существованій, застегнутыхъ душъ, людей въ футляръ".

Это господинъ Компромисъ выдумалъ и "нашу хату съ краю" и знаменитое разслабленнаго короля: - "Après nous le deluge".

Господинъ Компроинсъ только въ такихъ условіяхъ и можеть жить.

Его среда рабство.

Его атмосфера-подавленность.

Его стулъ-спина человъческая.

Его дары-гроши.

Его кражи-милліоны.

Тамъ, гдъ жизнь растеть, господинъ Компромисъ болъеть.

Сильная и крыпкая жизнь-смерть его.

Вссенній воздухъ для него— малярія, звонкіе и стройные голоса юной природы въ ушахъ господина Компромиса — какофонія.

Задумчивый, въчно измышляющій ходы и выходы, подвохи и увертки, онъ неслышными — туфельными — шажками проходить по нашимъ путямъ и, трусливо оглядываясь, нервно подергивая своими узкими плечиками, вздрагиваетъ при каждомъ громкомъ кликъ побъждающихъ силъ.

Свободные и гордые, злые и сильные, прявые в искренніе—враги компромиса и чъмъ больше люди и общество, народы и націи будуть отвоевывать и брать у подлыхъ князей міра сего, тъмъ больше будеть банкротиться, суживаться и теряться этотъ господинъ Компромисъ.

Тъмъ чаще и грознъй будуть раздаваться противъ него голоса свъта и воли.

Только эти призывы и нужны, но они у молодости. Не толкайте жъ её на рискъ и

веправлу

А что компромисъ въ предложеніи г. Василевскаго скрытъ (несомитьно, имъ не предполагаемый—въ этомъ я убъжденъ) — онъ самъ увидълъ и имълъ счастье, или стыдъ убъдиться: поди, ободрительная статья, которую тотчасъ же принесъ г. Фаресовъ объ "Идейныхъ писателяхъ и чистоплюяхъ" не очень обрадовала его. И, повъръте, — какъ это—грустно, —статья въ защиту снисходительнаго снизхожденія къ темнымъ издателямъ больше всего бальзамомъ пролидась на сердца перелетныхъ кукушекъ, несущихъ яйца во всякія гнъзда, и если были одобренія этой статьи, то принадлежали они заячьимъ голосамъ изъ овраговъ.

Но нужно же, чтобы подымали голову в голосъ тв, кому осталось только стыдиться.

"Редакціонная корзина-же "привилегированнаго журнала"—она, конечно, есть, но...

Но если молодымъ талантомъ удается не всегла тамъ печататься, гдъ хочется, то позвольте же имъ, по крайней мъръ, не печататься тамъ, гдъ не хочется!..

П. М. Пильскій.

*) Какъ свѣже-тепленькій примірт "дирическаго репортажа" можеть служить слівующая дружественная рекламка въ одной изъ Петербургскихъгазеть о томъ, какъ состоялось "даено ожидаемое, (кѣмъ)? но по разнымъ причинамъ откладываемое публичное собесѣдованіе по поводу реферата изетьствой (?) лектирисси, одной изъ восходящихъ ввѣздъ (ètoile?) феминизма, В. В. Авчинниковой (!) докторанта нот. фил. фак. парижскаго универс., на тему: "Объ аскетивить и его містів въ морали": реферата, имъвшаго тѣсную генеративную связь съ предметомъ ея прежнихъ публичныхълекцій: "О регламентаціи проституціи и отношеніи къ ней проф. Тарновскаго".

Въ своемъ краткомъ словв, посвященномъ втимъ интереснымъ вопросамъ. талантливая лектриса, насколько ей позволяло время и душевное настроеніе (недавнее замужество), (о, освъдомленность)... перешла... вооруженная (?!) историчекими и философскими справками, къ вопросу объ аскетизмъ

Первый оффиціальный оппоненть докладчицы В. И. Архангельскій въ прекрасной высоко художественной (!) и прочувствованной (ну, еще бы!) різня на тему: "Ахиллесова пята Авчинниковой", отвітнять н. т. д. Почтенная лемприса В. В. Авчинникова (нынъ г-жа Архангельская), нвучивь быть и нужды несчаствыхъ пригріваемыхъ н. т. д.

Словомъ, просто милан сценка у семейнаго очага изъ комеди: "Игра въ рефераты", — и сколько трогательнаго лиривма въ ея описания! Все тутъ горошо: и mise en scene, и театральная рецензія этого водевиля... Лирикъ предстоитъ въ газетъ, очевидно, огромная будущность!..

3-го іюля умеръ Чеховъ.

Это потеря для русской литературы невозвратная, непоправимая,

безвременная.

Покойному было всего 44 года. На минуту потускнълъ предътой потерей даже интересъ къ кровавымъ событіямъ на Дальнемъ Востокъ, — газеты единодушно, какъникогда, сошлись въ общей оцънкъ покойнаго, а общее ихъ чувство выразилось лучше всего въ общей фразъ, безъ которой не обошлась ни одна статья:

"Хочется плакать".

Однако, и эта смерть не прошла безъ темныхъ пятенъ, которыя, къ счастью, совершенно тонутъ въ общемъ свътъ единодушнаго признанія всего величія угасшаго таланта, и всей огромности этой потери. Пятнами этими мы считаемъ: неумъстно-раннюю, тутъ же у открытой могилы, полемику Суворина съ г. Марксомъ; затъмъ, по недоразумънію (вслъдствіе неизвъстности чаприбытія тъла) малолюдную встръчу въ Петербургъ гроба покойнаго и недавній скандаль въ редакціи "Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ", газеты, издаваемой въ Пятигорскъ, при Управленіи Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ.

"Новое Время" гдъ Чеховъ нъкогда помъстилъ нъсколько своихъ разсказовъ, указало, какъ извъстно, объ этой смерти, что она откликнулась сердечной болью у многихъ

русскихъ читателей.

"Такой именно читатель и я.—пишетъ г. Бъляевъ. Для меня Чеховъ былъ, есть и будетъ однимъ изъ "любимыхъ" писателей. Я не былъ знакомъ съ нимъ лично, никогда даже не видалъ его. Но у насъ было много общихъ знакомыхъ, общихъ друзей, которыхъ я распрашивалъ о немъ и которые мнъ разсказывали малъйшія подробности его жизни. Все это заставило меня заглазно полюбить его и этой личной пріязнью дополнить любовь къ его таланту. Теперь Чехова не стало, и безъ фразъ, безъ позировки я могу сказать, что чувствую истинное горе—

горе его читателя.

"Насъ, читателей Чехова, было очень много, - не только въ Россіи, но и заграницей. И въроятно мое чувство раздълять многіе. Вмъстъ со мной пожальють въ Чеховъ не только прекраснаго писателя, чьи произведенія будуть жить, но и хорошаго человъка, котораго не вернешь. Личностью писателя—что бы тамъ ни говорили — очень интересуются въ публикъ. Чеховъ жилъ замкнутою жизнью, никогда не афишировалъ своихъ отношеній, симпатій или антипатій, но юркіе газетные репортеры, а главнымъ образомъ стоустая молва всетаки приносили о немъ извъстія. И все, что ни узнавалось о немъ и ни передавалось въ печати или изустно, все было необыкновенно привлекательно и располагало къ Чехову. Можно сказать, что за послъднее время онъ былъ единственнымъ "любимымъ" писателемъ въ Россіи. Были "великіе" писатели, были "модные" писатели, но "любимымъ" былъ только Чеховъ и никто больше.

Это былъ писатель-другъ, писательбратъ. Самыя произведенія его носили слишкомъ личный, слишкомъ индивидуальный характеръ, чтобы можно было отличить въ немъ писателя отъ человъка. Этимъ-то качествомъ произведеній Чеховъ отличается отъ другихъ писателей. Вспомните, что онъ писалъ, что о немъ писали. Чеховъ не создавалъ яркихъ образовъ, яркихъ типовъ, но онъ создавалъ жизнь, въ которую невольно входилъ самъ. И не только читатели, но и критики любили отожествлять Чехова съ его произведеніями. Говорили "Чеховская улыбка", "Чеховская грусть". Словно ръчь шла не о какомъ нибудь разсказъ, а о самомъ авторъ. Онъ самъ выступалъ въ своихъ произведеніяхъ изъ общаго той сърой жизни, которую рисовалъ и которую такъ любилъ, главнымъ героемъ, главнымъ дъйствующимъ лицомъ. Ни песимизму его не върилось, ни его отрицаніямъ. За то върилось, или лучше сказать чувствовалось, его поэзіи этихъ самыхъ обыденныхъ разсказовъ. Онъ былъ именно поэтомъ сумерекъ, а не саихъ, не обличителемъ. тирикомъ Онъ разсказывалъ самыя обыкновенныя вещи самыми обыкновенными словами, именно такъ, какъ разсказывають о самомъ себъ. Еще онъ владълъ секретомъ сразу завладъть симпатіями читателя, задержать его вниманіе на какіе-нибудь полчаса, успъвалъ разсказать за это время много-много сердечныхъ и милыхъ вещей, —и потому разставаться съ нимъ было грустно. Бывало услышишь тихій заключительный акордъ его новеллы и станетъ грустно, -- именно потому, что это послъдній акордъ.

"Зато съ нимъ всегда была радостна встръча. За послъднее время встръчи эти стали повторяться все ръже и ръже. Чеховъ белетристъ уступилъ мъсто Чехову драматургу, а послъдній писалъ очень мало, поставляя пьесы по одной въ сезонъ,

опять-таки съ какой-то болъзненной аккуратностью. Зимой, весной, лътомъ бывало неизвъстно, чъмъ занятъ Чеховъ, пишетъ ли онъ, нътъ ли, и если пишетъ, то что именно. Зато осенью, какъ только появится крымскій виноградъ, у него готова новая пьеса, всегда свъжая, оригинальная, какъ молодое Публика неперебродившее вино. жадно пила это вино, порою терпкое на вкусъ, но не морщилась, потому что оно было съ любимаго ялтинскаго виноградника. Критика старалась разубъдить публику въ ея вкусахъ, но въдь критика-та же публика и въ концъ концовъ и она примкнула къ общему увлеченію. Такъ всегда случалось съ Чеховскими пьесами. Сначала ихъ захаятъ, потомъ расхвалятъ. Было въ нихъ дъйствительно много неперебродившаго сока, но зато чувствовалось и будущее прекрасное вино. Что тамъ ни говорите, а Чеховъ велъ театръ къ будущему. Онъ первый у насъ сталъ искать для театра новыхъ формъ, новыхъ выраженій. И онъ нащупалъ ихъ, нашелъ, развилъ, насколько позволило время, и завъщалъ сценъ свое исканіе. Изъ-за этихъ формъ съ нимъ спорили, возражали, горячились, но всегда отдавали должное таланту и не могли противостоять его обаянію. Та же милая личность автора виднълась и въ его пьесахъ и привлекала къ нему симпатіи.

"Чеховъ умеръ. Въ немъ мы всъ потеряли друга. Это несомнънно. Такъ и это значитъ гораздо больше, чъмъ то, что мы потеряли въ немъ писателя. Писатель всегда съ нами, а друга нътъ. Это говорю я, читатель. Ни вчера, ни третьяго дня я ничего не могъ написать о немъ. Всъ слова, всъ обороты казались такими банальными, избитыми. Теперь я прочелъ все, что было написано о немъ въ газетахъ Тамъ отразилось общее горе. Но сколько тамъ лживыхъ, дутыхъ фразъ, чрезмърнаго угодничества и причитанія.

Кто-то подъ горячую руку смѣшалъ Чехова съ Толстымъ и назвалъ покойнаго "великимъ писателемъ земли русской", другой пожелалъ "ринуться въ бой съ невъдомой черной силой" и т. д. Особенно отличились по этой части газетныя московскія кликуши, опорожнившія весь запасъ фразистой неискренности. Чего-чего тутъ только не было! Чехова называли не иначе, какъ "Антонъ Чеховъ", или "нашъ Чеховъ", "нашъ милый Чеховъ, "нашъ Антонъ и проч. Мнѣ невольно вспомнилось недавнее чествованіе живого Чеховавъ Москвъ на первомъ представленіи "Вишневаго сада"... Тамъ была та же пряная атмосфера и безвкусное пустозвонство, и непрошенное кумовство. Говорятъ, что Чеховъ отъ всего этого ежился и все это принималъ съ грустной улыбкой, Мнъ чудится эта улыбка и теперь изъ-за могилы, улыбка его простыхъ произведеній, его простого выраженія. Залпъ бутафорскихъ пушекъ возвъщаетъ теперь смерть того, кто былъ такой врагъ безсмысленной траты холостыхъ зарядовъ. И отъ всего этого напыщеннаго, сугубаго газетно-похороннаго "чина" становится еще какъ-то ощутительнъе значеніе настоящей потери.

Въ Чеховъ мы теряемъ одно драгоцънное качество нашей молодой литературы; простоту. О ней и плакать надо просто. Самое простое это еще разъ повторить: Чеховъ умеръ.

Сочувствующія строки Чехову посвятиль и издатель "Нов. Вр." А. С. Суворинь, съ которымь покойный быль въ хорошихь отношеніяхъ. Привель Суворинь и нъсколько біографическихъ чертъ изъжизни Чехова:

"1904 годъ оправдываетъ дурную славу высокосныхъ годовъ. Смерть кричитъ теперь повелительнымъ голосомъ. Вчера Чеховъ успокоился въчнымъ сномъ.

Уже десять лътъ тому его одолъ-

валъ кашель и были сильные перебои сердца, о которыхъ онъ разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ ко миъ. Изъ Ялты въ апрълъ 1894 г. онъ писалъ объ одномъ своемъ сердечномъ припадкъ. "Чувство теплоты и тъсноты, въ ушахъ шумъ... Быстро иду по террасъ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ-то неловко падать и умирать при чужихъ". И чахотка давно таилась въ его груди. У него случилось первое кровохарканіе въ Сибири, черезъ которую онъ вздилъ на Сахалинъ (1890 г.). Но потомъ онъ чувствовалъ себя лучше. Первый сильный припадокъ чахотки, кровоизліяніе, вслъдствіе чего онъ легъ въ клинику, случился при мнъ въ Москвъ въ 1896 г., когда мы съ нимъ съли объдать. Было это какъ разъ въ день разлива ръки Москвы. Я увезъ его въ гостинницу и послалъ за врачами. Одинъ изъ нихъ быль его пріятель. Когда, осмотръвь его, они уъхали, онъ сказалъ мнъ: "Вотъ какіе мы. Говорятъ врачи мнъ, врачу, что это желудочное кровоизліяніе. И я слушаю и имъ не возражаю. А я знаю, что у меня чахотка".

Но врачамъ до этого случая онъ не показывался и старательно скрывалъ отъ родныхъ свою болъзнь. Это была натура деликатная, гордая и независимая. Въ ней глубоко лежало что-то самоотверженное. Онъ началъ писать еще студентомъ; родители его, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили бѣдно, и его ужасно огорчало, что на именины матери не на что сдълать пирогъ. Онъ написалъ разсказъ и отнесъ его, кажется, въ "Будильникъ". Разсказъ напечатали и на полученные нъсколько рублей справили именины матери. И съ этого времени онъ сталъ кормильцемъ своей семьи. Все, что онъ дълалъ, онъ дълалъ необыкновенно просто. Строилъ ли онъ школу для крестьянъ, а онъ построилъ ихъ нъсколько, помогалъ ли кому, принималъ ли въ комъ участіе, онъ исполнялъ все это какъ будто въ силу какойто врожденной обязанности, самой простой. Казалось, человъкъ жилъ, ничъмъ не задаваясь, ни къ чему не стремясь, жилъ потому, что родился, но все то, что близко ему было, что находило откликъ въ его душъ, все это получало отъ него какую-то здоровую теплоту. Его душа была такъ богата прекрасными дарами, что всякій, приближавшійся къ нему, испытывалъ это. Это былъ какъ будто самый обыкновенный человъкъ, со всъми слабостями, съ самыми обычными требованіями отъ людей и отъ жизни; въ какой-нибудь компаніи его трудно было отличить отъ другихъ: ни умныхъ фразъ, ни претензій на остроуміе, ни ложной скромности, ни какихъ нибудь особенностей въ костюмъ, которыми теперь, по примъру иностранцевъ, начинаютъ отличаться новыя "знаменитости", быстро попадая въ боги и думая, что надо носить если не перо и шпагу, то какой-нибудь кафтанъ или куртку. Все въ немъ было просто и натурально. Онъ былъ какъ будто выраженіемъ всей той обыденной жизни, которую онъ изображалъ такъ превосходно, какъ настоящій мастеръ, и въ которой герои и героини такіе же обыкновенные люди, какъ онъ. Онъ любилъ свою среду и сторонился отъ всего того, что было ему такъ или иначе чуждо. Наединъ съ пріятелемъ или въ письмахъ онъ судилъ съ необыкновенной тонкостью и костью о людяхъ и о жизни, но опять же безъ всякихъ вычуръ, безъ той литературности и назидательности, въ которыхъ можно было бы увидъть какія-нибудь претензіи человъка, поставленнаго на значительную высоту въ родной литературъ. Никогда онъ не стремился ни учительствовать, ни проповъдывать. Я не сдълаю никакого преувеличенія, если сравню нъкоторыя его письма съ письмами Пушкина. Та же искренность, та же простота,

тотъ же ясный слогъ, та же независимость мысли отъ какого-нибудь "направленія". Онъ былъ глубоко оскорбленъ, когда бывшій Союзъ писателей выбраль его въ свои члены незначительнымъ большинствомъ за повъсть "Мужики", которая, будучи правдива, грешила противъ тенденціи Союза. Въ немъ соединялся поэтъ и человъкъ большого здраваго смысла. Художественная объективность какъ будто руководила имъ и въ жизни, и онъ смотрълъ ей смъло въ глаза и самостоятельно разбирался. Я позволю себъ привести слъдующія его строки изъ его письма ко мнъ изъ Ялты (1894 г., кажется — онъ иногда не ставилъ на своихъ письмахъ года):

"Во мнъ течетъ мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродътелями. Я съ дътства увъровалъ въ прогрессъ и не могъ не увъровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная. Я любилъ умныхъ людей, нервность, въжливость, остроуміе, а къ тому, что люди ковыряли мозоли и что ихъ портянки издавали удушливый запахъ, я относился такъ же безразлично, какъ къ тому, что барышни по утрамъ ходятъ въ папильоткахъ. Но Толстовская философія сильно трогала меня, владъла мною лътъ 6-7, и дъйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнъ извъстны и раньше, а Толстовская манера выражаться, разсудительность и въроятно гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнъ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнъ, что въ электричествъ и паръ любви къ человъку больше, чъмъ въ цъломудріи и въ воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слъдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмъстъ съ работникомъ и его женой и проч. и проч. . . . . . Разсужденія всякія мнѣ надоѣли, а

такихъ свистуновъ, какъ Максъ Нор-

дау, я читаю просто съ отвраще-Лихорадящимъ больнымъ ніемъ. ъсть не хочется, но чего-то хочется и они это свое неопредъленное желаніе выражають такь: "чего-нибудь кисленькаго". Такъ и мнъ хочется кисленькаго. И это не случайно, такъ какъ точно такое настроеніе я замъчаю кругомъ. Похоже, будто всъ были влюблены, разлюбили теперь и ищутъ новыхъ увлеченій. Очень возможно и очень похоже на то, что русскіе люди опять переживутъ увлечение естественными науками и опять матеріалистическое движеніе будетъ моднымъ. Естественныя науки дълаютъ теперь чудеса и онъ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью ...

Онъ ошибался, Мамаемъ оказались не естественныя науки, а чтото другое. Науки присмиръли и даже

попрятались.

Я познакомился съ Чеховымъ давно, вскоръ послъ появленія его перваго разсказа въ "Новомъ Времени" (въ 1886 г.). Онъ работалъ до того въ "Петерб. Газетъ", подписываясь А. Чехонте. Я написалъ ему, чтобы онъ бросилъ этотъ псевдонимъ и подписывался своей фамиліей. Такъ онъ и сдълалъ и сталъ болъе или болъе обрабатывать свои разсказы. Прежде онъ писалъ быстро, какъ бы мимоходомъ, какъ пишетъ журналистъ. Онъ мнъ говорилъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ написалъ въ купальнъ, лежа на полу, карандашемъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ. Такіе разсказы его походили на анекдоты и вращались въ публикъ. Разъ на Волгъ, на пароходъ, одинъ офицеръ сталъ ему разсказывать его же разсказы, увъряя, что это случилось съ его знакомыми и съ нимъ, офицеромъ. Въ изданіи Маркса, который въ 1899 г. купилъ его сочиненія за 75,000 р, и то, что было напечатано, и то, что будетъ напечатано, съ уплатою этихъ денегъ въ теченіе трехъ літь, явилось много такихъ "анекдотовъ". Г. Марксъ требовалъ отъ Чехова какъ можно больше разсказцевъ и составилъ изъ нихъ нъсколько томовъ. Естественно, что г. Марксъ выручилъ всю уплаченную Чехову сумму первымъ же изданіемъ. Эта продажа составляла одно изъ мученій его за послъдніе годы. Получи онъ 75,000 р. разомъ съ г. Маркса, онъ могъ бы еще что-нибудь сдълать съ этимъ капиталомъ. Но получая ихъ по частямъ въ три года, онъ затъялъ строить дачу и въ нъсколько лътъ эти тысячи растаяли, и растаяла мечта о своей независимости и свободъ. Онъ снова остался безъ денегъ и единственный рессурсъ, который ему оставался, -- это трудъ. А бользнь усиливалась, то замирая, то проявляясь сильнъе. На несчастье Чехова, онъ продалъ свои сочиненія какъ разъ наканунъ того времени, когда явился Горькій и вм'ьстъ съ нимъ началось необыкновенное требованіе на новыхъ писателей и на Чехова. Два года тому, разъъзжая съ нимъ въ Москвъ по кладбищамъ—и въ Петербургъ, и въ Москвъ, онъ любилъ до странности посъщать кладбища, читать надписи на памятникахъ или молча ходить среди могилъ-онъ мнъ говорилъ, что не можетъ писать беллетристики. Мысль, что онъ все продалъ, прошедшее и будущее, что есть у него "хозяинъ", который по праву покупки всъмъ этимъ владъетъ, какъ собственностью, отравляла его. Онъ пробовалъ убъдить г. Маркса, нажившаго, на его сочиненіяхъ, какъ говорили, большія деньги, измънить условія. Г. Марксъ предложилъ ему 5,000 р. на поъздку за границу для поправленія здоровья и свои изданія въ хорошихъ переплетахъ, Чеховъ изданія въ хорошихъ переплетахъ взялъ, а отъ 5,000 руб. отказался.

Чеховъ оставилъ за собой только право на театральный гонораръ за пьесы и это право переходитъ и къ его наслъдникамъ. Но право на

изданіе самихъ пьесъ принадлежитъ

также г. Марксу.

Какъ много онъ работалъ, видно изъ той массы разсказовъ, которые написалъ онъ подъ псевдонимомъ Чехонте. Разъ я говорилъ съ Л. Н. Толстымъ о Чеховъ, который въ то время еще не былъ съ нимъ знакомъ.

"Я прочелъ одинъ изъ его разсказовъ въ какомъ-то календарикъ, сказалъ Л. Н.—Онъ живо написанъ. Но такихъ разсказовъ можно написатъ тысячу и тогда даже трудно судить о степени таланта автора. А въдь онъ написалъ только десятки, еъроятно.

Я передалъ въ общихъ чертахъ

этотъ разговоръ Чехову.

 Да, я дъйствительно написалъ тысячу разсказовъ! — сказалъ Чеховъ.

Извъстность ему давалась медленно, но то, что онъ завоевывалъ, оставалось прочнымъ его пріобрътеніемъ. Онъ видълъ, какъ измънилось быстро отношеніе къ молодымъ писателямъ, какъ расхваливали ихъ "разсказы", называлъ себя "старикомъ" и отсталымъ. Но молодые писатели почтительно около него группировались или отдавали ему дань уваженія. А самъ патріархъ, Л. Н. Толстой, послъ "Палаты № 6", говорилъ о Чеховъ, какъ о большомъ талантъ, интересовался не только имъ, но даже его мнъніемъ о своихъ произведеніяхъ и давалъ ему первые наброски "Воскресенія".

И Чеховъ обладалъ очень тонкимъ художественнымъ чутьемъ. Работалъ онъ надъ своими произведеніями такъ, чтобы "не было въ нихъ лишняго слова". Фантазія его была прямо поразительная, если собрать всѣ тѣ мотивы и подробности быта, которые разбросаны въ его произведеніяхъ. Однимъ онъ мучился—ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и много разъ за него принимался. Широкая рама какъ будто ему не давалась и онъ бросилъ начатыя главы. Одно время онъ все хотълъ взять форму "Мертвыхъ

душъ", то-есть поставить своего героя въ положение Чичикова, который разъвзжаеть по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нъсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цълый въкъ и участвуетъ во всъхъ событіяхъ XIX стольтія. Онъ начиналь драму, гдъ главнымъ лицомъ является царь Соломонъ "Паралипоменона" и "Пѣсни пъсней". Я думаю, что въчная забота о насущномъ хлъбъ и затъмъ приступы болъзни не давали ему свободы для большого произведенія.

Къ успъху своихъ произведеній онъ былъ очень чувствителенъ и при своей искренности и прямотъ не могъ этого скрывать. Когда послъ первыхъ двухъ актовъ "Чайки" на Александринскомъ театръ онъ увидълъ, что пьеса не имъетъ успъха, онъ бъжалъ изъ театра и бродилъ по Петербургу неизвъстно гдъ. Сестра его и всъ знакомые не знали, что подумать, и посылали всюду, гдъ предполагали его найти. Онъ вернулся въ третьемъ часу ночи. Когда я вошелъ къ нему въ комнату онъ сказалъ мнъ строгимъ голосомъ: "Назовите меня послъднимъ словомъ (онъ произнесъ это слово), если когда-нибудь я еще напишу пьесу". На другой день онъ уъхалъ въ Москву раннимъ утромъ съ какимъ-то пассажирскимъ или товарнымъ поъздомъ. Потомъ онъ оправдывался, говоря, что онъ подумалъ, что это былъ неуспъхъ его личности, а не пьесы, и называлъ нъкоторыхъ извъстныхъ петербургскихъ литераторовъ, которые яко бы высокомфрно съ нимъ заговорили въ антрактъ, видя, что его пьеса падаетъ. На представленія слѣдующихъ своихъ пьесъ онъ почти не ходилъ. Когда онъ написалъ "Три сестры", то жалълъ потомъ, что не написалъ на эту тему повъсть, что тема скоръй для повъсти, чъмъ для драмы.

Когда болъзнь его еще не обнаруживалась, онъ отличался необыкновенной жизнерадостностью, жаждою жить и радоваться. Хотя первая книжка его "Сумерки" и вторая "Хмурые" уже показывали, какой строй получають его произведенія, но онъ не обнаруживалъ никакой меланхоліи, ни малъйшей склонности къ пессимизму. Все живое, волнующее и волнующееся, все яркое, веселое, поэтическое онъ любилъ и въ природъ, и въ жизни. О путешествіяхъ онъ постоянно мечталь и, . будь у него спутникъ, онъ побывалъ бы въ Америкъ и въ Африкъ. Съ нимъ вмъстъ мы дважды ъздили за границу. Въ оба раза мы видъли Италію. Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчасъ по прівздв въ Римъ ему захотълось за городъ, полежать на зеленой травъ. Венеція захватывала его своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцомъ дожей и проч. Въ Помпеъ онъ скучно ходилъ по открытому городу-оно и дъйствительно скучно, но сейчасъ же съ удовольствіемъ поъхалъ верхомъ на Везувій, по очень трудной дорогъ, и все хотълъ поближе подойти къ кратеру. Кладбища за границей его вездъ интересовали, -- кладбища и циркъ съ его клоунами, въ которыхъ онъ видълъ настоящихъ комиковъ. Это какъ бы опредъляло два свойства его таланта-грустное и комическое, печаль и юморъ, слезы и смъхъ, и надъ окружающимъ и надъ самимъ собою...

Въ голову толкаются все мелочи, столько хочется сказать и не улавливаешь цѣлаго. Да и какъ это можно, когда онъ еще стоитъ передо мной живой, и не можешь примириться, что жизнь его окончена. Одно сознаешь, какъ мало мы вообще цѣнимъ людей при ихъ жизни и какъ они разомъ вырастаютъ передъ очами нашей души, когда закроетъ ихъ гробовая крышка. Поднимается въ душѣ какой то укоръ, вспоминается

разомъ цълая куча разговоровъ, свиданій, витьсть прожитыхъ дней, легкомыслія, ненужныхъ пустяковъ, недоразумъній, умолчаній и самолюбивой замкнутости, которая иногда вдругъ закрываетъ искреннія движенія души. Я обязанъ Чехову многимъ, обязанъ его прекрасной душъ, которая молодила меня, которая давала и всъмъ, кто съ нимъ сходился, это чувство чего то живого, прямого, благороднаго и вмъстъ съ здравомысленнаго. Меньше всего думалось, что это писатель, что это талантъ. Все это даже забывалось и являлся человъкъ во всемъ обаяніи его ума, искренности и независимости. Въ Чеховъ было что то новое, какъ будто совсъмъ изъ другой жизни, изъ другой атмосферы. Таково по крайней мъръ мое впечатлъніе. Ни сантиментализма, ни притворнаго участія, ни фразъ. Иногда даже какъ будто жесткость, но жесткость правоты и твердости. Въ послъдніе годы подъ вліяніемъ страданій онъ сталъ благодушнъе и мягче. Что то меланхолическое и покорное судьбъ явилось въ его изстрадавшейся душъ. Съ умеръ страдалецъ-писатель не въ томъ представленіи, которое легко впадаетъ въ общее мъсто и обращается въ банальную фразу, для не-писателей непонятную, а въ представленіи истиннаго страданія, физическаго и моральнаго, близкаго всякому человъку, близкаго той средъ, поэтомъ которой онъ сдълался, которая принимала къ сердцу его драмы и понимала закрытый для другихъ ужасъ земного существованія и мечтала хоть о капелькъ солнца, хоть объ обманъ, который вывелъ бы ее изъ душной и бездъльной тоски. Я разъ спросилъ его въ письмѣ (1894 г.) "Что долженъ желать теперь русскій человъкъ?" – "Вотъ мой отвътъ, —писалъ онъ, --- желать. Ему нужно прежде всего желанія, темпераментъ. Надоъло кисляйство". Это кратко и неопредъленно, пожалуй, но это вы-

разительно и върно. Самъ онъ всегда желалъ, желалъ прогресса русской жизни, желалъ сильныхъ характеровъ, дарованій, желалъ и искалъ весь свой краткій въкъ солнца и такъ умеръ, не увидавъ его настоящаго блеска.

Въ прошломъ мартъ онъ говорилъ, что хотълъ бы поъхать на войну. "Тамъ интересно". Онъ сложилъ свою голову въ той постоянвойнъ, которая называется жизнью и въ которой онъ одержалъ нъсколько прекрасныхъ побъдъ, и эти побъды увънчаютъ его нетлъннымъ вънкомъ на "жизнь въчную". Лечившій его врачъ, докторъ Швереръ, телеграфировавшій намъ о послъднихъ дняхъ его жизни, говоритъ, что онъ переносилъ свою болъзнь, какъ герой, и съ удивительнымъ хладнокровіемъ ожидалъ смерти. Онъ страстно хотълъ жить, но не боялся и смерти: онъ жилъ тъмъ русскимъ, простымъ, не кричащимъ героизмомъ, который хорошо понимаетъ всякая благородная русская душа, и умереть онъ могъ только, какъ герой, смѣло смотря въ глаза надвигающейся неизбъжности и шепча умирающими устами: "здравствуй, смерть!"...

Какъ будто все дѣло было въ г. Марксѣ, а не въ Чеховѣ. Этотъ издатель откликнулся опроверженіемъ на ст. г. Суворина, не понимая, очевидно, что самыя законныя дѣйствія бываютъ часто не во время. Марксъ писалъ (мы приводимъ это потому, что въ отношеніяхъ къ своему издателю сказалась лишняя черта той безконечной деликатности, которой былъ полонъ покойный вообще въ своей жизни):

"М. г. г. издатель! Позвольте исправить неточности, вкравшіяся въваше воскресное "маленькое письмо".

1) За 75000 руб., о которыхъ вы говорите, мною пріобрѣтено отъ А. П. Чехова только то, что имъ было напечатано до заключенія договора, т. е. до 1899 г. Всѣ послѣдующія произведенія онъ печаталъ

въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за особый гонораръ, получая отъ меня дополнительный гонораръ, доходившій до 1000 р. съ печатнаго листа.

- 2) Изданное мною собраніе сочиненій Чехова редактировано самимъ авторомъ, и въ него вошли только произведенія, имъ самимъ указанныя
- 3) Упомянутые 75,000 р. уплачены мною не въ теченіе 3 лътъ, а менье чъмъ въ 2 года.
- 4) Все выше сказанное можетъ быть подтверждено документами.

Примите и пр. А. Ф. Марксъ.

Такъ писалъ онъ и... и г. Суворинъ счелъ возможнымъ отвъчать "примъчаніемъ издателя "Нов. Время" А. С. Суворина":

"Изъ письма г. Маркса слъдуетъ, что моя "неточность" только въ томъ, что уплачено Чехову не въ 3 года, а въ два. Все остальное точно. Кромъ моихъ разговоровъ съ Чеховымъ, правдивую передачу которыхъ г. Марксъ, очевидно, признаетъ, ибо проходитъ молчаніемъ о томъ, что Чеховъ просилъ его измънить условія, а г. Марксъ отказалъ ему въ этомъ, предложивъ только подачку въ 5 т. р., отъ которой отказался Чеховъ, —вотъ документь, на основаніи котораго я кое-что сказалъ, но далеко не все, что могъ бы сказать. Чеховъ писалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее 27 января 1899 года:

"Сергъенко телеграфируетъ, что договоръ уже нотаріально подписанъ. Что-то еще на счетъ неустойки, но я не понялъ изъ телеграммы. Авось все сойдетъ благополучно. Я получаю 75,000 въ три срока; будущія произведенія, предварительно напечатанныя, пойдутъ за 250 р. листъ, съ надбавкой по 200 р. черезъ каждыя 5 лътъ. Доходъ (театральный гонораръ) съ пьесъ принадлежитъ мнъ, потомъ моимъ наслъдникамъ. Послъдній пунктъ я отвоевалъ, приступомъ взялъ".

Digitized by Google

Отсюда слѣдуетъ, что Чеховъ продалъ въ полную собственность г. Маркса, т. е. на всю свою жизнь и на 50 лѣтъ послѣ своей смерти, за 75,000 р. не только то, что было напечатано до 1899 г., какъ утверждаетъ г. Марксъ, но и все то, что будетъ напечатано.

Я такъ и говорилъ о напечатанномъ, а не о написанномъ, но и написанное все принадлежитъ г. Марксу, какъ скоро оно гдъ нибудь появится въ печати. Печатный листъ не могъ продавать Чеховъ за 250 р. на всю свою жизнь и на 50 лътъ послъ своей смерти. Конечно, господинъ Марксъ не можетъ арестовать рукописей Чехова, но въдъ писатель пишетъ для того чтобъ печатать, а не для того, чтобы написанное лежало въ рукописи. Эта первая неточность г. Маркса.

Вторая неточность заключается въ фразъ г. Маркса: "получая отъ меня дополнительный гонораръ, доходившій до 1,000 руб. съ печатнаго листа". Изъ письма Чехова слъдуетъ, что дополнительный гонораръ въ первыя пять лътъ, т. е. до 1904 г., равняется 550 р. съ печатнаго листа, а тысячт руб. съ этого листа онъ будетъ равняться только въ 1923 г. Чеховъ дожилъ бы до этого гонорара только въ возрасть 63 льтъ. Разсказывая мнъ о свиданіи съ г. Марксомъ, Чеховъ мнъ не говорилъ о какихъ нибудь измъненіяхъ въ условіяхъ, а потому я могу сказать, что г. Марксъ не имъетъ права говорить о гонораръ въ 1,000 руб. съ листа, который онъ будтобы уплачиваль, и пока г. Марксъ не разъяснитъ этого обстоятельства, я буду считать, что онъ хочетъ этою тысячею ввести въ заблужденіе публику.

Относительно второго пункта его отвъта, скажу только, что я повторилъ въ своемъ "Маленькомъ письмъ" слова Чехова мнъ, т. е. что г. Марксъ желалъ получить какъ можно больше изъ тъхъ разсказовъ, которые Чеховъ печаталъ

подъ псевдонимомъ Чехонте и которые самъ считалъ слабыми. Уступая просьбъ г. Маркса, онъ жертвовалъсвоимъ литературнымъ вкусомъ въпользу прибылей издателя. Этоговоритъ только объ его необыкновенной деликатности, которуюг. Марксъ оцънить не умълъ и неумъсть.

Чеховъ мнъ показывалъ письмог. Маркса, въ которомъ онъ поздравляль Чехова съ честью быть приложеннымъ къ "Нивъ", а Чеховъбылъ такъ деликатенъ, что благодарилъ его и за это, хогя это приложеніе дълало честь "Нивъ", а совсъмъ не Чехову, приносило барыши г. Марксу и убытокъ Чехову. И вотъ почему. Какъ разъ въ это время составлялся проектъ о выкупъ. сочиненій Чехова у г. Маркса, а съ-"приложеніемъ" ихъ къ "Нивъ" они являлись обезцъненными въ книжномъ рынкъ, насытивъ массу читателей, и разговоры о выкупъ прекратились тотчасъ же. Какъ много-Чеховъ потерялъ, а г. Марксъ нажилъ на его сочиненіяхъ, видно изъслъдующаго. Я знаю, что за одноправо одинъ разъ приложить сочиненія Д. В. Григоровича къ "Нивъ" г. Марксъ заплатилъ собственнику сочиненій, г. Мартынову, 25 тыс. руб., а за то же право г-жъ Достоевской гораздо больше. Если г. Марксъ хочетъ быть точныма, топусть представить полный отчетъпо документамь о выручкъ за сочиненія Чехова съ 1899 г. по настоящее время. Тогда и можно говорить о "неточностяхъ"-и ихъ провърять тоже по документамъ".

Снова писалъ г. Марксъ письмо въ редакцію и неизвъстно, долго ли еще продолжалась бы полемика, но тутъ возроптала печать и общество. Нъкто, подписавшійся: "одинъ изъ многихъ" на столбцахъ "С.-Петербургскихъ Въдомостей" просилъ:

"Не откажите дать возможность выразить то чувство, какое возбуждаеть поднятая г. Суворинымъ полемика съ г. Марксомъ изъ-за де-

нежныхъ разсчетовъ покойнаго Чехова съ послъднимъ. Оскорбительно и тяжело слышать у свъжей могилы эти издательскія дрязги, въ которыхъ менъе всего понятна (!) роль г. Суворина въ качествъ защитника матеріальныхъ интересовъ Чехова заднимъ числомъ. Удивительно, какъ любовь г. Суворина къ почившему писателю, о которой онъ возвъстилъ читателямъ "Новаго Времени", не подсказала ему болъе благородной формы выраженія, исключающей возможность нарушенія правилъ самаго элементарнаго приличія и общественнаго такта".

Въ то же время другія газеты печатали относящіяся къ жизни и личности покойнаго писателя воспоминанія. Приватъ-доцентъ Россолимо привелъ въ "Русскихъ Въдомостяхъ" хранящуюся у него автобіографію Чехова. Вотъ что пишетъ г. Россолимо:

Изъ сохранившихся у меня писемъ и замътокъ покойнаго друга Антона Павловича для меня особенно цънна его рукописная краткая автобіографія, присланная имъ мнъ весной 1899 года и вошедшая въ альбомъ портретовъ съ краткими жизнеописаніями товарищей нашего выпуска, московскихъ медиковъ 1884 г., къ которому былъ причастенъ и А. П. Въ виду того, что въ свое время я получилъ отъ автора біографіи разръшеніе присвоить себъ эту рукопись, а также и потому, что подъ свъжимъ впечатлъніемъ смерти дорогого человъка такъ хочется думать и говорить объ его жизни, я спъщу подълиться съ почитателями великаго писателя тъмъ, что писалъ онъ о себъ послъ 20 лътъ литературной дъятельности.

"Я, А. П. Чеховъ, родился 17 января 1860 г. въ Таганрогъ. Учился сначала въ греческой школъ при церкви царя Константина, потомъ въ таганрогской гимназіи; въ 1879 г. поступилъ въ московскій универси-

тетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имълъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультеть не помню по какимъ соображеніямъ, но въ выборъ потомъ не раскаивался. Уже на первомъ курсъ сталъ печататься въ еженедъльныхъ журналахъ и газетахъ, и эти занятія литературой уже въ началъ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессіональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. ъздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгъ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замътокъ, всего, что писалось изо-дня въ день для газетъ и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лътъ литературной дъятельности было написано и напечатано болъе 300 листовъ повъстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы. Не сомнъваюсь, занятія медицинскими науками имъли серьезное вліяніе на мою литературную дъятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цвну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имъли также и направляющее вліяніе, и, въроятно, благодаря близости къ медицинъ, мнъ удалось избъжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на-сторожъ, и я старался, гдъ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдъ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замъчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценъ смерть отъяда такъ какъ она происходитъ на самомъ дълъ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно,

что это-только условность и что онъ имъетъ дъло со свъдующимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукъ отрицательно, я не принадлежу; и къ тъмъ, которые до всего доходять своимъ умомъ, не хотълъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ воскресенской земской больницъ (близъ Новаго Іерусалима) у извъстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недълю былъ врачемъ въ звенигородской больницъ. Въ холерные годы (1892—1893) завъдывалъ меликовскимъ участкомъ Серпуховскаго увзда".

О послъднихъ дняхъ Чехова разсказываетъ г. Супенниковъ въ "Спб. Въд.":

Д-ръ Винтеръ, ассистентъ д-ра Шверера, лъчившаго Чехова въ Баденвейлеръ, только-что сообщаетъ мнъ слъдующія подробности о пребываніи незабвеннаго писателя, оплакиваемаго всей мыслящей и читающей Россіей, въ шварцвальдскомъ курортъ и о послъднихъ дняхъ и часахъ его жизни:

"Согласно вашей просьбъ, сообщаю вамъ все важнъйшее о пребываніи Чехова въ здъшнемъ курортъ. Три недъли назадъ Чеховъ, давно уже, въ теченіе многихъ літь, страдавшій легочной бользнью, прівхаль прославленный Шварцвальдъ, чтобы оправиться здъсь отъ своей болъзни. Его еще молодая и красивая супруга, вышедшая за него замужъ около трехъ лътъ назадъ, сопровождала его и ухаживала за нимъ во все время его пребыванія здъсь съ трогательной нъжностью, ръшительно не догадываясь и не предчувствуя, какъ быстро она его лишится. И въ самомъ дълъ, казалось, что его надежда на поправленіе здоровья въ первое время исполнилась. Новая обстановка чрезвычайно понравилась ему. Русскій человъкъ, родившійся и выросшій

среди степей, искренно восхищался красотами природы, коими нашъ баденскій югъ столь богатъ. Прогулки вмъстъ съ супругой въ прекрасные сосновые лъса, видимо, радовали Чехова, и эти впечатлънія производили на него прекрасное вліяніе. Но вскор'в Чехова, привыкшаго къ природъ далекой Россіи, охватило безпокойство. Онъ переселялся здъсь изъ отеля въ отель и въ отелъ изъ одной комнаты въ другую, пока послъдніе дни его страданій не приковали его къ постели. Въ прошлый вторникъ наступилъ вполнъ неожиданно первый припадокъ ослабленія дъятельности сердца, казавшійся ему, какъ врачу, занимавшемуся раньше врачебной практикой, весьма опаснымъ для него. Весьма серьезнымъ тономъ онъ сказалъ: "теперь уже миъ осталось недолго жить..." Подъ вліяніемъ впрыскиванія камфоры и неусыпныхъ заботъ его врача, д-ра Шверера, онъ снова нъсколько оправился, пока снова въ среду не наступилъ жестокій припадокъ сердечной слабости. Этотъ припадокъ онъ еще перенесъ, но принималъ уже только жидкую пищу. Въ четвергъ состояніе его здоровья было снова удовлетворительно. Больной былъ въ полномъ сознаніи. Въ часъ ночи онъ проснулся отъ припадка сильнаго удушья, что побудило его послать немедленно за докторомъ Швереромъ. Врачъ сдълалъ немедленнонъсколько вспрыскиваній камфоры, укръпляющихъ дъятельность сердца, и распорядился, чтобы принесли изъ аптеки кислородъ. Но Чеховъ сказалъ: "оставьте". Онъ сдълалъ еще нъсколько глубокихъ вздоховъ и скончался спокойно въ три часа ночи... Слъдующей ночью я руководилъ перевезеніемъ трупа въ капеллу и имълъ, такимъ образомъ, возможность снова любоваться еще вполнъ неизмѣнившимся лицомъ, говорившимъ такъ ярко и сильнообъ его сердечной добротъ, давшей ему такъ много друзей и почитателей. Многочисленные вънки возложены были на гробъ, украшенный также цвътами, и красиво была убрана маленькая капелла. Въ субботу состоялась панихида, которую служилъ русскій священникъ изъ Карлеруэ. Присутствовали на панихидъ русскій посланникъ при баденскомъ дворъ фонъ-Эйхлеръ и всъ пребывающіе здъсь для лъченія русскіе. Всѣ, кто только слышалъ здъсь имя Чехова, собрались для оказанія ему послъдней почести, и знаменитый писатель, хотя скончавшійся вдали отъ родины, былъ въ гробу окруженъ своими соотечественниками и здъсь.

"Въ послъдніе дни своей жизни онъ неоднократно указывалъ на то, что ему придется преждевременно умереть. Пребываніе въ Баденвейлеръ, прекрасная природа и роскошная растительность въ связи съ великолъпной лътней погодой внушили ему такъ много новыхъ идей, дали ему такъ много новыхъ впечатлъній, что онъ, какъ самъ говорилъ, долженъ былъ бы еще жить многіе долгіе годы, чтобы свои наброски, которые онъ дълалъ и здъсь еще незадолго до своей смерти, такъ обработать и воплотить въ художественные образы, какъ онъ того бы хотълъ..."

Послъднимъ днямъ Чехова посвящаетъ свое письмо изъ Берлина въ "Рус. Въд." и г. Іоллосъ:

"Я лично въ Берлинъ уже получилъ впечатлъніе, что дни А. П. сочтены, — такъ онъ мнъ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малъйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинъ ему трудно было подняться на маленькую лъстницу потсдамскаго вокзала; нъсколько минутъ онъ сидълъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню, однако, что, когда поъздъ отходилъ, онъ, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мъстъ, высунулся

изъ окна и долго кивалъ головой, когда поъздъ двинулся. По прівздъ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодръе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотълъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недълъ здъшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость, -- комната ему не нравилась. хотълось другого мъста. Они пере ъхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затъмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtet Sommer, и здъсь онъ, сидя на балконъ, любилъ наблюдать сцены на улицъ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. "Видишь, — говорилъ онъ женъ, что значитъ культурная страна: всъ выходять и входять, каждый пишетъ и получаетъ письма". Выъзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лъсъ; проъзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: "Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!" Такъ дни проводилъ до начала этой недъли... А. П. производилъ впечатлъніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послъ камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ то матросъ, спрашивалъ объ японцахъ, но затъмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женъ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: "На пустое сердце ледъ не кладутъ".

Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нътъ. Когда теперь вспоминаютъ о нъкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ-будто

брошенныхъ случайно (ему, вообще, въ послъднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чъмъ у окружающихъ: за нъсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнъ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвътилъ: "Да знаешь, на всякій случай"... Послъднія его слова были: "Умираю", и потомъ еще тише, понъмецки, къ доктору: "Ich sterbe"... Пульсъ становился все тише... Умирающій сидълъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,-и безъ вздоха, безъ видимаго внъшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось сразу помолодъвшемъ лицъ".

Сотрудникъ "Новостей" посътилъ въ С.-Петербургъ родныхъ Чехова.

— "Печальное извъстіе получено было нами еще вчера подъ вечеръ. Мой мужъ тотчасъ же уъхалъ на встръчу тълу. Еще недавно только мы разстались съ Антономъ Павловичемъ; мы гостили съ Александромъ Павловичемъ у него въ Ялтъ; а теперь, какъ видите, ему придется видъть лишь трупъ бездыханный.— вздохнула Н. П. Чехова, супруга брата почившаго писателя.

— Была ли его смерть неожиданностью? — отвътила Н. П. на мой вопросъ. — Врядъ ли: рокового момента надо было ожидать съ минуты на минуту; въ послъднее время Антонъ Павловичъ былъ очень слабъ. Когда мы пріъхали къ нему въ Ялту весною этого года, я была страшно поражена происшедшей въ немъ перемъной. Это былъ положительно живой мертвецъ. Въ особенности лицо исхудало. Щеки ввалились. Я до этого его нъсколько лътъ не видъла и помнила его такимъ красавцемъ.

Да, послъдніе годы сильно подкосили его.

Какъ вамъ, въроятно, извъстно, у него развилась чахотка. Быть можетъ, онъ и не сошелъ бы такъ скоро въ могилу, если бы былъ остороживе. Но онъ ничего и слышать не хотълъ. Сколько его безпокоили въ Ялтъ, даже передать трудно. Въчные визиты, въчныя посъщенія. То ялтинскіе обыватели, то курортная публика, а многіе даже спеціально прівзжали. И въ какомъ бы онъ ни былъ состояніи, онъ всегда всъхъ приглашалъ. Иногда даже черезъ силу. Самъ кашляетъ, усталъ, ему бы отдохнуть; ужъ мы его бывало урезонивали: "ну, что за бъда, въ другой разъ придутъ; въдь, не по экстренному дълу, да и самому посътителю непріятно будетъ, если узнаетъ, что больного потревожилъ"

Но Антонъ Павловичъ и слышать не хотълъ. Чуткій, отзывчивый и чрезвычайно деликатный, онъ не могъ отказывать: "нътъ, нельзя, надо принять". Положительно, ему покою не давали. Пребываніе въ Ялтъ, однако, принесло ему, повидимому, нъкоторую пользу. Онъ сталъ себя чувствовать немного лучше. Хотя видъ его былъ, все-таки, ужасенъ. Но тутъ присоединилась еще другая болъзнь: разстройство кишечника. Эта болъзнь причиняла ему, пожалуй, еще большія страданія. Но главное, что ему нельзя было изъ-за этого пить молока. А оно ему было

необходимо.

Это стеченіе болъзней, повидимому, и ускорило печальную развязку.

Антонъ Павловичъ рѣшилъ поѣхать заграницу. Проѣздомъ онъ остановился въ Москвѣ и тамъ простудился въ маѣ мѣсяцѣ. Сами знаете, вѣдь, какое лѣто было. И здоровому простудиться не мудрено было.

Эта простуда окончательно подорвала его здоровье и заграницу онъ уъхалъ—такъ, говорятъ, страшно

было посмотръть на него. И, конечно, мы ужъмало надъялись на благополучный исходъ.

Первое время мы часто получали письма. Изъ нихъ мы, однако, не могли заключить, что такъ скоро наступитъ роковой конецъ. Въдь, онъ былъ очень терпъливъ и никогда почти не жаловался, а такъ тихо про себя переносилъ свои страданія, да лицо выдавало.

Потомъ письма стали рѣже.

А вчера было получено печальное извъстіе. Другой братъ, Михаилъ Павловичъ, получилъ телеграмму на нъсколько часовъ раньше; но телеграмма лежала до вечера нераспечатанной, такъ какъ М. П. въ отъъздъ.

Къ вечеру и мы получили.

Послъ Антона Павловича остались мать, жена, сестра, — дътей нъть.

Больше всъхъ онъ былъ обязанъ сестръ, которая все время неустанно за нимъ ухаживала, даже замужъ не вышла изъ-за него.

Матеріально онъ обезпечены. А П. оставилъ домъ въ Ялтъ, нъсколько

дачъ.

Но главнаго наслъдства онъ ихъ, какъ мы всъ говоримъ, лишилъ: онъ продалъ всъ свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ. Наслъдники, кажется, даже не имъютъ права издавать

Но всѣ эти вопросы, конечно, ничто въ сравненіи съ тяжелой потерей.

— Въдь, ему было всего 45-й

годъ, -- вздохнула Н. П.

На верандъ дачи, гдъ мы сидъли, стало тихо. Н. П. призадумалась. Передъ нами какъ бы пронеслась тънь безвременно угасшаго творца "Палаты № 6", и грустно стало на душъ..."

"5 іюля, въ 6 час. 30 мин, утра, гробъ съ тъломъ Ан. П. былъ доставленъ изъ Баденъ-Вейлера на станцію Мюнгеймъ. Сопровождали гробъ вдова покойнаго, два московскихъ студента и г. Іоллесъ. Отсюда

гробъ тотчасъ отправился въ Берлинъ, но вмъсто того, чтобы везти его со скорымъ поъздомъ, какъ предполагалось, пришлось отправить его съ пассажирскимъ.

Наконецъ, 8-го іюля прибыло тъло писателя въ Петербургъ. Никто не зналъ навърно о часъ прибытія поъзда и получилось вотъ что:

На платформъ ни живой души. Стрълка подвигается. Вотъ пришелъ варшавскій повздъ: платформа оживилась было на нъсколько мгновеній и снова опустъла. Къ половинъ девятаго на перронъ собралось... едва полтора десятка людей, преимущественно представителей чати; но далеко не всъ газеты прислали своихъ представителей. Изъ столичной прессыявились корреспонденты "Руси" и "Новостей". Затъмъ были сотрудники "Русскаго Слова". "Русской Правды", "Русскаго Листка", "Русскихъ Въдомостей", "Новостей Дня"; литературный міръявился въ лицъ гг. Венгерова и Кранихфельда и, кромъ того, было человъкъ 5 сторонней публики. Три четверти девятаго. Свистокъ. Вдали показался поъздъ. Онъ приближается. Вотъ наглухо запертый вагонъ. На замкъ незатъйливый букетъ изъ полевыхъ цвътовъ. "Здъсь" мелькнуло у всъхъ въ головъ и всъ столпились у вагона. Въ это время изъ другого вагона, никъмъ не замъченныя, вышли двъ скорбныя женскія фигуры въ трауръ.

Когда платформа очистилась отъпрівзжей публики, эти фигуры обратили на себя вниманіе: это были—вдова покойнаго и ея родственница. Трудно было узнать г-жу Книпперъвъ исхудавшей, осунувшейся О. Л. Чеховой. Глубокими складками легла печаль на ея печальномъ лицъ. Изъглазъ струились слезы. Она оглянулась кругомъ. Горькая обида отразилась на ея измученномъ лицъ, обида за покойнаго, тъло котораго столица встрътила такъ холодно, такъ равнодушно.

Ноги подкосились и, припавъ на

ллечо спутницы, она нервно разрыдалась. Свидътелямъ этой сцены стало тяжело на душъ. Скорбь отъ невознаградимой потери усугуби**ѣдкимъ** чувствомъ жгучаго стыда. Болъе тяжелыхъ минутъ мнъ не приходилось переживать.

"Никто не зналъ времени прибытія";—шопотомъ раздавалось изъ устъ. Мы всъ повторяли это и въ то же время каждому хотълось крикнуть: "Молчите, вы не знали, когда

привезутъ останки Чехова".

Какъ это случилось? Почему не давали знать? Почему не телеграфировали? спросили О. Л. Чехову. Дрожащимъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, О. Л. запротесто-

вала. Запротестовала и спутница ея.

— Я отправила нѣсколько телеграммъ, -- сказала О. Л. Изъ нихъ одну на имя П. И. Вейнберга, двъ прямо на станцію.

- Встръчали ли васъ по пути?

 Только въ Вильнъ возложили вънокъ отъ мъстной газеты. Да за Двинской на какой то глухой станціи нъсколько студентовъ возложили цвѣты.

Такъ путешествовали останки Чехова, никому невъдомые, ни въ комъ не возбуждая печальныхъ воспоминаній.

Ради Бога, скоръй въ Москву!-стономъ вырвалось у О. Л.

О. Л. выразила желаніе, чтобы отслужили литію у гроба. Представители печати бросились исполнять ея желаніе. Благодаря чьему то энергичному содъйствію розыскали священника и пъвчихъ. Вагонъ съ гробомъ отвели на запасный путь. Кощунственно пестръвшая надпись "для перевозки устрицъ" была закрашена. Дверь вагона открыли. Присутствовавшіе обнажили голову: посреди вагона, покрытаго черной матеріей, обложенный вънками гробъ. Вънки отъ "русскихъ студентовъ въ Берлинъ", отъ "Bratstwo" въ Берлинъ, отъ дармштадтскихъ студентовъ, князя Аргутинскаго и др. Шатаясь вошла въ вагонъ О. Л. и

жадно прильнула къ дорогому гробу. Началась литія. По платформъ понеслось печальное похоронное пъніе, заглушаемое свистомъ и трескомъ громыхавшихъ поъздовъ.

Такъ встрътила столица останки "закатившейся звъзды сумеречныхъ

дней".

Въ 11 часовъ литія кончилась. Утомленная О. Л. со своей спутни-

цей уъхали отдохнуть.

Къ 1 часу дня была назначена вторая литія. Въсть о прибытіи тъла Чехова успъла распространиться, и къ часу дня собралось на перронъ до ста человъкъ. Были уже многіе представители литературнаго міра.

Венгеровъ возложилъ вънокъ отъ литературнаго фонда. Въ началъ второго часа на платформъ показался министръ путей сообщенія князь Хилковъ. Министръ вошелъ въ вагонъ и поклонился праху усопшаго. Послъ литургіи, въ 2 часа, вагонъ съ гробомъ былъ отправленъ по передаточной въткъ на Николаевскій вокзалъ. Здѣсь собралось до двухсотъ человъкъ. Несмотря на короткій срокъ-здѣсь поѣздъ стоялъ нъсколько минутъ-была еще разъ отслужена литія. Здъсь же были возложены вънки: отъ редакціи "Новостей" съ надписью лентъ: "А. П. Чехову", отъ редакціи "Русскаго Богатства": "Пъвцу сумрачныхъ дней", отъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей "Самобытному провозвъстнику новыхъ путей русской драмы", "Петербургской Газеты", городского самоуправленія. товарищества "Знанія" и др.

Третій звонокъ. Раздается пъніе "въчной памяти". Публика подхватываетъ. Въ толпъ слышенъ плачъ. Съ глухимъ трескомъ закрывается дверь. Повздъ трогается. Публика

уныло расходится.

9-го іюля хоронили Чехова Москвъ.

Не смотря на ранній часъ,

приходу почтоваго повзда, съ которымъ должно было прибыть въ Москву тъло Ан. П. Чехова, на платформ В Николаевскаго вокзала собралась тысячная толпа. Платформа заставлена вънками. Для встръчи останковъ писателя собрались на вокзалъ почти всъ представители московскаго литературнаго міра. крупныхъ именъ назовемъ: Максима Горькаго, Вл. И. Немировича-Данченко, кн. Сумбатова, г. Гольцева. Петербургскія газеты и журналы также прислали своихъ представителей. Въ 7 час. 30 мин. утра подошелъ повздъ. Вдову Ан. П. подъ руку вывели изъ вагона. Депутаціи съ вънками поспъшили траурному вагону. Вдовъ близкимъ Ан. П. съ трудомъ пришлось пробираться сквозь эту густую толпу. Духовенство начало у гроба краткую литію. Студенты московскаго сельскохозяйственнаго института осыпають гробъ живыми цвътами. Молодежь выноситъ гробъ на дворъ вокзала и устанавливаетъ на траурную колесницу. Несутъ безчисленные вънки. Четыре горки уже заполнены вънками, но ихъ остается еще много. Среди этой массы вънковъ выдъляются слъдующіе 9 серебряныхъ: 1) отъ Московскаго литературно-художественнаго кружка" съ надписью на лентъ: Памяти незабвеннаго писателя и почетнаго члена", 2) отъ дирекціи и артистовъ Императорскихъ театровъ, отъ А. И. и А. С. Сувориныхъ— "Милому А. П. Чехову", 4) отъ И. Д. Сытина-"Гордости русской литературы,, 5) отъ "Одесскихъ Новостей" 6) отъ "Благодарнаго читателя священника Петрова", 7) отъ **-"**Свѣтредакціи "Новостей Дня"лой памяти А. П. Чехова", 8) отъ редакціи "Міра Божьяго"— "Незабвенному художнику-обличителю во имя правды и добра", 9) серебряная пальмовая вътвь отъ общества народныхъ развлеченій. Изъ другихъ вънковъ своею трогательною надписью выдълялся вънокъ отъ

студентовъ московскаго сельско -хозяйственнаго института: "Онъ жилъ въ сумеркахъ, а думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ когда жизнь будетъ такой же свътлой и радостной, какъ тихое весеннее утро". На роскошномъ вънкъ изъ розъ и орхидей Шаляпина надпись: "Съ великою скорбью Шаляпинъ: дорогому, незабвенному Чехову". Затъмъ были слъдующіе вънки: отъ московскаго Художественнаго театра—"Скорбной памяти писателя друга московскій Художественный театръ въ безпредъльномъ горъ"; отъ Общества попеченія объ улучшеній быта учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ- "Лучшему другу русскаго народнаго учителя"; отъ Общества любит елей россійской словесности - незабвенному сочлену", отъ Амфитеатрова изъ Вологды— "Великому пъвцу сърыхъ будней, маленькихъ людей, свътлыхъ надеждъ — подпоручикъ Федотикъ"; "Пъвцу сумеречныхъ дней" ... "Русское Богатство"; отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища — "Горячо любимому писателю скорбнику русскихъ сумерокъ- городъ Таганрогъ". "Человъкъ страстно ищетъ и, конечно, найдетъ" отъ газеты "Русь"; "Настанетъ новая счастливая жизнь" (Три сестры) —отъ журнала "Театръ и Искусство"; отъ товарищества "Грифъ" вънокъ съ цитатою изъ "Дяди Вани": Мы услышимъ ангеловъ и увидимъ все небо въ алмазахъ"; отъ "Русскихъ Въдомостей" - "Высокочтимому писателю и не газетному сотруднику"; отъ сословія присяжныхъ повъренныхъ и ихъ помощниковъ; врачей - психіатмосковскихъ ровъ; отъ союза драматическихъ писателей — "Самобытному провозвъстнику новой русской драмы"; отъ "Русской Мысли"-вънокъ изъ вишневыхъ листьевъ и вишенъ; отъ "Биржевыхъ Въдомостей"; "Русскаго Слова" (изъ розъ), "Новаго Вре-"Образованія", Правды", "Совъта Театральнаго общества", "Южнаго Края", виленскаго городского собранія, петербургской драматической труппы, отъ города Москвы, "Московскаго Листка", "Развлеченія", "Осколковъ" отъ одесскаго литературнаго общества, отъ общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, отъ журнала "Нива", отъ г. Маркса, литературнаго фонда, отъ чрезвычайнаго посла при берлинскомъ дворъ графа Остенъ-Сакена и мн. др. Всъхъ вънковъ болъе 100.

Въ 8 ч. 15 м. печальная процессія тронулась со двора вокзала. Гробъ несли все время на рукахъ. За гробомъ шли вдова и близкія къ покойному лица, сопровождаемыя тысячной толпой, которая все болѣе и болѣе росла по мѣрѣ того, какъ процессія приближалась къ кладбищу.

Но глубоко грустное впечатлъніе пишетъ корреспондентъ "Спб. Въд.", оставило по себъ все слышанное и видънное у могилы А. П. Чехова.

Многотысячная толпа, тепло встръчавшая и провожавшая останки родного писателя, устремилась на кладбище Ново-Дъвичьяго монастыря, чтобы услышать послъднее прощальное слово надъ могилой вдохновеннаго изобразителя современной сумеречной жизни.

Это не поддается никакому объясненію, но нужно установить фактъ, что никто изъ присутствовавшихъ литераторовъ, ученыхъ, писателей и сценическихъ дъятелей, въ числъ которыхъ называли Горькаго, Златовратскаго, кн. Сумбатова, многихъ профессоровъ и почти всъхъ редакторовъ и сотрудниковъ столичныхъ журналовъ и газетъ, не сказалъ ни единаго слова на могилъ А. П. Чехова.

Множество вънковъ и цвътовъ усъяли могилу почившаго поэта, но ни одного живого слова не услышала публика изъ устъ его друзей, почитателей и цънителей.

Несмотря на лившій съ перерывами проливной дождь, публика

не оставляла кладбища, надъясь услышать желанныя ръчи; гробовое молчаніе царило вокругъ и продолжалось томительно долго.

И случилось нъчто неожиданное: публика сама заговорила. Изъ толпы выдъляется невъдомый юноша и произноситъ горячую рѣчь, полную упрековъ по адресу присутствовавшихъ представителей литературы: "о чемъ молчите вы, писатели и ученые? Неужели у васъ не нашлось теплаго слова на могилъ того, чью смерть оплакиваеть все русское общество? Мнъ-ли, юношъ, здѣсь говорить, а вамъ угрюмо молчать? Стыдно и больно присутствовать на похоронахъ любимаго русскаго писателя при такомъ безмолвіи людей, близкихъ ему по духу и поприщу служенія ...

Публика всколыхнулась и выразила горячее одобреніе словамъ импровизированнаго оратора. За нимъ послѣдовали другіе ораторы публики. Говорили въ томъ же тонъ упрека и на ту же тему, говорили о хмурыхъ людяхъ, о безвременьъ, о безсловесности русскаго общества, характеризующей его не только въ условіяхъ обыденной жизни, но и у свъжей могилы любимаго писателя. Кто-то говорилъ о дътскихъ типахъ въ произведеніяхъ А. П. Чехова; кто-то прочелъ стихотвореніе; посладній ораторъ закончилъ ръчь свою, обращаясь ко могилъ почившаго, словами: "да, дорогой писатель, мы еще молчимъ, мы еще не умъемъ говорить даже въ минуту глубокой скорби о твоей безвременной кончинъ ...

не нашлось, и на этомъ закончился печальный обрядъ погребенія А. П. Чехова.

Съ чувствомъ неудовлетворенности и глубокой грусти тысячи людей оставили мъсто въчнаго упокоенія "пъвца тоски и безвременья". Хмурое небо плакало частыми и крупными слезами... Появились кое-гдъ отрывки изъжизни Чехова, маленькія воспоминанія.

Московскія газеты очень кстати воспроизводять рѣчь Шаляпина о покойномъ писателѣ, сказанную имъ на одномъ ужинѣ, послѣ перваго представленія "Вишневаго сада". Вотъ эта рѣчь:

— Господа! Говорятъ, что у человъка пять чувствъ: слухъ, зръніе, вкусъ, обоняніе, осязаніе. Это неправда. У человъка есть еще одно чувство. Это чувство-пошлость. И сильное чувство! Человъкъ смотритъ Человѣкъ пошлостью. слушаетъ пошлостью. Человъкъ смотритъ и видитъ не то, что видитъ его глазъ,-а то, что видитъ его пошлость. Человъкъ слушаетъ и слышитъ не то, что слышитъ его ухо, -- а то, что слышитъ его пошлость. Пусть вокругъ самыя лучшія произведенія искусства, пусть вокругъ раздаются самыя лучшія слова, - онъ восприметъ это все своей пошлостью, и все это передается его уму опошленное. Даже тамъ, гдъ нътъ ничего пошлаго, -- онъ увидитъ пошлое, такъ сильно это чувство, которымъ онъ видитъ и слышитъ! И во всемъто найдетъ человъкъ себъ пошлость. И все-то превратить въ пошлость. И одной сплошной пошлостью сдълаетъ всю жизнь свою. Никто такъ не открывалъ въ человъкъ шестого могучаго чувства, **010TE** какъ Антонъ Павловичъ. Никто съ такого жалостью къ человъку не обрисовалъ этого чувства, — какъ онъ.

* *

Г. Дорошевичъ касается отношеній Чехова къ А. С. Суворину.

Суворинъ очень любилъ Чехова, и Чеховъ очень любилъ Суворина.

Онъ не любилъ "Новаго Времени", но "старика Суворина" любилъ глубоко и сильно.

— Вы знаете, — говорилъ Чеховъ однажды послъ посъщенія его А. С. Суворинымъ, — Суворинъ сдълалъ

одну ошибку. Зачъмъ онъ началъ издавать газету?! Оставаться-бы ему просто-на-просто всю жизнь журналистомъ! Какой-бы это былъ журналистъ!

Кто знаетъ, быть можетъ, г. Суворинъ и самъ, подумавъ хорошенько о своей журнальной "карьеръ", пришелъ-бы къ такому-же убъжденію.

Какого первокласснаго журналиста, быть можетъ, задавилъ издатель, —увы! — "долженствующій" бояться за объявленія, дрожать за розницу...

Быть можетъ, это правда:

— Не будь "Новаго Времени", былъ-бы Суворинъ.

* *

Г. Первухинъ въ "Русск. Сл." печатаетъ воспоминанія объ А. П. Чеховъ во время его пребыванія въ Ялтъ. Антонъ Павловичъ пользовался исключительной популярностью.

Чеховъ всѣмъ казался какою-то верховною инстанціей, къ которой можно прибъгнуть въ минуту жизни трудную, когда испытано уже все, и это "все" не дало никакихъ результатовъ.

Благодаря необычайной добротъ своей, онъ никому не могъ отказать

въ просьбахъ.

Мнъ, очень близко сталкивающемуся съ міромъ ялтинской бъдноты, часто, слишкомъ часто, приходилось отыскивать заботливо спрятанные слъды огромныхъ расходовъ Чехова на помощь нуждающимся. Тамъ — бъдняку-студенту два, три мъсяца Чеховъ выдаетъ "стипендію". Тамъ цълая семья живетъ:

— Антонъ Павловичъ какихъ-то добрыхъ людей нашелъ... Черезъ него помогаютъ... Аккуратно присылаютъ.

И я имъю всъ основанія предполагать, что всъ эти "добрые люди" воплощались единственно въ лицъ самого сурово-молчаливаго Чехова.

Я сказалъ, что Чеховъ игралъ въ жизни мъстнаго общества совсъмъ

особую роль. Въ самомъ дѣлѣ, взять хотя-бы такіе казусы: маленькой провинціальной газеткѣ грозитъ опасность за какія-то прегрѣшенія,—напечатала газетка что-то такое, что опубликованію не подлежало, являясь строго хранимою канцелярскою тайною. Надъ газеткою виситъ Дамокловъ мечъ... Малотого, идетъ слѣдствіе, откуда газетка добыла опубликованныя ею свѣдѣнія.

Завъдующій редакцією, потерявшій голову, сидитъ у Чехова, объясняя ему положеніе дъла, и слы-

шитъ въ отвѣтъ:

— Относительно поддержки попытаюсь, напишу... Не ручаюсь, конечно... А вотъ относительно того, откуда добыто сообщеніе,—пишите: настоящимъ удостовъряемъ, что сказанное сообщеніе доставлено намъ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ"...

Такъ и написали, и гроза прошла мимо. Допытаться у Чехова, откуда онъ получилъ эти "криминальныя" свъдънія, сочли, повидимому, не-удобнымъ.

Обыватель, считая себя обиженнымъ мъстной газетой, грозилъ не

суломъ:

— Пожалуюсь на васъ Антону Павловичу.

Тотъ-же обыватель слышитъ отказъ напечатать его письмо или статью, и опять заявленіе:

— А, вотъ какъ! Ну, ладно-же. Когда такъ, я къ Антону Павловичу...

Если для всей Россіи смерть Чежова— невознаградимая потеря, то для Ялты—это потеря совсъмъ родного человъка.

* *

Разсказъ о томъ, какъ Чеховъ баллотировался въ члены союза писателей, находимъ въ "Одесск. Нов.". По странной случайности, онъ не попалъ въ члены-учредители.

Со стороны Чеховъ слъдилъ за первыми шагами "Союза". Слъдилъ съ интересомъ и вниманіемъ. Но самъ оставался въ сторонъ.

Пока на это не обратили вниманія его друзья...

Чехова уговорили баллотиро-

— Вы ручаетесь за благопріятный результать?

— Помилуйте, Антонъ Павловичъ, какой же это союзъ писателей безъвасъ...

Со стороны Чехова, между тъмъ, этотъ вопросъ не былъ простой

шуткой.

Въ то время противъ Чехова въ отдъльныхъ писательскихъ круж-кахъ т. наз. либеральнаго лагеря шла сильная агитація...

Только что появились его "Му-жики".

— Такой талантъ, такой талантъ!— восхищались читатели.

 Помилуйте, какая вредная тенденція!— возмущались принциписты.

А "вредность тенденціи" заключалась въ томъ, что въ "Мужикахъ" нътъ тенденціи...

Есть настоящіе художественные перлы, есть изумительная наблюдательность, проглядываетъ изумительная возвышенность нравственнаго чувства автора...

Не было только народнической тенденціи, въ то время охватившей чуть-ли не весь либеральный ла-

герь...

Тенденціи, которая заставила тогда многихъ талантливыхъ писателей писать бездарныя вещи.

Чеховъ же писалъ съ натуры. Безъ заранъе обдуманнаго намъренія. По настроенію. Только правду, одну неприкрашенную правду.

И получилось высокохудожественное произведеніе, производившее сильное впечатлъніе своей искрен-

ностью.

Ho...

Антипринципіальное.

И досталось же тогда Чехову!
Въ союзъ русскихъ писателей его
чуть-чуть не забаллотировали!..

— Такого талантливаго писателя?! Цвътъ родной литературы!?

— А его "Мужики"?

Чеховъ вспоминалъ объ этомъ инцидентъ съ улыбкой. Доброй, всепрощающей улыбкой. Бываетъ.

По иниціативъ В. А. Гольцева при Историческомъ музеъ будетъ устроена въ память почившаго писателя т. наз. "Чеховская комната".

Особенно интересныя воспоминанія о Чехов'в сообщаетъ изв'встный публицистъ, скрывающійся подъпсевдонимомъ, Абадонна" въ "Руси".

Прекраснымъ свътлымъ вечеромъ іюля получилъ я телеграмму о смерти Антона Павловича Чехова. Подъ окнами моего дома — яркая излучина ръки, видная далеко-далеко на востокъ и на западъ. Ръка жила, въ печальномъ огнъ заката усыпанная десятками лодокъ. Скрипъло концертино. Пъли хоромъ молодые голоса:

Хорошо было дътвнушкъ Сыпать ласковы слова, Да трудненько Катеринушкъ Парня ждать до Покрова!..

И хотълось мнъ выбъжать на бугоръ надъ излучиною и крикнуть имъ туда, на ръку.

— Не пойте! Антонъ Павловичъ

Чеховъ умеръ!...

И зналъ я, что если выбъгу и крикну, то замолкнутъ, скованные ужасомъ, голоса, и онъмъетъ унылая ръка, и надвигающіяся сумерки накроютъ ее, какъ черный трауръ. Потому что голосъ мой, отравленный рыданіями, прозвучалъ бы тою же безысходною тоскою, какъ тотъ голосъ, который возвъстилъ когдато греку-корабельщику въ Іоническомъ моръ:

— Скончался великій Панъ!

Да! умеръ великій Панъ! великій Панъ русской природы, русскаго бытового уклада, разносторонней русской скорби, немногихъ, скромныхъ и робкихъ русскихъ радостей. Умеръ человъкъ, который дышалъ одною жизнью съ Россіей, который весь былъ сотканъ изъ русской стихіи, грустной, покаянной, самопро-

въряющей, самобичующей... Умеръ геніальный художникъ, проникночутьемъ своимъ создаввеннымъ шій столько русскихъ, неотъемляемыхъ отъ насъ, плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ, типовъ, что если-бы собрать и поселить вмъстъ всъ дъйствующія лица Чехова, то возникъ бы цълый уъздный городъ. И быль бы онъ-настоящій русскій городъ, какъ почти всѣ наши великорусскіе города; географическая точка мъстонахожденія въ одномъ сборномъ пунктъ нъсколькихъ тысячъ людей, недоумъвающихъ, зач~~ъмъ~~ они сущ~~е~~ствуютъ, зачъмъ тянулось и извивалось ихъ прошлое, куда поведетъ будущее, и стоитъ ли его ждать...

Сейчасъ не время и не мъсто оцънивать и подсчитывать громадность потери. Она ошеломляетъ, подавляетъ, отъ нея, проклятой и неожиданной, опомниться нельзя! Боже мой! Передо мною лежитъ его недавнее письмо-милое, веселое письмо о "Вишневомъ Садъ", съ бодрыми шутками, съ объщаніемъ скоро увидъться... Боже мой! Онъ только что собирался ъхать на войну, врачомъ, изучать, какъ убиваютъ другъ друга и умираютъ другъ отъ друга, охваченные стихіей разрушенія, люди... Боже мой! Давно ли онъ улыбался Москвъ, — кто думалъ, кто могъ, кто посмълъ бы думать, что прощальною улыбкою?

Я узналъ Антона Павловича двадцать два года назадъ, въ редакціи юмористическаго журнала, когда онъ былъ молодой, здоровый, веселый, полный какой-то почти непроизвольной даже, механической будто, наблюдательности, со смъхомъ въ юныхъ глазахъ и серьезными складками надъ глазами, когда онъ звался Антошею Чехонте и говорилъ мнъ своимъ глуховатымъ басомъ:

— Когда мнъ будутъ платить 15 копеекъ за строчку, я закажу себъ фракъ и стану думать, что я великій писатель.

Обманывалъ ты, лгалъ на себяникогда не лгавшій челов вкъ! Строки Чехова давно уже стали драгоцъннъе золота, а великимъ писателемъ считать себя онъ такъ и не выучился, и когда чья-либо восторженная критика или благоговъйная бесъда говорили ему: пойми же самого себя, взгляни и возрадуйся, какъ ты великъ! — онъ отступалъ. смущенный, сконфуженный, почти въ испугъ. Чеховъ былъ человъкъ скептицизма, истинно трагическаго. Онъ чувствовалъ себя въ жизни, какъ чувствовалъ бы естествоиспытатель огромныхъ знаній и притомъ съ зръніемъ, обостреннымъ до силы микроскопа. Онъ проникалъ и въ другихъ, и въ самого себя до послъднихъ глубинъ человъческой природы, до мельчайшихъ пружинъ ея таинственнаго механизма. И вотъ, въ концъ концовъ, онъ изъ говорливаго юноши, съ смъющимися глазами, переродился въ молчаливаго, преждевременно пожилого человъка, а въ глазахъ его появилась и застыла ясная и неподвижная, внутрь себя обращенная, скорбь — роковая скорбь страдающаго "человъкобога", ушедшаго въ прозорливыя тайны самопознанія, недоступныя къ пониманію даже лучшимъ изъумовъ обыкновенныхъ, и потому одинокаго, одинокаго, одинокаго въ жизни какъ печальный полубогъ-полузвърь, мечтающій сфинксъ среди пустыни. Мы знаемъ много мыслей Чехова, а я, все-таки, думаю, что онъ успълъ бросить намъ лишь крупицы своей бездонной души, --- снялъ дишь верхній слой богатаго закрома. Въ этомъ человъкъ, помимо всего, что онъ явно творилъ, всегда тлъла особенная, внутренняя работа, таинственно, --- можетъ быть, даже не всегда сознательно для него самого, -- подготовлявшая его будущія откровенія. И владъла имъ эта пожирающая сила мучительно и властно, и затаивалъ онъ въ себъ власть ея, чтобы не остаться не понятымъ и страннымъ, даже предъ самыми

благожелательными — больше, даже предъ самыми близкими и родными людьми. Мнъ извъстны случаи, когда инымъ поверхностно-умнымъ охотникамъ поговорить съ знаменитостью, и даже спеціалистамъ по этой части, Чеховъ не только не нравился, но даже казался... глупымъ! Покойный Курепинъ, обожавшій дарованіе Чехова и едва ли не первый благословившій его въ печать, такъ и умеръ въ убъжденіи, что Чеховъ-огромный талантъ, но плохая голова, да еще скрытная, черствая натура. А между тъмъ были уже написаны и "Скучная Исторія", и "Дуэль", и "Степь"!... Всю силу и глубину мягкой до дътскости, любвеобильной души Антона Павловича можно было взять сразу только инстинктивнымъ сочувствіемъ; исподволь онъ требовали очень пристальной и любовной вдумчивости. Надо было полюбить его и повърить ему, -- тогда сфинксъ открывался вамъ, красноръчивый уже въ молчаніи своемъ, не нуждаясь пояснять себя многими словами, и росъ, росъ громадою, пока не заслонялъ собою весь вашъ умственный горизонтъ. И тогда, въ священномъ трепетъ, вы понимали, прониникаясь имъ во всемъ существъ своемъ, что предъ вами-человъкъ

Я, послъ молодыхълътъ совмъстной работы, встръчалъ, видалъ Чехова и переписывался съ нимъ--все черезъ большіе промежутки времени, ръдкими урывками. И при каждой новой встръчъ, я поражался, какъ быстро и полно мудрълъ и старълъ внутри себя этотъ огромный умъ. Къ сорока годамъ у Чехова былъ уже взглядъ въщаго пророка, съ памятью нъсколькихъ столътій, съ печальнымъ опытомъ позади, безъ радости въ думахъ о будущемъ. Всъ знаютъ, какъ скроменъ былъ Чеховъ. Онъ едва ли не единственный крупный нашъ писатель, о которомъ рекламы нътъ и не было даже въ формъ "анекдотовъ изъ жизни". Публика любитъ разсказы о разсъянности писателей. Не думаю, чтобы Чехова можно было назвать разсъяннымъ, -- слушалъ и наблюдалъ онъ съ изумительно чуткимъ и терпъливымъ вниманіемъ. Но за разсъянность можно было иногда принять то хроническое состояніе задумчивости, "зрънія, обращеннаго внутрь себя", о которомъ я говорилъ выше и которое, когда Чеховъ не слъдилъ за собою, вырывалось вслухъ словами, врядъ-ли вполнъ чаянными для него самого и вполнъ неожиданными для собесъдника. Въ 1892 году я сидълъ у него на Малой Дмитровкъ и разсказывалъ объ Италіи, откуда только-что возвратился. Антонъ Павловичъ ходилъ по кабинету, разспрашивалъ, о себъ кое-что разсказалъ. Потомъ разговоръ перешелъ на стороннія, обще-литературныя темы. И вдругъ глаза мои встрътили уже знакомый, ясно и отвлеченно осмысленный взглядъ человъка, необычайно важно задумавшагося о чемъ-то далекомъ другомъ, и меланхолическій басокъ прогудълъ мягко и ръшительно:

А затъмъ Антонъ Павловичъ спохватился, даже слегка покраснълъ и живо возвратился, въ разговоръ, "на

первое".

Въ творчествъ онъ выливался весь, полнымъ воплощениемъ мысли, какъ выносилъ ее и сумълъ сказать до самаго дна. Печатными листами или текстомъ для сцены, онъ давалъ все, что самъ зналъ о предметъ дъйствія и характерахъ его героевъ, и еще дальнъйшихъ объясненій было требовать отъ него уже напрасно. Артисты московскаго Художественнаго театра неоднократно разсказывали мнъ, какъ плачевно кончались попытки вызвать Чехова на толкованіе написанныхъ имъ ролей. Твердо высказавшійся авторъ смущался, какъ застигнутый врасплохъ, улыбался и гудълъ какую-нибудь общую, ничего не прибавляющую характеристику, вродъ:

 Послушайте... знаете, онъ человъкъ такой... веселый.

Или:

-- У него свътлыя пуговицы.

Впечатлъніе, однажды захваченное его наблюдательнымъ механизмомъ, оставалось въ Чеховъ жить навсегда, покуда, выработавшись, не вырывалось какимъ либо чаяннымъ или нечаяннымъ экспромптомъ. И это-до мельчайшихъ мелочей. Мнъ разсказывалъ А. Л. Вишневскій (артистъ московскаго Худож. театра). Чеховъ остался чъмъ-то недоволенъ въ первомъ представленіи "Дикой Утки" или другой какой-то пьесы Ибсена и не умълъ или не хотълъ выразить, чъмъ именно. Прошло три мъсяца. Чеховъ и Вишневскій подольскомъ имѣніи Павловича удятъ рыбу. Молчатъ. И вдругъ Вишневскій слышитъ, что Чеховъ смъется, какъ ребенокъ.

Что вы, Антонъ Павловичъ?
Послушайте-же, нельзя— А—у

Ибсена играть!

А объ Ибсенъ всъ забыли уже

и думать! А онъ думалъ...

Художественный театръ звали, и справедливо, театромъ Чехова. Но и благодарный Чеховъ, воскрешенный этимъ театромъ къ призванію и успъху драматурга, послъ недостойнаго отношенія къ пьесамъ его на казенныхъ сценахъ, сроднился съ Художественнымъ театромъ до полной неразрывности. Женитьба писателя на талантливой артисткъ О. Л. Книпперъ закръпила его тъсное дружество съ дъломъ Станиславскаго и Немировича-Данченко. Врядъ ли Антонъ Павловичъ меньше любилъ театръ ихъ и не думалъ о немъ не столько же, какъ они сами. Въ письмъ, полученномъ мною отъ Чехова всего шесть недъль назадъ, такая теплота, хорошая дышетъ любовь этому симпатичному ΚЪ дълу.

Разумъется, не Чехову было жаловаться на неудачи въ литературной карьеръ. Онъ былъ признанъ и публикою, и критикою почти съ

первыхъ своихъ начинаній, едва изъ московскаго "Будильника" перешелъ въ петербургскіе "Осколки" и создалъ для нихъ сотню миніатюръ, сложившихъ потомъ, впервые прославившіе его, "Пестрые разсказы". Затъмъ — нововременскій періодъ, съ почти влюбленнымъ благоговъніемъ къ Чехову А. С. Суворина. Затъмъ-, Русская Мысль", "Съверный Въстникъ" и тъсный союзъ съ передовою частью русской печати. Затъмъ періодъ Художественнаго театра, европейская слава, обезпеченное положеніе... казалось бы, счастливчикомъ путь дорогу совер-Sonntagskind, въ шилъ, совсъмъ сорочкъ родился! А между тъмъ, этотъ счастливецъ томился глубокимъ и искреннимъ самонедовольствомъ, полнымъ недовъріемъ къ существу своего успъха и,-быть можетъ, больше того, - тяжелыми сомнъніями въ самой нужности своего творчества. Только, когда я видълъ Чехова по возвращеніи съ Сахалина, нашелъ его, хотя очень мрачнымъ, но собою какъ будто довольнымъ, въ живомъ сознаніи, что онъ сдълалъ важное общественное дъло, значеніе котораго не можетъ подлежать спору. Я не скажу, чтобы Антонъ Павловичъ былъ совершенно равнодушенъ къ неуспъху своихъ произведеній: напримфръ, нелфпый провалъ "Чайки" Александринскимъ театромъ страшно потрясъ писателя и несомнънно отнялъ у него нъсколько мъсяцевъ, если жизни не лътъ. Но успъхъ свой онъ принималъ какъ-то грустно, скептически, не безъ печальной насмъшки втайнъ и надъ самимъ собою, и надъ честь воздающими... Пессимистическій потомокъ Экклезіаста, онъ носилъ его начертаніе въ сердцъ своемъ: vanitas vanitatum et omnia vanitas. Я вспоминаю Чехова, послъ первыхъ петербургскихъ лавровъ и пушкинской преміи, въ дружескомъ домъ одного московскаго угрюмымъ, какъ ночь.

Спрашиваю его:

— Что же вы подълывали въ Петербургъ?

— Учился говорить генеральскимъ

басомъ.

Хозяйка его попрекнула:

-- Вы насъ совсъмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

Онъ усмъхнулся и отвътилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

Фраза эта совсъмъ ошеломила было бъдную даму, но, когда она, вскипъвъ, пристально взглянула на Чехова, то встрътила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронію отвъта. Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный, сверхсильный грузъ, и онъ потомъ, до конца дней, все щупалъ свои мускулы: въ подъемъ-ли? выдержули? оправдаю-ли? Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа (чъмъ, кстати, сказать, часто и безъ толка попрекала его прежде критика) и, сколько разъни видалъ его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекаль на начатый или задуманный планъ романа. Взыскательность его къ себъ въ литературной работъ и требовательность въ томъ отношеніи, что надо писать только дъло, дошла, въ послъдній, бользненный годъ жизни, до безпощаднаго чирканья страницы за страницею, слова за словомъ-

— Помилуйте!—возмущались друзья;—у него надо отнимать рукописи. Иначе онъ оставитъ въ своемъ разсказъ только, что—они были молоды, влюбились, а потомъженились и были несчастны.

Упрекъ этотъ былъ поставленъ прямо самому Чехову. Онъ отвъчаль:

 Послушайте-же, но, вѣдь, также оно въ существъ и есть.

Почетомъ Чеховъ дорожилъ совсъмъ мало. Человъкъ отнюдь не боевой, онъ не стремился въ вожди, не хотълъ и не умълъ быть воите-

лемъ, но въ доблести стоять на своемъ убъжденіи противъ какихъ бы ни было сильныхъ теченій врядъ ли много ровесниковъ у Чехова среди интеллигентной Россіи. Какіе бы вътры ни дули, онъ, русскій Экклезіастъ, стоялъ подъ ними недвижимый и печальный, и говорилъ правду, одну голую, горькую правду. Лесть-тънямъ-ли прошлаго, силамъ-ли настоящаго, всходамъ-ли будущаго---ни разу не осквернила его въщихъ устъ... Это былъ органически безобманный человъкъ, не нуждавшійся ин въ мишуръ, ни въ дешевыхъ рукоплесканіяхъ. И вотъ ужъ-правда-то: "Воленъ умеръ ты, какъ жилъ!. ".

Антонъ Павловичъ былъ очень обрадованъ успѣхомъ "Вишневаго сада", но его скептицизмъ къ самооцѣнкѣ не покинулъ его и здѣсь. Когда, на шумномъ московскомъ чествовани, вэволнованный Владиміръ Ив. Немировичъ-Данченко приступилъ къ чтенію адреса, начинавшагося обращеніемъ:

Дорогой, многоуважаемый Антонъ Павловичъ!

Многіе замътили, что Чеховъ улыбнулся... Потомъ, на вопросы, онъ объяснилъ свою улыбку:

— Послушайте же, я же вспомниль. Меня чествовали послѣ второго акта, а въ первомъ Гаевъ говоритъ именно такую рѣчь къ столѣтнему книжному шкафу... "Дорогой, многоуважаемый шкафъ... Я вспомнилъ...

Огромно, но и страшно имѣть мозги, которыхъ нельзя утѣшить, которыхъ не въ состояніи опьянить никакое сообщество толпы, никакой восторгъ самолюбія! Недавно ктото изъ критиковъ сказалъ, что Чеховъ, постигнувъ пошлость человѣческую глубже и подробнѣе, чѣмъ кто-либо до него, сталъ писателемъ роковымъ и страшнымъ. Да, онъ страшенъ. Неотразимъ и страшенъ. И самъ онъ понималъ устрашающее начало въ талантѣ своемъ, и—къ концу жизни-пытался остановить

потопъ обличенной и отчаявшейся въ себъ пошлости радугаминовыхъ свътлыхъ надеждъ... Написалъ "Невъсту" и "Вишневый садъ", но даже и въ этихъ гимнахъ молодости "струны печально звенъли"!. Скорбь, отравившая чеховскую мысль, умъла и любила улыбаться сквозь слезы... Онъ и самый грустный, и самый смъшливый нашъ писатель.

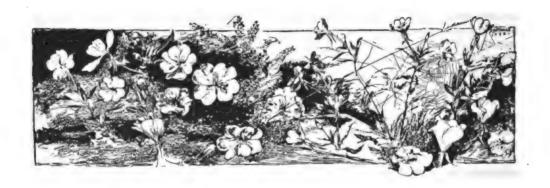
— Написалъ я комедію, но, кажется, вышелъ фарсъ!—писалъ А. П. около года тому назадъ московскому Художественному театру.

Фарсъ этотъ оказался глубочайшею драмою "Вишневаго сада"! Такъ взыскательно относился къ себъ этотъ удивительный человъкъ, никогда не разлучавшійся съ мыслью, что родина ждетъ отъ него большого-большого слова, и потому каждое слово свое въсившій строго и придирчиво: оправдаетъ-ли оно

довърје общественное?

Чеховымъ была поставлена заключительная точка гоголевскаго теченія въ русской литературъ, въ Чеховъ умеръ законченный періодъ литературный, начало котораго въ конечно, Гоголъ. Умеръ, въчно жить. Ахъ, господа! Передъ тъмъ, какъ състь за эту статью, шелъ я на почту скучными, малолюдными улицами и смотрълъ на ихъ жизнь, на дома и лица встръчныхъ людей... И шли они, шли безконечною чередою, красивые и безобразные, умные и глупые, богатые и бъдные, печальные и веселые, счастливые и несчастные, -знакомые знакомцы, -- герои, чеховскихъ разсказовъ... И изъ чеховскаго разсказа былъ полиціймейстеръ, пролетъвшій мимо меня въ экипажъ на шинахъ... И изъ чеховскаго разсказа быль на почтъ телеграфистъ, который, зъвая, писаль мнъ квитанцію и сыпалъ на нее песокъ, словно хотълъ ее похоронить. Всюду онъ! Всюду Антонъ Павловичъ! Всюду его зеркало... Да развъ не найду себя у Чехова и я, дописывая эту статью, съ мучительнымъ и страстнымъ угрызеніемъ совъсти, что не сумълъ сказать и сотой доли того, что хотълъ и былъ долженъ? Развъ не найдете себя въ портретахъ Чехова вы, которые будете набирать эту статью, корректировать, ставить въ газету? Вы — мужчины и

женщины обывательщины—которые будете ее читать?... Всѣ—въ немъ и нѣтъ ему чужого. Скончался великій Панъ! Умеръ поэтъ. Умеръ поэтъ всѣхъ насъ.—и всѣ мы о немъ, какъ лѣтняя туча, заплачемъ...

O г. Шулятиковъ; о субъективизмъ, подтасовкъ доказательствъ и подчисткъ именъ; о преступленіяхъ Надсона и Чехова, Горькаго, Андреева и объ одной несовмъстимости.

I.

До чрезвычайности непріятно мит прибтать къ такой услугт моей памяти,—но что дталь, если на ея поверхность такъ непотопляемо твердо всплыло именно, оно это тургеневское "стихотвореніе въ прозт". Вы конечно помните исторію объ одномъ (какъ-бы помягче перевести это грубое слово?) объ одномъ господинт, который вдругъ возымталь желаніе все "критиковать": встртился ему на улицт знакомый — и принялся хвалить извъстнаго живописца.

— Помелуйте, — воскликнулъ "критикъ", — жявописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ... Вы этого не знаете? Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы—отсталый человъкъ.

Знакомый испугался и согласился съкритикомъ.

 Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня! — говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте! — воскликнулъ "критикъ". --Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукой. Вы этого не знаете? Вы—отсталый человъкъ.

И этоть человъкъ нспугался — и согласился съ митиемъ, столь ръшительно высказаннымъ. Иногда "критикъ" прибавлялъ:

 А вы все еще върите въ авторитеты?
 Кончилось, помните, чъмъ? Тъмъ, что про смълаго человъка всъ стали говорить:

— Злюкъ! Желчевикъ! Но какая голова! А издатель одной газеты предложилъ ему даже завъдывать критическимъ отдъломъ. Позвольте, изъ деликатности, не называть заглавія этой злой, но правдоподобной шутки, тімъ болье, что пришла она мив на память не случайно, а при чтеніи одной "критической" же статьи.

Статья эта --- сплошь одинъ укоръ нашей отсталости: помилуйте, мы признаемъ Чехова и Горькаго, Гаршина и Андреева, имжемъ слабость чтить память Тургенева и воздавать Надсонъ должное отъ нашей любви, о, ны отсталые люди! Не безъ снисходительной ироніи знатока, авторъ находить, что, конечно, "лучше и легче, напр., довольствоваться следующаго рода изложеніемъ "исторін" новыхъ элементовъ русской литературы: былъ Тургеневъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ разорвавшій съ "постылымъ прошлымъ", начавъ писать "полуреалистическія, полусимволическія" произведенія; быль Гаршинь, внесшій въ литературу струю психологическииндивидуальнаго направленія; былъ Надсонъ, узаконившій поэзію настроеній; существуєть Владиміръ Короленко, очаровавшій въ восьмидесятыхъ годахъ читателей "поэтической экстраординарностью своихъ образовъ"; существуеть Антонъ Чеховъ, крайне субъективный художникъ; существуеть Максимъ Горькій, яркій романтикъ; существують декаденты, играющіе "почтенную роль тахъ первыхъ протестантовъ и піонеровъ, которые, движимые однимъ лишь слепымъ и чистостихійпымъ побужденіемъ... бросаются отважно въ открытое море на утлыхъ челнахъ и гибнутъ... "усиліями названныхъ художниковъ слова и

производилась закладка зданія новаго искусства".

Такъ воспроизводить г. Шулятиковъ одну изъ статей Скабичевскаго.

Я не хочу защищать здесь автора "Исторін русской литературы", которому, въ самомъ пълъ, было бы лучше заняться, пожалуй, приведеніемъ въ порядокъ своихъ воспоминаній, которыхъ у него много, и которыя, конечно. должны быть полны интереса: г. Скабичевскій жиль въ интереснійшую эпоху русской жизни, русской литературы, русской журналистики, вращался въ обществъ интереснайшихъ, популярнайшихъ людей, чын имена навсегда станутъ достояніемъ русской общественной исторіи, — него мемуары, еслибъ онъ серьозно взялся за нихъ, --- могли бы составить драгоціннівйшій матеріаль для характеристики литературныхъ нравовъ и віяній шестидесятыхъ годовъ, для ея журнальной и біографической исторіи. Но и не защищая его, нельзя не видіть, какъ "вольно" передаеть ех-критикъ прекратившагося "Курьера" схему историка новъйшей русской литературы". "Лътописнымъ записямъ далеко до научной исторіи", наставительно зам'вчасть г. Шулятиковъ, хотя речь въ данномъ случав идеть всего только объ одной стать в г. Скабичевскаго.

 конечно, далеко! Но тъмъ любопытнъй тотъ методъ "научной исторін", который преподаетъ намъ самъ наставляющій.

"Изученіе соціальнаго строенія интеллигентных ячеекь, въ надрахъ которыхъ развивается то или другое литературное "в'яніе", изученіе ихъ роста, столкновенія между собою и съ другими общественными твлами, изученіе ихъ поб'ядъ и пораженій,", разъясняетъ г. Шулятиковъ,— "вотъ съ чего долженъ начать историкъ литературы. Зат'ямъ, основываясь на добытыхъ подобнаго рода изученіемъ данныхъ, критикъ долженъ приступать къ анализу литературныхъ в'яній, какъ идеологическихъ приспособленій, выработанныхъ т'ями или другими интеллигентными группами".

Всю литературную смѣну, — точнѣе, весь рядъ ихъ, — авторъ сводить къ таинственной реакціи разночинца на литературу: какъ только разночинецъ завоевываетъ доминирующее значеніе, литература окрыляется, какъ его роль понижается — литература упадаетъ, т. е. дѣлается художественной.

На языкъ критика, — какъ бы онъ ни маскировалъ свои мысли соціологической терминологій — "соціальной подпочвой", "строеніемъ и соотношеніемъ интеллигентныхъ ячеекъ" и проч., —художественность у него —признакъ упадка, разночинство —симптомъ прогресса, притомъ посто янный, независимо от характера и условія той нли иной эпохи.

Это надо помнить все время, имъя дъло съ г. Шулятиковымъ. Посмотримъ же, изъ какихъ звеньевъ самъ онъ составляетъ невую цъпь смъны, и чъмъ связываются у него эти звенья. "Идеалистическая" драма начинается прологомъ, дъйствующимъ лицомъ котораго явился Тургеневъ, "сжегшій то, чему поклонялся и поклонившійся тому, что сожигалъ": это былъ "интеллигентъ-дворянинъ, повертывающій назадъ къ завътамъ феодальной старины".

Въ решительную минуту онъ, какъ и его сверстники, показали тылъ прогрессивному движенію: "они, начиная съ Герцена и Салтыкова—Щедрина и кончая Тургеневымъ и Анненковымъ, осудняй отрицательное "направленіе разночиниевъ".

Курснвъ здъсь мой и имъ я подчеркиваю— "Da ist ber Hund begraben".

Тургеневъ же особенно, видите ли, настаиваль на "умъстности психологических в (не политическихъ и не соціальныхъ) вопросовъ" въ литературѣ и онъ же осудилъ въ письмъ къ Полонскому бытовую новеллу: Способности нельзя отрицать во встать этихъ Ръшетниковыхъ, Успенскихъ и. т. д., но гдъ же вымысель, сила, воображение, выдумка гдъ?-Они ничего выдумать не могутъ,--и, пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы; полагають они, ближе къ правдъ. Правда воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество-растеніе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣеть и развивается въ этомъ воздухъ. А эти-господа --- безсъиянники, и посъять ничего не могутъ".

Вотъ этого-то и не можетъ простить Тургеневу г. Шулятиковъ; это "стародворянскія тенденцін"; это требованіе "выдумки"—то же самое "оборонительное оружіе, которое ивкогда ввели въ употребленіе интеллигентыдворяне крвпостническихъ временъ". Этого послъдняго сходства достаточно критику для того, чтобъ заподозрить писателя въ "успокоеніи въ психологических» построеніяхъ, въ

анализѣ ипдивидуалистическихъ (!) ощущеній и настроеній, въ игрѣ поэтическаго воображенія.

Такъ оборудывается историко-литературный силлогизмъ. Нъкоторое общее сходство съ кръпостической эстетикой совершенно обезпечило разошедшемуся критику право поставить въ общую скобку съ ея представителями писателя, пламенно и успъшно боровшагося съ тьмой дореформеннаго барства и рабства; автора произведеній, справедливо считающихся общественными, открыто ставшаго на сторону "дѣтей" въ знаменитомъ спорѣ поколѣній и ихъ дѣтей, отдавшаго свои симпатіи разночинцу Евгенію Базарову предпочтительно предъ красиво говорящимъ дворяниномъ Аркадіемъ Кирсановымъ.

Такъ пишется исторія! Что было дальше?

Еще проще было: почти, до конца дней своихъ Тургеневъ оставался идеалистомъ— одиночкой, плывшимъ противъ теченія. Такимъ онъ и въ гробъ, пожалуй, сошелъ бы, но, вотъ, "на закатъ своей литературной дъятельности въ толиъ молодыхъ художниковъ слова Тургеневъ отмътилъ одного, не похожаго на другихъ". "Это былъ Всеволодъ Гаршинъ".

Какъ разъ къ этому времени "попытка разночиной интеллигенціи создать свою собственную "культуру", казалось, потерпъла неудачу. Зданіе, воздвигавшееся трудами "мыслящихъ реалистовъ", казалось, рухнуло. Разночиная интеллигенція осталась безъ подожительнаго міросозерцанія", "сдѣлала позаимствование у своихъ бывшихъ противниковъ" и вмъстъ съ "дворянскимъ пролетаріатомъ" отъ міра "правды" обратилась къ міру "вымысла": "разрушенная эстетика была возстановлена". Восьмидесятники могли вдохновляться лишь смутно-прогрессивными настроеніями н вспышками гражданскихъ чувствъ", — "на ихъ гражданственности уже лежить печать "индивидуалистической" эпохи. "И эти-то" индивидуалистическія предпосылки гаршинскаго міросозерцанія обусловливають психологическій родъ пов'єсти".

"Отнынт воскресаеть беллетристика, какъ фикція, какъ обманъ", "устанавливается мода на изящную литературу", увлеченіе ею носить "идеалистическій" характеръ, начинаеть играть роль цитадели, куда укрываются потеривые пораженіе на лонв "дъйствительности" малодушные воины".

Какъ вода по камню, бъжитъ мысль критика, прыгають ея предпосылки, мелькають быстрые силлогизмы, все теченіе слагается такъ, чтобъ пригнать къ опредъленному мъсту пущенный бунажный корабликъ. Мысль критика причаливаеть, такимъ образомъ къ Надсону, который началь съ требованія реформировать H разгадывать сфинксъжизни, и кончилъ исканіемъ спасенія въ грезахъ, обманахъ, цветахъ и иллюзіяхъ, --- очарованіемъ возвышенными обманами. Въ доказательство г. Шулятиковъ приводить цитаты. Говорилось уже на этихъ же страницахъ у насъ *), какъ трудно цитировать художественных авторовъ, опредъляя частности и переходы ихъ міросозерцанія, какъ вообще тутъ легко сыграть въ сторону собственной критической предваятости. Еще ответственный такая работа по отношению къ стихотворцамъ-лерекамъ, по отношенію къ поэтамъ. Г. Шулятиковъ лишній разъ подтверждаеть эту мысль. Желая показать, чемъ кончило Надсонъ, критикъ приводить его стихотвореніе "мгновеніе", не оговаривая, однако, что оно относится въ 1880 году, т. е. написано почти за семь лътъ до смерти поэта. Такимъ образомъ г. Шудятиковъ какъ бы совершенно не хочетъ брать въ разсчеть целую греть творчества разбираемаго имъ автора, и притомъ ту треть, которую мы всв вправъ считать наиболье ценной уже потому, что она была последнинъ и значить, самынъ зрѣлымъ переходомъ Надсоновскаго творчества.

Приведя предпоследнее четверостишие "мгновенья":

"И да будеть позорь и несчастье тому, Кто, осмълившись състь между нами, Станеть видъть упрямо все ту же тюрьму. За сплетенными сътью цвътами"...—

 г. Шулятиковъ заключаетъ: "Приведенное, стихотвореніе—краснорфчивый идеалистическій манифестъ".

Но, во первыхъ, стихотвореніе это является пъсней осужденныхъ на смерть людей, и такъ отъ ихъ лица и произносится. Нельзя же въ самомъ дълъ ставить автора отвътственнымъ за всякую фразу, какая можетъ встрътиться въ его томъ! Поступая такъ, легко заявить, что и священное писаніе

^{*)} См. іюнь "Науки и Жизни"—"Литература и Жизнь"—гл. II.

утверждаеть: "нъсть Богъ", — и, дъйствительно, такая фраза тамъ есть, но предъней-то стоить: "рече безумецъ"!..

Во вторыхъ, если даже допустить исповедное значение "Мгновенья", то оно такъ лирическимъ мгновениемъ и остается. Не дальше, какъ въ следующемъ (1881) году Надсонъ характеризуетъ снова свой "прежній" идеалъ "певца", котораго не соблазняютъ ни красота, ни песнь любви, ни ласки, ни отдыхъ... Но певецъ молодой

"Не поддался словамъ искушенья.

Не на пиръ и не съ пира усталый онъ шелъ.

Съ страдныхъ нивъ и изъ избъ голодающихъ селъ,

Изъ угловъ нищеты и разврата,

Онъ спъшилъ въ золотые чертоги принесть

Молодою любовью согратую васть.

О страданьях забытаго брата. Онъ спытя, чтобъ пропыть о голодной нуждю,

О суровой борьбъ и суровомъ

трудъ,

Оподавленных гибнущих силахь, О горячихь, безпомощныхь дътскихь слезахь,

О безсонных в ночах и безрадостных днях,

("Пѣвецъ")

Проходить еще годъ и опять все тоть же "гражданскій" мотивъ звучить у Надсона:

Нътъ лжи въ стихъ моемъ, — не призрачныя муки.

Пою я, какъ фигляръ, ломаясь предътолной.

Но стоять *многихъ слезъ* мон больные звуки.

И стонъ мой — стонъ живой...

("Не упрекай меня". 1882). Въ 1883 году, оплакивая погибшаго поэта, Надсонъ, какъ великую заслугу, опять

таки отмъчаетъ то что,

"Онъ въ пъсняхъ съ измученнымъ братомъ страдалъ...

Красивымъ нарядомъ

Онъ взоровъ толпы за собой не манилъ"... ("Бредъ").

И такъ до самаго конца, — когда въ предпослъднемъ стихотворени 1886 года онъ взываль все къ той же пророческой миссіи поэта;

"Пора! Явись пророкт! Всей силою печали.

Всей силою любви взываю я къ тебь! Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали"... и. т. д...

Ясно, какъ жонглируетъ г. Шулятнковъ доказательствами, какъ деспотически-самовольно относится онъ къ ссылкъ — цитатъ. Какъ опытный бальный дирижеръ, онъ усграиваетъ свой гоид такъ, чтобъ это было болъе эффектно, чтобъ удалась фигура, — внъ этого его мало что заботитъ.

Il.

Критикъ подошелъ къ страшному пункту. Здѣсь, гдѣ онъ хочетъ перекинутъ мость отъ Надсона, такъ своеобразно истолкованнаго, къ Чехову, —предъ нимъ должна была бы открыться настоящая бездна. Но и ее бумажный корабликъ переплываетъ довольно просто: то мѣщанское царство, воплотителемъ котораго является — Чеховъ, "предстало предъчитателями, перерожденное игрой индивидуалистическихъ (sic!) настроеній художника".

Что же значать тогда "индивидуалистическія" настроенія? А значать они на языкть г. Шулятикова совствить не то, что понимають подъ этимъ терминомъ вств обычно употребляющіе его.

"Явленіями реальнаго міра Чеховъ пользуется постольку, поскольку он'в могутъ служить для распространенія его "я". Отсюда сейчасъ же и выводъ готовъ: Искусство игра противополагается отныню искусству "гражданскому".

Разберемся, однако, въ этомъ недоразумвнія, которое есть только недоразумвніе. И прежде всего, — что это за умышленное смъщеніе терминологіи, — эта подстановка въ чеховскуюформулу вмъсто субъективизма — индивидуализма? Г. Шулятикову она нужна по совершенно яснымъ соображеніямъ: во что бы то ни стало привести въ одну общую связь современную литературу съ Горькимъ и Андреевымъ къ старо-дворянскимъ корнямъ, посадить ихъ на ту историческую почву, отъ которой никто давно уже ничего не ждетъ. Нътъ ничего легче, какъ даже самому здоровому человъку путемъ "тщательнъйшихъ" выслушиваній и "выстукиваній" поставить діагнозъ посред-

ственно и, смотря по желанію,—даже неизлечию больного. И вотъ Шулятиковъ ведетъ свою линію: отъ Тургеневскаго "идеализма" чрезъ мнимо-Надсоновскій кумиръ иллюзій и красныхъ вымысловъ, къ чеховскому "индивидуалистическому" творчеству, отъ котораго полшага затёмъ и къ авторамъ "Дна" и "Василія бивейскаго". Первый упрекъ, которымъ уловляетъ Чехова критикъ—тотъ, что онъ "не фотографъ" мёщанскаго царства, словомъ, поросшее мхомъ и быльемъ стародавнее обвиненіе въ субъективизмъ, который угодно было критику перенменовать почему то въ индивидуализмъ. Но такъ ли ужъ грозно это обвиненіе, если оно и заслужево?

Не думаю, и именно потому, что только субъективизмъ, только личный элементь, принесенный твордомъ-художникомъ въ данное произведение, и отличаеть картину оть фотографін. Этоть субъективный элементь — та живая душа, которая оживляеть камии въ скульптуръ а нъмыя слова дълаеть полными огня и трепета, осв'ящаеть св'ятомъ художественнаго проникновенія темный дикъ натурщика и вскрываеть глубоко спратанную тайную психологію действующих влиць. Везъ автора нътъ искусства, нътъ картинъ, созданныхъ безликимъ художникомъ, — ярко выраженная личность творца неустранима изъ сильнаго произведенія, и все талантинвое среди созданій духа несеть на себ'є его печать какъ на родителей похожи дъти. Все великое субъективно, или все великое-лично. Нодаже и не у великаго, въдь, то, что составляетъ прелесть художественнаго изображенія, является результатомъ опредъленныхъ наблюденій предмета, опред'влениных в впечатленій, собранных в и скопленныхъ памятью даннаго лица-производителя. Съ теченіемъ времени эти скопленныя данныя улеглись въ опредъленномъ порядкъ, составили опредъленную картину последовательностей; на этихъ продуктахъ художественной намяти уже смываются и стираются временемъ краски действительности и на ихъ мъсть, въ ихъ замънъ, насланваются новыя. Пріобретаются отгенви, штрихи, приходить многое, рожденное внутри, въ душевной глубинъ самого автора, — подъинымъ лично-авторскимъ освъщениемъ происходить перерождение и преобразование прежней дъйствительности, -- совершается субъективнъйшій и сокровеннъйшій акть творческой переработки и жизни, и ея впечатленій въ группу образовъ. Требовать фотографін — значить желать бездушія, значить, — молиться о смерти. Но и то, что вовется объективностью вътворчествт, по самой своей сущности не можеть быть навязано художникамъ, какънтато общедолжное, равно для встать обязательное, или даже какъ непременное условіе художественности.

Французскій эстетикъ М. Гюйо—не очень великій поклонивкъ субъективизма, но и онъ считаеть нужнымъ оговориться: "Различеніе между геніями субъективными и объективными, которое стало банальнымъ въ нъмецкой эстетикв, кажется намъ немного поверхностнымъ. Съ одной стороны, всть геніи субъективны; генію свойственно даже къ природъ примъшивать свою индивидуальность, переживать не заурядныя впечатавнія, н его личныя эмоціи заразительны по самой ихъ силь и субъективности. Но есть генія, которые имъють въ своемъ распорижении только одинь звукь, одинь голось, въ распоряженін другизь—цюлый оркестрв, — отличіе, гораздо болье по богатству, чыть по существу. Такимъ образомъ, высшій геній карактеризуется по оркестральностью, или темъ, что онъ владееть заразъ, или одной за другой самыми разнообразными тональностями; характеризуется темъ, что кажется безличнымъ не потому, чтобы онъ быль такимъ действительно, но потому, что онь умпеть сосредоточить и усвоить многія индивидуальности въ своей собственной; онъ способень давать поперемінно господствовать одному чувству надъ всьми другими или сквозь всь другія; такимъ образомъ онъ пріобретаеть многія единства души, многіе типы, которые онъ въ себъ осуществляетъ и которымъ онъ служить связью. Различение генивво субъективныхъ и объективныхъ сводится къ развитію воображенія и чувствительности; им не отрицаемъ, что у однихъ преобладаетъ воображение, у другихъчувствительность; но мы утверждаемъ, что отличительная черта настоящаго генія есть именно проникновение воображения чувствительностью и притомъ чувствительностью любящею, экспансивной, плодотворной; таланты, состоящіе изъ чистаго воображенія, фальшивы; цвътъ и форма безъ чувствахимера. Гёте единогласно причисляется къ

объективнымъ, какъ и Шекспиръ; между тыть, суть ли что-нибудь субъективный "Вертера"? Точно также авторъ "Бури" есть самый лирическій поэть до В. Гюго, но вместь съ темъ самый субъективный; это величайшій "импресіонисть": онъ рисуетъ намъ саныя утонченныя, нѣжныя чувства, рисуетъ желанія, смішанныя съ мечтой, радость, переходящую въ печаль, печаль кончающуюся улыбкой. Немногіе генік имъють болье опредъленную физіономію, чымь Моцарть, а между тъмъ ито бы причислилъ къ художникамъ субъективнымъ автора Донз Жуана или Волшебной Флейты? Геній наиболье сложный, потому что заключаеть въ себъ многихъ, не перестаеть быть единымъ: онъ самъ, быть можеть, болње другихъ представляетъ ineffabile individuum. H Bb to me boens one hocume въ себъ какъ бы живое общество.

Эта способность отдиляться отъ своей личности, раздвояться, обезличиваться, это высшее проявление рышительности (Sociabilite), которыя составляють самую основу творческаго генія, вмість съ темъ бывають и опасностью для генія. Всегда бываеть опасно заразъ переживать нъсколько человъческихъ жизней, съ ихъ особенными обстоятельствами, переживать слишкомъ интенсивно и убъжденно. Геній часто сближали съ сумасшествіемъ. Одна изъ чертъ, общихъ имъ обоимъ, -- это раздвоение личности. Правда, раздвоение добровольное, но оно можеть въ концъ конповъ сделаться столь полнымъ, что геній будеть обмануть игрой искусства. Свидетель тому Веберъ, который, когда писаль Фрейшютца, полагаль, что видить передъ собой самого чорта, между темъ, какъ въ действительности онъ самъ создавалъ его шѣликомъ своею собственной личностью. Геній, выводя человика изъ его личности и переселяя его въ другую, можеть довести художника до того, что тоть затеряеть наконецъ самого себя, его собственныя черты изглазятся и нарушится то равновъсіе, которое составляло его здоровую личность.

Есть души, посъщаемые какъ старые дома, привидъніями, которыхъ онъ слишкомъ долго призръвали" *).:.

... Вопросъ о субъективнамъ художественнаго творчества вообще далеко не последній, адфсь же, при обсужденін статьи г. Шулятикова, онъ и подавно пріобретаеть особое значеніе, разъ его ставять во главу угла, да еще и самое имя его полвергается полчисткъ. Но указаніе на субъективность чеховскихъ изображеній укоръ не серьозный. Быть можеть, онъ быль бы особенно тягостенъ, если-бъ рвчь шла о міровомъ генін, какъ Шекспиръ, но, въдь, никто, включая и самого Чехова, конечно, не думаеть возводить автора "Скучной Исторін" и "Вишиеваго Сада" на такую головокружительную высоту. Еще Шопенгауэръ заметиль въ этомъ отношенін разницу въ литературныхъ рангахъ: "Великіе поэты цвинкомъ превращаются въ каждое изъ действующихъ лицъ и говорять изъ каждаго изъ нихъ съ одинаковой правдой и естественностью, какъ чревовъщатели, — наъ веливаго героя и непосредственно за этимъ изъ молодой и невинной дъвушки; таковы Шекспиръ и Гете. Поэты второго ранга превращают главныхъ действующихъ лицъ во себя. Таковъ Байрона. Здесь второстепенныя действующія лица часто остаются совершенно безжизненными" *)...

Пожалуй, посл'в причисленія Байрона къ второразряднымъ авторамъ, упрекъ Чехову въ субъективности бл'ёдн'веть самъ собой и тернеть уже вакую бы то ни было ц'янность. В'ёдь, всегда можно подойти къ любому не только произведенію искусства, но и явленію жизни, — какъ бы совершенно то и другое ни было, — съ такой м'ёрой критики, которая сум'ёетъ низвести и значительно уменьшить и понизить положительную оп'ёнку и того, и другого...

Обвинительный акть Чехова на этомъ не кончается. "Произведенія Чехова свидітельствують, что конфликть окончился, "старое начало" ноб'єждено, "художество" выт'єснило гражданственность и пророческую пропов'єдь". Еще въ "Гаршин'є говорять одновременно голоса и демократа и индивидуалиста". Но уже "Чеховъ д'єйствитель-

^{*)} М. Гюйо. Искусство съ точки эрънія соціологіи. Съ предисл. Альфреда Фулье. (L'art

au point de vue de sociologique) переводъ подъ редакціей А. Н. Пыпина. Сиб. 1891, Гл. II, 1, стр. 25. ("Геній, какъ сила общительности")

^{25. (&}quot;Геній, какъ сила общительности").

*) А. Шопенгауерз. Мірз какъ воля и представленіе. Переводъ Н. М. Соколова. Спб. 1893, гл. XXVII. "Къ эстетикъ повзін". стр. 528.

ный провозв'юстникъ эгоцентризма", такъ что "о Чеховъ, какъ *проповъдникъ*в" "гражданскихъ" началь, говорить не приходится; писателемъ, задумывающимся надъ соціальными проблемами, никакъ считать его нельзя"... "Его тоска"—компромиссъмежду отчаяніемъ безусловнаго пессимиста и "обывательскимъ" примиреніемъ съ "хаосомъ дъйствительности".

Такъ оціненъ авторъ, давшій намъ "Палату № 6", "Мужнковъ", "Припадокъ", "Дуэль", "Дядю Ваню", въ посліднее время "Невъсту" и "Вишневый Садъ".

Въ эпоху, когда нападки на Чехова были особенно сильны, когда его заподовревали въ отсутстви даже определенныхъ убеждений, и г. Скабичевскій писаль о немъ целую статью подъ заглавіемъ: "Есть ли у Чехова идеалы", а Михайловскій прямо отрицаль ихъ, и находилъ, что у него неть и тоски по общему идеалу, — даже и тогда такъ грубо и несправедливо не былъ развенчанъ этотъ большой писатель, за чьими плечами — почти четверть века талантливой, тонкой, чутко-общественной, художественной работы! Чего ждать другимъ?

Ш.

Ничего хорошаго ждать, конечно, не при-ходится!

Ни малъйшаго удивленія и преклоненія не возбуждаеть у г. Шулятикова успъдъ Андреева,—ему онъ "вполиъ" и даже "какъ нельзя болъе" понятенъ: сумълъ человъкъ передать въ своихъ разсказахъ самочувствіе интеллигентнаго пролетаріата, — вотъ и все. "Сумълъ", —ну, а "сумътъ"—это пустякильзю!

Ник. Михайловскій указаль на проникновенія произведеній Андреева "въ глубь и въ ширь жизин" — и совершенно ошибочно: "никакой о "широть" и "глубинь" взглядовъ Леонида Андреева річи быть не можеть". Онъ "большаго знакомства съ "дійствительностью" не им'ьеть", "и еще дальше, чімъ Чеховъ, ушель въ область искусства-игры". "Въ темную даль"?

Ахъ, но "цѣль, которую онъ преслѣдуетъ въ этомъ разсказѣ, — создаетъ извѣстный психологическій эффектъ". Вездѣ у Андреева "краски сгущены; преднамѣренность автора сквозитъ въ каждомъ приведенномъ имъ штрихѣ", —онъ "вездѣ выстунаетъ служителемъ искусства-игры", "реабилитическія описанія сами по себѣ не имѣютъ въ его глазахъ цѣнности", и "воспроизводитъ (!) настроеніе" онъ, "пользуясъ какой-нибудь искусно придуманной психологической антитезой, или обращаясь къ техническимъ пріемамъ "упадочниковъ", —къ обрисовкѣ кошмарныхъ видѣній".

Тоже и Горькій.

"Это не публицисть-соціологь (sic!), учащій "правдь" дъйствительной жизни: изображать дъйствительность для Горькаго значить преклоняться передъ нею; реалистическое направленіе, въ его глазахъ, исчерпывается реализмомъ исторіи графовъ міра "съренькихъ людей". Также, какъ его геронни, онъ готовъ преклоняться передъ манерой и вкусами бульварныхъ романовъ, въ родъ Габоріо и Дюма, Понсонъ-дю-Тюрайля и Законнэ, а эти романы — "крохи, упавшія со стола феодальнаго пиршества въ народную и мъщанскую среду",

О Буннић нечего и говорить: помилуйте, онъ доходить до такого разсказа, какъ "Осенью", А "здъсь имъются на лицо и салонная обстановка, и аристократическая (представьте только!) изящиая героиня (ужасно!), и сцена прогулки ночью (!!) en deux (!!!) среди увядающихъ садовъ"!...

Къ этому, съ точки зрвнія г. Шудятикова, и прибавлять, конечно, нечего!

Моя "замътка" затянулась бы слишкомъ, если-бъ начать длинную литературную тяжбу съ г. Шулятиковымъ, ибо пришлось бы отстанвать каждую пядь земли, по которой онъ такъ побъдоносно прослъдовалъ съ своимъ тяжкимъ пятилистнымъ критическимъ опытомъ. Не до этого сейчасъ. Но два вопроса слъдуетъ затронуть.

Первый изъ нихъ—коренной,—о причинахъ "литературныхъ смѣнъ". Г. Шулятиковъ съ ироніей и обычными для него кавычками, — этими кандалами, въ которыхъ онъ запираетъ совершенно невинныя мысли и термины, по всѣмъ правамъ гуляющія на свободѣ, — характеризуетъ въ общихъ словахъ "старинный историко-критическій пріемъ": господствующая литературная школа въ опредѣленный моментъ оказывается завершившею кругъ своего развитія, — она создала все, что могла,—остается повторять пройденное, т. е. наскучить публикѣ. Насту-

паетъ литературный кризисъ, и зарождается новое теченіе, прямо противоноложное прежнему...

"Знаете", — спрашиваетъ г. Шулятиковъ, — "почему на смъну классической комедіи явилась "мъщанская драма" (соmedie larmoyante)? Потому что обществу надойло смъться и закотълось слезъ". Слъдуетъ ссылка на Лансона, который, будетъ — кстати сказать — переведенъ у насъ на русскій языкъ, какія бы французскія поясненія въ скобкатъ не вставлялъ Шулятиковъ. И еще кстати: larmoyante — значить слезливая и, пожалуй, въ приложеніи къ смънившей веселую комедію драмъ, какъ къ термину, объясненіе Лансона и приложнию.

Но не въ этомъ дъло.

Г. Шулятикову долженъ быть извъстенъ трудъ Тарда, — "L'art et le logique", тоже переведенный на русскій языкъ *). Русскій критикъ все время ссылается на опредъленныя соціологическія точки зрвнія, стоить на соціологической почвъ" — и Тарда ему не знать никакъ не полагается. Такъ вотъ что я ему напомню отсюда по поводу теорін смъны: "какъ возлюбленная для влюбленнаго есть существо подобное ему, но болье красивое или дополняющее его, въ которомъ онъ научается лучше узнавать самого себя и дополнять себя въ этомъ своемъ отраженін, тякъ-же п созданіе искусства всегда есть зеркало, полное откровеній, преображающее самого художника, в само искусство есть идеальный образь своего общества. Два эти признака, соединенные вивств, объясняють намъ, почему всякое некусство истощается и падаеть въ концъ концовъ: въдь, второе условіе прямо ограничиваеть область, на которой можеть быть отыскано то богатство разнообразія, которое требуется первынъ условіемъ. Каждое искусство ростеть и каждог умираеть, какъ и каждая любовь, и совершенно по той же причинъ. Любовь, даже самая постоянная, всегда тревожна, такъ какъ она въ своихъ существенныхъ свойствахъ есть нарушение равновъсія, и такъ какъ первоначальный толчекъ, порождающій ее-волнующее появленіе неожиданной кра-

соты --- обладаеть потребностью воспроизводиться вновь цельить рядомъ мелкихъ открытій, за отсутствіемъ которыхъ скоро останавливается это блаженное волнение. Внерность ему есть ничто иное, какъ непрерывное непостоянство, но удерживающееся въ предълахъ одного и того-же лица. Но таково-же и страстное поклонение какого либо народа извъстнымъ тайнамъ искусства, именуемымъ классическими, которыя случайно. ндеямъ генія, встретвансь на пути этого народа и восхищаться которыми заставило его между прочимъ ихъ соотвътствіе съ его національнымъ духомъ. Чтобы это поклоненіе могло прочно укорениться, артисту и писателю являлось не мене необходимымъ безконечно варьировать и усложнять эти освященныя темы".

Подчервнутыя слова адёсь да послужать ему и последнимь замечаниемь по вопросу о субъективияме вы искусстве. Второе важное, что хотелось отметить, касается не одного г. Шулятикова, и даже не столько самого его, сколько редакціи "Очерковъреалистическаго міровоззренія", вообще говоря, прекрасныхъ, серьезныхъ, нужныхъ и поучительныхъ.

Еще можно допустить противорвчія въ одной изъ двінадцати книгь журнала, но его уже никакъ нельзя ни ждать, ни терпіть въ сборникі, нарочито составленномъ, чтобъ подчеркнуть общую солидарность данной группы. Сборникъ— "умышленное" объединеніе съ "заранізе обдуманнымъ намітреніемъ", такъ сказать, а тімъ болізе такой, какъ "Очерки". Онъ — фаланга и измізнъ въ немъ общему знамени быть не должно. Между тімъ статья, напримітръ, А. Луначарскаго, — самая талантливая въ книгъ, — стонть въ непримиримомъ противорічни съ тімъ, что изрекаеть г. Шулятнковъ.

Подробно объ этомъ — сейчасъ недосугъ, но стоитъ просто для этого перечитать страницы 172—182. Во всякомъ случаъ, то прекрасное и горячее опредъленіе "романтизма бури и натиска", которое даетъ въ своихъ "Основахъ позитивной эстетики" г. Лувачарскій, и подъ которое такъ цѣльно и хорошо подходитъ современное литературное покольніе, совершенно не уживается съ ворчливымъ и высокомърнымъ его отрицаніемъ, о которое на каждомъ шагу споты-

^{*)} Г. Тардъ Сущность искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предислов. Л. Е. Оболенскаго. Сиб. 1895. стр. 72.

каешься у г. Шулятикова, иронически побрягивающаго злыми кандалами-кавычкими, но такъ внчего положительнаго и не выясняющаго о томъ таинственномъ перемъщеній "Интеллигентныхъ ячеекъ", гдъ, по его же словамъ, тамиственно заключена вся историческая сущность литературныхъ смънъ.

И еще два слова: ему не понравилась у

г. Скабичевскаго цёль смёны — Тургеневъ, Надсонъ, Гаршинъ, Чеховъ, Горькій, Андреевъ, — ну, а самъ-то онъ нную далъ? Откуда же эта нронія по адресу автора "Исторіп нов'єйтей русской литературы"? Въ чемъ же д'ёло?

Откуда "илумъ"?..

Петр-ій.

Астрономія.

Попытка объясненія явленія кометных хвостовъ. Въ дополнение новымъ чрезвычайно къ своимъ тщательно произведеннымъ опытамъ надъ давленіемъ свътовыхъ лучей Никольсу и Геллю (Nichols and Hull) удалось недавно демонстрировать это отталкивательное дъйствіе конуса концентрированнаго свъта на падающія чрезвычайно мелкія пылинки. (Astrophisical Journal, Juni 1903). Названные изслѣдователи взяли для своихъ опытовъ сосудъ, похожій на песочные часы, и тщательно удалили изъ него весь воздухъ насосомъ, нагрѣвая все время сосудъ до температуры близкой къ температуръ плавленія стекла; затъмъ въ продолжение часа черезъ сосудъ прогонялись пары кипящей ртути, чтобы насколько возможно полно удалить остатки газовъ и, наконецъ, запаявъ соединеніе песочныхъ часовъ на одномъ концъ съ воздушнымъ насосомъ, они опустили сообщающійся съ другимъ концомъ песочныхъ часовъ-сосудъ съ ртутью въ охладительную смъсь изъ эфира и твердой угольной кислоты. Когда послъ часа охлажденія въ этой смъси при температуръ-80°C пары ртути сконденсировались и замерзли, было запаяно и это соединеніе песочныхъ часовъ съ сосудомъ, содержавшимъ ртуть. Такимъ песочныхъ часахъ образомъ ВЪ

кромъ заранъе внесенной пыли могли оставаться лишь совершенно ничтожныя смъси газа. Пыль, внесенная въ песочные часы, состояла изъ смъси тонкой наждачной пыли съ обугленными спорами одного вида дождевика (Lycoperdum); послъднія въ среднемъ имъли въ поперечникъ лишь два микрона (0,002 мм.) и были весьма однородны.

Когда теперь посредствомъ легкаго постукиванія часы пускались въ ходъ и на стекло какъ разъ подъ перетяжкой направлялся конусъ лучей концентрированнаго линзой интенсивнаго чрезвычайно замъчалось вольтовой дуги, TO весьма явственное отклоненіе падающихъ обугленныхъ споръ къ противоположной стънкъ сосуда, тогда какъ наждачная пыль падала вертикально внизъ, не отклоняясь въ сторону. Вычисленіемъ было установлено, что это отталкивательное дъйствіе свъта гораздо больше того, которое могло бы вызвать одно давленіе світовыхъ лучей. Такъ какъ "радіометрическое" (т. е. то, которое наблюдается въ приборъ радіометра) дъйствіе газовыхъ частицъ было исключено, въ виду полнаго удаленія газа изъ сосуда, то Никольсъ и Гелль полагаютъ, что главной причиной отклоненія пылевыхъ частицъ въ этомъ случав можетъ считаться ракетоподобное дъйствіе частицъ газа, выдъляющихся подъ

вліяніемъ лучей свъта и угольныхъ частицъ.

Bo всякомъ случав описанное здѣсь явленіе имѣетъ огромное сходство съ отталкивательнымъ дъйствіемъ солнечныхъ лучей на частицы матеріи кометныхъ хвостовъ. Дъйствіе земного притяженія въ описанномъ выше экспериментъ было по крайней мъръ въ 16000 разъ большее, чъмъ притяжение солнца на такомъ удаленіи (т. е. отъ солнца до земли); поэтому, чтобы вызвать явленіе образованія такого потока матеріальныхъ частицъ, который мы наблюдаемъ въ кометныхъ хвостахъ, нужно, чтобы свътовой конусъ при нашемъ экспериментъ былъ въ 16000 разъ ярче солнечнаго свъта.

Поэтому вполнѣ понятно, что для объясненія наблюдавшагося значительнаго отклоненія частицъ пыли потребовалось допустить дѣйствіе и другихъ силъ, помимо давленія свѣтовыхъ лучей. Но въ настоящее время мы не можемъ окончательно сказать, достаточно ли одного этого давленія свѣта для образованія кометныхъ хвостовъ (въ смыслѣ гипотезы Арреніуса) или же здѣсь еще играютъ роль радіометрическія или даже ракетоподобныя дѣйствія газовъ.

Интересно здѣсь отмѣтить, что мы теперь далеки отъ того, чтобы, какъ это было прежде, считать явленія кометныхъ хвостовъ не поддающимся объясненію явленіями.

Техника.

Электрическія одпяла. Мысль о примъненіи электричества въ качествъ источника тепла—не нова; осуществлялась же она до сихъ поръ большею частью такимъ образомъ, что въ цъпь электрич батареи включался металлическій проводникъ большого сопротивленія, который разогръвался при прохожденіи тока, и получавшееся при этомъ тепло использывалось для различныхъ цъ-

лей: для нагръванія воды, плавленія легко-плавныхъ металловъ и съ помощью электрическихъ печей для обработки фарфора, желъза и стали.

При этомъ большею частью приходилось пользоваться высокими, а часто весьма значительными температурами; приборы же отличались массивностью.

Недавно французскій инженеръ Камиллъ Геррготъ придумалъ способъ помъщать электрическіе источники тепла внутри ковровъ и подстилокъ, кромъ того, въ одъяла или компрессы, чтобы получать опредъленную постоянную умфренную температуру необходимую, напр., для медицинскихъ цълей. Ткань такихъ ковровъ и т. д. совершенно не отличается по внъшнему виду отъ обыкновенной ткани и состоитъ изъ двухъ родовъ нитей: изъ обыкновенныхъ (напр., пеньковыхъ, шелковыхъ, хлопчатобумажныхъ и т. д.) нитокъ и изъ чрезвычайно тонкихъ изолированныхъ металлическихъ проводовъ, вплетенныхъ въ ткань. Эта проводящая токъ система устанавливается такимъ образомъ, чтобы получалась постоянная температура, причемъ такъ называемое "короткое замыканіе" избъгается благодаря незначительному напряженію тока; кромъ того, по краю одъяла или ковра идетъ кайма особенныхъ проволокъ коллекторовъ, которыя предназначены для того, чтобы отводить такъ называемые блуждающіе токи. Можно намочить такой коверъ и высушить, пропуская черезъ него токъ, следовательно, и влажность не представляетъ здъсь опасности "короткаго замыканія".

Эти ковры, въ качествъ обыкновенныхъ ковровъ, могутъ давать температуру въ 25—35°; затъмъ болье высокія температуру для медицинскихъ цълей и, наконецъ, температуры до 150° для дезинфекціи. Въ техникъ подобнаго рода ткань можно примънять въ видъ фильтровъ для густыхъ сиропообразныхъ жидкостей, въ качествъ безконеч-

ныхъ ремней въ бумажномъ производствъ и т. д. Наконецъ, очень удобно было бы производить согръваніе пола вагоновъ электрическихъ трамваевъ и желъзныхъ дорогъ съ помощью особо приготовленныхъ плитъ.

Астрофизика.

Пустыни въ міровомъ пространствъ. Среди различныхъ образованій, которыя наблюдаеть астрономъ въ небесныхъ пространствахъ, туманности въ послъднія десятильтія болъе всего привлекали къ себъ взоры и мысли изслъдователей. Они видять и ищуть въ нихъ образующіяся солнечныя системы и надъются путемъ изученія ихъ возникновенія и развитія постичь жизнь міровыхъ тълъ. Примъненіе фотографическихъ линзъ съ короткимъ фокуснымъ разстояніемъ значительно облегчило изучение большихъ міровыхъ тълъ, и теперь можно разсматривать въ цъломъ такія невъроятно огромныя образованія, какъ знаменитая туманность Оріона.

Подобными изслъдованіями съ особенной энергіей занимался въ послъднее время проф. М. Вольфъ;

ему удалось установить фактъ, что большія туманности постоянно окружены пространствами, которыя почти совершенно лишены созвъздій и такимъ образомъ представляютъ дъйствительныя пустыни въ міровыхъ глубинахъ. Поразителенъ тотъ фактъ, что еще Вильямъ Гершель пришелъ къ такому же предположенію. Теперь-же оказывается, что эти пустыни постоянно находятся повидимому лишь по одну сторону туманности. Туманность образуетъ такимъ образомъ одинъ край пустыни и поэтому легко сдълать предположеніе, что туманность какъбы притянула къ себъ всъ массы изъ этого пространства. Важиъйшимъ отличительнымъ признакомъ такихъ пустотъ является почти совершенное отсутствіе следовъ слабыхъ звъздъ, и здъсь находятся самое большое нъсколько **ЯР**КИХЪ звѣздъ. Вольфъ называетъ цѣлый туманностей, подтверждающихъ его законъ, но такъ какъ существуютъ и туманности, не обнапризнаковъ, руживающія такихъ какъ, напр., туманность Андромеды или знаменитая спиральная туманность, -- то ихъ следуетъ отнести къ другому роду міровыхъ тълъ.

Видъ съверной части неба въ 6 час. 23 мин. веч. (по Пулковскому времени) подъ 480 50° съвер. шир., 1 авг. 1904 г

Астрономическія явленія

ВЪ ІЮНЪ, ІЮЛЪ и АВГУСТЪ 1904 г.

Зеподоное мебо. При небольшомъ вниманіи не трудно распознать главныя зв'єзды неба, разъ им'єются необходимыя указанія. Нужно, прежде всего, ум'єть оріентироваться, т. е. находить страны св'єта или горизонта. Для этого, всегда видимая у насъ и хорошо нав'єстная вс'ємъ Большая Медв'єднца (Келесинца, С'єверное Семизв'єздіе) укажеть намъ с'єверъ, если прямую, соединяющую дв'є ея переднія зв'єзды (а и з), продолжить мысленно (въ сторону а) до Полярной зв'єзды.

Помъщаемыя здъсь двъ небольшія карты представляють, въ совокупности, видъ звъзднаго неба въ 6 ч. 23 мин. вечера (по Пулковскому времени (1) 1-го августа въ любомъ пунктъ земного шара, расположенномъ подъ 45° 50′ съверной широты (2). Въ

частности же, верхняя карта показываеть съверное нобо, т. е. то, которое видить наблюдатель, обратившись лицомъ къ съверу, а нижняя—южное небо, представляющееся при обратномъ положеніи наблюдателя, т. е. лицомъ къ югу.

При расположеніи наблюдателя ствернте параллели, для которой даны помъщаемыя здісь карты, видъ звізднаго неба намівнится сліздующимъ образомъ; 1) изъ-за ствернаго горизонта появятся новыя созвіздія и звізды, 2) находящіяся на стверномъ небі вблизи веннта перейдуть на южное и, наконецъ, 3) расположенныя надъ южнымъ горизонтомъ скроются подъ нимъ. Если же місто наблюденія лежить южніте указанной параллели, измізненіе вида звізднаго неба будеть какъ разъ обратное, т. е.: 1) звізды и созвіздія, расположенныя надъ ствернымъ горизонтомъ, скроются подъ нимъ, 2) находящіяся на южномъ небіз вблизи зенита пе-

[&]quot;1) Для полученія м'встнаго времени, достаточно лишь сд'ялать переводъ одного времени въ другое (см. книги I, II и III "Наука и Жизнь" 1904 г.).

⁽²⁾ Губернін, области и города Россійской Имперіи, черезь которые проходить эта геогра-

фическая парадледь, перечислены въ книгахъ I, ÎI и III настоящаго журнада).

эйдуть на съверное и 3) изъ-за южнаго горизонта появятся новыя. И чъмъ далъе въ съверу и югу отъ данной параллели будетъ находиться наблюдатель, тъмъ сильнъе для него выразятся эти измъненія.

Направленіе видимаго движенія небеснаго свода, происходящаго съ востока на западъ, обозначено на прилагаемыхъ картахъ стрълками. Основываясь на этомъ, легко узнать, каковъ видъ звъзднаго неба въ любой моменть сутокъ. Предположимъ, что желательно знать, какъ изменится видъ звезднаго неба, сравнительно съ изображениемъ его на прилагаемыхъ карталъ, 1 августа въ 10 ч. 23 м. веч.? Полный обороть небеснаго свода около насъ совершается въ сутки т. е. въ 24 часа, следовательно, въ течение 4-хъ часовъ (10 ч. 23 м. — 6 ч. 23 м.) онъ перемъстится на $\frac{4}{24} = \frac{1}{6}$ часть полнаго оборота. Всятьдствіе этого: 1) звізды, находившіяся въ 6 ч. 23 м. веч. вблизи западнаго горизонта, въ 10 ч. 23 м. веч. скрываются за нимъ; 2) бывшія въ земить - спустятся къ западному горизонту; 3) расположенныя надъ восточнымъ горизонтомъ приблизятся къ зениту и 4) надъ восточнымъ горизонтомъ поднимутся новыя звёзды.

Данныя здёсь карты будуть представлять видъ звёзднаго неба: 2-го августа—въ 6 ч. 10 м. веч., 3-го — въ 6 ч. 15 м. веч. и т. д.

Болъе подробно о помъщаемыхъ злъсь картахъ звъзднаго неба сказано въ книгахъ I. II и III настоящаго журнала.

Изъ наиболъе интересныхъ объектовъ звъзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слъдующіе:

Перемънныя звъзды: д Цефея.

Двойным звизды: γ Дѣвы, 24-я Волосъ Вереники, 12 α Гончих собакъ, φ Большой Педвѣдицы, β Скорпіона, α Геркулеса, 61-я и β Лебедя, Σ и φ Лиры, θ Зжѣи, γ Дельфина, φ Дракона, β Козерога.

Зепадныя скопленія: Ясли (въ созв'вздін Рака) и въ Геркулесъ.

Туманности: въ Лирв и Лисицъ.

Солние . 8-го іюня въ 10 ч. 52 м. веч. (1) вступаеть въ знакъ Рака — начало люта, 10-го іюля въ 9 ч. 51 м. у. (1) — въ знакъ Льва, 10-го августа въ 4 ч. 38 м. веч. (1) — въ знакъ Дѣвы.

Луна (. Фазы (по Пулковскому времени) (1):

```
7 іюня 5 ч. 12 м. веч. Первая
                      четверть Э
       10 " 24 " " Полнолуніе О
       0 " 55 " утра Послыдняя
                      четверть (
       7 , 28 ,
                     Новолуніе
 6 іюля 10 " 50 " веч. Первая
                      четверть Э
       11 " 43 " утра Полнолуніе ()
        4 " 4 " веч. Послюдняя
                      четверть (
       2,59.,
                     Новолуние
       6 " 28 " утра Первая
5 abr.
                      четверть )
            3 "
13
                     Полнолуніе 🔿
                     Послыдняя
                      четверть (
                     Новолуніе
27
       19 , 44 ,
```

Планеты. Помѣщаемое ниже время прохожденіе планеть черезъ меридіанъ дано для Пулкова.

Прохожденіе черезъ меридіанъ.

Примъчанія.

Марсо с . . 1 іюля 11 ч. 18 м. у. 1 авг. 10 ч. 38 м. у. Въ іюнт не виденъ. Во второй половинт іюля и въ августъ 11 " 11 " 2 " " 11 " 10 " 25 " " виденъ на стверо-востокт передъ 21 " 10 " 51 " " 21 " 10 " 12 " " мости улучшаются.

⁽¹⁾ Для полученія м'єстнаго времени явленій, достаточно лишь сдёлать переводъ одного времени въ другое (см. книги I, II и III настоящаго журнала).

Прохожденіе черевъ меридіанъ.

Примъчанія.

Юпитерг	24	1 11	кногі	8	n	1 28	"	"	1 i 11	к кмі	6 5	ч.	19 44	М.	y. -	Становится видимымъ на ство- ро-востокт въ началт іюня пе- редъ восходомъ солица, а въ
		21 1	" авг.	6 4	" Ч.	54 25	n N.	" y.	21	n	5	Я	, 7	n	"	конца съ полушечи. Въ полъ виденъ на сверо-востоко около полуночи, а въ августа—въ на- чалъ мъсяца часовъ съ 10 веч.
			27 29										,	,		и въ концъ часовъ съ 8 веч. до разсвъта. Время видимости возрастаетъ.
Сатурнъ	ţ	1	,	4	"	6	99	77	1	"	2	72	8	**		Въ іюнѣ виденъ ща юго- востокѣ не высоко надъ гори-
		11	n	3	"	26	"	77	11	"	1	79	21	-	"	востокъ не высоко надъ горн-
		21	n	2	"	45	19	"	21	"	0	"	39	"	,,	полуночи, а въ концъ всю ночь.
•		1	авг.	11	ч.	49	M.	B.								Въ началъ іюля восхедить черезъ часъ послъ заката солица.
		11	"	11	"	6	n	"								а въ концъ раньше; виденъ всю
		21	n	10	n	24	"	*								ночь, съ вечера до разсвъта. Въ августъ виденъ вскоръ послъза- ката Солица на юго-востокъ; время видимости сокращается.

Явленія въ системъ спутниковъ Юпитера. Нанболье интересны и доступны для наблюденія следующія изъ явленій этого рода: 1) затиенія спутниковъ, 2) покрытія спутниковъ и 3) прохожденіе спутниковъ подиску планеты. Въ приводимой ниже таблице римскія цифры обозначають номеръ спутника, а стоящія за ними латинскіябуквы имеють такое значеніе:

- Ес. D.-исчезновение при затмении.
- Ос. R-появление при конца покрытия.
- Ес. R.—появленіе въ концъ затменія.
- Sh. J.—вступленіе тінп на дискъ.
- Ос. D.-исчезновеніе при покрытін.
- Sh. Е.—схождение тыни съ диска.

Таблица явленій въ системъ Юпитера.

Be innu.

Числа.	Явленія.	Моментъ явленія (1)	Числа.	Явлевія.	Моменть явленія
1	II Ec. D.	3 ч. 57 м. у.		I oc. R.	2 , 57 , y.
2	II Sh. J.	10 " 4 " B.		I Oc. D.	5, 2, .
3	II Sh. E.	О "38 "у.	I	I Ec. R.	10 " 19 " B.
	III Oc. D.	10 , 3 , B.	I	I Oc. D.	
4	III Oc. R.	0 "49 "у.	12 l	I Oc. R.	0 , 56 , y.
•	II Oc. R.	10 , 13 , B.	. 13	I Ec. D.	3 , 49 , ,
-	I Sh. J.		14	I Sh. J.	1 , 7 . ,
5		4 " 45 " y.		I Sh. E.	3 , 22 , ,
6	I Ec. D.	1,55,,		I Ec. D,	10 " 18 " B.
	I Sh. J.	11 "13 "в.	15	I Oc. R.	1 " 48 " y.
7	I Sh. E.	1 " 28 " y.		I Sh. E.	9 " 50 " B.
	I oc. R.	11 "50 "в.		I Oc. R.	8 " 17 " B.
10	II Sh. J.	0 " 40 " y.		I Sh. J.	3 " 15 " y.
	II Sh. E.	3 , 13 , ,	_	I Ec. D.	1 , 42 , ,
	III Ec. D.	9 , 41 , B.		I Ec. R.	3 , 53 , ,
	III Ec. R.	11 , 54 , ,		I Ec. D.	10 , 27 , B.

По пулковскому времени; для полученія м'астнаго времени явленій достаточно лишь сділать переводь одного времени въ другое (см. книги I, II и III настоящаго журнала).

Числа.	Явленіе.	Моменть явленія.	Числа. Ян	вленіе.	Момен	итъ явленія.
19	II Ec. R.	0 "55 "y.	26 II	0c. D.	3 "	47 " "
	II Oc. D.	1 " 7 " B.	27 II	Sh. J.	7 ,	10 "в.
	II Oc. R.	8 , 37 , ,	II :	Sh. E.		43 " "
20	II Sh. E.	7 , 7 , B.	28 I	Sh. J.	4 "	
21	I Sh. J.	8 " 1 " y.		Sh. J.		46 " B.
22	I Ec. D.	0 , 12 , ,	III	Sh. E.		8 " "
	l Oc. R. I Sh. J.	8 , 44 , ,	29 I	Ec. D.	2 ,	6 " y.
	1 Su. 3. 1 Sh. E.	9 , 30 , B. 11 , 40 , ,		0c. R.		34 " B.
23	I Oc. R.	11 , 40 , ,		Sh. J.		24 " "
26	II Ec. D.	1 , 3 , y.	I	Sh. E.		38 " y.
	II Ec. R.	8 , 80 , ,	30 I	Ec. D.	8 ч.	34 " B.

Въ іюль.

				•
Числа.	Явленіе.	Моменть явленія.	Числа. Явленіе.	Моментъ явленія.
1	I Oc. R.	0 ч. 9 м. у.	17 III Oc. R.	1 ч. 17 м. у.
	I Sh. E.	8 , 6 , B.	I Sh. E.	6 , 22 , B.
3	II Ec. D.	3 " 38 " y.	19 II Sh. I.	3 , 0 , y.
4	II Sh. I.	9 "47 "в.	20 II Ec. D.	10 , 6,7 , B.
5	II Sh. E.	0 " 19 " y.	21 II Ec. R.	0 , 33 , y.
	III Sh. J.	11 " 48 " B.	II Oc. D.	0 " 80 " *
6	III Sh. E.	2 "8 "y.	II Oc. R.	9 17
	I Ec. D.	4, 0,,		
	II Ec. R.	7 , 23 , B.	22 II Sh. E.	6 , 49 , B.
	II Oc. D.	7 , 43 , ,	I Sh. J.	11 " 34 " "
	II Oc. R.	10 , 10 , ,	23 I Sh. E.	1 "48 "y.
7	I Sh. J.	1 " 18 " y.	I Ec. D.	8 , 45 , B.
	I Sh. E.	3 , 32 , ,	III Ec. D.	9 , 49 , ,
	I Ec. D.	10 " 29 " B.	III Ec. R.	11 , 52 , ,
8	I Oc. R.	2 "3 "y.	24 I Oc. R.	0 , 17 , y.
	I Sh. J.	7 "46 "B.	III Oc. D.	0 " 01 " "
	I Sb. E.	10 , 0 , ,	I Sh. J.	e 0 5
9	III Oc. D.	7 , 34 , ,	I Sh. E.	0 10
	1 Oc. R.	8 , 31 , ,	* A D	. " " "
	III Oc. R.	9 " 21 " "	25 I Oc. R.	6 , 45 , ,
12	II Sh. J.	0 " 23 " y.	28 II Ec. D.	0 , 42 , y.
	II Sh. E.	2 , 55 , ,	II Ec. R.	3, 8,,
13	III Sh. J.	3 , 48 , ,	II Oc. D.	3 , 21 , ,
	II Ec. D.	7 " 32 " B.	29 II Sh. J.	6 , 54 , B.
	II Ec. R.	9,58,,	II Sh. E.	9 , 26 , ,
	II Oc. D.	10 , 18 , ,	30 I Sh. J.	1 00
14	II Oc. R.	0 , 44 , y.	30 I Sh. J. I Sh. E.	0 41
	I Sh. J.	3 , 12 , ,	I Ec. D.	4.0
15	I Ec. D.	0 , 28 , ,		,, .,
	I Oc. R.	3,56,,	31 III Ec. D.	1 , 50 , y.
	I Sh. J.	9 , 40 , B.	I Oc. R.	2, 8,,
	I Sh. E.	11 , 54 , ,	III Ec. R.	3 , 52 , ,
16	III Ec. R.	7 , 52 , B.	II Oc. R.	7 " 0 " B.
	I Oc. R.	10 , 25 , ,	I Sh. J.	7, 56,,
	III Oc. D.	11 , 35 , ,	I Sh. E.	10 , 10 , ,

B $\mathfrak{b}$ август $\mathfrak{b}$.

Числа.	Явленіе.	Моменть явленія.	Числа. Явленіе.	Моментъ явленія.
1	I Oc. R.	8 ч. 36 ж. в.	17 I Oc. R.	6 ч. 42 п. в.
3	III Sh. E.	6,6,,	III Sh. J.	11 , 54 , ,
4	II Ec. D.	8 , 17 , ,	18 III Sh. E.	2 , 6 . y.
5	Il Sh. J.	9 , 31 , ,.	20 II Sh. J.	2 , 45 , ,
6	II Sh. R.	0 " 2 " y.	21 III Oc. D.	6 , 25 , B-
-	I Sh. J.	3 , 21 , ,	III Oc. R.	7 , 47 , ,
7	I Ec. D.	0 , 34 , ,	II Ec. D.	9 , 43 , ,
	I Oc. R.	3 , 58 , ,	22 I Sh. J.	1 , 38 , y.
	II Ec. R. II Oc. D.	7 , 0 , B.	II Oc. R.	4 , 11 , ,
		7 , 2 , ,	I Ec. D.	10 , 51 , B.
	II Oc. R. I Sh. J.	9 , 26 , ,	23 I Oc. R.	2 ", 2 ", y.
	I Sh. E.	9 , 50 , ,	II Sh. E.	6 " 35 " B.
8	l Ec. D.	0 , 4 , y	I Sh. J.	8 , 6 , ,
		7 , 2 , B.	I hh. E.	10 " 20 " y.
0	I Oc. R. I Sh. E.	10 , 26 , ,	24 I Ec. D.	5 , 20 , ,
9		6 , 32 , ,	1 Oc. R.	8 , 29 , ,
10	III Sh. J.	7 , 53 , ,	28 III Ec D.	5 , 55 , ,
10	III Sh. E.	10 , 7 , ,	III Ec. R.	7 , 51 , ,,
13	II Sh. J. Il Sh. E.	0 , 8 , y.	III Oc. D.	9 , 56 , ,
1.4	I Ec. D.	2 , 39 , ,	III Oc. R.	11 ", 16 ", ".
14	II Ec. D.	2 , 28 , , 7 , 9 , B.	29 II Ec. D.	0 , 19 , ,
	I Sh. J.	44 44	80 I Ec. D.	
	II Oc. R.	11 " -0 " "	Il Sh. J.	0 " 10 " -
15	I Sh. E.	" " "	II Sh. E.	
10	I Ec. D.	1 "57 "y. 8 "57 "B.	I Sh. J.	10 0 "
16	I oc. R.	^ " "	31 I Sh. E.	^ " " "
10	I Sh. J.	" "	I Ec. D.	_ " _ • " •
	I Sh. E.	. , , , ,	1 Oc. R.	10 15
	1 OH. 12.	8 , 26 , ,	1 00. It.	10 _n 10 _{n 29}

Падающія звизды. Въ іюнт мтсяцт замтательных и богатых потоковъ падающих звіздъ не наблюдается, наъ второстепенных же можно указать слідующіє:

```
12—17 іюня—вблизи 42-й Геркулеса.
```

26-30 " - вблизи р Орла.

Что касается іюля мѣсяца, то онъ необыкновенно богатъ падающими звѣздами, среди которыхъ особенно выдѣляются такъ называемыя Персеиды. Вотъ главнѣйшіе изъ потоковъ:

```
1—31 іюля (maximum 27—29 іюля)—
вблизи \eta Персея (Церсеиды).
```

1-31 " (maximum) 12-15 inda t

10—12 " . З Персея.

13—16 " . д Южн. Рыбъ.

14 " . д Андромезы.

14—16 " . д Воделея (д Аквариды)...

14—22 " . З Треугольника.

18 ". а Лебедя.

25—29 " . а Лебедя.

25—30 " . З Дракона. 26—27 " . а Кассіопен.

Digitized by Google

^{13—23 &}quot;— между ү и η Лебедя.

^{15 &}quot; — вблизи ∑ Дельфина.

^{26—27 &}quot;— между т и _г Андромеды.

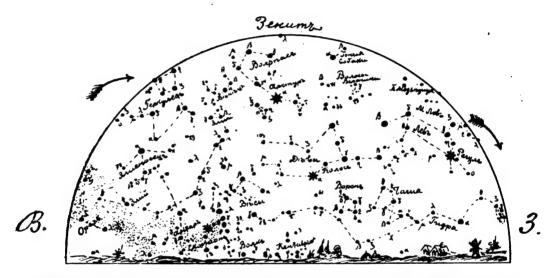
Августь м'єсяць вообще б'єдень падающими зв'єздами; взъ второстепенных потоковъ можно указать сл'єдующія:

7	abc.		вблизи	γ	Heraca.
810	77		n	o	Дракона.
10-19	27		,	α	Лира.
12	**		"	γ	Heraca.
12-17			77		Дракона.
21	"	•	"	14	Адромеды.
21 авг. —1	сен	T.	12	β	н ү Рыбъ.

Болиды. Можно ожидать: 22, 28, 29 и 30 іюня; съ 3 по 8, 17, 18, 22, 23, 28 и 29 іюля.

Зодіакальный свить. Можеть быть наблюдаемь на восток утромь, незадолго передь восходомь солнца, только при исключительно благопріятных условіяхь; вообще же, іюнь, іюль и августь являются наиболте неблагопріятными въ году мъсяцами для этого рода наблюденій.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южной части неба въ 6 час. 23 мин. веч. (по Пулковскому времени) подъ 480 50 съвер. шир., 1 августа 1904 г.

Редакторъ-издатель В. С. Труздевъ.

Digitized by Google

I.

Я не пишу трактата по этикъ, а только подвожу правдивые итоги существующаго. Я хочу оставить безъ разложенія такія понятія, которыя сами по себъ имъютъ значеніе и смыслъ и вмъстъ сътъмъоказывають вліяніе на нашу жизнь, напр., совъсть. Можетъ-ли, напр., служить основой поведенія интеллигентнаго человъка совъсть? Для ханжей этотъ вопросъ покажется страннымъ. А теоретики, напротивъ, найдутъ его наивнымъ. Но въ томъ-то и дъло, что, зная возможность посредствомъ анализа разложить совъсть на простые элементы, сводимые къ воспринятымъ привычкамъ воспитанія, личнаго и общественнаго, къ состоянію культуры, психическимъ, индивидуальнымъ и расовымъ свойствамъ человъка, тъмъ не менъе мы не можемъ незаглушимость отрицать совъсти, какъ бы она ни возникала

въ человъческой психикъ. Будемъ ли мы рекомендовать каждому интеллигентному человъку не заглушать и развивать свою совъсть?

Вообще я хотълъ бы воздержаться отъ какихъ бы то ни было совътовъ. Я настолько върю въ мощь общественнаго развитія человъчества, что не сомнъваюсь въ благихъ конечныхъ послъдствіяхъ человъческаго развитія. Все, что совъсть дозволяетъ дълать человъку, пусть онъ дълаетъ смъло, если чувствуетъ себя въ силахъ не согнуться передъ совъстью и волей другихъ людей.

Ужъ этими словами я подчеркиваю общественный фактъ разнохарактерности содержанія совъсти не только у народовъ разныхъ культуръ, не только въ историческомъ пути развитія, но даже и въ данное время у разныхъ людей. Обыкновенно образованіе считаютъ элементомъ не только не развивающимъ совъсть, а, напротивъ, притупляющимъ ее.

наука и жизнь, книга чііі.

Быть можетъ, върнъе было бы сказать, что развитіе сознанія идетъ впереди общей психики человъка и извъстныхъ душевныхъ настроеній, сказывающихся въ голосъ совъсти. На совъсть можно смотръть, при желаніи, какъ на архивъ разныхъ общественныхъ пережитковъ, ходячихъ правилъ поведенія и проч. Если совъсть и является судьей между справедливостью и выгодой, то въдь и ту, и другую каждый человъкъ можетъ понимать по своему. Остатки религіозныхъ върованій и разныхъ идеальныхъ требованій, вліяніе дъйствовавшихъ дъйствующихъ юридическихъ законовъ, обычаевъ, -- все имъетъ свой отголосокъ въ человъческой совъсти. Тъмъ не менъе, подобно тому, какъ мы не можемъ живого сердца замънить искусственнымъ, не можемъ ничемъ и заменить голосъ живой совъсти, никакими теоретическими размышленіями или механическими правилами. Что такое совъсть, какъ органъ психики, это вопросъ психологіи. Въ ней нътъ ничего таинственнаго и не разложимаго на простые душевные импульсы. Но, быть можетъ, наша задача и состоитъ именно въ томъ, чтобы сознательно вернуться къ темъ живымъ истинамъ жизни, которыми искони жило человъчество, къ въръ, къ любви, къ религіи и въ томъ числъ къ совъсти.

Но какъ можетъ вернуться къ ней тотъ, кто окончательно и безнадежно ее утратилъ? И притомъ, не можетъ ли онъ успокоить себя словами, что совъсть лишь баластъ въ трудной современной жизни. Весь вопросъ житейской мудрости сводится не къ тому, чтобы жить по совъсти и прослыть человъкомъ совъстливымъ, а умъть ловко обманывать враговъ и друзей, не теряя ихъ уваженія или, по крайней мѣрѣ, заставляя ихъ сгибаться передъ своими желаніями и своей волей. Чтожъ, и по этому пути идутъ люди! Чего они достигаютъ въжизни, разсказываютъ намъ беллетристы-художники. Они

дълаются въ тягость не только другимъ, но и себъ самимъ. Старикъ Карамазовъ, старикъ Ченчи-типы извъстные. Ихъ считаютъ психически нездоровыми людьми. Новъйшая психіатрія указываеть на воз-можность такъ называемаго нравственнаго помъшательства; ужъ это одно показываетъ, что въ вопросахъ поведенія необходимо, кромъ правилъ, душевное здоровье. Относясь безъ излишней моральной крикливости къ нъкоторымъ выродкамъ человъческаго рода, человъчество не только въ правѣ, но и обязано обуздывать ихъ особыми узаконеніями и силой мъшать имъ дълать зло. Но, въдь, оно такъ и поступаетъ.

Ограждать человъческую личность отъ произвола другихъ личностей не только считается похвальнымъ правиломъ поведенія, но дълается прямой задачей государственнаго законодательства и общественной дъятельности. И такъ, оставляя въ сторонъ бользненныя уклоненія, мы видимъ полную возможность развитія и укръпленія человъческой совъсти, какъ живого стимула справедливости, благороднаго и необходимаго поведенія.

Передо мной лежитъ книга Сутерланда "Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта".

Я не стану ее здъсь пересказывать, но на мой взглядъ онъ съ убъдительностью доказываетъ несомнънность существованія чисто природнаго инстинкта тъхъ отношеній, не только человъка, но и живыхъ существъ, которыя мы зовемъ нравственностью. Не менъе поучительны теоретическія изысканія Георга Гефдинга, изложенныя въ его этикъ. Подобно Сутерланду, онъ кладетъ въ основу этики развитіе чувства симпатіи. Само собой разумъется, что это слово понимается не въ узкомъ смыслѣ личныхъ симпатій или антипатій, а пониманія и сочувствія къ каждому проявленію жизни и береженія этой жизни. Конечно, все это лишь идеалы, и въ сшибкъ

страстей, даже въ простомъ житейскомъ барахтаніи, мы сплошь и рядомъ поступаемъ, какъ Богъ на душу положитъ. Такъ что же дълать? Никакими правилами тутъ горю не поможешь. Дрессировка даже самой высшей школы врядъ ли можетъ искоренить изъ сильнаго темперамента движенія гнѣва, страсти, жажду наслажденій. И тогда легко предаются забвенію и чужія душевныя состоянія, и выгоды. А иные вполнъ сознательно свою личную выгоду выдвигають впередъ. Да, можеть быть, это и въ порядкъ вещей. Но дажеть, которые соглашаются, чтобы каждый преслъдовалъ лишь свою личную выгоду, останавливаются передъ признаніемъ дозволенности всъхъ средствъ борьбы, до обмана, лжи и убійства включительно. Если человъкъ умный, онъ все это продълаетъ, не пострадавши самъ лично. Съ этой точки зрънія насиліе человъка надъ другими лишь вопросъ его личной силы, произвола, желанія. Но, въдь, такъ, приблизительно, и началось человъческое общежитіе. Все свелось къ тому, что другіе захотъли защищаться отъ подобнаго насилія и произвола. Разсматривая этотъ вопросъ въ современной обстачеловъческаго новкъ общежитія. можно лишь константировать, насколько это удалось людямъ. Но по какому пути пойдетъ поведение интеллигентныхъ людей? Станутъ ли они тщательно подмъчать и указывать пробълы общественной самозащиты отъ произвола необузданныхъ и сильныхъ одиночекъ или сами будутъ пользоваться этими пробълами для своей выгоды? Это дъло вкуса, сложившихся убъжденій, нравственныхъ стремленій, а иногда и вопросъ духовной силы. Чтобы воспользоваться пробълами или, напротивъ, укръплять ихъ, иногда надо быть человъкомъ одинаково сильнымъ и даже, въ послъднемъ случаъ, болъе сильнымъ, такъ какъ укрѣпленіе пробъловъ общественной самозащиты сплошь и рядомъ гораздо труднъе.

Людямъ нравится быть сильными, нравится быть уважаемыми, любимыми. Это также не послъдній стимулъ поведенія.

II.

Вопросъ о поведеніи, какъ отмъчаетъ это Соловьевъ въ своемъ "Оправданіи добра", можетъ быть и для человъка, помъщеннаго на необитаемомъ островъ. Онъ сводится къ тъмъ или инымъ побужденіямъ. Наконецъ, можетъ быть даже поведеніе относительно себя самого и во всякомъ случать относительно другихъ живыхъ организмовъ. Даже можетъ быть поднятъ вопросъ о поведеніи относительно вообще всей природы.

Но ярче всего вопросы поведенія раскрываются въ общежитіи. Человъкъ интеллигентный, имъющій потребность размышлять и знакомиться съ размышленіями другихъ людей, чутко наблюдая жизнь, входя въ тъ или иныя корпораціи и общественныя группы, наконецъ, переживая чужія жизни, въ самыхъ интимныхъ душевныхъ побужденіяхъ, въ лучшихъ произведеніяхъ художниковъ, невольно вырабатываетъ себъ основы того или иного поведенія.

Если интересы отдъльной личности, не только въ смыслъ прямой, осязательной выгоды, но даже и въ менъе опредъленныхъ душевныхъ движеніяхъ и стремленіяхъ, не всегда совпадають съ интересами ближайшихъ къ нему человъческихъ группъ, а этихъ последнихъ-съ интересами другихъ группъ и всъхъ ихъ-съ цълымъ человъчествомъ, то борьба неизбъжна. И не всегда въ этой борьбъ побъждаетъ справедливость. Очень часто негодяи въ жизни торжествують, и подлые празднуютъ побъду. Но одно несомнънно, человъчество во всей своей массъ не можетъ считаться зараженнымъ безъисходнымъ идіотизмомъ обезопасить стремится себя отъ того, что находитъ для себя

вреднымъ. Оно находитъ тысячи путей, чтобы обуздывать не только отдъльныхъ лицъ, но и цълые народы и воздъйствовать на нихъ въ направленіи, улучшающемъ его человъческое существованіе. трудно найти человъка, который бы дъйствовалъ противъ своихъ наиболъе сильныхъ побужденій, если его не принудятъ къ этому другіе, точно также нельзя думать, чтобы человъчество въ своемъ цѣломъ избирало дурные, вредные для него пути поведенія Но оно можетъ заблуждаться, можетъ впадать въ ошибки. Даже больше. Можетъ быть, лишь путемъ всъхъ возможныхъ ошибокъ, убъдившись гибелью части себя, оно приходитъ, наконецъ, къ тому, что ему нужно. Другими словами, человъчество въ цъломъ гораздо тупъе въ своемъ развитіи, чъмъ отдъльный человъкъ, оно не идетъ, а ползетъ ощупью, тыкаясь во всъ стороны, какъ слъпой щенокъ, розыскивая грудь матери. И все таки оно находить эту грудь. Но не фикція ли эта общая жизнь человъчества съ какими то общими, цълостными интересами? Если государства мы еще склонны признать нъкоторой реальностью, то только потому, что въ нихъ существуетъ принудительная власть, зажимающая народы и лицъ, его составляющихъ, въ свой желъзный кулакъ. На самомъ дълъ можетъ быть реальна только живая отдъльная человъческая личность, даже освобожденная отъ путъ семьи, а свободно и произвольно дарящая свои симпатіи, кому вздумается, и живущая, какъ вздумается И такъ, ей выгодно, удобно и пріятно. И человъкъ интеллигентный, какъ человъкъ наиболъе вооруженный въ жизни, болъе другихъ способенъ отстоять подобную самостоятельную позицію. Такимъ образомъ, и сама интеллигентность въ томъ смыслъ, какъ мы ее здъсь толкуемъ, не есть ли также простая фикція, сводящаяся просто къ вопросу о лучшей

вооруженности для житейской борьбы?

Современный интеллигентъ не хорошо вооруженный рыцарь, давшій какой то обътъ, а просто ловкій и хорошо вооруженный разбойникъ, хищникъ. Что и такіе бываютъ интеллигенты, этого я не отрицаю. Но весь ходъ человъческаго развитія на ряду съ ними вырабатываетъ защитниковъ общественнаго строя, общественной правды, людей съ чуткой и живой совъстью.

Эта совъсть заставляетъ ихъ ставить въ первый рядъ интересы цълаго человъчества, затъмъ интересы своего родного народа, потомъ интересы семьи и, наконецъ, своей личности, и приводитъ къ готовности жертвовать собой для семьи, вмъстъ со своей семьей—для родного народа, вмъстъ съ роднымъ народомъ—для человъчества.

Въ этомъ "вмъстъ" и состоитъ вся мука не пониманія самопожертвованія родной средой.

III.

Быть можеть, и правыть мыслители, которые считають человъка злымъ животнымъ, подлежащимъ укрощенію. Можеть быть, обозленный человъкъ даже злъе животнаго, которое ръдко мучитъ. Но вообще обосновать поведеніе человъка на внушенныхъ ему правилахъ равносильно желанію поселить въ его душъ городового, который бы всякій разъ, какъ его склонности, чувства или мысли потянутъ въ дурную сторону, хваталъ бы его за шиворотъ.

Такъ что же въ такомъ случаѣ? Полная распущенность? Дѣлай каждый, что взбредетъ ему въ голову? Находятся такіе, которые пробуютъ такъ дѣлать. Удовлетворенія въ этомъ они не находятъ. Надо дать возможность человѣку осмыслить и прочувствовать, какое поведеніе принесетъ ему наибольшее удовлетво-

реніе, какъ живой челов вческой личности, живущей въ общежитіи. Шаблоны для подобнаго поведенія придумать трудно. Но изъ этого не слъдуетъ, чтобы каждому человъку вообще, а интеллигентному въ особенности, не слъдовало бы размышлять надъ послъдствіями того или иного поведенія. Если бы мъсто мертвыхъ правилъ могли-бы занять живая мысль и живое чувство, отъ этого врядъ ли проиграли-бы люди. Юридическіе законы и тв дають тіпітит правды и справедливости, а скоръе запечатлъваютъ обычаи сложившагося строя, и часто лишь подбираютъ трупъ умершей справедливости.

Истина, правда, справедливость, добро, во всъхъ этихъ словахъ много призывнаго для человъка эволюціонно воспитаннаго общежитіемъ. Но не даромъ самъ Христосъ оставилъ безъ отвъта вопросъ Пилата, что есть истина.

Я хочу сказать, что всѣ эти понятія лишь извѣстныя формы нашихъ чисто человѣческихъ воспріятій, наполняемыя различнымъ содержаніемъ въ зависимости отъ времени, мѣста и культуры. Но всѣ они указываютъ нѣчто необходимое для дальнѣйшаго развитія человѣческаго общежитія и даже самого человѣка.

Нъкоторые думаютъ основать правила человъческаго поведенія на страхъ загробной жизни, которая живетъ въ людяхъ, какъ греза чего то лучшаго, указываетъ на крайній индивидуализмъ. Задача всей жизни здъсь сводится къ утвержденію личной индивидуальной жизни, начиная отъ земной въ безконечную въчность. Мораль изъ за благъ загробной жизни въ сущности не менъе утилитарна, чъмъ мораль земного интереса. Это все тотъ же интересъ отдъльной человъческой личности, ея личнаго блага и преуспъянія, продолженной въ безконечность.

IV.

Вопросъ поведенія для интеллигентнаго человъка заключается, на мой взглядъ, въ томъ, чтобы поступки не привели его къ душевному банкротству. Это -- зловъщій призракъ, который, къ сожалънію, очень часто слишкомъ поздно мы замъчаемъ на своемъ пути, и тогда каждый спъшитъ спастись отъ него по своему. Лучшее спасеніе, несомнънно, такая дъятельность, которую бы вполнъ одобрили и наша мысль, и наше чувство. Но поведеніе и дъятельность все таки не одно и тоже. Дъятельность есть нъкоторое общественное служеніе, цѣпь послѣдовательныхъ поступковъ, направленныхъ къ достиженію опредъленныхъ цълей. Поведеніе же опредъляетъ лишь наше отношеніе, какъ къ этимъ цълямъ, такъ равно и къ другимъ людямъ, а также и къ намъ самимъ. Само собой подсказывается слово "нравственныя обязанности". Но мы можемъ сознавать свои обязанности и все таки стоять не на ихъ высотъ. Чтожъ съ этимъ подълаешь? Подставить къ нимълъстницу правилъ? Чтожъ, кому это нужно и можно исполнить, почему бы не поставить. Самостоятельно жить и мыслить не всъ даже имъютъ время. Такимъ образомъ большимъ благодъяніемъ является для человъчества созданіе готовыхъ правилъ нравственнаго поведенія.

Случалось ли вамъ спросить когонибудь врасплохъ о предметъ, о которомъ ему не приходилось самому размышлять? Онъ невольно начнетъ вамъ говорить первое, что вспомнитъ изъ недавно прочитаннаго. Изъ этого не слъдуетъ, однако, что объ этомъ предметъ онъ именно такъи думаетъ, ему просто подвернулась готовая форма мысли. Но чъмъ меньше будетъ въ обиходъ интеллигентнаго человъка не продуманнаго, врядъ ли будетъ хуже. Многіе боятся своихъ собственныхъ мыслей. И не безъ причины. Мысль не каж-

даго можетъ поднять любую тяжесть вопроса. Избъганіе подобныхъ вопросовъ есть дъло простого самосохраненія. Для общаго процесса жизни это чувство самосохраненія вполнъ необходимо. Но столь же роковымъ и необходимымъ образомъ человъческая мысль можетъ разрушить опоры, сдерживавшія тяжесть того либо иного вопроса. Для нея нътъ тогда выбора. Или она должна развить свои силы, чтобы поднять давящіе ее вопросы или этотъ вопросъ ее задавитъ, задавитъ жизнь, которую она бережетъ.

٧.

Основанія поведенія интеллигентнаго человъка—санкціи въ егособственныхъ чувствъ и мыслей и одобреніи его совъсти. Не лгать самому себъ, не обманывать самого себя, —вотъ первая его забота. А если подобный человъкъ ницшіанецъ и захочетъбыть "веселящимся львомъ", попирающимъ чужія существованія, рано или поздно его свяжутъ, ушлютъ или въ тюрьму или въ домъ душевно больныхъ.

У насъ все боятся нравственной анархіи. Будто бы, если человъка по горло нагрузить разными хорошими правилами, онъ отъ этого станетъ менъе эгоистиченъ и болъе полезенъ для общества. Да, кажется, Сенека оскомину набилъ своему ученику Нерону самыми отборными добродътельными афоризмами. Однако, эти афоризмы не удержали Нерона отъ звърскихъ проявленій его натуры. Почему? Да потому, что его безуміе льстило разгулу страстей однихъ и было выгодно другимъ. Въдь, Римская чернь боготворила Нерона. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ Неронъ самъ дошелъ нравственнаго банкротства гораздо раньше, чъмъ его убили.

Говоря о современномъ интеллигентномъ человъкъ, я не могу предполагать, что, будучи размышляющимъ и впечатлительнымъ человъкомъ, онъ станетъ все дълать наперекоръ разсудку и, "стихіямъ вопреки".

Современная общественность всей своей культурой не можетъ пройти безъ вліянія сквозь его душу.

Пусть онъ будетъ ошибаться, падать, но я върю въ силу мысли и чувства душевно здороваго человъка. Да гдъ они эти душевно здоровые? скажутъ мнъ. Всъ мы нынче душевно больные. Надо лъчиться. Душевно больнымъ врядъ ли помогутъ какіе бы то ни было катехизисы правственности. Быть можетъ, имъможетъ помочь нравственная дисциплина?

Само слово "дисциплина" кажется чъмъ то подбодряющимъ, оздоровляющимъ, не правда ли? А также и передающимъ управленіе нашей воли чему то намъ постороннему, повидимому кръпкому, недопускающему ни шаткости, ни произвола устанавливающему нъкоторый опредъленный порядокъ. И однако, какъ это можетъ быть ни грустно, все таки всякому человъку приходится самому жить, дышать собственными легкими, ходить собственными ногами.

Съ этимъ никто и спорить не станетъ.

Но почему же, когда дойдетъ дъло до душевной жизни, мы сейчасъ же начинаемъ сомнъваться въ способности человъка самостоятельно жить и хотимъ ему придълать искусственныя ноги, руки и даже по возможности для всъхъ создать одну и ту же нравственную физіономію? Развъ душевная область не область нашей личной жизни, столь же для насънеобходимая въ своей самостоятельности, какъ хожденіе, приниманіе пищи и проч?

Въдь, и на счетъ пищи существуютъ правила, что можно ъсть и что вредно организму. Это опытъ прошлаго. Почему же подобный опытъ отвергать для душевной пищи? Почему, если на физическую жизнь опредъленный режимъ производитъ хорошее, здоровое дъйствіе, будетъ не

менъе полезнымъ установленіе опредъленнаго порядка и для проявленій душевной жизни?

Врядъ ли, дъйствительно, можно было бы имъть что либо противъ подобной нравственной дисциплины, но въдь это простая область освъдомленности въ душевной гигіенъ. О ней нельзя сказать ничего худого, кромъ того, что всякая гигіена легче въ теоріи, чъмъ въ практическомъ примъненіи. Наука о сохраненіи душевнаго равновъсія. Подобную науку можно было бы изучать съ пользою и пользоваться ея правилами.

Развивать мысль, просвъщать чувство, укръплять волю, — вотъ три первыхъ основныхъ правила, которыя она бы намъ предложила.

VI.

Ни для кого не секретъ, что пресловутая интеллигентность ровно ни отъ чего человъка не оберегаетъ. Негодяи и подлецы среди интеллигенціи вещь не рѣдкая. Нѣтъ, болъе того, подсказываетъ мнъ возмущенный читатель, среди интеллигенціи ихъ даже больше, чемъ где либо, такъ какъ наука расшатываетъ религіозныя основы, разные Ницше и тому подобныя философіи снимаютъ всякую узду съ поступковъ человъка, и онъ не только негодяйствуетъ по душевной слабости, виновато и воровато прикрывая свои негодяйства, но лжетъ, лицемъритъ, подлитъ, насилуетъ, обманываетъ и воруетъ, возводя все это чуть ли не въ принципъ, чуть не гордясь своей подлостью и приписывая всъ свои негодяйства особому своему превосходству.

И для подобныхъ людей вы утверждаете, скажутъ мнъ, что не надо никакихъ предръшенныхъ правилъ, а все можно предоставить санкціи ихъ мыслей, чувствъ и совъсти?! Да въдь это безчувственные мерзавцы! Какая у нихъ совъсть?! У нихъ одна прожорливая

похоть во всемъ и ко всему. Нътъ, если вы ищете основанія для поведенія интеллигенціи (да и почему только интеллигенціи, а не каждаго человъка?), то найдите такія основанія, которыя бы вліяли на людей, какъ властная истина, не позволяющая уклоняться въ сторону отъ своего пути.

"Вы указываете на необходимость душевнаго здоровья, просвъщенія чувства и т. п. Все это, конечно, хорошо. А все таки, если человъку съ самыхъ малыхъ лътъ внушаютъ, не убій, не украдь, не послушествуй на друга твоего свидътельства ложна и проч., то это все таки сильно обуздываетъ человъка. Въра въ Бога, живого Промыслителя міра—вещь великая. Эта только въра и можетъ быть единственной основой надлежащаго поведенія вообще всякаго человъка".

Ну, а, замъчу, если подобной въры нътъ? И наконецъ, допустимъ, человъкъ ни во что не въритъ, кромъ своей похоти...

Нътъ, хорошія правила поведенія никого и ни отъ чего не спасаютъ, если они лежатъ на поверхности души человъка. Надо, чтобы человъкъ мыслилъ, болълъ чувствомъ, переживая состоянія чужой души. "Истина, говоритъ Олэ-Ляпрюнъ, оказываетъ на умъ такое вліяніе, которому нельзя противиться, не дълая себъ тайныхъ упрековъ. Такова же и власть нравственнаго закона, только она не теоретическаго, практическаго характера". Но для того, чтобы истина оказывала на умъ подобное вліяніе, надо, чтобы умъ былъ способенъ къ ея воспріятію, чтобы онъ вторично самъ породилъ ее своимъ собственнымъ размышленіемъ. Тоже самое и съ нравственнымъ закономъ или проще съ воздержаніемъ отъ поступковъ и даже желаній, вредныхъ другимъ людямъ, вредныхъ всякой человъческой жизни, въ томъ числъ и своей собственной. Тогда можно согласиться съ Олэ-Ляпрюномъ, что

"я дълаю изъ своей жизни не все, что хочу". Мои желанія ограничиваются моей природой, достоинствомъ, идеаломъ, правилами. не могу жить кое какъ, на авось или по прихоти каприза. У меня есть дъло, которое я долженъ сдълать, задача, которую я долженъ исполнить. Я долженъ быть челочеловѣкомъ. въкомъ, истиннымъ Это слово: "долженъ", этотъ характеръ правила, который принимаетъ въ моихъ глазахъ моя природа, разсматриваемая съ идеальной точки зрънія; это достоинство моего существа, которое не позволяетъ мнъ дълать изъ него все, что мнъ будетъ угодно, -- все это доказываетъ, что я не принадлежу вполнъ самому себъ; что мнъ предназначена роль, не исполнять которую мнв не дозволено. Быть челов комъ, жить достойнымъ человъка образомъ,--вотъ въ чемъ заключается моя честь. мое счастье и въ тоже время мой долгъ, налагаемый на меня свыше".

Все это очень хорошо. Но надо, чтобы просвъщение и очищение чувствъ человъка возвысилось до подобнаго настроения. И мнъ кажется, что подобныя возвышенныя душевныя настроения основываются на чуткомъ понимании людскихъ страданий, чужихъ самочувствий, яркихъ представлений себъ послъдствий своихъ собственныхъ поступковъ, т. е. опять-таки не на основании предръшенныхъ правилъ, а вслъдствие работы надъ своей природой, надъ своимъ чувствомъ подъ вліяніемъ просвъщения ума, чувства и совъсти.

VII.

Олэ-Ляпрюнъ, разбирая попытку основать мораль безъ обязанности, на почвъ красоты хорошихъ поступковъ, риска самопожертвованія и прочее, замъчаетъ *): "Одно изъ свойствъ нашего въка состоитъ въ стремленіи соединить матеріалисти-

ческое или, если угодно, натуралистическое отрицаніе со склонностью къ идеальному. Увлекаясь одновременно и наукой, и искусствомъ, нашъ въкъ желалъ бы найти въ наукахъ о природъ универсальное объясненіе вещей; это-то и заставляетъ или располагаетъ его сводить къ физическому порядку; но онъ желалъ бы также сохранить все высшее, сводя его, съ цълью объясненія, на низшее, хотя и съ сохраненіемъ въ немъ его цвъта и красоты, чтобы можно было наслаждаться имъ умственно и нравственно. Онъ думаетъ сорвать превосходный плодъ нравственности съ того же самаго дерева, которое производитъ и все остальное. Это, такъ сказать, нравственная эстетика на почвъ полнъйшаго натурализма".

Порывать связи съ натурализмомъ не желалъ бы и я въ моихъ поискахъ за основами поведенія. Прежде всего потому, что я не вижу въ человъческомъ поведеніи ничего мистическаго. Но изъ этого не слъдуетъ, чтобы я считалъ достаточнымъ данныя одной физической природы человъка. Напротивъ, необходима культурная обработка этой природы въ интересахъ лучшаго существованія какъ всъхъ людей, составляющихъ общежитіе, такъ и каждаго человъка въ отдъльности, для содержательности его собственной жизни. Эта культурность отчасти происходитъ сама собой подъ вліяніемъ воспринимаемыхъ идей и настроеній (я подчеркиваю послъднее), кажущихся человъку истинными, которыя этимъ самымъ и пріобр'втаютъ властную повелительность надъ умомъ, чувствомъ и волей человъка. Я тоже пытаюсь оставить въ сторонъ всякія формулы нравственныхъ обязательствъ и правилъ, находя болъе важнымъ развитіе души человъка въ культурныхъ началахъ не воспріятіемъ разъ навсегда составленныхъ правилъ, а на основаніи развитія способности чутко отзываться и понимать явле-

^{*)} Олэ-Ляпрюнъ. "Цвиность жизни".

нія жизни, самочувствія другихъ людей и послъдствія своихъ собственныхъ поступковъ. Всякое правило есть городовой, поселяемый въ душъ человъка. Достаточно городовыхъ для внъшняго порядка. Пусть будутъ сохранены тамъ до времени тюрьмы, но не палачи, такъ какъ пора и обществу, уничтожившему личную месть, отказаться отъ мести общественной. А всякое палачество есть месть. Самъ Олэ-Ляпрюнъ, объясняя абсолютный правовой характеръ нравственнаго закона, говоритъ въ сущности не о чемъ иномъ, какъ о культурномъ развитіи человъка, о созданіи въ немъ особаго настроенія (въ смысль опредъленнаго душевнаго строя), при которомъ человъкъ не только поступаетъ нравственно, но и желаетъ этой нравственности, какъ истины, какъ несомнъннаго блага.

"Въ нравственной области,—говоритъ Олэ-Ляпрюнъ,—я вижу законъ, который, требуя моего повиновенія, является мнѣ какъ импющій право на такое требованіе".

"Это—верховный законъ, требующій отъ меня совершеннаго, полнаго и универсальнаго повиновенія; но за то этотъ законъ совершенно разумень и благь (курсивъ мой), а потому и достоинъ и можетъ достигнуть съ моей стороны добровольнаго свободнаго подчиненія. Когда я подчиняюсь тому, что онъ мнъ повелъваетъ, то не достаточно того, чтобы я только сообразовалъ съ его требованіями свое поведеніе: я нарушалъ бы его, если-бы, напр., повинуясь ему фактически, въ то время сожалълъ внутренно о томъ, что онъ существуетъ, и желалъ бы, чтобы его не было. Болъе требовательный, чемъ какой-либо другой законъ, онъ требуетъ искренняго и внутренняго согласія. Внъшнее согласіе съ нимъ не значитъ ничего. Я обнаруживаю къ нему полное повиновение лишь въ томъ случаъ, если, исполняя то, что онъ мнъ предписываетъ, въ то же время

искренно желаю, чтобы законъ сушествоваль, признаю существование его за благо, если сознаю и признаю то особенное право его на мое уваженіе и на мое повиновеніе, которое даетъ ему его превосходство; если исповѣдую, что онъ обладаетъ правомъ требовать моего полнаго повиновенія, внъшняго и внутренняго; если, наконецъ, нахожу его благимъ, хотя, быть можетъ, и не сумълъ бы сказать, въ чемъ именно заключается его благость, хотя бы эта благотворность закона была сокрыта отъ моихъ взоровъ, непонятна мнъ и для меня таинственна. такъ какъ я не знаю ни его происхожденія, ни основанія. Вотъ при этихъ условіяхъ можно сказать, что законъ уважають, повинуются ему и вотъ какимъ образомъ первоначальное право, которое ему принадлежитъ, право, основанное на его разумности и благости, обосновываетъ и оправдываетъ его требованія и въ то же время создаеть мое достоинство".

"Такъ какъ онъ въ высшей степени разуменъ и благъ, то и власть его абсолютна, и мое повиновеніе ему носитъ благородный и свободный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того момента, какъ я вижу въ немъ не силу, а право, я выростаю, подчиняясь ему; возвышаюсь, преклоняясь передъ нимъ; это его первоначальное право, отъ котораго происходятъ всѣ другія права и обязанности, сообщаетъ несравненное величіе тѣмъ, кто его признаетъ".

Если удалить изъэтого размышленія фикцію воплощенія нравственнаго закона въ нѣчто постороннее душѣ человѣка, которое, даже въ дальнѣйшемъ, даетъ поводъ автору считать этотъ законъ высшимъ существомъ, то мы получимъ совѣтъ,— очень хорошій, развивать свои склонности и побужденія въ духѣ общечеловѣческихъ требованій, раскрывать свою душу для возвышенныхъ настроеній и весь строй своей духовной жизни поднять до идеаловъ

достойнаго, человъческаго существованія. Но является вопросомъ, надо ли для этого составить опредъленныя заповъди и правила или же заставить всю душу человъка работать надъ тъмъ, что человъчество собрало въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ образцы достойнаго, хорошаго, человъчнаго существованія.

Улучшить общую жизнь человъчества съ помощью внушеній какихъ бы то ни было заповъдей нравственности мнъ кажется безнадежнымъ. Необходима работа души, необходимо просвътленіе совъсти, просвъщение чувства, поднятие строя душевной жизни. И въ этомъ интеллигенція можетъ быть передовымъ отрядомъ человъчества, а вмъстъ съ темъ кадромъ культуры, просвещая умъ, чувство и совъсть остальныхъ людей, освобождая для этого придавленныхъ трудомъ для досуга просвъщенія. Но, конечно, подобную задачу можетъ выполнить истинная интеллигенція.

Но отчего подучаются "Тихоръц-кіе" интеллигенты? Отъ общей не-

культурности нашей жизни. Однако, въ свое время сообщались "художества" берлинскаго банкира, соврашающаго молоденькихъ дъвочекъ. Онъ платилъ, правда, за это хорошія деньги и дівочкамъ, и своднъ, и адвокатамъ, которые его защищали. Вспоминается примъръ священника, развратившаго свою воспитанницу и затъмъ убившаго ея мужа. Ужъ, кажется, стоялъ человъкъ у корня самыхъ священныхъ заповъдей, санкціонированныхъ откровенной религіей. Необходимо всяческое просвъщение. Всякія попытки установить человъческое поведеніе, сообразное съ достоинствомъ пользой человъчества, безъ всесторонняго, широкаго распространенія просвъщенія останутся тщетны.

Не науки портятъ людей, а, напротивъ, невъжество, недостаточность цъльности просвъщенія, такъ какъ у насъ заботятся главнымъ образомъ не о созданіи достойныхъ членовъ человъчества, а о выработкъ разныхъ полезныхъ техниковъ, не исключая юристовъ.

(До слъдующаго М-ра).

Горе побѣжденнымъ

(ЭТЮДЪ).

Николая Васильева.

Вы его знали? Ну, конечно, знали.

Это — тотъ самый слъпой гармонистъ, который такъ мастерски "отжаривалъ" на гармоникъ разныя кадрили, польки и лансье на бракосочетаніи нашего почтеннаго парикмахера Григорія Ильича съ Лидіей Ивановной. Еще тогда тятенька "молодой", нашъ достоуважаемый лавочникъ и благодътель Иванъ Парменовичъ, сугубо "напроздравлявшись" за благоденственное и мирное житіе новобрачныхъ и ихъ будущаго потомства, "разошелся" и пустился въ плясъ "подъ камаринскаго" то-же съ "напригубившейся" свахонькой Өеклой Савельевной.

— Игрецъ важнѣющій! — одобтогда слѣпого гармониста рялъ Иванъ Парменовичъ, отдуваясь и отирая цвътнымъ платочкомъ свое "обличье", запотъвшее послъ обременительнаго для его солиднаго "тълосложенія" танца.

 Только и тряхнулъ стариной ради такой, къ примъру сказать, залихватской игры!—Какъ-бы оправдывалъ свою ръзвость всегда такой серьезный Иванъ Парменовичъ и, тутъ-же, покровительственно похлопавъ музыканта по плечу, наградилъ его серебрянымъ четвертакомъ.

— Получай, гармонія, поощреніе отъ нашихъ капиталовъ! -- добавилъ онъ. — Ежели-бы у тебя зънки въ аккуратъ были, совсъмъ-бы ты человъкомъ былъ, а таперича ты, одно слово, шушера!.. А впрочемъ, выпьемъ!.. Для насъ, все единственно наплевать, съ къмъ-бы не пить!..

И обстоятельный Иванъ Парменовичъ, не смотря на "муху", побуждавшую его на ръзвость и душевныя изліянія, какъ и всегда, былъ

правъ.

Слѣпой гармонистъ, по преданіямъ Петербургской стороны, когдато былъ дъйствительно "человъкомъ". Гдъ-то служилъ, что-то переписывалъ, былъ отмъченъ начальствомъ и, говорятъ, лелъялъ на-дежду, "просидъвъ" еще два-три канцелярскихъ стула, занять штатное мъсто не только съ приличнымъ содержаніемъ, но съ нъкоторыми "безгръшными" доходишками...

И вдругъ!..

— Ужъ такая его планида, матушки вы мои! — положивъ щечку на ручку, говорила сердобольная, особливо послъ приличнаго "пригубливанія", Өекла Савельевна. — Такъ ему ужъ на роду написано! Отъ судьбыто, милыя, не уйдешь!...

И въ самомъ дълъ, "на роду на-

писано".

Когда онъ впервые увидѣлъ свѣтъ Божій въ Галерной Гавани, его пьянчужка-отецъ, губернскій секретарь въ отставкѣ, не взирая на отчаянные протесты мучившейся въ родахъ жены и увѣщанія повитухи, тащилъ въ кабакъ женину турецкую шаль, единственно цѣнную вещь изъея убогаго приданаго...

Фактъ, несомнънно, имъвшій характеръ предзнаменованія! Можноли послъ него, съ точки зрънія проницательныхъ обывательницъ Галерной Гавани, Петербургской, Выборгской, Охты и Песковъ, ждать чего-либо хорошаго для будущности

новорожденнаго младенца?..

И онъ "не ушелъ отъ судьбы!" Былъ "при должности," женился,

имълъ уже двоихъ дътей...

— И стали у него въ тое пору глазыньки, матушки вы мои, тухнуть! — повъствовала обыкновенно Өекла Савельевна. — Тухнутъ тухнутъ, все больше да больше, а тамъ и совсъмъ свътъ бълый померкъ... вотъ, какъ примърно, свъчка догорающая, али лампа безъ керосину... я и говорю тогда Екатеринъто Александровнъ... Въдь вы помните, Екатерина Александровна, обращалась Өекла Савельевна къ женъ слъпого гармониста, — не говорила-ли я вамъ, сходите къ старичку на Геслеровской, сходите къ Матрешъ-юродивенькой, отслужите панихидку на Өеклушиной могилкъ... Божьи люди!.. А вы!..

 Ахъ, полноте, Өекла Савельевна! — не безъ раздраженія отвъчала Екатерина Александровна. — При чемъ тутъ старички и юродивенькіе! —Денегъ не было, чтобы у хорошихъ глазныхъ докторовъ лечиться... Вотъ и все!

— Нѣтъ, извините-съ, сударыня! — повышеннымъ тономъ перебивала ее Өекла Савельевна, обидѣвшаяся, что ей смѣетъ противорѣчить... еще въ прежнемъ положеніи — туда-сюда!... а то теперь какая-то тамъ... съ позволенія сказать "музыкантиха-гармонистка". — Можетъ быть, вы это, мать моя, по образованному, потому какъ въ емназіи учились... И чему только тамъ учатъ!.. Мятежничать что-ли?... А ужъ я, извините, по просту, по русскому, по вашему-то значитъ, по глупому... въ Господа Бога вѣрую!..

Катерина Александровна готова

была уже вспылить.

— Å ты не возражай, Катя! Оставь! — останавливалъ жену слъпой гармонистъ. — Мы — люди хиленькіе!.. Намъ смиряться надо!..

И они смирялись, — смирялись до полнаго обезличенія. Только лѣнивый не оскорбляль этихъ принизившихся, пришибленныхъ людей.

Изъ скромной, но приличной квартирки они давно уже перебрались на задворки окраины Петербургской стороны, въ мезонинъконурку стараго, сырого деревяннаго флигеля, утопавшаго въ грязи, мусоръ и навозъ задняго двора при большомъ каменномъ домъ.

То, что нѣкогда было развлеченіемъ въ минуты досуга, стало теперь главнымъ источникомъ существованія для цѣлой семьи. Слѣпой гармонистъ снискивалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что, въ сопровожденіи жены, ходилъ по мѣщанскимъ и чиновническимъ семьямъ, гдѣ игралъ на гармоникѣ на свадьбахъ, вечеринкахъ и другихъ пирушкахъ, получая за вечеръ отъ рубля до трехъ рублей включительно.

Скудно, нищенски, но питался человъкъ своимъ трудомъ.

Но "судьбъ-планидъ" было мало

этого полнаго приниженія человъка, и она обрушила на его безталанную головушку свой послъдній сокрушающій ударъ.

Какъ-то осенью слепой гармонистъ, возвращаясь домой поздно ночью, въ слякотную сырую погоду, въ худыхъ галошахъ и въ лътнемъ, подбитомъ вътромъ, пальтишкъ, съ мъщанской вечеринки, гдъ "потъхи подпоили веселящіеся ради" его люди, простудился и захворалъ. Болъзнь тянулась долго. Но не только лъчиться, даже питаться чъмълибо было не на что. Возможность ходить по вечеринкамъ прекратилась, источники къ существованію изсякли, такъ какъ вязанье женою чулковъ давало двугривенный въ недълю. И вотъ сухоъденіе и чай въ теченіе недъли и мясной супъ по праздничнымъ днямъ замѣнились питаніемъ исключительно чернымъ хлъбомъ съ водою...

Тогда Екатерина Александровна пустилась по Марьямъ Ивановнамъ, Елизаветамъ Петровнамъ, женамъ приказчиковъ, канцелярскихъ служителей, коллежскихъ регистраторовъ, когда-то въ день своей свадьбы отплясывавшихъ подъгармонику ея мужа кадрили, польки, вальсы, лансье...

Марьи Ивановны и Елизаветы Петровны, несмотря на то, что ихъ мужья пропивали добрую половину своего скуднаго жалованья каждое "20-тое число", нашли, однако, возможность давать "на заварочку чайку", кусочекъ-другой сахару, разныя обносочки дътямъ, -- обносочки, трещавшія при первомъ употребленіи и окончательно расползавшіяся при дальнъйшемъ...

Съ такими "пожертвованіями" да-

леко не уъдешь...

Даже нищенская жизнь оказалась невозможною. Наступалъ голодъ, мрачный, холодный, какъ морозная полночь далекаго глухого съвера.

Между тъмъ кончилась слякотная, ненастная, сырая осень. Наступила зима. "Крестьянинъ, торже-

дровняхъ ствуя, на обновляетъ путь", — благодушно поетъ Пушкинъ.

И, дъйствительно, голодъ торжествовалъ, --- къ нему явился союзникъ, въ лицъ русскаго витязя-

мороза.

Температура въ нетопленой, засыръвшей квартиръ, положимъ, была выше уличной температуры, однако, чтобы добыть воды изъ стоявшей въ комнатъ кадушки, приходилось сначала проломить ледъ. Окоченъвшіе пальцы жены слѣпого гармониста оказались не въ состояніи заработать и тотъ двугривенный, который полагался на ея долю. Въ заиндевъвшемъ углу кутались вълохмотья голодныя зазябшія до одеревенвнія двти. На постели, прикрытый легкимъ, дырявымъ одъяломъ, метался больной, мучимый голодомъ и холодомъ, вдохновитель мъщанскихъ и чиновничьихъ сердецъ.

Скудная теплая одежда семьи давноуже повдалась молью въ кладовыхъ или фигурировала. закладчиковъ подшитая и подкрашенная, въ качествъ "готоваго платья", въ рыноч-

ныхъ лавченкахъ.

Къ голоду, помимо холода, явился, наконецъ, новый союзникъ, въ лицъ домовладъльца.

Его злъйшая собака была много добродушнъе этого бывшаго тверского мужика, а теперь столичнаго домохозяина и собственника. Въ теченіе десятковъ лѣтъ проходилъ онъ карьеру петербургскаго хамства, не брезгуя никакими "доходами", отъ безгласнаго "подручнаго" до властнаго въ своемъ родъ старшаго дворника, а затъмъ отъ мелкаго торгаша, не стъснявшагося ни какими фальсификаціями, ни пріемомъ краденаго, до владъльца лабазовъ и многочисленныхъ домовъ.

 О прежде надо мною всѣ ломались и издъвались, всъ по загривку били, ко всъмъ я приноравливался, -- говорилъ онъ иногда своимъ трепетавшимъ "молодцамъ", —но прошло это, и теперича ужъ на моей улицъ праздникъ! Пора и мић поблаженствовать, свой ндравъотъ показать! Пускай ужъ теперь ко мић приноравливаются и подъмою дудку попляшутъ!..

И онъ твердо и неуклонно проводилъ въ жизнь свой "ндравъ". Поъдомъ ълъ своихъ служащихъ и "не баловалъ" плохихъ плательщиковъ-квартирантовъ, причемъ считалъ за особливое удовольствіе прижать и принизить "прогорълую шушеру" изъ "благородныхъ" и "образованныхъ". Изъ боязни лишиться этого наслажденія, онъ не посылалъ къ нимъ даже дворника, а самъ собственной персоной ходилъ "объясняться и "объяснялся" со всей непосредственностью тверского мужика, воспріявшаго цивилизацію, при посредствъ денежнаго мъшка, изъ затхлыхъ міазмовъ петербургскаго болота...

Руководствуясь паспортомъ, къ "прогорълой шушеръ" изъ "благородныхъ" и "образованныхъ" онъ причислилъ и слъпого гармониста. По нъсколько иногда разъ въ день онъ переступалъ порогъ морозной конуры своего квартиранта. Не снимая картуза и подбоченясь, онъ "оралъ", издъваясь надъ жалкими людьми, грозилъ выгнать ихъ на улицу, гдъ холодъ еще ръзче, гдъ играетъ морозный вътеръ... Но дни шли за днями, и онъ не исполнялъ своихъ угрозъ. Онъ боялся лишить себя мучительнаго удовольствія издъваться надъ обездоленными людьми...

Наконецъ, несчастная женщина не выдержала.

И у разбойника на большой до-

рогъ поцълуешь руку!..

Она явилась къ "нему", тому самому санктъ-петербургскому "милостивому государю", который нѣкогда не давалъ проходу ей, хорошенькой шестнадцатилѣтней гимназисточкѣ. Онъ преслѣдовалъ ее на улицахъ, въ церкви, въ театрѣ, въ магазинахъ, вазойливо провожалъ ее изъ дому до гимназіи, изъ гимназіи домой, навязывался съ дорогими цвѣтами, подарками, коробками кон-

фектъ, а затъмъ, узнавъ черезъ дворниковъ и кухарокъ, что "красотка" изъ "бъдненькихъ", при обязательномъ посредничествъ весьма тонкой во всъхъ отношеніяхъ дамы Амаліи Карловны, проникъ даже въ ту убогую комнатку въ квартиръ пятаго этажа, гдъ она жила съ своей теткой. Онъ сначала разсыпался въ любезностяхъ, говорилъ, что не слѣдуетъ губить свою молодость, это прекрасное утро жизни, что неестественно, безчеловъчно закупоривать себя въ жалкой каморкъ и надрываться надъ непосильнымъ, грошами оплачиваемымъ трудомъ, когда есть человъкъ преданный, страстно ее любящій, готовый положить къ ея маленькимъ ножкамъ все свое состояніе, что, наконецъ, онъ не остановился бы и передъ законнымъ бракомъ, но въдь это же теперь всъми признается предразсудкомъ, пережиткомъ варварской старины, да и по самому существу бракъмогила любви, а затъмъ, перейдя отъ поэзіи и философіи на практическую почву, прямо и безцеремонно предложилъ смущенной Катеринъ Александровнъ квартиру въ бельэтажъ, экипажъ и довольно солидную сумму въ годъ, предварительно замътивъ, что неумно отказываться отъ своего счастія... Старуха-тетка изумилась и растерялась, Катерина же Александровна истерически расплакалась. Выручилъ, однако, случайный свидътель, студентъ, сосъдъ по комнатъ, сумрачный и весьма ръшительный юноша, который, взявъ "милостиваго государя" за воротникъ, не взирая на его протесты и угрозы, "съ честью" проводилъ по всей лъстницъ съ пятаго этажа вплоть до самаго выхода, на прощаніе сказавъ, что слъдующее посъщеніе повлечетъ за собою еще болъе внушительные проводы...

Й вотъ она, спустя десять лътъ послъ этого не совсъмъ пріятнаго для него "происшествія", пришла къ нему, этому прожигателю жизни, герою Невскаго проспекта и отдъль-

ныхъ кабинетовъ, смотръвшему на женщинъ, какъ на кондитерскій товаръ или пикантное кушанье...

Онъ, уже теперь постаръвшій и оплъшивъвшій, но по прежнему все еще такой элегантный и еще болье распущенный, охотно принялъ ее.

Она упала передъ нимъ на кольни, она повъдала ему печальную повъсть своей печальной жизни и своей печальной семьи, она умоляла о помощи, хотя бы о самой незначительной, чтобы имъть только возможность заплатить за конуру, купить дровъ, накормить дътей, наконецъ, она теперь на все, на все готова... Правда, она исхудала, ее помяла жестокая жизнь, но она еще молода, и ея миловидность и теперь еще иногда обращаетъ на себя вниманіе...

Онъ, кичащійся своей воспитанностью, не поднялъ стоявшей передънимъ на колъняхъ женщины, а только внимательно осматривалъ ее взоромъ знатока-спеціалиста...

— Всякому овощу свое вхемя!— наконецъ прокартавилъ онъ. — Стаха, стаха, тетушка, а я не стахьевщикъ. Но михостыню охотно подамъ!..

 Все, что моху! — добавилъ онъ, протягивая ей... мъдный пятакъ...

И она не бросила ему обратно поданный ей пятакъ, а купила на него полъ каравая чернаго хлъба... и сама ъла, и ъли ея дъти...

Всему бываетъ конецъ!

Долго блуждавшій въ морозномъ воздухъ духъ смерти, наконецъ, ръ-

шилъ: "довольно".

Слъпой гармонистъ послъ продолжительнаго безпамятства очнулся. Упершись о края постели костлявыми, какъ у скелета, руками, онъ котълъ подняться, но не могъ. Изъгруди вырвался какой-то надтреснутый звукъ и оборвался... Это духъсмерти взялъ еще таившуюся въскелетъ жизнь. Унесъ ли онъ ее въневъдомыя надзвъздныя области, или низвергъ въ пучины небытія,—я не знаю...

Безучастно смотръла жена на по-

туги умирающаго мужа. Ей было все равно! Она будетъ скоро тоже трупъ... Дъти не знали и не хотъли знать о смерти отца... Имъ было тоже все равно! Имъ было холодно, они хотъли ъсть...

Но вотъ дверь отворилась, и черезъ порогъ переступилъ домовладълецъ.

Онъ уже приготовилъ было на досугъ новый запасъ паскудныхъ словъ, но при видъ трупа эти паскудства остановились у него въ горлъ, а потомъ провалились въ нутро. Правая рука невольно уцъпилась за козырекъ картуза, стащила его съ напомаженной деревяннымъ масломъ головы, передала въ лъвую, а потомъ вновь поднялась, прикоснулась ко лбу, опустилась на грудь, перелетъла на правое плечо, а съ него на лъвое...

Торжественная минута смерти напомнила ему, что и онъ, живущій въ довольствъ и тепль, непремънно когда-нибудь будетъ тоже трупомъ. Всъ его банковые билеты, многоэтажные дома, лабазы не въ состояни спасти его отъ роковой развязки.

— Умеръ!—тихо, почти шепотомъ проговорилъ этотъ горластый, заносчивый мужикъ.—Такъ-съ! Вотъ она, жизнь-то наша...

И, взглянувъ на исхудалыхъ, заморенныхъ дътей и на одеревенъвшую, какъ бы въ столбнякъ, вдову, онъ вдругъ вспомнилъ о "душъ"...

— Захолодали ребятишки-то у тебя! — словно чего-то стыдясь и такъ же тихо сказалъ онъ. — Ну, да отдышатся чай... Пойду-кось... велю куфаркъ щей имъ принесть... Пущай похлебаютъ! Да и дровишекъ пришлю, а ты ужъ ей сама скажи, чтобы, какъ слъдоваетъ, натопила... Студено у васъ!..

И онъ задомъ, по медвъжьи, вылъзъ за дверь и плотно ее затворилъ.

Марьи Ивановны и Елизаветы Петровны сколотили нъсколько рублишекъ, домовладълецъ приложилъ

къ нимъ трешницу, и слъпого гармониста отнесли на самый задъкладбища и зарыли въземлю... "Отъ земли бо взятъ!"...

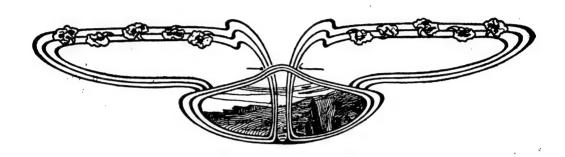
На другой день послѣ похоронъ вдова вышла съ дѣтьми на улицу и пошла все прямо, прямо, пока не скрылась за поворотомъслѣдующей улицы и... исчезла въ волнахъ мяту-

щагося человъческаго моря шумной и громадной столицы,—исчезла безслъдно, какъ исчезаютъ всъ немощные люди...

Все слабое гибнетъ, все сильное живетъ!

Горе побъжденнымъ!..

Николай Васильевь.

энс • **9•**4

ď

Я жить хочу, чтобы желаньемъ И страстью грудь была полна, Чтобъ душу жгла своимъ дыханьемъ Любви предвъчная весна.

Я жить хочу, чтобъ мыслью смѣлой Разсѣять тайны мракъ кругомъ И вызвать ликъ вселенной цѣлой Въ величьи стройномъ и простомъ.

Я жить хочу, чтсбъ мірозданье Душой и разумомъ обнять, Что-бъ частью стать его сознанья И жизнью съ нимъ одной дышать.

Б. фуссъ.

1. Счастье.

Не надо говорить о счастьи, къ которому мы стремимся, не надо говорить о немъ... Счастье подобно малой птичкъ: его легко спугнуть.

Будемъ знать его тихо, не говоря о немъ, даже не думая... Въ тиши сердца, въ глубинъ сердца будемъ къ нему стремиться, скрывая это желаніе даже передъ собственной мыслью. Счастье, въдь, подобно свътлому лучу среди тучъ: покажется на минуту, блеснетъ, но... такъ легко скрывается снова.

Не надо призывать счастья, не надо стремиться къ нему, не надо бороться изъ-за него; какъ дѣти, которымъ на Рождество снится, что къ нимъ придетъ Христосъ съ подарками, ожидаютъ его тревожно, тихія, но безпокойныя въ опасеніи; будемъ ждать и мы.

Если оно собирается придти, придетъ... не надо идти къ нему на

встръчу.
Счастье, какъ солнце, о которомъ мечтаютъ цвъты, цвътущіе только одинъ день; онн не могутъ идти къ нему, они ожидаютъ. Если день ясный, придетъ; если-же тучи заволокутъ небо, то ждутъ напрасно. Завянутъ и не увидятъ солнца, а вечеромъ, въ свой смертный часъ,

будутъ говорить: вотъ напрасно раскрыли мы для него свои чашечки... не пришло...

Будемъ-же спокойно ожидать счастья... для сердца с о, что солнце для цвътовъ, которы столько одинъ день цвътутъ... — если собирается придти, то придетъ.

Не будемъ-же говорить о счастьи, котораго мы такъ желаемъ, не буговорить о немъ... — спугнуть его легко, какъ птицу!..

2. Poss.

Однажды я стоялъ на берегу, держа въ рукъ алую розу.

Предо мной было море; золотистоголубое, фіолетово-серебряное, тихое, солнечное море въ солнечный полдень.

Колеблющіеся изумруды, опалы и жемчугъ прибрежной волны подбъгали къ моимъ ногамъ, съ однообразнымъ и ровнымъ шумомъ, подобнымъ звуку арфы, по которой ударяютъ одной рукой.

На небъ, чистомъ и голубоватозолотомъ, стояло солнце, огромное, огненное... Была весна.

Нѣсколько бѣлыхъ чаекъ кружилось надъ водой, то задѣвая грудью ея поверхность, то поднимаясь

Digitized by Google

вверхъ. Такъ мотыльки порхаютъ надъ лугомъ.

Вдали, на востокъ, шелъ пароходъ, таща за собой сърую ленту дыма, и понемногу скрывался съ глазъ въ водяной пустынъ.

Я бросилъ розу въ воду.

Волна шла отъ меня, отъ меня понесла и ее.

Я видълъ, какъ она удалялась, сначала алая на жемчужной пънъ, а затъмъ уже болъе блъдная на изумрудахъ моря.

Но черезъ минуту, вмъстъ съ возвратомъ волны, роза опять под-

бѣжала къ моимъ ногамъ.

Однако, я замътилъ, что нъсколько лепестковъ, оторванныхъ теченіемъ отъ чашечки, приплыло отдъльно.

И снова волна хлынула назадъ,

въ море, и въ море унесла розу; но черезъ минуту, съ возвратомъ волны, цвътокъ былъ у моихъ ногъ, только уже больше лепестковъ, оторванныхъ теченіемъ, приплыло отдъльно.

Долго стояль я у моря; волны подбъгали ко мнъ и назадъ уходили, прибивая мнъ къ ногамъ все меньшій и меньшій цвътокъ розы и все больше лепестковъ, оторванныхъ отъ цвътка.

Наконецъ, отъ него ничего не осталось, кромъ горсти лепестковъ, брошенныхъ въ воду.

А море бросало ихъ ко мнъ без-

прерывно...

Не бываетъ-ли тоже самое съ сердцемъ? И оно приплываетъ къ ногамъ, разбитое на горстъ лепест-ковъ!..

Екатеринославскіе золотоискатели.

(Очеркъ съ натуры).

Евгенія Дорошенко.

I.

Въбуфет в Екатеринославскаго вокзала, застоломъ, установленнымъ не малымъ количествомъ бутылокъ, сидъло трое мужчинъ; одинъ человъкъ около нихъ, тридцати лътъ, съ дорожнымъ саквояжемъ черезъ плечо, очевидно увзжалъ, а другіе его провожали; они шумно о чемъ-то разговаривали. Въ это время къ платформъ вокзала подопоъздъ изъ Запорожья, и вскоръ за тъмъ раздавшійся звонокъ заставилъ ихъ покончить бесъду. Всъ встали со своихъ мъстъ, и уъзжавшій началь прощаться.

— Ну, смотри-же, Добровъ, не прокути всъхъденегъ въ Харьковъ, — сказалъ одинъ изъ провожавшихъ, — получилъ наслъдство и торопится увезти его изъ нашего родимаго Екатеринослава!

— Не безпокойся, я взялъ съ собой денегъ очень немного и дней черезъ пять надъюсь возвратиться.

Только что Добровъ успълъ войти въ вагонъ второго класса, какъ ударилъ третій звонокъ, за нимъ прогудълъ свистокъ локомотива,—и поъздъ, пыхтя и шипя, помчался по направленію къ Харькову. Въ вагонъ было не тъсно: все общество состояло изъ четырехъ офицеровъ и двухъ купцовъ, да еще вслъдъ за Добровымъ въ вагонъ вошла молодая женщина, въ изящномъ модномъ пальто; пріятное правильное лицо вошедшей было нъсколько блъдно и окаймлялось волнами густыхъ каштановыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ маленькой кокетливой шляпки; чудные глаза ея свътились изъ-подъ длинныхъ ръсницъ, тонкія брови и маленькій изящный ротикъ довершали очарованіе. Прекрасная незнакомка заняла мъсто противъ Доброва. Знакомства вообще въ вагонъ завязываются скоро, и потому, подъъзжая къ станціи Синельниково, Добровъ уже весело разговаривалъ со своей сосъдкой: о погодъ, объ екатеринославскихъ новостяхъ, о газетныхъ извъстіяхъ и проч. На разсвътъ поъздъ подошелъ къ Харькову; но здъсь, къ большой досадъ своей, Добровъ потерялъ изъ виду свою прелестную незнакомку. Остановившись въ Харьковъ въ одной изъ лучшихъ гостиницъ на Рыбной улицъ, Добровъ на другой день утромъ вдругъ былъ пріятно изумленъ счастливой случайностью: вчерашняя незнакомка его остановилась въ той-же самой гостинницъ; встрътившись съ нимъ въ корридоръ, пригласила его къ себъ, уже какъ стараго знакомаго, на чашку вечеромъ. Доска гостиницы, съ именами остановившихся въ ней, раскрыла заинтересовавшее Доброва инкогнито незнакомки. Это, какъ оказалось, г-жа Лисицына; однако, онъ больше ничего не узналъ. Любезнымъ приглашеніемъ Лисицыной, конечно, Добровъ поспъшилъ воспользоваться, и они цълый вечеръ провели въ разговорахъ. Добровъ былъ невыразимо счастливъ, тъмъ болье, что, какъ онъ замътилъ, Лисицына относилась къ нему какъто особенно хорошо, пріятно. Дватри дня они провели вмѣстѣ и разставались обыкновенно только поздно вечеромъ. Добровъ блаженствовалъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, черезъ три дня по прівздв въ Харьковъ, они сидъли вмъстъ за чаемъ въ номеръ Лисицыной, и разговоръ ихъ мало-по-малу перешелъ на почву откровенности, задушевности.

— Знаете, Марья Ивановна, какътяжело у меня на душъ становится, когда подумаешь, что завтра или послъ завтра я долженъ ъхать обратно въ Екатеринославъ. О, какъбы я хотълъ навсегда остаться въ Харьковъ!—говорилъ Добровъ.

Право, мнъ самой досадно,
 что вы уъзжаете; вы, я думаю, по-

нимаете это...

— Эхъ, Марья Ивановна, не завтра—послъ завтра вы забудете о нашей встръчъ. Это мимолетное знакомство исчезнетъ изъ вашей памяти, между тъмъ какъ я видълъ въ немъ, быть можетъ, единственные счастливые дни въ жизни и о немъ никогда не забуду. А вамъ... вамъ въ жизни предстоятъ только удовольствія.

— О, вы напрасно такъ думаете, Сергъй Андреевичъ; я не хотъла было говорить вамъ о тайнахъ моей жизни, но вы сами вызываете меня на откровенность. Я очень, очень несчастна, я скажу вамъ всю правду, зная, что вы меня не вы-

дадите. У меня здёсь въ Харьковъ есть мужъ; о, какъ я его ненавижу, а онъ въчно преслъдуетъ меня своею ревностью, своею любовью. Я ъздила теперь въ Екатеринославъ на похороны моей тетки и, возвратившись, остановилась въ этой гостиницѣ, чтобы хоть насколько времени отсрочить вновь предстоящую миъ жизнь съ ненавистнымъ мнъ человъкомъ, жизнь, въ которой я гублю свою молодость; а между тъмъ я еще способна и хотъла-бы любить, хотъла-бы пользоваться своею молодостью.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ разой-

тись съ вашимъ мужемъ?

— Легко сказать—разойтись!.. Разойтись гласно, по суду, врядъ-ли мнъ удастся, да я и боюсь скандала; но я охотно уъхала бы отъ него куда нибудь, гдъ онъ не могъ-бы меня найти, чтобы жить тамъ хоть нъсколько покойно, но для этого нужны средства, а у меня, увы, ихъ нътъ.

 О, если-бы я смѣлъ предложить вамъ... Но нѣтъ, я не рѣшусь.

 Говорите, что такое? Вы мой другъ, Сергъй Андреевичъ, по крайней мъръ, я полагаю.

— О, можете ли вы въ этомъ со-

мнъваться!

 Въ такомъ случаѣ, почему же вы не хотите, не рѣшаетесь чего-то сказать мнѣ.

— Видите ли, Марья Ивановна, недавно я получилъ наслъдство и купилъ домъ въ Екатеринославъ, и я положительно былъ бы счастливъйшимъ изъ смертныхъ, если бы могъ предложить вамъ у меня квартиру, совершенно отдъльную, и все необходимое.

— О, нътъ! Я ни за что не соглашусь на это!..

Лисицына долгое время отнъкивалась, но, наконецъ, уступая настойчивымъ просьбамъ Доброва, согласилась,—и договоръ былъ скръпленъ долгимъ сладостнымъ поцълуемъ. Добровъ былъ на седьмомънебъ. На другой день утромъ они вмъстъ уъхали въ Екатеринославъ.

II.

Марья Ивановна уже болъе недъли, какъ поселилась въ домъ Доброва, который, благодаря полученному наслъдству, устроилъ ей въ

немъ удобное гнъздышко.

У Марьи Ивановны, какъ оказалось, были въ Екатеринославъ три четыре родственника и столько же хорошихъ знакомыхъ, знавшихъ ее съ пеленокъ, какъ она говорила, и которымъ она не боялась заявить о своемъ присутствіи въ Екатеринославъ, зная, что они ее не выдадутъ. Родственники эти и знакомые какъ то сквозь пальцы смотръли на ея отношенія къ Доброву, съ которымъ она ихъ познакомила. Чаще всего ее навъщали трое изъ этихъ родныхъ и знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ было нъкто Жигелевъ, еще очень молодой человъкъ, уволенный отъ службы "по домашнимъ обстоятельствамъ" чиновникъ; другой — Воеводинъ, отставной сынъ Марса, а третій, г. Саврасовъ, принадлежалъ къ числу коммерсантовъ г. Екатеринослава.

Какъ то они всъ трое и Добровъ сидъли на половинъ Марьи Ива-

новны.

— Знаете что, Марья Ивановна,— сказалъ Воеводинъ,—не худо было бы, чтобы вы когда нибудь пригласили насъ къ себъ вечеркомъ, ну, хоть бы составить пулечку, а вы, какъ любезная козяюшка, угощали бы насъ.—Добровъ заявилъ, что онъ

отъ пулечки не прочь.

— Въ такомъ случаѣ, господа,— отвѣчала Марья Ивановна,—чего же и откладывать, приходите всѣ сегодня вечеромъ. Васъ трое, а Сергѣй Андреевичъ четвертый, вотъ вамъ и пулечка, а я приготовлю вамъ маленькую закуску, а также и усладительнаго, Никита Галактіоновичъ, какъ вы говорите,—засмѣялась она, обращаясь къ Воеводину.

Вечеромъ, дъйствительно, всъ собрались у Марьи Ивановны и, напившись предварительно чаю, ко-

торый разливала сама прекрасная козяйка, гости усълись за зеленое поле. Играли въ преферансъ по копъйкъ; Добровъ выигралъ въ первую пульку двадцать пять рублей. Закусили и, конечно, по-русскому, а можетъ быть и не по русскому обычаю, выпивъ, принялись за вторую. Добровъ вновь выигралъ.

— Ну, вамъ положительно везетъ, почтеннъйшій Сергъй Андреевичъ!—

сказалъ Саврасовъ.

 Да, меня и самого это удивляетъ; обыкновенноя проигрываю, да и играю то я, какъ вы сами видъли, очень плохо.

- Ну, нътъ, играете вы очень порядочно; мы всъ игроки болъе слабые, чъмъ вы. А знаете что, Никита Галактіоновичъ, обратился Саврасовъ къ Воеводину, не дурно бы было, если бы вы намъ маленькій штосикъ заложили.
- Не хочется что то, денегъ съ собой мало, не стоитъ.
- Ну, вотъ еще, не стоитъ: большихъ кушей ставить не нужно, а все маленькіе. Въдь вы, Сергъй Андреевичъ, не откажетесь карточку подставить и Жигелевъ тоже, надъюсь?!
- Выигравъ, я даже не считаю себя въ правъ отказаться!—отвъчалъ Добровъ.

Жигелевъ также отвътилъ согла-

сіемъ.

— Ну, что же, Никита Галактіоновичъ? — вновь началъ Саврасовъ.

— Развѣ ужъ въ виду общаго желанія?!—сказалъ Воеводинъ и заложилъ штосъ, вынувъ изъ кармана рублей около двухъ сотъ и кладя ихъ на столъ.

Для Жигелева и Саврасова счастье было измънчиво; они то выигрывали, то проигрывали. Добровъ же вначалъ выигралъ около ста и началъ горячиться.

— Дама пикъ!..—воскликнулъ онъ. Марья Ивановна съ напряженнымъ вниманіемъ слъдила за игрой.

Со входящими?--любезно переспросилъ его банкометъ.

Конечно.

Дама была бита, и Доброву пришлось заплатить что-то около полутораста рублей. Затъмъ онъ вновь поставилъ даму и вновь проигралъ; теперь изъ пяти его картъ четыре непремънно были биты. Въ концъ концовъ онъ проигралъ пятьсотъ рублей и забастовалъ.

— Да играйте же еще!—стали упрашивать его Саврасовъ и Жигелевъ,—вы навърно выиграете, оты-

граетесь.

— Мнъ, право, тоже совъстно будетъ уйти, не давъ вамъ...—сказалъ Воеводинъ, метавшій банкъ.— Быть можетъ вы хотите метать? Мы охотно будемъ проигрывать.

Но, несмотря на настойчивыя уговариванія, Сергъй Андреевичъ выдержалъ и не сълъ играть, что заставило надуться другихъ игроковъ, по всей въроятности потому, что Добровъ не далъ возможности Саврасову проиграть ему обратно выигранныя у него деньги. Потолковавъ еще немного, всъ разошлись и Добровъ долго не могъ заснуть, вспоминая о проигранныхъ пятистахъ рубляхъ и о коварной дамъ, которая ему измънила...

III.

Добровъ особенно сошелся съ Жигелевымъ: они почти не разставались. Прошло нъсколько дней со времени крупнаго проигрыша Сергъя Андреевича, и онъ пересталъ о немъ уже думать. Какъ то разъ, вечеромъ, онъ сидълъ съ Жигелевымъ въ своемъ кабинетъ за бутылкой вина. Толковали о разныхъ пустякахъ.

— Вотъ жаль, — сказалъ Жигелевъ, — что денегъ у меня теперь нътъ, а представляется очень удобный случай заработать порядочный кушъ.

— А ты скажи мнѣ, я бы тоже не отказался отъ выгодной операціи; къ-тому же у меня есть еще изъ моего наслѣдства тысячи четыре-пять совершенно свободныхъ; ну, а будутъ хорошіе барыши, подѣлимся.

- Да я тебъ могу сказать и безъ ожиданія подачки какой-нибудь. Только врядъ-ли ты согласишься.
  - Отчего-же нътъ?
- Видишь-ли, сюда прівхалъ одинъ ловкій авантюристъ англичанинъ и привезъ съ собой массу поддъльныхъ кредитокъ, которыя онъ продаетъ довольно дешево.

 Ну, нътъ, братъ, ты правду сказалъ, что я не соглашусь. Эта

вещь каторгой пахнетъ.

- Какая тутъ каторга! Дѣло то въ томъ, что бумажки эти такъ хорошо, такъ мастерски сдѣланы, что нѣтъ никакой физической возможности отличить ихъ отъ настоящихъ: ихъ мѣняютъ даже въ банкѣ. Многіе пріобрѣли такихъ бумажекъ у него на значительную сумму.
  - Не можетъ быть!

— Я тебъ говорю, ты можешь предварительно достать себъ нъ-

сколько штукъ на пробу.

Разговоръ на этомъ и кончился. Жигелевъ не настаивалъ, но Добровъ цълую ночь не спалъ: съ одной стороны онъ боялся отвътственности, а съ другой перспектива легкой наживы была такъ заманчива... Кътому-же ему припомнился недавній проигрышъ и ему очень хотълось вознаградить себя за эту потерю. Жадность взяла вверхъ надъ трусостью. Добровъ ръшился попробовать.

- Знаешь что? сказалъ онъ, встрътивъ на другой день Жигелева, передумалъ.
- О чемъ? спросилъ тотъ, притворяясь не понимающимъ.
- Да о томъ, что ты вчера говорилъ на счетъ англичанина.
  - Ну, что-же?
- Я, пожалуй, не прочь бы посмотръть. Интересно видъть эти деньги.
- Видишь-ли, лично этого англичанина я не знаю, но есть у меня знакомые, которые его знаютъ, я имъ передамъ. Да кромъ того, насколько мнъ извъстно, онъ самъ, не желая возбуждать подозрънія,

совершаетъ всъ сдълки черезъ фа-

кторовъ евреевъ...

4

Дня черезъ два въ квартиру Доброва вошелъ чисто, можно сказать, элегантно одътый еврей и сказалъ ему, что онъ желалъ бы съ нимъ поговорить, "по секрету". Добровъ провелъ его въ кабинетъ.

— Меня прислалъ къ вамъ англичанинъ, — шепнулъ онъ ему. Доброву сдълалось какъ-то неловко.

Еврей замътилъ это.

 О, вы, пожалуйста, не стъсняйтесь; я когда нужно, нъмъ, какъ рыба; вы можете быть вполнъ откровеннымъ.

— Я хотълъ бы раньше видъть эти деньги! — робко сказалъ Сергъй

Андреевичъ.

— Я предвидълъ ваше желаніе. —И еврей, доставъ изъ кармана толстый сърый конвертъ, вытащилъ изъ него нъсколько полусотенныхъ, двадцатипяти и десяти рублевыхъ бумажекъ. —Вотъ, смотрите, —сказалъ онъ, подавая ихъ Доброву, — всъ деньги —такія: ни хуже, ни лучше.

Бумажки дъйствительно были сфабрикованы превосходно. Три изъ нихъ, одна въ пятьдесятъ, другая въ двадцать-пять, а третья въ десять рублей, были посланы для размъна въ отдъленіе государственнаго банка съ лакеемъ Доброва; они были тамъ тотчасъ размъняны. Добровъ восхищался.

— Ну, а цъна?—спросилъ онъ.

 Сказать вамъ послѣднюю, чтобы не торговаться?

— Это будетъ самое лучшее.

Они сошлись на 25 процентовъ. — Отлично; я возьму ихъ у васъ пока на три тысячи, то-есть двънадцать тысячъ.

- Въ такомъ случаъ я предложу вамъ слъдующее. Эти три тысячи у васъ здъсь, на лицо?
  - Да.
- Положите ихъ въ конвертъ, я ихъ запечатаю моею печатью, а тогда, когда вы получите двънадцать тысячъ, вы вручите посланному этотъ конвертъ, конечно, пересчи-

предварительно полученныя тавъ деньги. Видите-ли: я врядъ-ли буду имъть возможность забхать къ вамъ лично, дълъ пропасть — подкупно улыбнулся еврей, --- а вводить въ эти дъла еще кого нибудь нътъ надобности, рискованно и совершенно излишне. Тотъ-же, кто принесетъ вамъ отъ меня двънадцать тысячъ, не будетъ знать, что и сколько онъ вамъ передаетъ; деньги будутъ тоже въ конвертъ запечатаны, вотъ этимъ моимъ перстнемъ. Иначе, если бы я велълъ посланному вручить вамъ двънадцать, а получить съ васъ три тысячи, онъ невольно сталъ бы подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ что-то не чистое, а я этого избъгаю...

Добровъ вполнъ согласился съ аргументами плута Хаима, и три тысячи, тщательно пересчитанныя, онъ вложилъ въ тотъ конвертъ, который поспъшилъ предложить ему незнакомецъ, вынувъ изъ него принесенные образцы фальшивыхъ денегъ.

— Теперь,—сказалъеврей,—будьте добры, дайте мнъ огня и сургучу;
—и при этомъ взялъ конвертъ изъ рукъ Доброва. Но лишь Добровъ успълъ отвернуться, чтобы взять свъчу, какъ конвертъ съ день дами исчезъ въ карманъ еврея и съ быстротою, которой позавидовалъ бы любой фокусникъ, замънился другимъ, совершенно ему подобнымъ, и по формъ, и по цвъту, и по объему.

Когда Сергъй Андреевичъ подалъ свъчу, незнакомецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, держалъ конвертъ въ рукахъ. Пакетъ былъ запечатанъ перстнемъ еврея и спрятанъ хозяиномъ въ ящикъ письменнаго стола.

- Итакъ, завтра вечеромъ я пришлю къ вамъ за конвертомъ! проговорилъ еврей, любезно раскланиваясь.
- А ваши деньги?—спросилъ Сергъй Андреевичъ, указывая на образцы.
- О, я оставлю вамъ ихъ изъ двънадцати тысячъ; къ тому же

тутъ всего какихъ нибудь двъсти рублей—сущіе пустяки...

Онъ увхалъ.

Послѣ этой дружеской бесѣды Жигелевъ уже два дня какъ не показывался. Каково-же было удивленіе Сергѣя Андреевича, когда вечеромъ онъ, послѣ прогулки придя домой, узналъ, что Марья Ивановна скрылась, не забывъ взять съ собою свой гардеробъ и тѣ цѣнныя бездѣлушки, которыя онъ подарилъ ей, оставивъ ему записку слѣдующаго содержанія:

"Дорогой душка Сережа! Я сейчасъ узнала, что мужъ мой провъдалъ о томъ, что я въ Екатеринославъ. Япользуюсь твоимъ отсутствіемъ, чтобы уъхать — бъжать, иначе ты сталъ бы меня удерживать, и тогда любовь взяла верхъ надъ благоразуміемъ, и я осталась бы у тебя, на бъду и себъ, и тебъ. О, прости меня, мой милый, еслибъ ты зналъ, какъ я страдаю. Не ищи меня до тъхъ поръ, пока не напишу тебъ; я все-таки надъюсь тебя скоро видъть. Цълую тебя тысячу разъ, твоя навъкъ Маня."

Добровъ немного погоревалъ объ этой потеръ, восхищенный легкой наживой цълыхъ девяти тысячъ. Да онъ уже и началъ было сознавать, что жизнь у него Марьи Ивановны была для него нъсколько стъснительна въ матеріальномъ отношеніи. Все, значитъ, было къ лучшему...

Съ нетерпъніемъ ждалъ условленнаго вечера; вотъ онъ наступилъ, однако, никто не явился. Слъдующій день Добровъ такъ же провелъ въ ожиданіяхъ и опять таки напрасно; ему стало досадно, что эти девять тысячъ, на которыя онъ уже разсчитывалъ, которыя онъ считалъ уже своими и при помощи которыхъ надъялся сдълаться чуть-ли ни милліонеромъ, ускользали у него изъ рукъ. На третій день Сергъй Андреевичъ, чуть не плача отъ досады, пересталъ уже и надъяться и ръшился вскрыть

запечатанный конвертъ: ему нужны были деньги, такъ какъ въ этотъ день предстояла какая-то уплата. Онъ досталъ конвертъ изъящика письменнаго стола и... отскочилъ въ ужасъ, протирая глаза: въ конвертъ, вмъсто новенькихъ сторублевыхъ, лежала наръзанная газетная бумага!..

IV.

Въ укромномъ номеркъ одной изъ Екатеринославскихъ гостиницъ, въ въ стънахъ которой уже не разъ совершались темныя дълишки, сидъли уже знакомые намъ: Жигелевъ, Воеводинъ и прелестная Марья Ивановна — они, очевидно, кого-то ждали...

Раздались условленные удары въдверь номерка.

 — А, вотъ и онъ! — сказалъ Жигелевъ, подымаясь, чтобы отворить.

Въ номеръ вошелъ Саврасовъ, вынимая изъ бокового кармана конвертъ.

- Сейчасъ только взяль отъ Хаима, и какъ онъ все ловко обдълалъ, мошенникъ! Прежде всего я, господа, беру себъ тысячу рублей за расходы по дълу, а остальныя двъ будемъ дълить.
- Какъ, за что тысячу? Развъ вы потратили тысячу?—заговорили 'разомъ Марья Ивановна, Жигелевъ и Воеводинъ.
- А то какъ же: поъздка Мани, ея жизнь въ гостиницъ, въ Харьковъ, здъсь; тоже пришлось дать, въ видъ фальшивыхъ, Доброву двъсти рублей, да Хаиму триста за комисію; онъ еще обижается, что мало дали.
- Вы тогда тоже, когда доктора военнаго обыграли, взяли себъ львиную долю,— возразила Марья Ивановна,—а между тъмъ я больше всъхъ выношу въ этихъ исторіяхъ...
- Ну, ты, Маня, не претендуй, возразилъ Жигелевъ, — въ этомъ дълъ бы и ничего давать не слъдовало: въдь, обыграть его не удалось.

— Какъ же, не слъдовало! А черезъ кого вы съ нимъ познакомились? Если-бъ не я, вы бы съ докторомъ ничего не сдълали. У этого дурака Доброва я жила, скучала три недъли, корчила влюбленную, да слушала его глупости. Вы сами виноваты, что не могли завлечь его въ игру. Онъ, кажется, замътилъ, какъ Никита Галактіоновичъ передернулъ...

-- Ну, ужъ извините, я не дуракъ какой-нибудь, не новичекъ: ужъ что я дълаю, такъ и не такая тетеря, какъ Добровъ, не замътитъ, у меня безъ гильотинъ, все чисто...

— Да, вы пожалуйста, не спорьте,—сказалъ Саврасовъ, который, какъ человъкъ съ капитальцемъ, былъ главою этой ассоціаціи и снабжалъ ее средствами на разныя продълки,—а то я, право, откажусь отъ вашей компаніи.

Въ концъ концовъ, всъ согласились на предложенныя Саврасовымъ условія: каждый получиль изъ двухь оставшихся тысячь по пятисоть рублей.

— Право, изъ-за пятисотъ рублей не стоило возиться!—сказала Марья Ивановна, слегка надувши губки...

- Ну, Манечка, не сердись,—перебилъ ее Саврасовъ,—есть у меня въ виду дъльце повыгоднъе; завтра соберемся здъсь вечеркомъ и обсудимъ; да ты, пожалуй, и жаловаться не должна: тебъ Добровъ, кажется, подарилъ прехорошенькіе часики золотые съ цъпочкой.. браслеты, кольца...
- Не хотите-ли, чтобы я ихъ съ вами подълила?

 Нътъ, я только говорю, что ты не въ убыткъ.

И компанія золотоискателей разошлась въ разныя стороны, чтобы завтра снова сойтись и снова начать свои доблестные подвиги . . . . .

Евгеній Дорошенко.

Слезы

Слезы всемірныя, слезы ужасныя, Чистыми струйками, бурной лавиною, Льются безъ времени, льются напрасныя, Падаютъ каплями въ землю родимую.

Въ хатъ убогой, предъ дымной лучиною, Льются за прялкой невъстой обманутой... Капаютъ слезы, гонимы кручиною, Въ пышной гостинной, шелками затянутой.

Позднею ночью надъ мужней могилою Съ воплемъ васъ льетъ молодая вдова. Пьетесь несчастной надъ жизнью постылою, Пьяницей льетесь за чаркой вина.

Матерью льются надъ люлькой скрипучею, Гдѣ разметалось больное дитя... Пьются и зимней порою трескучею, Пьются подъ зноемъ іюльскаго дня.

Слезы всемірныя, слезы ужасныя, Чистыми струйками, бурной лавиною, Льются безъ времени, льются напрасныя, Падая каплями въ землю родимую.

Мечтатель.

Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ.

Рудольфа Штраца*).

1.

"И вообще...

Но зачъмъ все это писать? Въдь это безполезно! Ты не понимаешь меня— такъ же, какъ и я тебя, какъ вообще современные мужчина и женщина не понимаютъ другъ друга!

*) Р. Штрацъ—одинъ изъ самыхъ извъстныхъ современныхъ писателей въ Германіи. Настоящій романъ его посвящень вопросу о феминизмѣ, волнующему теперь не только западно-европейское, но и русское общество. Рѣшенія этого важнаго вопроса нашего времени, предлагаемыя авторомъ, настолько хорошо обоснованы, и такъ реально практиченъ рисуемый авторомъ типъ современной феминистки, что невольно задумаешься. Быть можетъ, это произведеніе Штраца поможетъ и у насъ, на родинѣ, къ наибольшей общественной выгодѣ рѣшить вопросъ о феминизмѣ.— Ред.

Далеко то золотое время, о которомъ сказано: "И мужчина и женщина смотръли въ глаза другу и не боялись"! Любимъ мы другъ друга, ненавидимъ или относимся другъ къ другу равнодушномы боимся другъ друга-все равно, сознательно или безсознательно! Я же совершенно сознательно! У меня къ тебъ, мой милый Джонъ Генри, совершенно опредъленное чувство страха, хотя иногда ты кажешься мнъ очень смъшнымъ, какъ и всъ вы тамъ, въ моемъ родномъ фабричномъ гнъздъ, въ которомъ я до сихъ поръ сидъла и откуда сегодня, не простившись ни съ къмъ, уъхала, чтобы поступить въ гейдельбергскій университетъ. Можетъ быть, я боюсь тебя только потому, что ты, во что бы то ни стало, хо-

чешь жениться на мнв и преслвдуешь эту цъль съ свойственными тебъ филистерскимъ хладнокровіемъ и упрямствомъ. Въ нихъ сила, о которой мы, легкомысленныя дъти міра сего, имфемъ только смутное представленіе и боимся ея; этой силь, казалось мнь прежде въчасы унынія, когда папа и ты нападали на меня соединенными силами, невозможно было сопротивляться. Ты видишь—я не вполнъ безпристрастна! Ты въ тридцать пять лътъ, — важная особа въ странъ филистеровъ; въ честь тебя дымятся заводскія трубы во всъхъ нижнерейнскихъ провинціяхъ, телеграфъ разноситъ всему свъту твои приказанія наши фабриканты и заводчики съ серьезнымъ и дъловымъ видомъ покачиваютъ головой и многознаброви. чительно приподнимаютъ когда произносятъ твое имя, а акціонеры при твоемъ приближеніи начинаютъ весело позвякивать ножницами, отръзая купоны, однимъ словомъ, когда ты навъки покинешь громадную биржу, какой тебъ представляется весь земной шаръ, ты оставишь своимъ компаньонамъ имя Джона Генри ванъ-Леннепа, окруженное блескомъ, и громадные дивиденды.

Бъда только въ томъ, что все это нисколько не импонируетъ мнѣ, выдержавшей экзаменъ на аттестатъ зрълости, хотя я вполнѣ цѣню способность человъка работать по восемнадцати часовъ въ сутки вмѣсто того, чтобы наслаждаться безмятежно существованіемъ.

Мы слишкомъ не похожи другъ на друга. Ты — олицетвореніе будничной жизни... Нѣтъ, прости, это не вѣрно—не будничной, а скорѣе трудовой, олицетвореніе порядка, труда и серьезности, однимъ словомъ, филистерства въ лучшемъ его значеніи, а я... я всѣмъ существомъ стремлюсь къ лучезарной жизни, голубому небу, всему прекрасному и возвышающемуся надъ повседневнымъ существованіемъ, и смѣюсь

надъ твоимъ въчнымъ безпокойствомъ о томъ, что какой нибудь врагъ перекупитъ у тебя подъ носомъ тюкъ хлопка въ Новомъ-Орлеанъ или бочку керосина въ Баку.

Жизнь, о которой я мечтаю, не праздность, а трудъ въ высшемъ смыслъ; онъ — истинный смыслъ жизни, о которой я имъю, можетъ быть, болъе ясное и живое понятіе, хотя мнъ всего двадцать два года, а ты въ свои тридцать пять лътъ совершилъ уже столько, что твоей работы хватило бы на нъсколько человъкъ до конца ихъ жизни.

Если бъ ты имълъ какое-нибудь представленіе объ эпохъ возрожденія, я все это легко объяснила бы тебъ. Но такъ какъ люди эпохи возрожденія ничего не знали ни о колебаніи цівнъ на кофе, ни о плохихъ видахъ на свекловичный сахаръ, ни о керосиновомъ рынкъ, вообще ни о чемъ, что тебя занимаетъ, то ты тоже ничего не хочешь знать о нихъ, — тебъ извъстны лишь нъсколько ничего не говорящихъ именъ; еще меньше знаешь ты о женщинахъ того времени. А между тъмъ это были женщины, которыя дъйствительно "жили" въ самомъ благородномъ смыслъ этого слова, шли наряду съ мужчинами, пользовались равноправностью и были такими же "людьми", какъ и мужчины! Онъ учились латинскому и греческому языкамъ, работали въ университетахъ, разсуждали съ философами о тайнахъ бытія, увънчивали лаврами поэтовъ — двигали исторію впередъ и изъ служанокъ и одалисокъ дълались товарищами мужчинъ. Онъ стояли наравнъ съ мужчиной и становились равными, а не подобными ему, какъ того требуютъ нынъшніе синіе чулки, которые не понимаютъ, что подражаніе мужчинъ---лишь новая форма подчиненія ему; нізть, оніз говорили себъ: мы не лучше и не хуже, не умнъе и не глупъе мужчинъ; мысовствить не то, что они, и дополняемъ ихъ, какъ они дополняютъ насъ.

Пожалуйста, сиди спокойно, милый Джонъ Генри! Я вижу твои нервныя, нетерпъливыя движенія, вижу, какъ ты выскакиваешь и начинаешь бъгать по комнатъ. Пожалуйста читай дальше! Я такъ долго подавала тебъ надежду сдълаться твоей женой, что теперь обязана принести тебъ во всемъ полную исповъдь. Сегодня, подъ шумъ и грохотъ вагоновъ, я обдумала все, и теперь пишу это тебъ въ моей студенческой комнаткъ, которую я только что наняла въ Гейдельбергъ-изъ оконъ ея явижу молодую зелень деревьевъ, англичанъ, которые расхаживаютъ съ Бедекеромъ въ рукахъ, студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, которые торопятся на товарищескую пирушку...

Пожалуйста, не истолкуй неправильно того, что я тебъ пишу: это разумное разсуждение мужчины и женщины о томъ, почему имъ не

слѣдуетъ жениться...

Я не хочу этимъ сказать, что никогда не выйду замужъ. Я была бы рада, еслибъ встрътила въ жизни человъка, о которомъ могла бы сказать: "Вотъ мой герой! Вотъ человъкъ, который мнв нравится! Онъ достоинъ меня; онъ таковъ, какимъ я себъ представляю мужчину— мой повелитель и товарищъ! Повелитель, которому я повинуюсь добровольно! Есть даже поговорка: Умной женщиной легко управлять!

Видишь, я совсъмъ не стремлюсь походить на мужчину! Я хочу оставаться женщиной, если судьба оп-

редълила мнъ быть ею.

Какъ мужчины чувствуютъ глубокое инстинктивное отвращеніе къ женоподобному мужчинъ, обыкновенно человъку боязливому, жеманному, тщеславному, такъ и я терпъть не могу неженственныхъ женщинъ, которыя представляются мнъ каррикатурами моего лучшаго "я".

Какъ у васъ, такъ и у насъ есть особыя, только нашей природъ присущія достоинства и недостатки. Адамъ и Ева навсегда останутся

Адамомъ и Евой. Кромъ того, "эмансипированныя" женщины, какими ихъ представляетъ себъ толпа, эти истерическія, безполыя существа, съпапироской въ зубахъ, въ велосипедныхъ костюмахъ, слава Богу, не больше, какъ созданія нашихъ заплъсневълыхъ юмористическихъ журналовъ и театральныхъ подмостковъ.

Но именно это безвкусное измышленіе доставляетъ удовольствіе филистерамъ. Только нетебъ! Ты не таковъ! Ты, если можно такъ сказать, самый благородный филистеръ. Самый лучшій, утонченный, но все-таки филистеръ и принадлежишь къ этому почтенному цеху, къ тъмъ, кто требуетъ, чтобы женщина жила подъвъчнымъ надзоромъ и опекой мужчины. "Женщина—глина; мужчина скульпторъ". Да, это было бы хорошо, еслибъ только вы были настоящими скульпторами!

Но вы въ настоящее время не можете создать ни одного художественнаго произведенія; въ лучшемъ случать изъ вашихъ рукъ выходитъ нъчто посредственное, незаконченное, неуклюжее, неудавшееся и искалъченное — благодаря странному явленію, которое называется женскимъ воспитаніемъ и которое главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что все важное и серьезное отдаляется отъ насъ очень старательно, а все ненужное и мелочное развивается съ величайшей старательностью. И это естественно, потому что, по вашему мнънію, высшее образованіе дълаетъ насъ неженственными, а отсюда логически слъдуетъ, что невъжество-признакъ женственности, и что нашимъ идеаломъ должна быть готтентотка. Въ дъйствительности же оказывается, чтооба представленія ложны. Есть глупыя женщины—ихъ можете оставить такими, какія онъ есть, но есть женщины умныя, даже очень умныя, напримъръ-я, будущая stud. phil. Эрна Бауернфейндъ—имъ вы должны дать возможность узнать собственнымъ опытомъ, дъйствительно ли въ умственномъ отношеніи женшина стоитъ гораздо ниже мужчины. Впрочемъ, у меня уже заранъе является глубокое недовъріе къ этой теоріи, когда я вижу большую часть мужчинъ за кружкой пива, съ сигарой и газетой въ рукъ...

Въ моемъ введеніи я изложила свою теорію. Теперь перейдемъ къ практикъ, именно: разсмотримъ случай, касающійся тебя и меня. Почему я прівхала именно въ Гейдельбергъ—сейчасъ раскажу тебъ. Особа, изъ-за которой я это сдълала, пришла только что въ мою комнату, теперь же сидить на диванъ и зъваетъ, потому что устала стенографированья. Вотъ она уже начинаетъ засыпать и съ закрытыми въками кажется еще холодиъе блъднъе, чъмъ обыкновенно. Я и зову ее "холодная блондинка". Она внушаетъ мнъ безграничное уваженіе-больше, чемь все мужчины, взятые вмъстъ. Она сама точно мужчина въ женской оболочкъ. На мужчинъ она не обращаетъ ровно никакого вниманія. Она не чувствуетъ къ нимъ ни ненависти, ни страха, ни презрънія,—нътъ, мужчины для нея пустое мъсто или не особенно пріятное явленіе, которое неизбъжно и которое лучше не замъчать. Самое большее—если она загадочно и сострадательно улыбается, когда видитъ на улицъ молодыхъ студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, съ свъжими багровыми рубцами на дътскихъ лицахъ.

"холодная Такова блондинка", иначе cand. phil. Мета Виггерсъ, которая между тъмъ кръпко заснула и, судя по серьезному выраженію лица, держитъ во снъ государственэкзаменъ.

Тебъ она не понравилась бы. Ты нашелъ бы ее слишкомъ блъдной и худой, слишкомъ ръзкой и безстрастной. Правда, у нея рыбья кровь, хотя иногда она бываетъ очень мила, несмотря на ужасное ленсне, безъ котораго она по сво-

ей близорукости не можетъ обойтись. Средствъ у нея-никакихъ. Все, что ей нужно, она зарабатываетъ сама. Возратившись измученная изъ университета, она каждый день даетъ два-три урока языковъ, а потомъ опять садится за книги. Вотъ какова ея жизнь. Но она всегда спокойна и довольна, и мнъ стыдно передъ ней, что у меня такъ много-много денегъ!

Благодаря ей я въ Гейдельбергъ. единственная учащаяся женщина, которую я знаю и у которой я могу найти помощь и совъты, необходимые въ первое время моего пребыванія въ невъдомомъ царствъмужчинъ. Она наняла мнъ меблированную комнату рядомъ съ своею, уютную, настоящую студенческую комнатку. Въ этомъ же этажъ жимолодая женщина — зубной врачъ; и вотъ всѣ трое мы будемъ жить въ миръ и согласіи, вмъсть

объдать и вести дружбу.

Весь ненужный хламъ, какъ бальныя платья, горничныя и прочее, я оставила дома. Здъсь все это только служило бы помъхой. Здъсь я хочу быть свободной и доказать вамъ, что благоразумный человъкъ все равно, мужчина или женщина хотя бы въ виду собственныхъ интересовъ, никогда не станетъ злоупотреблять свободой. Ты, конечно, находишь все это "въ высшей степени неприличнымъ". Такъ какъ ты, какъ большинство мужчинъ, никогда серьезно не задумывался надъ женскимъ вопросомъ, то тебъ и въ голову не придетъ, что гораздо нравственнъе и разумнъе- провести вечеръ за книгой, чъмъ, задыхаясь въ жаркой бальной залъ, въ низко-выръзанномъ платъъ съ длиннымъ шлейфомъ, переходить изъ рукъ одного посторонняго мужчины къ другому; какъ прошлой зимой продълывала я, прославляемая всъми царица баловъ...

Сейчасъ я должна была встать и пробудить Мету отъ ея чудныхъ сновъ объ экзаменъ. Какой-то гос-

видомъ бандита изъ подинъ, съ горъ, съ большими Абруццкихъ черными глазами и изсиня-черными усами, постучался къ ней въ дверь, повидимому, имъя желаніе усовершенствоваться въ нъмецкомъ языкъ, и она поспъшила къ нему, еще не совсъмъ очнувшись отъ сна. Впрочемъ... Она занимается сразу съ нъсколькими господами; кромѣ того, такъ какъ мы живемъ въ нижнемъ этажъ, каждый, проходящій мимо, можетъ заглянуть въ комнату, да еще все время за урокомъ сидитъ въ уголкъ, съ чулкомъ въ рукъ наша хозяйка, вдовствующая госпожа Швеммельманъ, какъ върный стражъ нравственности.

Но къ дълу! Представь себъ, милый Джонъ Генри, что ты молодая дъвушка! Потрудись вообразить себъ это, насколько возможно это для такого сильнаго и самодъятельнаго человъка, какъ ты. Конечно, тебъ будетъ трудно-въ дурномъ и въ хорошемъ ты настоящій мужчина, -- поэтому то ты и понравился мнъ-немножко грубоватъ, съ насмъшливой улыбкой на губахъ, лихорадочно дъятельный, но лъниво, съ добродушнымъ видомъ, позъвывающій, лишь только зайдеть объ искусствь, литературь и тому подобныхъ вещахъ, на которыя нътъ спроса на биржъ, въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчинами, свысока смотрящій на женщинъ; если же онъ имъютъ счастье понравиться тебъ, ты смотришь на нихъ снисходительнымъ и сострадательнымъ любопытствомъ, какъ на дътей, играющихъ у твоихъ ногъ, при этомъ все твое существо пронесокрушимой энергіей, никнуто какъ паровая машина, которая постоянно гудитъ: денегъ, денегъ, больше денегъ! О, я тебя знаю, милый другъ, но ты меня--- нътъ, и это письмо должно выяснить тебъ, что я такое. Я обязана сдълать это. Итакъ, вооружись терпъніемъ и вообрази, что ты молодая дъвушка по имени Эрна Бауернфейндъ, хорошенькая, богатая, изъ хорошей семьи, которая вчера очень поздно возратилась домой послъ бала и теперь, усталая и позъвывающая, съ страннымъ чувствомъ пустоты въ голосъ и въ сердцъ, облокотившись на окно, смотритъ на сърый зимній пейзажъ. Многія изъ оконъ моего родительскаго дома, на задней сторонъ, выходятъ во дворъ нашей фабрики.

Папа никогда не ръшался жить, какъ это дълаютъ другіе, вдали отъ своей милой фабрики. На этой фабрикъ я видъла длинные ряды лицъ, склонившихся надъ чъмъ-то и руки, занятыя работой. Все было тихо. Только слабо визжали колеса ма-

шинъ.

Тутъ были большею частью женщины и дъвушки, почти всъ съ блъдными и тупыми лицами; многія изъ нихъ увяли преждевременно, другія смотръли совсъмъ больными.

И послъ каждаго бала видъла я эти неподвижные ряды труженницъ, которыя не могли поднять головы отъ работы, пока не прозвонитъ фабричный колоколъ. Видъ ихъ мучилъ меня, сама не знаю почему, и однажды я невольно задала себъ вопросъ:

"Для кого собственно работаютъ эти женщины и дъвушки"? И съ ужасомъ я отвътила самой себъ: "для кого же другого, какъ не для тебя? Онъ работаютъ, чтобы ты могла имъть бальныя платья, приданое, могла бы совершать путешествія

на курорты"...

Съ той минуты я начала размышлять, хотя это не подходящее занядля молодой дъвицы. Прежде всего я стала раздумывать объ участи бъдныхъ женщинъ, работающихъ на фабрикъ. Несомнънно, онъ работаютъ слишкомъ много!

Потомъ меня начала занимать судьба богатыхъ дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ. И опять оказалось несомнѣннымъ, что онѣ работаютъ слишкомъ мало! Тѣхъ угнетаетъ нужда, насъ—скука! Вотъ два по-

люса женскаго вопроса, подъ которымъ ты, какъ большинство мужчинъ, подразумъваешь собраніе синихъ чулковъ въ мужскихъ костюмахъ и пестрыхъ студенческихъ шапочкахъ и не знаю что еще. Съ этого времени мысль о фабрикъ не давала мнъ покоя. Фабрика и я принадлежали другъ другу. Съ одной стороны фабрика, съдругой – я! За нами имълъ надзоръ папа, а послъ него этотъ надзоръ долженъ былъ перейти къ другому мужчинъ — моему мужу! Человъку, который взялъ бы меня съ фабрикой! Папа каждый день твердилъ мнѣ, что должна выйти замужъ, и я понимала это. Всъ выходятъ замужъ, но не всъ могутъ дълать это по своему выбору, какъ я: я въдь представляла очень хорошую партію.

И явились великолъпные женихи! О, этотъ рынокъ невъстъ, на который насъ выводять! Я еще теперь сержусь, когда подумаю объ немъ! Какое благородное соревнование въ погонъ за золотой рыбкой! Какъ живо всв интересуются твмъ, кому посчастливится овладъть невъстой, или, лучше сказать, фабрикой! Чтобы отомстить за себя, я начала отказывать всемъ направо и налево! Безъ разбора! Случаевъ представлялось не мало! Жертвы моего мщенія толпились вокругъ меня! Я живо представляю себъ цълый рядъ потерпъвшихъ пораженіе-все это былъ цвътъ нашего обществамолодые люди въ элегантныхъсюртукахъ и цилиндрахъ, имъвшіе послъ отказа нъсколько обезкураженный, разочарованный и удивленный видъ, который однако и въ тоже время, казалось, говорилъ: чтожъ, не эта, такъ другая! "Были и такіе, къ которымъ я относилась серьезно, какъ и они ко мнъ, и съ которыми я разсталась, дружески пожавъ имъ руку, но большинство... О, Боже мой! Объ лейтенантахъ и ассесорахъ я уже не говорю, но разочаровались мы-фабрика и явъ стальной нижне-рейнской промышленности, въ цвътущемъ южнои западно-германскомъ химическомъ производствъ, да въ извъстнъйшихъ гамбургскихъ экспортныхъ фирмахъ и солидныхъ берлинскихъ банковыхъ учрежденіяхъ!

Наконецъ, явился ты!... только я увидъла тебя, тотчасъ же охватило меня необычайное, неопредъленное чувство, почти страхъ: "Это онъ!" нодумала я. Папа поддерживалъ это чувство. Онъ расхваливалъ тебя съ жаромъ и серьезностью знатока. И всякій, кто говорилъ о тебъ, повторялъ одно и тоже: выдающаяся новая сила-молодой человъкъ, самостоятельно пробившій себъ дорогу, съ жельзной волей и настойчивостью, который умъетъ расчищать себъ дорогу.

Собственно, всъ немножко боялись тебя! Это мнъ понравилось, но я тоже почувствовала къ тебъ

страхъ.

Сначала меня это забавляло и мнъ было пріятно, что наконецъ нашелся человъкъ, могущій импонировать мнъ. Такъ все и началось. Ты началъ вдругъ ухаживать за мною. Собственно, это не было ухаживанье. а скоръе атака, произведенная съ необыкновенной стремительностью. упорствомъ и бъщеной энергіей; я была испугана и обрадована. Въ первый разъ мнъ польстило то, что я произвела на мужчину такое впечатлъніе. Скоро я стала бояться самой себя. Я поймала себя странномъ, неиспытанномъ прежде чувствъ радости при мысли о подчиненіи и покорности тебъ. Разумъется, я не только не обнаружила передъ тобою своихъ чувствъ, но изъ упрямства обращалась съ тобой хуже, чъмъ съ къмъ бы то ни было; однако, это не произвело на тебя никакого впечатлънія, а я подумала: если это не любовь, чувство очень на нее похожее! Можетъ быть, та особенная любовь, которую внушаетъ человъкъ, подобный тебъ.

I laпа, конечно, сочувствовалъ мнъ.

У васъ съ нимъ были какія-то серьезныя дѣла. Вы спорили, высчитывали что-то, и я помню, что въ первый разъ поспорила съ тобой, когда я начала восхвалять промышленный геній папы и его общирные планы, а ты съ странной, натянутой, но мимолетной улыбкой отвѣтилъ мнѣ: "Да, онъ поэтъ между купцами!" Какъ будто это было что-то унизительное!

Послѣ этого спора мы, еще разгоряченные имъ, обручились, Я должна сказать тебѣ, мысль, что тебѣ нужно мое приданое, никогда не приходила мнѣ въ голову, не знаю сама—почему. Въ тебѣ слишкомъ много силы и мощи для такихъ мелочныхъ стремленій. Твои мысли летѣли дальше! Скорѣе ты ограбилъбы цѣлый міръ, чѣмъ свою жену.

Это было годъ тому назадъ. Скоро папа умеръ. Ты въ это время совершалъ свою послъднюю поъздку въ Китай, и я была совершенно одна въ большомъ пустомъ домѣ, предаваясь своему горю; никого около меня не было. Все было тихо. Лишь издали доносился слабый гулъ фабрики, которая неустанно работала на свою новую хозяйку, какъ работала на моихъ родителей и предковъ. Въ это время я умственно созръла. Въ первый разъ я испытывала въ жизни горе. Вся моя надежда была на тебя, всъ мысли и тоска—о тебъ. Я думала, въдь, что ты понимаешь меня!

Ты зналъ, что я такое, или, лучше сказать, чемъ должна была сделаться, когда, освободившись отъ унизительнаго ожиданія хорошей партіи, получила бы право свободнымъ и самобытнымъ человъкомъ, развиться въ существо мыслящее и сдълаться, въ качествъ твоей жены, твоимъ товарищемъ. Такъ представляла я себъ бракъ между такими людьми, какь мы съ тобой. Наша свадьба была отложена благодаря смерти папы и твоему путешествію. Послѣ твоего возвращенія у насъ оказалось достаточно

времени, чтобы узнать другъ друга. И съ каждымъ днемъ съ горечью и болью въ сердцъ я замъчала, что ты видишь во мнъ тоже, что и другіе мужчины, сватавшіеся за меня. Тебъ нравилась моя внъшность—красивой, элегантной, представительной дамы, съ которой пріятно провести время послъ дъловыхъ хлопотъ, которую хорошо имъть въ домъ, какъ хозяйку и компаніонку. Повърь мнъ: я—нъчто большее!

Во мнъ еще спитъ много мыслей и чувствъ, но они уже пробуждаются и стремятся на свътъ Божій, хотя я еще не знаю самое себя, не знаю хорошо свои желанія и цъли. Ты, съ своимъ умомъ, знаніемъ свъта и силной волей, долженъ былъ бы воспитать меня и сдълать изъменя подругу жизни. Ты этого не захотълъ сдълать. Ты отнесся ко мнъ не серьезно. Ты добродушно посмъивался надо мною, какъ надъ лепечущимъ ребенкомъ, когда я старалась сблизиться съ тобою, какъ съ другомъ; какъ всякій влюбленный, ты былъ ко мив достаточно снисходителенъ, шутливъ и баловалъ меня. Но ты не захотълъ уничтожить преграду, чтобы найти мое внутреннее "я". Ты не нашелъ меня достойной такого усилія. Я и такъ была достасточно хороша для тебя, чтобы со мной можно было поболтать и позабавиться въ часы досуга!

Ты любишь во мив женщину; какъ человъкъ, я тебъ безразлична. Это-то и раздъляетъ насъ. И какъ женщинъ, ты мив понравился, а какъ человъкъ — я говорила себъ, что нашъ бракъ будетъ большимъ недоразумъніемъ. Ты никогда не понялъ бы меня.

До сихъ поръ я писала тебъ, какъ дъвушка—о женихахъ, приданомъ, нашей помолвкъ.

Теперь позволь мнѣ, какъ человѣку, поговорить съ тобой и разсказать тебѣ о моемъ духовномъ развитіи до полученія аттестата зрѣлости и поступленія въ универси-

тетъ, на которое ты никогда не обращалъ вниманія, отдълываясь отъ подобныхъ темъ легкой улыбкой: этимъ ты меня всегда очень огорчалъ и оскорблялъ.

Когда я кончила школу, папа съ недоумъніемъ спросилъ меня: "Эрна, ну, что же мы съ тобой будемъ дълать? Еслибъ была жива твоя мать, она знала бы, какъ тутъ поступить, ая не знаю! Выъзжать и танцовать тебъ еще рано. Самое лучшее будетъ помъстить тебя еще года на два въ какой нибудь пансіонъ въ французской Швейцаріи?."

Но я сказала: "Благодаря моимъ боннамъ я съ дътства болтаю по французски и по англійски, какъ на родномъ языкъ. Порядочно говорю по итальянски съ тахъ поръ, какъ мы провели одну весну въ Римъ. Что же мнъ еще дълать въ Швейцаріи? Лучше оставь меня съ собою". Это было и папино тайное желаніе. Но что же миъ было дълать дома? Я была одна; у меня не было ни матери, ни сестеръ, папа цълые дни быль занять дълами. Это безпокоило его и онъ сказалъ: "Эрна, отъ природы ты жизнерадостна и весела, какъ бабочка, но здъсь, въ одиночествъ, тебя могутъ осаждать мрачныя мысли. Я мало могу помочь тебъ. Посторонніе люди тоже. Ты будешь здъсь смертельно скучать. Противъ скуки только, одно средство-работа. Но какъ найти для тебя подходящее занятіе?

Тогда я вспомнила о моей школьной подругь, Меть Виггерсъ, которая была на четыре года старше меня и тогда только что сдала при гимназіи въ Карлсруэ экзаменъ на аттестатъ зрълости, и я сказала себъ: "Я такъ же способна, какъ и Мета". Въ школъ меня считали чудомъ премудрости. И я сказала папъ!.. "Знаешь ли, папа, я буду брать у учителей гимназіи уроки латинскаго и греческаго языковъ и всего, что нужно для полученія аттестата зрѣлости!"

Начало было неудачно! Папа при-

шелъ въ величайшее волненіе! Онъ хотълъ знать, кто мнъ вбилъ эту мысль въ голову, но я повторяла лишь: "Я придумала это сама! Совершенно самостоятельно. Я чувствую къ этому влеченіе!" — Помирились на компромисъ. Я начала брать уроки, но съ другой стороны, папа торжественно и твердо заявилъ мнъ, что онъ никогда не позволитъ мнъ держать экзаменъ, чтобы horribile dictu!--поступить въ университетъ. Я могла только для собственнаго удовольствія склонять— "mensa" столъ и спрягать "ато" – люблю; при помощи учителей я подвигалась однако все впередъ и впередъ, изучая все методически и основательно по программъ гимназій. Такимъ образомъ, я съ каждымъ годомъ становилась ближе къ цъли. Помъхъ къ достиженію ея я встръчала не мало! Прежде всего-въ свътской жизни. Папа должень быль жить открыто; что касается меня, то я солгала бы, еслибъ стала утверждать, что люблю одиночество и что v меня меланхолическій характеръ. О, нътъ! Мнъ весело быть среди веселыхъ людей-ты знаешь это! Не даромъ я родилась на берегахъ Рейна и весела отъ природы. — Но на слъдующее утро послъ какогонибудь бала я опять сидъла за книгами! Въ этомъ отношеніи я была неумолима къ себъ! Не дълала себъ никакихъ послабленій!

Такъ проявлялись двъ стороны моей натуры, которыя почти противоположны одна другой. Вечеромъ, въ обществъ, я была элегантной молодой дъвицей, богатой наслъдницей, золотой рыбкой, царицей бала, такъ смотрълъ на меня свътъ, такой ты узналъ меня; утромъ я превращалась въ прилежнаго молодого гимназиста, который, подперевъ голову объими руками, мучится надъ цицероновскими періодами и коническими съченіями. Тутъ я была въ своемъ настоящемъ видъ! Такой я ръдко кому показывалась!

Въ обществъ же-никогда! Какъ

испуганно посмотръли бы на меня тогда мои кавалеры! Что касается близкихъ мнъ людей, то у меня всегда было очень печальное чувство: "Ахъ, они не понимаютъ меня!" Единственные близкіе люди были у меня—папа и ты! Папа смотрълъ на мои усердныя занятія съ недовольствомъ, котораго я и теперь не понимаю, и старался выдать меня замужъ. Ты послъ нашей счастливой помолвки отнесся къ нимъ равнодушно, какъ къ такому дълу, которое должно само собою прекратиться.

Въ началъ моего знакомства съ тобою твое равнодушіе къ латыни и греческому языку заразило и меня—я въдь тоже человъкъ!—и цълыми недълями пыль толстымъ слоемъ покрывала моего Цицерона и грамматики.

Потомъ ты увхалъ въ Китай, чтобы покончить тамъ свои дъла, и въ это время умеръ папа. Я сразу осталась одна и, чтобы заглушить свое горе, въ безотрадномъ уединеніи большого, пустого, тихаго домасъ удвоенной энергіей принялась за ученье, быстро наверстала пропущенное и въ одинъ годъ выучила все, что еще оставалось мнъ, хотя и прежде была почти готова къ экзамену. Теперь никто уже не могъ помъшать мнъ сдать его! Я подала прошеніе, мнъ указали, при какой гимназіи я должна была подвергнуться испытанію, и прошлой осенью, за насколько недаль твоего прівзда, я сдала экзамень на аттестатъ зрълости, сдълавшись съ тъхъ поръ предметомъ почтительнаго удивленія и ужаса въ нашемъ городишкъ. Объ университетъ я уже не думала. Я хотъла быть твоей женой! Я говорила себъ: "Все, что онъ изъ меня сдълаетъ, будетъ хорошо! Пусть онъ воспитаетъ меня"!

Но ты ничего не захотълъ сдълать изъ меня. Я была для тебя хороша и не вполнъ развившимся человъкомъ! Такою я и должна была оставаться. Ты былъ доволенъ, не

хотълъ и не видълъ во мнъ большаго.

Прошлая зима была тяжелымъ испытаніемъ для меня! Тяжелыя сомнънія, попытки добиться твоего пониманія и, наконецъ, полная безнадежность и утомленіе. Наконецъ, я пришла къ ръшенію, что надо выбирать между бракомъ и университетомъ, доступъвъ который теперь былъ свободенъ для меня.

Такъ какъ я ясно поняла, что бракъ съ тобою, какимъ ты его себъ представляешь, совершенно уничтожитъ мою личность, которая еще вся въ будущемъ, то мнъ остается только одно прибъжище — университетъ. Сегодня я бъжала сюда. Все кончено. Остается только сказатъ тебъ, для твоего успокоенія, о моихъ планахъ, чтобы ты не думалъ, будто я хочу учиться, не имъя никакой опредъленной цъли.

Передо мной лежитъ запечатанный конвертъ съ надписью: Господину профессору, барону Арросъ фон-Турантъ, Dr. med., Dr. philos, Dr. scient" находящемуся въ настоящее время въ Гейдельбергъ. Морозъ у меня пробъгаетъ по кожъ, когда я подумаю, что сегодня я, жалкая будущая студентка, предстану передъ лицомъ этого всемірно-извъстнаго ученаго. Онъ не при-Гейдельбергскому надлежитъ къ университету, но такъ какъ былъ тяжело боленъ кажется, воспаленіемъ легкихъ-то нанялъ въ долинъ Неккара, провести зиму въ Египтъ. Потому-то у него найдется время выслушать тъмъ болъе, что я привезла рекомендательное письмо отъ его бывшаго товарища по ученью. этимъ-то письмомъ я пойду къпрофессору. Я сдълаю это съ спокойнымъ сердцемъ.

Во-первыхъ, по годамъ профессоръ могъ бы быть мнв и отцомъ, а во-вторыхъ онъ женатъ—его жена и дъти живутъ съ нимъ здъсь. Жена его—сама докторъ философіи!

Кромъ того я возлагаю надежду на частную химическую лабораторію Галлюса. Имя Галлюса извъстно даже тебъ! Вы, фабриканты, существуете отчасти благодря его изслъдованіямъ и открытіямъ. Онъ очень странный, озлобленный человъкъ и, какъ ученый, въ страшной враждъ съ университетомъ, принадлежать къ которому онъ не можетъ, благодаря своему невозможному образу жизни, сварливости, желчному и ядовитому характеру. Но я ужъ съ нимъ полажу, и это ближайшая цъль моего пребыванія здісь: буду посъщать въ качествъ ученицы его лабораторію, чтобы понять, что собственно происходить на фабрикъ, которая мнъ принадлежитъ, но объ таинственномъ устройствъ которой я знаю столько же, сколько о томъ, что происходитъ на лунъ. Не странно ли, что ты, принявъ завъдыванье фабрикой послъ смерти папы, не хочешь дать мнъ ни малъйшаго понятія о состояніи моихъфинансовъ, откладываешь все до свадьбы, утъшая меня, какъ нетерпъливое дитя?!

Теперь я хочу проникнуть въ тайны моего владънія, хочу познакомиться съ прикладной химіей, стать на свои ноги и, если не самостоятельно управлять фабрикой, то, по крайней мъръ, понимать, что дълаетъ директоръ и управляющіе.

Тогда я буду независима отъ васъ, мужчинъ. Тогда я буду царить въ своемъ маленькомъ государствѣ, управлять имъ по собственному разумѣнію и подъ своей отвѣтственностью, вмѣсто того, чтобы привлекать жениховъ, гоняющихся за приданымъ.

Итакъ, милый Джонъ Генри, я высказалась! Больше я ничего не могу сдълать. Оставайся по прежнему сильнымъ и добрымъ, и, мысленно давъ мнъруку, скажи: "Прощай!" Мы всетаки останемся друзьями, потому что я искренно люблю тебя и буду любить. Что меня безпокоитъ, такъ это то, что ты, по-

лучивъ это письмо и узнавши, гдъ я, прівдешь за мной въ Гейдельбергъ. Но если даже такъ, то, пожалуйста, не надо сценъ!

Никакихъ такъ называемыхъ "объ-

ясненій".

Я знаю тебя давно; меня же ты поймешь, прочитавъ это письмо. Остается только поговорить о моей раковинъ—я подразумъваю своюфабрику—къ которой я приросла, какъ улитка и съ которой, на радость ли, на горе ли, неразрывно связана.

Прощай! Я начала свое письмовесело, въ бодромъ студенческомъ настроеніи, которое охватило меня нъсколько часовъ тому назадъ при вътздт въ Гейдельбергъ. Теперь оно заканчивается серьезно, какъ и слъдуетъ, когда люди разстаются. Прощай, Джонъ Генри! Ты пойдешь въ жизни своей дорогой, а я своей, хотя моя лежитъ еще въ предразсвътномъ туманъ и я не знаю, что принесетъ мнъ день, радость или горе. Я готова встрътить горе мужественно-его не можетъ избъгнуть ни одинъ человъкъ, хотя я не могу представить себъ, что есть на свътъ горе; теперь ясный день, голубое небо, деревья зеленъютъ и благоухаютъ передъмоимъ окномъ можно вообразить себя въ Италіи; высоко надъ городомъ возвышаются горы и темнъютъ лъса, окружающіе городъ музъ.

Склоны горъ бълъютъ, какъ отъ только что выпавшаго снъга, подернутаго розоватой дымкой, отъ цвътущихъ миндальныхъ, вишневыхъ и персиковыхъ деревьевъ, расположенныхъ среди виноградниковъ. Это настоящій "подвѣнечный нарядъ", какъ говорится въ пъснъ Шеффеля. На всемъ здъсь лежитъ какой-то особый отпечатокъ - повсюду яркія весеннія краски, между тъмъ отъ всего въетъ грустью, --- но не въ обычномъ смыслъ этого слова. Нътъ, — чувствуешь только, что все на землъ имъетъ конецъ, что вся красота преходяща, что ничто не въчно—въ томъ числъ и мы съ тобой, милый Джонъ Генри. Все пройдетъ—и огорченія, которыя мы причиняемъ другъ

другу.

Знаешь ли, что меня такъ печально настроило? Изъ моего окна я вижу на горъ что то невъроятно огромныя колоссальное. башни. дворцы и покрытыя плющомъ ствны въ молодой нъжной зелени. яркія кирпичныя массы, которыя кажутся еще ярче подъ лучами весенняго солнца. Такъ стоитъ Гейдельбергскій замокъ въ своемъживописномъ запуствніи и напоминаетъ печальную истину, что все на землъ имъетъ свой конецъ. И все-таки мнъ весело, и я наслаждаюсь жизнью, потому что небо ясно, я молода и здорова и стала гейдельбергской студенткой. Я посылаю это письмо заказнымъ, чтобы оно върнъе дошло до тебя. Сохрани его. Когда лътъ черезъ десять, ты найдешь его въ ящикъ письменнаго стола, ты улыбнешься и вечеромъ, за чаемъ, прочитаешь его вслухъ женъ. Она, въроятно, тоже улыбнется, посмотритъ на тебя, вы пожмете другъ другъ руки и порадуетесь, что все такъ вышло. Прощай!

Эрна".

II.

Эрна пережила тоскливую минуту, когда почтовый чиновникъ взялъ у нея письмо и написалъ на роспискъ адресъ "Джона Генри ванъ Леннепа". Она почувствовала легкую дрожь при мысли, что наступилъ поворотный пунктъ въ ея жизни, и невольно еще разъ повернула свою хорошенькую головку къ Рейнской долинъ, гдъ была покинутая ею родина. Вдругъ она стала задумчива. Она стала высчитывать, когда можетъ прівхать Джонъ Генри. Что онъ прівдеть, для нея было несомнівнно. Не такой человъкъ онъ былъ, чтобы безъ борьбы потерять свою невъсту.

Получивъ письмо, онъ тотчасъ же

сядетъ на повздъ. Это будетъ завтра утромъ. Послвзавтра онъ можетъ быть здвсь. Все-таки остается еще полтора дня! Это было пріятно Эрнв. Она могла въ этотъ промежутокъ времени закалить свои силы, чтобы встрвтить его вполнв спокойно; теперь же — она не скрывала этого отъ себя—ея сердце все время усиленно билось, когда она думала о Джонв Генри и его прівздв.

Но безрасуднъе всего было то, что она втайнъ радовалась этому пріъзду, радовалась такъ, что сердце за-

мирало...

Полная сомнъній и противоръчій, Эрна вышла на улицу къ поджидавшей ее Метъ Виггерсъ, которая проводила ее до почты, такъ какъ нуждалась въ отдыхъ послъ занятій.

 Теперь ты возвращаешься опять на урокъ къ своимъ иностранцамъ,

Мета?

— Да, въ свой звъринецъ! — отвъчала та. — Я представляюсь себъ среди всъхъ этихъ экзотическихъ существъ укротительницей звърей. А ты идешь гулять?

— О нътъ! Я не такъ легкомысленна! Теперь время дъйствовать! — Эрна вынула изъ кармана письмо и задумчиво покачивала его на рукъ.

 Сейчасъ я сдълаю первый шагъ въ моей новой жизни и передамъ это рекомендательное письмо профессору Appacy!

 Ты думаешь, онъ можетъ помочь тебъ?—спросила скептически Мета.

— Его жена—сама докторъ философіи! Значить, въ женскомъ вопросъ онъ долженъ быть на нашей сторонъ! Я сдълаю все возможное, чтобы заслужить расположеніе этого великаго человъка. Можетъ быть, онъ найдеть, что я его заслуживаю. Видишь ли, только мы, новыя женщины, можемъ правильно судить о мужчинахъ съ ихъ лучшей стороны. Вообще же женщины видятъ только, что мужчины ъдятъ, пьютъ, курятъ; если мужчины молоды, то женщины прыгаютъ съ ними на балахъ подъ музыку, а когда тъ состарятся, то

играютъ съ ними въ уголкъ въ винтъ, видятъ опять, какъ они ъдятъ, пьютъ — и все, что говорятъ имъ мужчины — обманъ, заблужденіе или забава для этихъ взрослыхъ дътей въ сильно декольтированныхъ платьяхъ. Конечно, женщины при этомъ начинаютъ считать мужчинъ годными только на то, чтобы быть подъ башмакомъ жены. Мы въ этомъ отношеніи счастливъе: мы знаемъ, что есть мужчины, заслуживающіе уваженія. Прощай, а то опоздаю къ профессору!

— А ты знаешь дорогу? Черезъ

мостъ, а потомъ на гору!

— Да, мнъ показывали на вокзалъ. Вилла профессора Арраса бълъла издалека среди покрытыхъ цвътами деревьевъ и голыхъ виноградныхъ лозъ. До нея было не болъе четверти часа ходьбы. Эрна стала медленно посмотръла въ сторону, когда ей пришлось проходить мимо группы молодыхъ студентовъ. Теперь это были ея товарищи, равные ей!

Или нътъ — ея гордость возмутилась при этой мысли, — она нъчто большее, чъмъ они. Поступленіе въ университетъ не представляетъ для молодого человъка никакой трудности. За девятилътнее пребываніе въ гимназіи его съ кроткой настойчивостью ведутъ изъ класса въ классъ къ окончательному испытанію при помощи наказаній, угрозъ, увъщаній и просьбъ и, если онъ можетъ заплатить за свое ученье двадцать марокъ изъ отцовскаго кармана въ университетскую канцелярію, то alma mater принимаетъ своего сына, vir juvenis illustrissimus, съ распростертыми объятіями. принимаетъ она сыновей, но не дочерей, путь которыхъ полонъ терній и шиповъ!

Насколько всъ стараются привлечь юношу къ ученью, настолько же каждый считаетъ своей обязанностью отвратить отъ него молодую дъвушку.

Насмъшки, упреки, презрительное

пожиманье плечами, глупое поддразниванье — все это пришлось Эрнъ испытать на себъ и однако у нея хватило мужества проникнуть въ тожеланное мъсто, которое на молодыхъ людей часто наводить лишьскуку. Она по доброй волъ держала экзаменъ для поступленія въ университетъ, а всъ эти юноши по обязанности. Нътъ, она выше ихъ!

Вокругъ благоухали и слегка покачивались подъ дуновеніемъ весенняго вѣтерка, какъ снѣжнымъ пухомъ, покрытыя бѣлыми нѣжными лепестками вѣтки цвѣтущихъ деревьевъ. Направо и налѣво стояли сады въ этомъ великолѣпномъ убранствѣ, а трава была усѣяна фіалками и пестрыми крокусами. Въ розоватыхъ бутонахъ цвѣтовъ и нѣжной зелени деревьевъ, казалось, слышалось тихое дыханіе вѣчно-юной прекрасной природы.

Эрнъ вдругъ пришла мысль: насъ, женщинъ, мужчины считаютъ такими цвътами — способными радовать только взглядъ, предназначенными для увяданія, часто преждевременнаго, олицетвореніемъ весны; цвъты эти ихъ хозяинъ и садовникъ, изълюбви къ нимъ, окутываетъ и подвязываетъ и не даетъ имъ разростаться. Цвъты эти онъ охраняетъ потому, что ему пріятно по вечерамълюбоваться ими и вдыхать ихъ ароматъ, сидя подъ открытымъ звъзднымъ небомъ...

Но берегитесь мести цвътовъ! Эрна воинственно закинула назадъ свою головку и бодро стала взбираться на гору по направленію къ сверкающей на солнцъ виллъ.

* *

Въ саду виллы сидъло трое мужчинъ и, покуривая сигары, смотръли задумчиво на заходящее солнце.

Глубоко внизу, уходя въ туманную даль, ограниченная синъющей цъпью Вогезовъ и Гардта, направо и налъво разстилалась благословенная рейнская долина, этотъ садъ

Германіи, съ разноцватными четыреугольниками полей, безчисленными садами фруктовыхъ деревьевъ, чащами хмеля, взбирающагося на высокіе шесты, деревенскими колокольнями и фабричными трубами, неправильными темными пятнами сосноваго лѣса, сѣтью дорогъ, быстро бъгущими поъздами и въ отдаленіи, сверкающими тамъ и сямъ на солнцъ, какъ осколки огромнаго зеркала, изгибами батюшки-Рейна и катящагося вслъдъ за нимъ Неккара. Солнце уходило на покой. Багровый шаръ плавалъ въ розовой дымкъ облаковъ надъ фіолетовыми склонами Гардта, производящаго самыя благородныя вина. Дальше, за великой нъмецкой ръкой, Пфальцъ окутался уже ночнымъ туманомъ, который знойный день вызваль изъ покрытыхъ бълыми испареніями водъ, дымомъ очаговъ, мирно поднимающимся изъ деревень къ ясному небу и эловъщимъ дыханіемъ заводовъ и фабрикъ. Только древній памятникъ императорскаго величія, Шпейерскій соборъ, виднълся ясно, какъ высокій холмъ на гладкой равнинъ, на которой мало-помалу, какъ свътящіеся червячки засверкали въ надвигавшейся темнотъ сотни и тысячи огоньковъ.

Въ долинъ слышны были гейдельбергскіе колокола. Въ тихомъ вечернемъ воздухъ можно было различить легкій шорохъ распускающихся деревьевъ, голыхъ еще вътокъ каштановъ и густыхъ кипарисовъ... Казалось, это были голоса далекаго прошлаго, тъни минувшаго, прощаніе съ молодостью... Закрывши глаза, такъ легко было перенестись въ прошедшее... дни веселой, быстро промелькнувшей молодости казались такими близкими...

Однако, все это было уже двадцать пять льтъ тому назадъ. Всъ трое сидъвшихъ въ саду говорили мало. Каждый думалъ о себъ, о томъ, что было двадцать пять лътъ тому назадъ...

Тъ ли они, что были прежде, когда

разставались, вступая въжизнь, когда имъ нужно было сказать другъ другу такъ много чего-то еще не вполнъ прочувствованнаго и не сознаннаго, что мучитъ молодыя сердца? Истинная молодость серьезна. Она вдумчиво и не легко относится къ жизни, потому что еще не научилась сомнъваться въ ея ценности. Какъ могли они тогда знать жизнь, когда имъ едва было по двадцати лътъ? Какъ и теперь, у ихъ ногъ разстилался веселый Пфальцъ, окутанный таинственной дымкой, теряющійся въ синеватой дали, какъ обътованная земля, съ сверкающими потоками, искристымъ виномъ, дымкомъ, мирно поднимающимся изъ трубъ, широкими полями и лугами, ожидающими земледъльца, въ потъ лица добывающаго хлѣбъ свой.

Тогда все казалось имъ такъ просто, такъ легко. Надо было только спуститься въ равнину, которая звала и ждала ихъ тамъ, внизу, сдълаться морякомъ или земледъльцемъ, создать свое маленькое царство и пожинать плоды своихъ трудовъ, отирая по возвращени съ работы сильной рукой потъ лица своего.

Правда, каждый изъ нихъ работалъ и трудился по своему, но передъ каждымъ въчно вставалъ нъмой вопросъ: Развъ не нужно ничего больше? Это и есть настоящая жизнь? Въ молодости же никто и не подозръвалъ о существовани подобныхъ вопросовъ. Они върили, что можно погибнуть въ борьбъ, но не знали, что можно разочароваться въ побъдъ.

Прошло двадцать пять лѣтъ, и они стали смотрѣть на себя со стороны, и съ задумчивой грустью и любовью узнавали самихъ себя въ молодыхъ студентахъ, въ пестрыхъ шапочкахъ и съ шрамами на лицѣ, которые теперь веселою толпою, съ шумомъ и смѣхомъ, посвистывая и помахивая тросточками, проходили мимо по дорогѣ въ Гейдельбергъ. И черезъ двадцить пять лѣтъ здѣсь, можетъ быть, опять будутъ сидѣть

другіе, думать о прошедшей молодости и смотръть съ тоскою на юныхъ студентовъ, которые такъ же, какъ и теперь, будутъ наслаждаться утромъ жизни и не думать о завтрашнемъ днъ. И въ съдыхъ головахъ трехъ друзей, сидъвшихъ теперь за садовымъ столикомъ, зашевелилась мысль, которая одному изъ нихъ не разъ уже приходила и прежде, что безостановочно текущій потокъ жизни въ сущности остается неподвижнымъ, мъняя только внъшнюю форму.

Наступило долгое молчаніе.

- Да-а, -- заговорилъ наконецъ майоръ. — Я не могу пожаловаться. Я былъ съ нею очень, очень счастливъ, съ моимъ Максомъ. Ее звали Максимиліаной, но это слишкомъ длинно и торжественно для такого милаго маленькаго товарища, какъ она. Ръшивъ поступить въ военную службу, я не долго медлилъ. Въ Казино слишкомъ холодно и пусто. Я люблю тихую семейную жизнь... я не созданъ для смотровъ и парадовъ. Тъмъ, что я все-таки добросовъстно исполнялъ свои обязанности, я обязанъ ей! Она сопровождала меня изъ гарнизона въ гарнизонъ, отъ Меца до Мемеля, и вездъ у насъ былъ свой тихій домашній уголокъ... Она дала мнъ трехъ сыновей. Одинъ уже лейтенантъ, другой -- прапорщикъ, третій, самый младшій, еще въ кадетскомъ корпусъ. Какъ отецъ, я въ сущности мало вліянія им вю на двтей.

Онъ усмъхнулся при этихъ словахъ...—Такъ идетъ все въ жизни—всегда иначе, чъмъ думаешь! Два года тому назадъ, когда умерла жена, ничто въ жизни уже не радовало меня, все было безразлично. Я думалъ: "теперь прощусь со всъмъ на свътъ, забъюсь въ какой-нибудь уголъ и буду ждать конца!" И вдругъ я вспомнилъ о нашей веселой молодости въ Гейдельбергъ и, чтобы какъ-нибудь убить время, записался въ число слушателей университета.

— И замъчательно... я опять помо-

лодълъ! Я живу въ третьемъ этажъ въ маленькой комнаткъ, среди студентовъ, записываю лекціи, какъ самый усердный студентъ перваго семестра, вижу вокругъ себя молодыя лица,—и жизнь моя снова расцвъла! Черезъ два семестра можете поздравить меня съ докторскимъ дипломомъ!

Широкая улыбка освътила все его добродушное лицо; онъ выпилъ до дна свой стаканъ и погладилъ съдые усы.

Его сосѣдъ, загорѣвшій подъ тропическимъ солнцемъ консулъ, съ темными волосами и глазами и болѣзненнымъ видомъ, указывавшимъ на долгое пребываніе подъ экваторомъ, задумчиво кивнулъ ему головой.

— Ты совершенно правъ!—сказалъ онъ. —Когда человъкъбылъ такъ счастливъ въ жизни, какъ ты, то трудно надъяться на ясные дни! Но посмотри на меня! Никогда я не былъ счастливъ. Жены у меня не было. Когда бродишь вотъ такъ по бълу свътусегодня въ одной части свъта, завтра въ другой-не имъя ни своего угла, ни минуты покоя, то уже не до женитьбы! Не было у меня никакой зацъпки въ жизни! Мнъ уже 51 годъ, v меня больная печень, дни мои проходятъ безрадостно, въ прошломъ я вижу лишь пустыя забавы гейши, альмеи, гитаны, мусмеи, всевозможныя темнокожія и желтокожія женщины, нѣсколько бѣлыхъсерьезныя увлеченія, о которыхъ не разсказываютъ... и вотъ заключеніе — вся моя жизнь сводится къ нулю! Все разлетълось, какъ прахъ и дымъ! Вновь начинать уже поздно! Я одинокъ и такимъ останусь навсегда!

Оба замолчали. Третій, профессоръ фонъ Аррасъ, тоже молчалъ. Онъ боялся, что его не поймутъ. Онъ весело провелъ съ ними молодость. Теперь-же они были далеки отъ него. Оба — самые посредственные люди. Онъ зналъ заранъе, что при этомъ свиданіи онъ не найдетъ въ

нихъ прежнихъ друзей, и улыбался этому, какъ улыбался всякій разъ, когда какое-нибудь заблужденіе спадало съ него, какъ старая штукатурка со стънъ. Кто остается на низинахъ жизни, тотъ пріобрътаетъ широту воззръній, окруженный со всъхъсторонъ самыми разнородными вещами. Но кто въ тишинъ, молчаніи, одиночествъ и страшныхъ предчувствіяхъ стремится въ высь, тотъ теряетъ подъ ногами столько, на сколько поднимается вверхъ.

Дружба, любовь, здоровье, молодость — уходять подъ его ногами дальше и дальше, а онъ все поднимается въ высь. Куда? Ахъ, еслибъфилософъ, отыскивающій тайны бытія, нашелъ ихъ разгадку! Но онъ не знаетъ того, что кажется другимъ понятнымъ и простымъ...

Консулъ откашлянулся.

— Ну, а ты, знаменитый свъточъ науки? Ты не высказываешься съ тъхъ поръ, какъ твое имя стало извъстно даже на островахъ Фуджи. Мы говорили о себъ — теперь твоя очередь! Какъ ты смотришь на жизнь? Я думаю, у тебя больше причинъ быть довольнымъ и гордиться своей жизнью, чъмъ у насъ обоихъ.

- Суета суетъ!—сказалъ профессоръ. -Все суета! Одно лишь имъетъ цѣну на свѣтѣ-молодость! И вѣра во что-нибудь—въ Бога, въ женщину, въ счастье, или въ самого себя .... Хотълъ-бы я стать вновь молодымъ... Вся моя жизнь была упорнымъ трудомъ; я ею не наслаждался. пріобрътеніе знаній, а забвеніе вотъ что нужно въ жизни. Я-же не обладалъ этой способностью. Все, что попадалось мнъ на пути, я взваливалъ на себя и добросовъстно несъ дальше - славу, науку, семейное счастье, все! За пятьдесять лъть я такъ много накопилъ, что теперь я жалкій человъкъ!
- Мнъ кажется, что ты смъешься надъ нами! нъсколько недовольнымъ тономъ сказалъ маіоръ, смотря на консула. Но тотъ присоединился къ профессору.

- Ты правъ: нужно было пользоваться жизнью двадцать пять лътъ тому назадъ. Я опять продълалъ-бы всъ глупости—сознательно—и оставилъ-бы въ покоъ всъ благоразумные поступки. Потомъ въ нихъ всегда раскаиваться...
- Поздно!—сказалъ кратко профессоръ. — Для насъ, друзья мои, осень, осень! Вокругъ настала насъ - весна, цвѣтутъ деревья въ долинъ Неккара — все, какъ прежде, но мы не тъ: зрълые годыне лучшіе годы... Маленькія діти, наши внуки, смъются надъ нами со всей нашей мудростью, а тамъ внизу наши сыновья носятъ, какъ когда-то, пестрыя шапочки... концъ концовъ, все оказалось напраснымъ... Ахъ, еслибъ вернулась молодость!

Всѣ сидѣли молча. Дымъ сигаръ расползался въ свѣжемъ, чистомъ вечернемъ воздухѣ, отъ слегка покачивающихся вѣтокъ цвѣтущихъ деревьевъ распространялось благоуханіе. Наступала ночь. Въ долинѣ снова прозвучали колокола. Потомъ, совсѣмъ близко, за кустами, по хрустѣвшему песку послышались легкіе, робкіе шаги... Кто-то шелъ, нѣжно ступая, едва прикасаясь къ землѣ...

Шаги вдругъ смолкли. Консулъ обернулся. По его загорълому, ръзко очерченному лицу пробъжала улыбка. "О!" протянулъ онъ веселымъ тономъ: подъ деревьями, усыпанными бълыми цвътами, среди сада стояла Эрна Бауернфейндъ, съ неръшительнымъ видомъ оглядываясь по сторонамъ. Она позвонила у дверей, но никто не вышелъ, кромъ огромнаго съраго дога, который, позъвывая съ важнымъ видомъ, обогнулъ уголъ дома и отръзалъ ей путь на улицу.

Хозяинъ дома пошелъ ей навстръчу. Эрна знала его по портретамъ; теперь, даже въ эту минуту смущенія, ей бросилось въ глаза что онъ, какъ и большинство нъмецкихъ ученыхъ, по наружности

очень мало отличался отъ обыкновенныхъ людей, носящихъ бороду и пенснэ, которые своей одеждой и всей своей личностью не придаютъ никакого блеска окружающей обстановкъ. Если Эрна не знала, кто онъ, то, конечно, никогда и не догадалась-бы...

Она собралась наконецъ съ ду-

— Пожалуйста, извините, господинъ профессоръ! — быстро заговорила она, не поднимая глазъ. — Но мнъ никто не отворилъ, а тамъ собака... я собственно хотъла сдълать визитъ...

Онъ слегка улыбнулся.

 Моя жена будетъ очень сожалъть, но она съ дочерьми ушла.

Эрна подняла хорошенькую го-

ловку.

- Я не къ вашей супругъ, а къ вамъ! Но это въ другой разъ. Теперь я мъшаю вамъ. Мнъ хотълосьбы только передать вамъ письмо, если вы позволите...
  - Письмо—мнѣ?
- Да. Отъ стараго ландрата Мейфарта, друга нашего семейства. Тамъ все изложено.. что я вамъ...
- Вотъ какъ! Онъ опять улыбнулся. Отъ моего стараго пріятеля Мейфарта. Въ первый разъ за цълую въчность онъ напоминаетъ о себъ. Но пожалуйте! Вы нисколько не помъщаете! Я здъсь съ двумя друзьями моей молодости.

Оба поклонились, а профессоръ назвалъ ихъ фамиліи. Потомъ онъ взялъ у Эрны письмо.

- Это тайна? Или можно здѣсь... Эрна живо возразила.—Тайнъ никакихъ нѣтъ въ этомъ письмѣ. Но, если я мѣшаю, то могу придти еще...
- Садитесь, пожалйста!—сказаль онъ вмъсто отвъта, слегка поклонившись; всъ съли и онъ, наморщивъ по привычкъ лобъ, принялся за чтеніе письма, бросивъ бъглый взглядъ черезъ письмо на Эрну. Это была милая и неожиданно явив-

шаяся картинка: серьезная и скромная молодая студентка, сидящая, съ опущенными глазами и порозовъвшими щеками, подъ навъсомъ изъцвътущихъ вътвей, которыя образовывали благоухающій бълый сводъ; сквозь него проникали послъдніе лучи весенняго солнца и золотили ореолъ кудрей вокругъ хорошенькой головки. — Сердце Эрны тревожно билось. Она не смъла поднять глазъ и нервно вертъла въ рукахъ свой ярко-красный зонтикъ.

Господинъ, сидъвшій рядомъ съ ней, что-то говорилъ ей — что онъ опять записался въ студенты, выйдя въ отставку маіоромъ и въ аудиторіи сидитъ рядомъ съ фрейлейнъ Метой Виггерсъ, которая согласилась имъть сосъдомъ коллегу его возраста и теперь въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ. Вчера она разсказывала ему, что ждетъ подругу съ Рейна, которая тоже хочетъ учиться. Не она-ли это? — Эрна кивнула ему головой. Она не совсъмъ понимала, что онъ ей говорилъ. Она была очень взволнована, особенно теперь, когда профессоръ кончилъ чтеніе и свернулъ письмо.

— Я просилаландрата Мейфарта написать вамъ все, все! — быстро сказала Эрна, какъ-бы желая заранъе обезоружитьего. — Безъфразъ – только то, что онъ думаетъ обо мнъ! Все откровенно! Онъ въдь хорошо знаетъ меня. Можетъ быть, онъ сообщаетъ вамъ обо мнъ что-нибудь очень неблагопріятное... я знаю, что у меня много недостатковъ... очень много... и что вообще еще многое во мнъ не опредълилось... но...

Профессоръ сказалъ:—Вы правы, фрейленъ Бауернфейндъ! Мой старый другъ Мейфартъ сообщаетъ мнъ о васъ много дурного. Напримъръ, онъ безъ стъсненія заявляетъ мнъ, что вы необыкновенно умны...

Молоденькая студентка потупилась.

 И что вы гораздо развитъе, чъмъ были женщины въ его время. Извините, это въдь слова милъйшаго Мейфарта.

— Ахъ нътъ! — искренне сказала Эрна. Когда я сижу здъсь, передъ вами, я хорошо сознаю, какъ я глупа. Пожалуйста, смотрите на меня и обращайтесь со мною, какъ я того заслуживаю, какъ съ молодымъ, еще незрълымъ и неопредълившимся человъкомъ, который нуждается въ вашихъ совътахъ и наставленіяхъ.

Профессоръ отвътилъ не сразу, онъ еще перечиталъ письмо. Эрна сидъла неподвижно, сложивъ руки на зонтикъ. Она думала, что лучше не начинать разговора, а ждать, когда профессоръ спросить ее о чемъ-нибудь. И она услышала наконецъ его голосъ - онъ звучалъ сухо и дъловито, какъ еслибы профессоръ говорилъ съ какимъ-нибудь студентомъ Мюллеромъ или Шульцемъ. – Итакъ, вы желаете, чтобы далъ вамъ совътъ, фрейленъ Бауернфейндъ! Относительно чего-

— Относительно моихъ занятій, господинъ профессоръ!

На какой факультетъ думаете

вы поступить?

 На философскій, г. профессоръ!
 Та-акъ—а какую спеціальность вы избираете?

Эрна быстро подняла голову.

— Вотъ это-то и смущаетъ меня, г. профессоръ. Относительно этого я еще ничего не выяснила себъ. Меня интересуетъ многое, почти все! Мнъ хотълось-бы изучать все... или... но простите, г. профессоръ—мнъ хотълось-бы подойти ближе къ тому понятію, которое заключается въ словъ "университетъ", — я подразумъваю общій обзоръ современной науки...

— Да, но кто въ настоящее время можетъ сдълать это...—Профессоръ улыбнулся и покачалъ головой.—Мы должны ограничиваться теперь одной какой-нибудь отраслью. Область науки стала необъятной. Повърьте въ этомъ мнъ — доктору трехъ факультетовъ. Вы должны составить

опредъленный планъ занятій, а тамъ посмотрите, позволитъ-ли вамъ здоровье и физическія силы привести его въ исполненіе.

Эрна оживилась.—Конечно, г. профессоръ! Я сильна и здорова. Мои физическія силы, разумъется, выдержатъ! Что касается духовныхъ--то этого я, конечно, еще не знаю. Она вздохнула, и опустила глаза на кончики своихъ коричневыхъ туфель. Видите-ли, г. профессоръ, я говорю совершенно искренне: мы, женщины, никогда не достигнемъ такой высоты. какъ вы. Мужчины, подобные вамъ, всегда будутъ недосягаемыми для насъ образцами. Но возьмемъ среднихъ мужчинъ---я, право, не думаю, чтобы мы были ниже ихъ. трудность состоитъ для насъ томъ, чтобы сразу вступить на върный путь. Для меня все еще въ этомъ отношеніи неясно, одно только я знаю: черезъ три года моя докторская диссертація будетъ го-

— Такъ скоро?—спросилъ съ удивленіемъ профессоръ.

— Да, это ръшено!

— Я, право, удивляюсь вамъ!

Эрна смутилась и дернула въточку цвътущаго миндаля, около котораго сидъла, и на землю посыпались нъжные лепестки.

— Собственно... но, пожалуйста, не смъйтесь, надо мной... общая обязанность... или, върнъе... годъ испытанія для женщинъ...

Серьезный ученый, сидъвшій противъ нея, отъ души разсмъялся. Его лицо помолодъло на нъсколько лътъ, когда онъ смотрълъ на нее. Эрна вспыхнула... Глаза ея заблестъли. Она начала возбужденно защищаться.

— Я такъ и знала! Я знала, что прежде, чъмъ я договорю до конца, надо мною будутъ смъяться. Даже вы!

Профессоръ принудилъ себя быть серьезнымъ.

 Это нехорошо съмоей стороны и со стороны этихъ господъ! Вы совершенно правы! Итакъ, пожалуста... продолжайте... женщина должна бороться...

– Нътъ! – сказала Эрна, – женщина должна имъть въ государствъ обязанности, чтобы потомъ требовать правъ. Въдь, существуетъ тысяча дълъ, въ которыхъ молодая дъвушка можетъ принять участіе, напр., быть сидълкой, заниматься въ дътскихъ садахъ, завъдывать народными столовыми и кухнями, заботиться о бъдныхъ, о сиротахъ... или работать на пишущей машинъ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Какой-нибудь молодой графъ долженъ-же прослужить годъ, напр. въ кавалеріи, долженъ самъ убирать свою лошадь, точно также какая-нибудь графиня могла-бы собственноручно доить коровъ. Это ей нисколько не повредило-бы! Пожалуйста, не смъйтесь, господинъ профессоръ! Меня вашъ смѣхъ, право, обижаетъ!

— Я совсъмъ не смъюсь. Но

скажите, зачъмъ все это?

Эрна задумчиво смотръла вдаль. – Видите-ли, я сама изъ хорошаго общества, и знаю, какъ безполезна жизнь молодыхъ дъвушекъ нашего круга. Объ этомъ, впрочемъ, товорилось уже не разъ... Танцы... вышиванье... музыка... катанье на велосипедъ... однимъ словомъ, говоря откровенно, — ожиданіе жениха, а до тъхъ поръ праздность, а отъ праздности — скука, а отъ скуки – глупая болтовня, сплетни, наряды и легкомысленныя удовольствія. Противъ всего этого одно средство работа, работа до усталости по веисполненіе добровольно принятыхъ на себя обязанностей... Стиснувъ зубы, надо сказать: "Такъ должно быть! Повърьте мнъ, тогда можно стать совсъмъ другимъ человъкомъ! Все это пришло мнъ въ голову, когда я сдавала свой экзаменъ на аттестатъ зрълости... потомъ я много думала обо всемъ этомъ. Я чувствую въ себъ воинственную жилку. Я хочу бороться съ мнъніемъ свъта!

— Вотъ горячая головка! — сказалъ профессоръ съ удивленіемъ, обращаясь больше къ своимъ друзьямъ, чъмъ къ Эрнъ.

Потомъ онъ прибавилъ болъе

холодно:

— Все это утопіи, фрейленъ Бау-

ернфейндъ!

Она пожала плечами. — Конечно... все это я слышу постоянно! самое мнъ говорили мои подруги. презрительно посмъивались надъ момъ намъреніемъ работать цълый годъ и говорили: "Ну, да, ты настоящій мужчина, ты можешь все это сдълать, а мы"... И все-таки я не измъню своего намъренія! Я не позволю сбивать себя! У мужчинъ вошло въ моду разыгрывать изъ себя "сверхчеловъка". Я далека отъ этого. Я только говорю, что думаю и черезъ три года я буду защищать на латинскомъ языкъ свои мнънія противъ всъхъоппонентовъ въ міръ!

— Еслибъ я былъ вашимъ оппонентомъ, — возразилъ профессоръ, — то возразилъ-бы вамъ: "Молодежь бойка на словахъ!"

Она весело разсмъялась.—Да — я молода! Этого я не отрицаю! Но въдь каждый былъ когда-нибудь молодъ!

Эрна дъйствительно была олицотвореніемъ юности, въ своемъ бъломъ платьъ, среди покрытыхъ бълыми цвътами деревьевъ, подъ голубымъ вечернимъ небомъ, озаренная послъдними лучами солнца,
смущенная, но не побъжденная,
юношески веселая, но полная честныхъ и серьезныхъ стремленій.

Профессоръ взглянулъ на нее.

— Былъ когда-нибудь молодъ! — повторилъ онъ — Будьте довольны, что вы теперь молоды и полны энтузіазма и желанія жить. Посмотрите на насъ троихъ — мы черезъ четверть въка собрались опять въ Гейдельбергъ, чтобы скромно отпраздновать нашу встръчу. Лучшая часть нашей жизни уже прожита! — Эрна посмотръла на него широко раскрытыми глазами.

О, вамъ всего пятьдесятъ лѣтъ,
 г. профессоръ!

— Откуда вы это знаете!

 Но это-же можно узнать въ каждомъ энциклопедическомъ сло-

варъ!

Онъ посмотрълъ на стройную дъвическую фигурку, которая въ неръшительности стояла передъ нимъ, какъ-бы собираясь уходить.

— Вы уже уходите, фрейленъ Бау-

ернфейндъ?

Эрна невольно обратилась опять изъ свътской молодой дъвицы въ

робкую студентку.

- О, г. профессоръ, я уже и такъ отняла у васъ времени больше, чъмъ слъдуетъ!
  - Времени у меня много.
- Но уже становится темно! сказала Эрна. Итакъ... позвольте проститься съ вами. Что касается плана моихъ занятій, то... можетъ быть, вы позволите мнъ придти еще когда-нибудь и поговорить съ вами обстоятельнъе...
- Лучше я навъщу васъ, фрейленъ Бауернфейндъ! Онъ проводилъ ее мимо спящаго дога до садовой калитки. Жаль, что жены нътъ дома... мнъ хотълось-бы познакомить ее съ вами. Но это въ другой разъ! Мы остаемся на нъсколько недъль въ Гейдельбергъ. До свиданія!

Онъ подалъ ей руку. Она отвътила просто кръпкимъ пожатіемъ.

— Сердечно благодарю васъ, г. профессоръ! — искреннимъ тономъ сказала она. — Пожалуйста, передайте отъ меня поклонъ вашей супругъ!

Спускаясь по дорогъ, шагахъ въ двадцати отъ дома профессора, Эрна встрътила стройную, просто одътую даму, лътъ за сорокъ, съ ръзкими чертами колоднаго и умнаго лица, которая, проходя мимо, удивленно посмотръла на вътку миндальнаго дерева, висъвшую на зонтикъ Эрны, какъ-бы желая спросить: "какъ ты смъешь уносить мою собственность изъ моего дома?"

Черезъ нъкоторое время Эрна

украдкой обернулась назадъ и увидъла, что дама вошла въ садъ и легкимъ кивкомъ головы поздоровалась съ сидъвшими тамъ мужчинами. Это была, въроятно, жена профессора фонъ Арраса. Та тоже посмотръла вслъдъ студенткъ.

— Кто это?—спросила она мужа,

входя въ домъ.

Онъсказалъ. — Мысидъливъсаду—консулъ, маіоръ и я, и съ удовольствіемъ вспоминали о своей юности. И вотъ еще разъ насъ посътила сама юность, посидъла съ нами и въ одну минуту наговорила намъмного вздору, высказала нъсколько умныхъ мыслей и улетъла. Жаль, что ты не застала ея. Но она зайдетъ еще, а пока просила передатътебъ ея поклонъ.

* *

Друзья профессора оставались у него не долго. Они скоро простились и въ наступившей уже темнотъ стали спускаться къ городу.

Профессоръ былъ радъ, что они ушли и что вокругъ него нѣмое безмолвіе ночи. Предметы теряли свои очертанія подъ серебристыми волшебными лучами мѣсяца, полный кругъ котораго стоялъ надъ темными лѣсами и отражался въ безпокойныхъ струяхъ рѣки.

Бълыя массы цвътущихъ миндальныхъ деревьевъ въ тъни принимали таинственный и сказочный видъ, распространяя сильный ароматъ, и покрывали склоны холмовъ вздымающимся отъ легкаго вътерка цвъ-

точнымъ снъгомъ...

Въ долинъ Неккара была весна-Весна и молодость—такъ близко! Свою собственную молодость человъкъ начинаетъ цънить только съгодами и сознаетъ, что когда-тоему было двадцать лътъ, лишь при наступленіи старости.—Профессорупоказалось теперь, что онъ видитъснова себя двадцатилътнимъ юношей, съ пестрой шапочкой члена "Херускіи" на головъ, когда изътемноты передъ нимъ появился высокій, стройный элегантный молодой человъкъ СЪ закрученными вверхъ усиками на красивомъ свъжемъ лицъ, съ сбитой на бокъ шапочкой на свътлыхъ волосахъ и небрежной самоувъренностью благовоспитаннаго, HO избалованнаго юноши.

— Здравствуй, папа — сказалъ молодой студентъ, подходя къ профессору и снимая фуражку страннымъ широкимъ движеніемъ—такова была мода въ этотъ семестръ.

 Удивительно, что я засталъ тебя здъсь...Я такъ торопился... положительно задыхаюсь... У меня кътебъ большая просьба... Ты постоянно объщалъ мнъ, что придешь къ намъ на вечеринку. Не можешь ли сдълать это сегодня вечеромъ? Пожалуйста, сдълай мнъ удовольствіе!

Было что-то милое, дътское, въ манеръ, съ какой этотъ красивый юноша съ аристократическимъ видомъ упрашивалъ отца, сжимая его руки въ своихъ. "Ты увидишь, какое у насъ въ высшей степени приличное общество... въ этотъ семестръ, право, безукоризненное... самое утонченное...

🖳 Этого я и ожидалъ отъ своей

старой корпораціи!

 Напримъръ, —Вестравъ, —продолжалъ съ воодушевленіемъ студентъ, --- онъ семнадцать разъ дрался на дуэли и даже не былъ ни

разу задътъ.

- А какія имена есть у насъ... Знаменит в йшія! Осенью прі в деть принцъ Казиміръ фонъ - Трейхтлингенъ. Одинъ изъ нашихъ уже немного знакомъ съ нимъ! Ты сегодня познакомишься съ нимъ. Замъчательный малый! Вообще много выдаюшихся личностей!
- Какое счастье, сказалъ отецъ, что вы сами такого хорошаго мнънія о себъ.

Отто Гельмутъ не вполнъ понялъ

 Ты увидишь моего товарища! настаивалъ онъ. -- Дорнгибеля! Онъ

въ Геттингенив и былъ Боннъ. Великолъпный малый! Его отецъ купецъ, но понимаешь ли очень приличный человъкъ. Милліонеръ. Одинъ изъ извъстнъйшихъ пароходостроителей. Его пароходы можно встратить повсюду. Дорнгибель хочетъ завести впоследствіи конскій заводъ...

Профессоръ, слушая его, задумчиво покачивалъ головою. Его забавляло, что это большое дитя, этотъ красивый, веселый, 18-тилътній юноша такъ серьезно относится ко всему, что касается его корпораціи, но въ то же время такая наивность дъйствовала на него непріятнымъ образомъ. Юноша мало походилъ на него, и еще меньше на мать; оба были умные и холодные люди, которыхъ сблизили одинаковые умственные интересы. Теперь профессоръ, одинъ изъ старъйшихъ членовъ "Херускіи", вспоминалъ, какъ веселился онъ самъ въ молодости, но какъ возвышался въ то же время надъ своими товарищами въ часы зачятій. Отто Гельмутъ не таковъ. Онъ весело плылъ по теченію, не заботясь о завтрашнемъ днъ и не интересуясь настоящимъ.

- Значитъ, ты придешь, папа?
- Пожалуй. Только попозже такъ, часовъ въ десять, и не больше, какъ на часъ.

Они стали медленно прохаживаться по залитому луннымъ свътомъ саду и прошли мимо того мъста, гдъ еще стояли три садовыхъ стула, какъ сидъли на нихъ друзья, а поодоль четвертый стулъ, отдѣльно.

Профессору вдругъ пришла въ голову одна мысль.

- Скажи, Отто, что ты сегодня дѣлалъ?
- Сегодня?—Студентъ задумался. - Прежде всего завился у парикмахера. Потомъмы съ Бюнау побродили по городу, я заказалъ въ магазинъ издълій изъ слоновой кости великолъпное подношение нашему Дорнгибелю, потомъ пробылъ часъ

въ фехтовальной залѣ, потомъ завтракалъ, потомъ обѣдалъ, потомъ мы поиграли немного въ кондитерской въ скатъ. Оттуда поѣхали въ экипажахъ въ Неккарштейнахъ; возвратившись оттуда, я поспѣшилъ сюда. Сегодня вечеромъ у насъ торжественное собраніе.

— А въ аудиторіи ты не былъ? На лицъ молодого человъка отразилось неподдъльное изумленіе. "Нътъ—въ аудиторіи я не былъ"! медленно отвътилъ онъ, какъ бы

не вполнъ понимая отца.

А тотъ посмотрълъ на пустой стулъ и ему припомнилось лицомолодой студентки и ея слова: "Я хотъла бы учиться всему! Такъ многое интересуетъ меня!"

— Скажи, Отто, ты уже составилъ

планъ занятій?

- Разумъется, папа! Я хотълъ бы пробыть здъсь три четыре семестра, пока не получу своего трехцвътнаго шарфа. Въдь, у тебя онъ есть!
- И это называешь ты планомъ занятій?

— Ну, да!

Отто Гельмутъ былъ удивленъ.

Долженъ же я получить знакъ
 отличія! Въдь у тебя есть же онъ!
 А потомъ?—спросилъ профес-

соръ.

- Потомъ, сказалъ Отто, я котълъ бы поъхать въ Боннъ, семестра два пробыть въ гусарахъ и выйти въ офицеры. Собственно служить можно только въ кавалеріи!
- Въ университетъ, конечно, будешь не часто?

— Понятно, нътъ, папа!

— И такъ, —извини за вопросъ когда же ты будешь учиться?

Отто Гельмутъ пожалъ плечами, какъ бы желая сказатъ: Ты самъ долженъ знать это! — Когда буду въ Берлинъ, папа. Изъ Бонна я хочу поъхать на два семестра въ Берлинъ. Тамъ легко пройти изъ юриспруденціи столько, сколько нужно для экзамена. Для способнаго человъка весь этотъ вздоръ не особен-

но труденъ. Еслибъ это былъ китайскій языкъ или алгебра, а то jurisprudentia. Всѣ мы это изучаемъ! Единственный приличный предметъ. Сидѣнье же въ аудиторіяхъ просто потеря времени! Всѣ такъ дѣлаютъ, какъ я, папа! И еслибъ я поступалъ иначе, меня осмѣяли бы!

— Знаю. Но отвъть по совъсти, Гельмутъ, въ томъ ли задача студента, чтобы вызубрить нъсколько мертвыхъ юридическихъ формулъ, которыя забываются тотчасъ же послъ экзамена. Не долженъ ли университетъ развить и укръпить человъка для предстоящей борьбы съ жизнью?

— Но на это совсъмъ не остается времени, папа! Нужно же двигаться впередъ и дълать карьеру! Когда буду референдаріемъ, надо стараться перейти въ резервные офицеры, а тамъ въ ассесоры; сдълавшись же ассесоромъ, я буду имъть достаточно времени, чтобы мало-по-малу добиваться должности ландрата... Кромъ того, каждое лъто маневры... потомъ свътскія обязанности-это въдь до нъкоторой степени тоже служба, -- знаешь ли, завязываются необходимыя знакомства... а это тоже очень важно... и...

— Такъ вотъ какія стремленія у моего сына!—съ грустной улыбкой сказалъ профессоръ. — Ну, чтожъ! Живи, какъ хочешь!

— Но, право же, папа, всв такъ

живутъ!

— Кто знаетъ — всъ ли? Видишь ли, Отто, незадолго до тебя у меня былъ одинъ молодой студентъ — онъ сидълъ вотъ тутъ, на этомъ стулъ — и у него совсъмъ другой взглядъ на университетъ. Хотя онъ богатъ и изъ хорошей семьи, какъ и ты, но не считаетъ университетъ мъстомъ увеселенія и средствомъ къ достиженію чиновничьихъ должностей. Для него университетъ — нъчто высокое и священное, настоящая аlma mater, которая даетъ своимъ духовнымъ дътямъ развитіе и воспитаніе. Сколько въ немъ

энтузіазма, юношеской пылкости и рвенія, мой милый мальчикъ!

— Это, конечно, какой-нибудь зубрила!—съ презръніемъ сказалъ Отто Гельмутъ.

 А зубрилами вы, кажется, называете усердныхъ товарищей, которые каждый день посъщаютъ

аудиторіи?

- Да. Но изъ этого ничего хорошаго не выходитъ. Папа, скажи откровенно—въдь ты самъ былъ очень веселымъ студентомъ и тебъ навърно въ моемъ возрастъ были не по вкусу такіе образцы добродътели?
- Думаю, что этотъ образецъ добродътели очень понравился бы тебъ!—сказалъпрофессоръ. Студентъ задумался.—Если онъ, какъ ты говоришь, изъ хорошей семьи, то онъ долженъ непремънно поскоръе вступить въ нашъ кружокъ! Тогда у него мысли перемънятся! Вотъ отличная идея! Онъ долженъ сдълаться однимъ изъ нашихъ!
- Едва ли это возможно, Отто!
   Почему же нътъ? Предоставь только это дъло мнъ. Кто онъ такой?
  - Это молодая дама! Отто сдълалъ разочарованное

лицо.
— Боже мой... женщины!—презри-

— воже мои... женщины:—презрительно сказалъ онъ.—И онъ хотятъ учиться! Какъ это глупо!

Профессоръ шутливо ударилъ его по щекъ.

— Какъ ты еще молодъ, Отто, мой милый! Ребенокъ въ пестрой шапочкъ. Каждая дъвушка въ двадцать лътъ серьезнъе тебя, а особенно эта! Позже такое различіе сглаживается... А теперь смотри, не опоздай на вечеринку...

Отто посмотрълъ на часы...—О... у меня еще много времени. Но надо еще сначала зайти къ портному. Значитъ, ты придешь, папа! Да? Ну, прощай!—Онъ опять высоко взмахнулъ фуражкой и почти бъгомъ началъ спускаться въ долину. Скоро онъ рскылся изъ виду, и отецъ по-

шелъ въ домъ. Они съ женой объдали сегодня одни. Объ дочери были куда-то приглашены. Теперь все уже было готово для профессора. Адріана фонъ Аррасъ самымъ добросовъстнымъ образомъ исполняла свои хозяйскія обязанностии именно потому, что онъ ей, доктору философіи, казались непріятными и мелочными. Такое отношеніе вполнъ соотвътствовало ея холодному исполненію обязанностей и вообще мужскому складу ея характера. Она вела хозяйство не съ безпокойной озабоченностью женщины, но управляла всъмъ неслышно и незамътно, какъ дама, малъйшему движенію глазъ которой должны безпрекословно подчиняться.

За столомъ никогда не было разговора ни о злобахъ дня, ни о кушаньяхъ, ни о хозяйственныхъ вопросахъ, ни о чемъ подобномъ. Разговоръ вращался всегда вокругъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Когда профессоръ и Адріана сидъли другъ противъ друга за столомъ, оба меньше походили на супруговъ, чъмъ на друзей товарищей по наукъ. Это были знаменитый ученый и его ассистентъ, умный и вполнъ понимающій его помощникъ, который раздълялъ его труды, просматривалъ для него различныя спеціальныя изданія, дълалъ извлеченія, велъ корреспонденцію и избавлялъ его отъ мелкихъ заботъ. Такія отношенія существовали между ними всегда, а теперь, когда они готовились скоро праздновать своюсеребряную свадьбу, когда лъта наложили уже на нихъ свою печать и сдълали болъе ръзкими черты довольно красиваго лица Адріаны, отношенія эти казались имъ самыми естественными. И теперь Адріана завела разговоръ объ одной статьъ въ "Геттингенскихъ научныхъ извъстіяхъ", которыя лежали на столъ и были только что разръзаны ею. Но профессоръ перебилъ ее:

— Знаешь ли, что меня удивляетъ?—сказалъ онъ.—Что ты не поинтересовалась узнать что-нибудь о фрейлинъ Бауернфейндъ.

Она посмотръла на мужа.

— Почему же я должна интересоваться ею? Нельзя ко всякому человъку питать лихорадочный интересъ.

 Нътъ. Но эмансипація женщинъ—въдь это относится къ твоей

области.

— Что дѣлать,—сказала Адріана, дѣлая слугѣ знакъ глазами перемѣнить тарелки.—Во мнѣ совсѣмъ нѣтъ корпоративнаго духа! Я довольствуюсь собою, своей личностью. Пусть другія заботятся также о себѣ!

— Но эта фрейленъ Бауернфейндъ—тоже личность! Еще молодая, неразвившаяся, но совершен-

но опредълившаяся личность!

— Тъмъ лучше. Значитъ, она во

мнъ не нуждается.

- Кажется, однако, что она нуждается въ другихъ! Иначе она не обратилась бы ко мнъ съ рекомендательнымъ письмомъ.
- О, конечно, это другое дъло! холодно сказала Адріана и начала перелистывать "Геттингенскія извъстія".

Они помолчали. Но мысль объ Эрнъ не покидала профессора.

— Все-таки, несмотря на то, что ты сказала, — началъ онъ, — меня удивляетъ твое равнодушіе по отношенію къ другимъ женщинамъ. Почему твой товарищъ по оружію, или, скажемъ, новый рекрутъ въ вашемъ полку, какъ фрейленъ Бауернфейндъ, такъ безразличенъ и далекъ тебъ, какъ всякій мужчина?

Г-жа фонъ-Аррасъ сдълала нетерпъливое движеніе, какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ.

— По твоему я должна любить всъхъ женщинъ, такъ какъ сама женщина? Я ихъ совсъмъ не люблю. Все, что есть во мнъ слабаго, несовершеннаго, все, что мъшало мнъ въ жизни, все это—женское. Лучшее во мнъ—это качества, свойственныя мужчинъ. Ихъ я и хочу сохранить въ себъ!

наука и жизнь, кн. чііі.

Въ томъ, что она говорила теперь о себъ, была правда. Самыя очертанія ея лица указывали, что она стоитъ на границъ между мужчиною и женщиной. Профессоръ покачалъ головой.

- Именно потому, что ты такъ чувствуешь, ты должна была бы интересоваться, какъ совершается подобный процессъ въ мысляхъ другихъ женщинъ. Каждая новая женщина страдаетъ въ жизни отъкакого-нибудь пережитка прошлаго, отъ котораго она не можетъ освободиться... Не можетъ освободиться самостоятельно! Но ей можно помочь и посовътовать, и сдълать это можетъ не мужчина, а женщина! Ты, напримъръ! Мнъ представляется прекрасной задачей — подкръпить такую молодую душу! При этомъ всегда можно узнать что-нибудь новое. Твой духовный обликъ опредълился тогда, когда ты была уже женой и матерью, въ зрълые годы. Твоя личная, женская жизнь шла подъ моимъ руководствомъ, была заключена въ извъстныя границы. Здъсь же-молодая дъвушка, которая по собственному побужденію, мужественно, весело, хотя, можетъ быть, необдуманно бросается въ глубокій потокъ жизни, но въ этой милой дъвушкъ уже виденъ человъкъ, желающій добиться освобожденія собственными силами... Видишь ли, Адріана, я при этомъ думаю и о нашихъ дочеряхъ... Отти въ такомъ же возрастъ, какъ фрейленъ Бауернфейндъ...

Она нахмурилась. Ея такъ же безпокоили дочери, какъ профессора сынъ. Она испытала тотъ же ударъ! Веселыя личики, добрыя сердечки, ласковый характеръ—и только; объ нисколько не походили на серьезныхъ и замкнутыхъ въ себъ ролителей.

— Еслибъ только эта барышня пришла днемъ раньше!—сказана она. Завтра мы прекратимъ всъ свои свътскія обязанности пикникомъ. Кромъ того, мы почти уже собра-

лись уъзжать. Всъ это очень непріятно...

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ.

— Еслибы пригласительную записку сегодня опустить въ почтовый ящикъ... Я объщалъ сегодня Отто притти на минутку на вечеринку! Дай мнъ письмо, а я мимоходомъ опущу его въ ящикъ...

Адріана ничего не отвътила, но присъла къ столику въ сосъдней комнатъ и написала нъсколько очень въжливыхъ, но очень холодныхъ строкъ, какъ она обыкновенно писала. Итакъ, было ръшено, что Эрна приметъ участіе въ завтрашнемъ пикникъ.

— Приметъ ли она приглашеніе? сказалъ профессоръ, беря письмо. Жена посмотръла на него съ удивленіемъ. Приглашеніе провести съ ними цълый день, казалось ей, было для молодой студентки особымъ знакомъ отличія, чъмъ-то въ родъ приглашенія ко двору, отъ котораго нельзя отказываться.

 Конечно, приметы—сухо сказала она.—Можешь быть спокоенъ!

III.

Эрна между тъмъ уютно убрала свою квартиру, распаковала свои чемоданы и постаралась придать своей рабочей комнатъ и спальнъ серьезный и дъловой характеръ. Теперь оставалось только поставить на столъ по объимъ сторонамъ чернильницы портреты умершихъ родителей—и все.

Рядомъ, въ своей комнатъ, хотя было уже около 8 часовъ вечера, Мета Виггерсъ давала урокъ своимъ экзотическимъ питомцамъ.

Сквозь запертую дверь до слуха Эрны долеталь гуль мужскихъ голосовъ — то теноровъ, то басовъ: каждый по своему ужасно коверкалъ нъмецкій языкъ, и Мета дъловитымъ и громкимъ голосомъ поправляла ихъ.

Но вотъ взрослые ученики одинъ

за другимъначали выходить на улицу, и Мета, прибъжавшая въ комнату Эрны, начала съ гордостью владъльца перечислять отдъльно каждаго члена своей паствы.

Впереди всѣхъ шелъ маленькій человѣчекъ съ желтоватымъ лицомъ и рѣдкими черными усами. Онъ поднялъ кверху свои дружески улыбающіеся косые глаза и поклонился Метѣ.

— Это виконтъ Ябуки-Юцуру, изъ Японіи. Болѣе вѣжливаго человѣка нельзя себѣ изобразить. Наши мужчины варвары въ сравненіи съ нимъ. Онъ очень умный человѣкъ и уже достаточно хорошо знаетъ нѣмецкій языкъ, но... въ остальномъ... Боже мой... это все-таки мужчина...

— Онъ, кажется, влюбленъ въ тебя!—сказала Эрна, смотря на удалявшагося японца, который еще нъсколько разъ оборачивался съ улыбкой. Но на равнодушную блондинку эти слова не произвели никакого впечатлънія.

 Да, — сказала она, — онъ получилъ отъ меня разръшеніе каждый семестръ возобновлять свое предложеніе. Онъ хотълъ-бы, женившись, увезти меня въ Токіо. Я откладываю решение до следующаго семестра, и такимъ образомъ наши занятія идутъ своимъ чередомъ. Посмотри — вонъ идетъ мой мучитель, -- чиліецъ! Если хочешь видъть олицетвореніе лізни, то вотъ тебів синьоръ Аннибалъ Санфуентесъ. Лфность въ немъ кажется такой понятной и милой! Когда ему дълаешь выговоръ, что онъ пропускаетъ уроки, онъ только улыбается съ самымъ невиннымъ видомъ. Сидъть въ кондитерской, ъсть мороженое и чуть не наизусть выучить "Vie ullustrée" — это его дъло. Что онъ дълаетъ по вечерамъ, этого я не хочу касаться. Онъ никогда не научится нъмецкому языку!

Противъ обыкновенія Мета казалась сегодня возбужденной и сердитой. Лівность возмущала ее до

глубины души.

— А тъ два господина съ черными бородами, въ бълыхъ фуражкахъ? — спросила Эрна.

— Это, — сказала Мета, — Прижи-

жалла и Скржичнекъ!

— Боже мой, что за имена! Это

русскіе?

- Южные славяне, что-то въ родъ поляковъ или рутенцевъ - сама не знаю навърно. Тоже лънивы, но очень умны. Они меня очень обрадовали: я самымъ дружескимъ образомъ попросила ихъ заплатить мнъ за этотъ семестръ впередъ чтобы быть спокойнъе! — и они исполнили мою просьбу; иначе мнъ пришлось-бы трудно. Чиліецъ въ этомъ отношеніи невыносимъ. На мороженое, на лаковые сапоги у него всегда есть деньги — но на другое... а это, видишь-ли, французикъ... сынъ одного винодъла изъ Бордо... учится въ Гейдельбергъ нъмецкому языку... Ему только семнадцать лътъ! Еще настоящій ребенокъ, и требуетъ материнскаго надзора. — Мета крикнула ему: — До послъ-завтра, monsieur Левассеръ! Будьте прилежны!
- О... я будемъ!—сказалъ молодой человъкъ, краснъя и снимая свою соломенную шляпу.
- А завтра, въ воскресенье, идите послъ объда гулять. Не играйте опять цълый день на билліардъ!
- Мы будемъ ходить, смотръть замокъ!
   —увърилъ ее французикъ.
  - Напишите домой письмо!
- Конечно! Я будемъ писать о васъ!

Молодой человъкъ откланялся. Мета смотръла ему вслъдъ съ

благосклонной улыбкой.

— Это мой любимецъ! — сказала она. — Славный, прилежный мальчикъ! Дѣлаетъ большіе успѣхи. А вотъ этотъ злодѣй... Она вдругъ отвернулась и сдѣлала видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на черноглазаго широкоплечаго сициліанца, который остановился внизу.

— Настоящій бандитъ изъ Аб-

руццкихъ горъ! замътила Эрна.— Онъ гордится тъмъ, что происходитъ отъ бандитовъ и самъ членъ коморры. Онъ врачъ въ Палермо и пріъхалъ сюда пополнить свои знанія. Вотъ должно быть удовольствіе лъчиться у него!

— Кажется, онъ у тебя въ опалъ? Мета нахмурилась. — Вотъ уже недълю я не позволяю ему разговаривать со мною, онъ долженъ отвъчать только на мои вопросы во время урока. Вообще-же онъ для меня — пустое мъсто. Это сравненіе къ нему очень подходитъ!

Докторъ Бенедетто Капомаццо, о которомъ шла рѣчь, безпокойно прохаживался взадъ и впередъ, вращая глазами, бросая огненные взгляды на окно, такъ что изъ-подъ густыхъ бровей сверкали бѣлки, и покручивая свои длинные, а́ la Викторъ Эммануилъ, усы. Но Мета по прежнему не обращала на него вниманія, и онъ, съ недовольнымъ видомъ закинувъ голову на свой бычачій затылокъ и засунувъ руки въ карманы, удалился, съ чувствомъ насвистывая какой-то печальный мотивъ.

Эрна едва удержалась отъ улыб-ки.

— Какое-же преступленіе онъ совершилъ?

Лицо Виггерсъ какъ-бы окаме-

— Онъ спросилъ меня, не можемъ ли мы, какъ братъ и сестра, поъхать вмъстъ въ Парижъ! Какъ братъ и сестра! Вдвоемъ! Но подобный вопросъ онъ теперь нескоро предложитъ мнъ! Вотъ уже недълю онъ сгораетъ со стыда!

Эрна въ душъ усомнилась въ

томъ

— Вы составили-бы прекрасную пару! — сказала она. — Пламенный брюнеть и холодная блондинка! Но... Боже мой!.. Мета... Послъдній изътвоего звъринца... въдь это настоящій дикарь!

Мета выглянула въ окно.

Только по наружности!—убъ-

жденно сказала она. — Еслибъты родилась на островахъ Гаити, то была-бы такъ-же черна, какъ онъ, милая Эрна; но, въроятно, еслибы ты была негритянкой, тебя тамъ находили-бы такой-же хорошенькой, какъ и эдъсь. Это очень серьезный, выдающійся человъкъ! Ему уже за сорокъ лътъ.

. — Какъ его зовутъ?

- Танкредъ Тирезіасъ дю-Норъ, двоюродный братъ президента Гавайской республики. Онъ генералъ и бывшій министръ; очень богатый человѣкъ—у него сахарныя плантаціи. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы посовѣтоваться съ врачами относительно своей болѣзни, проживетъ здѣсь лѣто и, чтобы не терять времени, учится у меня нѣмецкому языку. Умная голова. Его дѣдъ былъ рабъ, а онъ джентльменъ, говорящій на нѣсколькихъ языкахъ!
- Но у твоего венеціанскаго мавра очень грустный видъ! сказала Эрна. Право, онъ напоминаетъ мнъ Отелло! Смуглое лицо, курчавая мягкая бородка, больщіе кроткіе глаза... а какъ онъ изящно одътъ—безукоризненъ съ головы до ногъ: это короткое верблюжьяго цвъта пальто очень идетъ къ его темнымъ волосамъ и характерной головъ. Отчего онъ такъ печаленъ? Развъ тоже влюбленъ въ тебя?

Мета покачала головой.

- Нѣтъ! Въ Гаити у него жена и семеро дѣтей. Но его постоянно грызетъ мысль, что двоюродный братъ, президентъ республики, сживетъ его со свѣта. Это болѣзненная мнительность, которая преждевременно свела въ могилу многихъ его родственниковъ. Тутъ не поможетъ никакой врачъ. Мнѣ жалко его. Но все равно—я рада, что до понедѣльника распустила свой звѣринецъ. Въ понедѣльникъ опять соберутся всѣ, можетъ быть, даже чиліецъ и Пржиколла съ Скржичнекомъ!
- И ты живешь тъмъ, что получаешь за уроки?

— И живу очень хорошо!—отвътила Мета. — Мой звъринецъ кормитъменя. Но собрала я его съ большимътрудомъ. Надо много умънья обращаться съ хищными звърями! Помни объ этомъ, дитя мое, когда будешь имъть дъло съ мужчинами!

— Фи—мужчины! — презрительно сказала Эрна. — Не безпокойся: они меня не съъдятъ. Мнъ кажется, что со вчерашняго дня я стала старше на сто лътъ! Мужчины вызываютъ

во мив только состраданіе!

 Вздоръ! — ръзко сказала Мета и Эрна замолчала, почувствовавъ себя нъсколько обиженной.

 Что ты теперь дълаешь? — спросила она черезъ нъсколько минутъ.

- Работаю, насколько позволяютъ мнъ вонъ тъ господа! Она указала рукой на находившійся по другую сторону улицы красивый маленькій замокъ въ съверо-германскомъ вкусъ, изъ краснаго песчаника, съ пестрыми окнами и трехцвътнымъ щитомъ надъ ръшетчатыми воротами.
- Это храмъ гуманитарнаго образованія. Кто проведеть въ немъ коть одинъ семестръ, тотъ пріобрътаетъ способность управлять всъмъ міромъ, включая сюда и женщинъ. Поэтому преисполни сердце твое почтеніемъ, если сегодня всю ночь до утра ты будешь слышать въ этомъ домъ "херускіи" хоровое пъніе и звонъ наполняемыхъ пивомъ кружекъ.

Повелитель всего существующаго чествуетъ alma mater по своему разумънію. Жаль только, что мы, женщины, благодаря этому шуму не можемъ заниматься по вечерамъ, особенно-же въ субботу!

Я замътила, что рвеніе господъ студіозовъ неудержимо возрастаетъ за недълю... По субботамъ они выпиваютъ больше всего пива и...

Она вдругъ замолчала съ испуганнымъ видомъ. Посреди комнаты стоялъ какой-то незнакомый господинъ. За разговоромъ онъ не слышали, какъ онъ постучался. Это быль молодой человых, лыть двадцати пяти, худощавый, узкій вы плечахь, одытый съ чрезмырнымы изяществомы по парижской моды, съ гладко выбритымы лицомы актерскаго типа, крючковатымы носомы, большимы чувственнымы ртомы и живыми выпуклыми глазами.

Лицо Меты приняло холодное выраженіе.

- Позвольте попросить васъ удалиться, господинъ Дидерихсъ!—сказала она.
- Но... я котълъ только спросить...—въжливо возразилъ щеголь, бросивъ взглядъ на Эрну,—не измънили-ли вы своего ръшенія...
- Прошу васъ немедленно удалиться. Уроковъ я больше не даю вамъ!

Нахалъ съ улыбкой поклонился и вышелъ.

Мета отъ гнъва измънилась вълицъ.
— Что за человъкъ!—сказала она.

- Это единственный субъектъ, котораго я принуждена была выгнать изъ своего звъринца за его дерзкое циничное обращеніе, и онъ осмълился придти еще разъ!..
  - Кто онъ такой?
- Нъкто Шарль Дидерихсъ, изъ Люксембурга. Онъ самъ не знаетъ— нъмецъ онъ или французъ. Ведетъже себя, какъ парижскій фланеръ, т. е. цълый день бъгаетъ за женщинами и пристаетъ къ нимъ—пренепріятный субъектъ!

- И онъ смъетъ такъ безцере-

монно врываться къ тебъ?

— Думаю, что сегодняшнимъ посъщеніемъ я обязана собственно тебъ! Онъ давно уже узналъ какимъто образомъ, что ты пріъдешь...

Мета никакъ не могла успо-

коиться.

- Прежде онъ иногда приходилъ туда, къ членамъ "Херускіи" на ихъ пирушки, хотя онъ не студентъ, а просто ничего не дълающій сынокъ богатаго фабриканта. Но разъ онъ сказалъ что-то оскорбительное для Германіи, и одинъ изъ студентовъ, кажется, сынъ профессора Арраєа,

притянулъ его къ отвъту. Съ тъхъ поръ онъ принужденъ блистать сво-имъ отсутствиемъ.

— Откуда ты знаешь эти тайны?

— Въ аудиторіи сидитъ около меня старый отставной маіоръ. Во время перерыва между лекціями мы разговариваемъ съ нимъ. Онъ членъ "Херускіи" и ходитъ на собранія каждую субботу. Посмотри—отсюда видно, чъмъ они тамъ занимаются...

Въ помъщеніи "Херускіи" открыто насколько оконъ, чтобы дать доступъ свъжему воздуху. Сквозь клубы дыма на стънахъ виднълось оружіе, кубки, фотографическія группы и трубки, а подъ ними цълые ряды покрытыхъ шрамами лицъ въ пестрыхъ студенческихъ шапочкахъ. Въ одномъ углу пъли хоромъ подъ аккомпаниментъ рояля, въ другомъ, казалось, была бочка съ пивомъ. Оттуда слышался звонъ кружекъ и лакеи разносили новый запасъ напитка; у ногъ сидящихъ вокругъ стола студентовъ тамъ и сямъ виднълись громадныя головы договъ, заспанныя морды пуделей и недовольныя физіономіи бульдоговъ.

Объ студентки стояли у окна,

всматриваясь въ темноту.

Эрна невольно прижалась къ подругъ—ей былъ противенъ шумъ, дымъ и кутежъ напротивъ ихъ.

— Какъглупы мужчины! — съ убъжденіемъ сказала она. Мета дружески

ударила ее по плечу.

— Не заразись сомнъніемъ вновь поступившей студентки. Это дътская бользиь!

Мужчины глупы по-своему, женщины—по-своему. Мужчины расширяють желудокъ пивомъ, женщины стягиваютъ его корсетомъ. Корсеть перевъшиваетъ всъ сумасбродства мужчинъ. Мужчины убиваютъ время куреньемъ и пьянствомъ. Зато всъ цивилизованныя женщины цълый день заняты тасканьемъ слишкомъ длинныхъ шлейфовъ, вмъсто какого-нибудь полезнаго труда. И именно...

Слова ея были заглушены хоровою пъсней. Мета отошла отъ окна.

- Нельзя восхвалять женщинъ на счетъ мужчинъ и наоборотъ. Тъ и другіе должны быть только людьми! Въ этомъ все!
- Да, хорошо такъ говорить тебъ!-сказала Эрна, смъясь и беря подругу подъ руку. Ты-ледяная сосулька! Какъ мужчины, такъ и женщины тебъ безразличны. На тъхъ и другихъ ты смотришь съ научной стороны. Но, кромъ тебя, всъ мы, мужчины и женщины, обладаемъ темпераментомъ. Ты никогда не сдълаешь изъ насълюдей благоразумныхъ.

Между Адамомъ и Евой въчная тайная борьба! Но этого тебъ, съ твоей рыбьей кровью, никогда не понять! Поцълуй меня, Мета! Я завидую тебъ-блаженна ты въ своей независимости!

Мета сняла пенснэ, которое мъ-шало ей поцъловать Эрну; въ эту минуту въ дверь постучали, и почти въ ту же минуту въ комнату ворвалась маленькая особа съ коротко остриженными волосами и веселымъ мальчишескимъ лицомъ. По виду, особенно же въ сумерки, ей нельзя было дать 30 лъть—сколько ей было на самомъ дълъ; одъта она была очень просто отличалась необыкновенно ръшительными манерами.

 Дай мнъ посмотръть въ окно, Мета!--крикнула она.--Мнъ нужно его...-Тутъ она замътила Эрну, остановилась на минуту, потомъ съ довърчивымъ и дружескимъ видомъ протянула ей руку.—Это вы? спросила она... То есть...

 — Да! Это она!—подтвердила Виггерсъ. Новая студентка, Эрна Бауернфейндъ.

Собственно, это презрънная капиталистка, получающая огромные дивиденды; она слишкомъ богата для насъ, бъдныхъ учащихся женщинъ, но мы все-таки попробуемъ пожить съ ней. А это Паула Фрей! Одинъ изъ самыхъ непріятныхъ членовъ человъческаго общества! Зуб-

ной врачъ!

— Получившій дипломъ въ Америкъ!--машинально прибавила маленькая особа, выглядывая въ окно. Вотъ онъ-выходить изъ за угла. Я должна поймать его!

Кого? Вѣчнаго студента?

Паула Фрей ничего не отвътила. Она еще больше высунулась изъ окна и тихимъ и строгимъ голосомъ позвала:

Господиномъ Виндмюллеръ! Господинъ Виндмюллеръ. Ну, да! Конечно, я здъсь! И совершенно случайно! А вы куда идете?

Ей отвътило глубокое молчаніе. – Я что ли знаю объ этомъ? обратилась Паула жалобнымъ и возмущеннымъ тономъ къ объимъ

студенткамъ.

 Посмотрите на него, милая фрейленъ Бауернфейндъ! Посмотрите, въ какой нерешительности стоитъ онъ тамъ, при лунномъ свътъ, и не знаетъ-впередъ ему итти или назадъ! Человъкъ, которому уже сорокъ лътъ, у котораго такакая огромная борода и уже лысая голова, все еще носить этотъ ночной колпакъ, эту пеструю студенческую шапочку! Это неслыханно!

- Кон**е**чно!—Старый студенть подошелъ поближе. - Я послъдній изъ могиканъ. Прошло уже пятнадцать лътъ съ тъхъ поръ, какъ "Фризо-Гельфія" прекратила свое существованіе и вычеркнута изъ книги жизни. Но увъряю васъ, милостивыя государыни—это была стая славныхъ! И если я разъ за весь семестръ приму участіе въ дружеской пи-

 Вы не должны принимать участія! Маленькая дантистка совстивь разсердилась.—Вы достаточно выпили пива. Вы старикъ уже. Вамъ пора сдать экзаменъ!

За окномъ опять все стихло.

Паула Фрей опять заговорила и голосъ ея задрожалъ отъ досады.

 Знаете ли вы, что тутъ происходитъ, фрейленъ Бауернфейндъ? Онъ

живетъ на проценты съ капитала, завъщаннаго ему для ученья. Когда онъ окончитъ ученье, капиталъ перейдетъ къ какому-нибудь благотворительному учрежденію, и онъ долженъ будетъ зарабатывать себъ кусокъ хлъба. Но знаете ли, что дълаетъ это чудовище? Онъ не перестаетъ учиться—въ теченіе сорока семестровъ! Онъ посъщаетъ всъ лекціи и могъ бы выдержать экзаменъ на трехъ факультетахъ. Но нътъ! Онъ предпочитаетъ оставаться въчнымъ студентомъ!

— Это очень понятно!—возразилъ ей низкій басъ изъ-подъ окна.—Многимъ нечъмъ жить, хотя они докторскіе дипломы имъютъ, а у меня есть средства къ жизни, хотя я не докторъ. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ! Кромъ того, такова была воля моей покойной тетушки...

— Воля ея была не такова, нѣтъ! возбужденно крикнула ему Паула. "Еслибъ она знала, какъ вы злоупотребляете ея завъщаніемъ"...

— То перевернулась бы въ гробу! продолжалъ престарълый студентъ... Каждый разъ, какъ вы меня видите, вы предлагаете почтенной моей тетушкъ перевернуться въ гробу. Это становится, наконецъ, утомительнымъ для всъхъ насъ! Всъ трое мы не знаемъ покоя!

Маленькая дантистка посмотръла на него съ досадой.

— Знаю я васъ, господинъ Виндмюллеръ! Такъ говорите вы по вечерамъ. Утромъ вы почувствуете, что позорите свою старую голову. Вамъ становится стыдно себя и людей. Тогда Вы плететесь ко мнѣ и притворяетесь даже, что у васъ болятъ зубы,—лишь бы вамъ можно было пожаловаться мнѣ на судьбу, и клянетесь мнѣ, что исправитесь. Но теперь вы попались на мѣстѣ преступленія! Идите домой, г. Виндмюллеръ!

— Домой?—печально спросиль старый студенть.—Но гдв же онъ, фрейленъ Фрей? У меня въ цвломъ мірв нвтъ пристанища, кромв моей

жалкой студенческой каморки. Въ ней очень пустынно и неуютно, а тамъ—я вижу людей и свътъ, тамъ пьютъ и поютъ. Смъйтесь, если хотите, но я боюсь оставаться по вечерамъ наединъ съ самимъ собой.

- Идите домой!--повторила свое приказаніе Паула, хотя нѣсколько неувъреннымъ тономъ. Бородастый студентъ повернулся молча, собираясь уходить. Казалось, что онъ былъ намъренъ послушаться Паулы. Но на углу, у дома корпораціи онъ вдругъ остановился, бросилъ въ сторону виноватый взглядъ и тремя большими шагами достигъ входа въ "Херускію". Тамъ тотчасъ же раздался громкій сміжь и звуки которыми привътствовали запоздавшаго гостя. — Паула ничего не сказала, но на глазахъ ея выступили слезы гнъва.

Мета съ участливымъ видомъ кивнула ей головой...—Знаешь ли, что! Спусти-ка ты занавъси! Вотъ такъ! А теперь присаживайся къ намъ! Я сейчасъ зажгу лампу и приготовлю чай. У тебя есть какая-нибудь работа? Такъ принеси ее сюда!

Дантистка вышла и скоро вернулась съ толстой книгой,—"Хочу заняться латинской грамматикой,—пояснила она, садясь около Эрны, и, наморщивъ лобъ начала бормотать: "ато—я люблю; amabimur—мы будемъ любимы; amabimini—вы будете любимы" и послъ небольшой паузы—"атапdus"—тотъ, кто хочетъ, долженъ и можетъ быть любимымъ".

— Это и есть кандидать Виндмюллеръ!—объявила филологичка. —Слушай... Паула,.. что ты тамъ вяжешь украдкой, подъ столомъ и съ такимъ виноватымъ видомъ?

— Ничего! Паула покраснъла.— Это ошейникъ!

— Для собаки?

 Да, для Немо,—сказала Паула, смотря въ сторону.—Я объщала это.

— Понимаешь!— сказала Мета.— Знаешь ли, Эрна, кто этотъ Немо?

Бульдогъ господина Виндмюллера! О, слабохарактерность! Твое имя Паула Фрей! Она заботится не только о мужчинахъ, но и о собакахъ мужчинъ! Скажи мнъ, маленькая зубодергательница изъ Филадельфіи, положа руку на сердце, неужели въ жизни ты не можешь обойтись безъ мужчинъ?

- Безъ мужчинъ! съ досадой сказала Паула.--Мужчины для меня ничто! Но одного я ужасно любила бы. Мнъ хотълось бы заботиться не объ одной себъ, а о комъ-нибудь еще. Но для этого я получаю еще слишкомъ мало. Я еще никого не могу прокормить. Видите ли, фрейленъ Бауернфейндъ, я училась въ Америкъ и не имъю нъмецкаго диплома. Но я добьюсь своего! Вопервыхъ, у меня большая практика среди дътей — женщина всегда лучше сумъетъ обращаться съ маленькими-потомъ, я беру за работу дешево! Мы всегда и вездъ одержимъ верхъ надъ мужчинами, потому что менъе требовательны, чъмъ они. Благодаря этому, мы въ концъ концовъ подавляемъ ихъ.
- О, логика!—сказала Мета, наливая объимъ студенткамъ чай.--Ты объявляешь войну всъмъ мужчинамъ, чтобы потомъ подчиниться безполезному изъ нихъ. Паула, оставь ты этотъ гадкій ошейникъ и займись лучше своимъ атаbimini. Ты почти все время спрягаешь неправильно. Пусть Эрна прослушаетъ тебя. Она сидитъ безъ дъла и съ недовольнымъ лицомъ, какъ и полагается современной женщинъ. А латынь она знаетъ. Итакъ. начните переводить "Cesar, de bello Gallico*. Вотъ книга лежитъ здъсь еще со вчерашняго дня. Это какъ разъ для начинающихъ, какъ ты!

Объ дъвушки повиновались и съ озабоченными лицами принялись за переводъ классической начальной фразы: Gallia est omnis divisa in partes tres — Вся Галлія распадается на три части, а Мета, поправивъ пенснэ и заткнувъ уши пальцами,

чтобы не мъшало пъніе, доносившееся съ противоположной стороны улицы, принялась за чтеніе лекцій.

 Ну, что-же? Господинъ вселенной не пересталъ еще кричать? освъдомилась она черезъ нъкоторое время, и объ дъвушки утвердительно кивнули ей, читая вполголоса описаніе войны съ галлами и заглядывая по временамъ въ словарь. Въ комнатъ слышны были лишь ихъ тихіе голоса да шипънье самовара. Издали доносилась студенческая пъснь, сопровождаемая смъхомъ, стукомъ и лаемъ собакъ.

— Какъ глупо! — сказала Эрна, приподымая занавъсъ окна. --- Совершенно, какъ маленькія дъти! Всъ теперь сидять верхомъ на стульяхъ и съ пъніемъ галопируютъ на нихъ

по комнатъ...

Мета бросила ей укоризненный взглядъ.

- Ты этого не понимаешь! Какъ женщина, ты-существо менъе одаренное, чъмъ мужчина! Еслибъ мы, учащіяся женщины, вздумали скакать на стульяхъ по комнатъ, съ чашками въ рукахъ и при этомъ орать во все горло безсмысленную пъсню. то всякій сказаль бы: "Какъ можно допускать такихъ дътей въ университетъ?" Но это-мужчины. Не забывай этого. Они все знають лучше насъ. На все у нихъ есть свои причины, о которыхъ мы и не подозръваемъ.
- Но мы проникнемъ въ ихъ тайны! - сказала Эрна, бросивъ сердитый взглядъ на ярко освъщенныя окна напротивъ. — Проникнемъ какъ бы они не запирались отъ насъ! Смотрите, они уже запираютъ ставни. Почему это?
- Потому что настроеніе ихъ слишкомъ приподнято!---Мета крыла окно. -- Въ полночь ты можешь видъть на улицъ множество пошатывающихся фигуръ, которыя выходятъ изъ этого храма наукъ и спиральными движеніями достигаютъ своихъ жилищъ. Ты должна взирать

на нихъ съ уваженіемъ, думая: Это мужчина!

– Вотъ онъ!–сказалъподъ окномъ чей то ръзкій голосъ. Тамъ стоялъ, со шляпой и палкой въ рукъ, маленькій челов'вчекъ, почти карликъ и при лунномъ свътъ блестъла лысина его головы, слишкомъ большой ВЪ сравненіи съ туловищемъ. Морщинистое лицо, и особенно носъ, было красно. Широкій безусый ротъ былъ растянутъ язвительной улыбкой, а изъ-подъ золотыхъ очковъ сверкали большіе зеленые, какъ у лягушки, глаза.

— Такимъ я представляю себъ Перкео!—прошептала Эрна дантисткъ. Мнъ кажется, что онъ уже

выпилъ бочку пива!

— Это върно!—послышался снизу глухой голосъ Перкео.—Тасеаt mulier in ecclesia! Замътъте это себъ, фрейленъ Виггерсъ и вы, тамъ, позади, хихикающаяся тънь, въ которой я узнаю фрейленъ Фрей!

— Сегодня насъ трое!—сказала

Паула, подходя къ окну.

Карликъ съ важнымъ видомъ поднялъ свою палку.—Да будетъ извъстно и третьей: Taceat mulier in ecclesia!

Эрна вдругъ разсердилась.—Таceat mulier in ecclesia!—громко сказала она,—sed non taceat in litteris, non taceat in saeculo nostro libertatis!

Лицо Перкео выразило ужасъ и отвращеніе, и онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. — И эта знаетъ латынь! Горе мнѣ! Всѣ онѣ говорятъ по-латыни! Истинно, пришелъ конецъ міру! Все въ природѣ пошло на выворотъ! Гинкеле!..—Онъ началъ искать кого то въ тѣни.—Гинкеле!

- Гинкеле это гидъ, который сопровождаетъ его по ночамъ!— шепнула Паула Эрнъ, едва удерживаясь отъ смъха.
- Гинкеле! Она тоже говоритъ по-латыни! О, Боже мой! Что станется съ нашими дътьми? Что станется съ моими многочисленными дътьми? Я самъ не знаю, сколько

ихъ у меня. Они цъпляются мнъ за ноги, заползаютъ во всъ углы и начинаютъ такой кошачій концерть, что я убъгаю изъ дома въ трактиръ. — Голосъ Перкео зазвучалъ глуше. — Въ меня вселился духъ вина. Повърьте мнъ, filiae studiosae, я пренепріятный человъкъ! Жена моя должна лъчиться — черезъ меня, дъти мои почти не имъютъ отца... Гинкеле! Глъ Гинкеле!

 Вамъ слѣдовало бы пойти домой! — сказала Мета. Карликъ пристально посмотрълъ на нее своими сверкающими съро-зелеными глазами.—Знаешь ли ты, гдъ мой домъ? Я—не знаю! Знаю только, что вокругъ солнца кружится песчинка, и песчинка эта—Земля; на песчинкъ сидитъ микроскопическое насъкомое-человъкъ-и вертится вмъстъ съ нею. Я хорошо чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ничто не имъетъ точки опоры. Незадолго до полночи всѣ предметы приходятъ въ вращательное движеніе и всъ тайны міра, надъ которыми я напрасно ломаю голову въ теченіе дня, становятся мнъ ясными. Но около меня долженъ быть Гинкеле, чтобы поддерживать меня. Иначе я заверчусь тоже и исчезну, Богъ въсть куда. Догадываетесь ли вы, новенькая студентка, тамъ, наверху, что такое наша жизнь? Вы еще долго будете удивляться ей! Во мнъ даже, старомъ знаменитомъ ученомъ, она не перестаетъ вызывать удивленіе!

— А теперь все-таки пора вамъ отправиться домой!—повторила Мета, Эрна же все еще не могла придти въ себя отъ удивленія, вызваннаго этимъ пьянымъ карликомъ.—Уже ночь!

Человъчекъ, стоявшій подъ окномъ, съ меланхолическимъ видомъ оперся на палку, опустивъ свою могучую голову.

— Ночь — врагъ людей! Ночью приходитъ сонъ, во снѣ же сотворена женщина! И въ этомъ все зло! Счастье было бы, еслибъвы никогда и не существовали! Но, если я за-

хочу, все окажется несуществующимъ. Я— единственное живое и мыслящее существо въ хаосъ звъздъ и міровъ, который медленно движется вокругъ меня.

 Cogito, ergo sum!—сказала Эрна изъ окна.—Я существую! Я здъсь!

- Minime! Вы не существуете! Васъ тутъ нътъ! Вы лишь обманъ моихъ чувствъ. Я сейчасъ докажу вамъ, что вы не существуете! Итакъ—кто вы?
  - Я? Я пріъхала съ Рейна и...
- Нѣтъ! Карликъ съ торжествомъ сверкнулъ своими лягушиными глазами. Вы простое отраженіе на сѣтчатой оболочкѣ моего глаза. Я не люблю отраженій, какъбы они не были красивы! Я закрываю глаза и отраженій нѣтъ! Ничего нѣтъ! Тсс! Не говорите! Васънѣтъ! И это очень хорошо!
- Это очень хорошо!—повторилъ онъ, опять сверкнувъ глазами изъподъ очковъ.
- Для чего нужны такія студентки, какъ вы? Чего хочетъ такая студентка? Что ей нужно? Сці ргоdest? спрашиваю я. Не говорите мнъ ничего объ университетъ, уважаемая фрейленъ! Вы знаете мое мнъніе о немъ. Проходя мимо университета, я закрываю глаза, чтобы не видътъ его. Тогда онъ перестаетъ существоватъ для меня. Онъ исчезаетъ въ глубинъ моего презрънія къ нему—онъ и все, что имъетъ къ нему отношеніе, прежде же всего—
  профессора!

 Когда вы оставите профессоровъ въ покоѣ? — сказала Мета.
 Маленькій Перкео разсмъялся и поправилъ очки.

— Никогда, милая моя фрейленъ Виггерсъ! Чъмъ была бы для меня жизнь, еслибъ не было моихъ враговъ — профессоровъ и женщинъ? Гинкеле, что вы думаете о женщинахъ?

Высокій человъкъ съ бородой à la Henri IV и наружностью гусарскаго вахмистра въ штатскомъ платьъ, подошелъ къ нему и под-

держалъ его. Карликъ крѣпко оперся на него.

— Наконецъ-то, Гинкеле! — сказалъ онъ обрадованно. — Вы все были заняты? Днемъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Эрнѣ, — онъ водитъчужестранцевъ по развалинамъ, а ночью меня, развалину, между чужестранцами. Вѣдь мы чужестранцы на землѣ, гости въ Гейдельбергѣ и во всемъ мірѣ, мы, собственно не существуемъ, а только воображаемъ, что существуемъ. Не правда ли, Гинкеле?

Гинкеле отвътилъ утвердительно, и Перкео съ довърчивымъ видомъсхватилъ его за пуговицу сюртука.

— До сихъ поръ я отыскалъ толькоодну неподвижную точку-трактиръ подъвывъской "Виноградная кисть". Онъ всегда стоитъ на своемъ мъстъ, когда все несется въвихръ вокругъ меня. Теперь мы пойдемъ туда и я угощу всъхъ, кто обыкновеннособирается около моего "круглагостола". Не презирайте извозчиковъ и лакеевъ, дворниковъ и псарей! Это мои полуночные друзья. Днемъ я не вижу ихъ! Днемъ они не существуютъ для меня! Но прежде чъмъ мы отправимся туда, Гинкеле, скажите откровенно: что думаете вы о женщинахъ?

Гинкеле украдкой подмигнулътремъ студенткамъ у окна и обвилърукой станъ карлика, чтобы вести его дальше.

- Какъ сказать!—пробормоталъ онъ, нъкоторые думаютъ такъ, другіе—иначе! Разно бываетъ! А теперь пойдемте! Городовой уже давно посматриваетъ на насъ, потому что вы такъ громко говорите!
- Это Бадіоръ?—Карликъ протянулъ къ нему объ руки... Добро пожаловать, стражъ ночи! Какъ поживаете, господинъ Бадіоръ? Что подълываете? Чъмъ занимаетесь? Что подълываетъ Ваша любезная супруга? У нея еще не родились двойни?

Полицейскій добродушно разсмѣялся.

 О, объ этомъ Вы спрашиваете каждую Божію ночь! Нашимъ близ-

нецамъ уже годъ!

— Optime!" Перкео благодушно кивнулъ головой и удалился, вла-камый двумя своими спутниками... Вепе fecisti, amice! О чемъ говорили мы съ вами, господинъ Бадіоръ, когда разстались сегодня на разсвътъ? Кажется, о Платонъ и его теоріи тъней?

— Богъ знаетъ, о чемъ вы тамъ говорили!—сказалъ полицейскій.—О Платонъ—такъ о Платонъ.

— Прошу не относиться къ Платону съ презръніемъ!— предупредилъ карликъ.—Я знаю, что вы и Гинкеле находитесь подъ вліяніемъ Спинозы! Но, милъйшій, объ этомъ мы поговоримъ подъ вывъской "Виноградной кисти".

Покойной ночи, сударыни! Общество ждетъ меня: дворникъ, извозчикъ, по имени Штумпе торговецъ собаками, полный мудрости и ироніи,—у котораго любой профессоръ можетъ научиться логикъ... Но гдъ

они бываютъ днемъ?

Всъ трое исчезли во мракъ, но еще разъ послышался жалобный вопль Перкео... Гдъ же они бываютъ днемъ?

Потомъ настала тишина, только изъ оконъ противоположнаго дома доносился глухой шумъ.

Эрна казалась совсъмъ раздраженной.

- Что это за сумашедшій?—спросила она.
- Это?—сказала сухо Мета... Это Давидъ Галлюсъ.
- Какъ?! Великій ученый, знаменитый химикъ?.
- Его знаетъ здъсь всякій ребенокъ.
- И я хотъла работать у него въ лабораторіи?
  - И будешь!
  - Но это сумасшедшій!
- Немножко,—сказала Мета,—и только ночью. Днемъ безуміе его превращается въ геній. Днемъ это совершенно другой человъкъ— пол-

ный достоинства, кроткій, серьезный, настоящій жрецъ науки. Но какъ только наступаютъ сумерки...

Онъ напивается! — добавила.

Паула Фрей.

 Каждую ночь. Гинкеле долженъ смотръть за нимъ, какъ нянь-

ка за малымъ ребенкомъ.

За нимъ ходитъ всякій сбродъ. Швейцаровъ, полицейскихъ, извозчиковъ-всъхъ онъ угощаетъ, и всъ смъются надънимъ. Лътомъонъ часто отправляется съ Гинкеле въ деревни. гдъ бываютъ ярмарки, цълую ночь танцуетъ съ крестьянскими дъвуслужанками, угощаетъ шками И парней и солдатъ пивомъ, чтобы они его не прибили, является совершенно утомленнымъ домой, засыпаетъ на нъсколько часовъ и потомъ съ глубочайшей серьезностью и торжественностью принимается за работу!

Гинкеле!-послышался вдругъ издали жалобный голось стараго ученаго... И вы, милъйшій Бадіоръ: мы пляшемъ на вулканъ: женщины вооружаются противъ насъ. Во всемірной исторіи произойдетъ переворотъ! Женщины произведутъ возстаніе, Насъ оттъснять на задній планъ! Мы будемъ готовить объдъ, Гинкеле, убирать въ комнатахъ, вязать чулки, пить кофе! Въ концъ концовъ намъ навяжутъ и дътей! Но я буду защищаться противъ этого руками и ногами!-Голосъ его прервался жалобнымъ рыданіемъ. Я протестую!

Все снова смолкло. Итакъ, это былъ Давидъ Галлюсъ! Эрна сидъла задумчивымъ видомъ, покачивая хорошенькой головкой. Она представляла себъ ученаго иначе.

 Онъ женатъ? — спросила она черезъ нъсколько времени. Мета утвердительно кивнула головкой.

— У него жена и семеро дътей! Онъ часто не узнаетъ ихъ на улицъ, гладитъ по головкъ и спрашиваетъ, чъи они! Но ты можешь спокойно отправиться къ нему завтра. Днемъ онъ не помнитъ, съ къмъ разгова-

ривалъ ночью. Даже когда Гинкеле раскланивается съ нимъ, онъ только посматриваетъ на него съ недовольнымъ видомъ изъ-подъ очковъ и не отвъчаетъ на поклонъ.

Напротивъ открылись двери дома "Херускіи" и кто-то крадучись, чтобы не быть замъченнымъ, вышелъ на улицу. Эрна узнала его. Это былъ старый майоръ, котораго она встътила у профессора Арраса. Застегивая пальто, онъ оглянулся и увидълъ у окна женскія фигуры.

— Добрый вечеръ, фрейленъ Виггерсъ! — весело крикнулъ онъ и потомъ, переходя улицу, добавилъ гораздо въжливъе: — Добрый вечеръ, фрейленъ Бауернфейндъ! Какъ идутъ

ваши занятія?

— Благодарю майоръ!— сказала Эрна.—У насъ занятія идутъ впередъ. А тамъ, у васъ, осмълюсь спросить?

Старикъ вздохнулъ. —Я ушелъ. Пора спать. Вамъ тоже слѣдовало бы уже спать, коллега Виггерсъ! За послѣднія недѣли вы что-то поблѣднѣли. Отъ работы или...?

- Ахъ, да! Онъ собирался уже уходить, но теперь остановился и сказалъ, стараясь принять самый невинный видъ. Докторъ Бониферъ просилъ передать вамъ поклонъ! Я встрътилъ его сегодня; и знаете съ къмъ?
- Конечно, съ Диной Шпильфогель!—Ръзко сказала Мета.—Неужели онъ можетъ восхищаться ею? Это смъшно! Защитникъ женскихъ правъ, который въ каждой женщинъ видитъ Елену!
- Елену? Ну, нътъ! Онъ говоритъ, что она настоящая гольбейновская Мадонна. А она сама думаетъ, что въ ней есть что-то прерафаэлитское!
- Скудна тъломъ и еще больще—духомъ!—сказала Мета, пожимая плечами.

— Прощайте!

Маіоръ удалился, а Эрна съ изумленіемъ спросила подругу, взявъ ее за руку; — Съ какихъ поръ ты стала такой злой? Это для меня ново. Что такое эта Дина Шпильфогель?

— Воробьиный мозгъ, нервы мимозы, прическа во вкусъ Боттичелли и меланхолическая улыбка, комедіантка по отношенію къ себъ и ко всему свъту... и при этомъ очень красива! Вотъ что такое Дина Шпильфогель! И въ ней мой другъ Бониферъ видитъ женщину будущаго! Онъ всегда былъ и остался идеалистомъ..."

Все это Мета сказала съ величайшимъ презръніемъ и горечью. — Цълые дни они проводять вмъстъ, погружаются ВЪ міровую скорбь. увлекаются декадансомъ или ученіемъ о "сверхчеловъкъ"—не знаю, впрочемъ, какое направленіе они теперь избрали; копаются въ своихъ прекрасныхъ душахъ, взаимно наигрываютъ на нервахъ и упражняются въ остроумін... Въ лъчебницу ихъ надо для нервно-больныхъ, милая Эрна, особенно Его-то и такъ легко излъчить!

 И это можешь сдѣлать ты? безцеремонно спросила Эрна.

 Нъсколько недъль тому назадъ онъ часто приходилъ ко мнъ и мнъ казалось, что онъ сталъ разумнъе и пересталъ воображать себя сверхчеловъкомъ.

Но какъ только онъ встрътится съ этимъ пучкомъ нервовъ, Диной Шпильфогель, съ ея дътскимъ личикомъ и прической мадонны, онъ опять становится мягче воска и теперь съ восторгомъ сдълался опять прерафаэлитомъ и декадентомъ... изъ-за этой Дины!

— Но онъ вернется къ тебъ раскаявшимся гръшникомъ! — сказала, утъшая ее, Эрна. Она была удивлена. Никогда ей не приходилось видъть въ Метъ столько презрънія и горечи! Очевидно, это была ревность! Слъпая ревность! Настолько слъпая, что Мета даже не могла скрыть ея!

Итакъ, "безчувственная" холодная "блондинка" оказалось далеко не такой холодной и безчувственной, какъ можно было думать! У нея тоже было горе!

Эрна задумалась. Казалось, что никто не можетъ избъгнуть огорченій. Такова жизнь... Единственное утъшеніе, подумала Эрна, что и мужчинамъ не лучше, даже такимъ сильнымъ и холоднымъ людямъ, какъ Джонъ Генри ванъ Леннепъ. Думая о немъ, Эрна почувствовала жалость-въдь онъ все-таки очень любилъ ее, хотя по своему, а сегодня онъ долженъ получить письмо; послъ споровъ и несогласій послъднихъ недъль оно не будетъ для него неожиданностью, но она знала, что письмо причинитъ ему боль и задънетъ его самолюбіе; онъ въдь не изъ тъхъ, кого легко оттолкнуть отъ себя.

Но такъ должно быть! Прошло уже шестнадцать часовъ съ тъхъ поръ, какъ она покинула опустълый родительскій домъ, убъжавъ

изъ него, какъ изъ темницы, и поспъшно съла въ вагонъ, бросивъпослъдній взглядъ на давно знакомыя мъста, на высокія фабричныя трубы, на молчаливые ряды угрюмыхъ оконъ фабрики... поъздъ сдълалъ поворотъ, и все это осталосьпозади нея! Навсегда!

Зачъмъ возвращаться къ прошлому?!

Впереди новая жизнь со всвым ея радостями. Эрна печально прислонилась къ спинкъ качалки. Мета! — сказала она. — Дъйствительно — странныя созданія люди! И особенно мы, женщины! Почему мы въчно заняты своимъ сердцемъ? Даже ты! Мнъ такъ отрадно было видъть твою холодность и благоразуміе! Тогда какъ я... ахъ, Боже мой!

Она вдругъ замолчала. Мета ничего не отвътила ей и углубилась въ свои занятія.

Пер. съ нъм. М. Кондратьевой-

(До слыд. №-ра).

Свинцовое небо. Равнина нъмая.

Удушливо-смрадная сърая мгла.

Куда ни посмотришь—отъ края до края Тъла, все тъла и тъла.

Надъ страшной равниной въ пугающей дали Проходитъ, какъ странникъ бездомный, Христосъ. На кроткомъ лицѣ Его, полномъ печали, Алмазы божественныхъ слезъ.

Туда, гдѣ рокочутъ орудія боя, Гдѣ слилась борьба въ потрясающій стонъ, Проходитъ Онъ, скорбно поникнувъ главою, Несетъ утѣшеніе Онъ.

Пришелъ и объятья къ бойцамъ простираетъ:

—Да будетъ надъ вами и миръ, и любовь!--Напрасно. Губительный бой не смолкаетъ И льется попрежнему кровь.

И. Мордвиновъ.

Искусство, техника и промышленность.

Въ Японіи искусство, заимствованное у китайцевъ, развивалось очень своеобразно. Въ декораціонискусствъ японецъ номъ ушелъ дальше другихъ народовъ, но въ созидательномъ — остался на одной изъ первоначальныхъ ступеней: ихъ наилучшіе храмы, въ сравненіи съ храмомъ въ Севильъ, похожи на сараи; ихъ скульптурныя изваянія, въ особенности человъческихъ фигуръ,-не иное что, какъ неуклюжія карикатуры.

Единственное исключеніе составляетъ колоссальная бронзовая вызолоченная статуя Будды въ Камакурѣ (которую можно сравнить со статуей Зевеса — Фидія); она вылита въ 1252 г. Ея ваятель Оно Горосмонъ создалъ этой работой наисовершеннъйшій и въчный памятникъ японскому искусству. Статуя, внутри полая, состоитъ изъ отдъльныхъ кусочковъ, сдъланныхъ ръзцомъ. Она находится въ храмъ, построенномъ на 63 колоннахъ. На лицъ божества отражается абсолютный душевный

миръ, пріобрътенный полнымъ отреченіемъ отъ всъхъ желаній и страстей.

Въ живописи японцы также не имъли ни малъйшаго понятія оперспективъ, равно какъ и о свътовыхъ отраженіяхъ и тъняхъ; изображенія большинства предметовъ дълались шаблонно: подражали издавна привычнымъ формамъ древнихъ живописцевъ, не отличавшихся наблюдательностію. Но этого нельзя ставить японцамъ въ упрекъ, такъ какъ и древніе греческіе художники вначалъ изображали человъческія лица и фигуры также болъе или менъе шаблонно.

Японскій живописецъ отличается отъ своего европейскаго собрата умѣньемъ владѣть кистью и соединять краски. Онъ великъ въ выраженіи, котораго достигаетъ простыми средствами.

Маруяма Окіо и Кейбунъ нъсколькими штрихами набрасывали зимній

ландшафтъ.

Горы вдали, летящіе журавли, дома, окруженные группами бамбуковъ, лодки, ныряющія въ синихъ волнахъ моря, рабочій въ травяномъ плащъ—придаютъ картинъ силу и жизнь.

Мелкія вещицы японскаго искусства, какъ ръзныя пуговицы (Netsukle) и различныя бездълушки (Okimono) имъютъ отдаленное сходство съ предметами, найденными въ могилахъ Помпеи и Болоньи.

Чужеземная орнаментика изъ арабесковъ не удовлетворяла японцевъ; моделью для декораціоннаго искусства служила имъ своя страна и позаимствованные у китайцевъ образцы одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Драконы, слоны, киринъ (миоическое животное, похожее на льва), хвостатая черепаха и ково (минич. птица, напоминающая дракона, но съ хвостомъ райской птицы) предметы, служившіе ранъе для орнаментовъ. Впослъдствіи всъ эти никогда не виданные предметы замънялись теми, которые видели и наблюдали, а потому могли правильнъе изображать, а именно: журавлями, фазанами, утками, курами, гусями, а иногда соколомъ и орломъ. Изображеніе рогатаго скота и лошади не дается японцамъ; обезьянъони всегда рисують въ смешномъ виде, напр. гоняющимися за бабочками; хорошо также выходятъ крысы, сидящія на виноградныхъ лозахъ и глодающія виноградъ, и мыши, покоящіяся на пыльныхъ крыльяхъ. На маленькихъ изящныхъ вещицахъ большею частію изображаютъ рыбъ, змъй, ящерицъ лягушекъ и насъкомыхъ; не пренебрегаютъ также цвътами, деревьями и травами. Но въ отношеніи этихъ послъднихъ японцы довольно своеобразны: они любуются цвътами вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ, вистаріей, а на другіе не обращають вниманія, такъ какъ и въ старину художники пользовались только этими деревьями.

Вишневыя деревья японцы изображають всегда въ цвъту, а сливовыя въ зимнемъ покровѣ, съ голыми вътвями. Изъобыкновенныхъ деревьевъ часто рисуютъ сосны и бамбукъ, а японскій кедръ почти никогда; изъ травъ чаще всего въ живописи на фарфоръ встръчается высокая красиво цвътущая "Eulalia

japonica".

Наиупотребительнъйшимъже предметомъ художественныхъ изображеній при орнаментикъ служитъ въ Японіи вулканъ Фузи, самая красивая гора въ свътъ послъ горы Эгмонтъ на Таранаки. Его найдешь вездъ: на какемоно, на фарфоръ и т. д.; рисуется онъ то уходящимъ вдаль, какимъ его видятъ съ моря, то съ вершиной надъ облаками, какъ кажется наблюдающимъ эта гора съ озера Хаконе въ неясные дни.

Нельзя не упомянуть и о японской фотографіи: во всъхъ приморскихъ городахъ продаютъ чудно разрисованные фотографическіе снимки разныхъ ландшафтовъ. Больше всего можно пріобръсти такихъ снимковъ въ Кобе, гдъ ихъ продаютъ въ самой гавани и гдъ они красивъе и дешевле, чъмъ въ Токіо и Іокогамъ.

Вотъ имена японскихъ писцевъ: Хазегава-Сеттанъ въ Іедо 1840 г., Хоккей-ученикъ Хокузама, 1830 г., Изай — 1860 г. и Киозай-1884 г.

Чтобы ознакомиться съ японской промышленностію и техническимъ производствомъ, нужно побывать въ Токіо въ торговомъ музев между Шилебаши и Текидши, и въ Лондонъ въ индъйскомъ музеъ и Кенсингтонъ (теперешній музей Викто-

ріи и Альберта).

Ръзбой и полировкой занимаются главнымъ образомъ въ уъздахъ Хаконе и Никко. Въ Хаконе выдълываютъ блюда, гребни, горшки и т. под. изъ крашеной ольхи, финиковой сливы и zelkova acuminata "Keуакі"-подобія вяза. Всв эти предметы украшаются различными орнаментами, а затъмъ покрываются прочнымъ растительнымъ лакомъ, добываемымъ изъ дерева "Rhusvernicifera". Въ Никко больше всего истребляютъ дерево камелій, употребляють также и вишневое. и туйю (Thuja), и буковое (Fagus siboldi); изъ послъдняго, говоритъ

Рейнъ, выдълываютъ суповыя чаш-

Въ Японіи со скульптурой, достигшей и въ Европъ (въ Шварцвальдъ и Швейцаріи) своеобразнаго и высокаго развитія, тесно связано и искусство лакированія, которое придаетъ скульптуръ особенный, можно сказать специфическій характеръ. Въ Европ'в для этой цівли употребляють камедь, вытекающую изъ акацій, деревьевъ и колючей фиговыхъ крушины. Этотъ лакъ *) растворяется въ алкоголъ и сохраняется въ такомъ видъ цълые годы.

Японскій лакъ-чисто растительное вещество, получаемое изъ надръзовъ, дълаемыхъ на лаковомъ деревъ Rhus vernicifera (Urushi). Сокъ этотъ собираютъ въ деревянные сосуды, затъмъ фильтруютъ чрезъ хлопчатую бумагу, смѣшиваютъ съ водою и камфорою и тогда уже употребляють въ дъло. Въ сыромъ помъщении этотъ лакъ отвердъваетъ и превращается въ упругую, почти нерастворимую массу, причемъ главная составная часть - лаковая кислота С14 Н18 О2, подъ вліяніемъ фермента впитываетъ изъ воздуха кислородъ и превращается въ окись лака С14 Н18 Ов,. Такое свойство дорогого японскаго лака даетъ ему большое преимущество передъ камедью. Этому лаку придають всевозможную окраску, прибавляя золотую и серебряную пыль, киноварь, индиго, сосновую сажу, бълила, желтую смолу, сафлорную кислоту. Наилучшая европейская политура не сравнится съ блескомъ этого лака. Мраморная лакировка получается отъ покрытія предмета лакомъ разныхъ цвътовъ и шлифовки.

Прекрасный видъ имъютъ ландшафты, нарисованные золотомъ по черному фону, что можно видъть на тарелкахъ и на лакированной мебели, выставленной въ торговомъ

музев въ Токіо. Въ перламутровой

инкрустаціи японцы давно зошли своихъ учителей-китайцевъ. Матеріалъ для этого они получаютъ, какъ говоритъ Рейнъ, отъ японской улитки "Avabi" (Haliotis gigantea морское ушко). Перламутръ изъ китайскихъ раковинъ также идетъ въ дъло.

Очень искусны японцы и въ ръзьбъ. которую можно видъть на роговыхъ и костяныхъ пуговицахъ, черепаховыхъ гребенкахъ и другихъ бездълушкахъ изъ слоновой кости.— Японскія черепахи изъ рода чешуйчатыхъ (Chelonia imbricata) — которыя водятся въ тропическихъ моряхъ. Необыкновенно искусно сдъланы также и японскія трубки, которыя, какъ и китайскія, отличаются своими миніатюрными резервуарами, головками. Въ Лондонъ въ музеъ есть одна изъ такихъ трубокъ съ рельефными цвътами и золотой и серебряной мозаикой. Въ Лондонъ же въ индійскомъ музев есть статуетка богини Кванои въ 15 см. высоты, пріобрътенная за 6000 мар. Тамъ же можно видъть маленькія слоновыя пуговицы въ видъ птичекъ.

Близъ Іокогамы выдълывають буддистскія четки изъ слоновой кости, причемъ въ каждую четку вдълывается какое-нибудь насъкомое. Нъчто подобное встръчается и въ Европъ, такъ, напр., въ британскомъ музев находятся португальскія четки 1500 года изъ персиковыхъ косточекъ, деревянный медальонъ съ изображеніемъ Оливера Кромвелля и кружка изъ буковаго дерева съ инкрустаціей изъ слоновой кости, но, въ сравненіи съ японской работой, все это очень грубо.

Изъ металловъ съ древнихъ временъ лучше всего, даже артистически, обрабатывалось жельзо: мечи, шлемы, панцыри дълались необыкновенной прочности. На каждой отдъльной пластинкъ панцыря можно видъть золотыя и серебряныя украшенія, впаенныя въ незамътныя углубленія. Точно также украща-

^{*)} Вытекаетъ онъ изъ деревьевъ, проточенных насъкомымъ "соссия Іасса".

лись чугунныя вазы и другіе предметы.

Такъ какъ при плавленіи мъди получаются пузыри, то для литья статуй предпочитаютъ бронзу. Въ индійскомъ музев находится бронзовая статуя Будды, сдъланная въ Кіото за 8000 марокъ. Тамъ же я видълъ бронзовый колоколъ въ 800 мар. и многіе другіе интересные предметы. На открытомъ воздухъ бронзовыя статуи покрываются мъдянкой, отъ которой получаютъ своеобразный видъ. По Рейну, происхожденіе этой мъдянки зависитъ отъ образованія углекислой мъди, при чемъ играетъ роль прибавленный къ броизъ свинецъ.

Перейдемъ теперь къ керамикъ художественной выдълкъ глиняныхъ излълій.

Китайцы — первые открыли фарфоръ и еще въ 1010 г. послъ Рожд. Хр. изготовляли очень хорошую посуду на Императорской фабрикъ Кинг-те-хин въ провинціи Кі-анг-си. "Высокій холмъ" (Као-высокій, ling холмъ) доставилъ первый "каолинъ". Фарфоръ этотъ отличался бълизной. Въ Нанкинъ въ 1415—1430 г.г. построили башню, ствны которой облицевали фарфоромъ, какъ это и до сихъ поръ дълаютъ въ Южной Америкъ. Въ 1570 г. хорошій каолинъ сталъ ръдкостью въ Китаъ, и чтобы скрыть сърый цвътъ худшаго каолина, стали покрывать посуду блестящею эмалью. Въ 1513 г. нъкто Горудаю Шомуи ввелъ и въ Японіи фабрикацію фарфора. Като Широцалмонъ, пробывшій лътъ въ Китаъ, довелъ гончарное производство въ Сето (овари) до совершенства. Особенно хорошо выходили у него маленькія бездѣлушки, называвшіяся "сето-моно", т. е. вещи изъ Сето. Это выражение употребляется и теперь, когда говорять о фарфоровыхъ издъліяхъ. Собственно "Сето" есть собирательное имя, обозначающее четыре мъста, вблизи которыхъ находится хорошій каолинъ и гдъ въ 80 домахъ

занимаются приготовленіемъ фора, а въ остальныхъ 187 обыкновенной гончарной работой. Въ Нагойи можно посътить фабрику Мацарумы и познакомиться съ ея производствомъ. Японскій кобальть доставляетъ голубую глазурь, а ввозный китайскій—темносинюю. Кіото главное мъсто производства и продажи фарфора. Въ Европу вывозится много посуды съ фабрики Кинкоцан въ Авата; фабрика расположена между городомъ и холмомъ Хигашияма. Всякій желающій пользуется свободнымъ доступомъ на эту фабрику. Извъстный фарфоръ Кутани фабрикуется на заводъ Ганквадо, на западномъ берегу Японіи Хирадійскій фарфоръ (въ Нагасаки) цънится за его прекрасный синій цвътъ. На маленькомъ островъ Авайи быль одинь богатый любитель фарфора, по имени Калю Мимпей, истратившій почти все свое состояніе на выдълку фарфоровыхъ вещицъ съ темнозеленой и желтой (цвъта соломы) глазурью, что было тогда (1830—1840 г.) моднымъ въ Китаъ. Вещицы эти и до сихъ поръ не потеряли ценности въ глазахъ люби-

Больше же всего проявили японцы свои способности и свое искусство въ изготовленіи такого тонкаго фарфора, какъ яичная скорлупа. Не върится даже въ возможность вылъпить изъ такого тонкаго слоя какую нибудь чашечку и обжигая не разбить ея, а между тъмъ въ 1837 г. нъкто Икеда Яссупо имълътакую фабрику Микивахи.

Изъ фаянсовыхъ предметовъ заслуживаютъ больше всего вниманія тѣ, которые покрыты щелистою глазурью, открытою совершенно случайно. На одной изъ фабрикъ поставили обжигать посуду въ недостаточно охлажденную печь, отчего и образовались трещины на глазури. Это такъ понравилось дайміосу Танура въ Кагошимо, что онъ велълъ продолжать изготовленіе такой посуды. Даже и теперь тамъ же выдълываютъ въ небольшомъ количествъ такую посуду, извъстную подъ названіемъ "стаскіей safsuma fayence". Бълый фаянсъ получается изъ Даго при Мацуяма. Изъ провинціи Ицумо получается такой же бълый, но съ болъе прозрачною глазурью и великолъпными рисунками цвътовъ, насъкомыхъ и бабочекъ, а часто и съ щелистою глазурью. Такъ называемая банкофаянсовая посуда съ рельефными рисунками фабрикуется въ Іокаихи, на восточномъ берегу Изе, а продается въ Нагоя, Іокогама и Кобе.

Эмальированные металлическіе предметы изготовлялись еще 1550 году въ Нагоя и его окрестностяхъ. Производилось это слъдующимъ образомъ: въ раскаленную посуду изъ желъза или мъди выливали цвътную стекловидную массу, жоторая и покрывала внутренность этой посуды. Въ настоящее время фирма Намикава въ Кіото производитъ наилучшую эмальированную посуду (Cioi sonnè), которая снаружи имъетъ видъ мозаики, т. к. состоить изъ небольшихъ углубленій, наполненныхъ различнаго стекловидною массою.

Лучшій японскій фарфоръ вывезенъ въ европейскіе музеи въ самомъ началъ 19-го столътія. Многое изъ фабрикуемаго въ Японіи, жакъ, напр., вазы, кувшины, никогда и не употребляется въ самой Японіи, а изготовляется исключительно для экспорта. Въ виду этого и форма и отдълка этихъ предметовъ, больше во вкусъ иностранцевъ, чвмъ японцевъ. Докторъ Бирхъ говоритъ, что въ главныхъ музеяхъ всего свъта есть до 15000 греческихъ вазъ, а японскихъ, добавляетъ онъ, хватило бы для употребленія во всей Японіи. Въ Лондонъ, въ индійскомъ музев есть ваза въ 150 CT. высоты, съ рельефными изображеніями на ней различныхъ человъческихъ фигуръ, драконовъ, священной горы Фузи и т. д., пріобрътенная за 1500 марокъ. Въ

британскомъ музеъ есть 1600 г. съ разрисованными цвътами и птицами; тамъ же обращаютъ на себя вниманіе японскія фарфоровыя картины въ деревянныхъ рамкахъ и удобный для путешествій аппаратъ "чайной церемоніи", состоящій изъ чайника, чашечекъ, бамбуковаго утиральника и ложечки для засыпки чаю. Замъчательны также глиняныя издълія, отполированныя какъ бронза; двъ такихъ вазы стоили 700 мар., а тарелка въ 11/2 мет. въ діаметръ разрисованная голубыми и красными цвътами и птицами, -550 мар.; кадильница въ формъ черепахи стоила 280 мар. На Парижской выставкъ 1878 была изготовленная въ Кіото глиняная фигура Теккая, сидящаго на скалъ и выдыхающаго свою душу въ воздухъ; заплачено за нее 200 марокъ.

Японская столярная работа играетъ важной роли въ своей странъ, но для музеевъ и для людей со средствами она доставляетъ образцовыя произведенія. Такъ индійскомъ музев есть ящичекъ въ 2080 мар. мозаичной работы изъокрашенной соломы съ вътвями, цвътами и листьями плюща изъ дерева; миска (Banfo) въ 40—42 ст., къ которой придълана фигура пажа, держащаго бутылку саке, выточена въ школъ Шимшо въ 1600 г., вылакирована золотымъ и серебрянымъ лакомъ и стоила 2200 марокъ: ящичекъ съ ръзьбой изъ слоновой кости и золотымъ павлиномъ стоилъ 500 марокъ. Миніатюрная мебель для комнатъ, устроенныхъ по-европейски, дълается въ Японіи изъ бамбуковыхъ вътвей; при изготовленіи этой мебели почти обходятся безъ гвоздей, а только гнутъ и закръпляютъ ее, дълая надръзы въ палочкахъ. Бамбукъ съ черными пятнами идетъ больше всего на мебель, если же не имъютъ такого, то выжигаютъ на обыкновенномъ коричневыя пятна. Цфины также красивыя корзиночки изъ тростника и ивы: одна

изъ нихъ, въ видъ урны, пріобрътена въ индійскій музей за 300 марокъ.

Большое значеніе имъетъ для Японіи и шелководство. Заимствовано оно также у китайцевъ, которые и до сихъ поръ ежегодно отправляютъ въ Бомбей, Европу и Америку до 80000 тюковъ сырца. Въ Манчжуріи разводятся для этой цъли гусеницы "Вотвух Регпуі" живущія на дубахъ, а въ Японіи—туземныя бабочки-шелкопряды, имъющія на каждомъ крылышкъ по пятнышку въ видъ глазка. Ямамайскій шелкъ дороже другихъ сортовъ.

Центры шелковыхъ производствъ суть: Хахиоги, на западъ отъ Токіо, и Майбаши. Сано доставляетъ самый тонкій шелкъ, Киру—особенную легкую ткань въ видъ газа. Наилучшій шелкъ получается изъ Шимоносубы на ръкъ Накасендо. Шелкъ изъ Уэдо очень кръпокъ, но безъ блеска.

Больше всего прядутъ и ткутъ шелку въ провинціи Кофу, гдъ занято этимъ отъ 200—400 человъкъ съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера, почти безъ перерыва и не зная праздничнаго отдыха, а получаютъ за это 1 марку въ день.

Японскія шелковыя матеріи и парча часто бываютъ превосходны. Королева Викторія подарила въ индійскій музей ткань изъ пурпуроваго шелка и бумаги съ разбросанными по ней зелеными цвътами и бълыми фигурами,—ткань замъчательной прочности.

Въ Токіо, въ торговомъ музев выставлены также чудные образцы. Одна вышивка по канвв цвътнымъ щелкомъ и золотою нитью куплена въ Кіото за 2000 марокъ. Особенно славятся своими шелковыми товарами слъдующіе города: Іокогама, Токіо и Кіото, гдъ охотно показываютъ эти товары и не покупающимъ ихъ.

Въ 1891 г. Японія дала 5 милліоновъ килограм. шелку-сырцу на

сумму 200 милліон. марокъ. 200 гусеницъ производятъ фунтъ сырцу изъ шести фунт. коконовъ, стоимостью въ 20 марокъ.

Что касается остальныхъ отраслей ткацкаго производства, то въ Японіи замъчается перепроизводство. На 59 бумагопрядильныхъ фабрикахъ, основанныхъ на акціяхъ, послъ войны въ 1894 г. было очень мало дъла. Набивка японскихъ узоровъ на матеріи производится поевропейски. Чисто льняныхъ издълій у нихъ нътъ, но есть многопеньковыхъ тканей и кисейныхъ, выдълываемыхъ изъ дико-растущей "Boehmeria nivea", волокна которой очень трудно отдъляются, вслъдствіе чего это растеніе и не культивируется.

Китайцы-же издавна научили японцевъ фабриковать писчую бумагу, но этимъ занимаются не на фабрикахъ, но какъ обыкновеннымъ ремесломъ почти въ каждомъ домъ. Для этого нужны только 2 чана и волокнистыя растенія; послъднія придають прочность и упругость японской бумагъ, которыми она и славится. Прежде всего кора молодыхъ древесныхъ вътокъ опускается на цълую недълю въ бъгучую воду, затъмъ ее варять въ щелокъ до мягкости, а послъ этого женщины разбиваютъ ее молотками на тончайшія волокна и размѣшиваютъ, какъ кашицу, добавляя воду и растительную слизь изъ дико-растущей гортензіи или рисовый клей; послѣэтого при помощи 4-хъ угольнаго шелковаго ситка и бамбуковыхъ полосъ вычерпываютъ отдъльные листы бумаги, при чемъ, благодаря небольшому уклону, волокна ложатся всъ по одному направленію. Листы эти высушиваются на подставкахъ бываютъ съ одной стороны гладкими, а съ другой шероховатыми. Больше всего получается бумаги изъ Сикоку. Самая кръпкая и хорошая бумага выдълывается изъ волоконъ бумажнаго тутоваго дерева (Papiermaulberbaum),

кновенное тутовое дерево доставляетъ болъе грубую; "Edgevorthia" же-самую плохую. Пенька, старая бумага, волокна "vistaria" и хлопчатая бумага-все идетъ при выработкъ бумаги. Въ Японіи бумага часто замъняетъ матерію: ее употребляютъ вмъсто носового платка. отрывая всякій разъ использованный кусокъ, ею-же замъняютъ дътскія пеленки, употребляють и во многихъ другихъ случаяхъ, желая избавиться отъ лишняго мытья, хотя бумага эта не дешева, а слъдовательно и такой способъ ея употребленія не совстить раціоналенъ.

Кръпкая бълая древесная бумага замъняетъ японцамъ и оконныя стекла. Для письма-же такая бумага не годится, т. к. чернила на ней разливаются, но для рисованія кистью и печати — она прекрасна. Вслъдствіе упругости и правильнаго расположенія нитей она легко разрывается на узкія полоски, которыми въ Японіи перевязываютъ покупки.— Есть тамъ и европейскія бумажныя фабрики, на которыя древесный матеріалъ для выдълки бумаги доставляется изъ Коканда. На этой бумагъ печатаются газеты и ежедневные листки (мъстныя извъстія).

Изъ болъе толстой бумаги дълаютъ обои, для чего отдъльные листы склеиваются рисовымъ клейстеромъ, употребляемымъ и при склеиваніи картонныхъ ящиковъ.

Японскіе складные и прямые въера изготовляются также изъ бумаги; часто они бываютъ настоящимъ художественнымъ произведеніемъ и составляютъ отдъльный предметъ торговли. Гора Фузи съ ея цвътами и птицами играетъ большую роль въ украшеніи этихъ въеровъ. Чтобы получить непромокаемую бумагу для зонтиковъ, ее пропитываютъ масломъ изъ съмянъ растенія "Ретіlla осутоіdes", разводимаго для овощей.

Извъстные японскіе бумажные фонари употребляются повсюду. Каждый рикши имъетъ ночью такой

фонарь на лъвой рукъ и освъщаетъ имъ путь то тутъ, то тамъ, причемъ они и загораются неръдко; видите вы ихъ также развъшанными у домовъ, частію для освъщенія, а частію для украшенія. Налакированная и спрессованная въ нъсколько рядовъ бумага изъ древесныхъ волоконъ замъняетъ японцу и кожу. Подъ этимъ видомъ она бываетъ очень гибка и разрисована различными цвътами въ японскомъ вкусъ. Отдъльные куски такой кожи продаютъ въ 10 мет. дл. и 1 м. шир. за 20—40 марокъ. Идетъ она также на гамаши, футляры и разнаго рода мъшки.

Японцы занимаются также плетеніемъ разн. предметовъ изъ бамбука и индійскаго тростника. Японскія корзиночки, продаваемыя на европейскихъ рынкахъ, очень пригодны для далекихъ путешествій.

Цыновки, сплетенныя изъ ситника и набитыя рисовой соломой или тростникомъ, въ домашнемъ быту японцевъ играютъ большую роль. Изъ соломы же вьютъ канаты, дълаютъ мъшки для муки и рису, сандаліи для людей, лошадей и быковъ. Соломенные маты употребляютъ и для защиты отъ палящихъ лучей солнца.

Очень красивы и разнообразны старинныя японскія игрушки и куклы, напоминающія Нюрнбергскія.

Море со своими изрѣзанными берегами, рѣки и озера составляютъ богатѣйшій источникъ японскаго народнаго благосостоянія. Морскія рыбы употребляются въ пищу въ сыромъ, соленомъ и сушеномъ видѣ; изъ нѣкоторыхъ получается жиръ и удобреніе. Ѣдятъ также водяныя поросли, а изъ нѣкоторыхъ вывариваютъ желатинъ (agar) для экспорта.

На югъ, при Оварійской бухтъ, попадаются и китоловы.

Море же доставляетъ японцамъ и соль. Процессъ концентраціи соли производится въ неглубокихъ лагунахъ, начиная съсолнечнаго вліянія и кончая вывариваніемъ въ котлахъ.

Мелочное производство соли развито повсюду.

Горный промыселъ составляетъ второй источникъ благосостоянія японцевъ.

Аллювіальное золото (наносное), которымъ славился нѣкогда древній Ципангу, въ теченіе нъсколькихъ стольтій, перешло заграницу.

Есть и теперь золото въ Садо, Ракузу, Осуми и Сацумо, но все же вывозъ его уже гораздо меньше ввоза. Серебро добывается въ Икуно и Тазима, Ани и Уго, Ганда и нъкоторыхъ мъстностяхъ Рикуху. Изъ Икунскихъ рудниковъ болѣе извъстные по добыванію золота и серебра и Микобата. Въ Канагасе кромъ серебра добывается и мъдь.— Въ Икуно разработкой золота занято болъе 1500 чел. Работаютъ днемъ и ночью по 8 часовъ. Истолченная руда въ соединеніи съ сърнокислымъ натромъ выдъляетъ изъ себя серебро. —Инайскія копи разрабатываются уже съ 1600 года. Тутъ работаютъ много женщинъ и дътей.

При помощи заступовъ, рычаговъ и бурава люди проникли уже въ землю на 260 метр, глубины.

Мъдь получается главнымъ образомъ изъ Асійскихъ рудниковъ, а затъмъ изъ Озарицава въ Рикуху, изъ Беси (къ съв. вост. отъ Сикоху) и изъ Ийо и Ивами. Асиво находится въ 4-хъ часахъ ходьбы отъ Никко; дорога пролегаетъ по берегу ръки Дайагава, мимо озера Хуцени и служитъ любимымъ мъстомъ прогулокъ. Мъдь находится здъсь въ видъ колчедана, содержащаго 29 процент. чистаго металла. Расплавленная мъдь по проволочному рудоподъемному канату проводится чрезъ ущелье Госоо, а оттуда по рельсовому пути переправляется въ Никко. Въ Беси мъдные рудники суще-

ствуютъ съ 1600 г. Въ настоящее время они принадлежатъ одному японскому милліонеру, по имени Сумитолсо, у котораго подъ руководствомъ образованныхъ нъмцевъ служащихъ и при помощи нъмецкихъ же машинъ работаетъ болъе 3000 человъкъ. Ежегодно получается 3600 тоннъ мъди. большая часть которой отправляется въ Лондонъ.

Вблизи этихъ мѣдныхъ рудниковъ находятся и сурьмовыя копи, дающія много сурьмы и красивыхъ сурьмовыхъ кристалловъ.

Японія богата также остатками вулканическаго происхожденія, которыхъ больше всего въ Мицумо и Ивами. Вывътрившаяся лава даетъ песокъ магнитнаго желъзняка, содержащій титанъ и вольфранъ, потому изъ него выдълывается чудная сталь, жельзо добывается изъ желъзной руды въ Аки.

Съ 1889 года въ Нагаока добы-

вается нефть.

Въ окрестностяхъ найдено до 300 источниковъ въглубинъ до 200 метр. Нефть по желъзнымъ трубамъ стекаетъ въ Нагаока, гдф ее очищаютъ. Есть она и въ провинціи Тотоми.

Наилучшія залежи угля находятся на островъ Такасима, при входъ въ гавань Нагасаки.

Тамъ работаютъ европейскими машинами съ 1867-го года. Лиманъ говоритъ, что въ Іессо получается 150 тысячъ милліоновъ ежегодно тоннъ угля. Въ Поронайскихъ рудникахъ работаютъ преступники. Эти рудники принадлежатъ Правительству и въ настоящее время туда проведены двъ желъзныя дороги.

(До слъд. №-ра).

Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

II.

Жародъ и право.

I.

Наша современная народная масса справедливо вообще называется темной и невъжественной. Съ еще большимъ правомъ ее должно назвать совершенно необразованной въ юридическомъ отношеніи, представляющемъ изъ себя, особенно въ настоящее время, чрезвычайно сложную и запутанную область, разобраться въ которой сплошь и рядомъ не подъ силу даже профессіональному юристу. Само собою разумъется, что въ этой области полу-и даже вовсе не грамотный простолюдинъ чувствуетъ себя, какъ въ лабиринтъ, войдя въ который, онъ тутъ-же сбивается съ пути и безъ посторонней помощи уже не въ состояніи набресть на желанный выходъ. Между тъмъ не всегда онъ можетъ разсчитывать при своихъ блужданіяхъ на чью либо помощь. Условія нашей текущей жизни не таковы, чтобы его призывающій голось могь быть во время и плодотворно услышанъ. Большею частью случается наоборотъ: гласъ его остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не имѣя для себя никакой руководящей нити, никакого путеводнаго огонька, нашъ бѣдный странникъ осуждается на безцѣльное шатаніе изъ одного корридора въ другой, напрасно растеривая по пути находящіеся въ его распоряженіи запасы, приходя, въ концѣ концовъ, къ полной потерѣ своего небогатаго, тяжелыми трудами скопленнаго достоянія.

Съ такимъ положеніемъ, само собою разумъется, мириться не легко и даже невозможно. И не только не можетъ мириться съ нимъ тотъ, кто на своей спинъ испытываетъ всъ неудобства этого положенія; не можетъ равнодушно относиться къ участи слъпого искателя правды и защиты всякій, им'єющій уши и сердце. Стоитъ только однажды встрътиться съ бъднякомъ, волею рока обреченнымъ на шатаніе въ дебряхъ суда и права, и уже становится не въ мочь видъть подобныхъ ему несчастливцевъ, слышать ихъ правыя, но тщетныя жалобы, быть свидътелемъ, какъ въ силу ихъ темноты и невъжества правитъ торжествующій праздникъ самое возмутительное попирательство права и законности, какъ одна за другой сыплются бѣды на голову неудачника, вина котораго исключительно въ томъ, что онъ родился крестьяниномъ и поэтому лишенъ возможности выбиться изъ окружающаго его болота темноты и безсилія.

Мнъ неръдко приходилось встръчаться съ этими, своего рода, Агасөерами. Но одного я запомнилъ и ярко. Крестьяособенно живо нинъ Полтавской губерніи, этотъ Агасоеръ жилъ очень долго безбъдно и довольно. Былъ у него клочокъ земли, обезпечивавшій ему существованіе и, можетъ быть, бъднягъ удалось бы до конца дней своихъ не знать горя, если бы не судьба, въ порывъ своего милосердія, одарявшая его каждый годъ новымъ членомъ семьи. Сначала справлялся съ жизнью. стало трудиве — пришлось перебиваться, и уже всталъ передъ нимъ грозный обликъ приближающейся нищеты, если только не будутъ приняты какіе либо мъры.

Предчувствуя возможность такой развязки, мой крестьянинъ замыслилъ избъжать ее путемъ прикупки земли. Кое-какъ сколотивъ деньжонки онъ сторговалъ у сосъдней помѣщицы приглядъвшійся клокъ земли и, не долго думая, преобрълъ его въ свою собственность. Поблагодарилъ онъ Бога за дешевую покупку и энергично принялся за обработку земли, въ полной увъренности, что надвигавшаяся было на него гроза миновала. На дълъ же оказалось, что гроза не миновала его, а только собиралась съ силами, чтобы разомъ разбить судьбу не въ сорочкъ родившагося человъка. Пока шла работа надъ землею, все шло благополучно. только приспъло время собрать плоды, оказалось, что это сдълать далеко не такъ просто. Къ крестьянину явился сосъдній корчмарь и

заявилъ, что онъ-де запахалъ часть его — корчмаря — земли, и поэтому обязанъ заплатить ему убытки. Сумма послъднихъ была исчислена въ такомъ размъръ, что крестьянинъ увидалъ полную невозможность удовлетворенія притязаній корчмаря: всего имущества даже не хватило бы на расплату. Притомъ, крестьянинъ не могъ согласиться, что притязанія корчмаря справедливы. Въдь онъ купилъ землю у помъщицы, въдь была составлена бумага, уплочены деньги, какъ же послъ этого могло выйти, что земля не его, а корчмаря? И вотъ онъ бросается къ помъщицъ. Но та, оказывается, уъхала въ Москву и увезла съ собою всъ планы. Управляющій же не можетъ точно установить, дъйствительно-ли проданная помъщицей крестьянину земля принадлежала ей, или вышло недоразумъніе. Предвидя недоброе, неудачный покупщикъ кидается то къ одному, то къ другому, проситъ посовътовать ему-какъ быть. И всюду слышитъ одни отвъты: нужны подлинные планы. А за ними приходится ъхать въ Москву, ибо помъщица на письма крестьянина не отвъчаетъ и документы не шлетъ. Тутъ-же-время жать. Въ сознаніи своей правоты крестьянинъ, отложивъ пофздку до осени, снимаетъ урожай и попадаетъ подъ уголовщину. Его не только обязываютъ вернуть корчмарю хлібов, но присуждають убытки и приговариваютъ за самоуправство къ аресту. Добровольно отдать сборы крестьянинъ не пожелалъ; явился приставъ, отобралъ урожай, и. кстати, продаетъ часть прочаго для удовлетворенія претензій корчмаря. Послъ такого оборота крестьянину не остается ничего другого, какъ, отсидъвъ положенное ему дней, идти въ Москву. И вотъ, отбывъ наказаніе, онъ пъшкомъ направляется въ Москву, увъренный, что тамъ конецъ его мученіямъ и правда разъяснится. Но въ Москвъ ждало его новое разочарованіе: по-

мъщица не только плановъ его не показываетъ, но и разговаривать съ нимъ не желаетъ. "Я-де продала свою землю", -- а все остальное ея не касается. Напрасно ходитъ къ ней крестьянинъ разъ, два, десятьотвътъ все тотъ-же. Наконецъ, бъднаго искателя права научили посовътоваться съ адвокатомъ. И вотъ тутъ-то я увидалъ его. Измученный, истощенный, два дня не ъвши, ночевавшій по бульварамъ и ночлежкамъ, приходитъ онъ къ адвокату и на колъняхъ проситъ помочь ему. Въ узелкъ у него цълый ворохъ бумагъ: копіи, повъстки, опредъленія. Просматриваемъ бумаги и видимъ, что ничего сдълать нельзя: изъ опредъленія суда ясно, что корчмарь правъ: крестьянинъ запахалъ его землю, ранъе запроданную ему той же помъщицей. Изъ разспросовъ выясняется, что даже привлечь помъщицу за обманъ нельзя: земля продавалась не по плану, а по обычной крестьянской формъ: вмъсто количества земликлинъ, вмъсто границъ-, отсюда и досюда". Что крестьянина обманули, всв мы чувствовали ясно; но такъ же ясно было для насъ и то, что никакія наши усилія и старанія не помогли бы его бъдъ.

Довърчивость, полное невъжество даже относительно такого простого вопроса, какъ необходимость формальнаго акта при покупкъ земли, погубили крестьянина. Къ тому же всъ сроки пропущены. И вотъ, скръпя сердце, приходится рить, что дъло безповоротно проиграно, что напрасно онъ пришелъ въ Москву, что надо смириться... А въ отвътъ на наши уговоры-слезы и мольбы. И до сихъ поръ вижу я эту высокую худую фигуру неудачника, убъжденнаго, что нашъ отказъ только слъдствіе его бъдности, слыту его тоскующій, ноющій голосъ, вижу его слезы.

Но сколько подобныхъ явленій можно наблюдать ежедневно, ежечасно по всему необъятному лону

матушки Россіи. И каждый разъ. какъ случай приводитъ меня къ такимъ явленіямъ, мнъ становится не только горько, но страшно... Въдь каждая слеза ЭТИХЪ несчастливцевъ-суровый обвинительный актъ нашимъ юридическимъ и общественвымъ порядкамъ. И нельзя быть равнодушнымъ къ этимъ молчаливымъ, красноръчивымъ обвиненіямъ, ибо сознаніе, что за каждымъ изъ нихъ стоятъ не только слезы, но и жизни, и жизни не отдъльныхъ неудачниковъ, но и ихъ семействъ, гнететъ душу. А и безъ него мало-ли горя въ нашей жизни...

И помириться съ этой безпомощностью населенія немыслимо. Настоятельность сдівлать что либо для него съ каждымъ часомъ обрисовывается все ярче и сильніве, невозможность терпізть эту безпомощ-

ность все очевидиве.

И если мы познакомимся со стремленіями лучшей части нашей интеллигенціи, то убъдимся, что эта сторона крестьянской жизни давно уже составляеть острую злобу ея работы, что давно уже люди жизни и науки пытаются какими-либо путями восполнить указанный пробълъ, хоть чъмъ либо посодъйствовать крестьянину находить върный путь въ томъ страшномъ лабиринтъ юридической темноты, который поглотилъ уже столько жертвъ и столько еще поглощаетъ...

II.

Въ недавно вышедшей книгъ "Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности" (изд. Львова и Стаховича. СПБ.) этому вопросу посвящена обстоятельная статья г. І. В. Гессена: "Юридическая помощь населенію". Въ названной статьъ авторъ даетъ интересную характеристику тъмъ проектамъ, какіе въ разное время предлагались и предлагаются для разръшенія проблемы о помощи населенію въ

области его правовыхъ столкновеній. И тяжелое впечатльніе выносишь отъ этой статьи. Передъ читателемъ встаютъ, съ одной стороны, неустанныя стремленія общества вылечить эту наболъвшую рану нашего населенія, съ другой видишь, какъ эти стремленія постоянно разбивались и разбиваются о глухую ствну бюрократизма, въ каждомъ искреннемъ и благородномъ починъ видящаго угрозу себъ и ради отвращенія отъ себя этой опасности допускающаго мнимой лучше гибель сотенъ ни въ чемъ неповинныхъ, и безъ того несчастныхъ людей. Поистинъ: fiat бюрократія—pereat mundus!

Съ исторіей этихъ попытокъ небезполезно познакомиться...

Какъ указываетъ г. Гессенъ—еще въ 1871 году Моршанское земское собраніе возбудило вопросъ о приглашеніи адвоката для судебной защиты лицъ, принадлежащихъ къ земству. Постановленіе это, однако, было опротестовано губернаторомъ а затъмъ отмънено Сенатомъ, такъ какъ послъдній нашелъ, что внесеніе въ земскую смъту расхода на содержаніе адвоката неправильно и лишено всякаго основанія.

Таже участь постигла намъренія Рязанской увздной земской управы въ 1887—8 г.г. организовать безплатную юридическую консультацію для крестьянъ, и въ 1891 г. постановленіе Юхновскаго увзднаго земскаго собранія о приглашеніи адвоката. Съ 1890 г., т. е. со времени введенія новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, подобныя дъла даже вовсе перестали разсматриваться Сенатомъ по существу.

Это, однако, не остановило стремленій земствъ дать населенію хоть какую нибудь юридическую помощь. Въ 1896—7 г.г. вопросъ о земскихъ консультаціяхъ былъ возбужденъ въ цъломъ рядъ земствъ; по дълу двухъ изъ земствъ вопросъ дошелъ до Сената, но послъдній продолжалъ настаивать на своей точкъ зрънія,

и постановленія земствъ были опять таки отмънены.

Въ высокой степени интереснымъ представляется докладъ Александровской земской управы, внесенный въ очередное собраніе 1897 г. гдъ названный вопросъ былъ разработанъ очень подробно, для чего управа даже опросила мифиій всфхъ земскихъ управъ. Изъ полученныхъ Александровской управой 215 отвътовъ выяснилось, что 59% относятся вопросу очень сочувственно. Отрицательное отношение вопросъ встрътилъ лишь со стороны $15^{\circ}/_{\circ}$ отвъчавшихъ, остальныя же земства или отнеслись къ вопросу надиферентно $(20^{\circ}/_{\circ})$ или же дали неопредъленные отвъты $(4^{0}/_{0})$. Изъ того же доклада обнаружилось, между прочимъ, что въ нъкоторыхъ мъстностяхъ юридическая помощь получила даже нъкоторое реальное осуществленіе. Такъ, оказалось, что при Тамбовской уъздной управъ существуетъ юридическая консультація, а при Елецкой мъстные юристы за вознагражденіе дають безплатные совъты населенію.

Полная неудача, постигшая стремленія земствъ, не могла, однако, повліять отрицательно на самый вопросъ объ юридической помощи Ha населенію. смѣну выступили корпораціи адвокатовъ, и ихъ шаги въ этомъ направленіи оказались болъе счастливыми. Появились консультаціи присяжныхъ повъренныхъ и ихъ помощниковъ, платныя и безплатныя, и это начинаніе, повидимому, имъетъ за собою прочную почву, а впереди — благое будущее.

Населеніе охотно пошло въ консультаціи, гдъ оно всегда находило дъльный совътъ, а, въ случать нужды, и защиту, адвокаты—въ особенности московскіе и петербургскіе проявили большую энергію и любовь къ новому дълу, и консультаціи въ короткое время завоевали себъ такое положеніе, что даже нъкоторые комитеты попечительствъ

о народной трезвости стали обращаться къ присяжнымъ повъреннымъ съ просъбой организовать въ томъ или другомъ мъстъ отдъльныя консультаціи.

Къ сожалънію, съть консультацій: далеко не такъ широка еще, чтобы оказаться въ силахъ исчерпать всю нужду населенія въ юридической помоши.

По даннымъ г. Гессена общее число всъхъ консультацій не превышаетъ 50, а этого, конечно, очень и очень мало для Россіи съ ея 120 милліоннымъ населеніемъ, изъ которыхъ не менъе 100 милліоновъ нуждается въ консультаціяхъ.

Это обстоятельство побудило сельско-хозяйственные комитеты въ періодъ ихъ дъятельности отвести въ своихъ работахъ видное мъсто вопросу объ организаціи юридической помощи населенію.

Правда, не всъ комитеты отнеслись сочувственно къ предложенной задачъ. Нъкоторые (напр., Дмитровскій)отрицали нужду въ этой помощи, говоря, что правымъ передъ судомъ нечего обращаться къ посторонней помощи; другіе (г. Хомяковъ, въ Смоленскомъ губ. ком.) утверждали, что при существованіи земскихъ начальниковъ всякая помощь излишня. Но остальные комитеты иначе взглянули на задачу. Они признали, что юридическая помощь народу необходима, что существующими средствами удовлетвориться нельзя, и что земства обязаны озаботиться организаціей этой помощи. И они не только разрѣшили вопросъ положительно, но въ общихъ чертахъ даже намътили планъ организаціи этой помощи. въ видъ земскихъюрисконсультовъ, Вмъстъ съ тъмъ, нъкоторые комитеты намътили мъры противъ одного изъ гнуснъйшихъ золъ нашей деревни- подпольной адвокатуры, Необходимость борьбы съ этимъ зломъ очевидна безъ словъ. Но правъ г. Гессенъ, замътившій, что рекомендованныя комитетами мъры

(отказъ судьями въ принятіи прошеній, писанныхъ этими "адвокатами", установленіе особаго судебнаго сбора въ цъляхъ борьбы съ "МОГУТЪ ТОЛЬКО сутяжничествомъ) способствовать успъху подпольной адвокатуры", скръпляя узы между населеніемъ и гонимымъ адвокатомъ. Борьба возможна, но лишь путемъ организованной помощи. когда само населеніе пойметъ, какъему вредно пользоваться услугами отставныхъ волостныхъ писарей и унтеръ-офицеровъ, радъющихътолько о своихъ интересахъ, а не объ интересахъ кліентовъ.

III.

Такъ обстоитъ дъло съ организаціей живой юридической помощи населенію. Много пожеланій, но никакой увъренности въ томъ, что хоть что нибудь изъ этихъ пожеланій осуществится въ близкомъбудущемъ.

Между тъмъ нужда въ помощи обостряется съ каждымъ днемъ. Сознавая ее, юристы въ настоящее время пытаются дать населенію палліативъ въ видъ популярныхъ брошюръ, излагающихъ основные принципы по отдъльнымъ областямъ закона и права, наиболъе важныя и употребительныя формы производства и образцы подаваемыхъ по дъламъ бумагъ.

Подобныхъ изданій въ послѣднее время появляется очень много. Существуютъ издательства, выпускающія цѣлыя серіи брошюръ, причемъ цѣна книжкамъ назначается самая минимальная, чтобы брошюра могла получить ходъ въ населеніе. Между прочимъ, такую задачу взяло на себя общество распространенія нолезныхъ книгъ, давшее уже цѣлый рядъ брошюръ по 5 копѣекъ, посвященныхъ вопросамъ о куплѣ и продажѣ, наслѣдствѣ, опекѣ и т. под.

Не подлежитъ сомнънію, что эта народная юридическая литература

могла бы принести большую пользу. Я не могу согласиться съ мнъніемъ г. Гессена, будто практическое направленіе этой литературы носитъ въ себъ крупную ошибку. Въ очень многихъ случаяхъ эти книги могутъ помочь крестьянину разобраться въ его дълъ, конечно, если только дъло не принадлежитъ къ роду такихъ, предъ какими не только г. Гессенъ, но даже самъ "кладезь", земскій отдълъ М-ва Вн. Дъл., — какъ свидътельствуетъ г. Гессенъ, становился въ тупикъ.

Мнъ приходилось видъть, какъ эти книжечки сослуживали свою службу. Гораздо значительнъе то обстоятельство, что и эти книжки въ силу неграмотности населенія могутъ широко проникать въ него. Въ то же время не прилагается никакихъ усилій для распространенія ихъ среди народной массы. Тогда какъ считается необходимымъ знакомить крестьянъ съ путемъ бесъдъ или чтеній съ основными принцилами хозяйства, гигіены, медицины, приходилось ли кому слышать, чтобы для крестьянъ устраивались чтенія на юридическія темы? между тъмъ, какъ важно было бы дать крестьянину хоть слабое представление о правъ и законъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія взглядъ Маріупольскаго земства, приведенный въ уже цитированномъ мною докладъ Александровской увздной управы. Тамъ было признано необходимымъ ввести въ курсъ народной школы преподаваніе начатковъ юридической науки. Мфра эта представляется мнъ и безусловно цълесообразной, осуществимой. Въ наше время, когда изученіе правовъдънія считается необходимымъ ВЪ программахъ среднихъ школъ, когда введено ВЪ курсъ TOPTOвыхъ школъ и даже проектировано учрежденіе женскаго юридическаго факультета, насколько нуживе было бы давать понятіе о закон'в людямъ, образованіе которыхъ заканчивается народной школой и которые, только сойдя со школьной скамьи, вступають въ действительную жизнь, да еще такую сложную, какъ крестьянская.

Сельскозяйственные комитеты установили, что "безправіе въ деревнъ не имъетъ границъ", что чувство законности совершенно незнакомо населенію. Но откуда же и взяться этому знакомству, если въ той школъ, которая является единственнымъ мъстомъ для крестьянина запастись кое-какими знаніями о законъ, ему ни словомъ

не упоминается о немъ?

Конечно, тъ свъдънія о правъ, какія могла бы дать народная школа своимъ ученикамъ, нельзя было бы назвать даже приблизительно достаточными. Но эти свъдънія облегчили бы возможность пользоваться народной юридической литературой, какъ бы популярно не излагаемой, однако, не свободной и не могущей освободиться отъ извъстной непонятности въ терминахъ и пр. Такую же службу могли бы нести и чтенія по основнымъ юридическимъ вопросамъ.

И, можетъ быть, эти чтенія принесли бы для развитія въ населеніи чувства законности пользу не меньшую, чъмъ консультаціи и земскіе адвокаты. Мнъ извъстенъ случай, когда одинъ юристъ, проводя лътомъ въ деревнъ, вздумалъ использовать бесъды, для которыхъ къ нему собирались временами крестьяне, на ознакомленіе ихъ съ юринаукой. И крестьяне дической очень охотно прислушивались къ юридическимъ темамъ. По вопросамъ, задаваемымъ ими, было ясно. что вопросы права волнуютъ ихъ и занимаютъ. Съ огромнымъ любопытствомъ прислушивались они къ описанію судовъ, въ особенности суда присяжныхъ, къ объему фунразныхъ начальствующихъ лицъ и даже къ спеціальнымъ судопроизводственнымъ и гражданскиправовымъ объясненіямъ. Очевиднозапросы на такія знанія въ народѣ существують. И жаль, что на эти вопросы они не находять въ большинствѣ случаевъ отвѣта. Въ этомъ—сугубая вина нашего общества, нашей интеллигенціи, могущей, но не всегда приходящей на помощь меньшому брату.

"Народъ и право".. Я такъ озаглавилъ свою статью. Но, пожалуй, было бы върнъе озаглавить ее "народное безправіе".. Въдь, дъйствительно, нашъ народъ не только поставленъ въ самыя тъсныя рамки относительно своихъ правъ, но даже и объ этихъ крохахъ не имъетъ ни малъйшаго представленія...

Современные юристы, особенно практики, сътуютъ на то, что большинству ихъ дълать нечего.

И, правда, когда видишь передъ собой цълыя толпы молодыхъ юристовъ, безцъльно бродящихъ по корридорамъ судовъ и тщетно ищу-

щихъ примъненія своимъ силамъ и и знаніямъ,—соглашаешься съ ходячимъ мнѣніемъ о перепроизводствѣюристовъ.

Но въ тоже время страннымъ кажется, какъ можно говорить о перепроизводствъ юристовъ, когда почти вся Россія влачить свое существованіе среди полнаго юридическаго мрака, когда тысячи людей теряютъ свое достояніе, обрекаются нищету изъ-за юридическаго невъжества, когда людямъ приходится сотни верстъ проходить пъшкомъ ради того, чтобы услыхать юридическій совътъ... Неужели эта нужда въ юристахъ не бьетъ по глазамъ этой ищущей и не находящей себъ дъла Неужели молодежи? раздающіяся кругомъ просъбы и жалобы еще не достаточно громки и доказательны?... Или... или эта молодежь не виновата въ своемъ кажущемся равнодушіи?

С. Плевако.

Болеславъ Храбрый.

Историческая повъсть Людвига Стасяка.

(Продолженіе).

III.

Войны съ Польшей до сихъ поръ считались только пограничными спорами. Но теперь противъ Болеслава поднялась вся нъмецкая земля. На "рыкающаго льва" выступили народы изъ Италіи, съ Альпъ, съ береговъ Рейна, Дуная и съ моря; сверхъ того, чтобы возстановить воиновъ противъ Болеслава, нъмцы объявили его "врагомъ Христа", и тотъ, кто бы не выступилъ противъ польскаго короля, отнынъ считался врагомъ въры Христовой и предавался проклятію.

Подняли нъмцы и Славянъ. Чешскому князю Яроміру, нъмецкому вассалу, было послано приказаніе немедленно выступать въ походъ. Язычники Лютики тоже должны были присоединиться къ нъмецкому войску.

Въ концъ лъта 1005 года была объявлена война.

Саксонія, куда приказано было собираться всізмъ войскамъ, превратилась въ огромный лагерь, занятый нізмецкими солдатами. Съ каждымъ днемъ прибывали все новые и новые полки; явились, на-

конецъ, съ нетерпъніемъ ожидаемые императоромъ и язычники — Лютики.

Послъдніе у себя дома долго обдумывали, къ какой сторонъ примкнуть; ихъ старшины, получившіе большія привиллегіи отъ императора, склонялись на его сторону и уговаривали другихъ соединиться съ нъмцами для борьбы съ Болеславомъ, который собирался присоединить ихъ земли къ Польшъ. Въ Ретръ, въ старинномъ храмъ, состоялось совъщание славянъ. Здъсь часть ихъ, не пожелавъ воевать съ Болеславомъ, покинула собраніе, и Лютики, находясь въ неръшительности, постановили ръшить этотъ вопросъ посредствомъ гаданія. Поперекъ дороги были положены два копья, черезъ которыя заставляли прыгать лошадей. Результаты этого гаданія были благопріятны, —и войска Лютиковъ были предоставлены въ распоряжение германскаго императора.

Славянскіе отряды прибыли въ Лещу (сборный пунктъ для нъмец-кихъ войскъ) подъ начальствомъ жрецовъ; впереди гусляры несли деревянныя изображенія боговъ и

разные священные значки, взятме изъ храма въ Ретръ.

Походъ нъмцевъ начался переправой черезъ Лабу. Первыми переправились императоръ, съ своей женой Кунигундой и епископы. Затъмъ, въ продолжени дня и ночи переправлялись солдаты.

Дождавшись, наконецъ, когда всъ войска перешли на другую сторону ръки, Генрихъ Хромой обратился къ войскамъ съ краткою ръчью.

— Воины! Приказываю вамъ не отступать передъ силами Болеслава: смерть постигнетъ каждаго, кто осмълится не исполнить это повелъніе!

Походъ начался весело. Но когда войска углубились въ лъса и дебри польскихъ земель, когда очутились въ дремучихъ чащахъ, откуда ничего нельзя было достать съъстного, когда увидъли, что всъ встръчныя селенія выжжены, и голодъ сталъ грозить нъмцамъ, — пріуныли они, а переправившись чрезъ Справу, *) и совсвмъ упали духомъ, когда увидъли, что врага нигдъ не видно, а между тъмъ, что ни день, а у нихъ неуловимый врагъ истребляетъ десятки воиновъ, если тъ хоть немного отдалятся отъ главныхъ силъ.

Наконецъ, поймавъ одного вооруженнаго поселянина, узнали отъ него, что польскій король укръпился въ Кроснъ и тамъ ожидаетъ нъмцевъ.

Ръшили идти туда, чтобы сразиться съ врагомъ да, кстати, и захватить тъприпасы продовольствія, которые, въроятно, собралъ у себя Болеславъ.

Скоро предъ нъмцами показались палисады Кросно, но, къ удивленію, ихъ не встрътилъ никто. Городъ словно вымеръ. Нъмцы съ недоумъніемъ принялись осматривать его и съ яростью увидъли вскоръ на площади единственныхъ обитателей—десять труповъ, качавщихся на висълицъ. Это были

шпіоны, высланные въ Польшу нъмецкимъ императоромъ предъ войною.

Между тъмъ въ Познанскомъ замкъ собрались на совътъ: Болеславъ Храбрый, Здъшко, настоятель Тынецкій, королевичъ Мъшко, Борисъ, Незамыслъ. Лишь поздно ночью окончилось ихъ совъщаніе, и король, провожая Бориса и Незамысла, говорилъ имъ:

— На върную смерть идете, дорогіе братья! Да спасеть васъ Господь!

Сбросили Борисъ и Незамыслъ свои придворныя, парчевыя одежды и, облачившись въ убогое платье простыхъ поселянъ, пустились въ путь дорогу. Незамыслъ одълся въ бълую рубаху, захвативъ съ собою бараній тулупъ, у пояса привъсилъ острый ножъ, ноги обулъ въ кожанные лапти. Такое же одъяніе надълъ Борисъ; затъмъ, сръзавъ себъ двъ палки, оба скрылись въ лъсной чащъ...

Скоро нъмецкій передовой отрядъ, бродя по лъсной чащъ, наткнулся на большую пасъку. Нъмцы отыскали скрывшагося отъ нихъ пасъчника и, подъ угрозою смерти, заставили его быть у нихъ проводникомъ.

Мнимый пасвчникъ (это быль Незамыслъ) повелъ войска обходами, безпрестанно сворачивая то въ одну, то въ другую сторону.

Это сначало внушило было нъмцамъ сильныя подозрънія, но они скоро улеглись, когда воины узнали, что пасъчникъ самъ пострадалъ отъ Болеслава; кромъ того, за пасъчника стоялъ и славный рыцарь Брунзіонъ.

Прогнавъ нъмцевъ, Болеславъ ръшилъ внести войну въ ихъ прелълы.

Безъ отдыха, днемъ и ночью, шли войска черезъ Кострынь и Буковъ. Прошли Обру и Одру, прошли черезъ болота, заросли и топи въ глубь гавелянской земли. Только въ Кольно, около Берлина, Болес-

^{*)} Нынъ-р. Шпрее.

лавъ далъ впервые продолжительный отдыхъ войску. Это—послъдній уже отдыхъ передъ войной, которая поразила всъхъ небывалой быстротой военныхъ переходовъ, и показала выносливость и мужество Болеславовой рати.

Изъ Берлина король прошелъ на съверъ и, наказавъ старшинъ лютиковъ за шпіонство ихъ и за дружбу съ Генрихомъ, ихъ семьи отослалъ въ плънъ въ Польшу. Уничтожая по пути нъмецкіе гарнизоны, Болеславъ двинулся на югъ.

Въ числъ его рыцарей былъ и Стоигнъвъ, болъе мъсяца пролежавшій раненымъ, и герой Лестекъ, горъвшій желаніемъ заслужить руку

и сердце королевны.

Черезъ Поддембе и Бъльчикъ спъшили войска къ Лабъ. Какъ молнія промелькнули черезъ саксонскую землю и остановились передъ Лабой. Окинулъ Болеславъ взоромъ нъмецкій край, гдъ славяне живутъ въ неволъ, и гнъвъ обуялъ его. Опустошивъ земли между Лабой, Штремой и Габолой, снова вернулся къ Лабъ, переправился черезъ нее и двинулся на древній славянскій Дъвинъ, нынъ нъмецкую столицу—Магдебургъ.

Въ столицъ смятеніе; всъ войска, присланныя императоромъ, побиты, весь гарнизонъ погибнетъ, и не спасетъ кръпость ни императорская, ни человъческая власть.

Однако, для кръпости нашлась защита.

Когда все войско въ крѣпости перебито, когда отворились ворота передъ королемъ, испугался Болеславъ гнѣва Великаго Покровителя города, Св. Маврикія, мощи котораго лежали здѣсь, испугался своего набѣга на городъ, который находился подъ защитой Святого, остановилъ свои войска и никому не разрѣшилъ вступить въ крѣпость. Не передъимперіей римской дрогнулъ Болеславъ, а передъ гнѣвомъ Святого Мученика и отступилъ отъ города. Такъ говорятъ древнія лѣтописи.

Однако, Св. Маврикій спасъ городъ, но не искоренилъ жажду мести, обуявшей Болеслава. Ворвались польскіе полки въ саксонскія земли. и спъшно идутъ въ глубь страны, на городъ Сербище. Трое мужественныхъ полководцевъ, Людольфъ, Тадиленъ и Тоди обороняютъ кръпость. Не выдержала твердыня натиска и сдалась; часть людей была. перебита, а остальные вмъстъ съ тремя своими вождями высланы. подъ охраной войска въ Польшу. Теперь Болеславъ возвращается въ Силезію. Покорилъ Лужицы и двинулся на Будишинъ, который недавно покорилъ Генрихъ. Напрасно пролито здъсь столько нъмецкой крови при взятіи города! Со славой Генрихъ получилъ этотъ городъ и: со стыдомъ его отдалъ. Лишь только появились полки Болеслава, какънъмцы позорно бъжали изъ кръпости, уступивъ ее безъ боя.

Такъ какъ воины утомились послъстолькихъ быстрыхъ переходовъ, то король ръшилъ вести ихъ на отдыхъ, въ Силезію, въ Глоговъ.

Печаль охватила сердце Генриха. Съ каждымъ разомъ все печальнъе становились извъстія гонцовъ; все сильнъе закипалъ гнъвъвъ душъ императора. Новыя войска собираетъ Генрихъ; подъ начальствомъ архіепископа магдебургскаго Тагино и епископа мерзебургскаго Титмара войска выступаютъвъ походъ. Добрались нъмцы догорода Ютрибуга, и по совъту Титмара, который увидълъ, что Болеслава не удастся настигнуть, ръшили идти назадъ.

Съ радостью идутъ воины обратно, вездъ слышны звуки литавръ, трубъ, раздаются пъсни и веселый смъхъ.

Императора ни зимой, ни лътомъ не покидаетъ желаніе отомстить Болеславу; всъ его мысли заняты придумываніемъ разныхъ плановъ. Размышленія понемногу начинаютъ приводиться въ исполненіе; опять

со всъхъ сторонъ собираются войска, опять императоръ готовится войнъ. Архіепископъ Тагино, Мейнверкъ епископы Арнульфъ, и Титмаръ, князь саксонскій Бернардъ, маркграфы Германъ и Геронъ привели своихъ солдатъ къ императору. Но и огромная численность войска не придаетъ бодрости и увъренности воинамъ. Они идутъ на войну не какъ на славный подвигъ, а какъ на смерть...

Гостепріимно встръчаетъ маркграфъ Геронъ императорскую армію. Только та плохо отблагодарила его, разграбивъ его земли.

Въ это же время въ императорскій лагерь прибыло около тысячи вендовъ подъ начальствомъ Бориса, они принесли съ собой большіе запасы хлъба и сушоной рыбы.

Вся эта толпа кипъла ненавистью и враждою къ королю Болеславу...

— Ты его знаешь? — спросили нъмцы Бориса, показывая ему Незамысла.

Быстро сообразивъ, въ чемъ дѣло, Борисъ съ раскрытыми объятіями бросился на встрѣчу пасѣчнику.

— Какъ мнъ его не знать?! Онъ, въдь, постригалъ моего сына...

-- Такъ вы родственники?

- Да, государь! Двъ родныхъ сестры взяли мы себъ въ жены; стройны онъ были, какъ елочки; цвътущи, какъ розы... Всю жизнь будемъ мы оплакивать...
  - Они умерли? Заплакалъ Борисъ.
  - Замучилъ ихъ Болеславъ.
  - Онъ?!
- Напалъ на наши земли, сжегъ наши лачуги, перебилъ женщинъ и дътей...
- Скоро придетъ конецъ всъмъ его злодъяніямъ! воскликнулъ бывшій при этомъ Брунзіонъ, потрясая мечемъ.
  - Прямо на Познань пойдемъ!
- Иди, государь, и отомсти ему за наши обиды!..

Большинство вождей совътовало

въ глубь Польши. Борисъ же совътовалъ раздълиться.

— Такая масса людей въ дорогъ

Генриху со всъми силами двинуться

— Такая масса людей въ дорогъ перемретъ съ голоду! — говорилъ онъ.

Лучше всего раздълить войско на двъ части; одна пускай двинется прямо на Познань, чрезъ Джень и Зеленчикъ, а другая будетъ подходить къ Познани съ юга, черезъ Хлопицы, Доберницы и Свъбодзинъ. *) Двумъ небольшимъ арміямъ гораздо легче прокормиться. Сойтись же войска должны въ Мендзыжечъ, въ богатой польской мъстности...

Послѣдовали совѣту Бориса; онъ, вмѣстѣ съ Незамысломъ и другими славянскими вождями, служилъ за проводниковъ.

Ведутъ они по хорошимъ дорогамъ, всъ свои объщанія исполняють добросовъстно, одно только плохо: чувствуется недостатокъ въхлъбъ. На пути войску попадаются все опустошенныя поля, сожженныя села... А дальше снова пошли непроходимые лъса, болота, огромныя озера, которыя все приходится обходить. Въ сырой мъстности сильно больютъ солдаты и умираютъ десятками; который отрядъ немного отойдетъ въ сторону, погибаетъ отъ стрълъ воиновъ Болеслава.

Измученные трудными, длинными переходами, нъмцы даже ночью не знаютъ покоя; безпокоитъ ихъ Болеславъ постоянными набъгами...

Хорошо дълали свое дъло слуги Болеслава. Еще немного,—и они погубили бы все нъмецкое войско. Храбрый Брунзіонъ былъ подкупленъ ими. Однако, нъмецкіе шпіоны выслъдили ихъ,—и разгнъванный императоръ приказалъ всъхътроихъ вздернуть на висълицу.

Истощенное измученное войско ръшило повернуть вспять, домой.

Двадцатаго августа 1012 года

^{•)} Теперь Дроссепъ, Клоппицъ, Швибуссъ (въ Бранденбургскомъ герцогствъ.

день выдался на славу. Съ самаго ранняго утра солнце весело играло своими огненными лучами. На лугахъ еще не высохла роса, а кузнечики уже начали свою пъсню; но ихъ музыка заглушается шумомъ войска и звономъ оружія. Тамъ, вдали, идетъ жаркій бой...

Подъ сънью буковъ разложенъ костеръ, на костръ жарятся серны, зубры и олени. Прямо съ огня несутъ слуги огромныя туши на королевскій столъ. Выкачены бочки вина, изъ телъгъ вынуты серебряные жбаны и золотыя чарки. Разгорълись отъ вина лица рыцарей, закипъла въ жилахъ кровь...

Внимательно слъдитъ король за сраженіемъ; временами мрачно сдвигаетъ брови, временами радость

проясняетъ его глаза.

Вотъ Стоигнъвъ лъзетъ на лъстницу; какой то великанъ пытается столкнуть его оттуда; завязался бой, мечи разлетълись, обхватилъ Стоигнъвъ врага руками, и оба они стремглавъ полетъли внизъ. Но черезъ мгновеніе Стоигнъвъ снова появился на лъстницъ.

Не ускользнуло отъ вниманія короля мужество и отвага одного изътысячниковъ, который съ небольшой толпой взобрался на стъну и быстро выломалъ набитые въ нее колья; оттъсненный оттуда, онъ неустрашимо идетъ другой и третій разъ на славный бой.

— Кто это такой?—спрашиваетъ

король.

— Это Лестекъ, съ ръки Лабы. — Онъ?! Призвать его ко мнъ.

Бросились слуги исполнять приказаніе своего господина и черезъ

минуту привели Лестка.

Всталъ Болеславъ, вынулъ мечъ и ударилъ имъ Лестка по плечу, въ знакъ посвященія его въ рыцари, а правой рукой дотронулся до бороды, въ знакъ того, что теперь юноша будетъ ему сыномъ. Послъ этой церемоніи король снялъ со своей шеи золотую цъпь и возложилъ ее на плечи Лестка.

— Отнынъ ты будешь моимъ рыцаремъ и гордостью нашей страны! А теперь ступай туда! Въдь, Польша за твою же родину бъется!

Выхватилъ свой мечъ молодой

рыцарь и поднялъ его высоко.

— Дай, Господи, мнъ умереть сегодня за нее и за... тебя, отецъ нашъ!!!

Вскочилъ на коня и, какъ молнія, помчался туда, гдѣ потоками лилась кровь, и гдѣ царствовала смерть...

Смъло и мужественно сражаются польскіе воины; крики удивленія и радости вырываются изъ груди пи-

рующихъ.

Скоро осажденная крѣпость Любуть была взята. Покончивъ съ ней, Болеславъ приказалъ тамъ, гдѣ сливаются Лаба и Солява, вбить посреди Лабы желѣзные столбы для обозначенія границы славянской земли и, призвавъ сюда Моравовъ, Сербовъ и Словенцовъ, сказалъ имъ:

— Соединитесь! Помните, что въ

васъ течетъ одна кровь!

IV.

Тихо и мрачно въ нъмецкомъ лагеръ. Долго, до поздней ночи въ шатръ Генриха тянулась бесъда, теперь тамъ спокойно; царитъ мертвая тишина, изръдка только раздаются быстрые шаги императора, который, покинутый своими рыцарями, безъ поддержки и безъ надежды, не находитъ себъ покоя. Печаль охватила его сердце; слабость духа ведетъ за собою истощеніе физическихъ силъ, и снова наслъдственный недугъ вступаетъ въ свои права. Страшныя мученія переживаетъ императоръ; боль вырываетъ изъ его устъ проклятіе счастливому сопернику.

Измученный императоръ пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся рукой... Что то до крови укололо руку... Что это?! Корона! Острые рубины и брильянты впились въ

лалонь...

Генрихъ взялъ корону въ руки...

— Моя корона! Какъ терновый вънокъ, ты впилась въ мое чело, кровь залила мои очи, твои шипы ранятъ мнъ мозгъ...

Задумался Генрихъ, точно какая то новая мысль зародилась; чело прояснилось, тоски и скорби—ни слъда... Быстро схватилъ правой рукой свою корону и со всей силы ударилъ ее о землю. Застонало золото, плачетъ корона римской имперіи...

Сбросилъ съ себя императоръ пурпуровую мантію, накинулъ сърый плащъ копьеносца и украдкой вышелъ изъ шатра. Быстро и осторожно пробирается онъ черезъ спя-

щій лагерь...

Поздно ночью позвонилъ какойто странникъ у воротъ мерзебургскаго монастыря. Вскоръ раздались человъческіе шаги, и кто то открылъ ворота.

— Господи помилуй!

- Благослови Христосъ! Откуда идешь и кто ты?
  - Несчастный.
  - Чего же ты хочешь?
  - Спокойствія души,

Монахъ всмотрълся въ лицо пришельца, впустилъ его на крыльцо, а самъ пошелъ въ келью. Черезъ минуту онъ снова вышелъ вмъстъ съ настоятелемъ монастыря.

— Впусти меня, отецъ! Сжалься

надо мной!

— Какъ тебя зовутъ?

-- Несчастье мое и имя мое пусть

останутся за порогомъ!

Увидъвъ горькія слезы и великую скорбь несчастнаго, настоятель ввелъ его въ келью, —маленькую, узкую комнатку, убранство которой состояло изъ соломенной подстилки, служившей постелью, и Распятія, вдъланнаго въ черепъ...

Генрихъ вошелъ въ келью, какъ мореплаватель входитъ на пристань. Горячо и долго молился императоръ, пока изнеможенный отъ усталости

не заснулъ на соломъ.

Съ давнихъ поръ не приходилось

такъ тихо спать и никогда еще не осъняло такое спокойствіе лица этого измученнаго недугомъ и борьбой человъка...

* *

Между тъмъ переполохъ, произведшенный неожиданнымъ исчезновеніемъ Генриха, теперь стихъ. Встревоженное войско знаетъ, что императоръ живъ, что онъ не погибъ отъ польской руки и не въ плъну, какъ думали раньше... Десять епископовъ отправилось въ Мерзебургъ; никогда монастырскія стъны не привътствовали столько знатныхъ гостей....

Въ старомъ Браниборъ собрался всеобщій совътъ, важнъйшій совътъ. На немъ, подъ руководствомъ славянскаго князя Крука, ръшается вопросъ о будущемъ славянъ. Всъ они даже враги Болеслава понимаютъ, что только союзъ съ Польшей поможетъ имъ вырваться изъ неволи, сбросить съ себя нъмецкое ярмо, которое душитъ народъ.

Вездѣ носятся слухи о новой войнѣ съ Нѣмцами. Всё въ природѣ предсказываетъ войну; на небѣ появилась комета, стая воронъ летятъ изъ Польши въ Германію, изъ ключей, по разсказамъ людей, вмѣсто воды струится кровь *). Вездѣ слышенъ вой оборотней; какіе то зловѣщіе голоса раздаются по ночамъ въ лѣсахъ, повсюду разнеслась вѣсть о томъ, что Болеславъ снова идетъ войной на нѣмцевъ...

Старъйшины лютиковъ ръшили отправить къ Болеславу пословъ съ просьбой принять всъхъ славянъ подъ свою защиту. Какъ только окончился совътъ, потихоньку выбрались два воина. Осторожно, украдкой спъшатъ они черезъ лъса и болота къ Болеславу, однако, на обратномъ пути не миновали нъмецкихъ рукъ....

Тишина и спокойствіе царятъ въ

^{*)} Это повърье существовало у полабскихъ славянъ.

душъ кающагося, злоба и отчаяніе остались далеко на бъломъ свътъ, за почернъвшей монастырской стъной. Монастырскій звонъ, призывающій монаховъ на молитву, радостью наполняетъ сердце Генриха. Счастливый и довольный бъжитъ онъ въ церковь, чтобы тамъ пъть псалмы...

Чрезъ нъсколько дней, по настоянію Генриха, онъ былъ постриженъ въ монахи. Но, давъ обътъ послушанія, онъ въ первый же разъ былъ смущенъ когда услышалъ изъ устъ своего настоятеля приказъ:

— Братъ Генрихъ, именемъ Господа повелъваю тебъ оставить монастырь и возложить на голову корону римскихъ императоровъ. Владъй нъмецкимъ государствомъ. Награждай добрыхъ, наказывай несправедливыхъ! Наша родина призываетъ тебя. На границы наши нападаетъ ослъпленный тщеславіемъ врагъ. Ступай на съверъ и сотри врага во прахъ, не покладай оружія до тъхъ поръ, пока Болеславъ не склонитъ покорно своей головы къ стопамъ твоимъ!!!

Какъ ни былъ смущенъ Генрихъ, но долженъ былъ исполнить свой обътъ и немедленно опять вступилъ въ права императора.

Призвавъ своихъ ближайшихъ совътниковъ онъ спросилъ:

— Что произошло новаго, пока я проводилъ всъ дни въ монастыръ?

- Рыцарь Болеслава Лестекъ поднимаетъ всеобщее возстаніе славянъ противъ насъ. Для этого онъбылъ за Лабой, на Мжѣ, былъ въ Подградѣ, и во многихъ другихъ славянскихъ городахъ.
- Знаете ли вы, гдъ онъ сейчасъ находится?
  - Да! Въ языческой Ретръ.
  - Не уйдетъ?
- Ретра стоитъ посреди озера, а все озеро окружено уже нашими солдатами!
  - Откуда вы узнали это?
- Вотъ отъ этихъ славянскихъ пословъ, пойманныхъ нами! За эти

извъстія мы объщали имъ отъ твоего имени, Государь, жизнь!

Взглянулъ ласково на связанныхъ плънниковъ императоръ и произнесъ съ улыбкой.

- Великую тайну выдали вы, милые братья: велика ваша заслуга! Подойдите ко мнъ. Вотъ такъ! Вамъдарована жизнь отъ моего имени? Ла?
  - Такъ, государь!
- Хорошо! А теперь—повъсить ихъ сейчасъ же!— обратился онъ къ своимъ приближеннымъ. Вонъ стоитъ могучая сосна, и вътви не очень высоко отъ земли...

Рыцари остолбенъли отъ ужаса... — Мы поручились, императоръ!

— Исполнять мое приказаніе! Разв'в не слышите, что мои уста уже шепчутъ молитву за упокой души умершихъ?

Несчастныхъ повъсили....

Тревожныя въсти несутъ гонцы съ Лабы въ нъмецкій лагерь. Государству угрожаетъ новое возстаніе славянъ, старыя злодъянія нъмцевъ снова вездъ вызвали жажду мести. Послъ того, какъ подлый обманщикъ Геронъ, пригласивъ къ себъ на пиръ славянскихъ начальниковъ, всъхъ ихъ перебилъ, а его мечъ моровой язвой прошелъ отъ Дражданъ и Велтавы до самаго моря, послъ того какъ Оттонъ мечомъ и огнемъ опустошилъ край, всъмъ казалось, что славянская земля утихла навсегда, что пламя волненій погасло. Старъйшины Лютиковъ распростерлись у подножія императорскаго трона, а народъпокорно терпълъ нъмецкое ярмо на своей шеъ.

Сегодня же этотъ народъ снова поднялся на своихъ враговъ. Даже тъ, кто былъ раньше врагомъ польскаго короля, служа шпіонами у нъмцевъ, теперь охотно слушали слова Лестка и готовился къ войнъ. Начинается священная война, скоро пробъетъ часъ смерти нъмецкой неволъ, и воцарится свобода...

Но, какъ въ прекрасномъ плодъ иногда гнъздится червь, такъ и въ

великое дъло освобожденія земли лютиковъ закралась измъна...

Нашелся какой то подкупленный нъмцами негодяй и донесъ императору, что во время новолунія въ Ретръ будетъ освященіе мечей...

По серединъ огромнаго озера, маленькій островокъ, весь заросшій дубами; это священная роща города Ретры. Въ этой рощъ въ небольшомъ храмъ стоитъ божество: по самой серединъ возвышается статуя Перуна, а около нея Стрибогъ и Лада. Вокругъ островка вбиты въ воду дубовыя сваи; на нихъ настланъ помостъ изъ толстыхъ бревенъ, а на помостъ построены тъснымъ кольцомъ избушки. Кольцо домиковъ окружено большимъ заборомъ изъ кольевъ, въ заборъ сдълано десять воротъ, и изъ каждыхъ воротъ тянется мостъ на берегъ озера. Съ высоты птичьяго полета весь поселокъ представляетъ изъ себя огромную звъзду съ десятью лучами, бъгущими къ берегу.

Тихо и осторожно окружили озеро нъмецкія войска и двинулись къ самому городу; часть идетъ по мостамъ, а другая плыветъ на лод-кахъ. Всъ поселяне собрались въ

храмъ, и никто не замътилъ, какъ солдаты подожгли всъ избушки и отступили обратно...

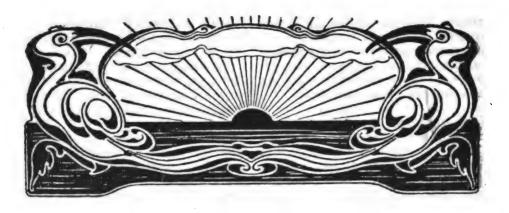
Вспыхнуло пламя и тъснымъ кольцомъ окружило островокъ. Изъ середины огненнаго моря доносятся раздирающіе душу крики, стоны и плачъ людей...

Черезъ мгновеніе на озерѣ появились лодки, наполненныя людьми. Съ надеждой на спасеніе отъ пламени бросились люди къ челнамъ и теперь стремятся къ берегу. А тамъ уже ждутъ ихъ враги. Кто достигаетъ берега, того убиваютъ солдаты, а кто не доберется до суши, тотъ гибнетъ въ водѣ.

Много славянскихъ старъйшинъ погибло въ этотъ день. А Лестекъ попался въ плънъ, гдъ его ждала страшная участь: въ присутствии императора — монаха его замучили до смерти. Но враги ничего не добились отъ доблестнаго славянскаго рыцаря. Онъ умеръ, не сказавъ ни слова. Съ большимъ трудомъ друзъямъ удалось выручить его тъло и предать землъ въ Рарогъ (нынъ. Мекленбургъ). Болеславъ справилъ пышную тризну по своемъ рыцаръ, выръзавъ нъмцевъ въ Браненборгъ.

(До слъдующаго №-ра).

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

Часть II.

Рожденіе Грознаго. — Правленіе бояръ. —
 Бракосочетаніе и Коронованіе. — Сильвестръ и Адашевъ — Первый Соборъ.

При рожденіи Грознаго, т. е. Ивана IV, 25-го Августа 1530 г.—страшные раскаты грома слышались во всей странъ; громадныя молніи сверкали повсемъстно. Уже съ того момента, какъ младенецъ сталъ шевелиться во чревъ матери, московскія дружины, бившіяся въ ту пору подъ Казанью, вдругъ ощутили въ себъ такой необычайный приливъ мужества и силы, какого они никогда еще не испытывали. Такъ говоритъ легенда. Однако дъйствительность даже на Западъ походила отчасти на эту легенду. Громы и молніи грохотали на Европейскомъ горизонтъ. Виклефъ, Гуссъ, Лютеръ и Кальвинъ кинули искру и зажгли повсюду братоубійственныя затронутая въ своихъ жизненныхъ интересахъ католическая церковь отъ нищенствующаго монаха Папы возстала на защиту своихъ привиллегій. Даже Москва въ своемъ въковомъ отчужденіи была затронута, хотя и косвенно, этимъ всеобщимъ волненіемъ. Бракомъ своимъ съ Софіей Палеологъ дѣдъ Ивана IV вступилъ въ семью Европейскихъ Государей, и въ 1473 году Венеціанскій сенатъ напомнилъ ему объ его правахъ на Византійское наслъдіе. Но Иванъ III, заботясь болъе о дъйствительныхъ выгодахъ, чъмъ о пустыхъ титулахъ, пренебрежительно отвергъ предложенія римскаго двора, хотя благосклонно выслушалъ предложеніе Императора Максимиліана Австрійскаго, предлагавшаго соединиться съ нимъ для того, чтобы общими

Digitized by Google

силами воспротивиться магометанскому владычеству и свести счеты съ общимъ сосъдомъ-Польшей. Не дожидаясь Папской буллы, Великій Князь Московскій сталъ именоваться "царемъ", что соотвътствовало въ православномъ міръ титулу императора, а въ 1493 г. присоединилъ къ этому новому званію титулъ "Государя всея Руси", заявляя тъмъ самымъ свои права не только на Московскую Русь, но и на Русь Кіевскую и Литовскую. Умирая. Иванъ III оставилъ свое царство, своимъ пяти сыновьямъ, при чемъ Василію, старшему изъ нихъ, оставилъ не одну треть своихъ земель, какъ это велось до него, а цълыхъ двъ трети, не считая столицы.

Женатый первымъ бракомъ боярской дочери Саломіи Сабуровой, Василій не имълъ отъ нея дътей; тогда бояре предложили ему подъ этимъ предлогомъ расторгнуть бракъ. Противъ ихъ предложеній возсталъ одинъ изъ прославившихся впослъдствіи бояръ, Князь Семенъ Курбскій, а также бояринъ Вассіанъ Патрикъевъ и Максимъ Грекъ. Но на ихъ протестъ не обратили вниманія, царица Саломія была заключена въ монастырь, а царь женился на дочери Литовскаго выходца, Еленъ Глинской. По нъкоторымъ свъдъніямъ неплодность Царицы была пустымъ предлогомъ, такъ какъ Саломія вскор в уже послъ насильственнаго постриженія въ монастыръ разръшилась отъ бремени сыномъ, котораго поспъшили скрыть.

По началу и бракъ съ Еленой Глинской грозилъ остаться безплоднымъ, однако, Глинская родила наслъдника, а три года спустя еще другого сына, Георгія, или Юрія, и тотчасъ же овдовъла.

Иванъ III измънилъ порядокъ престолонаслъдія: отстранивъ братьевъ государя. онъ установилъ, чтобы престолъ переходилъ отъ отца къ сыну, а не къ старшему въ родъ. Въ случаъ малолътства государя пра-

вителемъ становился одинъ братьевъ государя. Но Елена Глинская, смълая и честолюбивая авантюристка, заручившись сильною партіей сторонниковъ, сама захватила власть въ свои руки и твердо никому не уступать ее, кромъ своего любимца, князя Телепнева-Оболенскаго, не отличавшагося никакими серьезными качествами. Сознаніе шаткости и слабости такого правленія сейчасъ же вызвало смуты и безпорядки. Первыми возстали братья покойнаго, Юрій Андрей, которыхъ ей удалось осилить лишь предательствомъ и измъной. Однако, въ концъ концовъ и сама правительница поплатилась жизнью, ставъ жертвой отравы, всыпанной въ пищу ея врагами. А ея любимецъ былъ уморенъ голодомъ въ тюрьмъ.

Малолътній Иванъ осиротълъ, и правленіе перешло въ руки бояръ, главнымъ образомъ Шуйскихъ. Происходя, наравнъ съ Василіемъ Иваномъ, по прямой линіи отъ Александра Невскаго, да еще отъ старшей линіи, Шуйскіе могли считать себя столь-же законными претендентами на Московскій престолъ и, конечно, не преминули заявить о своихъ правахъ. Однако, и Бъльскіе, ведя свой родъ отъ Гедимина, также не желали уступать. Смуты и и междуусобицы разразились надъ Москвой. Соперники, враждуя между собою, только при народъ, на парадахъ, соблюдали почтеніе по отношенію къ Ивану, въ частной же жизни относились къ нему пренебрежительно, даже дерзко.

Самовластіе бояръ страшно отзывалось на государствѣ, всѣ стонали отъ ихъ раздоровъ, соединявшихся съ крайнею жестокостью и кровопролитіемъ. Все это видѣлъ съ самаго ранняго дѣтства юный Иванъ. Насиліе и злоба, звѣрства и жестокости невольно дѣйствовали на воображеніе ребенка; страшныя картины врѣзались въего память, раздражая чуткую, впе-

чатлительную душу юноши и озлобляя его. Самовластный, какимъ онъ былъ по природы, выросшій въ такой обстановкъ, онъ съ ранняго дътства привыкалъ воздавать сторицей за малъйшую обиду, становился нервнымъ до крайности, раздражительнымъ и жестокимъ.

Первые товарищи Ивана были злы и жестоки; да и забавы, которыми развлекали его Шуйскіе и Бъльскіе, были звърски и безчеловъчны. Любимой забавой Ивана въ дътствъ было сбрасывать кошекъ и собакъ съ высокаго крыльца на землю и наслаждаться ихъ предсмертными муками. Бояре поощряли эти забавы, не помышляя о томъ, какую опасную игру они вели. Громъ грянулъ совершенно неожиданно: въ декабръ 1543 г., испытавъ предварительно покорность своихъ псарей, Иванъ приказалъ имъ схватить князя Андрея Шуйскаго, главу Шуйскихъ, и бросить его въ тюрьму. А негодяи, превысивъ полученное приказаніе, задушили Шуйскаго, и Иванъ одобрилъ ихъ. Съ этого момента всъмъ стало ясно, что на Руси народился новый властелинъ.

Послѣ того бояре, хотя продолжали еще управлять, но уже не осмѣливались перечить своему государю, который еще до Людовика XIV-го заявиль, что "L'etat—c'est mois"! Онъ разъѣзжалъ теперь по улицамъ, давя народъ насилуя женщинъ и дѣвушекъ и встрѣчая одобреніе такихъ поступковъ въ средѣ своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ находился и Федоръ Воронцовъ, возвращенный изъ ссылки по желанію Ивана, его прежній закадычный другъ, сосланный Шуйскими...

Не довъряя родовитымъ аристократамъ, въ которыхъ Иванъ видълъ новыхъ Шуйскихъ и надъ которыми его нравъ не могъ проявляться вполнъ безпрепятственно, юный монархъ окружилъ себя бывшими псарями, болъе покорными и раболъпными. Въ 1546 г., охотясь въ окрестностяхъ Коломны, Иванъ случайно наткнулся на кучку вооруженныхъ людей, явившихся къ нему съ жалобой на своего воеводу. Но Иванъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло, перетрусилъ страшно, какъ это всегда съ нимъ бывало, и бѣжалъ, заподозривъ крамолу и приказавъ учинить допросъ. Жертвою его подозрѣній пали Федоръ Воронцовъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ; остальные мнимые участники этой крамолы были сосланы, кто не успѣлъ бѣжать за границу.

Съ 1543 г. въ числъ приближенныхъ людей Ивана появляется Алексъй Адашевъ. Человъкъ низкаго происхожденія, какъ и Захаровъ, онъ игралъ крупную роль, какъ личность, которой многіе приписывали сильное и благотворное вліяніе на Ивана.

Въ концъ 1546 года юный царь заявилъ еще болъе выразительно о своей самостоятельности, объявивъ, что намъренъ вступить въ бракъ и затъмъ короноваться царемъ по примъру римскихъ Императоровъ. Хотя и раньше него великіе князья Московскіе заставляли именовать себя царями, но это не было оффиціально признаннымъ за ними титуломъ. Иванъ же IV ръшилъ присвоить себъ этотъ титулъ царя, равносильный титулу Императора, въ качествъ преемника Византійскихъ, даже римскихъ императоровъ. Услужливые царедворцы, въ томъ числъ и Митрополитъ Макарій, утвердили его въ этомъ намъреніи, производя его родъ отъ римскаго императора Августа. Макарій въ Житіи великой княгини Ольги прямо упоминаетъ о Пруссъ, братъ императора Августа, который яко бы былъ предкомъ Рю-

Коронованіе совершилось съ необыкновенною пышностью 16-го января 1547 г. Однако, Иванъ IV еще не ръшился потребовать отъ иностранныхъ государей признанія за нимъ титула царя, такъ какъ и

дъдъ, и отецъ его не могли добиться этого.

Выборъ невъсты состоялся согласно установленному обычаю; всъ дъвицы на возрастъ у родителей, принадлежащихъ къ служилому сословію, были созваны въ столицу. Затъмъ, въ назначенный день царь въ сопровожденіи всего одного только изъ старъйшихъ своихъ приближенныхъ сталъ обходить зданіе, выбирая изъ красавицъ дъвушку по своему вкусу, ласково бесъдуя со многими и одаривая каждую шитымъ золотомъ и жемчугомъ платочкомъ, который онъ собственноручно накидывалъ дъвушкамъ на шею.

На этотъ разъ выборъ Ивана палъ на прекрасную и кроткую дъвицу Анастасію, дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина Кошкина, изъдревняго боярскаго рода, съумъвшаго, несмотря на тяжелыя времена, остаться въ сторонъ отъ всякихъсмутъ, происковъ и крамолъ.

Одинъ изъ братьевъ Анастасіи сдълался впослъдствіи родоначальникомъ будущихъ Романовыхъ. Подобно Шереметьевымъ, Колычевымъ и Кобылинымъ, Захарьины-Кошкины происходили отъ нъкого Андрея Кобылы, выходца изъ "Пруссовъ", какъ выражаются лътописи. Говорятъ, что подъ Пруссами нужно разумъть не Пруссію, а мъстность въ Новгородъ, гдъ жили иностранные купцы. Оттуда-то и былъ родомъ Андрей Кобыла.

Само имя Кобыла уже свидътельствуетъ о несомнънно славянскомъ происхожденіи этого родоначальника Захарьиныхъ - Кошкиныхъ, а впослъдствіи и Романовыхъ. Съ другой стороны, и нынъшняя столица Пруссіи и Германіи находится на славянской землъ.

Молодой царь страстно любилъ свою жену, но медовый мъсяцъ его далеко не былъ безоблаченъ и спокоенъ. Бракосочетаніе Ивана состоялось 3-го февраля 1547 г., а три мъсяца спустя страшный пожаръ

уничтожилъ цълый кварталъ столицы.

Въ іюнѣ того же года новый страшный пожаръ разразился надъ Москвой. Такого пожара еще не помнилъ; уничтожена была часть Кремля, куполъ Успенскаго собора, Царскія и Митрополичьи палаты, Грановитая палата, казначейство, два монастыря и нѣсколько церквей. Убытки были громадные. Всѣ торговые ряды съ товарами также сгорѣли. Самъ царь остался безъ крова и укрылся въ селѣ Воробьевѣ на Воробьевыхъ горахъ, откуда Наполеонъ впервые увидѣлъ Москву.

Вину пожара приписали Глинскимъ. Правленіе Елены Глинской оставило по себъ неизгладимый слъдъ народной ненависти ко всему ея роду, а такъ какъ мать царицы братъ ея Михаилъ Васильевичъ Глинскій въ то время находились въ далекой вотчинъ въокругъ Ржева, то народный гнъвъ обрушился на Юрія Глинскаго, находившагося въ Москвъ. Толпа, подстрекаемая родственниками и сторонниками Андрея Шуйскаго, сосланными и затъмъ возвращенными изъ опалы и вновь вошедшими въ милость при дворъ, преслъдовала Глинскаго даже въ Успенскомъ соборъ, затъмъ, вытащивъ его трупъ на лобное мъсто, стала избивать его слугъ. Шуйскіе требовали отъ Ивана Грознаго жестокихъ мъръ. Но въ этомъ юношъ, въ которомъ тиранъ давно уже проснулся, теперь проснулся и мо-Желая оставаться нымъ господиномъ своихъ дъйствій, онъ, не взирая на суевъріе, къ которому былъ весьма склоненъ, какъ, впрочемъ, всъ люди его въка, увидълъ болъе опасныхъ для себя враговъ въ обвинителяхъ, дерзавшихъ вступаться за его права и власть, чъмъ въ поджигателяхъ мнимыхъ или дъйствительныхъ. Бъжавшій въ Литву Михаилъ Глинскій былъ схваченъ на пути однимъ изъ Шуйскихъ, но царь приказалъ отпустить его и не выдалъ его матери ея врагамъ.

Первый біографъ Ивана, князь Курбскій, утверждаетъ, будто въ то время, когда Иванъ расправлялся съ виновниками безпорядковъ въ Москвъ, по случаю этого пожара, предъ нимъ предсталъ старецъ съ вдохновеннымъ видомъ и сталъ обличать его, предвъщая царю гнъвъ Божій. Старецъ этотъ былъ никто иной, какъ авторъ Домостроя, попъ Сильвестръ, который будто бы съ этого времени пріобрълъ вліяніе надъ Иваномъ.

Въ дъйствительности же, состоя настоятелемъ храма Благовъщенія, а вмъстъ съ тъмъ и царскимъ духовникомъ, попъ Сильвестръ былъ уже извъстенъ государю еще задолго до этой катастрофы, и вліяніе его на Ивана началось гораздо раньше этого времени, но только въ тъсной сферъ скромнаго духовнаго лица. Иванъ, понявъ необходимость измънить общій строй и порядокъ вещей, увидълъ себя вынужденнымъ прежде всего перемънить людей и сталъ, на смѣну родовитымъ боярамъ, набирать скромныхъ людей изъ толпы. Что Сильвестръ подвернулся въ это время, конечно, возможно, но что онъ пріобрълъ надъ Иваномъ то неограниченное вліяніе, какое ему приписываетъ Курбскій, — это ничамъ рашительно не доказано.

Да и подъ силу ли было ему такое вліяніе надъ такимъ человъкомъ, какъ Иванъ Васильевичъ? Судя по всему, Сильвестръ не отличался способностями ни блестящаго политика, ни высокаго моралиста, и подлъмитрополита Макарія являлся безцвътной и блъдной личностью.

Настоящая новая эра въ царствованіи Ивана начинается съ созванія Перваго Земскаго Собора, самый характеръ и точная дата котораго до сихъ поръ еще не могутъ быть опредълены съ точностью. Приблизительно въ это время выступаетъ на сцену и Алексъй Адашевъ. Но на Земскомъ Соборъ главная роль несомнънно принадлежитъ

митрополиту Макарію, Сильвестръ же совершенно стушевывается. Изъ всего этого ясно, что только ложное толкование нъкоторыхъ историческихъ документовъ могло приписать этимъ двумъ друзьямъ и союзникамъ—Адашеву и Сильвестру—ту роль, къ какой ни тотъ, ни другой изъ нихъ не были способны. Отсюда понятно, почему, не смотря на многолътнюю дъятельность, трудно указать, во главъ какой партіи стояли Сильвестръ и Адашевъ, какія они преслъдовали политическія цъли и чего старались достигнуть своимъ вліяніемъ.

Будучи оба людьми низкаго происхожденія, они слыли какъ бы представителями того типа новыхълюдей, которыхъ Иванъ старался выставить въ противовъсъ древней боярской олигархіи. Между тъмъони скоро встали на сторону тъхъже бояръ, и потому Иванъ замънилъ ихъ другими.

Въ 1547 г. Иванъ сумълъ противустать толпъ и ея вожакамъ, побуждавшимъ ее къ злодъяніямъ, казнивъ нъсколько человъкъ. Но власть по прежнему еще оставалась въ рукахъ бояръ. Только въ 1549 или 1550 году онъ, наконецъ, ръшился созвать Земскій Соборъ изъ представителей всъхъ классовъ. Засъданіе собора было открыто на Красной площади передъ Кремлемъ. Царь обратился къ народу съ ръчью. въ которой обличалъ бояръ, и въ заключение просилъ молитвъ и содъйствія митрополита въ новомъ дълъ правленія, которое онъ принималъ теперь на себя. Поклонившись на всъ четыре стороны, онъ просилъ народъ забыть на время свои обиды. и объщаль отнынь быть ихъ судьей и заступникомъ.

Въ тотъ же день Адашевъ былъ повышенъ изъ постельничьихъ въ окольничьи, и ему было поручено разсмотръніе челобитныхъ.

Относительно этого Собора не имъется никакихъ точныхъ историческихъ данныхъ, но, судя по позд-

подобнымъ соборамъ, народный элементъ врядъ ли принималъ въ немъ участіе. Да и самый Соборъ не имълъ ничего общаго съ какими-либо народными собраніями въ родъ парламента. Это было скоръе собраніе чиновниковъ, служилыхъ людей, какъ показываютъ списки чиновъ 2-го Собора, созваннаго въ 1565 г. по поводу недоразумъній съ Польшей; его составляли 32 человъка высшаго духовенства, 258 бояръ, дътей боярскихъ и должностныхъ лицъ высшихъ и низшихъ, 9 крупныхъ землевладъль-53 купца Московскихъ, 22 купца Смоленскихъ: изъ народа же, собственно говоря, никого не было. Поэтому и въ Первомъ Соборъ, какъ и въ другихъ, не было ничего, напоминающаго хоть сколько - нибудь прежнее въче или представительныя собранія Западныхъ государствъ.

Земскіе соборы были простой исторической случайностью въ Россіи; съ 1550 по 1653 г. ихъ было шестнадцать. Вызванные къ жизни желаніемъ монарха, они, въ силу такого же желанія, и перестали существовать, не оставивъ по себъ никакого вліянія на судьбы русскаго народа.

Все значеніе Перваго Земскаго Собора заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ сдѣлался исходною точкой новой реформенной эры.

Царь доказалъ всенародно, что онъ видитъ и сознаетъ язвы, разъвдающія его государство; онъ смѣло обнажилъ ихъ и обѣщалъ излѣчить ихъ. Чутко прислушивался онъ и къ голосамъ просвѣщенныхъ людей, выставившихъ опредѣленные политическіе и соціальные идеалы.

Съ одной стороны, это былъ голосъ Нестяжателей, ратовавшій объ уничтоженіи монастырскихъ земель и раздачѣ ихъ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, съ другой—голосъ нѣкого Ивашки Пересвѣта, ратовавшій объ уничтоженіи кормленія и награжденія землею служилыхъ людей. Оба

мнѣнія нисколько не противорѣчили другъ другу, какъ то предполагали сначала, а скорѣе дополняли одно другое, клонясь къ одной общей цѣли возвращенію земли крестьянамъ и освобожденію крестьянъ отъ подневольной работы.

Иванъ прислушивался къ этимъ голосамъ.

Самъ царь въ своей ръчи на Красной площади указывалъ на бояръ и служивыхъ людей, какъ на недостойныхъ слугъ, но чтобы замънить ихъ достойными, надо было подготовить на ихъ мъсто другихъ.

Однако, чтобы, пока что, ограничить злоупотребленія служилыхъ людей, слъдовало обезпечить ихъ существованіе, такъ какъ положеніе и ихъ въ сущности было незавидное. Если они жали и давили мужика-хлъбопашца, то и мужикъ съ своей стороны всячески старался раззорять ихъ, уходя изъ помъстій и лишая помъщиковъ рабочихъ рукъ въ самое нужное время.

Правительство, смотръвшее сначала весьма благосклонно на переходы крестьянъ, въ которыхъ оно видъло могучую колонизаціонную силу, теперь стало видъть въ этихъ переходахъ и переселеніяхъ серьезную государственную опасность, болъе серьезную даже, чъмъ непокорность и злоупотребленія кормленщиковъ.

Еще большую опасность представляли вотчинники, потомки прежнихъ удъльныхъ князей, не знавшіе надъ собой ни власти, ни закона и, хотя принадлежавшіе къ числу служилыхъ людей, но служившіе по своей волъ, въ свое удовольствіе, не признававшіе никакой дисциплины, надменные и непокорные. Однако, сломить ихъ было не такъ-то легко, это было задачей предшественни-Ивана — замънить древнюю удъльную Русь новой, самодержавной единодержавной царской И Русью.

Юный царь ръшилъ идти тъмъ же путемъ. Отсюда, изъ этой зада-

чи, и вышла мысль объ опричнинь, такъ ложно понятой и такъ-таки дурно истолкованной большинствомъ историковъ, вплоть до послъдняго времени.

Съ 1552 года Иванъ уже не скрывалъ своего намъренія реорганизовать администрацію, расширивъ права мъстнаго самоуправленія и замънивъ служилыхъ людей земскими выборными, губными старостами (судьями) и т. д. Однако, это расширеніе не привилось, частью оттого, что народъ уже отвыкъ отъ самоуправленія, частью оттого, что выборные отвѣчали и за аккуратные сборы податей, а на такихъ условіяхъ являлось мало охотниковъ занимать такія должности. Наконецъ. нужно вспомнить, что автономіи правительство не намърено было предоставить общинамъ безвозмездно, а требовало, чтобы общины откупали право судопроизводства и администраціи. Многія общины не пожелали ръшиться на денежную жертву ради этихъ привиллегій, другія же оказались недостаточно состоятельными, и въ концъ XVI въка даже и тамъ, гдъ губные старосты были введены, они силою обстоятельствъ превратились въ тъхъ же правительственныхъ чиновниковъ.

Вопроса собственности, законодательство 1550 г. коснулось лишь съ большой осторожностью; вопросъже рабства т. е. кабальности, оно, не измънивъ въ основномъ, все-же сильно ограничило, воспрещая счидътей, рожденныхъ тать рабамы раньше поступленія родителей въ рабство; воспрещая родителямъ -рабамъ продавать въ рабство своихъ дътей, рожденныхъ въ свободномъ состояніи, обязывая записи о поступленіи въ рабство совершать въ присутствіи высшихъ административныхъ чиновъ и т. д. Но, на ряду съ этимъ, новые законы позволяли крестьянину, пожелавшему идти въ кабалу, во всякое время бросать свой надълъ, увеличивали плату за _ъпрожитое" и такимъ образомъ

только затягивали петлю на шеъ крестьянина.

Личная воля царя въ этихъ послъднихъ мърахъ была не при чемъ; онъ, который впослъдствіи издъвался надъ ограниченностью власти Баторія, въ данномъ случав не посмълъ проявить своей неограниченной власти, — онъ былъ еще слишкомъ молодъ и не вполнъ увъренъ въ своихъ силахъ, боялся задъвать привиллегіи высшаго класса.

Однако, голосъ Ивашки Пересвъта не остался голосомъ вопіющаго въ пустынъ; — въ томъ-же 1550 году Иванъ издалъ 10-го октября указъ, которымъ, можно сказать, положилъ начало опричнинъ и реорганизовалъ высшій классъ служилыхъ людей. Со всъхъ концовъ государства была собрана тысяча человъкъ боярскихъ дътей и надълена помъстьями въ Московской округъ и сосъднихъ съ ней округахъ. Къ нимъ причислялись также и древнія аристократическія фамиліи, издавна владъвшія здъсь помъстьями, а также и всъ высшіе административные чины. Изъ этой группы Иванъ думалъ образовать зерно новой Московской аристократіи, которая была подраздълена на три класса, или стати.

Такимъ образомъ служба царская являлась единственнымъ правомъ на привиллегированное положеніе; знатность рода и высокое происхожденіе сами по себъ вовсе не принимались въ разсчетъ. Въ результать мы видимъ, что въ спискахъ земскаго собора 1566 г. почти не встръчается князей, они какъ-то исчезли, а на верхъ всплыли высшіе государственные чины. Уже 1554 году бывшій удѣльный князь Воротынскій Михаилъ Ивановичъ подписывается просто дворянинъ, т. е. дворовый или дворцовый человъкъ, званіе, считавшееся въ то время выше всякаго другого.

Въ 1555 г. была впервые организована правильная охрана границы царства Московскаго вдоль теченія ръки Волги, — изъ стръльцовъ и казаковъ. Иванъ же IV вздумалъ надълить новую группу дътей боярскихъ помъстьями въ пограничныхъ округахъ, возложивъ на нихъ за то охрану границы. Въ результатъ, вся линія границы отъ Алатыря до Темникова и отъ Путивля до Нижняго и Звенигорода покрылась двойнымъ рядомъ укръпленныхъ городовъ или кръпостей.

Уже за одно это мудрое постановление Иванъ IV заслужилъ благодарность потомства, доставивъ своему государству ту безопасность, какой оно раньше никогда не знало.

Не оставивъ безъ вниманія программу Ивашки Пересвъта, Иванъ тъмъ менъе не могъ остаться безучастнымъ и къ проповъди нестяжателей, послъдователей Нила Сорскаго. Хотя онъ въ осуществленіи ея и не ръшался еще вступить въ открытую борьбу съ духовенствомъ, однако, добился большихъ уступокъ, напр., возврата вотчинъ, приписанныхъ къ монастырямъ безъ согласія государя, уничтоженія всъхъ дарственныхъ записей на земли, дарованныя монастырямъ, воспрещенія пріобрътать бывшія вотчины удъльныхъ князей и вообще пріобрътать какія-бы то ни было вотчины безъ особаго на то разръшенія государя.

Въ 1573 г. былъ изданъ указъ, воспрешающій отписывать кому-бы то ни было свои земли въ пользу богатыхъ монастырей, а въ 1580 г. послъдовало строжайшее воспрещеніе лицамъ какъ чернаго, такъ и бълаго духовенства пріобрътать земли, какъ путемъ дарственныхъ записей, такъ и на деньги.

Наконецъ, нужно вспомнить еще Стоглавый Соборъ, на которомъ были утверждены многія церковныя реформы.

Впрочемъ, послъднія не привели ни къ чему; за то реформы политическія, за которыя юный царь принялся болъе настойчиво, — привели къ террору.

Но прежде царь законодатель выступиль еще въ роли завоевателя.

II. Остатки Монгольскаго Царства.—Войско Ивана. — Вэятіе Казани. — Послъдствія. — Покореніе Астрахани. — Казаки. — Крымъ и Ливонія.

При восшествіи на престолъ Ивана IV, татарское иго являлось тяжелымъ воспоминаніемъ. Отъ великой имперіи Чингизъ-Хана и Тимуръ-Хана не оставалось теперь въ рукахъ завоевателей кромъ жалкихъ остатковъ, въ видъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Крымскаго. Изъ нихъ наиболъе сильнымъ считалось Крымское царство подъ управленіемъ Гиреевъ, которые подчинили своему вліянію и Казань.

Крымскіе татары часто грабили границы государства и даже при Иванъ IV подступали къ Москвъ. Но это были теперь скоръе грабители, чъмъ неустрашимые воины; любители легкой наживы и легкой побъды, а не стойкіе и лихіе соратники великихъ монгольскихъ завоевателей. Поэтому Иванъ боялся ихъ, а, войдя въ года, сталъ дъйствовать еще лучше; дважды, въ 1548 и 1549 гг. онъ лично водилъ подъ Казань свои войска, но оба эти похода не привели ни къ чему, такъ какъ наши выступали поздно, бывали захвачены морозами, и ратники гибли въ снъгахъ, а артиллерія тонула въ Волгѣ. Дважды Иванъ принужденъ былъ отступать Казани, подавляя въ себъ бъшенство, а Крымцы и Казанцы жгли и грабили его лучшія земли. Второй походъ, однако, далъ Ивану то утъшеніе, что ему удалось основать на вражеской территоріи, неподалеку отъ Казани, у сліянія Волги и Свіяги, крѣпость Свіяжскъ, куда стали стекаться Черемисы, Чуваши и Мордва.

Между тъмъ въ самой Казани шли неурядицы. Татары, недовольные Утамышемъ, младшимъ сыномъ крымскаго Сафы Гирея, выдали его Москвъ, затъмъ, оставшись также недовольны Шахомъ Али, ставленникомъ Ивана IV, ръшили просить Московскаго царя назначить имъ другого царя.

Но скоро ихъ намъренія измънились и изъ друзей они опять превратились во враговъ Москвы. Тогда Иванъ IV ръшилъ окончательно раззорить это разбойничье гнъздо. 16 Іюня 1552 года, поручивъ царицъ Анастасіи временно править государственныя дъла, объявивъ помилованіе многимъ опальнымъ и заключеннымъ, молодой царь, испросивъ благословеніе Всевышняго на свое предпріятіе, двинулся со всъми своими силами на Казань.

Не смотря на то, что Россія никогда не знала феодализма, ея военная организація того времени была чисто феодальнаго характера. Въ то время, какъ въ Европъ почти всъ арміи состояли уже изъ регулярныхъ войскъ, у Ивана еще только начинало нарождаться это войско новъйшаго типа, первыми представителями котораго являются стръльцы. Они набирались изъ вольныхъ людей и служили по вольному найму.--но должны были наниматься пожизненно, т. е. на все время своей жизни. Въ большинствъ случаевъ семейные, они съ теченіемъ времени образовали изъ себя особое сословіе, въ которомъ военное ремесло было наслъдственнымъ. Вооруженные и снаряженные на Европейскій образецъ, стръльцы получали отъ государства рубль на постройку избы и рубль жалованія въ годъ, кромъ готовой обмундировки и содержанія натурой въ количествъ нъсколькихъ кулей муки и крупъ, масла и вина. А когда все это оказалось недостаточнымъ, ихъ стали еще надълять участками земли и разръшили имъ въ мирное время, свободное отъ службы, маться различными ремеслами.

Въ концъ царствованія Ивана ихъ насчитывалось уже до 12.000, изъ

которыхъ 7,000 постоянно находились въ Москвъ, остальные же, вмъстъ съ городовыми казаками, образовали гарнизоны разныхъ кръпостей. Это была первая регулярная пъхота, какую мы видимъ въ Россіи. Кромъ того, у Ивана былъеще постоянный корпусъ артиллеристовъ, трехъ разрядовъ: "пушкари", "зачинщики" и "гранатчики" и спеціальный корпусъ "пищальниковъ", т. е. ружейныхъ стрълковъ.

Конечно, все это не составляло еще арміи, главный контингентъ которой представляли собою служилые люди и собственно "рать", т. е. набранные для ратнаго дъла люди изъ крестьянъ и горожанъ всего государства, называемые тогда посошниками. Это не были конечно обученные ратному или военному дълу люди, пригодные на полъ сраженія, но за то были необходимы для земляныхъ работъ и пр.

Войско Ивана IV раздѣлялось на главный, передовой полкъ, или авангардъ, правое и лѣвое крыло и арріергардъ. Когда же присутствовалъ царь, то формировался еще особый шестой, царскій, или государевъ полкъ. Всѣ эти полки дѣлились на 2 или 3 части каждый, а эти части на сотни; командовали ими старшіе воеводы, младшіе воеводы и простые дворяне.

Сколько всего было войска у Ивана въ 1552 г. намъ осталось неизвъстно.

Вооруженіе войска было самое разнообразное, но излюбленнымъ оружіемъ оставались луки, стрѣлы, а также копья и бердыши. Кирасъ, т. е. латъ, кромѣ знатныхъ бояръ, никто не носилъ; эти же имѣли и латы, и шишаки, и кольчуги.

Отсутствіе обученія военному дізлу, отсутствіе дисциплины сильно сказывалось въ войскіз Ивана. Напасть невзначай, захватить врага врасплохъ, окружить его двойными, если можно, тройными силами, подавить своей численностью,—вотъ въ чемъ состояла вся ихъ военная

тактика. Беззавътно храбрые, они почти никогда не просили пощады; даже будучи разбиты и разсъяны, предпочитали умирать. чъмъ пропощады. Для осадной войны русскіе также не были пригодны, всего лучше умъли они защищаться за своими стънами, безропотно перенося трудъ и голодъ, умирая сотнями за своими стънами и валами. все снова разрушаемыми и снова воздвигаемыми. Въроятно, зная за ними эти свойства-кръпко биться за стънами, въ московскомъ войскъ были введены подвижныя или переносныя укръпленія, подъ названіемъ "Гуляй-Городковъ".

При такомъ положеніи войска въ періодъ Грознаго замъчательно и чрезвычайное развитіе артиллеріи. Конечно, первыя пушки въ московскомъ войскъ были привозныя. Но уже въ царствованіе Ивана III иностранные мастера изготовляли ихъ въ Москвъ.

При Иванъ IV русская артиллерія усвоила себъ всъ усовершенствованія современной баллистики: у нихъ были и "змъи", и фальконеты, и мортиры различныхъ калибровъ, наконецъ, гаубицы. По свидътельству Флитчера, ни одинъ изъ Европейскихъ государей того времени не имълъ столько огнестръльныхъ орудій, какъ Великій Князь московскій. А Дженкинсонъ въ 1557 г. былъ положительно удивленъ ловкостью, проворствомъ и мѣткостью, какую проявляли русскіе артиллеристы при упражненіяхъвъ стръльбъ.

Двинуєшись на Казань, царь узналь, что на помощь казанцамъ пришли крымскіе татары; орды новаго хана Девлета-Гирея были уже подъ Тулой. Тула держалась, и 13-го августа царь быль уже въ Свіяжскъ.

Казань была обнесена только землянымъ валомъ и бревенчатой стъной. Но, насчитывая до 30,000 гарнизона, она ръшила ни за что не сдаваться. Казанцы отлично понимали, что эта ръшительная борьба двухърасъ, что овладъвъ Казанью, царь

московскій станетъ господиномъ Казанскаго царства, и Исламъ потеряетъ свою послѣднюю точку опоры въ этой части Европы. Ободряемые присланнымъ крымцами новымъ царемъ Ядигеръ-Магометомъ, окруженнымъ отборными воинами, казанцы побъдоносно отразили первый штурмъ московскаго царя, и Иванъ начиналъ уже опасаться быть застигнутымъ зимой, тъмъ болъе что въ сентябръ сильная буря повалила большинство жатровъ въ станъ царя и уничтожила на Волгъ нъсколько судовъ съ провіантомъ. Татары со стънъ города начали уже издъваться надъ бъднымъ царемъ.

Но Иванъ не падалъ духомъ. Съ наступленіемъ хорошей погоды, когда артиллерія достаточно подготовила путь, русскіе рѣшились на общій приступъ 2-го октября 1552 года. Этотъ приступъ доставилъ осаждающимъ блестящую побѣду, но молодой царь, проявлявшій до этого момента столько твердости и энергіи, пріучившій свои войска видѣть его лично командующимъ своими полками, заставлявшій ихъ бояться его и повиноваться ему, вдругъ исчезъ.

Въ то время, какъ князь Михаилъ Воротынскій взрывалъ послъднія укръпленія Казани, въ походномъ храмъ шло торжественное служеніе; бреши были открыты, саперы сдълали свое дѣло. Оставалось только войти въ городъ, и войска ожидали увидъть царя впереди, но его не было. Тогда одинъ изъ бояръ запыхавшись вбъжаль къ Ивану со "Государь, время тебъ словами: идти, люди твои сцъпились съ татарами, и полкъ твой ожидаетъ тебя"!--Испивъ святой воды, приложившись къ иконамъ и получивъ благословеніе своего духовника, царь, наконецъ, сълъ на галопомъ пофхалъ къ своему полку.

Уже Московскія знамена развѣвались на стѣнахъ покореннаго города, и первая колонна осаждающихъ

проникла въ самый городъ, какъ 6.000 татаръ бросилась спасаться вплавь черезъ Казанку. Иванъ не приказывалъ прекращать ръзни; впрочемъ, въ то время и на Западъ взятый приступомъ городъ былъ обреченъ на смерть. Молодой царь собственноручно водрузилъ большой крестъ на томъ мъстъ, гдъ развъвалось знамя послъдняго казанскаго хана, и приказалъ служить молебенъ. Въ два дня на этомъ мѣстъ былъ выстроенъ храмъ и тотчасъ же освященъ, а къ концу недъли покоренный городъ былъ порученъ двумъ воеводамъ, Александру Борисовичу Горбатому и князю Василію Семеновичу Серебряному. Оставивъ имъ сильный горнизонъ, Иванъ вернулся въ Москву.

Во Владимір'в его ожидала радостная в'всть: царица благополучно разр'вшилась отъ бремени сыномъ, который нареченъ былъ Дмитріемъ. Въ Москв'в его встр'втило все духовенство съ митрополитомъ во глав'в, прив'втствуя съ поб'вдой.

Весной 1555 г. въ Казань прибылъ первый Казанскій и Свіяжскій Архіепископъ—-Гурій. Это было уже полное торжество Руси и православія надъ Татарщиной и Исламомъ.

Взятіе Казани имъло для Москвы громадное значеніе. Мало того, что Казань, расположенная, такъ сказать, на среднемъ теченіи Волги, открывала московскимъ судамъ свободный путь вплоть до Астрахани, она, будучи торговой метрополіей для азіатскихъ племенъ, предоставляла Москвъ превосходный мъновой рынокъ. Однако, Иванъ слишкомъ торопился вернуться въ Москву, - и взятіе Казани еще не означало покоренія всего Казанскаго царства. Уже въ декабръ того же года среди жителей города окрестностей стало замъчаться волненіе и непокорность, вскоръ перешедшіе въ открытое возмущеніе. До 1000 человъкъ стръльцовъ и казаковъ гарнизона были избиты, и въ 1554 г. потребовался новый походъ московскихъ людей для окончательнаго покоренія Казани.

Весной того-же 1554 года Московское войско въ количествъ 30.000 спустилось на своихъ судахъ по Волгъ подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго и 29 августа въ то время, какъ царь праздновалъ въ cBoero Коломиъ день рожденія, гонецъ отъ Пронскаго привезъ ему въсть о взятіи Астрахани. Это, конечно, еще не было окончательнымъ завоеваніемъ Астраханскаго ства, -- оно было окончательно присоединено только чрезъ нъсколько лътъ. Но, какъ бы то ни было. русскіе овладѣли устьемъ Волги и могли безпрепятственно распространять свое вліяніе на югъ. - По пути этой политики шло и переселенческое движение всякаго люда отъ береговъ Дона и Терека, гдъ эти бъглые и переселенцы уже успъли обосноваться. Они начинали уже захватывать часть Крыма и побережье Азовскаго моря, постепенно раздвигая область казатчины, служившей пріютомъ всему бродячему элементу Московскаго государства. Власть Москвы надъ этимъ сбродомъ была номинальной и еще долго должна была оставаться таковою.

Не будучи въ состояніи постоянно сдерживать это бродячее разбойничье населеніе. Москва была вовлечена въ постоянное препирательство съ остатками крымскихъ татаръ, постоянно дълавшихъ набъги на казатчину и терпъвшихъ отъ ихъ набъговъ и грабежей. Въ 1557 г. Адашевъ спустился до низовьевъ Днъпра, захватилъ два турецкихъ судна, высадился въ Крыму и вселилъ всюду страхъ и трепетъ передъ именемъ Московскаго царя.

Этотъ моментъ, казалось, былъ на столько благопріятнымъ, чтобы разомъ покончить съ безпокойнымъ крымскимъ сосъдомъ, — и ближніе люди Ивана усиленно просили его ръшиться нанести крымскимъ татарамъ послъдній ударъ. Но юный и славный государь не под-

дался ихъ увъщаніямъ, обративъ свое вниманіе на Западъ, на Ливонію.

Судя безпристрастно, выборъ его былъ хорошъ и разуменъ; у него было множество основаній желать присоединенія Ливоніи и почти столько же основаній отказаться отъ серьезнаго похода въ Крымъ. Доставка туда войскъ, провіанта и воинскихъ припасовъ черезъ степи была крайне затруднительна. Кромъ того, война съ Крымомъ легко могла вовлечь за собой войну съ Турціей, гдъ въ это время царствовалъ Солиманъ Великій. Ливонія же, столь необходимая Россіи, какъ выходъ въ море, по которому должно было придти на Русь просвъщеніе, была во всякомъ случав слабве. Спорить приходилось только съ Польшей, уже раздираемой внутреннимъ непорядкомъ, и Швеціей.

Словомъ, замыслы Ивана разумны, обличая въ немъ несомнънно дальновиднаго политика, -- и если ему не удалось присоединеніе Ливоніи, то исключительно только потому, что онъ наткнулся на препятствіе, котораго никто не могъ предвидать, вълица Баторія вдругъ народившагося въ странъ, которая давно уже не знала другихъ королей,

кромъ картонныхъ.

Начиная борьбу, Иванъ имълъ несомнънный перевъсъ надъ своими соперниками. За нимъ былъ престижъ недавнихъ побъдъ, громадная популярность, какою не пользовался ни одинъ изъ его преемниковъ. По-

бъдитель Ислама, заботливый законодатель и праведный судья, "грозный и страшный" только для великихъ міра сего, Иванъ возбуждалъ восхищение и удивление только своего народа, но и иностранцевъ. Ни одинъ изъ христіанскихъ государей того времени, -- говоритъ Дженкинсонъ, -- не былъ столь уважаемъ и вмъстъ столь любимъ своими подданными, какъ Иванъ.

Фоскарини, венеціанскій посолъ при дворъ Ивана, отзываясь съ большою похвалой о судъ этого несравненнаго государя и о простыхъ, сложныхъ законахъ, которыми онъ руководствовался всегда разумно, и умъло примъняемыхъ имъ, восхвалялъ его привътливость, его человъчность и многосторонность его познаній, блескъ и пышность его двора и образцовое состояніе его войска, причисляя Ивана къ лучшимъ государямъ своего времени.

Дъйствительно, царь Иванъ это время имълъвъ своемъ распоряженіи многочисленное войско, богатую казну, преимущество уже сплотившагося государства и, сверхъ всего этого, увъренность въ себъ, которую даетъ успъхъ. И всему этому суждено было погибнуть въ той бездонной пропасти, которой ни онъ, никто другой не могъ предвидъть, и глубины которой никому не дано было измърить.

Пер. А. Энквистъ.

(До слъд. №-ра).

Обывательщина, прожектеръ безгазетной губерніи и съѣдобность китайца. Этюдъ во вкусѣ Франца Штука, газета и о томъ, что Кай смертенъ. Задачи провинціальной печати, Ядринцевъ.

Очень заманчиво опредълить психологію обывательщины. Кажется, удивительно просто, но стоить задунаться посерьезиви,---и перо становится неувереннымъ, быть можетъ, опять-таки потому, что опредълять простое всегда трудно. Думается, однаво, что люнивая злобность-лучная формула обывательщины. Какъ всякая элобность, она -слеца и втайне жадна; какъ все ленивое, она мягкотъла. Поэтому и въ результатъ ничего, кромъ болотнаго смрада не получается: ни драмы величественной, ни преступленія, ни захватовъ. Для всего этого нужна страсть, нужны огонь и движеніе, а обыватель инертенъ, глупъ и узокъ. Характерно, что онъ не прочь-- и даже очень-поговорить о матеріяхъ важныхъ, взглянуть на то или иное, какъ настоящій заправскій интеллигенть, погорячиться о добрв, вздохнуть гражданскимъ вздохомъ о тымв и неправдъ, но вся эта принципіальная широта моментально "садится", какъ дешевый холстъ отъ первой стирки, при первомъ же прикосновенін реальнаго факта, им'єющаго прямое или косвенное касательство къ собственной обывательской персонъ и ея благополучію. "Люди смертны", — это обыватель признаеть, — "Кай — человъкъ и потому тоже смертенъ"---это тоже ему поперекъ горла не стонть. Но воть: "обыватель Иванъ-человъкъ н, слъдовательно, тоже смертенъ", этого ужъ никакъ нельзя принять безъ оговорокъ. Кай—пусть себъ хоть бы даже и въ самомъ дълъ оказался смертнымъ: прахъ съ нимъ совсъмъ, но Иванъ — нътъ-съ, — извините.

— Это еще вопросъ...

И такъ во всемъ. "Пропечатали" сосъда: хорошо, ибо первое дъло, — чтобы гласностъ. Пропечатали самого, — нътъ-съ, это ужъ того... Забылись маленько: за это — въ судъ, ибо се — диффамація! Начальство битый часъ орало на Ивана Петровича, — что же-съ: на то оно и начальство! Оно же орало полчаса на самого Сидоръ Петровича. Нельзя-съ: человъка уважать надо!

Крепостное право — зло и слава Богу, что уничтоженное. Но... Но еслибъ мив— думаеть иной землевладелецъ изъ прогорающихъ — тысченку — другую живыхъ душъ— не откажемся.

Изстари изв'єстно, что курскіе пом'єщики вообще хорошо пишуть, но, очевидно, chef d'оецуге курской письменности созданъ только теперь, подъ вліяніемъ событій на Дальнемъ Востокъ. Chef d'оецуге называется "Китай или мы" и вызванъ на св'єть Божій не испуганнымъ, а откровенно алкающимъ воображеніемъ. "Волей-неволей, — говоритъ авторъ, одинъ изъ курскихъ землевлад'яльцевъ-

дворянъ, — намъ предстоитъ борьба на жизнь и смерть съ желтой расой, и если мы будемъ побъдителями, то неминуемо должны (!) завладъть частью Китая; если же мы будемъ побъждены, то попадемъ въ монгольское рабство". (?!)

Но послъднее предположение, конечно, выставлено только для виду, какъ авкая риторическая фигура устрашенія. Внутри души авторъ убъжденъ, само собой, что мы побъдимъ, а Китай будеть подъленъ между народами. Россія нежадна: только бы съверный Китай, -- остальное, сдълайте одолженіе, разбирайте, какъ тамъ хотите, — и в шать не станемъ. "Предоставимъ пругимъ народамъ имъть арміи для держанія въ повиновеніи и выжиманія соковъ изъ провинцій южнаго и средняго Китая, мы же въ съверномъ Китат должны дать зеилю своимъ неимущимъ русскимъ, а туземное населеніе должны заставить работать безъ остатка (!) для себя и нашего государства".

"Наше государство"—это тоже для красоты слога,—въ сущности, тайно вожделеющая мысль курскаго боярина гнеть свою линію,—помочь центру. Окраины,—он'в ужъ и такъ достаточно покровительствуемы, а вотъ центръ тотъ оскудеваеть,

Будь авторъ искрененъ въ той же мъръ, въ какой онъ глупъ, онъ сказалъ бы просто: рабочихъ бы изъ кнтайцевъ намъ въ Курскую губернію,—н, по возможности, безплатно чтобъ...

Переселять въ центръ нужно съ толкомъ, на следующихъ основанияхъ:

- 1) "Во всёхъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ, въ каждомъ убадномъ городе устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно было заказывать и получать китайскихъ рабочихъ". (sic!)
- 2) "Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей въ количествѣ до сорока десятинъ, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ сорока десятинъ—на каждыя пятьдесятъ десятинъ можетъ покупать еще по одному семейству.

Примичаніе. Каждый православный русскій крестьянинъ, владъющій менъе сорока десятинъ земли на правахъ частной собственности, можетъ покупать и не полное китайское семейство, но только обязательно

равное колпчество какъ мужского, такъ и женокаго пола китайцевъ.

Оно и справедливо будеть.

Православный русскій крестьянинъ, "получивъ сорокъ лѣтъ тому назадъ личную волю отъ Государя, и съ тѣхъ поръ своимъ трудомъ выбившись изъ рабской зависнмости нащей общины, настолько потрудился въ потѣ лица своего, что съ полной сираведливостью можетъ получить въ награду китаевладѣніе. Могущее явиться опасеніе, что крестьянинъ будетъ слишкомъ жестоко обращаться съ китайцами, не выдержитъ критики въ виду того, что всякій крестьянинъ слишкомъ дорожитъ каждымъ своимъ рублемъ, чтобы онъ, истративъ его на покупку китайца, не берегъ бы его потомъ, какъ дорого имъ самимъ оплаченную рабочую силу.

3) "Всякій русскій князь, графъ, а также потомственный дворянннъ православнаго въроисповъданія, родъ котораго записанъ въдворянскихъ родословныхъ книгахъ не менъе, какъ въ трехъ предыдущихъ покольніяхъ его предковъ, и владъющій до 21 десят. земли, имъетъ право купить у казны однокитайское семейство, а владъющій сверхъ 21 дес. на каждыя 36—можетъ покупать еще но одному китайскому семейству".

Примичание. Каждый вышеупомянутый дворянинь, владыющій менье 20 десятинами земли, можеть покупать и неполное китайское семейство, но только обязательно равное количество какъ мужского, такъ и женскаго пола китайцевъ".

Дворянинъ, однако, дворяниномъ; толькослишкомъ щедро раздаривать китайцевъ тоже не слъдуетъ: напримъръ, вполнъ резонно "совершенно исключить изъ права китаевладънія баронскій титулъ, какъ ничего общаго съкоренной Россіей не имъющій, гдъ только в можно допустить владъніе китайцами".

4) "Въ составъ полнаго китайскаго семейства обязательно должны входить всъ три возраста какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. При этомъ казив следуетъ переселять и продавать подобнаго возраста и состава витайскія семейства для того, чтобы не явился исключительно спросъ на какойлибо возрастъ или полъ, который бы весь и былъ раскупленъ, и тогда съ оставщимся безъ спроса казна не знала бы куда дъваться. Также и въ дальнъйшемъ будущемъ, въ целякъ полученія правильнаго приплода житайскаго населенія, такое распредізленіе семействъ будеть самымъ нормальнымъ".

5) "Казенная цвна мужчинъ-китайцевъ младшаго—100 руб., средняго—400 руб., и старшаго возраста—100 р., а женщинъ младшаго—50 руб., средняго—200 руб., старшаго возраста—50 руб. Итого стоимость полнаго китайскаго семейства—900 руб."

"Цѣны эти назначены съ тѣмъ разсчетомъ, что если ихъ капитализировать изъ 5 проц. и при нашемъ безденежьи принять во вниманіе тотъ фактъ, что, чтобы добыть извѣстную сумму денегъ, надо задолжаться вдвое, какъ на прінсканіе этой суммы, такъ и на платежъ по ней процентовъ, то и тогда ежегодные проценты на затраченный на покупку китайцевъ капиталъ будутъ для мужчинъ 10, 40 и 10 руб., а для женщивъ 5, 20 и 5 руб., каковыя цѣны будуть все-таки не обременительны для покупщиковъ".

6) "Всякій желающій купить китайцевъ при записи въ своей увздной конторв вносить наличными деньгами половину стоимости его заказа, а другую половнну онъ уплачиваеть при полученіи заказанныхъ имъ китайцевъ". (И, на нашъ взглядъ, совершенно напрасно сразу: отчего бы не пустить вторую половину въ разсрочку?).

Предусмотрительно — не по-пом'вщичьн — авторъ озаботился и о будущимъ:

8) "Весь прирость, получившійся оть купленных в семействъ китайцевъ, поступаетъ въ полную и неотъемлемую собственность купившихъ ихъ хозяевъ".

Детальность проекта приводить его автора прямо къ палачеству:

"Лица, купившія китайцевъ, могуть отдавать ихъ въ наемъ только въ сельскохозяйственныя работы. У отдавшаго нъ наемъ китайцевъ въ какую другую работу они должны быть отбираемы въ казну и вновь ею продаваемы".

"Установить это необходимо, какъ для того, чтобы китайцы были употребляемы только для самаго тяжелаго, дающаго менте всего комфорта труда земледъльческаго и, чтобы высокая цена рабочаго труда фабрично-заводскаго доставалась всецьло въ руки нашимъ русскимъ рабочить, такъ и для того, чтобы насколько возможно съуживать кругъ всякихъ знаній китайцевъ, чтобы они по своему интеллект

туальному развитію стояли гораздо ниже кореннаго населенія и были бы въ полномъ смысль слова на положеніи илотовъ".

Мудрецъ отличенъ отъ глупца, тъмъ, что онъ мыслитъ до конца—и пунктъ II-й въ своей предести гласитъ:

"Всякій, владъющій китайцами, имфети право надъ ними жизни и смерти".

Авторъ предвидить не один апплодисменты, но не смущается, ибо въруеть:

"Несмотря на весь вопль, который эта мъра можетъ возбудить среди нашей либеральствующей клики, она необходима по следующимъ причинамъ. Во-первыхъ, она одна съ гораздо большимъ успехомъ заменить целую армію, которую безъ нея надо будеть постоянно им'ть на военномъ положенін для содержанія въ покорности китайцевъ, во-вторыхъ, въ случав возникновенія какого нибудь китайскаго бунта, мера эта, примененная въ самомъ начале надъодинмъ или несколькими китайцами, концъ-концовъ несравненно гуманнъе, чъмъ, если китайцы перерфжуть нъсколько десятковъ русскихъ, а потошъ, усмиряя ихъ войсками, придется перестрелять несколько сотень, а можеть быть и тысячь. Да и безь нужды примъненія этой крайней жестокости ни отъ одного хозяина ожидать нельзя, въ виду того, что онъ, заплативши такъ дорого за каждаго китайца, уничтожая его безъ крайней необходимости, уподобится ръжущему курицу, несущую волотыя яйца. На практикъ эта мъра будеть примъняться въ крайне редкихъ случаяхъ, а существованіе ея, какъ Дамоклова меча, необходимо".

Шила въ мъшкъ не утаншь и авторъ безстрашно ставитъ точку надъ і; да, это будетъ рабство, но не пора ли намъ перестать смотрътъ на это слово, какъ на жупелъ"? Въдь все равно "рабство физическое у насъ замъняется рабствомъ жидовскаго капитала, и народъ при немъ сталъ несравненно болье безнравственнымъ, тъмъ былъ при первомъ, несмотря на мертвую доктрину народнаго образованія и просвъщенія".

Ну, воть, н договорились, значить. "Воть въ этакомъ-то видъ, — объясняль у Глъба Успенскаго одинъ купецъ, — и всунулись мы рыломъ въ леформы!"...

* *

Не полетишь отъ хорошей жизни, а съ голодухи то ли еще запоешь!

Не можеть быть сометнія въ томъ, что авторъ, предлагающій не уничтожать китайца безъ крайней въ томъ надобности, одинъ изъ техъ, что по ошибке гуляють на свободъ, и собственно о такой яркой маніакальности серьезной р'тчи не должно бы вообще быть: записки живыхъ Поприщиныхъ ни публицистической, ни литературной критикъ подлежать не могуть. Но увъреннымъ можно быть въ другомъ: авторъ проекта не одинокъ, и втайнъ ему сочувственно вздыхають многіе курскіе и иные пом'єщики. Такой ходъ мыслей обывателю любъ, ибо сообщаеть его мягкотелости нечто теплое, какъ банный паръ, нежить мечту, располагаеть къ созерданію. Маниловскіе мосты, ведущіе въ страну крепостного счастья, снятся не маніакамъ только, — по нын і шнему временн ихъ легко услышать на страницахъ не одитахъ только аноничных брошюрь. — "Въ карманъто, въ карманъ-то норови поболъ", --- какъ говорится у Успенскаго.

Бывають эпохи, когда обывательщина перестаеть быть явленіемъ только утаднаго прозябанія, когда она выступаеть изъ своихъ пологихъ береговъ, разливается по газетнымъ листамъ, окрашиваеть въ извъстной части всю умственную живнь, когда значительная часть общества начинаеть жить желудочно-половыми мечтами; изъ случайнаго, мъстнаго заболъванія обывательская чума выростаеть въ эпидемію,—наступаеть моменть серьезныхъ заботь о леченіи. Воть, я думаю, и книжку курскаго усадебника не объяснищь одной только болізненной мечтательностью ея автора, ни его всяческимъ оскудѣніемъ.

Симптоматичной кажется мнѣ эта брошюрка.

Глупость—растеніе повсем'єстное, не зависящее ни отъ климата, ни отъ морскихъ теченій, ни даже отъ пов'єтрій, іотя сама она и можеть быть цілымъ пов'єтріемъ. Но несомн'єнно: есть особо благопріятствующія условія ея роста и цв'єтенія, а такая махровая ерунда могла всего легче произрасти въ безгазетной полос'є Россіи и, наприм'єръ, на живомъ газетномъ юг'є я ее ожидалъ бы мен'єе, ч'ємъ въ центр'є и на с'євер'є Россіи. Если можно такъ выразиться, это типичнокурская глупость, хотя съ такимъ же впрочемъ правомъ она смъетъ именоваться и калужской, и тамбовской, и рязанской, и архангельской и еще, и еще, и еще—какънноудь: безгазетныхъ губерній у насъ не пять и не десять.

Предвижу и возраженіе: скажуть—отсутствіе м'єстной газеты не есть еще полное отсутствіе или невозможность вообще газетнаго чтенія: н'єть губерискаго листка, есть столичный листь. Но, во-первыхъ, чтеніе м'єстными людьми своей газеты и столичной—далеко неодинаково, совершенно такъ же, какъ неодинакова у обывателя логика относительно смертности Кая и своей собственной смертности.

"Оно, конечно, въ Питеръ-тамъ всявая эмансипація и пивилизація, а ты воть затьсьто, въ Чухломе-то, ихъ насади, тогда и увидимъ"... Питерская логика для обывателя особая логика, не для него писанная, это разъ. Второе столичная газета обывательской этикой очень мала занята, ибо выросла изъ такихъ вопросовъ, да и задачи столичной прессы отнюдь не педагогическія. третьихъ же, добрыхъ три четверти столичмижем и омикохоон итвери понтавал ион были варостить на своемъ лженаціонализмъ именно подобный фрукть, именно такого уродца, какъ курскій прожектеръ. Не говорюуже о томъ, что ясно само по себъ: спиной уродца стоить несомивнию князь Мещерскій съ его "Гражданнюмъ", и надо серьезно удивляться только тому, что свою брошюру авторъ не провелъ раньше черезъ столбцы княжеской газеты. Вёдь, онъ же-прямое дътище гг. Мещерскихъ и Грингмутовъ, в отличается отъ нихъ только большей послъдовательностью. Дворянство — такъ — чортъ возьми!-- дворянство легкой жизни, рабство--такъ ужъ форменная власть надъ жизнью н смертью, въ коихъ онъ, рабовладълецъ, воленъ. Сепаратизмъ и націонализмъ-такъ ужъ безъ сентиметновъ-баронамъ и прочимъ "нерусскимъ"--ни ломанаго гроша.

Туть есть пріятность слушать: по крайней мере, безь обнияковь и ясность прямо циничная. Захотелось человеку оголиться до—"въчемъ мать родила"—и всё видять, что за человекъ есть. Ну, а нынешняго помещика изъ "оскудевающаго центра" мать, известно, въчемъ рожаеть: въмечте о правительственной опеке и всякой заботе, кою надлежить проявлять первеющему въ государ-

ствъ сословію. Такъ, въ этой родильной сорочкъ онъ и ходитъ весь въкъ, неустанно полагая въру свою, какъ чеховскій Симеоновъ-Пищикъ, въ томъ, что деньги и люди ихъ дающіе "найдутся". "Не теряю,—говоритъ,—никогда надежды. Вотъ, думаю, ужъ все пропало, погибъ, анъ глядь,—желъзная дорога по моей землъ прошла и... мнъ заплатили. А тамъ, гляди, еще что-нибудь случится не сегодия,—завтра. Двъсти тысячъ выиграетъ Дашенька"...

А потомъ ужъ и совсвиъ просто формулируетъ свое credo: "Голодная собака въруетъ только въ мясо... Такъ и я... могу только про деньги".

И мив представляется авторь брошюры такой же вотъ голодной собакой, върящей только въ мясо, аппетить которой разожженъ тами жареными жирными утками, конхъ, такъ сладостно смакуя, живописують нещерскіе художники. Ему, этому пом'вщику, стервятинкой отсрочекъ и разсрочекъ питаться надобло и захотблось полакомиться живымъ теломъ, съ причмокомъ пососать живую, теплую кровь. Его православно-русской точкъ зрѣнія, очевидно, не претять и ей не противорвчать вождельющіе вкусы антропофага, тянущагося къ китайской свежинке.. Что эторабство-понятно и такъ, ясно это и самому автору, --- значить, толковать не о чемъ. Но и самая страсть эта къ китайскому даровому блюду объясняется просто. --- и вовсе не соображеніями людобдскаго гурманства: о возврать счастливых дней крипостнаго Аранхуэса наши Edelmann'ы даже молиться Богу перестали, а русскій челов'якъ — это еще Тургеневъ замътилъ-молится всегда о чудъ. Такъ безнадежны эти упованія. А о китайской закрыощающей операціи рычи еще никогда и нигдъ не заходило,-почему бы, следовательно, и не попробовать? Чемъ не шутить чорть? Ну, и пробують. Въ курской темени родныхъ осинъ это можеть быть н неясно, со стороны---виднъй и курскому прожектеру следуеть разочароваться въ своихъ надеждахъ возможно поспъшнъй. Изъ голодныхъ замысловъ и голодомъ диктуемыхъ брошюръ пока ничего не выходило путнаго. Да и при всей своей последовательности оный прожектерь по младости леть и опыта въ сихъ делахъ вельии ненскусенъ.

Махинаціи такого рода у насъ проводять съ политикой, съ тонкостью, будто сторонкой, и говорять въ такихъ случаяхъ иносказаніями, и будто совстив не о томъ, что по настоящимъ чувствамъ хочется высказать. Несменно выдвигаемая имъ ссылка на православіе и народность самая заурядная мапіеге de parler и даже не прячеть "умысла другого"—дешевизны китайскаго питанія и кватанія за последнюю соломенку, ею же да воскреснеть дореформенное Эльдорадо!

Много заниматься этой ерундовой книжонкой просто же не хочется. И я не думаю, чтобъ въ ціломъ самодурный проекть отважнаго курянина пришелся кому бы то ни было по сердцу, — даже изъ широкой категоріи "прогорающихъ". Но онъ мні кажется типичнымъ для тіль низинъ, до которыхъ можетъ опускаться откровенная мысль обывателя.

Въ сущности, неоспоримо то, что въ провинціи д'ятели-единицы. Люди-есть, человъка --- нътъ. Существуетъ огромная многоголовая гидра провинціальной толпы, а на нея настоящихъ общественныхъ работниковъ--разъ, два и-обчелся. Какое-то ужасающее, нстерзывающее и обгладывающее душу безлюдье, мертвая зыбь, тростниковый пассивный шорохъ наклоненія и сгибанія! Временами, подъ вліяніемъ такихъ наблюденій, приходишь въ настоящій трепеть оть мысли о той опасности, какую представляеть для нашихъ интеллигентныхъ низовъ ницшевниямъ, какъ дико-страшны могуть быть истолкованы члены его симвода, какая незаполняемая пропасть стоить разверстой между верхами аристократически-мыслящихъ немногочисленной группы интеллигенціи и длинной шеренгой sub -- интеллигенціи, -- не говоря уже о народъ. У Чехова въ послъднихъ произведеньяхъ то и дело повторяется: "надо работатать". И, конечно, надо работать и много работать. Но какъ бы ни была усердна работа и сколько силъ въ нее не вложить,---- чтобъ результаты ея имфли положительную, не отрицательную ценность, нужно нечто болье важное, чыть даже самь трудь и потребность въ немъ. Необходимы общія віхи, серьезное усвоение элементарной общественности, -- мы нуждаемся въ общихъ идеяхъ, намъ не хватаеть системъ воззрѣній, соціальнаго воспитанія. У насъ, если можно такъ выразиться, огромная духовная мускулатура, непочатый край молодыхъ силъ, но у насъ нъть ни знаній, ни смълости, ни доступной

возножности часто, которыя сумели бы ихъ направить, научнии бъ выходу, указали точки приложенія. Какъ-то непостижимо-обидно случилось такъ, что вся наша исторія привела насъкъ трусости и праздноболтанью. къ рыцарству на часъ, къ деспотін практики, къ общественной непоследовательности. Больше всего и прежде всего нуждаемся мы въ воспитывающемъ началъ общественности, въ самодъятельности. И это чувствують всъ. знаеть сверху до низу каждый, всеми говорится, отъ всехъ слышатся въ этомъ направленін однѣ и тѣ же жалобы и общія сътованія. А мы не имъемъ даже газеть. въ провинціи он' отсутствують совсемь и именно тамъ, где въ нихъ нужда особенно настоятельна. Въдь, объ этомъ подумать страшно. А потомъ, когда случится, что громъ грянеть, мы сокрушенно хлопаемъ себя по бедрамъ, ужасаемся да покачиваемъ стыдливо головой. Развъ же это не признакъ духовнаго растленія-вотъ эта брошюра, --- даже если она единична, --стыдно и больно! Сейчась лучшая часть общества многаго ждетъ, вся она---въ надеждахъ, сверкнули какія то великія зарницы, но когда вглядишься въ то, что было, когда вспомнишь, что есть, на мигь будто кто-то злой и подлый вдругь разостлаль постель мечть. Лучшіе люди у насъ одиноки до сиротства, до жалости и боли. Общества въ лучшемъ смысле слова у насъ нетъ совсъмъ, --- у насъ есть гости и знакомые, и совершенно нътъ ни кружковъ, ни интеллигентныхъгруппъ. Русское единеніе—это "я"— "ты", а "онъ" уже ившаетъ. Говорятъ, что русскій челов'єкъ гостепрінменъ. Да, въ размърахъ, не превышающихъ рюмки водки, да и то серый человекъ, темный людъ. Попробуйте подойти къ интеллигенту,--- и васъ отшатиеть холодъ, оглядка, сознаніе, что вы мъшаете, что вы-лишній. Болье разъединенныхъ людей, чемъ мы, трудно выдумать. Всякій новый человікь, даже въ провинцін, прежде всего ощущаеть косую подозрительность, идущую со всемъ сторонъ, съеживается, мельеть и торопится приспособиться.

О такихъ людяхъ, какъ работники печати, говорить нечего: тутъ ужъ буквальное монашество на міру,—ни знакомства, ни друзей, ни даже сочувствующихъ. Мы недовърчивы, несмълы, непартійны. Въ насъ не хватаеть иниціативы, мало знаній, ність программъ, продуманныхъ системъ, прочувствованныхъ идеаловъ, выношенныхъ сердцемъ задачъ общественной любви.

Екатерина II про помъщиковъ своихъ выражалась: "Мон сто тысять полиціймейстеровъ", и это была формула върная; но чтобъ въ двадцатомъ въкъ, въ въкъ Толстого и Менделвева, Горькаго и Антокольскаго, одинъ изъ помещиковъ, для спасенія своего сословія, писаль и при помощи типографскаго станка пускаль во всеобщее сведение палачевый проекть о закренощенін людей одной національности людьии другой, дабы-первые были "наряжаемы" на работы санаго тяжелаго тина во имя блага н бездалья вторыхъ, --- что хотите, но это ивчто, превышающее самыя дерзкія ожиданія;--по своему невыразимому, не челов'вческому уродству превосходящее всякую каррикатуру и всякій шаржъ... Если хотите это--прекрасная (именно въ своей безитриой, чисто абстрактной типичности) тема Францу Штуку для картины, которую лучше всего было бы наввать: "Голодная злоба". Стучащіе зубы, давно не вкушавшіе свъжинки; маленькій узкій лобъ кретина; растопоренные костиявые длинные пальцы, исхудалое, оскуленное лицо, -- а вся фигура -одно горячее, одно знойное желаніе: "жрать"! И тусклые, плотоядные глаза...

То большинство, что составляеть нашу нровинцію, Шелгуновъ окрестиль собирательной посредственностью. Но надо помнить, что это-среднее ариеметическое только, и если въ каждой толив существують надъ толпой возвышающіеся, то значительная часть найдется стоящихъ и неже средняго уровня этой собирательной посредственности. И если средняя норма этой толпы погружаеть интеллигентнаго пришельца въ сонъ и утишаетъ его голосъ до неслышности, -- какъ бываеть въ комнать, гдъ мягкая мебель, и ияткіе ковры и драпри--тоже мягкія,--то есть еще злобный поддоновъ этого интеллигентствующаго стада, отъ котораго можетъ жутко прійтись каждому.

Но, въ сущности, культуръ приходится примирять съ собой одинаково и тъхъ, и другихъ. Беря въ примъръ одного изъ ем въстниковъ—газету—приходится прямо отмътить: появление ея гдъ-нибудь въ Тамбовъ. въ Калугъ, въ Рязани неизбъжно вызвало

бы ніжій змівный шипъ, —если не прямо противъ гласности, то ужъ противъ редактора и вообще "газетчика" — всенепремівнейте. Человіческая пошлость вообще гораздо значительній, чінъ объ этомъ причято обыкновенно думать, а при нашемъ русскомъ нелюдимстві, нашей некультурности и нашей всеопаскі и оглядкі, віками привитой нашему сердцу, это — уже настоящая каменная стіна, разбирать которую нужно по кирппчику; это — глыба, которую нужно разсасывать волнами и годами. При нашемъ же шопотливомъ голосі туть, пожалуй, понадобятся и віка.

Не угодно ли ведя газету въ томъ же самомъ Курскъ, не столкнуться въ качествъ "либеральствующей партіи" съ такимъ Иваномъвонномъ китайскаго рабства. — Прямо немыслимо. Ну, вотъ вамъ и старая Жеденовская исторія: помните, когда стръдялъ въ нъкогда типайшаго Меньшикова земскій начальникъ Жеденовъ по тому основательному соображенію, что "я, Жеденовъ — дворянинъ есмъ", но ничто, молъ, разбойническое мнъ нечуждо...

Съ увъренностью можно сказать, что тугь или расправа будеть или, по меньшей мъръ привлечение редактора къ суду и, конечно же, за диффамацію, нбо туть ии къ правдъ, ни къ истинъ аппедировать невозможно. Въ провинцін это сплошь да рядомъ. Воть вамъ факть—вчерашняго дня.

Приговоромъ кутансскаго окружного суда, редакторъ газеты "Черном. Въстн." г. Пальмъ былъ признанъ виновнымъ въ деффамацін за пом'вщеніе зам'етки о н'вкоемъ г. Озолъ. Въ заметкъ сообщалось, что г. Озоль произвель захвать земли въ м. Махинджауры у члена городской управы Иванова, съ каковою целью онъ ночью ставиль столбы на землъ Иванова; когда же стражникъ и старшина явились ону помъшать, онъ ихъ оскорбилъ словами, о чемъ и былъ составленъ протоколъ. Несмотря на объясненіе г. Пальма, что замьтка о г. Озоль была имъ провърена путемъ справки въ батумскомъ окружномъ управлении, почему онъ и считалъ себя въ правъ огласить ее въ отдълъ хроники, не имъя при этомъ въ виду новредить чести и доброму имени г. Озоля, окружный судъ находиль, что для состава даннаго преступленія безразличны какъ справедливость или несправедливость оглашаемых опорочивающих обстоятельству, такъ
и нампъреніе, съ которыть это оглашеніе
было сдълано. Въ виду этого окружный судъ
призналъ г. Пальма виновнымъ и приговорилъ его къ денежному взысванію въ размъръ 50 руб. и къ удовлетворенію гражданскаго иска въ размъръ 150 руб. Дъло
было перенесено обвиняемымъ въ тифлисскую
судебную палату, и только тутъ, наконецъ,
приговоръ окружнаго суда отмъненъ, и г.
Пальмъ признанъ по суду все-таки оправданнымъ.

А много ли и такихъ оправданій?

* *

"Область-воть девизь, съ которымъ мы выходимъ среди другихъ органовъ печати", заявлялось въ первомъ номерѣ "Восточнаго обоврънія" Ядринцева. Сибири, любиль покойный публициоть, какъ мать, Ядринцевъ отдалъ все свои силы и все-таки, когда, по вол'в обстоятельствъ, пришлось газету перенести изъ Петербурга въ Иркутскъ, получилась одна горечь: "Сибирская публика, -- говорить Потанинь, -- привыкла къ петербургскому "Восточному Обозранію" и не могла примириться съ пркутской физіономіей газеты. Къ редакціи предъявлялись прежнія требованія; въ город'в ходили каланбуры на счеть жеденькаго содержанія газеты. Ядринцева огорчало такое отношеніе иркутской интеллигенціи".

И такой пріемъ встретила газета заправскаго публициста, большого сибирскаго края, ражо добросовъстнаго изследователя его, человека большихъ живыхъ связей съ местнымъ обществомъ, --- ния котораго было въ Сибири даже популярнымъ. Что же говорить о всых других работни-Кать и діятеляхь провинціальной печати?! Положимъ, было это не вчера всетаки, а иятнадцать леть тому назадъ. Кое-что съ тъхъ поръ отвоевано и заработано, но въ общемъ положеніи областной прессы перемізнъ нізть и понынів. Тогда "Гражданинъ" проектировалъ упразднить всю частную печать, считая благой возможностью замівнить ее оффиціальными "Губерискими Въдомостями", но и два года тому назадъ толки и предположенія такого же рода были тоже въ ходу, также говорили о необходимости расширенія неоффиціальной части "Губернскихъ В'єдомостей" и о суженіи разм'єровъ провинціальныхъ газетъ: ихъ-де и безъ того много, и всё онё только д'єлу м'єшаютъ.

Прежде, какъ напримъръ, въ Минскъ губернаторъ долго отклонялъ ходатайство о газеть подъ тымъ предлогомъ, что для управленія губерніей ему газета не нужна, да и вообще правительство въ услугахъ провинціальной печати не нуждается. Но и теперь многія ходатайства о разрішеній областной газеты остаются только ходатайствами и опять-таки по темъ же соображеніямъ. А жизнь растеть, ширится, рвется. Большія дъла стоятъ неръшенными, внутри Россіи невъжество и темнота. Сама страна огромна, но въ ней итть не только знаній, но отсутствуетъ даже знаніе ся самой. Сейчасъ нашъ народъ потянуло къ наукъ, деревня уже готова была бы въ лицъ дучшихъ своихъ представителей войти въ соприкосновеніе съ газетой, а си ність, и всістолько чего-то ждуть и молчать.

Было нъсколько попытокъ основать газету въ Тамбовъ—ничего не вышло. Гласности у насъ боятся, какъ огня, что слово "корреспондентъ" — почти ругательство? На дняхъ, напримъръ, въ Симферополъ былъ такой случай.

Нѣкій г. Городковъ состоядъ членомъ мѣстняго чиновничьяго клуба и пользовался доброй репутаціей вполнѣ порядочнаго человѣка, съ которымъ пріятно и рюмку водки выпить, и въ винтъ поиграть. Но вздумалось г. Городкову заняться литературой, сталъ пописывать въ мѣстной газетъ. Пошли, конечно, обличенія. Всякія темныя клубныя дѣлишки сталъ гласности предавать, и члены клуба сильно возмутились.

— Какъ! Свой и такъ ченетъ своихъ! Чина, званія, можно свазать, не щадить! Не потерпимъ...

И точно—не потеривли. Устроили сходку и подали въ совътъ старшинъ заявленіе, подписанное сорока лицами, объ исключеніи г. Городкова изъ числа членовъ клуба, въ виду "зловредной и недостойной члена клуба корреспондентской дъятельности его"...

Созвали общее собраніе, и постановило собраніе: исключить г. Городкова изъ числа членовъ, такъ какъ корреспонденты газеть не терпины въ порядочномъ обществъ... Но г. Городковъ виъсто того, чтобы спасать душу послъ содъянныхъ имъ прегръщеній, предъявилъ къ совъту старшинъ искъ о возстановленіи его въ правахъ и, кромъ того, возбудилъ дъло въ городскомъ судъ по обвиненію 41 члена въ оскорбленіи на бумагъ.

Городской судья призналь дело себе неподсуднымъ, и тогда г. Городковъ аппелировалъ въ събалъ.

Тутъ-то корреспонденть обнаружиль смълость, даже граничащую съ дерзостью.

На вопросъ предсъдательствующаго, что онъ скажеть по дѣду, г. Городковъ... корреспонденть, простой корреспонденть становится у столика (чрезвычайно независимое мъстоположеніе) и просить объ отводъ предсъдательствующаго!

Оказывается, что предсёдательствующій въ съёздё есть тоть самый г. Росинцкій, который, какъ предсёдатель совёта клубныхь старшинъ, подписаль журнальное постановленіе объ исключеніи Городкова изъсостава членовъ клуба. Этоть-же г. Росинцкій привлекается въ окружномъ судё по иску Городкова къ клубу о возстановленіи въправахъ.

После недолгаго совещания судъ отказаль Городкову въ отводе председательствующаго.

Г. Городковъ это решеніе съезда переносить теперь на разомотреніе губернскаго присутотвія въ кассаціонномъ порядке... И объ этомъ провинціальная газота пишеть, какъ о смелости не заурядной.

Простой, самый обывновенный корреспонденть и вдругь этакое страстное желаніе отстоять свои права!

...Недавно въ Одессѣ фельетониста г. Омегу ударилъ какой-то велосипедистъ, оскорбленный несочувственнымъ отзывомъ газеты, и ударилъ, прямо явясь въ помъщеніе редакціи, откровенно, не стыдясь, какъ бы дѣлая естественное, должное и освященное преданіемъ...

Что-жъ улыбаться, если при такихъ условіяхъ газеты объявляють, какъ объ особенной и редкой радости, о такихъ маленькихъ своихъ торжествахъ, какъ выпускъ двухтысячнаго номера (случилось на дняхъ у "Съверо-Западнаго Слова"), или пріобрътеніе собственной типографін, — (сдёлалъ

"Съверо - Западный Край" въ прошломъ мъсяцъ).

Оказалось, что до этого "Краю" приходилось печататься въ частной типографіи, а тамъ соглашались набирать только то, въ чемъ содержатель типографіи былъ "солидаренъ" съ редакціей!..

А между твиъ потребность въ газетв и прессъ должно ощущать и само правительство. Пресса всегда была наиболъе дъятельной помощницей въ деле местнаго управленія. Она раскрывала нужды, поднимала вопросы, следила за местной жизнью, изобретала и копила матеріалы, воевала съ неправдой въ самомъ широкомъ слова. Она много боролась, и борьба была нелегка. Приходилось встречать не единичнаго, а часто пелыя корпорацін, цізыя сословія, кружки, думы. У всъхъ на памяти случай изгнанія мъсяца три тому назадъ газетныхъ референтовъ изъ кіевской дуны.

Теперь тоже самое въ волжскомъ городъ. Въ царицынской думъ поднять вопросъ о томъ, какъ обуздать мъстный "Въстникъ" и какія мъры принять противъ него.

Вопросъ поднять гласнымъ Трескинскимъ и поднятъ всего только потому, что гласный Трескинскій имълъ какіе-то личные счеты съ репортерами газеты и пожелалъ "насолить" имъ.

На застданіи думы городской голова, доложившій собранію предложеніе гласнаго Трескинскаго, вполит присоединился къ нему.

 Эти газетчики только и дѣлають, что набрасывають тынь на дѣятельность уважаемыхъ представителей города!..

Въ чемъ, однако, выразилась эта "тънъ", какіе такіе "уважаемые" д'ятели нашлись въ думъ, объ этомъ такъ ничего и не пришлось услыкать.

Въ собраніи исключительно занялись вопросомъ обузданія.

— Да что тамъ много толковать? Не пускать ихъ въ засъданія... и всего туть! — ръшили гласные.

Пожеланіе высказано было единогласно. И только одинъ голова запротестоваль, да и то потому, что слишкомъ ужъ "консервативно" выходить...

Сначала было ръшили обязать репортеровъ представленіемъ отчетовъ на думскій просмотръ, т. е. установить "контроль". Но, очевидно, понявъ всю безсимсленность такой затви, пришли къ иному, болъе цълесообразному и болъе дъйствительному ръшенію.

Голова предложиль ни мало—ни много: "Обратить вниманіе кого сладуеть на поведеніе "Въстника"...

— Кого слѣдуетъ! Чувствуете, господа? И голова сдѣлалъ удареніе на этихъ словахъ, а собраніе вполнѣ присоединилось кънему...

Таковы размітры и способы борьбы съ печатью.

Двъсти лътъ существуеть она на Руси и, кажется, пора бы оцънить всю значительность ея роли.

Наконецъ, въ общей массъ выросъ и чи-

Для многихъ и многихъ уже лицъ въ наши дни,--- иншеть г. Пъщехоновъ въ статьъ своей "Пора ръшить",---кинга, журналь, газета служать предметомъ непосредственнаго, такъ сказать, потребленія, для однихъ - предметомъ своего рода роскоши, нсточникомъ более или менее часто испытываемаго, болъе или менъе высоко цънимаго удовольствія, для другихъ--предметомъ необходимости, средством удовлетворенія сдълавшихся уже насущными морально-интеллектуальных в или дыловыхъ потребностей. Кругъ такихъ лецъ, у которыхъ печатное слово вошло въ обиходъ повседневной жизии, растеть въ наше время съ поразительною быстротою. По сравненію, однако, съ главною массою населенія-непросв'єщенною и даже безграмотною-численность ихъ приходится считать пока ничтожною. И есля бы всв задачи печати сводились къ обслуживанію гороти людей, им'вющих съ нею непосредственное общеніе, то вопрось о ея положеніи мы, можеть быть, и не рішились бы считать особо важнымь и настоятельно неотложнымъ. Но эта функція не составляеть не только исчерпывающей, но и главной задачи печати. Не умственной только аристократін, не образованному лишь обществу призвана служить она, а всему народу.

Печатное слово—это самое надежное оредство для распространенія истины и самое могучее орудіе для завоеванія справедливости. Не столь важны при этомъ техническія особенности печати, дающія ей возможность пользоваться всею суммою знанія,

которою располагаеть въ данный моментъ человъчество, и дозволяющія всякую мысль быстро дълать достояніемъ массы, сколько внутренняя тенденція, свойственная печатному слову,—служить правдъ. Діло въ данномъ случать не въ личномъ составъ діятелей печати, среди которыхъ можно встритить людей самаго разнообразнаго умственнаго и правственнаго ценза, а въ основныхъ свойствахъ публичнаго слова. Къ доводамъ истины и справедливости нензмітно обращается печать, и только въ нихъ однихъ лежить прочный залогъ ея вліянія.

Это не значить, конечно, что все "что напечатано, то правда". Въ печатное слово можеть облечься и искреннее заблужденіе, и заведомая ложь, и самая черная неправда. Однако, тягот вющая надъ печатью необходимость служить правде столь неогвратима, что даже злейшіе враги последней, появляясь на печатной арень, вынуждены заявлять себя покорными ея слугами. Печатное слово, по существу публичное и само по себъ свободное отъ насильническихъ атрибутовъ, мы считаемъ самымъ надежнымъ слугою истины я справедливости. Для того же, чтобы печать успъшно выполняла эту центральную свою задачу, нужно одно, чтобы гласность не знала преградъ, чтобы печатная неправда не поддерживалась извив насиліемъ.

Эта точка зрвнія на прессу, почти безспорная въ болве культурныхъ странахъ, у насъ, къ сожалвнію, далеко еще не пользуется общийъ признаніемъ. Еще недавно въ русской журналистикъ было заявлено, что "современная печать есть громадная сила, но злая сила, въ смыслъ преобладанія въ ней безиравственнаго надъ правственнымъ, и вреда, какъ вліянія на людей, надъ пользою". Авторъ этого не совствит грамотнаго изреченія ки. Мещерскій,—самъ дъятель "злой силь"—ръшительно вмъстъ съ тъмъ заявилъ, что "никакого расширенія права слова не нужно".

"Всякое государство, по его мивнію, въ своемъ историческомъ ході двигаясь впередъ, съ прогрессомъ цивилизаціи соединяетъ постепенное паденіе нравственнаго уровня и усиленіе разврата". Вполив понятно, что для діятеля застоя и реакціи, какимъ столь откровенно заявляеть себя ки. Мещерскій, печать—этотъ могучій двигатель впередъ—

является элою силою. Силой убѣжденія, конечно, нельзя удержать человѣчество на мѣстѣ и тѣмъ болѣе подвинуть его назадъ. "Консервативная печать, признается кн. Мещерскій, была все время очень слаба, это, увы, печальная правда, сравнительно съ либеральною". Вполнѣ понятно поэтому, что безсильные словомъ, наши охранители такъ сильно боятся расширенія его права.

Мы смесмъ, однако, думать, что посылка на счеть "злой силы" и сдъланный изъ нея кн. Мещерский практическій выводъ опираются не только на философскія соображенія о томъ, позади или впереди человъчества его счастье. Служа правде, служить прежде всего и больше всего самымъ темнымъ и самымъ беднымъ классамъ населенія, - тімъ классамъ, интересы которыхъ находятся въ непримиримомъ противорвчін съ охраняемыми кн. Мещерскимъ привплегіями. Для невъжественной и забитой массы печать является ч насъ не только важнёйшимъ, но подчасъ н единственным истолкователемъ ея нуждо и самымъ надежнымъ ея представителемъ. Изо дня въ день оглушаемый грохотовъ фабричныхъ машинъ рабочій, періодически опухающій отъ цынги мужикъ н медленно, но неуклонно вымирающій остякъ,--хотя бы они никогда не брали въ свои намозоленныя руки книги и газеты, котя бы они были вовсе безграмотны и даже не знали о существовании печати,---не менъе, а можеть быть во иного разъ сильнъе заинтересованы въ правильномъ исполненіи ею своихъ функцій, чемъ самые просвещенные слои населенія.

И если вопрост о положении печати необходимо считать важнымь, то не потому, что онъ важенъ для насъ, ея дъятелей, у которыть всякое напоминаніе о немъ отзывается нестерпимою болью въсердцё; и не потому только, что онъ важенъ для нашихъ читателей, непосредственно заинтересованныхъ въ качествъ читаемыхъ ими произведеній, но и потому, что онъ важенъ для тъхъ, интересами которыхъ мы стремимся, по мъръ свонхъ силъ и въ предълахъ доступной для насъ возможности, освъщать всть текущія явленія жизни"... *)

^{*)} А. Птинехоновъ. На очередныя темы. Ма-

... Никто, конечно, не закрываеть глазъ на темныя и отрицательныя стороны печати. Хорошо всё знають, что не одна пшеница произрастаеть на нашемъ газетномъ поль, —есть, само собой разумется, и плевелы: недостатокъ знаній и даже простой начитанности у многихъ работниковъ, отсутствіе интереса къ мёстнымъ вопросамъ областной жизни и многое другое.

За последнее время вошло въ обыкновеніе "выписывать" сотрудниковъ, — чаще всего изъ столицъ, и это большая ощибка. недыя отрицать, что общія точки зрінія у столичнаго работника усвоены, быть можеть, ясный и тверже; перспективы общественныя, возможно, видней, -- словомъ, ему легче и проще бросать на всю русскую жизнь общій ретроснективный взглядъ. Но, во-первыхъ, это -- справединво для переселяющагося въ провинцію столичнаго работника печати только въ продолжении перваго года, много двухъ летъ, а бываеть въ большинствъ случаевъ и такъ, что эта "свъжесть" и "широта" испараются втеченіе первыхъ же несколькихъ месяцевъ. Быстропроисходить ассимиляція сь окружающей средой, пріважаго человіка охватываеть иная атмосфера гораздо болве узкихъ интересовъ, меньшихъ задачъ и цалей, начинается процессъ приспособленія къ жизни, которая ему чужда, для него неродственна, на свои отношенія къ которой онъ инстинктивно смотрить, какъ на временныя. Ни полюбить этого муравейника у него нетъ силъ, ни войти въ его интересы съ головой, ни сжиться, ни даже стерпъться. Наступаеть обычное охлажденіе; холоднымъ равнодушіемъ въеть отъ статей, не выдающихъ ни знанія окружающей среды, ни нониманія истинныхъ нуждъ данной дъйствительности.

Область сама должна родить своихъ печатныхъ слугъ, а не прибъгать къ займамъ на сторонъ, нбо ничего эти займы не даютъ. А отсюда и другой выводъ: разъ мъстная газета должна создаваться и вестись мъстными силами, не слъдъ ей и въ распредъленіи отдъловъ бъжать за столицей. Говорятъ: фельетонъ—душа газеты, но многимъ изъ провинціальныхъ газетъ можно отъ души посовътывать упраздненіе фельетона,—такъ

теріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 1904. онъ смехотворно и жалостно плохъ у нихъ: таланта иетъ, легкости и гибкости—тоже, остается, по крайней иеръ, мысль, но... Но и ея иетъ сплошь и рядомъ. И что это застранная погоня, чтобъ непременно былотакъ, "какъ въ Петербургъ"! Изъ-за этогото и народилась целая туча утомительно жужжащихъ вомаровъ, старающихся, однако, во что бы то ин стало писатъ а 1а Дорошевичъ, а на самомъ деле пишущихътолько несуразно-безграмотно.

Смъщныхъ сторонъ, какъ и печальныхъ, много въ провинціальной печати, но и изънихъ все-таки самая ужасная сторона — административная цензура — и всё это хорошо знаютъ. Даже при самомъ поверхностномъ и несерьезномъ отношеніи къ мъстнымъ вопросамъ со стороны той или иной газеты, она всетаки полезна, а не вредна. Безъ всякихъ традиціонныхъ "передовыхъ", безъ пресловутаго фельетона — одна хроника и корреспонденты уже дълаютъ большое и нужное дъло, которымъ нужно всячески дорожить и которое слъдуетъ всячески поощрять...

У Шелгунова въ одномъ мъстъ высказанъ любопытный ваглядъ на провинціальную печать: ея роль—констатирующая, наслъдующая, научающая, она—скоръе ученая, чъмъ публицистическая или политическая; она—зеркало, но не идей, а положеній. Печать эта хозяйственная.

Но теперь ограничиться одной только этой. ролью провинціальной печати не приходится... Помимо всякихъ другихъ соображеній, изучать что бы то ни было возможно лишь подъ определеннымъ угломъ зренія. Приступать къ изследованію какой бы то ни было стороны жизни необходимо вооруженнымъ определеннымъ идеаломъ: нначе выводы изъ такого изследованія и результаты изученія окажутся очень плачевными. Провинціальная печать не можеть и не должна ограничиваться простой ролью статистика. Такъ же, какъ и столичная, какъ и всякое вообще печатное слово, она должна проповъдывать определенныя верованія, учить разъ навсегда. установленному для нея пути вести, къяснымъ идеаламъ общечеловъческаго характера. Разница въ томъ, что она выводы и слъдствія добываеть путемь анализа містныхъ фактовъ: это наглядно, это убъдительно, ибо то, что всь люди смертны и смертенъ Кай-повторяю-у обывателя не вызываеть ни сомитній, ни боли, а вызвать эту боль, и мысль разбудить возможно лишь, анализируя мъстный, кровный его интересъ, затрогивая вопросъ, ему ясный, дорогой и близкій.

Было такое время, когда даже доброжелатели провинцій, по словамъ г. Гусева *), отыскивая выходъ, шли на удивительные компромиссы. "Они соглашались на то, что бы ограничить роль провниціальной газеты узвими рамками сухой статистики, этнографін, исторін, даже археологін. Пусть провинціальный писатель собираеть песни, описываеть нравы, подсчитываеть родившихся и умершихъ, но пусть онъ текущія, животрепещущія нужды, потребности, интересы своего угла-пусть все это онъ оставить въ сторонъ. Онъ не сведущъ въ этомъ, онъ можеть оставить это для столицы, если она заблагоразсудить обратить свое вниманіе". По уже во время министерства графа Толстого она заставила о себъ говорить. Администрація хотя и не признавала ея существованія формально, однако, считаться съ нею уже начала. "Въ книгъ, изданной саратовскимъ литературнымъ фондомъ ("Саратовскій Край", вып. І. 1893 г. стр. 291) напримеръ, разсказывается фактъ, совсемъ похожій на анекдоть. Графу Толстому, по какому-то случаю, несомитнио, никакого удовольствія редакціянь недоставившему, были предъявлены Лем мъстныхъ газетъ. И онъ "изумился ихъ объему и характеру".

Немного позже пришлось, можеть быть, даже противъ желанія, познакомиться и съ "объемомъ", и съ "характеромъ", а когда наступили голодные годы, то и совствъ нужно стало прислушиваться къ тому, что говорять, хотя и съ дозволенія губернской цензуры, эти "Листки", "Въстники" и "Листки", "Въстники" и "Лиевники".

Идею областной газеты страстивй и глубже других выносиль въ себ покойный Николай Михайловичъ Ядринцевъ, со смерти котораго, кстати, исполнилось въ прошломъ жъсяцъ десять лътъ **). Вольшаго панегириста провинціальной печати исторія рус-

ской прессы не знаеть до сихъ поръ. Ядринцевъ смотрель на этотъ вопросъ, какъ завзятый областникъ, упорно настанвая на оригинальности и внешняго распредёленія газетныхъ рубрикъ, на самобытности внутренней и особенно на всей самостоятельности областнаго органа, на его независимости отъ столичной печати, на его непохожести.

Какъ и следовало ожидать, ему претилъ подражательный тонъ провинціальной печати и то, въ чему, напримъръ, Шелгуновъ относился безразлично, а г. Гусевъ отнесся даже иронически, Ядринцевъ ставиль въ первую голову, считаль главной и едва ли не единственно важной задачей газеты въ провинціальной области. Въ своей автобіографіи онъ ставигь девизомъ, чтобъ "каждая русская область могла иметь свои интересы, и воззрвнія провинціала были особые отъ столичнаго централизатора". Говоря про свою работу въ "Камско-Волжской Газетв", онъ особенно подчеркиваеть свою сивлость нападокъ на столичную печать, свое сторонничество децентралистического направленія. свой идеаль областнаго провинціальнаго возрожденія. Особенно горячо принималь онъ къ сердцу и огорчался незнаніемъ и непониманіемъ провинціальной прессой своихъ задачъ. Она, по его словамъ, не находитъ даже, чемъ заниматься, не определила народныхъ интересовъ въ томъ районв, гдв издается. "Провинціальная газета все еще занимается фонарями, мостовыми, водопроводами и дальше театральныхъ скандаловъ не идетъ".

Это глубово возмущало Ядринцева: какіе туть фонари и мостовыя, когда каждая мъстность въ извъстныхъ географическихъ границахъ, со своими топографическими, этнографическими особенностями, а вследъ за этимъ съ особыни экономическими интересами, свойственными ей, должна посвящать себя разработить мъстныхъ своихъ интересовъ! Особенно глубовое сожалвніе вызывало у Николая Михайловича отсутствіе интеллигентныхъ силъ, притомъ силъ постоянныхъ, мъстныхъ, съ живыми и серьезными привязанностями къ данному краю, съ готовностью для него трудиться и работать, жертвовать своей жизнью, приносить на алтарь краевого блага свои способности, познанія и время. "Всв мы бродимъ, —писалъ

 ^{*)} С. Гуссез (Слово-Глаголь). Наше общественныя дёла и бездёлье. 1902.

^{**)} Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Віографическій очеркъ. Сиб. 1904.

Адринцевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, всѣ мы случайно пристаемъ къ какому-иибудь дѣлу, и нѣтъ у насъ связи, нѣтъ интересовъ съ народомъ".

Ограниченность задачъ онъ считаль чуть не отговоркой, а томленіе небольшимъ дівломъ и его спеціальностью просто не признаваль.

"Говорять, что провинціальные вопросы слишкомъ мелки. Да, конечно, такъ, какъ они понимаются нынт. Но свяжите изъ съ жизнью народной, крестьянства--- и они не будуть мелки. А облегчение народа, помощь даже въ самой ничтожной степени есть вещь благородная, отъ которой не следуеть отказываться, Безъ тысной связи съ народомъ вообще всякая интеллигенція—нуль. Интеллигенція булеть парить въ облакахъ, а тело пресмыкаться. Сойтись же съ народной жизнью можно только на почве местных интересовъ: воспитаніе народа можеть идти только этимъ путемъ, отъ первыхъ его нуждъ, отъ простыхъ настроеній къ болье общимъ, Когда вы заговорите на этой почве съ народомъ, вы будете повяты.

"Я говорю, тто каждая группа въ Россіи по мпьстностямъ инветъ свои интересы, свою жизнъ, свои потребности. Оживленіе этой группы ивстности связано съ развитіемъ и оживленіемъ всецёло народа. Только тамъ, за границей, народная живи оживлена, гдё каждая часть государства живеть и инветъ представителей своихъ интересовъ, инветъ своихъ ивстныхъ дёятелей. Въ Россіи не только малыя мёстности, но цилыя областныя группы лежать мертвыми. Воть какое инветъ значеніе провинціальный вопросъ, которое не сознають провинціальные газеты и писатели.

"Въ общечеловъческихъ вопросахъ интеллигенція часто мучится, разочаровывается, часто впадаеть въ иллюзін. Обновить міръ, открыть новый критерій для няжъренія человъческой природы—вещи не легкія, часто самое занятіе это есть только философствованіе, не дающее никакихъ практическихъ результатовъ. Другое дпло, когда вы стоите вблизи жизни, когда вы видите, чъмъ можно помочь въ частномъ случать, когда передъ вами живое тъло. Вы видите постоянно извъстный объекть, вы

его любите и зам'вчаете каждый токъ его крови".

Ядринцевъ быль истиннымъ сыномъ своей родины, и любя свою Сибирь, онъ всякую работу и всякій трудъ признаваль лишь по стольку, по скольку онъ служилъ и приносиль пользу любимому краю. Это быль большой врагь всего абстрактнаго, ретроспективнаго, ярый, убъжденный противникъ общихъ лекаловъ и трафаретокъ. "Человъческая мудрость, --писаль онь, ---ученіе, школы, системы проходять и изменяются, а у меня любовь все теплится въ сердцв, ибо я дюблю нѣчто постоянное, нѣчто реальное. Пусть кіръ совершенствуется, пусть пріобрътается лучшее - я только приноравлю это къ любимому предмету. Такъ, мнв кажется. ножеть действовать и каждый человекъ".

Япринцевъ быль большимъ человекомъ угла, и литературное Рудинство ему всегда было чуждо. Но хорошо и върно была имъ понята та примвнительность общихъ идей, въ которой такъ нуждается провинція. "Приноровить" — воть что больше всего занимало этого человъка, но приноровить съ толкомъ, съ умомъ и, главное, къ явной и прямой польз'в своего родного муравейника. Отсюда недалеко и до отрицанія столичной печати и къ нему, пожалуй, Ядринцевъ быль близовъ, по крайней изръ по отношенію къ себв онъ ее отридаль довольно опредъленно. "Стоя на распутьи, — откровенно признавался онъ, -- между шикарной дорогой петербургскаго журналиста и скроиной провинціальной д'автельностью, я никогда не задумаюсь, что мив предпочесть. Я охотно подамъ руку всякому провинијальному изданію". И хотя судьба его привела въ столичную "Русскую Жизнь", девизъ его неизменно и постоянно быль одинъ и тотъ же: "Провинція-будущее". Въ столичной газеть ему довелось и, въ самомъ деле, протериеть настоящія муки. Пригласили его сюда заведывать спеціально сибирскимъ отделомъ, и, кроме того, писать. Но потомъ отдълы въ "Русской Жизни" совратили, а сионрскую хронику изгиали почти совершенно и Николай Михайловичь сь трогательнымъ негодованіемъ зам'ятилъ по этому поводу: "Значить, Сибирью только временно позабавились" и потомъ сердился, что "какіе-то ремесленники хроники захватили сибирскій отділь".

Во всемъ этомъ, если хотите, есть и узость и даже наивность, -- въ особенности въ желаніи и столичную печать заставить служить интересамъ определеннаго областнаго района, обречь на изследование нуждъ данной провинціи, т. е. навявать ей какъ разъ задачи и цели областнаго органа. Но изъ-за этой любящей слепоты выглядываеть редкая убежденность и та дорогая прямолинейность, которая такъ необходима въ дъятелъ провинціальной печати, и, конечно же, со времени Ядринцева, -- какъ редактора "Восточнаго Обозрвнія",—такихъ убъжденныхъ руководителей провинціальнаго изданія больше не назвать ни одного до самаго сегодняшняго дня.

Адринцевъ воплотилъ собою типъ заправскаго изследователя областной жизни, отдавъ именно безъ остатка свои силы на служение Сибири, которую онъ изъездилъ и исходилъ, съ которой былъ связанъ неразрывными нитями редкаго знания ея, тысячью умелкихъ узелковъ живыхъ личныхъ знакомствъ, своей общирной и неустанной благотворительностью.

любилъ Сибирь, какъ часть мого себя, да и на самого себя смотрель, какъ на частицу и продукть великой матери — сибирской родины. Можно безошибочно утверждать, что всё его возарёнія, всь отношенія его, всь жизненныя опредъленія вышли у него, какъ следствія и выводы его несокрушимой привязанности къ большому родному углу. Его редакторскія возарѣнія-и ть-явились, какъ результать сознаннаго сердцемъ служенія все тому же областному интересу. Въ немъ выразился лучшій представитель областного патріотизма въ лучшемъ же, конечно, смыслѣ этого слова. Но темъ знаменательней, значить, будеть для каждаго, кто захочеть ознакомиться съ этой интересной живнью, убъждение Ядринцева въ томъ, что лучшій и наиболье цвлесообразный путь служенія родной окрайнь — все-таки та же саная печать. "Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народъ ея на путь цивилизацін и историческаго прогресса?"--- спрашиваетъ Ядринцевъ въ одной изъ своихъ статей въ Томскихъ ГуберискихъВъдомостихъ",---и отвъчаетъ,---, Эта роль должна принадлежать мистной литературъ, которую до сихъ поръ наша бъдная

Сибирь не имъеть. Изданіе сибирскаго журнала теперь бы могло имъть громадное значеніе и вліяніе на развитіе страны. Созданіе мистной литературы будеть зачатком в оснысленной жизни и началомъ уиственнаго развитія насов. Мистиая эсурналистика будеть изследовать страну нашу, разрабатывать ея вопросы, предъявлять ея интересы и укажеть то будущее. которое будеть состоять не въ завоеваніяхъ, какъ утверждають панегиристы, а въ созданіи цивилизаціи для своего народа. которая, вмёсте съ торговлей, будеть иметь вліяніе на весь востокъ и на Азію. Ценьото-дня мы ждемъ, что міръ долженъ связаться братской любовью взамінь прежней исторической вражды; ибо какъ принципомъ древняго міра и государствъ были: война. завоевание и рабство, такъ принципомъ новаго будеть миръ, цивилизація и свобода!"

Но при такимъ воззрѣніи, которому ужъникакъ нельзя поставить упрекъ въ узости, и которое "примѣнительно" даже слишкомъшироко, естественно ждать и особо цѣльной редакторской программы.

Оно такъ и было у Ядринцева.

Онъ настойчиво напиралъ на опредъленность программы, требовалъ прежде всего отъ каждаго, берущагося за перо, яснаго отчета себв въ томъ, что онъ намъревается и хочетъ сказать. По его глубокому убъжденію, провинціальный редакторъдолженъ преслъдовать экономію сотрудинческихъ силъ, и, если можно такъ выразиться, ихъ сосредоточеніе. Набирать "охапку задачъ", разсъяваться и разбрасываться провинціальному редактору, съ точки зрінія Ядринцева, значило —губить діло, и затіввая многое, не сділать ничего; гоняясь за сотней зайцевъ, ни одного не поймать.

Справедливо оцённваеть онъ всю непомерную трудность редакторскаго положенія: "Имъ недовольны и за обличенія, и за необличенія, за сплетни, и за отсутствіе сплетенъ, за отсутствіе занимательности и за отсутствіе серьезности. Положеніе его адское!" "Нетъ, —заключаеть Ядринцевъ, —я бы скорев повесился, чемъ сталь провинціальнымъ редакторомъ".

Однако, какъ ни страшна была эта перснектива "стать редакторомъ" въ родной глуши, любовь къ этой глуши все таки взяла свое и пересилила страхи: Ядринцевъ сломилъ своюжизнь на этомъ креслъ, измучившись и надорвавшись во имя все того же блага Сибири.

Но замыкаться только въ рамкахъ своей области онъ никогда не считалъ, возможнымъ никогда не отвергалъ онъ съ огульнымъ недовъріемъ ни поученія у чужихъ, ни примъровъ подражанія. Въ этомъ отношенім его взгляды были особенны пънчы. Онъ върилъ, что усвоить себъ исторію, жизнь и права провинціи можно только путемъ изученія "особой литературы": надо следить за нею въ тъхъ государствахъ, гдъ провинціальная жизнь достигла высшаго развитія, гдѣ она представляеть разнообразіе, кипучую д'ятельность и гдв выяснены, формулированы въ привишы, ея мъстные интересы и отношенія къ общимъ. "Надо, — замъчаетъ онъ, — изучать мъстныя общины, какъ ячейку государства, и глубоко впитать въ себя убъжденіе, что безъ развитія м'єстной жизни и самод'вятельности, безъ уразумінія отношеній частнаго къ общему невозможно правильное развитіе общества".

Любя Сибирь дъятельной любовью, къ этой же любви не словомъ, а дъломъ звалъ онъ и мъстную интеллигенцію, и, слъдовательно, лучшую часть сибирской молодежи. Къ ея знаніямъ аппеллировалъ и взывалъ онъ отъ имени заброшенной и забытой восточной окраины, и въ этой образованной молодежи видълъ будущій оплотъ суроваго края.

Непамънно твердить онъ, повторяясь втечени одной недъли по нъскольку разъ, о той въръ въ молодые всходы, которая окрыляетъ его въ надеждахъ и думахъ о грядущихъ судьбахъ нетронутой сибирской области.

Въ № 5, 1865 года "Томскихъ Губернскихъ Въдомостей" онъ восклицаетъ: "да будетъ благословенно наше молодое образованное поколъніе!". А черезъ четыре дня (№ 9 "Т. Г. В. и за 1865 г.), онъ къ этой молодежи взываетъ снова:

"...Мы призываемъ, въ интересахъ страны нашей, образовывающееся сибирское юногле-

ство въ россійскихъ университетахъ возвращаться на родину для служенія ей. Ему принадлежитъ разработка и изслѣдованіе дѣвственной страны нашей, ему принадлежитъ воспитаніе и образованіе своихъ земляковъ и созданіе того завѣтнаго будущаго, въ которое зажпветъ страна наша лучшею жизнію. Мы надѣемся, что образованное сибирское юношество съ горячей патріотическою любовью, съ гражданскимъ самопожертвованіемъ начнетъ святой трудъ на благо своей ролины".

И заключаетъ: "Этнин надеждами мы на-чинаемъ новый годъ".

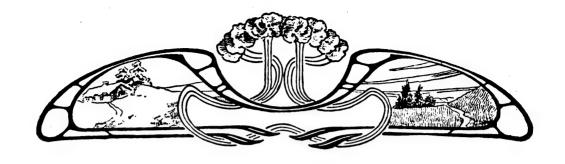
Я не біографію Ядринцева ппшу. Но заговоривъ о провинціальной печати, его нельзя и вообще-то пройти молчаніемъ, а въ виду недавняго десятильтія со дня его смерти тымъ естественный и удобный вспомнить объ этомъ замычательномъ журналисть — областникъ, много думавшемъ, много сафлавшемъ, много трудившемся и много опечаленномъ судьбами родного угла—Сибири, долей слова печатнаго, непроизводительными тратами сво-ихъ силъ, здоровья и времени. Точки зрънія его, однако, важный его жизни, а взгляды его на разныя стороны и задачи областнаго журнализма интересны въ такой мъръ, что не привести ихъ было бы преступленіемъ.

Уваженіе къ печати и то огромное значеніе, которое онъ отводиль ей въ числѣ цивилизаторскихъ факторовъ, тѣмъ цѣннѣй, что въ лицѣ Ядринцева мы имѣемъ дѣдо не только съ журналистомъ, перомъ живущимъ и, слѣдовательно, по многимъ соображеніямъ и мотивамъ склоннымъ переоцѣнивать и преувеличивать роль печатнаго слова: Ядринцевъ былъ изслѣдователемъ, служилъ, участвовалъ въ экспедиціяхъ. И если онъ отводилъ областной прессѣ значеніе чуть ли не единственнаго культурнаго фактора значитъ, основанія къ тому имѣлись и есть.

Лично мы, конечно, въ этомъ не сомив-

П. Пильскій.

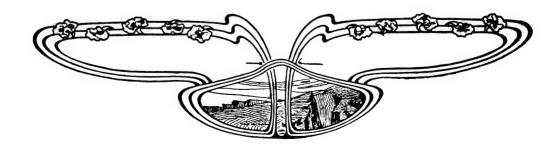

Дружба.

Вдали отъ пышныхъ храмовъ суеты,
Отъ алтарей любви и славы шумной,
Отъ дикихъ криковъ алчности безумной
Свой тихій храмъ смиренно скрыла ты.
Къ нему ведетъ пустынная дорога,
Къ нему идетъ поклонниковъ немного,
Вокругъ него такая тишина!
Но ласковъ взоръ богини благосклонной.
Войди безъ страха, путникъ утомленный!
Покой и отдыхъ дастъ тебъ она.

С. Ловарнинъ.

17 января 1860 года, почти ровно за 14 мъсяцевъ до паденія кръпостного права, въ городъ Таганрогъ, въ семьъ небогатаго купца, родился одинъ изъ крупнъйшихъ представителей современной русской литера. Антонъ Павловичъ Чеховъ. туры Отецъ его былъ однимъ изъ тъхъ немногихъ счастливцевъ, которые, не смотря на всъ тяжелыя условія кръпостного режима, умъли совершенно самостоятельно, благодаря ли природному уму, смътливости и силъ воли или-же только исключительно благопріятнымъ обстоятельствамъ, сбросить съ себя крѣпостныя цѣпи выйти, какъ у насъ принято говорить, "ВЪ люди". И, ствительно, кр постной крестьянинъ одного изъ воронежскихъ помъщиковъ, онъ нашелъ возможность выкупиться на волю, служилъ управляющимъ, а потомъ велъ свои собственныя дѣла. Великій бытописатель сумеречныхъ дней "конца въка" росъ и воспитывался, такимъ образомъ, не въ экзотической или чиновничьей семьъ, — какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ такихъ русскихъ семьяхъ, — безалаберной и безпочвенной, то теоретически-либеральной, то теоретически-

вообще соотвътконсервативной, ственно не столько съ своими убъжденіями, часто весьма неглубокими, сколько подъ вліяніемъ господствующихъ въ обществъ и тъмъ болъе "въ верхахъ" настроеній. Горячка шестидесятыхъ годовъ съ ихъ великими реформами и общественнымъ оживленіемъ мало и даже почти не отразилась на строъ жизни семьи Антона Павловича, какъ и въ большинствъ подобныхъ мъщанскихъ семей того времени, тъмъ болъе, что только что недавно, почти наканунъ освобожденія, переобувшихся, такъ сказать, изъ мужицкихъ лаптей въ городскіе сапоги.... нечно, здъсь то же говорили о волъ, истово осъняли себя крестнымъ знаменемъ, по случаю совершившагося великаго событія, но никакими теоріями не задавались, а жили твердо и неуклонно по старинъ, согласно выработанному в вками укладу. Во всякомъ случаъ, шестидесятые годы и начало семидесятыхъ съ ихъ спорами, страстями и крайностями, неръдко приводившими къ серьезнымъ семейнымъ разладамъ, не оказали почти никакого вліянія отроческія впечатлівнія талантливаго мальчика. Въ одну изъ ръдкихъ и

случайныхъ моихъ встръчъ съ Антономъ Павловичемъ я какъ-то высказалъ ему, что "эпоху великихъ реформъ" я хотя и не пережилъ да и не могъ пережить, по младости моихъ лътъ въ то время, а между тъмъ отраженія этой эпохи въ той обстановкъ, въ которой я росъ, можно сказать, такъ безпризорно, уже съ ранняго дътства посъяли въ моемъ представленіи такія съмена, отъ которыхъ я никогда не могу отръшиться и что, напротивъ, съ накопленіемъ знанія, опыта и наблюденія жизни, все шире и глубже вростаютъ мое міровозрѣніе, такъ что ни одного явленія нашей дъйствительности я не представляю себъ внъ связи съ этимъ великимъ періодомъ нашей исторіи.

— Отраженія! Настроенія! Впечатлънія! Какъ это интеллигентно, но и какъ нездорово, особенно въ дътскіе годы и при полномъ отсутствіи строго систематическаго воспитанія! — съ улыбкой сказалъ Антонъ Павловичъ.--Я, хотя по лътамъ вамъ и сверстникъ, но многихъ подобныхъ "отраженій" не помню. хотя въ дътствъ и не мало слыхивалъ разговоровъ старшихъ о волъ, о кръпостныхъ временахъ, а также и о томъ, что теперь надо учиться, зарабатывать себъ кусокъ чтобы хлъба, но учась не забывать и Бога.... Не стану, впрочемъ, вдаваться въ разборъ и анализъ. Можетъ быть, это хорошо, а можетъ быть и не хорошо.... Я-мужикъ й росъ въ простой семьъ, гдъ трудились, учили трудиться и требовали прежде всего труда, и я глубоко благодаренъ этому строгому воспитанію, давшему мнъ навыкъ и любовь къ труду.

— Что-же касается собственно эпохи великихъ реформъ, —продолжалъ Антонъ Павловичъ, —то я ознакомился съ ея сущностью едва-ли только не на студенческой скамъѣ, да и то довольно поверхностно, и тогда лишь, когда начался крутой

"поворотъ отъ воротъ", я глубоко понялъ и оцънилъ все ея значеніе...

И, дъйствительно, Чеховъ росъ въ физически и нравственно здоропатріархальной и дъловой семьъ, гдъ упорный трудъ за семейное благосостояніе перемежался съ короткимъ благолъпнымъ отдыхомъ и проявленіемъ строго-православнаго благочестія. Религіозный отецъ не пропускалъ ни-одной церковной службы и постоянно бралъ въ церковь и своихъ дътей. Будучи гимназистомъ, Антонъ Павловичъ пълъ даже въ церковномъ хоръ. При такомъ несомнънно старинномъ воспитаніи, отецъ Чехова, какъ человъкъ съ природнымъ умомъ, къ тому-же чуткій, въроятно, совершенно инстинктивно, къ запросамъ жизни, — явленіе весьма нерфдкое среди простыхъ русскихъ людей, вышедшихъ собственными силами на самостоятельную дорогу,-прекрасно сознавалъ необходимость дать образованіе своимъ дътямъ, хотя и своеобразно, въ тонъ съ усвоенными имъ взглядами, понимая его значеніе, какъ источникъ преимущественно будущаго ихъ матерьяльнаго обезпеченія. И вотъ мы видимъ, чго семья этого "строгаго" стариннаго покроя и стоявшаго исключительно на практической почвѣ отца дала русскому обществу, кромъ такого высоко-талантливаго и всемірно-прославившагося писателя, какъ А. П. Чеховъ, еще художника Николая Чехова и литератора А. Съдого (Александра Павловича), лицъ такихъ профессій, которыя старинный "мужицкій" обиходъ мало, а то и вовсе не зналъ и уже, во всякомъ случать, не признавалъ за "серьезное дъло"...

Я думаю, что въ этомъ кажущемся несоотвътствіи ничего нътъ страннаго.

Прежде всего Чеховская семья была талантлива по природъ. Вовторыхъ, "строгость" главы семейства, относясь къ дътямъ любовно и заботливо, не подавляла ихъ ин-

дивидуальности, а наоборотъ давала имъ положительное воспитаніе, основанное на трудовомъ закалъ, на любви кътруду, т. е. на томъ великомъ созидающемъ факторъ жизни, который, при нормальныхъ условіяхъ, воспитываетъ если не человъка идеи, то, во всякомъ случаъ, человъка труда. А это уже плюсъ, такъ какъ человъкъ труда легче добьется самостоятельности, и при наличности послъдней, при доброй волъ, при умственныхъ запасахъ, станетъ и человъкомъ идеи. Ему лишь нужно "постигнуть", "познать", а затъмъ уже онъ по познанному пути сумветь пойти самостоятельно и за это "познанное" сумветь и постоять. Онъ неотвлеченный, прекраснодушный мечтатель, получившій "идеи" уже въ разработанномъ видъ, по наслъдству, даромъ, а потому и легко могущій если не отступиться отъ нихъ при первыхъ же натискахъ враждебныхъ имъ силъ, то, во всякомъ случаъ, безнадежно опустить руки и заныть.... Нътъ, онъ получилъ ихъ не даромъ, а какъ и все въ жизни, трудомъ; заработанное-же трудомъ не отдается безъ упорнаго боя. Понятно, что люди такого закала не летаютъ сразу сизымъ орломъ по поднебесью, они, какъ учащіеся отъ жизни, постепенно познаютъ, а познавъ, твердо идутъ по опредъленному пути, не уклоняясь въ сторону безъ причинъ, не осмысленныхъ всею мощью ихъ познанія.

Антонъ Павловичъ учился сначала въ греческой школъ въ Таганрогъ, потомъ въ мъстной гимназіи и, наконецъ, окончилъ курсъ врачемъ на медицинскомъ факультетъ мо-**СКОВСКАГО** университета. Такимъ образомъ, онъ былъ безусловно и въ полномъ смыслъ образованнымъ человъкомъ, и тъмъ не менъе есть что-то, что роднитъ его съ Максимомъ Горькимъ, человъкомъ, какъ извъстно, учившимся на мъдныя деньги. Онъ, сынъ таганрогскаго мъщанина, какъ и сынъ кунавинскаго красильщика, вышелъ изъ

пренебреженныхъ "низовъ" ства, невъжественныхъ, почти постоянно бъдствующихъ, но въ кокакъ свидътельствуютъ многочисленные признаки, неистошимые живоносные источники. способные, когда придетъ время, освъжить затхлую. застоявшуюся жизнь. Тамъ - горя полная чаша, тамъ вольный и тъмъ болъе невольный "гръхъ" на каждомъ шагу, но тамъ есть трудъ, тяжелый, неръдко каторжный, часто проклинаемый, но тъмъ не менъе въ глубинъ души любимый, какъ животворящая сила, какъ орудіе возможнаго отръшенія отъ "гръха" и не менъе возможнаго возрожденія къ жизни "по Божьи", по правдъ-справедливости. Конечно, Чеховъ не переживалъ того ужаса жизни, который омрачилъ и отрочество, и юность "пъвца босячества", ни по темпераменту, ни по характеру творчества между ними, можно сказать, ничего нътъ общаго; ръшительный, раздражительный и грубоватый Горькій прямой диссонансъ съ меланхолическимъ и женственно-мягкимъ Чеховымъ, но обоихъ ихъ дала русской литературъ и русскому обществу трудовая колея пробуждающихся "низовъ", внушившая имъ въру въ трудъ, любовь къ нему, повелъвшая имъ идти изъ своего устаръвшаго обихода на поиски новыхъ формъ жизни, но идти осторожно, съ разумной недовърчивостію къ внъшности и словамъ и вмъстъ съ тъмъ съглубокой вдумчивостію въфакты окружающей жизни. Они "ходоки" "низовъ", ничего не получившіе даромъ, а все взявшіе упорнымъ трудомъ. Въ большей или меньшей степени свое міровоззрѣніе они, конечно, заимствовали изъ существующихъ въ интеллигентномъ обществъ теченій, но каждый изъ нихъ, постепенно, не безъ тяжелой ломки, это заимствованное провелъ сквозь свой внутренній фильтръ и, прежде чъмъ окончательно признать его своимъ, оцфиилъ еще его съ точки

зрѣнія истинныхъ нуждъ и потребностей пославшихъ ихъ на поиски "низовъ". И съ желчнымъ гнѣвомъ обнажилъ передъ изумленнымъ обществомъ Максимъ Горькій "дно" и демонстрировалъ передъ нимъ "бывшихъ людей", а Антонъ Чеховъ сътихой грустью соболѣзнованія показалъ тому-же обществу "лишнихъ людей", утопающихъ въ пошлости, въ безволіи, въ бездѣятельной тоскѣ...

На литературное поприще Антонъ Павловичъ выступилъ еще студентомъ въ 1879 году съ рядомъ мелкихъ фельетонныхъ разсказиковъ и очерковъ сначала въ "Стрекозъ", "Будильникъ" и "Осколкахъ", а затъмъ въ "Петербургской Газетъ" и "Новомъ Времени" подъ псевдонимомъ Чехонте.

Одинъ изъ товарищей Чехова по таганрогской гимназіи объясняетъ происхожденіе этого юмористическаго псевдонима тѣмъ, что "Антошей Чехонте" покойнаго писателя называлъ гимназическій батюшка, преподаватель Закона Божія, о. протоіерей Покровскій, имѣвшій обыкновеніе давать прозвища всѣмъ ученикамъ, которые такъ и именовались на его урокахъ въ теченіе всего гимназическаго курса.

— Чехонте! -- растягивая баскомъ по слогамъ, обыкновенно вызывалъ отецъ Покровскій Чехова отвъчать урокъ...

Таково происхожденіе псевдонима знаменитаго писателя; не менъе случайно и начало его литературной дъятельности.

Родители Чехова, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили довольно бъдно, и Антона Павловича ужасно огорчало то обстоятельство, что онъ не можетъ ничъмъ помочь имъ... Но къ счастю его семьи, а такимъ образомъ и русской литературы, выручилъ... именинный пирогъ!...

Приближался день ангела его матери, а между тъмъ семья до того въ это время нуждалась, что не было даже незначительной суммы

денегъ на традиціонный именинный пирогъ. Антона Павловича, не менъе другихъ членовъ семьи огорчавшагося такимъ затрудненіемъ, вдругъ осънила счастливая мысль набросать маленькій разсказикъ и снести егокакую-либо редакцію, — авось, напечатаютъ!... Задумано, сдълано. Антонъ Павловичъ написалъ разсказъ и отнесъ его, кажется, "Будильникъ". Разсказъ былъ напечатанъ, и на полученные нъсколько рублей были справлены именины: матери. Съ этого времени Чеховъ становится кормильцемъ своей семьи, а маленькіе, весьма изящные юмористическіе очерки Чехонте то и дъло начинаютъ украшать страницы нашихъ сатирическихъ журналовъ. Все это были невинныя бездълушки. не претендующія ни на идейность, ни даже на художественность, новъ нихъ уже чувствовалось, если можно такъ выразиться, дыханіе

Въ это-то время я, только-что начавшій работать въ печати, состоя въ качествъ провинціальнаго корреспондента столичныхъ газетъ, а потомъ и московскаго репортера, впервые познакомился съ Чеховымъ Встрътившись съ нимъ въ одномълитературномъ семействъ и узнавъ, что онъ тотъ самый Чехонте, который въ "Осколкахъ" обличаетъ "березовую кашу", я кръпко и сочувственно пожалъ ему руку. Эти наивныя обличенія такъ гармонировали моему тогдашнему юному настроенію!

Однако, я нимало не предполагалъ, что изъ "осторожнаго" обличителя "березовой каши" и пъвца "колокольчиковъ" создастся Чеховъ, авторъ "Дяди Вани", "Чайки", "Трехъсестеръ" и "Вишневаго Сада".

Въ то время это былъ жизнерадостный юноша, жаждавшій жить и только жить, а если и работать, то только исключительно для тъхъ же радостей жизни и въ самомълучшемъ случав — для благосостоянія своей семьи. Все общественное,

глубоко-элободневное, такъ сильно волновавшее въ тъ дни меня и моихъ сверстниковъ, казалось, было ему чуждо, такъ-что послъ третьей встръчи я невольно почувствовалъ къ Антону Павловичу нъкоторый холодокъ. Его жизнерадостность казалось мнъ по тому времени и по тогдашнему моему настроенію чуть не преступленіемъ...

— Можетъ быть, Чеховъ и острый, но безъидейный человъкъ! — отзывался я о немъ въ средъ знакомой мнъ "идейной" молодежи.

И эти знакомые охотно вторили мнѣ,—да, впрочемъ, то-же самое въ скоромъ послѣ этого времени сказала о произведеніяхъ Чехова и наша передовая критика, хотя-бы въ лицѣ лидера русскаго либерализма 70-хъ годовъ, Н. К. Михайловскаго.

Впрочемъ, и самъ Антонъ Павловичъ въ началъ своей литературной дъятельности мало придавалъ значенія своимъ работамъ. Его семья нуждалась, ему и самому нужно жить, -- и вотъ онъ работалъ, благо, что попался такой трудъ, который былъ ему по плечу, не бралъ много времени и вмъстъ съ тъмъ давалъ гораздо больше заработка, чъмъ, напр., бъганье по урокамъ изъ одного конца въ другой громадной столицы. И онъ, чтобы заработать какъ можно больше, писалъ вездъ, гдъ только принимали его статейки, писалъ много и быстро, мимоходомъ, какъ говорится, скандачка, однимъ словомъ, такъ, какъ пишутъ современные безпринципные газетные журналисты въ въ нашихъ объихъ столицахъ, пресмыкающіеся передъ издателями и наколачивающіе пятаки и гривенники, чтобы не только жить прилично, какъ подобаетъ интеллигентному человъку, но чтобы и не отстать отъ обихода столичнаго буржуазнаго строя, то есть имъть нъкоторый достатокъпрезръннаго металла на театръ, на женщинъ, на винтъ, на веселое времепрепровождение въ увеселительныхъ садахъ и отдъльныхъ кабинетахъ ресторановъ, по крайней мъръ, не ниже Мильбрета и Тъстова...

Какія ужъ тутъ идеи и принципы, когда человъкъ, помимо куска насущнаго хлъба для себя и своей семьи, стремится еще и "житъ", какъ "живутъ" такъ называемые "порядочные люди"!..

Впрочемъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, даже въ началѣ своей литературной дѣятельности былъ далекъ отъ образа жизни газетныхъ трезоровъ, то ласкающихся, то кусающихся по издательской указкѣ...

Однако, условія существованія нерѣдко приближали его, "въ дни туманной юности", къ этой мути, но Чехова спасли отъ такого ложнаго пути столь могущественные факторы, какъ наслѣдственная честность человѣка изъ народа, трудовое воспитаніе и, наконецъ, громадный, мощный талантъ.

Въ сущности, мы, его сверстники, удрученные наступившими черными днями въ русской общественной жизни и сочувствовавшіе лишь желчной и страстной щедринской сатиръ, такъ властно бившей по нашимъ напряженнымъ нервамъ, и не могли себъ представить въ то время, что игривая жизнерадостность Чехова есть вполнъ естественная ръзвость богатаго силами юноши, не знающаго ужасовъ жизни и не сознающаго еще своей крупной силы. Всъ первые чеховскіе разсказы были ничто иное, какъ "проба пера", какъ шалость пробуждавшагося, но еще не пробудившагося таланта. Развъ "проба пера". напр., хотя-бы тотъ фактъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ онъ написалъ дашемъ въ купальнъ, лежа на полу, а затъмъ положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ, – и "литературное произведеніе" состряпано? Развъ это не шалость-сочиненіе нелъпыхъ до чудовищности "разныхъ извъстій", которыя потомъ перепечатывались и объгали чуть не всъ россійскія газеты? Хотя и остроумная, но шалость, кстати, такъ сказать, попутно, обнаружившая отчасти невъжество, отчасти чисто ремесленную, механическую работу, но, главнымъ образомъ, погоню нашихъ газетныхъ дълъ мастеровъ за сенсаціями, какъ-бы нелъпы онъ не были.

А вотъ и еще характерный эпизодъ о чеховскомъ легкомысліи по отношенію къ своей литературной дъятельности.

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе разсказы?—разсказываль онъ В. Г. Короленко.—Вотъ...

"Онъ оглядълъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,— поставилъ ее передъ мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ разсказъ, подъ заглавіемъ "Пепельница"?

И глаза его засвътились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже биться какіе-то неопредъленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшія своихъформъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ"...

Несомивнию, что Антонъ Павловичъ не сознавалъ еще тогда таящагося въ немъ таланта, и первые его разсказы походили не болъе, не менъе, какъ на остроумные анекдоты, охотно читались публикою, повторялись изустно и вращались въ публикъ. А. С. Суворинъ, близко знавшій Чехова, разсказываетъ, напр., такой случай, когда на волжскомъ пароходъ одинъ офицеръ сталъ разсказывать Антону Павловичу его же разсказы, увъряя, что это случилось съ нимъ, офицеромъ, и его знакомыми... Впослъдствіи и самъ Антонъ Павловичъ смотрълъ на первыя свои произведенія съ такой-же несерьезной точки зрънія, и если они появились въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ г. Марксомъ, то не его въ томъ вина, а все того же торгаша-издателя, по свидътельству г. Суворина, пожелавшаго, къ великому неудовольствію Чехова, во что бы то ни стало напихать въ "полное собраніе" какъ можно больше чеховскихъ сочиненій. Можеть быть, съ издательской точки зрънія это было и весьма выгодно, но для репутаціи писателя, впервые выступившаго на такую широкую арену, какъ заманчивыя для читающей публики приложенія къ "Нивъ", такое увеличеніе "полнаго собранія" являлось рискованнымъ. И, какъ извъстно, первыя. "приложенія" Чехова, въ которыхъ печатались его юношескія произведенія вызвали вполнъ справедливыя нареканія среди многочисленныхъ подписчиковъ на "Ниву". Если ихъ появленіемъ въ "полномъ собраніи" безъ горечи были удивлены образованные люди, и ранъе, безъ посредничества г. Маркса, знакомые съ творчествомъ Чехова по нашимъ толстымъ журналамъ и отдъльнымъ изданіямъ, то что могъ сказать тотъ читатель массы, который выписываетъ "Ниву" изъ-за ея "приложеній" и, благодаря этимъ "приложеніямъ" за предшествовавшіе годы, успъвшій уже ознакомиться съ произведеніями корифеевъ отечественной литературы? Въ теченіе многихъ лѣтъ этотъ читатель привыкъ къ настоящей, а не лубочной литературъ, ранъе преподносимой ему разными "дешевками". Онъ научился понимать и цѣнить ея глубокое внутреннее содержаніе и художественныя красоты, и вдругъ ему даютъ какіе то веселенькіе анекдотики подъфирмою писателя, произведеній котораго онъ ранъе не читалъ, но о которомъ много зналъ изъ газетъ, какъ о выдающемся талантъ!

— Удивляюсь, за что хвалятъ этого Чехова! — приходилось мнъ слышать мнънія такихъ читателей, ознакомившихся изъ первыхъ "приложеній" Чехова къ "Нивъ" лишь съ юношескими его произведеніями.—Правда, красиво, смъшно, но гдъ содержаніе, внутренній смыслъ, за что бы можно было провозглашать его крупнымъ талантомъ?

А отсюда слъдовалъ быстрый выводъ, къ которымъ всегда такъ способенъ русскій человъкъ: "Одна мода это! Реклама!".

Реклама!—и это по отношенію къ Чехову, скромнъйшему изъ русскихъ писателей, этой, можно сказать, воплощенной скромности! Конечно, "большой читатель", впервые знакомящійся съ Чеховымъ, не зналъ этого и судилъ о немъ по примъру прочихъ нашихъ современныхъ литературныхъ знаменитостей, одной частью нашей праздноболтающей газетной печати возводимыхъ на Олимпъ, другой-же частью низводимыхъ въ полное ничтожество...

Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей были и сами нескромны, но болѣе слѣдуетъ обвинять въ нескромности не этихъ писателей, а наши газеты, болтающія о нихъ всякіе пустяки, и правду, и неправду, что взбредетъ только на умъ безшабашному газетному писакъ, спѣшащему во что то ни стало повъдать читателю "нѣкоторыя черты изъ жизни" мало мальски выдающагося человъка, о которомъ говорятъ или принято говорить въ обществъ.

Вращаясь много лътъ въ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ кругахъ провинціальнаго общества, я убъдился, какое удручающее, сбивающее съ толку впечатлъніе производитъ подобный разноголосый газетный концертъ на "большого читателя"...

Первая книга, съ которой Антонъ Павловичъ предсталъ на судъ общества и критики, были его "Пестрые разсказы". въ сущности и главнымъ образомъ, явившіеся сборникомъ его юношескихъ, преимущественно, юмористическихъ, произведеній. Это было въ 1886 году, въ разгаръ такъ называемыхъ восьмидесятыхъ годовъ, —тяжелое, "хмурое" время въ жизни русской интеллигенціи. Старые идеалы терпъли пораженіе, новые еще не только не были выработаны, но даже не намъ-

Началось такъ называемое "шатаніе русской мысли", талантливымъ изобразителемъ и обличителемъ котораго былъ тогда покойный Н. В. Шелгуновъ. Самыя разнообразныя, діаметрально противоположныя теоріи росли со скоростію грибовъ и при томъ съ такою-же быстротой смънялись одна другою. Потерявшая почву мысль русскаго интеллигента того времени "шаталась" изъ стороны въ сторону, какъ перекати-поле по широкой степи подъ капризнымъ дуновеніемъ дующихъ съ разныхъ сторонъ вътровъ. И это умственное и нравственное шатаніе обнимало все, начиная съ ветхозавътныхъ строевскихъ идеаловъ, приправленныхъ нъмецкой дисциплиной, и со славянофильства и кончая толстовскимъ "непротивленіемъ злу" и самыми крайними соціальными доктринами. Понятно, что такой разбродъ общественной мысли не могъ не вселить во многіе умы глубокаго пессимизма, приводившаго или къ полному отчаянію, близкому къ самоубійству, или къ примиренію и пошлой обыденщинъ. Послъдняго рода пессимизмъ и породилъ тъхъ "лишнихъ людей", которыхъ такъ ярко и съ такою глубокой грустью охарактеризовалъ впослъдствіи Чеховъ. Но одновременно съ тъмъ, рядомъ съ этими безвольными, но въ сущности все-же страдающими, духовно "лишними людьми", гордо подняла голову и "торжествующая свинья", авторитетно заявившая о "несостоятельности науки" и признавшая "забытыми словами" всъ тъ великіе идеалы, которыми жила еще такъ недавно русская интеллигенція и во имя которыхъ совершилось все великое въ Россіи... Среди безвольныхъ "лишнихъ людей" нашлись покладистые субъекты, которые или "страха ради іудейска", или по легкомыслію, или просто по отсутствію яснаго и опредъленнаго міросозерцанія, стали вторить и поддакивать провозглашеннымъ "торжествующей

свиньей ""истинамъ"... И эта группа людей мало-по-малу росла и завоевывала себъ общественное положеніе. Провозглашая чистое искусство и борясь съ такъ называемой тенденціозностью, она сама была глубоко тенденціозна, но въ опредъленномъ, желательномъ только ей направленіи. Возставая противъ учительства и проповъдничества, она бралась не только за учительство и проповъдничество. но и стремилась получить по этой отрасли нравственнаго воздъйствія исключительную монополію. Она на своемъ знамени ставила весьма опредъленные идеалы, но, подъ видомъ проведенія въ жизнь этихъ идеаловъ, въ сущности стремилась лишь къ безшабашной вакханаліи и въ самомъ лучшемъ случав-къ буржуазному, безмятежному и самодовольному житію. Понятно, что при такихъ общественныхъ условіяхъ "Пестрые разсказы" нашли читателя, но въ передовой критикъ, върной прежнимъ литературнымъ преданіямъ, были встръчены, —и не безъ основанія, весьма сурово. Да и въ самомъ дълъ, до беззаботнаго-ли веселья и шутокъ, которыми переполнены "Пестрые разсказы", было истинно-интеллигентному человъку въ тъ годы разрушенія всяческихъ надеждъ?

Второй сборникъ ("Въсумеркахъ") вышелъ въ слъдующемъ году и обнаружилъ въ авторъ нъсколько иное настроеніе, свид'втельствовавшее, что Антонъ Павловичъ сталъ призадумываться надъ явленіями жизни и находить ихъ далеко невеселыми, а съ тъмъ, на сколько миъ вмъстъ извъстно, и отношенія его къ своей литературной дъятельности значительно измънились. Онъ, какъ и впослъдствіи, до печальнаго конца своей жизни, не стремился, конечно, учительствовать и проповъдывать, но сталъ уже смотръть на литературу не какъ на источникъ существованія, а какъ на серьезное об--щественное служеніе.

"И самъ Антонъ Павловичъ, и

его семья не могли не замътить. -говоритъ въ своей интересной и художественной замъткъ В. Г. Короленко, —что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка, — но великая драгоцівнность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвътственно. Кажется, въ то время была уже напечатана "Святою ночью", чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъбезпредметно смъшливаго настроенія большинства "Пестрыхъ разсказовъ". И въ лицъ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника "Осколковъ", проступало какое-то особенное выраженіе, которое встарину назвали-бы "первыми отблесками славы"... "Я помню продолжаетъ г. Короленко, -- что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успъхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о поъздкъ въ Петербургъ и о томъ, гдъ тамъ встрътимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнъ кажется, что Антоша теперь уже не мой...

"Какъ это часто бываетъ, у матери было върное предчувствіе",--

замъчаетъ г. Короленко.

"Въ сумеркахъ", а потомъ "Хмурые люди" (въ послъднемъ сборникъ, между прочимъ, появилась знаменитая "Степь",—это чудное, полное высокой художественной прелести, произведеніе) обратили себя вниманіе уже наиболъе серьезныхъ читателей и послужили началомъ къ будущей славъ писателя. Въ нихъ уже прозвучали аккорды чеховской грусти о "лишнихъ людяхъ" и ихъ безотрадной, тоскливой жизни... Однако, покойный Н. К. Михайловскій и къ этимъ книгамъ Чехова отнесся не менъе сурово. укоряя его въ безпринципности. Такое отношеніе со стороны знаменитаго критика - публициста было

теперь, конечно, нъсколько одностороннимъ, но, мнъ кажется, оно являлось все же не столько укоромъ молодому, отмъченному несомнъннымъ талантомъ писателю въ невърномъ освъщении дъйствительности, сколько крикомъ боли и вырвавшимся отчаянія. невольно наболъвшей груди стараго борца, принужденнаго силою обстоятельствъ признать, что тяжелая и продолжительная борьба окончилась пораженіемъ, что великіе идеалы и завъты попраны, что жизнь выдвинула на арену вмъсто ожидаемыхъ сильныхъ, свѣжихъ и энергичныхъ такую массу безвольныхъ, ноющихъ, "лишнихъ людей"... Впрочемъ, почти одновременно со статьей Михайловскаго о Чеховъ появилась статья А. М. Скабичевскаго: "Естьли идеалы у Чехова", въ которой критикъ на поставленный самому себъ вопросъ отвътилъ вполнъ утвердительно, что у Чехова есть идеалы, но что онъ бытописатель отрицательныхъ явленій русской жизни. И этотъ взглядъ на творчество Чехова крѣпко утвердился не только среди русской образованной публики, не только во всей отечественной критикъ, такъ какъ впослъдствіи сталь его раздълять до нъкоторой степени и Н. К. Михайловскій, послѣ выхода полнаго собранія сочиненій Чехова понявшій и оцънившій всю силу и мощь его таланта, но проникъ онъ и въ западно-европейскую критику, знавшую въ Чеховъ законнаго наслъдника Гоголя.

Мельхіоръ де-Вогюе, напр., находитъ въ творчествъ Антона Павловича весьма яркіе слъды вліянія Гоголя, Тургенева и Гюи-де-Мопассана. Подъ вліяніемъ безсмертнаго творца "Ревизора" и "Мертвыхъ Душъ", Чеховъ воспиталъ въ себъ веселый жанръ, юморъ. составляющій въ сущности особенность не только юношескихъ, но и всъхъ его произведеній. Если вначалъ этотъ юморъ имълъ совершенно

безобидный характеръ и заключался въ невинномъ вышучиваніи курьезныхъ явленій жизни, то въ послъднихъ произведеніяхъ юмористическія сцены заставляютъ серьезно и глубоко задумываться, скрывая за видимымъ смъхомъ невидимыя слезы писателя... Тургеневъ сообщилъ чеховскому таланту умънье писать съ особой, чисто тургеневской нъжностью, акварельностію рисунка и романтичностію настроенія. Чеховскіе женскіе типытакъ же прекрасны, какъ и тургеневскіе, хотя и безъ героическаго оттънка; но, не смотря на это, не смотря на ихъ неръдкое паденіе, они ближе къ нашей дъйствительности, къ нашему нейрастеническому времени. Женщины Чехова въ сущности тъже безвольные "лишніе люди", какъ и мужчины, но съ болъе нъжной, экспансивной натурой, съ большей чувствительностью къ окружающей пошлости и большимъ стремленіемъ къ подвигу обновленію... Съ Тургеневымъ роднитъ Чехова и его пессимизмъ, развившійся, впрочемъ, по мнѣнію французскаго критика, подъ вліяніемъ уже Гюи-де Мопассана. Французскому новеллисту Чеховъ между прочимъ обязанъ краткостью разсказовъ. Подобно Мопассану, Чеховъ обладаетъ необычайной способностію изображать убійственное дъйствіе времени, кратковременность благихъ порывовъ, уничтоженіе бычувствъ И происходящую лыхъ отсюда метаморфозу отношеній въ человъческомъ обществъ.

Но прежде чъмъ критики признали въ Антонъ Павловичъ великаго художника, произведенія котораго характеризуютъ если не всъ, то, во всякомъ случаъ, существенъйшія черты жизни русскаго общества конца XIX въка, Чеховъ сдълался однимъ изъ любимъйшихъ русскихъ писателей. Подъ вліяніемъ такого успъха, а главное, сознавая, какую нравственную отвътственность передъ обществомъ и литературою возлагаетъ на него

талантъ, Антонъ Павловичъ совершенно бросилъ прежній жанръ небольшихъ газетныхъ очерковъ и сталъ работать въ ежемъсячныхъ журналахъ: "Съверномъ Въстникъ", "Русской Мысли" и позднъе въ "Жизни". И, дъйствительно, крупный успъхъ и полное признаніе Чехова начинается съ момента напечатанія первыхъ его большихъ разсказовъ въ "Съверномъ Въстникъ . Съ этого времени всякимъ новымъ его произведеніемъ общество зачитывалось. Популярность Антона Павловича росла со сказочной быстротой и скоро перешла черезъ рубежъ родной земли, создавъ ему имя мірового писателя. Во время этого расцвъта его литературной славы появляются наиболъе крупныя его произведенія: "Палата №6", "Моя жизнь", "Мужики", "Скучная исторія", "Человъкъ въ футляръ" и пр.

Въ послъдніе годы Антонъ Павловичъ писалъ не много, хотя, между прочимъ, въ "Журналъ для всъхъ" и появились его прелестные разсказы: "Архіерей" и "Невъста".

Огромная популярность Чехова выразилась въ томъ, что всѣ его сборники выдержали очень много изданій; такъ "Пестрые разсказы" имѣли 14 изданій, "Въ сумеркахъ"—13, "Хмурые люди"—10, "Разсказы"—13, "Палата № 6"—и "Каштанка"—по 7 изданій. Въ 1901—1902 г.г., А. Ф. Марксъ, какъ выше уже сказано, издалъ полное собраніе сочиненій А. П. Чехова въ 10 томахъ; тоже собраніе давалось въ качествѣ приложенія къ "Нивъ" на 1903 годъ.

Значительно позже Антонъ Павловичъ сталъ писать драматическія произведенія. Кромѣ одноактныхъ шутокъ ("Медвѣдь", "Предложеніе", "Трагикъ по неволъ", и др.),— этихъ блестящихъ, нѣсколько шаржированныхъ вещицъ, не сходящихъ, однако, до сихъ поръ со сцены, онъ далъ нъсколько крупныхъ произведеній, поставившихъ его въ ряду лучшихъ русскихъ дра-

матурговъ. Если въ разсказахъ Чехова нъкоторые критики, особенно иностранные, находятъ признаки вліянія другихъ великихъ писателей, то въ драмѣ и комедіи онъ совершенно оригиналенъ, при чемъ какъ въ разсказахъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ онъ по прежнему является изобразителемъ все той-же будничной жизни съ ея пошлостью мелочностью и суетностію. Первымъ крупнымъ драматическимъ произведеніемъ Чехова былъ "Ивановъ", - пьеса, впрочемъ, не имъвшая успъха на сценъ. Что-же касается "Дяди Вани", "Чайки" "Трехъ сестеръ", то они имъли вы- . дающійся успъхъ, а первому представленію послѣдней его драмы "Вишневый садъ" суждено было обратиться въ грандіозное чествованіе Антона Павловича. Въ 1890 г. Чеховъ отправился на Сахалинъ, и вынесенныя имъ изъ этой интересной поъздки впечатлънія имъли живой отголосокъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ "Русской Мысли", которыя потомъ появились отдъльнымъ изданіемъ ("Островъ Сахалинъ"). Съ начала 1903 г. Антонъ Павловичъ вошелъ въ составъ редакціи журнала "Русская Мысль". Въ 1900 г. при первыхъ-же выбовъ Пушкинское отдъленіе Императорской Академіи Наукъ онъ, вмъстъ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. В. Г. Короленко и др., былъ избранъ почетнымъ академикомъ.

Заканчивая о фактической, такъ сказать, сторонъ литературной дъятельности А. П. Чехова, нахожу не безъинтереснымъ подчеркнуть наиболье интересное мъсто въ отмъченной уже въ іюльской книжкъ нашего журнала чеховской "автобіографіи", свидътельствующее, какъ далекъ великій писатель отъ пресловутой и столь модной "въ концъ въка" "несостоятельности науки".

"Не сомнъваюсь, — пишетъ Чеховъ, — занятія медицинскими науками имъли серьезное вліяніе на мою литературную дъятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цізну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имъли также и направляющее вліяніе, и, въроятно, благодаря близости къ медицинъ, мнъ удалось избъжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня насторожь, и я старался, гдъ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдъ невозможно, предпочиталъ не писать новсе".... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукъ отрицательно, я не принадлежу; и къ тъмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотълъ-бы принадлежать"...

Знаменательныя строки, ръшительно опровергающія стремленія извъстнаго литературнаго лагеря признать его "своимъ" ... Впрочемъ, объ этомъниже.

Послъ поъздки на Сахалинъ Антонъ Павловичъ много путешествовалъ по Западной Европъ, но его постоянно тянуло на родину. Къ Петербургу, какъ онъ это мнъ не разъ говорилъ, Чеховъ относился довольно холодно, но Москва была его любимымъ городомъ, въ которомъ онъ желалъ бы имъть постоянное жительство. Но отъ этой завътной мечты пришлось отказаться, вслъдствіе разстроеннаго здоровья, и постоянно жить, вмъстъ со старушкой-матерью, въ своей усадьбъ подъ Ялтою, изръдка лишь наъзжая въ Москву, гдъ у него было такъ много друзей и гдъ, наконецъ, его жена, даровитая артистка О. Л. Книпперъ, эанимаетъ одно изъ выдающихся мъстъ въ знаменитой труппъ не менъе знаменитаго московскаго "Литературно-художественкружка" (Станиславскаго), того самаго театра, на сценъ котораго такъ образцово ставились всъ чеховскія пьесы.

Здоровье Антона Павловича было

давно уже разстроено, и всѣмъ близкимъ людямъ было небезызвѣстно, что онъ страдаетъ чахоткой. Впрочемъ, какъ врачъ, Чеховъ и самъ зналъ свой тяжелый недугъ.

Уже въ самомъ началѣ 1904 года состояніе здоровья Антона Павловича значительно ухудшилось, такъ что въ первыхъ числахъ іюня, по совѣту врачей, онъ уѣхалъ, въ сопровожденіи своей жены Ольги Леонардовны, для лѣченія въ курортъ Баденвейлеръ (въ Германіи). Почти тотчасъ-же по пріѣздѣ онъ писалъ редактору "Русскихъ Вѣдомостей", что чувствуетъ себя превосходно...

"Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, — писалъ Чеховъ, — ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я по многу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ аневризмы и слабость отъ худобы, пріобрътенной мною за время бользни. Лъчитъ меня здъсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это—д-ръ Schwören, женатый на московской Ж-го. weiler-очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себъ. Масса зелени, впечатлъніе горъ, очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ, въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякъ — пансіонъ СЪ солнца (до 7-ми час. вечера) и великолъпнымъ садомъ, платимъ 16 марокъ въ сутки за двоихъ (комната, объдъ. ужинъ, кофе). Кормятъ добросовъстно, даже очень. Но воображаю, какая здѣсь скука вообще. Кстати, сегодня съ утра идетъ дождь, я сижу въ комнатъ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вътеръ"...

А черезъ три недъли послъ этого жизнерадостнаго письма Ольга Леонардовна Чехова телеграфировала редактору "Русскихъ Въдомостей", что супругъ ея 2 іюля, въ три часа ночи, внезапно скончался отъ упадка сердечной дъятельности...

Изъ Баденвейлера прахъ покойнаго писателя, въ сопровожденіи

убитой горемъ жены, прослъдовалъ черезъ Берлинъ и Петербургъ въ Москву. По несчастной случайности на Варшавскомъ вокзалъ, въ Петербургъ, его встрътили лишь газетные репортеры, да небольшая кучка почитателей, тоже случайно узнавшихъ о днъ и часъ прибытія въ съверную столицу праха дорогого писателя. Здъсь съ Чеховымъ чуть не случилось обычная у насъ, на Руси, исторія, — исторія, свид'втельствующая о томъ, какъ цънимъ и чтимъ мы великихъ людей, гордость и славу нашего отечества, особенно если они не занимаютъ оффиціальнаго положенія... Для дальнъйшаго слъдованія въ Москву гробъ Чехова, съ возложенными на него вънками, желъзнодорожная администрація распорядилась было изъ заграничнаго вагона перенести въ грязный товарный вагонъ. Благодаря только личному вмъшательству министра путей сообщенія М. И. Хилкова, случайно бывшаго на Варшавскомъ вокзалъ и присутствовавшаго на панихидъ по Чеховъ, гробъ съ прахомъ великаго писателя отправился въ древнюю столицу въ томъ же вагонъ, въ которомъ онъ прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы.

9 іюля Москва, любимый городъ Антона Павловича, -- городъ, въ которомъ онъ учился, въ которомъ провелъ лучшіе годы жизни, который первый оцънилъ его, какъ человъка и писателя, въ которомъ онъ встретилъ, въ лице талантливейшей исполнительницы его же драматическихъ произведеній преданнъйшую и безумно-любящую его подругу жизни, -- Москва съ сосредоточенной торжественностію и глубокой скорбью приняла дорогой прахъ его и проводила въ мъсто въчнаго упокоенія, и въ этихъ проводахъ мысленно участвовала только вся мыслящая, но и вся начинающая мыслить Россія!

Онъ умеръ, "пъвецъ нашихъ сумеречныхъ дней", умеръ въ расцвътъ умственныхъ силъ и таланта, можетъ быть, далеко еще не достигнувъ вершины доступнаго его духовной мощи совершенства... Злой недугъ тѣла подрѣзалъ силу души и работу мысли. Какъ и многое цѣнное и великое въ нашей странѣ, судьба сокрушила его жизнь въ тотъ самый моментъ, когда цѣнность этой жизни была установлена и когда надежда на еще большее была несомнѣнна...

Прослъдивъ, на сколько это было для насъ доступно, всю жизнь Антона Павловича Чехова, въ ея наиболъе важныхъ моментахъ, съ неизбъжными, по нашему мнънію, отступленіями въ сторону, намъ остается подвести теперь итоги и опредълить: что онъ далъ, какое его положеніе въ отечественной литературъ и какое его значеніе въ исторіи развитія нашей интеллектуальной и общественной жизни.

Нъкоторые критики и публицисты извъстнаго направленія ставять въ похвалу Чехову, что онъ былъ чуждъ учительства и проповъдничества. По своей натуръ и по характеру своего таланта, Чеховъ и не могъ. и не умълъ ни учительствовать, ни проповъдывать, иными словами, въ немъ не было того, что такъ естественно и понятно въ такихъ беллетристахъ-публицистахъ, какъ Салтыковъ или Глъбъ Успенскій, большихъ художникахъ, но вмъстъ съ тъмъ, по свойству своей натуры и темперамента, не способныхъ объективно относиться къ явленіямъ жизни и потому стремившихся не только перечувствовать эти явленія, но изследовать ихъ и даже указать, по ихъ мнънію, наиболъе лучшіе способы борьбы съ тъми изъ жизненныхъ явленій, которыя казались имъ идущими въ разрѣзъ съ основами человъческого счастья. Мало того, Чеховъ не могъ бы даже такъ анализировать жизнь и давать оцънку ея явленіямъ, какъ это лаетъ Короленко въ своихъ произведеніяхъ, безъ всякаго ущерба для ихъ художественности. Не об-

ладая публицистическимъ даромъ и не будучи писателемъ-гражданиномъ, -- въ послъднемъ случаъ уже въ силу субъективныхъ особенностей своей натуры, — онъ не примкнулъ ни къ одному опредъленному направленію, а оставался въ теченіе всей своей литературной дъятельности исключительно такъ называемымъ чистымъ художникомъ. вмъстъ съ тъмъ онъ не былъ тъмъ чистымъ художникомъ, какъ понимаются чистые художники у насъ публицистами извъстнаго литературнаго лагеря. Выйдя изъ здоровой среды простого народа, гдъ мечтательность И отвлеченность, какъ-бы онъ не были красивы, не понимаются и не признаются, гдъ взглядъ на жизнь простъ и весьма серьезенъ, иногда до аскетизма, воспитанный въ строгой, трудовой и практической обстановкъ, онъ не могъ, уже въ силу ихъ практической непроизводительности, ратиться въ пъвца однъхъ лишь красотъ природы, пріятныхъ или непріятныхъ, можетъ быть, и весьма тонкихъ ощущеній, онъ не могъ картины нехарактерной рисовать или исключительной жизни отдъльныхъ лицъ, безъотносительно, живутъ-ли они въ Россіи или въ центральной Африкъ, въ концъ ли XIX въка или во времена Рамзеса Великаго... Впрочемъ, въ началъ своей литературной дъятельности, на которую онъ самъ еще не смотрълъ серьезно и когда онъ былъ лишь жизнерадостнымъ и беззаботнымъ юношей, онъ, пожалуй, приближался къ такому типу чистаго художника. Въроятно, его талантливое легкомысліе, его неподражаемый юморъ, такъ ярко проявляющійся даже въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ и свидътельствовавшій о незаурядномъ дарованіи, и привлекли къ нему симпатіи вообще не терпимаго даже къ крупнымъ талантамъ извъстнаго литературнаго лагеря, смотрящаго на чистое искусство съ своеобразной "русской" точки зръ-

Вслъдствіе наслъдственно воспитаніемъ усвоеннаго взгляда на жизнь, а также серьезнаго, строгонаучнаго образованія, которое дается медицинскимъ факультетомъ, онъ не сдълался пъвцомъ красотъ природы, золотыхъ грезъ и отвлеченныхъ радостей и горя и не могъ навсегда остаться безпредметнымъ шутникомъ-юмористомъ, увеселяющимъ своимъ балагурствомъ сытыхъ людей.... А вмъстъ съ тъмъ, когда жизнь открыла ему глаза на дъйствительность и сильно охладила его жизнерадостность, онъ, какъ вышедшій не изъ бользненно-барской, а здоровой и трудовой среды, какъ умный и честный человъкъ, не могъ уже смъяться ради смъха, когда жизнь даетъ лишь матерьялъ для плача или негодованія... тъмъ-же причинамъ онъ н**е** могъ "русской" программу и принять точки зрѣнія на чистое искусство, заключающейся въ томъ, чтобы такъ называемый чистый художникъ, служа искусству для искусства, въ сущности щекоталъ буржуазные нервы или содъйствовалъ пищеваренію сытаго желудка. Впрочемъ по той же "программъ", если художникъ, наскучившись смъяться или вдохновенно бряцать на лиръ, проявитъ желаніе приподнять завѣсу и взглянуть на дъйствительную жизнь, то это ему не возбраняется, лишь-бы онъ изображалъ эту жизнь "какъ есть", не мудрствуя лукаво... сущности требованіе вполнъ законное, но только дъло-то въ томъ, что программа "русской" точки зрънія подъ опредъленіемъ "какъ она есть" разумъетъ не то, что художникъ постигнетъ своимъ художественнымъ чутьемъ и создастъ во имя свободнаго творчества, а то, что полагается изобразить тою-же программою. Вообще представители литературнаго извъстнаго лагеря противъ "направленства" въ художественныхъ произведеніяхъ, коль скоро "направленство", какъ я уже ранъе это говорилъ, соотвътствуетъ ихъ стремленіямъ и задачамъ, то они находятъ, что это такъ и быть должно...

Возвратимся, однако, къ творчеству Чехова. Чеховъ, повторяемъ, былъ чистый художникъ безъ малъйшей тъни публицистики, не учительствующій, не проповъдующій, не анализирующій даже, не подводящій въ своихъ произведеніяхъ никакихъ итоговъ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни. Во всѣхъ его произведеніяхъ вы почти не чувствуете присутствія художника, вы лишь видите набросанныя его мастерской кистью картины. Но не зная его мнънія объ изображаемомъ имъ, вы невольно, помимо вашихъ субъективныхъ впечатленій отъ этого изображаемаго, поддаетесь какомуто чувству тихой грусти и, только мало-мальски вдумавшись, вы начинаете понимать, что эта-то тихая грусть и есть то единственное субъективное, которое передается вамъ отъ автора. И эта тихая чеховская грусть способна дъйствовать на читателя сильнъе любого горячаго и желчнаго обличенія. Она свидътельствуетъ, что авторъ стоитъ не въ сторонъ, подобно бичующему слабости человъческія страсти и пророку Іереміи, а среди изображаемыхъ имъ людей, онъ радуется ихъ радостями, онъ плачетъ ихъ слезами, онъ болъетъ за нихъ... А болъть есть за что! Безсиліе смутныхъ порывовъ, жажда свътлыхъ идеаловъ, ничтожество тъхъ интересовъ, среди которыхъ приходится жить, угрюмая озлобленность стариковъ, пережившихъ свои върованія, анемичность молодежи, не знающей своей дороги, то отчаянная вспышка, то жалкія безсильныя рыданія, на мигъ, на одинъ только мигъ румянецъ силы и страсти и тотчасъ-же понуренная голова опущенныя руки, - въдь это тотъ самый ужасъ, который еще недавно переживала, да и теперь отчасти переживаетъ значительная часть русской интеллигенціи! Авторъ ни слова не говоритъ намъ объ этомъ, но мы сами, вдумавшись въ произведенія, невольно оглядываемся назадъ и начинаемъ понимать, что весь этотъ кошмаръ наслъдіе "конца въка" и. главнымъ образомъ, тъхъ самыхъ 80-тыхъ годовъ, когда большинство русскихъ интеллигентныхъ людей, послъ періода надеждъ и даже твердой увъренности, -- хотя и тогда общественная жизнь была далеко не красна,вдругъ почувствовало свое банкротство передъ реальнымъ ходомъ исторіи, ръзко и весьма ощутительно доказавшимъ, какъ безгранично-громадно разстояніе между идеалами интеллигенціи И мрачно-сърымъ. безпросвътнымъ фономъ живой русской дъйствительности....

Такимъ образомъ, какъ Гоголь далъ намъ картину нравовъ русскаго общества 20 и 30-хъ годовъ, Тургеневъ--40, конца 50, 60 и частью 70-хъ, такъ точно и Чеховъ обрисовалъ настроеніе значительной части русской интеллигенціи "конца въка" и отчасти первыхъ годовъ ХХ столътія. Интересно, что эти три бытописателя русской жизни почти за цѣлое столѣтіе дали намъ по преимуществу одни только отрицательные типы. У Гоголя мы встръчаемъ однихъ лишь пошляковъ, чудаковъ и негодяевъ, у Тургенева, главнымъ образомъ "лишнихъ людей", у Чехова опять-же "лишнихъ людей" или тъхъ-же, что и у Гоголя пошляковъ и чудаковъ.... Впрочемъ, у Тургенева встръчаются и положительные типы, въ особенности среди женщинъ; встръчаются они и у Чехова, но это-самые обыкновенные смертные, которые упорно, хотя и незамътно, проводятъ въ жизнь добрыя начала, которыми надѣлила ихъ судьба, напр., докторъ Астровъ въ "Дядъ Вани". Встръчаются положительные типы и у другихъ выдающихся русскихъ писателей это длиннаго періода, но тъмъ не менће преобладаніе отрицательныхъ типовъ надъ положительными въ

русской беллетристикъ прямо поразительное! Несомнънно, что въ основъ русской жизни лежатъ такія условія, которые содъйствуютъ этому печальному явленію, при чемъ, за незначительными видоизмъненіями, условія эти въ сущности одинаковы, какъ въ 20, 30 и 40-хъ годахъ, такъ и "въ концъ въка". Есть отъ чего придти въ отчаяніе и усумниться въ предсказаніи Короленки, что "впереди все таки огоньки"...

Впрочемъ, въ послъднихъ произведеніяхъ Чехова, какъ и вообще во всей русской жизни, чувствуется уже робкая надежда... А онъ былъ чуткій писатель! Постараемся-же положиться на эту надежду, несмотря на то, какъ-бы злобно не хохотало надъ нами прошлое, въ которомъ такъ много похоронено несбывшихся надеждъ... Итакъ будемъ не только надъяться и върить, но и работать, чтобы надъ захолодавшейся землей взошло яркое солнце. И яркіе, теплые лучи его разгонятъ паразитовъ, блаженствующихъ лишь во мракъ, и согрѣютъ они не только сильныхъ, бдящихъ на стражъ, но и "лишнихъ" и "бывшихъ" людей, а вмъстъ тъмъ просвътятъ и дадутъ вздохнуть полной грудью подавленнымъ въковой тьмой, твмъ въ сущности кръпкимъ и здоровымъ, какъ сталь, "низамъ", которые давали "то и знай", подобныхъ Чехову, Горькому, Кольцову, Ломоносову и многимъ другимъ великимъ "простецамъ"

Столько славныхъ, благородныхъ, Чистыхъ любящей душой Посреди пустыхъ, холодныхъ И напыщенныхъ собой..

И воспрянутъ "лишніе и бывшіе" люди, и найдутъ въ жизни и свой трудъ, и свою долю. И не станутъ биться въ страшныхъ нравственныхъ

мукахъ среди пошлой обыденщины милыя, симпатичныя "три сестры". Свалится гора съ ихъ плечъ, просвътлъютъ ихъ истомившіяся сердца, и не надо имъ рваться туда, въ даль, "гдъ насъ нътъ", "въ Москву, въ Москву"... Найдется имъ самостоятельная, хорошая работа сердцу и тамъ, гдъ онъ изнывали тоскъ и безплодно тратили свои силы, остававшіяся безъ примъненія, и встрътятъ ихъ избранники, не пьяные и истрепанные неврастеники, а бодрые, свъжіе, энергичные... и пойдуть онъ съ ними рука объ руку на самостоятельный, свободный, любимый трудъ, чтобы завоевать и для себя, и для своего грядущаго потомства такъ жадно желаемое счастіе, - эту конечную цель человеческих стремленій.... Но какъ-бы ни были широки открывшіеся передъ ними горизонты, пусть онъ иногда оглядываются туда, назадъ, на оставшееся позади прошлое. Много тамъ ужаса, много жертвъ, но тамъ остались тъ, которые своимъ умомъ, талантами, трудами, любовью, страданіями сковали фундаментъ для грядущаго счастія. И вотъ предъ ихъ умственными очами изъ туманной дымки прошедшаго возстанутъ свѣтлыя тѣни Радищева, Пушкина, Гоголя, "неистоваго" Виссаріона, Тургенева и многихъ другихъ, а въ томъ числъ и грустный образъ Антона Чехова, показавшаго язвы, но и подавшаго робкую надежду... Но не смутится духъ ихъ, если вдругъ среди этихъ великихъ образовъ выглянетъ искаженное человъконенавистничествомъ лицо какого-нибудь Булгарина,... Сынамъ мрака не потушить на небъ яркаго солнца среди сіянія ликующаго дня...

Николай Васильевь.

Географія.

Ущелье смерти. Современная наука о землъ не чужда поэзіи. Древніе особенно мрачные уголки на землъ считали за входъ въ подземное царство тъней, и еще до сихъ поръ нъкоторыя мъста на землъ сохранили названія, имъющія почти такое же значеніе.

Въ этомъ отношеніи болѣе всего знаменита "Долина смерти" на островъ Явъ. Гораздо ръже приходится слышать объ "Ущельъ Смерти" въ полномъ чудесъ Іоллостонскомъ Національномъ Паркѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, который заключаетъ въ себъ столько достопримъчательностей, какъ ни одинъ другой уголокъ земли. Находящееся тамъ "Ущелье смерти" было впервые открыто въ 1888 году д-ромъ Видомъ (Weed), чиновникомъ геологическаго института для изслъдованія страны Соединенныхъ Штатовъ. Видъ нашелъ тогда въ ущельи трупы пяти медвъдей, одного оленя--вапита, множество мелкихъ млекопитающихъ и массу насъкомыхъ въ различныхъ стадіяхъ разложенія. Ни на одномъ изъ этихъ животныхъ нельзя было бы обнаружить слъдовъ насильственной смерти, и гибель ихъ повидимому была обусловлена отравленіемъ ядовитыми газами. Почти десять лътъ спустя другой изслъдователь нашелъ въ ущельи — трупы восьми медвъдей,

но тайна, окутывающая роковое ущелье, все же не была еще раскрыта.

Уже нъкоторые начинали сомнъваться въ прежнихъ сообщеніяхъ, тогда какъ другіе допускали, что ядовитая атмосфера ущелья по временамъ очищается сильными ливнями и весенними разливами. Въ настоящее время д-ръ Трафагенъ основательно нъсколько разъ изслъдовалъ "Ущелье Смерти" и результаты своихъ наблюденій сообщилъ въ ежемъсячномъ журналъ "Science".

Въ первый разъ онъ нашелъ, какъ и большинство его предшественниковъ, огромное количество труповъ животныхъ въ роковомъ ущельи и замътилъ сильный запахъ съроводорода. Онъ ръшилъ поэтому въ ближайшее посъщение захватить съ собою аппараты для опредъленія образующихся въ долинъ газовъ. При вторичномъ его посъщеніи этого мъста запахъ оказался еще ръзче, и серебряныя монеты, бывшія въ его карманахъ, почернъли отъ дъйствія газа. Имъ было установлено, что воздухъ вблизи почвы содержитъ свыше ущелья угольной кислоты и сильные слъды съроводорода и что газы эти выходятъ изъ расщелинъ скалъ по склонамъ пропасти. Газъ, выходившій изъ расщелинъ состоялъ болъе чъмъ изъ 50% угольной кислоты и одного процента съроводорода, хотя непрерывно черезъ ущелье дулъ довольно сильный вътеръ и не разъ выпадалъ дождь. Составъ вытекающаго изъ расщелинъ газа оказался такимъ, что даже крупныя животныя должны были задыхаться на днъ пропасти, въ особенности, когда воздухъ въ ущельяхъ былъ спокоенъ и газы не такъ быстро смъшивались съ болъе чистымъ воздухомъ.

Вопросъ о степени ядовитости съроводорода еще не можетъ считаться вполнъ ръшеннымъ. Прежніе опыты показываютъ, однако, что даже при содержаніи его отъ 1—3 тысячныхъ частей въ атмосферъ животное погибаетъ, задыхаясь при воспаленіи легкихъ и судорогахъ.

Отравленіе, въроятно обусловливается быстрымъ распаденіемъ красныхъ кровяныхъ тълецъ. Является ли съроводородъ въ смъси съ значительными количествами угольной кислоты еще болъе ядовитымъ--подлежить еще дальнъйшимъ изслъдованіямъ. Д-ръ Трафагенъ нашелъ въ ущельи трупы двухъ медвъдей, нъсколькихъ оленей, трехъ птицъ, различныхъ насъкомыхъ, бабочекъ, мухъ и ихъ личинокъ. Присутствіе мертвыхъ личинокъ было особенно интересно, такъ какъ позволяло заключать о перерывахъ въ ядовитомъ дъйствін газовъ. Послъ смерти крупныхъ животныхъ, повидимому наступало нъкоторое очищение воздуха, которое позволяло нетолько класть мухамъ свои яички на трупы, но и дълало возможнымъ развитіе изъ этихъ яичекъ личинокъ, пока новый ядовитый токъ не убивалъ ихъ. Изслъдователю попадались въ пещеръ и живыя мухи. Когда онъ подносилъ ихъ къ расщелинъ, изъ которой выдълялся газъ, онъ погибали въ теченіе шести секундъ. Характеръ мъстности необыкновенно мраченъ и производитъ сильное впечатлъніе. Склоны ущелья такъ круты, что одному человъку едва ли можно было бы взобраться по нимъ. Это, конечно, очень способствуетъ скопленію газовъ въ ущельи. Для человъка атмосфера "Ущелья Смерти" повидимому не является опасной для жизни, однако, при всъхъ опытахъ можно было обнаружить явленія отравленія.

Ботаника.

Лабораторія въ пустынь для изученія растеній. Исходя изъ той мысли, что наблюденія, производимыя въ теченіе долгаго времени на одномъ мъстъ, необыкновенно важвъ особенности при изученіи жизни растеній, Институтъ Карнеджи въ Вашингтонъ, которому Америка уже обязана цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ научныхъ учрежденій, выработалъ теперь планъ устройства лабораторіи въ самомъ сердцъ пустыни для изслъдованія растительнаго міра западно-американскихъ пустынь. При этомъ надо принять во вниманіе, что флора пустынь далеко не такъ бъдна, какъ это обычно себъ представляютъ; кромъ кустарниковъ, тамъ существуетъ еще цълый рядъ болъе мелкихъ однолътнихъ растеній, интересныхъ особенно своими приспособленіями въ строеніи и образъ жизни къ необыкновенной сухости и уклоняющемуся отъ обычнаго химическому составу почвы (почти чистая гипсовая почва или же преобладаніе въ содержаніи сфрнокислыхъ солей). Изследователямъ предстоить тамъ сдълать предметомъ своихъ тщательныхъ изученій всю своеобразную флору, прослъдить зам вчательную упорную борьбу межпроростающими кустарниками и холмами переноснаго песка и ближе подойти къвопросу, подверглись ли всъ эти растенія измъненіямъ здъсь подъ вліяніемъ почвы и климата, илн же они переселенцы изъ мъстъ очень сходныхъ по своимъ условіямъ съ ихъ теперешнимъ мъстообитаніемъ. Кромѣ того, здѣсь еще должно быть изучено отношеніе дождя къ жизни растенія (запасеніе воды растеніемъ на время засухи) и наконецъ будетъ произведено сравнительное изслъдованіе растеній пустынь и ихъ родичей стараго свъта.

Окончательный выборъ мъста для лабораторіи упалъ на окрестности города Тесконъ-Аризона, станцію Южной Тихоокеанской желъзной дороги, удаленную отъ С.-Франциско на 30 часовъ тады скораго потада; рѣшающимъ въ пользу этого мѣста было то обстоятельство, что климатъ здъсь довольно сносенъ, окружающія пустыни легко доступны въ виду пролеганія здісь желізнодорожнаго пути, а растительный міръ вслъдствіе холмистаго, мъстами гористаго характера почвы представляетъ больщое разнообразіе. Въ двухъ миляхъ отъ города, на подаренномъ имъ участкъ устроена эта лабораторія, соединенная съ городомъ дорогой, водопроводомъ, электрическими проводами для освъщенія и двигателей и телефономъ. Такимъ образомъ работающимъ въ лабораторіи пребываніе въ пустынъ должно показаться слишкомъ тяжелымъ. Она будетъ находиться подъ руководствомъ извъстнаго ботаника (д-ръ Каннонъ изъ Нью-Іорка), снабжена всъми вспомогательными средствами ботаническаго изслъдованія и богатой библіотекой; можно надъяться, что работы ея значительно обогатятъ ботаническую науку; иностранные ученые охотно. допускаются и встрътятъ тамъ радушный пріемъ.

Этнографія.

Какіе европейскіе писатели читаются въ Японіи. Ввиду глубокаго вліянія, оказаннаго культурою странъ Запада на развитіе современной Японіи, весьма интересно установить, какіе изъ европейскихъ писателей болѣе всего читаются въ Японіи и такимъ образомъ сдълали своей вкладъ въ идеи стремящейся къ развитію страны. Въ журналѣ

"Harpers Weekly" японецъ Кіихи Канеко приводитъ такой списокъ наиболѣе читаемыхъ иностранныхъ книгъ. Сначала наибольшее вліяніе японскую умственную жизнь оказывала широко распространенная китайская литература, а первымъ европейскимъ языкомъ, проникшимъ въ Японію, былъ голландскій. перь-же распространены и изучаются въвысшихъшколахъанглійскій, французскій и нъмецкій. Англійскую литературу популяризуетъ въ особенности профессоръ Гуцо Цубухи; онъ перевелъ шекспировскія пьесы "Отелло", "Макбетъ" и "Венеціанскій купецъ". Болѣе всего изъ англійскихъ писателей извъстенъ Карлейль; много читаютъ также Мако-Эмерсонъ, Милль, Спенсеръ также находятъ много почитателей. поэтовъ наиболъе любимы Теннисонъ, Лонгфелло, Вордсвортъ, Байронъ и Мильтонъ, "Давидъ Копперфильдъ Диккенса былъ уже давно переведенъ, но не цъликомъ; недавно переведена книжка Беллами "Хижина дяди "Будущій вѣкъ". Тома" Бичеръ Стоу и "Прогрессъ и бъдность" Генри Джорджа переводятся въ настоящее время.

Въ Японіи въ настоящее время человъкъ, совершенно не знающій нъмецкаго языка, не считается образованнымъ. Первымъ познакомившимъ японцевъ съ нъмецкой литературой былъ д-ръ Ринтара Мори; онъ основалъ союзъ любителей нъмецкой литературы — общество Сигарами. По иниціативъ этого общества были сдъланы переводы "Страданій Вертера", "Натана Мудраго" и первой части "Фауста". Въ послѣднее время немало интереса возбудила тамъ философія Ницше. Въ широкихъ кругахъ читаютъ также Ибсена, Бьернсена, Іокая и Сенкевича. Изъ произведеній Толстого переведены не только "Анна Каренина", "Крейцерова соната" и "Хозяинъ и работникъ", но также его историческія и этическія сочиненія. какъ "Моя въра", "Исповъдь" и т. д.

"Преступленіе и наказаніе" Достоевскаго десять лътъ тому назадъ переведено японцемъ Ноанухида подъ заглавіемъ "Раскольниковъ". Въ настоящее время въ Японіи можно услышать о Чеховъ и о Горькомъ. Что касается французской литературы, то "Общественный договоръ" Руссо былъ первымъ произведеніемъ, внесшимъ въ Японію идеи гражданскаго равенства и свободы. Это произведеніе оказало сильное дъйствіе на возрожденіе Японіи. "Общественный договоръ" главнымъ образомъ придалъ характеръ первой возникшей въ Японіи политической партіи "Іиюто". Вообще-же французская литература не встръчаетъ большого сочувствія въ Японіи; нъсколько романовъ Виктора Гюго и Зола, два-три разсказика Мопассана-вотъ и все, что переведено на японскій языкъ. Какъ велико въ нынъшней Японіи стремленіе къ образованію, показываетъ тотъ фактъ, что Японія по числу издаваемыхъ книгъ приближается къ странъ съ такой старой культурой, какъ Германія.

Медицина и гигіена.

 $oldsymbol{B}$ олъзненный сонъ въ нъме $oldsymbol{u}$ кихъ колоніях Восточной $A\phi$ pu κu . "Кельнской народной газеть" пи-·шутъ въ концъ февраля нынъшняго года съ западнаго берега Викторіи-Ніанда. Въ теченіе двухъ мъсяцевъ врачъ д-ръ Фельдманъ сообщалъ о больныхъ этою странной бользнью. Въ госпиталъ въ Букобъ было въ это время 21 человъкъ больныхъ сонливостью; всв они заразились въ Ніандъ.

Инкубаціонный періодъ этой болъзни часто тянется очень долго, иногда по нъсколько лътъ. Наиболъе въроятною причиною этой болъзни считаютъ простъйшее животное protozoon Trypanosoma Ugandense, открытое Кастеллани въ крови и въ цереброспинальной жидкости субъектовъ, погибшихъ отъ этой бользни;

во всъхъ изслъдованныхъ случаяхъ д-ру Фельдману удалось также установить присутствіе трипанозомы. Промежуточнымъ хозяиномъ и переносчикомъ трипанозомы считается одинъ видъ мухи це-це, Glossina pal-

palis.

Тщательныя изследованія до сихъ поръ установили, что этой мухи нътъ въ округъ Букоба. Если она не перекочуетъ сюда, то для Букобы не существуетъ никакой опасности въ заносъ бользни. Кромъ того весь берегъ озера за исключеніемъ долины Кагера и мъстности вблизи залива Эмина-паши, повидимому, не благопріятенъ для этой мухи. всякомъ случав въ Букобв больные помъщены въ изолированное зданіе, при современномъ состояніи вопроса нельзя еще знать, передается ли эта бользнь отъ человъка къ человъку или нътъ. Все сообщеніе съ Угандой подвергается тщательной обсерваціи, чтобы изолировать больныхъ въ каждомъ подозрительномъ случаъ, Болъзнь во всъхъ до сихъ поръ извъстныхъ случаяхъ оканчивалась смертью; втеченіе двухъ мъсяцевъ изъ 21 больныхъ умерло 18 человъкъ; въ настоящее время въ лазаретъ остается еще трое. Благодаря своевременной присылкъ необходимыхъприспособленій для бактеріологическаго изслъдованія д-ръ Фельдманъ былъ въ состояній подвергнуть бользнь серьезному научному изслъдованію.

Психологія.

Экспериментальныя изслыдованія ассоціаціи представленій. Врешнеръ, приватъ-доцентъ по кафедръ философіи въ Цюрихъ, произвелъ болъе 20.000 опытовъ надъ образованными и необразованными людьми обоего пола, а также и надъ дътьми. Лицамъ, подвергавшимся изследованію, говорили или показывали (написанными) слова (такъ называемые слова-возбудители) разнообразнъйшаго значенія, какъ, напр.,

"бълый", или "столъ", или "государство", "идти", — и они должны были говорить въ отвътъ первое пришедшее въ голову слово. внутреннія переживанія въ теченіе процесса ассоціированія постоянно записывались тутъ-же; время, которое протекало между произнесеніемъ или показываніемъ слова-возбудителя и отвътомъ, измърялось посредствомъ Гипповскаго хроноскопа (особеннымъ образомъ устроенные часы) съ точностью до одной тысячной секунды. Врешнеръ пока ограничивается сообщениемъ результатовъ, полученныхъ по отношенію ко времени, которое требовалъ ассоціаціонный процессъ. Оказалось, во 1-хъ, что это время короче при произнесеніи слова — возбудителя (акустическій способъ), чъмъ при показываніи его (зрительный способъ). Важную роль играла грамматическая форма слова — возбудителя: когда это было абстрактное имя существительное, напр.: "воля", тогда это время было самымъ продолжительнымъ, необразованныя лица быстръе всего давали отвътъ, когда слововозбудитель было глаголомъ, напр.: "дълать", образованные же скоръе всего отвъчали на прилагательныя, напр.: "теплый". Вообще-же вліяніе на быстроту отвъта степени развитія лица играло такую значительную роль, что необразованные нуждались для отвъта въ почти вдвое большемъ промежутки времени, чъмъ образованные; наибольшее время для отвъта требовалось у дътей. Внутри названныхъ четырехъ классовъ слово-возбудителей Врешнеръ различалъ по содержанію многочисленгруппы. Полъ испытуемаго лица оказывалъ вліяніе аналогичное ступени образованія: мужчины ассоигировали быстръе, чъмъ женщины.

Если тоже самое слово—возбудитель повторялось лицу, подвергавшемуся опыту черезъ промежутокъ времени по крайней мъръ въ 7 дней, то при первомъ повтореніи среди 100 отвътовъ было около 60 новыхъ отвътовъ сравнительно съ предъидущимъ опытомъ, и даже при восьмомъ повтореніи было еще около-20 совершенно новыхъ отвътовъ; число новыхъ отвътовъ вообще былонаибольшимъ при словахъ-возбудителяхъ изъ области абстрактныхъпонятій и наименьшимъ для именъприлагательныхъ.

Если теперь взять отношение числа повтореній какого-либо слова къ общему числу случаевъ, когда это слово могло быть произнесено въ видъ отвъта, то оказывается, что это отношеніе является наименьшимъ для перваго отвъта и наибольшимъ для послъдняго. Напримъръ въ теченіе 20 недъль каждые восемь дней произносилось испытуемому лицу слово-возбудитель "бълый"; если первый отвътъ было слово "черный", во второй разъ отвътомъ было-"цвътъ", въ третій разъ слово "синій", — то втеченіе слѣдующихъ 17 недъль чаще всего повторялось слово "синій" и ръже всего отвътъ "черный".

При другомъ рядъ опытовъ испытуемому лицу не предоставлялся свободный выборъ отвъта, но предлагалось давать отвътъ опредъленнаго рода, напримъръ, противоположность (контрастъ), или подчиненность, или часть и т. д. всего 26 различныхъ категорій. Оказалось, что быстръе всего получался отвътъ, когда требовалось назвать контрастъ, напр. на слово "бълый"— "черный" и медленнъе всего называлась причина, напр. "магнитность" при словъ "притяженіе". Время потребное для какого-либо рода сасоціаціи повидимому короче, когда эта ассоціація выбирается свободно, чъмъ тогда когда, требуется опредъленный родъ ассоціаціи. Такъ напримъръ одному лицу требовалось въ среднемъ $1^{1}/_{10}$ секунды для отвъта самостоятельно избраннаго контраста; если-же оно должно было отвътить какимъ-либо опредъленнымъ контрастомъ — то ему нужно было въ среднемъ $1^{8}/_{10}$ секунды.

Наконецъ, Врешнеръ сообщилъ еще результаты двухъ такъ называемыхъ массовыхъ опытовъ. При нихъ каждый разъ студентамъ и студенткамъ въ количествъ около 30 человъкъ произносилось въ качествъ словъ-возбудителей подрядъ другъ за другомъ по пяти прилагательныхъ, конкретныхъ (предметныхъ) именъ существительныхъ, абстрактныхъ (отвлеченныхъ) и глаголовъ, отвъты-же должны были записываться сейчасъ-же за каждымъ словомъ - возбудителемъ; время-же при этомъ конечно не измърялось. Отвъты различныхъ лицъ отличаются между собой больше всего при отвлеченныхъ словахъ-возбудителяхъ и менъе всего при именахъ прилагательныхъ. Такъ напримъръ при словъ-возбудителъ "угольный" (прилагательное отъ уголъ) ото всъхъ 30 человъкъ получилось только 10 группъ различныхъ ответовъ (между ними двънадцать разъ слово "круглый", четыре раза "столъ", три раза "четырехугольный" и т. д.), на слововозбудитель "умъ" ("Verstand"), наоборотъ, получилось 22 различныхъ отвъта (между прочимъ шесть разъ слово "разумъ" (Vernunft), по одному разу отвъты: "Кантъ", "логика", "мышленіе", "даръ божій" и т. д.). Отвъты женщинъ обнаруживали большее разнообразіе, чемъ ответы мужчинъ.

Результатами своихъ опытовъ

Врешнеръ воспользовался для разнообразныхъ выводовъ, для чего онъ поступаетъ такъ: отвътъ на какое-либо слово-возбудитель считалъ за единицу, если отвътъ этотъ получился только отъ одного лица; за треть, если онъ былъ данъ тремя лицами; за одну десятую, если отвътъ давался десятью лицами, и за одну тридцатую, если этотъ-же отвътъ былъ данъ всъми тридцатью лицами, и т. д. Когда такимъ образомъ, всъмъ лицамъ одновременно произносилось одно за другимъ 100 словъ-возбудителей и одно лицо, напримъръ, постоянно произносило отвъты, которые уже не давались болъе никъмъ другимъ, другое-же лицо давало такіе отвъты, которые повторялись у третьяго испытуемаго лица — то отвъты перваго лица считались за 100, второго-же и третьяго за 50. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ установить для каждаго извъстную миру ихъ богатства словами и представленіями или, если угодно, мъру ихъ оригинальности или же по крайней мъръ стремленія къ оригинальности. Во всякомъ случав при этомъ оказались весьма значительныя индивидуальныя различія. Въ то время, какъ отвъты наименъе оригинальныхъ лицъ давали цифру 26 (по вышеприведенному способу оцънки), у наиболъе оригинальныхъ это число достигало 85.

Очерки японекой литературы *).

Если Японія до сихъ поръ является У насъ мало изученной страной, то Японская литература, ходъ ея историческаго развитія остается полной неизвістностью, даже на западь, гдь Японовъдъніе идеть быстрыми шагами впередъ; на французскомъ, нѣмецкомъ и, въ особенности на англійскомъ языкъ, имъются капитальные труды, посвященные странъ Восходящаго Солнца, но во всёхъ этихъ трудахъ собственно японской литературъ удълено лишь незначительное Сами японцы и до сихъ поръ еще не разобрались въ исторіи своей письменности, и единственной классической работой въ этой области является изследование англійскаго профессора В. Г. Астона. Онъ быль первымь піонеромь въ неизвістной обла-

Вышедшая въ 1899 году одновременно въ Токіо и Нью-Іорк'в книга Астона только теперь дождалась русского перевода. Напечатанная въ малораспространенныхъ "Извъстіяхъ Восточнаго Института" въ Владивостокъ и въ видъ отдъльнаго отгиска постуусиленнаго вниманія къ Японіи въ Россіи.

Профессоръ Японскаго языка Спальвинъ принялъ на себя редакціонную работу пере-

пившая только что въ продажу эта книга появляется какъ разъ во время въ минуту I.

Исторія Японской литературы еще разъ подчеркиваеть неподлежащій сомивнію факть древности культуры страны, культуры своеобразной и оригинальной, имъющей свою эволюцію, свой самобытный путь, быть можеть не вполив понятный Европейцамъ.

Начало Японской литературы переносить насъ къ седой старине седьного века по P. Xp.

Китай и Индін играють огромную роль въ исторіи Японіи вообще и въ исторіи литературы въ частности. Китайское вліяніе сказалось во всемъ: въ области религіи, моральных идей, политического устройства языва и литературы; а изъ Индіи занесена была болъе новая струя какъ противовъсъ Конфуціанству—Буддизиъ.

Вліяніе этихъ двухъ странъ отразилось и на Японской литературъ.

Тъмъ не менъе литература народа сумъла сохранить въ себъ признаки національнаго генія. Это-литература, по характеристикъ Астона, "храбраго, въжливаго, веселаго, любящаго удовольствія, сантиментальнаго чвиъ страстнаго, смешливаго скорће, остроумнаго, быстро, но, не глубоко понимающаго народа; народа изворотливаго и изобрътательнаго, во врядъ-ли способнаго къ высшей интеллектуальной дъятельности; народа, одареннаго воспрінмчивымъ умомъ,

вода и снабдиль его примъчаніями и объясненіями. Ему-же принадлежить кропотливая работа сличенія цитать съ Японскими первоисточниками.

^{*)} A. History of Japanese Literature. By W. G. Aston. C. M. G. D. Lit., Late Japanese Secretary to H. M. Legation, Tokic. B. Γ. Астонъ. Исторія японской литературы, переводъ съ англійскаго слушателя Восточнаго Института, подъесаула В. Мендрина, подъ редакціей и. д. профессора Е. Спальвина. Владивостокъ 1904 г.

жадностью къ знаніямъ, наклонностью къ чистотъ и изяществу въ выраженіяхъ, но ръдко или даже никогда не доходящаго до возвышенности въ этомъ отношеніи".

Первыя письмена были занесены Японпами изъ Китая. Первое знакомство съ исторіей литературы шло также отъ Китая. Такимъ образомъ для Японіи и вообще для странъ восточнаго міра Китай быль тімъ же самымъ, чітиъ для Запада Греція и Римъ.

Древнъйшимъ намятникомъ національной Японской литературы являются пъсни, извъстным подъ именемъ "Кодзики" или "Нихонги".

Это—настоящія пъсни первобытнаго народа и имъють очень мало общаго съ поэзіей. Воть одна изъ такихъ военныхъ пъсней, которыя распъвались въ седьмомъ въкъ Императорской Гвардіей:

— Ну! теперь наступнло время; Ну! теперь наступнло время Эй, эй! Полно! Даже теперь, Мон ребята! Мон ребята!

Памятникомъ древней прозы сохранились молитвы синтоистскимъ божествамъ. Это моленіе объ урожаяхъ, объ избавленіи отъ стихійныхъ бъдъ или гимны въ честь божества.

По странной случайности, Японская древняя проза является гораздо благозвучные и поэтичные, тыть поэзія. Она заключаеть вы себё поэтическіе элементы, тогда какь поэзія разміфренных строкь полна прозанзмовь. Воть и все, что уцілівло вы предрасвітных сумеркахь литературной исторін, заря которой всходила вы Нару 710 году послів Р. Х. Отсюда ведеть начало осбалость японскаго народа, отсюда брежжеть світь его исторін.

Японскіе правители обыкновенно переносили свои резиденціи изъ города въ городъ, и въ Японской литературѣ установилось незыблемо дѣленіе на періоды въ зависимости отъ резиденціи правительства, потому что сама литература являлась не столько выразительницей взглядовъ цѣлаго народа, сколько горсточки людей, окружавшихъ микадо.

Это въ полномъ симсле литература дворца и придворной знати, оторванная, далекая отъ народа.

Во время пребыванія микадо въ Нару явяяется первая книга, написанная на японскомъ языкъ отъ Кодзики, т. е. записи о дълакъ древности.

Языкъ "кодзики" представляеть еще смъсь китайскаго съ японскимъ, самая запись произведена со словъ изкоего Хіеда Но-Аре, —обладателя такой счастливой памяти, что "онъ могъ повторить своими устами все, что только видъли его глаза, и удержать въ своемъ сердиъ все, что только слышали его уши". Со словъ этого счастливца ученый Ясумаро и составилъ кодзики въ то время, когда Японскій языкъ еще не имълъ своихъ начертательныхъ знаковъ и пользовался китайскими іероглифами.

Но такъ вакъ јероглифы, взятые изъ китайскаго языка, не вполнъ подходили для передачи японскихъ словъ, то Ясумаро примъняль іероглифы только въ качествъ изобравителей звука, не обращая вниманія на ихъ значеніе. Въ результать получилось пестрая смесь китайсского съ японскимъ. Темъ не менъе это собраніе легендъ и народныхъ сказаній пользуется до сихъ поръ почетной известностью. Нарскій періодъ, называемый иначе золотымъ въкомъ японской литературы, быль въкомъ преимущественно поэтовъ и не столько поэтовъ, сколько поэтессъ. Тъ и другія выходили преимущественно изъ придворнаго круга, и вообще способность писать стихи была сильно развита въ высшемъ классъ. Изь стиховь мало - по - малу составлялись сборники, которые собирались по повельнію Микадо. До новаго времени отъ этой эпохи дошло 122 тома подобной поэзін.

Но что же представляють изъ себя эти стихи и Японская поэзія вообще?

Особенностью Японской позвій и ся характернымъ отличісмъ отъ Европейской является, во-первыхъ, то обстоятельство, что она преимущественно выразилась въ лирикъ. Японцы совершенно не знаютъ большихъ поэмъ, и ихъ поэвія не имъетъ никакого сходства съ западнымъ эпосомъ.

Лирика, по самому свойству предназначенная для выраженія непосредственных душевных ощущеній, встрітила особую любовь у японцевъ, какъ и тіз "Милыя безділки", въ которых видное місто отводится описаніямъ внішней природы.

Поэты воспъвають волны, разбивающіяся на взморьт, птине птицъ, жужжаніе насткомыхъ или прославляють любовь и вино, или тоскують по поводу смерти. Какъ на особую странность Японскихъ поэтовъ, можно указать на то, что воспътыя и перепътыя западными поэтами, —солнечный закать и звъздное небо—совершенно не встрътили соотвътствующаго вдохновенія у Японскихъ поэтовъ.

Война и пъсни воинственнаго характера совершенно отсутствують въ Японской лирикъ.

Фактура Японскаго стиха не допукваеть никаких рифиъ; силлабическое стихосложение страдаеть однотонностью, и единственный признакъ, отличающий поэзію отъ прозы, это посл'ядовательное чередованіе строкъ, изъ которых одна содержить вять, а другая—семь стопъ. Каждая строка оканчивается непрем'янно на гласную, а такъ какъ вс'яхъ гласных въ японскомъ языкъ имъется всего лишь пять, и вс'я гласныя одинаковой долготы, то сила и разнообразіе ритма очень ограничены. Для оц'янки благозвучія японскаго стиха Астонъ приводить сл'ядующее пятистишіе.

Идете инаба Нуси наки ядо то Нарипу то мо, Но киба но уме іо, Хару во васурапа.

Въ переводъ это значитъ: "Когда изъ міра я уйду, хотя и безъ хозянна мой домъ останется, тогда ты, у края кровли, слъва, своей весны не забывай".

"Японская поэзія, говорить Астонь, ограничена вообще во многомъ не только въ формахъ своихъ проязведеній и содержаніи ихъ. Современный европейскій поэтъ не стісняется пользоваться произведеніями греческой и римской поэзіи, черпая оттуда поэтические образы; даже въ самомъ языкъ его многое заимствовано изъ этого же самаго источника. Но японскіе поэты умышленно удерживались отъ пользованія въ такомъ сиысле единственной известной имъ литературой. Что обработка языка и выборъ темъ въ некоторой степени обязаны ихъ знакомству съ древней литературой Китая, объ этомъ врядъ ли можетъ быть вопросъ; но вибств съ темъ они двють слешкомъ мало витшинхъ признаковъ, по которымъ можно было судить объ этомъ. Хотя намекъ на китайскую литературу и исторію у нихъ и не вполив отсутствують, но они очень редки, и пользованіе китайскими словами строго возбранено въ поэзіи классическаго типа".

Это запрещение основано на коренномъразличии фонетики объихъ языковъ. Что дозволено въ прозъ, то по кодексу классической "пінтики" запрещено въ стихахъ.

Коротенькія стихотворенія, состоящія изъцяти строфъ и называемыя "танками", набол'є популярны въ Японіи.

Это та же прославленная въ своемъ родъ Японская миніатюра, въ которой японскіе художнеки и ремесленники сумъли достигать норазительныхъ эффектовъ.

Наряду съ танки имъется рядъ длинимъъ пъсней Нага-ута; длиннота ихъ условная; и вдохновенію поэта здѣсь не поставленъ предѣлъ пятью строфами танка.

Главные недостатки, съ европейской точки зрвнія, японскихъ поэтовъ заключаются въ умівренной силів выраженія.

Японецъ не склоневъ къ олицетвореніюнеодушевленныхъ предметовъ; а олицетвореніе абстрактныхъ понятій ему совершенноне по плечу. Направленіе его ума скоръе безличное.

Японскій поэть предпочитаеть игру словъ игръ воображенія. Поэтическіе эпитеты повторяются одинаково у многихъ поэтовъ; и то, что у насъ выражается понятіемъ шаблона "завзжанных» эпитетовъ", постоявность наоборотъ, у японцевъ пользуется почетомъ, какъ неувядаемый цветь риторики. Японскій поэть-символисть по преимуществу. Его символы, непонятные и странные для европейскаго слуха, доставляють, однако, японцу "необъяснимое наслаждение". Такъ. вмъсто неба, японскій поэть съ удовольствіемъ ставить: "вёчно крепкое". Влуждающую мысль онъ символизируеть "утреннимъ туманомъ". Китовая довля для него являетсимволомъ "моря". Для восходящихъ вершину Парнаса и желающихъ отправиться въ это путешествие инфются цьлые словари символическихъ Японскіе поэты наиболже склонны къ параллеливиу. Соответствіе въ словахъ, следующихъ подъ строкою строфъ, имъ особенноприходится по душь.

"Страна Ямато имъетъ много горъ (Ямато—Японія—горныя ворота), но несравненнъе всъхъ ихъ высокая Кагу-яма. Я стоялъ на вершинъ ея и обозръвалъ все царство свое. Дымъ съ равнинъ поднимается въ воздухъгустыми столбами. Чайки съ равнинъ моря порывисто носятся въ выси. О, страна Яма-

то! Прекрасный Акицу-сима! Какъ дорогъты мить!"

Съ помощью этихъ словарей можно легко сочинять танка. Въ Японін, гдт искусство и ремесло сочетаются, какъ нигдт въ мірт, дружно, сочиняють танка почти вст, видя въ такомъ еочиненіи не безплодную графоманію, а соединеніе пріятнаго съ полезнымъ.

Одинъ изъ замъчательныхъ поэтовъ эпохи Отомоно-Якамоци сложилъ тридцать танка въ похвалу саке (вину).

"Лучше, чёмъ бесёдовать, что было бы мудро, будеть выпить саке, пока не заплачете пьяными слезами" высказываеть въ одномъ танка поэтъ. Въ другомъ онъ поетъ: "более чёмъ могу сказать, более чёмъ могу указать, еще более благородная вещь—это саке". Въ третьемъ изъ этихъ тридцати знаменитыхъ танка мысль поэта высказывается еще более определенно: "если бы случилось быть мнё чёмъ ннбудь инымъ, а не человекомъ, то хотель бы я быть кувшиномъ для саке,—и тогда бы я насосался бы въ волю"...

Весна является одной изъ самыхъ излюбленныхъ темъ для танка,—"Отъ нъкоторыхъ изъ нихъ, даже въ прозаическомъ переводъ, въетъ неподдъльной поэзіей простоты и искренности:

"Съ чъмъ сравнить мит нашу жизнь? спрашиваетъ поэтъ и отвъчаетъ: Она похожа на ладью, что по заръ плыветъ впередъ и нътъ за ней слъдовъ".

Или:

"Только пусть пусть твоя рука лежить въ руки моей—что намъ до людскихъ ричей—хотя бы много было ихъ, какъ литей зелени въ лугахъ".

Золотой періодъ японской, литературы былъ золотою порою для японской женщины. Свободная отъ всякихъ стъсненій она предавалась занятіямъ искусствами и поэзіей.

Поэзія мало-по-малу утрачивала важное значеніе и всеціло ділалась достояніемъ женскаго круга. Мужчины отвертывались отъ нея и, уходя въ сідую старину многовівсовой китайской исторіи, изучали памятники и языкъ Поднебесной Имперіи, обращая главное вниманіе на китайскую ученость.

Первыя научныя сочиненія писались на китайскомъ языкъ. Правительство всячески поощряло подобныя занятія и на свой счеть издало первое собраніе національныхъ мисовъ и легендъ ("Нихонги"), начавшееся въ самомъ концъ VII въка и благополучно доведенное до конца въ 720 году по Р. Х. Это лътопись событій, не имъющихъ между собою никакой связи, кромъ хронологической послъдовательности.

II.

Въ Нару окончился золотой въкъ японской литературы. Въ Кіото начался ея влассическій періодъ. Китайская наука и буддизмъ—два новыхъ фактора—сильной струей ворвались въ жизнь страны. Литература виолет принимаетъ, по словамъ Астона, культурно-утонченный, изитеменный характеръ того класса, который создалъ ее. Это настоящее царство японской женщины и изящной поэзіи.

Литературный языкъ ужъ достигъ полной степени своего развитія и, очищенный отъкитайскихъ словъ, получилъ свой національный характеръ.

Всв научныя сочиненія пишутся еще по китайски, но изящная литература уже пользуется свониъ роднымъ языкомъ.

Изнъженный, утонченный образъ жизни при дворъ Микадо породилъ и эту изнъ-женную, утонченную литературу, далекую отъ народа и бывшую продуктомъ небольшого круга лицъ, принадлежащихъ ко двору.

Народъ страдаль отъ притъсненій и произвола феодаловъ, народъ волновался, искра недовольства раздувалась въ костеръ. А трубадуры Кіотскаго двора, не обращая вниманія на народную массу, воспъвали плънительныя картины современной идилліи и извлекали нъжные звуки изъ своихъ лиръ.

Два величайшихъ произведенія этого періода принадлежать перу женщинъ.

Положеніе женщины высшаго круга еще не было принижено тисками китайскаго міросозерцанія, и женщина свободно отдавалась поэзін въ то время, какъ мужчины занимались изученіемъ китайщины и относились полупрезрительно ко всякому занятію писанія стиховъ. Влагодаря этому поэзія принила семейный характеръ.

Она полна изображеній сценъ домашней придворной жизни и разныхъ дюбовныхъ происшествій.

Въ это же самое время въ письменности Японіи происходить огромный шагь впередъ.

Появляется силлабическая азбука, смвпланная съ китайскими јероглифами. Одновременно съ этой поэзіей идеть изученіе житайской культуры; расцевть двятельности японской женщины быль въ то-же самое вреия началомъ закръпощенія ея свободы. Поэзія служить любинымъ развлеченіемъ при дворъ Микадо; поэтическіе турниры, въ которыхъ участвовали поэты и поэтессы, побъждая нгрою словъ и остротою фантазін противниковъ, были не редкостью. Трофен победъ этихъ турнировъ издавались въ видъ отдъльныхъ сборниковъ. Но какъ ни красивы оранжерейныя растенія, имъ всегда недостаеть сиды и свободы взрощенныхъ подъ открытымъ небомъ. Такъ было и съ японской поэзіей въ ся классическій періодъ; поэзін, какъ нскусству, въ ней не доставало одного, а именно-безыскуственной силы талантовъ. Твиъ не менъе сборникъ стиховъ этого времени чли "Кокинсю", изданный въ 20 томахъ, пользовался въ продолженіи многихъ столё-поръ считается одной изъ лучшихъ антологій.

Изучение двадцати томовъ Кокинсю, т. е. стиховъ, написанныхъ въ этомъ періодъ и собранныхъ по повельнію микадо въ отпъльные сборники, входило долгое время въ программу образованія знатныхъ дівицъ, а поэты последующихъ эпохъ черпали изъ этого сборника свое земное вдохновеніе, варьируя на тысячи ладовъ основные мотивы старины. До сихъ поръ, говорить Астонъ, "Кокинсю пользуется самою большою извъстностью и изучается гораздо болъе всехъ остальныхъ японскихъ антологій. Сборникъ состоить изъ пятистишій (танка); нькоторыя изъ нихъ действительно поэтичны, даже въ достословномъ, прозанческомъ переводъ. Если прозаическій переводъ вообще отнимаеть аромать и блескъ поэзін, то переводы съ такого языка, какъ японскій, еще болье трудны. Приведемъ несколько такихъ достословныхъ переводовъ:

- "Могу ли забыть тебя я, даже на такой краткій мигь, за который колосья въ пол'в осеннемъ осв'ящаются блескомъ зарницы?"
- 2) "Я уснуль въ мечтахъ о тебъ, поэтому можеть быть во сиъ тебя я видъдъ. Знай я, что это будеть продолжаться, я не хотъль бы пробуждаться.
  - 3) "Краски цветовъ мешаются со снегомъ,

такъ что ихъ видъть нельзя; но можно узнать, что они есть, хотя бы только по запаху.

4) "Хотълъ бы я, чтобы сердце твое растопилось во мить, какъ топится ледъ при началъ весны, исчезая безслъдно."

Въ то время, какъ поэзія дълала огромные шаги впередъ, японская проза оставалась совершенно заброшенной областью.

Не ранъе половины X стольтія японскіе писатели обратились къ прозъ. Очень любопытнымъ памятникомъ является прозаическое предисловіе поэта и издателя Кокинсю—Ки-но-Цураюки; въ этомъ предисловіи сдълана первая попытка обсужденія вопроса о природъ поэзіи, и начертаны первыя страницы ихъ литературной критики.

"Поэзія Ямато (Японін), говорить поэть, посъяна въ человъческомъ сердцъ и разрослась оттуда въ разнообразныя формы ръчи".

Авторъ высоко ставить значение поэзіи: "ею безъ всякихъ другихъ усилій движутся небо и земля, ею возбуждаются къ сочувствію невъдомые намъ боги и демоны. Поэзіей облагораживается связь любовниковъ и ею же смягчаются сердца суровыхъ воиновъ ".

Происхождение поэзии давнее: "Она зачалась, когда зачиналось небо и земли. Но та часть, которая преемственно дошла до насъ, была создана на въчныхъ небесахъ богиней Сита-теру—химе".

"Въ настоящее время любовь развратила сердца людей и возбудила въ нихъ страсть къ украшеніямъ; поэтому и не создается ничего иного, кромъ легкомысленныхъ поэтическихъ произведеній, лишенныхъ глубины чувства".

Отгуда же мы узнаемъ о развити повзін при дворѣ, при чемъ верховный повелитель страны Восходящаго Солица былъ и верховнымъ критикомъ. "Микадо прежнихъ временъ въ утро, когда весенніе цвъты были въ полномъ расцвѣтѣ, или въ ночь, когда сіяла луна, имѣли обыкновеніе посылать за своими придворными и требовать отъ нихъ подходящихъ случаю стихотвореній".

Затънъ, инкадо самъ "изследовалъ все такія фантазіи и произносилъ свой приговоръ, что такое-то стихотвореніе умно, а такое-то глупо".

Переходя къ отдъльнымъ поэтамъ, критикъ отмъчаетъ прежде всего ихъ индивидуальность. Характеренъ взглядъ его на одну изъ поэтессъ, въ стихотвореніяхъ которой критикъ видитъ много чувства, но отсутствіе силы.

Критикъ дѣлаетъ такое сравненіе: "она (т. е. поэтесса) похожа на прелестную женщину, страдающую отъ болѣзни". Впрочемъ, прибавляетъ онъ, "недостатокъ силы весьма натураленъ въ стихотвореніяхъ женщины". Это въ особенности характерно, какъ показатель измѣнявшагося подъ китайскимъ вліяніемъ взгляда на женщину, тѣмъ болѣе характерно, что два наиболѣе сильныя и зрѣлыя произведенія классическаго періода японской литературы принадлежатъ перу женщинъ. Обѣ онѣ принадлежали къ аристократическимъ родамъ и были близки къ кіотскому двору въ дни наибольшаго его блеска.

Первое изъ произведеній "Гендзи-моногатари", въ противоположность краткимъ поэтическимъ танкамъ, поражаетъ своимъ огромнымъ размівромъ. Оно занимаетъ пятьдесятъ четыре объемистыхъ книги, и на 4234 страницахъ писательница (настоящее имя которой не дошло до потоиства), вышила цвітной узоръ своего романъ. Это былъ первый японскій романъ; фабула его была почеринута изъ реальной жизни. Такимъ образомъ реальный романъ появился въ Японіи въ конції XI віка. Правда, реализмъ его очень условный; Астонъ даетъ такую характеристику этому произведенію:

"Въ Гендзи моногатари есть пафосъ, юморъ, достаточно чувства, тонкое наблюдене людей и обычаевъ, върная оцънка красотъ природы и совершенно свободное, во всей его полности, владъніе японскимъ языкомъ, который подъ кистью автора достигь высшей степени превосходства". Писательница никогда не доходитъ до мелодраматичности; она часто вводитъ массу сбивчивыхъ обстоятельствъ, но лишь ръдко бываетъ скучна".

Одинъ изъ японскихъ критиковъ и изслъдователей этого романа сложилъ въ честь его такое танка:

> Я ихъ такъ горячо полюбиль, Что опять бы хотъль я придти посмотръть На весенней равнинъ фіалки, Которыя собрать я не могь.

Однако-жъ сегодня ихъ рвать мий нельвя. Это стихотворение должно обозначать же-

ланіе критика вновь вернуться къ незаконченному имъ труду изученія романа японской писательницы.

Наряду съ этимъ произведениемъ японцы ставять очерки другой писательницы Сей-Сіонагонъ "Макура-но-сокисъ" (Подушечные очерки). Такое странное название происходить оть того обстоятельства, что писательница хранила свою рукопись всегда подъ подушкой и записывала свои внечатленія либо передъ отходомъ ко сну, либо утромъ. после пробужденія. Астонъ, впрочемъ, даетъ другое объяснение происхождению этого названія, пользуясь для комментарія послівсловіемъ самой писательницы, гдф та разсказываеть следующую характерную исторію: "Однажды, говорить писательница, когда я находилась у императрицы, она показаламить запась бумагь, который ей принесь министръ двора. -- "Что бы такое написать на ней "?---спросила ея величество.--- "Микадо повельнь написать на своей бумагь то, что они называють исторіей. "Она отлично пригодна для подушекъ" отвечала я. "Въ такомъ случав возьмите ее". сказала императрица. И воть я постаралась использовать этоть громадный запась, записываю странныя дела всякаго рода безо всякой между ними связи или последовательности"...

Последовательности и связи действительно въ этомъ произведеніи не соблюдено никакой. Это рядъ беглыхъ главъ, замечаній, изреченій, личныхъ впечатленій и разсказовъ изъ придворной жизни.

Очень характеренъ, какъ показатель обычаевъ того времени, одинъ изъ эпизодовъ, разсказанный въ "Подушечныхъ очеркахъ", Эпизодъ озаглавленъ: "Нападеніе собаки Окинамаро на кошку Міодо-но-омото".

Приводимъ его съ большими сокращеніями: "Августъйшая статсъ-кошка микадобыла прелестнъйшее животное; его величество очень любилъ ее, возвелъ её въ особы пятаго класса и ложаловалъ ей титулъ міоду-но-омото, т. е. почетной статсъ-юнгферы. Однажды, когда она вышла на мостикъмежду двумя дворцовыми зданіями, ея нянька, которой былъ порученъ за нею уходъ, позвала ее: "Какъ неприлично! Ступай сейчасъ-же сюда"! Но кошка не обратила на зовъникакого вниманія и продолжала, полудремля, гръться на солнцъ. Тогда нянька, желая напугать ее, крикнула: "Гдъ Окинама.

ро! Окинамаро! Искусай Міоду-но-омото". Глупая собака, думая, что нянька говорить серьезно, бросилась на кошку, которая въсмятенін п страх'в нашла себ'в спасеніе за ширмой об'вденной комнаты, въ которой какъ разъ находился микадо. Микадо былъ въ высшей степени взволнованъ и возмущенъ. Онъ взялъ кошку за свою август'й-пую грудь за пазуху и, потребовавъ къ себ'к камердинера Тадатака, отдалъ приказаніе побить Окинамаро хорошенько палками и сейчасъ же посл'в этого сослать его на Собачій островъ.

"Увы, обдинй песь!—прибавляеть писательница.—Онъ такъ привыкъ быть здесь хозянномъ. Когда въ третій день третьяго мъсяца вели его съ ивовымъ вънкомъ на толовъ, украшеннаго персиковыми и вишневыми цвттами, могъ ли онъ думать, что когда-нибудь дойдеть до этого"?!

Приказъ микадо исполненъ. Окинамаро сосланъ. Но еднажды онъ снова появился во дворцовомъ дворъ. Камердинеръ "за ослушаніе" избилъ пса до смерти. Прошло иъсколько дней—и вдругъ снова появляется похожій на тънь прежняго Окинамаро песъ. Появился и проскользнулъ въ покон императрицы. Его окликнули по старому наименованію, но собака не отликалась, только изъ глазъ ея хлынули слезы".

"Императрица была необывновенно тронута и восхищена". Самъ микадо цереложилъ гнъвъ на милость и простилъ ослушника.

Но главнымъ достоинствомъ романа для современниковъ является то, что онъ является какъ бы ключемъ для уразумънія прошлаго страны. Въ немъ даны разнообразныя и детальныя изображенія жизни и общества въ Кіото, какихъ мы не видимъ ни въ какой иной странъ за тотъ же періодъ времени.

Герой романа сынъ микадо. Исторія этого принца и служить темой романа. Большинство дійствующихъ лицъ—знать кіотскаго двора. Герои, какъ имъ и подобаетъ, говорять на изысканно віжливомъ языкті. Писательница, согласно принятому этикету при дворті не пишетъ, напр., просто "микадо завтракаетъ", а говоритъ: онъ "августійше сонзволяетъ принять утреннія яства".

Но таковъ былъ придворный стиль въ Японіи, и писательниць, отражавшей въ своемъ романъ нравы японской знати, приходилось неизбъжно съ нимъ считаться. Въ томъ же произведения авторъ, больмой любитель домашнихъ животныхъ, изрекаетъ такой афоризмъ: "Собака, которая, узнавъ вашего любовника, лаетъ на него, когда онъ приходитъ къ вамъ съ тайнымъ визитомъ,—такая собака должна быть убита".

Подобное животное японская писательница относить из числу "омерзительных вещей". Также омерзительно, по ея словамъ, "храпъніе человъка, котораго вы стараетесь спрятать, и который отправился спать туда, гдъ ему совсъиъ не мъсто".

Къ числу печальныхъ она относитъ "рожденіе исключительно дъвочекъ въ домъ ученаго", "письмо изъ дома, въ которомъ нътъ никакихъ новостей".

Далве, изъ техъ же краткихъ афоризмовъ, очень интересныхъ для характеристики эпохи -нопк йоннэшадавад и йоннэженей лионской знати, узнаемъ, что ничто не вызываеть такого сожальнія о прошломъ, какъ "свътлыя лунныя ночи", прошлогодніе въера и переписывание въ дождливый день писемъ когда-то любимаго человъка. Съ другой стороны, нътъ инчего радостиве, какъ "возвращаясь изъ повздки съ переполненными телегами, иметь множество слугь, которые заставляють быковь и телять двигаться скорће. Такую же радость возбуждаеть "краонво вычерненные зубы" или удовольствіе слушать красиваго проповедника. Въ этомъ случать, легче держать ваши глаза, устремленными на его лицо, безъ чего невозможно извлечь пользу изъ ръчи. Инане глаза блуждають и вы забываете слушать. Везобразные проповъдники несуть поэтому на себъ тяжкую отвътственность".

Очерки трудолюбивой писательницы заинмають 12 томовъ по 700 почти страницъ.

"Если эти очерки, говорить Астонъ, сравнить съ какимъ-нибудь памятникомъ, который произвела Европа въ соотвътствующій періодъ времени, то придется согласиться, что они являются дъйствительно замъчательнымъ произведеніемъ литературы.

"Сколько бы открылось новаго, если бы придворная жизнь былыхъ временъ Зап. Европы была обрисована точно такимъ же образомъ!"

Въ этотъ же періодъ расцвіта японской изящной литературы появляются и первые образцы историческихъ трудовъ. Но эта исторія, конечно, мало иміветь діла съ

исторіей, какъ наукой. Для критики фактовъ и источниковъ еще не наступало время.

Анекдоты, приправленные приличной дозой фантазіи и поэзіи, выдаются за исторію,—и "Великое зеркало" тускло отражають старину, въ сухой передачъ жизнеописанія микадо, зачерчивая прожитыя страной времена...

Н. Н—въ.

Д-ръ Комбъ. Дътская нервозность. Изданіе Л. Ф. Пантельева. 1904 г. Цъна 50 коп.

Удачно подобранное заглавіе часто р'вшаеть участь книги, какъ предмета продажи. Такова ужъ психологія средняго читателя, главнаго потребителя книжнаго товара. Эта своего рода "Ахиллесова пята" читателя хороню известна гг. издателямъ, продавцамъ товара, а черезъ-нихъ игг. авторамъ, "неволей иль волей", примъняющимся въ требованіямъ рынка. Почти ежедневно на книжномъ рынкъ появляются новыя книги, брошюры по различнымъ отраслямъ знаній. и только ничтожная часть этихъ изданій представляеть собою результать добросовестной работы, большинство же новинокъ-издълія ремесленниковъ, заинтересованныхъ лишь въ и потому снабжающихъ ходкости товара этотъ товаръ крикливыми этикетками.

Неоспоримое, очевидное для всякаго, увеличеніе числа нервныхъ дітей — не только у насъ, но н въ другихъ культурныхъ странахъ---идетъ впередъ настолько усвореннымъ шагомъ, что не можеть не тревожить всякаго, кому дороги дети, эти безъ вины виноватые будущіе члены Общества. Правда, тревожиться за чью-нибудь участь, напр., за участь детей, еще не значить принимать энергичныя міры противъ всего того, что угрожаеть этой участи, однако, кое въ чемъ тревога эта должна же проявляться. И въ данномъ случаъ, сталкиваясь съ такимъ печальнымъ явленіемъ, какъ д'етская нервозность, собирающая обильный урожай и въ городъ, и въ деревив, наше общество, къ стыду своему, въ борьбъ съ этимъ зломъ не сдълало почти ничего, о чемъ бы, принимая во внимание разывры зла, стоило говорить.

Только обиліе газетных и журнальных статей и зам'ятокъ на темы: "о д'ятской нер-

возности", "объ умственномъ и физическомъ переутомленін дітей", какъ причинахъ дітской нервозности", "объ алкоголизмів среди дітей" и т. д. и не меньшее обиліе лекцій и рефератовъ, читающихся въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, на тів же и подобныя имъ темы, служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что общество интересуется и тревожится все усиливающеюся нервозностью дітей.

Гдв спросъ, тамъ и предложение. И въ книжныхъ лавкахъ скопелась уже масса книжекъ и брошюръ все на тв же темы, въ большинствъ такъ же нало разработанныя авторами, какъ, мала та польза, которую нзвлекають изъ этахъ книгь читатели. обманутые многообъщающим названіями. И такъ велика притягательная сила читательскаго кошелька, что съ подобнаго рода покушеніями на него не легко бороться. Очень желательно поэтому, чтобы находящіеся часто въ загонъ библіографическіе отдълы журналовь, по возможности, не замалчивали бы такихъ "книжекъ-удочекъ", разсчитанныхъ на неосторожнаго читателя, а давали бы читателю безпристрастные и справедливые отзывы, руководясь которыми, читатель изъ груды внижнаго мусора, наполняющаго внтривы и полки книжныхъ лавокъ, могъ бы извлекать не "удачныя названія", а книги, дъйствительно заслуживающія вишманія.

Къ числу изданій, съ удачными, обезйсчивающими сбыть заглавіями, слъдуеть отнести и книжку д-ра Комба.

Но здісь мы встрівчаемся съ тімъ різдкнить случаемъ, когда за удачнымъ названіємъ скрывается не убогое по содержанію изданіе, а книжеа, хотя и не свободная отъ недостатковъ, но все же вполить достойная прочтенія. Посвященная интересному вопросу о нервозности дітей, разсматриваемая книжка представляеть для насъ тімъ большій интересъ, что авторъ ея, профессоръ дітской клиники Лозанискаго Университета, вооруженъ массой цінныхъ данныхъ, добытыхъ имъ продолжительной практикой и наблюленіемъ.

Дѣлая хорошо обоснованное опредѣленіе нервознама, какъ бользненнаго состоянія, въ которомъ возбужденіе и реакція не соизмъримы, при отсутствіи данныхъ, говорящихъ о поврежденіи нервной системы, авторъ въ

первыхъ двухъ лекціяхъ знакомитъ читателя съ различными симптомами и съ многочисленными передающимися (т. е. развившимися до рожденія) причинами нервозизма.

Изложенныя по хорошо разработанному плану и вполнъ доступно, лекцін эти читаются съ интересомъ и довольно легко усванваются читателемъ, чему не мало способствуеть достаточное количество примъровъ, которыми авторъ идлюстрируетъ почти каждую новую мысль, каждое новое положеніе. — Болъе популярная по изложенію, но менъе удачная, чъмъ первыя двъ, третья лекція посвящена, такъ называемымъ, пріобрътеннымъ причинамъ дътской нервозности. Авторь подраздаляеть эти причины на патологическія, т. е. производимыя бользнями, и физіологическія, подъ которыми следуеть понимать рядь недостатковъ или ошибокъ, допущенныхъ при воспитаніи ребенка.

Нечего и говорить о томъ, что по характеру затрагиваемых вопросовъ эта лекція представляеть большій—сравнительно съ первыми двумя—ивтересъ для обыкновеннаго, средняго читателя. Между тъмъ какъ разъвъ этой лекціи многимъ причинамъ, и особенно причинамъ физіологическимъ, удёлено мяло вниманія: сказаннаго авторомъ слищеюмъ недостаточно, и читатель остается неудовлетвореннымъ.

Этотъ недостатокъ, отсутствующій въ первыхъ лекціяхъ, тімъ меніе извинителенъ въ лекціи третьей, что, по словамъ самого автора, лекція эта "иміза въ виду боліве обыкновеннаго разнообразный составъ слушателей".

Четвертая лекція, им'єющая своимъ предметомъ профилактическое и врачебное лвченіе нервозности, предназначалась, какъ говорить авторь, для студентовъ-медиковъ. О подобномъ назначении ея не трудно было бы и догадаться; по плану и характеру наложенія она совстить не пригодна для обычнаго читателя популярно-научныхъ статей. Миъ кажется даже, что отъ отсутствія этой лекцін книжка, а съ нею и читатель, могли бы только выиграть: въ первой было бы больше цальности и единства, второй-получилъ бы лучшую книжку за меньшую цъну. - Возвращаясь къ общей оцънкъ книжки д-ра Комба, посмотримъ, что говоритъ о ней самъ авторъ. -- "Несмотря на отсутствие единства въ коннференціяхъ, мы предпочли не изм'внять ихъ, над'вясь, что поставленная ц'аль будетъ достигнута, т. е., что будутъ указаны и зло, и средства противъ него".

И справедливость требуеть сказать, что, несмотря на указаные выше недостатки, ціль, поставленная авторомъ въ значительной мізрів достигнута. Зло, угрожающее счастью и будущности нашего общества, ярко изображено авторомъ, и читатель, то бы онъ ни былъ, ознакомившись съ разнообразными проявленіями дітской нервозности и съ не меніе разнообразными причнами ея, не можеть не задуматься надътемъ, какъ велико это зло, и какъ настоятельна необходимость самой энергичной борьбы съ нимъ.

Нужды ніть, что на нікоторые затрагиваеные книжкой вопросы читатель не найдеть въ ней необходимых отвітовь. Достаточно и того, что она, эта небольшая книжка, заставила его задуматься и помогла ему осмыслить разсматриваемое ею зло. И за это спасибо автору.

Въ заключение необходимо прибавить, что переведена кинжка недурно и издана опрятно.

Георгій Мимутъ.

Новости по общедоступной астрономической литературъ.

Въ последнее время среди читающей публики пробудилось неудержимое стремленіе къ познанію окружающей природы, при чемъ изъ всехъ, касающихся изученія ся наукъ нсключительнаго вниманія со сторовы любителей удостоилась Астрономія. Въ этомъ отношенін, она, такъ сказать, - внѣ сравненія. Отвіная потребностямь публики, популярная астрономическая литература не замедлила обогатиться за-границею прекрасными изданіями, не только теоретическаго, но и практическаго характера. Публика перестала довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ описаніями небесныхъ достопримъчательностей и картинъ; у многихъ явилось желаніе познакомиться съ ними ближе и, если возможно, принести посильную пользу благороднайшей и возвышеннайшей изъ наукъ.

Къ сожаленію, мы и здесь, какъ и во многомъ другомъ, оказались повади просвъщенныхъ иностранцевъ, хотя наша читаюшая публика и, въ особенности, молодежь не менъе западниковъ рвались къ свъту. Въ первое время, на русскомъ языкъ не было почти вичего по общедоступной астрономической литературь и ни одной книги практическаго характера, такъ что любителямъ приходилось обращаться къ иностранной литературъ. Но мало-по-малу все, конечно, должно было изминиться. Сначала появились переводы, а затемъ и оригинальныя книги, хотя опять-таки спеціально практическихъ руководствъ для любителей не было. Но воть вышель въ свъть: "Путеводитель по небу" Покровскаго, "Русскій Астрономическій календарь" Нижегородскаго кружка любителей Физики и Астрономіи, "Астрономъ-любитель" Предтеченского. Громадный спросъ на нихъ ясно показалъ, что наша читающая публика отнюдь не отстаеть оть общаго, положительно стихійнаго, стремленія къ познанію Вселенной.

Въ виду такого необыкновеннаго интереса, проявляемаго нашимъ обществомъ къ Астрономін, нельзя не привътствовать появленія въ свътъ двухъ новыхъ популярныхъ книгътого же рода:

1) Друзьямъ и любителямъ Астрономіи. С. П. Глазенапа, заслуженнаго ординарнаго профессора, предсъдателя Русскаго Астрономическаго Общества. Спб. 1904. Ц. 2 рубля безъ пересылки.

2) Что и какъ наблюдать на небъ. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, для любителей. Составилъ Н. П. Двигубскій, дъйствительный членъ Русскаго и Французскаго Астрономическихъ Обществъ. Спб. 1904 г. Цъна 1 р. безъ пересылки.

Книга профессора С. П. Глазенапа, не мало уже потрудившагося въ дѣлѣ пробужденія у насъ интереса къ Астрономін вообще и къ астрономическимъ наблюденіямъ въ частности, заключаеть въ себѣ описаніе, въ самой общедоступной формѣ, небесныхъ явленій, которыя могутъ быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или въ бинокль. Рядомъ съ описаніемъ явленій дается также и указаніе, какимъ образомъ слъдуетъ ихъ наблюдать. Влагодаря такому характеру

содержанія и изложенія, книга эта является доступною общирному кругу читателей, для любителей же астрономіи можеть служить руководствомъ. Встръчающіяся въ книгь пъкоторыя числовыя таблицы и формулы не представляють затрудненій, такъ какъ для . пользованія ими требуется только знаніе и первыхъ началъ алгебры. ариеметики Отличительной особенностью книги профессора С. П. Глазенапа является то, что въ ней обращено внимание главнымъ образомъ на дъятельность русскихъ астрономовъ. Какъ это ни странно, но у насъ восхваляють обыкновенно даже малоизвъстныхъ иностранныхъ ученыхъ, свои же выдающіяся силы обходять молчаніемъ. Въ этомъ отношеніи трудъ почтеннаго профессора является первымъ въ русской литературъ. Предназначая свою книгу для друзей и любителей прекрасной науки о небъ, авторъ останавливается и на біографіяхъ знаменитыхъ любителей астрономін, изъ которыхъ нѣкоторые принесли существенную пользу этой наукъ. Вообще вся книга профессора С. П. Глазенапа пронякнута горячимъ желаніемъ привлечь любознательныхъ и мыслящихъ людей къ болъе полному ознакомленію съ чудесами неба и къ посильной практической работъ на этомъ крайне интересномъ поприщв, гдв не только со скроиными инструментами, но и простымъ глазомъ можно дълать далеко не заурядныя наблюденія.

Какъ мы сказали выше, въ книгъ почтеннаго профессора говорится только о техъ небесных ввленіяхь, которыя могуть быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или въ бинокль, и совершенно обойденъ вопросъ о наблюденіяхъ хотя-бы въ небольшую астрономическую трубу. Въ этомъ посл'яднемъ отношенін вполн'я можно рекомендовать только что вышедшую въсветь книгу Н. П. Двигубскаго "Что и какъ наблюдать на небъ", въ которой съ практической точки зр'внія говорится о наблюденіяхъ не только простымъ глазомъ или въ бинокль, но и въ небольшую астрономическую трубу, виолит доступную по цтит многимъ любителямъ, при чемъ три четверти книги посвящены именно этимъ последнимъ наблюденіямъ. Здъсь любитель найдеть самыя разнообразныя практическія сведенія: описаніе устройства астрономической трубы, пріобрътеніе, осмотръ и испытаніе ея;

10

устройство недорогого поміщенія для храненія трубы; выборъ міста, времени и предмета для наблюденія и т. д. Изложеніе ведется въ строго последовательномъ порядке, примънительно къ тому, котораго приходится держаться на практикъ. Отсутствіе въ книгъ Н. П. Лвигубскаго чисто теоретическихъ свъдвий придаеть ей цъльность и однородность и дълаеть изъ нея прекрасное, единственное въ своемъ родѣ практическое руководство по астрономін для любителей. Давая такой характеръ своей книгь, авторъ вполит резонно исходилъ изъ того соображенія, что лицо, рышившееся приступить самостоятельно къ производству астрономическихъ наблюденій, безъ сомивнія, ознакомилось уже предварительно по соотвътствующимъ книгамъ съ тъми небесными явленіями и предметами, которые оно собирается наблюдать. Само собою разум'вется, что у каждаго любителя должно быть подъ рукою какое-нибудь теоретическое руководство по астрономіи. И этоть вопрось не обойдень авторомъ: въ конц'в своей книги онъ даеть небольшой, но толково составленный списокъ книгъ, могущихъ служить для теоретическаго ознакомленія съ астрономіей.

Въ заключение не можемъ не пожелать отъ души самаго широкаго распространения среди друзей и любителей астрономии двумъ этимъ прекраснымъ книгамъ, составляющимъ своего рода вкладъ въ крайне бъдную такими изданиями русскую литературу по общедоступиой астрономии.

Н. П.

На каждый вопрось нужно прилагать по 2 семикоппечных марки, для справокь. Оборотныя стороны письма просимь оставлять чистыми.

Встьмъ подписчикамъ. - Редакція еще разъ напоминаеть, что ею аккуратно сдаются на почту М-ра для встать подписчиковъ, въ чемъ Спб. Почтамтомъ и выдаются росписки. Такимъ образомъ, пропажа М-ровъ, происходить, то только въ пути следованія къ адресатамъ. Редакція просить гг. подписчиковъ, кромъ заявленій въ редакцію, дълать въ такихъ случаяхъ и заявленія черезъ м'встную почтовую контору. Пропажа періодическихъ изданій, къ сожальнію, дьло обычное у насъ, въ Россіи, и объясняется темъ легкимъ взглидомъ на чужую собственность, который, къ стыду нашему, до сихъ поръ широко распространенъ въ нашемъ т. наз. даже интеллигентномъ обществъ. Таковъ же взглядъ его и на общественную или казенную собственность. Вороться съ этимъ зломъ не подъ силу единичнымъ личпостямъ. Нужно повысить нравственный уровень общества, нужно заставить глядеть на воровъ, какъ на таковыхъ, кто бы они ни были и какое бы мъсто ни занимали. Тогда только и измѣнится легкій взглядъ на чужую собственность. Печальной памяти розга отнынъ отошла въ область исторіи; дай Богъ, чтобы за ней исчезло и другое зло, терзающее нашу Русь, --- широко развитое вездѣ воровство!

Отвътъ Неизвъстному.—Конечно, ночныя поллюціи поддаются и гипнотизму.

Но это слишкомъ сложное средство, да и не вездѣ примѣнимо. Гораздо легче обратиться къ любому врачу; у всякаго врача имѣются болѣе простыя средства для излѣченія отъ этой болѣзии.—Журналъ "Воздухоплаватель" выходитъ, а каковы его дѣла,—объ этомъ писать не полагается. Если что нужно, отпишите въ письмѣ.

Отв. г. Роменскому.—Званіе техника путей сообщенія пріобр'втается посл'в 2—3 л'втнихъ практическихъ работъ, сдачею соотв'втственнаго экзамена въ управленіи Округа Путей Сообщенія. Объ адрес'в ближайшаго управленія можете справиться на любой жел'взнодорожной или почтовой станціи. Можно держать и при Техническомъ училищ'в въ Москв'в. Программу вышлють, по просьб'в, изъ Округа.

Отв. г. Винокурову. — Охота было вамъ выписывать такую дрянь. Очень можетъ быть, что васъ и обманули. Единственное средство, помимо суда, — обратиться съ жалобой въ наиболъе распространенныя газеты. Это, върно, подъйствуетъ на гг. издателей, иначе ничего не добъетесь. А намъ они будутъ повторять тъ же объщания, какъ и вамъ.

Изъ букинистовъ обратитесь въ Спб. къ Мелину (на Литейномъ), Попову (Уг. Фонтанки и Невскаго) и, особенно, рекомендуемъ К. Киммеля (въ Ригѣ); виолнъ добросовъстная

Digitized by Google

фирма и аккуратная. Приложите марки на отвътъ и соплитесь на напу рекомендацію. Относительно собранія соч. Вас. Ив. Нем.-Данченко, прилагаемаго къ ж. "Природа и Люди", отвътимъ, что полнаго собранія сочиненій этого писателя нельзя и дать: въдь, онъ живъ еще и пишетъ. Въ 1903 г. было дано 12 княгъ, а нынче еще 18. Но это; конечно, не все: Вас. Ив. написалъ до 100 разныхъ книгъ (судя по заглавіямъ).

г. Л. Агранатъ. — Какую вамъ рекомендовать книгу, для теоретическаго ознакомленія съ ученіемъ объ электричествъ или для практическаго? Во всякомъ случаъ, думаемъ для начала вамъ полезно прочесть "Исторію электричества" Ив. Святскаго. Цъна 50 коп. Выпящите отъ П: Сойкина (Спб., Стремянная 12).

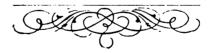
Отв. г. Виолеемову и др.—Журналъ, народное Благо", повидимому, прекратилъ свое существование, такъ какъ уже съ марта не выходитъ.

Отв. г. П. Д. — Открытіс Мечникова еще далеко не полно, и потому о прим'яненій его на практик'й ничего не слышно, какъ сообщили намъ врачи. Повидимому, газеты и въ этомъ случай поторопились со своимъ нав'ященіемъ, подобно тому, какъ это было съ Р. Кохомъ и его средствомъ противъ чахотки — кохиномъ. Проф. Мечниковъ только напалъ на путь (прививки по методу Пастера) изл'яченія сифилиса. Но отсюда до практическаго прим'яненія еще далеко. Единственными практическими м'ярами изл'яченія этой бол'язни до сихъ поръ остаются втиранія или впрыскиваніи ртутныхъ препаратовъ, а потомъ

принятіе внутрь іодныхъ. Это ліченіе, при надлежащей осторожности и правильномъ образів жизни, почти всегда дасть хорошіе результаты и літь въ 5 — 6 излічиваеть оть болізни. Когда о методів Мечникова появятся боліве подробныя извістія въ медицинскихъ органахъ, — мы сообщимъ.

Отв. П. Б-ку (учителю). -- Ilo условіямъ цензуры, съ пностранныхъ языковъ можно переводить что угодно, не платя автору, даже если онъ русскій подданный. Изъ русскихъ же источниковъ, кромѣ казенныхъ изданій, можно дословно брать (непремѣнно, съ указаніемъ источника) не болѣе 1/з всего труда и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не болѣе 1/2 листа сплошь. Рисунки и чертежи—тоже самое: иностранные берутся прямо, подъ русскими пишется, откуда они занмствованы. Іlo по анатоміи и мало русскихъ картинъ, все больше нѣмецкія. На всякій случай купите Цензурный Уставъ (стоптъ 1—1 р. 50 к.).

Отв. П. К-ову.—Руководства по постройкъ лодокъ есть, но едва-ли можно посовътовать строить суда по вимъ. Лучие бы вамъ сходить на к. и. верфь и тамъ изучить дъло.—Морское дъло лучше всего изучить въ Англіи или Германіи.— Относительно устройства граммофонныхъ пластинокъ своими средствами нашъ совъть бросить это дъло, т. к. "шкурка не стоитъ выдълки". Лучше покупать готовыя пластинки, а если васъ интересуетъ собственная запись, пріобрътайте графофонъ (рублей 15 — 20) и къ нему чистые валики, на которыхъ и записывайте, что угодно.

5 10,15

5 10,15

5 10,15

5 10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

10,15

1

 $\frac{1}{10}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$ $\frac{1}{18}$

× →41

サロ

